

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and

First Director of This Library

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХVIII.

1891.

НОЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 80.

1891.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВІТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ 3

Г. Е. Аванасьевъ. Уловія хлѣбной торговли во Франціи въ концѣ XVIII вѣка (Неккеръ и де-Колоннъ)	1
Н. Н. Оглоблинъ. Что такое „десятина“?	40
М. Н. Вережковъ. Планъ завоеванія Крыма, оставленный Юріемъ Крижаничемъ (окончаніе)	65
А. Л. Липовскій. Исторія греко-болгарской борьбы въ X - XI вв.	120
В. М. Изергинъ. „Предъоловіе покаянію“	142
Л. П. Размусенъ. Езъ статьѣ „О глагольныхъ временахъ и объ отношеніи ихъ къ видамъ въ русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ“	186

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. В. Оксеновъ. <i>Барсуковъ, И. Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій по его письмамъ, официальныхъ документамъ, разказамъ современниковъ и печатымъ источникамъ.</i> Москва. 1891	191
И. В. Векселевъ. <i>L. Mabillon. Zwei Wiener Handschriften des Johannes Skylitzae.</i> Breslau. 1890	230
В. В—скій. Наука исторіи русскаго права. Ея вспомогательныя знанія, источники и литература. Составилъ Н. П. Заоскинъ. Казань. 1891	236
— Книжныя новости	241
А. Ф. Соколовъ. Картины, какъ пособіе при преподаваніи географіи.	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Нео-филологическое общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ за 1890 годъ	1
Л. Л—ъ. Письмо изъ Парижа	21

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Н. Н. Ланге. „Первая аналитика“ Аристотеля (продолженіе)	33
Ф. Г. Мищенко. Общность имуществъ на Липарскихъ островахъ	36
Р. Х. Леперъ. Езъ вопросу о дымахъ Аттики.	64

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го ноября).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLXXVIII.

1891.

НОЯБРЬ.

BIBLIOTEKA
Państw. gim. męsk.
w ŁOMŻY.

№ т. XXIX
№ 18
№ 47

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Еваторинскаго кан., № 80.
1891.

~~PSlav 318.10~~

~~Slav 318.10~~

✓

PSlav 318.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
NOV 26 1927

Екатерины. кн., № 80.

8001

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (27-го сентября 1891 года). *О расходѣ на пособия учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ.*

По имѣющимся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія свѣдѣніямъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ изъ числа постигнутыхъ въ нынѣшнемъ году неурожаемъ, преподаватели и преподавательницы начальныхъ народныхъ училищъ, содержимыхъ на общественныя и частныя средства, уже теперь встрѣчаютъ значительныя затрудненія въ исправномъ полученіи слѣдующаго имъ жалованья, а въ будущемъ эти затрудненія, безъ принятія своевременно мѣръ, должны увеличиться еще болѣе.

Изыскивая способы къ своевременному оказанію въ такихъ мѣстахъ вспоможенія преподавателямъ и преподавательницамъ, я остановился, между прочимъ, на предположеніи обратить на сей предметъ изъ имѣющихся въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія суммъ шесть тысячъ рублей, въ томъ числѣ изъ кредитовъ, назначенныхъ по § 16 ст. 2 расходной смѣты сего министерства на ученныя командировки, предпріятія, разныя пособия и печатаніе, 2000 р. и по смѣтѣ специальныхъ средствъ онаго: отдѣлу IV на распространеніе образованія между башкирами 1500 р. и отдѣлу IX на пенсіи приходскимъ учителямъ 2500 руб.

На осуществленіе сего моего предположенія приѣмлю долгъ все-

подданнѣйше испрашивать Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе.

Подписалъ: дѣйствительный тайный совѣтникъ *Бычковъ*.

24-го сентября 1891 года.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукой начертано:
„Согласенъ“.

Въ Фреденсборгѣ. 27-го сентября 1891 года.

2. (27-го сентября 1891 года). *О передачу пожертвованнаго почетнымъ инородцемъ Олекминскаго округа С. И. Идельгинимъ капитала въ пользу Якутской женской прогимназіи и о присвоеніи сему капиталу особаго наименованія.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 27 день сентября 1891 года, Высочайше соизволилъ на передачу пожертвованнаго почетнымъ инородцемъ Олекминскаго округа С. И. Идельгинимъ капитала въ 6.000 рублей въ пользу Якутской женской прогимназіи для образованія неприкосновеннаго фонда на содержаніе при названномъ заведеніи второй должности надзирательницы и на присвоеніе сему капиталу наименованія: „капиталъ Августѣйшаго Имени Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича въ память посѣщенія Сибири Его Императорскимъ Высочествомъ“.

3. (5-го октября 1891 года). *О переводѣ изъ Оренбургской гимназіи въ Уральское реальное училище 12 стипендій, назначенныхъ для дѣтей киргизовъ Уральской области.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 5 день октября 1891 года, Высочайше соизволилъ: перевести изъ Оренбургской гимназіи въ Уральское реальное училище 12 стипендій, назначенныхъ для дѣтей киргизовъ Уральской области, постепенно, по мѣрѣ выбитія изъ этой гимназіи наличныхъ пансіонеровъ, съ сохраненіемъ за получившими стипендіи таковыхъ до окончанія курса въ мѣстномъ промышленномъ училищѣ, и 2) тѣмъ стипендіатамъ, которые находятся нынѣ въ пансіонѣ Оренбургской гимназіи, предоставить право продолжать образованіе въ томъ же заведеніи или перейти по экзамену въ Уральское реальное училище, въ соотвѣтствующій по возрасту классъ, съ переводомъ въ послѣднее стипендій на нихъ.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (28-го августа 1891 года). *Положеніе о стипендіи имени генерал-адъютанта князя Левана Ивановича Меликова при Тифлисской 1-й мужской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ шесть тысячъ четыреста руб. собраннаго почитателями заслугъ князя Левана Ивановича Меликова, по случаю 50-ти-лѣтія служебной его дѣятельности, исполнившагося 6-го декабря 1887 г., учреждается при Тифлисской 1-й мужской гимназій стипендія его имени.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Тифлисской 1-й гимназій, составляя неотъемлемую ей собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на полное содержаніе въ пансіонѣ 1-й Тифлисской гимназій стипендіата имени князя Левана Ивановича Меликова, а по вступленіи стипендіата въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній Россіи, на выдачу стипендіи ему черезъ посредство начальства того заведенія, впредь до окончанія курса, въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ производилась плата за содержаніе его въ гимназій.

§ 4. Въ случаѣ увеличенія платы за содержаніе воспитанниковъ въ пансіонѣ гимназій, проценты употребляются на содержаніе стипендіата до выбитія сего послѣдняго изъ гимназій или изъ высшаго учебнаго заведенія, при чемъ сумма на содержаніе его, на счетъ причитающихся процентовъ, можетъ быть выдаваема его родственникамъ или опекунамъ на руки, если педагогическій совѣтъ гимназій не найдетъ возможнымъ оставить стипендіата въ пансіонѣ за плату, равную наличной суммѣ процентовъ. По выбитіи же пансіонера изъ гимназій или изъ высшаго учебнаго заведенія, текущіе проценты присоединяются къ основному капиталу до тѣхъ поръ, пока не образуется сумма, проценты съ которой будутъ достаточны для содержанія стипендіата въ пансіонѣ.

§ 5. Могущій образоваться остатокъ отъ процентовъ съ основ-

наго капитала по случаю временнаго незамѣщенія стипендіи, по какимъ либо причинамъ, обращается въ государственныя процентныя бумаги и присоединяется къ стипендіальному капиталу. Часть упомянутыхъ остатковъ можетъ быть выдаваема въ пособіе стипендіатамъ по окончаніи ими гимназическаго курса, съ разрѣшенія педагогическаго совѣта гимназій.

§ 6. Стипендіаты выбираются при жизни князя, изъ числа учениковъ 1-й гимназій или изъ другихъ лицъ, но по выдержаніи ими экзамена на поступленіе въ эту гимназію, княземъ Леваномъ Ивановичемъ, а по смерти его педагогическимъ совѣтомъ гимназій. Назначеніе пособій стипендіатамъ возлагается на обязанность того же совѣта.

§ 7. Стипендіаты, лишенные педагогическимъ совѣтомъ права оставаться въ пансіонѣ, вслѣдствіе неудовлетворительнаго поведенія, лишаются съ тѣмъ вмѣстѣ и стипендіи.

§ 8. Въ случаѣ закрытія или преобразования Тифлисской 1-й гимназій, стипендія переводится въ другое учебное заведеніе на Кавказѣ, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (9-го сентября 1891 года). *Положеніе о стипендіи имени протоіерея Іоанна Ильича Сергіева при Кронштадтской мужской гимназій.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Кронштадтской мужской гимназій учреждается стипендія имени протоіерея мѣснаго Андреевскаго собора І. И. Сергіева, на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, собраннаго по подпискѣ при Кронштадтской городской управѣ, въ память 35-ти лѣтнаго служенія въ священническомъ санѣ протоіерея Сергіева, состоявшаго, вмѣстѣ съ симъ, въ теченіе 27 лѣтъ завоноучителемъ гимназій.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ двухъ государственныхъ 5% банковыхъ билетахъ, по 500 руб. каждый, составляетъ неотъемлемую собственность Кронштадтской гимназій и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ специальныхъ средствахъ гимназій.

§ 3. Изъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% сбора, по закону 20-го мая 1885 года, взно-

сится плата за ученіе стипендіата въ гимназін, а остальная сумма выдается на руки родителямъ стипендіата, или замѣняющимъ ихъ мѣсто, на учебныя пособия.

§ 4. Стипендія назначается одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Бронштадтской гимназін, заслуживающему того по своимъ хорошимъ успѣхамъ и отличному поведенію. Стипендіатъ избирается по рекомендаціи педагогическаго совѣта гимназін протоіеремъ І. И. Сергіевымъ, а по смерти его педагогическимъ совѣтомъ.

§ 5. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи остатокъ отъ стипендіальной суммы присоединяется къ основному капиталу и, по мѣрѣ накопленія, обращается въ государственныя процентныя бумаги, для увеличенія на будущее время размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (24-го сентября 1891 года). *Положеніе о стипендіяхъ тайнаго совѣтника Эдуарда Васильевича Лерхе при Боровичскомъ, Крестецкомъ и Устюженскомъ уездскихъ училищахъ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Боровичскомъ, Крестецкомъ и Устюженскомъ уѣздныхъ, нынѣ городскихъ, училищахъ учреждаются три стипендіи, по одной при каждомъ, тайнаго совѣтника Эдуарда Васильевича Лерхе.

§ 2. Стипендіи эти учреждаются на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти двадцать рублей, пожертвованнаго членами и секретаремъ Новгородскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ ознаменованіе десятилѣтія со времени назначенія тайнаго совѣтника Лерхе губернаторомъ. Означенный капиталъ внесенъ въ Новгородскій городской общественный банкъ на вѣчное время изъ $6\frac{1}{2}\%$, составляющихъ 14 р. 30 к., изъ которыхъ уплачивается сумма за обученіе стипендіатовъ г. Лерхе въ училищахъ, а могущій быть остатокъ употребляется на учебныя для нихъ книги.

§ 3. Выборъ стипендіатовъ изъ дѣтей бѣдныхъ родителей—предоставляется педагогическимъ совѣтамъ городскихъ училищъ, поименованныхъ въ пунктѣ 1-мъ настоящаго положенія.

4. (3-го октября 1891 года). *Циркулярное предложеніе и. попечителямъ учебныхъ округовъ о распредѣленіи остатковъ отъ штатныхъ суммъ реальнахъ училищъ.*

Высочайше утвержденнымъ 9-го іюня 1888 года мнѣніемъ Госу-

дарственнаго Совѣта о преобразованіи реальныхъ училищъ, между прочимъ, (п. V) положено:

„Имѣющіе образоваться при преобразованіи реальныхъ училищъ остатки отъ суммъ, отпускаемыхъ нынѣ на содержаніе сихъ училищъ, распредѣлять между казною и воспособляющими обществами, пропорціонально ихъ ассигнованіямъ, съ тѣмъ, чтобы распредѣленіе это было произведено порядкомъ, какой для сего будетъ установленъ министромъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ и чтобы причитающіяся на долю казны остаточныя суммы были зачислены въ ресурсы Государственнаго Казначейства“.

Вслѣдствіе сего я, по соглашенію съ Министерствомъ Финансовъ и Государственнымъ Контролемъ, призналъ нужнымъ въ этомъ отношеніи установить такой порядокъ, чтобы остатки отъ штатныхъ суммъ реальныхъ училищъ, содержащихся казною и обществами, а также на счетъ специальныхъ средствъ, могущіе оказаться, вслѣдствіе введенія новаго штата 9-го іюня 1888 года или упраздненія учебнаго заведенія въ цѣломъ или частяхъ, распредѣлялись, по окончаніи смѣтнаго періода, мѣстными распорядителями кредитовъ, по соглашенію съ подлежащими контрольными палатами, между казною и воспособляющими казнѣ обществами и учрежденіями, пропорціонально ихъ ассигнованіямъ на реальныя училища, при чемъ одна часть остатковъ, причитающаяся на долю казны, была зачисляема въ ресурсы государственнаго казначейства, другая же часть возвращалась воспособляющимъ обществамъ и учрежденіямъ, но лишь по удостовереніи, что за ними не числится казенныхъ недоимокъ по содержанію реального училища, въ противномъ же случаѣ обращалась на пополненіе этихъ недоимокъ.

Что же касается остатковъ отъ смѣтнаго назначенія, образовавшихся по причинамъ случайнаго характера, то есть, отъ некомплекта служащихъ, отсутствія учителей съ высшимъ окладомъ содержанія и т. под., то остатки сего рода, причитающіяся на долю воспособляющихъ обществъ и учрежденій, пропорціонально отпускаемымъ ими на реальныя училища суммамъ, не могутъ быть обращаемы на пополненіе казенныхъ недоимокъ, числящихся за воспособляющими обществами и учрежденіями, а должны быть, согласно существующему нынѣ порядку, оставлены въ распоряженіи тѣхъ обществъ и учрежденій, для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды реальныхъ училищъ.

О вышеизложенномъ имѣю честь сообщить вашему превосходительству для руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

5. (6-го октября 1891 года). *Циркулярное предложеніе и пожеланія учителямъ учебныхъ округовъ о мѣрахъ вспоможенія наиболее нуждающимся учащимъ и учащимся съ начальнымъ училищамъ губерній, пострадавшимъ отъ неурожая.*

По имѣющимся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія свѣдѣніямъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи, постигнутыхъ въ нынѣшнемъ году неурожаемъ, учителя и учительницы начальныхъ народныхъ училищъ, содержимыхъ на общественныя и частныя средства, испытываютъ большія затрудненія какъ вслѣдствіе вздорожанія цѣны на хлѣбъ, такъ и вслѣдствіе задержки въ уплатѣ имъ жалованья, зависящей отъ оскуднѣнія въ настоящее время платежныхъ средствъ населенія. Къ сожалѣнію должно ожидать, что эти затрудненія въ дальнѣйшемъ теченіи настоящаго учебнаго года до выясненія урожая будущаго 1892 года, по мѣрѣ истощенія существующихъ запасовъ хлѣба, могутъ еще болѣе возрасти, если училищнымъ начальствомъ не будутъ своевременно приняты мѣры къ обезпеченію хотя бы нѣкотораго пособія учителямъ и учительницамъ школъ. Независимо сего, министерство народнаго просвѣщенія не могло не принять во вниманіе, что во многихъ случаяхъ можетъ оказаться необходимымъ извѣстное вспоможеніе и учащимся въ начальныхъ училищахъ. Многие изъ нихъ, приходя въ школы изъ мѣстностей, находящихся на значительныхъ разстояніяхъ отъ школъ, приносятъ съ собою дневную пищу, или даже помѣщаются на нѣсколько дней въ общежитіяхъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, на хлѣба у мѣстныхъ обывателей. Естественно, что, при недостаткѣ и дороговизнѣ хлѣба, всѣ эти способы содержанія учащихся изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей будутъ крайне затруднены. Съ другой стороны, оскуднѣніе въ населеніи средствъ содержанія себя и своихъ семействъ приведетъ къ тому, что всѣ тѣ причины, которыя и въ обычное время препятствуютъ исправному посѣщенію школъ дѣтьми, а именно: недостатокъ обуви и теплаго платья и необходимость участвовать въ семейномъ заработкѣ, будутъ дѣйствовать въ продолженіи текущаго учебнаго года съ особою силою, угрожая нерѣдко школъ полнымъ разстройствомъ.

Изыскывая способы къ усиленной борьбѣ съ этими затрудненіями, министерство народнаго просвѣщенія признало цѣлесообразнымъ принять къ тому слѣдующія мѣры:

1) Перевести въ распоряженіе мѣстныхъ училищныхъ начальствъ хотя бы незначительныя денежныя суммы для покрытія наиболѣе настоятельныхъ нуждъ учащихъ въ начальныхъ школахъ. Въ этихъ видахъ мною испрошено, всеподданнѣйшимъ докладомъ, Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе, послѣдовавшее въ 27-й день минувшаго сентября, на отчисленіе изъ имѣющихся въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія суммъ *шести тысячъ* рублей, для распределенія оныхъ между наиболѣе нуждающимися въ продовольствіи губерніями, а именно: Нижегородскою, Тульскою, Рязанскою, Симбирскою, Казанскою, Воронежскою, Саратовскою, Самарскою, Вятскою, Оренбургскою, Пензенскою, Тамбовскою и Уфимскою.

и 2) Сдѣлать нижеслѣдующія распоряженія:

а) Остающуюся въ настоящее время еще не распределенною на тѣ или другія надобности часть суммы 4.250 рублей, ассигнованной по ст. 2 § 11 дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія на нужды народнаго образованія въ каждой губерніи, въ коей введены земскія учрежденія, а также 4.250 рублей, назначенныхъ на тотъ же предметъ въ губерніи Оренбургской, обратить въ нижепоименованныхъ девятнадцати губерніяхъ: Нижегородской, Тульской, Рязанской, Симбирской, Казанской, Воронежской, Саратовской, Самарской, Вятской, Уфимской, Оренбургской, Пензенской, Тамбовской, Курской, Орловской, Костромской, Пермской, Херсонской и Харьковской, исключительно на пособія нуждающимся, по причинѣ неурожая, учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ.

б) Равнымъ образомъ остатки отъ тѣхъ же суммъ, ассигнованныхъ по ст. 2 § 11 смѣты на училища въ другихъ губерніяхъ, не потерявшихъ отъ неурожая, обращать на нужды учащихъ въ начальныхъ сельскихъ школахъ вышеуказанныхъ 19-ти губерній, оставивъ удовлетвореніе другихъ потребностей, не столь вопіющихъ, до будущаго года. Для скорѣйшаго осуществленія сей послѣдней мѣры надлежитъ безотлагательно сообщить, какіе остатки предвидятся теперь отъ указанныхъ выше 4.250 рублей по каждой губерніи въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя не подверглись неурожаю, чтобы министерство могло сдѣлать распоряженіе о переводѣ этихъ остатковъ въ вѣдѣніе соответствующаго училищнаго начальства.

в) Въ случаѣ, если управленія учебныхъ округовъ, въ составъ коихъ входятъ губерніи, пострадавшія отъ неурожая, найдутъ возможнымъ и необходимымъ изыскать на этотъ предметъ какія либо иныя

изъ состоящихъ въ ихъ распоряженіи средствъ, о томъ должно быть также своевременно представляемо въ министерство.

г) Предложить мѣстнымъ училищнымъ начальствамъ названныхъ губерній склонять земства, городскія и сельскія общества, а также частныхъ благотворителей оказывать посильныя вспомошествованія для поддержанія наиболѣе нуждающихся изъ учащихъ и учащихся въ начальныхъ училищахъ.

и д) Во всѣхъ пансіонахъ и общежитіяхъ, хозяйственная часть которыхъ подвѣдома министерству народнаго просвѣщенія, образующіеся хлѣбные остатки обращать въ сухари и препровождать въ комитеты, устроенные для оказанія помощи постигнутому неурожаемъ населенію, для передачи въ тѣ мѣстности, гдѣ находятся начальныя народныя училища.

Объ изложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для надлежащаго распоряженія по вѣренному вамъ учебному округу.

6. (10-го октября 1891 года). *Правила о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ три тысячи рублей, пожертвованнаго вдовою коллежскаго секретаря Маргаритой Константиновною Десницкою и заключающагося въ трехъ облигаціяхъ третьяго 4го внутренняго займа за № 634.051, 634.061 и 634.071 по 1.000 рублей каждая.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Изъ процентовъ съ капитала въ три тысячи рублей учреждается при Московскомъ университетѣ единовременное денежное пособіе имени покойнаго студента сего университета, физико-математическаго факультета, математическаго отдѣленія, Матвѣя Матвѣевича Десницкаго.

2) Размѣръ пособія, за вычетомъ изъ процентовъ съ капитала государственнаго налога, сто четырнадцать рублей въ годъ.

3) Согласно желанію жертвовательницы капитала, пособіе назначается для взноса платы за слушаніе профессорскихъ лекцій за одного студента, исключительно математическаго факультета и отдѣленія, отличающагося дарованіемъ и хорошими успѣхами, непременно русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія, не принимая во вниманіе матеріальнаго его состоянія.

4) Такъ какъ пособіе назначается для взноса за слушаніе лекцій, то оно не выдается на руки студенту, а по полугодно деньги перечисляются правленіемъ университета въ соответствующіе источники.

7. (15-го октября 1891 года). *Положеніе о стипендіи при С.-Петербургскомъ Владимірскомъ городскомъ училищѣ въ память избавленія Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича отъ грозившей опасности въ городѣ Отсу, въ Японіи, 29-ю апрѣля 1891 юда.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 9-го декабря 1891 года учреждается при С.-Петербургскомъ Владимірскомъ городскомъ училищѣ въ память избавленія Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича отъ грозившей опасности въ городѣ Отсу, въ Японіи, 29-го апрѣля 1891 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ шестьсотъ рублей, пожертвованнаго обществомъ вспоможенія приказчикамъ и сидѣльцамъ въ С.-Петербургѣ, одна стипендія.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ 4% бумагахъ на сумму шестьсотъ рублей, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за исключеніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года поступленію въ казну, выдаются стипендіату для взноса платы за ученіе и на приобрѣтеніе учебныхъ пособій.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ изъ числа сыновей и родныхъ братьевъ дѣйствительныхъ членовъ общества вспоможенія приказчикамъ и сидѣльцамъ въ С.-Петербургѣ, христіанскаго вѣроисповѣданія, принадлежитъ правленію означеннаго общества, которое представляетъ къ приѣмнымъ испытаніямъ въ училище трехъ кандидатовъ и назначаетъ стипендіатомъ того изъ нихъ, кто лучше прочихъ выдержитъ испытаніе.

§ 5. Въ случаѣ, если никто изъ представленныхъ обществомъ кандидатовъ не выдержитъ приѣмнаго испытанія, то проценты со стипендіального капитала за этотъ годъ, также какъ и всѣ остатки, могущіе образоваться по другимъ причинамъ, причисляются къ стипендіальному капиталу для постепеннаго увеличенія стипендій.

§ 6. Въ случаѣ прекращенія существованія упомянутого общества, право избранія стипендіатовъ изъ числа дѣтей бѣднѣйшихъ приказчиковъ, христіанскаго вѣроисповѣданія, по удостовѣренію С.-Петербургской купеческой управы или замѣняющаго ее учрежденія, переходитъ къ педагогическому совѣту С.-Петербургскаго Владимірскаго городского училища.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія С.-Петербургскаго Владимірскаго городского училища въ другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается по усмотрѣнію общества, а въ случаѣ закрытія его—правительства, въ такое учебное заведеніе, которое будетъ соотвѣтствовать нуждамъ отечественной торговли и промышленности.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

III. ПРИКАЗЫ Г. УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

9-го октября 1891 года. *Утверждены:* ординарный профессоръ императорскаго с.-петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Помяловскій*, деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, на четыре года, съ 10-го сентября 1891 г.; экстраординарные профессора императорскаго с.-петербургскаго университета: статскій совѣтникъ *Ернштедтъ* и коллежскіе совѣтники: *Ефимовъ* и *Латкинъ*—ординарными профессорами сего университета, но каеодамъ: первый — классической филологіи, второй — римскаго права и третій—исторіи русскаго права, всѣ съ 21-го августа 1891 г.; директоръ полтавскаго Александровскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Водолазинъ* и преподаватель Московской пятой гимназій, коллежскій совѣтникъ *Никольскій*, директорами гимназій: первый—Прагской, съ 1-го сентября, и второй — Тульской, съ 27-го августа 1891 года; преподаватель с.-петербургскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Новомищенскій*—директорамъ полтавскаго Александровскаго реальнаго училища, съ 21-го сентября 1891 года; инспекторъ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи, статскій совѣтникъ *Мартыновъ* — директоромъ народныхъ училищъ той же губерніи, съ 23-го августа 1891 года; коллежскій совѣтникъ *Плевако* — вновь почетнымъ попечителемъ сергіево-посадской прогимназій, на три года.

Назначены: ординарный профессоръ императорскаго казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Осиповъ*—деканомъ юридическаго факультета сего университета, на четыре года, съ 23-го іюля 1891 года; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Лембергъ*, сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каеодрѣ минералогіи, съ 1-го іюля 1891 г.; находящійся въ отставкѣ, бывшій

профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Клименко*—вновь ординарнымъ профессоромъ того же университета по кафедрѣ химіи, съ 20-го сентября 1891 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ *Морозовъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ оперативной хирургіи, съ 20-го сентября 1891 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Миславскій*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ физиологіи, съ 1-го октября 1891 г.; инженеръ-технологъ *Гатцукъ* и приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Зерновъ*—адъюнкты-профессорами практическихъ технологическихъ институтовъ: первый—С.-Петербургскаго, по механической технологіи, съ 20-го сентября, и второй—Харьковскаго, по прикладной механикѣ, съ 1-го сентября 1891 г.; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лица, магистръ *Назимовъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета по кафедрѣ полицейскаго права, съ 8 августа 1891 г.; инспекторъ народныхъ училищъ уральско-оренбургскаго района, статскій совѣтникъ *Корватовскій*—исправляющимъ должность директора Уральскаго реальнаго училища, съ 24-го сентября 1891 г.; преподаватель Виленскаго еврейскаго учительскаго института, коллежскій совѣтникъ *Лавровъ*—исправляющимъ должность директора Свислочской учительской семинаріи, съ 23-го августа 1891 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Новгородской губерніи, статскій совѣтникъ *Сомчевскій*—исправляющимъ должность директора народныхъ училищъ дерптскаго учебнаго округа, съ 1-го сентября 1891 года.

Перемѣщены: экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, по кафедрѣ оперативной хирургіи, коллежскій совѣтникъ *Разумовскій*—тѣмъ же званіемъ на кафедре госпитальной хирургической клиники, съ 4-го октября 1891 г.; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лица по политической экономіи и финансовому праву, магистръ *Берендтсъ*—тѣмъ же званіемъ по полицейскому праву, съ 8-го августа 1891 г.; директоры гимназій: Бердянской, статскій совѣтникъ *Кароначинскій*, Мариупольской, статскій совѣтникъ *Бронницкій* и Симферопольской, статскій совѣтникъ *Тимошевскій*—директорами же гимназій: первый—Симферопольской, второй—Бердянской и третій—Мариупольской, всѣ съ 19-го сентября 1891 года.

Причислены къ министерству народнаго просвѣщенія: директоръ Тульской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Поповъ*, съ 27-го августа, директоръ реального училища Хайновскаго въ Москвѣ *Поповъ*, съ 24-го сентября, оба съ увольненіемъ, согласно прошеніямъ, отъ настоящихъ должностей и съ откомандированіемъ въ распоряженіе попечителя московскаго учебнаго округа; изъ отставныхъ — надворный совѣтникъ *Шварсалонъ*, съ 7-го, кандидатъ богословія С.-Петербургской духовной академіи *Морачинскій*, съ 21-го, окончившій курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ съ дипломомъ первой степени *Дорофьевъ*, съ 22-го, и окончившій курсъ въ русскомъ Филологическомъ институтѣ при лейпцигскомъ университетѣ *Вульфicus*, съ 29-го сентября 1891 года.

Остивлены на службѣ: директоръ Камышинскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Полмяковъ* — на три года, съ 10-го августа; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Консановъ* — съ 11-го октября, и св. Владимира, статскій совѣтникъ *Борецкій* — съ 26-го сентября; директора гимназій: С.-Петербургской третьей, тайный совѣтникъ *Лемониусъ*, съ 1-го октября, Императорской Казанской 1-й, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Крелленбергъ*, съ 17-го августа, Дерптской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Геекъ*, съ 17-го августа и Усть-Медвѣдицкой, статскій совѣтникъ *Норовъ*, съ 18-го августа; директоръ Муромскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Дружининъ*, съ 3-го августа; директора учительскихъ институтовъ: С.-Петербургскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сентъ-Иллеръ*, съ 1-го сентября, и Бѣлгородскаго, статскій совѣтникъ *Ларионовъ*, съ 20-го августа; инспекторъ народныхъ училищъ, состоящій при управленіи кievскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, статскій совѣтникъ *Ситицкій*, съ 19-го сентября 1891 г., всѣ десятиро на пять лѣтъ; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Леонтовичъ*, и ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Перемежко*, по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части: первый — съ 26-го іюля и второй — съ 21-го іюля 1891 года.

Командированы въ Россію: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Ульяновъ*, съ ученою цѣлью на октябрь мѣсяцъ, и членъ археологической комиссіи министерства

народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Николай Барсуковъ, для ученыхъ работъ въ архивахъ, на сентябрь и октябрь мѣсяцы 1891 г.

Уволены съ отпускъ: а) въ Россіи: на девъ недѣль, директоръ Влоцлавскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Алатитовъ; на 29 дней, ректоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Некрасовъ; на два мѣсяца: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ Дмитревскій, и помощникъ дѣлопроизводителя сего департамента, титулярный совѣтникъ Герингъ; и б) за границу по 20-е октября 1891 года: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Зетеръ; на два мѣсяца: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рахманиновъ, прозекторъ при кафедрѣ физиологій Императорскаго Харьковскаго университета Алфировъ и казначей Императорскаго Новороссійскаго университета Золотовъ, и на четыре мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій совѣтникъ князь Абабелекъ-Лазаревъ, почетный попечитель Екатеринославской гимназій, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій совѣтникъ Миклашевскій и приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Ольденбургъ.

Отчисленъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ сему министерству коллежскій секретарь Коломійцовъ, съ 1-го августа 1891 г., по случаю назначенія сверхштатнымъ преподавателемъ С.-Петербургской восьмой гимназій.

Дозволено, бывшему директору Архангельской гимназій, дѣйствительному статскому совѣтнику Пилацкому, носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Уволены согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, деканъ богословскаго факультета, статскій совѣтникъ Бонвечъ, и экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ Доброклонскій, отъ службы при сихъ университетахъ, первый—съ 31-го августа и послѣдній—съ 14-го сентября 1891 г.; директоръ Свислочской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Космачевскій, съ 23-го августа, и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія и откомандированный для занятій въ Императорскую Публичную библиотеку, титулярный совѣтникъ Раковскій, съ 7-го сентября 1891 г.,—оба отъ службы, съ дозволеніемъ первому носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: директору Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, дѣйствительному статскому совѣтнику *Кананову*, за особо полезную его дѣятельность по отношенію къ хозяйственному управленію институтомъ; начальницѣ Кутаисской женской бесплатной школы *Тимченко-Рубанъ*, за труды ея въ пользу сей школы; попечительницамъ городскихъ женскихъ начальныхъ въ Москвѣ училищъ, содержимыхъ городскою думою: Сокольническаго—*Боткиной*, Рогожскаго 1-го—*Шамшиной*, Басманнаго — *Мамонтовой*, Мясницкой — *Остроужовой*, Стрѣтенскаго — *Островской* и Тверскаго 2-го—*Грмоловой*, за десятилѣтнюю усердную и полезную дѣятельность по народному образованію; директору Кіевскаго реальнаго училища, статскому совѣтнику *Гольдерекеру*, и почетному попечителю сего училища *Терещенко*, за сдѣланныя ими денежныя пожертвованія на устройство при училищѣ церкви; почетному попечителю Бѣлоцерковской гимназій графу *Браницкому*, за пожертвованіе его въ пользу сей гимназій; исправляющему должность преподавателя Дерптской гимназій *Змиродскому*, за пожертвованіе въ пользу сей гимназій физическихъ, географическихъ и историческихъ картъ; президенту города Радома *Центеру*, за постоянную его заботливость о благосостояніи мѣстныхъ начальныхъ городскихъ училищъ; потомственному почетному гражданину *Эдельбергу*, за пожертвованіе его въ пользу зоологическаго музея Императорскаго Харьковскаго университета конхилологической коллекціи.

Исключены изъ списковъ умершіе: предсѣдатель археографической комиссіи, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Титовъ*, членъ сей комиссіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Колловичъ*, ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковалеаскій*, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Добро-творскій*, и экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Студентскій*.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

Часть ССІ.ХХVІІІ (1891, № 11), отд. 1.

— Книгу: „*Г. В. Блязовъ. Іерусалимъ и Св. Земля. Путешествіе холмскихъ паломниковъ ко гробу Господню. Изд. 2-е. Варшава. 1889, стр. 168. Цѣна 40 коп. съ пересылкою*“,—допустить въ приобрѣтенію въ ученическія бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книжку: „*Сергій Мечъ. Гренландія. Географическій очеркъ страны и разказъ о путешествіи Ф. Нансена. Съ 9 рисунками въ текстѣ. Москва. 1891, стр. 104. Цѣна 50 коп.*“—одобрить для ученическихъ бібліотекъ младшаго и средняго возраста мужскихъ и женскихъ гимназій и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „*Систематическій сборникъ ариметическихъ примѣровъ и задачъ. Часть III. Дроби. Составилъ Ѳ. В. Гедде. С.-Пб. 1891, стр. 124. Цѣна 35 коп.*“—одобрить какъ учебное пособіе при прохожденіи ариметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*Православно-христіанское нравственное богословіе, составленное примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій преподавателемъ Самарской духовной семинаріи Алексѣемъ Покровскимъ. Самара. 1891*“—одобрить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Русско-латинскій словарь. Составилъ В. Мусселиусъ. С.-Пб. 1891, стр. VII+424. Цѣна 2 р. 50 коп.*“—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій.

— Книгу: „*Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Томъ II. В. Мартыновскаго, инспектора Тифлисской прогимназіи. Изданіе 2-е, печатанное съ изданія 1889 года безъ перемѣнъ. Тифлисъ. 1890, стр. IV+475. Цѣна 1 р. 25 коп.*“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для III, IV и V классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для старшихъ классовъ городскихъ училищъ.

— Книгу: „*Исторія русской словесности (Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній). Составилъ А. Галаховъ. Изданіе седьмое. С.-Пб. 1891, стр. 243+XXX+III*“—рекомендовать какъ учебное руководство при чтеніи и разборѣ литературныхъ образцовъ въ V, VI, VII и VIII классахъ гимназій, мужскихъ и женскихъ, а также реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „*Русская литература XIX вѣка. Опытъ исторіи новѣйшей русской словесности въ біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Составилъ Евгенийъ Гаршинъ, преподаватель С.-Петербургскаго*

реального училища Гуревича и Литейной женской гимназіи. Томъ I, выпускъ 1-й. С.-Пб. 1891, стр. 173. Цѣна 60 коп." — одобрить для ученическихъ библиотекъ, среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для старшаго возраста.

— Книгу: „Практическій краткій учебникъ латинскаго синтаксиса, съ упражненіями для перевода съ русскаго языка на латинскій, для III, IV, V и VI классовъ гимназій, согласно съ новыми учебными программами (1890 г.). Составилъ *Ив. Виноградовъ*. Ч. I и II. С.-Пб. 1891, стр. 290. Цѣна 1 р. 50 коп." — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства въ среднихъ и старшихъ классахъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Этимологія греческаго языка. Составили *Николай Сперанскій*, преподаватель Московской 2-й гимназіи, и *Владиміръ Антальротъ*, приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета и преподаватель 1-й и 5-й Московскихъ гимназій. Москва. 1891, стр. 161. Цѣна 1 р." — рекомендовать какъ руководство по греческому языку для гимназій и прогимназій министерства.

— Книгу: „И. И. Неплюевъ, вѣрный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургскаго края. Біографическо-историческій очеркъ. Составилъ *В. И. Витевскій*. Казань. 1891, стр. IV+230+IV. Цѣна 1 р. 25 коп." — одобрить для ученическихъ библиотекъ (старшаго возраста) среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библиотекъ городскихъ училищъ и народныхъ школъ Оренбургскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ.

— Книгу: „Филологъ Васильевичъ Рудаковъ, педагогъ-дѣятель въ Восточной и Западной Сибири. Тобольскъ. 1891, стр. 178. Цѣна 1 руб., съ пересылкою", — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Грамматическія таблицы нѣмецкаго языка. Часть вторая. Синтаксисъ. Составилъ *Фердинандъ Мей*, преподаватель I, II и IV Московскихъ кадетскихъ корпусовъ. Москва, 1889, стр. IV+22. Цѣна 20 коп." — одобрить въ качествѣ руководства при прохожденіи нѣмецкаго синтаксиса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Русская просодія. Исслѣдованіе объ accentѣ вообще и значеніе, а равно законы, русскаго ударенія въ особенности. *И. Шарловскаю*. Одесса. 1890, стр. VIII+288. Цѣна 1 руб." — одобрить для ученическихъ библиотекъ высшихъ классовъ гимназій (VI, VII и VIII).

— Книгу: „Геометрія и собраніе геометрическихъ задачъ. Руко-

водство для женскихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ семинарій. Составили *А. Малининъ* и *Ө. Морозъ*. Изданіе второе. Москва. 1891, стр. 288. Цѣна 1 р.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ женскихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ семинарій.

— Книгу: „*П. Н. Андреевъ*. Геодезія. Руководство для техникумовъ путей сообщенія. Составлено согласно программѣ, утвержденной г. министромъ путей сообщенія 4-го апрѣля 1888 года. С.-Пб. 1889, стр. 160. Цѣна 1 р. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ (для старшаго возраста) библіотекъ гимназій, а также для ученическихъ библіотекъ реальныхъ училищъ, педагогическихъ институтовъ и техническихъ училищъ, а также и для основныхъ библіотекъ; руководствомъ же она можетъ служить въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ предположено преподаваніе геодезіи въ объемѣ, достаточно соответствующемъ содержанію этой книги.

— Книгу: „Сборникъ ариметическихъ задачъ преимущественно для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіи учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Составили *А. Арбузовъ*, *А. Мининъ*, *В. Мининъ* и *Д. Назаровъ*, преподаватели Московскихъ гимназій. Изданіе 5-е. Москва. 1890, стр. II+81. Цѣна 50 к.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия при повтореніи ариметики въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Пачальный учебникъ физики и химіи. Составили *А. А. Корольковъ* и *И. Т. Матюшенко*. Съ 290 рисунками въ текстѣ. Кіевъ. 1891, стр. VI+298. Цѣна 1 р. 50 коп.“—рекомендовать какъ учебное руководство для гимназій женскихъ и допустить для мужскихъ и для реальныхъ училищъ и предложить авторамъ сдѣлать необходимыя дополненія, при которыхъ книга можетъ быть рекомендована; также рекомендовать ее для ученическихъ библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, для старшаго возраста.

— Книга: 1) „Греческая грамматика гимназическаго курса. *Э. Черныи*. Часть 1. Этимологія. Изданіе 7-е, вновь обработанное и исправленное, Москва. 1891, стр. 249. Цѣна 1 руб.“ и 2) „Краткое руководство къ греческому синтаксису. Для русскихъ гимназій. Составилъ *Э. Черныи*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Изданіе 3-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное. Москва. 1891, стр. 108. Цѣна 65 коп.“—одобрить въ качествѣ руководства по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Начальная греческая хрестоматія. Связныя статьи, греческія и русскія, для упражненія въ греческой этимологіи. Для III, IV и V классовъ гимназій составилъ *Э. Черный*. Часть 1. Склоненія именъ и спряженія глаголовъ на—ω. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1891, стр. 152. Цѣна 75 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управлявшимъ министерствомъ, постановлено:

— Книгу „*Г. Демурра*. Концентрическая геометрія (1-й и 2-й концентры). Составлена примѣнительно къ программѣ городскихъ училищъ по положенію 31-го мая 1872 года. Кіевъ. 1891. Въ 8-ку, 128 стр., съ 2-я таблицами чертежей и 50 политипажами. Цѣна 85 коп.“ — допустить въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ.

— Изданныя книгопродавцемъ Мартыновымъ сочиненія *П. Р. Фурмана*: 1) „Наталія Борисовна Долгорукова. Повѣсть для дѣвицъ. С.-Пб. 1891. Въ 12-ю д. л., 236 стр. Цѣна 1 р. 25 коп.“ и 2) „Петръ Ждановъ, московскій купецъ. Историческій разказъ изъ событій отечественной войны 1812 года. С.-Пб. 1891. Въ 12-ю д. л., 126 стр. Цѣна 1 руб.“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу „Бережь и трудъ. Очерки политической экономіи (по М. Блоку). *Н. А. Тизенгаузена*. Изд. 2-е. С.-Пб. 1891. Въ 8-ку, 232 стр. Цѣна 50 коп.“ — допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ и ученическія библіотеки учительскихъ семинарій.

— Книгу „Какъ устроить садъ при народныхъ школахъ? Наставленіе для учителей, земскихъ дѣятелей и др. Съ приложеніемъ плана школьнаго сада. Составилъ *И. И. Мецкерскій*. С.-Пб. 1891. Въ 8-ку, 58 стр. Цѣна 30 коп.“ — рекомендовать для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ и ученическихъ библіотекъ учительскихъ семинарій.

— Книгу „Руководство къ изученію кройки и шитья дамскихъ и дѣтскихъ платьевъ, а также и верхнихъ вещей, съ чертежами въ

отдѣльномъ приложеніи. Составлено Августиною Адольфовною *Базаровой*. С.-Пб. 1891. Въ 8-ку, 256 стр. и отдѣльно XIX таблицъ чертежей. Цѣна 3 руб., съ пересылкою 3 р. 50 коп.“ — одобрить къ употребленію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Составленныя *К. Дмитриевымъ* брошюры (М. 1890): 1) „Полевое хозяйство съ посѣвомъ кормовыхъ травъ, картофеля и свеклы. Цѣна 5 коп.“, 2) „Выборъ посѣвныхъ сѣмянъ, обмеженіе полей, уборка хлѣбовъ и вымолоть ихъ. Цѣна 5 коп.“, 3) „Обработка земли къ яровымъ посѣвамъ. Цѣна 5 коп.“, 4) „Какъ и чѣмъ удобряютъ землю въ хозяйствѣ съ зерновыми посѣвами, безъ посѣва въ полѣ клевера. Цѣна 4 коп.“, 5) „Удобреніе и обработка пароваго поля. Цѣна 6 коп.“, 6) „Луговые покосы и какъ ихъ улучшить. Цѣна 5 коп.“, 7) „Земледѣльческія орудія, молотилки и вѣялки. Цѣна 8 коп.“, 8) „Тульская дешевая зерносушилка. Цѣна 4 коп.“, 9) „Молочный скотъ и уходъ за нимъ. Цѣна 7 коп.“ и 10) Переработка молока въ масло и сыръ. Цѣна 8 коп.“.—одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ и ученическихъ библіотекъ учительскихъ семинарій.

— Издаваемый въ С.-Петербургѣ Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ ежемѣсячный журналъ „*Русскій Пчеловодный Листокъ*“, подъ редакціею С. П. фонъ-Глазенапа. Цѣна въ годъ 2 руб. съ пересылкою“ — одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ и ученическихъ библіотекъ учительскихъ семинарій.

— „*Педагогическій календарь* на 1891—1892 годъ Составилъ *В. А. Воскресенскій*. Изд. А. М. Калмыковой. М. 1891. Въ 8-ку, 288 полустраницъ. Цѣна 50 коп.“ — одобрить для учительскихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу „*А. Павловъ*. Практическій курсъ краткой грамматики церковно-славянскаго языка новаго періода, распределенный по годамъ обученія въ городскихъ училищахъ. С.-Пб. 1891. Въ 8-ку, 129 стр. Цѣна 50 коп.“ — допустить къ употребленію въ качествѣ учебника въ городскихъ училищахъ.

— Книгу „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для младшаго возраста. Составилъ *Д. Поповъ*. С.-Пб. 1891. Въ 8-ку, 58 стр. текста и 9 страницъ приложеній. Цѣна 25 коп.“ — допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ приготовительные классы гимназій и прогимназій, а также и въ народныя училища.

— „Систематическое руководство по ручному труду. Работы изъ

дерева, рисунки, чертежи и объяснительный текстъ. Составила *К. Цируль* и *Н. Касаткинъ*. Предисловіе *К. Сентъ-Илера*. Чертежи исполнилъ — *Н. Пуликовскій*. С.-Пб. 1891. Цѣна 3 руб. — одобрить какъ учебное пособіе для учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій и городскихъ, по Положенію 31-го мая 1872 года, училищъ, а также для учительскихъ библіотекъ начальныхъ училищъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Составленныя *И. И. Барышниковымъ* книги: 1) „Русская хрестоматія (азбука и первая послѣ азбуки книга), съ приложеніемъ матеріала для церковно-славянскаго чтенія, краткихъ свѣдѣній изъ русской грамматики и задачъ для письменныхъ упражненій. Часть *первая*. Курсъ перваго отдѣленія городскихъ училищъ. М. 1890. Въ 8-ку, 64+108 стр. Цѣна 35 коп.“, 2) „Русская хрестоматія, съ приложеніемъ матеріала для церковно-славянскаго чтенія, краткихъ свѣдѣній изъ русской грамматики, задачъ для письменныхъ упражненій и словаря малопонятныхъ словъ. Часть *вторая*. Курсъ втораго отдѣленія городскихъ училищъ. М. 1890. Въ 8-ку, 244 стр. Цѣна 50 коп.“, 3) „Русская хрестоматія, съ приложеніемъ матеріала для церковно-славянскаго чтенія, задачъ для письменныхъ упражненій и словаря малопонятныхъ словъ. Часть *третья и четвертая*. Курсъ третьяго и четвертаго отдѣленій городского училища. М. 1891. Въ 8-ку, 334 стр. Цѣна 75 коп.“ и 4) „Русская хрестоматія, съ приложеніемъ 12-ти біографій русскихъ образцовыхъ писателей, задачъ для письменныхъ упражненій и словаря малопонятныхъ словъ. Часть *пятая и шестая*. Курсъ пятаго и шестаго отдѣленій городского училища. М. 1891. Въ 8-ку, 468 стр. Цѣна 1 руб.“ — допустить въ *учительскія* библіотеки городскихъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— По Высочайшему повелѣнію Государыни Императрицы, внесены въ кассу Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста секретаремъ Ея Величества, тайнымъ совѣтникомъ Оомомъ, 20.000 р., пожалованные Августѣйшею Цокровительницею, для распределенія между нуждающимися въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ, что немедленно исполнено и деньги отправлены въ распоряженіе тѣхъ мѣстныхъ учрежденій Общества, которымъ довѣрено попеченіе о нуждающихся.

— Попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, согласно постановленію состоящаго при немъ попечительскаго совѣта, допущенъ къ употребленію въ начальныхъ училищахъ того округа составленный учителемъ Каспаромъ *Копманомъ* учебникъ ариметики подъ заглавіемъ: „Skaitloschanas mahziba ar usdewumeem un isnahkumeem preeksch tautas skolu semakam nodalam un paschmahzischanas Sastahilijis. K. Kormanis, skolotajs. Maksá. 15 kar. Leeraja, 1890“.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 6-го минувшаго сентября въ г. Клину открыто трехклассное городское, по Положенію 31-го мая 1872 года, училище.

— 18-го сентября сего года въ г. Бронницахъ состоялось открытіе городского трехкласснаго, по Положенію 31-го мая 1872 г., училища.

— 8-го минувшаго сентября въ г. Лодейномъ-Полѣ открыто двухклассное городское, по Положенію 31-го мая 1872 г., училище, преобразованное изъ приходскаго.

УСЛОВІЯ ХЛѢБНОЙ ТОРГОВЛИ ВО ФРАНЦІИ ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА (НЭККЕРЪ И ДЕ-КАЛОННЪ).

Условія, среди которыхъ дѣйствовала хлѣбная торговля во Франціи, сложились прежде всего подъ вліяніемъ антагонизма между городомъ и деревней. Ставъ въ сравнительно независимое положеніе, горожанинъ стремится силою своихъ обязательныхъ постановленій обезпечить себѣ дешевый хлѣбъ и съ этою цѣлью старается всячески прижать земледѣльца и вообще обладателя хлѣба, подозрѣвая послѣдняго чуть ли не въ желаніи уморить голодомъ горожанина. Къ этому присоединяется еще феодальный провинциализмъ, въ силу котораго каждая область старается сохранить свой хлѣбъ для себя и боится вывоза его въ сосѣдную провинцію. На почвѣ этихъ отношеній вырастаютъ регламенты хлѣбной торговли. Главные пункты ихъ таковы: запрещеніе продажи хлѣба внѣ рынка и связанное съ нимъ запрещеніе держать хлѣбъ у себя долѣе извѣстнаго періода, обязанность земледѣльца снабжать рынокъ и запрещеніе хлѣбныхъ складовъ. Поступивъ на рынокъ, хлѣбъ не могъ быть увезенъ оттуда и не могъ быть укрываемъ отъ непогоды; но на случай, еслибы и это неудобство оказалось не въ силахъ заставить обладателя хлѣба поспѣшить съ его продажою, существовало правило, по которому хлѣбъ обязательно долженъ быть проданъ въ теченіе трехъ базаровъ; въ противномъ случаѣ онъ продавался полиціей по пониженной цѣнѣ.

Эти распоряженія равнообразились многими чисто мѣстными установленіями; они нерѣдко не исполнялись въ точности, особенно во время большой дешевизны хлѣба; но, такъ или иначе, они висѣли надъ хлѣбною торговлею дамокловымъ мечомъ, всегда готовымъ разить хлѣботорговца. Чтобы слѣдить за выполненіемъ регламентовъ, а отчасти лишь подъ предлогомъ надзора, создавалась многочисленная рыночная полиція, состоявшая часто изъ наслѣдственныхъ чиновъ, которая жила рыночными пошлинами, нерѣдко довольно высокими.

Свободная перевозка хлѣба изъ одной провинціи въ другую не признавалась еще гораздо позже того, какъ исчезли феодальныя государства, и, не смотря на усилія королевской власти представить Францію единою, всѣ части которой солидарны между собою и должны поддерживать другъ друга, феодальная традиція жила довольно сильно, и подъ ея вліяніемъ вывозъ хлѣба изъ данной провинціи долженъ былъ находиться въ зависимости отъ разрѣшенія мѣстныхъ властей.

Затѣмъ, къ условіямъ хлѣбной торговли присоединяется забота правительства о продовольствіи государства вообще и въ частности Парижа, этого „огромнаго города, находящагося вблизи королевской резиденціи“. Эта забота выразилась въ запрещеніи вывоза хлѣба сначала временномъ, а потомъ и постоянномъ. По той же причинѣ и руководясь идеей государственнаго единства, королевская власть освобождаетъ хлѣбную торговлю отъ внутреннихъ пошлинъ, въ томъ числѣ и отъ пеажей, и старается вообще освободить внутреннюю циркуляцію отъ стѣсненій и запрещеній. Что касается освобожденія отъ внутреннихъ пошлинъ, то эта задача въ значительной мѣрѣ была выполнена; но освобожденіе движенія хлѣба между провинціями отъ стѣсненій не могло быть выполнено, потому что часто само правительство боялось чрезмѣрнаго вывоза хлѣба изъ какой либо провинціи, вслѣдствіе этого не рѣшалось совершенно освободить движеніе хлѣба отъ контроля администраціи, а мѣстныя власти усугубляли стѣснительность этого контроля, отчасти вслѣдствіе предразсудковъ по отношенію къ хлѣбной торговлѣ, а отчасти вслѣдствіе того, что они извлекали выгоду изъ надзора надъ послѣднею. Движеніе хлѣба внутри государства, помимо этихъ обстоятельствъ, парализовалось еще регламентами его купли и продажи. Они затрудняли сколько-нибудь значительныя сдѣлки. На сколько сознавалось это вліяніе регламентовъ, видно изъ того, что парижскіе хлѣботорговцы при покупкѣ хлѣба для снабженія столицы освобождались отъ обязательства покупать его на рынкѣ. Заботы правительства о продовольствіи Парижа выражались въ томъ, что нѣкоторыя провинціи, какъ, напримѣръ, Шампань, были признаны естественными поставщиками столицы, а потому правительство слѣдило, чтобы хлѣбъ изъ нихъ не направлялся никуда, кромѣ Парижа. Когда во время голодовки 1709 года, Шампань была въ конецъ истощена неурожаемъ, страшно суровой зимою и продовольствованіемъ большаго количества войска, когда раннею весною мертвые и умирающіе люди валялись по доро-

гамъ со слѣдами земли и травы на губахъ, когда могшіе двигаться жадно ѣли пробивающуюся молодую траву, и интендантъ провинціи доносилъ генераль-контролеру обо всѣхъ этихъ ужасахъ и просилъ, чтобы королевскіе комиссары не брали хлѣба въ Шампани для снабженія столицы,—послѣдній отвѣчалъ ему отказомъ, приказывалъ не дѣлать никакихъ пропятствій увозу хлѣба въ Парижъ и прибавлялъ: „король приказалъ вамъ сообщить, что вы отвѣтите своею головою, если что либо произойдетъ въ столицѣ“. Чтобы парижане не шумѣли, ихъ старались кормить дешевымъ хлѣбомъ. Другимъ средствомъ для этого, послѣ доставки хлѣба, считалась строгая регламентація продажи хлѣба на рынкахъ столицы; поэтому регламенты Парижа были особенно сложны, и соблюденіе ихъ обезпечивалось особенно многочисленною рыночною полиціею, оплачивасмою однако потребителями хлѣба. Когда, съ развитіемъ города, торговля, парализуемая регламентаціею, оказалась не въ силахъ снабжать Парижъ хлѣбомъ, правительство беретъ на себя восполненіе недочета. Оно беретъ за торговлю хлѣбомъ, а потомъ заводитъ въ Корбейѣ и свои мельницы. Но его виѣшательство въ торговлю хлѣбомъ, парализуя частную предпріимчивость, влекло за собою все большее расширеніе казенныхъ операцій безъ пользы для дѣла.

Скажемъ, наконецъ, что въ XVIII вѣкѣ стали смотрѣть на запретительную систему по отношенію къ виѣшной хлѣбной торговлѣ, какъ на существенную часть промышленнаго протекціонизма, и стали объяснять созданіе ея тѣмъ, что Кольберъ запретилъ вывозъ съ цѣлю удешевить содержаніе труда промышленника и тѣмъ создать для французовъ благоприятный шансъ въ международной конкуренціи. Это было не такъ, но въ этомъ были убѣждены.

Въ сороковыхъ годахъ появляется сомнѣніе въ правильности господствовавшей хлѣбной политики. Вліяніе примѣра Англіи дало толчекъ развитію идеи освобожденія хлѣбной торговли, какъ средства поднять земледѣліе и благосостояніе народа. На сколько до того времени интересы земледѣльца играли служебную роль, на столько въ новомъ направленіи мысли ему отводилось первенствующее положеніе въ государственной экономіи, и фізіократы довели прославленіе земледѣлія до отрицанія производительности всякаго другаго труда. Когда-то Генрихъ IV устраивалъ въ Луврѣ ремесленниковъ, теперь жена Людовика XVI у себя въ Трианонѣ сама одѣвалась крестьянкою, донда коровъ и поила молокомъ своихъ приближенныхъ. Господствующая система требовала дешеваго хлѣба для горожанина, во что бы то ни

стало, а физиократы, напротивъ, провозгласили: „если бѣдны крестьяне, бѣдно и государство“. Но они доказывали при этомъ, что и потребитель выиграетъ отъ поднятія благосостоянія земледѣльца и отъ упраздненія запрещенія вывоза хлѣба и регламентаціи внутренней хлѣбной торговли. Подъ вліяніемъ физиократовъ предпринимаются реформы въ области хлѣбной торговли.

Эти реформы представляютъ собою два момента. Первый падаетъ на шестидесятые года, когда изданы были министрами Бертономъ и Лаверди декларація 25-го мая 1763 года и іюльскій эдиктъ 1764 года. Первая провозглашала свободу внутренней торговли хлѣбомъ, а второй разрѣшалъ при извѣстномъ уровнѣ цѣны вывозъ его за границу. Торжество друзей земледѣлія и свободы хлѣбной торговли было не продолжительно. Едва прошло два года послѣ разрѣшенія вывоза, какъ онъ былъ остановленъ почти всюду. Затѣмъ, семь лѣтъ спустя (1770), дѣйствіе деклараціи 25-го мая было остановлено аббатомъ Террѣ, министромъ финансовъ, и старая регламентація снова вошла въ силу. Эта реакція продолжалась четыре года. Послѣ аббата Террѣ постъ генераль-контролера финансовъ переходитъ въ руки Тюрго, наиболѣе сильнаго сторонника свободы хлѣбной торговли. Съ его министерской дѣятельностью совпадаетъ второй моментъ реформъ въ хлѣбномъ законодательствѣ. Этотъ моментъ отличается отъ перваго тѣмъ, что не только свобода хлѣбной торговли была провозглашена восстановленіемъ деклараціи 25-го мая 1763 года, но и принятъ былъ рядъ мѣръ, долженствовавшихъ имѣть въ результатѣ отміну многихъ мѣстныхъ учрежденій и рыночныхъ регламентовъ, которые способны были значительно сократить возможность пользоваться закономъ о свободѣ внутренней циркуляціи хлѣба. Гальяни говорилъ: „не достаточно провозгласить свободу торговли, надо сдѣлать ее“. Тюрго понималъ значеніе этой мысли и сталъ дополнять общій законъ рядомъ частныхъ постановленій, не останавливаясь и предъ отміною парижскихъ регламентовъ. Такимъ образомъ, второй моментъ въ реформѣ хлѣбнаго законодательства является болѣе значительнымъ, чѣмъ первый, хотя Тюрго и воздержался отъ разрѣшенія вывоза хлѣба.

Онъ не кончилъ своего дѣла, особенно по части отміны рыночныхъ пошлинъ; отставка застигла его въ разгарѣ работы. Его паденіе было результатомъ параллельнаго дѣйствія многихъ реакціонныхъ элементовъ. Поэтому, послѣ его ухода настала новая реакція въ распоряженіяхъ правительства по хлѣбной торговлѣ. Исслѣдованіе усло-

вій хлѣбной торговли въ этотъ послѣдній періодъ XVIII вѣка составляетъ предметъ настоящей работы, которую мы предлагаемъ снисходительному вниманію читателей.

Нэккеръ.

Условія хлѣбной торговли послѣ Тюрго не остались въ томъ видѣ, какъ они были установлены его реформами. Они пережили еще три фазиса, изъ которыхъ два были реакціонными, а третій былъ новою попыткою возстановить и упрочить свободу хлѣбной торговли. Временемъ реакціи были два министерства Нэккера, тогда какъ министерство де-Калонна было моментомъ оживленія надеждъ сторонниковъ свободы хлѣбной торговли.

Реакція, о которой мы будемъ говорить, имѣетъ однако особенный характеръ. Хлѣбные законы, возстановленные и дополненные Тюрго, не были отмѣнены какою либо королевскою деклараціей или постановленіемъ королевскаго совѣта. Но фактически они отмѣнялись административными предписаніями; иногда же издавались такія постановленія совѣта, которыя, игнорируя существующіе законы, предписывали дѣйствія, противорѣчившія и буквѣ и духу ихъ. Благодаря такой системѣ, установилась въ сферѣ хлѣбной политики такая путаница, что никакъ нельзя было сказать, какія правила обязательны, а какія слѣдуетъ считать отмѣненными. Въ такомъ недоумѣніи бывали и блюстители закона. Въ перепискѣ прокуроровъ и полицейскихъ чиновъ съ генераль-прокуроромъ Жоли-де-Флери, хранящейся въ копіи въ отдѣлѣ рукописей Парижской Національной Библиотеки, есть цѣлый рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ, до какой степени спутались у этихъ представителей судебно-полицейской власти представленія о томъ, что законъ и что не законъ. Напримѣръ, фискаль при бальяжѣ Валансэ (Valançay, около Буржа) спрашиваетъ генераль-прокурора: „долженъ-ли считаться дѣйствительнымъ эдиктъ, изданный при Тюрго?“¹⁾

Такой порядокъ вещей находился въ связи съ взглядами Нэккера на хлѣбную полицію. Онъ не считалъ возможнымъ установить какіе либо неизбѣжные законы для хлѣбной торговли, а съ другой стороны безусловно отрицалъ и неограниченную свободу ея не только внѣ, но и внутри государства. Такимъ образомъ, онъ допускалъ одну ра-

¹⁾ Письмо отъ 15-го декабря 1784 года. Bibl. Nat. Mns de Joly de Fleury № 1743, f. 161.

зумную систему,—это дѣйствіе „смотря по обстоятельствамъ“, а опредѣленіе таковыхъ ставилъ въ зависимость отъ „мудрости администраціи“. Надо прибавить къ этому, что, не будучи по принципу противникомъ хлѣбной циркуляціи, онъ считалъ однако, что во время дороговизны спекуляціи купцовъ „всегда опасны“, и что операции, совершаемыя купцами въ „расчетахъ на повышеніе цѣны“ (*dans la vue de profiter de la hausse des prix*), „совершенно бесполезны для землевладѣльцевъ и существенно вредятъ потребителю“ (*qui [genre des spéculations] n'est point utile au propriétaires et qui nuit essentiellement au consommateurs*)¹⁾. Считая возможнымъ допускать свободу хлѣбной торговли въ то время, когда хлѣбъ дешевъ, потому что тогда услуги купца полезны, и настаивая на прекращеніи ея, когда хлѣбъ поднимается въ цѣнѣ, онъ представлялъ себѣ, что хлѣбная торговля можетъ благополучно существовать періодической жизнью, то замирая, то оживая снова. Къ такимъ сбивчивымъ понятіямъ о хлѣбной торговлѣ присоединялось еще убѣжденіе въ жадности земледѣльцевъ, могущихъ морить голодомъ горожанина. Принявъ все это во вниманіе, мы поймемъ, какъ, прилагая на практикѣ свою систему, Нэкеръ логически пришелъ къ восстановленію блаженной памяти регламентовъ начала XVIII столѣтія.

Сдѣлавъ эти общія замѣчанія, обратимся къ болѣе подробному разказу о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась хлѣбная торговля послѣ Тюрго²⁾.

Послѣ отставки Тюрго свобода внутренней торговли была дополнена разрѣшеніемъ вывоза хлѣба за границу. Позволенія вывоза

¹⁾ Arch. Nat. A. D. XI, 40. Предисловіе къ постановленіямъ совѣта 23-го ноября 1788 г. и 23-го апреля 1789 г.

²⁾ Матеріалы для этой главы почерпнуты мною главнымъ образомъ изъ Национальнаго архива изъ отдѣловъ А. D. XI, 40 (Законодательство и судебныя приговоры) F¹¹* 1 и 2 (переписка Монтарана [Montaran (sic)], которому Нэкеръ поручилъ видѣніе хлѣбныхъ дѣлъ) F¹¹. 224 и F¹¹. 265 (разная переписка и мемуары по хлѣбной части). Кроме того, интересныя бумаги, относящіяся къ 1783—1786 годамъ прочитаны мною въ отдѣлѣ рукописей Нац. Библіотеки. Это копія переписки генералъ-прокурора парижск. парламента Жоли-де-Флери. Хотя всѣ эти документы и даютъ довольно полное представленіе объ условіяхъ хлѣбной торговли послѣ Тюрго, но въ нихъ есть пробѣлы двойкаго рода. Есть пробѣлы въ самой перепискѣ, вѣроятно потому, что она временами была очень скудною, и есть пробѣлы, происходящіе отъ пропажи документовъ, несомнѣнно существовавшихъ; напримѣръ, вѣдомости о цѣнахъ, о вывозѣ хлѣба (въ 1776 и 1777 годахъ).

были даны одновременно въ теченіе 1776 и 1777 годовъ и посредствомъ различныхъ актовъ. Настойчивыя ходатайства „землевладѣльцевъ, земледѣльцевъ и фермеровъ“ обращены были къ правительству о разрѣшеніи вывоза, „какъ единственнаго средства помочь имъ предоставленіемъ сбыта за границу ихъ продуктовъ“. Низкая цѣна послѣднихъ и отсутствіе потребленія ставили ихъ въ невозможность нести повинности и платить подати и арендныя деньги ¹⁾).

Нѣкоторымъ провинціямъ разрѣшеніе вывоза дано было простыми предписаніями, посланными пограничнымъ таможнякъ. Въ такомъ положеніи были: Эльзась, Мецъ, Лорренъ, Франшь-Конте, Бургонь, Дофинэ, Бретань и Ларошель. Провинціи Гіэнь, По, Руссильонъ, Лагдокъ и Провансъ получили разрѣшеніе въ силу королевской деклараціи, коею возстановленъ былъ эдиктъ 1764 года. Но не во всѣхъ этихъ провинціяхъ онъ былъ возстановленъ въ одинаковой формѣ. Парламенты По и Бордо регистрировали его безъ измѣненій; но парламентъ Тулузы и высшій совѣтъ Руссильона представили ремонстраціи. Наученные опытомъ, они не желали ставить прекращеніе и возобновленіе вывоза въ зависимость отъ административнаго усмотрѣнія. Эдиктъ 1764 года ставилъ прекращеніе вывоза въ зависимость отъ цѣны хлѣба; но о возстановленіи его потомъ, когда цѣна понизится, не говорилъ ничего и ставилъ его, такимъ образомъ, въ зависимость отъ министерскаго распоряженія. Вслѣдствіе сказанныхъ ремонстраціи сдѣлано было дополненіе, что вывозъ хлѣба „новстановляется самъ собою безъ того, чтобы для этого требовалось новое распоряженіе, если въ теченіе трехъ рынковъ цѣна будетъ ниже 12 l. 10 s. за кенталь“, и что „вывозъ допускается черезъ всѣ порты и мѣста, гдѣ существуютъ таможенныя конторы“. Въ этомъ исправленномъ видѣ декларація была регистрована и въ парламентѣ Прованса ²⁾).

¹⁾ Memoire sur la partie des subsistances. Présenté par M. Aubé à M. De Lessart pour M. Necker. Juillet 1777. Arch. Nat. Fil. 265. Valdec de Lessart. Maître des Requêtes, rue du Sentier. Служилъ въ отѣленіи: Detail de l'administration des finances. Aubé служилъ въ отѣленіи Монтарана и въ его вѣдѣніи была перенесена о продовольствіи (detail de la correspondance sur les subsistances). Almanach Royal, 1778.

²⁾ Ibid. Memoire d'Aubé. Я не нашелъ ни въ архивѣ, ни въ коллекціи Нац. Библиотеки этой деклараціи и не могу сказать точно, была ли она издана. Декларация 17-го іюня 1787 г. говоритъ, что декларація 10-го севрала 1776 г. и Lettres patentes 25-го мая 1776 года разрѣшили вывозъ. Если это допустить, то выходитъ, что разрѣшеніе вывоза было дѣломъ Тюрго, что мало вѣроятно.

Ко времени вступленія Нэккера вывозъ былъ, значитъ, разрѣшенъ на востокѣ, югѣ и на всемъ западѣ Франціи, за исключеніемъ генералите Пуатье. На сѣверѣ вывозъ былъ запрещенъ, такъ какъ полагали, что генералите Канъ, Руанъ, Пикардія, Фландрія и Геннегау (Эно) должны служить для снабженія Парижа; на томъ же основаніи было упомянуто особое запрещеніе вывоза изъ Шампани; хотя она не была пограничною провинціею, но, какъ тогда говорили, хлѣбъ ея естественно предназначенъ былъ для продовольствія столицы, а потому казалось опаснымъ сосѣдство Шампани съ Лоррэнью и Бургундіею, изъ которыхъ вывозъ былъ дозволенъ ¹

Какъ великъ былъ вывозъ хлѣба со времени его разрѣшенія, мы не знаемъ, но онъ не возбуждалъ никакого безпокойства ²).

Какъ только Нэккеръ вступилъ въ управленіе финансами (29-го іюня 1777 года), онъ сейчасъ же поднялъ вопросъ о прекращеніи вывоза. 11-го іюля онъ посылаетъ циркуляръ интендантамъ Эльзаса, Меца, Лоррэни, Франшъ-Конте, Бургони, Дофиня, Бретани и Ларошели съ запросомъ, не слѣдуетъ ли остановить или ограничить вывозъ хлѣба въ виду дурной погоды, которая можетъ попортить урожай и вызвать повышеніе цѣнъ? Въ то же время, надо думать, онъ приказывалъ изготовить докладъ по дѣлу о вывозѣ хлѣба, который и былъ составленъ въ іюль мѣсяцѣ. Нѣкоторые интенданты не торопились отвѣчать на запросъ Нэккера, такъ какъ, вѣроятно, они не питали никакого безпокойства, которое вызывало бы надобность запрещенія вывоза хлѣба ³).

Я взялъ томъ протоколовъ королевскаго совѣта за первую половину 1776 года (Arch. Nat. O¹* 121, A. Secrétariat) и никакихъ слѣдовъ деклараціи 10-го еевраля 1776 г. не нашелъ. Есть Lettres patentes 19-го мая 1776 г., но они относятся къ пошлинамъ на рисъ, чечевицу и бобы. Есть и Lettres patentes 25-го мая 1776 г., но они относятся не къ хлѣбу, а къ отелямъ Конде въ Фонтенебло. Изданіе распоряженій (не одного, а двухъ или трехъ), разрѣшившихъ вывозъ въ 1776 г. или въ 1777 г., несомнѣнно; кромѣ доклада Обе, который, очевидно, зналъ дѣло, ихъ изданіе подтверждается и инвентарями департаментскихъ архивовъ. Но несомнѣнно, что они сдѣланы были не въ тѣ числа, которыя указываются деклараціей 17-го іюня 1787 года.

¹) Aubé, Memoire sur la partie des subsistances. Arch. Nat. F¹¹, 265.

²) Къ докладу Обе приложены были ведомости вывоза 1776 года и за первые мѣсяцы 1777 года; но онѣ, вѣроятно, остались у Нэккера, ибо ихъ при бумагѣ нѣтъ.

³) Въ письмахъ интенданту Бретани отъ 20-го сентября 1777 года Нэккеръ жалуется, что онъ до сихъ поръ не отвѣчалъ на его запросъ о вывозѣ. Arch. Nat. F¹¹*, 1. Aubé Memoire F¹¹, 265.

До половины сентября 1777 года и Нэккеръ, повидимому, не беспокоится относительно вывоза, но неутѣшительныя вѣсти объ урожаѣ въ юго-западной Франціи и о неурожаѣ въ Испаніи съ новой силою возбуждаютъ его безпокойство. 16-го сентября онъ спрашиваетъ интенданта Бордо, не слѣдуетъ ли остановить вывозъ изъ Бордо, Бретани и, пожалуй, Ланглока, или по крайней мѣрѣ ограничить его цѣною въ 24 л. за сетье (10 л. за кенталь). Не дождавшись отъ него отвѣта (5½ дней шли туда дилижансы), онъ уже пишетъ интенданту (20-го сентября) Бретани, выражая безпокойство, что много вывозится хлѣба, особенно въ Англію и Испанію, и просить его сообщить, не слѣдуетъ ли остановить вывозъ. Но, едва подписавъ это письмо, онъ дополняетъ его собственноручно Postscriptum'омъ: „я хочу направить хлѣбъ вашей провинціи въ Гіэнь; хлѣбъ къ тому же у васъ въ хорошей цѣнѣ, найдете ли вы резонныя препятствія запрещенію его вывоза?“¹⁾

Три дня спустя онъ пишетъ въ Лангдокъ и Провансъ. Такъ какъ объ эти провинціи были расположены къ вывозу, то онъ старается подѣйствовать на нихъ примѣромъ другихъ. Онъ говоритъ интендантамъ Прованса и Ланглока, что королевскій совѣтъ хочетъ остановить вывозъ вслѣдствіе получающихся отовсюду ходатайствъ²⁾ и просить интендантовъ сообщить ихъ мнѣніе по этому вопросу относительно ихъ провинцій, но тутъ же прибавляетъ, что, можетъ быть, и раньше полученія ихъ отвѣта помянутая мѣра будетъ принята (23-го сентября 1777 года). Дѣйствительно, они не успѣли получить его письма, какъ 27-го сентября онъ ихъ извѣщаетъ, что запрещеніе вывоза состоялось, и предписываетъ сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія³⁾. Постановленіе совѣта, запретившее вывозъ, было издано 27-го сентября 1777 года. Оно, собственно говоря, останавливало вывозъ только изъ Гіэни; но такъ какъ во введеніи сказано; что король желаетъ прекратить вывозъ и изъ сосѣднихъ провинцій, то это распоряженіе было послано въ тотъ же день въ Лангдокъ и Провансъ.

1) Письмо 20-го сентября 1777 г., *ibid.* F^{11*}, 1.

2) Только и было заявленій, что отъ интендантовъ Оша, Монтобана и Гіэни да отъ судебныхъ чиновъ г. Орильака (Aurillac) въ Оверни, *ibid.*

3) Еще наканунѣ онъ послалъ циркуляръ интендантамъ Ларошели и Бретани съ извѣщеніемъ, что состоялось запрещеніе вывоза изъ провинцій Лангдокъ, Провансъ, Ошъ, Руссильонъ и Бордо и объявляетъ объ остановкѣ вывоза изъ ихъ провинцій. Письмо 26-го сентября.

Въ циркулярѣ, сопровождавшемъ запрещеніе, Нэккеръ говоритъ, что король, желая, чтобы различныя провинціи его королевства оказывали взаимную другъ другу помощь, рѣшился прекратить вывозъ хлѣба изъ вашего генералите и отиѣнить приказы, которыми онъ былъ дозволенъ¹⁾.

Провинціи, въ которыхъ еще допускался вывозъ (Франшъ-Конте, Эльзасъ, Лоррэнъ, Мецъ), были мало по малу почти всѣ закрыты. Остались свободными дольше другихъ генералите Мецъ и Лоррэнъ. Вывозъ изъ Меца былъ остановленъ только 10-го марта 1778 года, а вывозъ изъ Лоррэнни былъ разрѣшенъ въ Австрійскую Фландрію, потому что, какъ писалъ Нэккеръ интенданту, неудобно было, да и бесполезно, не допускать вывозъ хлѣба въ эту провинцію въ то время, когда французское правительство само ходатайствовало у Австріи о разрѣшеніи вывезти изъ этой самой провинціи хлѣбъ для Бордо²⁾. Но вывозъ хлѣба изъ Лоррэнни въ Люксембургъ былъ остановленъ (10-го марта 1778 года) на томъ основаніи, что до свѣдѣнія министра дошло, что тамъ этотъ хлѣбъ употребляютъ на приготовленіе водки. Онъ вновь разрѣшилъ отпустить туда хлѣба (18-го апрѣля 1778 года), когда убѣдился, что водки тамъ изъ хлѣба не гоняютъ. Нужно замѣтить при этомъ, что, вслѣдъ за изданіемъ послѣднихъ запрещеній вывоза, самъ Нэккеръ признавалъ въ апрѣлѣ 1778 года, что недостатка въ хлѣбѣ нѣтъ, и что нѣтъ надобности слишкомъ строго относиться къ этимъ запрещеніямъ. По поводу одного ходатайства о выпускѣ хлѣба онъ собственноручно приписываетъ въ письмѣ къ интенданту Эльзаса, что разрѣшить вывезти хлѣбъ можно, „въ виду того, что хлѣба много и нѣтъ надобности быть особенно строгимъ въ поддержаніи запрещенія“³⁾.

¹⁾ Циркуляръ 26-го сентября 1777 г. интендантамъ Бретани и Ларошели. Arch. Nat. F^{11*}, 1. Постановленіе совѣта 27-го сентября 1777 г., *ibid.* E. 2.538. Этимъ постановленіемъ Нэккеръ отиѣнялъ дѣйствіе декларацій короля, зарегистрированныхъ въ парламентахъ Бордо, Тулузы, По, Экса и въ высшемъ совѣтѣ Руссильона. Это противорѣчило законному порядку. Въ тотъ же день были посланы приказы по таможенному откупу въ Провансъ, Лангдокъ, Руссильонъ, Ошъ, Бордо и Дофинъ о прекращеніи вывоза.

²⁾ Письмо 8-го марта 1778 г. Вывозъ изъ Франшъ-Конте остановленъ былъ 8-го октября. 21-го октября Нэккеръ затребовалъ отъ интендантовъ Эльзаса, Меца и Лоррэнни вѣдомости о вывозѣ хлѣба. 5-го декабря онъ пишетъ интенданту Эльзаса, что хотя вывозъ изъ его провинціи ничтоженъ, но все же лучше было бы остановить его. 10-го января 1778 года онъ посылаетъ ему приказъ о прекращеніи вывоза. *Ibid.* F^{11*}, 1.

³⁾ Письмо интенданту Эльзаса отъ 17-го апрѣля 1778 г., *ibid.*

Запрещеніе вывоза застало хлѣбную торговлю врасплохъ; нѣкоторые купцы заключили сдѣлки на доставку хлѣба, приготовили партіи къ отпавкѣ и теперь увидѣли всѣ свои расчеты разрушенными министерскимъ распоряженіемъ. Болѣе другихъ затронуты были интересы Бретани, которая больше всѣхъ вывозила хлѣба: нантскіе купцы, въ рукахъ которыхъ была отпускная торговля бретонскихъ хлѣбовъ и тѣхъ, которые сплавлялись по Луарѣ изъ Мэна, Анжу, части Орлеана, Оверни и Пуату, жаловались на запрещеніе вывоза, ссылаясь на іульскій эдиктъ 1764 года. На это имъ отвѣчено было, что, такъ какъ разрѣшеніе вывоза изъ Нанта сдѣлано было путемъ простаго министерскаго предписанія, то и запрещеніе состоялось тѣмъ же порядкомъ ¹⁾.

Иные купцы ходатайствовали о разрѣшеніи имъ вывезти определенное количество хлѣба, которое было уже продано раньше запрещенія вывоза. На всѣ подобныя ходатайства послѣдовалъ отказъ безъ всякаго вниманія къ тѣмъ убыткамъ, которые отъ этого несли потерпѣвшія отъ запрета лица. Сначала какъ будто думали о ихъ вознагражденіи. Когда купецъ С. Мало Blaise de Maisonneuve просилъ о разрѣшеніи ему вывезти въ Англію 110 тоннъ хлѣба, купленнаго имъ по порученію и приготовленнаго къ отпавкѣ еще до изданія распоряженія о вывозѣ, ему, по порученію Нэккера, предложено было направить этотъ хлѣбъ въ Бордо и сказано было, что о могущихъ произойти отъ этого убыткахъ Нэккеръ доложитъ королю для того, чтобы его вознаградить. Блэзъ-де-Мэонневъ такъ и сдѣлалъ. Когда онъ сообщилъ о совершенной операціи и обратился съ просьбою о вознагражденіи, то получилъ въ отвѣтъ письмо, въ которомъ министръ его очень хвалилъ за то, что онъ направилъ въ Бордо грузы, предназначавшіеся въ Испанію (sic), но на счетъ вознагражденія отвѣчалъ отказомъ, „такъ какъ онъ не намѣренъ принимать продовольственныхъ мѣръ за счетъ короля“ ²⁾. Послѣ этого случая другимъ купцамъ отказывали въ вывозѣ безъ всякихъ обѣщаній вознагражденія.

Нантскіе купцы Намарс и Ламейгнере ходатайствовали черезъ

¹⁾ Письмо 15-го ноября 1777 года Монтарана интенданту, въ отвѣтъ на представленіе консуловъ Нанта, *ibid.*

²⁾ Письма 8-го и 21-го октября, *ibid.* Во второмъ письмѣ ннхъ купца изъ Maisonneuve передѣляли въ Maisenneuve. Отговорка была неудачна, такъ какъ въ это время Нэккеръ уже принималъ продовольственные мѣры за счетъ казны въ Бордо и Монтбанѣ.

интенданта о разрѣшеніи вывезти въ Испанію 200 тоннъ пшеницы и 500 бочекъ муки. Отказъ (11-го октября).

Купецъ Симонъ-де-ла-Вигъ ходатайствовалъ чрезъ своего пріятеля парижскаго банкира Селона (Selons или Selous. Не разобралъ) о разрѣшеніи вывезти 500 бочекъ муки даже не за границу, а въ Гвіану. Отказъ (24-го октября).

Нантскій купецъ Данашъ (Danach) просилъ выпустить въ Испанію 50 тоннъ пшеницы. Отказъ (24-го октября). Всѣмъ имъ рекомендовали послать хлѣбъ въ Бордо или Байонну.

Испанскій посолъ, извѣстный Пабло Аранда, ходатайствовалъ о позволеніи городку Азретіа (въ Гвипускоѣ) вывезти изъ Франціи 600 тоннъ хлѣба, купленныхъ раньше запрета. Отказъ (1-го декабря 1777 года).

Испанскій консулъ Пауло просилъ о разрѣшеніи гаврскому купцу La Lanne отправить въ Испанію 20.000 кенталей хлѣба. Отказъ (15-го ноября).

Одинъ купецъ оказался въ этомъ отношеніи счастливѣе другихъ, потому что у него была сильная протекція. Эльзасскій купецъ Виріо (Viriot) везъ 1.500 мѣшковъ пшеницы въ Вернь. Запретъ засталъ его у самой границы въ Вельфорѣ. Обозъ арестовали. Онъ обратился къ заступничеству хранителя печатей, который написалъ Нэккеру, прося его разрѣшить выпускъ этой партіи. Нэккеръ любовно согласился исполнить эту просьбу и дѣйствительно далъ соотвѣтствующее приказаніе интенданту Эльзаса, объяснивъ ему, что этотъ хлѣбъ Виріо обязался доставить въ Вернь еще до запрета вывоза. На этотъ разъ однако интендантъ не исполнилъ приказанія (20-го февраля 1778 г.). Только въ половинѣ мая Виріо получилъ разрѣшеніе вывезти изъ Вельфора хлѣбъ, да и то лишь 800 мѣшковъ ¹⁾. Такимъ образомъ и этотъ счастливецъ все-таки понесъ порядочный убытокъ.

Бывали ходатайства вывезти муку или кукурузу съ обязательствомъ привезти изъ-за границы равное количество пшеницы; но такіа ходатайства тоже встрѣчали отказъ.

Только весной уже 1778 года Нэккеръ разрѣшилъ, по ходатайству виртембергскаго посла, выпустить 200 мѣшковъ ячменя изъ Эльзаса, мотивируя свое разрѣшеніе тѣмъ, что хлѣба много и что

¹⁾ Письмо Монтарана отъ 13-го мая 1778 года. Всѣ перечисленные случаи относятся къ партіямъ хлѣба, купленнымъ за границу раньше запрета.

не надо быть очень строгимъ относительно соблюденія запрещенія вывоза ¹⁾).

При такомъ строгомъ отношеніи къ вывозу, которое мы только что видѣли, не удивительно, что малѣйшіе случаи хлѣбнаго вывоза, контрабанднаго или происходившаго по другимъ причинамъ, вызывали въ Нэккерѣ живѣйшее безпокойство. Случаи контрабанды хлѣба бывали.

Осенью 1778 года онъ обращаетъ на нихъ вниманіе интендантовъ Канна, Руана, Фландри и Пикардіи; въ январѣ 1778 года онъ обращаетъ вниманіе интенданта Дофинэ на то, что вывозить хлѣбъ въ Савойю по соглашенію съ таможенными чиновниками ²⁾. Бывалъ вывозъ муки, сдѣланной изъ ввезеннаго иностраннаго хлѣба; его допускали, не въ силу какого либо спеціальнаго разрѣшенія, а въ силу распространенія на муку правила, созданнаго іюльскимъ эдиктомъ 1764 года (§ 8), по которому ввезенный иностранный хлѣбъ могъ быть вывезенъ обратно въ теченію опредѣленнаго срока. Бордо былъ въ обыкновенное время большимъ пунктомъ отправки крупчатой муки во французскія колоніи въ Америку: тамъ приготавливали для этого спеціальныя тополевыя бочки и умѣли укладывать въ нихъ муку такъ, чтобы она могла оставаться долгое время, не подвергаясь порчѣ и не боясь даже сырости. Говорили, что хорошо уложенная мука можетъ храниться долго, даже много лѣтъ ³⁾.

Въ Байонѣ тоже занимались вывозомъ муки. Поэтому въ бассейнѣ Гаронны происходила переработка иностраннаго зерна на муку съ цѣлью обратнаго вывоза. Таможенныя вѣдомости доставляли въ генеральный контроль свѣдѣнія о вывозимой мукѣ какъ разъ изъ того района, о продовольствіи котораго Нэккеръ такъ хлопоталъ. „Кто

¹⁾ Бордоскіе купцы ходатайствовали о разрѣшеніи вывозить кукурузу съ обязательствомъ привезти равное количество пшеницы. 15-го ноября 1777 года имъ отказано. Командующій войсками въ Бордо ходатайствовалъ о позволеніи одному Байонскому купцу вывезти 20 кент. муки съ обязательствомъ привезти столько же пшеницы. 16-го декабря 1777 года отказано. Удовлетвореніе ходатайства виртембергскаго посла о вывозѣ ячменя состоялось не сразу, благодаря сопротивленію интенданта Эльзаса. Хотя въ собственноручной припискѣ къ письму 17-го апрѣля 1778 г. Нэккеръ позволяетъ ему дать разрѣшеніе вывезти ячмень, тотъ его далъ только тогда, когда ему было 6-го мая рѣшительно предписано сдѣлать это. Arch. Nat. F¹¹* 1.

²⁾ Письма 20-го сентября и 29-го декабря 1777 г. и 21-го января 1778 г. *ibidem*.

³⁾ *Journal Oeconomique* 1758 года, іюньская книжка.

позволилъ вывезти 200 кенталей муки?"—спрашиваетъ онъ интенданта Бордо 15-го ноября. Но вывозъ продолжается. 20-го декабря 1777 года онъ спрашиваетъ директора таможенного округа въ Байонѣ, на какомъ основаніи выпущены въ Испанію 1080 кенталей муки, сдѣланной будто бы изъ иностраннаго зерна. 13-го января онъ повторяетъ вопросъ, съ большимъ безпокойствомъ указываетъ на повторяющіеся случаи вывоза и говоритъ, что „вотъ уже 3.000 к. вывезено“. Вывозъ былъ временно приостановленъ; но потомъ, когда директоръ откупа представилъ объясненіе установившейся практики, а интендантъ Оша разъяснилъ, что свободный вывозъ муки, сдѣланной изъ иностраннаго зерна, содѣйствуетъ приливу иностраннаго хлѣба, Нэккеръ успокоился и разрѣшилъ вывозъ муки на практиковавшихся до тѣхъ поръ основаніяхъ ¹⁾).

На юго-востокѣ Франціи были недоразумѣнія по поводу вывоза въ область Жексъ и въ Женеву. Жители Жекса, находившагося на положеніи области иностранной, имѣли право получать изъ Франціи тридцать шесть тысячъ соурезъ въ годъ. Въ 1777 году они взяли больше этого количества, воспользовавшись тѣмъ, что изъ Бургони вывозъ былъ остановленъ только 3-го февраля 1778 года. Этотъ вывозъ въ Жексъ очень безпокоитъ Нэккера. „Не злоупотребляютъ ли они этимъ вывозомъ? Не перепродаютъ ли они этотъ хлѣбъ въ Женеву? Вотъ интендантъ Франшъ-Конте разрѣшилъ жителямъ Жекса вывезти хлѣбъ по свидѣтельствамъ мѣстныхъ властей о томъ, что они нуждаются! Они этими свидѣтельствами торгуютъ, а хлѣбъ въ Женеву отправляютъ!“ Таковы были подозрѣнія Нэккера, которыя выражены въ письмахъ Монтарана. Наконецъ, онъ порѣшилъ, что интенданты Бургони и Франшъ-Конте могутъ выпускать въ Жексъ 36.000 соурезъ, но не сразу, а помѣсячно—равными частями и только черезъ двѣ таможи Мизу и Лонжерэ, по 1.500 купъ въ мѣсяцъ черезъ каждую таможеню. По улаженіи этого затрудненія встрѣтилось другое. Таможенные чиновники стали требовать отъ купцовъ удостовѣренія о нуждѣ въ хлѣбѣ и относительно разрѣшеннаго къ отпуску количества и кромѣ того изъ отпуска 1778 года стали вычитать переборъ 1777 года. Пришлось снова писать разъясненія и инструк-

¹⁾ Письма 15-го ноября и 29-го декабря 1777 года, 13-го, 27-го и 29-го января, 9-го февраля (вывозъ остановленъ), 10-го марта (вновь дозволенъ) и 20-го марта 1778 года, *ibid.*

ціи, чтобы устранить эти нецѣности. Контрабанда съ своей стороны тоже исправляла ущербъ, чинимый торговлѣ стѣсненіями таможенъ ¹⁾

Вообще, во всѣхъ распоряженіяхъ о вывозѣ въ 1777 и 1778 году, сквозить какая-то нервная возбужденность, которая, очевидно, мѣшала Нэккеру хладнокровно взглянуть на положеніе дѣла и увидѣть его въ настоящемъ свѣтѣ. Неурожай не былъ ни на столько великъ, ни на столько всеобщъ, чтобы слѣдовало такъ бояться вывоза хлѣба даже туда, откуда сами старались его получить. Такъ, напримѣръ, строжайше слѣдили за вывозомъ въ Испанію, а сами, какъ увидимъ, просили оттуда хлѣба; съ опаской разрѣшили вывозъ во Фландрію, а хлопотали въ то же время получить хлѣбъ оттуда. Въ результатѣ оказалось весною 1778 года, что хлѣба лишняго много.

Мы не имѣемъ подробной переписки по хлѣбной части за послѣдующіе годы перваго министерства Нэккера; но мы знаемъ, что онъ не издавалъ на счетъ вывоза новыхъ постановленій, а ограничивался частными распоряженіями. Вывозъ то запрещался, то дозволялся. Онъ былъ не великъ. Съ 1780 по 1782 г. онъ не превосходилъ 200.000 сѣте въ годъ ²⁾. Его ближайшій сотрудникъ Монтаранъ такъ характеризуетъ его хлѣбную политику въ докладѣ, поданномъ преемнику Нэккера, Жоли-де-Флери въ 1781 году: „до Нэккера существовало законодательство, которымъ условія вывоза, казалось, были предусмотрѣны; но затѣмъ почувствовали и испытали неудобство сообразоваться въ точности съ этимъ законодательствомъ и незамѣтно приучили публичку и даже суды обращаться къ благоразумію администраціи за позволеніемъ вывоза или относительно запрещенія его; правительство даетъ на этотъ предметъ только частныя распоряженія, скомбинированныя сообразно обстоятельствамъ“ ³⁾. Подъ этими об-

¹⁾ Письма 5-го декабря 1777 г., 10-го января, 3-го и 6-го февраля 1778 года интенданту Бургоніи и 10-го и 25-го января и 6-го февраля 1778 года—интенданту Франшъ-Конте; письма 18-го мая и 22-го іюня 1778 года таможенному откупу. Свойства мѣстности благоприятствовали контрабандѣ. Какъ видно изъ дѣла одного крестьянина, она боролась не безъ успѣха съ таможеней. Этого крестьянина задержали съ возомъ хлѣба въ ста шагахъ отъ границы и коневладельцы у него лошадей, повозку и хлѣбъ за предполагаемое намѣреніе вывезти хлѣбъ въ Морé (Mogez). Онъ говорилъ, что везъ его на мельницу. Таможенные признавали, что хлѣбъ проходитъ тайно, особенно ночью, что весьма вѣроятно.

²⁾ Biollay, Pacte de Famine, p. 231.

³⁾ Memoire de Montaran, présenté à M. Joly de Fleury en 1781. Arch. Nat. F¹¹ 265. „On a insensiblement habitué le public et les cours même à s'en rapporter pour la permission d'exporter, ou pour la prohibition à la prudence de l'admi-

стоятельствами, по словамъ Монтарана, Нэккеръ разумѣлъ не только степень удовлетворительности урожая во Франціи, но и дороговизну хлѣба за границей, если она давала поводъ опасаться слишкомъ большаго вывоза.

Къ концу министерства Нэккера вывозъ былъ разрѣшенъ изъ Пикардїи, генералитѣ Руана, изъ Бретани, Ларошели, Бордо, Оша, Руссильона, Лангдока (изъ послѣдняго только для Марсели), изъ Лоррѣни, Эльзаса и Меца; но вслѣдствіе войны съ Англіей вывозъ былъ, какъ мы сейчасъ видѣли, незначителенъ. Запрещеніе вывоза изъ Лангдока, Дофинѣ и Бургундіи можетъ быть объяснено тѣмъ, что Провансъ по случаю войны не могъ продовольствоваться съ моря въ достаточной степени, а потому хлѣбъ названныхъ провинцій былъ удержанъ для его пропитанія.

КАБОТАЖЪ.

Мы видѣли выше, что при запрещеніи вывоза взоры правителя съ опасеніемъ обращались на транзитъ хлѣба черезъ Марсель. Мы видѣли также, что Турго устранилъ тѣ стѣсненія этого транзита, которыя были созданы при аббатѣ Террѣ и продиктованы страхомъ, чтобы французскій хлѣбъ не ушелъ черезъ Марсель за границу. Въ сущности это опасеніе было не основательно, но оно держалось въ силу того, что въ министерствѣ не были достаточно знакомы съ мѣстными условіями, а потому давали вѣру довольно неправдоподобнымъ соображеніямъ.

Нэккеръ понималъ значеніе каботажа для циркуляціи хлѣба, а потому, стѣсняя вывозъ, онъ не стѣснялъ движенія хлѣба между портами; но на Марсель онъ смотрѣлъ подозрительно, находя, что тамъ очень развито мошенничество въ хлѣбной торговлѣ ¹⁾. Поэтому ему казалось, что дозволеніе хлѣбнаго транзита черезъ Марсель представляетъ большія опасности. Тотчасъ послѣ остановки вывоза хлѣба посланъ былъ запросъ директору таможеннаго откупа въ Марсели на счетъ того, какъ слѣдуетъ понимать фразу: „en remplissant les formalités anciennes et accoutumées“, находящуюся въ § 2 постановленія Совѣта 13-го сентября 1778 года, регулировавшаго провозъ хлѣба изъ Прованса въ Марсель. Директоръ таможни объяснилъ, что подѣ

nistration, qui ne donne plus à cet égard que des ordres particuliers et combinés d'après les evenements“.

¹⁾ Письмо 16-го марта 1778 года по дѣлу Дювирхемскихъ купцовъ Salehli и Varrard, отправившихъ хлѣбъ черезъ Марсель и Септемъ въ Провансъ. F^{11*} 1.

этимъ разумѣются правила, вложенныя въ таможенный ординансъ 1687 г. (titre 2), и установившіеся на основаніи его таможенные порядки, коими предписывается, чтобы извозчики, доставляющіе хлѣбъ изъ Прованса въ Марсель, представляли въ Септемѣ декларацію рода и количества хлѣба и подвергали его досмотру таможенныхъ чиновниковъ ¹⁾. Давая эти объясненія, таможенный директоръ спрашивалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ быть съ Марселемъ и съ эдиктами 12-го (13-го) сентября 1773 года и 14-го января 1775 года (относительно транзита французскаго хлѣба черезъ Марсель и ввоза туда провансальскаго хлѣба). Ему приказано было сообразоваться съ этими эдиктами и посылать точныя вѣдомости ввоза хлѣба въ Провансъ и вывоза изъ него ²⁾. Но едва дано было это предписаніе, какъ въ генеральномъ контролѣ явилось безпокойство и на счетъ транзита и на счетъ вывоза хлѣба въ Марсель изъ Прованса. Въ письмѣ 25-го ноября 1777 года Монтаранъ сообщаетъ интенданту Де-Ла-Туру за вѣрное, что относительно транзита французскаго хлѣба черезъ Марсель въ 1775 и 1776 году практиковалось злоупотребленіе такого рода. Хлѣбные грузы, доставленные въ Марсель, тамъ и оставались вмѣсто того, чтобы идти въ Провансъ: для того же, чтобы очистить въ Септемской таможнѣ обязательство доставить хлѣбъ въ Провансъ, подписанное въ портѣ отправления, часть партіи путешествуетъ изъ Марсели въ Эксъ и обратно черезъ септемскую таможню, и такимъ образомъ получается удостовѣреніе, что вся партія провезена въ Провансъ. Убѣжденіе въ существованіи такого мошенничества причиняло Нюккеру сильное безпокойство, такъ что въ январѣ 1778 года онъ съ тревогою спрашиваетъ интенданта, не слѣдуетъ ли остановить вывозъ хлѣба изъ Прованса въ Марсель. Затѣмъ у него явилась мысль: не останавливая вывоза изъ Прованса, установить правило, чтобы возчики, провезшіе хлѣбъ черезъ Септемъ, возвращаясь обратно, непременно имѣли удостовѣренія, что они дѣйствительно сдали хлѣбъ провезенный въ Провансъ ³⁾.

¹⁾ Письмо директора Марсельскаго таможеннаго округа. Помѣчено 11-го октября 1777 года, но навѣрно написано нѣсколько позже, ибо служить отвѣтомъ на запросъ отъ 11-го октября 1777 года. Arch. Nat. F¹¹ 224.

²⁾ Письмо директора таможенъ отъ 8-го октября и отвѣтъ Нюккера 22-го октября 1777 года. Arch. Nat. F¹¹ 224.

³⁾ Письма Монтарана 14-го и 25-го ноября 1777 года. Письмо Нюккера отъ 31-го января 1778 г. Докладъ (Національному собранію) о рѣшеніяхъ, принятыхъ по отношенію къ хлѣбной торговлѣ черезъ Марсель (1790 года). Arch. Nat. F¹¹ 1 и F¹¹ 224.

Очень можетъ быть, что эти опасенія и вызванныя ими проекты получили бы практическое значеніе для марсельской и провансальской хлѣбной торговли, если бы мѣстный интендантъ Де-Ла-Туръ не употребилъ всѣхъ усилій, чтобы разсѣять неосновательные страхи министра. Онъ представилъ ему вѣдомость таможи, которая свидѣтельствовала, что вывозъ хлѣба изъ Прованса въ Марсель на столько ничтоженъ, что не составляетъ и десятой части потребления Марсели, и что кромѣ того вывозъ изъ Прованса въ Марсель за сентябрь, октябрь и ноябрь 1776 года менѣе значителенъ, чѣмъ онъ былъ въ 1773 и 1774 годахъ за тотъ же періодъ времени, а въ ноябрѣ 1777 г. цифра вывоза увеличилась противъ 1776 года весьма немного ¹⁾. Успокаивая министра на счетъ вывоза изъ Прованса, онъ пишетъ ему въ февралѣ 1778 года, что въ Марсели и такъ хлѣба довольно, что тамъ на складахъ его около 60.000 шаржъ, не считая того, что есть у мелкихъ торговцевъ (около 12.000 шаржъ), и что ужъ потому

¹⁾ Вотъ эта таблица, дающая свѣдѣнія за каждые помесяца:

В р е м я.	Пшеница. Ввезенное въ Марсель количество въ центнахъ.	Рожь.	} Эти двѣ таблицы составляютъ черновыя вѣдомости.
1773 г.			
Октября	1.743	13	}
1-я 1/2 ноября	2.650	—	
2-я „ ноября	2.994	—	
1-я „ декабря	3.540	3	
2-я „ декабря	2.261	—	
	<u>12.188</u>	<u>16</u>	
1774 г.			
1-я 1/2 сентября	1.672	—	}
2-я „ сентября	1.871	—	
1-я „ октября	1.445	—	
2-я „ октября	3.513	—	
	<u>8.501</u>	<u>—</u>	
1776 г.			
2-я 1/2 сентября	1.328	—	}
1-я „ октября	1.532	—	
2-я „ октября	1.847	—	
1-я „ ноября	293	—	
1777 г.			
1-я 1/2 ноября	725, ⁵⁰	—	}
2-я „ ноября	1.191	—	

Arch. Nat. F¹¹ 224. Потребленіе Марсели въ 1790 году опредѣлили въ 500.000 q. См. докладъ о рѣшеніяхъ, цитированный выше.

нечего опасаться вывоза хлѣба изъ Прованса, что прибывающій изъ-за границы хлѣбъ дешевле провансальскаго. Въ это время, добавляетъ онъ, обыкновенно заграничный хлѣбъ идетъ изъ Марсели въ Провансъ. Цѣны стоятъ умѣренные какъ въ Марсели, такъ и въ Провансѣ. „Тревоги бить и принимать мѣры не надо; только напугаемъ всѣхъ, и всѣ стануть жаться, дѣлать закупки, воздерживаться отъ продажъ, и цѣны поднимутся“ ¹⁾).

Относительно мошенничества въ транзитѣ Де-Ла-Туръ входилъ въ сношеніе съ прокурорами провинціи (администраторы отъ провинціального собранія чиновъ) и представилъ ихъ мемуаръ Монтарану, сказавъ, что онъ вполне раздѣляетъ ихъ соображенія. Они доказывали, что предполагаемый провозъ взадъ-впередъ черезъ Септемскую таможеню одного и того же количества хлѣба невѣроятенъ. Для примѣра они указывали, что еслибы изъ партіи въ 1.000 шаржъ взять 100 шаржъ, чтобы провезти ихъ взадъ-впередъ черезъ Септемъ десять разъ, то это обойдется 60 л. на шаржу. Во что же обойдутся, спрашивали они, тѣ 900 шаржъ, которыя хотять будто бы вывезти изъ Марсели за границу? Этотъ аргументъ былъ убѣдителенъ, ибо расходы составили бы болѣе 6 л. на шаржу, а при такомъ накладномъ расходѣ вывозъ за границу становился невыгоднымъ ²⁾).

Проектъ Нэккера обязать извозчиковъ представлять при обратномъ проѣздѣ удостовѣренія о сдачѣ хлѣба Де-Ла-Туръ считалъ не практичнымъ, потому что въ случаѣ надобности Эксскіе купцы всегда снабдятъ ихъ такими удостовѣреніями.

Эти возраженія интенданта, повидимому, убѣдили Нэккера и его ближайшаго сотрудника Монтарана, и потому марсельская хлѣбная торговля оставлена была на прежнемъ основаніи. Но тревога все-таки не покидала ихъ. Видя по вѣдомостямъ, что изъ другихъ мѣстъ выдано на Септемъ больше обязательствъ, чѣмъ ихъ очищено въ этой таможенѣ, Монтаранъ сейчасъ шлетъ марсельскому директору таможенъ запросъ: куда дѣвался хлѣбъ по этимъ обязательствамъ? Тревога была напрасною, такъ какъ по объясненію директора эти партіи еще не успѣли прибыть въ Марсель ³⁾ и окажутся въ слѣ-

¹⁾ Письмо Де-Ла-Тура Монтарану отъ 26-го февраля 1778 г. Arch. Nat. F¹¹ 224.

²⁾ Письмо Де-Ла-Тура отъ 18-го января 1778 года и мемуаръ при немъ. Arch. Nat. F¹¹ 224.

³⁾ Письмо Монтарана директору марсельскихъ таможенъ отъ 10-го марта и отвѣты послѣдняго. При нихъ вѣдомость о прибывшихъ въ Марсель партіяхъ французскаго хлѣба:

дующихъ вѣдомостяхъ. Позже 1778 года не видно, чтобы генеральный контроль беспокоился о марсельскомъ хлѣбномъ транзитѣ; но таможенные не переставали подозрѣвать, что хлѣбъ провозится въ Провансъ лишь фиктивно. Въ 1782 году Сюдръ, контролеръ откупа въ Септемѣ, пишетъ (13-го декабря 1782 г.), что хлѣбъ, назначенный въ Эксъ, провозится оттуда обратно въ Марсель для вывоза въ Италію. Онъ поставилъ у каждаго вѣроуказъ Экса по чиновнику, но ничего изъ этого не вышло.

Относясь подозрительно къ марсельскому транзиту, Нэккеръ поддерживалъ его въ другихъ случаяхъ и старался устранить тѣ затрудненія, которыя встрѣчались. Нѣкоторыя изъ нихъ были случайными. Вслѣдствіе готовившейся войны съ Англіей матросы были забраны на военные суда, а это очень стѣснило каботажъ. Нэккеръ хлопоталъ передъ морскимъ министромъ Сартиномъ о возможномъ облегченіи въ этомъ отношеніи. Просьба его была уважена. Далѣе онъ хлопочетъ, чтобы эмбарго, наложенное на французскія суда, было снято съ судовъ съ хлѣбомъ и чтобы для охраны каботажа на за-

Изъ какого мѣста?	Время от-правленія.	П р и б ы т і е.	Количество.	Родъ хлѣба.
Нанта	12-го декабря 1777 г.	15-го, 20-го и 25-го января 1778 г.	1.501,ю q.	пшеница
Ларошели	25-го декабря 1777 г.	18-го, 26-го, 27-го и 30-го января 1778 г.	2.500 „	„
Нанта	12-го декабря 1777 г.	4-го и 13-го февраля 1778 г.	999 „	„
Ларошели	25-го декабря 1777 г.	21-го и 27-го февраля 1778 г.	1.500 „	„
Дюнкирхена	23-го января 1778 г.	26-го февраля 1778 г.	1.500 „	„

Какъ видно изъ этой вѣдомости, морская доставка не брала слишкомъ много времени. Даже изъ Дюнкирхена при благоприятныхъ условіяхъ хлѣбъ доходилъ въ мѣсяцъ. Мнѣ попалась накладная на 28 мѣшковъ муки, посланныхъ купцу Жюльену въ Марсель изъ Парижа „sous la garde de Dieu et conduite de M. Blanc voiturier“. Цѣна мѣшка (въ 325 е. вѣсомъ) 24 л., орехтъ тоже 24 л., да кромѣ того возчику должны быть вознаграждены пошлины и „gagne-deniers des differentes douannes“. Накладная выдана въ Парижѣ 17-го ноября 1782 года, а въ Септемѣ копія съ нея снята по прибытіи подводы 13-го декабря 1782 года. Грузъ былъ въ пути 26 дней. Контролеръ Септемской таможни задержалъ грузъ, подозрѣвая, что онъ идетъ за границу, и полагая, что изъ Парижа въ Марсель нельзя вывезти хлѣбъ. Arch. Nat. F¹¹ 224.

падномъ побережьи назначены были два фрегата ¹⁾. Мы не знаемъ о результатѣ этого послѣдняго ходатайства; что же касается освобожденія отъ эмбарго судовъ съ хлѣбомъ, то оно, повидимому, было сдѣлано.

Другія затрудненія произошли отъ продовольственныхъ мѣропріятій, предписанныхъ самимъ Нэккеромъ. Въ Бордо комиссіонеръ правительства Лаба-де-Сереннъ: (Labat-de-Serenne) съ помощью мѣстныхъ властей заставлялъ лодочниковъ брать партіи хлѣба, которыя ему надо было поднять вверхъ по Гароннѣ. Напуганные этими мѣраами, лодочники стали избѣгать Бордо и ближайшіе города, и купцы горько жаловались на стѣсненія, происходящія отсюда для каботажа ²⁾.

Наконецъ, затрудненія третьяго порядка происходили отъ причинъ постоянныхъ. Мы знаемъ, что Тюрго въ значительной степени упростилъ процедуру съ обязательствами на хлѣбные грузы, перевозимые изъ порта въ портъ. Но тѣмъ не менѣе затрудненіе сейчасъ же являлось, какъ только таможенные чиновники почему-либо не хотѣли выдать квитанцію о выгрузкѣ груза. Формальныхъ же поводовъ у нихъ для этого было всегда довольно. Купецъ Жакъе и К^о изъ Нанта жаловался, что таможня въ Бордо не выдаетъ его прикащику квитанціи на доставленный грузъ. Переписка по этому поводу шла довольно долго ³⁾. Въ случаѣ аварии эти затрудненія становились болѣе значительными, потому что иногда поднимался вопросъ о продажѣ подмоченнаго хлѣба не въ томъ портѣ, куда онъ назначался. Постановленіе закона Тюрго о каботажѣ, разрѣшавшее выгрузить хлѣбъ и не въ портѣ, обозначенномъ въ обязательствѣ, не всегда исполнялось ⁴⁾.

Судя однако по незначительному числу жалобъ и по благосклонному отношенію Нэккера къ хлѣбному каботажу, надо думать, что

¹⁾ Письма Нэккера Сартину 27-го декабря 1777 г., 14-го февраля, 10-го марта и 17-го марта 1778 г. Arch. Nat. F¹¹* 1.

²⁾ Письма Монтарана интенданту Бордо отъ 30-го ноября 1777 г. и 21-го декабря 1777 года, въ которыхъ онъ указываетъ послѣднему на эти факты. Ibid. F¹¹* 1.

³⁾ Письма Монтарана, начиная съ 13-го апрѣля 1778 г. (ibid.).

⁴⁾ Дюнкирхенскіе купцы Salchli и Rappard получили съ трудомъ, почти черезъ мѣсяцъ, разрѣшеніе продать въ Сеттѣ и Агдѣ — часть подмоченнаго хлѣба (50 шаржъ), а другую въ Марсели. Грузъ назначался въ Сентемъ. Затрудненіе продать въ Марсели понятно: но не было надобности въ особомъ разрѣшеніи министра на продажу хлѣба въ другихъ городахъ, ибо мѣстныя власти не имѣли права запрещать это.

онъ былъ въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ при аббатѣ Тэррѣ. Я говорю, конечно, о времени до начала войны съ Англійей.

ВНУТРЕННЯЯ ЦИРКУЛЯЦІЯ.

Нэкеръ признавалъ значеніе свободы внутренней циркуляціи хлѣба. Полезность ея стояла для него внѣ спора. Но онъ не признавалъ тѣсной зависимости, существующей между свободой циркуляціи и свободой купли-продажи хлѣба на рынкѣ и внѣ его. Признавая первую безъ ограниченій, онъ далеко не безусловно допускалъ вторую. Это противорѣчіе повело его на практикѣ къ тому же, къ чему приходили и сторонники регламентаціи.

Въ началѣ, послѣ своего вступленія въ министерство, онъ энергично поддерживалъ свободу внутренней хлѣбной торговли. По случаю возвышенія цѣнъ въ юго-западной Франціи вслѣдствіе плохого урожая парламентъ По издалъ постановленіе, стѣснявшее хлѣбную торговлю и, судя по письму Монтарана, предписывавшее приведеніе въ извѣстность всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ. По этому поводу Нэкеръ пишетъ интенданту Оша, предлагая ему „обезпечить за хлѣбной торговлей всю безопасность и свободу, въ коей она нуждается“. Про постановленіе парламента онъ говоритъ, что такія инквизиціи способны только возбудить тревогу и тѣмъ удалить отъ провинціи необходимую помощь. Когда владѣтельница мѣстечка Gogon ¹⁾ мадмуазель де-Вайель (M-elle de-Bailleul dame de Gogon) захотѣла разграничить время покупки хлѣба на мѣстномъ рынкѣ между купцами и потребителями, онъ убѣждаетъ ее, что такое распредѣленіе времени никогда не приносило пользы потребителямъ, такъ что часто они дешевле покупали хлѣбъ на рынкѣ же черезъ купцовъ, чѣмъ сами. Онъ не совѣтуетъ ей стѣснять покупокъ, дѣлаемыхъ купцами на рынкѣ, въ томъ соображеніи, что, когда надо будетъ, то они же доставятъ хлѣбъ въ Горонъ ²⁾.

Въ такомъ направленіи мыслей Нэкеръ продержался недолго. Уже въ концѣ сентября мы замѣчаемъ отступленіе. По поводу жа-

¹⁾ Въ департаментѣ Маншъ около Briqueville sur Mer; теперь поселокъ въ 40- жителей.

²⁾ Письмо Нэкера къ M-elle de-Bailleul 4-го августа 1777 года. Въ такомъ же духѣ онъ писалъ интенданту Бордо, жаловавшемуся (9-го сентября) на недостатокъ хлѣба. Онъ рекомендуетъ ему поддерживать хлѣбную торговлю. Письмо 16-го сентября 1777 г. Arch. Nat. F¹¹ * 1.

лобы интенданта Монтобана на дороговизну онъ соглашается съ нимъ, что слѣдуетъ „принять мѣры“, но онъ еще находитъ неудобнымъ отмѣнить существующее законодательство, а потому совѣтуетъ интенданту войти въ соглашеніе съ генераль-прокуроромъ Тулузскаго парламента на счетъ выработки этихъ мѣръ и приказовъ. (20-го сентября 1777 года). Нѣсколько дней позже у него уже исчезли сомнѣнія относительно неудобства отмѣны существующаго законодательства. Генераль-прокуроръ Тулузскаго парламента затруднился дать своимъ помощникамъ приказъ, противный предписаніямъ указа (Lettres Patentes) 2-го ноября 1774 г., регистрація котораго въ Тулузскомъ парламентѣ состоялась по его же требованію ¹⁾. Нэкеръ допускалъ возможность такихъ затрудненій, но не соглашался отступить передъ ними, потому что, говорилъ онъ, „нельзя допустить (on ne peut cependant se persuader), что король когда либо имѣлъ въ виду поощрять спекуляціи, которыя не только не увеличиваютъ изобилія, но способны только вызвать недостатокъ хлѣба“. Онъ пишетъ поэтому интенданту Монтобана (8-го октября), что „король уполномочиваетъ его дѣйствовать сообразно своему благоразумію“ (prudence). Но, чтобы дѣйствія интенданта не встрѣтили препятствій въ юридическихъ сомнѣніяхъ тулузскаго генераль-прокурора и его помощниковъ, Нэкеръ одновременно съ этимъ обратился къ хранителю печатей Мироменилю съ просьбой о содѣйствіи. Онъ пишетъ ему о необходимости не допускать купцовъ въ Монтобанѣ скупать хлѣбъ, ибо цѣна поднимается, не столько отъ недостатка хлѣба, сколько отъ захвата его купцами. „Операція этихъ спекуляторовъ, говоритъ онъ, полезны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ во время большаго изобилія, но они очень вредны во время недостатка хлѣба“..... „правда они могутъ сослаться въ свою пользу на содержаніе указа 2-го ноября 1774 года, даннаго къ постановленію Совѣта 13-го сентября 1774 года, и слѣдовало бы (il serait interressant) издать объяснительный законъ къ этому постановленію; но послѣдній долженъ быть редактированъ съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ. Имѣя въ виду, что генералите Монтобанъ находится въ положеніи, требую-

¹⁾ Нэкеръ пишетъ интенданту Монтобана 8-го октября 1777 года: „въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, генераль-прокуроръ Тулузскаго парламента, по требованію котораго состоялась регистрація указа 2-го ноября 1774 года, сопровождавшаго постановленіе совѣта 13-го предыдущаго сентября, затрудняется дать своимъ помощникамъ приказъ дѣйствовать противно предписаніямъ сего закона“... (Ibid.).

щемъ, чтобы фактически были отиѣнены (que l'on degoge par le fait) нѣкоторыя предписанія упомянутаго указа, и такъ какъ очень важно, чтобы интендантъ и чины полиціи жювералите не встрѣтали препятствія мѣрамъ, которыя они найдутъ нужнымъ принять для снабженія рынковъ, я имѣю честь просить Васъ написать гг. президенту Тулузскаго парламента и генераль-прокурору, чтобы они смотрѣли сквозь пальцы на то (qu'ils ferment les yeux), что будетъ дѣлаться въ этомъ отношеніи¹⁾.

Миromениль, какъ извѣстно, не былъ изъ числа сторонниковъ реформы Тюрго, а потому онъ сейчасъ же согласился послать требуемый циркуляръ²⁾.

Письма Нэккера интенданту Монтобана и хранителю печатей представляютъ собою точную характеристику его хлѣбной политики. Какъ въ вопросѣ о вывозѣ онъ не намѣнялъ законодательства, но фактически отиѣнялъ его и „пріучилъ незамѣтно публику и даже суды смслатъ на благоразуміе администраціи“, такъ точно онъ дѣйствуетъ и по отношенію къ внутренней хлѣбной торговлѣ: разъ онъ встрѣчаетъ въ законѣ препятствіе приложенію своихъ взглядовъ, онъ фактически отиѣняетъ законъ и замѣняетъ его „благоразуміемъ администраціи“.

Когда интендантъ Оверни донесъ ему, что его очень стѣсняетъ въ его дѣйствіяхъ законъ 1774 года, Нэккеръ далъ ему тоже полную свободу дѣйствій. „Нельзя допустить, говоритъ онъ, что законодатель, имѣвшій въ виду этимъ постановленіемъ лишь поощрить свободную циркуляцію хлѣба, намѣревался бы разрѣшить злоупотребленія, могущія повлечь за собою недостатокъ хлѣба и нарушить общественное спокойствіе. Выборъ средствъ, чтобы съ успѣхомъ противиться тѣмъ, кто вздумалъ бы практиковать ихъ (злоупотребленія), непременно долженъ быть представленъ администратору“ (Письмо 11-го октября).

Результаты стѣсненія торговли, продиктованныхъ „благоразуміемъ администраціи“, не замедлили сказаться. Въ письмѣ 16-го ноября 1777 года интенданту Оша Монтаранъ горюетъ, что тамошніе купцы отказываются отъ хлѣбныхъ операцій. На другой день онъ пишетъ

¹⁾ Письмо хранителю печатей 8-го октября 1777 г. Arch. Nat. F¹¹ * 1.

²⁾ 11-го октября Монтаранъ сообщаетъ интенданту Монтобана, что хранитель печатей согласился дать инструкцію прокурорамъ, а 18-го октября онъ уже препровождаетъ ему копію циркуляра хранителя печатей прокурорамъ округа Тулузскаго парламента. Ibid.

интенданту Лангдока, что до свѣдѣнія Нэккера дошло, что „негочіанты, опасаясь стѣсненій отъ мѣропріятій министра, торопятся окончить дѣла, начатыя ими раньше, и, кажется, не хотятъ снова взятыся за тѣ, которыя имъ рекомендуются обстоятельствами“.

Въ тотъ же день онъ пишетъ тулузской торговой палатѣ, завѣряя еѣ относительно сохраненія свободы ввоза и внутренней циркуляціи. Это завѣщеніе было не вѣрно, потому что въ это время къ мѣрамъ относительно снабженія рынковъ, въ сосѣднемъ Монтобанѣ присоединилась уже дѣятельность хлѣбныхъ комиссіонеровъ за счетъ правительства ¹⁾).

Мы видѣли выше, что рыночныя пошлины и связанныя съ ними права разныхъ должностныхъ лицъ признаны были при Тюрго подлежащими отмѣнѣ. Комиссія, учрежденная для разборовъ документовъ свѣтскихъ и духовныхъ сеньеровъ и учреждений, имѣвшихъ право на сборъ рыночныхъ пошлинъ, должна была заняться ими для опредѣленія размѣра вознагражденія этихъ лицъ и учреждений за потерю этихъ правъ, такъ какъ послѣднія рѣшено было упразднить. При Нэккерѣ направленіе дѣятельности этой комиссіи измѣняется. Она занимается подтвержденіемъ правъ разныхъ лицъ и учреждений на сборъ рыночныхъ пошлинъ съ хлѣба и отмѣняетъ лишь тѣ, которыя не оправдывались годными документами ²⁾. О первоначальной цѣли законовъ 10-го августа 1768 и 13-го августа 1775 годовъ какъ будто забыто. Такое отношеніе комиссіи къ рыночнымъ пошлинамъ гармонировало со взглядомъ Нэккера на это дѣло. Какъ видно изъ его книги о хлѣбной торговлѣ, онъ не считалъ нужнымъ отмѣнять рыночныхъ пошлинъ.

Между тѣмъ жизнь сама указывала на то, что отмѣна этихъ пошлинъ, а главное рыночныхъ порядковъ, съ ними связанныхъ, составляетъ необходимость. Дѣло о рынкѣ въ Греноблѣ служитъ на то хорошимъ указаніемъ. Парламентъ въ Греноблѣ призналъ за виконтессо де-Понъ (*M-me la vicomtesse de-Pont*) право на взиманіе съ хлѣба пошлины (*leude*) лейдъ на городскомъ рынкѣ ³⁾. Вслѣдствіе этого под-

¹⁾ Письма Монтарана 16-го и 17-го ноября 1777 г. и письмо его интенданту Ошъ отъ 28-го октября 1777 г. относительно комиссіонеровъ. Arch. Nat. F¹¹ *1.

²⁾ Постановленія совѣта 7-го, 23-го и 26-го февраля 1777 года по дѣламъ о пошлинахъ архіепископа Реймса капитула Notre Dame de Semur en Avois и аббатисы и монахинь монастыря Nogent-l'Artault. Arch. Nat. A. D. XI, 39.

³⁾ Такое названіе носили рыночныя пошлины въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Франціи.

воды съ хлѣбомъ стали останавливаться за городомъ, на эспланадѣ у французскихъ воротъ, и тамъ устроился импровизированный хлѣбный рынокъ. Это наносило ущербъ интересамъ виконтессы, но интендантъ, повидимому, былъ противъ этого налога и въ донесеніи Нэккеру о дѣлѣ указывалъ на то, что лѣйдъ подходитъ подъ категорію тѣхъ пошлинъ, которыя подлежатъ упраздненію. Но Нэккеръ посмотрѣлъ на дѣло иначе, онъ обратилъ вниманіе интенданта и генераль-адвоката на то, что парламентъ можетъ запретить собранія купцовъ за французскими воротами на томъ основаніи, что никакой рынокъ не можетъ открываться безъ королевскаго указа. Затѣмъ, когда мѣстныя власти не рѣшились прекратить существованіе хлѣбнаго базара за французскими воротами, онъ послалъ имъ соотвѣтствующее постановленіе совѣта и порекомендовалъ интенданту для приведенія его въ дѣйствіе принять слѣдующую мѣру: взять у казеннаго поставщика хлѣбъ и поручить вѣрнымъ людямъ продавать его на рынокъ съ уплатою „для примѣра“ пошлины лѣйдъ. „Онъ надеется, что такія продажи заставятъ и хлѣботорговцевъ начать продажу на городскомъ рынокѣ“. Такая инструкція только парализовала энергію интенданта, а пущенные въ дѣло маневры привели къ нежелательнымъ результатамъ. По поводу пошлины въ пользу де-Поаъ произошли въ Греноблѣ волненія. Нэккеръ обвиняетъ за нихъ интенданта, упрекая его за ошибки, и проситъ его „ради Бога употребить въ этомъ дѣлѣ все свое стараніе и усердіе“¹⁾. Недостатокъ матеріала не позволяетъ намъ сказать, какія мѣры были принимаемы къ увѣковѣченію рыночныхъ пошлинъ въ другихъ городахъ.

Чтобы покончить съ мѣропріятіями Нэккера по внутренней хлѣбной торговлѣ, упомянемъ еще объ изданномъ имъ постановленіи совѣта 25-го іюня 1781 года. Въ виду опасенія, что крахмальщикъ, будучи въ то же время хлѣбнымъ торговцемъ, можетъ употреблять хорошую муку на выдѣлку крахмала, это постановленіе запрещаетъ крахмальщикамъ и ихъ женамъ или дѣтямъ, живущимъ вмѣстѣ съ ними, заниматься хлѣбной или мучной торговлей²⁾. Это распоряже-

¹⁾ Письмо интенданту Гренобля и генераль-адвокату парламента отъ 18-го августа и 9-го сентября 1777 г., *Lettres Patentes* о закрытіи торговли за городомъ 6-го сентября 1777 г. и письма интенданту отъ 6-го и 25-го октября 1777 г. Интендантъ *Rajot de Marcheval*, а генераль-адвокатъ *Collaud de Salcette*. Парламентъ отказался издать запрещеніе продажи хлѣба на французской эспланадѣ. F^{11*} 1.

²⁾ *Arch. Nat. A. D. XI*, 40.

не фактически отмѣняло декларію 25-го мая 1763 года и постановленіе совѣта 13-го сентября 1774 года, которыя гласили: „Il sera libre à toutes personnes, de quelque qualité et condition qu'elles soient, de faire ainsi que bon leur semblera le commerce des grains et des farines“....

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ МѢРЫ.

Неудовлетворительность урожая въ Гіени и въ генералитѣ Оша и Монтобана были поводомъ принятія продовольственныхъ мѣръ. Неккеръ отпустилъ интенданту Монтобана 100.000 л., чтобы онъ употребилъ ихъ черезъ купцовъ на доставку хлѣба въ его генералитѣ. Равнымъ образомъ онъ разрѣшилъ и интенданту Бордо употребить комиссіонеровъ для доставки хлѣба въ Гіень. Онъ отказывался однако самъ выбирать этихъ комиссіонеровъ, потому что, говоритъ онъ, „если я заключу здѣсь договоръ съ какимъ-либо комиссіонеромъ, то это будетъ дурно истолковано, да и дѣло будетъ плохо управляемо, а ваши негоціанты будутъ напуганы этою конкуренціей“¹⁾. Изъ этого письма видно, что Неккеръ понималъ неудобства употребленія въ дѣло комиссіонеровъ; но думалъ, повидимому, что эти неудобства исчезнутъ оттого, что комиссіонеры будутъ выбраны на мѣстѣ интендантами. Въ этомъ отношеніи у него выходило равногласіе съ его ближайшимъ помощникомъ Монтараномъ. Послѣдній писалъ интенданту Оша слѣдующее интересное письмо по поводу системы продовольственныхъ мѣропріятій: „Я вамъ скажу, мой дорогой собратъ, что я много разъ говорилъ генераль-директору, что я никогда не допущу въ мою систему, чтобы король покупалъ и продавалъ хлѣбъ. Это самое вѣрное средство запугать негоціантовъ и подвергнуться (s'exposer) расходамъ, которые и высчитать трудно; но я всегда съ большимъ рвеніемъ буду совѣтовать министру дѣлать жертвы, чтобы побуждать торговцевъ доставлять съѣстные припасы туда, гдѣ они нужны. Я думаю, что для торговли не существуетъ никакого недоступнаго мѣста; дѣло только въ томъ, чтобы соразмѣрить поощреніе съ рискомъ и съ расходами. На основаніи этихъ принциповъ поощреніе или премія, выдаваемая съ каждой мѣры хлѣба негоціантамъ, которые доставятъ его въ тѣ мѣста вашей провинціи, гдѣ онъ нуженъ, и опредѣленная

¹⁾ Письмо 7-го октября 1777 г. интенданту Бордо. Arch. Nat. F¹¹* 1.

сообразно риску и затрудненіямъ доставки, казалась бы мнѣ мѣрой самою простой и вѣрной* 1).

Интенданты Оша и Бордо послѣдовали совѣту Монтарана и употребили отпущенныя имъ средства на ввозныя преміи, а интендантъ Монтобана дѣйствовалъ чрезъ комиссіонеровъ 2).

Какъ тѣ, такъ и другія мѣры, принятія для продовольствія юго-запада Франціи, превысили дѣйствительную потребность. Недостатокъ хлѣба оказался далеко не такъ великъ, какъ это показалось Нэккеру. Между тѣмъ его стараніями привезено было не мало хлѣба изъ-за границы. Весною 1778 года оказалось, что привезенный хлѣбъ некуда дѣвать, и, конечно, прежде всего потеряла отъ этого казна. Въ маѣ мѣсяцѣ 1778 года Нэккеръ приказываетъ купцу Леру (Le Roux) въ Ажанѣ (Agen) отнѣнить дальнѣйшую доставку хлѣба на Гаронну и наличныя партіи продать въ Агдѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ письмѣ къ Бордоскому интенданту онъ сѣтуетъ на то, что „много казеннаго хлѣба остается не проданнымъ“, и проситъ сказать, „нельзя-ли этотъ хлѣбъ направить въ Ошъ или сдать поставщику флота или вообще сбыть куда-нибудь“ 3).

ВВОЗЪ ХЛѢБА.

Продовольственные мѣры Нэккера имѣли своимъ объектомъ главнымъ образомъ иностранный хлѣбъ. Ввозъ хлѣба при немъ, особенно во время втораго министерства его, практиковался въ значительныхъ размѣрахъ. Прежде чѣмъ говорить о ввозѣ хлѣба при немъ, мы скажемъ объ условіяхъ, при которыхъ производился ввозъ хлѣба во Францію въ теченіе XVIII вѣка. До сихъ поръ мы не имѣли случая говорить объ этихъ условіяхъ.

Въ противоположность вывозу законодательство всегда разрѣшало

1) Письмо 28-го октября 1777 г. Arch. Nat. F11.* 1.

2) 25-го ноября 1777 г. ординамсомъ интенданта Бордо назначены были преміи на доставку хлѣба изъ всякихъ портовъ: французскихъ и заграничныхъ въ Бордо и другіе города Гіены. Мѣра удалась. Сумма 22.000 л. выдана была 4 гунцанъ. Вѣдомости ввезеннаго хлѣба называютъ заграничныя мѣста, откуда хлѣбъ былъ доставленъ: Амстердамъ, Гамбургъ, Данцигъ, С.-Доминго, Волга, С.-Петербургъ, Кенигсбергъ, Данія, Ростовъ и Архангельскъ. Inventaire des Arch. Depart. Gironde. С. №№ 1453 и 1454.

3) Письма Нэккера 15-го мая и 6-го іюня 1778 г. Arch. Nat. F11.* 1.

ввозъ хлѣба какъ моремъ, такъ и сушею ¹⁾). Мнѣ не довелось встрѣтить ни одного запрещенія или даже ограниченія ввоза хлѣба. Нельзя сказать въ точности, взималась-ли ввозная пошлина съ хлѣба во всѣхъ пунктахъ границы пяти большихъ откуповъ по тарифу 1664 года и позднѣйшихъ, или же она взималась только съ хлѣба, ввозимаго черезъ провинціи Мэнъ, Анжу и Thouars (сѣверная часть Пуату). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ она взималась въ размѣрѣ 2l 10s за мюи пшеницы парижской мѣры и 2l за мюи ржи ¹⁾). Какъ бы то ни было, это пошлина весьма незначительная, всего 4s и 2d съ сетье (1s 9d съ конталя) пшеницы.

При вздорожаніи хлѣба, когда обыкновенно его освобождали отъ равныхъ проходныхъ пошлинъ, его освобождали и отъ ввозныхъ пошлинъ. Такъ, въ 1709 году и до 1-го октября 1710 г. ввозныя пошлины съ хлѣба были отмѣнены ²⁾).

Затѣмъ ввозныя пошлины были отмѣняемы въ 1713, 1724, 1739 и 1740 годахъ.

Декларация 26-го октября 1740 года освободила хлѣбъ отъ ввозныхъ пошлинъ до конца 1741 года; но потомъ эта льгота практиковалась до 1763 года вслѣдствіе „терпимости“ (par tolérance), какъ говоритъ законодатель въ постановленіи Совѣта 18-го сентября 1763 года, а скорѣе вслѣдствіе постановленія Совѣта 15-го октября 1742 г., которымъ это извѣтіе было продолжено безъ опредѣленія срока ³⁾).

Когда началось движеніе въ пользу поднятія французскаго земледѣлія, то одною изъ мѣръ для этой цѣли Бертенъ призналъ поощреніе производства муки высшихъ сортовъ посредствомъ назначенія

¹⁾ Въ одномъ докладѣ о ввозѣ хлѣба, находящемся въ бумагахъ генераль-контроля, сказано: „Ввозъ хлѣба моремъ всегда былъ разрѣшенъ черезъ всѣ порты.... ввозъ сушей былъ тоже всегда разрѣшенъ“, но на поляхъ сдѣлано примѣчаніе: „было ли до 1674 г. какое-либо противное сему распоряженіе, неизвѣстно“. Arch. Nat. F¹¹. 223.

²⁾ *Savari*, Dictionnaire de Commerce, t. I, p. 528; что касается ввозныхъ пошлинъ съ хлѣба, то онѣ вовсе не упомянуты въ тарифахъ, за исключеніемъ только хлѣба, ввозимаго черезъ провинціи: Анжу, Мэнъ и Туаръ (Thouars).

³⁾ Декларация 27-го апрѣля 1709 г., 26-го ноября 1709 г. и 11-го мая 1710 г. Arch. Nat. A. D. XI, 38.

⁴⁾ Arch. Nat. A. D. XI. 39. Tarif des droits d'entrée et de sortie des cinq grosses fermes ordonnés être perçus par l'Edit de 1664 sur toutes les marchandises, augmenté des Notes et Observations sur les mutations des droits depuis le dit Tarif... Rouen, 1758. 28°. T. I, p. 282.

ввозной пошлины на такъ называемую муку „*minot*“, подъ каковымъ названіемъ разумѣлась крупчатая мука, упаковывавшаяся обыкновенно въ кадушки или боченки (*minot*). „Въ видахъ поощренія отечественнаго производства муки *minot*, говорится во введеніи къ постановленію Совѣта 27-го марта 1763 г., для защиты ея отъ иностранной (конкуренціи)... постановляется наложить на крупчатую муку (*farine de minot*) ввозную пошлину въ 6s съ кентала" (14s и 4d съ сетъе). Но въ то же время Вертенъ желалъ привлечь другіе сорта иностранной муки во французскіе порты, а поэтому въ томъ же постановленіи предоставляется иностранной мукѣ право беспошлиннаго склада и вывоза въ теченіе 6 мѣсяцевъ въ портахъ Калэ, Дюнкирхена, С. Валери, Дьенпа, Гавра, Руана, Гонфлера, Шербурга, Бана, Гранвилля, Морлэ, С. Мало, Бреста, Ванна, Нанта, Ларошели, Бордо, Либурна, Байонны, Сетта, Марсели и Тулона ¹⁾.

2-го января 1764 года къ пошлинѣ на муку прибавляется пошлина на низшіе сорта хлѣба: за овесъ 3s съ кентала, за ячмень, гречу и мансъ 2s 6d съ кентала; а затѣмъ извѣстный эдиктъ іюля 1764 года, разрѣшившій вывозъ хлѣба и регулировавшій его условія, ввелъ ввозную пошлину на пшеницу, въ размѣрѣ 1°/_o съ ея стоимости, и на рожь и проч. зерно въ размѣрѣ 3°/_o.

Этотъ эдиктъ имѣетъ въ виду также нѣкоторыми выгодами облегчить, на случай надобности, притокъ во Францію иностраннаго хлѣба. Онъ разрѣшаетъ ввозить всякаго рода зерно и муку какъ французамъ, такъ и иностранцамъ, и при томъ на судахъ всѣхъ національностей. Кромѣ того, онъ предоставляетъ ввезенному хлѣбу право беспошлиннаго склада, пшеницѣ—въ теченіе года, а низшимъ сортамъ хлѣба—въ теченіе шести мѣсяцевъ. Въ теченіе этого періода они могли быть вывезены обратно за границу въ томъ же видѣ или въ видѣ муки безъ уплаты пошлины.

Опредѣленіе размѣра пошлины процентнымъ отношеніемъ оказалось неудобнымъ въ томъ отношеніи, что она возвышается вмѣстѣ съ увеличеніемъ дороговизны хлѣба, а потому скоро (7-го ноября

---

¹⁾ Черезъ шесть мѣсяцевъ однако предписано было (18-го сентября 1763 г.) взимать пошлину въ 6s съ кентала со всякой иностранной муки; поводомъ этой мѣры было то обстоятельство, что пошлину стали взимать не со всякой крупчатой муки, а лишь съ той, которая приходила въ бочкахъ и боченкахъ, а упакованную иначе пропускали беспошлинно и тѣмъ обходилъ законъ. Arch. Nat. A. D. XI. 39.

1764 г.) она была замѣнена пошлиной съ кентала даннаго хлѣба, причѣмъ была вѣдана таблица хлѣбныхъ пошлинъ:

Пшеница	1s 3d съ кентала
Рожь, ячмень, суржикъ и проч.	2s 6d " "
Овесь	3s " "
Мука ¹⁾	6s " "

На самомъ дѣлѣ однако пошлина ввзималась въ нѣсколько болѣе развѣрѣ. Постановленіе Совѣта 7-го ноября 1764 г. ничего не говоритъ о добавочныхъ процентныхъ сборахъ, такъ называемыхъ „су съ ливра“; но тамошни ихъ ввзимали такъ, что таблица пошлинъ получаетъ слѣдующій видъ (Сборъ высчитанъ съ кентала):

Установленная пошлина.		6 су съ ливра.	Всего.
Пшеница	1s 3d	+ 4 ¹ / ₂ d	= 1s 7 ¹ / ₂ d
Рожь, суржикъ, ячмень и пр.	2s 6d	+ 9d	= 3s 3d
Мука ²⁾	6s	+ 1s 9 ³ / ₈ d	= 7s 9 ³ / ₈ d

Эти покровительственныя пошлины продержались недолго. Подъемъ цѣнъ въ 1768 году вызвалъ потребность въ иностранномъ хлѣбѣ, ввозъ котораго былъ значителенъ. Правительство нашло, что „пошлины, установленныя эдиктомъ іюля 1764 г., оказываютъ вредъ купцамъ и народу“, и, желая оказать подданнымъ помощь, которую можетъ принести торговля, и предоставить имъ пользоваться выгодами, могущими произойти для нихъ отъ свободы ея, оно постановленіемъ 19-го сентября 1768 года отмѣнило пошлины и вмѣсто нихъ приказало ввзимать съ ввозимыхъ зерна и муки столько же, какъ и съ вывозимыхъ ³⁾. Этимъ распоряженіемъ ввозныя пошлины были значительно понижены, такъ что новый тарифъ ихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Пшеница.	7 ¹ / ₂ d	+ 2 ¹ / ₄ d	= 9 ³ / ₄ d	съ кентала
Суржикъ и рожь.	5d	+ 1 ¹ / ₂ d	= 6 ¹ / ₂ d	„ „

¹⁾ Arch. Nat. A. D. XI. 39. n F^o 223.

²⁾ Въ бумагахъ генеральнаго контроля. Arch. Nat. F^o 223. „Dispositions des reglements concernant la traite des grains“. Составитель экстракта говоритъ на основаніи таможенныхъ вѣдомостей. Изъ сдѣланныхъ имъ выписокъ изъ вѣдомостей видно, что добавочный сборъ не вездѣ ввзимался въ одинаковомъ развѣрѣ. Въ Эльзасѣ, напримѣръ, ввзимались 2 sou pour livre только.

³⁾ Arch. Nat. F^o 228.

Овесь	6d	+ 1 ¹ / ₈ d	= 7 ¹ / ₈ d	. . . . .
Ячмень, греча, мансъ и проч.	5d	+ 1 ¹ / ₂ d	= 6 ¹ / ₂ d	. . . . .
Мука ¹⁾	1s	+ 3 ² / ₈ d	= 1s 3 ² / ₈ d	. . . . .

Послѣ 19-го сентября и 31-го октября 1768 года не было измѣненій ввозныхъ пошлинъ. Такимъ образомъ мы можемъ отмѣтить въ ихъ исторіи 4 періода: первый до 1740 года, когда онѣ взиались, повидимому, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ весьма незначительномъ размѣрѣ, при чемъ дѣлались временами полныя изъятія; второй періодъ до 1764 года, когда никакихъ ввозныхъ пошлинъ не было третій — съ 1764 по 1768 годъ, когда были установлены покровительственныя пошлины, и четвертый — до конца стараго порядка, когда ввозныя пошлины имѣли значеніе развѣ только для учета ввоза.

У меня не было данныхъ для опредѣленія величины ввоза хлѣба во Францію. Рубо говоритъ, что „съ тѣхъ поръ какъ намъ запрещено продавать хлѣбъ, мы его покупаемъ въ Англіи на довольно значительныя суммы, на 10—11 милліоновъ въ 1748, 1749 и 1750 году, на 13 милліоновъ ливровъ въ 1740 году“ ²⁾. Но эти цифры не выражаютъ собою нормальнаго хода дѣла, потому что мы знаемъ, что въ 1740 году былъ сильный неурожай и правительство поручало покупку и доставку хлѣба изъ-за границы за счетъ казны; въ 1748 и 1749 годахъ цѣны были особенно высоки; въ 1750 г. вслѣдствіе дороговизны, вызванной спекуляціями поставщиковъ военныхъ запасовъ при плохомъ урожаѣ, казна озаботилась о ввозѣ. Машо купилъ за счетъ правительства 200 тысячъ кенталей хлѣба, привезеннаго изъ-за границы ³⁾. На основаніи многихъ соображеній можно думать, что вообще нормальный ввозъ хлѣба во Францію средствами торговли былъ не великъ. Прежде всего цѣны хлѣба во Франціи не были благоприятны для сильнаго ввоза. Съ 1716 года по 1768 годъ стояли невысокія цѣны, только въ 1725, 1726 и 1741 г. средняя годовая

¹⁾ Въ постановленіи Совѣта 31-го октября 1768 г. сказано, что хлѣба ввозятся, не платя другой пошлины, кромѣ 7¹/₈d., согласно постановленію 19-го сентября 1768 г. Но нельзя сказать, чтобы эта цѣна была признана относящеюся ко всемъ сортамъ хлѣба. Въ бумагахъ генеральнаго контроля мы имѣемъ указаніе, что пошлина взымалась съ дополнительнымъ сборомъ. F¹¹ 223.

²⁾ *Roubaud*, Représentations aux magistrats, p. 217.

³⁾ Arch. Nat. A. D. XI. 39; *Biollay*, Paste de Famine, p. 67.

цѣна сѣтье хлѣба была выше (двадцати пяти) 25 ливровъ и была выше 20 за сѣтье въ 1724, 1740, 1742, 1752 и 1757 годахъ ¹⁾.

При такомъ условіи большаго ввоза не могло быть ни изъ Англіи, ни изъ Данцига черезъ посредство Голландіи. Мы видимъ, что до 1764 года ввозимый во Францію хлѣбъ не пользуется беспошлиннымъ складомъ и правомъ обратнаго вывоза. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ порядками внутренней торговли, не было поощрительно для ввозителей хлѣба. Наконецъ, мы видимъ, что при всякомъ повышеніи цѣны хлѣба правительство берется за ввозъ его и дѣлаетъ это по необходимости. Мы не говоримъ здѣсь о Марсели, хлѣбная торговля которой стояла въ исключительномъ положеніи. Тамошніе купцы знали, гдѣ и какъ достать хлѣбъ, и имѣли постоянныя сношенія по этой части. Но въ другихъ городахъ, особенно сѣверныхъ, дѣло стояло иначе. Въ Руанѣ во время голодовки 1693 года изъ 15 самыхъ значительныхъ негодіантовъ только пятеро согласились, по предложенію интенданта, доставить хлѣбъ съ сѣвера, а остальные отозвались незначеніемъ торговли съ сѣвромъ. Въ то же время въ компаніи, которую удалось составить купцу Лежандру изъ тринадцати руанскихъ негодіантовъ для доставки хлѣба изъ Балтійскаго моря, было только пять хлѣботорговцевъ ²⁾. Много лѣтъ спустя, въ 1768 г. невѣдѣніе купцовъ по части данцигской и кенигсбергской торговли не уменьшилось, если не увеличилось. Аббатъ Рубо изъ Гродно поучалъ ихъ, указывая, къ кому слѣдуетъ обратиться въ Кенигсбергѣ и Данцигѣ, почему хлѣбъ и что стоитъ фрахтъ до Руана или Гавра ³⁾.

¹⁾ *Arnould, De la balance du Commerce et des relations commerciales etc.* Paris. 1795. 2 vol. in 8°. Цѣны до 1764 г. взяты имъ у Messance'a, а послѣднія изъ вѣдомостей Парижскихъ мѣрщиковъ. Эти цѣны нѣсколько ниже действительныхъ среднихъ цѣнъ для всей Франціи. Если мы возьмемъ цѣны Гарнье, таблица которыхъ имъ приложена къ изданію 1860 г. перевода сочиненія Адама Смита (о богатствѣ), то увидимъ, что выше 25 fr. (на теперешнюю монету) за гектолитръ цѣна стояла въ 1725, 1726, 1740 и 1741 г., а выше 20 фр. за гектолитръ была въ 1724, 1739, 1752, 1757 и 1767 годахъ. У него показана цѣна въ 51 fr. 99 с. за гектол. для 1756 г., но это, вѣроятно, опечатка вмѣсто 15 fr. 99 с., ибо и у Арну и у Мессанса въ этомъ году показана цѣна 16l 3s 9d за сѣтье, что составляетъ на теперешнюю монету 16 fr. 51 с. за сѣтье (что составляетъ за гектолитръ 10 fr. 58 с.).

²⁾ *Arch. Nat. G⁷ 1682.* Допоселеніи интенданта Руана 1-го и 15-го октября 1693 г.

³⁾ Правда, что въ *Journal de Commerce* печатались одно время въ 50-хъ годахъ голландскіе, данцигскіе и кенигсбергскіе цѣны и фрахты; но эта затѣя не имѣла ни значенія, ни успѣха.

Всѣ эти обстоятельства дали намъ основаніе сказать, что ввозъ хлѣба во Францію былъ обыкновенно незначителенъ. Если и принять, что ввозъ его на 10 — 11 милліоновъ ливровъ въ годъ, показанный Рубо для 1748, 1749 и 50 годовъ, былъ близокъ къ среднему, то этого количества было слишкомъ мало въ случаѣ недорода. Между тѣмъ, благодаря только что указаннымъ условіямъ, ввозъ хлѣба не могъ быть эластичнымъ, расширяться и сжиматься сообразно потребности. Вслѣдствіе этого для увеличенія его правительство прибѣгало къ экстреннымъ мѣрамъ въ видѣ назначенія особыхъ коммиссіонеровъ, которымъ поручалась покупка хлѣба за границей и доставка его въ извѣстные пункты страны на казенныя деньги. Такія мѣры мы встрѣчаемъ въ 1709 и 1710 годахъ, потомъ во времена Мапо, аббата Террэ и Неккера ¹⁾.

Другою мѣрой увеличенія ввоза хлѣба было поощреніе частной предпримчивости посредствомъ ввозныхъ премій. Въ первый разъ съ ввозными преміями мы встрѣчаемся въ 1768 году. Когда стали подниматься цѣны на хлѣбъ вслѣдствіе посредственнаго урожая 1767 года и плохого урожая 1768 года, правительство, какъ мы видѣли, 19-го сентября 1768 года понизило ввозныя пошлины на всѣ сорта хлѣба. Но эта мѣра оказалась недостаточною. 31-го октября того же года оно издало новое постановленіе Совѣта, которымъ, сохраняя ввозныя пошлины, назначало ввозныя преміи на разные сорта хлѣба и поставило высоту ихъ въ зависимость отъ времени ввоза. Премія рассчитана была на кенталь ввезеннаго въ порты Франція хлѣба въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	Пшеница.	Рожь.	Ячмень и др сорта хлѣба.
1. Съ 1-го ноября 1768 г. по 1-е февраля 1769 г.	12 s. 6 d.	8 s. 4 d.	4 s. 2 d.
2. Съ 1-го февраля по 1-е ап- рѣля 1769 г.	8 „ 4 „	6 „ 8 „	3 „ 4 „
3. Съ 1-го апрѣля по 1-е іюня 1769 г.	4 „ 2 „	3 „ 4 „	1 „ 8 „

Лицамъ, получившимъ премію за ввезенный хлѣбъ, позволялось вывести его обратно за границу или перевезти въ другой француз-

¹⁾ Переписка интендантовъ съ генераль-контролеромъ въ 1709 и 1710 годахъ Arch. Nat. G⁷. 1630—1658; также у *Бюлле* въ его *Paete de Famine*, главы II III и VIII.

скій портъ по предварительномъ возвращеніи полученной преміи. Кромѣ того, иностранные корабли, привезшіе хлѣбъ, освобождались отъ ластоваго сбора до 1-го іюля 1769 года ¹⁾.

Мы не знаемъ, какіе практическіе результаты принесли предо, ставленныя ввозу хлѣба льготы; но надо полагать, что оны оказали свое дѣйствіе, такъ какъ мы знаемъ, что аналогичныя съ ними поощренія, оказанныя хлѣбной торговлѣ Тюрго, когда онъ былъ интендантомъ, увѣчались успѣхомъ. Только въ одномъ декабрѣ 1770 года привезено было въ Бордо 1.655.885 фунтовъ пшеницы и суржика и 1.395.420 фунтовъ ржи ²⁾.

Когда Тюрго сдѣлался министромъ, онъ прибѣгъ къ ввознымъ преміямъ во время дороговизны 1775 года. Постановленіемъ совѣта 25-го апрѣля 1775 года назначены были ввозныя преміи за хлѣбъ, доставленный въ королевство, и, кромѣ того, за доставку его въ Парижъ и Ліонъ. За хлѣбъ, ввезенный изъ за границы въ порты Франціи, назначена была премія въ 18 су за кенталь пшеницы и 12 су за кенталь ржи. За хлѣбъ, привезенный въ Парижъ непосредственно изъ за границы или доставленный туда изъ какого либо порта Франціи, платилось 20 су за кенталь пшеницы и 12 су за кенталь ржи сверхъ привозной преміи; за таковой же хлѣбъ, доставленный въ Ліонъ,—25 су за кенталь пшеницы и 15 су за кенталь ржи. Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ было издано 8-го мая другое, которымъ устанавливалась премія за ввозъ хлѣба сухопутьемъ въ Эльзасъ, Лотарингію и Три Епископства въ размѣрѣ 15 су за кенталь пшеницы и 12 су за кенталь ржи.

Не смотря на заботы правительства о поощреніи ввоза различными льготами, послѣдній все-таки встрѣчалъ затрудненія со стороны мѣстныхъ учрежденій и регламентовъ по хлѣбной торговлѣ, которые, какъ мы не разъ уже замѣтили, нерѣдко парализовали общія мѣропріятія правительства. Такъ, когда одинъ діепскій негодіантъ Жъанъ выписалъ въ 1768 году хлѣбъ изъ за границы, онъ натолкнулся на недоброжелательство мѣстной корпораціи привилегированныхъ хлѣ-

¹⁾ Arch. Nat. F¹¹, 224. Вумаги генеральнаго контроля о хлѣбной торговлѣ въ концѣ царствованія Людовика XV.

²⁾ Ibid. Тюрго не давалъ премій, а давалъ безпроцентныя ссуды купцамъ и городамъ на покупку хлѣба и поручалъ его покупку на комиссіонномъ началѣ. За 1770 г. доставлено было 47.285 сѣтъя лиможекихъ, не считая хлѣба доставленнаго купцами безъ авансовъ. Отчетъ Тюрго объ операціяхъ, относящихся къ неурожаю. Oeuvres de Turgot, t. 11, p. 72.

боторговцевъ. Они сначала предложили ему довольно высокую цѣну, лишь бы онъ продалъ имъ прибывшую партію, когда же онъ не согласился на это, то они сильно понизили цѣну и продавали хлѣбъ себѣ въ убытокъ, лишь бы проучить его ¹⁾).

Въ 1775 году, въ мартѣ мѣсяцѣ пришелъ въ Ларошель изъ за границы хлѣбъ купца Ришмова (Richemont), оказавшійся подмоченнымъ. Мѣстная полиція устроила визитацію этого груза и обязала грузовладѣльца не продавать его въ теченіе 15 дней и подвергать его въ это время перелопачиванію. По истеченіи 15 дней предполагалась новая визитація, которая и должна была рѣшить, можетъ ли этотъ хлѣбъ быть пущенъ въ продажу. А между тѣмъ, по обычаю, существовавшимъ въ сѣверныхъ портахъ, страховая премія по случаю аварій выдавалась только тогда, когда грузъ проданъ ²⁾). Прошелъ почти мѣсяцъ, пока это распоряженіе полиціи было отмѣнено постановленіемъ королевскаго совѣта. Такія и подобныя затрудненія въ значительной степени парализовали дѣйствіе премій.

При Нэккерѣ выдача премій практиковалась; но онъ самъ болѣе склонялся къ порученію ввоза хлѣба комиссіонерамъ, тогда какъ помощникъ его Монтаранъ стоялъ за выдачу премій ³⁾). По свойству своихъ отношеній къ частной хлѣбной торговлѣ Нэккеръ не могъ ограничиться одной выдачей премій. Мы видѣли, что онъ считалъ дѣятельность купцовъ во время дороговизны вредною; этотъ взглядъ давалъ просторъ мѣстнымъ властямъ въ стѣсненіяхъ, которыми они склонны были подвергать хлѣбную торговлю, а это не могло не отражаться вредно и на ввозѣ и парализовать вліяніе премій.

Нэккеръ желалъ знать въ точности положеніе ввоза, а потому вскорѣ, по своемъ вступленіи въ должность, онъ потребовалъ отъ таможеннаго откупа, чтобы въ генеральный контроль доставляемы были ежемѣсячно вѣдомости ввезеннаго хлѣба (циркуляръ 12-го августа 1777 года). Такъ какъ неурожай въ 1777 году постигъ главнымъ образомъ юго-западъ Франціи, то по совѣту Монтарана интендантъ Бордо, извѣстный Дюпре де С. Моръ, своимъ ординасомъ назначилъ ввозныя премія за хлѣбъ, изъ какихъ бы портовъ таковой ни былъ доставленъ въ Бордо. Онъ истратилъ на это дѣло

¹⁾ *Roubaud*, Représentations, p. 99.

²⁾ Arch. Nat. A. D. XI, 39. Это распоряженіе полиціи было отмѣнено постановленіемъ совѣта, 7-го апрѣля 1775 г.

³⁾ Цитированное выше (стр. 25) письмо Монтарана въ генералитету Оша, отъ 28-го октября 1777 г.

22.000 ливровъ, что указываетъ, что мѣра удалась, хотя купцовъ, занявшихся этимъ дѣломъ, было всего четверо ¹⁾. Кромѣ того, самъ Нѣккеръ употреблялъ разныя мѣры для привлеченія хлѣба во Францію. Черезъ министра иностранныхъ дѣлъ Вержена онъ ходатайствовалъ передъ Австріей о выпускѣ для юго-западной Франціи 30—40 тысячъ сѣтѣ пшеницы изъ австрійской Фландріи. Разрѣшеніе получено было, и то съ трудомъ, на 20—30 тысячъ сѣтѣ ²⁾. О томъ же онъ ходатайствовалъ передъ Испаніей и получилъ разрѣшеніе на 20.000 cahis ³⁾, а также и передъ папскимъ правительствомъ объ отпускѣ хлѣба изъ Церковной области. Отвѣчая Верженю на его сообщеніе объ этомъ разрѣшеніи, Нѣккеръ замѣчаетъ, что, по всей вѣроятности, имъ воспользоваться не придется, такъ какъ хлѣба достаточно ⁴⁾.

Съ конца февраля 1778 года Нѣккеръ освободилъ корабли съ хлѣбомъ, ввозимымъ изъ за границы въ Бордо и другіе юго-западные и южные порты, отъ ластоваго сбора, а въ половинѣ марта назначилъ премію въ 30 су на буассо хлѣба, ввозимаго въ Бордо, и подтвердилъ свободу отъ ластоваго сбора кораблей, приходящихъ съ хлѣбомъ въ Агдъ и Нувелль (для Лангдока) ⁵⁾.

Льготы, предоставленныя ввозному хлѣбу, недостаточно были извѣстны. Такъ, изъ письма Монтарана Дюнкирхенскому купцу Девину (Devines) отъ 10-го марта видно, что послѣдній ничего не зналъ объ освобожденіи кораблей съ хлѣбомъ отъ ластоваго сбора. Съ другой стороны и портовые власти дѣлали затрудненія, препятствуя иностраннымъ судамъ выгружать хлѣбъ. Въ письмѣ отъ 4-го марта къ морскому министру Сартину Нѣккеръ жалуется на то, что пор-

¹⁾ Inventaire des archives depart. Gironde. C. 1453, 1454. Видомости, цитируемыя въ инвентарѣ, кромѣ французскихъ портовъ, называютъ слѣдующія мѣста, изъ которыхъ былъ привезенъ хлѣбъ: Амстердамъ, Архангельскъ, Волга, Гамбургъ, Голландія, Данія, Данцигъ, С. Доминго, Кенигсбергъ, Петербургъ и Ростовъ. Подъ № 1463 той же серіи С помѣщена переписка С. Мора съ Нѣккеромъ по поводу неурожаа 1777—1778 г.

²⁾ Письмо Нѣккера Верженю 3-го февраля 1778 года. Arch. Nat. F^{11*}, 1.

³⁾ Письмо 11-го апрѣля и 22-го мая 1778 года, *ibid.*—Cahis, или saffis, марокканская мѣра хлѣба, равна 381 е. marc, или 1,58 сѣтѣ парижскаго; см. *Savari, Dictionnaire*, t. 1, стр. 729. По расчету африканской компаніи saffis Алжира равнялось 1½ шарманъ Марсельскихъ. Arch. Nat. G⁷, 1648.

⁴⁾ Письмо Верженю отъ 8-го мая 1778 г., *ibid.*

⁵⁾ Премія въ 30 су на Бордоское буассо составляетъ 60 су на сѣтѣ парижской мѣры или 25 су на кенталь. Это весьма значительная премія.

товья власти въ Нантѣ не даютъ практики иностраннымъ судамъ¹⁾. Эти условія, а также и слабость развитія хлѣбной торговли были причиной того, что предоставленныя ввозу хлѣба льготы не вполне достигали желательнаго результата. Къ тому же, какъ мы знаемъ, Нэkkerъ не считалъ частной хлѣбной торговли способною удовлетворить потребности публики во время дороговизны. Вслѣдствіе этого мы видѣли, что, кромѣ премій и освобожденія отъ пошлинъ, Нэkkerъ поручалъ покупку хлѣба за границей за счетъ казны, выдавая на это значительные авансы. Уже въ началѣ марта 1778 года имъ было выдано купцамъ болѣе 2 милліоновъ ливровъ авансовъ на пріобрѣтеніе хлѣба на сѣверѣ²⁾.

Размѣры недостачи хлѣба были, какъ мы видѣли выше, опредѣлены преувеличенно, а потому какъ строгости по части запрещенія вывоза хлѣба оказались излишними, такъ и закупленныя за границей партіи хлѣба не находили помѣщенія. Въ письмѣ отъ 6-го мая 1778 года къ интенданту Бордо Нэkkerъ жалуется, что много хлѣба не продано, и проситъ его совѣта, куда бы его сбыть. Нѣсколькими днями позже онъ пишетъ купцу Леру (Le Roux) въ Ажанѣ (Agen), комиссіонеру казны, и приказываетъ ему прекратить дальнѣйшую доставку хлѣба на Гаронну, а остающійся у него на рукахъ хлѣбъ продать въ Агдѣ³⁾.

Подводя итоги дѣятельности Нэккера въ области хлѣбной торговли во время перваго его министерства, мы видимъ, что въ отношеніи внѣшней торговли онъ снова ввелъ въ практику ту боязнь вывоза хлѣба, которою руководствовались французскіе государственные дѣятели въ теченіе почти всего XVIII столѣтія и отъ которой какъ они, такъ и общественное мнѣніе стали освобождаться подъ влияніемъ ученія физиократовъ. Поддавшись страху вывоза хлѣба, онъ остановилъ его тогда, когда въ сущности необходимости въ томъ не представлялось. Поощряя, напротивъ, ввозъ хлѣба, онъ и тутъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что купецъ вслѣдствіе своей склонности къ наживѣ способенъ только приносить вредъ своими спекуляціями, а потому онъ не поощряетъ частной предпримчивости, а дѣйствуетъ главнымъ образомъ при помощи комиссіонеровъ, то есть,

¹⁾ Письмо къ Devines'у отъ 10-го марта 1778 года и къ Сартину 4-го марта 1778 г. Arch. Nat. F¹¹³, 1.

²⁾ Письмо Нэккера къ маршалу Муши отъ 9-го марта 1778 г., *ibid.*

³⁾ Письмо 6-го мая 1778 г. къ Дюпре де С. Мору и письмо 15-го мая къ купцу Леру.

возвращается къ практикѣ аббата Терра, хотя и ведетъ эти операціи въ меньшихъ размѣрахъ и не возводитъ ихъ въ систему. Но, взявшись за опредѣленіе степени нужды въ хлѣбѣ и за соотвѣтственное развитіе продовольственныхъ мѣръ, Неккеръ ошибся въ расчетахъ и приобрѣлъ хлѣба больше, чѣмъ требовалось. И это произошло не только вслѣдствіе недостатка точныхъ данныхъ, но и въ силу его мѣропріятій. Послѣднія, пугая купцовъ и публику, заставляли хлѣбъ прятаться и такимъ образомъ искажали въ худшую сторону истинное положеніе дѣла. Въ отношеніи внутренней циркуляціи Неккеръ считалъ себя сторонникомъ свободы; но, такъ какъ онъ ограничивался лишь признаніемъ свободы процесса передвиженія хлѣба по дорогамъ, а не перехода его изъ рукъ въ руки, то на практикѣ онъ стѣснилъ и внутреннюю хлѣбную торговлю. Существенный же результатъ его дѣятельности заключается въ томъ, что онъ расшаталъ законодательство о хлѣбной торговлѣ. Онъ не отмѣнилъ новыхъ законовъ, не восстановилъ старыхъ, но на практикѣ поставилъ „мудрость администраціи“ выше закона. Не окрѣпнувшее новое законодательство было подорвано, въ умахъ установилась путаница, и мѣстнымъ властямъ открытъ былъ широкій просторъ дѣйствовать по усмотрѣнію, а послѣднее, какъ мы знаемъ, склонялось въ пользу рутинны. Такимъ образомъ, дѣятельность Неккера снова задержала освобожденіе хлѣбной торговли послѣ реформъ Тюрго.

Г. Леонасьевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЧТО ТАКОЕ „ДЕСЯТНИ“?

(По поводу „Описи десятень“ г. *Сторожева*).

„Десятнямъ“ въ послѣднее время посчастливилось: за спеціальное изученіе этихъ любопытныхъ документовъ XVI—XVII вѣковъ, сохранившихся только въ одномъ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, взялся молодой ученый *В. Н. Сторожевъ*, заявившій себя ранѣе изданіемъ „Указной книги Помѣстнаго приказа“¹⁾. Десятнямъ онъ посвятилъ уже нѣсколько работъ, среди которыхъ наиболѣе серьезное значеніе имѣютъ двѣ—рефератъ, читанный на VIII Археологическомъ съѣздѣ: „Десятни, какъ источникъ для изученія исторіи русскаго провинціального дворянства въ XVI и XVII вѣкахъ“²⁾ и „Опись десятень XVI и XVII вѣковъ“, сопровождающаяся любопытнымъ предисловіемъ³⁾. Интересны и другія работы его, основанныя на изученіи десятень⁴⁾. Въ ближайшемъ будущемъ г. Сторожевъ обѣщаетъ подарить русскую исторіографію еще двумя работами изъ

¹⁾ „Описаніе документовъ Московскаго архива министерства юстиціи“, кн. VI, отд. III, сс. 1—212, и отдѣльное изданіе „Историко-юридическіе матеріалы“, изд. М. А. М. Ю., выг. 1.

²⁾ Напечатанъ въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*, 1890, № 3, сс. 487—497.

³⁾ „Описаніе документовъ М. А. М. Ю.“, кн. VII, отд. II, сс. 64—176.

⁴⁾ а) „Составъ Нижегородскаго дворянства по десятинамъ XVII вѣка“ (*Дѣйствиія Нижегород. Арх. Комм.*, 1890, выг. 9, сс. 399—403); б) „Составъ Рязанскаго дворянства по десятинамъ XVII вѣка“ (*Труды Рязанск. арх. комм.*, 1890, т. V, № 9 и № 10); в) „Четыре верстальныя десятни первой половины XVII вѣка“ (*Библиографъ*, 1890, № 12, сс. 150—156); г) „Тверское дворянство XVII вѣка. Выг. I. Составъ Зубцовскаго и Ржевскаго дворянства по десятинамъ XVII вѣка“ (*Изд. Тверск. арх. комм.*, 1891, сс. 1—116); д) „Доворная книга г. Твери 1616 г.“ (*Изд. той же Комиссіи*, 1890, сс. 1—39).—О другихъ, болѣе мелкихъ работахъ г. Сторожева по десятнямъ см. его предисловіе къ „Описи десятень“, сс. 70—71.

той же области—,общимъ обзорѣніемъ содержанія десятиенъ“ и изда-ніемъ „текста древнѣйшихъ десятиенъ“¹⁾).

Такимъ образомъ, г. Сторожевъ собирается до конца исчерпать вопросъ о десятиняхъ. Искренно желая ему всякаго успѣха на этомъ пути, я надѣюсь, что онъ не посѣтуетъ на меня за тѣ замѣчанія по поводу его „Описи десятиенъ“, какія онъ встрѣтитъ въ настоящей замѣткѣ... Мои замѣчанія коснутся собственно двухъ вопросовъ — *опредѣленія десятиенъ* и „*стороннихъ документовъ*“, попавшихъ въ отдѣлъ десятиенъ. Полагаю, что г. Сторожевъ сочтетъ меня нѣсколько компетентнымъ въ вопросѣ о десятиняхъ, такъ какъ онъ знаетъ, что и мнѣ приходилось изучать эти документы, хотя и не съ тѣми цѣ-лями, какія теперь преслѣдуетъ г. Сторожевъ.

I.

Десятни извѣстны русской исторіографіи не со вчерашняго дня: раньше г. Сторожева работали надъ ними П. И. Ивановъ²⁾, Н. В. Калачовъ³⁾, я⁴⁾ и А. А. Востоковъ⁵⁾. На основаніи этихъ работъ въ наукѣ установилось ясное представленіе о десятиняхъ: всѣ видятъ въ нихъ извѣстнаго рода *списки служилыхъ людей*—и ничего больше, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Именно такими простыми глазами посматрѣлъ сначала на эти простые документы и г. Сторожевъ⁶⁾. И дѣйствительно, ничего мудренаго въ нихъ нѣтъ, кромѣ названія. Не это-ли названіе и смущаетъ г. Сторожева?...

Извѣстно, что наука до сихъ поръ не можетъ уяснить отношенія термина „десятина“ къ содержанію тѣхъ документовъ, которые носятъ

¹⁾ „Опись десятиенъ“, с. 176.

²⁾ „Систематическое обзорѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей“ (М., 1836), 4—8, 118 и др.); „Описание Разряднаго архива“ (М. 1842), 22—23 и при-ложеній сс. 19—30.

³⁾ „Десятни“ (С.-Пб., 1875), 1—4. (См. также во II т. „Трудовъ II археол. съѣзда“).

⁴⁾ „Обозр. ист.-геогр. матер. XVII и нач. XVIII вѣковъ, заключающихся въ книгахъ Разр. приказа“ (Опис. докум. М. А. М. Ю.“ кн. IV), сс. 166, 168—172, 174, 269—273, 323—324, 362—364, 399—400, 454—455, 485 и др.

⁵⁾ „Русск. служил. сословіе по десятинямъ 1577 — 1608 гг.“ *Юридическій Вѣстникъ*, 1888, № 6—7, с. 264 и слѣд.).

⁶⁾ Въ „Указной книгѣ помѣстнаго приказа“, гдѣ г. Сторожевъ въ первый разъ заговорилъ о десятиняхъ, онъ называетъ ихъ „списками служилыхъ лю-дей“ (с. 150).

это имя. Никакихъ, ни прямыхъ, ни косвенныхъ показаній для уясненія этого термина не существуетъ, вѣрнѣе, не найдено доселѣ ни въ самыхъ десятиныхъ, ни въ другихъ документахъ XVI—XVII вѣковъ. Исторіографія такъ и порѣшила обходить этотъ темный вопросъ и не мудрить надъ простыми документами, носящими непонятное названіе. Но г. Сторожевъ, очевидно, не можетъ допустить, чтобы подъ такимъ мудренымъ названіемъ скрывались самые простѣйшіе списки. Оттого-то онъ и отвергаетъ всѣ сдѣланныя до него опредѣленія десятиныхъ и на ихъ мѣсто ставитъ свое—очень оригинальное...

Отвергая всѣ прежнія опредѣленія десятиныхъ, г. Сторожевъ отдаетъ нѣкоторое предпочтеніе моему опредѣленію, справедливо находя, что опредѣленія Иванова и Калачова очень не полны, а опредѣленіе г. Востокова, въ сущности, повторяетъ мое опредѣленіе ¹⁾. Основываясь какъ на личныхъ наблюденіяхъ надъ десятиными, такъ и на наблюденіяхъ Иванова и Калачова, я опредѣлилъ эти документы такъ: „десятинами назывались войсковые списки дворянъ и дѣтей боярскихъ, составлявшіеся при разборѣ, верстанѣ и раздачѣ имъ жалованья“ ²⁾.

Я весьма далекъ отъ того, чтобы считать это опредѣленіе идеальнымъ: оно требуетъ нѣкоторыхъ поправокъ и дополненій. Но все же я стою за него (въ исправленномъ видѣ), потому что не знаю лучшаго опредѣленія и нахожу не основательными всѣ возраженія противъ него г. Сторожева ³⁾. Въ чемъ же послѣднія заключаются?

Прежде всего г. Сторожевъ называетъ мое опредѣленіе „очень точнымъ *внѣшнимъ* опредѣленіемъ“... Очевидно, „внѣшнему“ опредѣленію документа онъ противопоставляетъ какое-то „внутреннее“ опредѣленіе, считая таковымъ, вѣроятно, свое опредѣленіе... Не касаясь пока послѣдняго, долженъ сознаться, что я рѣшительно не понимаю различія между „внѣшнимъ“ и „внутреннимъ“ опредѣленіями документовъ... Я допускаю только одно опредѣленіе—именно такое, которое даетъ понятіе о *сущности* документа и *отличаетъ* его отъ другихъ документовъ. А то и другое есть въ моемъ опредѣленіи.

Вопервыхъ, я называю десятины „*войсковыми* списками дворянъ и дѣтей боярскихъ“... Г. Сторожевъ подчеркнул слово „войсковые“... Не знаю, что это у него значитъ: одобряетъ-ли онъ, или нѣтъ этотъ

¹⁾ „Опись десятиныхъ“, 66—68.

²⁾ „Обозрѣніе ист.-географическихъ матеріаловъ“, 168.

³⁾ „Опись десятиныхъ“, 67—68.

терминъ?... Но мнѣ онъ представляется теперь неудачнымъ, и я замѣнилъ-бы его другимъ терминомъ, очень близкимъ къ нему, но болѣе подходящимъ къ данному случаю, „*воинскіе списки*“, то-есть, списки, составлявшіеся для военныхъ цѣлей государства. А что десятни преслѣдовали именно военныя цѣли, съ этимъ не будетъ спорить и г. Сторожевъ, прямо утверждающій, что десятни характеризуютъ именно „военную организацію дворянства“¹⁾. Такимъ образомъ, эта часть моего опредѣленія даетъ понятіе о главной сущности десятенъ, то-есть, удовлетворяетъ первому требованію, предъявляемому къ опредѣленію документовъ.

Вторая же часть моего опредѣленія, именно, что десятни составлялись „при разборѣ, верстаньѣ и раздачѣ жалованья“—отличаетъ десятни отъ другихъ воинскихъ списковъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, то-есть, удовлетворяетъ второму существенному признаку опредѣленія документовъ.

Но г. Сторожевъ находитъ въ моемъ опредѣленіи десятенъ и другіе недостатки. Такъ, онъ увѣряетъ, что мое опредѣленіе „грѣшитъ внесеніемъ *спеціального термина* „списокъ“, снятаго съ документовъ совершенно иного рода, нежели десятни“...

Но это не такъ: никакого „спеціального термина“ я не внесъ въ свое опредѣленіе. Терминъ „списокъ“ я употребилъ отнюдь не въ смыслѣ технического названія XVII вѣка, а беря это слово въ *нашемъ* смыслѣ, то-есть, какъ именной перечень лицъ. Вопервыхъ, нехлѣпо было-бы въ опредѣленіе документа внести „спеціальный терминъ“, требующій въ свою очередь опредѣленія. Во вторыхъ, нужно быть очень мало свѣдущимъ въ приказной терминологіи XVII вѣка, чтобы въ опредѣленіе десятенъ внести такой неопредѣленный и имѣвшій въ XVII вѣкѣ различное значеніе терминъ, какъ „списокъ“.

Г. Сторожевъ знаетъ только одинъ видъ „списковъ“ XVII вѣка, именно тотъ, который тождественъ съ нашимъ понятіемъ о „спискѣ“: онъ знаетъ только именныя перечни служилыхъ людей²⁾. Но, когда онъ ближе познакомится съ документами XVII вѣка, онъ убѣдится, что на московскомъ приказномъ языкѣ слово „списокъ“ имѣло много-различное значеніе. Онъ узнаетъ тогда, что „списками“ назывались не только именныя перечни лицъ (да и тѣ часто назывались не „списками“, а „*рописями*“, напримѣръ, „ропись тюремнымъ си-

¹⁾ Ibid., 74.

²⁾ Ibid., 14-ое примѣчаніе къ предисловію.

дѣльцамъ" и т. п.), но и такіе документы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ именныхъ перечней, или же гдѣ послѣдніе соединяются съ другимъ содержаніемъ. Таковы, напримѣръ, воеводскіе „*росписные списки*" и „*сметные списки*" („книги"). Правда, въ нихъ встрѣчаются (не всегда) и именные списки служилыхъ людей, но вѣдь не эти списки составляютъ главное содержаніе указанныхъ книгъ: преимущественное мѣсто отводится въ нихъ описанію укрѣпленій, перечнямъ „наряда", воинскихъ припасовъ и пр., и пр.

Но есть документы, которые, называясь „списками", не содержатъ въ себѣ никакихъ именныхъ перечней, но относятся къ области государственнаго хозяйства и финансовъ, напримѣръ, воеводскіе, дьячьи, таможенные и др. „*счетные списки*", „*сметные списки*" и „*помѣтные списки*" государевой казны (денегъ, хлѣба, соли, ясаку и пр.) и др. Известные дипломатическіе документы — „*статейные списки*" посольствъ — также не заключаютъ никакихъ именныхъ перечней. И многіе другіе документы XVII вѣка носили имя „списковъ". „Списками" назывались также *кони* съ документовъ („списокъ съ грамоты слово въ слово" и пр.). Вообще, употребленіе этого термина было такъ широко и разнообразно, что ни въ какомъ случаѣ его нельзя считать „спеціальнымъ" для какого нибудь одного вида документовъ. Зная же это, я не могъ внести этотъ неопредѣленный терминъ въ опредѣленіе десятицъ, гдѣ все должно быть точно и ясно. Повторяю: я внесъ въ опредѣленіе слово „списки" въ современномъ его значеніи.

Но г. Сторожевъ рѣшительно возстаетъ противъ того, чтобы признать десятици за списки. Онъ говоритъ: „десятици, очевидно, не „списокъ", ибо она *могла составляться на одно лице*"... Замѣтимъ, что на это возраженіе можно отвѣтить легкой перефразировкой самого возраженія: десятици, очевидно, суть списки, ибо *громадное большинство* ихъ составлялось *на много лицъ*... И въ самомъ дѣлѣ: десятицъ „на одно лицо" г. Сторожевъ открылъ всего около „20 книгъ" ¹⁾, а всѣхъ вообще десятицъ онъ подсчиталъ въ архивѣ министерства юстиціи 390 книгъ ²⁾! Очевидно, десятици на одно лицо составляютъ ничтожное *исключеніе* среди громадной массы десятицъ на много лицъ. Но логично ли это будетъ, если мы внесемъ въ опредѣленіе документа черты, снятыя съ ничтожнаго меньшинства десятицъ и отвергнемъ черты, присущія преобладающему типу десятицъ? А именно это

¹⁾ Ibid., 14-ое примѣчаніе.

²⁾ Ibid., сс. 76—77.

предлагаетъ сдѣлать г. Сторожевъ, забывая, что опредѣленіе известнаго документа всегда должно говорить только объ *общихъ чертахъ* даннаго *типа* документовъ, а не объ уклоненіяхъ отъ основнаго типа.

Да и что такое въ сущности „десятни на одно лицо“, — это еще вопросъ... Г. Сторожевъ познакомилъ насъ съ ними очень недостаточно ¹⁾... Дѣйствительно, напечатанныя имъ десятины—три на одно лицо и одна на двухъ лицъ—называютъ себя (въ текстѣ и въ рукоприкладствахъ „окладчиковъ“) „десятьнами“. Но тождественны ли записи этихъ одиночныхъ десятенъ съ записями настоящихъ верстальныхъ десятенъ, составлявшихся для новиковъ цѣлаго города, — этого г. Сторожевъ не уяснилъ. Не уяснилъ онъ также намъ и *обстановки*, среди которой находятся одиночныя десятины. Напечатанныя имъ четыре десятины всѣ взяты изъ одной книги № 255 (листы 1—2, 3—4, 41—43, 324—325). Ниже онъ отмѣчаетъ, что въ той же книгѣ № 255 находятся еще 4 одиночныя десятины (листы 111, 121, 125, 198). А чѣмъ же наполнены остальные листы книги № 255: можетъ быть, подобными же *записями* о верстанѣ новиковъ, но записями не на 1—2 лица, а на много лицъ? Нѣтъ ли *общаго предисловія*, или общаго заглавія ко всѣмъ записямъ книги № 255? Словомъ, не представляетъ ли вся эта книга № 255 *одну* верстальную *десятину*, отдѣльныя *записи* которой г. Сторожевъ принялъ за отдѣльные *документы*?...

Итакъ, ни одно изъ возраженій г. Сторожева, направленныхъ противъ моего опредѣленія десятенъ, не выдерживаетъ критики; слѣдовательно, мое опредѣленіе остается въ своей силѣ. Впрочемъ, я готовъ отказаться отъ него, если новое опредѣленіе г. Сторожева окажется болѣе правильнымъ...

II.

Г. Сторожевъ весьма рѣшительно заявляетъ, что „источникъ неточности предшествующихъ опредѣленій десятины крылся въ излишней особености ихъ изученіи“, а потому-де „мы постарались взглянуть на десятины нѣсколько *шире*, чѣмъ это практиковалось доселѣ“ ²⁾. Читая эти строки, я былъ увѣренъ, что г. Сторожевъ обратится къ сравнительному изученію именно тѣхъ документовъ Разряднаго приказа („*книги разборныя*“, „*раздаточныя*“, „*верстальныя*“ и проч.), на бли-

¹⁾ „Четыре верстальныя десятины 1-й половины XVII вѣка“, 150—156.

²⁾ „Опись десятенъ“, 68—69.

вость которыхъ къ десятиямъ я не одинъ разъ указывалъ въ своемъ „Обозрѣніи историко-географическихъ матеріаловъ“ ¹⁾. Это обстоятельство не безызвѣстно и г. Сторожеву, замѣтившему, между прочимъ, будто я „слезка выдвигаю *тяжелый вопросъ* объ отношеніи „десятии“ къ другимъ документамъ Разряда“ ²⁾.

Но дѣло въ томъ, что изъ тѣхъ мѣстъ „Обозрѣнія“, гдѣ я говорю объ аналогичныхъ съ десятиями разрядныхъ документахъ, г. Сторожеву извѣстно только *одно* ³⁾. А еслибы онъ зналъ и остальные мѣста моей книги, идущія къ данному вопросу, онъ тогда не могъ бы сказать о моемъ якобы „легкомъ“ отношеніи къ этому „тяжелому вопросу“. Правда, я не изучалъ его спеціально и только настаивалъ на необходимости спеціальной его разработки, но все же вопросъ достаточно намѣченъ мною и обстоятельно указаны пути къ его рѣшенію, то-есть, исполнено то, что лежало въ задачахъ „Обозрѣнія“. Такъ, я обращаю особенное вниманіе будущихъ изслѣдователей десятиенъ на отдѣлы Разряднаго архива—„Смотрѣнные списки“ ⁴⁾ и книги „Владимірскаго стола“ ⁵⁾, гдѣ преимущественно сохранились тѣ „разборныя“, „раздаточныя“ и „верстальныя книги“, близость которыхъ къ десятиямъ дала мнѣ право утверждать, что „иногда „книги“ всѣмъ своимъ содержаніемъ *совершенно равняются* „десятиямъ“, такъ что все отличие ихъ заключается только въ томъ, что онѣ *не называются* въ подлинникѣ (въ заголовкахъ и въ текстѣ) „десятиями“ ⁶⁾.

Вотъ почему я и далъ десятиямъ такое опредѣленіе, которое говоритъ о близости ихъ къ аналогичнымъ „книгамъ“ Разряда... Фактъ этой близости для меня несомнѣненъ, и я его объясняю другимъ столь же несомнѣннымъ для меня фактомъ, новидимому, не извѣстнымъ г. Сторожеву. Онъ смотритъ на приказную терминологию документовъ XVII вѣка съ современной канцелярской точки зрѣнія: у насъ если „рапортъ“,—такъ ужъ всѣ „рапорты“ будутъ точка въ точку похожи другъ на друга; современный чиновникъ никогда не позволитъ себѣ смѣшать „вѣдѣніе“ съ „отношеніемъ“, „приговоръ“ съ „постановленіемъ“ и т. п. Не то было въ XVII вѣкѣ, чуждомъ тѣхъ бюрократическихъ тонкостей, которыя такъ пышно расцвѣли въ XVIII вѣкѣ.

¹⁾ См. сс. 172, 174, 269—272.

²⁾ „Опись десятиенъ“, 68.

³⁾ Имено, стр. 172-я (см. „Опись десятиенъ“, 13-е примѣчаніе).

⁴⁾ „Обозр. ист.-геогр. матер.“, 174.

⁵⁾ Ibid., 270—271.

⁶⁾ Ibid., 269.

Приказные и вообще служилые люди, занимавшіеся составленіемъ правительственныхъ документовъ, думали при этомъ только о сущности дѣла и рѣшительно не гнались за такою неважною на ихъ здравый взглядъ стороною приказнаго дѣла, какъ названія и формы документовъ. Оттого-то такъ разнообразно и варьируются въ XVII вѣкѣ названія совершенно однородныхъ документовъ. Напримѣръ: Разряднаго приказа воеводскія „смѣтные книги“ (годичные отчеты о состояніи города) — документъ очень опредѣленнаго типа и крупнаго официального значенія — носили болѣе 15-ти названій. Близкіе къ „смѣтнымъ книгамъ“ воеводскіе „ростисные списки“ (отчеты о состояніи города при смѣнѣ воеводъ) носили болѣе 5 названій, „оброчныя книги“ — три названія ¹⁾ и т. п. Сибирскаго приказа „ясачныя книги“ — документы первостепенной важности для края — носили около 10 названій. Помѣстнаго приказа *писцовыя книги*, важность коихъ извѣстна г. Сторожеву, также часто варьируютъ свое названіе.

То же самое, полагаю, наблюдается и относительно „десятенъ“. Можетъ быть, въ XVI вѣкѣ, когда видовъ документовъ было гораздо меньше, „десятни“ и носили только одно это названіе и, можетъ быть, имѣли тогда какое-то особое значеніе, которое старается открыть теперь въ нихъ г. Сторожевъ... Людямъ XVI вѣка, очевидно, былъ понятенъ особенный смыслъ самаго термина „десятня“, тотъ смыслъ, который затѣмъ утерялся въ XVII вѣкѣ, а теперь неясенъ и намъ. Оттого-то въ XVII вѣкѣ и перестали строго держаться термина „десятня“, и документы этого типа стали *безразлично называться* то „десятнями“, то „книгами“, то „списками“ („верстальными“, „смотрѣнными“ и пр.). Неизвѣстный реформаторъ Разряднаго архива, выдѣлившій десятни въ особую группу отъ другихъ аналогичныхъ документовъ Разряднаго приказа ²⁾, сбился съ прямого пути и г. Сторожева, не обратившаго должнаго вниманія и на указанія моего „Обозрѣнія“ относительно этихъ аналогичныхъ документовъ. Въмѣсто этого прямого пути г. Сто-

¹⁾ Ibid., 182, 252.

²⁾ Ibid., 171. — Не былъ-ли этимъ реформаторомъ думный дворянинъ Деметій Мничь *Башмаковъ*, производившій описаніе Разряднаго архива въ 176 г. (см. „Ист. Разр. архива“ *А. А. Голомбѣвскаго* въ V кн. „Опис. докум. А. М. Ю.“, с. с. 8—12)? По крайней мѣрѣ, въ его описи десятни сосредоточены, повидному, въ одномъ мѣстѣ (ibid., с. 10). Но, судя по описанію Разряднаго архива 134 г., десятни хранились раньше по столамъ Разряда (см. „Разряд. дѣянія“ *Н. П. Лихачева*, IV приложение, сс. 30—72; „Ист. Разр. арх.“ *Голомбѣвскаго*, 107—112).

рожевъ пошелъ по ложной дорогѣ и сталъ искать аналогичныхъ документовъ въ совершенно чуждой области—въ Помѣстномъ приказѣ!..

Надѣясь, что въ своемъ обѣщанномъ „обозрѣніи десятиль“ г. Сторожевъ отнесется къ моимъ указаніямъ нѣсколько внимательнѣе, я сошлюсь здѣсь на другое лицо, явившееся моимъ союзникомъ въ вопросѣ объ аналогичныхъ съ десятильми документахъ Разряда.

Рецензентъ VII книги „Описанія документовъ архива министерства юстиціи“ въ журналѣ *Русская Мысль* ¹⁾ находитъ, что значеніе десятиль „немного преувеличено“ г. Сторожевымъ и высказываетъ два пожеланія, имѣя, конечно, въ виду дальнѣйшія его работы по изученію десятиль. Во первыхъ, г. рецензентъ совѣтуетъ г. Сторожеву не искать десятиль, „скрывающихся отчасти еще и до сихъ поръ среди другихъ отдѣловъ документовъ Разряднаго приказа“ ²⁾. „Другое пожеланіе—продолжаетъ г. рецензентъ—невольнo приходящее въ голову при ознакомленіи съ описью г. Сторожева, состоитъ въ томъ, чтобы сдѣланы были предметомъ особаго изученія *отношенія десятиль къ другимъ родственнымъ ей документамъ отчасти подготовительнаго (разрядный, разборный, смотрѣнный списокъ), отчасти исполнительнаго характера (раздаточныя книги жалованья)*“.

Это именно тотъ же самый поднятый мною „тяжелый вопросъ“, въ которому „слегка“ отнесся г. Сторожевъ... Въ одномъ только я не могу согласиться съ г. рецензентомъ: будто „родственные“ десятильмъ документы носятъ только характеръ „подготовительной“ и „исполнительной“ работы. Если еще можно отчасти находить „подготовительныя“ документы въ десятильмъ, то ужъ какихъ-то „исполнительныхъ“ документовъ по десятильмъ я не могу себѣ и представить. Всѣ виды десятиль—„разборныя“, „раздаточныя“ и „верстальныя“—суть именно „исполнительныя“ документы, по которымъ никакихъ дальнѣйшихъ дѣйствій не полагается. Произведенъ разборъ служилыхъ людей, роздано имъ жалованье, поверстаны новики города,—что еще остается сдѣлать въ области этихъ дѣйствій? Ждать слѣдующихъ разбора, раздачи и верстанья? Но для этихъ послѣдующихъ дѣйствій будутъ составлены новыя десятиль и т. д., и т. д.

¹⁾ *Русская Мысль*, 1891, № 2, библ. отдѣлъ, сс. 87—88.

²⁾ Дѣйствительно, среди другихъ отдѣловъ Разряднаго архива г. Сторожевъ открылъ не мало десятиль, какъ, напримѣръ, открыты мною — десятиль Оскольскихъ станичниковъ въ „Денежномъ столѣ“ („Обозр. геогр. матер.“, 166) и верстальная десятиль Великолуцкихъ казаковъ въ „Дѣлахъ разн. городовъ“ (*ibid.*, 273). Эти десятиль не вошли въ „Опись“ г. Сторожева...

Говоря объ аналогичныхъ съ десятиями разрядныхъ документахъ, я разумѣю не тѣ изъ нихъ, кои носятъ „подготовительный“ характеръ, но именно тѣ, которые вполне *тождественны десятиямъ* и по содержанію, и по формѣ, и по обстоятельствамъ и цѣлямъ составленія, которые касаются тѣхъ же служилыхъ людей, и все отличное которыхъ отъ десятенъ только и заключается въ отсутствіи термина „десятня“ ¹⁾.

Вотъ куда именно слѣдовало г. Сторожеву направить свои поиски, когда онъ вздумалъ „взглянуть на десятии нѣсколько шире, чѣмъ это практиковалось доселѣ“... Но вмѣсто того г. Сторожевъ сталъ тратить свои силы на безплодные поиски въ совершенно чуждой десятиямъ области: какъ это ни удивительно, но аналогичными съ десятиями документами онъ признаетъ *писцовыя книги*: „писцовая книга — говоритъ онъ въ своемъ рефератѣ ²⁾—помимо помѣстной жалованной грамоты служила для дворянина Московскаго государства гарантіей его правъ на извѣстную земельную *дачу*; десятиа была для него гарантіей правъ на извѣстный *окладъ* (помѣстный или денежный). Писцовая книга рисуетъ намъ *землю* служилаго человѣка и ея особенности (физическія?!...); десятиа рисуетъ намъ самого служилаго *человѣка* и его особенности (физическія?!...). Писцовая книга преслѣдуетъ *фискальную цѣль*..., десятиа слѣдитъ *за службою* служилаго человѣка...“ и т. д. Но развѣ это аналогія? развѣ это черты сходства—„дача“ и „окладъ“, „земля“ и „человѣкъ“, „фискъ“ и „служба“?... Вообще, вся эта фиктивная аналогія представляется какимъ-то страннымъ недоразумѣніемъ... Все дѣло, очевидно, въ томъ, что г. Сторожевъ составилъ *предвзятый взглядъ* на какую-то „тѣсную связь между десятией и писцовой книгой“, составилъ его именно прежде, чѣмъ ввучилъ области тѣхъ фактовъ, коими заняты десятии и писцовыя книги. Но этотъ взглядъ, не имѣющій въ основѣ своей никакихъ фактическихъ данныхъ, не внушаетъ къ себѣ ни малѣй-

¹⁾ Любопытно слѣдующее обстоятельство: г. Сторожеву известна одна „раздаточная книга денежнаго жалованья“ города Царева Алексѣева, 158 года, которую онъ самъ призналъ „совершенно аналогичною“ „десятии денежной раздачи“ того же города, 159 года, такъ что безбоязненно помѣстилъ ее среди своей „Описи десятенъ“ (см. №№ 80 и 82 во II-й Описи десятенъ). Странно, какъ этотъ оманъ не бросился ему въ глаза и не заставилъ его искать аналогичныхъ десятиныхъ документовъ въ томъ Разрядномъ приказѣ!..

²⁾ *Юридич. Вѣстникъ*, 1890, № 3, с. 488—489.

шаго довѣрія. Никакихъ слѣдовъ изученія десятень параллельно съ писцовыми книгами мы не находимъ у г. Сторожева.

Правда, въ „Описи десятень“ г. Сторожевъ рекомендуетъ намъ ¹⁾ сдѣланный имъ „опытъ сопоставленія десятии съ писцовой книгой“ въ брошюрѣ „Дозорная книга города Твери 1616 года“ ²⁾. Но здѣсь опять какое-то странное недоразумѣніе!..

Неужели г. Сторожевъ серьезно убѣжденъ, что напечатанная имъ „дозорная книга“ Твери принадлежитъ къ типу *писцовыхъ* книгъ?!... Но пусть онъ сопоставитъ эту дозорную книгу хотя бы съ тѣмъ далеко не полнымъ понятіемъ о писцовой книгѣ, какое вытекаетъ изъ вышеприведенной фиктивной аналогіи между десятиями и писцовыми книгами: даже отсюда видно, что главный предметъ писцовыхъ книгъ — описаніе *земель*... А гдѣ же въ тверской „дозорной книгѣ“ 124 года г. Сторожевъ находитъ это описаніе?—Ничего подобнаго тамъ нѣтъ!

Эта „дозорная книга“ совсѣмъ не писцовая книга, а *переписная книга дворовъ*, — однихъ дворовъ (и нѣкоторыхъ другихъ зданій города), даже безъ перечня людей во дворахъ (перечисляются только дворозозяева), то-есть, безъ необходимаго элемента *основнаго* типа переписныхъ книгъ. „Дозорная книга“ составлена *по особому случаю* — для переписи сгорѣвшихъ частей города Твери во время пожара 124 года (переписываются и части, уцѣлѣвшія отъ пожара). Отсюда цѣль книги — дать топографическую картину сгорѣваго города, а вовсе не та, чтобы представить статистику населенія, каковую цѣль преслѣдуютъ переписныя книги въ собственномъ смыслѣ. Словомъ, тверская „дозорная книга“ — документъ совсѣмъ исключительнаго характера, который рѣшительно нельзя сопоставлять съ такими типичными документами, какъ десятии.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно тверской „десятии денежной раздачи“ 124 года, которую г. Сторожевъ сопоставляетъ съ тверской „дозорной книгой“ того же года ³⁾. Развѣ это обычный типъ „раздаточной десятии“? Нисколько! самъ же г. Сторожевъ объясняетъ намъ ⁴⁾, что тверская десятии 124 года составлена по исключительному случаю — „для скорой выдачи *денежнаго пособія* тѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, которые пострадали отъ по-

¹⁾ См. 20-е примѣчаніе на стр. 70-й.

²⁾ Над. Тверск. архивн. комиссіи, 1890, сс. 1—39.

³⁾ „Дозорн. книга“, 9—12.

⁴⁾ Ibid., 9.

жара" 124 года. А неужели же г. Сторожевъ станетъ утверждать, что „денежное жалованье" и „денежное пособие" одно и то же?

Связь исключительной тверской „десятки" 124 года съ исключительной „дозорной книгою" того же года несомнѣнна, но и она выражается главнымъ образомъ въ томъ, что одни и тѣ же имена встрѣчаются въ обоихъ документахъ. Конечно, при такомъ „широкомъ" (по мнѣнію г. Сторожева) взглядѣ на аналогичность документовъ можно найти „связь" и между „десятками" и „писцовыми книгами" одного города и года: одни и тѣ же имена несомнѣнно встрѣтятся и тамъ, и здѣсь... Но что же изъ этого слѣдуетъ? И мало ли въ какихъ документахъ Разряда можно встрѣтить тѣ-же имена, что и въ десятняхъ!...

Итакъ, г. Сторожевъ не далъ намъ въ сущности никакого „сопоставленія" писцовой книги съ десятней... Въ „Описи десятенъ" онъ уже гораздо осторожнѣе упоминаетъ о „связи" этихъ совершенно противоположныхъ, и по содержанію, и по формѣ, документовъ. Надѣюсь, что въ общанномъ имъ „Обозрѣніи десятенъ" онъ совершенно откажется отъ мысли объ этой связи.

III.

Перехожу къ опредѣленію десятенъ, сдѣланному г. Сторожевнымъ. „Десятки—говоритъ онъ— суть *описанія уѣздныхъ служилыхъ людей (именно дворянъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ) Московскаго государства, составлявшіяся по мѣрѣ надобности въ финансово-стратегическихъ интересахъ государства и получившія значеніе юридическаго доказательства права владѣть населеннымъ помѣстьемъ* ¹⁾.

Для удобнѣйшаго разсмотрѣнія расчленимъ это опредѣленіе на составныя его части и каждую разберемъ отдѣльно.

1) „Десятки суть *описанія... людей*"...

„Описанія людей" могутъ быть этнографическія, анатомическія, поэтическія и т. п. Но въ десятняхъ нѣтъ никакихъ „описаній людей". Правда, въ „разборныхъ десятняхъ" встрѣчаются *отмѣтки „о тѣлесномъ состояніи и способности къ военной службѣ осматриваемаго лица"* ²⁾, но онѣ такъ кратки и общи, что ни въ какомъ случаѣ ихъ нельзя назвать „описаніями". При томъ же, вѣдь не эти свѣдѣнія „о тѣлесномъ состояніи" людей составляютъ главную сущность со-

¹⁾ „Опись десятенъ", 69.

²⁾ „Обозр. географич. матер.", 168.

держанія десятенъ, да и далеко не во всѣхъ десятияхъ они встрѣчаются. Изъ опредѣленія г. Сторожева, конечно, необходимо выбросить это неумѣстное здѣсь понятіе— „описаніе“. Замѣнимъ его столь естественнымъ въ примѣненіи къ десятиямъ терминомъ— „списки“...

2) Десятни суть списки „уѣздныхъ служилыхъ людей (именно дворянъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ)“...

„Дворяне“ и „дѣти боярскіе“ стоятъ и въ моемъ опредѣленіи, г. Сторожевъ прибавилъ только „казаковъ“. Но разсматривая его „Опись десятенъ“¹⁾, мы видимъ, что десятни касаются не только трехъ перечисленныхъ классовъ уѣздныхъ служилыхъ людей, но и многихъ другихъ, именно— *станичниковъ*²⁾, *новокрещеновъ*³⁾, *татаръ*⁴⁾, *иноземцевъ*⁵⁾, *драунъ*⁶⁾, *пушкарей*⁷⁾, *стрѣльцовъ*⁸⁾, *воротниковъ*⁹⁾, *затинчиковъ*¹⁰⁾, казенныхъ *кузнецовъ*¹¹⁾, казенныхъ *плотниковъ*¹²⁾, *рейтаръ*¹³⁾ и *архипископскихъ* боярскихъ дѣтей¹⁴⁾.

Если самъ г. Сторожевъ открылъ намъ десятни всѣхъ этихъ служилыхъ людей, то почему же онъ не включилъ ихъ въ тотъ перечень, который сгруппированъ въ его опредѣленіи десятенъ? Какъ можетъ онъ утверждать, что десятни касаются *только* „дворянъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ“, когда его же „Опись десятенъ“ перечисляетъ кромѣ того, десятни еще 13-ти видовъ служилыхъ людей XVII вѣка? Разъ онъ внесъ въ опредѣленіе десятенъ перечень служилыхъ людей, онъ долженъ былъ сдѣлать его совершенно полнымъ, не опуская никого, ни даже чугуевского „плотника“ 165 года¹⁵⁾! Правда, тогда г. Сторожеву пришлось бы измѣнить многое въ своемъ опре-

¹⁾ „Опись десятенъ“, 77—136.

²⁾ I-й описи („десятни одного города“) №№ 37—39, 41—42, 44—45, 50—56, 213, 215—218, 288—291, 298.

³⁾ I оп. №№ 28, 111, 178, 187, 190, 193, 197—198, 227; II-й описи („десятни разн. городовъ“) №№ 9, 24, 50, 63.

⁴⁾ I оп. №№ 23, 178, 187, 190, 227, 244; II оп. №№ 9, 50, 63.

⁵⁾ I оп. №№ 59, 109, 190; II оп. № 11.

⁶⁾ I оп. №№ 22, 108; II оп. №№ 80, 82.

⁷⁾ I оп. №№ 16, 19, 22, 108, 130, 206, 298; II оп. №№ 80, 82.

⁸⁾ I оп. №№ 22, 108, 130, 206; II оп. №№ 80, 82.

⁹⁾ I оп. №№ 22, 108, 298; II оп. №№ 80, 82.

¹⁰⁾ I оп. № 130; II оп. № 80.

¹¹⁾ I оп. №№ 108, 298.

¹²⁾ I оп. № 298.

¹³⁾ I оп. № 199.

¹⁴⁾ I оп. № 220.

¹⁵⁾ I оп. № 298.

дѣленіи десятенъ и отказаться отъ своего взгляда на десятини, какъ на документъ исключительно *дворянскаю* значенія ¹⁾... Дѣйствительно, послѣ „Описи десятенъ“ г. Сторожевъ мы должны считать этотъ документъ далеко не дворянскимъ, ибо нельзя же безнаказанно поставить въ ряды дворянства хотя бы этого чугуевскаго „плотника“, попавшаго въ одну „раздаточную десятиню“ съ боярскими дѣтьми и др.! А стрѣльцы, пушкари, воротники и пр., и пр.—это тоже дворяне?... Въ одномъ только отношеніи г. Сторожевъ былъ правъ, когда не включилъ въ свое опредѣленіе всѣхъ 16 видовъ служилыхъ людей, которыхъ касаются десятини: тогда его опредѣленіе приняло бы очень громоздкій характеръ. Конечно, всѣ эти виды служилыхъ людей необходимо обобщить, что и сдѣлалъ уже г. Сторожевъ, назвавши десятини документами „уѣздныхъ служилыхъ людей“. Именно это обобщеніе вполне достаточно для опредѣленія десятенъ и его слѣдуетъ оставить.

3) Десятни суть документы „*Московскаю* государства, составившіеся *по мѣрѣ надобности*“...

Эти положенія г. Сторожева, конечно, вполне справедливы... Но зачѣмъ же такія вещи включать въ опредѣленіе документа, гдѣ не должно быть мѣста ни одному лишнему слову?! Вѣдь никто же изъ предшественниковъ г. Сторожева не доказывалъ, что десятини были документами не Московскаго государства, и никто изъ нихъ не утверждалъ, что десятини составлялись какъ-то огуломъ, сразу на цѣлый годъ или болѣе... Смѣю увѣрить г. Сторожева, что XVII вѣкъ не зналъ канцелярскихъ бланковъ нашего времени и всѣ свои документы, а не однѣ десятини, составлялъ только „по мѣрѣ надобности“...

4) Десятни составлялись „въ *финансово-стратегическіе* интересахъ государства“...

Относительно первой половины этого положенія г. Сторожевъ правъ. Дѣйствительно, раздачу денежнаго жалованья и верстанье помѣстными и денежными окладами слѣдуетъ признавать за финансовыя операціи государства. И хотя главная сущность десятенъ заключается собственно въ вопросѣ о *службѣ* служилыхъ людей государству, но такъ какъ этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ системою вознагражденія государствомъ этой службы, то десятини могутъ быть признаны отчасти и финансовыми документами. Но сказать, что десятини преслѣдовали „*стратегическіе* интересы“ государства, — это чрезвычайно странно.

¹⁾ „Опись десятенъ“, с. с. 70—76 и др.

Всѣ полагаютъ, что „стратегія“ есть искусство направлять движенія воинскихъ массъ и комбинировать ихъ на поляхъ битвъ и въ районѣ военныхъ дѣйствій. Стратегія имѣетъ дѣло только съ *дѣйствующею арміею*, а не съ ея резервами и запасами. А развѣ въ десятняхъ рѣчь идетъ именно о военныхъ дѣйствіяхъ и о дѣйствующей арміи? Обо всемъ этомъ говорятъ совсѣмъ другіе документы Разряднаго приказа — „полковые списки“, „записныя книги“ приѣзда разныхъ людей въ полки („приѣздныя книги“), „статейные списки“ походовъ, „послужные списки“, „отписки“ полковыхъ воеводъ и пр., и пр. Вотъ гдѣ нужно искать стратегію, а вовсе не на поляхъ десятенъ! Десятни говорятъ всего менѣе о дѣйствующей арміи и всего болѣе о ея „запасахъ“, и только отчасти о „резервахъ“. Какую стратегію можно отнскивать при разборѣ служившихъ людей, при верстаніи ихъ и при раздачѣ имъ денежнаго жалованья?! Все это, правда, дѣйствія военной организаціи, но ничего стратегическаго здѣсь не найдете ни одинъ стратегъ!...

Еслибы г. Сторожевъ вмѣсто слова „стратегія“ употребилъ здѣсь слово „мобилизація“, — это еще можно было-бы принять, хотя и не безъ нѣкоторыхъ натяжекъ. Дѣйствительно, десятни преслѣдуютъ мобилизаціонныя цѣли, хотя сами по себѣ (можетъ быть, за очень рѣдкими исключеніями) не могутъ быть названы мобилизаціонными документами. Собственно о мобилизаціи говорятъ „приѣздныя книги“, „смотрѣнные списки“, „полковые списки“ и др. Но десятни содержатъ данныя для будущей мобилизаціи арміи (вѣрнѣе—для нѣкоторыхъ частей ея), десятни — это *основныя списки запаса арміи*, который можетъ быть мобилизованъ въ каждую минуту.

Правда, нѣкоторыя десятни касаются уже сформированныхъ отрядовъ войскъ, а нвыя — „станичныя десятни“ и др. — говорятъ даже объ отрядахъ, уже дѣйствующихъ на рубежахъ государства. Но и эти десятни, составляющія собственно исключеніе, могутъ оправдать стратегическія поползновенія г. Сторожева развѣ съ великими натяжками, такъ какъ и онѣ касаются вопросовъ отнюдь не стратегическихъ—разбора, верстанья и проч.

Итакъ, по существу дѣла десятенъ нельзя признать ни стратегическими, ни мобилизаціонными документами. Оба эти понятія слѣдуетъ замѣнить въ опредѣленіи г. Сторожева болѣе общимъ: десятни составлялись „въ военныхъ интересахъ“ государства.

б) Послѣдній пунктъ опредѣленія г. Сторожева: десятни имѣли

„значеніе юридическаго доказательства права владѣть населеннымъ помѣстьемъ“.

Г. Сторожевъ ничѣмъ не подтверждаетъ этого важнаго положенія. Но мы повѣримъ ему тогда только, когда онъ по документамъ Помѣстнаго приказа прослѣдитъ процессъ надѣленія помѣстьями служилыхъ людей и въ этомъ процессѣ найдетъ дѣйствительное подтвержденіе того, будто въ этомъ дѣлѣ десяти играли какую то роль „юридическаго доказательства“. А пока г. Сторожевъ этого не сдѣлалъ, данное положеніе его о десятияхъ представляется одними словами. Помѣстный приказъ такъ мало изученъ нами, что дѣлать на его область теоретическіе наѣзды—дѣло очень не хитрое, но мало производительное. Если г. Сторожевъ захочетъ уловить юридическій смыслъ десятией, ему незачѣмъ даже такъ далеко ходить—въ Помѣстный приказъ. Пусть онъ поищетъ ближе—въ томъ же Разрядномъ приказѣ, къ области котораго всецѣло относятся десятии. Совѣтую ему порыться въ массѣ „челобитныхъ дѣлъ“ служилыхъ людей, находящихся въ столбцахъ Разряднаго архива. Именно отсюда г. Сторожевъ узнаетъ, что десятии дѣйствительно служили „юридическими доказательствами“ при рѣшеніи Разряднымъ приказомъ челобитій служилыхъ людей о выдачѣ денежнаго жалованья, о „придачахъ“ къ помѣстнымъ и денежнымъ окладамъ, о поверстаніи изъ „городовыхъ“ въ „дворовые“, изъ „дворовыхъ“ въ „выборные“, о „перепискѣ“ изъ одного города въ другой и пр., и пр.

Но отсюда же—изъ „челобитныхъ дѣлъ“—г. Сторожевъ узнаетъ, что не однѣ десятии играли въ подобныхъ случаяхъ роль „юридическихъ доказательствъ“: *наравнѣ съ десятиями* играли ту же роль и *многіе другіе документы* Разряда, не только аналогичные съ десятиями („книги разборныя“ и проч.), но и документы вислолько имъ не аналогичные—„полковые списки“, приѣздныя книги“ и т. п., воеводскія „отписки“ и проч., и проч. Очевидно послѣ этого, что такое юридическое значеніе десятией нельзя считать ихъ спеціальною принадлежностію и нельзя, значить, вносить въ опредѣленіе документа.

Въ связи съ этою частью опредѣленія г. Сторожева стоитъ любопытное опредѣленіе десятией, сдѣланное недавно вышеупомянутымъ рецензентомъ *Русской Мысли* ¹⁾. Онъ говоритъ: „десятию можно опредѣлить какъ *официальный документъ, устанавливающий нор-*

¹⁾ *Русская Мысль*, 1891, № 2, библиографическій отдѣлъ, стр. 87.

мальный размѣръ служилыхъ *правъ* (извѣстное количество земельного и денежнаго вознагражденія) и *обязанностей* (обязательный военный инвентарь) провинціальнаго дворянства и служащихъ *основаніемъ* для осуществленія этихъ правъ и выполненія этихъ обязанностей^а.

Что десяти служили „основаніемъ для осуществленія правъ и выполненія обязанностей“ служилыхъ людей,—это нѣсколько расширенное понятіе того положенія г. Сторожева, которое заключается въ послѣдней части его опредѣленія и которое еще требуетъ доказательствъ. Въ общемъ же опредѣленіе г. рецензента есть только *опредѣленіе значенія десяти*, а вовсе не опредѣленіе документа. Если же смотрѣть на него именно какъ на опредѣленіе документа, тогда вѣдь всякій пойметъ дѣло такъ, что десяти есть *сборникъ* какихъ-то *узаконеній*, „устанавливающихъ нормальный размѣръ служилыхъ правъ и обязанностей“ и проч. Но не возможно допустить, чтобы именно такое превратное понятіе о десятияхъ хотѣлъ внушить своимъ читателямъ г. рецензентъ *Русской Мысли*...

Возвращаюсь къ опредѣленію г. Сторожева. Оно уже все разобрано нами,—и что же отъ него осталось? Очень немного: десяти суть документы, касающіеся „уѣздныхъ служилыхъ людей“ и „составившіеся въ военно-финансовыхъ интересахъ государства“... Полагаю, что подъ такимъ опредѣленіемъ десяти г. Сторожевъ не подпишетъ своего имени... А пока мы дождемся отъ него новаго опредѣленія, болѣе точнаго, яснаго и обстоятельнаго, не помиримся ли мы съ нимъ на томъ, чтобы признать отвѣчающимъ истинѣ соединеніе моего опредѣленія, но въ нѣсколько исправленномъ видѣ, съ остатками опредѣленія г. Сторожева? Я предлагаю такую редакцію опредѣленія десяти: „десяти суть списки уѣздныхъ служилыхъ людей, составившіеся въ военно-финансовыхъ интересахъ государства при разборѣ, верстаньѣ и раздачѣ денежнаго жалованья“. И это опредѣленіе я считаю далеко не идеальнымъ и ко всякому фактическому (а не теоретическому) дополненію и поправкѣ отнесусь съ полнымъ уваженіемъ...

IV.

Мнѣ остается еще сдѣлать нѣсколько *библиографическихъ дополненій* къ „Описи десяти“ г. Сторожева, касающихся именно тѣхъ „стороннихъ документовъ“ Разряднаго приказа, кои случайно попали

въ архивскій отдѣлъ десятень и описаны г. Сторожевымъ, наравнѣ съ десятиями, въ трехъ описяхъ: I — „раздаточныя книги одного города“ ¹⁾; II — „раздаточныя книги разныхъ городовъ“ ²⁾, и III — „книги смѣтныя, смотрѣныя, переписныя, строельныя“ и проч. ³⁾.

Въ послѣсловіи къ „Описи десятень“ г. Сторожевъ увѣряетъ, что только совершенное имъ „подробное разсмотрѣніе“ десятень „доказало“, что среди нихъ сохранилось „множество документовъ самаго разнообразнаго свойства“ ⁴⁾. Но г. Сторожевъ рѣшительно не правъ: раньше его „Описи десятень“ объ этихъ „стороннихъ документахъ“ заговорилъ мое „Обозрѣніе географическихъ матеріаловъ“, въ предисловіи къ которому (извѣстномъ г. Сторожеву) сказано прямо: „въ отдѣлъ десятней попали книги, содержаніе которыхъ составляютъ не десятиенные списки, а совершенно *сторонніе документы*. Здѣсь встрѣчаются: „смѣтныя“, „росписныя“ и „строельныя“ книги городовъ, „описныя книги“ рубежей, „книги межевья“ и проч. ⁵⁾).

Но мое отношеніе къ „стороннимъ документамъ“ не ограничилось только этимъ замѣчаніемъ: для своей работы я *широко воспользовался* почти всѣми документами III-й описи г. Сторожева. Они распредѣляются почти между всѣми отдѣлами моего „Обозрѣнія“. Именно ради этихъ „стороннихъ документовъ“ я и проходилъ отдѣлъ десятень. Рѣдкія страницы „Обозрѣнія“ не имѣютъ ссылокъ на „книги десятень“.

Какъ не обратилъ на это вниманія г. Сторожевъ, якобы знакомый съ моимъ „Обозрѣніемъ географическихъ матеріаловъ“ ⁶⁾, — не понимаю, но я въ правѣ предполагать, что онъ просто *игнорировалъ* мою работу... Г. Сторожевъ былъ-бы, пожалуй, нѣсколько правъ, еслибы онъ вообще игнорировалъ всю предыдущую литературу о десятияхъ и о „стороннихъ документахъ“. Но этого у него нѣтъ: онъ подробно обзрѣваетъ литературу о десятияхъ ⁷⁾, а въ III-й описи „стороннихъ до-

¹⁾ „Опись десятень“, сс. 140—150 (№№ 1—105).

²⁾ Ibid., сс. 151—155 (№№ 106—138).

³⁾ Ibid., сс. 156—175 (№№ 1—218).

⁴⁾ Ibid., с. 175.

⁵⁾ „Обозрѣніе географическихъ матеріаловъ“, с. 171.

⁶⁾ Въ предисловіи къ „Описи десятень“ г. Сторожевъ ссылается (см. 13-е примѣчаніе) только на сс. 168—172 и 273 „Обозр. геогр. матер.“, но тамъ этихъ страницъ, посвященныхъ десятиямъ, гораздо больше (см. 8-е примѣчаніе настоящей моей замѣтки).

⁷⁾ „Опись десятень“, сс. 66—71, 176.

кументовъ^а обязательно сообщаетъ о *своихъ* работахъ, основанныхъ на этихъ документахъ, но только о своихъ...

Такъ, мы узнаемъ отсюда, что № 1-й III описи г. Сторожева напечатанъ имъ въ брошюрѣ „Дозорная книга города Твери 1616 г.“. Раскрываемъ брошюру и въ предисловіи читаемъ, что эта „дозорная книга“ была доселѣ „не извѣстна ученой публикѣ“ (стр. 2)... Пусть будетъ и такъ, но, мнѣ кажется, г. Сторожевъ долженъ былъ упомянуть, что *отрывки* этой самой дозорной книги и *обозрѣніе* ея уже были *напечатаны* въ „Обозрѣніи географическихъ матеріаловъ“¹⁾.

О № 82-мъ III описи стороннихъ документовъ г. Сторожевъ обязательно сообщаетъ, что онъ напечатанъ имъ въ статьѣ „Дозорная книга Каменнаго городища XVII в.“²⁾. Читаемъ эту статью и нигдѣ въ ней не находимъ указаній на то, что и этотъ документъ уже былъ *напечатанъ* почти цѣликомъ въ моемъ „Обозрѣніи“³⁾.

Затѣмъ, встрѣчается у г. Сторожева еще одна ссылка на свою же работу (при № 166, III описи) — и ни одной на мое „Обозрѣніе“. А между тѣмъ онъ долженъ былъ сдѣлать массу, ссылокъ на него: рѣдкій изъ документовъ III описи не вошелъ то въ самый текстъ „Обозрѣнія“, то въ приложенія — въ разные „указатели“ и проч. Такъ, самая значительная часть документовъ III описи г. Сторожева — масса воеводскихъ *сметныхъ книгъ* и *ростисныхъ списковъ*⁴⁾ — вся вошла въ составленный мною *указатель* этихъ книгъ⁵⁾, а нѣкоторыя попали *въ текстъ* какъ 1-го отдѣла 1-й главы „Обозрѣнія“, специально занимающагося именно этими воеводскими книгами⁶⁾, такъ и въ другіе отдѣлы „Обозрѣнія“⁷⁾.

Не перечисляя всѣхъ остальныхъ „стороннихъ документовъ“, появившихъ въ „Обозрѣніи“, укажу только болѣе выдающіеся изъ нихъ:

- 1) *Строельная книга* г. Усерда, 145 г.⁸⁾, 2) *перетисная книга*

¹⁾ „Обозрѣніе географ. матер.“, сс. 250, 444—445 (XIX приложение).

²⁾ *Библиографъ*, 1890, № 3—4, сс. 37—41.

³⁾ „Обозрѣніе географ. матер.“, сс. 255—256. Текстъ книги напечатанъ г. Сторожевымъ съ нѣкоторыми погрѣшностями, и книга неправильно отнесена имъ въ 156 г. вышѣ 157 г.

⁴⁾ III описи г. Сторожева №№ 6, 7, 22, 27, 29, 30, 34—37 и т. д. до конца описи, оканчивая № 215.

⁵⁾ „Обозрѣніе географ. матер.“, 421—431 (X приложение).

⁶⁾ *Ibid.*, 178—179, 182, 198—199 и 202 и 209 (обозрѣніе № 87 III описи г. Сторожева), 204, 212—213 и др.

⁷⁾ *Ibid.*, 239 и 295—296 (извлеченіе изъ № 51, III описи), 304, 321 и др.

⁸⁾ *Ibid.*, 235—237 и 310 (№ 21 III описи).

погостовъ Ростовскаго и другихъ уѣздовъ, составленная по случаю сноса татарскихъ дворовъ, отстоящихъ отъ храмовъ ближе 100 сажень, 154 г. ¹⁾), 3) *переписная книга* населенія Полоцкаго и другихъ уѣздовъ, 162 г. ²⁾), 4) *описная книга* Бѣлогородскаго рубежа, 178 г. ³⁾), 5) *сторожевыя книги* Ливенскихъ сторожъ 149, 155, 160 гг. ⁴⁾), 6) *переписная книга* Торопецкаго уѣзда по Литовскому рубежу, 159 г. ⁵⁾), 7) другая (болѣе подробная) такая же книга, того же года ⁶⁾), 8) *записныя книги выходцамъ* изъ-за Литовскаго рубежа въ Великія Луки, 138, 149, 159 гг. ⁷⁾), 9) *наказъ* Путивльскимъ воеводамъ, 134 г. ⁸⁾), 10) „*десятня* государевой *десятинной паши*“ Бѣлогородскаго и другихъ уѣздовъ, 128 г. ⁹⁾), 11) *ростись жидомъ*, вышедшимъ въ Россію, въ 162—163 гг. ¹⁰⁾) и проч. и проч.

Но г. Сторожевъ вообще небрежно изучилъ литературу „стороннихъ документовъ“ отдѣла десятенъ... Укажу, напримѣръ, на неизвѣстные ему труды гг. А. П. Сапунова и И. П. Виноградова.

Въ IV томѣ, II части „Витебской Старины“ г. Сапунова (Витебскъ, 1885) напечатано цѣликомъ нѣсколько „стороннихъ документовъ“, именно: а) подъ № 86 (сс. 277—302) напечатаны—„*смѣтная книга*“ города Полоцка, „*церковныя книги*“ казны Полоцкаго Софійскаго собора и другіе документы по Полоцку, 162—163 годовъ ¹¹⁾); б) подъ № 87 (сс. 302—317) напечатаны—„*переписная книга*“ (кре-

¹⁾ Ibid., 259—261 (№ 63; III описи).

²⁾ Ibid., 261—262, 397 (№ 127 той же описи).

³⁾ Ibid., 297 (№ 192 тѣмъ же).

⁴⁾ Ibid., 306, 311. Въ описи г. Сторожена имѣтъ этихъ 3 документа: они исчезли въ №№ 37, 69, 111 его описи...

⁵⁾ Ibid., 314—315 (№ 99 III описи). Г. Сторожевъ относитъ эту книгу къ *Вяземскому уѣзду*, а я—къ *Торопецкому*: кто изъ насъ правъ—не знаю...

⁶⁾ Ibid., 315 (№№ 101 и 102 III описи). Г. Сторожевъ считаетъ здѣсь 2 документа.

⁷⁾ Ibid., 316 (№№ 12, 89, 92, III описи).

⁸⁾ Ibid., 326 (№ 7 III описи).

⁹⁾ Ibid., 362—365. Этого документа имѣтъ у г. Сторожена: оказывается, что онъ отнесъ его къ „десятнямъ“ служилыхъ людей (№ 91, II описи десятенъ), къ которымъ эта *земельная „десятня“* не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія!...

¹⁰⁾ Ibid., 408. Этой „*росписи*“ имѣтъ у г. Сторожена: документъ затерялся въ № 151 III описи. А между тѣмъ это документъ очень рѣдкій и любопытный.

¹¹⁾ III описи г. Сторожена №№ 133, 184, 139, 125 и 126. — № 126-й г. Сторожевъ опредѣлилъ замѣчательно *мудро*: „*книги церковныя, землемѣрыя и соляныя*...“, то-есть, три документа совершенно *разнороднаго* содержанія соединилъ въ одномъ опредѣленіи...

стоприводная) населенія г. Витебска и „книги юрода Витебска и острогу“ (отрывокъ „смѣтной книги“), 163 г. ¹⁾).

Въ „Историческомъ очеркѣ города Вязьмы“ г. Виноградовъ (М. 1890) въ текстѣ и приложеніяхъ напечаталъ отрывки трехъ документовъ — „росписнаго списка“ Вязьмы, 154 г. ²⁾, другаго „росписнаго списка“, 160 г. ³⁾ и *записной книги* литовскихъ выходцевъ въ Вязьму 159 г. ⁴⁾).

V.

Въ заключеніе сдѣлаю еще нѣсколько замѣчаній относительно общаго характера описи „стороннихъ документовъ“ (III описи „приложеній“), составленной г. Сторожевымъ. Нѣкоторые недостатки ея уже отмѣчены выше: пропускъ документовъ, раздѣленіе одного документа на нѣсколько, слитіе въ одномъ опредѣленіи нѣсколькихъ равнородныхъ документовъ и проч. Конечно, все это могло быть у г. Сторожева дѣломъ случайнаго недосмотра, вполне естественнаго при такой кропотливой работѣ. Но есть въ его описи главный и, такъ сказать, хроническій недостатокъ, проходящій чрезъ всю опись и рѣшительно портящій эту полезную работу...

Дѣло въ томъ, что эта „опись“ г. Сторожева въ сущности совсѣмъ не опись, а простой перечень заголовковъ документовъ, списанныхъ съ подлинниковъ. Это весьма упрощенный пріемъ составленія описей: развернуть первый листъ документа, отыскать на немъ заголовкъ, а если его нѣтъ, то взять *первыя строки* документа, или поискать *названія* документа въ концѣ предисловія, или въ рукоприкладствѣ составителя документа и пр. и пр. — и все это списывать и только списывать... Правда, г. Сторожевъ не всегда выдерживаетъ эту манеру: иногда его опредѣленіе документа составлено не сплошь по тексту XVII в., но съ прибавкою и „своихъ словъ“, которыя онъ, однако, ничѣмъ не выдѣляетъ отъ списаннаго съ документовъ текста (последній слѣдовало ставить въ кавычкахъ). Это, очевидно, происходило въ тѣхъ случаяхъ, когда усиленные поиски на первыхъ листахъ документовъ не давали желаннаго результата, то-есть, когда заголовки XVII в.

¹⁾ Г. Сторожеву извѣстна только „перепиная книга“, втораго же документа у него нѣтъ.

²⁾ Виноградовъ, 75, 85, 89, 90, 111—115 (III описи г. Сторожева № 64).

³⁾ Ibid., 85, 86, 113—114 (III описи № 110).

⁴⁾ Ibid., 92 (III описи № 92).

были слишком не ясны и не полны. А ведь именно эти качества—*неясность и неполнота*—и суть существеннѣйшія черты заголовковъ XVII в. Последніе, впрочемъ, иногда впадали и въ противоположную крайность—въ излишнюю *подробность* и обстоятельность: иногда заголовки документовъ занимаютъ одну—двѣ страницы листа и больше ¹⁾. Но вообще среди этихъ двухъ крайностей очень рѣдко встрѣчаются такіе заголовки, которые бы вполне замѣняли *опредѣленіе документовъ* въ нашемъ смыслѣ. Такія опредѣленія рѣдки не только въ заголовкахъ самихъ документовъ, но даже въ архивныхъ описяхъ XVII в., составлявшихся съ тою же цѣлью, съ какою и мы составляемъ свои описи, то-есть, съ цѣлью опредѣлить содержаніе документовъ и дать объ нихъ ясное и точное понятіе ²⁾.

Если такіе заголовки и опредѣленія удовлетворяли приказныхъ людей XVII в., хорошо знакомыхъ со своими документами, то уже насъ они не удовлетворятъ ни въ какомъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли намъ дать надлежащее понятіе о документахъ хотя бы такія опредѣленія III описи г. Сторожева:

1) „Книги покупиному хлѣбу въ таможенную ряловую мѣру посадскими людьми, хлѣбными цѣловальниками“ (№ 2).

Что именно заключается въ этомъ документѣ, вѣдаетъ только г. Сторожевъ. Не говорю уже о томъ, что здѣсь не названо мѣсто дѣйствія какой-то таинственной операціи съ хлѣбомъ, но главное дѣло именно въ послѣдней: какой хлѣбъ, кѣмъ, гдѣ и на что покупался? Покупался ли онъ „посадскими людьми“ для своихъ частныхъ надобностей, или это была закупка для государевой казны? Какая роль „хлѣбныхъ цѣловальниковъ“? На все это не дастъ отвѣта опредѣленіе г. Сторожева...

2) „Книги расходныя деньгамъ, что посланы съ Ив. Огаревымъ во Ржеву и Осташковъ“ (№ 3). Документъ—еще болѣе таинственный... Кто послалъ Огарева? На что онъ расходовалъ деньги? Кто былъ Огаревъ?

¹⁾ Такими заголовками можно, напримѣръ, признать нѣкоторые *предисловія* къ всеводскимъ „сѣтянымъ книгамъ“ и „росписнымъ спискамъ“ („Обозр. геогр. матер.“, 182—185) и т. п.

²⁾ Исключенія представляютъ только опредѣленія „грамотъ“ (особенно „указныхъ“), составлявшіяся довольно удовлетворительно на нашъ взглядъ. См. мою статью „Провинціальныя архивы въ XVII в.“ (*Вѣстникъ Археол. и Истор.*, вып. VI, сс. 131—138, 169—179).

3) „Книга хлѣбной раздачѣ при стольникѣ и воеводѣ Дм. Мих. Толочановѣ“ (№ 25). Гдѣ это было? Кому раздавался хлѣбъ?

4) „Карповскія стрѣльные книги церковнаго строенья“ (№ 71). Что строилось — церковь, часовня? Или же церковная утварь? Или, быть можетъ, церковь „строилась“ землею?..

5) „Книги стрѣльныя бобриковцамъ дѣтямъ боярскимъ... и всякихъ чиновъ людямъ“ (№ 93). Бобриковцы ли „строили“ городъ и т. п.? Или бобриковцовъ „строили“ землею?

6) „Псковской списокъ окольникчаго и воеводы кн. К. О. Щербатаго да дьяка М. Прокофьева“ (№ 196). Какой это „списокъ“ — людей, скотовъ, или воеводскихъ „животовъ“? Или „росписной списокъ“ города? Или „смотрѣнной списокъ“?

Не стану утомлять дальнѣйшимъ перечнемъ такихъ не возможныхъ по неясности и неполнотѣ „опредѣлений“ г. Сторожева ¹⁾: характеръ ихъ уже достаточно опредѣлился. Не скажу, чтобы опись г. Сторожева состояла только изъ такихъ опредѣлений: есть у него опредѣленія и вполне ясныя и точныя. Но все же преобладающимъ элементомъ его описи являются именно опредѣленія въ духѣ XVII вѣка.

Но развѣ это „описи“ въ современномъ смыслѣ? Наше время требуетъ, чтобы описи давали вполне ясное представленіе о документѣ не только специалистамъ дѣла, способнымъ по однимъ намекамъ угадать сущность документа, но и людямъ „маломошнымъ“ въ археографіи. Опись же г. Сторожева въ большинствѣ случаевъ не только бесполезна для послѣднихъ, но и для самихъ специалистовъ часто темна и недостаточна.

Въ одномъ только отношеніи заслуживаетъ полной симпатіи и подражанія стремленіе г. Сторожева приблизиться къ архивнымъ описямъ XVII в.: я разумѣю вполне основательное стремленіе его — сохранить *названія* документовъ, какія давала имъ приказная практика XVII вѣка. Ничего нѣтъ естественнѣе того, чтобы наши описи называли документы XVII в. именно такъ, какъ они назывались въ свое время. Но здѣсь требуется величайшая осторожность. Выше я уже замѣтилъ, что въ XVII в. названія однородныхъ документовъ варьировались до безконечности. Какъ тутъ быть? Очевидно, археографія должна остановиться на одномъ какомъ-либо названіи — самомъ упо-

¹⁾ См. еще особенно выдающіеся въ томъ же отрицательномъ смыслѣ №№ 5, 10, 13, 15, 18, 19, 26, 38, 74, 77—81, 127, 128, 188, 147, 149, 150, 175, 183, 185, 186 и проч., и проч.

требительномъ въ XVII в., или наиболѣе вѣрно изображающемъ сущность документа,—и только это названіе употреблять въ своихъ описяхъ, а всѣ остальные откинуть, чтобы не сбивать читателей съ толку, которые иначе будутъ принимать однородные документы за разнородные. Наша археографія такъ именно и поступаетъ: въ ней прочно уже установились нѣкоторыя техническія названія документовъ XVII в., и она не позволяетъ смѣшивать эти названія съ другими. Напримѣръ (беру примѣры изъ области тѣхъ же „стороннихъ документовъ“), такими установившимися терминами слѣдуетъ признать—„росписные списки“, „смѣтныя книги“ (воеводскіе ежегодные отчеты о состояніи города), „переписныя книги“, „крестоприводныя книги“, „смотрѣнные списки“ и проч.

Но г. Сторожевъ не всегда осторожно обращается и съ этою установившеюся приказною терминологіей XVII вѣка. Только съ „росписными списками“ онъ вполне освоился, такъ что вездѣ въ описи строго держится этого термина. Но „смѣтныя книги“ онъ только однажды назвалъ этимъ терминомъ ¹⁾, чаще же называетъ ихъ „смотрѣнными книгами“ ²⁾, затѣмъ „переписными книгами“ ³⁾, „смѣтными и переписными книгами“ ⁴⁾ и проч. Всякій вправѣ подумать, что всѣ эти книги—совершенно разнороднаго содержанія, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ: все это различныя названія одного и того же документа. Правда, внимательный изслѣдователь всегда найдетъ разницу между „смѣтными книгами“ не только разныхъ городовъ, но даже и разныхъ воеводствъ одного и того же города. Но эта разница не существенна, да при томъ же она нисколько не зависитъ отъ того или другаго названія „смѣтныхъ книгъ“, а происходитъ единственно отъ различія взглядовъ на свою задачу составителей „смѣтныхъ книгъ“, не связанныхъ канцелярскими формами нашего времени. Такую разницу г. Сторожевъ найдетъ и между „росписными списками“, какъ найдетъ и различныя названія ихъ ⁵⁾, однако вѣдь всѣ „росписные списки“ онъ называетъ только этимъ терминомъ. Такъ слѣдовало ему поступить и относительно „смѣтныхъ книгъ“—избрать одинъ терминъ, напримѣръ, чаще всего употребляе-

¹⁾ № 7 III описи.

²⁾ №№ 27, 34, 36, 37, 41—52 и др.

³⁾ №№ 133, 185, 136 и др.

⁴⁾ №№ 197, 199, 201—203 и др.

⁵⁾ „Обозр. географ. матер.“, 182.

мый имъ,—„смотриныя книги“. Но при этомъ онъ долженъ былъ объяснить, почему этотъ терминъ онъ предпочитаетъ введенному „Обозрѣніемъ географическихъ матеріаловъ“ (послѣ изученія не 3—4 десятковъ воеводскихъ книгъ отдѣла „Десятенъ“, но гораздо большаго количества ихъ въ другихъ отдѣлахъ Разряднаго архива)—„сѣтныя книги“. А если у г. Сторожева нѣтъ для этого никакихъ достаточныхъ основаній, онъ долженъ былъ примкнуть къ моему термину и не вводить своихъ „новшествъ“, сбивающихъ только съ толку.

Н. Оглобинъ.

ПЛАНЪ ЗАВОЕВАНІЯ КРЫМА, СОСТАВЛЕННЫЙ ЮРИЕМЪ КРИЖАНИЧЕМЪ ¹⁾.

(Посвящается съ признательностью профессору Константину Николаевичу Вестужеву-Рюмину).

III.

Возвращаемся собственно къ крымскимъ отношеніямъ Московскаго государства и прослѣдимъ ихъ съ того момента, на которомъ оставились.

Въ войну съ Баторіемъ, въ послѣдніе годы царствованія Грознаго и въ началѣ Феодорова царствованія крымцы не дѣлали нападеній большимъ войскомъ на наше государство: они были принуждены въ это время участвовать въ войнѣ Турціи съ Персіей; при томъ въ Крыму возникли между Гиреями родовыя усобицы, коими не безъ искусства воспользовалось Московское правительство: оно приняло подъ свое покровительство двоихъ племянниковъ хана Исламъ-Гирея (царств. 1584—1588), изъ коихъ одинъ былъ посаженъ въ Астрахани, какъ русскій присяжникъ; оно посылало хану только легкіе поминки. При слѣдующемъ ханѣ, Казы-Гиреѣ II (1588—1608), отношенія измѣнились было къ худшему: столица государства еще разъ испытала страхъ татарскаго нашествія во главѣ съ самимъ ханомъ (въ іюль 1591 г.); но здѣсь онъ встрѣтилъ такое большое войско и такую готовность къ битвѣ, что предпочелъ обратиться въ быстрое бѣгство. Съ больною разбитою рукою, на простой телѣгѣ ханъ воротился въ Крымъ; бѣдшая часть его войска погибла, а меньшая воротилась безо всякой добычи ²⁾). За то на слѣдующій годъ крымцы сдѣлали

---

¹⁾ *Окончаніе*. См. октябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Любопытный по тону — полушутливому, полусерьезному — разговоръ, веденный ханомъ, послѣ бѣгства съ похода, съ нашимъ посломъ Вибиновымъ, смотр. у *Соловьева*, *Исторія Россіи*, VII, 350.

Объдственный для государства набѣгъ: они успѣли обмануть бдительность русскихъ сторожей, не ожидавшихъ такъ скоро повторенія набѣга, обманули также московское правительство хитрыми переговорами и, быстро ворвавшись внутрь государства, опустошили мѣста рязанскія, каширскія и тульскія, увели огромный полонъ, какого давно не было уводимо ¹⁾). Снова пришлось ухаживать за ханомъ, который оказался очень изворотливымъ и энергичнымъ человѣкомъ (не даромъ онъ прозывался „Буря“); пришлось посылать въ Крымъ большія деньги на выкупъ плѣнныхъ, поминки для приобрѣтенія мира. На этотъ разъ старанія правительства увѣнчались добрымъ успѣхомъ: Казы-Гирей, занятый, по приказу султана, войнами то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, ничего не имѣлъ противъ мира съ Московскимъ государствомъ; во всякомъ случаѣ онъ не могъ теперь воевать съ нимъ; онъ тѣмъ охотнѣе принялъ миръ, что ему присланы были хорошіе поминки: царская дума рѣшила отправить въ Крымъ съ посломъ княземъ Щербатовымъ поминковъ, примѣясь къ прежнему, до 40-ка тысячъ рублей или болѣе, да хану лично 10-ть тысячъ рублей ²⁾). Что же значитъ такая крупная дача, въ такое время, когда крымцы были заняты въ иныхъ мѣстахъ, и не могли сильно воевать украины Московскаго государства? Чѣмъ особенно она теперь вызывалась? Дѣло въ томъ, что въ царствованіе Феодора Иоанновича и въ управленіе его шуррина, В. Ѳ. Годунова,—который, замѣтно, очень любилъ строитья,—на южной украинѣ государства возникли нѣсколько новыхъ городовъ, а именно: въ промежутокъ времени 1584—1593 гг. были построены Ливны, Воронежъ, Елецъ, Бѣлгородъ, Осколъ и Валуйки ³⁾). Появленіе этихъ городовъ

¹⁾ „Царевичи татарскіе... воеваху тѣ мѣста и разоряху, и многихъ людей побиша, и села и деревни многія пожгоша, дворянъ и дѣтей боярскихъ з женами и з дѣтьми, и многихъ православныхъ христіанъ въ полонъ похити и сведоша, а полону много множество, яко и старые люди не помнятъ такіе войны отъ поганыхъ“ (Лѣтопись по Никонову списку VIII, 25).

²⁾ *Соловьевъ*, И. Р. VII, 354. Къ сожалѣнію, не видать въ изложеніи историка, къ какому именно времени относятся слова боярскаго приговора „примѣясь къ прежнему“, и не видать, разумѣются ли тутъ поминки, не однимъ годъ платившіеся, или единовременная дача когда-нибудь. И здѣсь—повторимъ еще разъ—ощущается нужда въ точномъ изученіи источниковъ.

³⁾ Лѣтопись по Никою. сп. VIII, 26—27. Раньше, при Грозномъ, въ той же сторонѣ были построены Болховъ и Орелъ, возобновленъ старинный Курскъ: *Карамзинъ*, И. Г. Р. IX, 115; X, 102, и соответств. примѣчанія. Срав. *Е. Е. Замысловскаю*, Объясненія къ учебн. атласу по Рус. ист. стр. 64, и *Д. И. Багалъя*, Очерки

тревожило крымцевъ: они вѣрно понимали, что каждый русскій городъ въ степи, вновь построенный, есть наступательный шагъ со стороны Московскаго государства на Крымъ. И вотъ, чтобы задобрить на время крымцевъ, и болѣе прочно обезопасить отъ ихъ набѣговъ украинское населеніе, которое собиралось вокругъ возникающихъ въ полѣ городовъ, московское правительство рѣшило употребить, на ряду съ укрѣпленіемъ границы городами, и другую мѣру, то-есть, посылать хану болѣе крупныя поминки. Эта мѣра оказалась практичною: посольскій князь Щербатовъ въ 1594 г. взялъ съ Казы-Гирея шертную запись, по которой тотъ обязался держать вѣчный миръ съ Московскимъ государствомъ ¹⁾. Дѣйствительно, во все остальное время своего царствованія Казы-Гирей воздерживался отъ набѣговъ на московскія области съ большимъ войскомъ ²⁾. Вотъ почему, намъ кажется, пельзя согласиться съ замѣчаніемъ исторіографа Карамзина про хана Казы-Гирея, будто онъ „вымолилъ у султана дозволеніе обмануть Россію ложнымъ примиреніемъ, торжественнымъ и пышнымъ, какого въ теченіе семидесяти пяти лѣтъ у насъ не бывало съ Тавридой“ ³⁾: примиреніе оказалось не такъ ужъ ложное, напротивъ—довольно прочное. Любопытны секретныя переговоры того же хана съ московскимъ правительствомъ. Еще въ 1593 г. онъ просилъ правителя В. Ѳ. Годунова прислать ему 30 тысячъ рублей на построеніе новаго города на Дивирѣ, на Кошкинѣ персвозѣ, куда ханъ хочетъ-де перевести

изъ исторія колонизація и быта степной окраины Моск. государства, стр. 36—42
Городъ Курскъ и позже былъ строенъ, именно въ 1597 году. Дополн. къ Ак. Истор. IX, стр. 257. — До города Ливенъ касается одинъ важный актъ, заключающій много цѣнныхъ данныхъ о ставичной и сторожевой службѣ въ томъ краѣ, и показывающій значеніе этого новаго города, именно — указъ отъ 1593 года ливенскому поеводу Полсву: Исторія Россійск. кн. *Щербатова*, т. VI, ч. II, стр. 279—287.

¹⁾ Шертная ханская грамота—въ *Извѣст. Таврич. учен. архив. ком.*, № 9, документъ № 31. Ср. тамъ же шертныя записи крымскихъ князей Сулешевыхъ, подъ №№ 29 и 30. О посольскомъ съѣздѣ съ татарами въ Ливнахъ и посольствѣ князя Меркурія Щербатова въ Крымъ существенныя свѣдѣнія у *Соловьева*, И. Р. VII, стр. 354—358. Вообще о сношеніяхъ съ Крымомъ и Турціей при Феодорѣ—тамъ же на стр. 342—368.

²⁾ О мелкихъ татарскихъ набѣгахъ нечего говорить: ихъ трудно, почти невозможно было избѣгать, такъ какъ сами ханы не всегда были въ состояніи удерживать своевольныхъ татаръ крымскихъ и ногайскихъ.

³⁾ И. Г. Р. X, 103. Но ниже исторіографъ вѣрно замѣчаетъ про шертную Казы-Гиреву запись, что она условіями и выраженіями напоминаетъ старыя, истинно союзныя грамоты времени Менгли-Гирея и Юанна III.

изъ Крыма татарскіе улусы и жить въ низовьяхъ Диѣира, съ тѣмъ чтобы отстать отъ султана, а войти въ ближайшій союзъ съ царемъ московскимъ. Въ Москвѣ, конечно, сразу поняли истинный смыслъ ханскаго предложенія: ясно было, что это есть особый приемъ для полученія лишнихъ денегъ, а потому, хотя въ отвѣтной грамотѣ хану было писано такъ, какъ будто московское правительство входило въ виды хана, но гонцу его было прямо сказано, что это совсѣмъ не статочное дѣло, чтобы ханъ отсталъ отъ султана ¹⁾. Въ рѣчахъ Казы-Гирея была доля правды, между строже сквозившей и состоявшей въ томъ, что онъ побавлялся новыхъ городовъ русскихъ, выстроенныхъ на степной окраинѣ, такъ что его собственный городъ на Диѣирѣ, еслибы онъ былъ выстроенъ, сталъ бы служить Крыму нѣкоторую защитой не отъ турковъ, а отъ русскихъ. И позже тотъ же ханъ писалъ царю Борису Θεодоровичу, но ужъ болѣе откровенно, объ этихъ же городахъ русскихъ: ханъ говорилъ, что не слѣдуетъ-де Московскому государству укрѣплять ихъ и строить, такъ какъ-де султану будетъ легче тогда сдѣлать нашествіе на Россію, когда онъ узнаетъ, какъ близко подошли къ его землѣ русскіе города; да и татарамъ, при близости къ Крыму русскихъ городовъ, нельзя будетъ не задираться съ русскими (последнее соображеніе — правильно ²⁾). Между тѣмъ города на южной украинѣ продолжали строиться своимъ порядкомъ: въ 1591 г. основаны Кромь, въ 1601 г. Борисовъ ³⁾. Продолжали посылаться и поминки: въ 1600 г. отправлено въ Крымъ денегъ 14 тысячъ рублей, чѣмъ тамъ были не вполнѣ довольны, „прежде-де посылалось больше, что-де это за любовь, часть отъ часу убавлять?“ ⁴⁾.

Въ смутное время самозванцевъ и междоусобицъ, а также въ началѣ Михаилова царствованія, крымцы не причинили того зла, какого можно было ожидать при данныхъ неблагоприятныхъ для государства условіяхъ; въ эту пору Крымъ былъ занятъ своими внутренними смутами, да турецкими отношеніями. Правда, Авраамій Палицынъ говоритъ про ежегодныя нападенія татаръ крымскихъ и но-

¹⁾ *Извѣст. Таерич. уч. арх. комиссій*, № 9, документъ подъ № 28. *Соловьевъ*, И. Р. VII, 353—354.

²⁾ *Соловьевъ*, И. Р. VIII, 39—40.

³⁾ Лѣтопись по Никонов. сп. VIII, 46 — 47. О Борисовѣ интересны свѣдѣнія и соображенія въ *Очеркахъ г. Бахалы*, на стр. 42—51.

⁴⁾ *Соловьевъ*, VIII, 38. Тѣмъ не менѣе шертная грамота была дана ханомъ (*Извѣст. Таерич. уч. арх. ком.*, № 10, документъ № 32).

гайскихъ ¹⁾, но говорить въ выраженіяхъ слишкомъ общихъ; изъ другихъ источниковъ не видать, чтобы татары дѣлали въ это время нападенія большими массами; можно полагать, что тогда рѣже обыкновеннаго были набѣги даже малыхъ татарскихъ шаекъ: имъ опасно было проникать далеко внутрь земли, гдѣ онѣ могли наталкиваться на вооруженныя партіи казаковъ и населенія, повсюду бравшагося за оружіе. (И здѣсь, оказывается, нѣтъ худа безъ добра). Наоборотъ, встрѣчаемъ любопытныя извѣстія, что татары иногда приходили на помощь законному правительству, или по крайней мѣрѣ подъ такимъ предлогомъ являлись иногда у береговъ Оки. Такъ, въ іюлѣ 1609 г., къ Коломенѣ пришелъ крымскій калга съ 40-тысячнымъ отрядомъ, и отъ имени хана Саламетъ-Гирея предлагалъ услуги царю Василю Ивановичу: государь согласился и велѣлъ татарамъ идти къ Москвѣ ²⁾. Подъ слѣдующимъ годомъ лѣтопись говоритъ о приходѣ татарскихъ царевичей также на помощь царю московскому, о встрѣчѣ татаръ съ толпами тушинскаго самозванца въ Боровскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Нарѣ, при этомъ случаѣ татары побили тушинцевъ, но вскорѣ ушли обратно къ себѣ, подъ предлогомъ нужды въ продовольствіи. Со своей стороны Палицынъ прибавляетъ къ этому, что татары, призванные самимъ царемъ, не принесли ему пользы, а только вредъ: взяли царскіе подарки, но соединились съ непріятелями и забирали русскій полонъ: извѣстіе вѣроятное ³⁾. Принесли ли они какую пользу, или вредъ въ предыдущемъ году, не видать изъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ татары были плохіе помощники; да едва ли царь Василій Ивановичъ и возлагалъ много надежды на нихъ.

Съ восстановленіемъ государственнаго порядка при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ было обращено надлежащее вниманіе и на крымскія отношенія; оно выразилось цѣлымъ рядомъ систематическихъ мѣръ по укрѣпленію и оборонѣ южной окраины государства: возобновилась прерванная въ смутное время дѣятельность по строенію городовъ, проведенію новыхъ засѣчныхъ линій и валовъ, по усиленію сторожевой и станичной службы на степномъ пограничѣ; приняты разныя мѣры собственно на случай татарскихъ набѣговъ;

¹⁾ Сказаніе объ осадѣ Троице-Сергіева монаст. (2-е изд.), стр. 35; 45—46

²⁾ Авт. Археограф. экспед. II, № 132 (двѣ царскія грамоты отъ 26-го іюля 1609 г. О татарахъ на стр. 244 и 246).

³⁾ Лѣтоп. по Никонову сп. VIII, 135—136. Сказаніе Палицына, 233. Сравни. Истор. Россійск. зн. Щербатова, т. VII, ч. II, стр. 393—395, и Соловьева, И. Р. VIII, 819.

предпринимаются спеціальныя дозоры въ степи такихъ мѣстъ, кои особенно важно было укрѣпить; составляется новый чертежъ южной части государства и степи, со включеніемъ въ этотъ чертежъ отчасти самаго Крыма. Особенно важна дѣятельность по строенію городовъ, въ короткій промежутокъ времени возникшихъ въ значительномъ числѣ: въ 1628 году былъ „построенъ“ Старый Осколъ¹⁾; въ 1636 году, съ котораго начинается особенно энергическое строеніе городовъ, были основаны Верхній Ломовъ, Нижній Ломовъ, Тамбовъ, Козловъ и Чернавскъ; въ 1637 году велѣно было строить города Верхососенскій, Усердъ, Яблонецъ; въ 1638 году основанъ гор. Короча; въ 1640 году — Вольный, или Вольный Курганъ; въ 1641 году — Хотмыжскъ, въ 1644 году — Костенскъ. Этотъ рядъ городовъ и разнаго рода иныхъ укрѣпленій (острожки, лѣсныя засѣки собственно, рвы, валы съ изгородью, съ башнями, воротами и т. п.), располагавшихся вблизи городовъ и между ними, по засѣчнымъ линіямъ, поперекъ татарскихъ савкъ, представляетъ знаменательное явленіе въ исторіи русскаго государства. Оно показываетъ значительный ростъ русскаго населенія, которое теперь ищетъ себѣ выхода на плодородныя земли къ югу отъ Оки; тамъ оно располагается жить земледѣльческимъ трудомъ подъ защитой укрѣпленій, энергически строимыхъ государствомъ, которое съ своей стороны находитъ возможнымъ допустить колонизацію до степныхъ предѣловъ и имѣеть средства, хотя не всегда вполне достаточныя, защищать украинское населеніе отъ кочевниковъ, крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Построенные города, составляя для окружнаго деревенскаго населенія мѣста защиты на всякій случай, еще больше важны для государства и населенія, какъ опорные пункты для дальнѣйшаго наступленія на степь: строеніе городовъ значитъ больше, чѣмъ оборону только отъ степныхъ жителей; оно значитъ, въ сущности, наступленіе на нихъ, хотя медленное, но за то прочное и вѣрное. Такимъ образомъ, мирный земледѣльскій трудъ, да городъ, центръ правительственный и воинскій, постепенно завоевывали

---

¹⁾ „Городъ Старый Осколъ построенъ былъ во 136 году, а тотъ городъ сгорѣлъ, а построили вновь въ прошломъ во 138 году, на томъ же мѣстѣ, на рѣкѣ Осколѣ съ правыя стороны, на усть Малаго Оскольца съ лѣвыя стороны“ (Дополн. къ акт. истор. IX, 269). Такъ какъ городъ былъ основанъ еще въ царствованіе Феодора Иоанновича, то выраженіе о „построеніи“ его теперь нужно понимать въ смыслѣ возобновленія.

степь, одолѣвали ея стихійныя силы и варварскія привычки ея жителей ¹⁾).

Но сполна одолѣть степь еще не было возможности для государства въ XVII-мъ вѣкѣ, и долго еще—и тогда, и даже въ XVIII-мъ вѣкѣ — приходилось болѣо чувствовать всё зло ея сосѣдства для земледѣльческаго украинскаго населенія. Въ данное время, то-есть, въ первой половинѣ XVII вѣка, ближайшимъ слѣдствіемъ построенія городовъ на степномъ пограничѣ были усиленныя нападенія татарскія. Правда, въ этомъ вѣкѣ крымцы уже не могли про-

¹⁾ О строеніи городовъ и разныхъ укрѣпленій въ царствованіе Михаила весьма важный документъ — окружная царская грамота отъ начала 1637 года: Акт. эксп. III, № 268. Ср. въ томъ же томѣ относящіяся сюда же акты подъ №№ 260 и 261, 270, 303—305. — Дополн. къ акт. истор. т. IX, № 106, заключаетъ опись городовъ, вѣдомыхъ въ Розрядѣ, составленную въ 1678 году: въ этой описи не разъ отмѣчается время основанія и подновленія городовъ, сверхъ описанія ихъ положенія въ данное, или недавно прошедшее время. — Въ примѣръ наказовъ воеводамъ, какъ надобно поступать въ виду татарскихъ набѣговъ, см. наказъ воеводамъ Переславля Рязанскаго: Акт. Эксп. II, № 187, и наказъ кропивненскому воеводѣ въ Сибирск. Сборникъ, на стр. 26, въ отдѣлѣ актовъ, до рода Бикниныхъ относящихся. — Данныя источниковъ и специальныхъ сочиненій по строенію городовъ при Михаилѣ сведены въ прекрасной книгѣ *Е. Е. Замысловскаго*. Объясненія къ учебн. атласу по Русск. исторіи, на стр. 71 — 73. Въ самомъ атласѣ того же автора (изд. 3-е), на картахъ №№ 4 и 5, нанесены важнѣйшія изъ засѣчныхъ и сторожевыхъ линій XVI и XVII вв., но на картѣ № 6 не отмѣчена Украинская линія укрѣпленій по рѣкамъ Орели и Донцу; было бы желательно также видѣть болѣе ясно обозначенною старую Вѣлгородскую черту укрѣпленій, окончательно устроенную въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Стоитъ принять во вниманіе и старую засѣчную линію, проведенную на картѣ Московскаго государства Гессела Герарда, которая была составлена на основаніи старой карты, именуемой картою царевича Федора Борисовича, и поднесена царю Михаилу Теодоровичу въ 1614 году. Составитель карты поясняетъ, что такое засѣка, написавъ по ея линіи: „zaisec (засѣка) constans nemoribus desectis et vallis, a czar Fedor Iwanowicz aggestum contr irruptiones tartarorum Crimensium“ (Карта приложена у *Устрялова*, Сказ. со врем. о Дмитрiѣ самозв. II; ср. замѣчанія къ картѣ на стр. 333 — 334. Та же карта воспроизведена еще разъ въ *Изв. Географ. Общ.* 1889 г., т. XXV, вып. I, при замѣткѣ г. *Стебницкаго*). — О подновленіи и пополненіи чертежей Московскаго государства, въ частности южной половины государства и Крыма, при Михаилѣ Теодоровичѣ, см. Книгу, глаголемую Большой Чертежъ (изд. *Спаскаго*, М. 1846 г., на стр. 2—3, 5). — Подробнѣйшія указанія на строеніе городовъ и всей системы укрѣпленій въ сторонѣ Крыма, въ XVI—XVIII вв. находятся въ интересной книгѣ *Д. Н. Баталля*, которую мы уже не разъ цитовали: *Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства* т. I, М. 1887.

риваться за Оку, какъ не разъ они это дѣлали въ предыдущемъ вѣкѣ; но и теперь для ихъ набѣговъ оставался всё еще очень широкій районъ отъ Перекопа до Оки, отъ Днѣпра до Волги, по старымъ наторѣннымъ дорогамъ Муравской, Изюмской и Калміусской, и по разнымъ побочнымъ путямъ, хорошо знакомымъ для нихъ. Крымцы тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ теперь нападаютъ, что сами сильнѣе чувствуютъ напоръ всё больше возрастающаго въ силѣ казачества и предчувствуютъ еще большую силу государства, за нимъ стоящаго. Они прокрадываются мимо сторожей и станционныхъ, стараются обмануть ихъ или обогнать, пробираются торопливо мимо городовъ, мимо засѣкъ и валовъ, либо прорываются съвошь самые валы и изгороди ¹⁾, грабятъ и забираютъ въ плѣнъ деревенскій народъ, не успѣвшій скрыться въ городъ, или въ лѣсъ, или въ оврагъ, и такъ же торопливо пробираются въ обратный путь, чтобы избѣжать преслѣдованія изъ городовъ. По прежнему крымцы пользуются удобнымъ для себя временемъ, когда Московское государство вступаетъ въ войну съ Польшею: такъ, въ 1633 году, во время осады Смоленска, ханъ Джанибекъ-Гирей (1627 — 1635), подкупленный Польшею, выслалъ отрядъ татаръ подъ начальствомъ нурадина, своего сына, который повоевалъ многіе украинные города, тѣмъ заставилъ многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ оставить осаду смоленскую, и воротиться въ ихъ вотчины и помѣстья, — обстоятельство, не выгодно повліявшее на исходъ всей смоленской войны ²⁾. По прежнему ханы требуютъ отъ Москвы доставки ежегодной денежной казны, мѣховъ, шубъ и тому подобныхъ поминковъ для себя, для своихъ женъ и дѣтей, для придворныхъ и знатнѣйшихъ родомъ князей и мурзь, посылаютъ отъ себя въ Москву списокъ лицъ и поминковъ, наставляя, чтобы всё было прислано по этому списку, въ противномъ случаѣ угрожаютъ войною или отщепенемъ на посланникахъ русскихъ, которые, дѣйствительно, не разъ подвергаются въ Крыму задержанію, грабежу, даже побоямъ и

¹⁾ Вотъ примѣръ отъ 1673 года: „отъ города Оскола до Верхососенскаго рубежа валъ земляной, осколъ дубовой съ крымскіе стороны, во многихъ мѣстахъ воинскіе люди, татарова, въ прошломъ во 181 году выжгли на девять верстъ“: по этому проломному мѣсту и прошелъ крымскій ханъ (Дополн. къ Алт. Истор. IX, стр. 277).

²⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог. III, стр. 344 и 386. Ср. *Соловьева*, И. Р. IX, 222; тамъ же о набѣгѣ татарскомъ 1622 года, стр. 217. — *Изв. Таежич. архив. ком.*, № 10, стр. 24, 26.

истязаніямъ. Въ виду такого варварскаго обхожденія съ послами, московское правительство иногда грозитъ хану вовсе не посылать своихъ уполномоченныхъ въ Крымъ, но не находитъ возможнымъ порвать всякія дипломатическія сношенія съ нимъ: ихъ нельзя было порвать уже ради того только, что Крымъ въ такомъ случаѣ окончательно предался бы на польскую сторону. Итакъ, приходилось поддерживать сношенія съ ордой, доставлять хану ежегодные поминки („любительные поминки“, какъ они называются на дипломатическомъ языкѣ вѣка), а его приближеннымъ — „жалованье“: это были какъ бы страховныя деньги, или средство предупредить еще большее зло со стороны варваровъ; по прежнему также рассчитывали поднимать этимъ средствомъ Крымъ на Польшу. Приведемъ нѣсколько данныхъ. Въ 1614 году крымскій уполномоченный Ахметъ-паша Сулешевъ на посольской развѣнѣ въ Ливнахъ ¹⁾ запрашивалъ отъ московскихъ уполномоченныхъ 10-ть тысячъ рублей ежегодныхъ поминковъ, сверхъ мягкой рухляди, а московскіе предлагали ему четыре тысячи; въ отвѣтъ на это Ахметъ Сулешевъ сказалъ: „вы ставите шесть тысячъ рублей въ дорого, говорите, что взять негдѣ, а я на однихъ Ливнахъ вымещу: хотя возьму тысячу плѣнныхъ, а за cadaго плѣнника возьму по 50-ти рублей, то у меня будетъ 50 тысячъ рублей“. Такъ переговаривались русскіе и крымскіе уполномоченные! Впрочемъ, князь Сулешевъ долженъ былъ согласиться на предлагаемыя четыре тысячи, въ ожиданіи того, что весной будущаго года будутъ отправлены съ посломъ болѣе значительныя поминки, какъ обѣщали русскіе уполномоченные ²⁾. Съ своей стороны ханъ потребовалъ отъ пріѣхавшаго русскаго посла, князя

¹⁾ Ливны и Валуйки были обычныя мѣста, гдѣ съѣзжались въ XVI и XVII вв. уполномоченные русскіе и татарскіе, и развѣивались послы. Это ускорило переговоры и обезпечивало большую безопасность пословъ съ обѣихъ сторонъ. О порядкахъ и обстановкѣ такихъ съѣздовъ можно судить по даннымъ относительно, на примѣръ, съѣзда на Валуикѣ 1629 года (Дворцовыя Разряды, III, 823 — 838).

²⁾ *Соловьевъ*, И. Р. IX, 85 — 86. *Извѣстія Таурич. учен. архив. ком.*, № 10, стр. 11—13 (шерстная записка Ахмета Сулешева отъ 1614 года). Родъ Сулешевыхъ всегда былъ расположенъ болѣе дружна къ русской сторонѣ: они часто ведутъ переговоры въ качествѣ крымскихъ уполномоченныхъ съ русскими, даютъ отъ себя шерстныя записки въ томъ смыслѣ, что будутъ поддерживать русскіе интересы предъ ханомъ, защищать царскихъ пословъ и т. п. Нѣкоторые изъ Сулешевыхъ вступали въ русскую службу. (Акт. Экспедиц. III, № 289 и 832. Книга посольск. Метрики в. княж. Литов., изд. кн. Оболенскаго, стр. 226. Ист. Росс. *Соловьева* IX, 86; 365—366).

Волконскаго, той же суммы въ 10 тысячъ руб., какъ бывало она присылалась-де Казы-Гирею; однако въ шертную грамоту было вписано только общее неопредѣленное условіе на этотъ счетъ: „и тебѣ бы, брату нашему (государю Московскому), на всякой годъ, въ началѣ лѣта, къ намъ казну и поминки присылать по прежнему, что у тебя лучится рублевъ денегъ“ ¹⁾). Такимъ образомъ, русскіе посланники успѣли убѣдить татаръ, что небогатая казна Московскаго государства не можетъ-де, послѣ недавно пережитой смуты, платить въ орду крупныя денежныя поминки, и не внесли въ шертную грамоту опредѣленнаго обязательства на этотъ счетъ. Въ сентябрѣ 1633 года татарскіе посланцы говорили въ Москвѣ, что въ послѣдніе два года ханъ велѣлъ воевать московскую Украину за то, что ему не были присланы поминки, а его ближнимъ жалованье на два года ²⁾). Такъ ли было въ самомъ дѣлѣ, какъ говорили татары, не извѣстно; болѣе вѣроятнымъ представляется, что поминки крымцамъ не были посланы уже вслѣдствіе того, что они обнаружили враждебныя движенія и согласились на подкупъ со стороны Польши. Какъ бы то ни было прежде, а къ концу 1633 года ханъ Джанибекъ-Гирей далъ торжественную шертную запись: быть впредь въ дружбѣ и любви съ московскимъ царемъ, имѣть общихъ друзей и враговъ, стоять сообща противъ всякихъ недруговъ, а литовскому королю никакими мѣрами ни въ чемъ не помогать и т. д., въ обычныхъ выраженіяхъ стараго Менгли-Гиреевскаго времени. За то къ шертной грамотѣ была приложена обширная роспись, какіе поминки и кому именно слѣдуетъ впредь присылать изъ Москвы,— документъ весьма интересный въ разныхъ отношеніяхъ: и по исчисленію лицъ, занимавшихъ ближайшія мѣста подлѣ хана, и по описанію самыхъ поминковъ, кои требовались для каждаго должностнаго и чиновнаго лица, смотря по его значенію при особѣ хана, да и по самому принципу, высказанному въ этомъ документѣ: „и впредь отъ нашей стороны никакой ссоры и смуты не будетъ; да чтобъ есте прислали поминковъ безъ убавки, по сей росписи, а впредь посломъ вашимъ никакова безчестья и тѣсноты не будетъ“ ³⁾). Казалось бы теперь, съ опре-

¹⁾ *Извѣст. Таурич. арх. ком.* № 10, стр. 15 (шертная ханская запись отъ 1615 года).

²⁾ Тамъ-же, № 10, стр. 24 и 26.

³⁾ Тамъ-же, стр. 29—41. Поминки предлагались, главнымъ образомъ, мѣханы и шубами, что для казны московскаго государя было удобнѣе, нежели деньги. Вотъ для примѣра исчисленіе поминковъ хану: „шуба соболья нагольная, пуг-

дѣленіемъ точнаго размѣра поминковъ, должны были установиться на самомъ дѣлѣ болѣе прочныя мирныя отношенія между Московскимъ государствомъ и Крымскою ордой: государство хотя не богатое, даже въ сущности бѣдное, соглашалось на постоянныя поминки татарамъ деньгами и мѣхами; оно и прежде не отказывалось давать имъ эти поминки, а теперь тѣмъ больше соглашалось на нихъ, что все ближе сходилась граница русскихъ населеній съ крымскими кочевьями и все чувствительнѣе становился вредъ татарскихъ набѣговъ: орду надобно было всячески сдерживать до тѣхъ поръ, пока государство не будетъ въ состояніи сдѣлать послѣдній рѣшительный шагъ на нее. Однако и теперь прочнаго мира не было, да и быть ему было очень трудно, какъ всегда. Вопервыхъ, въ Крыму были склоны постоянно увеличивать запросы поминковъ, сверхъ однажды условленнаго. Вторыхъ, поминки шли въ пользу хана и зватнѣйшихъ татаръ его; но рядовые казаки и вся масса крымскихъ татаръ, на долю которыхъ поминковъ не было, хотѣли по прежнему жить грабежемъ, кормиться по исконному обычаю степняковъ насчетъ земельдѣльцевъ; бѣдная, мало обезпеченная въ средствахъ жизни масса татарская стремилась въ набѣгъ не изъ дикой только любви къ разоренію, а ради полученія какой нибудь добычи, для удовлетворенія своей нужды; подъ вліяніемъ этой пужды она и пускалась въ далекій набѣгъ (дѣло всегда не легкое и рискованное), пускалась иной разъ даже мимо ханскаго запрещенія. Третьихъ, наконецъ, Крымъ постоянно находился подъ сторонними вліяніями, несоотвѣтственными его внутренней силѣ и дѣйствительному значенію колебавшими настроеніе татарскихъ умовъ. Мы вѣримъ, что ханы были искренни, когда писали въ шертной грамотѣ такія, напримѣръ, торжественныя вѣтвы: „я, великій государь, тебѣ, брату своему, клянуся Единнымъ Богомъ, Сотворителемъ нашимъ, и законодавшею ¹⁾

вицы серебряны позолочены; шапка лисья черна; 3 пары соболей; однорядка скорлатна червчета, пуговицы серебряны золочены, круживо и петли золото съ серебромъ кованые; шуба кунья пластничатая; 8 шубы куньи рядовые; шуба горла лисья, шуба горнастая нагольная; 5 цки горнастайные, 5 цки куньи, 10 шубъ хрептовыхъ бѣлыя нагольные; 10 шубъ черева бѣлыя; 10 цки бѣлыя хрептовые, 10 цки черева бѣлыя; 10 поставовъ суконъ на страшилю; 2 пуда рыба зубу доброво; 4 тысячи рублевъ денегъ“.

¹⁾ Не знаемъ, точно ли прочтено и напечатано это слово и слѣдующее за нимъ: до сихъ поръ нигдѣ намъ не приходилось встрѣтить слова „законодавша“ (какъ оно было бы въ вменятельномъ падежѣ); слѣдующее слово „намъ“ мы читаемъ: „нашимъ“.

нашимъ пророкомъ Махаметемъ, и утвержденю нашею закономъ, прямою книгою, кураномъ, на которой книгѣ я, великій государь, для твоей братственной дружбы и любви шерть учинялъ на томъ, что мнѣ... и всѣмъ крымскимъ ратнымъ людямъ на Московское государство войною не ходити¹⁾). Но такое настроеніе хана и его приближенныхъ обыкновенно скоро проходило, и при первомъ же случаѣ, въ родѣ набѣга какой-нибудь незначительной партіи донскихъ казаковъ, не говоря уже про внушенія изъ Порты и Польши, замѣнялось враждебностью, выражавшеюся новымъ набѣгомъ, или грубымъ оскорбленіемъ московскихъ пословъ; миръ нарушался, московскому правительству снова приходилось жалѣть о потраченныхъ даромъ усиліяхъ и деньгахъ, а крымцамъ—злиться на убавку поминковъ, или на полное прекращеніе ихъ до извѣстнаго времени.

Къ издержкамъ въ видѣ поминковъ и половничныхъ денегъ, посылавшихся въ Турцію и Крымъ на выкупъ плѣнныхъ²⁾, присоединялись траты на оборону границы въ тѣхъ случаяхъ, когда война съ татарами могла быть предвидѣна. Такъ, напримѣръ, въ февралѣ 1637 года была разослана по городамъ царская окружная грамота, уставлявшая повсемѣстный денежный сборъ на городовое дѣло и на жалованье ратнымъ людямъ, въ виду обороны отъ татаръ³⁾. Въ сентябрѣ этого же года послѣдовалъ значительный татарскій набѣгъ, по приказу султана, какъ говорили татары, за то, что донскіе казаки взяли Азовъ; по этому случаю царь собралъ земскій соборъ, на которомъ снова положено дѣлать повсемѣстный сборъ деньгами и людьми на случай новыхъ нападеній татаръ и турковъ⁴⁾. Черезъ четыре года, именно въ началѣ 1642 г., созванъ еще земскій соборъ для совѣщанія о томъ, принимать ли государству взятый козаками Азовъ, и если принимать, то гдѣ взять денегъ на

¹⁾ *Извѣст. Таурич. архив. комиссіи*, № 10, стр. 15. Въ вообще документы въ этой книгѣ *Извѣстій*, то-есть, шертными грамоты хановъ и ихъ уполномоченныхъ, обыкновенно князей Сулешевыхъ, суть важный матеріалъ для исторіи крымской за время государя Михаила Феодоровича. Издатель ихъ, г. Лашковъ, напечатаніемъ ихъ оказалъ важную услугу для занимающихся исторіей Крыма.

²⁾ Котошихинъ опредѣляетъ сумму крымскихъ поминковъ—за время государя Алексѣя Михайловича—въ 20-ть тысячъ рублей ежегодно, а сумму половничныхъ денегъ, собиравшихся ежегодно въ государствахъ, въ 150 тысячъ рублей, при чемъ прибавляетъ, что кромѣ выкупа ни на что другое эти деньги не тратились (О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, изд. 2-е, стр. 47 и 72).

³⁾ *Акт. Археогр. Эксп.* III, № 268. *Акт. Историч.* III, № 195.

⁴⁾ *Акт. Арх. Эксп.* III, № 275.

войну съ Турціей и Крымомъ. Въ отвѣтъ подавались между прочими такія письменныя сказки: „съ турецкимъ салтаномъ и крымскимъ царемъ разорвать ли, Азовъ у донскихъ козаковъ принять ли, то въ его государской волѣ; а турецкаго и крымскаго царя неправды извѣстны государю: всегда крымской царь на своей правдѣ не ставалъ, и черезъ свое утверженіе государевы украины воевалъ, и полонъ многой ималъ и разорялъ; и за тѣ бы ихъ бусурманскія неправды не велѣлъ государь въ Крымъ своей государевой казны посылать, а та его государева казна пригодится государевымъ ратнымъ людямъ на жалованье, которые будутъ противъ ихъ, бусурманъ, стоять“¹⁾. Такъ написали свою мысль два московскіе дворянина, Веклемишевъ и Желябовскій, въ особой сказкѣ. И всѣ выборные земскіе люди, конечно, хорошо знали про неправды крымскаго хана; при всемъ томъ однако, въ виду недостаточности средствъ для войны съ султаномъ и ханомъ, о чемъ земскіе люди также заявляли государю, донскимъ козакамъ послано было приказаніе оставить Азовъ; войны съ турками и крымцами у государства на этотъ разъ еще не произошло.

Таковъ былъ этотъ жгучій крымскій вопросъ! Если взвѣсить всѣ эти траты на Крымъ, или по поводу Крыма, всѣ эти издержки на оборону южной украины во время нашествій крымскихъ, или въ виду ожидаемыхъ только нашествій, особенно издержки и труды по строенію цѣлаго ряда укрѣпленій въ видѣ городовъ и изгородей, засѣкъ и валовъ, линія которыхъ, еслибы ихъ сложить и вытянуть въ одну прямую, составила бы огромное протяженіе въ нѣсколько сотъ верстъ (труды не меньшіе, чѣмъ римскіе или китайскіе въ этомъ же родѣ); если принять во вниманіе эти потери имущества и особенно печальныя, ничѣмъ не вознаградимыя потери людей, которыхъ крали крымскіе разбойники и продавали въ турецкую неволю; если, наконецъ, представить, что государство, при всемъ его усиливающемся достоинствѣ и могуществѣ, не свободно было отъ татарскихъ набѣговъ вплоть до послѣднихъ дней существованія Крымской орды, то намъ станетъ понятна вся тяжесть крымскаго сосѣдства, вся „злоба“ крымскихъ и турецкихъ отношеній, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Намъ тогда становятся понятны не веселыя размышленія, находимыя, напримѣръ,

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Догов. III, стр. 398; сравн. тамъ же, стр. 385—386. Весь актъ собора 1642 г. интересенъ, между прочимъ, и по взглядамъ земскихъ людей на вопросъ крымскій и турецкій.

въ книгѣ Котошикина, этого вообще яснаго и трезваго писателя. Вотъ что читаемъ въ одномъ мѣстѣ у этого автора на счетъ крымскихъ отношеній (слова его на столько характерны, что мы приведемъ ихъ въ подлинникѣ, съ того мѣста, гдѣ говорится про поминки): „А уложилъ тѣ поминки (крымскіе) давать Алексѣй митрополитъ московскій послѣ того времени, какъ онъ былъ въ Крыму, въ полону, тому много лѣтъ назадъ. Такъ же онъ, митрополитъ, заклалъ Московское государство, чтобы они сами на крымскихъ людей войною не ходили, а утѣшали бы нечестиваго дарами; а ежели они черезъ его заклинаніе учнутъ ходить на Крымъ войною, и имъ въ войнѣ не дастъ Богъ поиску, а въ землѣ плоду; развѣ они, крымскіе люди, сами учнутъ войною приходить,—и противъ нихъ стояти повелѣлъ. И по тому его заклинанію, Московскій царь то и чинить: самъ войною на Крымъ не наступаетъ, а окупаются такими дарами ежегодно; а когда и войска свои противъ крымскихъ людей посылаетъ, и тогда московскіе войска на крымскіе войска поиску сыскати не могутъ никакого, потому что московскіе войска ни которыхъ людей такъ не страшны, какъ крымскихъ“¹⁾. Такова любопытная крымская легенда, связанная съ именемъ св. Алексѣя митрополита, державшаяся въ нѣкоторыхъ кружкахъ московскаго общества XVII вѣка. Не одинъ Котошихинъ записалъ ее: современникъ его, Юрій Крижаничъ, также слышалъ ее и записалъ вкратцѣ, съ нѣкоторыми вариациями²⁾. Гдѣ ближайшій источникъ этой легенды, мы пока не можемъ сказать; въ житіяхъ св. Алексѣя митрополита, на сколько мы знаемъ, нѣтъ указаній на что-нибудь въ родѣ плѣненія святаго мужа отъ татаръ. Но само по себѣ дѣло очень возможное, что во время одной изъ поѣздокъ своихъ въ Царьградъ, чрезъ татарскія кочевья южной Россіи, или же во время поѣздки въ Золотую Орлу, митрополитъ Алексѣй дѣйствительно гдѣ-нибудь испыталъ задержку

¹⁾ О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 47. У того же автора встрѣчаемъ нѣсколько цѣнныхъ свиданій и вѣрныхъ сужденій о дѣлахъ крымскихъ: такъ, кромѣ данныхъ о поминкахъ и полонянничныхъ деньгахъ, выше указанныхъ, онъ даетъ свиданія о пріемѣ въ Москвѣ крымскихъ пословъ, о ихъ безстыдствѣ и невѣжливости, о варварскомъ обращеніи въ Крыму съ нашими посланцами, о развѣнѣ и выкупѣ плѣнныхъ у крымцевъ (страни. 47—48; 56—57).

²⁾ Политика, II, 131: „преподобный Петеръ (раньше было написано: „Алексѣй“) митрополитъ есть заповѣдалъ татаромъ давать данину“ (Вароятно, въ Москвѣ разные люди говорили то про одного, то про другаго святителя; но возможно также, что авторъ ошибся и поправился, написавъ одно имя вмѣсто другаго.)

отъ татаръ: въ степи такой случай какъ нельзя больше — дѣло возможное; не даромъ святитель бралъ особый ярлыкъ отъ ханши Тайдулы на свободный проѣздъ въ Грецію; очень возможно, что ярлыкъ и взятъ былъ вслѣдствіе какого-нибудь неприятнаго случая въ этомъ родѣ, имѣвшаго мѣсто прежде ¹⁾). Вполнѣ также естественно, что знаменитый государственный человѣкъ, оказавшій такія важныя услуги великокняжескому московскому роду въ дѣлѣ собиранія и устроенія земли, сообщалъ великимъ князьямъ и боярамъ свои мудрыя, опытыя замѣчанія и давалъ завѣты по дѣламъ татарскимъ, въ томъ, напримѣръ, смыслѣ, чтобы не допускать татаръ до виѣшательства во внутреннія дѣла Руси, не доводить до нихъ вторженій, а держать всячески миръ въ землѣ внутренней и относительно хановъ, до тѣхъ поръ пока государство соберется съ силами; можетъ быть, святитель давалъ и другіе, ближайше годные практическіе совѣты по дѣламъ орды, отношенія къ которой онъ хорошо зналъ и понималъ. Таковы, на нашъ взглядъ, общія условія или данныя, изъ коихъ могла зародиться приведенная Котошихинымъ легенда на счетъ того, будто св. Алексѣй митрополитъ вовсе запретилъ вести наступательную войну съ татарами. Ея тенденція понятна: авторитетомъ великаго святи-теля хотѣли прикрыться тѣ люди, которые не хотѣли рисковать наступательною войною съ Крымомъ, или даже дѣйствительно боялись такой войны; эти люди и поддерживали легенду, примѣняли ее къ крымскимъ отношеніямъ, о какихъ при св. Алексѣѣ не могло быть еще рѣчи, ибо тогда Крымъ былъ не больше, какъ простой улусъ Золотой Орды, далеко не имѣвшій того значенія, какое онъ получилъ позже. Таковъ, по нашему, смыслъ преданія, записаннаго у Котошихина; рѣчь идетъ все о томъ же: оборона, или наступленіе? Все тотъ же старый, докучливый вопросъ, медленно подвигающійся къ рѣшенію!

Начало царствованія Алексѣя Михайловича крымскіе татары „поздравилъ“ вторженіемъ въ Украину, въ Рыльскій уѣздъ, но были здѣсь разбиты царскими воеводами и принуждены воротиться безо всякой добычи. Въ отвѣтъ на эту новую дерзость, царь Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ взять наступательныя мѣры противъ Крыма:

¹⁾ „Сей Алексѣй митрополитъ, коли поидеть ко Царюграду, и здѣ кто ни будетъ, чтобъ его не замали, ни силы бѣ надъ нимъ не чинили ни какіе; или гдѣ ему лучится постояти, чтобъ его никто не двинулъ, ни коней его не имали; занеже за Знебека Цря, и за дѣтей его, и за насъ молитву творить, такъ есемъ молили“ (Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 10).

онъ еще раньше набѣга татарскаго заявилъ султану, что если крымскій ханъ еще разъ измѣнитъ клятвѣ, то ему больше уже не будутъ терпѣть; послѣ же набѣга государь отправилъ въ началѣ 1646 года посольство въ Польшу съ предложеніемъ заключить наступательный союзъ протавъ Крымской орды: „вы бы, паны радные, сами о томъ думали и короля на то наводили, чтобъ его королевское величество для избавы христіанской въ нынѣшнее благополучное время велѣлъ отпереть Днѣпръ, и позволилъ бы днѣпровскимъ казакамъ вмѣстѣ съ донскими воевать крымскіе улусы, да и къ гетману послалъ бы приказъ, чтобы онъ съ своими ратными людьми на Украинѣ былъ готовъ, и съ царскими воеводами обо всякихъ воинскихъ дѣлахъ сслагался, какъ имъ противъ крымскихъ татаръ стоять, въ какихъ мѣстахъ сходиться“¹⁾. Польскіе паны отвѣчали, что они вседушно рады и молятъ Бога, чтобы обоихъ великихъ государей руки высились надъ бусурманами¹⁾, какъ вдругъ поднялось возстаніе противъ Польши тѣхъ самыхъ казаковъ, на которыхъ рассчитывали, какъ на передовыхъ бойцовъ противъ Крыма: вопреки ожиданію правительствъ, малороссійскіе казаки, подъ начальствомъ Хмельницкаго, поднялись не противъ Крыма, а съ помощью этого самаго Крыма противъ Польши. Дѣла принимали совершенно иное направленіе. Польское правительство повело теперь рѣчь къ московскому о томъ, чтобы то пособило разорвать союзъ казаковъ съ татарами и усмирить казацкое движеніе. Но какъ разорвать этотъ союзъ? А главное: нужно ли усмирять царю движеніе казаковъ? Въ Москвѣ ясно понимали смыслъ казацкаго движенія, знали его причины и угадывали исходъ. Дѣйствительно, возстаніе Богдана Хмельницкаго привело къ воссоединенію Малороссіи съ Великой Россіей, событію великой важности въ исторіи Россіи и Польши; для первой оно обозначало рѣшительный перевѣсъ въ вѣковой тяжбѣ за возвращеніе русскихъ земель, а для второй — распаденіе, начало конца. Еще разъ два государства вступили въ продолжительную, упорную войну; еще разъ крымцы воспользовались этою войною для своихъ набѣговъ, грабежей и плѣненій; они тѣмъ удобнѣе теперь могли вмѣшиваться въ отношенія борющихся сторонъ какъ главныхъ, то-есть, государствъ, такъ и второстепенныхъ, то-есть, разныхъ партій внутри самой Малороссіи, руководимыхъ честолюбивыми казацкими предводителями, что эти послѣдніе не стыдились призывать татаръ на помощь себѣ, на разореніе странъ. Дѣла въ

¹⁾ Соловьевъ, И. Р., X, стр. 120—129 (2-е изд.).

Малороссіи принимали затруднительный оборотъ, запутывались и усложнялись какъ внутри, такъ и извнѣ; поэтому существенная практическая задача для московскаго правительства состояла въ томъ, чтобы удержать Малороссію въ подданствѣ, устроить ея внутренній порядокъ, примирить сословія и опредѣлить всѣ внутреннія отношенія, и въ то же время заставить Польшу помириться на условіяхъ, отвѣчающихъ достоинству и выгодамъ государства: тогда снова можно будетъ повести рѣчь о союзѣ противъ Крыма, о наказаніи его за все зло какъ за прежнее, такъ и за послѣднее, которое приходилось терпѣть, пока не былъ рѣшенъ главный вопросъ времени, то-есть, Малороссійскій.

IV.

Въ эту-то пору, когда дѣла въ Малороссіи принимали такой затруднительный, не желанный для московскаго правительства оборотъ, туда прибылъ Крижаничъ, авторъ крымскаго проекта, о которомъ собственно наша рѣчь. Присмотримся ближе, что за человѣкъ этотъ авторъ, и съ какими намѣреніями онъ пріѣхалъ въ Россію.

Хорватскій дворянинъ изъ стариннаго рода, Юрій Крижаничъ родился около 1617 года, близъ города Загреба, въ юности лишился родителей, а вмѣстѣ имуществъ по проискамъ корыстолюбиваго родственника, вслѣдствіе чего былъ принятъ на попеченіе загребскаго епископомъ Ванковичемъ, который склонилъ даровитаго, но бѣднаго юношу поступить въ духовное званіе. Послѣ обученія въ вѣнской хорватской семинаріи, Крижаничъ отправился для высшаго образованія въ Италію — въ Болонью и Римъ: здѣсь, въ 1641 году, онъ поступилъ въ греко-уніатскую коллегію св. Анастасія, чтобы приготовиться къ миссіонерской дѣятельности въ странахъ православнаго Востока, ближайшимъ образомъ „въ Московіи“, какъ сказано въ документѣ о принятіи его въ коллегію. Но выйдѣ изъ нея, Крижаничъ, принявшій санъ священника и каноника Загребской епархіи, постарался при первой возможности исполнить свое желаніе лично посѣтить русскія страны и поработать для уніи не только ученымъ перомъ, но и устною пропагандой между русскими: въ 1646 году онъ оставляетъ свой приходъ въ городѣ Вараждинѣ, готовъ отказаться и отъ званія каноника и отправляется въ путь черезъ Вѣну въ Холмскую Русь къ тамошнему знакому епископу, Меодію Терлецкому, ревностному дѣятелю уніи. Смутныя обстоятельства въ Холмскомъ

край, вслѣдствіе борьбы православныхъ съ уніатами, заставили Юрія Крижанича скоро покинуть этотъ край: онъ поѣхалъ далѣе внутрь Западной Россіи и проникъ до Смоленска; но долго ли пробылъ адѣсь, въ какихъ другихъ мѣстахъ останавливался и какіе результаты для себя получилъ, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній: предполагаютъ, что въ это время — въ промежутокъ 1646—1650 годовъ — онъ успѣлъ, кромѣ Западной Руси, посѣтить еще Царьградъ ¹⁾. Въ 1650 году Крижаничъ воротился въ Вѣну, а въ слѣдующіе годы (1652 — 1656) проживалъ въ Римѣ, гдѣ хлопоталъ, чтобы его вторично отправили миссіонеромъ въ Россію, при чемъ въ рекомендацію себя представлялъ литературные труды для цѣлей уніи, именно переводы на латинскій нѣкоторыхъ книгъ, изъ Россіи вывезенныхъ, и опроверженія на эти книги съ своей стороны. Уже была положена благопріятная для просителя резолюція папы („*deputetur missionarius in Moscoviam*“), какъ вдругъ оказались какія-то задержки, а немного спустя былъ представленъ папѣ новый докладъ, дававшій иное направленіе дѣлу: въ докладѣ хотя отдавалась доля похвалы кроатскому священнику за его книжные труды, но въ то же время выражалось сомнѣніе на счетъ практической годности его первой миссіи и другой, теперь испрашиваемой имъ; высказывалось даже опасеніе, что онъ, пожалуй, можетъ выйдти изъ надлежащихъ предѣловъ дѣятельности миссіонера собственно. Въ силу этого доклада (въ январѣ 1658 года) послѣдовала новая резолюція папы, которая рекомендовала священнику-кроату оставаться въ Римѣ для окончанія трудовъ противъ схизматиковъ, начатыхъ авторомъ, съ выдачею ему за труды денежнаго вспомошествованія ²⁾. Тѣмъ не менѣе черезъ годъ Юрій Крижаничъ, не извѣстно, по волѣ своего начальства, или по собственному почину и на сию отвѣт-

¹⁾ Свѣдѣнія объ этой первой поездкѣ Крижанича въ Россію и въ Царьградъ заимствуемъ изъ статьи г. Ферменджина: *Prinos na životopis Gjurja Križanića* (*Starine*, кн. XVIII, 1886). За указаніе на эту статью хорватскаго ученаго, равно на матеріалы о Крижаничѣ, помѣщенные въ сборникъ г. Ягича, мы обязаны г. профессору Московскаго университета М. И. Соколову, за что приносимъ ему искреннюю благодарность. Онъ же любезно познакомилъ насъ съ найденнымъ имъ новымъ, весьма интереснымъ по содержанию сочиненіемъ Юрія Крижанича, изътомъ прошлаго 1890 года, за что еще разъ благодаримъ его.

²⁾ Въ сборникъ г. Ягича (*Archiv für Slavische Philologie*, VI Bd, 120—121 Sa., in „*Klein. Mittheilung.*“) помѣщено нѣсколько документовъ, найденныхъ въ римскихъ архивахъ отцомъ Пирлингомъ, важныхъ для біографіи Крижанича, а именно — постановленія о принятіи его въ коллегію св. Анастасія и доклады по просьбѣ его объ отправленіи въ русскую миссію.

ственность, опять является въ Россіи: изъ Львова онъ проѣхалъ на Кіевъ, потомъ переправился въ лѣвобережную Украину, гдѣ проживаетъ въ разныхъ мѣстахъ, а болѣе постоянно въ городѣ Нѣжинѣ. Этотъ вторичный пріѣздъ Крижанича въ Россію состоялся въ началѣ 1659 года, во время гетманства Выговскаго, измѣна котораго царю тогда еще не обнаружилась. Нашъ пришелецъ подъ именемъ „Юрія сербина“ искалъ одно время покровительства гетмана; но когда измѣна его царю Алексію Михайловичу стала явною, когда съ помощью крымскаго хана, Магметъ-Гирея IV, онъ разбилъ царское войско у Конотопа (28-го іюня 1659 года), при чемъ позволилъ себѣ варварскую жестокость, перебивъ пять тысячъ безоружныхъ плѣнныхъ русскихъ, — злодѣйство, предъ которымъ содрогнулись въ Малороссіи и въ Москвѣ ¹⁾), — тогда и Крижаничъ, послѣшно оставивъ гетманскій обозъ, воротился въ Нѣжинъ. Здѣсь, подъ впечатлѣніемъ событій и всего видѣннаго на пути отъ Львова и въ самой Малороссіи, Крижаничъ набросалъ небольшую записку о положеніи дѣлъ въ краѣ, по всей вѣроятности, назначая ее для прочтенія людямъ, имѣющимъ власть и голосъ въ странѣ: что онъ писалъ ее не въ видѣ только памятной записки или размышленія про себя самого, это видно по ея дѣловому тону и по всему содержанию. Вкратцѣ содержаніе записки слѣдующее. Прежде всего авторъ пораженъ опустошеніемъ Малороссіи и огрубѣніемъ нравовъ ея жителей: „хотя черкасы, — говорятъ онъ, — исповѣдуютъ христіанскую православную вѣру, но нравы и обычаи имѣютъ звѣрскіе“. Послѣ такого замѣчанія, отчасти справедливаго, но вообще рѣзкаго, Юрій Крижаничъ обращается къ лучшимъ чувствамъ и здравому смыслу малороссіянъ, убѣждаетъ ихъ быть вѣрными царю, не браться ни съ ляхами, ни съ бусурманами, подробно исчисляетъ притѣсненія, какія терпѣли малороссіянне отъ ляховъ и будутъ терпѣть, если возвратятся въ польское подданство. Авторъ энергически нападаетъ на ядовитый предрасудокъ, поляками распространяемый въ Малороссіи и во всей Европѣ, на эту въ своемъ родѣ „политическую ересь и дьявольскую мысль“, будто жить подъ царскою властію слишкомъ тяжело, — тяжелѣе, чѣмъ въ неволѣ египетской или турецкой. Затѣмъ авторъ предлагаетъ нѣкоторыя, на его взглядъ, полезныя мѣры для умиротворенія края, на примѣръ: трехлѣтнее гетманство вмѣсто пожизненнаго, учрежденіе въ Москвѣ

¹⁾ *Соловьевъ*, Ист. Россіи, XI, 59—60 (по 2 изд.).

Малороссійскаго приказа, гдѣ бы сидѣли природные малороссіане, и т. п. ¹⁾.

Эта небольшая по объему записка Крижанича обратила на себя вниманіе нѣкоторыхъ людей; она стала извѣстна также въ Москвѣ,— и автору ея было позволено, а можетъ быть приказано, явиться туда. И вотъ, пробывъ въ Малороссіи года полтора приблизительно ²⁾, Юрій Крижаничъ очутился въ самомъ сердцѣ Россіи, въ столицѣ того великаго царя, о которомъ давно и много думалъ нашъ ученый славянинъ. Люди съ такимъ широкимъ образованіемъ, какимъ владѣлъ Юрій Крижаничъ, были „годны великому государю“, — скажемъ словами того времени; будь онъ православный человекъ, какимъ, конечно, сочли заочно „Юрія сербина“ въ Москвѣ, ему нашлось бы адѣсь мѣсто, достойное его дарованій и учености, напримѣръ, въ числѣ справщиковъ книгопечатнаго двора, или въ числѣ переводчиковъ Посольскаго приказа; ему нашлось бы мѣсто и въ рядахъ церковной іерархіи. Но вся бѣда въ томъ, что Крижаничъ былъ католическій священникъ: его истинное званіе не могло быть скрыто имъ, и онъ немедленно былъ удаленъ изъ столицы. Пусть доселѣ не извѣстны ближайшія обстоятельства удаленія Крижанича изъ Москвы въ Тобольскъ,—дѣло и безъ того въ сущности ясно: католическій священникъ не могъ жить въ православной Москвѣ XVII вѣка, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. При томъ больше чѣмъ вѣроятно, что когда истинное званіе „Юрія сербина“ открылось, его тотчасъ заподозрѣли въ намѣреніи проповѣдовать унію русской церкви съ римскою, въ чемъ,

¹⁾ Эта записка была писана въ промежутокъ между конотопскою битвою и избраніемъ въ гетманы Юрія Хитльницкаго въ Переяславѣ (17-го ноября 1659 года). Она нашлась среди польскихъ дѣлъ 1659 года, въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, въ связи, которая обозначена: „перениты польскихъ вельможей письма“. Въ свое время на нее обратилъ вниманіе историкъ *Соловьевъ* (И. Р. XI, 70—71). Сполна издана въ *Чтеніяхъ М. О. И. и Др.*, 1876, кн. III; издатель ея, г. Кулишъ, правильно смотритъ на три части ея, каждая подъ особымъ заглавіемъ, какъ на одну записку въ сущности. О принадлежности ея не одному кому, какъ Крижаничу, сравн. согласныя мнѣнія другихъ ученыхъ: *Чтенія М. О. И. и Др.*, 1867, кн. II, отд. „Смѣсь“, стр. 146 (отчетъ г. *Олвернаю*).

²⁾ О пребываніи въ Нѣжинѣ Ю. Крижаничъ не разъ воспоминалъ впоследствии по поводу братьевъ Золотаренковъ, нѣжинскихъ полковниковъ: въ сочиненіи „о Промыслѣ“, на стр. 82—83, и въ трактатѣ „о св. Крещеніи“, изложенномъ у г. *Безсонова* въ статьѣ о Крижаничѣ. (*Правосл. Обзор.* 1870 г., томъ II, стр. 700—701). Неточныя показанія Крижанича о старшемъ Золотаренкѣ сажаютъ исправить, напримѣръ, по указаніямъ *Максимовича* (Сочиненія, т. I, стр. 737—739).

конечно, не ошибались въ Москвѣ. Его показаніе, будто онъ пріѣхалъ въ Россію заниматься изученіемъ славянскаго языка, безъ иной ближайшей практической цѣли, вѣроятно, представилось неудовлетворительнымъ, мало вѣроятнымъ. Невыгодное впечатлѣніе могло произвести и то обстоятельство, что Крижаничъ одно время искалъ покровительства у гетмана Выговскаго, который вскорѣ оказался измѣнникомъ: это впечатлѣніе только отчасти сглаживалось благонамѣренною политической запиской автора о дѣлахъ малороссійскихъ ¹⁾. Какъ бы то ни было, надъ Юріемъ Крижаничемъ разразилась гроза: по указу отъ января 1661 года, данному изъ приказа Лифляндскихъ дѣлъ, Юрій сербинъ былъ посланъ въ Тобольскъ, чтобы быть ему тамъ у государевыхъ дѣлъ, у какихъ пристойно, при чемъ кормовыхъ денегъ ему велѣно было выдавать по семи рублей съ полтиною на мѣсяць. Такъ какъ жалованье въ такомъ размѣрѣ было, по тогдашнему времени, не малое, то надобно полагать, что Крижаничъ при удаленіи изъ столицы не считался виноватымъ въ какомъ нибудь преступленіи; да и въ указѣ ничего нѣтъ про что нибудь преступное, ни даже проступокъ какой нибудь съ его стороны: католическаго священника сочли пока только подозрительнымъ и удалили, но ожидали отъ него полевой службы въ Тобольскѣ ²⁾. За послѣдующее время находимъ любопытное извѣстіе о Крижаничѣ, что ему однажды было прислано десять рублей денегъ въ милостыню отъ Симона, архіепископа вологодскаго и бѣлозерскаго, какъ это видно по роспискѣ самого Крижанича, данной имъ казначею сибирскаго митрополита Корнилія ³⁾. Этотъ фактъ присылки денежной милостыни сосланному

¹⁾ Д. В. Цытцевъ высказалъ вѣроятное предположеніе, что при удаленіи Крижанича изъ Москвы въ Сибирь дѣло не обошлось безъ воздѣйствія московскихъ нѣмцевъ-протестантовъ (Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, стр. 768). Въ самомъ дѣлѣ, они могли скоро разгадать Крижанича, или даже раньше пріѣзда его въ Москву слышать про него, что онъ — самый горячій, самый искренній ненавистникъ нѣмцевъ.

²⁾ Можетъ быть, напримѣръ, отправленія требъ для политическихъ ссыльныхъ католическаго вѣроисповѣданія родомъ изъ Литвы, каковыя не рѣдко тогда попадали въ Сибирь?

³⁾ Росписка Юрія Крижанича въ подлинникѣ сохранилась въ одномъ рукописномъ сборникѣ изъ древлехрѣннища Погодина: Описаніе церк.-слав. и русск. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библ. А. Ф. Бѣикова, I, стр. 352. Въ томъ же сборникѣ помѣщена подлинная отписка митрополита сибирскаго Корнилія къ архіепископу вологодскому Симону о томъ, что согласно его письму онъ, Корнилій, далъ въ милостыню 10 рублей ссыльному человеку Юрію сербину. Тамъ же, наконецъ, замѣтка П. М. Стросова, содержащая въ себѣ извле-

католическому священнику отъ православнаго русскаго архіерея, пожалѣвшаго его въ несчастливой судьбѣ, даетъ основаніе заключать, что подѣ конецъ жизни въ Tobольскѣ Крижаничъ испытывалъ нужду въ средствахъ для содержанія (присылка была въ концѣ 1675 года, либо въ самомъ началѣ 1676 года), и что жалованье отъ казны было прекращено ему въ то время: какъ видно, по дальнѣйшемъ разслѣдованіи дѣла о Крижаничѣ, его стали считать виноватымъ въ уніатскихъ замыслахъ, такъ что проживаніе его въ Tobольскѣ перестало быть для него простымъ удаленіемъ, а сдѣлалось уже ссылкой въ видѣ наказанія. То во всякомъ случаѣ вѣрно, что, не смотря на нѣсколько просьбъ, обращенныхъ къ правительству, о возвращеніи изъ ссылки или, по крайней мѣрѣ, о замѣнѣ Tobольска Соловецкимъ монастыремъ, онъ не былъ возвращенъ, — и прожилъ въ Сибири до начала царствованія Θεодора Алексѣевича. Освобожденный, наконецъ, по милости этого государя и, можетъ быть, по ходатайству Симеона Полоцкаго, Юрій Крижаничъ возвратился въ римскія страны. О дальнѣйшей его судьбѣ тамъ почти ничего не извѣстно ¹⁾).

Въ настоящее время, по біографическимъ даннымъ и по сочиненіямъ Юрія Крижанича, личность его обрисовывается яснѣе прежняго, хотя многое остается еще непонятнымъ во внутренней его жизни ²⁾. Славянскій патриотъ, ревнитель достоинства и чести сла-

---

ченіе изъ отвѣтной грамоты Симона къ Корнелію, въ которой тотъ благодарить Корнелія за выдачу денегъ Крижаничу. — Раньше росписки Юрія Крижанича была напечатана въ статьѣ С. К. Смирнова, въ *Прибал. къ Теоретіямъ св. Отцовъ* часть 19, стр. 511, а потомъ — въ статьѣ о Крижаничѣ г. Безсонова (*Правосл. Обзор.*, 1870, томъ I, стр. 384).

¹⁾ Визитъ съ другимъ освобожденнымъ изъ ссылки Юріемъ Крижаничъ выѣхалъ изъ Tobольска въ Москву 5-го марта 1676 года: Древн. Росс. Визитов., III, стр. 224. Благодарственное письмо его къ царю объ освобожденіи найдено и издано профессоромъ Каванской духовной академіи *Добротворскимъ*: мы знаемъ его по пересказу въ статьѣ г. Безсонова (*Правосл. Обзор.* 1870, I, 385—387). Въ той же статьѣ — другое, болѣе раннее письмо Крижанича по тому же предмету, такъ и озаглавленное „*Litterae pro liberatione*“, стр. 381 — 383. Нѣсколько соображеній г. Безсонова о послѣдующей жизнедѣятельности Крижанича въ Россіи см. тамъ же, стр. 387—393.

²⁾ О жизни и сочиненіяхъ Юрія Крижанича теперь существуетъ на русскомъ языкѣ довольно значительная литература: обзорніе ея находится въ статьѣ г. Козубскаго (*Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія*, 1878, май) и въ новѣйшей статьѣ прое. Брикнера (*Русскій Вѣстникъ*, 1887, июнь и июль). Теперь въ пору было бы изданіе полнаго собранія сочиненій Крижанича, изъ коихъ извлекаются и политическія данныя о его жизни. Его главныя сочиненія были писаны въ Россіи,

янского народа, страстно горячо ратовавшій за освобожденіе его отъ всякаго ига разныхъ чужеродниковъ, при помощи царя московскаго, на котораго онъ возлагалъ всѣ надежды славянъ, о власти котораго говорилъ съ энтузіазмомъ и даже философскимъ глубокомыслиемъ, какъ о лучшей по существу власти, — этотъ славянской патріотъ былъ католикъ, въ школѣ подготовлявшійся и въ жизни работавшій для выполненія завѣтной римской мысли, то-есть, соединенія православной греко-русской церкви съ западною, подъ главенствомъ римскаго первосвященника. Мы желаемъ вѣрить, что Юрій Крижаничъ поступалъ въ данномъ дѣлѣ по убѣжденію въ правотѣ этого дѣла; вообще онъ не кажется намъ человѣкомъ неискреннимъ. Но то представляется на теперешній взглядъ непонятнымъ, какимъ образомъ онъ сочетавалъ въ своихъ внутреннихъ помыслахъ и чувствахъ эти двѣ идеи, то-есть, освобожденіе славянскихъ племенъ отъ чуждаго ига съ помощію царя московскаго, и въ то же время присоединеніе этого царя и его народа къ западной церкви, подъ послушаніе римскому первосвященнику. Ужели онъ не замѣтилъ и не понялъ, какъ дорого для русскаго народа его православное греческое вѣроисповѣданіе, его славянское богослуженіе, весь своеобразный обрядъ церковный и житейскій, подъ вліяніемъ церкви славившійся, его церковная самостоятельность, въ ближайшемъ обществѣ съ матерью-церковью греческою? Ужели онъ не догадался, что для русскаго народа его вѣра и обрядъ во всякомъ случаѣ не меньше дороги, какъ и для западныхъ христіанъ дороги римское вѣроисповѣданіе и весь своеобразный римскій обрядъ, и что ни за какія блага міра русскій народъ не пойдетъ на унію съ западною церковью въ смыслѣ римскомъ, то-есть, въ смыслѣ подчиненія своей церкви подъ управленіе римскаго епископа? Да! Крижаничъ, повидимому, сталъ понимать все это лучше и справедливѣе уже позже, когда его постигло бѣдствіе ссылки, когда онъ сталъ строже относиться къ себѣ самому и лучше наблюдать окружающій его русскій міръ. Нѣтъ сомнѣнія, что и тогда онъ питалъ въ душѣ свою любимую мысль объ уніи, но тогда онъ высказывалъ ее въ своихъ сочиненіяхъ очень сдержанно, а главное — съ большимъ уваженіемъ къ русской церкви;

для русскихъ, отчасти и на языкѣ славяно-русскомъ; его рукописи хранятся въ русскихъ книгохранилищахъ. По всему этому, сочиненія знаменитаго славянскаго писателя должны быть хорошо заданы русскими учеными: они очень интересны по содержанію; они поучительны самыми ошибками автора, его блужданіями въ области мысли и фантазій.

можетъ быть, онъ представлялъ тогда возможность церковнаго соединенія въ иномъ видѣ, на болѣе справедливыхъ началахъ, чѣмъ въ видѣ простаго подчиненія православнаго Востока подъ главенство Рима. А можетъ быть, на время онъ совсѣмъ отложилъ планъ церковной уніи и главное свое вниманіе обратилъ на уясненіе себѣ самому и читателямъ русскимъ идеи объединенія славянскихъ племенъ, подъ вліяніемъ которой онъ теперь пишетъ свой главный трудъ, изучаетъ русскія лѣтописи и западно-европейскія историческія сочиненія, составляетъ славянскую грамматику¹⁾. Однако еще разъ оговариваемся, что очень не легко разгадать, каковъ былъ генезисъ и строй мыслей автора въ эту пору, и какъ онъ приводилъ ихъ въ стройный логическій порядокъ, съ соблюденіемъ внутренней правды. На нашъ взглядъ, сколько мы успѣли составить его для себя, читая сочиненія Юрія Крижанича, онъ не успѣлъ совладѣть со своими думами: эти думы такъ важны по содержанію, что одолѣли своей тяжестью носившаго ихъ; да при томъ эти думы такого свойства, что ихъ нельзя одолѣть однимъ размышленіемъ. Человѣкъ безспорно даровитый и много работавшій головой, Крижаничъ при томъ былъ еще слишкомъ впечатлительнъ; онъ больше впечатлительный и широкій мыслитель, нежели спокойный и основательный: думы, къ которымъ онъ такъ горячо относился, остались у него недодуманнми. Въ его нравственномъ характерѣ сказывается также нѣкоторая неопредѣленность и двѣйственность: онъ — человѣкъ искренній, но въ то же время онъ дѣлаетъ впечатлѣніе такого человѣка, который, отплывъ отъ одного берега, пробовалъ какъ будто пристать къ другому, но не смогъ пристать и воротился къ прежнему утомленнми... Въ „Обличеніи Соловецкой челобитной“, коимъ Крижаничъ оказалъ нѣкоторую услугу для православной русской церкви, читаемъ слѣдующія характерныя слова, обращенныя къ русскимъ старообрядцамъ: „я не осуждаю церкви и не отлучаюсь отъ нея, но пребываю

¹⁾ Замѣчательная грамматика Крижанича, — первая сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій, по отзывамъ свѣдущихъ людей, — издана Бодянскимъ въ *Ученіяхъ Моск. Общ. Ист. и Древл.* за 1848 и 1859 гг. Обстоятельный разборъ ея, кромѣ Бодянского, сдѣланъ еще въ трудѣ г. *Арс. Маркевича* въ *Варшавск. Унив. Извѣстіяхъ* за 1876 г., № 2. Объ историческомъ сочиненіи Крижанича, представляющемъ выборку и сводъ изъ русскихъ лѣтописей, отчасти также изъ западно-европейскихъ историческихъ сочиненій, см. въ статьѣ г. *Василова: Правосл. Обзор.*, 1870, I, стр. 347—352. О „Полютихъ“ скажемъ подробнѣе ниже.

въ ней и борюсь за нее: въ этомъ — печать моей вѣры. Хотя я не архіерей, но я думаю и проповѣдую согласно съ архіереями, и въ семь дѣлъ (то-есть, въ проповѣди единой вселенской истины церковной) я, недостойный грѣшникъ, работаю для всей церкви, или паче для Самого Христа^а. И въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія: „я не такой упорный латинникъ, чтобы не былъ радъ и готовъ присоеди- ниться къ іереямъ святой московской церкви, только бы они захотѣли принять меня безъ втораго крещенія“¹⁾. И однако Юрій не вступилъ въ православную церковь и послѣ того, какъ московскій соборъ 1667 года отмѣнилъ перекрещиваніе католиковъ, какъ усло- віе для вступленія въ православную церковь, этотъ дѣйствительно не- справедливыи и не каноническій обычай. Припоминаемъ это о Кри- жаничѣ и всё выше сказанное о немъ клонимъ „не въ осужденъе, а въ разсужденъе“, какъ говоритъ русская пословица: вѣдь никто, въ самомъ дѣлѣ, не вправѣ былъ ожидать и требовать отъ него вступленія въ русскую церковь. Вообще по всѣмъ даннымъ видно, что съ нимъ не произошло того, что навываютъ „перерожденіе“ въ русскаго человѣка; при первой возможности онъ и оставилъ Россію²⁾.

Но въ Россіи онъ оставилъ память по себѣ нѣсколькими уче- ными и литературными трудами весьма замѣчательными по содер- жанію, по богатству мыслей, въ нихъ выраженныхъ. Этими трудами онъ наполнялъ свой сибирскій досугъ; ими, можно сказать, жилъ, выразивъ въ нихъ всего себя, всѣ любимыя мысли, чувства, надежды. Изреченіе о томъ, что „книга есть лучшая часть жизни сочинителя“, особенно подходитъ къ писателямъ въ родѣ Крижанича, теоретика, кабинетнаго, книжнаго человѣка больше, нежели практическаго жиз- неннаго дѣятеля. Впрочемъ, Крижаничъ не липалъ себя общества образованныхъ людей въ Тобольскѣ: въ столицѣ Сибири и каедраль-

¹⁾ „Сербскаго попа Юрія Крижанича Опроверженіе соловецкой челобитной“. (Статья С. К. Смирнова въ *Прибавлен. къ Творен. св. Отцевъ*, ч. 19, стр. 521 и 523).

²⁾ Почтенный біографъ Ю. Крижанича, г. профессоръ Безсоновъ, который имѣетъ важныя заслуги по разысканію трудовъ Крижанича, по изданію ихъ въ свѣтъ и объясненію, представлялъ его самого, на нашъ взглядъ, слишкомъ въ яркомъ свѣтѣ, когда писалъ, наиривнѣе, что „Юрій Крижаничъ, по мѣрѣ воз- раста и занятій, по собственному процессу мысли и творчества, постепенно переходилъ въ человѣка истинно русскаго, перерождался на новой родинѣ“ и т. п. (*Правосл. Обзорніе*, 1870, т. I, стр. 356; сравни стр. 378 и др.). Мы не можемъ раздѣлать такого взгляда на Крижанича: его нельзя доказать ни біогра- фическими о немъ данными, ни его собственными сочиненіями.

номъ митрополичьемъ городѣ было такое общество людей образованныхъ и книжныхъ, съ которыми нашъ авторъ могъ дѣлиться мыслями, свѣдѣніями и отъ нихъ многое для себя заимствовать, которые понимали его, сочувствовали ему, или, по крайней мѣрѣ, не отворачивались отъ него пренебрежительно, какъ отъ слышнаго латинскаго попа. Самъ митрополитъ Корнилій, повидимому, не лишалъ его благосклонности, судя по тому, что онъ принималъ на себя посредство въ передачѣ ему денегъ отъ вологодскаго архіепископа. То же можно предполагать о тобольскомъ воеводѣ, князѣ Иванѣ Борисовичѣ Репнинѣ, которому Крижаничъ посвятилъ одно изъ своихъ сочиненій ¹⁾. Въ Tobольскѣ, за время проживанія тамъ Крижанича, всегда былъ кружокъ подобныхъ ему людей, сосланныхъ за разные вины; естественно, что лица этого кружка сближались между собой общою судьбой; положительно извѣстно о знакомствѣ Юрія въ Tobольскѣ съ слышными русскими расколуучителями: попомъ Лазаремъ, протопопомъ Аввакумомъ и другими; съ первымъ онъ сблизился до того, что дѣлилъ съ нимъ хлѣбъ-соль; дорогіе для сердца вопросы церковные и обрядовые занимали съ одинаковымъ интересомъ католическаго и бывшихъ русскихъ священниковъ, отлучившихся, къ несчастію, отъ церкви ²⁾. Несомнѣнно, что Крижаничъ былъ знакомъ со многими другими людьми русскими въ Tobольскѣ, какъ раньше въ Москвѣ и въ Малороссіи: многочисленныя свѣдѣнія о разныхъ сторонахъ внутренней жизни русской, какія мы находимъ въ „Политикѣ“ и другихъ сочиненіяхъ Юрія Крижанича, почерпнуты имъ, конечно, за это время проживанія въ Россіи не изъ книжныхъ только источниковъ, но также изъ непосредственнаго источника наблюдаемой дѣйствительности (Крижаничъ былъ довольно наблюдателемъ), да изъ бесѣдъ съ русскими людьми разныхъ классовъ общества, начиная съ бояръ и малороссійскихъ полковниковъ ³⁾. И вотъ

¹⁾ „О Промыслѣ“, изд. г. *Безсонова*, стр. 43. О тобольскомъ воеводѣ, князѣ И. В. Репнинѣ, о митрополитѣ Корниліи и обо всемъ тобольскомъ обществѣ не безынтересныя свѣдѣнія можно найти въ „Запискахъ, до Сибирской исторіи служащихъ“ (Древн. Росс. Визлюе., III, стр. 191—224).

²⁾ *Прибавлен. къ Теорем. св. Отцезъ*, ч. 19, стр. 510—516. О встрѣчѣ съ знаменитымъ Аввакумомъ и краткомъ, но весьма характерномъ разговорѣ съ нимъ Юрія Крижанича—тамъ же на стр. 514.

³⁾ Припомнимъ здѣсь боярина Бориса Ивановича Морозова, извѣстнаго воспитателя и любимаго совѣтника царя Алексѣя Михайловича: два раза Крижаничъ вспоминаетъ о немъ, по поводу любви его къ наукамъ („Политика“ I, 106; II, 142). Морозовъ былъ „западникъ“ своего времени; онъ ласково отнесся къ Юрію Крижаничу, судя по тому тому, въ какомъ авторъ говоритъ про боярина

почему сочиненія Крижанича имѣютъ значеніе большее, чѣмъ только для его біографіи и характеристики: они представляютъ не мало-важный источникъ для внутренней исторіи Московскаго государства за время царя Алексѣя Михайловича.

Обращаемся къ его главному сочиненію и крымскому проекту, тамъ изложенному; на немъ мы ближе увидимъ, какъ вообще мыслилъ и чувствовалъ нашъ авторъ.

Это главное сочиненіе Юрія Крижанича называется у него „Разговоры объ владательству“ (діалогъ о государствѣ), или же „Политичныя думы“; въ наше время за нимъ стало закрѣпляться другое, хорошо подходящее къ нему заглавіе, то-есть, „Политика“: дѣйствительно, это есть политическій и политико-экономическій трактатъ о государствѣ вообще и Московскомъ государствѣ въ частности¹⁾. Исходя изъ того основнаго положенія, что, послѣ Бога и благочестивой въ Него вѣры, государство поддерживается матеріальными средствами, какъ произведеніемъ общенароднаго труда, затѣмъ силами оборонительными и мудростью политической, авторъ сообразно съ тѣмъ дѣлитъ все сочиненіе на три части: въ первой разсуждаетъ „о благѣ“, то-есть, государственномъ и народномъ богатствѣ; во второй—„о силѣ“, то-есть, о средствахъ обороны: крѣпостяхъ, вооруженіи, войскѣ; въ третьей—„о мудрости“, то-есть, о началахъ государственной политики: эта послѣдняя часть есть самая обширная и самая важная по содержанию. Выѣшняя форма діалога не вездѣ выдержана въ сочиненіи, гораздо чаще изложеніе ведется въ видѣ обычнаго монолога отъ лица автора, да еще въ видѣ длинной рѣчи, влагаемой въ уста царю Алексѣю Михайловичу, который держитъ ее какъ будто предъ выборными земскаго собора. Но, при невыдержанности формы діалогической, у автора за то есть дѣльное содержаніе и остроумный, по мѣстамъ истинно діалектическій способъ изложенія: для примѣра укажемъ на тѣ страницы книги, гдѣ Крижаничъ разсуждаетъ о преимуществахъ монархическаго образа правленія предъ всѣми иными въ томъ отношеніи, что монархія лучше, чѣмъ иные

¹⁾ Издано г. *Бессоновымъ* подъ заглавіемъ: „Русское государство въ половинѣ XVII вѣка. Рукопись времени царя Алексѣя Михайловича“ (Приложеніе къ *Русской Бесѣдѣ* за 1859 годъ, и отдѣльно, въ двухъ частяхъ, въ 1859 и 1860 г.). Мы цитуемъ это отдѣльное изданіе, болѣе полное и стройное. Оно—сравнительно только полное: по замѣчанію издателя, вся рукопись Крижанича, для напечатанія своего сполна, потребовала бы еще двухъ томовъ.

образы правленія, обезпечиваетъ гражданскую свободу ¹⁾). Послѣдовательно устанавливаетъ авторъ въ своей книгѣ общія понятія о государствѣ, о разныхъ видахъ верховной власти, о задачахъ государственной политики; объ условіяхъ силы, процвѣтанія и ослабленія государства; о необходимости прочныхъ учрежденій и законовъ, опредѣленія правъ и обязанностей разныхъ сословій въ государствѣ; объ источникахъ и средствахъ государственнаго богатства: о земледѣліи, ремеслахъ и промыслахъ, о торговлѣ, о распространеніи сельско-хозяйственныхъ и техническихъ познаній въ народѣ, объ изученіи родной страны въ отношеніи экономическихъ средствъ ея, о народномъ трудолюбіи и бережливости, о вредѣ иностранцевъ торговыхъ и служилыхъ для народнаго хозяйства и государственнаго благополучія и т. д. На этомъ послѣднемъ пунктѣ авторъ особенно настаиваетъ и много разъ горячо разсуждаетъ о томъ вредѣ, какой причинили иностранцы для Польши и могутъ причинить его также для Московскаго государства; особенно же предостерегаетъ онъ московское правительство отъ нѣмцевъ, ихъ своекорыстія и жадности, ихъ невѣрности на службѣ, ихъ „ересей“ разнаго рода и предрасудковъ, коими они заразили всю Европу — церковныхъ, политическихъ, научныхъ и т. д. Авторъ не разъ повторяетъ свое характерное изреченіе, что мудрость государственная основывается на двухъ правилахъ: „узнай самого себя“, и „не довѣряйся инородникамъ“ ²⁾); раскрыть и разносторонне доказать эту истину на основаніи исторій и здравыхъ началъ политики, установить правильныя воззрѣнія на исторію и будущность Россіи и всего славянскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ обличить весь вредъ дѣломъ и словомъ, который причиняютъ славянамъ инородники, чрезъ все это принести московскому правительству нѣкоторую пользу, какая возможна со стороны писателя-пришельца, — въ этомъ Крижаничъ полагаетъ существенную задачу своего труда, посвящаемого самому государю Алексѣю Михайловичу ³⁾). Свои общія положенія и выводы авторъ постоянно подкрѣпляетъ примѣрами изъ исторіи библейской и церковной, изъ всемірной, славянской и русской

¹⁾ Политика, II, стр. 44—46; 52—54. О значеніи монархической власти и въ частности русскаго самодержавія авторъ разсуждаетъ въ I части, въ главахъ 22—23, 25—26, и во II части, въ главахъ 40—45, 60. Сравн. замѣчанія мимоходомъ по тому же предмету: I, стр. 156, 233, 302—303, 314; II, 168—169, 173 и проч.

²⁾ Тамъ же, I, VI, 117.

³⁾ Тамъ же, II, стр. 1—9 (предисловіе и посвященіе труда царю).

исторіи, а также соображеніями, почерпнутыми изъ политическихъ писателей древнихъ и новыхъ: онъ и начинаеть свой трудъ замѣчаніемъ, что намѣренъ въ немъ перевести и изъяснить мысли нарочитыхъ политическихъ писателей Филипа Комина, Павла Паруты, Юста Липсія и иныхъ ¹⁾. Таковъ вкратцѣ планъ Политики Крижанича: это—замѣчательный трудъ, задуманный широко и далеко, при томъ и ученый трудъ. Само собою разумѣется, что весь онъ проникнутъ католическою мыслью: тенденція Политики Крижанича, идеаль его государства есть теократія, на подобіе церковнаго папскаго государства; вся исторія всемірная и вся будущность міровая разсматриваются съ церковной католической точки зрѣнія. И отчего бы, конечно, не смотрѣть автору по-церковному на всемірную исторію? Извѣстно, какъ плодотворно можетъ быть изложеніе исторіи съ церковной, особенно же съ православной, истинно церковной точки зрѣнія, съ высоты которой открывается широкій историческій кругозоръ. Тогда исторія рода человѣческаго представляется какъ жизнь единаго тѣла, или, лучше сказать, какъ жизнь церкви, въ которую входили, входятъ и имѣють войдти люди разныхъ вѣковъ и безчисленныхъ поколѣній разныхъ народовъ; тогда исторія человечества, постепенно слагающагося въ церковь, получаетъ высшее единство и высшій смыслъ, какъ осуществленіе плана домостроительства Божія на землѣ; центральнымъ событіемъ всемірной исторіи тогда является воплощеніе Богочеловѣка, это истинно міровое событіе, которымъ исторія рѣшительно дѣлится на двѣ половины, но вмѣстѣ также и объединяется въ цѣлостную исторію церковную; тогда, наконецъ, проясняется высшая цѣль исторіи человечества, то-есть, усовершенствованіе его на христіанскихъ началахъ, безконечный прогрессъ на пути къ христіанскому идеалу. Такая точка зрѣнія не мѣшаетъ и положительному, научному изученію исторіи, построенію ея по началамъ кри-

¹⁾ Тамъ же, I, I. Замѣчанія объ этихъ и иныхъ писателяхъ, цитруемыхъ у Крижанича, срамя въ статьѣ г. Брикнера, Сочиненія Крижанича (*Русск. Вѣсти.*, 1887, июль, стр. 36—39). Изъ древнихъ политическихъ писателей Крижаничъ нѣсколько разъ цитуетъ Аристотеля; какъ видно, онъ занимался много этимъ писателемъ, и въ благодарственномъ письмѣ къ царю Феодору Алексѣевичу предлагалъ свои услуги по переводу Политики Аристотеля на русскій языкъ. Прибавимъ кстати здѣсь, что въ библіотекѣ знаменитаго С. Медвѣдова былъ, какъ видно изъ ея описи, „Книга Политикъ Аристотеля“, да еще „Книга, гражданское ученіе Аристотелево, раздѣлено на три части“. Но не видать, на какомъ языкѣ были эти книги (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, книга XVI, отд. Смѣсь, стр. 56, 61).

тики и философскаго прагматизма, исканію причинъ и слѣдствій въ ходѣ историческихъ событій, равномерности и однообразія, или, что то же, законовъ историческаго развитія: вѣдь Творецъ міра, управляющій имъ и исторіей человѣчества, по путямъ непостижимымъ для людей, въ то же время положилъ законы міру и исторіи, открывать которые есть дѣло достойное человѣческаго разума, хотя вполне для него не достижимое. Такова церковная точка зрѣнія на исторію, возвышенная, идеальная и вмѣстѣ реальная. Но жаль, что съ высоты ея возможны быстрые скачки и обрывы, что при недостаткѣ терпѣливаго труда для приобрѣтенія точныхъ историческихъ знаній и выводовъ, да при отсутствіи выработаннаго метода историческихъ занятій, особенно же при недостаткѣ у изслѣдователя надлежащей свободы мысли и совѣсти, у него какъ разъ можетъ случиться смѣшеніе въ одно вѣры и знанія, идеальнаго и реальнаго, духовнаго и мірскаго, церковнаго и государственнаго; тогда, вмѣсто цѣльнаго идеально-реальнаго воззрѣнія на исторію, можетъ получиться въ результатѣ именно это не полезное, даже вредное смѣшеніе, которое будетъ ни богословіе, ни исторія. Нашъ авторъ Политики, при всей его даровитости, привычкѣ къ послѣдовательному мышленію и учености, не вполне избѣжалъ того, что мы назвали скачками и обрывами, не избѣжалъ также смѣшеній и противорѣчій, что, впрочемъ, не удивительно при обширности и сложности его темъ ¹⁾). При католическомъ образѣ мыслей, хотя вообще не узкомъ, а больше даже свободномъ, философскомъ, онъ, наприимѣръ, все-таки не смогъ отрѣшиться отъ обычнаго взгляда на грековъ,—весьма односторонняго, несправедливаго,—будто они повинны въ распространеніи суевѣрій и предразсудковъ, въ проповѣди невѣжества, въ высокоумномъ презрѣніи русскихъ и славянъ, что будто для Россіи и славянъ они такіе же вредные инородники, какъ нѣмцы: такая постановка грековъ съ нѣмцами на одну доску глубоко не вѣрна и пристрастна; на Руси, конечно, издавна знали про народныя недостатки грековъ, но ихъ никогда не могли тамъ ставить на одну линію съ нѣмцами ²⁾). Но

¹⁾ Впрочемъ, спѣшимъ оговориться еще разъ, что Политику его мы знаемъ только по печатному не полному изданію; можетъ быть, въ цѣломъ она окажется стройнѣе, послѣдовательнѣе.

²⁾ Политика, II, главы 54—56. Въ двухъ послѣднихъ главахъ Криваничъ разбираетъ причины раздѣленія церкви греческой и римской, приводитъ доказательства противъ грековъ, что ученіе римской церкви не имѣетъ признаковъ еретическаго ученія, ставитъ на видъ, что сами греки оказываютъ неспра-

за вычетомъ этихъ и подобныхъ возрѣній, да еще нѣкоторыхъ недоразумѣній и паявностей, иногда нѣкотораго доктринерства и увлеченія по мѣстамъ ораторскими приемами, на манеръ проповѣдника, въ Политикѣ Юрія Крижанича остается большею частью дѣльное, положительное содержаніе и трезвая рѣчь: его книга есть собственно историко-политическая и политико-экономическая. Авторъ записалъ въ нее много интересныхъ наблюденій надъ современнымъ русскимъ бытомъ и много годныхъ замѣчаній о томъ, что въ будущемъ полезно для Московскаго государства и что дѣйствительно исполнилось въ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго: Крижаничъ вѣрно догадывался, что Московскому государству нужна въ скоромъ будущемъ экономическая реформа, а такова въ сущности вѣдь и была петровская реформа. Главное же, что особенно цѣнно въ сочиненіи Юрія Крижанича, что дѣлаетъ честь его чувствамъ и политической проницательности, это есть его высокое понятіе о царской самодержавной власти, его увѣренность вмѣстѣ съ русскими людьми, что эта власть съ Божьей помощью можетъ совершить все, что только найдетъ полезнымъ для блага народа, или,—какъ говорить Крижаничъ въ обращеніи къ царю Алексѣю Михайловичу,—что скипетръ въ его рукахъ есть то же, что „жезлъ чудотворный Моисеевъ“¹⁾.

Въ 51 и 52 главахъ содержится проектъ Крижанича о завоеваніи Крыма въ союзѣ съ Польшею. Къ этому проекту авторъ пришелъ разными мысленными путями и подъ разными жизненными вліяніями.

И впервыхъ, мысль о примиреніи Россіи и Польши для совмѣстнаго дружнаго дѣйствія противъ непріятелей всего христіанства, татаръ и турокъ, есть давняя мысль католическая, которая много разъ въ Европѣ высказывалась то вполне искренно, то болѣе расчетливо, а именно въ видахъ втянуть Московское государство въ войну татарскую и ту-

---

ведливости римскимъ христіанамъ и т. п. Любопытенъ выводъ изъ указанныхъ трехъ главъ на стр. 219—220: Крижаничъ хочетъ, чтобы русскіе и все славяне стали выше споровъ грековъ и римскихъ католиковъ, чтобы они не вѣшивались въ эти споры, какъ дѣло, до нихъ де не касающееся. Но возможно ли съ нашей стороны безучастное отношеніе къ такому жизненному дѣлу? Напротивъ: узнать взаимныя отношенія грековъ и католиковъ, съ цѣлію выяснить для себя правду православной греческой церкви,—это всегда было и есть для Россіи дѣло самой высокой важности.

¹⁾ Тамъ же, I, 156; II, 8—9.

редкую для того, чтобы отвлечь его вниманіе отъ Польши, которая въ такомъ случаѣ тѣмъ удобнѣе могла бы проводить планы колонизаціи и уніи въ Западной Россіи: этотъ-то расчетъ и подрывалъ всё значеніе церковно-католической идеи о борьбѣ подъ знаменемъ креста двухъ самыхъ значительныхъ славянскихъ государствъ противъ татаръ и турокъ, дѣлалъ почти невозможнымъ священный союзъ между ними на мусульманъ. Богѣе удобнымъ къ исполненію, казалось, должно бы быть не „священный“, а просто политическій—свой домашній—союзъ Россіи и Польши, основанный на началѣ общей пользы борьбы противъ общихъ непріятелей, татаръ крымскихъ, причинявшихъ столько зла русскому украинскому населенію обоихъ государствъ. И дѣйствительно, мысль о соединеніи двухъ государствъ на татаръ и турокъ не разъ, какъ извѣстно, высказывалась государственными людьми Москвы и Польши въ пору лучшихъ отношеній ихъ, на примѣръ, при заключеніи перемирій, или по случаю переговоровъ о политической уніи двухъ государствъ подъ властью единого государя московскаго, при чемъ доводъ въ пользу такой уніи обыкновенно приводился тотъ, что два государства, соединясь въ особѣ общаго государя, успѣшно могутъ вести борьбу противъ бусурманъ; однако эти мысли на дѣлѣ не осуществились: ни соединеніи государствъ подъ общимъ государемъ, ни союза противъ Крыма и Турціи не случилось вплоть до послѣдней четверти XVII вѣка. Но самыя мысли обо всемъ томъ никогда не умирали, а нашъ авторъ особенно горячо и искренно исповѣдывалъ ихъ въ качествѣ католика и славянскаго патріота ¹⁾.

¹⁾ Еще въ 1503 году къ великому князю Ивану Васильевичу было посольство отъ короля чешскаго и венгерскаго Владислава Казимировича, а вмѣстѣ отъ папы Александра VI и кардинала Регнуса, съ предложеніемъ великому князю помириться съ его зятемъ, королемъ польскимъ Александромъ Казимировичемъ, а затѣмъ сообща действовать противъ татаръ и турокъ (Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 35, № 73). См. также грамоты папы Юлія III къ царю Ивану Васильевичу и папы Григорія XIII къ тому же царю (*Турецкая, Historica Russiae Monumenta*, I, № СХХХIII, и *Старчевскій, Histor. Ruthen. scriptores exteri*, II, pag. 88—84. Сравни. Памятники диплом. снош. древн. Россіи съ держав. иностранными, I, 897—900, и у *Турецкаго* же №№ СLIII и ССХII). Всѣ грамоты въ одномъ смыслѣ: приглашаютъ московскаго царя воевать, вмѣстѣ съ другими христіанскими государями, противъ татаръ и турокъ. Такое же предложеніе Лжедмитрію Отрпѣеву: Собр. Гос. Гр. и Догов., II, № 126; о томъ же письмо самого Лжедмитрія къ папѣ Павлу V: тамъ же, № 107. Сравни у *Соловьева, И. Р.*, VI, стр. 381—384, 389—390 (внушенія Антоніа Поссевина и отвѣтъ ему Грозната); VII, стр. 283 — 285 (переговоры объ избраніи въ короли царя Феодора Иоанновича и о выгодахъ, какія проистекли бы отъ этого избранія для борьбы съ мусульманами). Ограничимся пока этими примѣрами изъ XVI-го вѣка.

Далѣе: Крижаничъ самъ вынесъ много впечатлѣній на счетъ того, что такое есть мусульманскій міръ для славянства. Въ бытность, на примѣръ, въ Царьградѣ и въ Турціи, онъ былъ пораженъ многочисленностью русскихъ невольниковъ, черезъ Крымъ туда попадавшихъ: „на всѣхъ военныхъ корабляхъ турецкихъ,—говоритъ онъ,—невидно почти никакихъ другихъ гребцовъ, кромѣ людей русскаго происхожденія; а въ городахъ и мѣстечкахъ по всей Греціи, Палестинѣ, Сиріи, Египту и Анатолиіи, то-есть, по всему Турецкому царству, такое множество русскихъ невольниковъ, что они обыкновенно спрашиваютъ у земляковъ, вновь прибывающихъ, остались ли уже на Руси какіе нибудь люди...“¹⁾ Равнымъ образомъ, бывши въ Малороссіи, Юрій Крижаничъ видѣлъ, какой вредъ наносили ей набѣги крымскихъ татаръ, и на какое зло татары способны, судя по конотопскому дѣлу.

Наконецъ, живя въ Тобольскѣ въ ссылкѣ, читая русскія лѣтописи, переполненныя извѣстіями о татарскихъ нашествіяхъ въ старое и новое время, онъ еще больше могъ оцѣнить тяжесть сосѣдства степняковъ для Русскаго государства. Тамъ же онъ имѣлъ много случаевъ бесѣдовать съ русскими людьми о дѣлахъ крымскихъ, слышать разнообразныя сужденія о нихъ; конечно, не всѣ были того воззрѣнія, что татары суть роковое, не отвратимое зло; что война съ ними будетъ дѣломъ безплоднымъ, заклятымъ и т. п.; несомнѣнно, были люди и болѣе свободныхъ, смѣлыхъ чувствъ, которые говорили, что разбойниковъ давно слѣдуетъ наказать и поискать ихъ въ собственномъ ихъ гнѣздѣ. Крижаничъ догадывался, что теперь дѣло шло къ наступательной войнѣ съ Крымомъ. И дѣйствительно, въ то время какъ нашъ авторъ писалъ свою Политику, война Московскаго государства съ Польшей за Малороссію приходила къ концу: оба государства, утомленныя длиною войной, имѣя также въ виду опасность турецкаго нашествія, заключили въ 1667 году въ Андрусовѣ перемиріе, послѣ обратившееся въ вѣчный миръ; въ силу Андрусовскаго мирнаго договора Московское государство и Польское теперь же обязались помогать другъ другу противъ хана крымскаго и султана турецкаго; изъ этого обязательства, пока не точно опредѣленнаго, впоследствии возникъ вѣчный миръ 1686 года, и вмѣстѣ наступательный союзъ обоихъ государствъ противъ Крыма и Турціи: осуществились, наконецъ, русскіе походы большимъ войскомъ на Перекопъ! Если

¹⁾ О Промселѣ, стр. 9. Что нашъ авторъ былъ въ Царьградѣ, объ этомъ довольно ясно указаніе находимъ въ Политикѣ: I, стр. 18, 292; II, 135.

Юрій Крижаничъ былъ тогда еще живъ, то онъ, конечно, очень порадовался при извѣстіи объ этихъ походахъ, о вѣчномъ мирѣ Польши и Россіи, чего онъ такъ горячо желалъ. (А поживи онъ еще дольше, онъ испыталъ бы не малое разочарованіе, узнавъ, какъ не удачны были крымскіе походы русскаго вельможи, князя В. В. Голицына, какъ иногда трудно сбываются даже внимательно и долго обдуманнныя проекты... Едва ли, однако, онъ дожилъ до времени этихъ походовъ).

V.

Но пусть теперь говоритъ самъ авторъ: пора намъ выслушать его самого. Приводимъ рѣчь его въ переводѣ съ сербско-хорватскаго подлинника; свои же небольшія примѣчанія относимъ подъ строку, чтобы не перерывать часто авторскаго разсужденія.

Глава 51-я: „О расширеніи государства“.

„Въ придворныхъ совѣтахъ государей никогда не бываетъ недостатка въ такихъ совѣтникахъ, которые хотятъ расширять государство во что бы то ни стало и захватывать всюду, гдѣ случай представляетъ что нибудь захватить. Но относительно расширенія государства потребно серьезное размышленіе, ибо во многихъ случаяхъ государству бываетъ совсѣмъ не полезно, даже вредно расширять свои предѣлы“.

1. Вредно расширяться, если причина войны съ сосѣднимъ государствомъ будетъ несправедливая: кая бо польза человѣку, аще приобращеть міръ весь, и отщепитъ душу свою? (Еванг. отъ Марка, VIII, 36). Что пользы хвататься за чужое имѣніе, которое надобно будетъ возвратить, или за которое, если не возвратить, придется погубить душу? 2) Не хорошо то расширеніе государства, когда для новыхъ земельныхъ приобрѣтеній нужно больше затратить, чѣмъ сколько предвидится доходовъ отъ нихъ. 3) Или когда, приобрѣтая какую нибудь область и уничтожа одного противника, государство наживаетъ другаго болѣе сильнаго и опаснаго соперника. Турецкіе государи, напримѣръ, легко могли бы поставить своихъ пашей въ Крыму, въ Молдавіи и Валахіи, въ Венгріи; но они не хотятъ сего дѣлать, а оставляютъ тамъ татарскихъ хановъ да христіанскихъ князей, которые и дань даютъ туркамъ, и самую страну турецкую защищаютъ отъ сильныхъ сосѣдей, русскихъ и поляковъ. 4) Не полезно государ-

ству распространяться, когда для заселенія вновь прибрѣтаемой земли должно будетъ выводить коренное населеніе государства и тѣмъ ослаблять его: поступать такъ было бы похоже на то, какъ если бы для починки прорѣхъ на платьѣ стали отрѣзать куски отъ того же платья. 5) Не выгодно расширяться, если прибрѣтаемая область скудна и недоходна. 6) Если въ сосѣдствѣ мы имѣемъ спокойный народъ, который радъ жить съ нами въ мирѣ, то такой народъ можетъ быть для насъ вмѣсто ограды,— и наступать на такой народъ войною было бы съ нашей стороны, конечно, неблагоразумно².

Итакъ, прежде всего слѣдуетъ внимательно разсуждать, есть ли справедливая причина къ началу войны. Христіанамъ, напримѣръ, всегда будетъ справедливая причина наступать войною на тѣхъ магометанъ, кои овладѣли христіанскими державами, разорили святые храмы и уничтожаютъ имя Христово: христіане всегда праведно могутъ воевать противъ враговъ своего Бога и Господа господствующихъ, Христа. Тѣмъ болѣе справедливую причину войны мы имѣемъ относительно тѣхъ магометанъ, кои учинили намъ народныя обиды; таковы суть наипаче крымцы, кои цѣлые вѣка не перестаютъ обижать сіе государство³ (Политика, часть II, стр. 107—108).

Неправовѣріе сосѣдняго народа само по себѣ еще не дѣлаетъ причины къ войнѣ: нельзя наступать войною на какойнибудь народъ за то только, что онъ языческій или сретическій, но тогда можно воевать противъ него, когда бы онъ первый насъ обидѣлъ, или когда бы овладѣлъ христіанскими областями да сталъ бы разрушать храмы и истреблять христіанскую вѣру. Посему, хотя бы мы смогли покорить, напримѣръ, персовъ, но намъ въ сущности нѣтъ справедливой причины поднять на нихъ оружіе, пока они сами не дадутъ такой причины, ибо Христосъ заповѣдалъ намъ распространять свое евангеліе не мечемъ, но терпѣніемъ¹). Вокругъ насъ живутъ разные сироядцы: самоѣды, остяки, калмыки и иные народы, изъ коихъ нѣкоторые не употребляютъ ни соли, ни хлѣба, а иные живутъ безъ домовъ, но они людей не ѣдятъ и въ жертву идоламъ ихъ не приносятъ: такихъ людей, если они сами сперва насъ не обидятъ, правда

¹) Съ Персіей, какъ извѣстно, Московское государство было всегда въ хорошихъ отношеніяхъ: Московское правительство цѣнило выгоды торговли съ нею; оно очень хорошо также понимало религіозныя и политическія отношенія персовъ и турокъ для того, чтобы жить въ мирѣ съ Персіей, естественною непріятельницею Турціи. „А съ Персидскимъ государствомъ войны не бываетъ“, — замѣчаетъ вообще Котошихинъ: о Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 58.

и здравый разумъ запрещаютъ намъ убивать на смерть. Годится ли инымъ способомъ приводить ихъ подъ власть и заставлять платить дань, о томъ я ничего не хочу говорить: пусть о томъ судятъ иные люди, которымъ положеніе этихъ народцевъ лучше извѣстно. Я лишь для примѣра вспомню здѣсь древнихъ римлянъ, о которыхъ въ исторіи читаемъ, что они удивительно строго, — строже всѣхъ народовъ, — охраняли права вообще и право войны въ частности, то-есть, никогда ни съ кѣмъ не нарушали ни мирнаго договора, ни союза, ни на кого не нападали безъ причины и объявленія войны заранѣе. И Богъ далъ имъ покорить многіе народы подъ свою власть: я бы сказалъ лучше, что Онъ далъ имъ это счастье за то именно, что они ни на кого безпричинно и несправедливо не нападали войной. То же должно разумѣть и о семъ государствѣ; мы всегда имѣемъ и будемъ имѣть достаточно поводовъ, въ извѣстной мѣрѣ справедливыхъ, къ началію войнъ; но намъ не слѣдуетъ грѣшить въ сихъ дѣйствіяхъ, то-есть, не слѣдуетъ нарушать союзовъ, ни нападать на мирные народы и принуждать ихъ къ дани, ни войнъ объявлять безъ уважительной причины. Если мы хотимъ имѣть Божіе благословеніе, то должны сохранять правду" (Тамъ же, стр. 110—111).

„Должно также разсматривать смѣны вѣковъ, историческія судьбы народовъ и высшія причаны событій, чтобы понять, почему и какъ бываетъ усиленіе народовъ и паденіе. Для сего намъ необходимо знать исторію многихъ народовъ и на основаніи историческаго опыта расчислять, какое государство сколько времени существовало, и сколько древне каждое изъ существующихъ государствъ; потомъ надобно стараться понять, по какимъ причинамъ и при какихъ благоприятныхъ условіяхъ извѣстный народъ возвысился и создалъ государство, а потомъ за какіе грѣхи, по какимъ несчастіямъ и неблагоприятнымъ условіямъ постороннимъ этотъ народъ потерялъ государственное могущество и впалъ въ униженное состояніе. Для примѣра представимъ наше разсужденіе о нашемъ славянскомъ народѣ“.

„Когда пришла полнота времени (Посл. къ Галат., IV, 4), и грѣхи римскаго народа, каковы: богохульство, мучительства христіанъ и иные грѣхи, созрѣли на столько, что царство должно было разориться, Богъ воздвигъ нѣсколько народовъ, каковы: готы, вандалы, герулы, лонгобарды, угры и мы, славяне, — и учинилъ такъ, что всѣ они, какъ саранча, влетѣли на Римское царство. Въ то время, именно при императорахъ Маврикіи, Фокѣ и Юстиніанѣ, наши предки изъ нынѣшней Руси перешли за Дунай и заняли нынѣшнія

земли болгарскую, сербскую и хорватскую. Они заняли ихъ не своею собственною силою, а по Божьему велѣнію, для отмщенія греческихъ и римскихъ грѣховъ; но сами они никакого добраго порядка не держали и согласія между собою не имѣли, за что вскорѣ утратили добытое господство и подпали подъ власть чуждыхъ народовъ. Другая часть славянскаго народа пребывала около Нѣмецкаго моря въ Помераніи, Польшѣ, Силезіи, Чехіи и Моравіи; но и эта часть славянъ, по причинѣ великихъ несогласій да сообщества и браковъ съ нѣмцами, впала въ униженное рабство нѣмцамъ и до такой степени онѣмечилась, что теперь стала ни славяне, ни нѣмцы. Затѣмъ нѣмцы оттѣснили насъ изъ поморскихъ, прусскихъ и ливонскихъ городовъ, ото всего этого нынѣ нѣмецкаго, а въ древности славянскаго моря. Потомъ, по грѣхамъ нашимъ, предки наши были наказаны погрономъ отъ дикаго народа: татары жестоко опустошили землю русскую и польскую, долго причиняли ей многія обиды, отчасти и доселѣ причивляютъ; но пришло время, когда и грѣхи татаръ были въ нѣкоторой мѣрѣ наказаны, и наглость ихъ сдержана, дабы они не окончательно искоренили Русь и Польшу: Богъ послалъ счастье князю Дмитрію Ивановичу Донскому, а послѣ царю Іоанну Васильевичу, которые выбили татаръ изъ Руси, изъ Казани, Астрахани и Сибири ¹⁾. Такимъ образомъ мы, по милости Божіей, опять расширились. Но въ то же время мы сократились на западѣ, гдѣ нѣмцы не силою, а хитростью отогнали насъ отъ всего берега Варяжскаго моря, отъ всѣхъ его удобныхъ пристаней. А народъ славянскій, который нѣкогда ушелъ за Дунай, уже погубилъ свой языкъ ²⁾. И вотъ теперь уже нигдѣ нѣтъ природныхъ государей славянскихъ, какъ только здѣсь, на Руси³⁾.

„Посему на тебя единого, высокочтимый Государь, теперь устремены тревожные взоры всего славянскаго народа. Благоволи, какъ отецъ, попечись о немъ и учинить промыселъ, да соберешь разсѣянныхъ дѣтѣй! Позаботься о людяхъ, чужими хитростями обманутыхъ, да возвратишь имъ разумъ, какъ учинилъ то евангельскій отецъ блудному сыну! Ибо многіе изъ нихъ, будто упоенные какимъ-то чародѣйскимъ налиткомъ изъ нѣкоего какъ бы цирцеина бокала,

¹⁾ Сравни. на стр. 111 замѣчаніе автора, что царь Іоаннъ Грозный завоевалъ Сибирь по причинѣ законной, какъ страну татаръ же, притѣснителей Руси.

²⁾ Но это замѣчаніе преувеличено и невѣрно: балканскіе славяне, какъ извѣстно, сохранили свой языкъ и вѣру подъ турецкимъ владычествомъ. Иное дѣло нѣмецкое надъ славянами, гораздо тяжелѣйшее турецкаго.

превратились точно въ животныхъ; они уже не чувствуютъ своихъ людскихъ бѣдствій, кон наносятъ имъ иноплеменики; они потеряли всякій стыдъ, они даже довольны, живя въ своемъ безстыдствѣ, и сами ищутъ своего безславія, то-есть, сами просятъ себѣ чужеплеменныхъ правителей и государей. Но ты одинъ, о Царю, отъ Бога намъ данный, можешь пособить и задунайскимъ славянамъ, и ляхамъ, и чехамъ, чтобы они начали сознавать свои притѣсненія, свой стыдъ, и потомъ стали бы промышленать объ отмщеніи своимъ притѣснителямъ и о сверженіи чуждаго ига. Да! Задунайскіе славяно-болгары, сербы и хорваты—уже давно сгубили не только свои государства, но всю силу свою, языкъ и самый разумъ, такъ что уже перестали понимать, что такое народная честь. Сами себѣ помочь они не въ состояніи: имъ потребна помощь со стороны, дабы они смогли встать на ноги и войти въ общество другихъ народовъ. Если ты, Государь, въ настоящее трудное для тебя самого время, не можешь оказать имъ помочи, то, по крайней мѣрѣ, повели исправлять и очищать языкъ славянской въ книгахъ, дабы добрыми книгами открывать славянамъ умныя очи, да начнутъ, какъ мы сказали, сознавать свою честь и думать о возрожденіи. Вѣдь и чехи, а недавно также ляхи впали въ то же отчаянное состояніе, что задунайскіе славяне: сгубили и государство, и народную силу, и языкъ, и разумъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя ляхи хвалятся своимъ государствомъ, но у нихъ въ сущности только тѣнь государства; всему свѣту явно, что поляки не могутъ своими силами выйти изъ затрудненій и срамоты, въ коихъ находятся; имъ также нужна посторонняя помощь, чтобы они смогли стать на ноги и прійти въ прежнюю честь; эту помощь ты, Государь, милостію Божіей легко можешь оказать полякамъ, если учинишь съ ними крѣпкій союзъ ¹⁾. На счетъ же земель поморанской, силезской, чешской и моравской, а также приморскихъ городовъ Гамбурга, Любека, Данцига, Риги и иныхъ, пѣкогда тамъ бывшихъ славянскихъ городовъ, намъ кажется, что было бы совсѣмъ напрасно думать о возвращеніи ихъ: очень рѣдко бываетъ,—надобно замѣтить вообще,—чтобы народъ возвратилъ себѣ однажды что ни-

¹⁾ Замѣчательное сужденіе автора о современной Польшѣ: тутъ заключается очень много трезвой правды. И по всей книгѣ Кривжанича разсыяно много горькихъ, но справедливыхъ упрековъ полякамъ за чужебствіе, чужевладство, своеволие и т. п. Для примѣра наиболѣе яркія страницы см. I, 243—248 и II, 296—331; въ сочиненіи „о Промысла“ стр. 91—92, 102.

будь утраченное, особенно если оно было утрачено въ пользу сильнаго непріятеля“.

Итакъ съ нашей стороны благоразумно будетъ оставить всякую мысль о возвращеніи приморскихъ земель и пристаней Варяжскаго моря; напротивъ того, настоящее время намъ представляется очень удобнымъ для того, чтобы съ Божіей помощью намъ распространяться въ сторону Чернаго моря, берега и пристали котораго еще болѣе удобны, чѣмъ балтійскіе берега. Да и крымскіе татары вотъ уже болѣе 400 лѣтъ живутъ въ великомъ счастіи, безпрестанно обижая всѣхъ сосѣдей: кажется, ихъ злодѣйства назрѣли; кажется, теперь наступило время смирить ихъ наглость и разбойничество“ (Тамъ же, стр. 113—116).

Дума по секрету. Сему государству слѣдуетъ расширять свои границы именно къ югу, а не на сѣверъ, западъ или востокъ. Въ самомъ дѣлѣ: 1) противъ народовъ сѣверныхъ, западныхъ и восточныхъ, то-есть, противъ поляковъ, нѣмцевъ, шведовъ, дауровъ и китайцевъ, по временамъ не оказывается достаточной причины воевать, такъ что мы легко можемъ учинить грѣхъ, нанося имъ войну¹⁾; но противъ южныхъ народовъ: крымцевъ, ногайцевъ и всѣхъ татаръ, всегда существуетъ справедливая причина войны, ибо они никогда не перестаютъ обижать насъ. 2) У нѣмцевъ, поляковъ и литовцевъ мы встрѣтили бы твердо укрѣпленные города, воинственное населеніе, снабженное огнестрѣльнымъ и всякимъ оборонительнымъ оружіемъ; у крымцевъ же мало укрѣпленныхъ остроговъ; оружія огнестрѣльнаго и оборонительнаго также мало, либо вовсе даже нѣтъ. Съ крымцами опасна только генеральная полевая битва; она опаснѣе, чѣмъ со всякимъ инымъ войскомъ, и ея слѣдуетъ всячески избѣгать. 3) Сѣверныя страны студены, болотисты, малоплодны, лишены многихъ нужныхъ вещей: мало пользы отъ пріобрѣтенія такихъ странъ; нѣкоторыя, сверхъ того, такъ удалены, что, кажется, больше убытка доставляетъ охраненіе ихъ, нежели пользы владѣніе ими; Крымъ же и Ногайскія области исполнены всякаго Божьяго

---

¹⁾ Соображеніе слишкомъ отвлеченное! Какъ будто для войны требуется подыскиваніе причины, какъ будто эта причина не назрѣваетъ сама собою! Въ частности для войны съ Польшей, Ливоніей и Швеціей Московское государство всегда имѣло важную, жизненную причину, постоянно на лицо существовавшую, вполнѣ справедливую съ русскою точки зрѣнія, то-есть, возвращеніе старыхъ русскихъ земель.

дара. 4) Сѣверныя племена не любятъ русскаго владычества ¹⁾; наше владѣніе тамошними странами не прочно, тамъ всегда готовы измѣнить намъ; никто не пособитъ намъ въ приобрѣтеніи тѣхъ странъ; въ Крыму же живутъ многіе христіане, которые желаютъ прихода туда русскаго войска; въ приобрѣтеніи Крыма намъ помогутъ донскіе казаки и днѣпровскіе, поляки, если еще не другіе народы, которыхъ крымцы обижаютъ ²⁾. 5. Многократно была предпринимается война противъ поляковъ и литовцевъ, но она никогда не была оканчиваема къ славіи и достоинству сего государства, почему мы должны сказать: нѣтъ на то воли Божіей, чтобы здѣсь мы что нибудь добыли. Напротивъ, относительно татаръ Господь далъ намъ успѣхъ, именно взятіемъ Казани, Астрахани и Сибири; поэтому мы можемъ надѣяться и должны молить Господа, чтобы Онъ далъ полное одолженіе на татаръ, и чтобы мы могли прогнать изъ Крыма общихъ всего свѣта мучителей и разбойниковъ. 6) Мы, если захотимъ, можемъ имѣть покой ото всѣхъ сѣверныхъ народовъ и не бояться никакого зла отъ нихъ,—ни наступательной войны поляковъ, ни нашествія шведовъ; сами не раздражая этихъ сосѣдей, мы можемъ имѣть всегдашній миръ съ ними, а они за такое благодѣяніе къ нимъ будутъ нашему государству съ той стороны вмѣсто оплота и стѣны ³⁾.

„Вообще говоря, въ настоящее время наилучшимъ для сего государства представляется держать миръ со всѣми сѣверными, восточными и западными народами, а воевать — съ одними татарами: ибо дауры и богдои о насъ даже не узнаютъ, если мы не будемъ искать ихъ сами; калмыки также не ищутъ овладѣть ни городами, ни селами, и намъ нѣтъ основаній опасаться большаго нашествія съ ихъ стороны ³⁾; шведы косны, тяжелы на подъемъ, да и не многолюдны,

¹⁾ Понятіе сѣверныхъ племенъ у Крижанича не довольно опредѣленное. Въ данномъ случаѣ онъ разумѣетъ инородцевъ, преимущественно сибирскихъ. Здѣсь и въ другихъ мѣстахъ книги авторъ неодобрительно относится къ расширенію русскаго господства въ инородческихъ земляхъ Сибири, находя его не справедливымъ.

²⁾ Ниже, на стр. 130, авторъ перечисляетъ предполагаемыхъ имъ союзниковъ въ войнѣ съ Крымомъ.

³⁾ О появленіи впервые калмыковъ изъ-за Урала въ низовьяхъ Волги смотри въ Дополн. къ Акт. Историч., II, №№ 62 и 63, акты отъ 1635 года. О послѣдующихъ движеніяхъ калмыковъ, бѣлыхъ и черныхъ, и объ отношеніяхъ къ нимъ московскаго правительства—много данныхъ въ Акт. Историч., IV, №№ 17, 26, 32, 72, 89, 131. Калмыковъ желали направлять противъ Крыма: тамъ же, №№ 154, 229, 234. Полн. Собр. Заков. Р. И., I, № 304. О земляхъ Даурской и Богдойской (Китайской) первыя свѣдѣнія стали получаться въ половинѣ XVII вѣка, чрезъ

такъ что нечего ихъ бояться много; поляки и литовцы никому не наносятъ войны, если сами прежде не будутъ задѣты. Но крымцы иное дѣло: они одни всегда требуютъ отъ насъ откупа или дани, и всетаки никогда не перестаютъ причинять намъ бѣдствія. Право, достойна сожалѣнія наша несчастная политика ¹⁾: мы стремимся воевать тамъ, гдѣ бы должны были содержать постоянный миръ, а вмѣсто того пробуждаемъ спящихъ исовъ; гдѣ же слѣдовало бы дать отпоръ дерзкому врагу, тамъ мы откупаемся дарами и всетаки терпимъ безпрестанные разбои и опустошенія, отдаемъ безбожному врагу чуть не все добро земли своей, а собственный народъ доводимъ до голода, до отчаянія².

Римляне давали своимъ солдатамъ помѣстья въ добытыхъ вновь земляхъ и не запрещали желающимъ гражданамъ селиться тамъ новыми посадами. А Константинъ и самъ со всѣмъ дворомъ переселился на жительство въ новый городъ, на мѣсто болѣе богатое и болѣе удобное для столицы, чѣмъ самый Римъ. Высокочтимый великій Государь! Пригодно имѣть въ виду, что Перекопская держава будетъ весьма удобна,—гораздо больше, чѣмъ другія страны русскія, удобна для твоего государева пребыванія по слѣдующимъ основаніямъ: 1) ради приморскихъ городовъ и корабельныхъ пристаней; 2) въ тамошнее море впадаютъ русскія рѣки, по берегамъ коихъ живетъ русскій народъ; 3) вино, деревянное масло, шелковые и всякіе дорогіе товары доплываютъ туда близкимъ путемъ изъ тѣхъ самыхъ земель, гдѣ рождаются, тогда какъ нѣмцы привозятъ ихъ къ намъ на Архангельскъ чуть не чрезъ половину всего свѣта; 4) сама крымская страна украшена и обогащена многими дарами Божиими: не говорю про хлѣбъ, вино, масло, медъ и разные фрукты, коихъ множество вывозится оттуда въ Царьградъ; напомнимъ лучше, что тамъ плодятся кони, очень пригодные къ военному дѣлу, какихъ на Руси большой недо-

---

понски служилыхъ и промышленныхъ людей, проникавшихъ на Амуръ, напримеръ, письменнаго головы Поаркова (Доп. къ Акт. Истор., II, № 12 и 26), особенно же чрезъ поиски славнаго покорителя Амурскаго края, опытовщика Ероола Хабарова: Акт. Истор., IV, № 81; Дополн. къ Акт. Ист., III, №№ 72, особенно интересный актъ подъ № 102 (отчетъ самого Хабарова о дѣйствіяхъ на Амурѣ); въ томъ же томѣ не мало другихъ актовъ на счетъ даурскихъ князьковъ и ихъ отношеній къ богдойскому владѣтелю: №№ 94 — 95, 99 — 103, 122; Акт. Истор., IV, №№ 61, 210—211.—О земляхъ Богдойской сравни въ Изборникѣ изъ хронографовъ *А. Лотова*, на стр. 532 — 533, и въ „Путешествіи чрезъ Сибирь .Н. Спаарія въ 1675 году“, изд. *Ю. В. Арсеньева*, на стр. 156—158.

¹⁾ „Туманъ адда и окуяненъ есть нашъ совѣтъ“.

статокі; тамъ же находится мраморная руда, разные камни и дѣрвья, пригодныя для постройки государевыхъ палатъ и городовъ; не знаю, не родится ли тамъ даже серебряная и мѣдная руда. Тамъ была столица Митридата, того славнаго государя, который владѣлъ двадцатью двумя народами, и говорилъ на всѣхъ языкахъ ихъ, если только слѣдуетъ вѣрить тому, что о немъ пишутъ. Да! Невозможно ни сказать, ни описать, на сколько Перекопская область счастливѣе русскихъ странъ, и какъ она удобна для государева жительства. Итакъ, если отъ Бога суждено русскому народу когда нибудь владѣть ею, то не безъ достаточно важныхъ причинъ могъ бы ты, преславный Государь, или одинъ изъ твоихъ наслѣдниковъ перейти туда и построить тамъ новую столицу; или если бы государство раздѣлилось между нѣсколькими братьями, то одинъ изъ нихъ могъ бы туда переселиться" ¹⁾.

Общее заключеніе: всякими мѣрами, милостивый Царь, настоя, чтобы сохранять вѣчный миръ съ народами сѣверными, западными и восточными, то-есть, съ лахами, литовцами, шведами, бухарцами, китайцами, даурами, богдоями, калмыками и съ прочими; не занимай своихъ воинскихъ силъ войною съ этими народами, а обрати всѣ эти силы на добываніе Перекопской области. Но да будетъ сія дума тайною, и никому изъ совѣтниковъ, развѣ самому довѣренному, неизвѣстною до надлежащаго времени; и если бы Богъ не привелъ тебѣ, Государь, совершить сего предпріятія, то сыновьямъ своимъ честнѣйшимъ заповѣдуй исполнить его" (Тамъ же, стр. 117—120).

¹⁾ По поводу послѣдняго замѣчанія автора можетъ сказать словами его русскаго современника, подъячяго Котошихина, который, задавшіея вопросомъ, въ какомъ положеніи, по кончинѣ царя Алексѣя Михайловича, будутъ его два младшіе сына при старшемъ — царѣ, замѣтилъ: „и о томъ написана не мочно, потому что такого образца не бывало" (О Россіи въ царствованіи Алексѣя Михайловича, стр. 15, по 2-му изданію).

¹⁾ Что же касается перенесенія столицы Русскаго государства въ Крымъ, то мысль объ этомъ любопытна, какъ живое увлеченіе автора своимъ проектомъ. Да и въ принципѣ его мысль о перенесеніи столицы на новое мѣсто не была правдымъ предположеніемъ: она исполнилась при Петрѣ Великомъ, основавшемъ новую столицу при морѣ, только не при томъ, о которомъ гадаютъ нашъ авторъ. Прибавимъ, что и въ послѣпетровское время толки о новой резиденціи долго продолжались; какъ крупный примѣръ, припомнимъ замѣчаніе государыни Екатерины Великой въ одномъ изъ писемъ къ Грину: „по моему мнѣнію, настоящая столица Имперіи еще не найдена" (*Русскій Архивъ*, 1878, кн. III, стр. 227).

Глава 52-я: „О татарахъ“.

„Одинъ человѣкъ, лично наблюдавшій Перекопскую область и хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ татарскихъ, имѣлъ обычай говаривать: удивительное и жалости достойное дѣло, какъ татары, будучи столь малочисленны и дурно вооружены, заставляютъ терпѣть отъ себя всѣ сосѣдніе народы да силою вымогаютъ отъ многихъ государей годовое себѣ жалованье, дары, откупы и дани: срамъ великій многимъ народамъ! И всѣ его терпятъ, — не могутъ или не хотятъ отъ него освободиться! Платятъ имъ жалованье или подарки цезарь нѣмецкій, король польскій, седмиградскіе венгры, валахи, молдаване и, какъ думаю еще, горскіе черкесы“.

„Нѣкогда филистимляне, не будучи въ состояніи одолѣть Самсона, допытывались отъ Далиды, въ чемъ заключается его сила, и, узнавши чрезъ нее, что сила Самсона въ волосахъ, остригли ему, спящему, волосы и легко его связали. Такъ и намъ, если придется воевать съ татарами или инымъ народомъ, потребно напередъ узнать, въ чемъ состоитъ сила непріятеля, и тогда думать, какъ мы можемъ ослабить ее и сдѣлать менѣе вредною“.

„Орелъ зовется царь птицъ, левъ — царь звѣрей, за то, что оба превосходятъ всѣхъ силою и быстротою да еще третьимъ качествомъ, которое изъ первыхъ двухъ рождается, то-есть, храбростію. Если бы какой нибудь народъ превосходилъ всѣ прочіе сими тремя качествами, то, безъ сомнѣнія, онъ пріобрѣлъ бы самое большое могущество въ свѣтѣ; да только всѣ эти качества вмѣстѣ соединенными не встрѣчаются ни у какого народа; порознь же, напротивъ, они имѣются у сопротивныхъ намъ народовъ: ибо поляки храбростію, нѣмцы силою, а крымцы быстротою почти одолѣваютъ нашихъ воинскихъ людей; посему противъ столь различныхъ непріятелей слѣдуетъ бороться не однимъ родомъ оружія и не однимъ способомъ, а разными. Мы, русскіе, въ отношеніи трехъ названныхъ качествъ оказываемся, такъ сказать, на срединѣ: мы превосходимъ быстротою нѣмцевъ, а крымцевъ силою; съ ляхами же мы одинъ народъ и одинъ нравъ: мы въ настоящее время превозмогаемъ ихъ пѣхотнымъ войскомъ и лучшимъ воинскимъ строемъ, а въ храбрости только отчасти равняемъ съ ними“.

„Воинская быстрота крымцевъ зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ:

1) Они имѣютъ обиліе добрыхъ коней: отправляясь въ походъ, ка-

ждый изъ нихъ ведетъ не по одному, даже не по два или по три коня, а гораздо больше коней, коняхъ перемѣняя въ пути, кажутся будто летающими, а не ѣдущими. 2) Они носятъ легкое вооруженіе, и коней своихъ также легко навьючиваютъ; никакихъ обозовъ съ запасами не возятъ, хлѣба, соли, вина не просятъ, довольствуясь однимъ конскимъ мясомъ. 3) Они всѣ вдались въ войну да грабежъ, а всѣми другими, житейскими собственно занятіями пренебрегаютъ: привычка безпрестанной войны обратилась для нихъ въ другую природу. 4) Они бьются нестройными рядами, на подобіе вороновъ вразсыпную налетаютъ съ разныхъ сторонъ и въ разныя стороны разлетаются; такимъ способомъ нападенія они утомляютъ своего непріятеля и приводятъ въ разстройство его ряды. Если татары убѣгаютъ, никто ихъ не догонитъ, а если преслѣдуютъ, никто отъ нихъ не уйдетъ. На удивленіе людей они ловко переплываютъ рѣки. По причинѣ быстроты они имѣютъ въ своей власти и мѣсто, и время битвы: коли окажется удобное мѣсто, побьются; коли нѣтъ такого мѣста, отступать дальше. И та еще выгода есть въ этомъ безпорядочномъ и нестройномъ способѣ биться, что непріятель ихъ не знаетъ, въ заправду они или съ умысломъ убѣгаютъ; но сами они не пугаются, когда видятъ своихъ товарищей убѣгающими ¹⁾). А съ нѣмцами татары воюютъ слѣдующимъ образомъ. Они знаютъ, что нѣмцы сильны, что, благодаря огнестрѣльному оборонительному оружію и правильному строю, они неодолимы въ открытомъ бою; но они также знаютъ, что нѣмцы тяжелы на подъемъ и медленны въ движеніи; посему, видя нѣмцевъ, расположившихся въ укрѣпленномъ лагерѣ или стоящихъ въ полѣ стройными рядами, они не подступаютъ къ нимъ близко, но издали со всѣхъ сторонъ начинаютъ окружать ихъ точно кольцомъ и стерегутъ ихъ, а все, что есть въ окрестности, сожгутъ, истребятъ, испортятъ, такъ что, когда нѣмцы пойдутъ куда нибудь, то ничего не найдутъ годнаго къ продовольствію, и такимъ образомъ, когда они будутъ изнурены лишеньями и упадутъ духомъ, татары нападаютъ на нихъ, почти какъ уже на полуживыхъ, и легко одо-

¹⁾ Последняя выгода—не важнаго значенія: и непріятеля, и свои не могутъ, конечно, быть долго въ сомнѣніи на счетъ того, какое бѣгство есть притворное и какое вправду.—Что касается предыдущихъ замѣчаній Крижанича о быстротѣ крымцевъ, о войнѣ какъ промыслѣ и о приемахъ воинскихъ, употребляемыхъ ими въ набѣгахъ, то они вѣрны, согласны съ другими источниками, при томъ хорошо авторомъ выражены. Сравнить сюда же относящіяся мѣста въ „Политикѣ“: I, стр. 7, 155; II, 168, 317, и проч.

лѣвають. Итакъ мы видимъ, что пѣхота съ ея тяжелымъ строемъ ничего не успѣваетъ въ полѣ противъ татаръ, не можетъ дѣйствовать противъ нихъ къ одолѣнію и погрому; она оказывается тамъ годна только для обороны, и то не долгой".

„Сколько мнѣ извѣстно, татары ни однимъ народомъ не были сполна побѣждены и ни одному чужому государю не служили въ качествѣ полныхъ подданныхъ. Только одинъ турецкій султанъ отнялъ у нихъ нѣсколько приморскихъ городовъ въ Перекопѣ и припудилъ ихъ признавать себя господаремъ и оборонителемъ, да и то больше для почету: дани никакой татары не платятъ султану и слушаютъ его, сколько хотятъ ¹⁾. Да еще нашъ царь Иванъ Васильевичъ отнялъ у татаръ Казань, Астрахань и Сибирь. За то въ болѣе давнія времена татары погромили и привели подъ свою власть многіе народы и самыхъ могущественныхъ государей. Такъ Чингисъ, первый славный ханъ татарскій, покорилъ великое царство Китайское и Хинское, которое величиной равняется всей Европѣ. Батый-ханъ отчасти покорилъ, отчасти разбилъ и разогналъ государей русскихъ, польскихъ, чешскихъ и венгерскихъ, выгналъ также грековъ изъ Перекопа или Крыма; съ того времени вотъ уже около 450-ти лѣтъ татары живутъ въ Перекопѣ, тогда какъ прежде о нихъ и слуху не было въ Европѣ. Затѣмъ Тамерланъ разгромилъ весь Востокъ и многихъ государей, положилъ въ одномъ бою 200 тысячъ турецкаго войска и захватилъ въ плѣнъ султана Баязета. А въ наше время, за какія нибудь 12 лѣтъ, перекопскіе татары оказали въ нѣкоторомъ родѣ чудеса воинской отваги: сначала разбили ляховъ при Желтыхъ водахъ, затѣмъ разбили также на чисто венгерскаго князя въ Подгорьѣ; два раза брали въ плѣнъ польскаго короля и отпускали на условіяхъ; два или три раза разбитаго короля шведскаго прогнали изъ Польской земли; два раза поразили войска нашего государства ²⁾. Короче, съ давнихъ временъ

¹⁾ Объ отношеніяхъ хана крымскаго къ султану турецкому сравни интересное замѣчаніе Крижаняча во II ч. Политики на стр. 383—384. На его взглядъ, крымскій ханъ неограниченно правитъ своей областью, находясь въ верховной зависимости и покровительствѣ султана (*sub obedientia et protectione regis Turcorum*); онъ можетъ де, если имѣетъ справедливую причину войны, вести ее, не спрашиваясь султана; его положеніе, какъ равно господарей молдавскаго, валахскаго и трансильванскаго, похоже де на положеніе вассальныхъ европейскихъ государей. (Все это приблизительно вѣрно, но требуетъ болѣе точнаго опредѣленія).

²⁾ Кромѣ конотопскаго пораженія, авторъ имѣетъ въ виду, конечно, еще чудовскія неудачи, испытанныя знаменитымъ кievскимъ воеводоу, бояриномъ В. Б.

перекопцы въ чистомъ полѣ и въ генеральномъ бою ни разу не оказываются побѣжденными, и только при рѣчныхъ переправахъ да въ тѣсныхъ мѣстахъ они иногда терпѣли пораженія⁴.

„Когда народы бываютъ счастливы, тогда они бываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и надменны, тогда-то они навлекаютъ на себя Божеское наказаніе; по сей причинѣ я думаю, что татарская надменность теперь соврѣла для наказанія: столько лѣтъ татары всѣхъ мучать, сами ни отъ кого не подвергшись наѣзду и поиску на мѣстѣ ихъ жительства!⁵“¹).

„Татары живутъ, по обычаю, разбоемъ; они не знаютъ никакихъ международныхъ договоровъ и никакой человѣчности въ отношеніяхъ, нѣтъ ни выгоды, ни чести договариваться съ такими людьми²). Въ самомъ дѣлѣ, они безмѣрный срамъ наводятъ на наше государство тѣмъ, что, будучи малочисленнымъ, убогимъ народцемъ, принуждаютъ столь великое государство къ нѣкоторой денежной повинности, къ покупкѣ мира деньгами; да хотя бы имъ уплачивалось обѣщанное жалованье, они тѣмъ не менѣе не соблюдаютъ уговора, а постоянно пустошатъ наши области разбойническими набѣгами. Сверхъ того, они причиняютъ сему государству неисчислимый убытокъ тѣмъ, что мѣшаютъ торговлѣ между русскими и греками, что съ давнихъ временъ велась

Шереметевымъ, въ сентябрѣ и октябрѣ 1660 года. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: 1) пораженія у Чуднова и въ другихъ мѣстахъ, по близости къ нему, были нанесены царскому войску не столько татарами, сколько поляками, да еще благодаря измѣнѣ Выговскаго и Юрія Хмѣльницкаго; 2) побѣды дорого стоили самимъ полякамъ; 3) эти побѣды помрачены безчестнымъ поступкомъ гетмана Потоцкаго, который вопреки договору выдалъ Шереметеву въ татарскій плѣнъ (*Соловьевъ, И. Р. XI, въ началѣ 2-й главы. А. Барсуковъ: Родъ Шереметевыхъ, книга пятая*).

¹) Это—не вполне точно. Мы знаемъ про походы въ Крымъ не только казачковъ, но и московскихъ отрядовъ (въ царствованіе Іоанна Грознаго).

²) Сравни. II, стр. 83. Сравни также изреченіе Котошихина: „а съ крымскими и турецкими война хотя и бываетъ, а трактатовъ и постановленія не бываетъ, чинятца успокоеніе черезъ перемылочныя грамоты“ (О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 58). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что заключеніе съ Крымомъ обыкновенно кончалось выдачею отъ хана шергной грамоты, которой у него требовали; но эта грамота была именно не взаимный трактатъ, а одностороннее (отъ хана) обязательство, иногда и составленное по присланному изъ Москвы готовому образцу, или же подъ диктовку московскихъ пословъ, такъ что эти шергныя грамоты, съ точки зрѣнія Котошихина, могутъ быть также подведены подъ понятіе „перемылочныхъ“.

по Черному морю и Дону; эта торговля могла бы быть ведена и при турецкомъ господствѣ, если бы ей не пакостили перекопскіе разбойники ¹⁾. По моему мнѣнію, если бы эта торговля возобновилась, Русь стала бы вдвое богаче, чѣмъ теперь: тамъ, за Чернымъ моремъ, живутъ народы, которые весьма охотно и въ честь берутъ наши русскіе товары, напримѣръ: сибирскіе мѣха, икру, хлѣбъ, мясо, медъ и иные товары, тогда какъ нѣмцы имѣютъ наши товары не въ такой цѣнѣ, да и покупаютъ ихъ не про себя, а больше про другихъ. Равнымъ образомъ товары, которые покупаются нами у нѣмцевъ, производятся не ими самими, а привозятся ими издалека, и потому не могутъ дешево продаваться намъ: между тѣмъ эти товары у грековъ и турокъ имѣются дома, легко могутъ доставляться ими на Русь и продаваться намъ гораздо дешевле, чѣмъ нѣмцами. Напримѣръ, вино съ давнихъ поръ привозилось въ Русь изъ Греціи; оно и до сихъ поръ носитъ древнее названіе „романей“ отъ области „Романія“, въ коей находится Царьградъ, или Новый Римъ. А теперь вина везутся къ намъ изъ Испаніи да изъ Фряжской земли, при чемъ, надобно замѣтить, эти вина неправильно называются у насъ: испанское романеи, а фряжское—ренскимъ ²⁾. Да! Если бы мы не имѣли никакой другой причины къ войнѣ съ крымцами, то одна эта (то-есть, препятствія съ ихъ стороны южной торговлѣ) была бы достаточна для того, чтобы подвинуть наше государство на войну съ ними. И если бы теперь намъ нельзя было достигъ нашей цѣли путемъ войны, то въ мирномъ уговорѣ съ перекопцами, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ выговорить обязательство съ ихъ стороны не вредить торговлѣ, а напротивъ помогать ей, напримѣръ, давать проводниковъ караванамъ и доста-

¹⁾ Замѣчаніе автора о выгодности Черноморской торговли вѣрно какъ относительно древняго кіевскаго времени, когда Русь была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Царьградомъ, коимъ впрочемъ „пакостили“ тѣ же степняки, то-есть, печенѣги и половцы, такъ вѣрно и относительно времени Іоанна III и Менгли-Гирея, когда шла оживленная торговля Московской Руси съ Крымомъ и Турціей. Но въ послѣдующую пору торговли сношенія въ этомъ направленіи все больше и больше сокращаются, движеніе торговыхъ каравановъ чрезъ татарскія степи и по Дону все больше становится затрудненнымъ со стороны равныхъ татаръ, безъ числа кочевавшихъ въ степяхъ. Тутъ дѣло не въ однихъ крымцахъ.

²⁾ Эти замѣчанія автора о привозимыхъ виноградныхъ винахъ и названіяхъ ихъ на Руси заслуживаютъ вниманія и проверки. О романей и другихъ иностраннхъ винахъ сравни замѣтку у *Карамзина*, И. Г. Р. VII, примѣч. 399: по исторіографу, романей есть бургонское вино, а не греческое.

влять во время съѣздовъ закладниковъ, какъ поруку за безопасность русскихъ купцовъ" ¹⁾).

„Намъ могутъ представиться два важныхъ препятствія при выполнении нашего намѣренія (то-есть, крымскаго похода). Первое, конечно, то, что крымцы, какъ мы говорили выше, суть народъ весьма воинственный, неодолимый, всегда берущій верхъ въ сраженіяхъ; однако надобно взять во вниманіе и другія стороны дѣла. Перекопцы, кажется мнѣ, неодолимы только внѣ дома; у себя же дома они—въ сущности не сильный, одолимый народъ. У нихъ нѣтъ многочисленныхъ городовъ и нѣтъ хорошо укрѣпленныхъ; они не умѣютъ ни чужихъ городовъ брать, ни своихъ защищать, что доказываютъ намъ разные примѣры: царь Иванъ Васильевичъ, когда сдѣлалъ поискъ надъ ними и наѣхалъ ихъ въ мѣстахъ жительства ихъ, то отнялъ у нихъ Казань, Астрахань и Сибирь; также и турецкій султанъ отнялъ Кафу и иные татарскіе города при морѣ“.

„Итакъ способы, конми мы съ Божьей помощью можемъ одолѣть татаръ, суть слѣдующіе“.

1) Намъ нечего дожидаться, чтобы татары еще разъ пришли къ намъ; мы сами должны чинить поискъ надъ ними въ собственной ихъ землѣ, разорить ихъ селенія, захватить ихъ женъ и дѣтей, чтобы они не могли больше плодиться. 2) Въ походъ наши пѣхотинцы должны запастись большими щитами для отраженія непріятельскихъ стрѣлъ; было бы также хорошо, если бы и конные солдаты имѣли легкіе щиты. 3) При этомъ особенно слѣдуетъ опасаться давать татарамъ генеральную битву въ чистомъ полѣ, гдѣ они могутъ окружить насъ со всѣхъ сторонъ; намъ полезно вступать съ ними въ битву не въ иномъ мѣстѣ, какъ, напримѣръ, у рѣчныхъ переправъ или же въ тѣснинахъ близъ лѣса, укрѣпленія и т. п. 4) Хорошо противъ татаръ имѣть пѣшихъ стрѣлковъ изъ лука, а также конныхъ лучныхъ

---

¹⁾ Статья о свободномъ и безопасномъ приездѣ русскихъ гостей въ Крымъ вносилась обыкновенно въ шертыны записки. Но дѣло въ томъ, что, даже при добромъ желаніи хановъ исполнять эту статью, они не всегда были въ состояніи на дѣлѣ выполнить ее: и въ Крыму, и особенно на дорогѣ въ Крымъ чрезъ степи, гости, даже съ послами ѣхавшіе, не были свободны отъ нападеній свободныхъ татарскихъ шаекъ. Въ степи нельзя было надѣяться на силу какогонибудь права: тамъ, да и въ самой Крымской ордѣ, имѣло больше мѣста насилие, чѣмъ право. Проводники и закладники—это действительно практичная мѣра; она и была употребляема относительно пословъ главнымъ образомъ, хотя также не всегда достигала своей цѣли.

стрѣлковъ, которые могутъ быть присоединены къ отрядамъ конныхъ пицальниковъ или казаковъ. Пѣхотинцамъ нужно дать палаши, а всадникамъ сабли; нѣмецкихъ же шпагъ, какъ бесполезныхъ для боя съ татарами, не нужно употреблять ¹⁾). 5) Ничего не слѣдуетъ предпринимать противъ татаръ, не заключа впередъ союза съ поляками, которымъ мы можемъ говорить примѣрно такъ: „братья поляки! мы наводимъ другъ противъ друга перекопскихъ татаръ на собственное себѣ зло; они безпрестанно наѣзжаютъ на насъ, разбойничаютъ, жгутъ, пустошатъ, уводятъ плѣнныхъ безъ числа, да сверхъ всего берутъ отъ насъ тяжелыми податями; они имѣютъ, отъ насъ все, что хотятъ: они даже ничего больше не хотятъ отъ насъ, потому что все имѣютъ; они живутъ нашимъ потомъ и кровью. Если мы мужи, то должны свергнуть съ себя это позорное иго; вы сами въ вашей конституціи имѣете постановленіе вести рѣшительную войну съ перекопцами: отчего же медлите привести его въ исполненіе?“ ²⁾). 6) Ничего не слѣдуетъ начинать съ тата-

¹⁾ О вооруженіи авторъ разсуждаетъ въ особнхъ главахъ Политики „объ оружіи“, „объ строехъ военныхъ“: I, стр. 70—82. И здѣсь по этому спеціальному предмету Ю. Крижаничъ показываетъ много свѣдѣній, сообщаетъ немало практичныхъ замѣчаній: не даромъ онъ былъ дворянинъ, потомокъ тѣхъ Крижаничей, которые не разъ сражались противъ турокъ, подъ предводительствомъ хорватскихъ грабовъ Зринскихъ. Сравни въ сочиненіи о Промыслѣ статью о ратномъ дѣлѣ и вооруженіи у ляховъ и нѣмцевъ по сравненію съ русскими: на взглядъ автора, русская ратъ ничѣмъ не хуже польской, а нѣмецкой даже лучше, стр. 93—105. Сравни въ Политикѣ замѣчаніе о вооруженіи татарскомъ и нѣмецкомъ: II, 168. О бесполезности нѣмецкихъ шпагъ авторъ не разъ высказывается: I, 71, 75. Отмѣтимъ здѣсь одинъ русскій документъ 1659 года, гдѣ также есть рѣчь о замѣнѣ шпагъ инымъ оружіемъ въ полкахъ драгунскихъ, солдатскихъ и стрѣлческихъ: Акты, относ. къ истор. Южи. и Зап. Россіи, томъ VII, стр. 317 (указъ кіевскому воеводѣ Вас. Бор. Шереметеву). Но намъ не извѣстно, была ли это временная мѣра, или же болѣе общая, распространенная на другіе полки, на будущее время.

²⁾ Мысль о примиреніи и союзѣ Россіи съ Польшей, какъ объ условіи успешной борьбы съ крымскими татарами, есть одна изъ господствующихъ въ Политикѣ Ю. Крижанича: I, 66; II, 82—83 („съ ляхами у насъ можетъ быть союзъ истинно братскій, вслѣдствіе близости языка и нравовъ, и потому, что ляхи не горды по природѣ, какъ нѣмцы, не колки, не злословны; съ нѣмцами же и крымцами у насъ не можетъ быть никакого искренняго союза“); II, 194—198, 217: что де греки, нѣмцы и шведы нѣшаютъ нашему союзу съ поляками.—Нѣтъ нужды показывать здѣсь, какія давнія и глубока историческія причины заставляли Россію цѣлые вѣка бороться съ Польшей, дѣлали невозможнымъ ихъ примиреніе, а также почти невозможнымъ союзъ ихъ на татаръ и турокъ. Волкія рѣчи въ родѣ той, что у Крижанича, всегда оставались не больше какъ рѣчами и благодушными пожеланіями.

рами прежде, нежели царь-государь новымъ законодательствомъ не привлечетъ на свою сторону сосѣдніе народы. Еслибы ты, высокочтимый царь, обнародовалъ это новое законодательство ¹⁾, то съ радостью и веселіемъ разные народы поддались бы твоей кроткой державѣ, какъ древніе народы Александру: къ твоему войску присоединились бы донскіе казаки и запорожскіе, молдаване и валахи, ляхи, болгары, сербы, хорваты, угры и греки. 7) Кромѣ того, на походъ было бы полезно сдѣлать другое объявленіе войскамъ,—которое также полезно сообщить сосѣднимъ народамъ чрезъ посланцовъ,—что, если кто придетъ охотою воевать на крымцевъ, тому царь-государь дастъ помѣстье въ Крыму, что онъ будетъ держать охотниковъ-воиновъ на такихъ же льготныхъ условіяхъ, на какихъ хвалы достойные римляне содержали своихъ заслуженныхъ воиновъ. На такія объявленія несомнѣнно отозвалось бы безчисленное множество охотниковъ. 8) Когда какой нибудь государь овладѣваетъ новою страной, то, говоря по правдѣ, онъ не можетъ всѣхъ жителей, оставшихся отъ меча войны, предать поголовному истребленію или же изгнать вонъ изъ страны, особенно если эта страна есть исконная ихъ вотчина и коренное жилище: онъ долженъ оставить имъ жизнь, а если не довѣряетъ имъ, то часть ихъ переселить въ иное мѣсто. Но съ перекопцами иное дѣло: они взяли чужую страну, изгнали изъ нея Христову вѣру, а потому, по справедливости, сами могли бы быть изгнаны изъ страны, какъ учинили то съ маврами и жидами испанскій король. Во всякомъ случаѣ, когда Богъ дастъ намъ овладѣть Перекопомъ, мы должны, принимая татаръ въ подданство, обѣщать имъ на первый разъ не больше, какъ только одну жизнь, а въ послѣдующее время, укрѣпясь совершенно въ странѣ, объявить имъ, что тѣ изъ татаръ, которые не хотятъ креститься, должны непременно оставить страну. Такое благое обѣщаніе государь могъ бы сдѣлать предъ Богомъ до выступленія въ походъ ²⁾. Поворивши же землю, если желаемъ сполна и прочно владѣть ею, мы должны будемъ дать свободу жительства въ приморскихъ и наиболѣе важныхъ городахъ только русскимъ, полякамъ да славянамъ вообще; въ меньшихъ городахъ и въ областяхъ пусть живутъ иныхъ племенъ жители; что же касается нѣмцевъ, то имъ не слѣдуетъ нигдѣ давать мѣста для жи-

¹⁾ Авторъ разуметь здѣсь то законодательство въ духѣ кроткомъ и вмѣстѣ строго законномъ, о которомъ онъ подробно разсуждаетъ въ рѣчи устами царя Алексѣя Михайловича.

²⁾ Но справедливъ ли были бы такія мѣры, да и политичны ли?

тельства въ Крыму, ибо безъ того уже нѣмцы сдѣлались господами приморскихъ городовъ и пристаней¹⁾.

„Другимъ важнымъ препятствіемъ дѣлу можетъ служить то обстоятельство, что перекопскіе татары находятся подъ покровительствомъ Турціи, и мы, задѣвая крымцевъ, должны ожидать, что турки придутъ имъ на помощь. Однако, вопреки этому препятствію, есть другія для самихъ турокъ неблагопріятныя обстоятельства“.

„Вѣдь турки не могутъ придти на Русь сухимъ путемъ иначе, какъ на приднѣпровскую Украину; но тамъ ихъ встрѣтятъ поляки, какъ нѣкогда они встрѣтили Османа подъ Хотиномъ; на восточной же сторонѣ Чернаго моря, еслибы турки пошли тѣмъ путемъ, ихъ враждебно встрѣтили бы горскіе черкесы, а, можетъ быть, также персы. Сверхъ того, турецкіе кони да и люди довольно изнѣжены для того, чтобы сносить русскіе морозы и инныя неудобства сѣвернаго климата²⁾. Да при томъ турки имѣютъ немало своего дѣла съ иными своими не-пріятелями“.

„Преподобный митрополитъ Петръ³⁾ заповѣдалъ давать дань татарамъ; но, по моему разумѣнію, теперь уже прекратилась сила этой заповѣди; теперь къ перекопскимъ татарамъ умѣстно будетъ примѣнить пророчество Исаи: „горе тебѣ, опустошитель, который не былъ опустошаемъ, и грабитель, котораго не грабили! Когда кончишь опустошеніе, будешь опустошенъ и ты; когда прекратишь грабительство, разграбятъ и тебя“ (глава 33, стих. 1—2). То-есть, когда Богу угодно нѣсколько ослабить бичъ разоренія на христіанъ, то настанетъ время, что и перекопскіе татары получатъ свой судъ: Господь откроетъ умныя очи какому нибудь христіанскому государю, одному или нѣсколькимъ вмѣстѣ, дабы они совершили судъ язвы и плѣна,

¹⁾ Авторъ, по всей книгѣ много разъ доказывающій вредъ торговыхъ и служилыхъ нѣмцевъ для Московскаго государства, остается и здѣсь вѣрнымъ самому себѣ. Любопытна его замѣтка по поводу польскаго проекта, кѣмъ-то предложеннаго, о заведеніи нѣмецкихъ колоній въ Приднѣпровской украинѣ: „я не знаю, что хуже этого можно было бы еще придумать; вѣдь извѣстно, что нѣмцы, куда придутъ въ гости, дѣлаются изъ гостей и подданныхъ хозяевами“ (Политика, II, 105).

²⁾ Но Крижаничъ опускаетъ изъ виду, что турки вполне удобно могли сдѣлать высадку своихъ войскъ въ любомъ пунктѣ Черноморскаго и Азовскаго прибрежья и такимъ способомъ поддержать татаръ.

³⁾ Первоначально было написано „Алексѣй“. Выше, въ концѣ III главы, мы уже привели это мѣсто изъ Ю. Крижанича и сдѣлали нѣкоторыя замѣчанія къ нему и сопоставленія.

какой они сами совершаютъ надъ другими народами; это будетъ истинное „знаменіе времени“, когда одинъ государь или двое съ полною, безповоротною рѣшимостью выступятъ въ походъ на тѣхъ разбойниковъ. Что перекопцы уже четыреста пятьдесятъ лѣтъ громятъ всѣ сосѣдніе народы, а сами имѣютъ дома постоянный миръ и покой, не будучи никѣмъ тревожимы, въ этомъ мнѣ видится особый Промыслъ Божій, который изволяетъ сохранить до сей поры дѣлать этотъ свой бичъ; за то, если какой нибудь государь будетъ рѣшительно наступать на татаръ, это будетъ, мнѣ кажется, не собственно человѣческое рѣшеніе, а именно воля Божія, которая непременно приведетъ къ доброму концу, по реченному въ Писаніи: „рука прілежныхъ будетъ господствовать, а лѣнивая будетъ подъ данью“ (Притчи Соломон., 12, 24).

„Много разъ поляки были упрашиваемы отъ папъ и нѣмецкихъ императоровъ, отъ венеціанцевъ и венгровъ, и даже отъ персовъ о; томъ, чтобы они учинили съ тѣми народами союзъ противъ турокъ но поляки никогда, никакимъ способомъ не давали направить себя на этотъ путь, никогда не хотѣли поднимать оружія на турокъ, но всегда держали съ нимъ миръ и добрыя отношенія. Владиславъ Ягайловичъ литвинъ, король польскій и венгерскій, началъ было войну съ турками, но ляхи не хотѣли участвовать съ нимъ въ этой войнѣ, и онъ съ одними венграми пошелъ въ походъ ¹⁾). Позже поляки испытали нашествіе султана Османа, имѣли встрѣчу съ нимъ подъ Хотиномъ, а потомъ нашествія Каракаша-паши; все это вытерпѣли они и терпятъ. Недавно Владиславъ Сигизмундовичъ началъ было приготовленія къ войнѣ съ крымскими татарами, но поляки принудили его оставить это предпріятіе ²⁾). А что всего важнѣе: поляки, безпокойные непрестанными набѣгами татарскими, сами уже давно сдѣлали постановленіе и внесли его въ сеймовую конституцію въ такомъ видѣ: „уничтожить перекопцевъ“ („прекопцевъ знести, или до конца затерть“), и при всемъ томъ никогда не хотѣли приступить къ тому, чтобы эту похвальбу привести въ исполненіе. За то, когда ужъ поляки начнутъ взаправду наступать на турокъ и перекопскихъ та-

¹⁾ И погибъ въ сраженіи подъ Варною въ 1444 году. О немъ же сравня замѣчанія Крижанича въ той же части Политики, на стр. 109 и 239.

²⁾ Этотъ любопытный эпизодъ изъ исторіи царствованія Владислава IV хорошо разказанъ и освѣщенъ въ монографіи *Костомарова*, Богданъ Хитльницкій, томъ I, глава I. Оказывается, что шляхта, изъ боязни усиленія королевской власти, не позволила королю наступательной войны на Крымъ. И вотъ новое важное препятствіе для союза Московскаго государства съ Польскимъ!

тарь, то это будетъ истиннымъ знакомъ того, что наше дѣло пойдетъ съ добрымъ успѣхомъ. Только выраженія-то самыя инѣ кажутся неразумными и даже отчасти грѣховными: „мы хотимъ уничтожить перекопцевъ! Мы опредѣляемъ походъ для полнаго уничтоженія татаръ!“ Ляхи такъ говорятъ неразумно и дерзко; Богъ не дастъ успѣха за такую надменность; лучше было бы на будущее время такъ говорить: мы идемъ на перекопцевъ биться, чтобы отплатить имъ обиды, кои они чинятъ святымъ церквамъ и имепи Иисуса Христа, Бога нашего и Искупителя“ (Тамъ же, стр. 123—133).

Такъ размышлялъ набожный католическій священникъ, славянской патріотъ, и таковъ былъ его проектъ о завоеваніи Крыма! Мы дословно передали почти всѣ размышленія его по этому вопросу, такъ близко къ сердцу принятому имъ; въ нихъ слышится голосъ горячо убѣжденнаго человѣка, увлеченнаго своей мыслью, разсуждающаго порывисто, скачками, иногда остроумно, практично; а иногда непрактично, отвлеченно, но всегда съ живымъ интересомъ къ своему предмету.

Въ заключеніе — нѣсколько словъ о судьбѣ его рукописи. Дошла ли его книга въ Москву, къ государю Алексѣю Михайловичу, о которомъ авторъ пиша постоянно думаетъ, которому онъ посвящаетъ заочно книгу? Или же онъ полагалъ, что ктонибудь въ столицѣ возьмется перевести его книгу на русскій языкъ, изложить ее болѣе стройно, выбрать изъ нея практически годныя для правительства совѣты и въ такомъ удобнѣйшемъ видѣ поднести ее государю? И какова вообще судьба его рукописей? Были ли читатели, и какіе именно читатели его произведеній? Не для себя же и про себя только авторъ излагалъ свои мысли: какъ страстный публицистъ, онъ хотѣлъ дѣлиться ими, искалъ читателей, а во ими важности своихъ идей рассчитывалъ даже на высокое вниманіе самого государя, вѣроятно, полагая, что составленіемъ политической книги онъ несетъ своего рода службу государю.

Къ сожалѣнію, очень мало данныхъ для точнаго отвѣта на эти вопросы. Неизвѣстно, когда, кому и какія именно свои сочиненія Юрій Крижаничъ переслалъ изъ Tobольска въ Москву, и какія самъ лично, быть можетъ, передалъ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ и доброжелателямъ, при обратномъ проѣздѣ чрезъ Москву изъ Сибири. Вѣрно то, что въ послѣдующее время рукописи нашего автора находились въ библіотекахъ ученыхъ дѣятелей книгопечатнаго двора, а именно: у митрополита сарскаго и подонскаго Павла, главы крутицкаго братства ученыхъ справщиковъ и начальника типографіи въ

одно время, отчасти у справщика іерея Никифора Симеонова да отчасти у знаменитаго Сильвестра Медвѣдева; отъ нихъ, по кончинѣ ихъ, рукописи Крижанича вмѣстѣ съ бібліотеками ихъ перешли въ Типографскую и Патріаршую бібліотеки, гдѣ и сохранились до нашего времени. Въ частности относительно „Политики“ Крижанича г. Безсоновъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, не воплиъ, впрочемъ, опредѣлительныхъ и ясныхъ, полагаетъ, что она бывала въ Верху, у государя Алексѣя Михайловича и его преемника, и что даже будто было тогда намѣреніе печатать эту книгу въ дворцовой типографіи ¹⁾. Но, если даже рукопись Крижанича была требована во дворецъ не въ видахъ печатанія ея въ Верхней типографіи (что кажется намъ весьма сомнительнымъ), а просто для нѣ котораго знакомства съ нею государей и приближенныхъ ихъ, которые заинтересовались оригинальною личностью автора, то и это обстоятельство было бы важно: на книгу, стало быть, обращено было высокое вниманіе; не одни справщики книгопечатнаго двора узнали ее.

Одна изъ рукописей Юрія Крижанича была въ бібліотекѣ князя В. В. Голицына, но какаю именно, неизвѣстно ²⁾. Конечно, знаменитый бояринъ могъ интересоваться политическимъ сочиненіемъ ученаго славянина, какъ человѣкъ образованный, не пренебрегавшій католическими сочиненіями, даже сочувствовавшій католикамъ и католичеству; въ частности главнокомандующій въ крымскихъ походахъ 1687 и 1689 годовъ могъ интересоваться крымскимъ проектомъ Крижанича, какъ онъ же интересовался упомянутымъ раньше сочиненіемъ неизвѣстнаго автора, описавшаго турецкій и татарскій походы подъ Астрахань 1569 года ³⁾. Но это есть только голое пред-

¹⁾ *Православное Обзоріе* за 1870 г., т. I, стр. 135—139. Сравни у Соловьева, *Ист. Росс.*, т. XIII, стр. 196, примѣч. 171. Но сравни справедливую возраженія г. Безсонову отъ г. Брикнера: *Русск. Вѣстн.*, 1887 г., июль, стр. 27—33.

²⁾ *Соловьевъ*, *Ист. Росс.*, т. XIV, стр. 94, по 2-му изд.

³⁾ См. примѣчаніе объ источникахъ по исторіи турецко-татарскаго похода подъ Астрахань 1569 года во 2-й главѣ статьи. Вообще князь В. В. Голицынъ много размышлялъ о предполагавшемся крымскомъ походѣ, совѣтовался и съ книгами, и съ людьми: припомнимъ его совѣщанія съ генераломъ русской службы П. Гордономъ и записку послѣдняго на счетъ предполагаемаго похода въ Крымъ, составленную по порученію кн. Голицына въ 1684 году: *Tagebuch des Generals Patrick Gordon, veröffentlicht durch M. C. Posselt*, Bd. II, Ss. 4—11. Ту же записку сравни у *Устрялова*: *Исторія царствованія Петра Великаго*, томъ I, стр. 129—134. (При удобномъ случаѣ мы намѣрены разобрать подробно эту интересную записку Гордона).

положеніе: неизвѣстно, повторяемъ, какая именно „рукопись Юрія сербанина“ была въ числѣ книгъ князя Голицына.

Во всякомъ случаѣ, читателей знаменитой книги Крижанича, существовавшей хотя бы не въ одномъ спискѣ, было въ Москвѣ очень и очень немного. Иначе и быть не могло, по той уже только причинѣ, что книга была написана на половину сербско-хорватскимъ нарѣчіемъ, не сразу понятнымъ даже для начитанныхъ тогдашнихъ людей русскихъ, да на половину — латинскимъ языкомъ. Сильвестръ Медвѣдевъ могъ понимать ее; онъ внимательно читалъ Политику Юрія Крижанича, судя по замѣткамъ его руки на поляхъ рукописи; во много ли въ тогдашней Москвѣ было другихъ знатокоевъ латинскаго языка? И много ли было людей, которые взялись бы списывать и читать большую, ученую, пеструю по языку книгу католическаго священника, хотя бы очень любопытную и важную по содержанию? *Habent sua fata libelli!* Какъ авторъ представляетъ собой личность оригинальную и даже исключительную, такъ и книга его—явленіе исключительное, одиночное: не ко времени она пришлась для Москвы того вѣка; она гораздо ближе и понятнѣе для людей нашего вѣка, чѣмъ для современниковъ Юрія Крижанича. Иное дѣло, еслибы Политика его была переведена на русскій языкъ или еслибы она была упрощена въ хорошемъ, общедоступномъ изложеніи, тогда, конечно, она нашла бы гораздо больше читателей; въ частности главы о Крымѣ, по вопросу, такъ много занимавшему русскихъ людей того времени, были бы общепонятны и общепонятны. Но и тутъ, то-есть, въ отношеніи къ крымскому проекту Крижанича, разные люди стали бы разсуждать различно. Дѣловые люди думные и приказные, прочтя этотъ проектъ, навѣрное сказали бы: „все это ты хорошо говоришь, Юрій, да мы сами все это давно знаемъ; усмирить бусурмановъ слѣдуетъ, да только надобно найти прямой способъ къ этому мудреному дѣлу“. И они были бы правы: все дѣло заключалось въ томъ, чтобы найти прямой способъ къ дѣлу, то-есть, ближайше годныя практичныя средства для рѣшенія вопроса, или, по крайней мѣрѣ, для ускоренія и надлежащаго направленія его къ практическому рѣшенію. Между тѣмъ проектъ Юрія Крижанича есть больше, всетаки, ученое, умозрительное разсужденіе, нежели собственно дѣловая записка, или практичный проектъ въ собственномъ смыслѣ слова.

М. Березиновъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ГРЕКО-БОЛГАРСКОЙ БОРЬБЫ ВЪ X—XI ВВ.

I.

Есть научное изслѣдованіе историческихъ явленій, и есть научное изложеніе ихъ на основаніи уже провѣренныхъ критикою источниковъ. Если первое, какъ основной фундаментъ исторіи, является по преимуществу задачей спеціального ученаго произведенія, то второе будетъ его непосредственнымъ слѣдствіемъ. Эта вытекающая изъ самой природы вещей необходимость особенно понятна въ интересующей теперь насъ исторіи борьбы Самуила Болгарскаго и Василя II Византійскаго. Главнымъ источникомъ, на которомъ основано изложеніе этой исторіи въ трудахъ Гильфердинга ¹⁾, Фг. Раѣскаго ²⁾ и Дринова ³⁾, былъ византійскій историкъ Іоаннъ Скилицій или, что то же, его компиляторъ Кедринъ.

Послѣ сочиненія Дринова, которое было послѣднимъ въ области упомянутой нами исторіи, было открыто много новыхъ и очень цѣнныхъ матеріаловъ, не только пополняющихъ пробѣлы въ изложеніи вопроса, но и значительно его измѣняющихъ. Послѣднее обстоятельство дѣлаетъ необходимымъ новое, болѣе полное и правильное изложеніе хода дѣлъ. Его то мы здѣсь и постараемся представить, упомянувъ вкратцѣ о всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ источникахъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ пробѣловъ въ исторіи Болгаріи X—XI в. навсегда останется отсутствіе собственно болгарскихъ источниковъ. Приходится поневолѣ довольствоваться историками чужими, упоминающими о событіяхъ въ Болгаріи лишь мимоходомъ, между прочимъ.

---

¹⁾ „Исторія сербовъ и болгаръ“ въ первомъ томѣ Собр. соч., 1852 г.

²⁾ „Vorba južnih Slovena za državnu neodvisnost u XI veku“, *Rad. Jug. Ak.*, 24 т., 1873 г.

³⁾ „Южные Славяне и Византия въ X вѣкѣ“, *Чтенія М. О. И. и Др. Росс.*, 1875 г.

На первомъ мѣстѣ, по полнотѣ свѣдѣній о греко-болгарскихъ войнахъ X—XI в., надо поставить исторію *Іоанна Θρακισίαια*, по прозванію Скилиція (Ἰωάννης Σκολίτου). Бывшій, какъ извѣстно, сановникомъ императора Алексѣя Комнина (1081—1118), онъ для X и первой половины XI в. своей „Ἐπιτομὴ ἱστορίων“ (811—1057) долженъ былъ пользоваться какимъ-либо письменнымъ источникомъ. Таковымъ какъ для него, такъ затѣмъ черезъ него и для другихъ византійскихъ компиляторовъ описываемаго времени служила, можетъ быть, не отысканная еще пока хроника Θεοδώρα Σεβαστιάικαго ¹⁾.

Пользованіе сочиненіемъ Скилиція, вышедшимъ пока только въ латинскомъ переводѣ Габія (1570), дѣлается излишнимъ вслѣдствіе существованія такой точной и полной компиляціи его, какъ „Σύνοψις ἱστορίας“ *Георіи Кедрина* (Γεωργίου τοῦ Κεδρηνοῦ). Матеріалъ для занимающаго насъ вопроса находится въ II-мъ томѣ (стр. 416—460). Оставаясь благодарными Скилицію-Кедрину за сравнительную съ другими историками полноту извѣстій, мы однако укажемъ въ своемъ изложеніи нѣсколько его ошибокъ, главнымъ образомъ въ хронологіи, поведшихъ къ не малой путаницѣ въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

Вторичною компиляціей является также хроника *Іоанна Зонары* (Ἰωάννου τοῦ Ζωναρά χρονικόν), раздѣленная въ новомъ изданіи на двѣ части: 1) исторія древнихъ народовъ востока, грековъ, римлянъ, до установленія у нихъ единой монархической власти, и 2) продолженіе римской и потомъ византійской исторіи до смерти Алексѣя Комнина, то-есть, до своего времени. Исторія Василия II и Самуила изложена въ II-й части (въ изданіи Basileae, 1557, которое было у меня подъ руками, въ III ч., 172—180 страницы). Вопросъ объ источникахъ Зонары рѣшенъ; часть ихъ онъ указываетъ самъ, а другая часть опредѣлена сравнительнымъ изученіемъ его. Для исторіи Василия II, кромѣ Скилиція, которымъ онъ, какъ видно изъ сравненія, сдѣланнаго *Hirsch* емъ въ его „Byzantinische Studien“ (Leipzig. 1871, стр. 377 — 396), пользовался очень широко, онъ имѣлъ предъ собою трудъ замѣчательнаго человѣка своего времени *Μιχαήλ Ψελλος*. Τόμος πρῶτος его „Βυζαντινῆς ἱστορίας ἐκαιουταετηρίς 976—1077“ посвященъ краткой характеристикѣ царствованія Василия II (976—1025). (По изданію Саеы, Parisiis. 1874, стр. 3—23). Жаль только, что, сообщая хотя и съ чужихъ словъ, по весьма цѣн-

¹⁾ См. *Васильевскаго* „Русско-Византійскіе отрывки“, II (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1876 г., мартъ, стр. 127).

ныя и интересныя свѣдѣнія о Василіѣ, этотъ ученѣйшій византіецъ ни словомъ не обмолвился о болгаряхъ.

Дорожа для такого запутаннаго вопроса, какъ ходъ болгарскаго возстанія при Самуилѣ, всякимъ случайно брошеннымъ словомъ, намекомъ, мы укажемъ также на слѣдующихъ византійскихъ историковъ: прежде всего на непосредственнаго предшественника Михаила Пселла — Льва Діакона (*Δέοντος διακόνου ιστορία ἀρχομένη ἀπὸ τῆς τελευτῆς τοῦ αὐτοκράτορος Κωνσταντίνου μέχρι τῆς τελευτῆς Ἰωάννου τοῦ αὐτοκράτορος τοῦ ἐπιλεγομένου Τζιμισχῆ*, ed. Bonn. 1828).

Какъ очевидецъ описываемыхъ событій¹⁾ и какъ безпристрастный лѣтописецъ, признающій истину основою исторіи („τῇ ιστορίᾳ προσήκει ἀλήθεια“, стр. 5 и др.), онъ имѣетъ для насъ важное значеніе первоисточника. Его извѣстія о кометѣ 975 г. (X кн., гл. 6), о битвѣ болгаръ съ греками при Срѣдцѣ (Софія) въ 986 г. (X кн., гл. 8), о кометѣ 989 г., предзнаменовавшей взятіе Корсуна русскими и Верріи болгарями (X кн., гл. 10), весьма важны для нашего вопроса.

Случайно мы находимъ одинъ фактъ въ *Historia Michaelis Attaliothae* (XI в.). Среди вучи похвалъ Никифору Вотаниату, онъ упоминаетъ помощь, оказанную дѣдомъ этого Никифора Василю II въ битвѣ при Бѣласицѣ (см. ed. Bonn. 1853, стр. 229—230).

Кромѣ этихъ источниковъ, бывшихъ извѣстными уже Гильфердингу, В. Г. Васильевскій указалъ еще на двухъ византійцевъ, важныхъ для времени X—XI вв. Это, во первыхъ, написанныя на разные случаи стихотворенія Іоанна Геометра²⁾. Изображая намъ въ живыхъ и наглядныхъ образахъ всѣ бѣдствія смутной поры царствованія Василя II, онъ даетъ не мало историческихъ указаній, напримѣръ, въ стихотвореніяхъ „на Комитонула“, „на пораженіе римлянъ въ болгарской тѣснинѣ“, „на болгаръ“ и въ нѣкоторыхъ другихъ. Въ вторыхъ, нѣсколько цѣнныхъ фактовъ находимъ въ „Совѣтахъ и разказахъ византійскаго боярина XI вѣка“ (С.-Пб. 1881). Эти факты, вполне достовѣрные, приведены византійскимъ бояриномъ, — котораго мы, по примѣру В. Г. Васильевскаго, будемъ называть Кекамменомъ, — въ видѣ поучительныхъ и объяснительныхъ примѣровъ въ его „военномъ руководствѣ“ дѣтямъ. Просто, безъ присущей почти всѣмъ византійцамъ того времени риторики, рассказы-

1) Онъ самъ говоритъ (см. стр. 5): τὰ δὲ τούτων (въ этомъ сочиненіи) ἔχόμενα καὶ ὅσα ὀφθαλμοῖς καὶ αὐτὸς τεθεάμαι (εἴπερ ὀφθαλμοὶ ὧτων πιστότεροι καθ' Ἠρόδοτον), τὰ δὲ καὶ πρὸς τῶν ἰδόντων ἠκρίβωσα, ταῦτα καὶ δώσω γραφῆ.

2) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1876, мартъ, стр. 170.

васть онъ здѣсь о нѣсколькихъ столкновеніяхъ Самуила и Василя II или его полководцевъ (см. §§ 49, 169, 170 и др.).

Житія святыхъ и разныя похвальные слова, отъ которыхъ можно еще многого ожидать впереди, также даютъ намъ нѣсколько цѣнныхъ, отъ современниковъ идущихъ историческихъ указаній. Такъ, въ житіи св. Никона Метаноита¹⁾, дѣйствовавшаго въ концѣ X вѣка († 998) въ Лакедемонѣ, окрестностяхъ древней Спарты и средневѣковыхъ славянскихъ поселеній, есть упоминаніе о походѣ Самуила на Пелопоннесъ (стр. 867, гл. 49) и еще не цитированное ни однимъ историкомъ свидѣтельство о побѣдѣ Василя II надъ Самуиломъ въ 1009 году (стр. 867, гл. 51). Есть одно любопытное мѣсто о пораженіи Василя II при Срдѣцѣ 986 г. въ „Похвалѣ св. Фотію Фессалійскому“ (№ 17 сборника № 160 Московской синодальной библиотеки, ст. В. Г. Васильевского, стр. 38) и нѣсколько историческихъ крупицъ, относящихся къ 986 и 991 гг., въ „Похвальномъ словѣ св. Еввенію“, изд. арх. Арсеніемъ въ Москвѣ 1889 г.

Не смотря на 11 указанныхъ мною *византійскихъ* источниковъ, свѣдѣнія, изъ нихъ извлекаемыя для нашего вопроса, очень скудны. Цѣннымъ восполненіемъ ихъ и часто исправленіемъ служатъ историки *армянскіе* и *арабскіе*, совершенно независимые отъ византійскихъ хронографовъ—компиляторовъ XI—XII вѣка.

Первое мѣсто среди важныхъ для насъ армянскихъ историковъ занимаетъ *Степ'аносъ Таронскій* (928 — $\frac{1044}{1045}$ г.), по прозванію Асохикъ. Свой трудъ „Всеобщая исторія“ (пер. Н. Эминимъ. Москва. 1864 г.), предпринятый по порученію патріарха (съ 992 г.) Саргиса (см. введене, VII), онъ довелъ, начиная, вѣроятно, съ сотворенія міра (первый листъ утерянъ; сохранившійся текстъ начинается съ 75 г. — Авраама), до 1004 года. Правдиво и отчетливо разказалъ онъ по годамъ судьбу Арменіи, по пути бросилъ нѣсколько словъ и о другихъ странахъ, между прочимъ, и о болгарскихъ дѣлахъ. Будучи далекъ отъ нихъ по мѣсту, онъ, конечно, не могъ говорить о нихъ такъ ясно и отчетливо, какъ объ Арменіи. Въ главахъ 22, 23, 27, 33, 34 III-й книги онъ намъ разказываетъ о возстаніи болгаръ послѣ взятія въ плѣнъ ихъ царя Курта (?), о походѣ Василя II на Срдѣецъ въ 986 г., о 2-мъ его походѣ 991 г. и о взятіи г. Верреи, возбуждающемъ нѣкоторыя сомнѣнія, и въ общихъ словахъ о послѣдующихъ его пребыва-

¹⁾ Vita sancti Nikouisi Metanoitae monachi издана лишь въ латинскомъ переводѣ Jacobi Sirmondi въ „Amplissima Collectio“... Martène et Durand, VI т.

ніяхъ въ землѣ Болгарской. Съ Степаносомъ Таронскимъ весьма сходенъ въ характерѣ писанія его землякъ *Маттеи Эдесскій* (*Chronique de Matthieu d'Edesse* [962—1136] par *M. E. Dulaurier*. Paris. 1858). Будучи живымъ еще въ 1144 г., при взятіи Эдессы Эмад-еддиномъ Цангя, отцомъ знаменитаго Нуръ-Эддина, онъ, конечно, не могъ быть современникомъ событій царствования византийскаго императора Василія II и, вѣроятно, имѣлъ для исторіи этого времени какіе-либо армянскіе источники (préface, XVII), безъ сомнѣнія, пользовался и Асохиномъ. Путаницы въ хронологіи и собственныхъ именахъ у него еще больше, чѣмъ у Асохива; напримѣръ, второй походъ Василія отнесенъ къ 988 г., тогда какъ мы навѣрно знаемъ, что онъ относился къ 991 г.; Самуилъ, царь болгарскій, названъ Алузіаномъ и т. д. (стр. 26 — 43). Гораздо важнѣе исторіи арабскіе.

Ал-Макинъ (*Historia saracenicæ arabice olim exorata a Georgio El-Macino et latine reddita studio Thomae Erpenii*, 1625), на котораго впервые обратилъ серьезное вниманіе В. Г. Васильевскій въ нѣсколько разъ цитированной мною статьѣ¹⁾, является теперь для насъ совершенно бесполезнымъ, ибо мы имѣемъ въ рукахъ оригиналъ, съ котораго Ал-Макинъ, иногда почти дословно, компилировалъ, — именно лѣтопись Яхъи Антиохійскаго²⁾. Изъ этой лѣтописи барономъ Розеномъ было издано и снабжено комментариемъ значительное извлеченіе, подъ заглавіемъ „Императоръ Василій Болгаробойца“ (С.-Пб. 1883).

По нѣкоторымъ соображеніямъ (см. введеніе, 55), бар. Розенъ отпоситъ годъ рожденія Яхъи, происходившаго изъ одного рода съ патриархомъ Евтихіемъ, къ концу 70-хъ годовъ X вѣка. Начало писанія исторіи, служившей продолженіемъ къ „Няти драгоцѣнныхъ камней“ Евтихія, положено было Яхъей въ Египтѣ. Переселившись около 1014 — 1015 г. въ Антиохію, Яхъя, по собственному признанію, нашелъ здѣсь новые источники и передѣлалъ свое сочиненіе. Кромѣ передѣлки сочиненія, имъ производились постоянныя дополненія; конецъ этихъ дополненій, вѣроятно, совпадаетъ съ концемъ его жизни (1066 г.).

Свѣдѣнія, даваемыя Яхъей о греко-болгарской распрѣ Самуила

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1876 г., мартъ.

²⁾ Сличеніе нѣкоторыхъ мѣстъ Ал-Макина и Яхъи будетъ сдѣлано ниже, въ изложеніи греко-болгарской борьбы.

и Василя (см. стр. 20, 21, 27, 28, 30, 32 — 34, 42, 58, 59), при всей своей сжатости, отличаются большими достоинствами.

Не говоря уже о безпристрастии Лхты, вовсе не заинтересованного въ болгарскихъ дѣлахъ, мы должны отмѣтить достовѣрность всѣхъ сообщаемыхъ имъ извѣстій, происходящую отъ обилія (о которомъ онъ самъ упоминаетъ) и хорошаго качества его источниковъ. Сравнивая его съ другими, ставшими извѣстными послѣ Редрина, историками, мы должны присудить ему пальму первенства за строгую послѣдовательность, ясность и особенную важность его извѣстій: не давая детальнаго описанія событій, онъ, благодаря своему ясному представленію объ истинномъ ходѣ дѣлъ, мѣтко характеризуетъ и ярко освѣщаетъ цѣлое историческое движеніе.

Пользуясь всѣми упомянутыми источниками, дополняя одного другимъ и объясняя неясное въ разказѣ одного параллельными мѣстами изъ другаго историка, мы теперь приступимъ къ возможно полному изложенію хода греко-болгарскихъ столкновеній при царяхъ Самуилѣ и Василя II.

II.

11-го января ¹⁾ 976 года умеръ византійскій императоръ Іоаннъ Цамисхій, „мужъ — по словамъ лѣтописца — не высокій ростомъ, но отличавшійся геройскою силою, испытанный и непобѣдимый въ битвахъ, неустрашимый и отважный въ опасностяхъ“ ²⁾. Ему наследовали два сына Романа — Василій и Константинъ. Первый, будучи на три года старше втораго ³⁾ и отличаясь бѣльшей энергіей ⁴⁾, de facto завладѣлъ всѣми дѣлами государства ⁵⁾. Эти дѣла находились въ то время въ очень дурномъ положеніи. Не говоря о постоянныхъ возстаніяхъ на востокѣ, Василю при самомъ вступленіи на престолъ пришлось бороться съ внутренними волненіями, подня-

¹⁾ Дата *Лхты*, 1.

²⁾ *Leo Diaconus* X кн. 11 гл. „ἄνθρωπος βραχὺς μὲν τὴν ἡλικίαν τοῦ σώματος, ἠρωτικὴν δὲ τινα περιφέρων ἰσχὺν, γενναῖός τε γιγνώσκων ἐν πολεμικοῖς καὶ ἀκαταγώνιστος καὶ πρὸς τοὺς κινδύνους εὐφυχὸς καὶ μεγαλότολμος“.

³⁾ *Cedren*, I. с. 416 „ἔτεσι δὲ τρισὶ τούτου (Βασιλείου) νεώτερος ἦν ὁ Κωνσταντῖνος“. *Zonaras*, p. 172: 20, 17 л.; по *Лхтѣ* Василю не 20, а только 18 л.

⁴⁾ *Μιχαὴλ Ψελλος* I. с. τ. π. р. 4 „Βασιλεῖος ἐγρηγορώς ἀεὶ καὶ σύνουος εἰδείκνυτο, ὁ δὲ γε Κωνσταντῖνος ἀνεμῆνος τοῖς πᾶσιν ὄπτο“.

⁵⁾ Вотъ почему, можетъ быть, армянскій историкъ Матвѣй Эдесскій называетъ урешнякомъ Цамисхія одного Василя. См. гл. 18, стр. 26.

тими энергичнымъ и сильнымъ своимъ богатствомъ и вліаніемъ Вардою Склиромъ (Σκληρός) ¹⁾. А тутъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, поднялись и болгары. Возстаніе у нихъ готовилось, очевидно, еще при императорѣ Цимисхіѣ, иначе оно бы не вспыхнуло такъ скоро послѣ его смерти. Во главѣ недовольныхъ стояли 4 брата Комитопуда ²⁾, то-есть, сыновья Комита—Давидъ, Моисей, Ааронъ и Самуилъ ³⁾.

Изъ нихъ къ началу греко-болгарскихъ войнъ участвовали только послѣдній ⁴⁾. Давида убили какіе-то вlahи между Касторіей и Пресной, Моисей былъ зашибленъ свалившимся со стѣнъ камнемъ при осадѣ Сереса ⁵⁾, а Аарона, чтобы онъ не мѣшалъ, умертвилъ самъ Самуилъ ⁶⁾, ссылаясь, можетъ быть, изъ приличія на его греческія симпатіи ⁷⁾ и измѣну болгарскому народу.

Покончивъ съ дѣйствительными или только кажущимися помѣхами, Самуилъ становится во главѣ всей Болгаріи ⁸⁾. Человѣкъ весьма дѣя-

¹⁾ *Наяъ*, 2; *М. Иселъ*, 6,7; *Асожикъ*, кн. III, гл. 18 и друг.

²⁾ У армянскихъ историковъ названы Комсадагами. *Асожикъ* путаетъ ихъ имена, называя старшаго Самуиломъ и т. д. Исторію ихъ возстанія, едва ли вѣрно, онъ разказываетъ такимъ образомъ: Комсадаги были въ войскѣ Василія противъ болг. царя Курта (какъ видно изъ послѣдующихъ мѣстъ того же автора, это, вѣроятно, Романъ, сынъ Петра Симеоновича), но потомъ отложились къ послѣднему и, какъ мужи храбрые, достигли высшихъ почестей. Послѣ того, продолжаетъ историкъ, греческій царь взялъ на войнѣ болгарскаго царя Курта, а Комсадаги, завладевъ всею Болгарскою страной, возстали жестокою войною противъ греческаго императора (кн. III, гл. 22). Здѣсь очевидная ошибка, ибо Комитопуды подняли возстаніе раньше, чѣмъ могъ что-либо предпринять бывший въ Константинопольскомъ плѣну Романъ Петровичъ. См. *Cedren.*, стр. 347. По смерти Петра, сыновья его были посланы въ Болгарію для усмиренія поднявшагося тамъ мятежа: „*Δαβὶδ γὰρ καὶ Μωυσεῖς καὶ Ἀαρὼν καὶ Σαμουὴλ, ἐνὸς ὄντες παῖδες τῶν μὲγα θυηθέντων ἐν Βουλγαρίᾳ κομήτων, πρὸς ἀποστασίῳ ἀπειθῶν καὶ τὰ Βουλγαρῶν ἀνέσειον*“. Скорѣе, следовательно, могли царевичи перейти на ихъ сторону, чѣмъ наоборотъ.

³⁾ *Cedren.*, 434; *Zonaras*, 175 и проч.

⁴⁾ По крайней мѣрѣ, о другихъ мы нигдѣ въ памятникахъ потомъ не встречаемъ упоминанія. Потому то мы и можемъ повѣрить послѣдующему разказу Кедрина.

⁵⁾ *Cedrenus*, 435.

⁶⁾ *Ibid.* Гильбердингъ (въ I т., 199 стр.) приводитъ грамоту одного изъ родичей Симеона, Пинчія, гдѣ также говорится о жестокости Самуила по отношенію къ отцу, котораго онъ ослѣпилъ, и къ изгнаннымъ братьямъ и сродникамъ.

⁷⁾ *Cedr.*, 435 τὸν Ἀαρὼν δὲ τὰ Ῥωμαίων, ὡς λέγεται, φρονοῦντα...

⁸⁾ *Ibid.* καὶ ἵσταται μόναρχος Βουλγαρίας ἀπάσης ὁ Σαμουήλ...

тельный ¹⁾, онъ, конечно, не дремлетъ и готовитъ поголовное возстаніе Болгаріи противъ тяготящаго надъ ней византийскаго ига. Наступившія со смертью Цимискія смуты благопріятствуютъ ему. Два законныхъ болгарскихъ царевича, Борисъ и Романъ (сыновья Петра Симеоновича), бывшіе въ заключеніи во дворцѣ Іоанна Цимискія ²⁾, хитростью убѣгають въ Болгарію (976 г.) ³⁾. „И когда они очутились—говоритъ Яхья (стр. 20)—на перевалѣ, ведущемъ въ Болгарію, обѣ лошади, на которыхъ они сидѣли, остановились. И слѣзали они съ нихъ и скрылись въ горахъ, боясь быть догнанными и пошли пѣшкомъ. И опередилъ старшій изъ нихъ на пути младшаго своего брата. И былъ онъ переодѣтымъ, и замѣтила его толпа болгаръ, которая охраняла ту гору отъ разбойниковъ. И выстрѣлилъ одинъ изъ нихъ въ него, не узнавъ его, и убилъ. И пришелъ по слѣдамъ его младшій братъ и объявилъ имъ, кто онъ. И увели они его и потомъ слѣдали своимъ ца-

¹⁾ ...οὗτος (Самуилъ) κολεμικός ἀνθρώπος ὢν καὶ μηδέποτε εἰδὸς ἡραμίαν.

²⁾ Это ихъ второе заключеніе. Въ первый разъ, около 963 г., они были отданы въ Константинополь, въ качествѣ заложниковъ отцомъ своимъ Петромъ. *Cedr.* 346. Πέτρος δὲ ὁ τῶν Βουλγάρων βασιλεὺς τὴν εἰρήνην τάχα ἀναγεοόμενος ἀποθανούσης τῆς αὐτοῦ γυναικὸς σπονής πρὸς τοὺς βασιλεῖς ἔδωτο, ἡμέρους δούς καὶ τοὺς οἰκίους δύο υἱοὺς Βορίσην καὶ Ῥωμανόν καὶ μετὰ μικρὸν ἀπέβη. Тутъ началось возстаніе Комитопуловъ. Царевича были посланы въ Болгарію усмирять его (см. наше прим. 2-е на стр. 126). Въ 968 г. (годъ смерти Петра Симеоновича) царевичи снова были взяты въ плѣнъ; см. *Яхья* (прим. бар. Розена, стр. 177): „Болгары воспользовались случаемъ, когда царь Никифоръ былъ занятъ воеваніемъ земель мусульманскихъ (сирійскій походъ 966 г.), и опустошали окранны его владѣній и производили набѣги на сопредѣльныя имъ его страны. И пошелъ онъ на нихъ и поразилъ ихъ и заключилъ миръ съ русами—а были они въ войнѣ съ нимъ—и условился съ ними воевать болгаръ и напасть на нихъ. И возгорѣлась вражда между ними и занялись они войной другъ съ другомъ. И одержали русы верхъ надъ болгарами и напали врасплохъ на городъ ихъ, именовъ Т. г. с. ра. (можетъ быть, Δορύστολον)—столица ихъ государства—и взяли двухъ сыновей Самуила (смѣшеніе съ Петромъ Симеоновичемъ), царя болгаръ, которые тамъ находились“. Это свидѣтельство подтверждаетъ наше предположеніе о ходѣ болгарскаго возстанія.

³⁾ Что этотъ побѣгъ царевичей (такъ правдиво изложенный у Яхьи и потому приведенный нами дословно, затѣмъ у *Cedr.* 435, *Zon.* 175 и др.) относится къ 976 г., а не къ 985 г., какъ предполагаетъ баронъ Розенъ (см. стр. 404), видно изъ слѣдующихъ соображеній. Въ плѣнъ были взяты царевичи не позже 968 г. (см. предыдущее примѣчаніе); пробыли въ немъ около 8 лѣтъ, какъ видно изъ словъ достовѣрнаго Ал-Мекина, который говоритъ, что „царевичи бѣжали въ восьмой годъ своего плѣна“ („Русск.-Виз. отрывки“ *Васильевскаго*, II, 138 стр.); слѣдовательно, возвратились около 976 г.

ремъ¹⁾. Самуилъ, выказавшій свое властолюбіе убійствомъ конкурировавшихъ съ нимъ родственниковъ, очевидно, имѣлъ и болѣе благородныя побужденія. Только существованіемъ у него строго опредѣленныхъ стремленій къ освобожденію своего роднаго народа отъ власти Византіи можно объяснить его покорность воротившемуся царевичу. „И былъ у него (Романа) рабъ, извѣстный подъ именемъ Комитопула, и дѣйствовалъ тотъ за одно съ нимъ, и собрались къ нему болгары и воевали страны грековъ“ (ibid).

„Вверху комета²⁾, говоритъ, играя словами, Іоаннъ Геометръ (Русско-виз. отр. II, 170), жгла зѣнрь, внизу комитъ (Самуилъ) опустошаетъ западъ“. Долго, должно быть, эти опустошенія происходили, потому что греки были отвлечены рядомъ другихъ войнъ: въ южной Италиі — съ сицилійскими арабами, въ Апуліи и Калабріи — съ Оттономъ II, дома — съ Вардою Склиромъ и пр. До сихъ поръ еще мы не можемъ за недостаткомъ источниковъ, точно по годамъ и мѣстностямъ изобразить успѣхъ болгарскаго оружія. Вновь открытые памятники въ этомъ вопросѣ лишь подтверждаютъ, но не пополняютъ существенно извѣстія Скилиція-Кедрина.

Послѣдній же говоритъ слѣдующее: „въ то время, какъ ромейскія военныя силы были заняты борьбою противъ Скліра³⁾, Самуилъ, уловивъ удобный случай, разорялъ весь западъ, не только Фракію, Македонію и окрестности Солуны, но и Тессалію, Элладу, самыя Пелопоннесъ. Онъ взялъ много укрѣпленныхъ городовъ, въ числѣ коихъ

¹⁾ Разказъ Кедрина о бѣгствѣ Бориса и Романа и смерти Бориса, сходный съ разказомъ Яхъи, резко расходится съ нимъ относительно дальнѣйшей судьбы Романа. По Кедрину и его единомышленнику Зонарѣ, Романъ не игралъ никакой активной роли и былъ въ подчиненіи у Самуила, давшаго ему воеводство въ Скопцѣ. По Яхъѣ, пользовавшемуся лучшими источниками, чѣмъ Скилицій—Кедринъ, Романъ былъ царемъ, а Самуилъ—послушнымъ его полководцемъ. Ниже мы увидимъ, что Романъ даже участвовалъ въ битвахъ.

²⁾ Это комета 975 г. *Ассизи*, кн. III, гл. 10: „въ началѣ лѣта 974 г. показала звезда кольеобразная: она стояла на востокѣ и лучи своего свѣта въ видѣ копья простирала на западъ на Греческую землю. Она продолжала быть видимою до наступленія осени (то-есть, до 975 г.)“. Я приведу еще свидѣтельство Льва Діакона, X кн. VI гл., ярко характеризующее тогдашнее *бѣдствіе* Византійской имперіи: „ή τοῦ κομήτου παραθήλου ἐπιτολή... ἀποστασίας χαλεπᾶς, ἐθνῶν τε ἐπιδρομᾶς καὶ ἐμφυλίου στάσεως καὶ μεταναστάσεως πόλεων καὶ χωρῶν, λιμῶν καὶ λοιμῶν καὶ φρικῶδεις σεισμῶν καὶ πανολεθρίαν συχθὸν τῆς Ῥωμαϊκῆς ἐπικρατείας ἧκεν ἡμεῖς ἐκ τῆς τῶν πραγμάτων ἐκβάσεως εἶδομεν. Очевидны тутъ намеки на болгарскія завоеванія.

³⁾ Это было, какъ извѣстно, около 980 года.

главнымъ была Ларисса. Жителей ея цѣлыми родами и полнымъ домомъ онъ переселилъ во внутреннюю Болгарію и, зачисливъ ихъ въ свои воинскіе списки, пользовался ихъ содѣйствіемъ противъ грековъ ¹⁾).

О нападеніяхъ болгаръ на Фессалію мы узнаемъ еще изъ похвалы св. Фотію Фессалійскому ²⁾): „король мисовъ (болгарь) возсталъ противъ ромейской власти. Вся Фессалія и земля Долопская подверглись его набѣгамъ, онъ причинилъ много заботъ царю авзоновъ. Нельзя было вывозить доходовъ ко двору и не возможно было безъ большой опасности пуститься туда въ путь кому-либо изъ его племени; всѣ попадались въ плѣвъ и были либо безъ милосердія посѣкаемы мечемъ, либо отводимы въ рабство, согласно съ обычаями войны, отрицающей единоплеменность и восстанавливающей родственныи народъ противъ родственнаго“. Свидѣтельство о нашествіи Самуила на Пелопоннесъ и о завоеваніяхъ въ Элладѣ находимъ въ „Vita Sancti Niconis Metapoitae“ (стр. 867). „Не долго послѣ этого (984 г.) Василій, по прозванію Апокавкъ, недавно сдѣланныи преторомъ (Еллады), находился въ Коринѣ и охранялъ этотъ пунктъ противъ вторженія Болгаръ. Его сильно тревожила не только тяжелая и трудная болѣзнь, которой онъ былъ одержимъ, но еще гораздо больше сильная боязнь болгарскаго нашествія, такъ какъ прошла молва, что этотъ народъ *постепенно* (grassatim) изъ Эпира направляетъ войска на Элладу и Пелопоннесъ“ ³⁾). Уже отсюда видно, что завоеванія болгаръ, описываемыя у Кедріна, совершились не въ одинъ годъ. Это же доказываетъ и сравнительно недавно изданными В. Г. Васильевскимъ „разказами и совѣтами византійскаго боярина XI вѣка“. Въ §§ 169 и 170 разказывается о двухъ попыткахъ Самуила („тиранна болгарскаго“, § 169) взять Лариссу.

Первыи попытки при энергичномъ намѣстникѣ Лариссы, окончилась неудачей ⁴⁾, за то вторая осада ея воицнѣ удалась какъ благодаря неспособности новаго намѣстника, такъ и невыносимому на-

¹⁾ *Cedr.*, 435—436.

²⁾ *Васильевскій*, „Одинъ изъ греч. сборн. Моск. синод. библ.“, стр. 88.

³⁾ Эта цитата привод. по-латыни у *Гильбердина* и *В. Г. Васильевска* (Разказы виз. боярина, 82 стр.) съ некоторыми опечатками: вмѣсто *celerime* contenderet — *celeberrime*, вм. *incursionis* — *invasionis*; ср. *Martène et Durand. An. plissima Collectio*, 867 стр., гл. 49.

⁴⁾ § 169: „Когда покойный дѣдъ мой Кекавменъ былъ въ Лариссѣ, имѣя власть надъ всей Элладой, тираннъ болгарскій Самуилъ много разъ пытался то ойной, то хитростью овладѣть Лариссой и не могъ этого достигнуть, но всякій взръ былъ отряженъ и посрамленъ“.

ставшему въ городѣ голоду. „Самуилъ взялъ Лариссу безъ пролитія крови, обративъ въ рабство всѣхъ лариссійцевъ, за исключеніемъ одного рода Никулицы“ (§ 170). Этотъ фактъ долженъ быть относимъ къ 986 г., ибо отъ первой попытки Самуила завладѣть городомъ, бывшей въ 980 году, до окончательнаго его покоренія прошло два трелѣтія (см. § 170 „Разказовъ“ и примѣчаніе В. Г. Васильевскаго къ § 169). Завоеванію Лариссы *предшествовало*, какъ мы выше указали, взятіе Самуиломъ многихъ другихъ, оставшихся намъ не извѣстными по имени городовъ. Къ нимъ можно, пожалуй, отнести и упоминаемый у Ал-Мекина замокъ Телнасу (=Нишъ. См. Русско-виз. отрывки, II, 142 стр.).

Но, повѣривъ Ал-Мекину, что дѣйствительно болгары въ 985 г. (по его счету 375) взяли Нишъ, мы однако отрицаемъ правдоподобность сообщаемого имъ ниже возвращенія этого города обратно въ руки византійцевъ въ томъ же самомъ году. Основаніемъ нашему недоувѣрью служатъ прежде всего два анахронизма. Ал-Мекинъ упоминаетъ тутъ о возмущеніи Бринки и полководцевъ Льва Мелиссана. Первый, вѣроятно, „Γωσῆφ ὁ Βρίγγας ἢ ἀπὸνομία“ Скилиція-Кедрина (II, 351); но тогда онъ не могъ никакого участія принимать въ походахъ Василія II, ибо, возмущаясь въ продолженіе всего царствованія императора Никифора, онъ былъ сосланъ въ Пафлагонію, переведенъ затѣмъ въ Пиеійскій монастырь и здѣсь вскорѣ умеръ. Левъ Мелиссинъ также является, по большинству источниковъ, дѣятелемъ другаго времени. Затѣмъ, не мало смущаетъ насъ отсутствіе упоминанія о борьбѣ подъ городомъ Нишемъ у Яхъи, источника Ал-Мекина.

Намъ теперь нужно перейти къ вопросу: какъ же относился къ этимъ успѣхамъ болгаръ византійскій императоръ Василій? Занятіе ими Лариссы (986 г.) и продолжительныя набѣги на византійскія владѣнія не могли не вывести его изъ терпѣнія. И вотъ онъ, по словамъ армянскаго историка Матвія Едесскаго (перевожу съ франц. изд. DuLaugier, стр. 34, гл. 27 и 28), „вознамѣрился покорить болгаръ своей власти. Онъ послалъ къ Алузіану ¹⁾, своему васалу, и всѣмъ вождямъ, зависѣвшимъ отъ послѣдняго, приказаніе придти поклониться предъ его (Василія) трономъ. Но они отказались. Василій собралъ войска со всего государства и въ гнѣвѣ выступилъ противъ болгаръ, все въ ихъ странѣ опустошая и полоня.

¹⁾ Обыкновенное у армянскихъ историковъ смѣшеніе Самуила съ позднѣйшими болгарскими вождями.

Алузіанъ съ своей стороны также собралъ войско и пошелъ на встрѣчу Василію. Произошла большая битва. Царь болгарскій одержалъ верхъ, обратилъ въ бѣгство Василія и преслѣдовалъ его до Константинополя. Болгары захватили у грековъ огромную добычу и множество плѣнныхъ¹⁾.

Ниже мы приведемъ подробное описаніе этой битвы у Льва Діакона, теперь же укажемъ на случайное ея отраженіе въ „Житіи Фотія Фессалійскаго“ (стр. 38): „Царь Василій II, считая по справедливости такое положеніе (раньше говорилось о вредѣ, причиняемомъ болгарами Византіи) невыносимымъ, собралъ тѣмъ всадниковъ, тѣмъ пѣшихъ воиновъ и началъ сильную и смѣлую борьбу, окруженный избраннымъ отрядомъ. Произошла жестокая битва; царь, вышедшій противъ болгаръ *со всеми силами*, не устоялъ противъ варварскаго строя, и это *повторялось многу разъ*. Когда онъ пришелъ въ совершенное замѣшательство и не способенъ былъ противостоятъ врагамъ, онъ сталъ искать другой помощи—молитвы святыхъ. Итакъ, онъ прибылъ въ Фессалонику“.

Мѣсто этой битвы, о которой разказывается почти всѣми ближайшими къ событіямъ современниками (такъ она была значительна!), Асохикъ опредѣляетъ „срединой царства“; очевидно, это былъ Срѣдецъ (=Софія), являющійся у Яхъи подъ именемъ Абаріи²⁾. „И отправился противъ болгаръ царь съ большимъ войскомъ и подошелъ къ нхъ городу, именуемому Абаріей, и осадилъ его. И пошелъ слухъ по его войскамъ ночью, что перевалъ имъ отрѣзанъ, и обратился тогда въ бѣгство царь и все его войско *во вторникъ 17-го августа 986 года*. И преслѣдовали его болгары и разграбили его обозъ и казну, и погибло многое множество его войска“ (20). Уже никакого мѣста сомнѣніямъ относительно этой битвы не оставляетъ описаніе очевидца ея Льва Діакона въ 8 гл. X книги его „Исторіи“: „Послѣ того какъ была совершенно разсѣяна разбойническая шайка мятежниковъ Варды Склира, царь Василій направилъ свои силы противъ мислѣнъ, ибо нхъ своеволие и звѣрство, дышащее убійствомъ, вредило римскому могучеству: безошадно опустошали они македонскія области, уничтожая все на своемъ пути. Итакъ, скорѣе подъ вліяніемъ пламеннаго гнѣва, чѣмъ благоразумія, онъ спѣшилъ *однимъ нападениемъ завоевать ее* (Мизію), но вслѣдствіе злой судьбы обманулъ въ своихъ на-

¹⁾ Почти также разказываетъ объ этой битвѣ Асохикъ, вн. III, гл. 23.

²⁾ См. у Васильевскаго, Русско-виз. отр., II, 142.

деждахъ. Прощедши тѣсныя и гористыя мѣста, онъ приступилъ къ *Сардику*, которую, по свисскому обычаю, называютъ и Тριάдецею, и расположился здѣсь лагеремъ. Осадивъ городъ, 20 дней безуспѣшно онъ стоялъ у него, ибо войско отъ несчастныхъ предприятий своихъ предводителей предавалось безпечности и бездѣйствію. Пользуясь этимъ, мисяне, прежде чѣмъ греки вышли изъ своего лагеря искать корму и сѣна, напали на него и произвели большую рѣзню и отбили множество коней и вьючнаго скота. Когда затѣмъ ни осадныя, ни другія орудія, по неопытности представлявшихъ ихъ къ сѣнамъ, не приносили никакой пользы и были сожжены врагами, когда при томъ всѣ привезенные припасы отъ неумѣреннаго употребленія вышли и войско имѣло въ нихъ недостатокъ,—тогда царь, уложивши всѣ свои вещи, немедленно отправился съ войскомъ въ Византію. Пройдя безостановочно цѣлый день, онъ остановился въ одномъ мѣстѣ для отдыха“. Упомянувъ затѣмъ о явленіи большой звѣзды, Левъ Діаконъ продолжаетъ: „На другой день войско проходило по одной лѣсной и наполненной оврагами равнинѣ; но лишь только оно вышло изъ нея въ гористыя и наполненныя пещерами мѣста, какъ мисяне напали на него, большинство перебили, захватили царскую палатку и сокровища, отбили весь обозъ“. Тутъ едва не погибъ и самъ Левъ Діаконъ. „Итакъ—заключаетъ онъ—остальное войско едва только могло уйдти отъ мисянъ и, потерявъ почти всю конницу и обозъ, воротиться къ римскимъ предѣламъ“. Что же оставалось дѣлать Василию? Собрать новыя войска и опять идти въ Болгарію, чтобы доказать, „что стрѣлы мисянъ не сильнѣе копій авзонійскихъ“? Но отъ этого его отвлекали какъ упомянутые уже нами мятежи Варды Склира (Яхъя, 22), такъ и новый бунтъ Варды Фоки. „И взбунтовался открыто Варда Фока—говоритъ лѣтописецъ (Яхъя, 22)—и провозгласилъ себя царемъ въ среду 14-го сентября 987 г.. и овладѣлъ страной грековъ даже до Дорилеи (*Δορύλαιον* въ сѣверной Фригіи) и до берега моря, и дошли войска его до Хрисополи. И стало опаснымъ дѣло его, и былъ *озабоченъ царь Василиій* по причинѣ силы его войска и *побѣды его надъ нимъ*“. Къ этому присоединилось внутреннее истощеніе имперіи.

Яхъя, 23.

И истощились его (Василія) богатства, и побудила его нужда послать къ царю руссовъ—а они его враги,—чтобы просить ихъ помочь ему въ настоящемъ его положеніи.

Ал-Мекниъ, 140.

И истощились богатства его, и побудила его нужда вступить въ переписку съ царемъ руссовъ,—они же были его врагами,—и онъ просилъ у нихъ помощи и т. п.

„И согласился царь руссовъ на это (продолжаетъ Яхъя). И заключили они между собою договоръ о свойствахъ, и женился царь руссовъ на сестрѣ царя Василя, послѣ того какъ онъ поставилъ ему условіе, чтобы онъ крестился и весь народъ его страны, а они народъ великій... И прибыли *войска руссовъ* также и *соединились съ войсками грековъ*, и отправились всѣ вмѣстѣ на борьбу съ Вардою Фокою моремъ и сушей въ Хрисополь. И *побѣдили они Фоку*, и завладѣлъ царь Василій приморскою областью и захватилъ всѣ суда, которыя были въ рукахъ Фоки“. Новая попытка бунта Варды Фоки и новое сраженіе, на этотъ разъ при Абидосѣ. „И былъ Варда Фока убитъ 13-го апрѣля того же 989 года“¹⁾.

Спокойствіе въ имперіи все же не наступило. Къ этому же 989 году относится рядъ нпаго рода ужасовъ. Асохикъ, въ 27 гл. III кн., разказываетъ слѣдующее: „Въ этомъ году, то-есть, въ 438—989, въ 15 день мѣсяца К'ахоца, въ праздникъ Успенія Пресвятой Дѣвы Богородицы, снова²⁾ явилась *копьевидная звезда* на восточной сторонѣ (неба). Въ продолженіе нѣсколькихъ дней она пускала свѣтлыя лучи свои на югъ; потомъ, перемѣнивъ положеніе, она стала на западъ надъ западною страню, простирая оттуда копьеобразный свѣтъ на востокъ. Немного времени спустя, *страшное землетрясеніе* постигло всю Грецію, вслѣдствіе чего *погибло много юродовъ, деревень и областей*, въ особенности въ странахъ Фракіи и *Византіи*, такъ что находившееся между ними море пришло въ страшное колебаніе. Въ царственномъ городѣ Константинополь обрушивались богато-блестящія украшенія дивныхъ колоннъ и иконъ, бывшихъ въ обширныхъ церквахъ; и самая св. Софія сверху до низу дала трещину“. Къ этимъ бѣдствіямъ вполне достовѣрнымъ, ибо ихъ передаютъ почти всѣ источники наши, присоединился „*голодь*, доводящій страну до крайности“ (Похв. слово Евенію, стр. 47) и вскорѣ послѣдовавшія военныя неудачи Византіи. „Между тѣмъ какъ бунтовалъ Фока (говоритъ Яхъя, 27) и царь Василій былъ занятъ войною съ нимъ, *болгары* воспользовались случаемъ и *воевали страну грековъ* нѣсколько разъ и опустошали ее до города Салуники и дѣлали набѣги на тѣ области грековъ, которыя на западѣ“. Что здѣсь дѣялось, съ поэтической яркостью изображаетъ намъ Іоаннъ Геометръ во 2-мъ стихотвореніи „на возстаніе“ (Русско-виз. отр., II, 176). Упомянувъ о

¹⁾ См. и у *Cedr.*, 446. Объ этой побѣдѣ Василя есть упоминаніе и въ „похвальномъ словѣ Евенію“, изд. *Арсенія*, стр. 41.

²⁾ Первая комета была въ 975 г.

бѣдствіяхъ на востокѣ, онъ продолжаетъ: „а то, что дѣлается на Западѣ, какое слово намъ это расскажетъ? Толпа скиновъ (въ 1-мъ стихотвореніи названа бѣшеной толпой синовой Амалка; разумѣются болгары) какъ будто на своей родинѣ рыщеть и кружить здѣсь по всѣмъ направленіямъ. Какъ землю, произрастающую благородныя вѣтви, они съ корнемъ вырываютъ крѣпкую породу желѣзныхъ мужей, и мечъ дѣлитъ пополамъ поколѣнія младенцевъ: одни достаются матери, другихъ врагъ вырываетъ насиліемъ своихъ стрѣлъ. Прежде *крѣпкіе города* — теперь легкой прахъ; табуны лошадей — тамъ, гдѣ жили люди. Видя это, какъ престану отъ слезъ? Тагъ истребляются страны и села“ ¹⁾. Ко времени этихъ опустошительныхъ набѣговъ болгаръ относится, вѣроятно, и взятіе ими города Веррин, о которомъ упоминаетъ Левъ Діаковъ въ X книгѣ, 10 гл.: „Тяжкія бѣдствія предвѣщали восходъ появившейся тогда (то-есть, 7-ю апрѣля 989 юда, какъ мы знаемъ отъ Яхъи) звѣзды, а также показавшіеся въ глухую ночь и опять на сѣверной части неба огненные столбы, наводящіе страхъ на того, кто ихъ видѣлъ; они предсказывали *послѣдовавшее затѣмъ взятіе Херсона тавроскинами и захватъ Веррии Мисянами...*“ ²⁾. Эти потери византійцевъ несомнѣнно надо относить къ 989 юду (не сталъ бы иначе Левъ Діаковъ ставить ихъ въ связь съ авившеюся тогда кометой), и именно ко времени отъ апрѣля (явленіе кометы) до 11-ю октября 989 года, когда между Василиемъ II и Вардою Склиромъ произошло примиреніе. Вполнѣ понятно, если принять въ соображеніе всѣ бѣдствія Византіи въ эту пору, что починъ соглашенія съ ярмъ бунтовщикомъ былъ положенъ Василиемъ Кедринъ (446), Зонара (IV, 116), М. Пселлъ (17, 18) и др.—всѣ говорятъ о выгодныхъ для Склира условіяхъ; Яхъи же подробно перечисляетъ ихъ, „и было—говоритъ онъ (25)—дѣло кончено такъ, что царь Василій сдѣлалъ Варду Склира куропалатомъ и далъ должности его брату и всѣмъ приближеннымъ и слугамъ его и далъ ему во владѣніе области ал-Ам-ніа и Р-г-ан (можетъ быть, Армения и Рабавъ) съ ихъ подушной и поземельной податью, сверхъ возврата его прежнихъ имѣній“.

¹⁾ Далѣе слѣдуетъ у Іоанна Геометра картинное описаніе бѣдствій собственно Византіи. Какъ не прибавляющее ничего существеннаго къ вышесказанному мною, оно опускается.

²⁾ καὶ οὗτοι (πύρινοι στόλοι) τὴν τε συμβῆσαν πρὸς τῶν Ταυροσκηθῶν τῆς Χερσονήσου ἄλωσιν παρεδήλου καὶ τὴν τῆς Βερρίας κατάσχεσιν παρὰ τῶν Μισσῶν. Характерно выраженіе „κατάσχεσιν“, показывающее способъ войны Болгарской.

Съ прекращеніемъ внутреннихъ междоусобій (Фока былъ раньше убитъ, съ Склиромъ произошло полное примиреніе) Василиій могъ снова обратиться къ болгарскимъ дѣламъ.

Не смотря на весь его гнѣвъ, на вѣковое, отъ предковъ унаслѣдованное раздраженіе противъ болгаръ и искреннѣйшее желаніе какъ можно скорѣе стереть ихъ съ лица земли, умный Василиій велъ, однако, войну осторожно. 27 лѣтъ (991—1018) почти непрерывной борьбы понадобилось ему для окончательнаго подчиненія себѣ Самуиловой державы. Впрочемъ, эта медленность не должна насъ удивлять: она была какъ бы въ духѣ византійскомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочитатъ искренніе совѣты византійскаго боярина своему сыну, особенно § 49 или § 66, „о томъ, когда нужно держаться противъ враговъ системы выжиданія“ и пр.

Продолжаемъ изложеніе событій, послѣдовавшихъ за наступившимъ внутреннимъ миромъ въ Византіи. „И приготовился царь Василиій къ борьбѣ съ болгарами и выступилъ въ Діут-му (Демотика), 31-го марта 990 года—19-ю марта 991 юда. И отправился отсюда въ Болгарію“. Такъ началась вторая греко-болгарская война ¹⁾. „И встрѣтилъ, продолжаетъ Яхья, царь Василиій болгаръ ²⁾ и обратилъ ихъ въ бѣгство и взялъ въ плѣнъ царя ихъ и возвратилъ его въ темницу, изъ которой онъ бѣжалъ ³⁾. И спасся Комитопулъ, начальникъ его войскъ, и управлялъ государствомъ Болгарскимъ. И оставался царь Василиій

¹⁾ Странно, что, не смотря на такую ясную хронологию, какую намъ даетъ Яхья, все же въ ней дѣлаютъ ошибки. Такъ, арх. Арсеній, въ примѣч. къ 67 стр. „Похвального слова св. Евемію“, изд. въ Москвѣ 1889 г., относитъ вторую войну Василия противъ болгаръ къ 996 году! О возобновленіи военныхъ дѣйствій противъ болгаръ *еще въ послѣдствіи* Склира говорятъ и *Sedr.*, 447: „ἀπολυθεὶς δὲ τῶν ἐμφυλίων πόλεμων καὶ φροντίδων ὁ βασιλεὺς, κῶς ἂν διαθήται τὰ κατὰ τὸν Σαμουὴλ ἐσχόται“... *Zonaras*, IV, 117 и др. Также ясно говорятъ и *Асохики* въ III вѣ., 33 гл.: „Послѣ того, какъ непокорныя, возставшіе противъ царя греческаго, были истреблены, онъ, воспользовавшись досугомъ, въ 990—991 г., собравъ безчисленное множество войска, пошелъ на землю болгаровъ отомстить за себя“.

²⁾ Можетъ быть, мѣсто, гдѣ встрѣтилось въ первый разъ войско Василия и Самуила, былъ городъ *Верріа*, упом. у *Асохики*, III, 33 (продолженіе прик. 31): „пришедъ, онъ (Василій) осадилъ городъ Веру, который взялъ, оставивъ тамъ сына князя Таронскаго, магистра Григорія, съ войскомъ противъ болгаръ“. То же и у *Кедрина*, II, 447; вмѣсто Веры стоятъ лишь Солунъ.

³⁾ Очевидно изъ этого мѣста, что Романъ принималъ участіе въ битвѣ. Какъ невѣрно, слѣдовательно, представленіе о немъ у *Кедрина*!

враждовать съ ними и воевать ихъ страну въ теченіе 4-хъ лѣтъ ¹⁾. И выступалъ онъ зимою въ области земли Болгарской и воевалъ и полонилъ и ввзялъ въ теченіе этого времени нѣсколько ихъ крѣпостей и удержалъ нѣкоторыя изъ нихъ за собою, а тѣ, которыя, по его мнѣнію, не могли быть удержаны, разрушилъ. И разрушилъ городъ Барію (= Абарія, Софія) въ числѣ тѣхъ, которые разрушилъ* (Яхъя, 28).

Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ пребываніи Василия въ Болгаріи не можемъ указать; но это пребываніе, и именно 4-лѣтнее, съ 991 по 995 годъ, несомнѣнно: оно засвидѣтельствовано многими историками по поводу начавшихся около 995 года на востокѣ у мусульманъ волненій. Халебъ былъ осажденъ. Горожане обратились за помощью къ Василию, а „пребывалъ онъ съ арміею въ походѣ противъ болгаръ и выступилъ онъ изъ Болгаріи на-легкѣ, чтобы помочь имъ, и прибылъ въ Антиохію 5-го апрѣля—4-го мая 995 года совершенно неожиданно“ (Яхъя, 32). Изъ того же Яхъя (33): „и въ 21-мъ году царствованія Василия былъ назначенъ патріархомъ константинопольскимъ магистръ Сисинній (12-го апрѣля 996 года), а оставался престолъ не занятымъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ, потому что царь былъ занятъ войною въ Болгаріи“. Какъ вѣренъ самому себѣ Яхъя!

Приведемъ 2—3 мѣста и изъ другихъ арабскихъ историковъ.

Изъ *Ибн-Зафира* (баронъ *Розенъ*, пр. 214, стр. 243): „и дошла вѣсть объ осадѣ Халеба до Василия, царя грековъ. Онъ *провелъ многіе годы въ странахъ болгаръ* и завладѣлъ большею частью ихъ... и пошелъ, и оставилъ войну съ болгарами и *вернулся въ Константинополь*“...

Изъ *Ибн-ал-Атири* (ibid., 246): „И проникъ царь уже въ *середину* земли болгаръ ²⁾ и шелъ быстро“.

Изъ *Абу-л Маласика ибн-Тазриберди* (ibid. 258): Халебійцы, въ лицѣ Лулу, просятъ у Василия помощи противъ египтянъ. „И отправили ему письмо и подарки съ Малкуномъ Сирійцемъ... И *нашелъ тотъ царя грековъ занятымъ войною съ царемъ болгаръ* и отдалъ ему письмо и подарки“... Далѣе слѣдуетъ описаніе успѣховъ Василия въ Антиохіи, относящихся къ 995, 996 годамъ. Очевидно, силы Василия зна-

¹⁾ И *Асохикъ*, Ш кн., 34 гл., упоминаетъ, что „война съ булхарами затянута на многіе годы“.

²⁾ Нельзя-ли отсюда предположить о крайнемъ пунктѣ, до котораго дошелъ Василій во второй своей походъ въ Болгарію? Можетъ быть, середина земли болгаръ—„Сръдецъ“ (= Софія).

чительно увеличались, потому что онъ нигдѣ на пути не встрѣчалъ препятствія и, какъ говоритъ лѣтописецъ, „уводилъ въ плѣнъ весьма многихъ и жегъ, и набиралъ добычи“ (Яхъя, 33). Между тѣмъ какъ Василій былъ въ Антиохіи, Самуилъ, этотъ „воинственный, не знающій покоя человѣкъ“, принялся за отвоеваніе занятыхъ византійцами городовъ. Началъ онъ съ Солуни, гдѣ, по Кедрину, былъ оставленъ Василюмъ Григорій Таронякъ. Самуилъ распредѣлялъ свои войска въ засады и лишь небольшое число отрядилъ для набѣговъ на городъ. Григорій отрядилъ для развѣдовъ сына своего Асота (у армянскихъ историковъ Ашота), но послѣдній попадаетъ въ середину засады¹⁾. Отецъ спѣшитъ на помощь, но также окружается врагами и падаетъ. Когда извѣстіе объ этомъ поражениі²⁾ дошло до Василя, онъ посылаетъ въ Болгарію Никифора Урана. „И сдѣлалъ царь Василій магистра Никифора Урана domestikомъ. Это тотъ самый Ал-в-т-л-с, котораго онъ посылалъ въ Багдадъ послѣ поражениі Скира. И отправилъ его на войну съ болгарами. И столкнулся онъ съ Комитопулумъ, вождемъ ихъ, и побѣдилъ ихъ и убилъ изъ болгаръ великое множество и привезъ въ Константинополь 1 тысячу головъ и 12 тысячъ плѣнниковъ“ (Яхъя, 34). Самуилъ готовъ уже просить у императора милости. Но въ это время приходитъ въ Болгарію извѣстіе, что Романъ, сынъ Петра Симеоновича, считавшійся de jure царемъ болгаръ, умеръ въ Константинополь. Самуилъ снова ободрился. Отбросивъ всякую мысль о примиреніи съ Василюмъ, онъ провозглашаетъ себя царемъ³⁾. Вѣроятно, къ этой именно порѣ относится новое побѣдное шествіе Самуила по Болгарской странѣ, разсказываемое Кедринумъ (II, 449—450). Онъ прошелъ черезъ проходъ Темпе и рѣку Пеней на югъ—Тессалію, Беотию, Аттику — и началъ опустошать Целлопнесь. Это обстоятельство вызвало 2-ю отправку Никифора Урана (997 года). „И прошелъ онъ—говоритъ Яхъя (34)—въ середину ихъ (болгаръ) странъ и не выходилъ противъ него никто изъ нихъ“. Это, должно быть, относится къ тому времени, когда войска Самуила и Никифора остановились у рѣки Сперкея (Σπερχειός). Были, какъ разсказываетъ Скилицій-Кедринъ (II, 450), большіе дожди, рѣка вздулась. Никто не рѣшался ее переходить. Но Никифоръ нашелъ бродъ и ночью, когда болгары преспокойно спали, перешелъ рѣку и перебилъ враговъ.

¹⁾ Будучи вѣсть въ плѣнъ, онъ сблизается съ семьей Самуила и впоследствии женится на его дочери. *Cedr.*, II, 451.

²⁾ См. и *Асожикъ*, кн. III, гл. 33.

³⁾ Яхъя, 34.

Послѣ этой побѣды Никифоръ оставался въ Болгаріи три мѣсяца, „опустошалъ и жегъ все на пути и потомъ вернулся въ Константинополь“ (Яхъя, 34). Между тѣмъ Самуилъ празднуетъ свадьбу своей дочери съ Асотомъ, сыномъ Григорія Таронскаго (см. объ этомъ выше); Василий занятъ дѣлами мусульманскими: „и проходилъ онъ страны востока, сжигая, разрушая и полая“ (Яхъя, 40). Не забывалъ онъ и дѣлъ болгарскихъ. Его полководцы Патрикій Теодораканъ и протоспаѳарій Никифоръ Ксифіасъ взяли въ 1000 году Великій и Малый Прѣславль и Плиску (Плесковъ) и самъ онъ, только-что покончивъ мусульманскія дѣла, въ 1001 году ¹⁾ послѣдшилъ въ Болгарію. Это его третій походъ. Подобно предыдущему походу, Василий и на этотъ разъ оставался въ Болгаріи 4 года „и одержалъ полную побѣду, убивая и полая. И бѣжалъ предъ нимъ Комитопуль, царь болгаръ. И овладѣлъ онъ многими изъ ихъ крѣпостей и разрушилъ нѣкоторыя изъ нихъ, а другія удержалъ за собою“ (Яхъя, 42). Какія это были крѣпости, мы можемъ дополнить изъ приписки къ славянскому переводу Манасеиной лѣтописи (по изд. Черткова), приведенной Гильфердингомъ (въ I томѣ 247 стр.), а именно: Василий взялъ Бдинъ, Плесковъ, Великій и Малый Прѣславль ²⁾, Скопле.

Подробнѣе описываетъ этотъ походъ Скилицій-Кедринъ, при чемъ ясною становится и выжидательная политика византійскаго императора. Онъ не стремится сразу сломить упорнаго Самуила, а старается какъ можно больше обезсилить его: для того-то и проводитъ въ Болгаріи по нѣскольку лѣтъ. Въ третій свой походъ, то-есть, въ 1001 году, онъ началъ свое вторженіе съ юга, съ Солуни. Взялъ затѣмъ Веррію, Сервію (= нынѣшнее Сефлидже), находящіяся на границѣ между Македоніей и Фессаліей, и перешелъ въ Фессалію. Возвративъ здѣсь отнятыя Самуиломъ крѣпости и расселивъ болгаръ въ другія мѣста (какъ онъ не разъ уже дѣлалъ; см. и Асохикъ), онъ успѣлъ взять въ этомъ году еще Водену. На слѣдующій годъ, то-есть, въ 1002 году, Василий началъ свои нападенія съ восточной стороны. Взявъ послѣ восьмимѣсячной осады г. Бдинъ (= Видинъ) и оставивъ здѣсь значительный гарнизонъ, императоръ направился черезъ Нишъ къ Скоплю. Нанеши и здѣсь пораженіе болгарамъ, онъ подступилъ къ Пернику. Но видя неприступность крѣпости и стойкость ея начальника, Василий около 1005 года возвратился въ свою столицу.

¹⁾ Годъ заключенія мира между Василиемъ и Ал-Хакимомъ (Яхъя, 42).

²⁾ Здѣсь, можетъ быть, завоеванія разнаго времени и разными полководцами перепутаны.

Въ слѣдующемъ 1006—1007 году, если вѣрить армянскому историку Матвѣю Эдесскому, „Василій снова собралъ всѣ силы своей имперіи и пошелъ противъ болгаръ. Онъ долго оставался въ ихъ странѣ, занятый страшною войною“ (III кн., гл. 34). Война была, должно полагать, дѣйствительно страшная, почему немного ниже историкъ прибавляетъ, что „Василій, покоривъ болгаръ и *сдѣлавшия* *юсподинома* ихъ страны, вернулся въ Константинополь“ (56).

Въ „житіи св. Никона Метанойты“ приводится свидѣтельство еще объ одной побѣдѣ Василя—именно въ 1009 г. ему удалось нанести страшное пораженіе Самуилу при *Кретъ* ¹⁾. Что это за Крета? Я осмѣливаюсь предположить, что это искаженное латинское названіе „града *Кратово*“, какъ встрѣчающагося въ „поменикѣ монастыря Слѣпче“ (XVI вѣка) ²⁾, такъ наносимаго и теперь на нѣкоторыя полныя карты, въ Македоніи, у притока Пшины, притока Вардара. (Объ этомъ городѣ, главнымъ образомъ о его монастырѣ, говорилъ и Гильфердингъ) ³⁾.

Дальнѣйшіе успѣхи Василя до 1014 года не перечисляются. Приходится по необходимости довольствоваться общимъ указаніемъ Скилиція-Кедрина, что „царь не переставалъ ежегодно нападать на болгаръ, подчиняя себѣ и опустошая все, встрѣчающееся на пути“ ⁴⁾.

Силы Самуила уже надломились. Боясь выступить противъ Василя въ открытомъ бою, онъ старался задержать греческія вторженія хотя засадами. Такъ, зная привычку Василя вторгаться черезъ ущелье Кимбалунгъ (*Κιμβαλόγγος*) и Ключъ (*Κλειδίον*), онъ загородилъ его, помѣстивъ значительное войско на верху Бѣласицы (*Βαλαδίστη*). Самуилъ не ошибся въ расчетѣ. Василій дѣйствительно пошелъ по этой дорогѣ. Но, не будучи въ состояніи овладѣть проходомъ силою, Василій прибѣгъ къ спасительной хитрости. Его полководецъ Никифоръ Ксифіасъ тайкомъ обошелъ гору и напалъ на болгаръ сзади

¹⁾ „Vita s. Niconis Metanoitae“, 869 стр., гл. 51: *Ioannes Malacenus... accusatus apud eum, qui tunc imperii sceptris potiebatur, Basilium scilicet Romani imperatoris filium, regum omnium fortunatissimum, cujus et vita illustris et imperii spatium longissimum fuit, et victoriae et trophaea de hostibus quam plurima, per quem et Bulgariae gentis princeps anno 1009, ut memorant historici, Samuel ille viribus et robore inexpugnabilis, in Creta cum innumerabili Bulgarorum multitudine fractus et subactus est...*

²⁾ См. *Григоровича* „Описание путешествія по европейской Турціи“, стр. 179.

³⁾ См. *Иве. 2 Отд. Ак. Н.*, т. VI, стр. 387.

⁴⁾ *Cedrenus*, 457: „Ο δὲ βασιλεὺς οὐ διέλιπε καθ' ἕκαστον ἐνιαυτὸν εἰσιῶν ἐν Βουλγαρίᾳ καὶ τὰ ἐν ποσὶ κείρων τε καὶ δὴν.“

совершенно для нихъ неожиданно. Въ смятеніи они побѣжали. Тутъ Василій разгородилъ проходъ и началъ страшное убійство. Скилицій-Кедринъ (458) и его рабскіе послѣдователи, въ родѣ Зонары, затѣмъ Михаилъ Атталиота ¹⁾ упоминаютъ объ этой битвѣ, а византійскій бояринъ этой битвой прямо поучаетъ своего сына (§ 49): „наблюдай, когда враги придутъ въ смятеніе или волненіе; тогда ты и самъ выходи противъ нихъ. Такимъ способомъ порфирородный царь Василій захватилъ 14 тысячъ болгаръ въ засѣтѣ Загорской (=при горѣ Вѣла-сицѣ), когда ими начальствовалъ опытный въ военномъ дѣлѣ Самуилъ“. И эти 14 тысячъ болгаръ не просто были взяты въ плѣнъ: они еще подверглись страшному наказанію, существовавшему въ Византіи для государственныхъ преступниковъ, — *ослабленію* ²⁾. Въ такомъ видѣ они были посланы къ Самуилу, который, говорятъ, не вынесъ этой сцены и вскорѣ умеръ отъ разрыва сердца. (15-го сентября 1014 г. См. *Cedr.*, II, 459). Это было концомъ Болгарскаго царства. Его послѣдующее четырехлѣтнее существованіе (1014 — 1018) было не жизнью, а предсмертною агоніею. Всѣ надежды на выздоровленіе были лишены всякой реальной основы, что доказываетъ тогдашнее внутреннее состояніе Болгаринъ, на сколько о немъ мы можемъ догадываться по брошеннымъ вскользь замѣчаніямъ современниковъ. Небольшая партія „народная“ боролась съ Васи-ліемъ, бѣльшая же часть таяла къ Византіи и въ 1017 году пред-ложила императору принять ихъ страну въ подданство. „И пошелъ,—говоритъ лучший историкъ этого времени Яхья Антиохійскій,—тогда царь въ Болгарію 20-го марта 1018 г., и вышли ему на встрѣчу всѣ

¹⁾ Michaelis Attaliotae historia, ed. В. 1853, стр. 229. Привожу въ русскою переводѣ известное мѣсто: „Василій Порфирородный, сражаясь 40 лѣтъ съ болгарями и перенося безчисленные труды и войны, имѣлъ единственнымъ союзникомъ, помощникомъ, советникомъ и вѣсть вождемъ, вѣдникомъ и правой рукой своей Никифора Вотаниату, дѣда раньше упомянутаго царя. Въ концѣ войны, когда уже народъ болгарскій былъ совершенно покоренъ его десницею, онъ умираетъ славной и для истинныхъ воиновъ завидной смертью—въ сраженіи. Ибо, обративъ болгаръ въ бѣгство и преслѣдуя ихъ въ тѣснахъ, называемыхъ „Ключомъ“ (Κλειδίον), онъ безпрестанно убивалъ и ранилъ ихъ, пока самъ не моибъ... но предводитель, по имени Самуилъ, убѣжалъ въ трепетѣ и умеръ на болотистомъ островѣ Преснѣ; остальные же ибѣ сдѣлались царю и сдѣлались рабами, благодаря хитрости и величю благородства одного мужа“.

²⁾ Излишни чувствительныя восклицанія всѣхъ историковъ, передающихъ объ этомъ фактѣ; тутъ „звѣрство“ Василія не при чемъ. Виновата эпоха, то-есть, общее настроеніе, когда ослабленіе было *обычнымъ* и считалось болѣе мягкимъ наказаніемъ, чѣмъ смертная казнь.

тамошніе вожди и были также выведены жена Арона ¹⁾, царя болгарь, и дѣти его.. И принялъ онъ ихъ крѣпости и оказалъ имъ милости.. И оставилъ онъ себѣ сильныя крѣпости и назначилъ надъ ними правителей изъ грековъ и срылъ остальные. И устроилъ дѣла Болгаріи. И назначилъ туда василиковъ, то-есть, управляющихъ всѣми дѣлами и имуществами. И стало государство Болгарское присоединеннымъ къ государству грековъ и сдѣлано было катепанатомъ. И было это въ 44 году его царствованія. И вернулся онъ въ Константинополь. И вступили въ бракъ дочери болгарь съ сыновьями грековъ и дочери грековъ съ сыновьями болгарь, и смѣшалъ онъ однихъ съ другими и тѣмъ уничтожилъ старую вражду, которая была между ними* (58, 59). Эта вражда казалась затѣмъ цѣлыхъ 200 лѣтъ уничтоженной, по только казалась. Въ этомъ то и заключается весь трагизмъ борьбы греко-славянской.

А. Липовскій.

---

¹⁾ Новые исследователи недоумѣваютъ, какой это Аронъ. Намъ кажется, что это, можетъ быть, новый вождь болгарь, преемникъ Самуила. Кстати о какомъ то Авронѣ, царсвовавшемъ послѣ Самуила, упоминаетъ Адемаръ (*Pertz, IV, 131*). См. *Дринова*, стр. 11, пр. 92.

„ПРЕДЪСЛОВІЕ ПОКАЯНІЮ“.

(Историко-литературный очеркъ).

I.

Первыя свѣдѣнія о „Предъсловіи покаянію“ были сообщены въ ученой литературѣ профессоромъ С.-Петербургской духовной академіи Чистовичемъ. Въ своей библиографической запискѣ объ „Обзорѣ русской духовной литературы“ преосвященнаго Филарета профессоръ Чистовичъ, перечисляя памятники, пропущенные авторомъ, въ первый разъ указалъ на отысканное имъ въ сборникѣ XVI вѣка С.-Петербургской духовной академіи № 129 „Правило св. отецъ соборныхъ всея вселенныя“, которое, какъ оказалось впоследствии, въ другихъ спискахъ было озаглавлено „Предъсловіемъ покаянію“. Въ указанной библиографической запискѣ проф. Чистовичъ не только указалъ на этотъ памятникъ, но и первый опредѣлилъ его глубокую древность, отнеся время происхожденія этого сочиненія къ до-монгольскому періоду. Здѣсь же были сообщены имъ начало и нѣкоторые выписки изъ памятника, между прочимъ, и извѣстное мѣсто объ „изгойствѣ“, при чемъ указано на тожество этого мѣста съ напечатаннымъ уже въ „Архивѣ“ Калачова (т. 2, полов. 2, отд. VI, стр. 42) по рукописному сборнику Царскаго, въ которомъ это мѣсто „составляетъ дополненіе къ одному изъ вопросовъ Кирика“¹⁾.

Интересно, что въ приложеніи къ тому же самому тому „Извѣстія“ въ словарѣ академика Востокова помѣщены два слова *изгойство* и *крѣчьма*, подъ которыми приведены выписки изъ того самаго сочиненія, на которое указалъ въ своей библиографической запискѣ Чистовичъ. Но Востоковъ не сдѣлалъ точнаго указанія; изъ какого

¹⁾ *Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. русск. яз. и слов.*, т. VI, стр. 237—238.

памятника взяты приведенныя имъ выписки. Въ словарѣ есть только помѣтка, что выписки взяты изъ слова русскаго сочиненія о покаяніи по сборнику XVI вѣка.

Выписка, сдѣланная Востоковымъ подѣ словомъ изгойство, заинтересовала академика Срезневскаго, отъ вниманія котораго, повидимому, ускользнуло сообщеніе объ этомъ памятникѣ профессора Чистовича въ его библиографической запискѣ. „Считая мѣсто, выписанное Востоковымъ, очень важнымъ и желая познакомиться съ пѣлнмъ поученіемъ, я,—говоритъ Срезневскій,—просилъ Востокова обозначить мнѣ, по какому именно списку онъ познакомился съ нимъ; но Востоковъ не могъ этого сдѣлать, потому что забылъ. Тогда,—продолжаетъ Срезневскій,—я самъ сталъ искать, обращаясь и къ пособию знакомыхъ ¹⁾, и успѣлъ найти нѣсколько списковъ въ разныхъ сборникахъ—почти исключительно новгородскихъ XV—XVI же вѣка. Только въ одномъ сборникѣ древнемъ нашлось это наставленіе, именно въ Паисіевскомъ XIV вѣка, л. 174“ ²⁾. Ознакомившись съ новымъ памятникомъ, Срезневскій въ „Свѣдѣніяхъ о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ“ напечаталъ это поученіе по списку Дубенскаго сборника ³⁾, въ которомъ Предѣсловіе покаянію „помѣщено въ наиболѣе полномъ, хотя, по языку, нѣсколько и подновленномъ видѣ“ ⁴⁾. Къ тексту Дубенскаго сборника присоединены „отмѣтки объ отличіяхъ другихъ списковъ“. Тутъ же Срезневскій напечаталъ текстъ Предѣсловія по списку Паисіева сборника отдѣльно, такъ какъ въ немъ не мало сокращеній, а окончаніе, занимающее двѣ печатныя страницы, совершенно отлично отъ другихъ списковъ.

Но прежде изданія Срезневскаго Предѣсловіе покаянію было напечатано въ *Православномъ Собесѣдникѣ* за 1860 годъ (ч. I, стр.

¹⁾ Можно думать, что Срезневскому указалъ на „Предѣсловіе покаянію“ Чистовичъ, такъ какъ изданіе Срезневскаго сдѣлано по тому самому тексту, по которому напечатана выписка изъ этого памятника въ рецензій Чистовича. Срезневскій назвалъ сборникъ, изъ котораго онъ взялъ основной списокъ для изданія, Дубенскимъ (см. Свѣд. о неизв. и малоизв. пам., ч. II, № LVII. Ср. *ibid.*, № LIX, стр. 327). Такъ какъ текстъ въ изданіи Срезневскаго тождественъ съ текстомъ выписокъ у Чистовича, то ясно, что подѣ именемъ Дубенскаго Срезневскій описалъ сборникъ С.-Петербур. Духовн. Акад. № 129. Къ сожалѣнію, по независящимъ отъ меня причинамъ, я не имѣлъ возможности познакомиться съ указаннымъ сборникомъ.

²⁾ *Срезневскій*, Свѣдѣнія о неизв. и малоизв. пам., № LIX, стр. 327.

³⁾ Описанъ въ „Свѣдѣніяхъ“ подѣ № LVII. См. примѣч. 2

⁴⁾ „Свѣдѣнія“, № LIX, стр. 327.

350—358) по списку сборника XVI вѣка библиотеки Соловецкаго монастыря № 308 съ разночтеніями по списку Кормчей 1493 года той же библиотеки (№ 858). Тексту памятника предпослано небольшое введеніе, въ которомъ указывается на его значеніе и древность ¹⁾).

Послѣднее и лучшее изданіе этого памятника сдѣлано въ 1880 году профессоромъ Павловымъ въ его Памятникахъ древне-русскаго каноническаго права подъ № 122 (стр. 835—846) по списку XV вѣка Новгородской Софійской библиотеки въ сборникѣ № 1285 ²⁾. Въ легендѣ при этомъ изданіи сдѣланы указанія на прежнія изданія, а къ тексту присоединены разночтенія по другимъ спискамъ и примѣчанія.

Учеными сдѣланы были также указанія и нѣкоторыхъ заимствованій изъ Предъсловія покаянію въ другихъ памятникахъ. Такъ, въ толкованіи на молитву Господню въ сборникѣ XV вѣка Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, есть мѣсто объ изгойствѣ, которое, по всей вѣроятности, заимствовано изъ Предъсловія покаянію. Изъ этого же памятника отрывокъ объ изгойствѣ внесенъ въ сборникъ Царскаго XVII вѣка, № 414, гдѣ помѣщенъ въ концѣ Вопросанія Кирикова ³⁾. Срезневскій въ Макаріевской Четимянеѣ на августѣ, на л. 587 Синаодальнаго списка, также отмѣ-

---

¹⁾ При сличеніи текста, изданнаго въ *II. авоасномъ Собесѣдникѣ*, съ другими, въ немъ оказываются нѣкоторыя перестановки, которыя могутъ быть объяснены лишь тѣмъ, что этотъ текстъ напечатанъ по рукописи, въ которой перемѣшаны листы. Но въ такомъ случаѣ представляется страннымъ, какъ не замѣтили этого издателя, имѣя подъ руками параллельный текстъ Кормчей. Если же и въ Кормчей текстъ тотъ же самый, то одинъ изъ списковъ долженъ быть копіей другаго, или же оба они списаны съ рукописи, въ которой листы были перемѣшаны. Это тѣмъ болѣе возможно, что приведенными издателями разночтенія изъ Кормчей очень незначительны.

²⁾ а) Списокъ этотъ былъ извѣстенъ уже и Срезневскому. По этому списку какъ доказываетъ сличеніе, напечатана у него заключительная часть Предъсловія: „Вѣдѣти же подобаетъ“ и т. д. См. Свѣдѣнія, II, стр. 333, примѣч. 3. б) Въ изданіе проф. Павлова вкралась неточность: Предъслоііе въ Софійск. сборн. № 1285 помѣщено на лл. 22—25, а не на лл. 122—125, какъ значится, въ легендѣ.

³⁾ *Калачовъ*, Архивъ историко-юридич. свѣд., кн. I, 1, стр. 63 (2 изд., стр. 58—59). *Уистовичъ*, Библиографич. записка объ „Обзорѣ“ пресвѣщ. Филарета: *Извѣстія Акад. Наукъ по 2-му отд.*, т. VI, стр. 42. *Срезневскій*, Свѣдѣнія, № LIX, стр. 339. *Мрочекъ-Дроздовскій*, Прибавленіе къ изслѣд. о Русск. Правдѣ, статьи объ изгояхъ.

тилъ выраженіе объ изгойствѣ, заимствованное изъ Предъсловія покаянiю ¹⁾.

Значеніе Предъсловія покаянiю, какъ памятника литературнаго, въ первый разъ было выяснено академикомъ Тихонравовымъ въ его рефератъ „о худыхъ номоканунцахъ“, который былъ прочитанъ имъ 9-го февраля 1875 года въ засѣданіи отдѣла этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Обществѣ любителей естествознанія. Къ сожалѣнію, рефератъ этотъ не былъ напечатанъ, и только коротенькій отчетъ о немъ появился въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* ²⁾. Академикъ Тихонравовъ вполне точно опредѣлилъ историческое значеніе и важность этого памятника, назвавъ его „первымъ нашимъ номоканунцемъ“ ³⁾.

Десять лѣтъ спустя, профессоръ Кочубинскій въ своей рѣчи, произнесенной въ Одесскомъ университетѣ по случаю Мессодіевскаго юбилея, также коснулся „Предъсловія покаянiю“, какъ памятника литературнаго, и постарался объяснить его значеніе, при чемъ сопоставилъ его съ однородными памятниками западными ⁴⁾.

Пользовался этимъ сочиненіемъ, именно извѣстнымъ мѣстомъ объ изгойствѣ, профессоръ Щаповъ въ своей рѣчи „Голосъ древне-русской церкви въ защиту несвободныхъ людей“ ⁵⁾. Въ послѣднее время воспользовался этимъ памятникомъ также профессоръ Сергѣевичъ при изслѣдованіи объ изгояхъ ⁶⁾. Означенное мѣсто объ изгойствѣ подвергнуто было даже подробному разсмотрѣнію профессоромъ Мрочекъ-Дроздовскимъ въ его изслѣдованіи о Русской Правдѣ ⁷⁾.

Однако до сихъ поръ памятникъ этотъ, не смотря на его интересъ и важное значеніе, не былъ еще подвергнутъ подробному изслѣдованію.

Въ 1886 году, занимаясь въ рукописной библіотекѣ С.-Петербургской духовной академіи, я случайно встрѣтилъ новый, доселѣ

¹⁾ *Срезневскій*, Свѣдѣнія, № LIX, стр. 339.

²⁾ *Моск. Вѣд.* 1875, № 44. Указаніемъ на этотъ отчетъ и сообщеніемъ мнѣ самаго номера газеты я обязанъ любезности П. Н. Тиханова.

³⁾ См. объ этомъ ниже гл. VI.

⁴⁾ А. Кочубинскій, Добрый пастырь и добрая няня, Одесса, 1885.

⁵⁾ *Правосл. Собесѣдникъ*, 1859. Отд. отт., Казань, 1859, стр. 14—15.

⁶⁾ *Сергѣевичъ*, Русскія юридич. древн., т. I, стр. 265—266.

⁷⁾ *Мрочекъ-Дроздовскій*, Прибавленіе къ Изслѣдованію о Русской Правдѣ, статья объ изгояхъ.

еще не извѣстный въ печати списокъ этого памятника, и при томъ значительной древности, именно въ сборникѣ XIV вѣка Софійской новгородской бібліотеки, № 1262 ¹⁾). Списокъ этотъ заключаетъ въ себѣ очень интересныя отличія отъ извѣстныхъ уже въ печати. Поэтому я снялъ съ него копію и подробно сличилъ его съ другими списками. Сличеніе это дало возможность сдѣлать нѣкоторые новыя выводы, и потому я занялся подробнымъ изученіемъ этого памятника. Въ 1887 году, въ одномъ изъ засѣданій Общества любителей древней письменности, мною былъ прочитанъ о „Предъсловіи покаянію“ рефератъ, въ которомъ я главнымъ образомъ рассматривалъ взаимное отношеніе списковъ. Нѣкоторыя замѣчанія и возраженія, сдѣланныя мнѣ послѣ прочтенія реферата, побудили меня заняться этимъ памятникомъ подробнѣе. Результаты своей работы я и представляю въ настоящемъ очеркѣ.

При изученіи „Предъсловія покаянію“ въ моемъ распоряженіи были слѣдующіе списки:

Списокъ сборника Софійской новгородской бібліотеки № 1262, въ рукописи (XIV вѣка).

Списокъ Паисіева сборника Кирилло-Вѣлозерской бібліотеки, № ^{4/1081} въ рукописи и въ изданіи Срезневскаго, въ его „Свѣдѣніяхъ о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ“, № LIX (XIV вѣка).

Списокъ сборника Софійской новгородской бібліотеки, № 1285, въ рукописи и въ изданіи профессора Павлова, въ его „Памятникахъ древне-русскаго каноническаго права“, № 122 (XV вѣка).

Списокъ Дубенскаго сборника (С.-Петербургской духовной акаде-

---

¹⁾ Указаніемъ на этотъ замѣчательный сборникъ я обязанъ акад. Тихонравову, которымъ было сдѣлано и палеографическое описаніе его. См. его Лѣтописи русск. литер. и древн., т. IV, Смѣсь, стр. 86—87. Къ этому описанію позволяю себѣ сдѣлать маленькое добавленіе. Почеркъ рукописи обнаруживаетъ, что для писца болѣе привычнымъ матеріаломъ былъ пергаментъ, а не бумага. Пока писецъ пишетъ на пергаментѣ, почеркъ его четокъ, начертаніе буквъ вполне опредѣленно и письмо на видъ красиво. Но лишь только подъ рукою писца оказывается бумага, почеркъ немедленно ухудшается, непривычка къ новому матеріалу совершенно мѣшаетъ пишущему, отчего почеркъ дѣлается некрасивымъ, небрежнымъ и доходитъ иногда почти до уродства. Но вотъ подъ рукою писца снова оказывается пергаментъ, и снова является прежній четкій уставъ. Всѣмъ этимъ какъ нельзя болѣе подтверждается заключеніе академика Тихонравова о принадлежности сборника къ XIV вѣку. Затѣмъ, мнѣ кажется, что сборникъ написанъ не на пергаментѣ и бумагѣ, а на пергаментѣ и бомбидинѣ.

мін, № 129) по изданію академника Срезневскаго, въ его „Свѣдѣніяхъ“ (XVI вѣка), вмѣстѣ съ разнотченіями по другимъ спискамъ (XV—XVI вѣковъ).

Списокъ сборника библиотеки Соловецкаго монастыря № 803, по изданію въ *Православномъ Собесѣдникѣ* за 1860 годъ (XVI вѣка), съ разнотченіями по списку Кормчей той же библиотеки 1493 года.

Списокъ Румянцовской кормчей № 238 (1620 года) въ копіи, любовно сдѣланной для меня М. Н. Шуйскою.

II.

Всѣ означенные выше списки можно раздѣлить на два извода. Одинъ — древнѣйшій, болѣе краткій, другой — позднѣйшій, полный. Къ первому можно отнести только два списка: 1) Новгородскаго Софійскаго сборника XIV вѣка № 1262 и 2) Румянцовской Кормчей 1620 года; ко второму—всѣ остальные, не исключая и списка въ сборникѣ Пансіевомъ, хотя онъ и выдѣленъ былъ изъ остальныхъ академикомъ Срезневскимъ.

Подробное сличеніе этихъ двухъ изводовъ показываетъ, что первый изъ нихъ болѣе близокъ къ первоначальному древнѣйшему тексту памятника. Второй же представляетъ распространенную передѣлку древнѣйшаго текста. За основной списокъ во второмъ изводѣ долженъ быть принятъ списокъ Софійскаго сборника XV вѣка № 1285, какъ наиболѣе исправный и сохранившій особенно много слѣдовъ древности. Поэтому, при сравненіи изводовъ памятника, я пользуюсь для втораго извода этимъ самымъ спискомъ по изданію профессора Павлова, а для перваго—спискомъ XIV вѣка въ Софійскомъ Новгородскомъ сборникѣ № 1262.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе различіе въ самомъ заглавіи памятника. Во всѣхъ спискахъ онъ надписывается приблизительно одинаково: „Предъсловіе покаянію правило святыхъ отецъ сборныхъ всея вселенныя“ (Соф. Новгор. сб. № 1285). Только въ списокѣ Софійско-Новгородскаго сборника № 1262 заглавіе читается такъ: „Предъсловіе чтѣго покаяніа. правило стѣхъ оѣдъ. вборныхъ всея вселепныя“. Очевидно, только въ этомъ списокѣ заглавіе дошло до насъ въ своемъ древнѣйшемъ первоначальномъ видѣ. Подъ такимъ именно заглавіемъ извѣстно было это сочиненіе составителю древняго слова „о живыхъ учителяхъ“: „Сему же пути начало,—

говорится въ этомъ словѣ, — стыхъ ѿдѣ поучение и предѣсловие чтнаго покаланиа¹⁾).

Самое начало памятника въ болѣе древнемъ видѣ сохранилось также въ спискѣ Софійскаго Новгородскаго сборника № 1262. Здѣсь оно читается такъ: „Подобаеть быти ерею смъшлену и хытру книгама“. Въ полномъ изводѣ: „Подобаеть быти архіереемъ смъшлену, и умьну, и мудру въ ученіи книжиѣма“. Здѣсь, во первыхъ, древнее реченіе хытръ замѣнено позднѣйшимъ, болѣе понятнымъ, мудръ. Затѣмъ уничтожено и древнее сочетаніе прилагательнаго съ дательнымъ падежомъ существительнаго. вмѣсто: хытру книгама — мудру въ ученіи книжиѣма. Измѣненъ нѣсколько и самый смыслъ начала памятника. Въ краткомъ изводѣ смыслъ начала таковъ: „Подобаеть быти ерею смъшлену и хытру книгама... Таковому бо ерею быти подобаеть“. Въ полномъ изводѣ начало это измѣнено: „Подобаеть быти архіереемъ смъшлену, и умьну, и мудру въ ученіи книжиѣма... Такому же подобаеть быти и ерею“. Въ цѣломъ своемъ составѣ памятникъ этотъ является наставленіемъ духовному отцу о принятіи кающихся. Ясно поэтому, что самый предметъ сочиненія не требовалъ опредѣленія того, какимъ условіямъ долженъ удовлетворять епископъ. Здѣсь имѣются въ виду только іереи, принимающіе кающихся, и потому для составителя не было никакой необходимости говорить о епископахъ. Ясно, что и въ этомъ случаѣ краткій изводъ сохранилъ для насъ болѣе древній, основной текстъ памятника.

Краткій изводъ: „Невѣдѣнье оубо злее есть съгрѣшеніе (читай: съгрѣшеніа). А вѣдѣи аще съгрѣшивъ вѣсть ѿ чемъ каитися. невѣдѣи же не творить съ съгрѣшивъ. Мнози заблудиша не почитавъше стѣхъ книгъ. А инни же не имѣюще оума свѣршена. въ ересь впадають. и тако погыбають“. Эта совершенно ясная и точно изложенная мысль въ полномъ изводѣ затемнена передѣлкою и неудачными сокращеніями: „Невѣдѣнье бо и съгрѣшенія есть злѣе: съгрѣшивши бо, истинныѣ кающесе, спасаются; а несмысленіи, заблудивши въ писаніи книжиѣма, не имуще трезва и здрава ума, въ ересь впадающе, погыбають“.

Слѣдуетъ отмѣтить также одно интересное различіе въ словахъ. Въ краткомъ изводѣ: „Носникъ (сидящій на носу) бо не права кормника. потопитъ лодію“. Въ полномъ: „И носыникъ бо, не слышая кормника, потопитъ лодю“. Въ краткомъ изводѣ слово правити (не права

¹⁾ Сое. Новг. сб. № 1262, л. 107.

кормника), вѣроятно, было употреблено въ смыслѣ сопротивленія. Отрицаніе *не* (не права кормника) здѣсь лишнее и могло быть вставлено позднѣйшими переписчиками, не появившимися текста. Неумѣстная вставка отрицанія *не* встрѣчается далѣе въ этомъ же спискѣ: „Аще же кто и велми грѣшнѣ а непослушливѣ то прими“. Ясно, что здѣсь вмѣсто непослушливѣ должно стоять послушливѣ. Въ толковой Псалтири митрополита Евгенія, XI вѣка, и Императорской Публичной Библіотеки, XII вѣка, употребляется слово правитиса въ смыслѣ противиться: вся правящася пришествиѣ хѣж. Въ Погодинской Псалтири: вси противящася пришествію хѣоу ¹⁾. Въ полной редакціи это непонятное выраженіе замѣнено простымъ: не слушающая кормника.

Краткій изводъ: „Аще кто челадина продаеть елико же дано есть. Только же опать взати на немъ. Аще ли кто лише емлетъ. То горѣе того иже кто наклады емлетъ. Той прасолить живыми душами“. Это мѣсто въ полномъ изводѣ опять нѣсколько передѣлано и потому не на столько соотвѣтствуетъ по своему смыслу предыдущему, какъ въ краткомъ изводѣ. Изгойство признается самымъ тяжкимъ грѣхомъ, самымъ незаконнымъ способомъ пріобрѣтенія имѣнія: „И се пакы горѣе всего емлющимъ изгойство на искупающихся отъ работы“. А между тѣмъ въ полномъ изводѣ изгойство приравнивается къ накладамъ: „Такоже иже кто продаеть целадинѣ, да елико на немъ давши, только и взати; аще ли лише, то обрѣтается наклады емля и прасоля живыми душами“.

Такимъ образомъ, сравненіе этихъ изводовъ показываетъ, что въ спискѣ Новгородскаго сборника № 1262 мы имѣемъ текстъ болѣе близкій къ древнему оригиналу, въ полномъ же изводѣ—позднѣйшую передѣлку, которая, какъ свидѣтельствуется количество сохранившихся синсковъ, была распространена гораздо болѣе оригинала. За болѣе близость къ древнему оригиналу краткаго извода говорить и болѣе простота и безыскусственность языка памятника, между тѣмъ какъ въ полной замѣтна уже нѣкоторая искусственность, встрѣчаются періоды, которые обнаруживаютъ въ составителѣ книжника, воспитаннаго на переводной византійской литературѣ. Для примѣра можно указать на слѣдующее мѣсто. Краткій изводъ: „хѣ бо насъ всѣ искупилъ своєю кровію ѿ работы. си же не съити боудуще цѣною работати люди. и како имъ мѣти прияти. Самъ бо гъ рѣ. нѣ мѣти не

¹⁾ *Востокъ*, Словарь церк.-слав. языка. Слово: правитиса.

створшимъ мѣти. Мѣтви бо помиловани боудутъ. Аще кто спѣиа хотя и какътса да шпаты дакъ тѣмъ ихъ же обидѣлъ. Аще ли не тако не быти прощени^а. Въ полномъ: „Сему же есть самъ свѣдитель и послухъ Христосъ, искупивый насъ отъ работы дѣволя своею крѣвю и отъ челоувѣчьскы неправды и злобій, наученикъ Святаго Духа прѣимающе пречистыя его заповѣди, творити волю его и правду въ людехъ, и тако прѣобрѣсти милость отъ Бога. Самъ бо Господь рече: нѣтъ милости не створшимъ милости, [и]же на судѣ помилуются“.

Однако, и краткій изводъ не дошелъ до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, въ которомъ онъ былъ извѣстенъ составителю полнаго извода. Такъ, въ спискѣ Новгородскаго сборника № 1262 одно мѣсто читается такъ: „Но и зло и зло помагающихъ души злобе ихъ и чѣи ихъ дѣла еще же приволочаше къ суднамъ мздою и дары“.

Это, очевидно, совершенно испорченное чтеніе сохранилось въ первоначальномъ видѣ въ полномъ изводѣ: „нѣ и еще прилагающе горе на горе своей души, не токмо своѣ душѣ губяще, нѣ и послухъ, вставающихъ по нихъ и помагающихъ злобѣ ихъ, и еще же приволочаше къ своимъ злымъ и суди (варианты: судіамъ) многими мздами и великими дары“. Затѣмъ въ краткомъ изводѣ есть два пропуска, изъ которыхъ одинъ прерываетъ теченіе мысли, а другой нарушаетъ совершенно смыслъ текста.

Краткій изводъ: „Книгамъ оубо оучитса другъ оу друга бѣ разумъ даеть. Блюди же са ѿ неправеднаго бѣтства. Двѣ бо мѣтица еста всѣмъ злымъ дѣломъ въ вѣче семь“. Здѣсь нѣтъ никакого перехода отъ мысли о необходимости книжнаго ученія къ заповѣди о томъ, чего особенно долженъ остерегаться челоувѣкъ. Пропускъ чувствуется даже безъ сравненія съ другими списками. Между тѣмъ, въ полномъ изводѣ мысль развивается послѣдовательно: „Книгамъ бо учится другъ у друга, а разумъ Богъ дае[тъ], емуже хоцетъ — тому, иже кто съхранити заповѣди его. Рече бо Притъчникъ: „аще желаеши мудрости, сънабди заповѣди Христовы, и Господь дасть ти ю“. И Пророкъ рече: „Господь рече създа мудрость и подасть ю любящимъ его“, и „въ влохитру душу не възъзаетъ мудрость“, ни ся можетъ укоренити въ тѣлѣ, оскверненѣ отъ пьянства, паче же отъ неправеднаго богаства. Еста бо двѣ матици [вс]якимъ зломъ въ вѣцѣ семь“.

Второй пропускъ, какъ сказано, нарушаетъ смыслъ текста. Подробное сличеніе даннаго мѣста съ полнымъ изводомъ прямо указываетъ на то, что для испорченнаго мѣста оригиналомъ служилъ текстъ, сохранившійся въ полномъ изводѣ:

Соф. Нов. сб. № 1262.

аще и всемь срѣдемь каешисѧ и волю его начнеши творити. То и азъ ти грѣшныи послухъ и учитель съ божию помощію

и заповѣди бѣхъ приемши и

съ вѣрою и упованіемь

створивъ сѧ въ будещи въ будещемь вѣче съ всѧми сѧми възрадуешіи.

Изданіе Павлова.

аще сѧ покаеши всѣмь сердцемь и волю его начнеши творити: то и азъ ти, чадо, буду, грѣшникъ, послухъ и учитель съ Божию помощію. Да се, чадо, первое прошаю тебе: въ [ко]емь еси сану, и кое дѣло имаши, и кны вещи творити? Да како ти речеть, ты же рци ему: хоцеши ли, чадо, творити волю Божию съ любовію? и заповѣди его приимши крѣпко, пребывай въ заповѣди Господни съ вѣрою и упованіемь иже къ Богу, и съблюдши заповѣди его спасену, быти и въ будещемь вѣдѣ съ святими радоватисѧ, и радости не будеть концѧ.

Кромѣ этихъ двухъ пропусковъ, можно указать также на отсутствіе въ краткомъ изводѣ буквальной выписки изъ одного вопроса съ отвѣтомъ Анастасія Синаита. Но по нѣкоторымъ соображеніямъ можно думать, что этой выписки въ первоначальномъ текстѣ не было ¹⁾).

Всѣ приведенныя сопоставленія приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Въ сборникѣ Софійской Новгородской бібліотеки XIV вѣка № 1262 текстъ „Предѣловія покаянію“ сохранился въ его древнемъ, близкомъ къ первоначальному, видѣ.

2. Означенный древній текстъ впоследствии былъ передѣланъ и расширенъ. Эта передѣлка стала распространяться и сдѣлалась извѣстною преимущественно передъ первоначальнымъ текстомъ.

3. Оригиналномъ для передѣлки служилъ хотя тотъ самый текстъ, который сохранился въ Софійскомъ Новгородскомъ сборникѣ № 1262, но въ болѣе полномъ и исправномъ видѣ, такъ что въ настоящее время вполне исправный древній текстъ памятника намъ еще не извѣстенъ.

4. Древнѣйшій текстъ ближе къ простому, безыскусственному языку, между тѣмъ какъ въ позднѣйшей передѣлкѣ сказывается уже значительное вліяніе книжнаго языка переводныхъ византійскихъ памятниковъ.

Что касается взаимнаго отношенія списковъ, то между ними нужно отмѣтить прежде всего слѣдующее отличіе. Въ первоначаль-

¹⁾ См. объ этомъ ниже.

номъ видѣ въ „Предъсловіи покаянію“ находилась заключительная часть, въ которой указывалось, кто изъ іереевъ имѣетъ право принимать на покаяніе. Но эта заключительная часть сохранилась лишь въ трехъ древнѣйшихъ спискахъ: 1) Софійскомъ Новгородскомъ сборникѣ XIV вѣка № 1262; 2) Софійскомъ Новгородскомъ сборникѣ XV вѣка № 1285, который долженъ быть признанъ копіею съ оригинала гораздо болѣе ранняго ¹⁾, и 3) въ Паисіевомъ сборникѣ XIV вѣка.

Для редакціи древнѣйшей мѣстѣ извѣстны только два списка: Софійскаго Новгородскаго сборника № 1262 и Румянцовской Кормчей 1620 года. Въ послѣднемъ значительно измѣнено начало, хотя и безъ измѣненія самаго смысла содержанія. Затѣмъ опущено все, относящееся къ изгойству, и совершенно переделана заключительная часть памятника. Не смотря, однако, на это и на сильную подовленность языка, списокъ этотъ несомнѣнно восходитъ къ краткой древнѣйшей редакціи и сохраняетъ даже нѣкоторыя мелкія особенности, извѣстныя лишь этому древнѣйшему изводу. Такъ, на примѣръ, въ древнѣйшемъ изводѣ есть неизвѣстное позднѣйшей переделкѣ слово „поклажан“, какъ особый видъ несправедливаго пріобрѣтенія имѣнія. Слово это сохранено и въ списокѣ Румянцовской Кормчей 1620 года:

Списокъ XIV вѣка.

Или поклепомъ. или запрепнемъ чужого имѣнна или поклажаемъ. или обрѣтене имѣнни.

Списокъ 1620 года.

или поклепомъ и запрепнемъ чужаго имѣнна, или поклажамъ или окрѣтннмъ имѣннмъ.

Въ полномъ изводѣ: ли поклепомъ, ли запрѣпнемъ чужаго имѣннѣ, ли обрѣтенимъ имѣннѣмъ (изданіе Павлова).

Виѣстѣ съ тѣмъ списокъ этотъ представляетъ и такіе варианты, которые восстанавливаютъ болѣе правильное древнее чтеніе нѣкоторыхъ мѣстъ. Списокъ 1620 года важенъ тѣмъ болѣе, что это пока единственный параллельный текстъ къ симску Софійскаго Новгородскаго сборника № 1262.

Остальные извѣстные мѣстѣ списки, въ которыхъ сохранился позднѣйшій изводъ, не представляютъ какихъ либо особенныхъ вариантовъ и всѣ воспроизводятъ тотъ текстъ, который въ наиболѣе исправномъ видѣ сохранился въ сборникѣ Софійско-Новгородской бібліотеки XV вѣка № 1285. Всѣ варианты болѣею частью представляютъ лишь замѣну нѣкоторыхъ малоопытныхъ древнихъ реченій

¹⁾ См. объ этомъ ниже.

или вышедшихъ изъ употребленія словъ, какъ-то: непрѣбордыя муки—непроходимыя муки, добрыхъ дѣтелій—добродѣтели; не мочи ся лапъ проспати—немошно проспати и т. д.

Особаго рассмотрѣнія, однако, требуетъ текстъ Паисіева сборника. Въ первый разъ Предъсловіе покаянію по этому списку было напечатано академикомъ Срезневскимъ въ его „Свѣдѣніяхъ“, какъ текстъ отдѣльнаго извода. Къ этому издателя побудили, конечно, многія сокращенія въ текстѣ и совершенно отличное отъ другихъ списковъ окончаніе памятника. Профессоръ Павловъ, который, вѣроятно, не имѣлъ возможности сличить изданія Срезневскаго съ рукописью, называетъ текстъ Паисіева сборника также отдѣльнымъ изводомъ¹⁾. Но рассматривая это особенное окончаніе, имѣющееся только въ одномъ спискѣ, нельзя не замѣтить, что содержаніе его не соответствуетъ содержанію памятника, такъ же какъ и самый способъ изложенія не имѣетъ ничего общаго съ Предъсловіемъ покаянію. Предъсловіе выясняетъ обязанности духовнаго отца и кающагося, ихъ взаимныя отношенія и тѣ условія, при которыхъ кающійся можетъ быть допущенъ до таинства покаянія. Въ окончаніи же Предъсловія по списку Паисіева сборника говорится о томъ, что земное наше поприще есть темница, сидя въ которой мы не замѣчаемъ пекущейся о насъ десницы Провидѣнія и не слышимъ яснаго гласа Божія. Богъ призываетъ насъ къ себѣ, осыпаетъ благами, указываетъ на будущую блаженную жизнь, а мы оттаеваемся отъ него и ходимъ во грѣхахъ. Но мы должны вспомнить, что насъ ждетъ судъ, должны отвратиться отъ нашей брэнной жизни, перейти на путь добродѣтели, чтобы на страшномъ судѣ не встать на ряду съ осужденными. Ясно, что такимъ образомъ не могло быть закончено Предъсловіе.

Что касается сноса изложенія, то Предъсловіе въ главной своей части, къ срединѣ которой и приставленъ этотъ конецъ въ Паисіевомъ сборникѣ, имѣетъ характеръ тайнаго наставленія духовнаго отца кающемуся. Напримѣръ: „добрѣ приде бра Іли ча калаті грѣхъ своіхъ. къ мѣтвому бѹ вземлющему грѣхи всего мира. І твоі ча возмѣ. аще са начнеши калати чисто і заповѣди его начнеши храни і азъ ти ча буду послухъ грѣшній оучитель“ и т. д.²⁾ Между тѣмъ окончаніе Предъсловія въ Паисіевомъ сборникѣ отличается характе-

¹⁾ „Новѣйшее изданіе, сдѣланное по нѣсколькимъ спискамъ XV в. и въ двухъ изводахъ, у Срезневскаго въ Малоязв. Памятн. № LIX“. Пам. др.-руск. кан. пр., № 122, стр. 835—836. Легенда.

²⁾ Паис. сб., л. 177 об.—178.

ромъ церковнаго поученія всѣмъ вѣрующимъ. Для примѣра можно привести хотя бы слѣдующее мѣсто: „возримъ на стыга жены и мужи... согрѣшающіи къ покаянью притедемъ. на небо текущи. на ѿбо текущи поспѣши. батіи оубогимъ поданѣ. савонній смиренѣ. нищій благодаренѣмъ, покоренѣмъ. попове ѡблецитѣ въ кротость ѿ въ правду. сѣга судите по праву суду. избавите оубогіи и вдовицу. и сироту ѡбидащѣ исѣпите оубивающѣ ѿ смрти“ и т. д. ¹⁾). И эта переменна въ характерѣ изложенія начинается тотчасъ же съ того мѣста, гдѣ текстъ Паисіева сборника расходится съ другими. Такъ какъ рукопись эта очень ветха, и въ ней не достаетъ многихъ листовъ, то невольно напрашивается предположеніе, что въ Паисіевомъ сборникѣ окончаніе Предъсловія утрачено, а напечатанное у Сревянскаго окончаніе принадлежитъ какой либо другой статьѣ, у которой въ Сборникѣ не достаетъ начала.

Предположеніе это вполне подтверждается внѣшними признаками. Такъ, текстъ Предъсловія по списку Паисіевскому совершенно согласенъ съ другими списками полнаго извода до послѣдней строки листа 189 об., а съ перваго же слова листа 190 начинается совершенно иное. Далѣе, послѣднія строки листа 189 об. и первыя строки листа 190 не представляютъ никакого смысла. Вотъ это мѣсто: „вижь то аще члѣци ѿвергутѣ всего. неправеднѣ то не токмо || гакъ ѿ змѣнятыхъ оустъ. то аще са тѣ оуклаемъ. то не точью не оубоимѣ смрти. но и весели будѣ ѿ исходачій сего жити^а“. Смысла нѣтъ никакого, нѣтъ и грамматической связи. Между тѣмъ, если послѣ слова токмо, которымъ оканчивается листъ 189 об., вставить продолженіе по списку, напримѣръ, Софійскаго сборника № 1285, то смыслъ получится вполне точный: „аще члѣци ѿвергнутѣ всего неправеднѣ то не токмо || грѣха избудоу нъ и жизни вѣчнѣй сподобатса“.

Что въ Паисіевомъ сборникѣ Предъсловіе покаянію имѣло то же окончаніе, какое оно имѣетъ въ другихъ спискахъ, окончательно доказывается тѣмъ, что въ томъ же Паисіевомъ сборникѣ почти вполне сохранилась заключительная часть памятника на листѣ 69:

Сборникъ Софійско-Новгородскій № 1285.

Паисіевъ сборникъ.

Вѣдѣти же подобаетъ, мко прѣдъсловныя слова о покаяннѣ не подобаетъ не смысльну попови държати и чѣсти прѣдъ людьми, къ умну и

дмн нъ оумну і оумѣющю добрѣ учити...

¹⁾ Паис. сб., г. 181 об.—182 об.

и такъ далѣе, совершенно согласно съ Софійскимъ сборникомъ № 1285 до конца статьи. Очевидно, въ Пансіевомъ сборникѣ, помимо утраты многихъ листовъ, при переплетѣ были перемѣшаны части рукописи.

Самый текстъ Предсловія по списку Пансіева сборника согласенъ съ текстомъ полного извода. Отличія и варианты его зависятъ отъ характера всей рукописи. Составитель Пансіева сборника не просто вписывалъ статьи, а всѣ болѣе или менѣе сокращалъ, стараясь всегда удерживать лишь смыслъ подлинника. Такой же характеръ имѣетъ и списокъ Предсловія покаянію. Всѣ отличія этого списка отъ другихъ заключаются въ томъ, что здѣсь пропущены нѣкоторыя слова или выраженія, нѣкоторыя мысли выражены болѣе сжато, но смыслъ подлинника сохраненъ вездѣ. Болѣе сильному сокращенію подверглось извѣстное мѣсто объ изгойствѣ. При подробномъ сличеніи Пансіевского списка со спискомъ Софійскаго Новгородскаго сборника № 1285 ясно обнаруживается, что сокращеніе произведено именно изъ полного извода. Все, что было писцомъ пропущено, можно вставить въ текстъ Пансіева сборника, почти не измѣнивъ его.

III.

Опредѣлить точно время происхожденія „Предсловія покаянію“ очень трудно. Несомнѣнно, однако, что памятникъ этотъ принадлежитъ глубокой древности. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего языкъ самаго памятника. Правда, въ большинствѣ списковъ языкъ является уже значительно подновленнымъ, не исключая и текстовъ XIV вѣка (Софійскаго Новгородскаго сборника № 1262, Пансіевского сборника), тѣмъ не менѣе даже въ спискахъ XVI вѣка слѣды древности ясны. Особенно много слѣдовъ древняго языка сохранилъ списокъ XV вѣка въ Новгородскомъ Софійскомъ сборникѣ № 1285. Такъ, можно отмѣтить слѣдующія особенности ¹⁾:

1) Правильное употребленіе глухихъ: смыслуну, умьну, съгрѣшенія, истиннѣ, съхраинитъ, притъчникъ, сънабди, създа, вълѣветъ, богатства, нъ, крѣпко, въпросникъ, съ дръновѣнъемъ, кротъкъмъ, къ своимъ зльмъ и т. д.

¹⁾ Почти всѣ слѣдующіе дальше примѣры взяты изъ текста сборника Сое. Новгор. библ. № 1285 и только нѣкоторые изъ текста сборника той же библ. № 1262. Въ такомъ случаѣ вездѣ рядомъ съ примѣромъ стоятъ: (1262).

2) Сочетаніе гортанныхъ звуковъ съ гласными твердыми: такымъ, погыбають, злохытру, всякымъ, грѣхы (5 разъ), съ чужими грѣхы, погыбнути (2 раза), паки, погыблъ (2 раза), не погыбни, тихымъ, кротѣкымъ, кыя, убогымъ (2 раза), убогымъ, многыми, избыти вѣчноѣ муки, ввбудеть вѣчныя муки, въ муки, такыхъ, слава въ вѣкы вѣкомъ.

3) Сочетаніе шипящихъ съ гласными мягкими: хотацю, сердцю, кажюца, пришедшю, съ чужими грѣхы, конца (2 раза), укажю, обращются, поинци себѣ отца, чужими.

4) Правильное смягченіе гортанныхъ: книжници (звательный падежъ); мы же, рцѣ, грѣшници паче всѣхъ человекъ отягчаемы, съ чужими грѣхы не хотимъ погыбнути, то бо суть чужимъ грѣси, еже каются, а зла ся не оставуче.

5) Склоненіе полныхъ прилагательныхъ безъ сокращеній: вѣрнимъ, злимъ.

6) Именное склоненіе краткихъ прилагательныхъ: послушавшомъ ли паки вамъ спасеномъ быти; по заповедемъ христовамъ.

7) Древняя форма достигательнаго наклоненія: добре приде чадю ли брате каатса къ мѣтѣвому богу.

8) Сохраненіе формы двойственнаго числа: еста бо двѣ матици... еже еста отъ непріязни; и посьникъ бо, не слушага корымника, потопита лодю; оба здѣ насладитася своего хотвнья, въ будущемъ вѣцѣ чюжа будета добрыхъ дѣтелей; да собѣ шба хотаща тако дѣета, а въ ономъ вѣче чюжа боудета оучаста стѣхъ (1262).

9) Сохраненіе звательной формы: ты же, ерею, слуго Христа Бога; да се, сыну, слышалъ еси; хоцеша ли, сыну, створити повелѣное мною.

10) Древнія слова: дебръ=геовна; дѣтель (2 раза); злюбъ; изгонство (2 раза); матица; неправды; непрѣбрдомми; потакова; починокъ=начало; прасолити ¹⁾).

11) Можно отмѣтить еще слѣдующія выраженія и грамматическія сочетанія: прѣ; Господемъ нашимъ Іс̄ Христосьмъ; неповиненъ буду неправдѣ; Богъ проститъ ты всѣмъ грѣхомъ; отдаваніе грѣхомъ;

---

¹⁾ Указаны проф. Павловымъ въ его „Памятникахъ др.-русскаго канонич. права“. См. Указатель древнихъ реченій. Интересно, что изъ всѣхъ напечатанныхъ проф. Павловымъ памятниковъ въ указатель извлечено изъ 930 столбцовъ 112 реченій, изъ которыхъ десять падаетъ на „Предъсловіе покаінію“, занимающее только 9 столбцовъ.

въ вѣкы вѣкомъ; предъсловіе покаянію; не ищи покаянію крѣпа потаковника (1620).

Самый складъ рѣчи также указываетъ на очень древнюю эпоху, на то время, когда литературный языкъ не успѣлъ еще отдѣлиться отъ народнаго и не подпалъ еще вліянію греческаго синтаксиса. Особенною простотою и безыскусственностью отличается языкъ древнѣйшаго извода, такъ какъ въ повдвѣншей передѣлкѣ сказывается уже извѣстный риторическій характеръ.

Поэтому ученые всегда относили „Предъсловіе покаянію“ къ глубокой древности. Профессоръ Чистовичъ ¹⁾, а за нимъ и преосвященный Филаретъ ²⁾ отнесли это сочиненіе къ періоду до-монгольскому. Издатель „Предъсловія покаянію“ въ *Православномъ Собесѣдникѣ*, читавшій этотъ памятникъ по рукописямъ лишь 1498 года и XVI вѣка, говоритъ, что „языкъ и складъ его отличается характеромъ самыхъ древнихъ временъ“, хотя и не находитъ въ немъ никакихъ особенныхъ признаковъ, по которымъ можно было бы отнести его къ какому нибудь опредѣленному времени ³⁾. Академикъ Тихонравовъ въ своемъ рефератѣ „О худыхъ номоканунцахъ“, хотя и не высказываетъ опредѣленнаго мнѣнія относительно времени происхожденія нашего памятника, но называетъ его „древнѣйшимъ русскимъ номоканунцемъ“ ⁴⁾. Профессоръ Павловъ также думаетъ, что статья эта по содержанію и языку должна „принадлежать глубокой древности“ ⁵⁾. Самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался о времени происхожденія „Предъсловія покаянію“ профессоръ А. Кочубинскій въ своей рѣчи на Меѳодіевскомъ юбилей. „Содержаніе Предъсловія,—говоритъ онъ,—дышетъ простотою еще эпической жизни, чѣмъ подтверждается принадлежность его къ эпохѣ формирующагося христіанскаго общества, но не дѣлѣ, а не словесы—вѣка XI“ ⁶⁾.

Эти соображенія ученыхъ относительно времени происхожденія „Предъсловія покаянію“, основанныя на данныхъ языка и на самомъ характерѣ памятника, могутъ быть подтверждены и болѣе точно фор-

¹⁾ См. библиогр. записку объ Обзорѣ русск. дух. литературы, оп. Филарета. *Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по 2-му отд.*, т. VI, стр. 237.

²⁾ Обзоръ русск. дух. литерат., изд. 3, стр. 48.

³⁾ *Правосл. Собесѣдникъ*, 1860, т. I, стр. 349.

⁴⁾ См. отчетъ о рефератѣ академика Тихонравова, *Московскія Вѣдомости*, 1875, № 44.

⁵⁾ Памятнику др.-русск. канонич. права, стр. 835—836. Легенды.

⁶⁾ А. Кочубинскій, *Добрый пастырь и добрая нива*, Одесса, 1885, стр. 39.

мулированы на основаніи исторіи списковъ памятника. Какъ извѣстно, одинъ изъ лучшихъ списковъ „Предъловія покаянiю“, принадлежащихъ къ позднѣйшему изводу, находится въ сборникѣ Софійской Новгородской бібліотеки № 1285. Это случайное обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія. По времени написанія рукопись эта относится къ XV вѣку, но она замѣчательна тѣмъ, что должна быть призвана довольно точною копiею съ оригинала, по крайней мѣрѣ, XII вѣка.

Рукопись эта писана въ большой александрійскій листъ, на лощеной бумагѣ, очень четкимъ некрупнымъ полууставомъ, въ два столбца, на 168 листахъ. Между водяными знаками въ бумагѣ встрѣчаемъ: бычачью голову съ утвержденнымъ между роговъ крестомъ, раскрытыя ножницы, вѣсы, лукъ. Рукопись переплетена въ доски, покрытыя кожей, и сохранилась вся въ отличномъ видѣ. Наверху бѣлаго листа, приклееннаго къ верхней доскѣ переплета, скорописью написано: „книга гдѣрькоѣ даніѣ собѣникъ“. Можно думать, поэтому, что рукопись была написана по приказу какого либо князя для вклада въ церковь, можетъ быть, въ Софійскую Новгородскую, такъ какъ въ языкѣ замѣтны слѣды новгородскаго говора. Писецъ, получивъ, вѣроятно, приказаніе снять точную копiю съ древняго оригинала, старался воспроизвести въ точности древній текстъ. Но такая работа была, очевидно, довольно непривычна для писца XV вѣка, которому было трудно читать подлинникъ, написанный древнимъ уставомъ безъ раздѣленія словъ. Поэтому при письмѣ онъ совершенно не слѣдилъ за смысломъ текста, а старался списывать почти букву за буквой, что и отразилось въ копiи нѣкоторыми интересными ошибками. Такъ, напримѣръ, на л. 131, вмѣсто: что ли вчлвчѣса оправн (*τί ἐναδρωπῆρας καθ' ὀρθωσεν*), онъ написалъ: что ли въ чтоли вчлвчѣса оправн. Писецъ, конечно, написалъ сначала чтоли в, послѣ чего слѣдовала буква ч въ словѣ вчлвчѣса, но онъ, обратившись къ подлиннику, взглянулъ не на то ч и снова написалъ: что ли, отчего и явилось чтеніе: что ли въ чтоли вчлвчѣса оправн. Или, напри- мѣръ, писецъ пишетъ заглавіе (Вогословіе Іоанна Дамаскина, кн. II, гл. XXVIII): ꙗже суть въ нѣ, вмѣсто: ꙗже не суть въ нѣ, а дальше, не замѣчая противорѣчія, самое слово начинается: а ꙗже не соуть въ насъ и т. д. Есть ошибки и другаго рода. На л. 154 написано: приведѣтса вѣровати въ писанню. Здѣсь ю написано потому, что писецъ принялъ въ оригиналѣ iотованное е (κ) за ю, что могло случиться лишь тогда, когда этотъ оригиналъ былъ написанъ

древнимъ уставомъ. То же самое на л. 3 об.: Прѣмѣноушата оубо мысль вѣри требоуютъ, вмѣсто: требуютъ. Такая же ошибка есть и въ нашемъ памятникѣ по списку, находящемуся въ этой рукописи: Вѣдѣти же подобаетъ. Тако прѣсловью (читай прѣсловью) слова ѿ покаяннѣи не подобаетъ несмысленно попови държати ¹⁾.

Самый языкъ рукописи гораздо древнѣе XV вѣка и указываетъ также, по крайней мѣрѣ, на XII вѣкъ подлинника, изъ котораго писецъ сохранилъ массу древнихъ формъ и словъ. Можно указать на слѣдующія особенности: 1) правильное употребленіе глухихъ зъ и ь; 2) постановка твердыхъ гласныхъ послѣ гортанныхъ и мягкихъ послѣ шипящихъ; 3) склоненіе краткихъ прилагательныхъ по именному склоненію; 4) склоненіе полныхъ прилагательныхъ безъ сокращеній; 5) употребленіе винительнаго падежа въ формѣ именительнаго; 6) употребленіе при прилагательныхъ дательнаго падежа вмѣсто родительнаго; 7) постоянное употребленіе формы двойственнаго числа; 8) употребленіе слова Христось въ косвенныхъ падежахъ въ полной формѣ: христоса, христосоу и т. д. Для характеристики языка рукописи привожу двѣ выписки: 1) л. 168: Не своя изнаосаще словеса изъ христосова вѣщающе оученій. тѣмъ же ѿлично на въ христоса хртѣномса. христосовъ послушаймъ оученій. да не съ еретики и съ жиды ѿсоудимса; 2) л. 161 об.: Многамъ соушамъ притычамъ. ѿ съборъ створыше ѿ нихъ малъ съкажемъ невѣроушцимъ ²⁾.

Все это несомнѣнно подтверждаетъ глубокую древность оригинала, съ котораго списанъ Софійскій Новгородскій сборникъ XV вѣка. Итакъ „Предѣсловіе покаянію“ уже извѣстно было у насъ въ XII вѣкѣ, и при томъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно сохранилось въ указанномъ Новгородскомъ сборникѣ. Другими словами, не позднѣе XII вѣка „Предѣсловіе покаянію“ было извѣстно уже въ повднѣйшей переработкѣ. Слѣдовательно, въ своемъ первоначальномъ видѣ этотъ памятникъ долженъ быть отнесенъ къ самымъ первымъ временамъ нашей письменности. Это, какъ увидимъ ниже, подтверждается и самымъ характеромъ сочиненія.

¹⁾ Последняя описка указана прое. Павловымъ въ его изданіи: Памятникъ древне-русск. кан. права, столб. 845, прил. 2.

²⁾ Не привожу здѣсь примѣровъ потому, что мною готовится подробное описаніе этого замѣчательнаго сборника.

IV.

Какъ памятникъ каноническаго характера, „Предъсловіе покаянію“, конечно, не могло быть вполне самостоятельнымъ и должно было быть основано на постановленіяхъ и писаніяхъ отеческихъ. Главнымъ источникомъ для него служилъ такъ-называемый покаянный номоканонъ Іоанна Постника, который сдѣлался извѣстнымъ на Руси въ самую древнюю эпоху русской письменности ¹⁾. Другимъ источникомъ былъ одинъ изъ вопросовъ съ отвѣтомъ Анастасія Синаита, который дошелъ до насъ въ спискѣ Святослава Ивборника 1073 года.

Въ позднѣйшемъ изводѣ „Предъсловія покаянію“ вписанъ буквально вопросъ съ началомъ отвѣта Анастасія: „Добро ли ѣсть прамѣ исповѣдовати грѣхы наша дѣховнымъ мѣжемъ“. Въ первоначальномъ изводѣ, однако, нѣтъ этой выписки, и можно думать, что она была внесена въ текстъ при литературной обработкѣ памятника. Позднѣйшая вставка этой рукописи подтверждается тѣмъ, что она внесена въ текстъ между частями одного и того же предложенія, вслѣдствіе чего начало этого предложенія въ новомъ изводѣ закончено иначе, а конецъ его измѣненъ такъ, чтобы могъ служить продолженіемъ послѣднихъ строкъ выписки. Для этого въ текстѣ выписаннаго изъ Анастасія мѣста сдѣлана даже перестановка. Для большей наглядности и убѣдительности означенное мѣсто приводится изъ обоихъ изводовъ параллельно съ текстомъ вопроса съ отвѣтомъ Анастасія по списку 1073 года:

<i>Древній изводъ.</i>	<i>Позднѣйшій изводъ.</i>	<i>Вопросъ Анастасія.</i>
(Сп. Соф. сб. № 1262).	(По изд. Павлова).	(По списку 1073 г., по изд. Общ. истор. и др.).
А. Такъли добре та на- оучить. Ты же	Да таковыи ерей добръ та учеть; ты же при- имъ крѣпко, съхрани заповѣди, и спасешися.	
Б.	О покаяніи бо рече въпросникъ: добро ли исповѣдати грѣхы къ ду- ховнымъ отцемъ? Отвѣт- никъ рече: ей, добро, ча- до, нѣ не безъ искуса су-	въпросъ: Добро ли ѣсть прамѣ исповѣдовати грѣхы наша дѣховнымъ мѣжемъ? Отвѣта- никъ рече: ей, добро, ча- добро и зѣло полезно, нѣ не къза искуса слышнннхъ в грѣ-

¹⁾ Павловъ, Первоначальный русскій номоканонъ. Номоканонъ при Большомъ Тренинѣ.

шимъ: Будеть бо поппвъ къ ѡ такыихъ вѣдущимъ,
грубъ, ли невѣжа, ли пья- да не грубомъ милостивъ или
нищъ, ли гордъ,—такъ бо безгоднымъ и нехатрымъ
сущъ попъ, провѣчннѣмъ
врѣобидника та и нера- закѣта, прѣобидника и нера-
дова, и лѣнлива, и осла- дна, или лѣнлива и осмелѣна
блева та створить.

В.

та створить, лиже ли нѣко
обрашени мала духовна,
искрѣна, моглшѣ та врѣ-
кати бесрамѣннѣ и съ вѣромъ
исповѣжъса ѣмю, іны гѣм,
не чаю

См. Д.

Г.

О таковыхъ бо и Господь
рече: „горе вамъ, фари-
сеи лицемѣри, книжници
слѣпни, яко обходите мо-
ре и землю, и творите
одного пришельца дебри
огньнѣи, сугубѣиша васъ.
Горе вамъ, вожеве слѣ-
пнн, спону творите хотя-
щимъ спастиса“. Аще ли
обрашени мужа духовна
и разумна, то безъ смута
исповѣжъся ему, не яко
къ чловѣку, въ яко къ
Богу.

См. В.

Д.

Е.

См. Г.

къ лѣпноту нѣко глѣше ѡ та-
цѣхъ гѣ..... горе вамъ книгъ-
чннѣи и фарисеи, яко обходите
море и сушицу, створите ѣди-
ного и сѣа редьстѣмъ огнь
нѣмѣмю, сугубѣиши васъ.
горе вамъ вожеве слѣпни.

Ж. буди послушливъ. по Буди послушливъ, по Го-
гѣю словеси реченому сподѣню слову, реченому
къ апѣмъ. къ Апостоламъ.

Что эта вставка была сдѣлана впоследствии, можно думать и потому, что въ ней не было никакой необходимости. Всѣ мысли, заключающіяся въ этой выпискѣ, высказаны были уже въ началѣ произведенія, или же высказываются далѣе. Такимъ образомъ, выписка эта является ненужнымъ повтореніемъ и нарушаетъ цѣлость сочиненія. Затѣмъ буквальное заимствованіе изъ вопроса Анастасія совершенно противорѣчитъ тому способу пользованія источниками,

какого держался первоначальный составитель памятника. Онъ нигдѣ не дѣлаетъ буквальныхъ выписокъ, заимствуя лишь мысль подлинника. Очень возможно, что у автора источники были еще на греческомъ языкѣ, а не въ готовомъ славянскомъ переводѣ, и потому для него было гораздо удобнѣе удерживать лишь смыслъ источника, а не переводить буквально. Между тѣмъ, какъ впоследствии тотъ, кто передѣлалъ подлинникъ, могъ воспользоваться готовымъ переводомъ, такъ какъ то сочиненіе Анастасія, изъ котораго была сдѣлана выписка въ Предъсловіи покаянію, дошло до насъ въ спискѣ Святославова изборника 1073 года. И составитель втораго извода дѣйствительно воспользовался этимъ переводомъ, такъ какъ въ выпискѣ, какъ можно усмотрѣть изъ приведеннаго выше сличенія, мы встрѣчаемъ тотъ же самый переводъ текста Анастасія, какой имѣется и въ Святославовомъ изборникѣ.

Признавая указанную буквальную выписку изъ вопроса Анастасія позднѣйшею вставкою, мы, однако, полагаемъ, что вопросы съ отвѣтами Анастасія были извѣстны и составителю древнѣйшаго извода. Такъ онъ, кажется, воспользовался началомъ того же самаго вопроса и отвѣта для выясненія тѣхъ условій, какимъ долженъ удовлетворять іерей, принимающій на покаяніе:

Вопросъ Анастасія.

(По сп. 1073 г. ¹).

Добро ѿ зѣло пользно, иъ не беза Акиса саштнѣиъ и грѣхѣ ѡ такыихъ вѣдоштинѣиъ, да не грѣхѣиъ милостнѣиъ. ииъ безгоднѣиъиъ провлѣченнѣиъ зѣчѣта, прѣбѣднѣиъиъ и иерднѣиъиъ и осмѣленѣиъ та сѣтворитѣ.

аштѣ ѡубо оврацѣиши илжа дѣховна, искѣсна, мѡглшѣта та вращѣвати, есралиѣннѣиъ и сѣ вѣроѡ исповѣшѣся кѣми, аны гѣиъ, а не чѣиъиъ.

Можно, впрочемъ, указать и буквальное заимствованіе изъ одной статьи, приложенной къ отвѣту Анастасія:

Вопросъ Анастасія.

(По сп. 1073 г. ²).

сѣажи и ѡубо, доиѡлѣже ѡмолитѣ кѣ, не ѡставѣиъ иго ѡтѣшѣиъиъ, не пачѣ сѣказѣиъ елѣ

Предъсловіе покаянію.

(По сп. Соф. сб. № 1262).

Подобаетъ быти ерею смышлену. и хытру книгѣиъ. и трезвою и оумною быти. Хотѣщему же са каитѣ. то не ищи покаянію іереѡ потаковнѣиъ. по своему срѣдѣиъ потакѣиъиъ творѣща. и слабо оучѣща. и епитеиъиъ не свѣзѣивающѣиъ.

Да поищи ереѡ разумна и кротка. и предѣ тѣиъ исповѣшѣся кѣ боѡ.

Предъсловіе покаянію.

(По сп. Соф. сб. № 1262).

¹) Пользуюсь изданіемъ Московскаго Общества исторіи и древностей российскихъ.

²) Ibid., стр. 123.

дѣтъ смѣнѣмъ гѣтвомъ. шитѣ бо ты не
смажени, то нераздрѣшныи оубо ѡжи-
дѣтъ ѡго.

аще бо перѣп не сважетъ то жидуть
(sic) насъ вѣчна неразрѣшѣа оубо.

Можно указать въ Предъсловіи и еще одну параллель съ вопро-
сомъ Анастасія, но въ данномъ случаѣ скорѣе можно считать источ-
никомъ Номоканонъ Іоанна Постника, въ которомъ, какъ ниже уви-
димъ, эта мысль высказывается въ выраженіяхъ, очень близкихъ къ
изложенію нашего памятника. Вотъ это мѣсто:

Вопросъ Анастасія.

(По сп. 1073 г. ¹⁾.)

а якоже съ своими грѣхы имуть въ себѣ
градущи по смѣрти и крѣпкимыи грѣхы
и потыкаемыи дѣи отъ злыаго своего
оучениа тлци

Предъсловіе покаянію.

(По сп. Соф. сб. № 1262).

Аще ли не хоцеть сего оучениа.
Ты же рчи ему да понщи члбче по-
таковника ѡда себе.... Азъ же мсиъ
грѣшнѣе яче всѣхъ члбкъ. не хоцю
съ чюжими грѣхы погыбнути. Се бо
и чюжи грѣси иже каютса а зла са
не оставутса.

Итакъ, сопоставленіе приведенныхъ мѣстъ показиваетъ, что со-
чиненіе Анастасія Синанта, если и послужило для автора источни-
комъ, то въ степени очень не значительной.

Главный источникъ для Предъсловія покаянію указанъ самимъ
авторомъ произведенія: Прочее же указанье укажетъ Іоанъ мнихъ,
ученикъ святаго Василія. „Разумѣется извѣстный номоканонъ Іоанна
Постника, которымъ пользовался уже Кирикъ въ своихъ „Въпроша-
ніяхъ“ и который въ старшихъ славянскихъ спискахъ, согласно съ
греческими, надписывался: „Іоанна мниха, чада по послушанію свя-
таго Василія, и о исповѣданіи“ и пр. (Опис. Рум. Муз., стр. 277).
Предъсловіе покаянію дѣйствительно имѣеть много общаго съ этимъ
номоканономъ“ ²⁾).

„Предъсловіе покаянію“ прежде всего выясняетъ, какимъ усло-
віямъ долженъ удовлетворять іерей, принимающій духовныхъ дѣтей
на покаяніе. „Подобаеть быти ерею смышленюу. и хытру книгамъ.
и трезвою и оумною быти. Ѡ грѣховъ оудаламаса..... А грубъ не-
вѣжа неподобно бы ему быти ереймъ.... Вѣдѣти же подобаеть
яко предъсловію слова ѡ покаянии. не подобаеть несмышленюу по-
нови държати. То добре оумекюц(оу) тоже оучити. а не оумекан оучити.

¹⁾ Ibid., стр. 111.

²⁾ Павловъ, Памятники древне-русскаго каноническаго права, стр. 846, при-
начіе 6.

не прими (чит.: не принимати) на покаяніе. Ни слепецъ бо слѣпца водить. великѣи бо (и)мети смышль и трезвѣтиса. то же истазати кающагоса“.

Въ двухъ изводахъ номоканона Іоанна Постника, напечатанныхъ у аббата Migne ¹⁾, и въ извѣстныхъ мнѣ славянскихъ спискахъ разныхъ редакцій того же номоканона нельзя указать ничего соответствующаго данному мѣсту. Въ этомъ случаѣ можно предположить скорѣе всего заимствованіе изъ указаннаго выше вопроса Анастасія Синаита. Тотъ же взглядъ, какой высказывается въ „Предъсловіи покаянію“ относительно духовнаго отца, встрѣчаемъ въ статьѣ: „Предисловіе и сказаніе, ѡ ѣже како подобаетъ быти дхѡвникѹ, ѡ сказовати невозбранно приходѣющимъ къ немѹ“ (*Προθεσία πρὸς τὸν πνευματικὸν πατέρα καὶ ἀσφαλεία*). Статья эта печатается въ нашихъ требниккахъ предъ чинопослѣдованіемъ исповѣди. Греческій подлинникъ ея по рукописи Императорской Публичной Библіотеки XVII вѣка былъ въ первый разъ изданъ профессоромъ Горчаковымъ въ приложеніяхъ къ его рецензій на „Номоканонъ при Вольшомъ Требникѣ“ профессора Павлова ²⁾ Однако, отъ какихъ либо выводовъ воздерживаюсь, такъ какъ мнѣ не извѣстно время появленія этой статьи на греческомъ языкѣ. Если же эта статья древняя, то она не только могла послужить источникомъ для „Предъсловія покаянію“, но могла дать и первую мысль о составленіи нашего памятника. Авторъ могъ воспользоваться готовою формою „Предъсловія“, которое предпосылалось чинопослѣдованію, и въ этомъ предисловіи высказать все, чего не доставало въ чинопослѣдованіи исповѣди для вновь приняшаго христіанство народа. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что авторъ даетъ своему сочиненію то же заглавіе, какое видимъ въ греческой статьѣ. Привожу изъ этой статьи мѣста, соответствующія „Предъсловію покаянію“: „Пріемлай помышленіа члвѣческаа долженъ ѣсть быти образъ благъ всѣхъ, ѡ воздѣржникъ, смиренъ ѡ добродѣтеленъ, моласа на всакъ часъ Бгѹ, да подасть ѣмѹ слово разѹма, во ѣже ѡсправлѣти притекающыа къ немѹ..... “Аще же самъ невѣжа, невоздержникъ ѡ слатолубецъ сѡй, какѡ ѡныхъ добродѣтели можетъ оучити. Далѣе: Великій же Васілій глаголетъ: блюди, да не оусрамиписа когѡ ѡ славныхъ земли, ниже самогѡ дѣадимѹ носащаго да причастиши“. Ср. въ Предъсловіи покаянію: „Ты же ерекѹ слуго бѡ възши-

¹⁾ *Migne*, *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Т. 88, pag. 1889.

²⁾ Отчетъ о 16 присужденіи награды графа Уварова, стр. 102—103.

наго. не оубоиса не оустыдиса лица чловѣчьскаго. Аще ти црѣсть или кнѣзь. или судна. или воинъ. или рабъ. Но ты еси бѣи слуга хвѣ. да съ деръзновенемъ твоимъ. творити начнетъ повеление бѣе (позднѣйшій изводъ: да съ деръзновѣнемъ твори повелѣнье Божіе)*.

Затѣмъ „Предъсловіе покаянію“ опредѣляетъ взаимныя отношенія кающагося и духовнаго отца: „Хотащему же са каяти. то не ищи (поздн. изв.: не искати) покаянію крѣпа потаковника. по своему срдцю потакъви твораща. и слабо оучаща и епитимією не свазывающа.... Да поищи ереа разумна и кротка, и предъ темъ исповѣжьса къ боу. такыи добре та наоучить“. Между статьями, приписываемыми Малаксоу въ его номоканонѣ патриарху Іоанну Постнику, есть одна, заглавіе и содержаніе которой близко подходитъ къ сдѣланной изъ Предъсловія покаянію выдержкѣ. Вотъ эта статья: Περί τοῦ θέλοντος νὰ ἐξομολογηθῆναι, ὅτι νὰ ζητῆ πνευματικὸν ἔμπεIRON... Ἐκείνος (ὁ θέλων ἐξομολογηθῆναι) δπου θέλει νὰ ἐξαγορευθῆ, διὰ νὰ ἰατρεύσῃ τὰς πληγὰς τῆς ψυχῆς, θέλει νὰ δράμῃ καὶ νὰ κοπάσῃ, ὅπως νὰ εὕρῃ πνευματικὸν ἄξιον καὶ δοκίμωτον, νὰ τὸν ἰατρεύσῃ καὶ λατρεύσῃ καὶ διορθώσῃ τὰ ἀμαρτήματα αὐτοῦ· καθὼς λέγει καὶ ἡ θεῖα γραφή· ὅτι ὑμεῖς δυνατοὶ τὰ ἀσθενήματα τῶν ἀδυνάτων βασιλεύετε· εἰ δὲ καὶ τυφλὸς τυφλὸν ὀδηγεῖ, καὶ οἱ δύο εἰς βῆθλὸν ὑπηγέρον, τοῦτέστι θέλουν πέσειν ¹⁾.

Предъсловіе покаянію: „Пришьдшю же къ тебе чловѣку. вниди с нимъ в тайно мѣсто. и побесѣдуй с нимъ преиже исповѣданна его... Начни же Ѡ починка словеси. даже и доселѣ. тихымъ лицемъ. и весело рчи ему тихо. добре приде чадо и брате. каютиса къ гу нашему исусоу христу. вземлющаго (sic) грѣхы всего мира. и твоа чадо възметъ“. Номоканонъ Іоанна Постника ²⁾: „Поати подобаетъ исповѣдающагося. иже приѣмлетъ кѣго. предъ црквнымъ олтаремъ и поставити и тоу. аще ли нѣ цркве на чтѣ нѣкде и на Ѡлоченѣ мѣстѣ и безъмогвиѣ.... и въпрошати и съ всею тихостию и крото-

¹⁾ Тамъ же, стр. 179—180.

²⁾ При дальнѣйшемъ сравненіи Предъсловія покаянію съ номоканономъ Іоанна Постника пользуюсь древнѣйшимъ спискомъ послѣдняго, сохранившимся въ Руманцовской Коричей XIII вѣка № 230. Списокъ этотъ носитъ то самое заглавіе, подъ которымъ оно было извѣстно автору „Предъсловія покаянію“: прочее же о помыслии ѡмъзакеть (sic) ибъ лии ѡчѣкъ сѣго мыслина. Ср. заглавіе номоканона въ указанномъ спискѣ: Поана мнѣха чада по посланичанію ѡчвинка сѣго мыслина. ѡ исповѣданни различны. ѡ заповѣди исповѣдающихся. въ таниѣ грѣхы. и тѣхъ приѣмлющихъ. истинныхъ: ѡмъзакетьнымъ къ гоу Ѡ еѣ и къ рассмотренни полмыси ѡбегоый.

стию, аще възможно и цѣловати и...¹⁾ Преже всѣхъ должнѣ кѣсть имѣти. исповѣданіи приѣмла. въ цркви и ли инакомѣ мѣствѣ тайнемъ. краткыма ѡчима радостынымъ срѣдцемъ. тако же и на ѡбѣдѣ свѣтлѣ зова и оувѣтоуѣ ѡблобызатаи всѣхъ...²⁾ Бѣ насъ ради въчлвчывѣйсѣ. и всего мира грѣхы понесѣи. тѣ самъ своєю си пребѣгою блѣгостынею. и си вса брѣ въсприиметь ієлико нынѣ предъ нимъ моѣмоу іздрекѣ ієси на достоѣннию. простить ти все и въ семь вѣцѣ и въ боудоущемъ³⁾.

Предъсловіе покаянiю: „Когда ты (кающійся) отвергнешь отъ себя важнѣйшіе грѣхи (пьянство и неправедное собраніе имѣнія), то и азъ та приму и ѡцѣ ти боуду и оучѣль. нди чадо. створи повеленюк. тогда каешиса. хоцещи ли сѣтворити повеленое ѡмѣ нѣ хсмѣ. Аще ли не хоцещи. да и азъ не буду повиненъ твоеи неправдѣ. ни іжмѣ послухоумъ боуду по тебе. Да аще же ли ѡбѣщаетса. то сѣ радостно и блѣвнѣвъ приими. Аще ли не хоцеть сего оученна. ты же рчи ему да поници члѣче потаковника ѡцѣ собе. по похотенію своему. да сдѣ ѡба яко хоташа тако дѣвета. а въ ѡномъ вѣче чюжа будета оучастѣ стѣхъ. Азъ же ксмѣ грѣшьнѣ паче всѣхъ члѣкѣ. не хоцю сѣ чюжими грѣхы погыбнути. Се бо и чюжи грѣси иже каютса а зла са не останутса“. Номоканонъ Іоанна Постника: „аще полоучить исповѣдайса (заповѣдъ о брашнѣ и о питіи), да преже исповѣданіа ѡгревоульса боудеть сѣгрѣшати. или повѣдаѣтъ. и по исповѣданіи ѡгрѣбатиса.⁴⁾ али же не ѡтроженны имоуть ѡ свонхъ ѡбычай. и сластѣмъ поработати въсхотать. нежелн гви. и ієже по кѣвалию животу не хотать ходити. ни ієдино же нлѣ слово к нимѣ. общи... Мы же въ людѣхъ непокорливѣиѣхъ и прекословѣиѣхъ. наѡучени ієсмѣ слышати. яко ѡ сѣса сѣти дшю свою. не въсхоцемъ ѡубо сѣ чюжими грѣхы погыбноути. нѣ ѡубоіавнеса тажкаго грѣха и страшнаго. и чѣ ѡнѣ предъ бчима имоуце. сѣ таковыми погыбнути не въсхоцемъ“⁵⁾.

Нужно, однако, замѣтить, что послѣдняя выписка изъ номоканона Іоанна Постника, повторяющая дословно нѣкоторыя выраженія Предъсловія покаянiю, въ греческомъ подлинникѣ пропущена. Трудно, однако, предполагать, чтобы это мѣсто было вставлено въ славянскій

1) Указанный списокъ номоканона, л. 78 об.

2) Тамъ же, л. 100.

3) Тамъ же, л. 101 об.

4) Тамъ же, л. 83.

5) Тамъ же, л. 82.

переводъ. Номоканонъ Іоанна Постника, сохранившійся въ Румянцовской Кормчей XIII вѣка, повидимому, былъ переведенъ въ двухъ изводахъ, и оба перевода были вписаны въ означенную Кормчую, въ которой, однако, утраченъ конецъ перваго перевода и начало втораго, такъ какъ между листами 94 и 95 недостаетъ части рукописи. Выписанное мѣсто встрѣчается въ томъ и другомъ переводѣ. Затѣмъ самый переводъ, очевидно, сдѣланъ былъ съ буквальною точностью, такъ что безъ греческаго подлинника текстъ его во многихъ мѣстахъ трудно понимается. Поэтому предполагать вставку здѣсь нѣтъ основанія, тѣмъ болѣе, что у переводчика текстъ былъ не тотъ, который напечатанъ въ патрологіи Миня. Профессоръ Горчаковъ, который, вѣроятно, не имѣлъ возможности сравнить Номоканонъ Румянцовской Кормчей съ греческимъ подлинникомъ, предполагаетъ, что въ этой редакціи сохранился сокращенный текстъ первой редакціи Постникова Номоканона, напечатанной у Миня. Но это не вѣрно. Подробное сличеніе текста Румянцовской Кормчей съ текстами, напечатанными у Миня, ясно показываетъ, что у переводчика былъ совершенно другой подлинникъ. Славянскій текстъ соответствуетъ и тому и другому изъ напечатанныхъ въ Патрологіи, отвѣчая попеременно то полному изводу, то сокращенному. Не мало и такихъ мѣстъ, которыхъ нѣтъ ни въ томъ, ни въ другомъ изъ греческихъ текстовъ, точно такъ же какъ многого недостаетъ и въ славянскомъ переводѣ противъ греческаго подлинника.

Предъсловіе покаянію: „Аще боудеть преже кто ѡбѣтелъ неправеднымъ събраниемъ. потомъ ѡубожагъ и нечимъ боудеть ѡдавати. Таковыа оучити дабы ѡпаты того не дѣбали. такоже и молитиса къ мѣтвому боу съ плачемъ и покаяниемъ (поздній изводъ: съ слезами и съ плачемъ и колѣноклананьемъ) въ оумилении до исхода дѣша своеа. то же по силе а не ч[ре]съ силу... Будеть бо или лирота (читай: сирота) или немощенъ или реместѣникъ ремествомъ кормаса (позднѣйшій изводъ: и будетъ болій ¹⁾ сирота, ли немощенъ, ли работенъ, ли какъ) всего того пытати ѡ кающагоса достоятъ“. Номоканонъ Іоанна Постника: „и прашати ѡ. что можеша схранити заповѣдь. не ѡже подобаетъ хоцеть дати заповѣдаеть.

¹⁾ „Въ рукописи болій“; кажется, нужно читать: „боль (больной) ли“. *Пасловъ*, Пам. древн.-руск. канонич. права, стр. 846, прим. 5. Но текстъ XIV в. въ сборникѣ Сое. № 1262 показываетъ, что чтеніе болій явилось изъ бо или, вѣрнее изъ бо ли. Текстъ XIV в.: будетъ бо или сирота или немощенъ. Текстъ XV в. въ Сое. сб. № 1285: и будетъ болій сирота, ли немощенъ.

и запрѣщеніи же гѣпо кѣсть и кѣго же просить. нѣ иже хранить изволить запрещенныи не по радоу бо грѣховъ. Ѫ блгоутробна тихои блгоподражателъ. добрѣ расмотрати могоущимъ. и лице кѣствомъ и чѣ вѣдѣннѣи и невѣдѣннѣи и оуность и старость. дають са заповѣди. нѣ къ такому же рекоуть сказанію. и расмотренію. и хотащемоу расмотрити подобаѣтъ. лице и чѣ и мѣсто. кѣство приематель исповѣдавшагоса. достоить малогрѣшномуу и бѣдрому великоу приѣти заповѣдь. тако да не оставленнѣи згымъ принять. нѣ и вѣнецъ многогрѣшномуу и гѣнивомуу малъ. да не побѣженъ боудеть тажестію. и сѣкрби (скрби ради?) вса оставлати начнеть. не бо нѣ и повелѣннѣи кѣсть. тажестъ облыгчати. и таготу наложити блго бо хѣво иго. и бремена льгко ¹⁾.

Необходимо также обратить вниманіе на то, что Предѣсловіе покаянію предписываетъ кающемоуся поклоны. Это опять указываетъ на тотъ же номоканонъ Іоанна Постника, въ которомъ, при сокращеніи прежнихъ продолжительныхъ эпитимій на половину и болѣе, „со всею точностью опредѣлены высшія принадлежности покаянія— постъ или сухояденіе и земные молитвенные поклоны (метанія)“ ²⁾.

V.

Предѣсловіе покаянію, составленное на основаніи номоканона Іоанна Постника, тѣмъ не менѣе имѣетъ важное самостоятельное значеніе. Вслѣдъ за принятіемъ христіанства языческими народами западной Европы у нихъ всегда появлялись покаянные номоканоны, при посредствѣ которыхъ духовенство старалось вліять на народную

¹⁾ Румянц. Кормч. XIII в., л. 81. Въ виду неясности перевода привожу это мѣсто номоканона Іоанна Постника въ греческомъ оригиналѣ. *Migne, Patrologia. Series graeca, t. 88, pag. 1925:* και ἐρωτᾶν τίνα ἰσχύσει φυλάξει ἐντολήν. Οὐ γὰρ ὁ θέλει ὀφείλει δίδοναι ὁ ἐπιτιμῶν τὸ ἐπιτίμιον, οὐδὲ ὁ κρέπει ἀπαιτεῖ. ἀλλ' ὁ φυλάξει προαιρεῖται ὁ ἐπιτιμώμενος, ὅτι οὐ πρὸς τὴν ἀναλογίαν τῶν ἁμαρτημάτων παρὰ τοῖς χριστοῖς, εὐσπλαγάνοις καὶ χριστομιμήτοις, καὶ τοῖς καλῶς διακρίναι δυναμένοις καὶ πρόσωπον, καὶ φύσιν, καὶ ὄραν, καὶ τόπον, καὶ ἀγνωσίαν, καὶ νεότητα, καὶ γῆρας δίδονται τὰ ἐπιτίμια, ἀλλὰ πρὸς τὴν οἰαν εἶπον σύγκρισιν καὶ διακρίσιν, καὶ τοῦ διακρίναι ὀφείλοντος καὶ πρόσωπον καὶ ὄραν καὶ φύσιν ἀναλόγως τοῦ ἐξομολογουμένου. Ἐνδέχεται γὰρ τὸν ὀλιγαμάρτητον καὶ πρόθυμον μέγα λαβεῖν ἐπιτίμιον, ὅπως μὴ μόνον ἀφεσὶν κακῶν, ἀλλὰ καὶ στέφανον λάβῃ, τὸν δὲ πολυμαρτητον καὶ ῥάθυμον μικρόν, ἵνα μὴ καταποθεῖς ὑπὸ βάρους καὶ ἀθυμίας ἀφήσῃ πάντα. Οὐ γὰρ προσετάγημεν βάρη κουφίζειν, καὶ βάρη ἐπιτίθειν. Χρηστὸς γὰρ ὁ τοῦ Κυρίου ζυγὸς καὶ τὸ φορτίον ἐλαφρόν.

²⁾ *Палловъ, Номоканонъ при Большемъ Требникѣ, стр. 20.*

жизнь и искоренять грубость и пороки, обусловленные языческою эпохою. Номоканоны эти получили свое происхожденіе еще въ первые вѣка христіанской эры въ Византіи и затѣмъ отсюда, вѣроятно, перешли на западъ, измѣняясь постоянно подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ и мѣстныхъ условій¹⁾. „Такъ, въ VII вѣкѣ Теодоръ, архіепископъ кентерберійскій, родомъ грекъ (изъ Тарса), составляя свой извѣстный пенитенціальный кодексъ (*liber poenitentialis*), прототипъ всѣхъ позднѣйшихъ латинскихъ кодексовъ такого содержанія, очевидно, пользовался книгою Постника“²⁾. Находясь въ несомнѣнномъ близкомъ родствѣ съ книгою Постника, номоканонъ Теодора Кентерберійскаго тѣмъ не менѣе является трудомъ оригинальнымъ. При составленіи своего пенитенціального кодекса Теодоръ не ограничивается тѣмъ матеріаломъ, который онъ могъ извлечь изъ извѣстныхъ уже ему покаянныхъ номоканоновъ, но пользуется также древними памятниками британскаго и шотландскаго права³⁾, и потому его трудъ стоитъ въ непосредственной связи съ условіями той новой жизни, на которую духовенство должно было оказывать вліяніе.

Въ древней Руси мы не находимъ такого оригинальнаго покаяннаго номоканона. Когда послѣ крещенія русскаго народа потребовалось руководство для установленія чинопослѣдованія исповѣди, для этой цѣли прямо былъ переведенъ греческій номоканонъ, приписываемый Іоанну Постнику. Но этотъ номоканонъ былъ составленъ для общества, жизнь котораго регулировалась уже разработанными кодексами гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, для общества, которое выработало уже себѣ опредѣленные юридическія понятія, которое унаслѣдовало результаты блестящей греческой и римской образованности, но вмѣстѣ съ тѣмъ унаслѣдовало и множество пороковъ позднѣйшей греко-римской эпохи. Конечно, такой номоканонъ въ своемъ подлинномъ видѣ не могъ быть прямо примѣненъ среди народа, который только что выступалъ на путь исторической жизни. Этотъ народъ долженъ былъ еще страдать многими пороками, которые исчезаютъ при постепенномъ развитіи государственной жизни.

¹⁾ См. *Wasserschleben*, Die Bussordnungen der abenländischen Kirche. Geschichte der abenländischen Bussordnungen. Erstes Kapitel. Ss. 1—18.

²⁾ *Павловъ*, Номоканонъ при Вольш. Требн., стр. 20. Ср. также *Wasserschleben*, l. c., S. 26: Theodor benutzte für seine Entscheidungen, nächst der heiligen Schrift, das geltende Kirchenrecht, namentlich die Dionysische Sammlung, ausserdem aber auch die griechische kirchliche Praxis“.

³⁾ *Wasserschleben*, l. c., S. 27.

Вѣстѣ съ тѣмъ многіе изъ пороковъ извѣннаго и извращеннаго общества могли быть совершенно не извѣстны вновь просвѣщенному христіанствомъ народу. Поэтому необходимо было принять переведенный номоканонъ къ новымъ жизненнымъ потребностямъ, внести въ него дополненія и поправки. Вотъ эта-то задача и была выполнена составителемъ „Предъсловія покаянію“. Этотъ памятникъ указалъ въ русскомъ обществѣ его господствующіе пороки, выдѣлилъ ихъ съ особенною рѣзкостью и далъ наставленіе для нравственной борьбы съ ними. Изъ ряда всѣхъ пороковъ „Предъловіе покаянію“ съ особенною опредѣленностью выдвигаетъ два главнѣйшихъ грѣха: пьянство и неправедное собраніе имѣнія. Отъ этихъ грѣховъ зависятъ всѣ прочіе: „Еста бо двѣ матици всякимъ зломъ въ вѣдѣ семъ, еже еста отъ непріязни—пьянство и неправедное собраніе“¹⁾. Пороки эти па столько тяжки, что подверженный имъ не можетъ даже быть допущенъ до покаянія. Если же такой человѣкъ имѣетъ истинное желаніе покаяться, то долженъ прежде всего освободиться отъ этихъ пороковъ: отказать отъ пьянства и вознаградить съ избиткомъ всѣхъ, кого онъ обидѣлъ неправеднымъ приобрѣтеніемъ имущества.

Здѣсь важно, однако, не только обособленіе этихъ двухъ грѣховъ, но и взаимное сопоставленіе пьянства и присвоенія чужой собственности. Это обстоятельство, думаю, прямо уже указываетъ на условія древней русской жизни²⁾. Ни въ одной изъ редакцій Постникава номоканона мы не встрѣчаемъ такого обособленія и сопоставленія этихъ пороковъ. Ничего подобнаго, кажется, нельзя указать и въ номоканонахъ западныхъ церквей, напечатанныхъ въ изданіи Вассершлебена. Поэтому можно думать, что такой сильный протестъ „Предъсловія покаянію“ противъ пьянства и неправеднаго

¹⁾ Мысль о томъ, что въ сребролюбіи лежитъ корень всякаго зла, могла быть заимствована авторомъ изъ Священнаго Писанія, см. 1 Тим. 3, 5: „Сребролюбіе есть корень всякъ злмъ“. Точно также и тяжкое осужденіе пьянства находитъ основаніе въ Священномъ Писаніи: Пльници царствія Воіа не насладуютъ, 1 Коринт., 6, 10.

²⁾ Къ болѣе подробному разсмотрѣнію этого вопроса принуждаетъ меня одно изъраженіе, которое было мнѣ сдѣлано по прочтеніи мною реферата о „Предъсловіи покаянію“ въ одномъ изъ засѣданій Им. Общ. любит. древней письменности. Въ рефератѣ я назвалъ Предъловіе памятникомъ русскаго происхожденія, но оппонентъ заявилъ, что такое утвержденіе преждевременно, такъ какъ можетъ отыскаться новый греческій памятникъ, и Предъловіе окажется простымъ переводомъ этого памятника.

собранія имущества былъ вызванъ распространенностью этихъ пороковъ именно въ древней Руси. Такое мнѣніе вполне подтверждается и свидѣтельствомъ другихъ русскихъ памятниковъ не только письменныхъ, но и устныхъ.

Что пьянство было однимъ изъ господствующихъ у насъ пороковъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ множество поученій, направленныхъ противъ пьянства, поученій, которыя проходятъ черезъ всю нашу древность и составляютъ цѣлую литературу. Нашъ лѣтописецъ Несторъ свидѣтельствуетъ, что Владиміръ Святой отклонилъ проповѣдь магометанъ потому, что въра магометанская воспрещаетъ употребленіе вина: „Руси есть веселіе питіе, не можемъ безъ того бити“¹⁾. Интересна также бесѣда нѣмецкихъ проповѣдниковъ съ Владиміромъ Святымъ. Хитрые католическіе патеры, чтобы привлечь великаго князя на свою сторону, хотѣли, очевидно, подѣйствовать на его слабую сторону. Владиміръ только что отослалъ магометанскихъ проповѣдниковъ потому, что законъ магометанскій запрещаетъ свинину и вино, и вотъ на вопросъ князя: „какъ заповѣдь ваша?“ — нѣмцы отвѣчаютъ: „пощенье по силѣ; аще кто пьетъ или ясть, то все въ славу Божью, рече учитель нашъ Павелъ“²⁾. Пиръ Владиміра³⁾ вошелъ въ пословицу. Но эти пиръ характеризуютъ не одного Владиміра. Князья пировали не только дома, въ мирное время, но пиръ былъ дѣломъ зауряднымъ и на войнѣ. Ярославъ, отправляясь въ 1016 году въ походъ противъ Святополка, остановился съ войскомъ у Днѣпра. Передъ битвой „Святополкъ стояше межъ двѣма озеромъ, и всю ночь пилъ бѣ съ дружиною своею“⁴⁾. Та же лѣтопись, которая разказываетъ намъ о распространенности пьянства, повѣствуетъ и о сильномъ развитіи грабежей и разбойничества, противъ чего принимаетъ мѣры тотъ же великій князь Владиміръ.

Эти грабежи не только были дѣломъ разбойничьимъ, они, повидному, были дѣломъ обычнымъ даже въ обыкновенной жизненной обстановкѣ, при чемъ шли рядомъ съ кутежомъ. Памятники древности свидѣтельствуютъ, что наши праздники издревле сопровождался самымъ неуиѣреннымъ пьянствомъ, которое нерѣдко кончалось дракою, а иногда и грабежомъ, въ которомъ участвовали пирующие. Въ грамотѣ митрополита Кирилла 1274 года читаемъ: „Пакы же

1) Полное собр. русск. лѣтоп., Лаврентьевская лѣтопись, I, 36.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же, стр. 51.

4) Тамъ же, стр. 61.

оувѣдѣхомъ бѣсовската ꙗще държаще ѡбычаи треклатыхъ ꙗлинъ, въ божественыя празднигы позоры нѣкакы бесовскыя творити, съ свистаніемъ ѡ съ кличемъ и въплемъ, съзывающе нѣкы скардныя пылица, и бьющеса дрьколѣемъ до самыя смерти и възимающе ѡ оубиваемыхъ порты“¹⁾). О томъ же свидѣтельствуеть и былина о Василиѣ Буслаевичѣ. Позванные на пиръ гости являються чуть не разбойниками:

Собирались мужики новгородскіе уваламы,
Уваламы собирались, переваламы,
И пошли къ Василю на почестевъ пиръ.
И будутъ у Василя на широкомъ на дворѣ,
И сами говорятъ таковы слова:
„Ай-же ты, Васильюшка Буслаевичъ!
Мы теперъ стали на твоємъ дворѣ,
Всю мы у тебя ѣству выѣдимъ,
И всѣ нашточки у тя выпьемъ,
Цвѣтно платье повыносимъ,
Красно золото повытачимъ“²⁾).

Но, помимо этого, въ древности на Руси не мало было людей, которые цѣлью своей жизни ставили бродяжничество, ѣли и пили даромъ и собирались въ ватаги, обезпечивая себя насиліемъ и грабежомъ, и это явленіе долго держалось на Руси, такъ что отголосокъ его слышится еще въ XVI вѣкѣ. „Да по дальнимъ странамъ,—говорить Стоглавъ,—ходятъ скоморохи ватагами многими, по шести-десять и по семдесятъ человекъ, и по сту, и по деревнямъ у христіанъ сильно ядятъ и пьютъ, и изъ клетей животи грабятъ, а по дорогамъ людей разбивають“³⁾). И до сихъ поръ еще въ разныхъ мѣстахъ обширной Руси на праздникъ Рождества ходятъ подъ окнами избъ колядовщики и волочечники, поютъ пѣсни, въ которыхъ выпрашиваютъ у хозяевъ подачекъ, сопровождая свои просьбы угрозами, „которыя въ старину, быть можетъ, и приводились въ исполненіе“⁴⁾:

„Подавай прога,—поютъ колядовщики,—
Коль не дашь прога,
Разломаемъ ворота,
Двери, окна разобьемъ“⁵⁾).

¹⁾ *Павловъ*, Пам. древн.-русскаго канонич. права, I, стр. 95.

²⁾ *Рыбникова*, I, 337.

³⁾ *Стоглавъ*, язд. 1-е, Кожанчикова, стр. 137.

⁴⁾ *Фаминцынъ*, Скоморохи на Руси, С.-Пб., 1889, стр. 144.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 147.

Или:

„Ты живи, баба, подолѣ,
Ты копи денегъ поболѣ,
И мы дворъ твой знаемъ,
Опять найдемъ,
Мы кубышку твою знаемъ,
Опять возьмемъ,
А тебя дома не найдемъ
И дворъ сожжемъ“¹⁾.

Не менѣе склонны были пображничать, а иногда и поживиться на счетъ чужаго, калики переходже, которые составляли другой бродячій элементъ древней Руси. Они также собираются въ ватаги, вѣроятно, для того, чтобы безопасно совершать путь къ святымъ мѣстамъ²⁾. Но это не были несчастные слабые нищіе-калѣки въ современномъ значеніи этого слова. Былины изображаютъ ихъ, напротивъ, настоящими богатырями:

Изъ Волища города, изъ Галича,
Изъ той ли изъ Корелы изъ богатня,
Во ту ли во пустыню во Данилову
Собиралося, собрунялося
Сорокъ каликъ со каликою,
Сорокъ дородныхъ добрыхъ молодцевъ³⁾.
„Придется ли каликамъ,—говоритъ былина,—гдѣ нибудь голосоъ подать,—
Скричатъ калики зичнымъ голосоомъ,
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадають“⁴⁾.

Интересно, что одна такая дружина каликъ, избравшихъ своимъ атаманомъ „молодца Касьяна сына Михайловича“, предъ отправленіемъ кладеть заповѣдь на пути не совершать беззаконій и прежде всего не красть:

„А положенъ у насъ“,—говоритъ атаманъ,—„великъ залогъ:
„Кто украдетъ, кто другой грѣхъ совершитъ,
Ему теменемъ языкъ вынимать,
Очушки аснмя выкапывать“⁵⁾.

Вѣроятно, и заповѣдь такую нужно было установить потому, что калики большею частью жили „неправеднымъ собраніемъ имѣнїа“.

¹⁾ Тамъ же, стр. 147.

²⁾ *Срезневскій*, Русскіе калики древняго времени. *Записки Имп. Акад. Наукъ*, т. I, стр. 186—210.

³⁾ Тамъ же, стр. 188.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 198.

⁵⁾ *Рыбниковъ*, I, 238.

Пропитаніемъ служило имъ подаваніе, но это подаваніе едва-ли было добровольнымъ:

„Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!—кричатъ калики, приди на
кыяжескій дворъ,—

„Дай-ка намъ, каликамъ, милостину:
Не рублемъ беремъ мы, не полтиною,
Веремъ-то мы цѣлыми тысячами“¹⁾.

Не мудрено, что такого поклика богатырскаго пугались мирные жители селъ и деревень и угощали каликъ, чѣмъ могли. Когда раздался подобный крикъ Ильи Муромца, пришедшаго въ одеждѣ калики къ царю Костянтину Боголюбовичу, то даже у татарина „сѣрдечушко ужახнулось“, и сталъ онъ просить:

„Ай-же ты, царь Костянтинъ Боголюбовичъ,
Принимай калику переходящую,
Корми-ка ты калику досыта,
Пов-ко ты калику дохьяна“²⁾.

И калики не отказывались отъ предлагаемаго имъ угощенія, входили въ дома, „сажались за дубовые столы“ и иногда по нѣскольکو дней „пили, ѣли, прохлаждались“³⁾.

Ничего, впрочемъ, нѣтъ удивительнаго, что въ этихъ ватагахъ каликъ переходящихъ царствовалъ такой буйный духъ, когда въ число ихъ нерѣдко вступали люди, которые всю жизнь проводили въ буйствахъ и пьянствѣ и только на склонѣ лѣтъ, боясь грядущаго суда, отправлялись въ Іерусалимъ, „чтобы душа спасти“:

„А мое-то вѣдь гулянье неохотное,—говоритъ Василій Буслаевичъ,—
„Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душа спасти“⁴⁾.

Примѣняя эту былинку къ объясненію Предъсловія покаянію, необходимо обратить вниманіе и на самую личность Василя Буслаевича. Этотъ буйный богатырь, которымъ такъ много было бито, граблено, въ то же время и первый пьяница. Пьянство здѣсь также идетъ рядомъ съ неправеднымъ собраніемъ имущества.

Конечно, древнее русское духовенство не могло отнестись безразлично къ такого рода явленіямъ русской жизни и обратило на нихъ вниманіе новопросвѣщеннаго народа прежде всего при таин-

¹⁾ Тамъ же, стр. 238.

²⁾ Тамъ же, I, 91.

³⁾ *Срезневскій*, Русскіе калики, стр. 192—200.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 208.

ствѣ покаянія. Появилось Предъсловіе покаянію, которое было самымъ рѣшительнымъ протестомъ противъ этихъ ненормальныхъ явленій жизни. Что именно духовные отцы заботились объ искорененіи въ русскомъ обществѣ указанныхъ недостатковъ, свидѣтельствуеъ еще одинъ памятникъ, дошедшій до насъ отъ XII вѣка. Такъ Кирикъ запрещалъ исполненіе обѣтовъ тѣмъ, которые „идоуть въ сторону въ іерусалимъ къ святымъ мѣстамъ“, и епископъ Нифонтъ одобрилъ эту мѣру: „Велики, рече, добро твориши: да того дѣля и деть, абы поровноу ходаче ѣсти и пити“¹⁾. То же самое встрѣчаемъ и въ вопросахъ Иліи: „Ходили бахоу ротѣ, хотаче въ іерусалимъ. — Повелѣ (еп. Нифонтъ) ми ѡпитемью дати: та бо, рече, рота гоубить землю сію“²⁾. Если такая рота — обѣтъ посѣтить святія мѣста — губила землю Русскую, то, очевидно, это паломничество къ святымъ мѣстамъ не только было очень распространенымъ, но и выражалось въ такихъ формахъ, которыя въ благоустроенномъ государствѣ не могли быть терпимы. Это паломничество было явленіемъ ненормальнымъ, нарушало общественную тишину и безопасность, потому что шли не къ святымъ мѣстамъ молиться Богу, а шли, чтобы „поровноу ходаче ѣсти и пити“.

Помимо такого обособленія господствовавшихъ въ древне-русской жизни пороковъ — пьянства и несправедливаго собранія имущества, въ Предъсловіи покаянію можно отмѣтить и еще нѣкоторыя черты, указывающія на русскую жизнь. Древнѣйшіе пенитенціальныя кодексы западныхъ церквей носятъ слѣды мѣстнаго обычнаго права³⁾, такое же отраженіе обычныхъ правовыхъ понятій замѣчается и въ нашемъ памятникѣ. Между разными способами несправедливаго обогащенія Предъсловіе покаянію указываетъ, какъ наиболее тяжкій грѣхъ, изгойство — барышъ при продажѣ несвободнаго человѣка или при выкупѣ его на свободу. Беря подъ свою защиту этихъ несвободныхъ людей, Предъсловіе покаянію предписываетъ брать при продажѣ раба лишь ту цѣну, за которую онъ былъ купленъ, а не „прасолять живыми душами“. Настаивая на такой мѣрѣ, памятникъ этотъ не вводитъ ничего новаго, онъ лишь старается предупредить отступленія отъ того порядка, который всегда по обычному праву считался справедливымъ. На такой порядокъ при продажѣ

¹⁾ *Павловъ*, Памятники др.-русскаго канонич. права, т. I, стр. 27.

²⁾ Тамъ же, стр. 62.

³⁾ *Wasserschleben*, l. c., S. 1.

и выкупъ людей несвободныхъ указываютъ еще договоры русскихъ съ греками: „Отъ тѣхъ аще полоняниихъ обою страну держимъ есть, или отъ Руси, или отъ Грекъ, проданъ въ ину страну, оже обратиться или Русинъ или Гречинъ, да не купать и възвратять ѿ скупленое лице въ свою страну, а възмутъ цѣну его купящин, или мнѣться въ куплю на дань челядина цѣна; такоже аще отъ рати ать будетъ, отъ тѣхъ Грекъ такоже да възвратится въ свою страну, и отдана будетъ цѣна его, якоже речено есть, якоже есть купля“ ¹⁾). „Аще ли обрящутся Русь работающе у Грекъ, аще ли суть плѣнница, да искупають е Русь по 10 златникъ; аще ли купилъ буде Грѣчинъ, подъ хрестомъ достонитъ ему да възметъ цѣну свою, елико же далъ будетъ на немъ“ ²⁾). Здѣсь, особенно въ послѣднемъ договорѣ, даже словесное выраженіе точно соотвѣтствуетъ тексту Предъсловія покаянію: „Аще кто челядина продасть, елико же дано есть, толнко же взати на немъ“ ³⁾).

Все это, по нашему мнѣнію, не только достаточно доказываетъ чисто русское происхожденіе Предъсловія покаянію, но и обнаруживаетъ тѣсную связь этого памятника съ древне-русскою жизнью.

IV.

Вызванное условіями русской жизни, Предъсловіе покаянію скоро получило важное значеніе и пользовалось въ древней Руси глубокимъ уваженіемъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одно очень древнее поученіе, дошедшее до насъ во многихъ спискахъ и сохранившееся даже въ рукописяхъ XIV вѣка, каковы Паисіевъ сборникъ Кирилло-Вѣловской бібліотеки и Софійскій Новгородскій сборникъ № 1262. Поученіе это извѣстно въ рукописяхъ подъ заглавіемъ „Слова св. Іоанна Златоустаго о живыхъ учителяхъ“. Слово это несомнѣнно было уже извѣстно въ XII вѣкѣ, такъ какъ одинъ изъ лучшихъ списковъ его находится въ сборникѣ XV вѣка Софійской Новгородской бібліотеки № 1285, который долженъ быть признанъ копіею съ рукописи, по крайней мѣрѣ, XII вѣка ⁴⁾. Въ этомъ поученіи есть, между прочимъ, слѣдующее свидѣтельство о нашемъ памятникѣ: „Разгнувшѣ

¹⁾ Договоръ русскихъ съ греками 912 года. Полн. собр. русск. лѣтоп., т. 1, стр. 15.

²⁾ Договоръ 945 г. Тамъ-же, стр. 21.

³⁾ Сое. сборн. XIV в. № 1262, л. 109 об.

⁴⁾ См. выше, гл. III.

(книги),—говорить авторъ поученія,—обращемъ въ нихъ путь спасенія... сему же пути святому начало: Святыхъ Отець ученіе въ прѣдсловьи чистаго ученія и покаянія. Аще ли кто и святъ есть, а по такому пути не потечеть, ему же начало прѣдсловье покаянію, отнимется отъ него святость и дасться тому, иже кто по тому пути потечеть, въспринмъ прѣдсловье покаянію¹⁾.

Можно думать, что и самое слово „о живыхъ учителяхъ“ было вызвано Предѣсловіемъ покаянію. Это поученіе протестуетъ противъ настырей, которые небрежно относятся къ своимъ обязанностямъ, и особенно противъ тѣхъ изъ нихъ, которые не хотятъ поучать врученное имъ стадо Христово и скрываютъ отъ своихъ духовныхъ дѣтей „святыя книги“. Далѣе слово настаиваетъ на необходимости для всѣхъ изученія Священнаго Писанія и при этомъ указываетъ, что поучать можетъ не только духовное лицо, но и всякій христіанинъ, если только онъ обладаетъ истиннымъ вѣдѣніемъ и можетъ быть хорошимъ наставникомъ и руководителемъ. Въ словѣ „о живыхъ учителяхъ“ можно указать и прямыя заимствованія изъ Предѣсловія покаянію:

Слово „о живыхъ учителяхъ“.

(По спис. сборн. XV вѣка. Новгород.-Соф.

Вибл. № 1285, л. 27):

разумѣти же ёсть и притачи. яко мнози
пастури наидомѣти наидомѣти. пастыити ско-
ту. а сами пьютъ. ѿли спать.

такъ же ѿ пастури словесныи ѿяца. спать
невѣдѣнѣнь. ли грѣшествомъ ли купивающеса.
неправеднымъ съгрѣнѣнь. и потакки дѣиущи
къ влстельнѣ. не хотать право учити. ло-
каче оу нихъ чашѣ. ѿ нѣкоѣго взаты.

разумны же учении не издѣисниши члвколы.
то ѿиуди притчи разумъ сиенный. жидове
простоѣ ученѣе имѣли. а не разумѣша гѣ.
такъ и ерегници не разумѣюще писаний. хриму
принесоша на гѣ.

Предѣсловіе покаянію.

(По изд. проф. Павлова).

Вудеть бо поинивъ грубъ, ли не-
вѣжа, ли пьявица, ли гордъ, такъ бо
сущъ попь, прѣвобиднива та и не-
радива, и гѣнлива, и ослаблена та ство-
рить....

Хотащемоу же приити на покаянѣ.
то не искати брѣмъ по своему срѣю.
потаквы дѣиуща и слабо оучаща.
Невѣдѣнѣ бо и съгрѣшенія згѣесть:
съгрѣшившен бо, истинныи кающеса,
спасаются, а несмыслѣни, заблудивше
въ писании книжнѣи, не ниуще трезва
и здрана ума, въ ересь впадающе, по-
гыбають.

¹⁾ На это свидѣтельство слова „о живыхъ учителяхъ“ указалъ въ первый разъ проф. Павловъ при изданіи Предѣсловія покаянію (Памятники др.-русск. канонич. права, стр. 887, примѣч. 1).

Далеко не одно слово „о живыхъ учителяхъ“ можетъ быть поставлено въ непосредственную связь съ Предъсловіемъ покаянію. Такъ, до насъ дошло „Нѣкоего... хрѣтолюбца поученіе къ дѣховнымъ брама истолковѣ мудрѣти. ѿ притчѣ прѣдѣи ѿ апльскѣи“¹. Содержаніе этого поученія, которое должно быть признано также чисто русскимъ сочиненіемъ, основано на „Предъсловіи покаянію“, и въ этомъ поученіи можно указать не мало заимствованій изъ нашего памятника. Сочиненіе это, между прочимъ, также сохранилось въ Софійско-Новгородскомъ сборникѣ XV вѣка № 1285 и, слѣдовательно, было извѣстно уже въ глубокой древности. Впослѣдствіи это поученіе вошло въ одну изъ редакцій Златоуста, гдѣ оно, въ виду его значительнаго объема, было раздѣлено на два поученія и было положено на четвергъ и пятницу второй недѣли Великаго поста. Поученіе развиваеъ основную мысль „Предъловія покаянію“ о неправедномъ собраніи богатства, какъ объ одномъ изъ наиболѣе тяжкихъ грѣховъ, отъ котораго зависять всѣ остальные: „Корень бо естъ всакоу пагоубѣ алатолюбѣ“ (1 Тимое. 3, 5. См. сб. Соф.-Новгор. XV вѣка, № 1285, л. 17 об.). Здѣсь говорится, между прочимъ, и о необходимости книжнаго ученія, которое даетъ возможность сознательнѣе относиться къ своимъ поступкамъ, объ истинномъ покаяніи и покорности кающагося духовному отцу. При составленіи слова авторъ, очевидно, пользовался Предъсловіемъ покаянію, изъ котораго онъ заимствовалъ мысли, а нерѣдко и подлинныя выраженія. Вотъ изъ этого слова тѣ мѣста, которыя легко могутъ быть сопоставлены съ текстомъ Предъловія покаянію:

„Мнози бо приидоуть оумомъ въ лихонмѣнниоѣ бгѣтство. и нечистоѣ събранѣ. и работаѣтъ (sic) емоу ꙗко гдѣ... мало добра молвить (Христосъ) ѿ бгѣтыхъ. иъ ѿ тѣхъ ѿже ѿ бгѣ ѿбгѣтѣли. ꙗкоже ѿвъ и прочии. А тѣ бгѣтыхъ не блжѣтъ иже собирають бгѣство (sic) ѿ лихвы (въ ркп. хихвы) и ѿ неправды. ѿ мзды. и ѿ грабленія. ѿ ѿ насилья волостельска. и ѿ коръчемнаго прикупа. ѿ прочеѣ ѿ всакихъ злобы... ни того бгѣтства блжѣтъ. ѿже съкрывають въ земля... а просащимъ не раздавати всего того. то тѣхъ ли блжити“¹).

Предъсловіе покаянію: „Еста бо двѣ матици всакомъ зломъ въ вѣцѣ семь. еже еста ѿ неприѣзни. пьянство. ѿ неправдоѣ же събраняѣ. горѣ естъ пьянства... да аще хоцещи чадо быти въ жизни вѣчнѣи. то первое оукажу ти чадо моѣ бгомѣ... ѿвѣрзиса не-

¹) Сборн. Соф. Новгород. библ. № 1285, лл. 17 об.—18.

праведнаго имѣнья. а праведнаго не хорони ни щади. оубогымъ даѣти ѿверзиса. корчмы варити. ѿ пяти корчмы. ѿверзиса коунъ даѣти въ резъ. а бгѣ дѣла дай. а еже еси ималъ прежде сѣ наклады или иное кое неправдою добывалъ. ли клеветою. ли мздою неправедною. ли грабленьемъ. ли ротою ли поклепомъ. ли запрењемъ чужого имѣнья ли ѿбрѣтенымъ имѣньемъ. и прочеъ всакоѣ неправѣдноѣ имѣньѣ ѿмечи ѿ себе. или краденое или въ разбой добыто ли въ пожаръ ѿграблено то же все неправедноѣ имѣньѣ възврати тѣмъ чѣ то было аще ли не тѣмъ нъ оубогымъ. то сторицею ѿдавати. краденоѣ десатерицею. а рѣзонимное сторицею. тако же все насильноѣ имѣньѣ. ѿ праведнымъ же имѣньемъ богатѣтиса. ѿ ѿ того оубогымъ даѣти. и мѣтъ бжю ѿбрѣсти¹⁾).

Поученіе христіюбца: „книгамъ оучитса другъ оу друга. а разоумъ бѣ дасть. емоу же хоцеть.. нъ намъ боуди прїяти спсєніє послоушивающа. а не погыбнути въпреки глуща. ѿ неразоумѣюще ѿсправленїи книжны. тако же и еретици многы книги почитавше. и разоума добра не имѣвше. тѣмъ же и погыбоша“²⁾).

Предѣсловіе покаянїю: „Невѣдѣнїе оубо злее естъ сьгрѣшенїе А вѣдѣнїа аще сьгрѣшнѣ. вѣсть ѿ чѣмъ каѣтиса. невѣдѣнїа же не творитъ са сьгрѣшнѣ. Мнози заблудиша не почитавше стхъ книгъ. А инїи же чтущє не имѣюще оума свѣршена въ ерєсь въпадають. и тако погыбають. Книгамъ оубо оучитса другъ оу друга бѣ разумъ дасть“³⁾).

Въ Паисіевомъ сборникѣ (л. 131—135) сохранилось русское поученїе о пьянствѣ, написанное также подъ непосредственнымъ вліяніемъ Предѣсловїа покаянїю. Пьяница въ этомъ поученїи сравнивается съ лихоимцемъ, и оба они называются братьями. Оканчивается слово пространной буквальной выпиской изъ Предѣсловїа покаянїю: „лихоимецъ бо ѿнъ имѣнья не сѣтъ. а ты пѣтъ. сеѣ бо любить многоѣ имѣньѣ собрати грабленьемъ. а ты любиши многоѣ пѣтъ безъ оудержанъ. лихоимцю мзда ѿчи ослѣпѣѣ. а пьяници хмѣ ѿмрачаѣтъ. ѿнъ ѿглохл правды не пѣтаѣ. много хота собрѣ. прозду мзды рѣ. а сего дша пьянствомъ глуха естъ. не разумѣ ни слышитъ словєсть стхъ поученѣ. ѿба дѣволу работаютъ а не бѣ. лихоимецъ. пьяница брата си естъ. собрати бо сотона. айлъ бо

¹⁾ Сборн. Сое. Новгор. библ. № 1285, л. 24.

²⁾ Сборн. Сое. Новгор. библ. № 1285.

³⁾ Сборн. Сое. Новгор. библ. № 1282, л. 108 об.

павелъ глѣть. не льститѣ ни татѣ. ни пынници. ни блудници. ни рѣвоимци. ни грабители. ти бо црѣвны бѣа не наслѣдѣ.

пынници же аще ѡстанутъ ѡбачаѣ. поста приимутъ. по смлѣ покаютъ мѣтнем да спѣотса. і ахѡлмивци аще покаютъ то ѡдасть все неправдом добыто. тѣм же іх же то было. ашван не тѣмъ то. ꙗ. ричем ѡдати то же прощениѣ быти аще не ѡдана чуждего. то вощи са каити ѡли не вѣ чинаѣ ѡдати. та вѣ памити до живота своего. ѡ сокѣ і ѡ тѣхъ чѣ то было. вѣ нашенѣ слова вѣ "кии".

(Предъсловіе покаінію по изд. Павлова).

Запойчивый бо аще придетъ когда, същюнувъса на покаініе, то—только остатиса пьянства. а оному, хоташю са каити, то преіже покаінья оттрести отъ себе злое то събраніе, нъ тѣмъ оиатъ дати, откуду то събрано; аще ли не тѣмъ, то сторидею отдавати, то же принти на покаініе и прощениу быти.. Аще бо будетъ каіся человекъ, ти будетъ преіже обогаѣтъ неправеднымъ събраньемъ, и потомъ будетъ худъ и убожалъ, и нѣчимъ будетъ отдавати: таковымъ велимъ на та же творенія не въсходати, нъ остатиса токмо такихъ дѣлѣ и молитса о томъ къ милостивому Богу съ слезами и плачемъ и колѣвокланянемъ, въ умилевіи, до исхода душа своя.

Займствованія изъ Предъсловія покаінію встрѣчаются и въ памятникахъ каноническихъ. Такъ, въ Савинныхъ главахъ 18-я глава, очевидно, составлена подъ вліяніемъ „Предъсловія покаінію“: „Аще кто придетъ ко мнѣ на покаініе не лѣзъ ли, владыко, повелѣти ко иному попоу ити?—И рече: аже начнешь оуправлати, а не приимешь, грѣхъ есть. И рекъ: азъ груобыи, несмысленны. И рече: онъ къ тобѣ въсохотеть все исповѣдати, любя та. а ко [и]ному не поидеть, любо всего не исповѣсть, оусрамлгаса. Нъ аще и святъ боудешь, и чудеса творити начнеши и мертвыма въскрешати, а за то ти ити въ моукоу, аже не приимеши его; аще ли приѣмъ, а не оуправишь, такоже, а онъ безъ грѣха“¹⁾). Сравн. „Предъсловіе покаінію“: „Аще ли добраго и послушлива не приимеши, ни научиши его, аще ли и велии грѣшенъ есть, понелѣ послушливъ: то съ влыми имаши осуженъ быти, аще и святъ еси“. Заслуживаетъ вниманія и отговорка вопрошающаго: „азъ груобыи несмысленный;“ очевидно, и вопрошающій основывалъ свой вопросъ на томъ же „Предъсловіи“, которое запрещаетъ принимать кающихся іереямъ грубымъ, невѣжамъ, несмысленнымъ. Епископъ Нифонтъ, приказывая Саввѣ

¹⁾ Павловъ, Пам. древне-русск. кан. права.

принимать всёхъ, считаетъ его достойнымъ для отправления обязанностей духовнаго отца, такъ какъ и, по его мнѣнію, „неумѣющій добръ учить“ не можетъ быть духовникомъ: „аще ли приѣмъ,—говоритъ онъ,—а не оуправишь, такоже (то-есть, ити въ моукоу), а онъ безъ грѣха“. Въ данномъ случаѣ, со стороны Саввы могло лишь быть небреженіе.

Выше было указано уже, что, по рукописи XVII вѣка изъ собранія Царскаго № 414, къ „Вопрошанію черноризца Кирика“ прибавлена выписка изъ „Предѣсловія покаянію“ объ изгойствѣ, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ ¹⁾. Съ сокращеніями и измѣненіями читается мѣсто объ изгойствѣ также въ одномъ толкованіи на молитву Господню по рукописи XV вѣка, хранящейся въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ ²⁾.

Итакъ, „Предѣсловіе покаянію“ было первымъ самостоятельнымъ опытомъ опредѣленія тѣхъ особенныхъ, мѣстныхъ условий, при которыхъ должно было слагаться новое христіанское общество. Здѣсь опредѣлены съ точностью главные общественные недостатки, которыми страдалъ новый народъ. Какъ видно изъ указанной связи этого памятника съ послѣдующими литературными явленіями, мысли, высказанныя въ „Предѣсловіи Покаянію“, стали развиваться съ болѣею опредѣленностью послѣдующими авторами и дали матеріалъ для нашей проповѣди. Со временемъ, однако, нѣкоторыя изъ тѣхъ требованій, которыя были такъ ясно выражены въ „Предѣсловіи покаянію“, стали терять свое значеніе или же сдѣлались непримѣнными къ вновь создавшимся жизненнымъ условіямъ. Такъ, въ XV вѣкѣ, можетъ быть, подъ вліяніемъ появившейся въ XIV вѣкѣ опустошительной болѣзни, которая извѣстна была у насъ подъ именемъ черной смерти, почувствовался сильный недостатокъ не только въ подготовленныхъ, но даже и просто въ грамотныхъ людяхъ для рукоположенія въ священники. Извѣстна жалоба новгородскаго епископа Геннадія на этотъ недостатокъ. Понятно, что для такого времени строгое предписаніе Предѣсловія покаянію, воспрещавшее „неумѣющимъ добръ учить“—принимать духовныхъ дѣтей на покаяніе,

¹⁾ Напечатано у *Калачева*, въ Архивѣ историко-юридич. свѣд., кн. II, полов. 2, отд. VI, стр. 42. Также у *Срезневскаго*, въ Свѣдѣніяхъ, № LIX.

²⁾ Русская правда *Калачева*, изд. 2, предисл., стр. V. У *Срезневскаго*, тамъ же. Сравненіе этихъ сокращенныхъ выписокъ съ текстомъ „Предѣсловія покаянію“ см. у *Мрочекъ-Дроздовскаго*, въ Извѣд. о Русской правдѣ, прилож. къ II-му тому, стр. 64—65.

сдѣлалось невыполнимымъ. И вотъ въ XV вѣкѣ эта часть Предсловія отбрасывается. Она сохранилась лишь въ спискахъ XIV вѣка. Исключеніе составляетъ только одинъ списокъ XV вѣка въ Софійскомъ сборникѣ № 1285. Но это не противорѣчитъ сказанному выше, такъ какъ списокъ этотъ представляетъ лишь точную копию съ очень древняго оригинала. Въ этомъ отношеніи интересенъ списокъ Соловецкой Кормчей 1493 года. Писецъ Кормчей, списавъ памятникъ, вѣроятно, съ оригинала довольно древняго, началъ писать и заключительную часть, но написалъ только: Вѣдѣти же подобаетъ... и зачеркнулъ киноварью. Очевидно, заключающееся въ этой части предписаніе показалось ему практически невыполнимымъ. Что именно практическая необходимость заставила исключить заключительную часть памятника, подтверждается позднѣйшимъ спискомъ его въ Румянцовской Кормчей 1620 года. Здѣсь эта часть сохранилась, но она измѣнена въ смыслѣ прямо противоположномъ первоначальному, при чемъ здѣсь указано и на непримѣнимость строгихъ требованій ко всѣмъ духовнымъ отцамъ. Въ этомъ списокѣ дѣлается лишь различіе между подготовленными и не подготовленными іереями. Первые пусть учатъ по книгамъ, сообщаютъ истинное ученіе, содержащееся въ Писаніи, вторые пусть воспитываютъ паству примѣромъ собственной нравственной жизни: „Подобаетъ ꙗко неразумну попу книгамъ не подобаетъ держати дѣтей дховныхъ но дѣло оучити. молчаніемъ добродѣтели исправляюще. не вси бо се исправити могу ꙗкоже истинныи пастыремъ свойственна соуть. но имъ же ѿ ба дарована. емоу же слава во вѣки вѣко, аминь“.

Въ этомъ же списокѣ исключено все, касающееся изгойства также, конечно, подъ вліяніемъ самой жизни. Исчезло самое явленіе, исчезъ изъ литературы и протестъ противъ него.

Наконецъ, съ развитіемъ государственной жизни, потеряло смыслъ и то опредѣленіе выдающихся общественныхъ пороковъ, которое было сдѣлано въ древности. Пьянство стало въ рядъ съ другими не менѣ важными общественными недугами, право собственности оградилося охраною законовъ, и покушеніе на чужую собственность приняло обыкновенный характеръ уголовного преступленія. Тогда изъ „Предсловія покаянію“ исчезло все характерное; исключительный протестъ противъ пьянства и несправедливаго собранія богатства, какъ причинъ всѣхъ пороковъ, былъ устраненъ, и „Предсловіе покаянію“ явилось въ видѣ простаго нравственнаго поученія духовнаго отца къ кающемуся. Въ такомъ видѣ оно имѣется въ требникѣ Им-

ператорской Публичной Библиотеки, изъ собранія Погодина № 314, лл. 151 об.—154 об.

Находясь въ непосредственной связи съ нашею проповѣдническою литературою, „Предъсловіе покаянію“, съ другой стороны, стоитъ во главѣ цѣлаго ряда произведеній каноническаго характера, въ которыхъ нерѣдко ярко отражаются черты русской жизни. „Предъсловіе Покаянію“, какъ было уже замѣчено, было вызвано необходимою примѣнить чужеземный номоканонъ къ условіямъ русской жизни. Оно было „древнѣйшимъ русскимъ номоканунцемъ“ ¹⁾. Впослѣдствіи наши духовные отцы, сталкиваясь постоянно съ оригинальными мѣстными явленіями жизни, начали отмѣчать эти явленія, устанавливали на нихъ извѣстный взглядъ и вносили новыя заповѣди въ полученный изъ Греціи покаянный номоканонъ. Эти новыя заповѣди, часто составленныя лицами мало подготовленными, стали сильно удаляться отъ канонической основы. Наконецъ, появились цѣлые сборники эпитимейныхъ правилъ,—эпитимейники, переполненные часто странностями, чтобы не сказать—нелѣпостями. Въ XII вѣкѣ такіе эпитимейники уже существовали, и о нихъ тогда же былъ произнесенъ судъ епископомъ Нифонтомъ: а ты книги годатса съжечи ²⁾. Можно думать, что къ концу XIII вѣка они получили уже значительное распространеніе. Указаніе на это есть въ правилахъ митрополита Кирилла, въ которыхъ изложены опредѣленія Владимірскаго собора 1274 года: „Тѣмъ бо азъ Кюриль, смѣрении митрополитъ всея Руси, многа оубо видѣннѣмъ ѿ слышаниѣмъ неустройніѣмъ церквахъ, ѿво сице държаша, ѿво ѿнако, несъгласна многа и грубости, или ѿбычакѣмъ неразумныи, или неприхоженіѣмъ епископѣ, или ѿ неразумныхъ правилъ церковныхъ“ ³⁾. Подъ этими „неразумными правилами церковными“ и нужно, вѣроятно, разумѣть тѣ самые сборники правилъ, какіе уже въ XII вѣкѣ „годились съжечи“. Въ XVI вѣкѣ эти заповѣди окончательно попали въ разрядъ „книгъ запрещенныхъ“, подъ именемъ „худыхъ номоканунцевъ, насѣянныхъ у сельскихъ и неразумныхъ поповъ“ ⁴⁾. Но хотя въ этихъ худыхъ номоканунцахъ и сказывается сильное уклоненіе отъ истиннаго ученія церкви, если они и сильно иногда удалялись отъ истинныхъ кано-

¹⁾ Отчетъ о рефер. акад. *Тихонравова* (*Московск. Вѣдом.*, 1875, № 44).

²⁾ *Павловъ*, Памятники древне-русскаго права, Вопросаніе Киріикова, гл. 74. См. тамъ же на стр. 44 примѣч. 10. Ср. тамъ же, гл. 76 и примѣч. 12.

³⁾ Тамъ же, стр. 85.

⁴⁾ Выше указанный отчетъ о рефератѣ академика *Тихонравова*.

ническихъ опредѣленій, за то, съ другой стороны, они имѣютъ огромное значеніе для изслѣдованія древне-русской жизни и для выясненія мировоззрѣнія древне-русскаго человѣка. Въ нихъ сказывается непосредственный взглядъ нашихъ предковъ на окружающую дѣйствительность. Эти худые номоканунцы даютъ возможность прослѣдить ту иногда мучительную думу, которая овладѣвала древне-русскимъ человѣкомъ въ борьбѣ съ своими порочными наклонностями, даютъ иногда возможность заглянуть въ самую душу древне-русскаго человѣка.

Наконецъ, „Предъсловіемъ покаянію“ открывается цѣлый рядъ церковныхъ поученій и частныхъ наставленій, съ которыми древнерусская церковь вышла на защиту слабыхъ, обиженныхъ и угнетенныхъ людей противъ сильныхъ и богатыхъ ¹⁾). „Предъловіе покаянію“ было однимъ изъ первыхъ произведеній, которыми русская церковь начала воспитывать въ нравственныхъ, гуманныхъ идеалахъ древне-русское общество, взывая къ совѣсти новопросвѣщеннаго народа. Ограждая всѣми мѣрами тяжелое положеніе людей, стоявшихъ въ суровой зависимости отъ сильныхъ и богатыхъ, церковь смягчала для нихъ даже эпитиміи за преступленія противъ нравственности: „Если рабъ, не терпя злыхъ государей, погубить себя, нѣтъ за то эпитиміи, погребѣ его съ честью и прими въ церковь приношеніе за душу его. Если мать продасть свое дитя—эпитиміи 12 лѣтъ, но если бѣднякъ по нуждѣ продасть свое дитя—эпитиміи годъ. Если холопъ съ голоду украдетъ что, нѣту въ томъ грѣха: не онъ укралъ, голодъ его укралъ“ и т. д. ²⁾). И эта проповѣдь не была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, она не только воспитывала общество, но къ ней не оставались глухи и сидящіе на княжескихъ столахъ. Владиміръ Мономахъ, оставляя свое знаменитое поученіе дѣтямъ, даетъ имъ заповѣдь, въ которой слышится все тотъ же любвеобильный голосъ нашей церкви, какой слышится и въ „Предъсловіи покаянію“: не владите сильнымъ погубити человѣка.

Василій Назаргинъ.

¹⁾ Тамъ же. См. также рѣчь *Щатова* „Голосъ древне-русской церкви въ защиту несвободныхъ людей“, Казань, 1859.

²⁾ Указанный отчетъ о рефератѣ акад. *Тихомирова*.

КЪ СТАТЬѢ „О ГЛАГОЛЬНЫХЪ ВРЕМЕНАХЪ И ОБЪ ОТНОШЕНИИ ИХЪ КЪ ВИДАМЪ ВЪ РУССКОМЪ, НѢМЕЦКОМЪ И ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКАХЪ“.

Въ статьѣ „О глагольныхъ временахъ и т. д.“, напечатанной въ юньской, іюльской и сентябрьской книжкахъ *Журнала Мин. Нар. Пр.*, я на стр. 31 и 37 іюльской и на стр. 406 юньской книжки отмѣчаю два случая, въ которыхъ преднастоящее время имѣетъ будто чисто временное значеніе. Я очень сожалѣю, что упустилъ случай исправить эти мѣста: на дѣлѣ преднастоящее время *sempiternum* ¹⁾ заключаетъ въ себѣ, кромѣ обозначенія временнаго предшества, легкой причинный отбѣнокъ, то-есть, *также* при историческомъ настоящемъ времени и при настоящемъ времени о повтореніи. Напримѣръ: *Als die Armeen Verstärkungen an sich gezogen hat* (то-есть, такъ что имѣетъ эти подкрѣпленія), *nimmt sie Plewua ein. Wenn das Chlor sich verflüchtigt hat* (то-есть, такъ что хлору уже болѣе нѣтъ), *giesse ich die Lösung in ein Glas.*

Дѣло въ томъ, что и за остальными нѣмецкими, французскими и латинскими (стало быть, не за греческими только) *формами предшества*, которымъ я, подъ вліяніемъ грамматикъ ²⁾, придавалъ значеніе чи-

---

¹⁾ Исключая, разумѣется, тѣ случаи, когда оно перешло въ функціи прошедшаго времени совершеннаго вида (см. іюльскую книжку, стр. 40—41).

²⁾ Напримѣръ, Erdmann's Grundzüge, I, 103. Преднастоящее имѣетъ „die Bedeutung einer in der Gegenwart abgeschlossenen vergangenen Handlung“; стр. 104: предпроедшее употребляется „zur Bezeichnung von Zuständen, die in der Vergangenheit abgeschlossen waren, oder bei Nebenhandlungen, die vor einer vergangenen eintraten“. Wilmanns II, 83: „Das Plusquamperfectum bezeichnet, dass eine Handlung vor einen Zeitpunkt der Vergangenheit fällt... Das Futurum II bezeichnet, dass eine Handlung vor einen Zeitpunkt der Zukunft fällt“; стр. 85: „Das Perfectum braucht man, wenn man ein Ereignis der Vergangenheit als ein einzelnes selbständiges Factum hinstellen will; also namentlich bei Handlungen der Vergangenheit, denen man Wirkung und Bedeutung für die Gegenwart beilegt“.

сто временное, надобно на дѣлѣ признать такой же причинный отъѣнокъ, какъ за предстоящимъ тѣхъ же языковъ. Напримѣръ: *Gestern um 12 Uhr war er noch nicht angekommen* — когда „*gestern um 12 Uhr*“ опредѣляетъ моментъ вспомогательнаго глагола—означаетъ, что, вслѣдствіе неприбытія его, онъ вчера, въ 12 часовъ, *не былъ*, напримѣръ, въ городѣ. При этомъ вспомогательный глаголъ не рѣдко указываетъ на моментъ, который по чему нибудь можно считать известнымъ для слушателя (ср. іюльскую книжку, стр. 6, подъ № 3). Напримѣръ: *Ich kaufte gestern einen Tisch bei dem Kaufmann, der Ihnen (или: Ihnen vorgestern) einen Schrank verkauft hatte*, — говоря такъ, мы *или* хотимъ выразить, что во время дѣйствія „*kaufte*“ существовало слѣдствіе предшествовавшаго дѣйствія „*verkauft*“, напримѣръ, что я потому зналъ этого купца; *или* же смыслъ: я вчера купилъ столъ у купца, который прежде (напримѣръ, третьяго дня)—какъ Вы (или онъ, или другой) вѣдь (тогда же, то-есть, вчера, или раньше, напримѣръ, третьяго дня, или послѣ того, напримѣръ, сегодня утромъ) мнѣ говорили — продалъ Вамъ шкапъ ¹⁾. Напротивъ, безъ причиннаго отношенія къ другому моменту: *Ich kaufte gestern... der Ihnen vorgestern... verkaufte*, то-есть, помню (знаю), что я вчера ку-

При такихъ опредѣленіяхъ предпрошедшаго и предбудущаго вѣроятно имѣютъ—я, по крайней мѣрѣ, нѣтъ—въ виду употребленіе этихъ временъ при временныхъ союзахъ. Однако „послѣ того какъ“, „когда“, „nachdem“, „als“, хотя сами по себѣ означаютъ чисто временное отношеніе, но употребляются въ подобныхъ случаяхъ только тогда, когда говорящее лице желаетъ выразить хотя бы очень легкое причинное отношеніе между моментомъ дѣйствія и другимъ моментомъ; въ противномъ случаѣ и порусски, если не ошибаюсь, не скажутъ: „послѣ того какъ“ или „когда“ (*als, lorsque*) поэтъ Spenser умеръ (*gestorben war, était mort*), Giordano Bruno былъ сожженъ,—хотя на дѣлѣ послѣднее (1600 г.) изъ этихъ событій „случилось послѣ перваго (1599 г.)“.

¹⁾ Согласно правилу подъ В, въ іюльской кн., стр. 36. Такимъ же образомъ слѣдуетъ понимать и примѣръ, приведенный въ той же книжкѣ, стр. 43: *Ich war bei A. Er hatte heute im Walde eine verspätete Primula gesehen (hatte gesehen, по его словамъ)*. Примѣръ: *Morgen Abend* и т. д., страдаетъ именно какою-то принужденностью; на дѣлѣ содержанію его лучше придать форму: *Morgen wird er bei uns zu Mittag speisen und den Abend im Theater verbringen*.—Какъ въ началѣ русскихъ сказокъ: „жилъ-былъ человекъ“ (Вуслаевъ, II, стр. 149), стоитъ старинное предпрошедшее—польское *żył byłem*, такъ и въ сѣверо-германскихъ: „et was mal en mann un 'ne fru west“ (*es war einmal ein Mann und eine Frau gewesen*), послѣ чего разказъ переходитъ въ прошедшее время: „de hadden“ (*sie hatten*) (Vernaleken, II, 276). Первоначально разказчикъ нѣтъ, вѣроятно, въ виду: „я слышалъ, что жилъ и т. д.“. О моментѣ вспомогательнаго глагола см. іюльскую книжку, стр. 6, подъ № 3: *der König kam*.

пиль столъ у купца, и что онъ же третьяго дня продалъ вамъ шкафъ. Здѣсь предшествованіе именно—чисто временное, и оно-то не выражается глагольною формою, а обозначается нарѣчіемъ (іюньская книжка, стр. 402) ¹⁾. Такая же разница между „besass Tages vorher noch—früher—vorher (dagegen)“ и „hatte... besessen“ и пр. — Причинное отношеніе къ настоящему выражается, разумѣется, преднастоящимъ: Der Architekt, der dieses Haus erbaut hat, starb gestern—на сколько слава архитектора живетъ и будетъ жить (настоящее въ болѣе расширенномъ значеніи); но: Gestern wurde der Räuber, der unseren Nachbar, den Schenkwrth ermordet hatte, hingerichtet—на сколько извѣстность разбойника ограничена отношеніемъ къ прошедшему.

Въ разказѣ, хотя событіе и обусловлено результатомъ предшествующаго событія или предшествующихъ событій, но послѣднія не выражаются непременно предпрошедшимъ, а, въ большинствѣ случаевъ, прошедшимъ временемъ, то-есть, причинное предшествованіе не обозначается въ глаголѣ, временное же только порядкомъ или особыми словами, ибо разказъ задается цѣлью изображать не одно послѣднее событіе — положимъ, смерть героя — какъ обусловленное тѣмъ, что прежде случилось, а изображать цѣлый рядъ событій, одно за другимъ. Но, коль скоро авторъ желаетъ упомянуть объ одномъ или — какъ, напримѣръ, въ сжатомъ обзорѣ прежде уже изложеннаго — нѣсколькихъ событіяхъ лишь на столько, на сколько они своимъ результатомъ опредѣляютъ слѣдующее, онъ первыя выражаетъ относительными временами предшествованія, то-есть, предпрошедшимъ или преднастоящимъ, смотря по тому, намѣренъ ли онъ, продолжая снова разказъ, пользоваться прошедшимъ или настоящимъ временемъ. Вотъ почему я въ своей статьѣ ограничиваю употребленіе предпрошедшаго времени тѣми случаями, когда говорящее лицо хочетъ *малольною формою* обозначить предшествованіе.

Когда причинное отношеніе естественно понимать изъ связи рѣчи, тогда нѣтъ нужды въ русскомъ языкѣ обозначать предшествованіе. Напримѣръ: Птица упала на землю; охотникъ прострѣлялъ (hatte durchschossen) правое крыло. Въ другихъ случаяхъ обозначеніе временнаго предшествованія („ранѣе“, „уже прежде“ и под.) служитъ суррогатомъ, который вмѣстѣ съ синтаксическимъ подчиненіемъ долженъ вызывать пред-

¹⁾ Другой примѣръ: A. kam den 10-ten an, B. kam schon den 8-ten an. Если сказать: B. war... angekommen, то, сверхъ временнаго предшествованія, намекаютъ или на какое нибудь оцѣночное сужденіе, или на то, что A. засталъ B. и под.

ставленіе объ отношеніи также причинномъ: см. іюльскую книжку, стр. 43, и сентябрьскую, стр. 282.

Въ іюльской книжкѣ, на стр. 20, подъ В) слѣдовало бы прибавить, что при указанномъ употребленіи по-французски прошедшаго времени о повтореніи (при *souvent*, *quelquefois* и под.) все-таки обмѣновенно ставится, какъ по-русски, несовершенный видъ: а) когда рѣчь идетъ объ обычаяхъ, относящемся ко всему времени существованія того, о чемъ говорится, или къ болѣе важной части его, и б) когда періодъ повторенія обнимаетъ моментъ другаго дѣйствія; въ обоихъ случаяхъ рядъ актовъ разсматривается — менѣе рационально — какъ бы непрерывное дѣйствіе. Напримѣръ: *Charles-Quint disait souvent* (ср. нѣмецкій плеоназмъ: *pfl egte oft zu sagen*) *que la fortune n'aime pas les vieillards* — по аналогіи: *Charles était fils de Philippe* (іюльская книжка, стр. 9). *Il fut malade pendant deux mois... Le médecin venait le voir tous les matins* — по аналогіи: *Il fut malade p. d. m... On le soignait...* (іюльская книжка, стр. 14 и слѣд.). За то, смотря по виду, въ какомъ представляютъ *отдѣльное* дѣйствіе: *Pendant ces trois mois le médecin vint le voir tous les matins. Au mois de Juillet, je m'en souviens, Mr. N. lisait (sass und las) tous les matins.* Приведенный на стр. 20 примѣръ изъ *André*, стр. 15, слѣдуетъ исключить: онъ туда попалъ по ошибкѣ.

На стр. 382 іюньской книжки можно бы замѣтить, что глаголы: *стать*, *лечь*, *сѣсть*, *еслибы* они, что не вѣроятно, первоначально означали именно *начало* дѣйствій: *стоять*, *лежать*, *сидѣть* (*stā, legh, sed*), теперь, имѣя при себѣ гл. несов. вида: *становиться*, *ложиться*, *сидиться*, *не* означаютъ начала дѣйствій, выражаемыхъ послѣдними.

Къ сказанному въ іюльской книжкѣ, стр. 28—29, подъ №№ 1 и 2, объ употребленіи въ греческомъ языкѣ прошедшаго времени совершеннаго вида въ общихъ изреченіяхъ и въ сравненіяхъ у Гомера прибавлю, что, если окажется состоятельною гипотеза, высказанная Thurneysen въ *Kuhn's Zeitschr.*, XVII, 1885, стр. 172—181, о томъ, что именно санскритскій „*Injunctiv*“¹⁾ и представляетъ собою форму глагола изъ того періода, когда въ *самомъ маломъ* еще выражалось только настоящее время, а прошедшее и будущее выражались особыми словами или связью, то изъ этого „*первобытнаго глагола*“ можно бы объяснить не только употребленіе греческаго прошедшаго времени совершеннаго вида

¹⁾ То-есть, форма прошедшаго времени безъ приращенія, употребляемая также въ значеніи повелительнаго и сослагательнаго наклоненія.

въ названныхъ случаяхъ, а также употребленіе этой формы безъ приращенія объ отдѣльномъ дѣйствіи: она въ этихъ случаяхъ имѣла бы первоначально значеніе настоящаго времени совершеннаго вида (см. июньскую книжку, стр. 388—393). Однако сами греки, конечно, понимали ее въ послѣднемъ случаѣ въ смыслѣ абсолютнаго *прошедшаго* времени, въ первомъ же въ смыслѣ *преднастоящаго* съ преобладающимъ моментомъ самого дѣйствія. При этомъ надобно замѣтить, что 1) при употребленіи русскаго настоящаго времени совершеннаго вида въ общихъ изреченіяхъ часто ничто не мѣшаетъ понимать эту форму въ смыслѣ выраженія отдѣльнаго дѣйствія, слѣдовательно въ смыслѣ будущаго, и что даже 2) настоящее время несовершеннаго вида не безъ той же двусмысленности („Мой мужъ никого не обманываетъ“; „Знаю—онъ теперь вѣдь спитъ“). Такимъ же образомъ и 3) *грекъ* могъ, разумѣется, иной разъ усумниться въ томъ, не означаетъ ли, напримѣръ, *ραχὴν ὄε τε νῆπιος ἔγυω* отдѣльное дѣйствіе, находящееся въ связи съ только что разказаннымъ, такъ что—при слабомъ развитіи у Гомера обозначенія действительской опредѣленности—*νῆπιος*—„этотъ глупецъ“; или не заключаетъ ли это предложеніе намека, указанія на случай или разказъ, предполагаемый извѣстнымъ для всѣхъ, такъ что *νῆπιος* = *jener Thor*, въ смыслѣ „*jener bekannte Thor*“¹⁾. Въ періодъ „*Injunctiv*“ а

¹⁾ Такой намекъ можно предполагать и въ старинныхъ пословицахъ: „*Ein glas ist am andern zu trümmern gangen*“ (ist gegangen тогда южно-германское прошедшее время) и „*Der gescheiden atzlen [то-есть Elster] sind dennoch jr [ihre Eier] gestoln*“, хотя *нѣмецъ* Дитрихъ опять-таки не *раздѣляетъ* этого мнѣнія. Какъ онъ, такъ, вѣроятно, и Себ. Франкъ не видѣлъ такого намека также въ пословицѣ: *Trau wol rit das pferd hinweg*, которую послѣдній писатель *объясняетъ*: *Sibe für dich, trew* (доверіе) *ist misslich* (*Zeitschr. f. d. Alt.*, 1867, стр. 126); въ *Narrenschiif* Себ. Бранта 69, 24 даже: *wol truen ritt vil pferd hinweck*. Ср. „*der genande* (кто возымѣлъ смѣлость, *ge-nenden*) *der genas die wil* (weil) *er unvertzagt was*, какъ переводъ латинскаго *audaces fortuna juvat* (*Grimm*, Gr. IV, 949).—Другаго рода—древне-русское употребленіе прошедшаго времени, въ смыслѣ преднастоящаго, объ *отдѣльномъ* дѣйствіи, опредѣлившемъ, по свойству своему, послѣдующее постоянное направленіе, существующее доннѣ, напримѣръ: рѣка „*вшила въ озеро*“, то-есть, *впадаетъ* и пр. (*Буслаевъ*, стр. 152; *Сахаровъ*, Пѣсни русскаго народа, IV, стр. 141: *протекла быстрая рѣка*, то-есть *протекаетъ*). Въ слѣдующихъ стихахъ (Пѣсни, собр. *Кирѣевскимъ*, II, стр. 17):

Не ходи только за Олешку за Поповича:
Что Олешка-то Поповичъ онъ насмѣшивъ былъ,
Онъ любилъ смѣяться на чужинъ женъ,

прошедшее время *несовершеннаго* вида, „*былъ*“, „*любилъ*“, стоитъ, вѣроятно, въ смыслѣ абсолютнаго прошедшаго времени. Ср. июльскую книжку, стр. 6 подъ № 3.

неопредѣленность эта была еще многообразнѣе. Соглашаясь съ мнѣніемъ Thurneysen, необходимо бы полные суффиксы *mi, si, ti* и пр. производить изъ *m, s, t* и пр., какъ это дѣлаетъ Thurneysen (l. c. 173), придавая „*i*“ значеніе нарѣчія „здѣсь, теперь“ и пр., и едва ли можно бы продолжать считать *mi, si, ti* первичными (*primäre*) суффиксами, а *m, s, t* вторичными (*secundäre*), какъ это дѣлаетъ Brugmann (Müller, Handbuch der klass. Altertums-Wissenschaft, II, 1890, стр. 144). Что касается формы *русскаго* настоящаго времени совершеннаго вида, имѣвшей *полные* суффиксы, то значенія ея невозможно было бы выводить изъ предполагаемой въ „*Injunctiv*“ первобытной глагольной формы, кромѣ, разумѣется, въ томъ смыслѣ, въ какомъ всѣ вообще формы арійскихъ языковъ приходилось бы, прямо или косвенно, производить изъ послѣдней.

Л. Размусснъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Барсуковъ, И. Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій по его письмамъ, официальнымъ документамъ, разказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ. (Матеріалы для біографіи). Москва. 1891. 2 тома

Кромѣ недавно воздвигнутаго памятника графу Муравьеву-Амурскому, въ видѣ прекрасной статуи, высѣченной на русскомъ берегу рѣки Амура, почитатели незабвенной памяти графа соорудили ему другой памятникъ, въ видѣ тѣхъ двухъ томовъ, общее заглавіе которыхъ приведено въ началѣ этой рецензіи. Авторъ „Матеріаловъ для біографіи“ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго объясняетъ въ предисловіи ходъ своей работы и то, какъ возникла счастливая идея—составить жизнеописаніе знаменитаго дѣятеля. Безъ всякаго сомнѣнія, такой выдающійся государственный человѣкъ, какъ графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, заслуживаетъ полной біографіи. „Сознавая это,—говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи,—князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій, лично служившій при Муравьевѣ и хорошо знавшій его, давно былъ озабоченъ мыслью о составленіи такой біографіи, и для этой цѣли исходатайствовалъ себѣ и Ф. А. Анненкову, тоже служившему при графѣ, Высочайшее соизволеніе нинѣ царствующаго Государя Императора на собраніе матеріаловъ въ архивахъ высшихъ государственныхъ учреждений. Родственники и знакомые покойнаго графа, съ своей стороны, поспѣшили сообщить различныя о немъ данныя“. Собраніе матеріаловъ для біографіи графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго продолжалось съ 1882 по 1888 годъ. Затѣмъ названные матеріалы княземъ М. С. Волконскимъ были переданы И. П. Барсукову для литературной обработки.

„До передачи настоящаго дѣла намъ,—пишетъ авторъ въ томъ же предисловіи,—собраніе рукописныхъ матеріаловъ и первыя попытки

собрателей къ ихъ обработкѣ потребовали значительныхъ издержекъ, въ которыхъ приняли участіе прежде всего вдова графа Муравьева, графиня Екатерина Николаевна, почитатель графа покойный Василій Никитичъ Рузавишниковъ и, наконецъ, князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій. Во главѣ лицъ, сочувствовавшихъ и помогавшихъ осуществленію мысли составить біографію графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, безспорно стоятъ Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Его Императорское Высочество, какъ только узналъ о предполагаемой біографіи, прислалъ князю М. С. Волконскому, чрезъ посредство статсъ-секретаря Головнина, свою подлинную переписку съ графомъ Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ, предоставляя право предать ее гласности. Затѣмъ графиней Е. Н. Муравьевой-Амурской переданы намъ всѣ бумаги, оставшіяся послѣ смерти мужа; особенно же было полезно для нашей цѣли собраніе всей переписки М. С. Барсакова съ 1853 по 1868 годъ, столь обязательно сообщенной его вдовою Александрой Корнильевой". Наконецъ, авторъ перечисляетъ еще 16 лицъ, оказавшихъ то или иное содѣйствіе при составленіи его труда. Кромѣ рукописнаго матеріала, авторъ также поставилъ своею задачею „собрать въ одно цѣлое то, что до сихъ поръ извѣстно было о графѣ Николаѣ Николаевичѣ изъ печатныхъ изданій“.

Итакъ, идея составленія біографіи графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго принадлежитъ князю Михаилу Сергѣевичу Волконскому; имъ же главнѣйше собранъ рукописный матеріалъ для біографіи графа и переданъ автору, который въ дополненіе къ рукописнымъ источникамъ собралъ еще печатныя свѣдѣнія. Пользуясь интереснымъ трудомъ г. Барсукова, попытаемся представить въ главныхъ чертахъ жизнь и дѣятельность графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго.

Н. Н. Муравьевъ родился 11-го августа 1809 года въ С.-Петербургѣ. Какъ вообще у всѣхъ замѣчательныхъ людей, у Н. Н. Муравьева мать была женщиной выдающейся. Его мать Екатерина Николаевна была, по словамъ Е. Θ. Бракке, „достойная женщина, весьма образованная, съ направлениемъ религіознымъ“. Нѣжная, чуткая ко всему прекрасному, она любила природу, деревню, была любящею, заботливою матерью для своихъ дѣтей и доброю дочерью для отца и матери своего мужа. Къ большому горю семьи, Екатерина Николаевна скончалась очень рано, именно 24-го апрѣля 1819 года, когда Николаю Николаевичу Муравьеву шелъ всего десятый годъ. Подъ вліяніемъ такой достойной, образованной и религіозной матери

Николай Николаевичъ получилъ свое первоначальное образованіе. Вскорѣ послѣ смерти ея онъ былъ отданъ въ частный пансіонъ Годеніуса, для приготовленія къ поступленію въ университетъ; но Императоръ Александръ I, по расположенію своему къ его отцу, приказалъ принять двухъ старшихъ сыновей статсъ-секретаря Муравьева, Николая и Валеріана, въ Пажескій Его Величества корпусъ. Хорошо приготовленный основательнымъ домашнимъ и пансіонскимъ воспитаніемъ, Николай Муравьевъ былъ произведенъ 14-ти лѣтъ въ камеръ-пажи, а затѣмъ въ фельдфебели и участвовалъ въ Москвѣ при коронаціи Императора Николая Павловича, 22-го августа 1826 года. Николай Муравьевъ окончилъ курсъ ученія первымъ, и имя его, какъ отличнѣйшаго воспитанника, вырѣзано на мраморной доскѣ; но, за малолѣтствомъ, онъ не могъ быть выпущенъ въ офицеры черезъ годъ по производствѣ его въ камеръ-пажи, какъ другіе, и вышелъ изъ корпуса только въ 1827 году, когда ему исполнилось семнадцать лѣтъ, и въ томъ же году, 25-го іюля, онъ поступилъ на службу прапорщикомъ въ лейбъ-гвардію Финляндскій полкъ. Въ слѣдующемъ же 1828 году еще юному 18-ти-лѣтнему офицеру Н. Муравьеву пришлось участвовать въ русско-турецкой войнѣ. Русскіе осаждали крѣпость Варну, при которой прапорщикъ Муравьевъ и находился съ 26-го августа впредь до ея взятія, участвуя 16-го сентября въ „дѣйствительномъ“ сраженіи на высотахъ вѣжной стороны этой крѣпости, въ отрядѣ генералъ-адъютанта Бистрома; послѣднему приходилось съ весьма слабыми силами защищать доступъ къ крѣпости противъ 25-ти тысячнаго турецкаго корпуса, подъ начальствомъ извѣстнаго турецкаго паши Омеръ-Вріоне. Здѣсь первая граната прилетѣла къ Муравьеву и другимъ финляндцамъ, разорвалась въ воздухѣ, но не причинила вреда. Омеръ-Вріоне, отбитый на всѣхъ пунктахъ, не прорвался въ крѣпость, которая со дня на день готова была сдать. „Всѣ офицеры лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, — говоритъ Лукьяновичъ (въ Описаніи Турецкой войны 1828 и 1829 годовъ), — покрыли себя при этомъ случаѣ вѣчною славою. Всея въ нижнихъ чинахъ презрѣніе къ опасностямъ, духъ смѣлости и неустрашимости, они внушили людямъ ту непреодолимую твердость, которой всегда сопутствуетъ вѣрная побѣда“.

Послѣ двухмѣсячной осады крѣпость Варна сдалась 29-го сентября 1828 года. За примѣрное мужество и неустрашимость, оказанныя Н. Н. Муравьевымъ при осадѣ Варны, онъ удостоился получить Высочайшую признательность. Вслѣдствіе болѣзни Муравьевъ

долженъ былъ оставаться въ Варнѣ, а по выздоровленіи былъ назначенъ адъютантомъ къ военному генераль-губернатору этой крѣпости Е. А. Головину. 11-го февраля 1829 года Н. Н. Муравьевъ былъ командированъ Головиннымъ на эскадру, подъ начальствомъ контръ-адмирала Кумани, съ десантными войсками въ Бургасскій заливъ и присутствовалъ 15-го февраля при бомбардированіи города Сивополя, 16-го при занятіи нагорнаго редута, а равно и самаго города, затѣмъ при бомбардированіи города Ахіоло. Объ этой командировкѣ Муравьева въ свидѣтельствѣ, выданномъ ему контръ-адмираломъ Кумани, сказано: Н. Н. Муравьевъ „велъ себя благородно, поручаемыя ему должности выполнялъ съ усердіемъ и ревностію“. Проживая въ Варнѣ, Н. Н. Муравьевъ нѣкоторое время былъ ближайшимъ сотрудникомъ Е. А. Головина въ дѣлѣ управленія Варною, что дало ему возможность впервые познакомиться съ канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ, а разумное исполненіе возложенныхъ на него порученій свисало ему большое довѣріе Головина.

При открытіи военныхъ дѣйствій около крѣпости Шумлы Николай Николаевичъ 22-го апрѣля 1829 года былъ снова командированъ къ начальствовавшему дѣйствующими войсками, генералу Роту. Н. Н. Муравьевъ находился въ сраженіяхъ: 25-го мая подъ Праводами въ Невчинской долигѣ, 30-го въ генеральномъ сраженіи при деревнѣ Кулевчи, 31-го подъ крѣпостью Шумлою при занятіи приступомъ турецкихъ редутовъ, при чемъ Николай Николаевичъ выказалъ большую неустрашимость. Въ отзывѣ о немъ генерала Рота говорится: „во время взятія редута съ тремя пушками, онъ, Муравьевъ, былъ изъ числа первыхъ, бросившихся въ ровъ и взшедшихъ на валъ. Сверхъ того, всѣ порученія, какія ему отъ меня по военнымъ обстоятельствамъ были дѣлаемы, исполнялъ съ отличнымъ усердіемъ и дѣятельностію, чѣмъ по справедливости заслужилъ полное одобреніе“.

Съ 12-го іюля 1829 года Н. Н. Муравьевъ опять былъ въ Варнѣ, гдѣ и находился при ген.-лейт. Головинѣ во все время свирѣпствовавшей тамъ болѣзни — Валахской язвы. Въ концѣ концовъ и самъ Муравьевъ заболѣлъ этою язвою, перешедшею затѣмъ въ особую мѣстную лихорадку. Но, не смотря на болѣзнь, которая все болѣе и болѣе изнуряла Николая Николаевича, онъ, въ свободные отъ пароксизмовъ дни, исполнялъ возлагаемыя на него порученія по крѣпости. Со взятіемъ русскими войсками Андріанополя, война закончилась миромъ, заключеннымъ въ этомъ городѣ 2-го

сентября 1829 года. Здоровье же Н. Н. Муравьева все еще не поправлялось. Родные Муравьева безпокоились по поводу его болѣзни. Въ апрѣлѣ 1830 года Н. Н. Муравьевъ цѣлелъ возможнымъ возвратиться въ С.-Петербургъ, но болѣзнь не оставляла его, и онъ принужденъ былъ взять отпускъ впредь до выздоровленія. Орденъ св. Анны 3 степени съ бантомъ и чинъ поручика были наградою Николаю Николаевичу за мужество, неустрашимость и отличное усердіе, оказанныя имъ во время Турецкой войны.

Жизнь Н. Н. Муравьева въ С.-Петербургѣ изображена имъ самимъ въ письмахъ къ его брату Валеріану Николаевичу, съ которымъ онъ съ дѣтства былъ связанъ тѣсной дружбой. Валеріанъ Николаевичъ служилъ въ то время прапорщикомъ въ Кексгольмскомъ гренадерскомъ Его Величества Императора Австрійскаго полку. Письма Николая Николаевича вводятъ насъ прямо въ кругъ его домашней обстановки и семейныхъ отношеній и всего лучше могутъ характеризовать положеніе его въ Петербургѣ. Судя по этимъ письмамъ, положеніе Николая Николаевича въ Петербургѣ было не легкое: съ одной стороны, его удручала лихорадка, вынесенная имъ изъ Турціи, съ другой — у него не было живаго, кипучаго дѣла, къ какому онъ успѣлъ привыкнуть за время войны, и въ то же время ему приходилось стоять очень близко къ домашнимъ и семейнымъ дѣламъ. Николай Николаевичъ жилъ въ кругу отца, матери и сестеръ. Общее семейное хозяйство причиняло ему даже большія неприятности. Въ одномъ изъ писемъ къ брату онъ говоритъ: „я желалъ бы лучше быть въ Варнѣ, въ чумѣ, чѣмъ здѣсь (то-есть, въ Петербургѣ), и это безъ всякаго прибавленія“. Николай Николаевичъ также чрезвычайно заботился объ устройствѣ положенія своего брата Валеріана: трогательное участіе Николая Николаевича къ его брату хорошо рисуется въ упомянутыхъ письмахъ.

Въ 1830 году вспыхнуло возстаніе въ Варшавѣ. Н. Н. Муравьевъ, рѣшившій было вслѣдствіе болѣзни выйти въ отставку, теперь желалъ продолжать свою службу попрежнему и стремился участвовать въ походѣ противъ поляковъ. Случай для этого не замедлилъ представиться. Въ Литву, по Высочайшему повелѣнію, долженъ былъ отправиться отдѣльный гвардейскій корпусъ. Въ составъ этого корпуса вошелъ и лейбъ-гвардія Финляндскій полкъ, въ которомъ служилъ Н. Н. Муравьевъ. Извѣстіе о походѣ было принято Николаемъ Николаевичемъ съ радостью, при чемъ его желаніемъ было непременно участвовать въ сраженіи. „Изъ всего гвардейскаго корпуса

я имѣю наибольшую надежду быть въ дѣлѣ, а это не послѣднее мое желаніе", „желаніе мое быть въ походѣ и въ дѣлѣ весьма неограниченно; ты знаешь, чѣмъ я жертвую для войны, и можешь себѣ представить, сколько потечетъ слезъ", „я все оставилъ въ Петербургѣ: родныхъ, друзей и милаго друга! Неужели судьба будетъ столько несправедлива, что не вознаградитъ меня за сіи пожертвованія хотя двумя сраженіями? Господи, да будетъ воля Твоя! Но одинъ пороховой дымъ можетъ заглушить горькія чувства разлуки въ моемъ сердцѣ", — такъ писалъ Николай Николаевичъ къ своему брату изъ Петербурга и съ мѣстъ дневокъ Финляндскаго полка, шедшаго въ центръ Польши. Поручикъ Муравьевъ вмѣстѣ со своимъ полкомъ преслѣдовалъ до г. Остроленки. Съ этого пункта, отъ 22-го марта 1831 года, начинается его военная дѣятельность: онъ участвуетъ въ цѣломъ рядѣ экспедицій, предпринятыхъ подъ начальствомъ ген.-адъют. Бистрома. Послѣ разныхъ переходовъ взадъ и впередъ, утомлявшихъ солдатъ и ничего не дававшихъ въ результатѣ, поручикъ Муравьевъ участвовалъ въ дѣйствительномъ сраженіи 8-го мая при деревнѣ Руткахъ, при преслѣдованіи непріятеля отъ мѣстечка Тыкочина до города Остроленки, гдѣ 14-го мая ген.-фельдм. графъ Дибичъ-Забалканскій нанесъ полякамъ рѣшительное пораженіе. Ихъ армія въ разстройствѣ отступила къ Варшавѣ. Затѣмъ, 22-го мая 1831 года, Н. П. Муравьевъ принималъ участіе въ сраженіи при очищеніи Бѣловѣжской пуши отъ польскихъ повстанцевъ.

Неожиданное обстоятельство помѣшало скорому окончанію войны: въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій 29-го мая 1831 года скончался графъ Дибичъ-Забалканскій, а новый главнокомандующій, фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскій, прибылъ только 13-го іюня того же года. Война затянулась еще на четыре мѣсяца. Поручикъ Н. Н. Муравьевъ, по переходѣ своимъ въ адъютанты къ Е. А. Головину, до конца войны былъ постоянно въ командировкахъ, постоянно находился въ виду непріятеля и участвовалъ въ военныхъ стычкахъ. Муравьеву приходилось нѣсколько разъ съ порученіями бывать на непріятельскихъ аванпостахъ, а также выступать въ роли парламентаря. До взятія Варшавы русскими войсками, участіе поручика Н. Н. Муравьева въ военныхъ дѣйствіяхъ, какъ видно изъ его формулярнаго списка, выразилось въ слѣдующемъ: съ 27-го іюля по 8-е августа онъ находился при форсированныхъ рекогносцировкахъ подъ Прагою; 16-го августа участвовалъ въ сраженіи

арьергарда 6-го пѣхотнаго корпуса при селеніяхъ Крынкѣ и Жембрахъ съ цѣлымъ польскимъ корпусомъ, бывшимъ подъ начальствомъ Ромарино; 17-го августа послѣдовало генеральное сраженіе при мѣстечкѣ Мендзыржецѣ, гдѣ Н. Н. Муравьевъ былъ контуженъ въ правую ногу пулею. 26-го августа 1831 года Варшава была взята штурмомъ. Казалось бы, что со взятіемъ столицы Польши, бывшей центромъ возстанія, сопротивленіе поляковъ было уничтожено, но въ дѣйствительности было противное. Графъ Паскевичъ, убѣдившись, что нечего и думать о мирномъ разрѣшеніи вопроса, зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ; войска наши были въ полной готовности, и часть ихъ продолжала быть въ дѣйстви. 1-го сентября 1831 года мы видимъ поручика Муравьева при взятіи авангардомъ мѣстечка Колка; 3-го сентября—въ сраженіяхъ авангарда и при взятіи приступомъ мѣстечекъ Опола, Вржеловца и Юзефова. На всѣхъ этихъ пунктахъ поляки были опрокинуты двумя дивизіями, состоявшими подъ начальствомъ ген.-лейт. Головина. Затѣмъ, 4-го сентября, произошла новая битва и новая побѣда, при храбромъ участіи въ дѣлѣ поручика Муравьева, при мѣстечкахъ Раховѣ, Комонѣ и Боравѣ, гдѣ корпусъ поляковъ, состоявшій подъ начальствомъ Ромарино, былъ разбитъ и прогнанъ въ предѣлы Австрійской имперіи. Послѣ этого поручикъ Муравьевъ 17-го сентября находился при блокированіи важной крѣпости Модлина, которая и сдалась 26-го сентября. Затѣмъ война съ поляками кончилась. Кампанія эта была однимъ изъ лучшихъ воспоминаній Николая Николаевича, который вынесъ изъ этой войны много для себя поучительнаго. Дѣйствительно, подъ руководствомъ ген.-лейт. Е. А. Головина, адъютантъ его, поручикъ Муравьевъ, прошелъ превосходную боевую школу,—школу малой войны, которая такъ полезна для развитія въ будущемъ военныхъ дарованій самостоятельнаго начальника. Можно утверждать, что разнообразныя порученія, даваемые Муравьеву Головинымъ, при исполненіи которыхъ 22-хъ-лѣтній поручикъ неоднократно имѣлъ дѣло со старыми польскими генералами, во многомъ послужили къ развитію и его дипломатическихъ способностей. Не смотря на окончаніе войны, войска все еще оставались въ царствѣ Польскомъ, и время ихъ выступленія не было опредѣлено. Муравьевъ пожелалъ воспользоваться этимъ мирнымъ временемъ и, получивъ четырехмѣсячный отпускъ, уѣхалъ въ Петербургъ. Послѣ прекращенія польской кампаніи, мы видимъ поручика Муравьева въ крайне угнетенномъ состояніи духа. Ему казалось, что служба его недостаточно оцѣнена начальствомъ. Объ этомъ самъ Н. Н. Муравьевъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ

писемъ къ брату Валеріану. Однако Муравьевъ ошибался. Его труды въ польской кампаніи были вскорѣ же оцѣнены по достоинству: онъ сразу получилъ въ мартѣ 1832 года три награды — орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, золотую шпагу съ надписью „за храбрость“ и польскій знакъ отличія (*virtuti militari*) 4-й степени за военные достоинства. Муравьевъ, по истеченіи срока отпуска, отправился къ мѣсту своего служенія въ царство Польское, къ ген.-лейт. Е. А. Головину, при которомъ и продолжалъ состоять адъютантомъ. Въ этомъ же году (1832) онъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитана, а въ началѣ слѣдующаго года (7 февраля 1833 года), по болѣзни, вышелъ въ отставку, къ глубокому огорченію своего начальника. Ген.-лейт. Головинъ былъ очень внимателенъ къ Муравьеву и чрезвычайно дорожилъ имъ: это видно изъ нѣсколькихъ писемъ Головина къ Муравьеву. По выходѣ въ отставку, Н. Н. Муравьевъ провелъ четыре года въ казенномъ имѣніи „Стоклишкахъ“, Виленской губерніи, пожалованномъ государемъ его отцу въ пожизненное владѣніе. Здѣсь онъ, по настоянію отца своего и ради поправленія своего здоровья, занимался сельскимъ хозяйствомъ, стараясь привести въ надлежащій порядокъ разстроенное имѣніе. О жизни Муравьева въ деревнѣ сохранились свѣдѣнія въ письмахъ его къ брату Валеріану за 1837 годъ. Кромѣ хозяйства, Н. Н. Муравьевъ въ это время очень занятъ былъ судьбою своего любимаго брата, который задумалъ жениться, но разныя семейныя обстоятельства, преимущественно денежные, препятствовали осуществленію его желанія, что очень тревожило Николая Николаевича. Какъ хлопоталъ и какое близкое и искреннее участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ Николай Николаевичъ, видно изъ его писемъ къ брату. Но сколько ни хлопоталъ Николай Николаевичъ за своего брата предъ грознымъ отцомъ своимъ, ничто не помогло. Николай Назарьевичъ своими странными дѣйствіями подавалъ сильный поводъ къ неудовольствію, не позволяя своимъ дѣтямъ никакихъ возраженій и требуя безусловнаго повиновенія, въ особенности, когда дѣло касалось денежныхъ расчетовъ. Такъ и въ данномъ случаѣ женитьба Валеріана Николаевича разстроилась единственно изъ-за неимѣнія денегъ. Личныя же дѣла Николая Николаевича вообще и въ частности по Стоклишскому имѣнію были далеко не въ цвѣтущемъ состояніи вслѣдствіе неурожаевъ, обильныхъ дождей и безпрестанныхъ требованій со стороны отца доходовъ съ имѣнія. Все это до такой степени раздражало и разстроивало Николая Николаевича, что онъ уже сталъ помышлять оставить управленіе Стоклишками и

вновь поступить на службу; онъ обратился съ просьбою объ этомъ къ бывшему своему начальнику Е. А. Головину, который въ это время исправлялъ должность Варшавскаго военнаго губернатора. Николай Николаевичъ былъ назначенъ въ гражданскую службу чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ директорѣ, предсѣдательствующемъ въ комиссіи внутреннихъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія царства Польскаго. Между тѣмъ Головинъ 30-го ноября 1837 года получилъ новое назначеніе: онъ призванъ былъ принять командованіе отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ и главное управленіе гражданскою частью и пограничными дѣлами въ Закавказьѣ. Какъ только дошло это извѣстіе до Николая Николаевича, онъ тотчасъ же подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ варшавской службы. Въмѣсто Варшавы Н. Н. Муравьевъ отправился на Кавказъ, гдѣ въ то время кипѣла на всемъ пространствѣ отъ Каспійскаго до Чернаго моря война съ горцами. 27-го апрѣля 1838 года онъ былъ опредѣленъ къ командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса Е. А. Головину для особыхъ порученій. Наша борьба съ кавказскими горцами крайне обострилась: мюридизмъ дѣлалъ успѣхи подъ руководствомъ имама Шамиля. Но Муравьевъ не боялся опасностей. По прибытіи къ мѣсту служенія, Николай Николаевичъ въ теченіе всего 1838 года принималъ самое дѣятельное участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ на восточномъ берегу Чернаго моря: въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ участвовалъ въ ночной экспедиціи на рѣкѣ Сочѣ, 10 іюля — при десантѣ на Шапаро, 11 сентября въ дѣйствіяхъ Дагестанскаго отряда. За всѣ эти въ высшей степени трудныя экспедиціи по непроходимымъ лѣсамъ, по скалистымъ и безплоднымъ горамъ Муравьевъ награжденъ былъ чиномъ подполковника. Съ 25-го по 29-е сентября Муравьевъ участвовалъ въ движеніи отряда подъ командою ген.-лейт. Фези вверхъ по Самуру для усмиренія возмущившихся горныхъ кубинскихъ магаловъ.

Послѣ этихъ экспедицій не долго пришлось отдыхать Муравьеву. Съ весны 1839 года Н. Н. Муравьевъ принялъ участіе въ движеніи Дагестанскаго отряда. Войска послѣдняго шли къ сборному пункту, къ селенію Хазры, гдѣ они должны были находиться до открытія военныхъ дѣйствій, то-есть, до 28-го мая 1839 года. Въ этотъ промежутокъ времени Головинымъ даваемы были Муравьеву различныя порученія къ горскимъ племенамъ, съ цѣлью внушить имъ уваженіе къ нашей власти безъ употребленія оружія. Это было исполнено Н. Н. Муравьевымъ съ большимъ тактомъ и умѣньемъ,

за что въ награду отличнаго его усердія, какъ сказано въ послужномъ его спискѣ, оказаннаго при исполненіи данныхъ ему порученій по сношенію съ кубинскими магалами и при введеніи въ права владѣтельница ханства Казикумухскаго, Муравьевъ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-й степени. Съ 28-го мая до половины іюля Н. Н. Муравьевъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ русскихъ войскъ съ возставшими горцами, а также въ штурмахъ непріятельскихъ укрѣпленныхъ пунктовъ. 16-го іюля генералъ Граббе произвелъ штурмъ Ахульго, гдѣ засѣлъ Шамиль со своими приверженцами. Штурмъ былъ неудаченъ; наши войска понесли большой уронъ. Въ числѣ раненныхъ при этомъ кровопролитномъ штурмѣ былъ и Н. Н. Муравьевъ, которому ружейною пулею раздробило кость правой руки. За храбрость Муравьевъ сразу получилъ двѣ награды, именно Императорскія короны къ орденамъ св. Станислава и св. Анны 2-й степени; кромѣ того, ему было объявлено въ Высочайшемъ приказѣ Монаршее благоволеніе. Для излеченія раны Н. Н. Муравьевъ долженъ былъ отправиться на нѣкоторое время въ Тифлисъ. Поправившись нѣсколько здоровьемъ, Н. Н. Муравьевъ 4-го апрѣля 1840 года получилъ должность начальника 2-го (впослѣдствіи 3-го) отдѣленія Черноморской береговой линіи, съ производствомъ въ чинъ полковника. Дѣятельность свою въ должности начальника 2-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, равно какъ и свое нравственное состояніе, самъ Муравьевъ изображаетъ очень подробно въ письмахъ къ брату своему Валеріану, состоявшему въ то время адъютантомъ при Е. А. Головинѣ. Въ этихъ письмахъ ярко обрисовываются именно тѣ неблагопріятныя условія, въ какія Муравьевъ былъ поставленъ, какъ дѣятель на новомъ поприщѣ. При своемъ свѣтломъ умѣ и благородныхъ порывахъ къ честному исполненію служебныхъ обязанностей, онъ долженъ былъ бороться со всевозможными недолгими препятствіями. Всего болѣе его возмущало равнодушіе къ положенію 2-го отдѣленія и къ его собственной дѣятельности, какое онъ встрѣчалъ со стороны его ближайшихъ начальниковъ, Н. Н. Раевского и Коцебу.

Въ періодъ службы на Черноморской береговой линіи Н. Н. Муравьевъ, въ качествѣ исправляющаго должность начальника 3-го отдѣленія этой линіи, командовалъ войсками, посланными для усмиренія Дала. Экспедиція эта была выполнена блестящимъ образомъ. Е. А. Головинъ въ своемъ донесеніи военному министру по этому случаю указывалъ вообще на выдающіеся военные подвиги Муравьева

и просилъ министра „повергнуть на Высочайшее воззрѣніе заслуги полковника Муравьева“. 1841 годъ Н. Н. Муравьевъ провелъ въ самой дѣятельной боевой службѣ но въ письмахъ его къ брату Валеріану за этотъ годъ не менѣе, чѣмъ прежде, рисуется его тяжелое положеніе, такъ какъ онъ встрѣчалъ еще большее противодѣйствіе со стороны высшихъ начальствующихъ лицъ. Однимъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ этого противодѣйствія была зависть къ успѣхамъ Муравьева или опасеніе за предвосхищеніе славы, о которой мечтали другіе. Положеніе Муравьева въ началѣ 1841 года было крайне напряженное: ему пришлось неутомимо дѣйствовать и непрестанно быть насторожѣ, въ виду серьезной опасности, которая угрожала его укрѣпленіямъ со стороны горцевъ убыховъ, самаго храбраго и предпріимчиваго народа изъ племени адехе. Но благоразумныя дѣйствія Муравьева успокоили волновавшихся горцевъ, причемъ дѣло обошлось безъ пролитія крови. За отличіе по службѣ Н. Н. Муравьевъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры 4-го іюня 1841 года. Однако, послѣ нѣкотораго затишья, волненія горцевъ опять возобновлялись. Видя, что работа по усмиренію края идетъ медленно, Муравьевъ хотѣлъ оставить Кавказъ и искать другую дѣятельность. Но братъ Валеріанъ извѣстилъ Н. Н. Муравьева письмомъ изъ Петербурга, что Государь Императоръ сдѣлалъ очень лестный отзывъ о Николаѣ Николаевичѣ. Это сообщеніе успокоило Н. Н. Муравьева, и онъ съ обычнымъ рвеніемъ занялся кавказскими дѣлами. Въ іюлѣ 1841 года русскія войска, подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева мужественно защитили Навачинское укрѣпленіе отъ покушеній черкесскихъ скопищъ. Затѣмъ осенью того же года Н. Н. Муравьевъ, принималъ дѣятельное участіе въ трехдневномъ кровавомъ бою русскихъ съ 5000-ой толпой убыховъ.

Утомленный боевой жизнью Н. Н. Муравьевъ вынужденъ былъ просить объ увольненіи его въ четырехмѣсячный отпускъ въ Петербургъ для поправленія разстроеннаго здоровья, вслѣдствіе понесенныхъ имъ трудовъ и полученныхъ ранъ. Въ половинѣ февраля 1842 года Н. Н. Муравьевъ выѣхалъ съ мѣста своего служенія въ Петербургъ. Рядъ писемъ Н. Н. Муравьева изъ Петербурга вводитъ насъ въ его внутреннюю жизнь и въ то же время знакомитъ въ общихъ чертахъ съ положеніемъ его семейныхъ дѣлъ. О послѣднихъ должно замѣтить, что они были весьма запутанны, такъ какъ отецъ Николай Николаевича по старости не могъ самъ управляться съ разстроенными имѣніями и перedalъ ихъ дѣтямъ, которыя уже сообща должны были заботиться

о поддержаніи своихъ матеріальныхъ средствъ. Николай Николаевичъ, какъ старшій и болѣе опытный, конечно, не могъ оставить своими попеченіями и наставленіями другихъ членовъ семьи.

Въ 3-мъ отдѣленіи Черноморской береговой линіи, въ отсутствіе Н. Н. Муравьева, все шло по-старому: расправлялись съ убыхами, съ цебельдинцами, абреками и съ абхазскими интригами. По возвращеніи къ мѣсту служенія Н. Н. Муравьевъ вскорѣ снова заболѣлъ абхазскою лихорадкою, и при томъ еще открылась его рана: все это до такой степени изнуряло его, что онъ принужденъ былъ опять проситься въ продолжительный отпускъ за границу для леченія минеральными водами. 5-го февраля 1843 года онъ подалъ прошеніе объ увольненіи, но, не смотря на свое болѣзненное состояніе, онъ неумолимо продолжалъ свою военную дѣятельность. Съ половины апрѣля до конца сентября 1843 года Н. Н. Муравьевъ принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ рекогносцировкахъ, занятіи укрѣпленныхъ позицій и во многихъ стычкахъ съ абреками и убыхами.

Между тѣмъ разрѣшеніе отпуска все еще не получалось, что очень волновало Муравьева, такъ какъ со времени подачи имъ прошенія прошло уже 8 мѣсяцевъ. Въ столь томительномъ ожиданіи исхода своего положенія Н. Н. Муравьевъ велъ переписку съ братомъ Александромъ Николаевичемъ, исполненную личнаго раздраженія, а также и недовольства административными и военными дѣлами на Кавказѣ. 1844 годъ былъ послѣднимъ годомъ службы Н. Н. Муравьева на Кавказѣ. Этотъ годъ прошелъ безъ особенныхъ событій. Домашнія же дѣла, а также и весь ходъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, весьма тревожили Муравьева, какъ это видно изъ его писемъ къ брату Александру Николаевичу. „Бросая общій взглядъ на кавказскую дѣятельность Муравьева,—говоритъ его біографъ,—нельзя не замѣтить, что слава, которой онъ заслуженно пользовался, зависѣла не столько отъ блестящихъ военныхъ его подвиговъ, сколько отъ необыкновенныхъ его административныхъ способностей, отъ искусства его обращаться съ враждебными намъ горскими племенами; въ краю, гдѣ все дышало войной, онъ, можно сказать, всецѣло слѣдовалъ политикѣ мирныхъ завоеваній; своею благородною личностью онъ умѣлъ внушить къ себѣ неограниченное довѣріе со стороны многихъ владѣтельныхъ и вліятельныхъ лицъ въ средѣ горскихъ племенъ, черезъ нихъ же и самыя племена расположилъ къ добровольной покорности русскому правительству“.

20-го апрѣля 1844 года Н. Н. Муравьевъ находился уже въ Во-

городицкѣ (Тульской губ.). Жизнь въ тихомъ уѣздномъ городкѣ послѣ кипучей дѣятельности на Кавказѣ, конечно, не понравилась Муравьеву. Какъ ни старался онъ, повидимому, развлекать себя, но забыть о Кавказѣ не могъ: туда были устремлены всѣ мысли его. Муравьевъ не терялъ надежды, по истеченіи срока отпуска, быть еще полезнымъ Кавказу, но только при другихъ обстоятельствахъ, то-есть, при другомъ составѣ начальства. Въ Богородицкѣ Н. Н. Муравьевъ получилъ орденскій знакъ св. Станислава 1-й степени, съ Высочайшею грамотою, за отличное мужество и благородную распорядительность, оказанную въ отношеніи горцевъ еще въ декабрѣ 1843 года, при движеніи отряда въ Псху. Въ началѣ 1845 года постигло Николая Николаевича семейное горе: онъ лишился отца, что заставило его отправиться въ Петербургъ. Въ это же время, узнавъ о назначеніи графа М. С. Воронцова намѣстникомъ кавказскимъ, Н. Н. Муравьевъ хлопоталъ о новой службѣ для себя на Кавказѣ, но дѣло это почему-то не состоялось. Послѣ этого Муравьевъ выпросилъ себѣ еще продолженіе отпуска на 6 мѣсяцевъ и уѣхалъ за границу на минеральныя воды. Однако мысль о службѣ на Кавказѣ не оставляла Муравьева и за границей, какъ видно изъ его писемъ къ брату Валеріану. Заграничное путешествіе и пользованіе минеральными водами возстановили здоровье Николая Николаевича. По возвращеніи изъ-за границы онъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, при чемъ официально предполагалось назначить его впослѣдствіи на должность губернатора. Въ началѣ 1846 года Н. Н. Муравьевъ былъ командированъ для ревизіи въ Новгородскую губернію. Труды Н. Н. Муравьева по ревизіи этой губерніи, показавшіе его обстоятельное знакомство съ дѣлами и ходомъ гражданскаго управленія, не остались безплодными. 16-го іюня 1846 года онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность военнаго губернатора города Тулы и тульского гражданскаго губернатора, съ оставленіемъ по арміи. Въ первыхъ числахъ іюля 1846 года Н. Н. Муравьевъ прибылъ въ Тулу, уже съ званіемъ тульского военнаго и гражданскаго губернатора.

Пріѣздъ Муравьева въ Тулу, согласно его желанію, совершился скромно, безъ всякой встрѣчи. Вступивъ въ управленіе вѣрренной ему губерніей, Николай Николаевичъ съ обычною ему энергіей принялся за новое дѣло. Хотя служебная его дѣятельность на этомъ посту была и кратковременна, но онъ своимъ умомъ, образованіемъ и широкимъ взглядомъ на дѣло успѣлъ сдѣлать

многое и приобрести всеобщую любовь и уваженіе. Строгая законность распоряженій, постоянная заботливость о нуждахъ Тулы и Тульской губерніи, вниманіе къ трудамъ и заслугамъ другихъ, готовность помочь каждому въ его нуждѣ, общедоступность, умѣнье избѣгать всякаго рода столкновеній, — вотъ тѣ качества, которыми отличался новый тульскій губернаторъ. Первымъ дѣломъ Николая Николаевича было обревизовать свою губернію, чтобы ея *ipso* изучить ее наглядно во всѣхъ подробностяхъ. Въ своемъ отчетѣ о ревизіи, представленномъ въ министерство, Н. Н. Муравьевъ обращаетъ вниманіе на ветхость и тѣсноту тюремныхъ замковъ, на неумѣренное и нерасчетливое истребленіе лѣсовъ по всей губерніи, угрожающее величайшимъ бѣдствіемъ для народонаселенія, на недостатки водяныхъ сообщеній, задерживающій развитіе торговли, и на упадокъ сельскаго хозяйства. Для устраненія послѣдняго обстоятельства онъ проектировалъ учрежденіе въ Тулѣ губернскаго общества сельскаго хозяйства. Не переставая совершать свои объѣзды по губерніи, Николай Николаевичъ также находилъ время заниматься не только текущими дѣлами, но и собственноручно составлялъ различные планы, касающіеся благоустройства не одной только Тулы, но и всей Россіи. Такъ, „онъ первый изъ всѣхъ русскихъ губернаторовъ, — пишетъ М. И. Венюковъ (*Русск. Стар.*“, 1882, февраль, стр. 524), — поднялъ вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ. Девять помѣщиковъ, въ томъ числѣ князь Голицынъ и одинъ изъ Норовыхъ, подписали приготовленный, по внушенію Муравьева, адресъ Государю объ освобожденіи крестьянъ. Императоръ былъ очень доволенъ, но повелѣлъ продолжать дѣло съ крайнею осторожностью и прежде всего добиться большаго числа помѣщичьихъ подписей подъ адресомъ, а такъ какъ таковыхъ собрать не удалось, то дѣло кануло въ воду. Только Государь не забылъ „либерала и демократа“, то-есть, попросту благороднаго, человѣколюбиваго губернатора“.

Въ январѣ 1847 года Н. Н. Муравьевъ женился на Екатеринѣ Николаевнѣ де-Ришмонъ. Она принадлежала къ дворянскому французскому роду de Richemond изъ Лотарингіи; имѣніе ея родителей находилось близъ города По, на югѣ Франціи. Встрѣтившись съ нею за годъ передъ тѣмъ за границею, Муравьевъ полюбилъ ее и, какъ только служебное его положеніе улучшилось, написалъ ей, предлагая свою руку. Предложеніе было принято, и Екатерина Николаевна чрезъ Петербургъ пріѣхала въ Богородицкъ (Тульской губерніи), гдѣ и былъ заключенъ бракъ, предъ кото-

рымъ Екатерина Николаевна перешла въ православіе. Эта женитьба Муравьева имѣла большое вліяніе на всю его будущность. По свидѣтельству знавшихъ Екатерину Николаевну, она была женщина умная, образованная, характера мягкаго, ровнаго, имѣла доброе сердце и отличалась любовью къ своему новому отечеству. При безграничной любви къ женѣ, Муравьевъ поддавался ея вліянію, не ослабѣвшему и въ послѣдніе годы его жизни, и нельзя не сказать, — замѣчаетъ біографъ, — что, при пылкости характера Муравьева, это вліяніе было всегда въ своихъ результатахъ хорошимъ, подчасъ умиротворяющимъ.

При проѣздѣ Государя Николая Павловича чрезъ Тулу, на одной станціи близь этого города, Н. Н. Муравьевъ при представленіи выслушалъ личное Высочайшее назначеніе его восточно-сибирскимъ генераль-губернаторомъ. Еще до этого случая, 5-го сентября 1847 года, былъ уже давъ Высочайшій приказъ о назначеніи Н. Н. Муравьева исправляющимъ должность иркутскаго и енисейскаго генераль-губернатора и командующаго войсками, расположенными въ Восточной Сибири. Назначеніе это состоялось вслѣдствіе высокаго мнѣнія Государя Николая Павловича объ административныхъ способностяхъ Муравьева. Для управленія далекимъ краемъ требовался человѣкъ твердый, энергичный, честный, неуклонно идущій къ развѣ намѣченной цѣли и вполне знакомый съ гражданскимъ управленіемъ. Ревизіи Повгородской губерніи и тульское губернаторство вѣдали, что Н. Н. Муравьевъ вполне обладалъ тѣми качествами, какія были нужны для генераль-губернатора Восточной Сибири, и вотъ почему выборъ палъ на относительно молодаго генераль-маіора Муравьева. Николай Николаевичъ былъ назначенъ вмѣсто В. И. Рунерта, который былъ отрѣшенъ отъ должности послѣ неблагопріятнаго для него результата ревизіи сенатора И. Н. Толстаго.

Назначеніе такого молодаго генераль-губернатора Восточной Сибири, какимъ былъ Н. Н. Муравьевъ, считалось, по отзывамъ современниковъ, событіемъ необычайнымъ, возбуждавшимъ многіе толки. Были люди, которые считали этотъ фактъ даже скандаломъ или результатомъ недоразумѣнія и ошибки. Конечно, всѣ эти люди сами жестоко ошибались. По словамъ Б. В. Струве (Русск. Вѣстн., 1888, стр. 151—152), „дѣло просто объясняется тѣмъ несомнѣннымъ вліяніемъ, которымъ великая княгиня Елена Павловна пользовалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ у Императора Николая. Выборъ Н. Н. Муравьева

на эту должность принадлежалъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскому; провелъ же онъ задуманное дѣло съ помощью великой княгини Елены Павловны, оказывавшей постоянно искреннее благорасположеніе Муравьеву съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ ея камеръ-пажемъ. Великая княгиня, отличавшаяся просвѣщеннымъ умомъ и глубокимъ пониманіемъ современнаго положенія Россіи, которую она любила какъ второе свое отечество, видѣла въ Муравьевѣ именно такого дѣятеля, какимъ онъ оказался впоследствии⁴. Н. Н. Муравьевъ успѣшилъ оставить Тулу и въ концѣ сентября 1847 года прибылъ въ Петербургъ, гдѣ, не теряя времени, приступилъ къ ознакомленію съ тѣмъ положеніемъ сибирскихъ дѣлъ, въ какомъ они находились въ то время, и особенно дѣла объ Амурѣ. По управленію Восточной Сибири стояли тогда на первомъ планѣ вопросы о восточномъ прибрежьи нашемъ на Тихомъ океанѣ, въ связи съ дѣятельностью Сѣверо-Американской компаніи, вопросы о кахтинской торговлѣ и о злоупотребленіяхъ по части золотопромышленности, акцизно-откупнаго комиссіонерства и провіантскихъ заготовленій. Нужна была настойчивая сила воли Муравьева, чтобы въ сравнительно короткое время разобраться въ хаосѣ мнѣній, свѣдѣній обо всемъ этомъ и предположеній объ Амурѣ. Еще въ апрѣлѣ 1846 года было поручено командиру брига „Великій князь Константинъ“ Гаврилову 2-му изслѣдовать устье Амура, но экспедиція эта не имѣла никакого успѣха. Начало и выполненіе вопроса объ отысканіи и занятіи устьевъ Амура принадлежитъ одному Н. Н. Муравьеву. Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ въ Сибирь, Муравьевъ познакомился съ капитанъ-лейтенантомъ Невельскимъ, находившимся въ то время при постройкѣ въ Гельсингфорсѣ транспорта „Байкалъ“, для періодическаго доставленія въ Камчатку различныхъ грузовъ и припасовъ отъ морскаго вѣдомства. Сильно заинтересованный запутаннымъ вопросомъ о доступности для судовъ устья Амура, Муравьевъ сообщилъ Невельскому свое мнѣніе о необходимости болѣе правильнаго изслѣдованія устья этой рѣки. Невельской и самъ былъ сильно заинтересованъ вопросомъ объ Амурѣ, почему горячо принялъ заявленія Муравьева, и впоследствии онъ явился дѣятельнымъ исполнителемъ указаній Муравьева при осуществленіи завѣтной мысли послѣдняго—завладѣть устьями Амура и тѣмъ открыть Россіи свободный путь къ Тихому океану. Въ то время, когда Н. Н. Муравьеву предстояла великая роль на крайнемъ востокѣ Россіи, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Петербурга было замѣтно два напра-

вленія—одно западническое, руководившееся меттерниховскою системою, и другое чисто русское, національное. Муравьеву приходилось лавировать между этими теченіями, имѣя въ виду интересы порученнаго ему дѣла. Но Муравьева спасло довѣріе, которымъ его удостоивалъ Самодержецъ, покровительство великой княгини Елены Павловны и вполне искреннее расположеніе къ нему тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Черновскаго. Познакомившись въ Петербургѣ съ восточно-сибирскими дѣлами, Н. Н. Муравьевъ отплавился къ мѣсту своего служенія. Въ Красноярскѣ, первый губернской городъ Восточной Сибири на пути изъ Россіи, Муравьевъ прибылъ 27-го февраля 1848 года. Разсмотрѣніе въ Красноярскѣ дѣла объ Ольгинскомъ и Платоновскомъ пріискахъ и еще другихъ подобныхъ дѣлъ имѣло послѣдствіемъ своего рода легкую демонстрацію со стороны Муравьева по отношенію къ сибирскимъ богачамъ. До разсмотрѣнія этихъ дѣлъ Муравьевъ общалъ было купцамъ Машаровымъ, что на пути изъ Красноярска въ Иркутскъ онъ приметъ отъ нихъ обѣдъ въ городѣ Канскѣ, гдѣ они владѣли великолѣпно устроеннымъ домомъ. Прочитавъ вышеупомянутыя дѣла, Муравьевъ пришелъ къ убѣжденію, что поклоненіе богатству составляетъ отличительную черту не только чиновниковъ, но и присутственныхъ мѣстъ въ Сибири. Поэтому, желая съ перваго вступленія въ управленіе краемъ доказать, что богатство не должно давать никакихъ преимуществъ передъ закономъ и властью, Муравьевъ поручилъ передать гг. Машаровымъ, что онъ къ нимъ не заѣдетъ въ Канскѣ. Это страшно озадачило Машаровыхъ, которые ласкали себя надеждою извлечь изъ этого посѣщенія не малыя для себя выгоды. Задолго до пріѣзда Муравьева въ Иркутскъ, тамъ носились очень выгодныя для него слухи. Населеніе радовалось, что наконецъ у него будетъ хорошій правитель. Вскорѣ же по прибытіи въ Иркутскъ, послѣ обычныхъ пріемовъ чиновниковъ, Н. Н. Муравьевъ за вопіющія злоупотребленія устранилъ отъ службы нѣкоторыхъ значительныхъ лицъ изъ администраціи. Между прочимъ, былъ уволенъ отъ должности иркутскій губернаторъ Пятницкій. Къ этому рѣшительному шагу побудило Муравьева убѣжденіе, вынесенное имъ изъ разсмотрѣнія дѣла объ Ольгинскомъ и Платоновскомъ пріискахъ, и вообще характеръ дѣятельности губернатора по золотопромышленнымъ дѣламъ, производившимся въ Главномъ управленіи Восточной Сибири, въ которомъ, за отсутствіемъ генералъ-губернатора, предсѣдательствовалъ Пятницкій въ теченіе продолжительнаго времени. По пріѣздѣ въ Сибирь, познакомившись нѣсколько съ чиновниками и дѣлами края и поражааясь безотраднымъ

положеніемъ, въ которомъ находилась Восточная Сибирь, Муравьевъ мечталъ только объ одномъ и ставилъ это цѣлью своей дѣятельности, а именно: привести все въ движеніе, дать всему толчокъ, соотвѣтствующій будущему назначенію этой громадной окраины великой Руси. Этою мыслью онъ одушевлялся, отнюдь не увлекаясь увѣренностью, что онъ достигнетъ тѣхъ блестящихъ результатовъ, какими увѣнчались его труды, а только живя надеждою, что если не онъ, то послѣдующіе за нимъ дѣятели довершатъ дѣло, какъ скоро оно будетъ поставлено на прочныхъ основаніяхъ. Первымъ условіемъ для этого онъ считалъ, что Царь долженъ знать всю истину. Въ этихъ видахъ Муравьевъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ январѣ 1848 года, лично исходатайствовалъ себѣ Высочайшее соизволеніе писать Государю съ полною откровенностью обо всемъ, что сочтетъ нужнымъ, въ собственныя Его Величества руки. „Вотъ тотъ талисманъ, которому онъ обязанъ всѣмъ успѣхомъ въ подъятыхъ имъ дѣлахъ“, — говоритъ В. В. Струве въ своихъ „Воспоминаніяхъ“.

При самомъ началѣ своей дѣятельности въ качествѣ генералъ-губернатора, Н. Н. Муравьевъ затрогивалъ и рѣшалъ самые разнообразныя мѣстные вопросы. Дѣло о послѣдѣ капитанъ-лейтенанта Невельскаго для изслѣдованія Амурскаго лимана было окончательно рѣшено по настоянію Н. Н. Муравьева. Затѣмъ Николай Николаевичъ обратилъ самое серьезное вниманіе на вопіющія жалобы отдѣльных лицъ и цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ по поводу притѣсненій, дѣлаемыхъ имъ чиновниками. Въ особенности поражали Муравьева жалобы инородцевъ, бураты Иркутскаго округа, которые толпами приходили въ губернской городъ жаловаться на администрацію. Ознакомившись съ дѣлами, Муравьевъ 25-го марта 1848 года отправилъ къ Государю всеподданнѣйшій рапортъ съ приложеніемъ особой записки, въ которой имъ было представлено печальное положеніе золотопромышленности, съ указаніемъ раньше бывшихъ злоупотребленій въ этомъ дѣлѣ.

Во время управленія Н. Н. Муравьева, въ Иркутскѣ и другіхъ мѣстахъ Восточной Сибири находились въ ссылкѣ декабристы: въ селеніи Урикѣ—С. Г. Волконскій, въ селеніи Оекѣ—С. П. Трубецкой и еще нѣсколько человекъ въ разныхъ деревняхъ и селахъ. Книгиня М. Н. Волконская и княгиня Е. И. Трубецкая, жены декабристовъ, жили въ Иркутскѣ, занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей. Приѣздъ въ городъ и даже перѣздъ изъ деревни въ деревню для декабристовъ

былъ почти запрещенъ. Н. Н. Муравьевъ уничтожилъ эти терзанія страдальцевъ. Муравьевъ и его супруга познакомились съ княгинями Волконской и Трубецкой. Этимъ самымъ Муравьевы указали, какое мѣсто декабристы и ихъ семьи должны занимать въ обществѣ, и своимъ личнымъ примѣромъ какъ бы поощрили сближеніе съ декабристами мѣстной чиновной интеллигенціи. Все это дѣлалось съ тактомъ и вполне благоразумно, но доносчики не замедлили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, стремясь набросить на генераль-губернатора тѣнь неблагонадежности. Доносы были написаны Иркутскимъ губернаторомъ Пятницкимъ и жандармскимъ полковникомъ Горашковскимъ. Эти доносы, какъ и многіе другіе, конечно, не имѣли никакихъ неприятныхъ послѣдствій для Н. Н. Муравьева, и только министръ Л. А. Перовскій прислалъ Николаю Николаевичу письмо съ искреннимъ совѣтомъ „дѣйствовать, сколько можно, осмотрительно, хладнокровно, безъ шума, и отдалять всякій поводъ къ нареканіямъ и жалобамъ“.

Уже при самомъ началѣ своей дѣятельности въ Сибири, какъ выше замѣчено, Муравьевъ затрогиваетъ или даже рѣшаетъ важныя мѣстные вопросы. Такъ онъ въ своихъ донесеніяхъ обращалъ вниманіе министра Перовскаго на притисканіе англичанъ относительно Амура и Камчатки. Въ это время тайные англійскіе агенты (Гилль, Остенъ) были даже въ Иркутскѣ, выдавая себя за обыкновенныхъ туристовъ. Муравьевъ полагалъ, что уже пора русскимъ стать твердой ногой на Амурѣ, а самъ онъ хотѣлъ вскорѣ же отправиться въ Камчатку и Якутскій край, для ознакомленія съ дѣломъ на мѣстѣ. Но Л. А. Перовскій опять совѣтуетъ дѣйствовать осмотрительно и повременить съ рѣшительными дѣйствіями. Затѣмъ Н. Н. Муравьевъ привелъ въ порядокъ провіантскую часть въ мѣстныхъ войскахъ. При этомъ онъ даже нашелъ себя вынужденнымъ предать суду оберъ-провіантмейстера за злоупотребленія. Вообще, появленіе Муравьева въ Сибири, по разказамъ современниковъ, было какъ бы громомъ, который прогремѣлъ послѣ нависшей мрачной тучи надъ Сибирью, разсѣялъ эту тучу и очистилъ воздухъ. Муравьевъ, по своей честной натурѣ, круто положилъ конецъ многимъ хищеніямъ и всякаго рода неслыханнымъ злоупотребленіямъ.

Въ Петербургѣ 29-го января 1849 года назначенъ былъ по Высочайшему повелѣнію комитетъ, въ которомъ возбуждался вопросъ объ Амурѣ. Въ томъ же году 8-го февраля Высочайше утверждено положеніе комитета о морской экспедиціи для изслѣдованія устьевъ этой

рѣши. Экспедиція была поручена капитану Невельскому, находившемуся въ это время съ судномъ „Вайкаль“ въ Петропавловскомъ портѣ, въ Камчаткѣ. Тѣмъ же постановленіемъ комитета 8-го февраля 1849 года, вмѣстѣ съ экспедиціей Невельскаго, была разрѣшена сухопутная экспедиція къ устьямъ Амура, подъ начальствомъ подполковника Ахте. Этой экспедиціи предписывалось „не приближаться къ Амуру“, „не посягать на земли, намъ не принадлежащія“, „не возбуждать подозрѣній китайцевъ“ и вообще „дѣйствовать съ крайнею осторожностію“. Изъ этого видно, что въ Петербургѣ не желали и даже опасались рѣшительныхъ дѣйствій въ амурскомъ вопросѣ.

Противъ Н. Н. Муравьева шли интриги, направленныя къ тому, чтобы уничтожить даже всякое значеніе мысли о занятіи Амура. Недоброжелатели распускали слухъ, что замыслы Муравьева на счетъ Амура уже возбудили неудовольствіе Китайскаго правительства. Затѣмъ, генераль-губернаторъ Западной Сибири Горчаковъ писалъ князю Чернышеву, что черезъ завладѣніе Амуромъ Сибирь сблизится съ американцами и отложится отъ Россіи. По этому поводу князь Чернышевъ даже просилъ Государя учредить комитетъ для обсужденія вопроса о возможности отложенія Сибири отъ Россіи. Не смотря на эти интриги, Муравьевъ продолжалъ неуклонно идти къ достиженію разъ намѣченной имъ цѣли. Въ маѣ 1849 года онъ намѣревался выѣхать изъ Иркутска въ Камчатку. Но еще до этого путешествія Муравьевъ послалъ Государю рапортъ съ особой запиской, гдѣ указывалъ на необходимость скорѣйшаго занятія Амура, который иначе окажется въ рукахъ англичанъ. Онъ предполагалъ, что въ такомъ случаѣ англичане сдѣлаются хозяевами въ Восточной Сибири, и легко можетъ явиться вѣроятность отложенія этой части Сибири отъ Россіи. Послѣдній доводъ былъ представленъ Муравьевымъ какъ *ultima ratio*, и самъ онъ, конечно, не допускалъ и мысли о сибирскомъ сецессѣ.

15-го мая 1849 года Н. Н. Муравьевъ выѣхалъ изъ Иркутска въ Камчатку. На этомъ пути, въ Якутскѣ Муравьевъ получилъ Высочайшее повелѣніе о назначеніи сухопутной экспедиціи на Амуръ подъ начальствомъ подполковника Ахте. Н. Н. Муравьевъ, полагая, что эта экспедиція только помѣшаетъ дѣлу занятія Амура, распорядился остановить ее въ Иркутскѣ до своего возвращенія изъ Камчатки и послалъ объ этомъ рапортъ Государю. Муравьевъ достигъ Охотска, затѣмъ на транспортѣ „Иртышъ“ прибылъ въ Петропавловскій портъ.

На обратномъ пути изъ Камчатки Муравьевъ отправилъ къ графу Л. А. Перовскому письмо, съ изложеніемъ разныхъ проектовъ для лучшаго управленія Камчаткой и Охотскимъ краемъ. Возвращаясь чрезъ Аянскій портъ, Муравьевъ встрѣтился съ Невельскимъ, благополучно пришедшимъ въ Аянъ на транспортъ „Байкалъ“. Экспедиція Невельскаго приобрѣла драгоцѣнныя свѣдѣнія, а именно оказалось, что 1) Сахалинъ не полуостровъ, а островъ, 2) что входъ въ Амурскій лиманъ изъ Татарскаго залива, чрезъ открытый 22-го іюля 1849 года проливъ, доступенъ для мореходныхъ судовъ всѣхъ ранговъ, съ сѣвера изъ Охотскаго моря, а равно и сообщеніе чрезъ лиманъ Татарскаго залива съ этимъ моремъ, и, наконецъ, 3) что въ устьѣ рѣки Амура изъ Татарскаго залива могутъ проходить суда съ осадкою до 15 футовъ, а изъ Охотскаго моря—суда, сидяція въ водѣ до 12 футовъ. Такимъ образомъ были разрѣшены главные вопросы объ устьѣ рѣки Амура, ея лиманѣ и Сахалинѣ. Изъ Аяна Н. Н. Муравьевъ 5-го сентября 1849 года отправился въ Якутскъ аянскимъ трактомъ. Въ Якутскъ Муравьевъ прибылъ 22-го сентября. Отсюда съ нарочно посланнымъ въ Петербургъ шт.-капит. М. С. Карсаковымъ Муравьевъ донесъ Государю о своемъ возвращеніи изъ Камчатки и представилъ князю А. С. Меншикову записки о предположеніяхъ своихъ по предмету перенесенія Охотскаго порта въ Петропавловскъ. Открытія Невельскаго составили предметъ особаго рапорта къ начальнику главнаго морскаго штаба.

Въ ожиданіи зимняго пути Муравьевъ прожилъ въ Якутскѣ болѣе мѣсяца; якутскія присутственныя мѣста были имъ обрѣзованы въ подробности. Въ Иркутскъ Н. Н. Муравьевъ возвратился 20-го ноября. Путешествіе Муравьева по Камчаткѣ и Якутскому краю принесло большую пользу этимъ областямъ. Онъ обратилъ вниманіе на устройство быта казаковъ; ознакомился съ жизнью и промыслами инородцевъ, что послужило началомъ мѣръ къ огражденію пушной торговли отъ монополіи захватившихъ ее нѣсколькихъ торговыхъ домовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ рядъ мѣръ для улучшенія экономическаго положенія Восточной Сибири; облегчилъ участь ссыльныхъ и основалъ нѣсколько благотворительныхъ учреждений. Представленія Муравьева по управленію Камчаткой и Охотскимъ краемъ, посланныя въ Петербургъ съ Карсаковымъ, Государемъ были разрѣшены благопріятно. Затѣмъ Н. Н. Муравьеву предстояла борьба со злоупотребленіями акцизно-откупнаго дѣла въ Восточной Сибири. Откупщики были въ то же время

крупными золотопромышленниками. Противъ этого совѣщенія боролся Н. Н. Муравьевъ, имѣя въ виду народныя интересы.

Изслѣдованіи и открытія капитана Невельскаго обратили на себя вниманіе высшаго правительства. Государемъ была разрѣшена особая амурская экспедиція, имѣвшая цѣлью, подъ видомъ торговаго предпріятія Россійско-Американской компаніи, основать на берегахъ Охотскаго моря, близъ лимана Амура, зимовье въ заливѣ Счастія, для сношеній и торговли съ гиліаками и для развѣдыванія края, однако не касаясь ни подъ какимъ предлогомъ устья Амура. Последнимъ условіемъ значеніе экспедиціи въ сущности сводилось къ нулю. Невельской былъ назначенъ начальникомъ экспедиціи, которую онъ и совершилъ. Невельской 29-го іюня 1850 года основалъ Петровское зимовье въ заливѣ Счастія и завелъ дружественныя сношенія съ гиліаками, которые просили у русскихъ защиты отъ иностранцевъ, приходившихъ къ гиліакамъ на судахъ. Для охраны гиліаковъ было назначено одно русское судно. Затѣмъ 6-го августа того же года Невельской на свободныхъ берегахъ Амура въ 25-ти верстахъ отъ устья поднялъ русскій военный флагъ при крикахъ „ура“ бывшихъ съ нимъ матросовъ и объявилъ гиліакамъ сосѣдней деревни Куэгды, что отнынѣ они поступаютъ подъ русскую защиту и покровительство. Такъ совершилось первое занятіе русскими устья Амура. Оставивъ здѣсь постъ изъ 5 человекъ своихъ гребцовъ, капитанъ Невельской назвалъ его Николаевскимъ.

Осенью 1850 года Муравьевъ отправился въ Петербургъ, куда и прибылъ въ ноябрѣ того же года. Цѣль поѣздки заключалась въ томъ, чтобы лично доложить Государю о положеніи дѣлъ въ Восточной Сибири и успѣшнѣе провести представленія о реформахъ для края. Главнымъ образомъ нужно было рѣшить вопросъ о занятіи устья Амура и добиться у высшаго правительства утвержденія мѣръ, уже отчасти приведенныхъ въ исполненіе Невельскимъ для занятія рѣки Амура и его устья. Комитетъ, состоявшійся по этому дѣлу, рѣшилъ было не допускать ни въ какомъ случаѣ занятія устья Амура. Особенно графъ Нессельроде настаивалъ на этомъ, указывая на возможность столкновенія съ Китаемъ въ амурскомъ вопросѣ. Но, благодаря настоянію Н. Н. Муравьева и содѣйствію наследника цесаревича (въ Бозѣ почивающаго Императора Александра Николаевича), фактъ занятія устья Амура, совершеннаго Невельскимъ, былъ признанъ. Въ это же время Н. Н. Муравьевъ получилъ Высочайшее разрѣшеніе осуществить проектъ объ обращеніи приписныхъ крестьянъ

Нерчинскихъ заводовъ въ казаки, для сформированія изъ нихъ пѣшихъ баталіоновъ для защиты границы. Муравьевъ вернулся въ Иркутскъ 12-го августа 1851 года. Результатомъ поѣздки Муравьева въ Петербургъ и тамошнихъ ходатайствъ было, между прочимъ, также учрежденіе сибирскаго отдѣла Императорскаго географическаго общества въ Иркутскѣ. По возвращеніи въ Восточную Сибирь Н. Н. Муравьевъ сначала обозрѣлъ Забайкальскую область, гдѣ должны были совершиться важныя реформы. Затѣмъ взоры Муравьева обратились на амурскій вопросъ. Для прочнаго и скорѣйшаго занятія Амура Муравьевъ проектировалъ нѣсколько мѣръ (главнымъ образомъ посылку на Амуръ полсотни казаковъ и одной роты флотскаго экипажа), но въ Петербургѣ признали эти мѣры преждевременными и прислали отказъ. Это заставляло Муравьева нравственно страдать. Онъ приходилъ въ уныніе, опасаясь, что Амуръ пропадетъ для русскихъ. Такія же опасенія имѣлъ Иннокентій, архіепископъ камчатскій. Только петербургскіе враги Муравьева не опасались за Амуръ. Между тѣмъ эвергическая дѣятельность капитана Невельскаго не ослабѣвала: патриотъ въ душѣ, ободряемый настойчивостью генераль-губернатора Муравьева, онъ съ твердостью шелъ впередъ и, не смотря ни на какія противодѣйствія, продолжалъ изслѣдованія лимана и теченія р. Амура. По приказанію Невельскаго, лейтенантъ Бошнякъ совершилъ экспедицію на островъ Сахалинъ, пройдя на островъ изъ Амурскаго лимана чрезъ Татарскій проливъ въ самомъ узкомъ его мѣстѣ. Мичманъ Чихачевъ и топографъ Поповъ занимались изслѣдованіемъ береговъ Амура отъ лимана вверхъ по теченію. Н. Н. Муравьевъ на основаніи донесеній Невельскаго, предполагалъ занять заливъ де-Кастри и ближайшее къ нему на р. Амурѣ селеніе Кизи и писалъ объ этомъ въ Петербургъ. Но Государь, вслѣдствіе объясненій канцлера Нессельроде, не утвердилъ этихъ предположеній Н. Н. Муравьева. Въ это же время Л. А. Перовскій, министръ внутреннихъ дѣлъ, относившійся съ сочувствіемъ къ задачамъ Муравьева въ отношеніи Амура, оставилъ свою обязанность для другаго дѣла. Это обстоятельство и отказъ Государя произвели на Н. Н. Муравьева удручающее впечатлѣніе.

Въ 1853 году, въ мартѣ, Н. Н. Муравьевъ прибылъ въ Петербургъ для доклада Государю о дѣлахъ Восточной Сибири и о положеніи амурскаго вопроса. Въ эту поѣздку Муравьевъ получилъ Высочайшее разрѣшеніе занять островъ Сахалинъ, заливъ де-Кастри и озеро Кизи. Но еще до присылки на Амуръ извѣстія объ этомъ раз-

рѣшеніи капитанъ Невельской весной 1852 года уже заложилъ въ этихъ мѣстахъ русскія поселенія.

Въ томъ же 1853 году Н. Н. Муравьевъ изъ Петербурга совершилъ поѣздку въ Европу съ цѣлью отдыха и леченія минеральными водами. Послѣ этой поѣздки онъ опять возвратился въ Петербургъ, желая окончить хлопоты по нѣкоторымъ дѣламъ, относящимся до Восточной Сибири. Хлопоты его увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Такъ, 11-го января 1854 года было Высочайше утверждено положеніе, въ силу котораго предоставлялось генералъ-губернатору Муравьеву вести непосредственно всѣ сношенія съ китайскимъ правительствомъ о разграниченіи восточной нашей окраины, о чемъ и былъ посланъ листъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Пекинскій трибуналъ. Затѣмъ государемъ было разрѣшено произвестъ сплавъ по Амуру необходимаго числа войскъ для защиты какъ устьевъ этой рѣки, такъ и Камчатки. Для расходовъ на это дѣло Н. Н. Муравьеву было разрѣшено пользоваться остающимися суммами отъ смѣтныхъ исчисленій по всѣмъ вѣдомствамъ Восточной Сибири. Между тѣмъ, за Байкаломъ, на Шилкѣ П. В. Козакевичъ, по распоряженію Муравьева, на пожертвованныя еще въ 1850 году Е. А. Кузнецовымъ 100 тыс. руб., уже строилъ пароходъ „Аргунь“ для плаванія по Амуру. На Петровскомъ заводѣ строилась машина для этого парохода.

По возвращеніи изъ Петербурга въ Иркутскъ (въ половинѣ марта 1854 года) Н. Н. Муравьевъ съ большимъ рвеніемъ занимался устройствомъ экспедиціи для сплава по Амуру войскъ и припасовъ. Н. Н. Муравьевъ рѣшилъ принять личное участіе въ этомъ путешествіи. По словамъ современниковъ, извѣстіе о снаряженіи экспедиціи произвело глубокое впечатлѣніе на сибиряковъ. „При первомъ извѣстіи о снаряженіи экспедиціи на Амуръ,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—во всѣхъ сословіяхъ Забайкалья пробудились былыя воспоминанія объ отважныхъ подвигахъ амурскихъ удалцовъ-казаковъ, еще не умершихъ въ памяти народной; воскресли блистательныя надежды на возвращеніе богатаго и плодоноснаго Амурскаго края и Албазина (уступленныхъ китайцамъ въ 1689 году), на лучшую будущность, на развитіе торговли и промышленности при открытіи водянаго сообщенія съ океаномъ“. По словамъ другаго современника, В. Струве, „Иркутскъ ликовалъ и пировалъ, торжествуя побѣду Муравьева надъ вѣковыми заблужденіями, оковавшими и представителей высшей власти въ Петербургѣ тѣснымъ кругозоромъ, изъ котораго высвободиться не хватало у нихъ силъ. Только орлиный взоръ и полетъ Муравьева могли

вести свѣтъ въ тьму дальней окраины и разоблачить истину⁴. Купечество спѣшило дѣлать пожертвованія на сплавъ по Амуру. Иркутскіе купцы устроили Н. Н. Муравьеву роскошный обѣдъ, который еще въ первый разъ былъ принятъ генераль-губернаторомъ, не жаловавшимъ сибирскихъ купцовъ. Н. Н. Муравьевъ выѣхалъ изъ Иркутска 13-го апрѣля 1854 года. На пути въ Кяхту и Шилкинскій заводъ, вездѣ встрѣчали его съ восторгомъ, давали въ честь его обѣды, сочиняли стихи и пѣсни.

Для предупрежденія китайскаго правительства о сплавѣ по р. Амуру Н. Н. Муравьевъ послалъ въ Пекинъ листъ, данный нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Но никакого отвѣта изъ Пекина не получалось. Н. Н. Муравьевъ, считая промедленіе пагубнымъ для дѣла, сталъ дѣйствовать рѣшительно и, не дожидаясь отзыва отъ Пекинскаго двора, прибылъ въ Шилкинскій заводъ 7-го мая 1854 года, чтобы поспѣшить отправленіемъ Амурской экспедиціи. Здѣсь также всѣ восторженно встрѣчали Н. Н. Муравьева и устраивали въ честь его празднества.

14-го мая 1854 года, флотилія, подъ командой полковника Карсакова, имѣя въ своемъ составѣ главнаго виновника ея и руководителя, Н. Н. Муравьева, выступила въ походъ. Пройдя благополучно Шилку, флотилія 18-го мая вступила торжественно, съ криками „ура“ и при исполненіи трубачами гимна „Боже, царя храни“, въ русло Амура. 20-го мая экспедиція миновала мѣсто бывшаго Албазинскаго острога. Далѣе, на протяженіи 400 верстъ, ничего особеннаго не встрѣчалось. 28-го мая экспедиція прибыла къ устью Зей, откуда посланы были Муравьевымъ впередъ въ Айгунъ чиновники съ извѣщеніемъ о прибытіи. Это извѣстіе, совершенно неожиданное, какъ бы громомъ поразило айгунскаго начальника, который, не получивъ никакого распоряженія отъ своего правительства о сплавѣ и вообще ничего объ этомъ не вѣдая, началъ представлять свои доводы о невозможности пропуска. Но появленіе никогда невиданнаго манджурами парохода и огромнаго числа плывущихъ по рѣкѣ баржъ и лодокъ экспедиціи до того перепугало манджурскихъ чиновниковъ, что они только одного желали — скорѣйшаго удаленія русскаго военнаго отряда изъ-подъ стѣнъ ихъ города. 30-го мая экспедиція достигла устья р. Буреи, 2-го іюня проплыла устье р. Сунгари и 5-го іюня миновала устье Уссуря. Не доходя немного до Маріинскаго поста, Н. Н. Муравьевъ встрѣтился съ Невельскимъ, который представилъ ему данныя о способахъ предстоящей защиты рус-

скихъ береговъ на Восточномъ океанѣ. Въ это время, какъ извѣстно, Россія вела войну съ коалиціей европейскихъ державъ, и къ берегамъ Восточнаго океана ожидался приходъ непріятельскаго флота. 14-го іюня экспедиція прибыла въ Маринскій постъ, гдѣ въ этотъ день собрались всѣ спутники Н. Н. Муравьева и привѣтствовали другъ друга съ успѣшнымъ окончаніемъ первой военной русской экспедиціи по рѣкѣ Амуру. Успѣхъ этого дѣла составляетъ важную эпоху въ исторіи приобрѣтенія Амура: эта экспедиція окончательно познакомила насъ съ берегами судоходной рѣки и показала намъ пригодность этой рѣки для сплава, удобство и возможность заселенія ея береговъ, миролюбіе береговыхъ жителей и слабость китайцевъ; однимъ словомъ, она проложила Россіи путь къ Восточному океану. Оставаясь въ Маринскомъ посту, Н. Н. Муравьевъ главнѣйше былъ озабоченъ защитой Камчатки и Петропавловскаго порта. Нападеніе на Камчатку непріятельской эскадры и десанта было блистательно отражено, благодаря тому, что Петропавловскій портъ своевременно, по распоряженію Н. Н. Муравьева, былъ снабженъ войсками и орудіями. Доставкѣ же туда военной помощи значительно содѣйствовалъ совершившійся сплавъ по р. Амуру, чѣмъ осязательно была доказана важность обладанія этой рѣкой для русскихъ.

Донесеніе объ успѣхѣ амурской экспедиціи было удостоено въ Петербургѣ Высочайшаго одобренія и похвалы. Участники экспедиціи получили награды. Н. Н. Муравьевъ возвратился съ Амура въ Иркутскъ 26-го сентября 1854 года. Заботясь о заселеніи береговъ Амура, Н. Н. Муравьевъ поручилъ своему чиновнику особыхъ порученій М. С. Волконскому устроить переселеніе 50 семействъ на Амуръ. Охотниковъ переселиться нашлось много, и переселенцы сначала были направлены зимой къ селу Куларки на Амурѣ, недалеко отъ Шилкинскаго завода; отсюда они должны были слѣдовать весной по водѣ. Н. Н. Муравьевъ не переставалъ также заботиться о защитѣ Камчатки. Когда изъ Петербурга было получено извѣстіе о предстоящемъ новомъ приходѣ непріятельскаго флота уже съ цѣлью окончательнаго уничтоженія Петропавловскаго порта, тогда Н. Н. Муравьевъ, не спрашивая даже предварительнаго разрѣшенія Государя, рѣшилъ оставить Петропавловскъ пустынь и необитаемымъ, а эскадру и всѣ учрежденія перевести на Амуръ. Вслѣдствіе такой замѣчательной находчивости, непріятель, какъ мы увидимъ далѣе, былъ очень озадаченъ, не найдя нашей эскадры ни у береговъ Камчатки, ни у береговъ Татарскаго пролива. Въ это же время Н. Н. Муравьевъ заботился объ устрой-

ствѣ второго сплава по р. Амуру. Предстояло перевозить на нижнее течение Амура артиллерию, войска, переселенцевъ и массу всевозможныхъ припасовъ. Среди дѣятельныхъ приготовленій ко второму сплаву по Амуру Н. Н. Муравьева какъ громомъ поразило извѣстіе о кончинѣ Государя Николая Павловича, въ Бозѣ почившаго 18-го февраля 1855 года. Это событіе, однако, не остановило энергической дѣятельности Н. Н. Муравьева по управленію краемъ и по занятію Амура; 30-го марта 1855 года онъ выѣхалъ изъ Иркутска для вторичнаго путешествія по Амуру. Въ Шилкинскомъ заводѣ производилась постройка судовъ для второго сплава по Амуру. Работы дѣлались 15-мъ баталіономъ и ссыльно-каторжными подъ наблюденіемъ полковника Назимова. Рабочая команда состояла изъ 1.000 человекъ. Всѣхъ судовъ было построено до 130, которыя могли поднять груза до 400.000 пудовъ. 5-го мая 1855 года Н. Н. Муравьевъ, раздѣливъ всю флотилію на 3 отдѣленія, отправился самъ съ первымъ отдѣленіемъ внизъ по Амуру. Между тѣмъ, на Восточномъ океанѣ, у береговъ Сибири уже появилась непріятельская эскадра подъ начальствомъ командора Эллиота. Не найдя русскаго флота въ Камчаткѣ, въ Петропавловскомъ портѣ, непріятель послѣ долгихъ поисковъ наконецъ нашелъ нашу флотилію въ заливѣ де-Кастри, но, не рѣшаясь вступить въ сраженіе, удалился за подкрѣпленіями. Наша эскадра, воспользовавшись такой отсрочкой, ушла къ мысу Лазарева, и послѣ этого уже не было встрѣчи нашего флота съ непріателемъ. Послѣдній, считая Сахалинъ полуостровомъ, не могъ никакъ догадываться о мѣстѣ, гдѣ укрылась наша флотилія. По прибытіи своемъ къ устью Амура, Н. Н. Муравьевъ приказалъ всѣмъ судамъ войти въ лиманъ Амура. Второй сплавъ по Амуру имѣлъ громадное значеніе для защиты нашихъ береговъ на Восточномъ океанѣ. Съ этимъ сплавомъ были доставлены для защиты Пріамурскаго края два линейныхъ полубаталіона, казачій полубаталіонъ и тяжелыя крѣпостныя орудія, предназначенныя для Николаевскихъ фортовъ. Въ это же время состоялась первая ученая амурская экспедиція, снаряженная сибирскимъ отдѣломъ Императорскаго русскаго географическаго общества на средства С. Ѳ. Соловьева, пожертвовавшаго на изслѣдованіе Амура полпуда золота. Со вторымъ же сплавомъ прибыли въ низовье Амура, подъ руководствомъ чиновника особыхъ порученій при Муравьевѣ М. С. Волконскаго, первые русскіе переселенцы, земледѣльцы изъ иркутскихъ и забайкальскихъ крестьянъ, для водворенія въ мѣстахъ между Марининскомъ и Николаевскомъ.

Переписка Н. Н. Муравьева съ Китайскимъ трибуналомъ о проведеніи границы шла медленно. Н. Н. Муравьевъ пользовался этимъ временемъ, чтобы стать твердою ногою на лѣвомъ берегу Амура. Графъ Нессельроде, между тѣмъ, писалъ Его Высочеству генералъ-адмиралу, что едва ли китайцы уступятъ лѣвый берегъ Амура безъ войны, а что война къ добру не поведетъ. Но Его Высочество генералъ-адмиралъ сообщилъ Муравьеву, что Государь Императоръ призналъ необходимымъ, въ видахъ развитія Сибирскаго края, „утвердить за Россією весь лѣвый берегъ Амура“ и получить право свободной торговли въ сѣверныхъ областяхъ Китайской имперіи. Поэтому Государь поручаетъ Муравьеву вступить съ Китаемъ въ сношенія и заключить формальный договоръ. 9-го и 11-го сентября 1855 года Н. Н. Муравьевъ велъ переговоры о границѣ съ китайскими уполномоченными. Но переговоры эти не привели къ какимъ либо положительнымъ результатамъ.

Н. Н. Муравьевъ, сдѣлавъ распоряженія на случай вторичнаго прихода непріятельскаго флота, отправился съ Амура обратно въ Иркутскъ. Ёхать вверхъ по Амуру Муравьеву нельзя было, такъ какъ пароходы или поломались, или сидѣли на мели. Поэтому Н. Н. Муравьевъ со всѣмъ своимъ штабомъ рѣшилъ отправиться сначала на американскомъ небольшомъ парусномъ суднѣ „Пальметто“ моремъ до Аянскаго порта, откуда уже идетъ сухопутная дорога на Иркутскъ. Плаваніе на суднѣ для Муравьева и его свиты было сопряжено съ большими опасностями. Ходу судна сначала мѣшало безвѣтріе, затѣмъ наступили холода (былъ октябрь), а, въ довершеніе всего, судно, везшее Муравьева съ женой и его свитой, едва не было захвачено въ плѣнъ непріателемъ, крейсировавшимъ на трехмачтовомъ кораблѣ въ Охотскомъ морѣ. Непріятельскій корабль гнался за судномъ Муравьева въ продолженіе 10 дней, и только октябрьскіе туманы спасли „Пальметто“ отъ плѣна. Въ Иркутскъ Муравьевъ прибылъ въ концѣ декабря 1855 года.

По отъѣздѣ Муравьева съ Амура, къ заливу де-Кастри опять подходила непріятельская эскадра, состоявшая изъ фрегата и двухъ корветовъ, подъ начальствомъ того же командора Эллиота. Дѣло ограничилось, впрочемъ, однимъ обмѣннымъ выстрѣловъ, и десантъ непріятельскій не состоялся.

Послѣ втораго сплава по Амуру, возвратившись въ Иркутскъ, Н. Н. Муравьевъ рѣшилъ произвестъ въ будущемъ году третій сплавъ къ устью Амура. Но въ это время распространился слухъ, шедшій изъ Кяхты,

что будто бы Богдыханомъ изданъ указъ, запрещающій русскимъ судамъ спускаться по р. Амуру въ будущемъ 1856 году, и что будто бы съ этою цѣлью уже двинуты къ Амуру китайскія войска изъ южной Монголіи. Для провѣрки этихъ тревожныхъ слуховъ Н. Н. Муравьевъ командировалъ въ Монголію М. С. Волконскаго, которому приказано было съ добытыми свѣдѣніями спѣшить въ Петербургъ, куда и самъ Муравьевъ отправился. По свѣдѣніямъ М. С. Волконскаго оказалось, что никакихъ военныхъ приготовленій въ Монголіи не было, хотя амбаниямъ и не нравилось, что генералъ-губернаторъ рѣшилъ провозвестъ третій сплавъ по р. Амуру. Пограничные амбани (гирынскій, амурскій и ургинскій) прислали въ Петербургъ жалобу на Н. Н. Муравьева, обвиняя его въ захватъ нѣсколькихъ городовъ, издавна платящихъ дань китайскому императору, и просили русское правительство „вразумить“ Муравьева. Въ виду этого нашимъ правительствомъ было рѣшено не предъавлять къ китайцамъ никакихъ новыхъ требованій, приостановиться всякими сношеніями съ Китайскимъ трибуналомъ и ждать отвѣта изъ Пекина на раньше посланный листъ отъ сената. Такимъ образомъ, благодаря нерѣшительности нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, амурскій вопросъ могъ попасть въ долгій ящикъ. „Къ счастью,—пишетъ П. В. Шумахеръ (Русск. Арх., 1878, кн. III),—въ это время прибылъ въ Петербургъ самъ Муравьевъ. Онъ доказалъ необходимость дарованія ему формальнаго уполномочія для переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ при заключеніи новаго трактата, опровергъ всѣ доводы министерства иностранныхъ дѣлъ, и убѣжденія его до того были ясны и сильны, что Государь Императоръ повелѣлъ министерству иностранныхъ дѣлъ снабдить генерала Муравьева полномочіемъ для переговоровъ съ китайцами и заключенія съ ними условій по тѣмъ требованіямъ, которыя уже были сообщены имъ отъ него; плаваніе по Амуру велѣно продолжать, и китайцамъ за требуемая уступки предложить артиллерию въ такомъ числѣ орудій, какое заранѣе будетъ опредѣлено; воздерживаться, впрочемъ, отъ всякихъ насильственныхъ мѣръ“. Третій сплавъ по Амуру долженъ былъ совершиться въ отсутствіе Н. Н. Муравьева, которому предстояло уѣхать за границу для леченія минеральными водами, а затѣмъ присутствовать при коронаціи Государя Императора. Барсаковъ, которому Н. Н. Муравьевъ поручилъ совершить третью амурскую экспедицію, исполнилъ это дѣло блистательно. Хотя Барсакову на пути, а именно въ городѣ Айгунѣ, и пришлось вести переговоры съ амбаниями по поводу третьяго сплава по Амуру,

однако это обстоятельство нисколько не помѣшало успѣху дѣла. Плаваніе по Амуру совершилось безпрепятственно и благополучно. М. С. Карсаковъ возвратился на пароходѣ той же весной обратно и основалъ по р. Амуру русскіе посты Камарскій, Зейскій и Хинганскій, въ которыхъ были оставлены небольшія команды и устроены продовольственныя склады. По заключеніи Парижскаго мира въ 1856 году, Н. Н. Муравьевъ отдалъ приказъ о возвращеніи войскъ съ устьевъ Амура въ Забайкальскую область. Иностранцы и русскіе недоброжелатели Н. Н. Муравьева распустили слухи о всевозможныхъ бѣдствіяхъ, будто бы постигшихъ русскія войска при возвращеніи ихъ съ устья Амура. Разказывали, что войска, число которыхъ доходило до 3.000 человекъ, погибли отъ голода и холода почти поголовно, за исключеніемъ 11 человекъ. Но, по свидѣтельству людей, близко знавшихъ дѣло, какъ, напримѣръ, Шумахера и подпоручика Чаплеевского, участника въ обратномъ походѣ войскъ по Амуру, бѣдствія не были такъ велики, какъ о нихъ разказывали. Не удивительно, что при плаваніи въ позднюю осень по рѣкѣ на разстояніи 3.000 верстъ въ войскѣ, состоявшемъ изъ 2.700 человекъ, оказывались больные и изнуренные походомъ солдаты, которыхъ и умерло до 200 человекъ.

Н. Н. Муравьевъ присутствовалъ въ Москвѣ при коронаціи Государя Императора Александра Николаевича. Эта коронація ознаменовалась, между прочимъ, Всемилоостивѣйшимъ манифестомъ о помилованіи политическихъ преступниковъ, сосланныхъ въ Сибирь, въ томъ числѣ и декабристовъ. Вѣстникомъ этой радости для пострадавшихъ былъ М. С. Волконскій, которому было возвращено княжеское достоинство 31-го августа 1856 года. Въ день коронаціи Н. Н. Муравьевъ отправилъ князя М. С. Волконскаго въ Сибирь курьеромъ съ милостивымъ манифестомъ, по повелѣнію Государя, который самъ указалъ на М. С. Волконскаго для этой цѣли.

Нравственное состояніе Н. Н. Муравьева въ Москвѣ за время коронаціи было крайне тяжелое. Ему пришлось пережить много огорченій, благодаря недружелюбію и несправедливости къ нему лицъ, близко стоявшихъ къ Государю. Они всячески старались отдалить его отъ Государя, сдѣлать менѣе замѣтнымъ участіе его въ различныхъ коронаціонныхъ торжествахъ и умалить значеніе достигнутыхъ имъ результатовъ на пользу Россіи. Но, чтó особенно сильно потрясло Муравьева, доказавъ ему самымъ очевиднымъ образомъ, какъ мало обращали вниманія на его заслуги, и обнаруживъ несомнѣнное, во вредъ ему направленное, вліаніе его враговъ на Государя,—это воз-

вышеніе князя Барятинскаго, который, хотя по спискамъ генераль-лейтенантовъ стоялъ и ниже Муравьева, былъ, однако, произведенъ въ полные генералы. Огорченія дошли до того, что Н. Н. Муравьевъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, но Государь не принялъ этой просьбы. Послѣ продолжительныхъ и бесполезныхъ свиданій Муравьева съ министрами, онъ былъ приглашенъ къ великому князю Константину Николаевичу, которому удалось подѣйствовать на сердце Муравьева и убѣдить его не оставлять своего мѣста. Пользуясь своимъ пребываніемъ въ С.-Петербургѣ, Н. Н. Муравьевъ выхлопоталъ разрѣшеніе Государя учредить такъ называемую Амурскую линію. Устройствомъ этой линіи предполагалось развить поселенія казаковъ по р. Амуру. Затѣмъ, тогда же, по проекту Н. Н. Муравьева, было Высочайше разрѣшено образованіе Приморской области, въ составъ которой вошли прежняя Камчатская область, Удскій край и Пріамурскій край. Мѣстопробываніемъ военнаго губернатора области назначенъ Николаевскъ на устьѣ Амура, имя котораго по этому случаю въ первый разъ было объявлено печатно въ официальныхъ актахъ. Такимъ образомъ, учрежденіемъ новой области явно признавалась зависимость устья Амура отъ Россіи, и Пріамурскій край съ этого времени официально присоединился къ русскимъ владѣніямъ въ Азіи. Осенью 1856 года между Маринскомъ и Николаевскомъ были построены, по распоряженію Н. Н. Муравьева, почтовые станціи. На каждой станціи было поселено по нѣскольку казаковъ и крестьянъ съ небольшимъ числомъ лошадей. Зимой того же года открыто было первое по Амуру почтовое сообщеніе на лошадяхъ, тройками и въ кибиткахъ.

Не смотря на всѣ препятствія, какія ставились Муравьеву со стороны петербургскихъ его недоброжелателей, на дѣло Амура повѣяло, наконецъ, благопріятнымъ вѣтромъ, и оно подвинулось впередъ. Объ этомъ Н. Н. Муравьевъ писалъ изъ Петербурга М. С. Карсакову, губернатору Забайкальской области, котораго Муравьевъ прочилъ себѣ въ преемники. „Дѣло Амура явно и рѣшительно поддерживается правительствомъ,—писалъ Муравьевъ Карсакову. Теперь не только Государь и великій князь, но и всѣ министры въ пользу его. Наконецъ, въ глазахъ и мнѣніи Государя, великаго князя и военнаго министра, ты преемникъ мой къ приведенію въ исполненіе этого дѣла... Крепись же ты въ этой мысли и отстрани всякія лишнія побужденія, которыя бы могли быть ей противны. Я сдѣлалъ величайшую жертву для Амура, возвращаясь въ Сибирь, ибо и мнѣ, и женѣ необходимо было бы жить въ умѣренномъ климатѣ, особливо зимою. Я сдѣлалъ

ее для того, чтобы не поставить правительства въ затрудненіе выбрать новаго человѣка на мое мѣсто и чтобы приготовить моего преемника, и, кромѣ тебя, никого въ виду не имѣю". Въ половинѣ декабря 1856 года Н. Н. Муравьевъ возвратился въ Иркутскъ, намѣреваясь остаться на своемъ посту еще не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ, какъ онъ самъ объ этомъ заявлялъ въ письмѣ къ Карсакову.

Въ февралѣ 1857 года, въ виду того, что Англія и Франція обращались къ китайскому правительству съ разными требованіями, наше министерство иностранныхъ дѣлъ рѣшило также послать довѣренное лицо въ Китай для окончательнаго рѣшенія вопроса о границахъ. Полномочнымъ посломъ въ Китай былъ назначенъ графъ Путятинъ. Главною цѣлью его миссіи предполагалось рѣшеніе вопроса объ Амурѣ. Н. Н. Муравьевъ предвидѣлъ неудачу этого посольства. Не вѣря въ успѣхъ посольства, Н. Н. Муравьевъ былъ очень занятъ военными соображеніями на случай столкновенія съ китайцами и боевой подготовкой военныхъ силъ, находившихся въ Восточной Сибири. Н. Н. Муравьевъ помнилъ слова, сказанныя ему Государемъ Николаемъ Павловичемъ въ 1853 году: „Китайцы должны исполнять справедливыя наши требованія, и если не захотятъ, то у тебя теперь есть войско: мы можемъ ихъ заставить". Свое сомнѣніе въ пользѣ посольства Муравьевъ даже высказалъ въ письмѣ къ великому князю Константину Николаевичу въ слѣдующихъ словахъ: „Не могу скрыть отъ Вашего Высочества, что я и теперь еще не раздѣляю мнѣнія о пользѣ посольства нашего въ Пекинъ". Въ письмѣ къ М. С. Карсакову отъ 2-го апрѣля 1857 года Н. Н. Муравьевъ писалъ: „Путятинъ дѣйствительно недурной человѣкъ, но жаль, что виѣшался въ амурскія дѣла, которымъ можетъ и повредить".

Графу Путятину, посланному въ Пекинъ требованіе о пропускѣ его черезъ Ургу, китайское правительство отвѣтило, что у Китая нѣтъ никакихъ особо важныхъ дѣлъ съ Россією, для которыхъ стоило бы такой высокой особѣ, какъ посланникъ, предпринимать трудный и далекій путь въ Пекинъ. Послѣ такого отвѣта графъ Путятинъ отправился по р. Амуру, намѣреваясь затѣмъ моремъ доплыть до Печелійскаго залива. Черезъ Маньчжурію въ Пекинъ китайцы также не пустили графа Путятина. Подъ руководствомъ Н. Н. Муравьева, въ то время, когда графъ Путятинъ слѣдовалъ въ Пекинъ, были двинуты внизъ по Амуру переселенцы Амурскаго коннаго казачьяго полка, въ числѣ 450 семей, которыя образовали нѣсколько станицъ. Кромѣ того, при Усть-Зеѣ стали лагеремъ 14-й линейный

баталіонъ и дивизіонъ легкой батареи. П. Н. Муравьевъ приказывалъ какъ военнымъ начальникамъ, такъ и вообще всѣмъ войскамъ, а также переселенцамъ, стараться о сохраненіи самыхъ дружественныхъ отношеній какъ съ амбанами, такъ и съ народонаселеніемъ на обоихъ берегахъ Амура, при случаѣ даже оказывать помощь и покровительство. Пробывъ лѣто 1857 года на Усть-Зеѣ, Муравьевъ въ августѣ того же года уѣхалъ въ Петербургъ, а затѣмъ отсюда отправился за границу для поправленія своего разстроеннаго здоровья. Между тѣмъ, миссія графа Путятина совершенно не удалась. Путятинъ предлагалъ нашему правительству пріостановить Кяхтинскую торговлю, чтобы заставить китайцевъ вступить въ переговоры. Раньше онъ же, при первой неудачѣ своего посольства въ Ургѣ, проектировалъ занять русскими войсками принадлежащій китайцамъ на Амурѣ городъ Айгунь. Но правительство не сочло возможнымъ прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, предложеннымъ графомъ Путятинымъ. Не соглашаясь со взглядомъ графа Путятина на веденіе дипломатическихъ дѣлъ съ Китаемъ, правительство вызвало въ Петербургъ изъ Парижа П. Н. Муравьева. Выслушавъ мнѣніе П. Н. Муравьева, министерство въ декабрѣ 1857 года сообщило графу Путятину, что, такъ какъ званіе посланника въ Китаѣ дѣлается уже бесполезнымъ, то онъ, по волѣ Государя, назначается начальникомъ отдѣльной эскадры и Императорскимъ комиссаромъ, чтобы имѣть возможность слѣдить за дѣйствіями западныхъ державъ въ отношеніи Китая. П. Н. Муравьевъ настоялъ, чтобы заселеніе Амура продолжалось и чтобы переговоры велись въ миролюбивомъ духѣ, что и было ему предоставлено. П. Н. Муравьевъ предполагалъ произвести въ этомъ же году переселеніе на Амуръ въ большомъ видѣ, а именно цѣлой пѣшей бригады Забайкальскаго казачьяго войска (около 2 тысячъ душъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ).

Графъ Путятинъ сообщилъ въ Петербургъ, что китайцы заготовляютъ порохъ и собираютъ войска въ Маньчжуріи для войны съ Россіей. Это сообщеніе надѣлало много переполоху. Но П. Н. Муравьевъ, возвратившись теперь въ Иркутскъ, провѣрилъ тревожные слухи и донесъ въ Петербургъ, что военныя приготовленія въ Китаѣ производятся не столько противъ насъ, сколько по случаю войны китайцевъ съ французами и англичанами. Затѣмъ П. Н. Муравьевъ приступилъ къ выполненію возложенной на него задачи—вести переговоры съ китайцами о пограничныхъ дѣлахъ. Съ этою цѣлью ранней весной, 6-го апрѣля 1858 года, П. Н. Муравьевъ выѣхалъ изъ Иркут-

ска на Амуръ. Н. Н. Муравьеву пришлось съ опасностью для жизни плыть по р. Амуру во время ледохода. Въ Усть-Зее къ Н. Н. Муравьеву, прибывшему туда 6-го мая, явился изъ Айгуна амбань съ извѣстіемъ, что китайскій главнокомандующій Дзянь-Зюнь прибылъ въ Айгунъ и проситъ Муравьева, хотя на нѣсколько дней, отложить дальнѣйшее плаваніе, чтобы переговорить о разграниченіи на Амурѣ. Муравьевъ согласился и прибылъ въ Айгунъ съ 2-ми канонирскими лодками. На первомъ свиданіи съ Дзянь-Зюнемъ 11-го мая, продолжавшемся четыре часа, никакого соглашенія не состоялось. Китайскій уполномоченный, ссылаясь на старинные трактаты о границахъ, не хотѣлъ и слышать о новой пограничной линіи, предлагаемой Н. Н. Муравьевымъ, а именно по теченію р. Амура. Н. Н. Муравьевъ, прекративъ совѣщаніе, передалъ Дзянь-Зюню проектъ трактата и просилъ уполномоченнаго сообщить его мнѣніе въ слѣдующемъ засѣданіи. Основаніи трактата, составленнаго Муравьевымъ, заключались въ слѣдующемъ: 1) Границѣ между обоими государствами быть по р. Амуру, такъ, чтобы лѣвый берегъ до устья принадлежалъ Россійскому, а правый до р. Уссури—Китайскому государству, затѣмъ по р. Уссури до ея истоковъ, а отъ оныхъ по полуострова Корен. 2) Плаваніе по рѣкамъ, составляющимъ границу, дозволяется только судамъ двухъ государствъ. 3) По этимъ рѣкамъ производится свободная торговля. 4) Китайскимъ подданнымъ, находящимся на лѣвомъ берегу,—переселиться на правый въ теченіе трехъ лѣтъ. 5) Пересмотръ (черезъ нарочно назначенныхъ для этого съ обѣихъ сторонъ лицъ) прежнихъ трактатовъ для постановленія новыхъ правилъ по всѣмъ предметамъ, касающимся до пользы и славы обонхъ государствъ. 6) Настоящій договоръ считать дополненіемъ прежнихъ трактатовъ. На слѣдующее засѣданіе 12-го мая Н. Н. Муравьевъ не пришелъ, сказавшись больнымъ, а поручилъ продолжать переговоры Перовскому, котораго онъ Дзянь-Зюню представилъ, какъ служащаго въ томъ самомъ сенатѣ, откуда посылаются наши листы въ Китайскій трибуналъ. Перовскій въ продолженіе нѣсколькихъ дней совѣщался съ китайскими уполномоченными, но упорство ихъ не ослабѣвало. Тогда, по приказанію Н. Н. Муравьева, Перовскій сдѣлалъ энергическое заявленіе китайскимъ уполномоченнымъ, что, только благодаря великодушію нашего Монарха, сохраняются дружественныя отношенія между обоими государствами, что русскіе имѣли бы право дѣйствовать иначе. При этомъ Перовскій указалъ на недобросовѣстность со стороны китайцевъ при заключеніи трактата 1689 года, на непринятіе китайцами посланника

графа Путятина и на прочія многія нарушенія трактатовъ съ китайской стороны. Такое энергическое заявленіе подѣйствовало на китайскихъ уполномоченныхъ, и они согласились на заключеніе договора. Въ достопамятный день 16-го мая 1858 года Айгунскій трактатъ былъ подписанъ обѣими договаривавшимися сторонами. 21-го мая Н. Н. Муравьевъ отправилъ донесеніе Государю о заключеніи договора съ китайцами. Покончивъ съ трактатомъ, Н. Н. Муравьевъ продолжалъ плаваніе внизъ по Амуру, съ цѣлью устройства поселеній по берегамъ новопріобрѣтенной рѣки. Въ это же время архіепископомъ Иннокентіемъ была освящена первая православная церковь на берегахъ Амурса, въ Маринскѣ, и было заложено нѣсколько новыхъ церквей. Во время этого плаванія Н. Н. Муравьева по Амуру, графъ Путятинъ донесъ въ Петербургъ, что имъ заключенъ трактатъ въ городѣ Тянь-Дзинѣ 1-го іюня 1858 года. Китайцы, заключая съ графомъ Путятинымъ трактатъ въ Тянь-Дзинѣ, знали уже объ Айгунскомъ договорѣ и 3-го іюня извѣстили графа, что „богдыханъ утвердилъ послѣдовавшее у генераль-губернатора Муравьева съ Хейлуцзанскимъ главнокомандующимъ соглашеніе о проведеніи границы отъ Усури до морскихъ портовъ и объ учрежденіи торговли на Амурѣ“.

При возвращеніи Н. Н. Муравьева съ Амурса въ Иркутскъ, населеніе на всемъ пути какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ оказывало Муравьеву восторженный пріемъ, понимая важность приобрѣтенія великой рѣки Амурса. Въ Иркутскѣ по случаю возвращенія Н. Н. Муравьева былъ устроенъ цѣлый рядъ празднествъ, заключавшихся въ роскошныхъ обѣдахъ, блестящей иллюминаціи, великолѣпномъ фейерверкѣ, парадномъ спектаклѣ и проч. Заслуга Н. Н. Муравьева по приобрѣтенію Амурса получила Высочайшее признаніе. Въ Москвѣ 26-го августа 1858 года послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя Муравьева: ему было даровано графское достоинство, съ присоединеніемъ къ фамиліи названія Амурскаго. Многосторонняя общественная и государственная дѣятельность графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, возбуждавшая много разнообразныхъ толковъ, споровъ, порицаній и ожесточенныхъ клеветъ, въ то же время прибрѣла ему восторженное сочувствіе и славу во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Слава эта достигла размѣровъ необычайныхъ: со всѣхъ концовъ Россіи посылались къ нему благодарственные письма, поздравительные адреса; писались стихи, учреждались стипендіи его имени и т. д. Возвратившись съ Амурса въ Иркутскъ послѣ заключенія трактата, графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій былъ озабоченъ благоустройствомъ новоприобрѣ-

теннаго Амурскаго края. Нужно было содѣйствовать переселеніямъ на Амуръ; затѣмъ, графъ желалъ провести въ Пріамурскій край телеграфную линію. Кромѣ того, заботясь объ экономическомъ подъемѣ населенія Забайкальской области, какъ источника для переселеній на Амуръ, графъ хлопоталъ объ освобожденіи отъ обязательныхъ работъ 15-ти-тысячнаго крестьянскаго населенія, приписаннаго къ Нерчинскимъ заводамъ и изнуряемаго непосильнымъ крѣпостнымъ трудомъ. Наконецъ, графъ желалъ учрежденія должности помощника генералъ-губернатора Восточной Сибири. Государь Императоръ одобрилъ представленія графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, касающіяся устройства Пріамурскаго края. Для переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ объ опредѣленіи границъ отъ Уссури до моря и для другихъ дѣлъ въ Китай уполномоченнымъ былъ назначенъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Игнатьевъ. Самому графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому пришлось въ 1859 году совершить морское путешествіе къ берегамъ Японіи для переговоровъ о Сахалинѣ и къ новопріобрѣтеннымъ берегамъ Восточнаго океана, граничащимъ съ китайскими владѣніями, для содѣйствія генералъ-маіору Игнатьеву въ его переговорахъ о проведеніи границы отъ Уссури до моря. Переговоры Игнатьева съ китайскимъ правительствомъ затянулись и не приводили къ положительнымъ результатамъ. Кромѣ того, когда графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій возвращался по р. Амуру съ Восточнаго океана, китайскіе пограничные амбаны въ своихъ сношеніяхъ съ графомъ начали поговаривать объ уступкахъ и измѣненіяхъ въ Айгунскомъ трактатѣ. Такое неблагопріятное для переговоровъ настроеніе китайцевъ заставило графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго прибѣгнуть къ военной демонстраціи для устрашенія несговорчивыхъ сыновъ Небесной имперіи. Графъ остановился на продолжительное время въ Благовѣщенскѣ какъ бы для военныхъ приготовленій. Тогда же была послана сотня казаковъ для объявленія туземнымъ жителямъ лѣваго берега Амура, что они находятся въ предѣлахъ Россійской имперіи и подъ покровительствомъ русскихъ законовъ. Двуличность китайцевъ въ переговорахъ, затѣмъ неудавшійся, въ отсутствіе графа, сплавъ по Амуру въ 1859 году, наконецъ враждебныя графу статьи Д. И. Завалишина, появившіяся въ Морскомъ Сборникѣ и Вѣстникѣ Промышленности, — все это производило на большаго графа удручающее, тяжелое впечатлѣніе и приводило его къ безотрадному взгляду на будущее того дѣла, въ которое онъ вложилъ всю свою душу.

Въ 1860 году графъ Н. Н. Муравьевъ оставилъ Иркутскъ и уѣхалъ въ Петербургъ. У графа было намѣреніе совсѣмъ оставить не только Сибирь, но и вообще Россію. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Карсакову онъ говоритъ: „попрежнему моя мысль — поклониться Россіи за послѣднюю таможенную заставою“. По приѣздѣ въ Петербургъ, графъ представлялся Государю и подалъ на Высочайшее усмотрѣніе записку о новомъ раздѣленіи Сибири въ административномъ отношеніи. Графъ Н. Н. Муравьевъ предлагалъ раздѣлить Восточную Сибирь на двѣ части, изъ которыхъ одна заключала бы всю Приморскую область, а другая — губернію Иркутскую съ областями Забайкальской, Амурской и Якутской. Каждая часть должна быть подчинена особому начальнику, съ правами генералъ-губернатора. На мѣста такихъ начальниковъ графъ рекомендовалъ Карсакова и Казакевича. Енисейская губернія, по проекту графа Н. Н. Муравьева, должна была поступить въ вѣдѣніе западно-сибирскаго генералъ-губернатора. Самъ графъ желалъ еще послужить только въ качествѣ комиссара по окончанію пограничныхъ дѣлъ съ Китаемъ. Проектированное графомъ Н. Н. Муравьевымъ раздѣленіе Восточной Сибири не состоялось, но за то была учреждена должность помощника генералъ-губернатора. На это мѣсто назначенъ былъ М. С. Карсаковъ. Совершивъ изъ Петербурга поѣздку за границу, графъ Н. Н. Муравьевъ въ половинѣ іюня 1860 года возвратился въ Иркутскъ, чтобы только дать возможность своему помощнику и будущему преемнику Карсакову воспользоваться отпускомъ въ Россію для отдыха. Самъ графъ Н. Н. Муравьевъ уже не хотѣлъ болѣе оставаться въ Сибири. „Я отжилъ свой вѣкъ и для Сибири, и для Россіи, и пребываю здѣсь теперь срочное время, какъ бы въ ссылкѣ, и потому только считаю день за днемъ“, — такъ писалъ графъ своему брату отъ 8-го іюля 1860 года. Мрачное настроеніе духа графа Н. Н. Муравьева и мысль совсѣмъ оставить Сибирь не покидали его. Человѣкъ своего времени, съ умомъ государственнымъ и проницательнымъ, онъ ясно видѣлъ, что его дѣятельность, направленная исключительно на подъемъ матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія ввѣреннаго ему края, не получала ни должной оцѣнки, ни должнаго довѣрія въ Петербургѣ. Мало того, такое учрежденіе, какъ III отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи, придавало значеніе; и даже поддерживало разные ложные доносы на административныя дѣйствія графа Н. Н. Муравьева. Все это сильно подтачивало его здоровье и отнимало у него ту

энергію, какую онъ неустанно проявлялъ. На долю графа выпала на столько суровая борьба съ министрами и на столько она шла въ разрѣзъ съ понятіями нѣкоторой части тогдашняго общества, что онъ невольно приходилъ къ заключенію о своей дѣятельности, выраженному имъ самимъ въ одномъ изъ писемъ къ Карсакову: „я переслужилъ“.

Начало зимы 1860 года ознаменовалось историческимъ событіемъ: 2-го ноября этого года былъ заключенъ Н. П. Игнатьевымъ дополнительный Пекинскій договоръ. Китай окончательно призналъ за Россією право на владѣніе р. Амуромъ, а также Уссурійскимъ краемъ. Этимъ договоромъ подтверждены были всѣ пункты Айгунскаго трактата и Тянь-Дзинскаго договора. Окончаніе китайскихъ дѣлъ успокоительно повліяло на нравственное состояніе графа Муравьева. Графъ, вполне воздавая должное заслугамъ Н. П. Игнатьева, въ проѣздъ его черезъ Иркутскъ, послѣ заключенія трактата, устроилъ ему если не торжественный, то глубоко сочувственный пріемъ.

По возвращеніи М. С. Карсакова изъ Петербурга, графъ Муравьевъ въ первыхъ числахъ января 1861 года сдалъ ему свою должность и, провожаемый мѣстнымъ обществомъ и громаднѣйшею толпою народа, выѣхалъ изъ Иркутска, покинувъ Сибирь навсегда. Въ Петербургъ графъ Н. Н. Муравьевъ прибылъ 11-го февраля 1861 года и въ тотъ же день представился Государю, у котораго имѣлъ продолжительную аудіенцію. Просьба графа объ увольненіи была принята Государемъ, и генераль-губернаторомъ Восточной Сибири назначенъ Карсаковъ. 19-го февраля 1861 года графъ Муравьевъ получилъ Высочайшій рескриптъ, которымъ онъ увольнялся отъ должности генераль-губернатора съ зачисленіемъ въ члены государственнаго совѣта, съ награжденіемъ орденомъ св. Владиміра первой степени и съ производствомъ содержанія по 15-ти тысячъ рублей въ годъ. Вскорѣ послѣ этого въ Петербургѣ были слухи и разговоры о назначеніи графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго намѣстникомъ въ Польшу или на Кавказъ. Но предположенія эти не имѣли практическихъ послѣдствій. Графъ Н. Н. Муравьевъ уѣхалъ за границу. Со времени этого отъѣзда графа, то-есть, съ 1861 года, начинается *volens-polens* недѣятельная жизнь графа, которая и продолжалась 20 лѣтъ. Живя внѣ предѣловъ Россіи, не принимая болѣе дѣятельнаго участія въ дѣлахъ управленія, графъ Муравьевъ, однако, и изъ-за границы не

переставалъ тяготѣть душой къ своему отечеству и въ особенности интересоваться Сибирью и Амуромъ. Онъ дѣятельно продолжалъ участвовать, хотя и письменно, въ тамошнихъ дѣлахъ, посылая мудрыя наставленія своему преемнику. Изъ-за границы графъ Н. Н. Муравьевъ иногда прїѣзжалъ въ Петербургъ, надѣясь быть полезнымъ на какомъ либо поприщѣ дѣятельности. Но недоброжелатели графа дѣлали свое дѣло; нѣкоторые изъ нихъ доходили даже до того, что выставляли графа предъ правительствомъ „человѣкомъ непримиримой оппозиціи“. Однимъ словомъ, враги графа въ своихъ клеветахъ не стѣснялись, и онъ до смерти своей не получилъ служебнаго назначенія, соотвѣтствующаго его достоинству и способностямъ. Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій скончался 72-хъ лѣтъ отъ роду въ Парижѣ 18-го ноября 1881 года и похороненъ тамъ же на Монтмартрскомъ кладбищѣ.

„Матеріалы для біографіи“ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, изъ которыхъ извлеченъ выше изложенный краткій очеркъ жизни и дѣятельности этого государственнаго человѣка, заключаютъ рядомъ съ біографическими свѣдѣніями много любопытныхъ данныхъ изъ исторіи военнаго занятія, колонизаціи и управленія такихъ окраинъ, какъ Кавказъ и Восточная Сибирь съ Амурскимъ краемъ. Монографическіе труды, подобныя „Матеріаламъ для біографіи“, представляются важными въ томъ отношеніи, что, заключаая въ себѣ обильныя свѣдѣнія о дѣятельности извѣстнаго лица и по исторіи извѣстной области, они могутъ послужить прочнымъ основаніемъ для изслѣдованій общаго характера. Еще болѣе приобретаютъ цѣнности въ научномъ отношеніи эти труды, если сопровождаются такими интересными приложеніями, какія мы находимъ во второй книгѣ „Матеріаловъ для біографіи“ графа Муравьева-Амурскаго. Въ составъ этой второй книги входятъ копія съ подлинныхъ документовъ, относящихся къ дѣятельности графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, съ 1844 по 1861 годъ, и извлеченныхъ изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, изъ дѣлъ комитета министровъ, департамента ви́шней торговли, бывшаго сибирскаго комитета и изъ архива князя М. С. Волконскаго. Количество документовъ простирается до 162 №№. Авторомъ всѣхъ этихъ записокъ, отношеній, рапортовъ и писемъ является самъ графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій. Документы, за исключеніемъ первыхъ двухъ (Записка о предлагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Шамниля и Опытъ возможности приблизительнаго уравненія состояній и уничтоженія крѣпостнаго права въ Русскомъ

царствѣ, безъ потрясеній въ государствѣ), относятся къ Восточной Сибири и представляютъ не мало цѣнныхъ свѣдѣній по управленію этимъ краемъ и по исторіи присоединенія Амура къ Россіи.

Въ общемъ, слѣдуетъ сказать, что „Матеріалы для біографіи“ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, собранныя трудами товарища министра народнаго просвѣщенія князя М. С. Волконскаго, даютъ богатый вкладъ въ литературу по исторіи одной изъ важнѣйшихъ окраинъ нашего обширнаго отечества и въ то же время отчетливо рисуютъ жизнь и дѣятельность одного изъ талантливыхъ русскихъ людей, стоявшихъ на стражѣ отечественныхъ интересовъ.

А. Омсень.

L. Mabilis. Zwei Wiener Handschriften des Iohannes Skylitzes. Breslau. 1890.

Изъ диссертациі Мабиллиса узнаемъ, что нѣмецкій ученый Зегеръ, написавшій изслѣдованіе о византійскихъ историкахъ XI вѣка ¹⁾, готовитъ изданіе сочиненія Іоанна Скилица. Какъ извѣстно, до сихъ поръ напечатана только послѣдняя часть исторіи Скилица съ царствованія Исаака Комнина до конца (съ 1057—1079 г.), вся же первая часть (съ 811—1057 г.) извѣстна только въ переработкѣ Кедрина. Хотя послѣдній буквально списывалъ Скилица, однако изданіе подлиннаго текста желательно и потому, что въ немъ могутъ оказаться подробности, опущенныя Кедриномъ, и потому, что Кедрипъ имѣется только въ боннскомъ собраніи византійцевъ, то-есть, изданіи не достаточно критическомъ ²⁾. Будущій издатель занялся, конечно, изученіемъ рукописей, и помянутая диссертациія его помощника представляетъ подобнаго рода подготовительную работу ³⁾. Послѣ краткаго описанія двухъ вѣнскихъ рукописей Мабиллисъ напечаталъ 31 поправку къ послѣдней части Скилица (стр. 642—727 боннскаго изданія). Это не поправки, основанныя на соображеніи автора,

¹⁾ *I. Seger, Byzantinische Historiker des zehnten und elften Jahrhunderts, München, 1888.*

²⁾ Газе въ примѣчаніяхъ къ Льву Діакону указалъ на некоторые пропуски, замѣчаемые у Кедрина по сравненію съ Скилицомъ (*Notae in Leonis Diaconi lib. IX pp. 458, 455, по боннскому изданію*).

³⁾ Зегеръ просматривалъ одинъ вѣнскій кодексъ, Мабиллисъ другой.

а разночтенія по вѣнскимъ кодексамъ, дающія лучшей смыслъ, чѣмъ печатный текстъ, или исправляющія его тамъ, гдѣ онъ не имѣетъ никакого смысла.

По мнѣнію автора, онъ доказалъ исправность вѣнскихъ списковъ и оправдалъ то обстоятельство, что они будутъ положены въ основаніе изданія Скилица. Изъ того, однако, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ находимъ въ вѣнскихъ спискахъ лучшее чтеніе, чѣмъ въ печатномъ текстѣ, еще не слѣдуетъ, чтобы вѣнскіе списки были лучше всѣхъ остальныхъ, имѣющихся въ европейскихъ бібліотекахъ. Одинъ изъ списковъ, о которыхъ говоритъ Мабиллисъ, это вѣнскій кодексъ XII вѣка на пергаментѣ (теперешній *cod. Histog. 35*, описанъ у *Kollarii ad Lambec. Suppl. lib. I, p. 613*); писанъ онъ не раньше самаго конца XII вѣка, потому что въ спискѣ императоровъ (на листахъ 2—8) значится Исаакъ Ангель. Мабиллисъ замѣтилъ, что между листами 196 и 197 значительный пропускъ въ цѣлыхъ 56 страницъ, считая по боннскому изданію; дѣйствительно, послѣднія слова листа 196—*καὶ τῶς καὶ δεξιῶς* (ed. Bonn., II, 678, 11), а первыя слова слѣдующаго листа—*μερίτης καὶ διαλλάχτης* (II, 735, 21). Мабиллисъ не считъ нужнымъ упомянуть, что въ этомъ кодексѣ не достаетъ 8 листовъ (*fol. 93—101*); они вырваны и вмѣсто нихъ вклеены бумажные листы, написанные совсѣмъ другимъ и при томъ позднимъ почеркомъ. Такимъ образомъ одинъ изъ вѣнскихъ кодексовъ по своей неполнотѣ не можетъ быть названъ исправнымъ; онъ обрывается на срединѣ фразы, на словахъ *δοολιφ̄ ζυφ̄ τὸς αὐχένας* (боннск. изд., II, 741, 22), и тутъ не достаетъ еще 3 страницъ.

Второго вѣнскаго кодекса я, къ сожалѣнію, не видалъ; это *cod. Chartaceus*, описанный Колларомъ (p. 626), считавшимъ его за исторію Кедріна. Мабиллисъ утверждаетъ, что мы имѣемъ тутъ сочиненіе Скилица, но доказательства не приводитъ. Во всякомъ случаѣ это очень неполный списокъ; онъ начинается со словъ: *καὶ δῶρος καταπλουτίσει τοὺς προσφροῦντας* (боннск. изд., p. 424, 9), а кончается словами: *καὶ τῆς κροσβείας ἀπράχτου μενάσης ἔργων κολεμικῶν* (боннск. изд., p. 736, 6). Изъ этого видно, что во второмъ вѣнскомъ кодексѣ заключается только часть исторіи Скилица, именно съ царствованія Василя II, съ 976 г., при чемъ въ концѣ не хватаетъ вѣсколькихъ страницъ; не достаетъ больше половинны сочиненія Скилица (390 изъ 702 стр., считая по боннскому изданію).

Самый полный списокъ, и при томъ не уступающій вѣнскимъ въ древности, это парижскій *cod. Coislinianus 136* XII вѣка, по которому

напечатано Предисловіе и конецъ исторіи Скилица и который подробно описанъ Монфокономъ (Bibliotheca Coisliniana. Paris. 1715).

Въ венеціанской бібліотекѣ св. Марка въ числѣ рукописей, не записанныхъ въ печатныхъ каталогахъ Занетти, имѣется одна со слѣдующей припиской на послѣднемъ листѣ: ἐτελειώθη ἡ παροῦσα βιβλίος ἥτις ἐπονομάζεται χρονόγραφος δια χειρὸς καροῦ Σάβα ἐν ἱερομονάχοις ἀχραίου ἱερέως ἔτους 598β μηνὶ ὀκτωβρίῳ ἐνδεκάτῃ ἰνδικτιῶνος ιβ (clas. VII, cod. 12). Слѣдовательно, эта рукопись была окончена 11-го октября 1283 г. (6792 г. отъ сотворенія міра). На первомъ сильно попорченномъ листѣ читается: Σύνοψις ἱστοριῶν ἀρχομένη ἀπὸ κτίσεως κόσμου καὶ μέχρι τῆς βασιλείας Ἰσαακίου Κομνηνοῦ, συλλ [εγείσα] ἐκ διαφορῶν... [Κ]αὶ δρη[νου], ἐντεῦθεν ἀρχεται καὶ ὁ Σκολίτζης., etc. Какъ сказано въ заглавіи, это исторія Кедрина съ продолженіемъ исторіи Скилица. На листѣ 282 значится: Ἀρχὴ τοῦ μεγάλου δροῦγγαρίου Ἰωάννου τοῦ Σκολίτζη. Βασιλεία Μιχαὴλ τοῦ Ραγγαβί. Но переписчикъ продолжалъ списывать Кедрина до конца его хронографа; листъ 401 кончается тѣми же словами, какъ и хронографъ Кедрина. Затѣмъ слѣдуетъ перерывъ, на л. 401—406 помѣщены списки византійскихъ императоровъ и патріарховъ и разныя замѣтки. На л. 406 начинается разказъ Скилица о царствованіи Исаака Комнина (=бониск изд., стр. 644), начало котораго опущено. Рукопись кончается царствованіемъ Никифора Вотаниата, какъ и печатный текстъ. Слѣдовательно, мы видимъ, что еще въ XIII вѣкѣ было составлено изданіе, подобное парижскому и боннскому, гдѣ къ хронографу Кедрина отъ сотворенія міра до Исаака Комнина прибавлена послѣдняя часть исторіи Скилица.

Два кодекса XIV вѣка хранятся одинъ въ Неаполѣ въ Національномъ музеѣ (III. В. 24), другой въ Ватиканѣ (cod. Vatic. 161). Въ неаполитанскомъ кодексѣ заглавіе читается такъ: Σύνοψις ἱστοριῶν ἀρχομένη ἀπὸ τῆς ἀναίρεσεως Νικηφόρου βασιλέως τοῦ ἀπὸ γενικῶν καὶ μέχρι τῆς βασιλείας Ἰσαακίου τοῦ Κομνηνοῦ συγγραφεῖσα παρὰ Ἰωάννου χουροπαλάτου καὶ γεγονότος μεγάλου δροῦγγαρίου τῆς βίβλας τοῦ Σκολίτζη. Конецъ рукописи совпадаетъ съ концомъ хронографа Кедрина, разказъ доведенъ, согласно заглавію, только до Исаака Комнина. Въ ватиканскомъ спискѣ заглавіе буквально то же, что въ неаполитанскомъ, хотя разказъ доведенъ, какъ въ печатномъ изданіи, до Никифора Вотаниата. Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что, хотя въ ватиканскомъ кодексѣ нѣтъ частныхъ заглавій, разъ таковое поставлено, именно Ἰσαάκιος ὁ Κομνηνός въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается не напечатанный текстъ Скилица.

Далѣе я видѣлъ пять списковъ, имѣющихъ между собою большое сходство: всѣ они поздніе XV—XVI вѣка и всѣ обрываются на тѣхъ же словахъ на срединѣ царствованія Константина Мономаха. 1) Cod. Ottobon. 361 (въ Ватиканѣ); XV вѣка—онъ кончается (fol. 261) словами: *καὶ τὰ μὲν κατὰ τὴν Ἀβραχίαν κατήτησεν εἰς τοῦτο* (боннск. изд., стр. 573, 18). Страница осталась недописанная, и надо думать, что переписчикъ имѣлъ передъ глазами полный экземпляръ, но не успѣлъ кончить работы; 2) Cod. Ottobon. 340 (въ Ватиканѣ)—XVI вѣка; 3) Marcian. 605 (въ Венеціи)—XVI вѣка. 4) Базельскій D. VI. 3—XVI вѣка; 5) Парижскій suppl. 305—1557 г., что видно изъ приписки: *ᾠπερ ξένοι χαίροντες ἰδεῖν τὴν πατρίδα καὶ οἱ θαλαττεύοντες ἰδεῖν τὸν εὐδαίον λιμένα, οὗτοι καὶ οἱ γράψαντες τὸ τέλος τοῦ βιβλίου. ἐγράφη ἢ παροῦσα ἀμάλθεια ἄλλοι (вм. δλη) διὰ ἡμέραις κζ διὰ χειρὸς ἐμοῦ Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ ἐκ πόλεως χορώνις εἰς ἕτει ἀρσζ' ἐν μηνὶ ὀκτωβρίου ἡ ὥρα γ τῆς νοκτός.* Переписчики послѣднихъ четырехъ кодексовъ считали, кажется, что исторія Скилица кончается вышеуказанными словами, и имѣли передъ собою не полный экземпляръ.

Три изъ только что указанныхъ кодексовъ (базельскій, венеціанскій и Ottob. 371) имѣютъ еще одну особенность. Послѣ разказа о смерти императора Льва VI въ нихъ вставленъ стихотворный плачъ подъ заглавіемъ „*Στίχοι καὶ θρήνος εἰς τὸν Δέοντα τὸν βασιλέα*“. Плача этого нѣтъ ни въ болѣе древнихъ спискахъ Скилица, ни въ передѣлкѣ Кедрина, и въ печати, на сколько я знаю, онъ не появился. Въ базельскомъ кодексѣ онъ читается послѣ словъ: *Παραδοῦς τοίνυν τὸ τῆς βασιλείας κράτος καὶ πολλὰ παρακαλέσας τὸν αὐτοῦ υἱὸν Κωνσταντῖνον παιδοτροφεῖσσι καὶ ἐπιμελείαις ἀξιοῦν προσηκούσης, τελευταῖόν τε καὶ διάδοχον αὐτοῦ καταλιπεῖν, (Δέων) ἐτελεύτησεν* (Cedr., II, 274, 11). Въ венеціанскомъ кодексѣ плачъ помѣщенъ нѣсколько раньше, до извѣстія о смерти Льва, послѣ словъ: *ἔκτισε δὲ αὐτῷ καὶ μοναστήριον ἐν Νοσσαίαις, ὃ καὶ ἀνεκαίνισεν ἄμα Εὐθυμῖφ τῷ πατριάρχῃ* (Cedr., II, p. 273, 3).

Плачъ не представляетъ ничего замѣчательнаго ни въ историческомъ, ни въ литературномъ отношеніи. Привожу нѣсколько стиховъ, чтобы дать о немъ понятіе.

Δότε μοι θρήνους ἄδοντι, ρεύσω πηγὰς δακρῶν,
 Κλαύσομαι τὸν δεσπότην μου, θρηνήσω μου τὸν φίλον.
 Τοῦτο ἢ ματαιότης.
 Τί μοι στυγνάξεις, ἦλιε, τί ζοφερόν ἀντίσχεις;
 Πάντως, ὅτι τὸν Δέοντα, τὸν ἀναχτα οὐ βλέπεις.
 Τοῦτο ἢ ματαιότης.

Τί μοι, σαλήνη, δοικας νοκτι μαλανομένη;
Πάντως, ότι τόν ήλιον, τόν Δέοντα ού βλέπεις.

Эта пьеса имѣетъ семь подобныхъ двустихій; за нею слѣдуетъ вторая подъ заглавиемъ: Τίνας λόγους είπε Δέων ό βασιλεύς τελευτών.

Начало. Τόν Κωνσταντίνον, δέσποτα, και άδελφόν, ώς τέχνον,
ώς σπλάγγνον, ώς καρδίαν σου περίθαλπε και σκέπε,
ώ θρήνων εμπλεοι λόγοι.

Въ средннѣ читается: Φιλάγαθα, παράστηθι, παρθένε και βοήθει,
έν ούδενι γάρ έσχηκα έτέρφ τας έλπίδας.
Οίδας, θεέ, τά κρόφια, έτάξεις τας καρδιάς,
άντιθεο μου τοίς πταισίμασι τής πιστέως τό ζέον.

Послѣднія строки: Τῷ τάφῳ έπιγράψατε· Δέων ένθάδε κείται,
ό μόνος ύπέρ άνθρωπον τόν Θεόν παροργίσας.
Μέμνησθέ πάντες, μέμνησθε Δέοντος του δεσπότου,
θάψατε και θρηνήσατε και πάντοτε θρηνηείτε.

Третья стихотворная пьеса, посвященная памяти императора Льва, озаглавлена Алφάβητος εις Δέοντα τόν βασιλέα. Это 24 двустихія, изъ которыхъ первое начинается словомъ на букву α, второе на β и т. д.

Ἄνασσα πόλις, στέναξον, απόθου σου τὸ στέφος,
ἄθροισον τὸ πολίτευμα, κλαῦσαί σου τὸν δεσπότην.
Γηγενής ἅπας πέφυκε και βασιλεύς και πένης,
ἔθεν οὐδεις ἐκφεύζεται τῶν ἐποδύνων τάφων.
Δροσερὸν οἶα ρόδον σε ἢ πορφυρὶς βλαστάνει,
ὡς ἴον ἐν τοῖς ἀνθεσιν, ὡς κρίνον ἐν τοῖς κήποις.
Κλαύσατε πάντες, κλαύσατε τὸν πρῶον βασιλέα,
τὸν συμπαθῆ και ἥσυχόν, κλαύσατε και οἱ λίθοι.
Σκήπτρῳ εὐθύς διάδοχος πατρόθεν βασιλεύων
ὁ τῆς πορφύρας ἥλιος Ἀλέξανδρος ἀνίσχει.
Τίς Ἀλεξάνδρῳ ἄνακτι ἀστήρ συνανατέλλει;
ὁ ἐξ ὀσφύος Δέοντος ὑπάρξας Κωνσταντίνος.
Ἕμνησον, πόλις, ἕμνησον τοὺς Βασιλείου παῖδας,
οὗτοι γάρ πορφυρίζουσι μάλλον σου τὴν πορφύραν.
Χαῖρε μοι, Δέων δέσποτα, και ἐν ἄδου κευθμεῦσι
Χαῖρε, ψυχῇ ὀλόγλυκε, ἀγγέλοις συμφοιτῶσα.
Ὡς βασιλέα ἕμνησον, ὡς φίλον, ὡς δεσπότην,
οὐ δὲ και μετὰ θάνατον μέμνησο Κωνσταντίνον.

Изъ послѣднихъ строкъ можно какъ будто вывести, что стихи

были написаны Константиномъ Багрянороднымъ или, по крайней мѣрѣ, выдавались за его произведение.

Въ Ватиканѣ имѣется еще одинъ повдній и не полный списокъ исторіи Скилица (Regin. 86) конца XVI или начала XVII вѣка; онъ обрывается на срединѣ царствованія Исаака Комнина.

Въ каталогахъ рукописей встрѣчаются указанія на списки Скилица, которые на самомъ дѣлѣ представляютъ другія сочиненія. Монфоконъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о кодексѣ Coislin. 135, XIII или XIV вѣка: *Ioannis Curopalatae Scylitzae historia. Titulus et prima verba erga sunt. Ioannis Curopalatae nomen in adversa pagina descriptum habetur manu recenti hoc modo: τούτο τὸ βιβλίον εἶναι σύνοψις ἱστοριῶν Ἰωάννου Κουροκαλάτου τοῦ Σκολίτζη. Initium ducit a principio mundi et pergit usque ad finem imperii Alexii Comneni. Post Georgium Cedrenum typis regis cusum anno 1647 extant excerpta ex Breviario historico Ioannis Curopalatae, quae historiam excipiunt, ubi Cedrenus desinit; sed toto coelo differunt ab hoc Ioannis Curopalatae opere, non modo quoad seriem et verba, sed etiam quoad res ipsas. (Bibliotheca Coisliniana, p. 206).*

Монфоконъ указывалъ на исторію Скилица, начинавшуюся будто бы съ сотворенія міра, а не съ царствованія Никифора, и доведенную до смерти Алексѣя Комнина, а не до Вотаниата. Но Монфоконъ былъ введенъ въ заблужденіе неправильною догадкою неизвѣстнаго лица. Рукопись начинается съ предисловія Кедрина, въ которомъ въ числѣ писателей упомянутъ и Іоаннъ Эраксійскій или Скилица. Далѣе слѣдуетъ хронографъ Кедрина отъ сотворенія міра до Исаака Комнина. На листѣ 397 написано слѣдующее заглавіе, котораго не замѣтилъ Монфоконъ: Βασιλεία Ἰσαακίου τοῦ Κομνηνοῦ ἀπὸ τῆς ἱστορίας τοῦ Ζωναρᾶ. Дѣйствиительно, весь дальпѣйшій разказъ вплоть до смерти Алексѣя Комнина принадлежитъ Зонарѣ.

Въ каталогѣ дополнительныхъ греческихъ рукописей Парижской національной бібліотеки подъ № 467 значится: *Ioannis Scylitzae synopsis historica usque ad Ioannem Comnenum. (Omont, Inventaire des manuscrits du supplement grec, p. 53).* Такого заглавія въ рукописи нѣтъ; Омонъ былъ введенъ въ заблужденіе словами въ концѣ хроники (л. 177), послѣ извѣстія о смерти Іоанна Комнина: ἕως ὧδε τελειώνει ὁ Ἰωάννης ὁ Σκολίτζης ὁ χρονόγραφος. Этотъ кодексъ написанъ въ XVII вѣкѣ, и стоитъ только сравнить его съ текстомъ Скилица, чтобы убѣдиться, что онъ во много разъ короче послѣдняго. Это ко-

ротенскій хронографъ, не представляющій никакого интереса, гдѣ каждому царствованію отведено всего по нѣсколькѣ строкъ.

Полагаю, что при новомъ изданіи исторіи Скилица слѣдуетъ, положивъ въ основаніе парижскій кодексъ Coislin. 136, принять во вниманіе и остальные указанные мною 11 кодексовъ. Текстъ долженъ быть свѣренъ также съ рукописями, содержащими хронографъ Кедрина, такъ какъ послѣдній почти буквально списывалъ Скилица. Большую помощь можетъ оказать Атталиатъ, служившій источникомъ Скилица; на это обратилъ вниманіе Маббилісъ: изъ 31 поправки 12 (подтвержденныхъ рукописями) можно было сдѣлать на основаніи текста Атталиата. При установленіи правильнаго текста Скилица нельзя пренебрегать позднѣйшими компиляторами, въ особенности Зонарой.

И. Безобразовъ.

Наука исторіи русскаго права. Ея вспомогательныя знанія, источники и литература. Составилъ ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета *Н. П. Загоскинъ*. Казань. 1891. Цѣна 3 руб., XXVIII + 530 стр.

Издавая настоящую книгу, проф. Загоскинъ имѣлъ въ виду восполнить крайне ощутительный пробѣлъ нашей историко-юридической литературы, состоящій въ недостаткѣ спеціальнаго указателя, съ помощью котораго можно было бы разобраться во всей массѣ трудовъ, посвященныхъ разработкѣ этой науки. Это, конечно, не первая попытка въ такомъ родѣ. Указатели составлялись и раньше, но одни изъ нихъ (напримѣръ, напечатанный въ „Архивѣ юридическихъ и практическихъ свѣдѣній“ Калачова) въ настоящее время сильно устарѣли и требуютъ существенныхъ дополненій, другіе посвящены отдѣльнымъ сторонамъ исторіи права, такъ что для какой нибудь, часто даже незначительной, справки нужно просмотрѣть нѣсколько указателей, которыхъ при томъ же не всегда и не вездѣ, можно достать¹⁾. Нельзя поэтому не признать вполне своевременною и счаст-

¹⁾ Проф. Загоскинъ, напримѣръ, не зналъ, а потому, и не указалъ слѣдующихъ указателей: *Bibliographia Caucasica et Transcaucasica Міамсарова*, т. I, отд. I и II, Сиб., 1874—1875; Указатель къ *Историческому Вѣстнику*, Сиб., 1890; *Неустроева* къ повременн. изданіямъ XVIII в. и дополненія къ нему *Л. Н. Майкова*; Указатель къ *Филологическимъ Запискамъ* за 25 лѣтъ, Воронежъ, 1888; *З. Пешковой*—„Закаспійскій край“ и „Полъсье“; *Ө. Сахарова*—Литература исторіи и обличенія русск. раскола, Тамбовъ, 1877; Указатель къ *Волынск. Епарх. Вѣдомостямъ* и Указатель къ *Волынск. Губ. Вѣдом.*, за 1867—1879 гг., *Братчикова*, Житомиръ, 1880.

ливою мыслью проф. Загоскина свести вмѣстѣ указанія по исторіи права, „дать чисто практической указатель источниковъ и литературы исторіи русскаго права, а также литературы тѣхъ отраслей знанія, которыя соприкасаются съ этой наукой“.

Какъ же выполнялъ свою задачу проф. Загоскинъ? Къ сожалѣнію, не выполнѣ такъ, какъ этого можно было ожидать отъ специалиста по этому предмету. Зная, что авторъ специально занимается исторіей права, мы предполагали, да и имѣли на это полное право, что проф. Загоскинъ дастъ систематической указатель, будетъ рекомендовать только книги и статьи, заслуживающія вниманія, имѣющія самостоятельное значеніе; особенно можно было думать это, читая предисловіе, гдѣ авторъ жалуется на „весьма почтенную литературу, масса которой начинаетъ до известной степени давить собою даже специалиста, не говоря уже объ учащихъ“... Вообще естественно, казалось бы, уменьшить эту массу исключеніемъ не нужнаго балласта, но профессоръ Загоскинъ этого не сдѣлалъ. Наряду съ трудами важными у него нерѣдко попадаются книги незначительныя, иногда даже не относящіяся къ праву. Трудно, напримѣръ, объяснить себѣ, какъ здѣсь могла найтись мѣсто книжка (№ 2395) „Краткое описаніе города Житомира“ 1889 г., составленная Т. І. Вержбицкимъ, заключающая въ себѣ, кромѣ довольно обширнаго разсужденія о происхожденіи названія, плохую хронологию исторіи города, перечень губернаторовъ, архіереевъ, улицъ, а также пособій на польскомъ и русскомъ языкахъ, которыми не пользовался г. Вержбицкій. Не понятно также указаніе на книгу г. Теобальда „Литовско-славянскія древности“, заключающую въ себѣ рядъ компилятивныхъ и даже странныхъ статей съ массой общихъ мѣстъ и разсужденій не вразумительныхъ. Напрасно также названы произведенія С. Глпки (№№ 347, 2538, 3163) и „Публичныя лекціи по археологій“ г. Эварницкаго, о которыхъ А. С. Лаппо-Данилевскій въ своей рецензіи на эту книгу выразился такимъ образомъ, что „данныя, сообщаемыя авторомъ не всегда точны, его заключенія иногда скороспѣлы и невѣрны, а стилистическая сторона его „лекцій“ скорѣе отвратитъ, чѣмъ привлечетъ любознательнаго читателя“¹⁾; Э. Морозкина „Исслѣдованія о руссахъ и славянахъ“ (№ 2158), „О значеніи имени славянъ и Руси“ и др. Говоря это, мы, конечно, далеки отъ мысли требовать отъ автора знакомства со всею литературой, которую онъ

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1890 г., июль, стр. 151.

называетъ, но думаемъ, что большую половину, если даже не всё указанія въ родѣ сейчасъ приведенныхъ, авторъ могъ бы устранить, принимая во вниманіе журнальныя рецензіи. Замѣтнмъ кстати, что было бы далеко не лишнимъ при каждой книгѣ, по крайней мѣрѣ, указывать отзывы о ней, чего проф. Загоскинъ почти не дѣлаетъ.

Указаніе на книги неважныя можно было бы, пожалуй, объяснить полнотою указателя, требовавшей внесенія всѣхъ книгъ, хорошихъ на ряду съ плохими, еслибы неполнота, чувствуемая, какъ это видно изъ предисловія, и самимъ авторомъ, не бросалась въ глаза на каждой страницѣ. Дополнить указатель мы, конечно, не имѣемъ возможности, но для того, чтобы показать степень неполноты, возьмемъ какой нибудь небольшой отдѣлъ указателя и приведемъ пропуски. Возьмемъ, на примѣръ, хоть бы отдѣлъ „казаки“. Проф. Загоскинскимъ названы только 23 сочиненія. Пропущены: „Описаніе Украины“ 1832 г. *Ботлана*, Мемуары, относящіяся къ исторіи Южной Руси. Вып. I (XVI ст.), Киевъ. 1890 г. *Pierre Chevalier*, Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne. Paris 1663. A Discourse of the original countrey, manners, gouvernement and religion of the Cossacks, with another of the Precopian Tartars and the History of the wars of the Cossacks against. Лондонъ 1672. *Joach. Pastorius*, Bellum Scythico-Cosacicum и проч. Dantisci. 1652, и *его-же* Historiae polonae partes duae (Historiae polonae pars prior Intersecta Cosacorum et Tartaricae simul gentis descriptio, ac multa alia 1680 — 1685 г.), Lo stato presente di tutti i paesi e popol del mondo. Vol. VII. Della Turchia e de'Cosacchi Zaporowski. Venezia 1739. Ausfürliche und warhafte Schilderung der Saporogen Kosacken vom Fähndrich von Händlowick, der sich geraume Zeit um die Gegend der Wohnungen, dieser Leute aufgehalten hat. Mit dem Portraite eines Befehlhabers dieser Kosacken. 1789. *J. Engel*. Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kosaken, wie auch der Königreiche Halitsch und Wladimir. Halle 1796. *J. P. Pöhlman*, die Kosaken, oder historische Darstellung ihrer Sitten, Gebräuche, Kleidung, Waffen und Art Krieg zu führen. 1799. Die Kosaken, wie solche im Jahre 1799 waren und durch Deutschland zogen. *B. Броневскій* „Исторія донскаго войска“ Спб. 1834. *K. Lesur*. Histoire des Cosaques, précédé d'une introduction ou coup d'oeil sur les peuples, qui ont habitè le Pays des Cosaques avant l'invasion des Tartares, Paris 1818. *Семеновскій*, Старина малороссійская, запорожская и донская, Спб. 1846. *Мышецкій*, Исторія о казакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852 г. *Украина*

i Zaporozże, czyli Historia Kosaków od pojawienia się ich u dziejach, do czasów ostatecznego przyłączenia do Rosyi, napisana przez *I. Czarnewskiego* (два тома), Варшава 1854 г. *M. Gliszczyński*, Znaczenie i wewnętrzne życie Zaporozża, podług Skalkowskiego, Варшава, 1849 г. *Ею-же*, Hetmani malorossyisey i Kosacy do czasów Unii, Варшава, 1852 г., Die Kosaken in ihrer geschichtl. Entwicklung und gegenwertigen Zuständen, von A. v. B. 1860, *Powidaj*, Ludwig — Козацы Zaporozżу на Украйне. Львѡв 1862. *H. Красновъ*, Земля Войска Донскаго, Спб. 1863. *П. А. Кулишъ*, Польско-казацкая война („Отечественныя Записки“ 1864 г.). *П. А. Кулишъ*, Польско-казацкая колонизація юго-западной Руси (*Вѣстникъ Европы*, 1874 г., т. IV, стр. 530). *П. Короленко*—Черноморцы, Спб. 1874. *П. Головинскаго* О слободскихъ казацкихъ полкахъ, Спб. 1864 г., Историческое описаніе земли войска Донскаго, Новочеркасскъ 1867—1872 г. *А. Савельевъ*, Трехсотлѣтіе войска Донскаго, Спб. 1870. Запорожская рукопись, указывающая въ какихъ именно мѣстахъ скрыты клады запорожцами, Кіевъ 1857. *Иванъ Попко*, Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Историческій очеркъ, вып. I. Гребенское войско, Спб. 1880. *Ригельманъ*, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, М. 1852 г. *И. И. Срезневскій*, Украинская старина. Харьковъ, 1835 г. *Зарницікій*, Запорожье въ остаткахъ старины. Спб. 1888 г. (II т.), *Ею же* Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ, *Ею же*, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб. 1890. *Чернявскій*, Описаніе Запорожской Сѣчи въ 1766 г., Одесса. 1852 г. *Ф. К. Брунъ*, Черноморье, Одесса, 1879 г. *В. Б. Антоновичъ*, Изслѣдованіе о козачествѣ. 1863 г.; *Ею же*, Последнія времена козачества на правой сторонѣ Днѣпра, К. 1868 г. Лишнимъ, думаемъ, будетъ увеличивать этотъ списокъ указаніями статей, матеріаловъ и небольшихъ замѣтокъ по тому-же вопросу, которыхъ, напримѣръ, въ одной *Кіевской Старинѣ* наберется болѣе 40 названій (см. указатель къ *Кіевской Старинѣ* 1888 г., кн. I, стр. XXII и XXIII). Неполнота эта, конечно, вродѣ понятна и естественна, особенно, если принять во вниманіе условія, которыми былъ окруженъ проф. Загоскинъ, работая въ „глухой провинціи, какой является до нѣкоторой степени Казань“, и мы указали на нее лишь потому, что въ указателѣ названы книги безъ выбора, а къ такому простому, не систематическому указателю можетъ быть приложимо лишь требованіе полноты. Чѣмъ полнѣе такой указатель, тѣмъ лучше. Особенно желательны полныя указанія въ такого рода случаяхъ.

Въ 1888 году, напримѣръ, архимандритъ Леонидъ помѣстилъ въ

Русской Старинѣ статью: „Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга“ (1888 г., т. 59, стр. 215), въ которой высказалъ новое мнѣніе, что Ольга была родомъ княжна изъ Болгаріи. Проф. Загоскинъ въ своемъ указателѣ называетъ одну эту статью, не называя вызванныхъ ею статей проф. Малышевскаго (*Кіевская Старина*, 1889 г., кн. VII и VIII), г. Иловайскаго (*Русскій Вѣстникъ*, 1890 г., кн. I) и Хр. Лонарева (*Библиографъ*, 1890 г., кн. I). Статью г. Малышевскаго слѣдовало бы указать уже потому, что, признавая за документомъ, положеннымъ въ основу изслѣдованія арх. Леонида, лишь значеніе литературное, а не историческое, онъ пришелъ къ совершенно другимъ выводамъ, съ которыми отчасти согласился и самъ арх. Леонидъ (*Кіевская Старина* 1889 г., октябрь). Также точно поступилъ проф. Загоскинъ и въ другомъ мѣстѣ, именно въ вопросѣ, кто былъ первый Лжедмитрій. Онъ указалъ только двѣ статьи Н. Костомарова (№№ 2764—2765), проф. В. С. Иконникова (№ 2766) и одно только возраженіе (№ 2767), тогда какъ можно указать на полемику въ газетахъ *Голосъ* (1865 г., №№ 20, 30, 56) и *День* (1865, №№ 6, 15 и др.), на статьи—Лашинюкова: „Рѣшенъ ли вопросъ о первомъ Самозванцѣ“ (*Кіевлянинъ*, 1862, №№ 82 и 83), А. Добротворскаго: „Кто былъ первый Лжедмитрій“ (*Вѣстникъ Западной Россіи*, 1865 г., № 6, стр. 93—105, и 1866 г., № 7, стр. 1—14), „За кого Донскіе казаки принимали Лжедмитрія“ (*Донская Газета*, 1873 г., № 32) и др. Намъ кажется, что такого рода указанія были бы не только не лишніе въ книгѣ проф. Загоскина, но даже необходимы. Не избѣгъ проф. Загоскинъ также нѣкоторыхъ неточностей. Такъ, напримѣръ, „Письма и бумаги Петра Великаго“ изданы подъ редакціей А. Θ. Бычкова, а не г. Шмурло, какъ это напечатано въ книгѣ (стр. 187) проф. Загоскина; статья Строева (№ 3810) находится въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* не за 1856—1860 годы, а только за 1856 г. въ №№ 96 и 98, статья Лазаревскаго „Малороссійскіе посполитые крестьяне 1648—1783 гг.“ напечатана въ *Запискахъ Черн. Губ. Стат. Комитета* не въ 1866, а въ 1865 г., кн. I (стр. 358), „Исторія новой Свѣчи“ А. Скальковскаго указана въ первомъ изданіи (1846), тогда какъ недавно вышло третье (1886 г.), значительно переработанное, и др.

Не смотря, однако, на всѣ свои недостатки, книга проф. Загоскина принесетъ свою долю пользы уже по одному тому, что другаго указателя, не только лучшаго, но даже худшаго, по исторіи русскаго права у насъ еще нѣтъ. Само собой понятно, что лучше что-нибудь, чѣмъ ничего. Было бы только очень желательно „на случай возмож-

ности появления, въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ, новаго изданія этой книги", чтобы изданіе это дѣйствительно оказалось „исправленнымъ и дополненнымъ“.

В. В.—скій.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Heinr. Brockhaus. Die Kunst im den Aethiops Klobstern. Leipzig. 1891.—Аеонъ издаваа влекъ къ себѣ какъ сердце паломника, такъ и воображеніе художника-археолога: въ многочисленныхъ его монастыряхъ хранятся сокровища, способныя и умилить душу преклоняющагося передъ ними поклонника, и возбуждать эстетическое чувство разсматривающаго ихъ любителя и специалиста. И уже давно дѣлались попытки представить какъ такъ-называемый Проскриптарій Аеонскихъ святинямъ, такъ и описаніе художественныхъ и археологическихъ сокровищъ Святой горы: достаточно припомнить, что описаніе аеонскихъ достопримѣчательностей помѣщено уже въ Палеографіи Монфокона. Но, подобно сказочной сокровищницѣ, Аеонъ и его обители оказываются тѣмъ болѣе богатыми, чѣмъ съ болѣе шимъ вниманіемъ ихъ обозрѣвають, и всякій послѣдующій изслѣдователь вноситъ массу новаго, не замѣченнаго его предшественниками. Если же организуются не поѣздки туристовъ, а ученые экспедиціи, то результаты ихъ превосходятъ всякое вѣроятіе: припомнимъ имена Григоровича, Севастьянова, Антошина, Порфирія, Байе и Дюшена, Ламброса, и мы воскресимъ въ памяти длинный рядъ замѣчательныхъ открытій и пріобрѣтеній въ области археологии, доставленныхъ Аеономъ. Поэтому нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ задачѣ г. Брокгауза—представить въ общедоступномъ изложеніи результаты своихъ двухмѣсячныхъ наблюденій надъ предметами искусства, находящимися на Аеонѣ. Наблюденія эти касались преимущественно церковной живописи и миниатюръ въ рукописяхъ; къ этому присоединились и замѣчанія относительно новѣйшаго искусства XIX столѣтія. Выражая вынесенное изъ чтенія книги г. Брокгауза впечатлѣніе въ немногихъ словахъ, слѣдуетъ сказать, что въ общемъ оно благоприятно для автора: читатель видитъ, что авторъ обладаетъ наблюдательностью, знаніемъ и извѣстной подготовленностью, вслѣдствіе чего изложеніе его свободно отъ крупныхъ промаховъ. Читается книга легко и съ интересомъ, и мы убѣждены, что она будетъ благосклонно принята западною критикою. Но читатель русскій, и при томъ православный, замѣтитъ въ ней немалочисленные недостатки: часть ихъ происходитъ отъ того, что автору не извѣстны труды по Востоку вообще, и Аеону въ частности, принадлежащіе русскимъ ученымъ, часть—отъ того, что авторъ не достаточно знакомъ съ Восточнымъ православіемъ и вслѣдствіе этого опускаетъ безъ вниманія данныя, весьма важныя для православнаго, и останавливается съ подробностью на такихъ пунктахъ, которые для насъ не представляютъ ничего особеннаго.

Альфераки, С. Кульджа и Тянь-шань. Путевыя заметки (Оттискъ изъ Записокъ Императорскаго Русскаго географическаго общества, томъ XXIII). С.-Пб.—Книга „Кульджа и Тянь-шань“ есть не что иное, какъ извлеченіе изъ путевого днев-

нива автора, совершившаго поѣздку съ научною цѣлью въ Кульджинскій край наваздъ тому десять сличкомъ лѣтъ. Главною цѣлью экспедиціи было изученіе чешуекрылыхъ Илійской долины и окружающихъ ее горъ. Независимо отъ этой своей специальной цѣли авторъ, путешествовавшій въ сопровожденіи двухъ лицъ — Страты Свараманга и препаратора П. Мищенко, интересовался вообще фауною, которую можно было наблюдать въ недоступныхъ пескахъ западной части Илійской долины и на суровыхъ высотахъ Тянь-шаня. Авторъ предпринялъ путешествіе въ эти страны по совѣту покойнаго знаменитаго путешественника Н. М. Пржевальскаго. Результатомъ поѣздки автора въ Кульджу и Тянь-шань было собраніе коллекціи чешуекрылыхъ, заключающей до 12.000 экземпляровъ. Этотъ матеріалъ былъ обработанъ самимъ авторомъ; статьи его по этому предмету, озаглавленные *Lépidoptères du district de Kouldja et des montagnes environnantes*, напечатаны въ 1881—1883 годахъ въ „*Notae Soc. Entomol. Rossicae*“ (тт. XVI—XVII), издаваемыхъ Русскимъ энтомологическимъ обществомъ. Кроме того, авторомъ была составлена таблица вертикальнаго распредѣленія собранныхъ имъ видовъ для книги г. Лансделла „*Russian Central Asia*“ (London, 1885). Чтобы собрать 12.000 чешуекрылыхъ, снабдить ихъ этикетками, уназвать ихъ для длиннаго пути и т. п., конечно, требуется много времени, поэтому сборомъ позвоночныхъ автору и его спутникамъ заниматься было некогда: самое путешествіе продолжалось всего шесть съ небольшимъ мѣсяцевъ. Вслѣдствіе этого коллекція позвоночныхъ, собранная за все поѣздку, состояла только изъ 500 экземпляровъ, считая шкуры и скелеты млекопитающихъ, птицъ, рыбъ и пресмыкающихся. Вся эта коллекція была передана зоологическому музею Императорской Академіи Наукъ. Въ путевыхъ замѣткахъ авторъ сообщаетъ подробный маршрутъ своей поѣздки, описываетъ свои занятія по сбору чешуекрылыхъ и рядомъ съ этимъ довольно жинно и интересно обрисовываетъ предъ читателемъ вообще фауну Кульджинскаго края по главнымъ ея представителямъ. При этомъ приводится не мало любопытныхъ наблюденій надъ животнымъ міромъ этого края. Изложеніе очень удачно разнообразится описаніемъ порядка и хода самой экспедиціи: послѣдней приходилось дѣйствовать въ мѣстности или пустынной и суровой по самой природѣ, или обезлюдѣвшей послѣдствіемъ извѣстной дунганской рѣзки. Авторъ также описываетъ разные эпизоды изъ охоты на птицъ и нѣкоторыхъ млекопитающихъ, разказываетъ о нѣсколькихъ опасныхъ встрѣчахъ съ тиграми, грозю жителей Кульджинскаго края, наконецъ, нрѣдка сообщаетъ свои замѣчанія и наблюденія по этнографіи пройденной мѣстности. Въ общемъ надобно сказать, что, не смотря на специальную цѣль поѣздки, путевыя замѣтки автора читаются легко и съ большимъ интересомъ также и лицами, не посвященными въ энтомологію.

Примъ, А. Е., и А. Д. Блалей. Владивостокъ и Южно-Уссурійскій округъ Приморской области. Путеводитель и справочная книга съ приложеніемъ адресъ-календаря города Владивостока. С.-Пб. — Появленіе въ свѣтъ справочной книжки о городѣ Владивостокѣ и Южно-Уссурійскомъ крайъ слѣдуетъ признать весьма своевременнымъ. Русское побережье Восточнаго океана пользуется въ послѣднее время всеобщимъ вниманіемъ. Особенный интересъ къ этимъ отдаленнымъ владѣніямъ Россійской имперіи проявился съ той поры, какъ направилось туда усиленное переселенческое движеніе крестьянъ на судахъ До-

бровольнаго флота; а въ самое послѣднее время рѣшеніемъ вопроса о постройкѣ Уссурійскаго участка великой Сибирской желѣзной дороги этотъ интересъ къ отдаленной окраинѣ поддерживается еще болѣе. На основаніи свѣдѣній, заключающихся въ книжкѣ „Владивостокъ и Южно-Уссурійскій округъ Приморской области“, читатель отчасти можетъ судить о результатахъ, достигнутыхъ русской культурой въ край, присоединенномъ къ Россійской имперіи навадъ тому тридцать съ небольшимъ лѣтъ, но главнымъ образомъ тутъ собраны справочныя свѣдѣнія практическаго характера. Авторы не задавались цѣлью изслѣдовать вопросъ о русской колонизаціи въ Уссурійскомъ крайѣ исторически, но только желали, въ виду „недостатка современныхъ извѣстій о Южно-Уссурійскомъ крайѣ и въ особенности о городѣ Владивостокѣ“, составить книгу, „назначеніе которой—служить для справокъ каждому интересующемуся городомъ и округомъ, будь то пріѣзжій по службѣ, или туристъ“. Цѣль, поставленная авторами, достигается удовлетворительно. Въ книжкѣ, собственно въ отдѣлѣ о городѣ Владивостокѣ, читатель находитъ самыя разнообразныя свѣдѣнія: краткій историческій очеркъ города, свѣдѣнія о его климатическихъ и топографическихъ условіяхъ, о санитарномъ состояніи города, о населеніи, его занятіяхъ, здоровьѣ, просвѣщеніи, торговлѣ, о городскихъ доходахъ и расходахъ, общественномъ благоустройствѣ, объ ученыхъ и благотворительныхъ обществахъ собраніяхъ и клубахъ и о многихъ другихъ учрежденіяхъ, находящихся во Владивостокѣ, какъ культурномъ средоточіи цѣлаго края. Въ отдѣлѣ приложений помѣщенъ подробный адресъ-календарь города Владивостока, краткій очеркъ мѣстъ расположенія войскъ Южно-Уссурійскаго отдѣла, статистическія свѣдѣнія о деревняхъ и селахъ Южно-Уссурійскаго края, извлеченія изъ уставовъ благотворительнаго общества, Владивостокской морской библіотеки, общества наученія Амурскаго края и много другихъ свѣдѣній, очень полезныхъ, какъ для мѣстныхъ жителей, такъ и для путешественниковъ. Изъ свѣдѣній о Владивостокѣ оказывается, что это — теперь городъ, довольно благоустроенный, въ которомъ, по даннымъ за 1886 годъ, насчитывалось жителей 13.600 человекъ и 780 жилыхъ помѣщеній. Въ 1860 году на мѣстѣ Владивостока былъ только военный постъ съ командой изъ 40 человекъ нижнихъ воинскихъ чиновъ. По словамъ авторовъ, во Владивостокѣ „въ данное время живется почти съ тѣми же удобствами, какъ и въ любомъ губернскомъ городѣ“. Есть, конечно, и неудобства, зависящія какъ отъ недостаточнаго городского благоустройства, такъ и отъ мѣстныхъ природныхъ условій, напримѣръ: дороговизна многихъ необходимыхъ предметовъ вслѣдствіе дальности провоза, крайности въ зимней и лѣтней температурѣ, губительно дѣйствующія на здоровье жителей, плохая вода, получаемая обывателями изъ колодезь. Свѣдѣнія о самомъ Южно-Уссурійскомъ округѣ приведены въ книжкѣ въ небольшомъ объемѣ: сообщаются краткія данныя о главнѣйшихъ селеніяхъ и списокъ всѣхъ вообще населенныхъ мѣстъ съ обозначеніемъ числа дворовъ и жителей. Книжка вообще составлена довольно обстоятельно и, безъ сомнѣнія, можетъ быть полезнаю для справокъ. Слѣдуетъ только замѣтить, что въ ней попадаются не мало опечатокъ; кромѣ того цѣна оказывается значительной (1 рубль), если принять во вниманіе объемъ книжки (96 страницъ in 16°).

Турбинъ, Вл. Морской полярный путь въ Сибирь и его значеніе для экономическаго и культурнаго развитія края. (Приложеніе къ №№ 6—7 *Экономическаго Журнала* за 1891 годъ). С.-Пб. — Брошюра „Морской полярный путь въ Сибирь“ заключаетъ въ себѣ докладъ, читанный г. Турбининымъ въ собраніи экономистовъ 9-го апрѣля 1891 года. Авторъ, выступая защитникомъ морскаго пути въ Сибирь, излагаетъ прошлое и настоящее какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ полярныхъ экспедицій въ эту страну и выясняетъ выгоды окончательнаго установленія морскаго пути въ Сибирь. Въ XVI—XVIII столѣтіяхъ первенствующая роль въ дѣлѣ открытія морскаго полярнаго пути въ Сибирь принадлежала русскимъ, и только съ половиннымъ текущимъ столѣтіемъ въ этихъ предпріятіяхъ мѣсто русскихъ моряковъ занимаютъ иностранцы. Въ XVI столѣтіи русскимъ уже хорошо была извѣстна Новая Земля, и многія русскія суда совершали плаваніе въ Ледовитомъ океанѣ. Съ XVII столѣтія конечною цѣлью полярныхъ экспедицій для русскихъ былъ островъ Шницбергенъ. Въ томъ же столѣтіи казакъ Дежневъ, выѣхавъ изъ Колымы, обогнулъ восточную оконечность Азіи. Въ XVIII столѣтіи извѣстны полярныя экспедиціи Малыгина, Скуратова, лейтенанта Овчина, штурмана Кошелева, Прончищева, братьевъ Лантевыхъ, Шалаурова, князя Лехова, Сарычева и многихъ другихъ. Въ 1820 году совершены двѣ экспедиціи для исследованія сѣверо-восточныхъ береговъ Ледовитаго океана—одна подъ начальствомъ Анжу, другая подъ руководствомъ Врангеля и Матюшкина. Начиная съ 40-хъ годовъ текущего столѣтія выдающееся мѣсто въ ряду полярныхъ мореплавателей и исследователей нашихъ сѣверныхъ окраинъ занялъ М. К. Сидоровъ. Обзоръ дѣятельности этого предпринимателя авторъ посвящаетъ болѣе подробной очеркъ. Дѣятельность Сидорова заключалась собственно въ пронагандѣ морскихъ полярныхъ сношеній Европы съ Сибирью. По словамъ автора, плоды такой слишкомъ 20-ти-лѣтней дѣятельности М. К. Сидорова выразились въ цѣломъ рядѣ русскихъ и иностранныхъ экспедицій къ устьямъ Оби и Енисея, выдающуюся роль въ которыхъ играютъ экспедиціи Сибирякова и Трапезникова, а изъ иностранныхъ — Виггинса и Норденшельда. Авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о ходѣ и результатахъ какъ этихъ извѣстныхъ экспедицій, такъ и другихъ, менѣе значительныхъ. Обзоръ полярныхъ морскихъ сношеній съ Сибирью приводитъ автора къ заключенію, что Карское море представляетъ весьма мало затрудненій для плаванія, что наибольшія затрудненія встрѣчаются въ вѣдущихъ въ него проливахъ, которые часто затираются льдами, сгоняемыми сѣверо-восточными вѣтрами; что плаваніе должно быть, предпринимаво только на арктическихъ деревянныхъ пароходахъ, а не на желѣзныхъ, и что, наконецъ, для успѣшнаго плаванія необходимо знаніе характера передвиженія льдовъ въ Карскомъ морѣ. Если при слабомъ численномъ составѣ, незначительныхъ матеріальныхъ средствахъ и плохомъ качествѣ судовъ многія экспедиціи доказали, по мнѣнію автора, полную доступность для плаванія сибирскаго полярнаго побережья и возможность проникнуть въ устья сибирскихъ рѣкъ Оби, Енисея и Лены, то чего же можно ожидать при правильной организаціи предпріятій, достаточно обезпеченныхъ какъ со стороны капитала, такъ и со стороны техники и хорошо подобранаго, опытнаго личнаго состава, обстоятельно знакомаго съ естественными и экономическими условіями Сибири. Авторъ допускаетъ полную возможность обширныхъ торговыхъ морскихъ сношеній Европы съ Сибирью

особенно же англо-сибирской морской полярной торговли. Сибирские купцы, ежегодно запасавшиеся плохого качества товаромъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и Ирбити и продающіе его въ Сибири съ надбавкою 75—100%, конечно, возстаютъ противъ торговыхъ сношеній Сибири съ англичанами, будто бы подрывающихъ интересы отечественной промышленности. Такого же нѣнія держится и російско-нижегородское купечество, у котораго кредитуются сибирскіе купцы, почему и тѣ и другіе коммерсанты особенно обезпокоились при вѣсти о Высочайше дарованной иностранцамъ привилегіи пятилѣтняго безпошлиннаго привоза товаровъ въ устья Оби и Енисея. Въ концѣ брошюры авторъ дѣлаетъ обзоръ естественныхъ богатствъ Сибири, указываетъ на крайне плохое состояніе ея промышленности и внутреннихъ путей сообщенія и полагаетъ, что морскія полярныя торговыя сношенія съ иностранцами могутъ значительно содѣйствовать экономическому возрожденію этого богатаго края. При этомъ авторъ держится того взгляда, что иностранная торговая предпримчивость во всякомъ случаѣ должна быть допущена въ Сибири только въ извѣстныхъ предѣлахъ: безцеремонное хозяйничанье иностранцевъ, особенно англичанъ, принесетъ вредъ краю. Ознакомившись съ содержаніемъ брошюры, можно видѣть, что авторъ основательно изучалъ вопросъ и составилъ себѣ опредѣленные взгляды, съ которыми во многомъ нельзя не согласиться.

Пропозиція Ѳедора Салтыкова. Рукопись изъ собранія П. Н. Тиханова (Приложеніе V къ Отчетамъ о засѣданіяхъ Общества Любителей Древней Письменности). С.-Пб.—Настоящая брошюра заключаетъ въ себѣ снабженный обстоятельнымъ предисловіемъ полный текстъ того самаго проекта преобразованій, содержаніе и значеніе котораго было объяснено П. Н. Милюковымъ въ октябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ (въ статьѣ „Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго“, стр. 429—487). Опубликованіе настоящаго документа, безспорно любопытнаго и важнаго, составляетъ новую ученую заслугу Общества Любителей Древней Письменности. Нельзя лишь не пожалѣть, что, печатая памятникъ, Общество не имѣло въ своемъ распоряженіи того его списка, который былъ въ рукахъ самого Петра Великаго и имѣетъ его собственноручныя помѣтки (Госуд. архивъ, Кабинетн. дѣла, кн. № 88). Именно этимъ спискомъ и пользовался г. Милюковъ.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

Подolia. Историческое описаніе. Съ Высочайшаго соизволенія издано при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. С.-Пб.

И. Созоновичъ. Византійская романтическая поэзія. Варшава.

Русско-латинскій словарь. Составилъ В. Муesselіусъ. С.-Пб. Цѣна 2 р. 50 коп.

Древнѣйшія каменныя орудія въ Европѣ. Съ рисунками. Олмера Вильчискаго. С.-Пб. 1890.

Древнѣйшіе нѣмца Нландерское въ Европѣ. Съ рисунками. Олмера Вильчискаго. С.-Пб.

А. Д. Бочаговъ. Наша торговля и промышленность въ старину и нынѣ. Историческіе очерки. Выпускъ I. Торговля предметами потребления. С.-Пб.

Алексій Харузинъ. По поводу брошюры „О студенческой жизни въ Дерптѣ“ Москва.

Географія Европы. Составилъ **И. Побѣдинскій.** Изданіе третье. Ростовъ. Цѣна 50 коп.

Новая русская азбука для малаго и стараго. Доктора **Е. Гурина.** Полтава.

Грамотность и грамота. **А. И. Доначеская.** Гомель.

Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнауль за 1890 годъ. Барнаулъ.

КАРИНЫ, КАКЪ ПОСОБІЕ ПРИ ПРЕПОДАВАНІИ ГЕОГРАФІИ.

Всѣ современные педагоги-географы согласны въ томъ, что преподаваніе географіи въ школѣ не мыслимо безъ помощи карты и что карта представляетъ при томъ первое, по своему значенію, наглядное пособіе. Можно сказать, что это положеніе есть своего рода аксіома въ области школьной географіи. Тѣмъ не менѣе мы должны согласиться, что значеніе карты—будь то карта атласа или стѣнная—какъ нагляднаго пособія, имѣетъ извѣстные предѣлы, за которыми она становится несостоятельною. Разъяснимъ это подробнѣе. Береговая полоса материковъ и острововъ представлена на картѣ въ видѣ линіи, но значеніе этой линіи далеко не одинаково: иногда она обозначаетъ берегъ плоскій, иногда возвышенный и скалистый. Для ознакомленія съ различными формами береговъ карта недостаточна. Преподаватель, имѣя дѣло съ учениками и желая основательно разъяснить этотъ вопросъ, долженъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, какъ-то: разказу, черченію профилей, картинамъ. Другой примѣръ: На каждой учебной картѣ можно видѣть расположеніе горныхъ цѣпей, входящихъ въ составъ горной страны, крутизну склоновъ, можно приблизительно опредѣлить высоту горъ, но всѣ эти географическія данныя не могутъ дать понятія о томъ впечатлѣніи, которое производитъ видъ горной страны на людей. Всѣ внѣшнія отличія ея, находящіяся въ связи съ геологическимъ составомъ, высотой снѣжной линіи и растительностью, покрывающею скалы, выступаютъ только при специальномъ описаніи горной страны и разсматриваніи ея карты. Мы привели только два примѣра, но само собою разумѣется, что при преподаваніи географіи дѣтямъ на каждомъ шагѣ приходится оживлять и разукрашивать тѣ сухія данныя, которыя можно получить при разсматриваніи карты. Спрашивается теперь, въ какой

формѣ и какимъ способомъ должны быть предложены дѣтямъ тѣ дополненія и иллюстраціи курса географіи, о которыхъ было только что упомянуто? Нельзя ли удовлетвориться тѣми представленіями о земной поверхности и, вообще, о явленіяхъ природы, съ которыми дѣти знакомятся до поступленія въ школу? Но оказывается, что дѣти до школьнаго возраста имѣютъ очень недостаточныя представленія о самыхъ простыхъ явленіяхъ окружающаго міра. Въ этомъ отношеніи городское дѣтское населеніе отстаетъ отъ деревенскаго во всемъ, что касается природы и явленій, наблюдаемыхъ на открытомъ горизонтѣ.

Русская литература не представляетъ данныхъ о томъ, на сколько недостаточны понятія дѣтей объ окружающей природѣ, почему, для уясненія вопроса, мы позволимъ себѣ сослаться на иностранный источникъ ¹⁾. Оказывается, что изъ 500 дѣтей до-школьнаго возраста въ Фохтландѣ 82% не имѣли никакого представленія о восходѣ и 70% о закатѣ солнца, 37% не видѣли хлѣбнаго поля и столько же не были никогда въ лѣсу, 29% дѣтей не были на рѣкѣ, 52% никогда не были на горѣ и т. д. Подобныя же результаты получились при испытаніи дѣтей города Берлина.

Очевидно, что недостаточность элементарныхъ понятій дѣтей о природѣ находится въ прямомъ отношеніи къ трудности добыть ихъ въ городѣ, гдѣ горизонтъ закрытъ громадными зданіями и гдѣ выходъ за городъ представляетъ большую и часто затруднительную прогулку. Съ цѣлю помочь развитію правильныхъ представленій о самыхъ элементарныхъ явленіяхъ природы у дѣтей, за границей давно уже практикуются прогулки, поѣздки и даже путешествія цѣлыми классами и школами. Въ бернскомъ Оберландѣ туристы постоянно встрѣчаютъ въ іюнѣ и іюлѣ „путешествующія“ школы всѣхъ ступеней: элементарныя школы, гимназіи, семинаріи, женскія и смѣшанныя школы. Вездѣ въ Швейцаріи дѣти—желанные гости, а пароходы и желѣзныя дороги уменьшаютъ для нихъ проѣздную плату до возможнаго минимума. Подобныя путешествія совершаются въ Саксоніи и даже въ Сербіи, и возможность такихъ прогулокъ доказана *eo ipso*. Для той цѣли, о которой мы упоминали выше, то-есть, для подготовленія учениковъ къ курсу географіи, мы считаемъ наиболѣе полезными прогулки и путешествія съ дѣтьми

¹⁾ *Zinnk*, Die Anschaulichkeit des geographischen Unterrichtes. Ein Beitrag zur Methodik dieses Gegenstandes. 3 Auflage. Wien. 1890, стр. 17 и слѣдующія.

того возраста, который предшествуетъ этому курсу. При этомъ желательно, чтобы въ прогулкахъ участвовали всѣ дѣти, принадлежащія къ составу класса, а въ этомъ то и заключается главное затрудненіе. Какъ бы ни было незначительно путешествіе, оно всегда требуетъ извѣстныхъ средствъ, издержекъ, которыя не могутъ быть приняты вполнѣ на счетъ учебнаго заведенія. Съ другой стороны, школа не можетъ обязать родителей учениковъ вносить особую плату на прогулки и путешествія. Далѣе, во время такихъ прогулокъ преподавателю трудно управлять большимъ классомъ, человекъ въ 50. Дѣти, очутившись вѣдъ класса, на свободѣ и открытомъ воздухѣ, склонны скорѣе начать игру и вообще бывають настроены далеко не такъ, какъ это требуется для отчетливаго наблюденія явленій окружающей природы. Сверхъ того, плодотворныя слѣдствія прогулокъ и путешествій учениковъ находятся въ прямой связи съ естественными особенностями самой мѣстности. Въ Швейцаріи, Саксоніи, Сербіи и другихъ подобныхъ странахъ на 25-30-верстномъ разстояніи мѣстность представляетъ большое разнообразіе природныхъ объектовъ, разсматриваніе которыхъ будетъ очень поучительно. Что же дѣлать намъ, русскимъ, среди необъятной равнины нашего отечества, дѣдъ, чтобы увидѣть настоящія горы, нужно ѣхать на Уралъ или Кавказъ?

Понятно, что для огромнаго большинства русскихъ школъ такія прогулки не возможны. Кромѣ всего этого, нужно имѣть въ виду, что климатическія условія Россіи позволяютъ производить помянутыя прогулки только въ лѣтнее время, когда большинство дѣтей разѣзжается, такъ что остается половина или треть всѣхъ учениковъ. Среди русскихъ родителей мало распространено убѣжденіе въ пользѣ такихъ прогулокъ; напротивъ, родители стремятся съ наступленіемъ лѣтнихъ ваканцій взять поскорѣе своихъ дѣтей изъ школы.

Припоминая всѣ условія, не благопріятствующія веденію образовательныхъ прогулокъ съ дѣтьми въ Россіи, мы должны согласиться съ тѣмъ, что такія прогулки у насъ могутъ имѣть только случайный характеръ, а въ общемъ и для всей массы учениковъ онѣ не возможны. Поэтому русскіе преподаватели должны отказаться отъ высокообразовательнаго средства, заключающагося въ непосредственномъ наблюденіи учениками явленій природы. Такое веденіе дѣла не возможно и въ элементарныхъ школахъ, а тѣмъ болѣе не выполнимо въ младшихъ классахъ гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ въ этихъ классахъ проходитъ много предметовъ, съ

отдѣльнымъ учителемъ для каждаго, и составляетя на весь годъ росписание уроковъ, измѣнять которое не удобно, а такія измѣненія, конечно, потребовались бы во время прогулокъ. Самое время обученія въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и другихъ школахъ совпадаетъ у насъ съ временемъ господства сырой или холодной погоды. Такимъ образомъ, преподаваніе географіи въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ и преподаваніе другихъ предметовъ, должно быть ограничено четырьмя стѣнами класса. Тѣмъ не менѣе, или, лучше сказать, тѣмъ болѣе преподаватели должны имѣть въ виду шаткость и недостаточность представленій объ явленіяхъ природы, приобретенныхъ дѣтми до школы, и ни въ какомъ случаѣ не ставить ихъ въ основаніе курса географіи. Все, что необходимо для этого курса, должно быть усвоено учениками въ классѣ, подъ руководствомъ учителя. Такимъ образомъ, непосредственное наблюденіе природы въ классѣ должно быть замѣнено разсматриваніемъ такихъ наглядныхъ пособій, на которыхъ были бы изображены эти явленія. Сюда относятся вся каго рода картины, изображающія различныя части поверхности земли, характерныя ландшафты растительной и животной жизни и, наконецъ, типы людей и сцены изъ ихъ жизни.

Только картины могутъ замѣнить впечатлѣнія отъ дѣйствительныхъ предметовъ; описанія, какъ бы художественны они ни были, по степени наглядности стоятъ неизмѣримо ниже впечатлѣній, передаваемыхъ нашему сознанію посредствомъ органа зрѣнія. Дѣйствительно, даже талантливые писатели, обладающіе замѣчательною способностью описывать природу наглядно и художественно, часто говорятъ, что иная картина природы „не поддается описанію“, такъ что было бы не рационально отъ преподавателей требовать художественныхъ описаній природы. При томъ простое описаніе, не подкрѣпленное картиной, всегда оставляетъ вѣкоторую свободу для фантазіи слушателей, и это тѣмъ болѣе будетъ справедливо, если мы вспомнимъ, что наша аудиторія состоитъ изъ дѣтей, которыя далеко не обладаютъ способностью, на основаніи описанія, создавать картину, соответствующую дѣйствительности. Другое дѣло—вѣрная природъ и художественно исполненная картина. Она ведетъ къ правильному пониманію явленій природы, способствуетъ развитію къ ней любви, пробуждаетъ и облагораживаетъ эстетическое чувство и запечатлѣваетъ въ дѣтскомъ воображеніи воспоминанія на всю жизнь.

Потребность большей наглядности въ обученіи географіи и стремленіе иллюстрировать карты появились уже давно. На каталанскихъ

картахъ, относящихся ко второй половинѣ XIV-го столѣтія, рядомъ съ собственно географическимъ матеріаломъ, мы замѣчаемъ естественно-историческій и этнологическій. Изображенія типовъ кноземныхъ людей и заморскихъ животныхъ, которыя помѣщены на самой картѣ, а также на ея поляхъ и въ заглавныхъ виньеткахъ, украшали карты въ теченіе цѣлаго періода вплоть до собранія Гомана (Homann) въ началѣ прошлаго вѣка. Современный періодъ школьной географіи представляетъ довольно удачныя и даже художественныя изданія атласовъ съ картинами на поляхъ, и не только за границей, но и у насъ. Лучшимъ изданіемъ этого рода, вышедшимъ въ Россіи, нужно считать атласъ Линберга, выдержавшій, не смотря на высокую цѣну, два изданія.

Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ было обращено большое вниманіе на изданіе географическихъ картинъ и по преимуществу въ Германіи. Появились особые, картинные атласы, а также иллюстрированные учебники, и рядомъ съ этимъ отпечатано нѣсколько изданій стѣнныхъ географическихъ картинъ, хотя эти изданія большею частью еще не окончены. По величинѣ, отъ которой зависитъ и самый способъ употребленія, географическія картины, существующія въ настоящее время, можно раздѣлить на картины незначительной величины, удобныя для разсматриванія однимъ или двумя учениками въ одно и то же время, и картины стѣнныя, большой величины, которыя могутъ быть видимы всѣми учениками, составляющими классъ. Небольшія картины, величиною въ печатную страницу или еще менѣе, очевидно не могутъ быть предметомъ наблюденія всего класса за одинъ разъ, и потому значеніе ихъ при обученіи географіи ограничено. Хотя мы имѣемъ частныя свѣдѣнія объ употребленіи такихъ картинъ (именно изданія Гирта) въ одной провинціальной русской гимназіи во время уроковъ, но полагаемъ, что это можно допустить только въ томъ случаѣ, если въ распоряженіи преподавателя нѣтъ стѣнныхъ картинъ. такъ какъ большая потеря времени при этомъ неизбѣжна. Гораздо удобнѣе такія картины разсматривать во внѣклассное время. Для этого картины помѣщаются въ особый столикъ съ витриной, который ставится въ классъ, или въ рамки подъ стекломъ, развѣшиваемыя на стѣнахъ класса. Картины нужно перемѣнять сообразно съ отдѣломъ курса, проходимымъ въ данное время, и въ витринахъ должны находиться картины, представляющія объекты, съ которыми ученики уже познакомились во время урока. Разсматриваніе такихъ картинъ дома, въ семействѣ, можетъ принести пользу только тогда, когда

дѣло идетъ не торопливо и съ надлежащими объясненіями свѣдущаго руководителя. Изъ собраній картинъ такого рода, по изобилію и весьма добросовѣстному исполненію ихъ, нужно поставить на первомъ мѣстѣ атласъ Гирта ¹⁾. Этотъ атласъ состоитъ изъ трехъ частей, заключающихъ 142 страницы съ 1408 картинами по всѣмъ отдѣламъ географіи. Человѣкъ, внимательно разсмотрѣвшій картины этого атласа, получаетъ понятіе о всѣхъ типическихъ отличіяхъ земной поверхности, типахъ людей и видахъ человѣческой дѣятельности. По цѣнѣ (29 нѣмецкихъ марокъ) это пособіе не доступно для учениковъ, но легко можетъ быть приобретено учебнымъ заведеніемъ. Другой картинный нѣмецкій атласъ Шнейдера ²⁾ вполне доступенъ по цѣнѣ (около рубля), и заключаетъ 15 таблицъ изображеній типовъ людей, животныхъ и растеній. На приложенныхъ контурныхъ картахъ частей свѣта указано распространеніе на земной поверхности изображенныхъ въ атласѣ объектовъ. Къ отдѣлу только что упомянутыхъ картинъ можно отнести и фотографіи типическихъ мѣстностей земной поверхности и городовъ, но только эти фотографіи разсматриваются обыкновенно помощью стереоскопа. Составленіе болѣе или менѣе полной систематической коллекціи такихъ фотографій дѣло не легкое и дорого стоящее. Болѣе доступны для приобретения фотографіи представляютъ болѣею частью виды средней и южной Европы. Удобнѣе всего разсматривать фотографіи въ такъ-называемомъ стереоскопѣ-револьверѣ. Вращеніе стержня этого стереоскопа позволяетъ смотрѣть одну за другой нѣсколько картинъ. Конечно, разсматриваніе фотографій также не можетъ быть предметомъ классныхъ запатій, а производится только въ рекреационное и праздничное время.

Теперь мы перейдемъ къ картинамъ, помѣщаемымъ въ учебникахъ. Идея изданія иллюстрированныхъ учебниковъ принадлежитъ самому послѣднему времени, и люди, заинтересованные успѣхами географіи въ школахъ, могутъ ей только сочувствовать. Соединеніе картинъ съ текстомъ очень удобно при классныхъ запатіяхъ. Всѣ ученики въ одно и то же время могутъ разсматривать одну и ту же картину и такимъ образомъ преподаватель можетъ вести об-

¹⁾ *Ferdinand Hirt*, Geographische Bildortafeln, herausgegeben von Dr. A. Opel und A. Ludwig. 1 Theil.: Allgemeine Erdkunde. 2 Theil.: Typische Landschaften. 3 Theil.: Völkerkunde.

²⁾ *Schneider*, Typen-Atlas. 3 Auflage. Dresden.

щую классную бесѣду, подобно тому, какъ это дѣлается при чтеніи картъ. Разница здѣсь заключается въ томъ, что при занятіяхъ съ картами, передъ учениками виситъ стѣнная карта, представляющая приблизительно тѣ же данныя, что и карта въ атласѣ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ мы не замѣчаемъ никакого соотвѣтствія между картинками въ учебникахъ и существующими стѣнными, а только при такихъ условіяхъ можно удачно вести классную работу. Такое соотвѣтствіе, конечно, весьма желательно, но до сихъ поръ, когда еще такъ мало теоретически разработанъ вопросъ о картинахъ въ учебникахъ, такія картины представляютъ или отпечатки старинныхъ клише, находящихся случайно у издателя, или, если онѣ оригинальны, то являются далеко не всегда въ удачномъ выборѣ, а поэтому мало отвѣчаютъ своему назначенію. Вопросъ объ иллюстрированныхъ учебникахъ сходенъ по существу съ вопросомъ о соединеніи учебника съ атласомъ. До сихъ поръ послѣднее не осуществлено, какъ слѣдуетъ, и по очень понятной причинѣ. Чтобы цѣна учебника не слишкомъ возвысилась, карты, прилагаемыя къ нему, должны быть дешевле картъ атласа, а посему, естественно, несравненно хуже. Примѣры учебниковъ Герда, Янчина и другихъ подтверждаютъ наши слова. Въ этихъ учебникахъ карты являются побочнымъ дѣломъ и совершенно не отвѣчаютъ своему назначенію. Подобнымъ же образомъ долженъ быть поставленъ вопросъ объ учебникахъ съ картинками: выборъ и содержаніе ихъ не должно быть случайнымъ, исполненіе же ихъ должно быть хорошо и соотвѣтствовать успѣхамъ графическихъ искусствъ. Ниже мы снова возвратимся къ вопросу о содержаніи географическихъ картинъ, теперь замѣтимъ только, что существующіе учебники съ картинками не удовлетворяютъ требованіямъ, поставленнымъ нами. Лучшими въ этомъ родѣ мы считаемъ нѣмецкій учебникъ Беница и Копки ¹⁾, французскій—Лемонье и Шрадера ²⁾ и русскій—Воронцовскаго ³⁾; но ни одинъ изъ нихъ не заключаетъ полнаго аппарата картинъ, необходимыхъ для курса, а нѣкоторые изъ нихъ излишни. Намъ кажется, что вопросъ объ иллюстрированныхъ учебникахъ на столько важенъ въ дидактическомъ отношеніи, что, во избѣжаніе случайностей и увлеченій, онъ долженъ быть рѣшенъ не отдѣльными издателями, а комиссіею преподавателей-гео-

¹⁾ *Bänitz und Kopka, Lehrbuch der Geographie.*

²⁾ *Lemonier et Schrader, Élément de Géographie. Paris. 1881.*

³⁾ *Воронцовскій, Учебникъ географіи.*

графовъ. Рѣшеніе такой комиссіи будетъ, конечно, теоретическое, но такъ и должно быть: этотъ вопросъ, какъ мы уже упоминали, требуетъ безпристрастнаго теоретическаго обсужденія и во всякомъ случаѣ долженъ быть поставленъ независимо отъ картиннаго инвентаря издательскихъ фирмъ.

Обратимся теперь къ такимъ картинамъ, которыя по своей большой величинѣ могутъ быть обозрѣваемы всею аудиторіею или классомъ. Сюда относятся картины, получаемыя посредствомъ волшебнаго фонаря, а также большія стѣнные картины, специально изготовленныя для класснаго обученія при обыкновенныхъ условіяхъ. Первыя приготавливаются въ громадномъ количествѣ по всемъ отраслямъ знанія, а также и по географіи; сюда относятся также и діапозитивы, то-есть, фотографіи на стеклѣ. Эти картины нужно разсматривать при искусственномъ освѣщеніи, въ темной комнатѣ, и онѣ съ успѣхомъ употребляются при вечернихъ лекціяхъ и научныхъ докладахъ, но неудобны для классныхъ занятій, именно вслѣдствіе особыхъ условій ихъ воспроизведенія. Въ учебныхъ заведеніяхъ такія картины могутъ быть употребляемы только въ свободные для учениковъ праздничные вечера, особенно же во время рождественскихъ и пасхальныхъ каникулъ. Всего удобнѣе, если картины сопровождаютъ лекцію, или послѣ каждой картины слѣдуетъ объясненіе. Читеніе лекціи вмѣстѣ съ одновременнымъ показываніемъ картинъ возможно только въ такихъ аудиторіяхъ, гдѣ можно управлять освѣщеніемъ, то-есть, гдѣ оно газовое или электрическое, въ противномъ случаѣ всѣ картины показываются подъ рядъ по окончаніи лекціи, что не особенно удобно въ педагогическомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, картинами, наиболѣе удобными для класснаго преподаванія и при томъ въ обыкновенныхъ условіяхъ дневнаго освѣщенія, должны считаться нарисованныя или напечатанныя на бумагѣ; онѣ могутъ употребляться, какъ и стѣнныя карты, во время хода самаго урока и быть предметомъ классной бесѣды. Къ этимъ картинамъ мы и переходимъ теперь, чтобы разсмотрѣть ихъ подробнѣе. Принимая въ соображеніе громадное количество всѣхъ отдѣльностей природы и человѣческой жизни, могущихъ дать содержаніе для картинъ, а также успѣхи современной фотографіи, накопившей несмѣтную массу снимковъ съ различныхъ частей поверхности земли и типовъ человѣческаго рода, мы можемъ представить себѣ возможность существованія обширнаго картиннаго аппарата для преподаванія географіи. Но очевидно, что количество этихъ картинъ не можетъ быть

произвольно велико, такъ какъ самое время, полагаемое на курсъ географіи, очень ограничено, и само собою разумѣется, что заниматься во время уроковъ только картинами и ихъ объясненіями было бы не рационально. Картины—это необходимое дополненіе къ картѣ и учебнику, но быть основаніемъ и точкою отправленія всего курса онѣ не могутъ. Поэтому количество картинъ, то-есть, время, которое можно употребить на нихъ въ курсѣ, должно быть строго ограничено. Равнымъ образомъ ограниченіе должно быть проведено и со стороны содержанія картинъ. Среди необыкновенно большаго числа картинъ и образовъ, представляемыхъ земною поверхностью, необходимо выбрать характеристическое, чтобы полученное изображеніе можно было признать, какъ типъ для цѣлаго ряда однородныхъ явленій. Было бы хорошо изъ всѣхъ проходимыхъ въ курсѣ географіи странъ выбрать нѣсколько характерныхъ картинъ и такимъ образомъ съ учебникомъ и картой совершить живописное путешествіе по земной поверхности. Но и это требовало бы слишкомъ большаго числа картинъ и времени, да и, сверхъ того, можно съ увѣренностью сказать, что дѣти, по всей вѣроятности, потеряться бы среди всевозможныхъ подробностей картинъ. При употребленіи географическихъ картинъ въ школѣ дѣло, намъ кажется, идетъ не о томъ, чтобы дать ученику точное понятіе обо всякой опредѣленной мѣстности, но чтобы достигнуть ясности въ тѣхъ понятіяхъ, съ которыми намъ приходится часто имѣть дѣло въ курсѣ. Картины такихъ типическихъ мѣстностей должны быть предложены на разсмотрѣніе и изученіе ученикамъ ранѣе всякихъ другихъ, и для приготовительнаго курса можно бы было ими и ограничиться. Ученики привыкнуть съ каждымъ новымъ именемъ соединять извѣстное конкретное представленіе, стоитъ только вносилъ дѣлать, на болѣе высокой ступени обученія, разцвѣтить эти представленія большими подробностями.

Уже около десяти лѣтъ тому назадъ появились попытки создать такое пособіе для приготовительнаго курса географіи, которое бы представляло всѣ важнѣйшія физико-географическія отношенія на одномъ листѣ. Авторы этихъ пособій: Летошекъ ¹⁾, Герстеръ ²⁾ и

¹⁾ *E. Letoschek*, Tableau der wichtigsten physikalisch-geographischen Verhältnisse. Wien, 1879 (Preis 7 Mark).

²⁾ *I. S. Gerster*. Geographische Anschauungslehre. Wandkarte. Freiburg. 1880. Это пособіе состоитъ изъ трехъ отдѣленій и предназначается также для введенія учениковъ въ пониманіе карты. Первая таблица которую можно приобрести

Гиртъ ¹⁾, пытались всё помянутыя явленія представить въ видѣ идеальныхъ ландшафтовъ, на которыхъ находятся рядомъ разнообразнѣйшія формы поверхности и другіе географическіе элементы, какъ-то: высокія горы съ разнообразными формами вершинъ, гребня и долинъ, съ горнымъ проходомъ, фирномъ и глетчеромъ, горной рѣкой и горнымъ озеромъ, далѣе—средневысотныя горы, плоскогоріе, холмистая страна, низменность съ рѣками и озерами, плоскій и высокій берегъ, дельта, гафъ, заливъ съ гаванью, плоскіе и высокіе острова и т. д. Намъ кажется не разрѣшимой задачею представить всю эту массу разнородныхъ предметовъ такимъ образомъ, чтобы все подлежащее разглядыванію и наблюденію было изображено вѣрно не только само по себѣ, но и въ отношеніи къ окружающимъ подробностямъ, а также являлось на столько крупнымъ и яснымъ, чтобы дать ученикамъ достаточно опредѣленные представленія о предметѣ. Конечно, опытный и любящій свое дѣло преподаватель можетъ многое сдѣлать и съ такими пособиями, но это не измѣняетъ смысла сказаннаго выше, и для учениковъ остаются необходимыми картины съ изображеніями большой величины и при томъ отдѣленными другъ отъ друга. Это касается главнымъ образомъ низшей ступени географическаго обученія или приготовительнаго курса. Географическія картины, предназначенныя для учениковъ этой ступени не должны заключать много предметовъ, но въ то же время должны отличаться типичностью, то-есть, заключать черты, общія извѣстному роду географическихъ явленій. Леманъ ²⁾ проектируетъ для приготовительнаго курса географіи цѣлую серію типическихъ ландшафтовъ. Будучи въ принципѣ согласны съ извѣстнымъ германскимъ педагогомъ, мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь содержаніе предлагаемыхъ имъ картинъ:

1. *Плоскій* или низменный берегъ съ донами, низменностью и вдающею въ заливъ рѣкою съ дельтою. Нѣсколько выше по рѣкѣ ле-

---

отдѣльно (2¹/₄ марки), называется: *Naturbild, in einer Landschaft vom Hochgebirge bis zum Meere alle wesentlichen geographischen Begriffe vorführt*, между тѣмъ какъ двѣ другія представляютъ картографическое изображеніе того же ландшафта, при томъ вторая есть изображеніе поверхности штрихами, а третья по-мощію изогнисовъ. Цѣна всему пособию вмѣстѣ съ наставленіемъ къ употребленію его 9 немецкихъ марокъ.

¹⁾ Die Hauptformen der Erdoberfläche, herausgegeben zur Ergänzung von Seidlitz'schen Geographie. von Hirt's Verlagshandlung in Breslau 1882 (Preis 4 Mark).

²⁾ *Lehmann*, Vorlesungen über Hilfsmittel und Methode des geographischen Unterrichts, стр. 105.

жить гавань. Недалеко нѣсколько низменныхъ острововъ съ протоками между ними.

2. *Высокій скалистый берегъ* съ горнымъ ландшафтомъ на заднемъ планѣ, заливомъ и рѣкою, вытекающею изъ долины. На берегу залива гавань, неподалеку скалистый островъ, отдѣляющійся отъ берега зундомъ. Часть морской поверхности на этихъ двухъ картинахъ не должна быть слишкомъ мала; ея величина должна соответствовать тому могущественному впечатлѣнію, которое производитъ море на наблюдателя. Поверхность моря должна быть оживлена парходами, парусными судами, рыбацкими лодками.

3. *Низменность*, гдѣ видны болѣе плодородныя мѣстности (марши) и бесплодные болотистые участки. Главная рѣка съ притоками и ручьями, озеро, населенныя мѣстности и нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ. На заднемъ планѣ представленъ замѣтный кражъ холмовъ, какъ признакъ сосѣдства съ горною странюю.

4. *Холмистая и невысокая горная страна* съ небольшимъ участкомъ низменности на переднемъ планѣ и горами, различаемыми едва на горизонтѣ. Болѣе крутые склоны холмовъ покрыты лѣсомъ, болѣе пологіе распаханы. Мѣстность орошается рѣкою со многими притоками.

5. *Средневысотныя горы* въ формѣ простой цѣпи съ небольшимъ участкомъ холмистой страны на переднемъ планѣ. Горы представляютъ линію гребня, вершины и сѣдловины, съ поперечною долиною, выходящею изъ одной подобной, и дорогою, которая тянется вдоль рѣки и ручья наверхъ, съ поселеніями въ нижней части долины и съ фабрикою. Болѣе высокія мѣстности покрыты густымъ лѣсомъ, болѣе низкія распаханы или представляютъ горные луга.

6. *Средневысотныя горы* въ формѣ простаго массива съ холмистыми предгоріями плоскогорія, слабо всхолмленнаго, и рѣдкими вершинами. Глубокая долина съ небольшою рѣчкой, прерываемою водопадомъ и порогами, съ поселеніемъ на мѣстности, расчищенной изъ подъ лѣса.

7. *Высокія горы* съ предгоріями, угловатыми вершинами, острымъ гребнемъ, проходомъ съ проведенною черезъ него дорогою, выходящею изъ поперечной долины. Въ послѣдней рѣка съ водопадомъ и стремнинами, при выходѣ изъ долины озеро. Нижній ярусъ горъ покрытъ лѣсомъ, средней—альпійскими луговинами и кустарникомъ, гдѣ пасется скоть и находится пастушья хижина. Верхнія части горъ покрыты вѣчными снѣгами съ фирномъ и образующимся ледникомъ.

8. *Глетчеръ*, или ледникъ, въ большемъ размѣрѣ съ ледниковымъ

ручьемъ, горнымъ проходомъ, черезъ который проходитъ дорога, а на ней, на высшей точкѣ прохода, станція.

9. *Алтайская продольная долина* съ не очень крутыми скатами и значительнымъ дномъ, представляющимъ довольно богатую воздѣланную страну, достаточно населенную, съ значительною рѣкою въ срединѣ и ручьями, притекающими изъ боковыхъ долинъ. Болѣе высокіе и крутые склоны стѣнъ долины покрыты лѣсомъ. На заднемъ планѣ дикія, покрытыя снѣгомъ вершины.

10. *Плоскогоріе*, окруженное краевыми горами, при подошвѣ которыхъ на переднемъ планѣ замѣчается часть болѣе низкихъ предгорій. На верхней поверхности плоскогорія рѣка, оканчивающаяся въ озерѣ, не имѣющемъ выхода, между тѣмъ какъ другая рѣка прорывается черезъ горы и стремится по предгорьямъ. Внутренность плоскогорія съ богатою растительностью только близъ текучей воды, около которой находятся также и поселенія; далѣе повсюду голо и пустынно.

11. *Вулканъ* съ хорошо выраженной конической формою, чѣмъ и отличается отъ окружающихъ горъ меньшей высоты и другаго вида. Изъ кратера поднимается столбъ паровъ. На переднемъ планѣ потокъ застывшей лавы, выходящій изъ отдушины кратера. Самыя высокія части кратера лишены растительности, среднія, а равно и окружающія вулканъ горы покрыты лѣсомъ; при подошвѣ—поля и сады, среди которыхъ отдѣльными человѣческими жилища.

12. *Скалистая полярная земля* съ ледовитымъ океаномъ. Высокія части покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, въ срединѣ фіордъ со скалистыми берегами. Въ фіордъ спускается глетчеръ, и въ водѣ нѣсколько ледяныхъ скалъ. Крутые обрывы скалъ и низкія мѣста не покрыты снѣгомъ, на послѣднихъ скудная растительность. По скаламъ сидятъ и вблизи ихъ летаютъ водяныя птицы; на ледяной глыбѣ бѣлый медвѣдь и нѣсколько моржей; два-три эскимоса на моржевой ловлѣ.

13. *Тропическій лѣсъ* со всею роскошью разнообразныхъ формъ и пестрою смѣсью деревьевъ, кустарниковъ и вьющихся растений. Въ лѣсу течетъ рѣка, находятся разнообразныя животныя и туземцы, охотники.

14. *Степь* представляетъ обширную равнину, покрытую жесткими травами, и только вдоль рѣки находится древесная растительность. Монотонность всего ландшафта нарушается стадомъ скота, нѣсколькими бочевниками и ихъ жилищами.

15. *Пустыня* не должна имѣть вида равнины. Съ одной стороны пески въ видѣ холмовъ, на заднемъ планѣ совершенно оголенные горы, въ срединѣ, въ углубленіи, оазъ съ жилищами и пальмовымъ рощами. Въ оазъ по пустынѣ тянется караванъ верблюдовъ.

16. *Тундра* съ плоскою, слегка всхолмленною поверхностью съ отдѣльно стоящими скалами, покрытою травою, мхами и лишаями, съ болотами въ углубленіяхъ. Среди тундры пасутся сѣверные олени, находится жилище самоѣдовъ съ его обитателями. На заднемъ планѣ, вдали, море, по которому плывутъ льдины, придавая ему полярный характеръ.

Мы полагаемъ, что поименованныхъ картинъ совершенно достаточно для сознательнаго усвоенія тѣхъ свѣдѣній по физической географіи, которыя входятъ въ составъ приготовительнаго курса. Что касается до географіи математической, то здѣсь находится одинъ вопросъ, именно вопросъ о горизонтѣ, который также долженъ быть усвоенъ по возможности нагляднѣе. Мы видѣли выше, что дѣти до школьнаго возраста, особенно же живущія въ городахъ, имѣютъ сбивчивое представленіе о горизонтѣ, а большая часть ихъ и совсѣмъ не видѣла его. Поэтому въ собраніи географическихъ картинъ необходимо имѣть хорошее изображеніе горизонта на открытомъ мѣстѣ. Первая и вторая картины изъ коллекціи, проектируемой Леманомъ, могутъ служить для бесѣды съ дѣтьми о горизонтѣ, но чтобы отъ горизонта можно было перейти къ понятію о выпуклости земной поверхности, слѣдуетъ на морѣ помѣстить корабли въ различныхъ разстояніяхъ и одинъ изъ нихъ представить такъ, чтобы была видна только одна его верхушка. Картина открытаго горизонта можетъ также послужить для уясненія видимаго движенія солнца. Многолѣтній опытъ указалъ намъ, что безъ помощи картины, понятіе о горизонтѣ усваивается дѣтьми очень трудно и не прочно.

Остальные отдѣлы приготовительнаго курса проходятся сравнительно весьма кратко. Вопросъ о растительности ограничивается, главнымъ образомъ, выясненіемъ типовъ растительнаго царства, выраженныхъ понятіями: тундра, лѣсъ, степь и пустыня, и входящихъ въ составъ проектированныхъ картинъ. Культурныя растенія и животныя составляютъ, собственно, предметъ дальнѣйшихъ курсовъ географіи. Что касается до человѣческаго рода, то наглядное понятіе о главнѣйшихъ расахъ, хотя бы трехъ: бѣлой, желтой и черной, необходимо дать на первой ступени обученія. Это легко достигается показываніемъ портретовъ типическихъ представителей расъ. За при-

готовительнымъ курсомъ слѣдуетъ обозрѣніе пяти частей свѣта и отечественная географія. Цѣль этихъ курсовъ заключается не только въ знакомствѣ съ болѣе подробнымъ физическимъ описаніемъ странъ, но также и съ различными видами жизни людей и тѣми измѣненіями, которыя произведены ими на земной поверхности. При обозрѣніи частей свѣта и государствъ, конечно, будутъ встрѣчаться различныя видоизмѣненія типовъ физической природы, о которыхъ мы уже упоминали, такъ что тѣ же картины могутъ употребляться и въ этихъ курсахъ только въ нѣсколько иномъ освѣщеніи и съ подробностями, характеризующими данную мѣстность. Кроме того, для курса всеобщей географіи и отечествовѣдѣнія необходимы также картины населенныхъ мѣстностей, городовъ и культурные ландшафты, особенно выдающіеся по своей типичности.

Посмотримъ теперь, на сколько существующія географическія картины удовлетворяютъ высказаннымъ требованіямъ. Прежде всего, нужно замѣтить, что почти всѣ изданія этого рода появились въ Германіи, гдѣ и возникла самая мысль объ употребленіи картинъ въ классѣ. Первое изданіе географическихъ картинъ, проложившее дорогу для подобнаго же рода другихъ изданій, была коллекція Лемана ¹⁾. Картины эти исполнены литографскимъ путемъ и вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію, исключая развѣ картины первобытнаго лѣса, которая неудачно составлена и окрашена, такъ что не даетъ никакого представленія о дѣйствительности. Желательно имѣть побольше такихъ картинъ, какими являются картины Лемана, такъ какъ онѣ весьма доступны по цѣнѣ. Другая значительная по числу картинъ коллекція, первая серія которой окончена только два года тому назадъ, издана Гельцелемъ ²⁾ подъ руководствомъ извѣстныхъ

¹⁾ *Ad. Lehmann*, Geographische Charakterbilder zur Belebung des geographischen Unterrichts, 24 Wandtafeln $\frac{8\frac{1}{2}}{60}$ centimetr. Bildgrösse in Farbendruck (Preis der Tafel 1,40 Mark). Leipzig. 1882—1884. Содержание этихъ картинъ слѣдующее: 1) Гельголандъ съ дюною; 2) Реймъ у Вангена; 3) Кельнскій соборъ; 4) Тюрингевскій лѣсъ; 5) Саксонская Швейцарія; 6) Исполянскія горы; 7) Рейнскій водопадъ; 8) Вернскія горы; 9) Гора Фурка; 10) Большой Алечскій глетчеръ; 11) Полярный ландшафтъ; 12) Форумъ въ Римѣ; 13) Неаполь съ Везувіемъ; 14) Константинополь; 15) Американскій первобытный лѣсъ; 16) Акрополь въ Афинахъ; 17) Иерусалимъ; 18) Нью-Йоркъ; 19) Египетскія пирамиды; 20) Дюны и Рюгенъ; 21) Дрезденъ.—Три картины (6, 8 и 21) двойныя.

²⁾ *Hölzel's* Geographische Charakterbilder für Schule und Haus. Содержание картинъ: 1) Область горы Ортегеса; 2) Шошонскій водопадъ; 3) Заливъ Пуццуоли; 4) Пустыня; 5—6) Вернскій Оберландъ (двойная); 7) Горчій источникъ Оту-

географовъ, какъ Шаванъ, Гардтъ, Тула, Цеденъ и другіе. Картины этого изданія печатаны олеографически и многія изъ нихъ могутъ служить украшеніемъ. Въ основаніе исполненія положена вѣрность природѣ, и нарисованы онѣ очень заботливо, а краски такъ вѣрно и хорошо подобраны, что впечатлѣніе, производимое картинами, уподобляется впечатлѣнію отъ самой природы. Трудно желать лучшаго класснаго пособия для занятій географіею. Содержаніе картинъ взято преимущественно изъ ландшафтовъ западной Европы; для Азіи находятся только двѣ картины, для Австраліи—также двѣ, а изъ области, занятой русскою территоріею, нѣтъ ни одной картины. Конечно, въ продажѣ находится пока нѣтъ только одна первая серія картинъ, но во всякомъ случаѣ, въ настоящемъ своемъ составѣ, коллекція картинъ Гельцеля даетъ матеріалъ, главнымъ образомъ, для занятій съ учениками, проходящими пригтовительный курсъ.

Кромѣ двухъ коллекцій картинъ Лемана и Гельцеля, отчасти другъ друга дополняющихъ, находятся еще двѣ картины, изданныя съ тою же цѣлью,—это картины Кирхгофа и Зупана ¹⁾. Это картины очень большихъ размѣровъ, около 1½ аршина въ ширину и болѣе двухъ въ длину, въ чемъ и заключается ихъ главное достоинство. Одна изъ нихъ изображаетъ Нильскую долину, а другая тропическій лѣсъ. Эти картины далеко уступаютъ въ исполненіи, живости тоновъ и вѣрности природѣ картинамъ Гельцеля.

Для нагляднаго представленія о растеніяхъ, имѣющихъ большое значеніе для людей могутъ быть съ успѣхомъ употребляемы таблицы Циппеля и Больмана ²⁾, заключающія 51 раскрашенное изображеніе главныхъ колониальныхъ растеній, доставляющихъ какъ предметы торговли, такъ и пищу туземцамъ. Большую величину, удобную для общаго разсматриванія въ классѣ, имѣютъ только три изображенія:

капуараги; 8) Калифорнская Сіерра Невада; 9) Плоскогоріе Анагуакъ; 10) Неаполь съ Везувіемъ; 11) Ледникъ Постерденъ; 12) Пороги Нила; 13) Столбовый мысъ на Землѣ кронпринца Рудольфа; 14) Дюна и Гельголандъ; 15) Тропическій лѣсъ; 16) Нагазани; 17) Адельсбергская пещера; 18) Верхне-нильская долина; 19) Скалы Вехельсдорфа; 20) Дунай около Вьны; 21) Мангровый лѣсъ въ Венецуэлѣ; 22) Шнеекоппе; 23—24) Штеттинская бухта (двойная); 25) Бухта Каттаро; 26) Столовая гора у Капштадта; 27) Скалистый берегъ Ирландіи; 28) Пушта Гортобаги у Дебречина; 29) Кеньонъ Колорадо; 30) Гаммереестъ; 31) Озеро лавы Галемаумау; 32) Гиммалаи.

¹⁾ *A. Kirchhof und A. Supan, Charakterbilder zur Länderkunde, 1884.*

²⁾ *Zippel und Bollmann, Ausländische Kulturpflanzen in farbigen Wandtafeln mit erläuternden Text. 2 Auflage, 1880—1881, 24 mark.*

кокосовая пальма, хлѣбное дерево и бананъ. Остальныя фигуры меньшей величины. Другаго болѣе удобнаго пособія для растительнаго царства мы не имѣемъ. Главнѣйшіе представители животнаго царства также изображены на таблицахъ атласа Лемана и Лейтемана ¹⁾). Всѣ эти таблицы вполне удобны для класснаго употребленія. Исполненіе очень хорошо и вѣрно природѣ; въ немъ видно стремленіе дать не только изображеніе самаго животнаго, но и ту природную обстановку, въ которой оно живетъ.

Недостатокъ этого прекраснаго атласа, въ примѣненіи къ цѣлямъ географіи, заключается въ томъ, что составители его преслѣдовали только цѣли зоологіи. Поэтому нѣкоторые виды животныхъ являются излишними, а другихъ не хватаетъ, какъ напримѣръ, ламы, пумы, бѣлаго медвѣдя, гіены, бегемота, носорога и другихъ. Что касается до изображеній человѣческаго рода, то среди нѣмецкихъ изданій мы имѣемъ картины двоякаго рода: 1) портреты расъ съ хорошо выраженными наружными антропологическими признаками, и 2) изображенія людей въ ихъ природной обстановкѣ. Превосходные портреты расъ представляетъ стѣнный атласъ Кирхгофа ²⁾, состоящій изъ 12 картинъ, изображающихъ слѣдующихъ представителей: 1) американскій индѣецъ, 2) негръ, 3) папуа, 4) готтентотъ, 5) японецъ, 6) полинезѣецъ, 7) китаецъ, 8) бушменъ, 9) австралиецъ, 10) нубіецъ, 11) арабъ и 12) эскимось. Всѣ эти изображенія выбраны большею частію изъ фотографій и представляютъ поясные портреты, нарисованные чернымъ карандашемъ и переведенные на камень, отчего зависятъ очень низкая и вполне доступная цѣна этого пособія. Большая часть портретовъ по величинѣ нѣсколько значительнѣе нормальной величины человѣка. По нашему мнѣнію, для болѣе удобнаго сравненія отдѣльныхъ расъ было бы цѣлесообразнѣе представить ихъ въ натуральную величину.

Кромѣ изданія Кирхгофа существуетъ еще пять головныхъ портретовъ представителей блюменбаховскихъ расъ изданіи Лемана ³⁾). Это изданіе, при употребленіи вышеупомянутаго стѣннаго атласа Кирхгофа, не имѣетъ никакого значенія, потому что всѣ расы со-

¹⁾ *A. Lehmann, Zoologischer Atlas für den Schulgebrauch in 40 Wandtafeln nach Aquarellen von H. Leutemann, E. Schmidt und F. Specht. 1,40 mark pro Tafel.*

²⁾ *Kirchhof, Rassenbilder zum Gebrauche beim geographischen Unterricht.*

³⁾ *A. Lehmann, Die Menschenrassen in 5 Charakterköpfen auf einer Tafel, 1882.*

браны на одной таблицѣ, да и самое блюменбаховское дѣленіе нужно считать устарѣлымъ. Пособіями для нагляднаго изученія этнографическихъ особенностей расъ могутъ служить два стѣнныхъ атласа Лемана-Лейтемана ¹⁾ и Фридриха Мюллера ²⁾. Картины обоихъ изданій представляютъ группы людей въ ихъ естественной обстановкѣ и среди соответствующихъ занятій. Рядомъ съ человѣческими фигурами, между которыми находятся также женщины и дѣти, представлены жилище, утварь, оружіе и домашнія животныя. Картины Мюллера нѣсколько больше по величинѣ, лучше исполнены и представляютъ болѣе обильный этнографическій матеріалъ, но, къ сожалѣнію, ихъ только три,—составляющія первый выпускъ, вышедшій въ 1884 году, послѣ чего продолженія изданія не послѣдовало.

Изъ обзорнія изданій географическихъ картинъ мы видимъ, что, благодаря предпримчивости нѣмецкихъ ученыхъ и издателей, въ настоящее время существуетъ уже значительный картинный аппаратъ, могущій съ успѣхомъ служить цѣлямъ преподаванія. Конечно, далеко еще то время, когда каждая школа, каждое общеобразовательное заведеніе будетъ обладать всѣми необходимыми для преподаванія картинами, и не только у насъ, но и въ самой Германіи, гдѣ эти картины выходятъ въ свѣтъ. Но нужно надѣяться, что при доброй волѣ и энергіи преподавателей, убѣжденных въ настоятельной необходимости картинъ для оживленія географическаго курса, онѣ будутъ мало по малу распространяться въ русскихъ школахъ и сдѣлаются столь же необходимымъ пособіемъ, какъ карта и учебникъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ официальное указаніе къ употребленію картинъ при преподаваніи географіи въ новыхъ учебныхъ планахъ для гимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Остается сказать нѣсколько словъ о практическомъ примѣненіи картинъ во время классной работы, что, впрочемъ, выясняется само собою на основаніи вышесказаннаго о значеніи этихъ картинъ. Мы видѣли, что картины въ классѣ замѣняютъ собою природу, и поэтому разсматриваніе ихъ подъ руководствомъ преподавателя есть первый

¹⁾ *A. Lehmann, Völkertypen, 6 Wandtafeln in Farbendruck nach Aquarellen von Leutemann (Leipzig, 1882. Preis pro Tafel—2 mark): 1) Eskimos, 2) Indianer, 3) Neger, 4) Hindus, 5) Chinesen, 6) Australier.*

²⁾ *Ethnologischer Bilder-Atlas für Bürger- und Mittelschulen, nach Angabe und unter wissenschaftlicher Leitung von prof. dr. Fr. Müller. Предположено 19 стѣнныхъ картинъ, но до сихъ поръ вышли всего три: готтентоты, бушмены и сѣверо-американскіе индѣйцы. Цѣна 5 марокъ за картину.*

пріемъ для усвоенія тѣхъ географическихъ данныхъ, которыя онѣ заключаютъ. Преподаватель рядомъ вопросовъ долженъ убѣдиться, дѣйствительно ли ученики разсмотрѣли все то, что заключается характернаго въ картинѣ. Послѣ этого общими силами класса составляется описаніе типической мѣстности или представителя какой нибудь человѣческой расы, изображенныхъ на картинѣ. Для вѣдшаго успѣха въ примѣненіи картинъ было бы весьма желательно, чтобы ученики имѣли ручные атласы, состоящіе изъ тѣхъ же картинъ только въ маломъ видѣ. Тогда ученикъ, взглянувъ на такую картину дома, при приготовленіи урока по географіи, могъ бы припомнить все то, что объ ней было сказано въ классѣ. Начало изданія подобныхъ атласовъ также положено въ Германіи. Существуетъ атласъ, заключающій въ маломъ видѣ всѣ картины стѣннаго атласа Гельцеля, но, по нашему мнѣнію, это изданіе слишкомъ роскошно и цѣнѣ мало доступно для учениковъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ высказать нѣсколько положеній, вытекающихъ изъ содержанія всей статьи:

1) При помощи карты и учебника преподаваніе географіи *не возможно* довести до той степени наглядности, при которой съ каждымъ понятіемъ соединяются ясныя представленія фактовъ и явленій, дѣйствительно существующихъ въ природѣ.

2) Чтобы курсъ географіи въ школѣ достигалъ своей цѣли, *необходимо* при преподаваніи употреблять припоровленные къ содержанію этого курса картины; только при этомъ условіи ученики получаютъ живыя представленія о географическихъ фактахъ.

3) Географическія картины должны представлять изображенія *типическихъ* мѣстностей и представителей человѣческихъ расъ.

4) Вопросъ объ учебникѣ съ картинами долженъ считаться открытымъ; для рѣшенія этого вопроса необходимо обсужденіе его въ комиссіи преподавателей географіи.

5) Изданныя до сихъ поръ географическія картины не вполне удовлетворяютъ потребностямъ курса географіи.

А. Соколовъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НЕО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, ЗА 1890 ГОДЪ.

Бывшее Отдѣленіе Филологическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ по романо-германской филологіи съ декабря 1889 года преобразовано въ самостоятельное Общество Нео-филологіи. Цѣль и средства Общества остались прежнія, перемѣна же названія была вызвана желаніемъ нѣсколько расширить предметы занятій, главнымъ образомъ въ области сравнительнаго изученія произведеній народной литературы, чтобы не ограничиваться исключительно предѣлами романо-германскаго міра. Дѣлами Общества за истекшій 1890 годъ заведывалъ комитетъ, въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель А. Н. Веселовскій, товарищъ предсѣдателя А. Н. Пининъ, секретарь Ѡ. Д. Батюшковъ, казначей Р. О. Ланге, бібліотекаръ Ѡ. А. Браунъ, совѣщательные члены—гр. А. А. Бобринской и Л. Н. Майковъ. Въ число членовъ вступило за 1890 г. шесть лицъ. Въ теченіи года состоялось 10 засѣданій, на которыхъ, помимо разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ, было прочитано нѣсколько рефератовъ и сообщеній, доложено было о новыхъ книгахъ и изданіяхъ, предложены на обсужденіе образцы переводовъ иностранныхъ писателей.

І. По сравнительному изученію литературы и народной словесности, народнѣхъ преданій и върваній: А. Н. Веселовскій, на засѣданіи 19-го января, сопоставилъ ирландскія версіи легенды о св. Брандинѣ, по текстамъ (IX—XI вв.), сообщеннымъ Циммеромъ (Zts. f. deutsch. Alterth., 1889, № 3—4), съ разказомъ новгородскаго архіепископа Василя, въ дополненіе къ свой прежней статьѣ — „Параллели къ сказанію о Новгородскомъ рѣѣ“ (Филологическія Записки, 1875, вып. 3-й, 1—7). Докладчикъ остановился на разсмотрѣніи преданій объ адской рѣѣ, которая, по ирландской легендѣ, „покоится“

въ воскресные дни (съ субботы вечера и до понедѣльника утра); въ разказѣ Василя адская рѣка именуется „моргомъ“; докладчикъ объясняетъ это названіе въ связи съ германскимъ словомъ (датск. *mork* старосѣв.—*myrk*, шведск.—*mork*, съ значеніемъ—темный, мрачный) и предполагаетъ, что Василю были извѣстны западныя преданія эсхатологическаго характера, которыя проникли въ Новгородъ черезъ вѣроятное посредство Даніи и Швеціи. Въ томъ же засѣданіи *А. Н. Веселовскій* доложилъ объ изслѣдованіи г. Поливки о двухъ чешскихъ повѣстяхъ XV вѣка (см. н., VI): повѣсти о Гризельдѣ и о невѣрной женѣ Бризельдѣ. Г. Поливка предположилъ, что вторая повѣсть сочинена въ противовѣсъ первой, которая ей послужила образцомъ ad contrarium. *А. Н. Веселовскій* расходится съ этимъ объясненіемъ и сближаетъ типъ Бризельды повѣсти съ Бризельдой французскаго романа о Троянскихъ дѣяніяхъ *Benoit de Sainte-Moge* и думаетъ, что авторъ чешской повѣсти заимствовалъ ими и типъ своей героини изъ латинскаго пересказа романа Бенуа, переведеннаго на чешскій языкъ въ началѣ XV вѣка. Кромѣ того, *А. Н. Веселовскій* считаетъ повѣсть о Бризельдѣ сводомъ двухъ версій одного и того же разказа, а не компиляціею *разныхъ* преданій, смѣшеніе которыхъ отразилось, по мнѣнію г. Поливки, на сводной редакціи. Настоящее сообщеніе *А. Н. Веселовскаго* нынѣ напечатано въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1890, февраль, 356—361. Другой докладъ *А. Н. Веселовскаго*, на засѣданіи 23-го марта, былъ посвященъ обзорѣннѣмъ нѣкоторыхъ новыхъ журналовъ по фольклору (см. н., отд. VI), при чемъ, высказывая пожеланіе, чтобы при обнародованіи памятниковъ народной словесности, было обращено болѣе серьезное вниманіе на вопросъ объ относительной цѣнности и давности этихъ памятниковъ, докладчикъ остановился на разсмотрѣннѣмъ вопроса о взаимоотношеніяхъ между сказкой объ Ильѣ-Змѣборцѣ и былинами объ Ильѣ. Докладчикъ считаетъ возможнымъ, что въ данномъ случаѣ сказка сохранила архаичныя черты преданія, послужившаго основой былинныхъ обработокъ (см. *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1890, май, 61—75, „Большой стихъ о Егоріи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ“). На засѣданіи 12-го октября, *А. Н. Веселовскій* отмѣтилъ любопытное мѣсто въ рукописной псалтыри XVI вѣка (изъ бібліотеки Архангельской духовной семинаріи), по указанію профессора *Н. С. Тихомирова*. Переписчикъ псалтыри сдѣлалъ нижеслѣдующую отмѣтку: „сія книжица писана при державѣ великаго князя Василя Ивановича всея Руси. Господи, помоги рабу твоему Терешниа Иванову сыну. Дай ему, Господи, храбрость Александра,

умъ совершенъ; дай бы ему, Господи, *конь бы Редриковъ, нѣмецкую боатиру*». Докладчикъ не считаетъ вѣроятнымъ, чтобы имя „Редрикъ“ объяснялось искаженіемъ имени „Родериха“, и сближаетъ форму „Редрикъ“ съ ниже-нѣмецкою формой „Дедрикъ“ (=Дидрихъ) по опискѣ „Редрикъ“. Имя героя нѣмецкихъ сказаній встрѣчается въ ниже-нѣмецкой формѣ „Дедрика“ въ первой Новгородской лѣтописи (въ разказѣ о событіяхъ 1204 г.) съ эпитетами— „поганый“, „злый“. Вышеуказанная приписка въ Цсалтыри даетъ опредѣленную дату для установленія времени распространенія на Руси сказаній о Дидрихѣ Бернскомъ.

Е. В. Балабанова, на засѣданіи 19-го января, прочла замѣтку по поводу статьи г. Serquant (въ „Revue Celtique“), который высказалъ предположеніе о сродствѣ именъ скандинавскаго божества *Tora* съ кельтскимъ *Taranis*. По мнѣнію докладчицы, сближеніе это недостаточно подтверждено фактами, такъ какъ, во первыхъ, этимологія словъ различна: *Taranus* отъ *tarap, taranis*, по-кельтски громъ. *Thor*, вѣроятно, *Thunder*, а можетъ быть и *Donar — Thonar — Thoronar*, тоже громъ, но, какъ явствуетъ—корни словъ различны и принадлежать двумъ разнымъ языкамъ. Въ вторыхъ, о *Taranis* не осталось никакихъ слѣдовъ ни въ сказаніяхъ, ни въ памятникахъ. Есть надписи съ его именемъ, но они не объяснены удовлетворительно. Фигуры съ молотомъ, встрѣчающіяся на нѣкоторыхъ памятникахъ и представляющія общность эмблемы съ скандинавскимъ Торомъ, относятся, какъ видно изъ надписей, въ большинствѣ случаевъ къ Сильвану. Вообще, о культѣ *Taranis* извѣстно лишь то небольшое, что передаютъ латинскіе писатели Луканъ, Страбонъ и др., и это не уполномочиваетъ на предположеніе о заимствованіи скандинавами божества грома у кельтовъ.

На засѣданіи 16-го февраля, *А. И. Пономаревъ* сообщилъ о народной версіи легенды, послужившей источникомъ разказа графа Льва Н. Толстого— „Чѣмъ люди живы“. Докладчикъ прочелъ текстъ народной легенды по записи священника Олонецкой губерніи, который записалъ ее со словъ извѣстнаго олонецкаго „сказителя“ Щеголенка, сообщившаго и Гильфердингу много народныхъ былинъ. Щеголенокъ имѣлъ непосредственныя сношенія съ графомъ Л. Толстымъ, такъ что данный разказъ былъ сообщенъ нашему маститому писателю именно въ той редакціи, которую референту удалось получить. По сличеніи мѣстнаго сказанія, приуроченнаго къ городу Архан-

гельску ¹⁾, съ литературною обработкою фабулы графомъ Толстымъ, оказывается, что романистъ ступшеваль основную идею народнаго преданія, именно—идею о Промыслѣ Божіемъ и замѣнилъ ее произвольнымъ толкованіемъ въ связи съ собственными теоріями. Докладчикъ отнесся нѣсколько отрицательно къ такой переработкѣ сюжета, соглашаясь съ мнѣніемъ Ѡ. И. Буслаева, что Толстой губить свой талантъ, пускаясь на аллегорическія толкованія народныхъ легендъ и придавая имъ субъективное значеніе. Докладчикъ, отмѣтивъ, что въ народной традиціи живы и другія легенды, подвергшіяся за послѣднее время литературной обработкѣ (какъ, напримѣръ, разказъ о двухъ старцахъ Льва Толстого и др.), выразилъ надежду, что примутся за составленіе сборниковъ въ родѣ Афанасіевскаго, который прежде всего желательно было бы видѣть изъятимъ изъ *index'a librorum prohibitorum*; скорѣйшее собраніе мѣстныхъ легендъ имѣеть тѣмъ большее значеніе теперь, что, благодаря усиленному распространенію искусственныхъ обработокъ въ народной традиціи, скоро съ трудомъ можно будетъ разобраться между старинными преданіями и вновь привитымъ матеріаломъ разказовъ для народа.

Въ возникшей вслѣдъ за симъ бесѣдѣ присутствующихъ членовъ мнѣнія раздѣлились относительно вопроса—въ какой мѣрѣ художникъ имѣеть право переименовать сюжетъ, заимствованный имъ изъ народнаго преданія? Но, конечно, общепризнано было, что для опредѣленія народнаго міросозерцанія первостепенную важность имѣеть тотъ смыслъ легенды, который удержанъ народной традиціей, каковъ бы ни былъ первоначальный источникъ легенды, и съ этой точки зрѣнія тенденціозныя переработки, искажающія первоначальное значеніе фабулы, не могутъ вызвать сочувствія у изслѣдователей старины. За симъ отмѣчена была общность мотива „троекратнаго смѣха“ ангела съ преданіями о Мерлинѣ и другаго мотива — „о неисповѣ-

---

¹⁾ Ангелъ божій, наказанный за непослушаніе (онъ ослушался приказанія вынуть душу у матери двухъ новорожденныхъ близнецовъ), искупаетъ свою вину тѣмъ, что проводитъ некоторое время на землѣ какъ простой человѣкъ. Его пріютялъ у себя сапожникъ, не зная объ его происхожденіи; и вотъ во время пребыванія у сапожника ангелъ три раза улыбнулся и подъ конецъ даетъ объясненіе своимъ загадочнымъ улыбкампъ, которыя обозначали, что онъ постепенно уразумѣлъ мудрость промысла Божія и близорукость людскихъ предположеній; ангелъ прощенъ и во время обѣда взлетаетъ на небо черезъ разверзшійся церковный куполъ. Съ тѣхъ поръ городъ въ которомъ пребывалъ ангелъ, и получилъ-де названіе Архангельскъ.

димости судьбы" въ различныхъ обработкахъ. На другомъ засѣданіи, 12-го октября, *А. П. Пономаревъ* сравнилъ церковно-славянскій переводъ житія св. Алексія съ сирійскимъ текстомъ того же житія, обнародованнымъ г. Амьо (см. н., VI). Докладчикъ напомнилъ о трудахъ гг. Гастона Париса, Мюллера, Владимірова и Кѣттинга по исторіи различныхъ обработокъ настоящаго сюжета и, въ видѣ дополненія къ новѣйшей работѣ г. Амьо, указалъ на то обстоятельство, что церковно-славянская версія „Житія“, переведенная по всей вѣроятности съ греческаго текста, представляетъ дословныя совпаденія съ сирійскимъ текстомъ. Въ послѣднемъ „Житіе“ распадается на двѣ самостоятельныя части: въ первой части приведенъ простой и безыскусственный разказъ о жизни и смерти нѣкаго „человѣка Божія“ (имя его не указано); во второй части сообщенъ разказъ „по Римскому преданію“ (Римъ—Константинополь) о томъ, что Алексій вернулся передъ смертью къ себѣ на родину въ Римъ, гдѣ прожилъ нѣкоторое время никѣмъ не признанный. Предположеніе о томъ, что вторая часть „Житія“ основывается на преданіи, сложившемся въ латинскомъ Римѣ, отстраняется на томъ основаніи, что до IX в. нѣтъ никакихъ указаній на почитаніе св. Алексія въ западной церкви (докладъ *А. И. Пономарева* напечатанъ въ *Живой Старинѣ* (вып. II, 196—200).

На засѣданіяхъ 2-го и 23-го марта, *Ө. Д. Батюшковъ* разсматривалъ теоріи г. Jeanroy о происхожденіи французской лирической поэзіи (*Les origines de la poésie lyrique en France*, см. н., VI), при чемъ докладчикъ отмѣтилъ нѣкоторую двойственность въ мнѣніяхъ автора относительно значенія народной словесности. Объясненія, предложенныя имъ, по вопросу о происхожденіи того или другаго вида лирической поэзіи (настурель, альба, тенциона и пр.), не вполне убѣдительны. Докладчикъ считаетъ мотивъ „пѣсни о превращеніяхъ“ заходимъ въ западно-европейскія литературы. Приемы автора вызвали нѣсколько замѣчаній методологическаго характера (сообщеніе г. Батюшкова напечатано въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1890, апрѣль).

На засѣданіи 13-го апрѣля *Н. В. Чарыковъ* сообщилъ о двухъ легендахъ, касающихся озера Искандеръ-Куль. Озеро это расположено въ горахъ, въ окрестностяхъ Самарканда. Изъ озера течетъ рѣка Искандеръ-Дарья, черезъ узкій прорывъ въ скалы. Туземцы передаютъ, что этотъ выходъ водъ данъ былъ Александромъ Македонскимъ, которій-де разрубилъ мечемъ скалу въ этомъ мѣстѣ. По другому сказанію, на днѣ озера живетъ доселѣ знаменитый конь Александра —

Буцефалъ. По временамъ онъ выходитъ изъ воды и пасется на берегу вмѣстѣ съ пригоняемыми туда табунами. Этому обстоятельству туземцы приписываютъ рожденіе необычайно красивыхъ и породистыхъ жеребятъ, извѣстныхъ подъ именемъ „фильсаръ“. Геологи объясняютъ прорывъ Искандеръ-Дарьи и происшедшее вслѣдствіе этого пониженіе уровня озера дѣйствіемъ землетрясенія. Появленіе же породистыхъ лошадей среди мѣстныхъ табуновъ могло бы быть объяснено атакизмомъ. Обѣ легенды были сообщены г. Чарыкову во время его поѣздки на озеро Искандеръ-Куль, въ юлѣ 1889 года, начальникомъ Пенджагентскаго района, подполковникомъ Кулчановымъ, со словъ мѣстныхъ жителей. Докладчикъ предположилъ, что имя *Фильсаръ* представляетъ лишь искаженіе легендарнаго имени коня Александра Буцефала. С. Ѡ. *Ольденбургъ* указалъ, что „фильсаръ“ значитъ по-персидски: „съ головою слона“, такъ что сближеніе съ греческимъ словомъ Буцефалъ излишне. А. Н. *Веселовскій* предположилъ возможное вліяніе народныхъ книгъ объ Александрѣ (гдѣ разказывалось объ его чудесномъ конѣ „съ бычачьей головою“) на данное преданіе о таинственномъ конѣ „съ головой слона“.

На засѣданіи 17-го ноября, *Гр. Н. Потанинъ* доложилъ объ одномъ Тангутскомъ преданіи, записанномъ имъ со словъ монгольскаго переводчика во время его путешествія по Тибету. Преданіе это приурочено къ построенію Лабрана (то-есть, резиденціи верховнаго церковнаго служителя) въ Лассѣ и къ привозу въ Тибетъ статуи Цзу, исполненной, по преданію, 32-мя художниками, при чемъ сандальный слѣпокъ ея считается самымъ вѣрнымъ снимкомъ съ изображенія Будды. Двѣ такихъ статуи Цзу имѣются въ Тибетѣ, одна—въ Пекинѣ и одна въ Орханской долинѣ. Схема Ласскаго преданія представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1) въ началѣ излагается мотивъ сватовства и трудныхъ порученій, чтобы снискать руку красавицы, ревниво оберегаемой ея отцомъ (сватается тибетскій царь за дочь ю китайскаго императора, посломъ жениха является нѣкто Гвардамбо, которому и выпадаетъ на долю исполнить трудныя задачи, предложенныя китайскимъ императоромъ женихамъ своей дочери, какъ-то: продѣть нить черезъ бусыну, внутри которой продѣланы крайне сложныя ходы (Гвардамбо рѣшаетъ задачу при содѣйствіи паука); затѣмъ—узнать царевну между 21 дѣвицами, схожими между собой до неузнаваемости (Гвардамбо признаетъ царевну благодаря ичелѣ, которая подлетаетъ къ цвѣтку, намѣренно скрытому въ платьѣ царской дочери). Добившись такимъ образомъ согласія китайскаго импе-

ратора, Гвардамбо увозить его дочь, при чемъ въ приданое за нею выговариваетъ небесныя свѣтила (солнце и луну). Дорогою обнаруживается обманъ, такъ какъ вмѣсто настоящихъ свѣтилъ (sic!) китайской принцессѣ дали поддѣльныя, вырѣзанныя изъ бумаги. Узнавъ это, принцесса перестаетъ горевать о своихъ родителяхъ).

2) Слѣдуетъ затѣмъ разказъ о вѣроломствѣ царскаго свата и его наказаніи (Гвардамбо надумалъ выдать царскую невѣсту за своего собственного сына и прибѣгъ къ хитрости: онъ посоветовалъ царевнѣ закрывать носъ руками въ присутствіи тибетскаго царя, чтобы избавиться отъ запаха сала, которымъ будто бы царь наѣдался: царю же онъ сказалъ, что его невѣста безъ носа, оттого-де она и закрывается. Обманъ обнаруживается. Гвардамбо ослѣпленъ и сосланъ вмѣстѣ съ сыномъ въ сѣверо-восточную часть Тибета, гдѣ онъ занялся скотоводствомъ).

3) Послѣ этого въ легендѣ повѣствуется о построеніи дворца въ Лассѣ, при чемъ оказывается, что долгое время постройка идетъ неудачно. Царь посылаетъ развѣдчиковъ за Гвардамбо, который одинъ можетъ разъяснить причину неудачи постройки и дать полезный совѣтъ. Послѣ долгихъ поисковъ Гвардамбо найденъ, и послы хитростью вывѣдываютъ у него,—какія условія необходимы для успѣшнаго продолженія зданія (требуется добыть загадочнаго быка, названнаго „пупомъ океана“, и молока козлухи, которымъ слѣдуетъ совершить либацію). Догадавшись, что любознательные богомолы, узнавшіе тайну построения дворца, суть царскіе развѣдчики, Гвардамбо посылаетъ за ними сына, чтобы воротить ихъ; онъ требуетъ назадъ свою „олу“—то-есть, умъ, добрый совѣтъ; но послы обманываютъ юношу, благодаря игрѣ словъ, такъ какъ „олу“ означаетъ также подпругу, каковая и возвращена сыну Гвардамбо. Послѣдній долженъ погибнуть, такъ какъ его завѣтная тайна обнаружена: происходитъ разливъ озера, затопляющій всю мѣстность, гдѣ жилъ Гвардамбо, который тонетъ въ волнахъ разлива вмѣстѣ со своимъ сыномъ.

4) Въ преданіи сообщается и дальнѣйшая судьба преемниковъ тибетскаго царя, послѣ того какъ постройка дворца была благополучно доведена до конца, благодаря совѣтамъ Гвардамбо. На пиршествѣ, устроенномъ по случаю обновленія новаго зданія, призывается благословеніе на всѣхъ, содѣйствовавшихъ успѣшному сооруженію его, но забытъ былъ быкъ, который обиженъ и мститъ: у одного изъ потомковъ царя родился сынъ Ландарма, съ бычачьими рогами на головѣ. Возмужавъ и вступивъ на престолъ, Ландарма становится гонителемъ буддистовъ. Опасаясь обнаруженія недо-

статка, которымъ онъ падѣленъ отъ рожденія, Ландарма казнить всѣхъ юношей, которые его брѣютъ. Однако, одинъ изъ нихъ спасся, благодаря хитрости: онъ далъ царю отвѣдать лепешки, приготовленной на молокѣ его матери, и такимъ образомъ оказался молочнымъ братомъ царя; послѣдній даруетъ ему жизнь, подъ строгимъ приказомъ соблюсти тайну о рогахъ царя. Тайна мучить юношу и, по совету матери, онъ рѣшается ее выдать полевой мыши; послѣдняя передаетъ объ ней другимъ звѣрямъ и вскорѣ стало общеизвѣстнымъ, что у Ландармы на головѣ рога быка. Нѣкто Балъ-Доржи замыслилъ извести царя и, переодѣвшись танцовщикомъ, спряталъ въ рукахъ лукъ и стрѣлы; танцуя передъ царемъ, онъ поразилъ его стрѣлой и обратился въ бѣгство. За Балъ-Доржи послана погоня, но юноша спасается, переплывая черезъ рѣку, при чемъ его конь, окрашенный первоначально въ темный цвѣтъ, побѣлѣлъ послѣ переправы такъ, что всадникъ не признанъ. 5) Въ заключеніе приводится еще одинъ разказъ въ связи съ преданіемъ о построеніи дворца: одинъ изъ плотниковъ, не надѣясь на полученіе обѣщанной царемъ награды, задумалъ западню: одну изъ колоннъ зданія онъ поставилъ комелемъ вверхъ, а подъ вершину, положенную внизъ, подложилъ камень, который при случаѣ можно было выдернуть и разрушить такимъ образомъ всю постройку. Предусмотрительность плотника оказалась излишней, такъ какъ царь со всѣми расплатился какъ слѣдуетъ. Тогда плотникъ сознался въ своемъ коварномъ умыслѣ и въ наказаніе онъ былъ присужденъ къ тому, чтобы его, привязаннаго къ канату, спускали съ горы и затѣмъ опять втягивали; обрядъ этотъ, по преданію, до сихъ поръ совершается надъ потомками вѣроломнаго плотника. Докладчикъ указалъ рядъ параллелей отдѣльнымъ эпизодамъ вышеизложенной легенды въ турецкихъ преданіяхъ, переведенныхъ Радловымъ, въ бурятскихъ и хотанскихъ сказаніяхъ (между прочимъ — алтайскую легенду о горѣ Алтакъ—ту и хотанское преданіе о висячей башнѣ), наконецъ, припомнилъ и миѳъ классической древности — о Минотаврѣ, объ ослиныхъ ушахъ царя Мидаса, объ Ариаднѣ и Тезеѣ. Нѣсколько замѣчаній по поводу прослушаннаго сообщенія были высказаны присутствующими членами, при чемъ П. А. Сырку напомнилъ о сходныхъ мотивахъ въ румынскихъ балладахъ о Маноли и построеніи моста (см. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1890, январь и февраль, и отдѣльнымъ оттискомъ П. А. Сырку, Научный Боснійскій Журналъ, баллада о построеніи мостовъ), а Е. В. Балабанова при-

вела ирландское преданіе въ параллель къ эпизоду о бѣгствѣ Валь-Доржи черезъ рѣку, при чемъ измѣнился цвѣтъ коня.

II. По *этнографіи, лингвистикѣ и археологіи*. На засѣданіи 9-го декабря, *Ө. А. Браунъ* прочелъ отчетъ о своей поѣздкѣ въ Мариупольскій уѣздъ (Екатеринославск. губ.) и въ Крымъ, предпринятой имъ съ цѣлью разысканія готскихъ древностей на югѣ Россіи. Поѣздка, по словамъ референта, дала нѣкоторые результаты, интересные и важные для мѣстной исторіи, но не дающіе ничего новаго для вопроса о готахъ на югѣ Россіи. Референтъ поставилъ себѣ первую задачу: познакомиться съ потомками крымскихъ выходцевъ, выселившихся въ 1778 г. изъ Крыма въ Азовскія степи, гдѣ имъ были предоставлены обширныя земли. Переселенцы дѣлятся на двѣ части: одна говоритъ по-гречески и вышла главнымъ образомъ изъ генуезскихъ владѣній; въ другой, говорящей по-татарски, слѣдуетъ видѣть послѣднихъ потомковъ крымскихъ готовъ. Никакихъ однако слѣдовъ готской національности и жизни референтъ между ними не нашелъ, ни въ языкѣ, ни въ преданіяхъ, ни въ домашней и церковной обстановкѣ. Преданія говорятъ о турецко-татарскомъ игѣ; время же готскаго княжества (до конца XV вѣка) они не помнятъ. Въ одномъ лишь виѣншемъ видѣ переселенцевъ иногда сказывается готская кровь. Дѣло въ томъ, что среди преобладающаго новогреческаго типа попадаются лица чисто готскаго типа: высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, волосы кудрявые, рыжевато-золотистые, глаза темно-голубые, носъ короткій, прямой, губы алны (см. *Жив. Стар.*, вып. II, 78—92). Изъ Мариупольскаго уѣзда референтъ отправился въ Крымъ, съ цѣлью раскопокъ въ Манеугъ-кале, древней резиденціи гото-греческихъ князей (между Балаклавой и Бахчисараемъ). Результаты раскопокъ не оправдали надеждъ референта: онъ раскопалъ двѣ греческія церкви (приблизительно XIV в.); одна изъ нихъ богатая, съ слѣдами живописи *al fresco*, остатками мозаики, мраморныхъ орнаментовъ и т. п. Но готскаго въ ней ничего не оказалось. Самымъ цѣннымъ результатомъ раскопокъ было нѣсколько греческихъ надписей (неполныхъ); одна изъ нихъ относится къ концу XIV в.: въ ней упоминается ханъ Тохтамышъ.—Референтъ надѣется со временемъ возобновить поиски.

С. Н. Сыромятниковъ сообщилъ рядъ свѣдѣній археологическихъ, историческихъ, географическихъ и этническихъ объ островѣ Готландіи и его древнѣйшемъ населеніи, въ видѣ комментарій къ переводу „*Guta-saga*“, исполненному докладчикомъ (см. н., V). Со-

общеніе С. Н. Сыромятникова было заслушано на двухъ засѣданіяхъ: 9-го ноября и 9-го декабря. На первомъ засѣданіи референтъ коснулся вопроса объ особомъ интересѣ, пробудившемся за послѣднее время у русскихъ изслѣдователей къ изученію готскихъ древностей, и о вѣроятномъ вліяніи готской культуры на древнюю Русь, при чемъ высказалъ предположеніе о сродствѣ готовъ съ германскими колонизаторами острова Готландіи (первоначальное населеніе острова, въ доисторическую пору, было, вѣроятно, кельтскимъ). Референтъ напомнилъ, что устье Вислы и теперешнія Остзейскія провинціи были древнимъ мѣстопребываніемъ готовъ (Юрданъ, Thomsen), впоследствии перешедшихъ на Дунай. Между населеніемъ острова Готландіи (гугами) и скандинавскими готами есть племенная разница, не допускающая смѣшенія гуговъ и готовъ, между тѣмъ — въ находкахъ, сдѣланныхъ въ Остзейскомъ краѣ, весьма многое напоминаетъ особенности художественнаго стиля гуговъ. На связь гуговъ съ Остзейскимъ краемъ, гдѣ жили готы, указываетъ и Guta-saga; наконецъ, по мнѣнію референта, сродство готовъ и гуговъ можетъ быть доказано на основаніи лингвистическихъ соображеній, при сравненіи языковъ того и другаго племени. Въ своихъ комментаріяхъ къ переводу саги, являющейся единственнымъ памятникомъ литературы гуговъ, докладчикъ предложилъ объясненіе легендарному разказу о томъ, что въ древности-де „Готландія днемъ опускалась въ воду, а ночью поднималась кверху“ — въ связи съ геологическими явленіями, замѣчаемыми въ бережійяхъ Балтійскаго моря. Разказъ о принесеніи огня на островъ первымъ его поселенцемъ (Тьёлваромъ), послѣ чего-де островъ приобрѣлъ устойчивость, докладчикъ сближаетъ съ древне-скандинавскимъ обычаемъ обходить съ огнемъ приобретаемую вновь землю, обычай, которымъ освѣщалось вступленіе во владѣніе землею. По выслушаніи первой части доклада, А. Н. Веселовскій высказалъ нѣсколько замѣчаній, при чемъ указалъ прежде всего на то обстоятельство, что Guta-saga памятникъ сравнительно поздній (XIII в.), возникшій подъ вѣроятнымъ литературнымъ вліяніемъ другихъ скандинавскихъ сагъ (исландскихъ и норвежскихъ), по этому онъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ достовѣрный источникъ въ пользу гипотезы (давно уже высказанной, но нуждающейся въ фактическомъ обоснованіи) о первоначальномъ сродствѣ гуговъ съ готами. Толкованія референта легендарныхъ мотивовъ въ сагѣ (геологическія явленія) представляются А. Н. Веселовскому мало убѣдительными. Е. В. Балабанова

сомнѣвается, чтобы кельты населяли островъ Готландію въ доисторическую пору. На слѣдующемъ засѣданіи С. Н. Сыромятниковъ прочелъ дополненія къ своему реферату о Готахъ и Гутахъ, при чемъ сообщилъ лингвистическія данныя въ пользу своего предположенія о первоначальномъ сродствѣ двухъ названныхъ германскихъ племенъ. С. Н. Сыромятниковъ указываетъ на совпаденіе формъ — *Norr-gutar* и *Sudergutar* (названія жителей сѣверной и южной части острова) съ формою *Gut-os* (слабое *Gut-ans*), которую можно вывести изъ названія южныхъ готовъ — *Gut-thiuda*, сохранившася въ готскомъ календарѣ, изъ слова *Gutaniowi* на Бухарестскомъ кольцѣ. Г. Säve составилъ списокъ гутскихъ словъ, не встрѣчающихся въ другихъ шведскихъ діалектахъ, а нѣкоторыя изъ этихъ словъ не могутъ быть объяснены изъ скандинавскихъ языковъ вообще. Докладчикъ предположилъ, что эти слова и формы, стояція въ гутскомъ нарѣчій особнякомъ отъ другихъ германскихъ нарѣчій скандинавскаго сѣвера, могутъ быть объяснены при помощи древне-готскаго языка; по его мнѣнію, гутское нарѣчіе сохранило также много формъ, которыя на материкѣ подверглись измѣненіямъ. Но, признавая первоначальное тожество языковъ — гутовъ Готландіи и готовъ Дуная, — г. Сыромятниковъ замѣтилъ, что семь вѣковъ въ жизни языка готландцевъ не могли все-таки пройти безслѣдно: этотъ языкъ „скандинавировался“ такъ-же легко, какъ шведскій языкъ „онѣмечивался“ въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ, благодаря папльву на полуостровъ нѣмецкихъ купцовъ и ремесленниковъ. Докладчику возражалъ О. А. Браунъ, который замѣтилъ, что общность нѣкоторыхъ формъ въ языкахъ Гутовъ и Готовъ, сама по себѣ, еще не можетъ служить доказательствомъ тожества этихъ племенъ, такъ какъ она объясняется въ зависимости отъ пра-германскихъ формъ: у Гутовъ могли сохраниться нѣкоторые архаизмы, изгладившіеся въ другихъ сѣверныхъ нарѣчійхъ; для того чтобы доказать ближайшее сродство Готовъ и Гутовъ, необходимо было бы умножить число примѣровъ и, недовольствуясь скудными данными языка по одной Гутасалѣ, изучить современныя говоры въ Готландіи: только тогда, въ зависимости отъ результатовъ, къ которымъ приведетъ это изученіе, гипотеза о Гутахъ=Готахъ можетъ получить научное значеніе.

III. *По новымъ языкамъ, въ связи съ вопросами школьнаго преподаванія.* На засѣданіи 2-го марта, г. Флери прочелъ отчетъ о статьяхъ г. Боголюбова — „Единство въ ученіи о временахъ глаголовъ“ (*Филологич. Записки* 1881 г., *Гимназія*, 1888 г.). Признавая

остроуміе автора, хорошо знакомаго съ трудами Шабано (*Histoire et theorie de la conjugaison française*) и Иванова, референтъ высказался противъ нѣкоторыхъ крайностей его мнѣній, а также отмѣтилъ не вполне удачныя, по его мнѣнію, примѣры ¹⁾. Г. Флери согласенъ съ мнѣніями автора о неточномъ обозначеніи временъ *imparfait de l'indicatif* и *du subjonctif* и обоихъ временъ условнаго наклоненія, но считаетъ ошибочною точку зрѣнія, съ которой авторъ разсматриваетъ русскія формы условнаго и сослагательнаго наклоненій, такъ какъ не слѣдуетъ забывать, что русскія формы прошедшаго суть первоначальныя причастія, а частица *бы* остатокъ вспомогательнаго глагола. Непрактичными кажутся докладчику слишкомъ тяжеловѣсные и парадоксальныя термины, которые предложены г-мъ Боголюбовымъ для обозначенія временъ. Такъ, *imperfectum* онъ называетъ: будущее—настоящее—прошедшее; *perfectum*—*historicum*: будущее—прошедшее; *plusquamperfectum*: будущее—преждепрошедшее и т. п. Удобнѣе, по мнѣнію докладчика, сохранить традиціонныя термины въ ихъ условномъ значеніи (*comme des simples étiquettes*) и разъяснять ихъ ученикамъ ²⁾, чѣмъ вводитъ новую терминологию, мало вразумительную. На засѣданіи 27-го апрѣля, заслушанъ былъ отвѣтъ (письменный) г. *Боголюбова* на замѣчанія г. Флери, при чемъ г. корреспондентъ Общества изъявляетъ свою готовность упростить нѣкоторые термины для обозначенія глагольныхъ временъ, предложенныя имъ, но остается при своемъ мнѣніи—о необходимости установить общую терминологию для такъ-назв. „школьныхъ языковъ“.

IV. По *новѣйшей литературѣ* заслушаны были сообщенія: *Е. М. Гаршина*, на засѣданіи 16-го февраля, по поводу исполненнаго имъ перевода „*Le prince des sots*“ Жирара де Нерваль (см. прилож. къ *Историческ. Вѣстн.*, за 1889 г.). Напомнивъ біографію Жерара де Нерваль и главнѣйшія его произведенія (при чемъ *Е. М. Гаршинъ*

¹⁾ Такъ, въ еразѣ—*Il te demanda ou tu allais*—авторъ напрасно усматриваетъ въ *allais* настоящее время. Въ слѣдующей еразѣ: *je ne croyais pas qu'il dessinât*, чтобы придать значеніе будущаго второй части: „я не думалъ, что онъ будетъ рисовать“, надо прибавить „une circonstance de temps futur“, иначе—*l'imparfait désignerait une action simultanée avec — je croyais, et par conséquent un passé*. Разница между выраженіями: *plait à Dieu!* и *plaise à Dieu!* зависитъ, по мнѣнію г. Флери, отъ того, въ какомъ времени поставленъ подчиненный глаголъ (*imparfait* или *plusqueparfait subjonctif* для перваго выраженія, а въ остальныхъ случаяхъ второе).

²⁾ Г. Флери признаетъ полезнымъ упразднить лишь такіе заведомо ошибочные термины, какъ *diem-proshedeie* для передачи *plusquamperfectum*.

отмѣтилъ сходство типа героя драмы „Leo Burckart“ съ Лео Шпильгагенповскаго романа „In Reih' und Glied“), референтъ попытался опредѣлить его мѣсто въ средѣ французскихъ романтиковъ и охарактеризовать его личность, съ наибольшимъ сочувствіемъ склонился къ оцѣнкѣ Теофиля Готье, признававшаго въ указанномъ писателѣ прежде всего идеалиста, и этотъ-де идеализмъ привелъ Жирара де Нерваль къ его трагической кончинѣ. Противъ этого мнѣнія возражали г. Флери и П. И. Вейнбергъ, указывая на то, что Жираръ де Нерваль страдалъ психическимъ расстройствомъ и извѣстенъ былъ экстравагантными выходками, изобличавшими его ненормальность. За сямъ, по мнѣнію оппонентовъ, къ которымъ присоединился и И. А. Шляпкинъ, докладчикъ нѣсколько преувѣсилъ значеніе Жирара де Нерваль, который лишь примкнулъ къ назрѣвшему уже направленію, былъ продолжателемъ, а не инициаторомъ романтизма. Указаны были труды Pop-Martin и Clairon для провѣрки оцѣнки.

На засѣданіи 13-го апрѣля Н. А. Котляревскій прочелъ сообщеніе о современномъ направленіи русской литературы, оставляясь преимущественно на молодыхъ представителяхъ ея. Опредѣливъ общественное значеніе литератора и критика, докладчикъ бѣгло охарактеризовалъ тѣ направленія, вокругъ которыхъ группируются произведенія современныхъ беллетристовъ, драматурговъ и поэтовъ. Одни изъ нихъ примыкаютъ къ опредѣленнымъ политическимъ партіямъ, другіе, оставаясь чуждыми тенденціозныхъ цѣлей, пеголаютъ отсутствіемъ какого-бы то ни было направленія. Это отсутствіе идейнаго содержанія отражается столь же пагубно на произведеніяхъ литературы, какъ тенденціозное преслѣдованіе зараиѣ намѣченныхъ, шаблонныхъ мотивовъ въ ущербъ художественной правдѣ. Отмѣчая малую степень оригинальности въ большинствѣ современныхъ произведеній, референтъ указалъ, что только бытовые очерки изъ народной жизни представляютъ свѣжій этнографическій матеріалъ. Но литература въ широкомъ значеніи слова, не должна служить, по мнѣнію докладчика, выраженіемъ однихъ только партійныхъ взглядовъ того или другаго кружка, отраженіемъ интересовъ того или другаго отдѣльнаго сословія; она должна стремиться охватывать народную жизнь во всей ея полнотѣ и разнообразіи. Кромѣ того, при изображеніи и художественномъ воспроизведеніи явленій современной жизни, необходимъ критерій для оцѣнки этихъ явленій, критерій философско-этического характера, сообразно которому тотъ или другой частный случай пріобрѣтаетъ-бы болѣе общее значеніе и разумное толкованіе. Референтъ ука-

залъ, что преобладающимъ настроеніемъ въ средѣ молодыхъ литераторовъ являются, по его мнѣнію, скептицизмъ, пессимизмъ или же индифферентизмъ. Въ то же время онъ привѣтствовалъ поворотъ къ исканію рѣшенія основныхъ вопросовъ, отъ которыхъ многіе слишкомъ долго и упорно отворачивались, считая бесполезнымъ даже задумываться надъ этими вопросами. Далѣе референтъ провелъ параллель между умственнымъ состояніемъ современнаго общества, поскольку оно отразилось въ разсматриваемыхъ имъ произведеніяхъ, съ тѣмъ, что составляло его содержаніе въ 40-ые и 60-ые года. Въяго охарактеризовавъ смѣну различныхъ направленій въ литературѣ съ начала нынѣшняго вѣка, докладчикъ съ особымъ вниманіемъ остановился на отличительныхъ чертахъ людей 40-хъ годовъ и ближайшихъ ихъ преемниковъ. Онъ отмѣнилъ ту силу убѣжденій, тотъ идеализмъ, который являлся главною руководящею нитью ихъ дѣятельности; въ то же время онъ указалъ и на полноту ихъ эстетическаго образованія, на широкое и осмысленное пониманіе значенія искусства. Сравнивая современное поколѣніе съ предшествовавшими, референтъ констатировалъ пониженіе уровня образованности и высказалъ пожеланіе, чтобы школа содѣйствовала его упроченію. Образованность должна быть понята въ болѣе широкомъ значеніи, чѣмъ простое заучиваніе отрывочныхъ фактовъ, не приучающее къ критическому отношенію къ дѣйствительности и не указывающее на ближайшія жизненныя задачи. Современная школьная программа не отвѣчаетъ, по мнѣнію докладчика, насущнымъ потребностямъ и во многомъ является отвѣтственной въ пониженіи и интеллектуальнаго и нравственнаго уровня въ обществѣ. Референтъ отмѣтилъ также, на сколько утратился живой интересъ къ родной старинѣ, столь ярко выступавшій въ половинѣ нынѣшняго вѣка; это привело къ упадку патриотизма, безъ котораго ни одинъ народъ не можетъ существовать. Исканіе себѣ задачъ вчуждѣ, при полномъ равнодушіи къ тому, что должно было бы прежде всего подлежать изученію и разработкѣ, также является, по мнѣнію докладчика, слѣдствіемъ неудовлетворительной школьной подготовки.

Референту были высказаны нѣкоторыя замѣчанія присутствующими гг. членами и гостями. Пр. *Картевъ* находитъ, что преподаваніе русской исторіи и литературы поставлено въ достаточномъ объемѣ въ нашихъ школахъ и считаетъ полезнымъ, чтобы въ программѣ преподаванія удѣлялось значительное мѣсто изученію западно-европейскаго міра. *К. К. Арсеневъ* отмѣтилъ, что современный упадокъ литературы представляетъ не исключительно русское явленіе, а за-

мѣчается также въ Германіи, Англіи и другихъ зап. европейскихъ государствахъ и что врядъ-ли дѣло можетъ быть исправлено какими-нибудь мѣрами школьной реорганизаціи. Широкое образованіе не всегда идетъ рука объ руку съ развитіемъ талантовъ и, вообще, трудно винить писателей въ большей или меньшей силѣ таланта. Оппонентъ не согласенъ съ мнѣніемъ, что въ современной поэзіи преобладаетъ исключительно скорбное направленіе, и кромѣ того 60-ые года были эпохой разныхъ надеждъ и иллюзій, которыя служили источникомъ силъ и вдохновенія. Отъ современныхъ писателей нельзя требовать, чтобы они жили тѣмъ-же содержаніемъ, которымъ питалось общество предшествовавшихъ годовъ. *Е. К. Утинъ* выразилъ мнѣніе, что многіе занимаютъ западною Европой, а не своей родиной, потому что могутъ свободнѣе высказываться по поводу чужихъ явленій жизни. *П. И. Вейберъ* не придаетъ большаго значенія влиянію той молодой школы поэтовъ, которую референтъ опредѣлилъ „поэзіей гнѣва и скорби“. Кромѣ того, мотивы меланхоліи и пессимизма искони были присущи поэзіи и проходятъ красною нитью черезъ всю исторію литературы съ древнѣйшихъ временъ.

На засѣданіяхъ 9-го и 17-го ноября, *Е. В. Анничковъ* (гость) прочелъ рефератъ „о литературныхъ теоріяхъ Эмиля Зола“. Докладчикъ вначалѣ выяснилъ отношеніе маститаго французскаго романиста къ философскимъ теоріямъ Ипполита Тэна, затѣмъ формулировалъ литературныя теоріи Зола, высказанныя имъ въ его критическихъ очеркахъ, и сопоставилъ эти теоріи съ ихъ примѣненіемъ тѣмъ же авторомъ въ его литературныхъ произведеніяхъ. Не считая Зола философомъ въ настоящемъ смыслѣ слова, докладчикъ указалъ, что отвлеченныя теоріи этого писателя примыкаютъ къ болѣе или менѣе популярнымъ материалистическимъ воззрѣніямъ, которыя онъ положилъ въ основу своихъ литературныхъ теорій; чрезвычайно довѣрчивый къ научнымъ выводамъ, даже гипотетичнымъ, постоянно прислушиваясь къ такъ-называемому „последнему слову“ науки и вѣря въ его безошибочность, Зола попытался установить новый типъ опытной (экспериментальной) литературы, въ служебномъ отношеніи къ научнымъ изслѣдованіямъ. Попытку эту докладчикъ считаетъ неудачной, опираясь отчасти на возраженія, которыя были сдѣланы противъ нея Гюйо и другими критиками. Далѣе онъ указалъ на непоследовательность Зола—теоретика въ его литературныхъ произведеніяхъ, гдѣ романистъ неоднократно впадаетъ въ изысканность и символизмъ, вопреки его собственнымъ теоріямъ. Это уже было подмѣ-

чено Брандесомъ въ его критическомъ этюдѣ о Зола, помѣщенномъ въ „Вѣстникѣ Европы“. Докладчикъ прибавилъ, что въ теоріяхъ Зола можно признать и нѣкоторую долю „парнасѣнизма“. Далѣе Е. В. Аничковъ напомнилъ нѣкоторыя изъ замѣчаній, высказанныхъ русскими критиками, г. Скабичевскимъ и др. Въ стремленіи оставаться на строго реальной почвѣ при изученіи человѣческой природы, умственного и нравственного склада человѣка, въ зависимости отъ внѣшнихъ и фізіологическихъ причинъ, Зола припелъ къ весьма одностороннему взгляду: въ своихъ произведеніяхъ онъ, за весьма немногими исключеніями, останавливается на описаніи лишь низменныхъ свойствъ человѣческой природы, болѣзненныхъ явленій въ испорченныхъ или извращенныхъ натурахъ, на томъ, что онъ самъ обозначилъ терминомъ „человѣка-звѣря“. Отсюда крайній пессимизмъ, характеризующій общій тонъ романовъ Зола, являющагося одновременно и противникомъ цивилизаціи и въ то же время умаляющаго значеніе положительныхъ свойствъ природы человѣка. Докладчикъ закончилъ упоминаніемъ о реакціи противъ натурализма, понятаго въ смыслѣ Зола, у нѣкоторыхъ новѣйшихъ романистовъ-психологовъ, какъ Бурже, Родъ и др., у которыхъ сказывается нѣкоторый поворотъ къ идеализму. Особое значеніе въ этомъ движеніи докладчикъ придаетъ предисловію къ послѣднему роману Рода „Les trois coeurs“. Докладчикъ надѣется вскорѣ представить болѣе подробный разборъ писателей этого новѣйшаго направленія.

У. Переводы на русскій языкъ произведеній иностранной литературы. На засѣданіи 16-го февраля, П. И. Вейнбергъ прочелъ отрывки изъ своего перевода (въ стихахъ) Шиллеровой драмы „Маріи Стюартъ“, указавъ при этомъ на тѣ принципы, которыми онъ руководствовался при переводѣ и прося провѣрить его. Такъ, докладчикъ настаиваетъ на чрезвычайной точности перевода, при сохраненіи даже недостатковъ оригинала, такъ какъ переводчику неумѣстно исправлять того автора, съ которымъ онъ желаетъ познакомиться не влаждѣющихъ языкомъ подлинника. Главною заботою переводчика должно быть стараніе воспроизвести стиль писателя, его манеру выражаться и образность, соотвѣствующими формами чужой рѣчи, на которой долженъ быть переданъ и колоритъ оригинала. Нѣкоторыя замѣчанія относительно большей или меньшей вѣрности передачи эпитетовъ, собственныхъ именъ (Лейчестеръ?) и отдѣльныхъ выраженій—были сдѣланы г. Брауномъ, Струве, Ершптедомъ и др., но въ общемъ докладчику было выражено полное сочувствіе къ его труду

и мастерскому выполнению его перевода. На другомъ засѣданіи, 12-го октября, *П. И. Вейнбергъ* прочелъ свой переводъ (въ стихахъ)— „Lill's Park“—Гете, предпославъ своему чтенію нѣсколько замѣчаній о біографическомъ значеніи настоящаго стихотворенія, въ которомъ Гете воспѣлъ Елизавету Шенманъ (докладъ *П. И. Вейнберга* напечатанъ въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, ноябрь). На засѣданіи 27-го апрѣля, *А. Н. Веселовскій* предложилъ на усмотрѣніе собравшихся гг. членовъ отрывки изъ своего перевода „Декамерона“ Боккачіо. Докладчикъ вкратцѣ формулировалъ свой взглядъ на тѣ требованія, которымъ долженъ удовлетворять переводъ произведенія, принадлежащаго иному историко-культурному моменту, чѣмъ современная литература и отражающаго въ особенностяхъ стиля и изложенія своеобразныя особенности таланта автора, а также тѣ литературныя приемы, которые онъ заимствовалъ отъ своихъ образцовъ; далѣе *А. Н. Веселовскій* охарактеризовалъ стиль прозы Боккачіо и отмѣтилъ то увлеченіе имъ, которое сказывалось у италіанцевъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ нашего вѣка. Стараясь по возможности точно передать не только содержаніе, но и стиль автора, докладчикъ придалъ нѣкоторый характеръ архаизма и своему переводу. Нѣкоторыя детальныя замѣчанія по поводу прослушаннаго перевода введенія къ Декамерону были высказаны присутствующими, при чемъ всѣ единогласно оцѣнили его мастерство и близость къ оригиналу.

За симъ *П. И. Вейнбергъ* прочелъ стихотворный переводъ одного изъ стихотвореній „Декамерона“ Боккачіо, при чемъ замѣтилъ, что всѣ эти короткія пьесы въ стихахъ не отличаются особенною глубиной, ни оригинальностью содержанія, но представляютъ трудности въ формальномъ отношеніи, ибо чередованіе рими и структура стиха довольно замысловаты. Переводчикъ попытался воспроизвести эти особенности оригинала и, по общему мнѣнію, онъ справился весьма удачно съ затрудненіями. Вслѣдъ за симъ *П. И. Вейнбергъ* прочелъ вольный переводъ того же стихотворенія, исполненный гг. *П. Д. Бутурлинымъ*, который, по заявленію докладчика, весьма изящно выполненъ, но на столько разнится отъ оригинала, что самъ авторъ далъ ему заглавіе: „на мотивъ“ изъ Боккачіо.

На засѣданіи 9-го декабря, *С. Н. Сыромятниковъ* прочелъ отрывки перевода *Guta-saga*, исполненнаго имъ по тексту, изданному *Save* (см. выше, II).

VI. О новизнѣ книгъ и изданій доложено было: на засѣданіи

19-го января *А. Н. Веселовскимъ: J. Polivka, Dvë povedky v české literature XV st., v Praze, 1889* (работа тщательная, но рецензентъ расходитъ въ выводахъ, см. выше, I); на засѣданіи 16-го февраля *С. А. Венеровымъ*—о первомъ выпускѣ американскаго журнала „*The Poet-love*“ (программа интересна, и не дурна статья *Haskell Dole*'я о русскій драмѣ, съ удовлетворительнымъ переводомъ по-англійски нѣкоторыхъ сценъ изъ Пушкинскаго „*Бориса Годунова*“); на засѣданіи 2-го марта г. *Флери*—о статьяхъ г. *Боюлюбова* „*Единство въ ученіи о временахъ глаголь*“ (*Филологич. Записки, 1881 г., Гимназія 1888 г.*) (не лишено остроумія, но крайне не практично; см. выше, III); *П. А. Сырку*—о первомъ выпускѣ „*Сборника за народни умотворения, наука и книжнина (София, 1889)*“, издаваемого болгарскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія (двойная цѣль изданія—прикладная и научная, отсюда крайне смѣшанный характеръ статей; вводная статья г. *Шишманова* о значеніи и задачахъ этнографіи, но безинтересна для исторіи науки, но есть недочеты; статья г. *Драюманова* „*славянскія сказанія о принесеніи въ жертву собственнаго дитяти*“ любопытна по новымъ матеріаламъ, но неудовлетворительна въ смыслѣ построения; интересны статьи г. *Константинова* о родоскомъ нарѣчій и г. *Каранова* „*Указатель вариантовъ къ сборнику болгарскихъ пѣсень братьевъ Миладиновыхъ*“; языкъ сборника страдаетъ сильными варваризмами, но они предпочтительнѣе принятой чехами манеры фабриковать слова); на засѣданіяхъ 2 и 23 марта, *Ө. Д. Батюшковымъ: Jeunroy, Les origines de la poésie lyrique en France, au moyen-âge, études de littérature française et comparée, Paris, 1889* (трудъ почтенный, но многое въ объясненіяхъ автора о происхожденіи видовъ лирической поэзіи подлежитъ спору, см. выше, I). На засѣданіи 23-го марта *А. Н. Веселовскимъ: о трудѣ М. Кудряшева* „*Пѣсьн о Нибелунгахъ, переводъ съ введеніемъ и примѣчаніями*“, С.-Петербургъ, 1890 (книга заслуживаетъ одобренія и была неправильно оценена въ газетныхъ рецензіяхъ); московское изданіе *Этнографическое Обозрѣніе* и варшавское *Wisla* представляютъ благой починъ въ полезномъ предпріятіи. *Zeitschrift für Volkskunde* hgg. von *Vekkenstedt, I, 1889* (не удовлетворительна статья о космогоніи *Арійцевъ*, см. в. I).

На засѣданіи 13-го апрѣля *А. Н. Веселовскимъ: А. Пятини* *Исторія русской этнографіи, т. I* (крайне цѣнный трудъ); *Сумцова* „*Воронъ въ народной словесности*“, Москва, 1890 г. (примѣкаетъ къ роду статей, обычныхъ во франц. журналахъ по фольклору, которыя

не лишены значенія, не смотря на нѣсколько вышнюю постановку вопроса); *Созоновича* „Пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ“, Варшава, 1890 (отличается тѣмъ же характеромъ, какъ и прежняя работа того же автора „Пѣсни о дѣвухѣхъ воинѣхъ“, о которой рецензентъ далъ отзывъ въ *Archiv f. slav. Philologie*, изд. Ягичемъ); *Čenek Zibrt*, *Poctive mřavu a společenske řady při jidle a pití, v Praze*, 1890 (заслуживаетъ полнаго вниманія); *A. Kraus*, *Jan z Michalovic.-Němeska baseň třináctého věku, v Praze*, 1890 (указываетъ на вліяніе нѣмецкой литературы на чешскую въ средніе вѣка). На засѣданіи 12-го октября *A. Н. Пономаревъ*: *Amiaux*, *La légende syriaque de saint Alexis, l'homme de Dieu. Paris 1889* въ *Bibl. de l'école des hautes études* (см. в. I).

VII. *Некрологи*: На засѣданіи 12-го октября *A. Н. Веселовскій* сказалъ нѣсколько словъ памяти профессора Лейпцигскаго университета *A. Эберта*, скончавшагося 1-го іюля 1890 г. Пр. Эбертъ (род. 1820 г.) принадлежитъ вмѣстѣ съ Длицомъ и Фердинандомъ Вольфомъ къ числу первыхъ дѣятелей и организаторовъ нео-филологическихъ занятій, преимущественно въ области романскихъ литературъ. Его ранній трудъ по исторіи развитія французской трагедіи (1859) нынѣ не утратилъ значенія и во многихъ отношеніяхъ можетъ быть названъ образцовымъ. Пр. Эбертъ основалъ вмѣстѣ съ пр. Лемке первый періодическій журналъ, посвященный спеціально изслѣдованіямъ по романскимъ и англійскимъ литературамъ (*Jahrbuch für romanische und englische Literatur*); къ участию въ немъ были приглашены нѣкоторые изъ нынѣшнихъ свѣтилъ романской филологіи, въ ту пору только что начинавшихъ свою научную карьеру. Впослѣдствіи Эбертъ продолжалъ изданіе журнала безъ содѣйствія Лемке и довелъ его до 1872 г.; въ настоящее время по образцу *Jahrbuch'a* Эберта возникла цѣлая серія журналовъ и періодическихъ изданій, посвященныхъ занятіямъ по романской и германской филологіи. Главнымъ трудомъ Эберта является его *Исторія христіано-латинской литературы въ средніе вѣка* (*Allgemeine Gesch. ichte der Literatur des mittelalters im Abendlande; Geschichte der christlich-lateinischen Literatur, I—III, 1874—1887*), заканчивающаяся эпохою зарожденія національныхъ, нео-европейскихъ литературъ. Первый томъ этого сочиненія, выдержавшій уже два изданія и переведенный на французскій языкъ, представляется особенно важнымъ и прекрасно обработаннымъ; многіе отдѣлы въ немъ выполнены съ рѣдкимъ мастерствомъ;

если же порою имѣются недочеты и нѣкоторыя характеристики блѣдноваты, то не надо опускать изъ виду, что Эбертъ выступилъ по многимъ вопросамъ пионеромъ и впервые затрогивалъ нѣкоторые факты, о которыхъ еще не вполне разъяснены. Во всякомъ случаѣ, дѣятельность Эберта оставила по себѣ крупный слѣдъ въ наукѣ, и труды его представляютъ цѣнный вкладъ въ область изученія средневѣковой литературы.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Сентябрь 1891 года.

I.

Созданіе системы „современнаго средняго образованія“ составляетъ главнѣйшее явленіе послѣдняго времени въ нашемъ педагогическомъ мѣрѣ. До сихъ поръ молодые люди, предназначавшіе себя изученію математическихъ и естественныхъ наукъ, должны были непременно проходить курсъ греческаго и латинскаго языковъ для полученія степени бакалавра, хотя, по правдѣ сказать, они мало узнавали ихъ. Теперь учреждается новый курсъ средняго образованія безъ классическихъ языковъ. Подобно средней классической школѣ (конечно, не уничтоженной), училища новой системы дѣлятся на шесть классовъ, восходящихъ отъ шестаго (низшаго) до перваго. Предметы преподаванія въ нихъ слѣдующіе: французскій языкъ и французская литература, англійскій и нѣмецкій языки, также съ ихъ литературой, философія, нравственныя науки, начала права, начала политической экономіи, исторія, географія, математика, физика и химія, естественныя науки, рисованіе, счетоводство. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ этого типа англійскій языкъ можетъ быть замѣненъ италіанскимъ или испанскимъ. Ученики, получившіе дипломъ на званіе бакалавра „современнаго средняго образованія“, могутъ сдавать экзаменъ на магистра (лиценціата) физико-математическихъ наукъ или на фармацевта перваго разряда. Для другихъ научныхъ профессій степень бакалавра классическаго образованія остается по прежнему обязательною. Впрочемъ, устраняя изученіе древнихъ языковъ, вновь введенная учебная программа даетъ широкое мѣсто занятіямъ словесностью: она знакомитъ учениковъ (разумеется—въ переводѣ)

съ твореніями великихъ классиковъ древняго міра, съ Гомеромъ, Ксенофонтomъ, Плутархомъ, Саллюстіемъ, Есхиломъ, Еврипидомъ, Плавтомъ и Теренціемъ. Ученикамъ преподается исторія греческой и латинской литературы; они должны будутъ ознакомиться даже съ нѣкоторыми первоклассными сочиненіями испанской и италянской литературы. Приверженцы классической системы приходятъ въ отчаяніе отъ сокращенія ея прежняго значенія въ школьномъ образованіи; но всѣ желающіе получить строгое высшее образованіе по-прежнему будутъ проходить курсъ школы классической, и, быть можетъ, она выиграетъ, избавившись отъ учениковъ, не имѣвшихъ призванія къ изученію классическихъ языковъ. Во всякомъ случаѣ, любопытно будетъ знать, каковы окажутся результаты опыта, который является послѣдствіемъ похода, уже нѣсколько лѣтъ предпринятаго противъ классической системы. Но поколѣніе, воспитанное на началахъ „системы современнаго образованія“, только лѣтъ черезъ десять достигнетъ зрѣлаго возраста. Трудно пока сказать что-либо, не зная послѣдствій. Скорѣе узнаемъ мы, много ли молодежи пойдетъ въ новыя школы, и возвратитъ ли новая система въ государственныя лицеи молодыхъ людей, которые съ нѣкоторыхъ поръ стали, повидимому, уклоняться отъ поступленія въ нихъ. Съ 1876 по 1887 годъ число учениковъ государственныхъ лицеевъ простиралось до 10,900 человекъ, но съ 1887 по 1891 годъ произошло уменьшеніе, и число учащихся упало до 6.188. Правда, что въ это время плата за ученіе была значительно увеличена, а съ другой стороны, достоверно извѣстно, что училища духовныхъ конгрегацій приобрѣли за это время около 1200 новыхъ учениковъ.

Между тѣмъ какъ педагогическое значеніе древнихъ языковъ стало оспариваться и преподаваніе ихъ подверглось сокращенію въ официальной программѣ, извѣстный филологъ Бреаль высказалъ свое мнѣніе объ его важности и характерѣ. Онъ сдѣлалъ свое сообщеніе въ цѣломъ рядѣ бесѣдъ со студентами Парижскаго словеснаго факультета. Бреаль полагаетъ, что долго еще будетъ затруднительно давать образованіе не-классическое. Составъ преподавателей, который долженъ воспитать французское юношество съ помощью французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, политической экономіи, исторіи искусствъ и наукъ, не готовъ и даже еще не существуетъ. Итакъ, пока древніе языки стоятъ въ программѣ, надо стараться изучать ихъ съ возможно большею тщательностью. Бреаль даетъ по этому поводу превосходные совѣты. Прежде всего онъ ставитъ вопросъ: для чего изучаютъ латинскій языкъ? Ему не мудрено было

доказать, что нельзя вполне знать французскій языкъ безъ изученія латинскаго; затѣмъ онъ объясняетъ, какъ трудно націи отъязаться отъ усвоенія того языка, на которомъ написаны ея религіозныя и богослужебныя книги. Доводъ этотъ тѣмъ обиднѣе, что самъ Бреаль—еврей по происхожденію. Далѣе, съ точки зрѣнія нравственной не слѣдовало бы отказываться отъ изученія языковъ, на которыхъ высказаны нѣкоторыя величайшія истины человѣчества. Затѣмъ онъ объясняетъ, чѣмъ было изученіе латинскаго языка въ прошломъ, начиная съ среднихъ вѣковъ до новыхъ нѣмецкихъ филологовъ. Онъ объясняетъ пользу изученія классическихъ языковъ для развитія ума и говоритъ, въ чемъ долженъ состоять способъ преподаванія ихъ. Особенно совѣтуетъ онъ избѣгать преувеличенія грамматическаго педантизма. Его разумные совѣты молодымъ французскимъ учителямъ заслуживаютъ вниманія всѣхъ будущихъ педагоговъ. Бреаль столь же дѣльный педагогъ, какъ и отличный лингвистъ.

II.

Въ области ученой литературы я имѣю сообщить вамъ о важныхъ изданіяхъ по изученію греческихъ авторовъ. Прежде всего назову „Женевскія Сколіи Илиады“, изданныя съ историческимъ и критическимъ этюдомъ о Genevensis 44 и съ коллаціей этой рукописи,—трудъ Николая, профессора греческой филологіи въ Женевскомъ словесномъ факультетѣ (*Les Scolies genevoises de l'Iliade publiées avec une étude historique et critique sur le Genevensis 44 et une collation complète de ce manuscrit*). Этотъ трудъ, изданный подъ покровительствомъ Женевскаго общества наукъ и искусствъ, составитъ значительный вкладъ въ область изученія гомеровскихъ текстовъ. Еще въ 1556 году Анри Этіенъ, напечатавшій въ Женевѣ изданіе греческихъ эпическихъ поэмъ, особенно старался установить текстъ Гомера на основаніи одной рукописи, которую считалъ лучше всѣхъ прочихъ. Но съ XVI вѣка эта рукопись считалась пропавшею; Николь отыскалъ ее въ Женевской библиотекѣ и сдѣлалъ такимъ образомъ настоящее открытіе. Рукопись эта даетъ не только прекрасный текстъ Гомера, но и содержитъ въ себѣ междустрочную парафразу къ 12 первымъ пѣснямъ Илиады въ редакціи, которая существовала, повидимому, до XII вѣка. Но что всего важнѣе въ этой рукописи, это приложенныя къ ней сколіи. Нѣкоторыя изъ нихъ встрѣчаются въ другихъ рукописяхъ, а другія совершенно не были извѣстны.

Въ нихъ не только содержатся извлеченія изъ сочиненій неизвѣстныхъ грамматиковъ, но встрѣчаются и неизвѣстные доселѣ фрагменты изъ твореній Алькоя, Софокла, Эфоріона, Аполлодора, Ксенофонта, Солона и даже Аристотеля. Николь издалъ и комментировалъ всѣ эти сокровища съ большою критикою и эрудиціей. Всѣ еллинисты будутъ ему признательны за это превосходное изданіе.

Одинъ французскій еллинистъ, преждевременно умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ (едва ли ему было 30 лѣтъ), Шарль Гро, по порученію французскаго правительства дважды ѣздилъ въ Испанію для изученія греческихъ рукописей тамошнихъ библіотекъ. Онъ фотографировалъ нѣкоторыя изъ нихъ и намѣренъ былъ издать ихъ точныя снимки. Его предпріятіе приведено въ исполненіе уже послѣ его кончины, благодаря усердію другаго еллиниста—Альберта Мартена. Онъ только что выпустилъ въ свѣтъ „Снимки греческихъ рукописей Испаніи“ выгравированныя по фотографіямъ Шарля Гро, съ транскрипціей и примѣчаніями (Парижъ. Гашеттъ). Атласъ Гро отпечатанъ въ листъ, съ 18 таблицами и 127 страницами текста. На этихъ таблицахъ помѣщено 63 точныхъ снимка, выбранныя изъ 36 рукописей библіотекъ Эскуриала, Мадрита и Толедо. Время написанія этихъ рукописей относится къ періоду отъ X по XV вѣкъ.

Собраніе путеводителей Жоанна обогатилось новымъ томомъ, тоже очень любопытнымъ для еллинистовъ, именно описаніемъ континентальной Греціи и ея острововъ. Этотъ томъ редактированъ Осулье, бывшимъ питомцемъ Аѳинской школы и профессоромъ школы высшихъ знаній. Ему помогали какъ нѣкоторые нынѣшніе питомцы этой школы, такъ и другіе французскіе путешественники. Книга эта включаетъ въ себѣ, кромѣ описанія континентальной Греціи, описаніе Эпира и Крита. Это не только практичный путеводитель для путешественниковъ, но и драгоцѣнное пособіе для археологическаго знакомства съ Греціей. Къ книгѣ приложено 17 картъ и 22 плана.

Я долженъ еще указать не только еллинистамъ, но и всѣмъ, кто занимается церковною исторіей, на книгу Пюеха о св. Іоаннѣ Златоустѣ и о нравахъ его времени (Saint Jean Chrysostome et les moeurs de son temps). Пюехъ состоитъ профессоромъ словеснаго факультета въ Реннѣ. Въ 1890 году Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ предложила на конкурсѣ слѣдующую тему: „изложить по твореніямъ Іоанна Златоуста нравы его времени и разобрать съ нравственной стороны его сужденіе о нихъ“. Награда присуждена труду Пюеха, который и печатается теперь. Авторъ начинается съ разбора писателей,

изучавшихъ творенія Златоуста во Франціи и Германіи; затѣмъ излагаетъ его значеніе въ Антиохіи и въ Константинополѣ и показываетъ, что его творенія знакомятъ насъ со всѣми слоями общества, съ семьей, бракомъ, рабами, дворомъ, религиозными и политическими отношеніями его времени. Книга заключается восторженною похвалою великому отцу церкви. Этотъ трудъ написанъ очень изящно и въ высшей степени любопытенъ въ чтеніи.

Въ началѣ нынѣшняго года ученый міръ былъ живо изумленъ сдѣланнымъ въ Англии открытіемъ не извѣстнаго доселѣ сочиненія Аристотеля объ аѳинскомъ государственномъ устройствѣ. Въ разныхъ странахъ принялись за его изслѣдованіе. Въ Парижѣ готовится его изданіе Осулье, а между тѣмъ уже вышло въ свѣтъ изданіе Теодора Рейнаха: „Аѳинская республика, переводъ, впервые сдѣланный на французскій языкъ“ (1 т. Парижъ. Ганеттъ). Авторъ прекраснаго изслѣдованія о Митридатѣ Евпаторѣ, вышедшаго въ прошломъ году, о которомъ я вамъ писалъ тогда же, г. Рейнахъ признаетъ несомнѣнною подлинность этого любопытнаго отрывка и считаетъ его наиболѣе выдающимся произведеніемъ изъ всего, что написалъ Аристотель.

Только что вышла въ свѣтъ XV-я книжка „Словара греческихъ и римскихъ древностей“. Она начинается со слова Elephas и идетъ до Eripotia. Въ числѣ самыхъ важныхъ статей этого выпуска укажу на слѣдующія: Eleusina—Ленормана, Elephas—Саломона Рейнаха, Etna piration — Бодри, Epherbi — Жирара и т. д. Изданіе это по прежнему безукоризненно, и иллюстраціи его, исполняемыя исключительно по памятникамъ, по-истинѣ чудесны.

Между тѣмъ какъ начинаютъ комментировать вновь открытое твореніе Аристотеля, старикъ Бартеlemi Сентъ-Илеръ продолжаетъ переводить и комментировать прежде извѣстныя сочиненія знаменитаго философа. Онъ напечаталъ первый томъ своего перевода еще въ 1837 году и съ тѣхъ поръ, въ продолженіе полувѣка, продолжаетъ неустанно свой серьезный трудъ. Молодые еллинисты указываютъ на отсталость почтеннаго философа въ научномъ отношеніи и утверждаютъ, что переводъ его неудовлетворителенъ; но его усердіе тѣмъ не менѣе достойно всякаго уваженія, особенно въ виду того, что многія изъ сочиненій Аристотеля переведены имъ на французскій языкъ впервые. Такъ, Бартеlemi Сентъ-Илеръ далъ намъ первый переводъ на французскій языкъ его „Проблемъ“. Своему переводу онъ предпосылаетъ разсужденіе о сочиненіи и подлинности

„Проблемъ“. Переводчикъ заявляетъ, что эти два тома будутъ послѣднимъ его трудомъ касательно Аристотеля. Онъ желаетъ посвятить остатокъ своей жизни сочиненію біографіи Виктора Кузена, памяти котораго посвященъ и этотъ трудъ. Кузень, какъ вамъ извѣстно, былъ переводчикомъ Платона.

Я сообщалъ вамъ въ свое время о книгѣ Конпере: „Histoire critique des doctrines de l'éducation en France depuis le XVI siecle“. Этотъ превосходный трудъ, увѣнчанный Французскою академіей и Академіей надписей и словесности, достигъ нынѣ пятаго изданія. Со времени перваго появленія его въ свѣтъ Конпере не переставалъ заниматься педагогическими вопросами. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи „Педагогическаго словаря“ Бюиссона и „Большой Энциклопедіи“, въ которыхъ помѣстилъ множество статей; онъ сотрудничалъ также въ газетѣ *République française*, основанной Гамбеттою. Недавно онъ собралъ всѣ свои статьи, напечатанныя въ этой газетѣ, подъ заглавіемъ: „Этюды о преподаваніи и воспитаніи“. Книга эта раздѣляется на четыре части: первая часть, подъ названіемъ „За границей“, касается учебнаго дѣла въ Испаніи, Южной Америкѣ, Англіи, Шотландіи, Германіи и Россіи. Между прочимъ Конпере посвящаетъ большую главу критикѣ педагогическихъ взглядовъ графа Л. Н. Толстого и судитъ его довольно строго. „Педагогія графа Толстого“, говоритъ онъ, — „есть отрицаніе самой педагогіи, это родъ педагогическаго нигилизма. Я не знаю мыслителя, который возставалъ бы съ такимъ ожесточеніемъ и яростью противъ общепринятыхъ мнѣній, противъ нынѣ существующихъ школьныхъ учрежденій. Съ какою-то дикою яростью великій русскій романистъ разрушаетъ по частямъ зданіе, съ трудомъ возведенное опытомъ и прогрессомъ долгихъ временъ... Критикуя приемы и дѣятельность педагоговъ и все ими созданное, Толстой походитъ на нетрезваго дровосѣка, проникшаго въ чащу хорошо подчищеннаго парка и начавшаго разрушать и опустошать его, бѣшено перенося свой топоръ съ дерева на дерево, на всѣ кустарники, и радующагося его полному разрушенію, чтобы дать возможность новымъ побѣгамъ расти впредь съ полною свободой“. Вторая часть книги Конпере посвящена вопросамъ начальнаго обученія, третья — вопросамъ средняго образованія, а четвертая — вопросамъ высшаго образованія. Конпере — прекрасный писатель и умный и осторожный мыслитель; читать его книгу пріятно и поучительно.

Почти одновременно съ этимъ сборникомъ появилась книга Альфреда Фулье „L'Enseignement au point de vue national“. Фулье прежде всего

философъ, авторъ прекраснаго сочиненія о философіи Платона. Кромѣ того, имъ напечатано нѣсколько сочиненій по социальнымъ наукамъ. Ему хотѣлось бы возвысить значеніе философіи въ дѣлѣ воспитанія. Одни, говоритъ онъ, желаютъ, чтобы основаніемъ воспитанію служили точныя науки, другіе—литература; эти послѣдніе въ свою очередь подраздѣляются на сторонниковъ изученія древнихъ языковъ и на сторонниковъ изученія новыхъ языковъ. Фуллье задаетъ себѣ вопросъ: не слѣдуетъ ли искать все добро и точныхъ наукъ, и литературы въ познаніи человѣка, общества, великихъ міровыхъ законовъ, то-есть, въ наукахъ нравственныхъ и общественныхъ и въ эстетикѣ, однимъ словомъ—въ философіи. Такого рода образованію положено начало въ Италіи; тамъ психологія, логика, нравственность и философія обыкновенно преподаются въ трехъ послѣднихъ классахъ лицеевъ. Фуллье желаетъ создать національное образованіе при помощи философіи.

Изданіе монографій о великихъ французскихъ писателяхъ обогатилось еще двумя томами: о Мирабо—Эдмонда Русса и о Рютбефѣ—Леона Кледѣ. Эдмондъ Руссъ—извѣстный адвокатъ, который благодаря своему краснорѣчію, сдѣлался членомъ Французской академіи. Въ своей книгѣ о Мирабо онъ не претендуетъ сообщить читателю что-либо новое; знаменитый трибунъ прошлаго вѣка былъ уже предметомъ многихъ сочиненій, изъ которыхъ напомнимъ особенно трудъ Ломени. Руссъ искусно воспользовался этими трудами, и его небольшая книжка будетъ полезна всѣмъ, не имѣющимъ времени читать сочиненія большаго объема.

Книгу Кледѣ о Рютбефѣ рекомендую всѣмъ интересующимся исторіей древней французской литературы и общества. Кледѣ—профессоръ древняго французскаго языка въ Ліонскомъ словесномъ факультетѣ, большой знатокъ нашей средневѣковой эпохи. Благодаря его монографіи, читатели познакомятся съ однимъ изъ самобытнѣйшихъ поэтовъ того времени. Рютбефъ—настоящій типъ трубадура-жонглера, праотецъ Виллона, Маро и Ренье. Его сатиры, на которыхъ Кледѣ справедливо останавливается съ особеннымъ вниманіемъ, освѣщаютъ исторію XIII вѣка, особенно исторію быта духовенства; поэтъ расточаетъ свои эпиграммы на монашескіе ордена, особенно на монаховъ нищенствующихъ. Сочиненія Рютбефа весьма разнообразны; онъ писалъ лирическія піесы, сатиры, поэмы аллегорическія, драматическіе опыты, жизнеописанія святыхъ. Книгѣ, освященной Рютбефу, недостаетъ болѣе подробныхъ библиографиче-

скихъ указаній; но въ замѣнъ того она представляетъ собою цѣлую антологию сочиненій Рютбефа, такъ какъ Кледъ далъ въ ней множество отрывковъ въ переводѣ на современномъ французскомъ языкѣ.

Альбертъ Сорель только что издалъ третій томъ своего большаго сочиненія „Европа и Революція“, подъ заглавіемъ „La guerre aux rois“; онъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: „Вторженіе и Республика“ и „Коалиція и терроръ“. При помощи не изданныхъ документовъ авторъ превосходно объясняетъ, какимъ образомъ революціонная Франція, потерпѣвши сперва рядъ неудачъ, переступила затѣмъ за свои границы, расширила свои владѣнія и достигла предѣловъ древней Галліи, своихъ границъ естественныхъ. Онъ объясняетъ также образованіе коалиціи. Какъ извѣстно, Сорель—большой знатокъ исторіи дипломатіи. Онъ хорошо освѣщаетъ тотъ мало извѣстный фактъ, что въ сферѣ дипломатіи революціонная Франція шла по пути, намѣченному монархіей. Такъ напримѣръ, все сдѣланное революціей въ Италіи, было исполненіемъ плановъ, задуманныхъ монархіей; внѣшняя политика Дантона отвѣчаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ политикѣ Людовика XV. Все это весьма любопытно и изложено прекрасно.

Шеферъ, управляющій школою восточныхъ языковъ, напечаталъ въ „Библіотекѣ“ этой школы весьма любопытную книгу по исторіи востока: „Состояніе Персіи въ 1660 году, сочиненіе отца Рафаила“. Этотъ монахъ былъ во второй половинѣ XVII вѣка настоятелемъ французскихъ капуциновъ, поселившихся въ Испани. Страстно преданный математическимъ наукамъ, онъ пользовался довѣріемъ персидскихъ государей и исполнялъ при нихъ обязанности толмача. О немъ упоминали путешественники, посѣщавшіе въ то время Персію—Тавернье, Тэвено, Шарденъ. Кольберъ, министръ Людовика XIV, поручилъ отцу Рафаилу составить для него полное описаніе этого государства. Этотъ замѣчательный документъ, остававшійся до сей поры не изданнымъ, не могъ найти лучшаго издателя, чѣмъ Шеферъ. Ученый оріенталистъ написалъ къ нему длинное введеніе, въ которомъ сообщаетъ о сношеніяхъ западной Европы съ Персіей до XVIII вѣка, а въ приложеніи напечаталъ письма Людовика XIV къ Персидскимъ шахамъ и записку Тавернье о торговлѣ въ Персіи.

Ваши читатели, слѣдящіе за *Revue des Deux Mondes*, быть можетъ, замѣтили статьи, помѣщенные въ этомъ журналѣ безъ подписи о балканскихъ княжествахъ. Теперь статьи эти собраны подъ заглавіемъ „Воспоминаніи о Балканахъ: отъ Салоникъ до Вѣлграда и отъ Дуная до Адриатическаго моря“. На этотъ разъ авторъ подпи-

сался именемъ Рене Милле; бывшій французскій посланникъ въ Бѣлградѣ, онъ теперь состоитъ французскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ. Дипломатическое положеніе Милле не позволяло ему открыто высказывать свои мысли о странахъ, по которымъ онъ путешествовалъ; онъ рисковалъ повредить своему правительству или самому себѣ. Но какъ умный человѣкъ, онъ описалъ преимущественно типы людей и мѣстность. Не знаю, на сколько можетъ эта книга понравиться русскимъ читателямъ.

Вамъ извѣстны сочиненія отца Пирлинга о сношеніяхъ Россіи съ папами. Теперь онъ выпустилъ въ свѣтъ новый томъ, интересный не менѣе прежнихъ: „Россія и Востокъ: Бракъ Ивана III съ Софією Палеологъ. (La Russie et l' Orient. Le mariage d' Ivan III et de Sophie Paléologue, un vol. in 18, Librairie Lezoux). Этотъ бракъ всегда занималъ русскихъ историковъ, но имъ не были извѣстны документы о немъ, хранящіеся въ италіанскихъ архивахъ. Пирлингъ сдѣлалъ въ архивахъ Венеціи любопытныя открытія, на примѣръ, что Иванъ Фрязинъ былъ не кто иной, какъ Джанъ-Батисто дела Вольпе, а племянникъ его Антонъ былъ Антоніо Гисларди, оба родомъ изъ Виченцы; Пирлингъ сообщаетъ много любопытнаго объ ихъ семействахъ. Онъ же открылъ въ государственныхъ архивахъ Рима настоящее имя легата, посланнаго въ Москву Сикстомъ IV. Этотъ легатъ былъ епископомъ въ Корсиѣ, по имени Антоніо Бонумбре. Авторъ даетъ любопытныя подробности о проѣздѣ Зои, то-есть, Софіи Палеологъ, черезъ Витербо, Сиенну, Болонью, Виченцу, Нюрнбергъ и Любекъ. Эта небольшая книжка едва ли не самое любопытное изъ сочиненій отца Пирлинга.

Л. Л—ръ.

дательной, во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто несовершенное умозаключеніе, съ тѣмъ только различіемъ, что иногда оно доказывается отъ невозможнаго ¹⁾, а иногда черезъ обращеніе возможной посылки, какъ мы то имѣли выше; именно, умозаключеніе черезъ обращеніе имѣемъ мы тогда, когда большая посылка взята всеобщей и въ значеніи бытія или небытія, а меньшая—частно-отрицательной и возможной, какъ, напримѣръ, если А присуще или не присуще всякому В, а В можетъ быть не присуще въ некоторымъ В: обративъ ВВ, какъ возможное, мы получимъ заключеніе ²⁾. Если же [меньшая] посылка взята частно-отрицательной и относящейся къ дѣйствительности, заключенія не получается ³⁾; термины для утвержденія: бѣлое-животное - снѣгъ, для отрицанія: бѣлое - животное - деготь; доказательство можно вести и изъ свойствъ неопредѣленнаго ⁴⁾. Если, далѣе, мы возьмемъ большую посылку частною, а меньшую—всеобщей, заключенія никомъ образомъ не получится, все равно будетъ ли та или другая изъ нашихъ посылокъ утвердительной или отрицательной, выражаетъ ли она возможное или дѣйствительное ⁵⁾. Не будетъ, наконецъ, заключенія и тогда, когда обѣ посылки частныя или неопредѣленныя, все равно взяты ли онѣ въ смыслѣ возможнаго или дѣйствительнаго, или одна въ смыслѣ возможнаго, другая—дѣйствительнаго ⁶⁾. Доказательство здѣсь то же, что въ предыдущихъ случаяхъ. Понятія для всѣхъ случаевъ: для необходимаго бытія: животное-бѣлое-человѣкъ, для невозможнаго: животное-бѣлое-одежда. Итакъ мы

¹⁾ Это модусы AI, I, I, I и EI, O, O, O . Модусъ AI, I, I, I доказывается отъ невозможнаго слѣдующимъ образомъ: предположимъ, что ни одно В не можетъ быть А, но все В суть А (большая изъ данныхъ посылокъ), слѣдовательно, ни одно В не можетъ быть В (по модусу AE, E, II), что, однако, невозможно, ибо противорѣчитъ данному; слѣдовательно, и т. д.—Модусъ EI, O, O, O доказывается тоже отъ невозможнаго: еслибы все В необходимо были А, то такъ какъ ни одно В не есть А, ни одно В не былобы В (по модусу EA, E, II), что, однако, противорѣчитъ данному; слѣдовательно, и т. д.

²⁾ Это модусы AO, I, I, I и EO, I, I, I , сводимые черезъ превращеніе сужденій O, O въ I, I , къ модусамъ AI, I, I, I и EI, I, I, I первой фигуры.

³⁾ Модусы A, O и E, O .

⁴⁾ Частно отрицательное сужденіе не противорѣчитъ обще-отрицательному: оно можетъ быть принято въ смыслѣ неопредѣленномъ (ср. гл. 5); но модусы A, E и E, E не дали заключеній, слѣдовательно ихъ не дадутъ и модусы A, O и E, O (какъ могущіе имѣть значеніе первыхъ).

⁵⁾ Модусы $I, A, IA, I, E, IE, O, A, OA, O, E, OE$.

⁶⁾ Модусы $I, I, II, I, O, IO, O, I, OI, O, O, OO$. Случай, когда обѣ посылки возможны или обѣ касаются дѣйствительнаго бытія, сюда не принадлежатъ, но разсмотрѣны въ гл. 4 и 14.

видимъ, что когда большому крайнему термину свойственна всеобщность, заключеніе всегда получается ¹⁾, а когда меньшему—никогда.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Заключенія по первой фигурѣ изъ одной посылки необходимой и одной—возможной.

Если одна посылка указываетъ на необходимость бытія, а другая на возможность, умозаключеніе будетъ имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда понятія находятся въ тѣхъ же отношеніяхъ [какія указаны въ предыдущей главѣ], и при томъ умозаключеніе будетъ совершеннымъ, когда необходимость придана меньшему термину. Если обѣ посылки утвердительныя, все равно всеобщія или не всеобщія, заключеніе будетъ указывать на возможность бытія, а не на дѣйствительность; если же одна посылка утвердительная, а другая—отрицательная, заключеніе будетъ указывать на возможность бытія, когда утвердительная посылка необходима, и на возможность небытія и его дѣйствительность, когда отрицательная посылка необходима, причемъ термины могутъ быть какъ всеобщими, такъ и частными. Возможность [бытія] въ заключеніи надо понимать такъ же, какъ въ предыдущихъ случаяхъ. Заключеній о необходимости небытія здѣсь не получается, ибо не необходимое бытіе есть нѣчто иное, чѣмъ необходимое небытіе.

Что изъ утвердительныхъ посылокъ не вытекаетъ необходимаго заключенія, совершенно ясно. Пусть [вопервыхъ] А необходимо присуще всякому В, и В можетъ быть присуще всякому В ²⁾; получается несовершенное умозаключеніе, что А можетъ быть присуще всякому В: что это умозаключеніе несовершенно, видно изъ доказательства, которое должно вести здѣсь такъ же, какъ въ предыдущихъ случаяхъ ³⁾. Пусть, вовторыхъ, А можетъ быть присуще всякому В, и В необходимо присуще всякому В ⁴⁾; получается заключеніе, что А можетъ быть присуще всякому В, а не то, что оно ему присуще; это умозаключеніе совершенное, а не несовершенное, ибо получается сразу изъ данныхъ посылокъ ⁵⁾. Возьмемъ теперь разнородныя посылки ⁶⁾, и пусть [вопервыхъ] отрицательная посылка будетъ

¹⁾ За исключеніемъ, однако, модусовъ А₁О и Е₁О.

²⁾ Модусъ А₁А₁А₁.

³⁾ Именно такъ же, какъ въ модусѣ АА₁А₁.

⁴⁾ Модусъ А₁А₁А₁.

⁵⁾ То-есть, черезъ простое разсмотрѣніе объемовъ терминовъ.

⁶⁾ Одну—утвердительную, другую—отрицательную.

необходимой, именно пусть А необходимо не присуще ни одному В, и В может быть присуще всякому В; тогда необходимо слѣдует, что А не будетъ присуще ни одному В ¹⁾: ибо предположимъ, что А присуще всѣмъ В или нѣкоторымъ; но дано, что А не можетъ быть присуще ни одному В, а такъ какъ отрицательное сужденіе обратимо, то и В не можетъ быть присуще ни одному А; по предположенію же, А присуще всѣмъ В или нѣкоторымъ; слѣдовательно, В не могло бы быть присуще [при этомъ предположеніи] ни одному или нѣкоторымъ В ²⁾; но, по первоначально данному, оно можетъ быть присуще всѣмъ В. Само собою разумѣется, что здѣсь получимо заключеніе и о возможности небытія, такъ какъ есть заключеніе о небытіи ³⁾. Пусть, во вторыхъ, утвердительная посылка будетъ необходимой, и именно пусть А можетъ быть не присуще ни одному В, и В необходимо присуще всякому В ⁴⁾; здѣсь мы имѣемъ совершенное умозаключеніе, но не о дѣйствительности небытія, а о возможности его, ибо на это самое указываетъ большая посылка ⁵⁾; доказывать же сведеніемъ къ невозможному здѣсь нельзя: предположивъ, что А присуще [необходимо] нѣкоторымъ В, и взявъ, какъ данное, что А можетъ быть не присуще ни одному В, мы не получаемъ ничего невозможнаго ⁶⁾. Если меньшая посылка, будучи отрицательной, возможна, получается заключеніе черезъ превращеніе, какъ въ предъидущихъ случаяхъ ⁷⁾; если же меньшая посылка, будучи отрицательной, необходима, заключенія нѣтъ ⁸⁾. Не будетъ заключенія и тогда, когда обѣ посылки отрицательныя и возможность придана не меньшей посылкѣ ⁹⁾. Термины для всѣхъ случаевъ одни и тѣ же; для утвержденія: бѣлое — животное — снѣгъ, для отрицанія: бѣлое — животное — деготь.

И. Ланге.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Модусъ E, A₂E.

²⁾ По модусахъ E, A₂E, и E, IO, первой фигурѣ.

³⁾ Если ни одно В не есть А, то тѣмъ болѣе ни одно В можетъ не быть А.

⁴⁾ Модусъ E, A₂E.

⁵⁾ А подъ большую посылку прямо подводится меньшая.

⁶⁾ Здѣсь вообще никакого заключенія не получается (модусъ I, E, второй фигурѣ. См. ниже, гл. 19).

⁷⁾ Модусъ A, E, A₂ доказывается черезъ превращеніе всеобща отрицательнаго сужденія, какъ возможнаго, во всеобща утвердительное, вслѣдствіе чего получается модусъ A, A₂A.

⁸⁾ Модусъ A₂E.

⁹⁾ Модусъ E, E, E (превращается въ модусъ E, A₂E) и модусъ E, E.

ОБЩНОСТЬ ИМУЩЕСТВЪ НА ЛИПАРСКИХЪ ОСТРОВАХЪ.

Въ юго-восточномъ углу Тирренскаго моря, между Этною на югѣ и Везувіемъ на сѣверѣ, ближе къ Сициліи лежитъ группа мелкихъ острововъ, изъ коихъ наибольшій имѣетъ около 83 кв. километровъ. Всѣ они въ старину назывались Золовыми, а также Гефестовыми, или Вулкановыми, и по имени важнѣйшаго изъ нихъ, Липары, Липарскими. Первое названіе и послѣднее удерживаются за островами до сихъ поръ. Всѣ острова — вулканическаго происхожденія; дѣйствующіе вулканы есть и теперь на Волькано и Стромболи; въ древности дѣятельность подземнаго огня, между прочимъ и на Липарѣ, была гораздо энергичнѣе. Вотъ почему греки и римляне помѣщали здѣсь жилище и мастерскую Гефеста. У Виргилія читаемъ:

„Подлѣ Сиканской земли и Элійской Липары
Островъ подьземлетъ крутой свои дымщиа скалы;
Тамъ пещера подъ нимъ и Этаяскіе гроты Циклоновъ,
Горнами пропалены, гремятъ и въ слухъ раздаются
Мощные въ наковальни удары, и прыщутъ Халибовъ
Полосы средь пещеръ, и пышетъ пламя изъ горновъ.
Это Вулкана и домъ, и землѣ Вулканія имя.
Сшелъ тутъ владыка огня сюда съ высокаго неба“. (Энеида, VIII,
416 сл. Перев. Фета).

У древнихъ писателей, у Фукидида, напримѣръ, у Полибія, Діодора, Страбона, имѣется не мало извѣстій о нашихъ островахъ, преимущественно о Липарѣ, какъ наибольшемъ изъ нихъ. Извѣстія эти частью географическаго характера (Страбона VI, 2, 10—11), частью историческаго и бытоваго. Такъ, Діодоръ (V, 7 сл.) даетъ очеркъ заселенія острововъ и краткую исторію жителей ихъ, гово-

рить о естественныхъ богатствахъ Липары и тамошнихъ промыслахъ. По его словамъ, Липара имѣеть прекрасныя гавани и благодатную почву, дающую въ изобиліи питательныя, пріятныя на вкусъ плоды. Тутъ же были знаменитыя теплыя ключи, своими цѣлебными свойствами привлекавшіе на островъ множество иностранцевъ. Въ липарскихъ водахъ въ большомъ количествѣ водилась рыба. Однако главнымъ источникомъ благосостоянія островитянъ служили квасцовыя копи, или купоросная руда (*μέταλλα τῆς στοκτηρίας*). По свидѣтельству Діодора, торговля квасцами, которые въ то время добывались чуть-ли не на одной Липарѣ, приносила большія выгоды какъ липарцамъ, такъ и римлянамъ, впоследствии завладѣвшимъ этимъ островомъ. И въ наше время липарцы ведутъ значительную торговлю южными плодами и виномъ ¹⁾). О занятіи жителей земледѣлемъ въ V в. до Р. X. говоритъ Фукидидъ, а по Діодору начаты земледѣлія восходятъ къ миенческимъ временамъ, къ той норѣ, которая предшествовала появленію на островахъ Эола, воспѣтаго еще Гомеромъ. Во всякомъ случаѣ, на сколько помнитъ древняя исторія, Липарскіе острова не были притономъ морскихъ разбойниковъ, поровну дѣлившихъ между собою награбленную добычу, какъ въ этомъ старается увѣрять читателей *Revue des études grecques* Т. Ренакъ,—но объ этомъ дальше; напротивъ, начиная съ Гомера и кончая Павсаніей, древніе греки представляли себѣ липарцевъ народомъ повремену преимуществу земледѣльческимъ, гостепріимнымъ, зажиточнымъ и богобоязненнымъ. Въ воспоминаніяхъ объ Эоліи, одномъ изъ Липарскихъ острововъ, Одиссей говоритъ такъ:

„Скоро на островъ Эолію прибыли мы; обитаетъ
Ипотовъ сынъ тамъ, Эоль благородный, богами любимый.
Островъ пловучій его неприступною мѣдной стѣною
Весь обнесень; берега жъ поднимаются гладкимъ утесомъ.
Тамъ отъ супруги двѣнадцать дѣтей родилося Эолу,
Шесть дочерей свѣтлоликихъ и шесть сыновей многосильныхъ.
Выростивъ ихъ, сыновьямъ дочерей онъ въ супружество отдалъ.
Двоемъ съ благороднымъ отцомъ и заботливой матерью выхѣтъ
Всѣ за трапезой, уставленной яствами, сладко пируютъ
Въ залѣ они, благовоной отъ запаха пиши и ивънемъ
Флейтъ оглашаемой; ночью же каждый съ своею супругой
Спятъ на рѣзныхъ, дорогими коврами покрытыхъ кроватяхъ.
Въ градъ ихъ прибывши, мы въ домъ ихъ богатый вступили; тамъ
цѣлныи

¹⁾ Ср. А. Freiherr von Pereira, Im Reiche des Aeolus, Wien, 1883.

Мѣсяцъ Эолъ угощалъ насъ радушно и съ жадностью слушалъ
Повѣсть о Троѣ, о битвахъ Аргивявъ, о ихъ возвращеніи" (Одисс. X,
1 сл. Перев. Жуковского).

Правда, Одиссей восхищается только многочисленной семьей Эола, какъ бы единственными обладателями и жителями острова. Но и въ историческое время липарцы и подвѣвшіе греческіе колонисты острова владѣютъ имуществомъ сообща и имѣютъ товарищескій столъ.

По преданію, сообщаемому Діодоромъ, Липарскіе острова были вначалѣ безлюдны; первымъ поселенцемъ ихъ онъ называетъ Липара, италійца, сына царя Авсона; тѣснимый возставшими на него братьями, Липаръ пріобрѣтаетъ военные корабли, сажаетъ на нихъ людей и бѣжитъ изъ Италіи на островъ, который по его имени и называется Липарою; тамъ онъ основываетъ городъ того же имени, а прочіе острова воздѣлываетъ. Когда Липаръ былъ уже старикомъ, на островъ прибылъ сынъ Гиппоты Эолъ, женился на Липаровой дочери Кіанѣ, спутниковъ своихъ соединилъ въ одно государство съ прежними жителями и воцарился на островѣ. Такъ какъ Липаръ тосковалъ по Италіи, то Эолъ помогъ ему завоевать полосу земли близъ Суррента, получилъ тамъ царскую власть и кончилъ дни среди вѣжно любившихъ его жителей; послѣ смерти онъ удостоился великолѣпнаго погребенія, и память его чествовалась, какъ память полубога, или героя. По убѣжденію Діодора, это—тотъ самый Эолъ, который такъ радушно принялъ и угощалъ Одиссея; историкъ полагаетъ, что Эолъ научилъ липарскихъ моряковъ употребленію парусныхъ судовъ и по вулканическимъ изверженіямъ умѣлъ предсказывать вѣтры, почему легенда и сдѣлала его „владыкою вѣтровъ“, что, наконецъ, онъ отличался справедливостью, гостепримствомъ и высокимъ благочестіемъ, почему люди и назвали его „другомъ боговъ“. Разумѣется, разсужденія Діодора о превращеніи богобоязненнаго, благодушнаго и разсудительнаго Эола въ друга боговъ и хозяина вѣтровъ не болѣе, какъ образчикъ довольно поверхностнаго, такъ называемаго енгемеристическаго толкованія сказочныхъ имепъ и событій. Во всякомъ случаѣ въ словахъ поздняго сравнительно историка выражается то же самое представленіе грековъ о древнѣйшихъ обитателяхъ острововъ, что и въ повѣсти Одиссея объ Эоловой семьѣ. Дальнѣйшій разказъ Діодора только укрѣпляетъ это представленіе, хотя со смертью Эола семья его распадается, и шесть братьевъ владѣютъ участками земли и городами на нихъ

независимо другъ отъ друга, частью въ Италіи, частью въ Сициліи, а Астіохъ на Липарѣ; впрочемъ и теперь двое изъ братьевъ совмѣстно владѣютъ полоскою земли въ Сициліи. На протяженіи какихъ нибудь двадцати строкъ историкъ три раза напоминаетъ читателю о благочестіи и славѣ родителя, о томъ, что всѣ братья вѣрно соблюдали правила поведенія отца, и что народы охотно повинивались имъ и любили ихъ во вниманіе къ славной памяти родителя и къ собственнымъ заслугамъ дѣтей. „Такъ, въ длинномъ ряду поколѣній, наследуя отъ отца къ сыну, царствовали потомки Эола въ Сициліи, пока родъ ихъ не прекратился. Послѣ этого сиканы предоставляли власть лучшимъ людямъ, а сиканы изъ-за власти долгое время враждовали другъ съ другомъ и вели междоусобныя войны“ (Діодоръ, V, 8). Здѣсь обрывается разказъ Діодора о временахъ до-историческихъ Липарскихъ острововъ, и историкъ переходитъ къ событію начала VI в. до Р. Х. Однако нельзя пройти молчаніемъ, что Діодоръ отмѣчаетъ участливое отношеніе боговъ-патроновъ, Эола и Гефеста, къ липарцамъ даже въ концѣ IV и началѣ III вв. до Р. Х., когда сиракузскій тиранъ Агаеоклъ силою взялъ дань съ липарцевъ, посягнувши на ихъ храмовую казну (XX, 101).

Много лѣтъ прошло послѣ смерти послѣдняго изъ потомковъ Эола, Липарскіе острова все болѣе и болѣе приходили въ запустѣніе, когда въ 50-ю олимпиаду (580—576 до Р. Х.) часть кидяней и родосцевъ, тяготясь притѣсненіями азіатскихъ царей, рѣшила основать колонію. Съ этою цѣлью кидяне и родосцы выбрали себѣ въ вожди кидянина Пентаэла, родъ котораго восходилъ къ Гиппотѣ Гераклиду, и переправились на корабляхъ въ Сицилію. Въ это самое время была война между сицилійскими городами, Егестомъ и Селинунтомъ. Высадившись въ Лилибеѣ, колонисты вняли просьбамъ селинунтянъ и приняли участіе въ войнѣ, многихъ потеряли въ сраженіи, въ томъ числѣ и вожди колоніи Пентаэла. Селинунтяне проиграли войну; тогда оставшіеся въ живыхъ колонисты порѣшили возвратиться домой. На сей разъ они выбрали себѣ вождями родственниковъ Пентаэла, Горга, Фестора и Епиперсида, и вышли въ Тирренское море. „На пути они пристали къ Липарѣ, и, будучи здѣсь радушно приняты, уступили просьбамъ туземцевъ занять Липару сообща съ ними: потомковъ Эола оставалось къ тому времени человѣкъ пятьсотъ. Впослѣдствіи тѣснимые тирренцами, которые занимались морскимъ разбоемъ, они (то-есть, туземцы и колонисты) сварили флотъ и раздѣлились такъ,

что одни изъ нихъ воздѣлывали землю, обративши острова въ общее владѣніе, другіе отражали нападенія разбойниковъ. Общими сдѣлали они также движимыя имущества, имѣли товарищескіе столы (*сисситии*) и нѣкоторое время прожили общею жизнью. Потомъ они раздѣлили между собою Липару, гдѣ находился и городъ ихъ, а прочіе острова воздѣлывали сообща. Наконецъ они подѣлили между собою всѣ острова на двадцать лѣтъ, а по прошествіи этого времени снова дѣлятъ земли на участки по жребію. Послѣ этого они во многихъ сраженіяхъ побѣждали тирреновъ и много разъ послали въ Дельфы значительныя дары въ видѣ десятины отъ добычи* (Діодоръ, V, 9).

Мы дали возможно точный переводъ свидѣтельства Діодора, которое, благодаря своей сравнительной обстоятельности, привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ гипотезы о существованіи у еллиновъ, въ древнѣйшее по крайней мѣрѣ время, коллективной собственности. Нѣмецкіе ученые, какъ Гольмъ, напримѣръ, въ своей *Исторіи Сициліи* (т. I, 1870) или Бузолтъ въ *Греческой Исторіи* (Ч. II. 1888), не останавливаясь долго на показаніи Діодора, видятъ въ немъ какъ бы не подлежащее спору свидѣтельство въ пользу коллективнаго владѣнія у липарцевъ¹⁾. Напротивъ, во французской литературѣ показаніе Діодора заняло весьма видное мѣсто въ полемикѣ между Виоле, Фюстель-де-Буланжемъ и Т. Ренакомъ. Всѣ трое привлекаютъ его къ рѣшенію общаго вопроса о начальныхъ формахъ земельной собственности: первый въ статьѣ *Caractère collectif des premières propriétés immobilières* (Bibliothèque de l'École des Chartes, 1872, стр. 467 сл.), второй въ обширной критической статьѣ *Le problème des origines de la propriété foncière* (Revue des questions historiques, avril 1889, стр. 394 сл.). Грамматическія и историческія замѣтки Ренака (Reinach) подъ заглавіемъ *Le collectivisme des Grecs de Lipari* появились въ *Revue des études grecques* (janvier-mars 1890, стр. 86 сл.).

Общаго вопроса мы касаться не намѣрены и постараемся ограничить наши замѣчанія только приведеннымъ выше текстомъ Діодора, тѣмъ болѣе, что и эти скромныя предѣлы даютъ, какъ намъ кажется, возможность опѣнить по достоинству приемы толкованія текстовъ въ угоду предвзятому положенію или въ противность несочувственной

¹⁾ Къ сожалѣнію, у Бузолта (о. с., 224, прим. 2, 3) вкралась неточность въ смыслѣ на Діодора: XI книга, на которую дважды ссылается Бузолтъ, ничего не говоритъ о Липарскихъ островахъ.

теоріи. вмѣстѣ съ тѣмъ статья наша можетъ послужить частнымъ примѣромъ той мѣткой общей характеристики Фюстель-де-Куланжа, какая недавно у насъ сдѣлана проф. Виноградовымъ (*Русская Мысль*, 1890, январь). Подписываясь охотно подъ многими упреками знаменитаго ученаго, обращенными противъ злоупотребленія сравнительнымъ методомъ и не умѣлаго имъ пользованія, воздавая должную дань удивленія его громадной начитанности въ памятникахъ античныхъ и средневѣковыхъ, увлекающей силѣ его аргументаціи, когда она основана на точномъ, всестороннемъ анализѣ текстовъ, мы тѣмъ не менѣе не можемъ закрывать глаза на явное увлеченіе автора излюбленными гипотезами, когда ради ихъ онъ жертвуетъ и своею наблюдательностью, и непрерываемымъ смысломъ текстовъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что автору *Античной общины*, замѣчательнѣйшаго сочиненія въ смыслѣ послѣдовательности, стройности и архитектурности вообще, трудно было сохрарить безпристрастіе и спокойный тонъ ученаго при столкновеніи съ фактами и пріемами изслѣдованія, какъ бы призванными къ тому, чтобы расшатать зданіе, столь мастерски, художественно и съ такою любовью воздвигнутое. Гипотеза культа предковъ, какъ всеобъясняющей основы греко-римской семьи, рода съ неограниченною властью патріарха, античнаго государства съ пресловутымъ поглощеніемъ личности гражданина, — эта гипотеза подается подъ напоромъ данныхъ, выдвигаемыхъ сравнительно-историческимъ изученіемъ общественнаго строя и различныхъ его учреждений. Сравнительный методъ открываетъ новыя перспективы, неодолимо вынуждаетъ изслѣдователя-спеціалиста считаться серьезно съ такимъ пониманіемъ свидѣтельствъ, которое едва ли могло быть подсказано обособленнымъ изученіемъ памятниковъ одного народа или двухъ наиболѣе между собою близкихъ. Односторонность гипотезы Ф.-Куланжа, изобличаемая, впрочемъ, текстами тѣхъ же грековъ и римлянъ и извѣстіями объ этихъ народахъ, обнаруживается со всею яркостью при встрѣчѣ съ методомъ историко-сравнительнымъ, ведущимъ къ возведенію того же зданія, но на болѣе широкомъ основаніи и изъ болѣе обильнаго матеріала. У Фюстель-де-Куланжа не достало мужества игнорировать сравнительный методъ или напрямикъ отвергнуть его; онъ соглашается даже признать его пользу, но дѣлаетъ послѣднее въ видѣ вынужденной уступки, почти ничего не говоритъ о его положительныхъ сторонахъ, за то со всею силою своей эрудиціи и анализа, а подъ-часъ и съ страстнымъ увлеченіемъ, обрушивается на его представителей въ историческихъ наукахъ: Маурера,

Віоле, Лавеле и др.; нѣтъ пощады и Момзену, допускающему коллективное владѣніе у римлянъ въ древнѣйшую пору ихъ исторіи. Дѣло въ томъ, что, выводя всѣ учрежденія античныхъ народовъ изъ культа предковъ, построенной на немъ семьи и патриархальнаго рода, Ф.-Куланжъ не находитъ возможнымъ признать существованіе въ архаическомъ періодѣ такихъ формъ владѣнія, которыя переступаютъ за предѣлы фамиліальной и въ послѣдствіи смѣняющей ее индивидуальной собственности. Во всякомъ случаѣ обширная статья французскаго ученаго о начаткахъ землевладѣнія читается съ захватывающимъ интересомъ: столько въ ней наблюдательности, остроумія, глубокой учености рядомъ съ стройностью и логичностью выводовъ. Недочетовъ нужно искать въ самыхъ послышкахъ. Есть таковой, по нашему мнѣнію, и въ вопросѣ о липарцахъ. Ф.-Куланжъ пытается изъять изъ свидѣтельства Діодора все, что въ немъ несомнѣнно содержится относительно общности имущества, но вынужденъ для этого тиранически обращаться съ текстомъ и навязывать ему смыслъ, какого онъ на самомъ дѣлѣ не имѣетъ и имѣть не можетъ.

Въ ряду одиннадцати пунктовъ, свидѣтельствующихъ, по мнѣнію автора, въ пользу существованія коллективной собственности у еллиновъ, Віоле придаетъ первостепенное значеніе показанію Діодора, какъ такому, которое устанавливаетъ фактъ коллективной собственности съ періодическими передѣлами земли, съ общественными объѣдами и общественной запашкой и съ коллективной движимостью, при чемъ такое положеніе вещей, начавшись въ первой половинѣ VI вѣка, удерживается съ нѣкоторыми ограниченіями вплоть до времени самого Діодора, то-есть, до перваго римскаго императора, а быть можетъ, продолжается и послѣ того.

Віоле—не филологъ, и его не совсѣмъ точный переводъ греческаго текста даетъ основаніе Фюстель-де-Куланжу къ существеннымъ поправкамъ; наконецъ, Віоле вовсе не касается вопроса объ источникахъ Діодора, о манерѣ этого писателя въ передачѣ чужихъ свидѣтельствъ и т. п. Сверхъ всего этого, Віоле предлагаетъ странную догадку, не составляя ли этотъ порядокъ владѣнія на Липарскихъ островахъ обломокъ отношеній, свойственныхъ кочующимъ племенамъ, такъ какъ кидянамъ, переселившимся въ Карію съ архипелага, пришлось сниматься съ мѣста снова и плыть съ родосцами въ Сицилію. И вольности въ переводѣ, и ни на чемъ не построенныя соображенія, конечно, ослабляютъ впечатлѣніе свидѣтельства. На мѣсто произвольныхъ догадокъ необходимо дать справку, что кидяне и ро-

досцы—доряне, часть того греческаго племени, въ которомъ склонности къ коллективизму проявлялись всего рѣзче и послѣдовательнѣе, какъ о томъ особенно свидѣтельствуетъ древнѣйшая исторія дорическихъ поселеній на Критѣ съ ихъ строго общественнымъ воспитаніемъ, съ организаціей гражданъ по товариществамъ, съ содержаніемъ товариществъ на государственный счетъ. Этого рода данныя, доставляемые частью надписями, частью литературными памятниками, разработаны и оцѣнены по достоинству К. О. Мюллеромъ, Гёкомъ и др. и вошли въ общіе курсы греческой исторіи и древностей. А вотъ что говоритъ Аристотель о другомъ дорическомъ государствѣ, самой Спартѣ: „тамъ существуетъ обычай, въ силу котораго граждане пользуются рабами другъ друга какъ своими собственными, точно также лошадьми и собаками, а равно продовольствіемъ, если въ немъ встрѣтится кому либо нужда во время путешествія по странѣ за городомъ“ (*Polit.*, II, 2). Объ этомъ же обычаѣ, возводимомъ въ положительный законъ Ликурга, говоритъ съ большими только подробностями Ксенофонтъ, предшественникъ Аристотеля. „Онъ (Ликургъ) установилъ общность охотничьихъ собакъ, такъ что всякій, кому нужно, кличетъ ихъ, и если хозяину собаки некогда идти на охоту, онъ безъ возраженій предоставляетъ ее другому. Больной или нуждающійся, или желающій поскорѣе добраться куда либо, если видитъ лошадь, беретъ ее и по минованіи надобности ставитъ на прежнее мѣсто... Если кто заповдаетъ на охотѣ и ему понадобится съѣстное, а собственного продовольствія не окажется, то на этотъ случай Ликургъ постановилъ, чтобы люди, имѣющіе запасы, оставляли ихъ, тогда нуждающіеся вскрываютъ помѣщеніе, берутъ, что нужно, а прочее снова запечатываютъ“ (*De republ. Laced.*, 6, 3). Самъ Аристотель эти и подобные случаи рассматриваетъ какъ обломки или атрибуты общности имущества и упоминаетъ о нихъ по поводу вопроса о томъ, что лучше для блага государства: общинное ли землевладѣніе, или частное; рѣшая вопросъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, въ пользу *смѣшанной* формы владѣнія, онъ отличается отъ новыхъ индивидуалистовъ тѣмъ, что не отрицаетъ безусловно коллективнаго владѣнія землею для своего времени, и самымъ лучшимъ видомъ общиннаго землевладѣнія онъ считаетъ такой, когда владѣніе землею частное, а пользование ею общее.

Вообще страницы Виоле, посвященныя коллективному владѣнію древнихъ грековъ, далеко не исчерпываютъ всѣхъ имѣющихся данныхъ и, вѣроятно, не Фюстель-де-Куланжу было пополнять ихъ. Критикъ,

напротивъ, употребляетъ всё усилія къ тому, чтобы свести къ нулю значеніе показаній противника. И Вюле, и Фюстель-де-Куланжъ не касаются вовсе тѣхъ преданій, въ которыхъ рисуется отдаленное прошлое Липарскихъ острововъ, и которыя, какъ можетъ замѣтить читатель, содержатъ въ себѣ ясныя намеки на коллективное владѣніе.

Итакъ, съ одной стороны, привычки къ общиннымъ порядкамъ землевладѣнія, сохранявшіяся въ силѣ въ различныхъ частяхъ дорического племени на востокѣ, съ другой—остатки подобныхъ порядковъ, уцѣлѣвшіе на Липарскихъ островахъ отъ давняго прошлаго, представляли собою достаточно благоприятныя условія для того, чтобы переселившіеся на западъ доряне сообща съ липарцами установили прочно, на цѣлыя вѣка коллективную форму владѣнія въ началѣ VI вѣка до Р. X.

Что касается источниковъ Діодора, то едва-ли можно сомнѣваться, что извѣстія свои о Липарскихъ островахъ онъ черпалъ изъ сочиненія Тимея Тавроменскаго, обильнѣйшаго источника извѣстій о старинѣ Италіи и Сициліи. Въ свою очередь Тимей, усердно пользовался сочиненіями предшественниковъ, прибавляя многое и на основаніи личныхъ наблюденій и впервые вводя въ исторію систематическое лѣтосчисленіе по олімпіадамъ; этимъ послѣднимъ пользуется въ нашемъ мѣстѣ и Діодоръ. Первые девять книгъ *Исторіи* Тимея излагали исторію, географію и этнографію западныхъ земель до конца VI вѣка. Въ ряду предшественниковъ Тимея Антиохъ изъ Сиракузъ, современникъ Геродота, долженъ былъ занимать видное мѣсто. По словамъ того же Діодора, Антиохъ написалъ исторію Сициліи съ древнѣйшихъ временъ до 424 года, когда состоялось описанное Фукидидомъ (IV, 58) примиреніе сицилійскихъ городовъ между собою. Авторитетъ Антиоха въ вопросахъ о древностяхъ Сициліи и прилегающихъ къ ней острововъ былъ признанъ на столько, что, напримѣръ, Фукидидъ соответствующую часть своей исторіи (VI, 1 — 5), какъ мы говорили о томъ въ другомъ мѣстѣ и какъ это доказано Вельфлингомъ, составилъ главнымъ образомъ по Антиоху или заимствовалъ изъ Антиоха. Къ этому именно источнику необходимо отнести слѣдующее замѣчаніе Фукидида о нашихъ островахъ: „Острова эти водѣлываются липарянами, колонистами изъ Книды, которые живутъ на одномъ изъ острововъ, небольшомъ, называющемся Липарою. Отправляясь отсюда, они водѣлываютъ остальные острова: Дидиму, Стронгилу, Гіеру. Тамашнее населеніе вѣрить, что на Гіерѣ Гефестъ занимается кузнечнымъ дѣломъ, ибо по ночамъ тамъ можно видѣть

поднимающійся высоко огонь, а днемъ дымъ" (III, 88, 2). Даже не обращаясь къ подлиннику, гдѣ это еще яснѣе, читатель видитъ, что въ существенныхъ пунктахъ Фукидидъ говоритъ то же самое о Липарскихъ островахъ и тѣми же словами, что и Діодоръ. А слова третьяго писателя, Павсаниа, не оставляютъ сомнѣнія, что всѣ эти показанія принадлежали первоначально Антиоху сиракузскому. Павсаниа (X, 11, 3—4) называетъ самый источникъ по имени, а о колонизаціи Липары книжянами съ Пентаэломъ во главѣ, о захватѣ ими безлюдныхъ Липарскихъ острововъ, объ основаніи города на Липарѣ, о воздѣлываніи липарцами прочихъ острововъ и т. п. онъ передаетъ то же, что и Діодоръ, и болѣе кратко Фукидидъ. Такимъ образомъ общій источникъ извѣстій нѣсколькихъ писателей установленъ съ достаточною вѣроятностью. Но тутъ же необходимо прибавить, что о способѣ землевладѣнія липарцевъ, объ общности движимости, о товарищескомъ столѣ у нихъ говорятъ одинъ Діодоръ, быть можетъ, со словъ Тимея, извѣстнаго намъ только въ отрывкахъ, главнаго источника Діодора, но, можетъ быть, также и по собственнымъ наблюдениямъ: не даромъ же Діодоръ называется Сицилійскимъ. Если принять полную зависимость нашего свидѣтеля отъ Тимея и допустить, что Діодоръ, переписывая показаніе предшественника и употребляя глаголь „владѣютъ жеребьевыми участками" (κλήρουχοίσι) въ настоящемъ времени, имѣлъ передъ собою явленіе, давно прошедшее, имѣвшее мѣсто за два съ лишнимъ вѣка до него, — по свидѣтельству Полибія, Тимей довелъ свою исторію до 264—260 г. до Р. Х., — то и тогда на долю коллективнаго владѣнія липарцевъ приходится больше трехъ вѣковъ. Однако намъ нѣтъ нужды въ такой догадкѣ и въ обличеніи Діодора въ крайнемъ легкомысліи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ведетъ рѣчь о ближайшихъ къ его родинѣ мѣстахъ. Подобная натяжка нужна была для Ренака въ видахъ оправданія со-всѣмъ невѣроятнаго утвержденія, будто липарцы были не болѣе, какъ скопище морскихъ разбойниковъ, которые по своему положенію участниковъ шайки и должны были дѣлить между собою поровну награбленное добро. Еслибы это было дѣйствительно такъ, тогда показаніе Діодора слѣдовало бы признать грубымъ анахронизмомъ и примѣромъ грубой небрежности: онъ же самъ говоритъ о завоеваніи Липары римлянами въ 251 году (XIV, 93) и въ то же время заноситъ въ свою исторію извѣстіе о существованіи вблизи отъ Рима такихъ порядковъ, какихъ, конечно, не могло терпѣть благоустроенное государство, да еще въ теченіе двухъ вѣковъ. Но, по-

вторяемъ, намъ нѣтъ нужды въ изобличеніи въ данномъ случаѣ Діодора ни въ невѣжествѣ, ни въ крайней литературной неряшливости. Самый вопросъ объ источникахъ греческаго историка вовсе не затрогивается ни Виоле, ни Ф.-Куланжемъ; Ренакомъ повторены нѣкоторыя дѣльныя замѣчанія нѣмецкой критики объ отношеніи Діодора къ предшественникамъ, но желаніе доказать произвольное положеніе о задачахъ и характерѣ коллективнаго владѣнія липарцевъ завело его слишкомъ далеко ¹⁾).

Возвратимся къ текстамъ, мастерской анализъ которыхъ составляетъ, говоря вообще, главную заслугу французскаго историка.

Правильно подчеркнувши нѣкоторыя неточности въ переводѣ Виоле, Ф.-де-Куланжъ самъ подвергаетъ греческій текстъ насильственной интерпретаціи. Правда, Діодоръ не говоритъ, что липарцы и колонисты объявили землю острововъ общою собственностью (*les terres des îles qu'on déclara propriété commune*), но выраженіе его, по нашему, не менѣе ясное и категорическое: *сдѣлавши острова общими достояніемъ, τὰς νήσους κοινὰς ποιήσαντες*, при чемъ изъ текста никакъ нельзя вычитать толкованія новаго историка: „*κοινὰς ποιήσαντες signifie que les îles furent rendues communes un moment, c'est là l'énoncé d'un fait, ce n'est pas une déclaration d'institution perpétuelle*“ (стр. 394 сл. примѣч.). Рѣчь идетъ, разумѣется, объ однократномъ дѣйстви, а было ли оно кратковременнымъ, или вѣчнымъ, непрерывнымъ, ни того, ни другаго въ словѣ *ποιήσαντες* одинаково не содержится, и историкъ объ этомъ ничего не говоритъ. За то дальше мы читаемъ, что липарцы и кидяне „сдѣлали общими средства къ жизни, имѣли товарищескіе столы и до извѣстнаго времени неизмѣнно жили общою жизнью“ (*καὶ τὰς οὐσίας δὲ κοινὰς ποιήσαντες καὶ ζῶντες κατὰ σοσότητα, διετέλεσαν ἐπὶ τινὰς χρόνους κοινωνικῶς βιῶντες*) ²⁾. Всѣ эти дѣйствія, очевидно, не болѣе, какъ дальнѣйшія послѣдствія обобществленія земли. Спустя нѣкоторое время послѣдовала перемѣна въ способахъ коллективнаго владѣнія: Липара съ городомъ того же имени была раздѣлена на участки, но прочіе острова воздѣлывались сообща—это второй періодъ во взаимныхъ имущественныхъ отноше-

¹⁾ Къ сожалѣнію, у насъ не было подъ руками статьи *Муррея* въ *Journal of hellen. studies*, VII (1886), 51 сл.

²⁾ Первые слова *Виоле* передаетъ неточно: „ils mirent en un seul bloc toutes leurs propriétés“; *Ф.-Куланжъ*: „ils mirent toutes leurs ressources en commun“; въ изданіи *Дидо*: „communicatis itaque facultatibus“, а послѣднее предложеніе „ad aliquod tempus in communione vitae perstiterunt“.

нѣяхъ липарцевъ какъ коренныхъ, такъ и пришлыхъ. Какъ можно догадываться, городская жизнь на главномъ островѣ съ ея болѣе сложными интересами и большимъ разнообразіемъ занятій не благоприятствовала сохраненію коллективной формы владѣнія. Любопытно при этомъ наблюдать, какъ Ф.-де-Куланжъ влагааетъ въ показаніе историка смыслъ, ему совершенно несвойственный. Прежде аористная форма глагола (κοινὰ ποιήσαντες) относительно обращенія земель въ общее достояніе толковалась, какъ мы видѣли, въ смыслѣ единичнаго акта, не распространяющагося какъ то на послѣдующее время; теперь такая же глагольная форма (διανεῖραντο), но съ значеніемъ раздѣла нѣкоторой части земель, понимается въ смыслѣ окончательнаго дѣйствія, безповоротнаго, на вѣчныя времена, въ неотъемлемую личную собственность (il s'agit ici d'un partage qui ne fut jamais refait, d'un partage à titre perpétuel, c'est-à-dire d'un partage en lots de propriété). Потомъ, критикъ утверждаетъ, будто раздѣлъ липарскихъ земель наступилъ тотчасъ, лишь только липарцы оградилъ себя отъ хищническихъ набѣговъ тирреновъ, лишь только греки перешли къ болѣе мирной жизни. Но ничего подобнаго не говоритъ Діодоръ. По его словамъ, приведеннымъ нами выше въ общей связи, побѣда липарцевъ надъ тирренами *не предшествовала* раздѣлу Липары, но *слѣдовала* за нею, при томъ не непосредственно даже, но съ промежутокъ времени, обнимающимъ собою третій періодъ, или третью фазу общаго владѣнія. Толкованіе Ф.-де-Куланжа прямо противорѣчитъ тексту и его же собственному пониманію тождественной глагольной формы.

Третья фаза общаго землевладѣнія на островахъ такъ описывается Діодоромъ: „Наконецъ, подѣливши между собою всѣ острова (не одну Липару) на двадцать лѣтъ, они всякій разъ, когда время это пройдетъ, снова дѣлятъ землю на участки по жребію. Послѣ этого они во многихъ сраженіяхъ побѣдили тирреновъ“ и проч. (τὸ δὲ τελευταῖον πάσας τὰς νήσους εἰς εἴκοσιν ἔτη διελόμενοι, πάλιν κληρουχοῦσιν ὅταν ὁ χρόνος οὗτος διέλθῃ. μετὰ δὲ ταῦτα πολλαῖς ναυμαχίαις ἐνίκησαν τοὺς Τυρρηνοὺς κтл.). Передѣла земли на двадцатилѣтній срокъ Ф.-де-Куланжъ отрицать не можетъ, но онъ называетъ его предварительнымъ (provisoire); „по истеченіи 20-ти лѣтъ передѣлъ возобновленъ и на сей разъ навсегда, ибо Діодоръ вовсе не говоритъ, чтобы передѣлъ производился періодически до его времени“ ¹⁾. Напротивъ именно

¹⁾ Любопытно, какъ одна и та же глагольная форма — аористъ—означаетъ то дѣйствіе на случай, скоропреходящее, то на вѣчныя времена, то провизорное.

это только и говорить Діодоръ, и мы никакъ не поймемъ, будто древній историкъ говоритъ то, что желательно новому ученому: *ce qu'il y eut chez eux (у липарцевъ) de communauté, ne fut pas une institution; ce fut seulement un fait accidentel, passager, sans passé, sans avenir. La propriété fut chez eux, comme chez tous les Grecs, l'institution normale*. Понятно, что для полученія такого вывода необходимо было дозволить себѣ гораздо большія вольности въ толкованіи текста, чѣмъ тѣ, въ какихъ Ф.-де-Куланжъ укоряетъ Віоле. Такъ, слово *πάλιν* *обратно*, *опять* означаетъ, по его увѣренію, *une seconde fois*, et non pas périodiquement. Но на періодичность передѣловъ указываетъ не это слово, а цѣлое предложеніе *ὅταν ὁ χρόνος οὗτος διέλθῃ*. „La conjonction *ὅταν*“, — замѣчаетъ критикъ, — „indique une action unique; l'historien n'a pas écrit *ὅσακις*“. Нужно совсѣмъ забыть значеніе временныхъ предложеній вообще съ частицею *ἄν* и въ частности значеніе союза *ὅταν*, чтобы согласиться съ Ф.-де-Куланжемъ. Не менѣе произвольно обращеніе *κληροουοῦσιν* (*дѣлятъ* на участки по жребію, или владѣютъ жеребьевыми участками) въ такъ называемое настоящее историческое, то-есть, въ повѣствовательное прошедшее. Этому противорѣчитъ коренное правило употребленія сослагательнаго въ зависящемъ предложеніи въ греческомъ языкѣ, имѣющагося на лицѣ въ данномъ случаѣ, противорѣчило бы и положеніе настоящаго историческаго въ цѣломъ рядѣ аористовъ. Впрочемъ Ф.-де-Куланжъ старается найти для себя основаніе и въ самомъ значеніи термина *κληροουεῖν*: „il se dit toujours d'un partage définitif, d'un partage à perpétuité; il serait inadmissible que Diodore eût écrit *κληροουεῖν* pour désigner un partage temporaire et périodique“. На самомъ дѣлѣ *κληροουεῖν* значить *владѣть определенной жребіемъ долею, участкомъ*, безъ всякаго отношенія къ продолжительности владѣнія. Періодичность передѣла земель у липарцевъ отмѣчена не этимъ терминомъ, но цѣлымъ оборотомъ рѣчи: *πάλιν κληροουοῦσιν, ὅταν ὁ χρόνος οὗτος διέλθῃ*. Да и помимо этого, Ф.-де-Куланжъ не замѣчаетъ, что отсутствіемъ передѣловъ, неизмѣнностью участковъ не исключается еще общность землевладѣнія: примѣры тому можно наблюдать въ сельскихъ обществахъ великорусскихъ крестьянъ.

Слѣдовательно, извѣстіе Діодора о липарцахъ представляетъ заселеніе острововъ въ началѣ VI вѣка и способы владѣнія ими до времени императора Августа въ такомъ видѣ: кидяне и родосцы, съ одной стороны, и удѣлѣвшіе отъ давняго прошлаго туземцы, съ другой, образовали изъ себя по взаимному соглашенію единую по-

литическую общину, въ видахъ самозащиты отъ разбойническихъ набѣговъ тирреновъ запаслись флотомъ и, обративши острова въ общее владѣнiе, раздѣлились по роду занятiй на два класса, при чемъ одни занимались обработкою земли, другiе отражали внѣшнихъ враговъ. Въ общемъ владѣнiи въ этотъ начальный періодъ была не только земля, но и вся движимость, въ связи съ чѣмъ находились товарищества по столу (*сиссити*). Образъ жизни липарцевъ въ это время можетъ быть пополненъ со словъ Юлія Цезаря чертами быта свевовъ, многолюднѣйшаго и воинственнѣйшаго германскаго народа: дабы не страдало земледѣліе и не было помѣхи военному дѣлу, они ежегодно высылали вооруженныхъ людей за предѣлы своихъ поселенiй, а на обязанности остававшихся дома лежало прокормленіе себя и воиновъ; въ слѣдующемъ году оставшіеся дома шли воевать, а воевавшие сидѣли дома; частной, отдѣльной земельной собственности у свевовъ не было ¹⁾). Полная общность владѣнiя просуществовала у липарцевъ нѣкоторое время. Затѣмъ земля Липары подѣлена была на участки въ личное (или семейное) владѣнiе, хотя прочіе острова оставались въ общемъ владѣнiи, и земля на нихъ воздѣлывалась сообща (*κοινῶ*); такой способъ обработки предполагаетъ и коллективное пользованіе плодами ея. Наконецъ всѣ острова, не одна Липара, были подѣлены на участки, съ тѣмъ однако, чтобы передѣлъ земель возобновлялся впродъ черезъ каждыя 20 лѣтъ жеребьеваніемъ; такимъ образомъ, земля оставалась въ общемъ владѣнiи, частнымъ было только пользованіе ею. Обычныя земельныя отношенiя въ русской сельской общинѣ представляютъ близкую аналогію такого порядка вещей у липарцевъ. По Аристотелю, какъ мы видѣли выше, изъ способовъ общаго землевладѣнiя это — наилучшій.

Къ сожалѣнію, въ извѣстiи Діодора, кромѣ начальной даты поселенiя дорійскихъ колонистовъ на островахъ (Олимп. 50 = 580 — 576 до Р. X.) и конечнаго момента, то-есть времени составленiя самой „Библиотеки“, не имѣется никакихъ другихъ хронологическихъ опредѣленiй; мы поэтому не знаемъ, съ какою скоростью

¹⁾ Suevorum gens est longe maxima et bellicosissima Germanorum omnium. Hi centum pagos habere dicuntur. ex quibus quotannis singula milia armatorum bellicandi causa ex finibus educunt; reliqui, qui domi manserunt, se atque illos alunt. Hi rursus in vicem anno post in armis sunt, illi domi remanent. Sic neque agricultura, nec ratio atque usus belli intermittitur. Sed privati ac separati agri apud eos nihil est.—De bello Gall. IV, 1, 3—7.

слѣдовала у липарцевъ смѣна различныхъ формъ общаго владѣнія. Нѣтъ въ извѣстїи и указанїи на тѣ условїя, но дѣятели въліяніемъ которыхъ происходили передѣлы. Историкъ говоритъ только, что, на установленїемъ періодическихъ передѣловъ слѣдовали побѣды липарцевъ надъ тирренами и что они посылали въ Дельфы дары божеству отъ военной добычи. Впрочемъ, еще одну хронологическую дату случайно даетъ намъ Ливїи, жившїи немного позже Дїодора, и Плутархъ, писатель I — II в. по Р. Х. Оба они разказываютъ, что вскорѣ по взятїи города Веїи Камилломъ (394 до Р. Х.) римляне, согласно данному обѣту, послали въ Дельфы въ даръ божеству золотую чашу, но на пути римское судно съ священною драгоценностію пошло въ руки липарцевъ, и только благодаря энергическому вмѣшательству высшаго должностнаго лица липарцевъ, нѣкоего Тимаснеея (*стратегомъ* называется онъ у Плутарха, *in summo magistratu* у Ливїи), похищенное было возвращено римлянамъ, которые достойнымъ образомъ и наградили липарца Тимаснеея. Происшествіе это болѣе подробно и просто разказано Плутархомъ (Камиллъ, 7 — 8), кратко, но съ риторическими украшенїями и съ неизбѣжнымъ у римскаго историка превознесенїемъ римлянъ у Ливїи (V, 28). Существенное разногласїе между свидѣтелями сводится къ тому, что, по Плутарху, липарцы приняли судно римлянъ за пиратское и захваченное имущество объявили въ продажу, какъ взятое у пиратовъ¹⁾. У Ливїи, напротивъ, римское судно захвачено липарскими пиратами (*a piratis Liparenstum exserti*), и тутъ же историкъ замѣчаетъ: „*mos erat civitatis velut publico latrocinio partam praedam dividere*“, то-есть, въ липарскомъ государствѣ былъ обычай дѣлить (между липарцами) добычу, приобретенную какъ бы государственнымъ разбоемъ; къ счастью, продолжаетъ историкъ, между липарцами нашелся человекъ, больше походившїи на римлянъ, чѣмъ на своихъ земляковъ, и проч. Которому изъ свидѣтелей отдать предпочтенїе, рѣшить трудно. Если Плутархъ, какъ еллины по происхожденїю, могъ обвѣнать липарцевъ, то, съ другой стороны, извѣстно множество случаевъ патріотическаго пристрастїа Ливїи въ пользу римлянъ и превратнаго толкованїа, напримѣръ, Полибїевхъ извѣстїи объ еллинахъ, въ частности объ этоляяхъ. Но мы готовы

¹⁾ Плут. Камиллъ, 8: ἐπέλευσαν γὰρ αὐτοῖς (римлянамъ) Λιπαρέων τριήρεις περὶ τὰς Αἰόλου νήσους . . . ὡς λησταῖς . . . ἀπεκρήρυττον ἄμα τὰ χρήματα καὶ τὰ σώματα, πειρατικά χρίσαντες εἶναι.

допустить на основаніи этого разказа, что въ IV в. до Р. Х. и раньше, вѣроятно, занятіе пиратствомъ не возбранялось у липарцевъ, какъ не возбранялось оно у гомеровскихъ героевъ и у нѣкоторыхъ эллинскихъ племенъ на материкѣ во время Фукидида и позже. Дѣлежъ добычи между всѣми липарцами въ 394 г. до Р. Х. подтверждаетъ только существованіе коллективизма у липарцевъ и въ это время. Конецъ пиратству, разумѣется, положенъ былъ римскимъ флотомъ.

Но Теодоръ Ренакъ пользуется извѣстіемъ Ливія, хотя самъ же называетъ его анекдотомъ, для доказательства положенія, явно противорѣчащаго всѣмъ нашимъ извѣстіямъ о липарцахъ, того именно, что общинное владѣніе липарцевъ было коммунизмомъ и коллективизмомъ скопища пиратовъ, разбойниковъ, выходящихъ на большую дорогу, учрежденіемъ искусственнымъ, организованнымъ въ видахъ грабежа, которое мало-по-малу ослабѣвало подъ давленіемъ инстинкта личной собственности и исчезло окончательно „съ появленіемъ на горизонтѣ каски римскаго жандарма“¹⁾. Липарскую общину онъ называетъ „республикою пиратовъ“ (*une république de pirates*),—и все это единственно на основаніи „анекдота“. Теодоръ Ренакъ (не Саломонъ) извѣстенъ трудами по римской нумизматикѣ и въ настоящей статьѣ высказываетъ довольно основательныя соображенія о зависимости Діодора отъ предшественниковъ, впрочемъ, пока держится въ предѣлахъ аргументаціи Мюлленгофа; благодаря этимъ положительнымъ свойствамъ статьи нельзя обойти молчаніемъ ея выводы, облеченные при томъ въ форму категорическихъ положеній.

Не говоря о томъ, что приведенныя въ началѣ нашей статьи извѣстія рисуютъ жизнь древнихъ липарцевъ, нравы ихъ, отношенія къ чужеземцамъ, такими чертами, которыя менѣе всего приличествуютъ организованной шайкѣ разбойниковъ, не говоря о томъ, что съ понятіемъ разбойничьей шайки едва-ли совмѣстимы правильное земледѣліе, промыслы и торговля, о чемъ также говорятъ наши источники,—противъ неожиданныхъ выводовъ Ренака краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуютъ мимоходомъ имъ же бросаемыя сближенія липарскихъ порядковъ съ общимъ владѣніемъ у другихъ народовъ. Свевы, многочислѣннѣйшій германскій народъ²⁾, обращается француз-

¹⁾ На стр. 95 сл. собраны въ изобиліи выраженія: „régime artificiel“, „communisme absolu“, „brigands“, „un socialisme de grande route“ и т. п.

²⁾ Кромѣ Цезаря см. Тацита „Германія“, гл. 38—45.

скимъ ученымъ въ шайку разбойниковъ; коллективное владѣніе, аналогичное липарскому, онъ находитъ въ русскомъ *мирѣ*, который тоже слѣдовательно приравнивается къ сброду людей, промышленяющихъ на большихъ дорогахъ; не болѣе удачны въ историческомъ отношеніи ссылки автора на существованіе дозволеннаго пиратства въ древне-еллинскихъ общинахъ. Факты подобнаго рода многократно разъяснены и оцѣнены компетентными специалистами, и до сихъ поръ никто не позволялъ себѣ считать занятіе пиратствомъ непремѣнною принадлежностью политическихъ обществъ съ тою или другою формою коллективнаго владѣнія, равно какъ черты коллективизма въ томъ или иномъ обществѣ не считаются указаніями на занятіе организованнымъ разбоемъ съ дозволенія общества. Существованіе дозволеннаго въ извѣстныхъ условіяхъ пиратства или хищническихъ набѣговъ не обязываетъ исследователя представлять себѣ такое общество въ видѣ организованной грабительской шайки.

Заключенія французскаго ученаго и отчасти самая аргументація его внушены такими желаніями и опасеніями, которыя не имѣютъ ничего общаго съ спокойнымъ, всестороннимъ изысканіемъ историческихъ явленій. Древне-греческихъ и римскихъ писателей упрокаютъ, въ нерѣдкихъ случаяхъ совершенно справедливо, въ субъективномъ освѣщеніи фактовъ; но читатель хорошо видитъ, на сколько, напримеръ, Діодоръ или Аристотель далеки въ данномъ случаѣ отъ преднамѣренной односторонности новыхъ историковъ. Діодоръ навѣрное ни социалистъ, ни коммунистъ, едва-ли мечталъ онъ о возвращеніи того блаженнаго общежитія, которое нѣкогда восхитило Одиссея. Тѣмъ не менѣе онъ добросовѣстно записалъ заимствованное частью отъ другихъ, частью наблюденное имъ самимъ, и такимъ образомъ сохранилъ для насъ интересныя данныя о далекомъ прошломъ Липарскихъ острововъ. Читая до конца замѣчательную во многихъ отношеніяхъ статью Ф. де-Куланжа о начаткахъ собственности, мы и въ ней не можемъ не замѣчать вліянія того самаго субъективнаго настроенія, которое такъ далеко завело Ренака, менѣе искушеннаго въ исторической критикѣ. Ф. де-Куланжъ опасается за достоинства исторической науки при вторженіи въ нее скороснѣлыхъ, легкомысленныхъ сближеній и не обоснованныхъ гипотезъ; но случаи неумѣлаго или невѣжественнаго пользованія сравнительнымъ методомъ нисколько не подрываютъ самаго метода. Сравненіе не только не мѣшаетъ специалисту-исторнику или филологу въ ихъ детальныхъ изысканіяхъ, напротивъ, оно нерѣдко способно пролить неожиданный свѣтъ

на такія подробности предмета, которыя при обособленномъ изученіи остались бы совсѣмъ не понятными, или даже и вовсе не замѣченными. Важнѣйшимъ источникомъ историческаго знанія Ф. де-Куланжъ справедливо считаетъ тексты, а главную задачу историка видитъ въ точномъ толкованіи текстовъ, въ возможно болѣе всестороннемъ и не предубѣжденномъ анализѣ ихъ. Сравненіе нисколько не обязываетъ изслѣдователя пасивовать тексты или поспѣшно толковать ихъ въ угоду предвзятой гипотезѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ сравненіе способно навести изслѣдователя на открытіе въ текстѣ новыхъ цѣнныхъ для науки указаній; такимъ образомъ, благодаря сравненію, можетъ быть приумноженъ научный матеріалъ. Ошибки Віоле происходятъ отъ недостатка осторожности въ обращеніи съ литературными памятниками; но нерасположеніе къ сравнительному методу не охранило и Фюстель де-Куланжа отъ погрѣшностей въ пониманіи историческихъ свидѣтельствъ.

Ф. Мищенко.

КЪ ВОПРОСУ О ДИМАХЪ АТТИКИ.

Вопросъ о димахъ десяти филъ аѳинскихъ, составляющихъ основу аѳинской демократіи и государственнаго устройства, установленнаго гениальнымъ реформаторомъ древнихъ Аѳинъ, — все еще не рѣшенный въ наукѣ вопросъ. Не ясны еще до сихъ поръ: способъ раздѣленія аѳинскаго народа или аѳинской территоріи на димы; степень участія отдѣльныхъ димовъ при замѣщеніи государственныхъ должностей, производящемся по филамъ; отношеніе димовъ къ крупнымъ единицамъ раздѣленія, десяти филамъ, а также и отношеніе новаго Клисееновскаго раздѣленія гражданской общины (на филы и димы) къ исконному раздѣленію (на четыре филы, двѣнадцать фратрій и, позднѣе, на 48 навкратій). Отрывочныя, разнородныя и скудныя данныя, которыми мы можемъ привлекать къ рѣшенію этихъ вопросовъ, даютъ не всегда согласуемыя свѣдѣнія, наталкиваютъ на разныя предположенія, оставаясь въ то же время недостаточными для полнаго рѣшенія. И наука, принужденная приведеніемъ въ связь мелочныхъ намековъ добираться до возстановленія погибшаго цѣлаго, въ разработкѣ этихъ отдѣльныхъ мелочей не руководимая прочнымъ связующимъ началомъ, сбилась съ пути, и въ общемъ сбродномъ выводѣ вопросъ получилъ рѣшеніе, уклонившееся значительно отъ того, гдѣ чули истину отецъ науки греческихъ древностей К. Фр. Германъ и старше, не мудрствовавшіе толкователи Геродота ¹⁾.

---

¹⁾ Это рѣшеніе, въ томъ видѣ, какъ оно теперь приблизительно общепринято въ наукѣ, изложено Бузолютомъ въ „Государственныхъ и правовыхъ древностяхъ“: *Handbuch d. klass. Altertumswissenschaft*, hrsggb. v. *Io. Müller*. Bd. IV, Th. I, §§ 133—137 и 159—169. Въ русскомъ переводѣ (Харьк. 1890) §§ та-же.

И новый цѣнный источникъ для возстановленія государственнаго устройства Аѳинъ и его исторіи, вновь открытое сочиненіе Аристотеля, могучимъ образомъ вторгающееся въ различно рѣшаемые вопросы аѳинскихъ государственныхъ древностей, здѣсь самъ по себѣ не даетъ намъ точнаго представленія о реформѣ Клисѳена, имѣвшей столь глубокое значеніе для всей государственной жизни Аѳинъ. Тѣмъ не менѣе новый источникъ этотъ во всякомъ случаѣ обязываетъ насъ, рассмотрѣвъ подробно его отношеніе къ тѣмъ даннымъ, на которыхъ до сихъ поръ основывалось наше знакомство съ этимъ предметомъ, провѣрить выводы, къ которымъ въ частностяхъ и въ общемъ пришли ученые,—и, выяснивъ противорѣчія между источниками, кажуціяся или существующія, намъ, можетъ быть, удастся установить нѣкоторые пункты съ болѣею достовѣрностью и найти связь между частными послѣдствіями важной Клисѳеновской реформы политическаго раздѣленія Аттики.

Мы знаемъ достовѣрно, что граждане аѳинскіе по мѣсту жительства, а слѣдовательно, и территорія Аттики, раздѣлены были Клисѳеномъ на 10 филъ; что служеніе государству и участіе гражданъ въ управленіи государствомъ регулировались этимъ дѣленіемъ; что, наконецъ, каждая фила вмѣщала въ себѣ нѣкоторое число округовъ (димовъ) Аттики, представлявшихъ каждый самоуправляющуюся общину, члены которой виѣсть съ своимъ потомствомъ принадлежали къ ней неизмѣнно. Число этихъ димовъ намъ извѣстно изъ періггита Полемона въ цитатѣ у Страбона, слѣдовательно для конца III или начала II в. до Р. Хр., при чемъ къ числу 170-ти димовъ у Полемона Страбонъ отъ себя, кажется, добавляетъ еще 4 ¹⁾; названія, вѣроятно, теперь уже всѣхъ димовъ (хотя далеко не въ одинаковой мѣрѣ для разныхъ эпохъ существованія Аѳинскаго государства) извѣстны отчасти изъ авторовъ, а главнымъ образомъ изъ надписей ²⁾; изъ надписей же почерпали мы и большинство свѣдѣній, раскрывающихъ намъ довольно по-

¹⁾ Страб. IX, 16 р. 396. Πολέμων ὁ περιηγητής . . . . Ἐλευσίνα τε εἰκὼν ἔνα τῶν ἑκατὼν ἑβδωμήκοντα δήμων πρὸς δὲ καὶ τεττάρων, ὡς φασίν, οὐδένα τῶν ἄλλων ἀνέμαχεν.

²⁾ Всѣ встрѣчающіяся названія димовъ, съ примѣсю сомнительныхъ и многими повтореніями, сопоставлены Gelzer'омъ въ Anhang IV — V къ 5-му изд. Lehrbuch d. griech. Staatsalterthümer v. K. Fr. Hermann; димы, встрѣчающіеся только въ надписяхъ, собраны въ Indices къ I и III томамъ Corporis Inscr. Attic.

дробно внутреннее устройство и внутреннюю жизнь дима ¹⁾). Для пониманія политическаго значенія дима, то-есть, его участія, какъ известной единицы, участія димотовъ, какъ группы, въ государственной жизни,—не только наши источники не даютъ намъ никакихъ почти данныхъ, но значеніе это, зависящее отъ отношенія дима къ политической единицѣ въ Аѳинскомъ государственномъ устройствѣ, къ филѣ, представляется въ настоящее время даже загадкою, вслѣдствіе запутанности отношенія, въ которомъ, какъ кажется необходимымъ признать новымъ ученымъ, находились димы къ филамъ. Именно съ начала изученія топографіи Аттики оказалось, что димы одной и той же филы разбросаны по разнымъ мѣстностямъ; между тѣмъ въ немногихъ случаяхъ оказывалось несомнѣннымъ, что нѣкоторые димы одной филы, или даже цѣлыя группы димовъ лежали рядомъ ²⁾). Наукѣ не удавалось пока выяснить принципа дѣленія филы на димы, и она должна была удовольствоваться неопредѣленнымъ положеніемъ, что филы представляла изъ себя территориальные округа (Landesbezirke), прерывавшіеся однако тамъ и самъ вставками (Enclaven) изъ димовъ другихъ филъ, такъ что политическая карта Аттики была очень пестра ³⁾). Это общее впечатлѣніе, вынесенное изъ результатовъ, къ которымъ привели топографическія изслѣдованія димовъ, занимавшіяся только димами безъ всякаго отношенія ихъ къ филамъ.

Съ изданіемъ прекрасной большой карты Аттики, составленной по съемкамъ офицеровъ германскаго генеральнаго штаба ⁴⁾, топографія димовъ Аттики вступила, какъ замѣтилъ Келеръ ⁵⁾, въ новый стадій развитія. Дѣйствительно, тщательное изученіе условій мѣстности и слѣдовъ древняго жилья съ одной стороны, усердное собираніе и группировка по мѣстностямъ главнымъ образомъ эпиграфическаго матеріала съ другой,—дали возможность Milchhöfer'у собрать во многихъ случаяхъ данныя для болѣе прочнаго опредѣленія мѣстоположенія различныхъ димовъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для по-

¹⁾ *Haussoullier*, La vie municipale en Attique, 1884.

²⁾ *Hug* (Studien aus d. class. Alterthum, Hft. I, 1881. p. 19) указываетъ на двѣ тѣхнхъ группы: филы Эантиды 'Αφιδνα, Ψαφίς, 'Ραρμνοῦς, Μαραθῶν и филы Антиохиды 'Αναφλοστός, Βῆσα, 'Αμφιτροπή.

³⁾ *Hug*. I. c., *Busolt* I. c. § 135.

⁴⁾ Karten v. Attika aufgenommen durch Offiziere und Beamte d. k. Preussischen grossen Generalstabes. Mit erläuterndem Text hrsggb. v. *E. Curtius* u. *J. A. Kamper*. Hft I—VI, 1881—1889 г.

⁵⁾ *Mittheil. d. deutsch. Archäol. Inst. in Athen* X p. 111.

пытокъ размѣщенія такихъ димовъ, относительно которыхъ до сихъ поръ не имѣлось никакихъ данныхъ ¹⁾). Прекрасно знакомый со всею областью Аттики, *Milchhöfer*, не ограничиваясь изслѣдованіями отдѣльныхъ димовъ, дѣлаетъ попытку намѣтить точнѣе топографическую связь димовъ съ филюю. Но для рѣшенія этого вопроса данныя, которыми пользуется *Milchhöfer*, все еще недостаточны: много димовъ остаются вовсе неопредѣленными, многіе можно помѣстить только предположительно, границы даже хорошо извѣстныхъ намъ димовъ не могутъ быть подвергнуты точному опредѣленію, и слѣдовательно, многія области Аттики можно, смотря по желанію, отнести къ одной или къ другой группѣ димовъ. Вотъ почему выводъ, къ которому приходитъ *Milchhöfer* въ своей замѣткѣ о методѣ изслѣдованія димовъ Аттики ²⁾), выставляется имъ только въ видѣ программы, требующей для подтвержденія дальнѣйшихъ точныхъ изслѣдованій. Выводъ его тотъ, что большинство димовъ каждой филы лежатъ вмѣстѣ и составляютъ одинъ или два связанныхъ округа, границы которыхъ опредѣляются условіями мѣстности, и которые мѣстами лежатъ одинъ за другимъ въ порядкѣ филъ; тѣ же димы, которые лежатъ изолированно отъ остальныхъ частей филы, отъ ея главнаго комплекса, представляются ему особенно важными пунктами страны ³⁾). Но не тамъ собственно, гдѣ предполагалъ Келеръ, не въ болѣе подробномъ изслѣдованіи топографіи страны, лежалъ новый важный моментъ въ изученіи сложенія гражданской общины самаго выдающагося изъ древне-греческихъ государствъ: топографія можетъ играть только служебную роль; вновь открытый литературный источникъ огромной важности долженъ пролить свѣтъ на вопросъ, такъ долго ждавшій своего рѣшенія, и возродить къ жизни взглядъ, который К. Ф. Германъ высказалъ, опираясь на одиноко до сихъ поръ стоявшее свидѣтель-

¹⁾ Матеріалъ собранъ въ *Antikenbericht aus Attika: Mittheil. d. D. A. I.* XII p. 81—104 и 277—330, XIII p. 337—362. Расположенія древнихъ димовъ *Milchhöfer* касается во многихъ мѣстахъ въ *Erläuternder Text zu d. Karten v. Attika*, Heft II, т. III—VI.

²⁾ Ueber Standpunkt und Methode d. attischen Demenforschung, въ *Sitzungsbd. d. k. Preuss. Akad. d. Wissensch.* 1887. IV, особенно стр. 52 сл.

³⁾ Въ числѣ ихъ во всякомъ случаѣ незаслуженное мѣсто занимаютъ 'Αζυρία, 'Ικαρία, Κηφισία, Προβάτινος. Вообще въ этомъ выводѣ много произвола, которому благоприятствуетъ недостаточность нашихъ свѣдѣній по топографіи. Верно и цѣнно здѣсь наблюденіе, что многіе димы одной филы часто лежатъ вмѣстѣ.

ство одного поздняго писателя, Пселла¹⁾). Впрочемъ, и Германъ самъ не вполне вѣрнѣе своему источнику и принимаетъ изъ него только фактъ, что части каждой изъ десяти филъ находились въ трехъ областяхъ Аттики; признавая же тождественность этихъ трехъ областей съ тѣми, которыя давали три партіи педеевъ, паралиевъ и диакриевъ, онъ считаетъ не точнымъ опредѣленіе этихъ областей у Пселла, который называетъ: 1) приморскую часть, 2) часть, занимающую средину страны, и 3) часть, простирающуюся около города²⁾). Но взглядъ Германа забыть и оставленъ³⁾, на сообщеніе Пселла не обращалось больше вниманія, и никто не попытался разработать въ подробностяхъ мысль о дѣленіи Аттики на 30 частей, изъ которыхъ по три приходились на филу, назывались τριττός и, очевидно, включали въ себя всѣ дими филы. Даже когда ученые изъ надписей познакомились съ третіями, никто, на сколько мнѣ извѣстно, не замѣтилъ въ нихъ новаго доказательства вѣрности сообщенія Пселла. Триттіи считались учрежденіемъ позднѣйшаго времени, послѣ-Клиссеевскаго, учрежденіемъ, имѣвшимъ въ виду, главнымъ образомъ, порядокъ въ снаряженіи войска и флота⁴⁾). Теперь въ Ἀθηναίων πολιτεία Аристотеля (гл. 21) мы имѣемъ прямое подтвержденіе сообщенія Пселла, изложеннаго, правда, нѣсколько неумѣло и не вполне ясно.

Единственный смыслъ, который мы можемъ вычитать изъ относящихся сюда словъ Аристотеля безъ того, чтобы стать въ

¹⁾ Lehrbuch d. griechischen Antiquitäten I⁶ § 111 и въ нему примѣчаніе 5-е.

²⁾ Цитату изъ Пселла „περὶ δίκων“ приводимъ въ томъ видѣ, какъ ее даетъ Германъ въ указ. мѣстѣ: Κλισιθένης γάρ τις εἰς τριάκοντα μοῖρας τὴν Ἀττικὴν ἀκασαν διανεῖρας, ἐπειδὴ τὸ μὲν αὐτῆς ἐπιβαλαττιδίων ἦν, τὸ δὲ ἐπὶ τοῦ μέσου καθήστο τῆς χώρας, τὸ δὲ παρὰ τὸ ἄστυ συνίστατο, δέκα μὲν μοῖρας τῆ παραλίφ συντέταυχε, δέκα δὲ καθίστασεν ἐπὶ τὴν μεσόγειον, δέκα δὲ ἀστυνόμους ἐποίησεν καὶ τὸ τρίτημόριον τριττός ὀνόμαστο. Отношеніе 30-ти частей къ 10 филамъ ясно, хотя о филлахъ ничего не говорится.

³⁾ E. Curtius въ 5-мъ изд. своей Griechische Geschichte Bd. I въ одномъ примѣчаніи (пр. 1 къ стр. 478 по французскому переводу Bouché-Leclercq. 1880 г.) считаетъ возможнымъ принять взглядъ Германа, но въ 7-мъ изд., 1887 г., уже вовсе не упоминаетъ о третіяхъ.

⁴⁾ Kelsey въ Mitth. d. D. A. Inst. X p. 109, относитъ раздѣленіе на третіи, deren jede e. entsprechende Anzahl grösserer od. kleinerer Demeu in sich schloss, къ 483 г., когда уничтожены были наварраріи, и приводитъ это раздѣленіе въ связь съ реформой елота. Также Бузолема (Греч. древн. §§ 137 и 169). Гильбертъ (Handbuch d. griech. Staatsalterthümer I стр. 198 sq.), признавая вообще военное назначеніе третіи, о времени учрежденія ихъ не говоритъ ничего. Шеферъ (въ Mitth. d. D. A. I. V p. 85 sqq.) относитъ ихъ ко времени Перикла

полное противорѣчiе съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, тотъ, что Клисоевъ, распредѣливъ и территорiю Аттики на 10 филъ, каждую филу составилъ изъ трехъ округовъ, лежащихъ по одному въ каждой изъ 3-хъ частей Аттики: пригородной, приморской и срединной. Каждый изъ этихъ округовъ, которыхъ было 30, составлялъ $\frac{1}{3}$ филы и потому назывался *τριττός*. Такъ поймемъ, вѣроятно, всякій, это мѣсто Аристотеля ¹⁾, хотя рукописное званiе этого смысла не даетъ. Если Аристотель дѣйствительно сказалъ, что Клисоевъ *τὴν χώραν κατὰ δῆμους διέμελλε τριάκοντα μέρη*, то это могло бы значить только, что и при раздѣленii страны на каждый двѣ пришлось по одной изъ 30 частей и что димовъ было 30: и русское „по димамъ“, и греческое *κατὰ δῆμους* можетъ имѣть только одно это значенiе (при глаголѣ дѣлать). Тогда подъ *τριττός* мы должны были бы понимать тѣ 3 области Аттики, изъ которыхъ каждая дѣлилась на 10 частей. Это было бы самое непринужденное пониманiе мѣста Аристотеля, но едва-ли такъ захочетъ кто-нибудь толковать *Rüh* ²⁾, изыскивающiй въ новооткрытомъ трактатѣ Аристотеля безсмыслицы по содержанию и по изложенiю, чтобы вывести изъ нихъ доказательство того, что найденное сочиненiе не можетъ принадлежать Аристотелю, не даромъ указываетъ между прочимъ и на наше мѣсто, имѣя въ виду выраженiе *κατὰ δῆμους*. Но пусть даже наука признаетъ, что столь обрадовавшее ученыхъ миръ новое произведенiе классической древности не есть произведенiе Аристотеля, что вообще, гдѣ новый свидѣтель не согласенъ съ составленнымъ уже нами представленiемъ о государственномъ устройствѣ Аѳинъ, авторъ новооткрытаго сочиненiя заблуждается и не заслуживаетъ довѣрiя,—во всякомъ случаѣ наше мѣсто не можетъ служить подспорьемъ для прiятаго теперь взгляда, и новое свидѣтельство о раздѣленii Клисоевомъ страны на тритiи не можетъ быть отстранено, какъ было отстранено свидѣтельство Пселла. При пересмотрѣ данныхъ оказывается, что и помимо мѣста Аристотеля все говоритъ въ пользу такого именно пониманiя реформы Клисоева, какое рекомендуетъ и Аристотель, и противорѣчiя, которое предполагается между другимъ, относящимся къ тому же вопросу мѣстомъ новаго трактата и Поли. тикой Аристотеля (1319 b.), на самомъ дѣлѣ вовсе не существуетъ. Въ разбираемомъ нами мѣстѣ исправленiемъ рукописнаго *κατὰ δῆμους*

¹⁾ См. Kenyon ad l., Schneider. *Wochenschr. f. kl. Philol.* 1891 г. p. 529.

²⁾ *Rheinisches Museum* за текущiй годъ, выпускъ 2-й.

на χ' (= $\chi\alpha\iota$) τοὺς δῆμους устраняются по нашему мнѣнію всѣ трудности, при чемъ самое исправленіе такъ просто, что не нуждается въ длинномъ оправданіи. Въ словахъ τῆν χώραν καὶ τοὺς δῆμους вѣтъ-конечно, ни тавтологіи, ни плеоназма. Раньше ¹⁾ говорилось, чт, Клисеевъ раздѣлилъ всѣхъ (очевидно, свободныхъ жителей страны) на 10 филъ вмѣсто 4-хъ, довольно неразборчиво отнесшись къ происхожденію; но мало того, онъ раздѣлилъ, соотвѣтственно дѣленію на филы, и страну на участки и существующіи уже селенія и общины распредѣлялъ между филами. Слова διέναιμα δὲ καὶ τῆν χώραν вводятъ параграфъ о территориальномъ дѣленіи, и послѣдующее καὶ τοὺς δῆμους не будетъ повтореніемъ предшествующаго ἐναίμα πάντας: тамъ говорилось объ установленіи 10 филъ, здѣсь о распредѣленіи существующихъ уже группъ населенія между этими 10-ю филами. Τοὺς δῆμους не будетъ и повтореніемъ выраженного уже словами τῆν χώραν: послѣдствія называютъ только мѣстность, землю; первыя — осѣвшія на ней группы, сложившіяся общины. Одно διέναιμα τῆν χώραν означало бы раздѣленіе страны на участки независимо отъ распредѣлившихъ ее уже между собою самостоятельныхъ общинъ, димовъ: такое дѣленіе могло, наприимѣръ, не обязывать владѣвшаго землей или просто поселившагося въ извѣстномъ участкѣ, отнесенномъ къ той или другой филѣ, быть членомъ дима, расположеннаго въ этой области, для того, чтобы принадлежать къ данной филѣ; одно διέναιμα τοὺς δῆμους не указывало бы какъ разъ на территориальное дѣленіе, такъ какъ димы могли быть распредѣлены на 30 частей, будучи соединяемы въ группы и на любомъ другомъ основаніи, кромѣ территориальнаго ²⁾. Мы полагаемъ, такимъ образомъ, что Аристотель такъ сообщалъ о введеніи Клисеевомъ новаго раздѣленія: „итакъ прежде всего раздѣлилъ онъ всѣхъ на десять филъ вмѣсто четырехъ..... Раздѣлилъ онъ и страну и находившіяся на ней поселенія (димы) на тридцать частей: десять городскаго округа ³⁾, десять береговой полосы и

¹⁾ Ibid. гл. 21, стр. 54.

²⁾ Оутсутствие подобнаго „τῆν χώραν“ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Геродота (V, 69), гдѣ онъ разказываетъ о реформѣ Клисеева, и было причиною того, что до сихъ поръ мы не были увѣрены въ томъ, что населеніе Аттики было распределено по филамъ по принципу территориальнаго дѣленія.

³⁾ При τῶν περὶ τὸ ἕστο не нужно, мнѣ кажется, подразумѣвать ни δῆμον, ни μερῶν, ни что-нибудь другое. Рядомъ съ παραλία и μεσοβῆτος, одну изъ этихъ 3-хъ основныхъ частей дѣленія Аттики Аристотель называетъ τὰ περὶ τὸ ἕστο — по аналогіи напр. съ οἱ περὶ Ἡράκλειτον (Плат. Стат. 440 с.), „городъ и его окрестности“; мы будемъ называть эту часть „городскимъ округомъ“.

десять срединной полосы, и назвавъ эти части три ями, жребіемъ опредѣлялъ по три въ каждую филу, чтобы каждая ла свои части во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ⁴.

Если справедливо сообщеніе Аристотеля, что вся страна раздѣлена была Клисееномъ на 30 участковъ и по 3 такихъ участка вошли въ составъ каждой филы, то димы, на которые дѣлилось население Аттики должны были быть подраздѣленіемъ третій. Теперь возникаетъ вопросъ¹⁾, какъ же распределены были димы, которыхъ считается 100 для Клисеевскаго времени, по 30-ти третіямъ? Какъ бы то ни было, приходится принимать неравномѣрное распределеніе димовъ по третіямъ. Это соображеніе при скудости свѣдѣній, которыя мы имѣли до сихъ поръ о третіяхъ, и заставляло, вѣроятно, главнымъ образомъ изслѣдователей относить установленіе ихъ ко времени послѣ Клисеезна. И дѣйствительно странно, еслибы при установленіи искусственнаго²⁾ числа низшихъ подраздѣленій, обращено было вниманіе на то, чтобы число это было кратное къ числу высшихъ дѣленій, филъ, не будучи кратнымъ къ числу посредствующихъ подраздѣленій, третій³⁾. Но дѣло въ томъ, что число ста димовъ вовсе не дается намъ прямо ни однимъ древнимъ авторомъ, а выводится изъ Геродота (V, 69, гдѣ онъ сообщаетъ объ установленіи новаго раздѣленія Клисееномъ) только при толкованіи, которому находятъ подтвержденіе въ одномъ случайномъ сообщеніи грамматика Иродіана и въ послѣднее время въ одномъ соотвѣтственномъ образомъ дополняемомъ мѣстѣ Берлинскихъ отрыв-

¹⁾ См. *Kenyon* l. c., *Schneider* l. c.

²⁾ Если димовъ было 100, то нельзя отдѣлаться отъ мысли, что число это было установлено искусственно.

³⁾ Это обстоятельство, впрочемъ, можетъ быть на руку тѣмъ ученымъ, которые вмѣстѣ съ *Штейномъ* (въ примѣч. къ Герод. V, 69) и *Заупе* (*De demis urbanis* p. 9) принимаютъ, что 100 димовъ есть число до-Клисеевскихъ димовъ (τοὺς δήμους κατένευε) и что Геродотъ сообщаетъ только, что Клисеевъ, изъ этихъ прежнихъ ста, по 10 распредѣлялъ въ каждую изъ своихъ новыхъ филъ, а кромѣ того, нужно предположить, создалъ нѣсколько новыхъ (по *Штейну* всѣ тѣ, которыхъ названіе есть прежнее названіе родовъ, семействъ, какъ Αἰθαλίαι, Αὐρίβαι, Βουτάβαι и т. д.). Для удобнаго распределенія по 30 третіямъ можно бы принять по 2 или по 5 новообразованныхъ дима на каждую филу. Но при этомъ предположеніи странно и сообщеніе Геродота, и фактъ, будто въ Атикѣ находилось, помимо всякаго административнаго регулированія, какъ разъ 100 димовъ, число не кратное и къ числу до-Клисеевскихъ наихрапій (48).

ковъ изъ Аристотелевой Политиі (Ша 12 по Вергку и Дильсу) ¹⁾. Но послѣднее, во всякомъ случаѣ сомнительное, свидѣтельство уже устранено, съ тѣхъ поръ какъ открытіе связаннаго текста Аристотелевой 'Αθηναίων πολιτεία показало, что сохранившееся въ Берлинскомъ папирусь *ον δὲ γενομένων δη-* нельзя дополнять въ *ἐκατὸν δὲ γενομένων δῆ[μων]*, ибо въ Лондонскомъ связанномъ текстѣ это мѣсто гласитъ такъ: *Τούτων δὲ γενομένων δημοσποχῳτάρη* и т. д. (гл. 22, стр. 57).

Что же касается сообщенія Иродіана, которое считается несомнѣннымъ подтвержденіемъ существованія ста димовъ, то оно состоитъ въ томъ, что, говоря объ удареніи словъ, грамматикъ приводитъ между прочимъ и слово 'Αρχῆν, поясняя *εἰς τῶν ἐκατὸν ἠρώων* ²⁾. Герой Арафинъ несомнѣнно герой эпонимъ дима 'Αρχῆν; вслѣдствіе этого и заключаютъ ученые, что 100 героевъ, изъ которыхъ однимъ былъ Арафинъ, и суть все герой-эпонимы димовъ, эпонимы 100 димовъ. Но не можетъ развѣ этотъ герой быть связанъ съ остальными 99-ю, намъ неизвѣстными, инымъ образомъ? и развѣ знаемъ мы, что у всѣхъ димовъ были свои эпонимы? Правда, мы имѣемъ извѣстіе, что перингитъ Полемонъ составилъ списокъ эпонимамъ димовъ и филъ ³⁾, но изъ этого вовсе нѣтъ необходимости заключать, что каждый димъ непременно имѣлъ своего героя-эпонима, или по крайней мѣрѣ каждый изъ 100 димовъ, установленныхъ Клизеномъ, такъ-же непременно, какъ каждая изъ 10 филъ. Какіе же эпонимы были у такихъ димовъ, какъ *Κοίλη*, 'Αλαί, *Ποταμός*, *Κολωνός*, *Δειράδες*, 'Εκκληφισία, *Περαϊεύς* или 'Ραμνεύς, 'Αγνεύς, *Μορρινοεύς* и многіе другіе? Или всѣ они составили отдѣльные димы уже послѣ Клизена сверхъ тѣхъ ста димовъ, и потому не имѣли эпонимовъ? Ссылка Бувольта („Древн.“ § 162) на отрывки 72—78 Филохора ⁴⁾ тоже не совсѣмъ удачна, ибо, если въ четырехъ изъ этихъ отрывковъ (72, 74, 75, 78) названія четырехъ димовъ и объясняются дѣйствительно именами мнѣческихъ героинь и героевъ, то въ двухъ другихъ (fr. 76 и 77) ⁵⁾ объ эпонимахъ димовъ *Οἶον* и *Ἐοπατή* ничего не говорится и

¹⁾ *H. Diels*, Ueber die Berliner Fragmente der 'Αθηναίων πολιτεία des Aristoteles: Abh. d. k. Ak. d. Wiss. zu Berlin, за 1885 г., phil.-hist. Cl. II стр. 24.

²⁾ Иродіанъ π. μον. λέξ. Α. 17, 8 (ed. *Lehrs* v. II p. 923, 11).

³⁾ *Schol. Aristoph. Av. v. 645*. 'Αναφέρει δὲ τοὺς ἐπωνύμους τῶν δήμων καὶ φυλῶν Πολέμων.

⁴⁾ *Fragmenta hist. Græc.* I, p. 395 сл.

⁵⁾ Fr. 73 вопроса о димахъ не касается, такъ какъ здѣсь говорится о *Κολωναῖται*, обитателяхъ *Κολωνός*; *Ἴππιος* и *Κελωνός*; *μίσθιος*, но не говорится, чтобы который набудъ изъ этихъ двухъ былъ димомъ.

вѣроятно потому, что ихъ и не было ¹⁾. Если поэтому Haussoulier, говоря о религиозной жизни дима, утверждаетъ категорически ²⁾, что среди разнообразія мѣстныхъ культовъ, установившихся въ разныхъ димахъ, одинъ культъ повторялся во всѣхъ димахъ, культъ героя-эпонима, то онъ дѣлаетъ тутъ только заключеніе отъ частныхъ случаевъ къ общему. Между тѣмъ и частные случаи не установлены прочно. Мѣстные культы, культы, въ которыхъ можно было принимать участіе только членамъ дима, были очень развиты, — это мы знаемъ и изъ Павсанія (I, 31 sqq.), и изъ надписей; но по большей части это культы общегреческихъ божествъ. Конечно, между ними значительную долю составляютъ разные мелкіе герои; вѣроятно также, что одинъ изъ этихъ боговъ или героев считался особеннымъ покровителемъ и заступникомъ дима; но былъ ли это всегда какой-нибудь герой или герой эпонимъ въ тѣхъ по крайней мѣрѣ димахъ, гдѣ таковые были; удостоивались ли вообще религиознаго почитанія всѣ эти 'Αραφῆν, 'Οη, Κεφαλή, Τειθρας, Τίτακος, Σφηττός, 'Ανάφλοτος и т. п., или только въ преданіяхъ дима сохранялись ихъ имена и ихъ подвиги, — ничего этого мы не знаемъ.

Итакъ, если было 100 эпонимовъ димовъ, то димовъ было не 100, а больше; а послѣ этого исчезаетъ и основаніе и надобность видѣть въ сотнѣ героевъ, въ которой помѣщаются Арафия, установленное число героевъ-эпонимовъ. Къ тому же мы можемъ выставить болѣе вѣроятное предположеніе объ этихъ „ста героевъ“. Изъ Полидевка (VIII, 110) мы знаемъ, что довольно разнообразныя герои были сдѣланы эпонимами 10-ти Клизееновскихъ филъ по назначенію Дельфійскаго оракула, выбравшаго эти десять ἐκ πολλῶν ὀνομάτων. Точнѣе сообщеніе схолиаста на Аристида (Panathen. 192, 18. vol. III, p. 331, ed. G. Dindorf): Κλεισθένης ὁ (codd. Καλλισθένης ἤ) 'Αλκμαιωνίδης — λαβὼν ἑκατὸν ἡρώων ὀνόματα ἤλθεν εἰς Πυθίαν, μαθεῖν βουλόμενος ἐκ ποίων ὀνομάτων καλέσει τὰς φυλάς, ἃς μέλλει κτίζειν. Вполнѣ подтверждаетъ это извѣстіе 'Αθην. πολιτ. 21 p. 57: ταῖς δὲ φυλαῖς ἐποίησεν ἀκωνομ[ίαις] ἐκ τῶν

¹⁾ Названіе Οἶον онъ производитъ отъ уединеннаго положенія дима, на основаніи значенія слова οἶος=μόνος. Этотъ рядъ названій димовъ на основаніи условной мѣстности (ἀπὸ τῶν [τ]όπων) Аристотель въ 'Αθην. пол. (21 p. 56) отличаетъ отъ другаго, гдѣ названія даны димамъ отъ ихъ основателей (ἀπὸ τῶν κτισάντων); и тѣ и другія названія по Арист. даны (вѣрнѣе, пожалуй, будетъ перевести „утверждены“) Клизееномъ и слѣдовательно изъ клизееновскихъ димовъ только часть могла имѣть эпонимовъ, та которая была названа ἀπὸ τῶν κτισάντων.

²⁾ La vie municipale p. 151 sq.

προκριθέντων ἑκατὸν ἀρχηγῶν, οὓς ἀνεῖλεν ἡ Ποθία δέκα ¹⁾. Этихъ то сто кандидатовъ въ эпонимы филъ, вѣроятно, и имѣлъ въ виду Иродіанъ, называя Арафина однимъ изъ ста героевъ. Въ числѣ этихъ ста, вѣроятно, были и другіе такіе, которые или и раньше были, или тогда стали эпонимами димовъ. Только число этихъ героевъ опять-таки ровно ничего не даетъ намъ для установленія числа димовъ, ни даже эпонимовъ димовъ; ибо ничто не даетъ намъ права заключать, ни что всѣ предложенные Клисеевомъ въ эпонимы филъ были эпонимами димовъ, ни что всѣ эпонимы димовъ были включены въ число этихъ ста ²⁾.

Единственнымъ, слѣдовательно, лишеннымъ уже поддержки извнѣ, основаніемъ для общепризнанныхъ теперь ста Клисеевскихъ димовъ остается мѣсто Геродота, къ которому мы и перейдемъ. Мѣсто это ³⁾ въ настоящее время всѣ, кажется, уже безспорно понимаютъ такъ что относятъ δέκα къ τοὺς δῆμους и переводятъ „по десяти димовъ (Клисеевъ) отнесъ въ филы“. При этомъ новые ученые не раздѣляютъ ни сомнѣнія Германа ⁴⁾ въ справедливости и точности такого сообщенія Геродота, ни вышеуказанное мнѣніе Зауппе и Штейна ⁵⁾, которые принимаютъ, что сто димовъ было до Клисеева; а вмѣстѣ съ Штеманомъ считаютъ несомнѣннымъ, что Клисеевъ раздѣлилъ Аттику на 100 участковъ (димовъ) и по 10 такихъ участковъ внесъ въ каждую филу ⁶⁾. Но всѣ три мнѣнія должны быть оставлены, такъ какъ сое-

¹⁾ См. еще прим. Кенон'а в *Кайбелл-Вилламовица* къ этому мѣсту. Нѣмецкіе издатели „Полютин“ читаютъ ἐκωνόμους вмѣсто ἐκωνομ[ία].

²⁾ Приводя рядомъ съ разобраннымъ выше мѣстомъ Иродіана, въ подтвержденіе толкованія Геродота V, 69 въ пользу ста димовъ, Штейнъ отождествляетъ этихъ сто героевъ, изъ которыхъ выбраны эпонимы филъ, съ предполагаемыми ста эпонимами ста димовъ. Такое отождествленіе возможно еще только при взглядѣ, котораго держится Штейнъ относительно числа ста димовъ; тогда нужно предполагать, что, изъ ста бывшихъ эпонимовъ димовъ, 10 по выбору Аполлонія стали эпонимами филъ и только 90 остались эпонимами димовъ, такъ какъ димовъ, названныхъ по имени Ерехея, Эанта, Пандіона и т. д. мы не имѣемъ; слѣдовательно — нужно заключать — они были переименованы Клисеевомъ и, вмѣстѣ съ вновь образованными имъ, или получили новыхъ эпонимовъ, или вовсе не имѣли ихъ.

³⁾ V, 69: τὰς φυλάς μετουνόμασε καὶ ἐποίησε κλεῖνας ἐξ ἑλασσόνων. δέκα τε δὲ φυλάρχους ἀντὶ τεσσάρων ἐποίησε, δέκα δὲ καὶ τοὺς δῆμους κατένευε ἐς τὰς φυλάς.

⁴⁾ Lehrb. d. gr. Staatsalt. § 111 и прим. 12, etc. *Kawlinson*, History of Herodotus, a new engl. version. 1862 г. v. III въ примѣч. къ дним. мѣсту.

⁵⁾ См. выше, стр. 61, примѣч. 3.

⁶⁾ *Schoemann* De comit. Athen. p. 363. Изъ новыхъ *Mug*, I. с. p. 17: die Angabe (Herodot's über 100 Demen) ist früher mit Unrecht angezweifelt worden; также *H. Curtius*. Griech. Gesch., *Gilbert*. Handb. d. gr. Staatsalt. I p. 142, Anm. 2. *Busolt* I. d. § 133, 162, и другіе.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышла октябрьская книжка общепедагогическаго журнала для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

1. Правительств. распоряженія. 2. Начальное образованіе и народныя училища въ Западной Европѣ и въ Россіи. Городскія училища и учительскіе институты (Продолженіе). Н. Х. Весселя. 3. Школьные годы Жюля Спмона. (По собственнымъ его воспоминаніямъ). С. В. 4. Памяти Владиміра Федоровича Эвальда. Г. М. Князева. 5. Душа ребенка въ первые годы жизни. Воля ребенка и движенія вообще (Продолженіе). Н. М. Лаге. 6. Что такое общее образованіе? Проф. Н. И. Карѣва. 7. Къ вопросу объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій Я. Г. Мора. 8. Цѣль и средства преподаванія низшей математики. IV. Живое слово преподавателя и роль его въ преподаваніи. (Окончаніе). С. И. Шохоръ-Троцяго. 9. Московскія и Петербургскія городскія начальныя училища въ 1889—1890 учебномъ году. (Окончаніе). В. А. Воскресенскаго. 10. Обзоръ мѣропріятій земствъ по народному образованію за 25-лѣтній періодъ времени. (Продолженіе). А. М. Тютюмова. 11. Критика и библиографія: 1) Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста. Книга для воспитателей. Е. Н. Водовозовой. Изданіе 4-е, совершенно переработанное. Сиб. 1891 г. П. Ф. Кантерева; 2) Сборникъ статей по вопросамъ преподаванія русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тифлисъ. 1890 г. В. П. Гейнмига; 3) Педагогическій календарь на 1891—1892 годъ. Годъ второй. Составилъ В. А. Воскресенскій. М. 1891 г. Ц. 50 коп. Изданіе книжнаго склада А. М. Калмыковой С. Ш.-Т.; 4) А. Никольскій. Сборникъ стихотвореній и басенъ для заучиванія наизусть и списокъ книгъ для чтенія учениковъ Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II. М. 1890 г. А. Н.; 5) Избранныя сочиненія М. Ю. Лермонтова. Съ краткой біографіей, примѣчаніями, портретомъ и тремя рисунками. Изданіе Московскаго комитета грамотности. М. 1891 г. Z. 12. Обзоръ ие русскіихъ педагогическихъ журналовъ. Вѣстникъ воспитанія. М. 1891 г. №№ 1—4. Н. М. 13. Педагогическая хроника: а) Изъ хроники школьной жизни въ Германіи (Результаты Берлинской конференціи). П. С.; б) Реформа средняго образованія во Франціи. П. С.; в) Женскіе коммерческіе курсы, учрежденные П. О. Ивашинцовой. А. И. Страннолюбскаго; д) В. Х. Лемоніусъ и празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея его педагогической дѣятельности. Н. Ф. Арсеньева; е) Статистическія свѣдѣнія и мелкія замѣтки о ходѣ учебнаго дѣла въ Западной Европѣ. 1) Письмо къ редактору „Русской Школы“. М. Варавы; 14. Листокъ объявленій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

Въ будущемъ 1892 году журналъ „Русская Школа“ будетъ издаваться по той-же программѣ и при томъ-же составѣ сотрудниковъ, что и въ истекающемъ 1891 г. Журналъ выходитъ ЕЖЕМѢСЯЧНО книжками не менѣе 8 печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна остается та-же, а именно въ Петербургѣ безъ доставки—ШЕСТЬ рублей въ годъ; съ доставкою ШЕСТЬ рублей пятьдесятъ коп.; для иногородныхъ съ пересылкою СЕМЬ рублей.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова и „Новаго Времени“.

Подписка на 1890 г., за израсходованиемъ всѣхъ экземпляровъ, прекращена.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

1-го НОЯВРЯ вышла и разослана подписчикам XI-я книга
исторического журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Записки де-ла Невиля о Москвѣ 1689 г. Перев. съ франц. А. И. Браудо.—II. Минита Панинь и Мерсье де Ла-Ривьеръ, 1762—1767 гг. Очеркъ проф. В. А. Вильбасова.—III. Записки ректора и профессора Императорской академіи художествъ Федора Ивановича Юрдына, 1800—1883 гг.—IV. Записки архимандрита Вл. Терлецкаго, бывшаго грено-уніатскаго миссіонера, 1808—1858 гг. (Окончаніе).—V. Дневникъ графа Петра Александровича Валуева, 1860 г.—VI. Дневникъ академика и профессора Александра Васильевича Никитенко, 1867 г.—VII. Софья Васильевна Новалевская, профессоръ высшей математики, автобіографическій разсказъ.—VIII. Матеріалы, стихи и замѣтки: Домъ вренецъ Іоанна Грознаго.—Указъ царя Бориса Годунова о мѣрахъ противъ голода, 3-го ноября 1601 г.—Японецъ Деибей 1710 г.—Князь М. М. Щербатовъ, 1775—1785 гг.—Мелочи сатирич. содержанія XIX в.—Протоіерей Андрей и проф. Павелъ Нарановичи.—Домъ, въ которомъ скончался баснописецъ Крыловъ, 1844 г.—Взятіе парохода „Тигръ“ 1854 г.—Fonten-de-Vertraillon.—Могила гр. Н. Н. Муравьева-Амурскаго въ Парижѣ, 1881 г.—И. Е. Андреевскій.—XI. Путевыя очерки и замѣтки изъ поѣздки по Россіи М. С.—X. Библиографическій листокъ.

Продолжается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1891 г.
и открыта подписка на 1892 годъ.

Двадцать второй и третій годы изданія. Цѣна по 9 р за годъ.

Подписка принимается въ магазинѣ А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, у Полицейскаго моста, (магазинъ бывшій Мелье), д. № 20. Иногородные обращаются въ книжный магазинъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» (Мих. Ив. Семевскаго), въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. № 7, кв. 2.

Тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя возобновятъ въ НОЯВРѢ подписку на «Русскую Старину» 1892 г., получать немедленно бесплатно книгу «Россія и русскій дворъ въ XVIII в., записки графа Миниха»; на пересылку просятъ прилагать пять семикопѣечныхъ марокъ.

Можно получить Альбомы гравюръ портреты русскихъ дѣятелей. Цѣна каждаго выпуска (III-го, IV-го и V-го) для подписчиковъ «Русской Старины» на 1892 г. по ОДНОМУ руб. и за пересылку каждой книги по три почтовыхъ марки (21 коп.).

Книжный магазинъ М. И. Семевскаго (Спб., Болгн. Подъяческая, № 7) высылаетъ по требованіямъ, и съ наложеннымъ платежомъ, всѣ книги, о продажѣ которыхъ гдѣ-либо было публиковано.

Изд.-ред. Мих. Ив. Семевскій,

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.
ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе тринадцатое, 1890 г., дополненное новыми статьями и рисунками. Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Влѣдкому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособие для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ ОДНОКЛАССНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ“.

Съ вопросами для пересказа, задачами для письменныхъ работъ, рисунками и нотами для пѣнія двухъ голосовъ слѣд. пьесъ: 1) «Коль славень»; 2) «Слава на небѣ»; 3) «Славься, славься»; 4) «Боже, Царя храни». 1890 г.

Цѣна 45 коп.

Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ въ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и вышelasнаго чтенія.

„СОЛНЦЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе четвертое, дополненное, 1891 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и вышelasнаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Священной памяти въ Божѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 30 коп.

«ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ».

Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 35 коп.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХVIII.

1891.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 80.

1891.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	27
--	----

Г. Е. Леонасьевъ. Уловоія хлѣбной торговли во Франціи въ концѣ XVIII вѣка (Неккеръ и де-Калоннъ) (<i>окончаніе</i>)	247
Е. К. Рѣдннъ. Рукописи съ византийскими миниатюрами въ библиотекахъ Венеціи, Милана и Флоренціи	299
И. И. Филевичъ. Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наслѣдіе	318
М. С. Курторга. Изъ не изданныхъ сочиненій профессора М. С. Курторги (<i>продолженіе</i>)	343

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. В. Латышевъ. Керченская христіанская катакомба 491 года. Исслѣдованіе Юліана Кулаковскаго	393
Е. Ф. Шмура. Д. А. Корсаковъ. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка.	405
— Книжныя новости	410
— Первый съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ 1899—1890 гг.	19

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Академія Наукъ	31
— Наши учебныя заведенія: Объ попыткахъ зрѣлости въ 1899 году.	60
А. Ю. Гиршгорнъ. VII интернаціональный гигиеническій конгрессъ въ Лондонѣ.	112
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Владиміръ Павловичъ Титовъ (<i>некрологъ</i>)	123
Д. А. Корсаковъ. Архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ) (<i>некрологъ</i>).	126

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Р. Х. Леперъ. Къ вопросу о димахъ Аттени (<i>продолженіе</i>).	65
С. Ж. Къ Фотію	111
В. Л. Изъ отхотвореній Тиртла	112
В. Л. Изъ отхотвореній Віона Смирнскаго	118
В. Л. Изъ отхотвореній Мосха Сиракузскаго	120

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 4-го декабря).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХVIII.

1891.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1891.

Екатерины. кн., № 20.

3921

Нынѣ, по изданіи закона о преподаваніи въ означенныхъ училищахъ на русскомъ языкѣ, вызвавшего необходимость усиленія наблюденія за правильнымъ и законнымъ ходомъ учебнаго дѣла въ упомянутыхъ училищахъ, установленіе надлежащаго надзора за сими заведеніями со стороны учебно-окружнаго начальства, при двухъ всего окружныхъ инспекторахъ, является весьма затруднительнымъ.

Въ виду сего попечитель Дерптскаго учебнаго округа пошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о разрѣшеніи временно, впредь до примѣненія къ вышеупомянутымъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ новаго положенія о женскихъ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, назначать въ сіи заведенія особнхъ предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ изъ директоровъ или инспекторовъ мѣстныхъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ возложеніемъ на нихъ обязанности наблюдать за правильнымъ ходомъ обученія въ названныхъ училищахъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о вышеизложенномъ докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше на сіе, въ 14-й день октября 1891 года, соизволилъ.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, 24-го октября 1891 года, донесъ Правительствующему Сенату.

9). (14-го октября 1891 года). *О преобразованіи попечительнаго совѣта Владивостокскаю женскаю училища.*

На основаніи п. 7 дѣйствующаго, согласно Высочайше утвержденному 2-го іюля 1865 года положенія комитета министровъ, положенія о Владивостокскомъ женскомъ училищѣ, при означенномъ учебномъ заведеніи существуетъ попечительный совѣтъ въ составѣ 2 выборныхъ и 4 непремѣнныхъ членовъ, при чемъ въ число послѣднихъ входятъ попечительница и начальница училища, начальникъ штаба и инспекторъ флотскихъ штурмановъ Сибирской флотиліи.

Такой составъ попечительнаго совѣта обуславливался тѣмъ, что необходимыя на содержаніе названнаго училища суммы отпускались изъ казны по смѣтамъ морскаго министерства.

Въ настоящее время суммы эти переведены изъ смѣты упомянутого министерства въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія, а потому Приамурскій генераль-губернаторъ возбудилъ передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайство о разрѣшеніи примѣнять, на будущее время, къ Владивостокскому женскому училищу,

при выборѣ членовъ попечительнаго совѣта онаго, общее положеніе о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ 24-го мая 1870 года.

Въ виду вышензложеннаго и принимая во вниманіе, что указанная мѣра даетъ возможность привлечь въ число членовъ попечительнаго совѣта упомянутаго учебнаго заведенія большее число лицъ, могущихъ содѣйствовать его благосостоянію, управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, призналъ изложенное ходатайство Приамурскаго генераль-губернатора заслуживающимъ полнаго уваженія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о вышензложенномъ докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 14-й день октября 1891 года Высочайше на сіе соизволилъ.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, 24-го октября 1891 года, донесъ Правительствующему Сенату.

10. (21-го октября 1891 года). *Объ учрежденіи при Вятскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ двухъ стипендій на проценты съ капитала, пожертвованнаго присяжнымъ повѣреннымъ Н. Копиченко.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 21-й день октября 1891 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Вятскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ, въ память избавленія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича отъ угрожавшей Ему 29-го апрѣля 1891 года въ г. Отсу опасности, двухъ стипендій: одной имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и другой имени Его Королевскаго Высочества принца Георга Греческаго, на счетъ процентовъ съ капитала въ 1.500 рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью присяжнымъ повѣреннымъ Николаемъ Копиченко.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, 31-го октября 1891 года, донесъ Правительствующему Сенату.

11. (28-го октября 1891 года). *Объ учрежденіи, въ память избавленія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича отъ угрожавшей Ему Высочеству въ Японіи опасности, десяти стипендій въ мужскихъ гимназіяхъ г. Москвы.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайства Москов-

ской городской думы объ учрежденіи въ память избавленія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича отъ угрожавшей Его Высочеству въ Японіи опасности, десяти стипендій въ мужскихъ гимназіяхъ г. Москвы, въ 1, 2, 3 и 4—по двѣ стипендіи въ каждой, а въ 5 и 6 гимназіяхъ по одной, на счетъ процентовъ съ капитала въ шестнадцать тысячъ рублей, внесенныхъ думою для сей цѣли въ Московское губернское казначейство, въ 28-й день октября 1891 г. Высочайше на сіе соизволилъ.

О вышеизложенномъ управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, 3-го ноября 1891 г., донесъ Правительствующему Сенату.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

(16-го іюля 1891 года. № 8). *Производятся, за отличіе:* профессора С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, статскіе совѣтники: Николай *Тавилдаровъ* и Брониславъ *Вилежинскій*—въ дѣйствительные статскіе совѣтники (Выс. пов. 14-го іюня 1891 года); помощникъ начальника архива министерства народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ Александръ *Раздольевъ*—въ статскіе совѣтники, со 2-го іюля 1891 года (Выс. пов. 21-го іюня 1891 г.).

Опредѣляется: почетный членъ и членъ совѣта С.-Петербургскаго археологическаго института, тайный совѣтникъ *Труворовъ*—директоромъ сего института, съ оставленіемъ членомъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія и на службѣ при Святѣйшемъ Синодѣ и по министерству внутреннихъ дѣлъ (Выс. пов. 28 го іюня 1891 г.).

Утверждаются: Бакинскій первой гильдіи купецъ *Арамянцъ*—почетнымъ попечителемъ Тифлисскаго второй гимназіи; ландратъ *фонъ-Цуръ-Мюленъ*— вновь почетнымъ попечителемъ Аренбургскаго гимназіи, на три года; статскій совѣтникъ *Трубовъ*—почетнымъ попечителемъ Полтавскаго Александровскаго реальнаго училища, на три года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлью: кандидату Императорскаго Варшавскаго университета *Вульфъ* — по 1-е сентября 1891 года.

Командируются съ ученою цѣлью за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Рельманъ* — съ 28-го августа по 15-е сентября 1891 года; ор-

динарный профессор Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Воейковъ*—на 3 недѣли; кандидатъ Императорскаго Варшавскаго университета *Морозевичъ*—по 20-е августа 1891 года; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета *Красновъ*—съ 20-го іюля по 7-е октября 1891 года; ординарный профессор Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Цацарели*—по 1-е октября 1891 года; ординарный профессор Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Брикнеръ*—на 6 мѣсяцевъ; экстраординарный профессор Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Гамбаровъ*—съ 20-го декабря 1891 года по 20-е августа 1892 года; ординарный профессор Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Заленскій*—съ 15-го іюля 1891 года по 1-е іюня 1892 года; оставленный при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ для приготовления къ профессорскому званію *Погодинъ* и окончившій курсъ въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ *Никоновъ*—на два года, съ 1-го сентября 1891 года.

Увольняются въ отпускъ по болѣзни: въ Россіи: тайные совѣтники: попечители учебныхъ округовъ: Виленскаго, *Сергеевскій*—на 6 недѣль (Выс. пов. 28-го іюня 1891 года) и Варшавскаго, *Анухтинъ*—на 2 мѣсяца (Выс. пов. 21-го іюня 1891 г.).

Въ Россіи и за границу: дѣйствительные статскіе совѣтники: попечитель Одесскаго учебнаго округа *Сольскій*—на 2 мѣсяца (Выс. пов. 28-го іюня 1891 г.) и ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета *Ковалевскій*—по 1-е мая 1892 г. (Выс. пов. 21-го іюня 1891 года).

Объявляется Высочайшее Ею Императорскаго Величества благоволеніе: адъюнктъ-профессору С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, коллежскому совѣтнику *Богаевскому*—за полезные и ревностные его труды при пересмотрѣ общаго таможеннаго тарифа (Выс. пов. 14-го іюня 1891 г.).

(8-го августа 1891 года. № 9). *Утверждается:* потомственный почетный гражданинъ *Гадаловъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Красноярской мужской гимназіи, на 3 года.

Зачитается въ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлью: причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, члену учебнаго комитета сего министерства, дѣйствительному статскому совѣтнику *Гиришорну*, ординарному профессору Императорскаго Московскаго

университета, статскому совѣтнику *Амучину* и преподавателю С.-Петербургскаго втораго реального училища, статскому совѣтнику *Срезневскому*—разрѣшенные имъ отпуски за границу: первому—на 1 мѣсяць, второму—съ 25-го іюля по 30-е августа 1891 года и третьему—съ 25-го іюля по 31-е августа 1891 года.

Командируется съ ученою цѣлью за границу: вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Эзовъ*—на 2 мѣсяца.

Уволяются въ отпускъ: въ Россіи: попечитель Западно-Сибирскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Флоринскій*—на 28 дней (Высоч. пов. 18-го іюля 1891 года).

За границу: товарищъ министра народнаго просвѣщенія, оберъ-гофмейстеръ, сенаторъ князь *Волконскій*—на 2½ мѣсяца, съ 27-го іюля 1891 года, по болѣзни; приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета *Андрусовъ*—на 6 мѣсяцевъ, съ 1-го сентября 1891 года.

Уволяется, согласно прошенію: почетный попечитель Симферопольской гимназій, отставной генералъ-маіоръ *Поновъ*—отъ сей должности.

(30-го августа 1891 года. № 10). *Производится, за отличіе:* почетный попечитель Байрамчской учительской семинаріи, коллежскій ассесоръ Павелъ *Ралли*—въ надворные совѣтники.

Назначаются: директоръ и заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, тайный совѣтникъ *Ильинъ*—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и помощникъ директора и профессоръ Харьковскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Головинъ*—директоромъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института.

Уволяется въ отпускъ: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Корниловъ*—въ Крымъ, на два мѣсяца (Высоч. пов. 21-го августа 1891 г.).

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 5-й день текущаго

ноября, пожаловать ученика VI класса Тифлисской первой гимназіи Алексѣя *Гестмана* и ученика II класса Павлоградскаго городского трехкласснаго училища Виктора *Пересаденко*, серебрянными медалями съ надписью „за спасеніе погибавшихъ“ на Владимірской лентѣ для ношенія въ петлицѣ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Томъ I. Изданіе 4-е, съ измѣненіями и дополненіями. *В. Мартыновскаго*, директора Тифлисской мужской прогимназіи. Тифлисъ. 1891, стр. 448+XV. Цѣна 1 р. 25 коп.“ — одобрить какъ учебное пособие по русскому языку для среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ.

— Книгу: „Первая латинская книга для трехъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Изданіе 2-е, исправленное и измѣненное соотвѣтственно новымъ учебнымъ планамъ. Составилъ *М. Киммерлингъ*, преподаватель С.-Петербургской 1-й гимназіи. Часть I. Упраженія, стр. 128.— Часть II. Словарь, стр. 97, С.-Пб. 1891“ — одобрить въ качествѣ руководства для младшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Сборникъ греческихъ и русскихъ примѣровъ для упражненія въ греческой этимологіи. Составилъ по *Везиеру М. Григоревскій*. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1890, стр. 184“ — допустить въ качествѣ учебнаго пособия при изученіи греческой этимологіи въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

— Книгу: „Die Kunst in den Athos-Klöstern von *Heinrich Brockhaus*. Mit XIX Text-Abbildungen, 1 Karte. 1 lithographirten und 23 lichtdruck-Tafeln. Leipzig. 1891“ — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Рѣчь *Цицерона* о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Объяснилъ *А. Гофманъ*, директоръ С.-Петербургской 7-й гимназіи. Изданіе VI. С.-Пб. 1891“ — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства.

— Книгу: „Грамматика церковно-славянскаго языка новаго пе-

ріода. Пособіе для городскихъ училищъ. Составилъ *К. Козьминъ*. Изданіе 2-е. Москва. 1882. Цѣна 50 коп.—одобрить какъ учебникъ для городскихъ училищъ.

— Книги *Ө. И. Булгакова*: 1) „Наши художники (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія. Біографіи, портреты художниковъ и снимки съ ихъ произведеній въ алфавитномъ порядкѣ именъ художниковъ. Томъ I. (А—К). Томъ II (Л—Я). С.-Пб. 1890. 2) Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Томъ I. Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. С.-Пб. Первыя обѣ книги одобрить для фундаментальныхъ и учебныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а послѣднюю одобрить для раздачи въ видѣ наградъ ученикамъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Образцы архитектурныхъ деталей для употребленія въ среднихъ и низшихъ техническихъ училищахъ, реальныхъ училищахъ и т. п. заведеній. Пятнадцать листовъ образцовъ съ краткимъ руководствомъ ихъ употребленія и 155 эскизами въ руководствѣ. Архитектора *М. Шервинскаго*, директора ремесленнаго училища въ Ригѣ. С.-Пб. 1891“, — допустить атласъ чертежей, но не текстъ, въ качествѣ пособия въ низшихъ строительно-техническихъ училищахъ.

— Книжки: „Учебникъ по русской грамматикѣ. I. Этимологія.— II. Синтаксисъ. Составилъ *Бьлоруссовъ*, директоръ Орловской классической гимназіи. Орель. 1891, стр. въ I-й книжкѣ 55, во II-й 55. Цѣна той и другой книжки по 40 коп.“—одобрить какъ учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

„Таблицы XII и XIII для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей, съ объяснительнымъ текстомъ подъ заглавіемъ: Греческій театръ, стр. VI+31. Составилъ и издалъ *Стенанъ Цмбульскій*, учитель Императорской Николаевской Царско-сельской гимназіи. Царское Село. 1891“ — рекомендовать какъ учебное пособіе по классическимъ древностямъ и для приобрѣтенія въ фундаментальныя и учебныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Генералиссимусъ князь Суворовъ. *А. Петрушевскаго*. Въ трехъ частяхъ. С.-Пб. 1884“, — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Теорія *Гаусса*, примѣненная къ сферическимъ зер-

каламъ и стекламъ профессоромъ *Ж. Гиварре*. Съ 80' чертежами въ текстѣ. Москва. 1891, стр. 222. Цѣна 1 р. 50 коп. — рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія (для старшаго возраста) бібліотеки гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книги: „Die neue deutsche Sprachunterricht. Methode und Lehrbuch von *E. Mittelsteiner*. Учебникъ нѣмецкаго языка по новой методѣ. Методика и учебникъ. Составилъ *Э. Миттельштейнеръ*, преподаватель гимназіи Креймана и реального училища Мазинга. Москва. 1891. Курсъ для I и II классовъ реальныхъ училищъ. Изданіе 2-е, страницъ VIII+233. Цѣна 80 коп. — Курсъ для III и IV классовъ реальныхъ училищъ, страницъ VIII+212. Цѣна 80 коп.“ — допустить первый курсъ въ качествѣ руководства для I и II классовъ, а второй курсъ въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи нѣмецкаго языка въ III и IV классахъ реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Kurzgefasste deutsche Grammatik für mittlere Lehranstalten in Russland und zum Privatunterricht. Краткая нѣмецкая грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи и для частнаго обученія. Составилъ *А. Трояновскій*. Пятое изданіе, исправленное. С.-Пб. 1891, страницъ 143. Цѣна 75 коп.“, — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ, по составу учащихся, нѣмецкая грамматика безъ затрудненія можетъ проходить по-нѣмецки.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Къ столѣтію Козьмодемьянскаго городского училища. Историческая записка объ училищѣ. 1791—1890 г. Составилъ учитель-инспекторъ училища *К. Рябинскій*. (Вырученная отъ продажи изданія сумма поступаетъ на учрежденіе при училищѣ стипендіи). Казань. 1891. Въ 8-ку, 185 страницъ. Цѣна 1 руб. 25 коп.“, — допустить въ учительскія бібліотеки народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ.

— Изданные *М. Герасимовымъ* въ С.-Петербургѣ: 1) „Календарь для учителей городскихъ, уѣздныхъ и сельскихъ училищъ на 1890—

1891 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 60 коп.“ и „Приложеніе къ календарю. Цѣна 50 коп.“ (Календарь вмѣстѣ съ приложеніемъ 1 рубль).—2) „Календарь для учителей городскихъ, уѣздныхъ и сельскихъ училищъ на 1891—1892 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 60 коп.“ и „Приложеніе къ календарю. Цѣна 50 коп.“ (Календарь съ приложеніемъ 1 рубль)—допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: „*Ст. Ширковичъ*. Церковно-славянскій словарь. Пособіе при чтеніи и разборѣ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. (Для духовныхъ училищъ и другихъ школъ). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Новгородъ. 1891. Въ 16-ю д. л., 95 стр. Цѣна 15 коп.“—одобрить для употребленія въ качествѣ учебнаго пособия въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

ОФИЦАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о выраженныхъ имъ, оберъ-гофмейстеромъ княземъ Волковскимъ, и всѣми чинами центрального управленія министерства народнаго просвѣщенія по случаю двадцатипятилѣтія бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ чувствахъ вѣрноподданнѣйшей преданности и благоговѣнной любви къ Его Императорскому Величеству, Государыннѣ Императрицѣ и всему Августѣйшему Семейству Собственноручно начертать соизволилъ: „Сердечно благодаримъ всѣхъ за участіе къ Нашему семейному празднику“.

— По донесенію попечителя Дерптскаго учебнаго округа, постановленіемъ попечительскаго совѣта сего округа одобрены къ употребленію въ начальныхъ училищахъ онаго, въ коихъ преподается латвискій языкъ, составленный бывшимъ учителемъ Яномъ *Скуемъ* учебникъ подъ заглавіемъ: „*Wadons Latveeschu walodas — mahzibā pagastu-skolahm trijos koncentrīskos riņkos. Sastahdijes Skuju Jahnis. Rīgā*“.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 1-го сего октября послѣдовало открытіе въ г. Красноуфимскѣ женской прогимназіи, при чемъ въ первые три класса ея принято 37 ученицъ.

— По донесенію попечителя Московскаго учебнаго округа, 17-го минувшаго октября послѣдовало открытіе двухкласснаго начальнаго народнаго училища сего министерства въ с. Красновидовѣ, Можайскаго уѣзда, Московской губерніи, при 100 учащихся.

УСЛОВІЯ ХЛѢБНОЙ ТОРГОВЛИ ВО ФРАНЦІИ ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА (НЭНКЕРЪ И ДЕ-КАЛОННЪ) ¹⁾.

Де-Калоннъ.

Во время министерства де-Калонна вопросы, относящіеся къ хлѣбной торговлѣ, получаютъ новое движеніе, и притомъ въ смыслѣ требованій физиократовъ. Это произошло не потому, чтобы самъ генераль-контролеръ имѣлъ на этотъ счетъ опредѣленные взгляды, а потому, что въ его вѣдомствѣ образовалось особое учрежденіе, называвшееся „администраціей земледѣлія“ (administration de l'agriculture). Это учрежденіе образовалось по инициативѣ Гравье-де-Вержена (Gravier de Vergennes), начальника отдѣленія налоговъ (bureau des impositions) и завѣдывавшаго въ то-же время дѣлами, относящимися къ земледѣлію (objets relatifs à l'agriculture) ²⁾. Поводомъ къ учрежденію этой „администраціи“ была сильная засуха 1785 года, грозившая полнымъ неурожьемъ травъ и хлѣбовъ. „Администрація“ представляла собою комитетъ, председателемъ котораго назна-

¹⁾ Окончаніе. См. ноябрьскую книжку *Журн. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Когда Бертенъ оставилъ въ 1763 г. постъ генераль-контролера, онъ устроилъ себя вѣчто въ родѣ особаго министерства земледѣлія и торговли. Это былъ особый департаментъ (departement), почти независимый отъ генераль-контролера, въ которомъ вѣдались равныя дѣла торговли, промышленности и земледѣлія. Нэнкеръ изъ экономии и изъ нерасположенія къ физиократамъ, другомъ которыхъ былъ Бертенъ, принудилъ его удалиться (1780 г.). Дѣла, касающіяся земледѣлія, были переданы въ завѣдываніе д'Айи (Ailly), начальника отдѣленія налоговъ. („Par esprit d'économie et peut être aussi par malveillance pour les physiocrates dont Bertin était l'ami, le forçâ de se retirer (1780)“ ..... „les objets relatifs à l'agriculture furent placés sous la direction de d'Ailly, chef du bureau des impositions“). *Pigeonneau et Fovilla, L'Administration de l'Agriculture au Contrôle Général des Finances (1785 — 1787). Procès-verbaux et rapports*, pp. VII et X (введеніе).

ченъ былъ Гравье-де-Вержень, и членами Дарсе (Darcet), профессоръ французскаго коллежа (Collège de France), химикъ и геологъ, „просвѣщенный сторонникъ реформъ, которыхъ не имѣлъ смѣлости осуществить — старый порядокъ“; Тилле (Tillet), членъ академіи и парижскаго сельско-хозяйственнаго общества, извѣстный своими работами надъ хлѣбной ржавчиной (carie des blés); Лавуазье, извѣстный химикъ, бывшій и сельско-хозяйственнымъ практикомъ; Дюпонъ-де-Немуръ, извѣстный физиократъ, членъ парижскаго сельско-хозяйственнаго общества, и, наконецъ, Пуассонье, лейбъ-медикъ, государственный совѣтникъ, членъ академіи Парижской, Петербургской и Стокгольмской. Со временемъ въ этотъ комитетъ вошли герцогъ Лянкуръ, сильный своими связями при дворѣ, сторонникъ реформъ, аббатъ Лефебръ (Lefebvre), генераль-прокуроръ ордена св. Женевиевы и членъ парижскаго сельско-хозяйственнаго общества, и Лазовскій, полякъ, послѣдовавшій за Станиславомъ Лещинскимъ въ Лотарингію, бывшій въ это время инспекторомъ мануфактуръ и пользовавшійся покровительствомъ герцога Лянкура, впоследствии одинъ изъ руководителей коммуны ¹⁾.

Этотъ комитетъ въ своихъ засѣданіяхъ занимался практическими и теоретическими вопросами, относящимися къ земледѣлію, и не могъ миновать вопросовъ хлѣбной торговли ²⁾.

Желая имѣть данныя о положеніи земледѣлія и его нуждахъ, комитетъ рѣшился обратиться къ содѣйствію духовенства для пріобрѣтенія ихъ, не считая интендантовъ и субделегатовъ годнымъ для этой цѣли орудіемъ ³⁾. Аббатъ Лефебръ велъ корреспонденцію со священниками. Въ засѣданіи 4-го августа 1786 года онъ читалъ извлеченіи изъ многихъ писемъ священниковъ Шампани, Бри и Орлеана, въ которыхъ они жаловались на низкія цѣны хлѣба. „Хорошая цѣна, — говорятъ они, — оживила земледѣліе; слишкомъ быстрое и долго продолжающееся паденіе цѣнъ повергло его въ прежнее вялое состояніе (langueur); фермеры не могутъ его выдержать“ ⁴⁾.

По этому поводу былъ поднятъ вопросъ о разрѣшеніи вывоза хлѣба. Предсѣдатель комитета писалъ объ этомъ Монтарану, кото-

¹⁾ Ibid., pp. XI, XVIII, XXIII et XXIV.

²⁾ Рядомъ съ докладами о разведеніи клевера, свекловицы, мы видимъ докладъ о земледѣльческомъ доходѣ Франціи и Англіи (Лазовскаго), о невыгодахъ запретительной системы (Дюпонъ-де-Немур).

³⁾ Ibid., p. XVII.

⁴⁾ Ibid., p. 288.

рый по прежнему вѣдалъ дѣла хлѣбной торговли, но онъ ему отвѣчалъ такъ, какъ будто онъ не понялъ предмета письма или же притворился, что не понимаетъ его. Онъ написалъ, что вывозъ хлѣба изъ провинціи въ провинцію всегда былъ свободенъ, какъ будто дѣло шло не о вывозъ за границу (17-го ноября 1786 г.) ¹⁾. Нѣсколько дней позже снова идетъ рѣчь о вывозѣ хлѣба (24-го ноября 1786 г.). Аббатъ Лефебръ докладывалъ отвѣты, полученные имъ по этому предмету отъ 161 корреспондента. Изъ нихъ 97 требовали свободы вывоза, а 64 желали сохраненія его запрета. Въ засѣданіи 22-го декабря 1786 г. Лазовскій въ докладѣ объ общихъ условіяхъ французскаго земледѣлія затронулъ вопросъ о хлѣбной торговлѣ. „Однимъ изъ бичей земледѣлія,—сказалъ онъ,—самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ является запретительная система правительства по отношенію къ хлѣбной торговлѣ; она ограничиваетъ промыселъ (дѣятельность) земледѣльца и препятствуетъ ему собирать хлѣба больше, чѣмъ нужно для внутренняго потребленія государства“ ²⁾.

Еще въ засѣданіи 24-го ноября по поводу доклада Лефебра Дюпонтъ-де-Немуръ обѣщалъ составить докладъ о вывозѣ хлѣба. Въ засѣданіи 19-го января 1787 года онъ сообщилъ комитету, что онъ говорилъ генераль-контролеру о желаніяхъ комитета касательно вывоза хлѣба и мотивахъ, на которыхъ они основаны. Министръ рѣшается представить королю и собранію нотаблей слѣдующія предложенія:

1) „Подтвердить эдиктъ 1764 года и lettres patentes 1776 года въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ предписывается, чтобы всѣмъ лицамъ всякаго званія и состоянія дозволено было вести торговлю хлѣбomъ и мукою какъ внутри государства, такъ и внѣ его“.

2) „Отмѣнить эти самые законы въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ опредѣляется, что вывозъ хлѣба будетъ запрещенъ или дозволенъ, смотря по тому, будетъ ли цѣна хлѣба стоять выше, или ниже извѣстнаго предѣла“.

3) „Постановить, что свобода вывоза хлѣба будетъ обычнымъ состояніемъ, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ за правительствомъ возможность останавливать вывозъ мѣстными и частными законами въ силу ходатайствъ провинцій и провинціальныхъ собраній, которыя бу-

¹⁾ Ibid., p. 316.

²⁾ Ibid., p. 384.

дуть скоро введены, съ тѣмъ, что эти запрещенія никогда не будутъ издаваться на срокъ болѣе одного года и будутъ продолжаемы новымъ распоряженіемъ, если обстоятельства того потребуютъ, лишь на основаніи новаго ходатайства провинціальныхъ собраній ¹⁾).

Дѣйствительно де-Калоннъ сдѣлалъ обѣщанное представленіе собранію нотаблей. Въ этомъ докладѣ говорилось, что „вопросъ о хлѣбной торговлѣ, столь долго обсуждавшійся, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые доведены до состоянія зрѣлости временемъ, опытомъ и свободнымъ обмѣномъ идей. Съ обѣихъ сторонъ все сказано, и можно видѣть, что принципъ, требующій полной свободы (*une grande liberté*), восторжествовалъ въ умахъ. Пора, чтобы власть освятила его и окончательно утвердила его въ общественномъ мнѣніи“.

Далѣе говорится, что народъ привыкъ къ тому, чтобы въ дѣлѣ удовольствія принимались мѣры предосторожности, что даже въ ничтожныхъ случаяхъ онъ требуетъ ихъ возвышенія. Авторъ признаетъ, что эти мѣры будутъ нужны, но требуетъ, чтобы онѣ были принимаемы незамѣтно и чтобы „онѣ имѣли въ виду не устраненіе неудобствъ свободы, а лишь первые моменты ея, когда страхъ можетъ сбить съ толку умы (*mais à des premiers moments d'une crainte qui pourrait égayer les opinions*); что касается послѣдующаго времени, то свобода сама о немъ позаботится (*la liberté s'en charge*). Такимъ образомъ мѣрами простыми и осторожными администрація обезпечитъ отъ всякаго посягательства законъ, такъ давно требуемый разумомъ и общественнымъ интересомъ“.

Далѣе объявляется, что король предполагаетъ издать распоряженіе о свободѣ хлѣбной торговли внутри и внѣ государства. Въ этой части доклада воспроизводится докладъ Дюпонъ-де-Немура, сдѣланный комитету земледѣлія въ засѣданіи 19-го января 1787 г. ²⁾).

Предполагавшійся законъ не появился при де-Калоннѣ. Въ апрѣлѣ

¹⁾ Ibidem. Протоколъ засѣданія комитета земледѣлія 19-го января 1787 года, р. 352. Говори о *lettres patentes* 1776 года, Дюпонъ-де-Немуръ ошибался. Такихъ *lettres patentes* не было. Можно думать, что онъ имѣлъ въ виду декларацию 1776 г., выданную для Гізени, Но, Руссильона, Лангдока и Прованса (см. *Журн. М. Н. Пр.* 1891, ноябрь).

²⁾ Ibid., стр. 474, приложение II. Весьма вѣроятно, что докладъ де-Калонна писалъ Дюпонъ-де-Немуръ. Де-Калоннъ его назначилъ госуд. совѣтникомъ и *commissaire de commerce*. Въ его вѣдѣніи была переписка по сѣверной торговлѣ (*correspondance pour le commerce du Nord*). *Lalanne* и *Almanach Royal*, 1788.

мѣсяцѣ 1787 г. онъ оставилъ свой постъ, потерпѣвъ полное фіаско въ своей дѣятельности. Проектированный имъ законъ явился лишь въ іюні 1787 года, когда генераль-контролеромъ сталъ уже Ломени-де-Вриенъ ¹⁾.

Этотъ законъ изданъ былъ въ формѣ деклараціи, помѣченной 17-го іюня 1787 г. Регистрована она была 25-го іюня 1787 года. Въ ней говорится, что декларація 10-го февраля 1776 года разрѣшила вывозъ вслѣдствіе просьбъ со всѣхъ сторонъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ адиктъ іюля 1764 года и даже съ облегченіемъ, а именно, при нормѣ 12 l. 10 s. за кенталь. Вслѣдствіе безпокойствъ относительно урожая 1777 года, какъ говорится въ деклараціи, въ сентябрѣ этого года вывозъ былъ приостановленъ. Послѣ того вывозъ нѣсколько разъ разрѣшался и воспрещался. Далѣе, объявляется, что свобода торговли должна быть правиломъ, а сокращеніе ея—исключеніемъ, допускаемымъ по ходатайству собраній чиновъ и провинціальныя собраній. „Да будетъ свободно навсегда лицамъ всякаго званія и состоянія вести торговлю зерномъ и мукой внутри королевства на всемъ пространствѣ его. Разрѣшается также всѣмъ нашимъ подданнымъ свободно вывозить хлѣбъ за границу черезъ всѣ порты и таможи“.

Вывозъ можетъ быть приостановленъ изъ тѣхъ провинцій, чины коихъ (états) или провинціальныя собранія будутъ о томъ ходатай

¹⁾ Со вступленіемъ послѣдняго въ должность генераль-контролера Дюпонъ-де-Немуръ едва не потерялъ своего мѣста. Въ длинномъ письмѣ отъ 11-го іюля 1787 г. къ Edelsheim'у (Oberkammerherr und Gesandter beim Schwab. Kreis) въ Баденъ онъ сообщаетъ, что отставка де-Калонна, трехнедѣльное министерство Фурке (Fourqueux) и вступленіе въ министерство Ломени-де-Вриеня поставили его въ критическое положеніе. Ломени сердился на него за то, что онъ поддерживалъ кандидатуру de-Fourqueux, и даже сказалъ ему, что онъ ему больше не нуженъ. „J'ai senti tout le péril de ma position,—пишетъ онъ,—mais comme son plus mauvais résultat était de redevenir laboureur, libre et pauvre trois metiers dont j'ai l'expérience et qui ne m'inspirent aucun dégoût, je n'ai pas été fort alarmé“. Онъ подалъ Ломени-де-Вриеню докладную записку, въ которой наложилъ свою службу. Послѣ этого Ломени пригласилъ его остаться. Дюпонъ-де-Немуръ не предвѣщаетъ долговѣчности министерству Ломени. „Il (le ministre) a été acheté par de bien grandes promesses bien difficiles à réaliser, surtout pour quelqu'un qui ne veut point de secours, qui n'a que des admirateurs et des ennemis qui croit pouvoir porter seul un monde“. Erdmansdörfer, Correspondenz Karl Friedrich von Baden 1783 — 1806, Heidelberg, 1881, vol., p. 269 — 276. Въ этомъ же письмѣ Дюпонъ сообщаетъ, что онъ приготовилъ торговый договоръ съ Россіей.

ствовать, и если необходимость остановки будетъ признана правительствомъ. Остановка вывоза не можетъ распространяться и на другія провинціи, изъ коихъ не поступало ходатайствъ объ остановкѣ и относительно коихъ таковая не была признана необходимою. Приостановка вывоза простирается только на годъ, за исключеніемъ случая возобновленія ея новымъ постановленіемъ, если то будетъ признано необходимымъ и если просьба о томъ будетъ возобновлена со стороны провинціальныхъ чиновъ и провинціальныхъ собраний.

Отмѣняются всѣ постановленія, деклараціи и регламенты противныя сему и, между прочимъ, эдиктъ іюля 1764, *lettres patentes* 25-го мая 1776 г. и декларація сентября 1776 г., коими регулировалось запрещеніе или разрѣшеніе вывоза хлѣба сообразно съ его цѣною ¹⁾.

Содержаніе деклараціи 17-го іюня 1787 года находится въ тѣсной связи съ исторіей вывоза, начиная съ эдикта 1764 года. Она отмѣняетъ совершенно норму цѣны, при которой допускается вывозъ, и разрѣшаетъ его принципиально, въ видѣ общаго правила и навсегда. Практика показала, что вовсе не трудно было злоупотреблять пормой и останавливать вывозъ, когда это нужно было ради тѣхъ или другихъ цѣлей. Практика показала въ то же время, что эдиктъ 1764 г. заключалъ въ себѣ пробѣлъ въ томъ отношеніи, что онъ совсѣмъ не регулировалъ условій возобновленія вывоза, а потому стоило только остановить вывозъ хлѣба на законномъ основаніи, чтобы затѣмъ поставить его судьбу въ полную зависимость отъ произвола администраціи. Такъ стояло дѣло во время министерствъ аббата Терре и Наккера. Вотъ съ цѣлью-то устраненія этого неудобства, декларація 17-го іюня 1787 г. заботится о томъ, чтобы допускаемая въ видѣ исключенія приостановка вывоза не стала правиломъ. Поэтому она ставитъ распоряженіе о прекращеніи вывоза въ зависимость отъ ходатайствъ провинціальныхъ собраний, ограничиваетъ силу этого распоряженія однимъ годомъ и объявляетъ, что возобновленіе запрета вывоза хлѣба можетъ быть сдѣлано лишь по ходатайству тѣхъ же

---

¹⁾ Декларация 17-го іюня 1787 г., зарегистрированная 25-го іюня 1787 г. Въ текстъ ея не сказано, по чьему докладу она была издана. Введеніе ея свидѣтельствуетъ, что она составлена епископикомъ, — весьма вѣроятно, Дюпонъ-де-Немуромъ. Arch. Nat. A. D. XI. 40. Какъ упомянуто выше, декларація ошибочно ссылается на соответственные законы 10-го февраля 1776 года, *lettres patentes* 25-го мая 1776 г. и декларацію сентября 1776 г.

собраній и при томъ не можетъ простираться на такія провинціи, въ которыхъ не послѣдовало соотвѣтствующихъ ходатайствъ.

Нельзя не замѣтить, что эти предосторожности навѣяны были особенно распоряженіями Нэккера относительно вывоза, который старался поставить его въ зависимость отъ мудрости администраціи. Мы увидимъ, однако, что эти предосторожности оказались недостаточными отчасти потому, что въ самой редакціи деклараціи 17-го іюня 1787 года была неточность, а, ввоторыхъ, потому, что въ то время соблюденіе закона не считалось обязательной добродѣтелью правителей. Неточность редакціи заключалась въ томъ, что возобновленіе запрета вывоза могло состояться, если то будетъ призвано необходимымъ и если ходатайство о томъ будетъ возобновлено со стороны сказанныхъ чиновъ (*états*) и провинціальныхъ собраній. Съ натыжкомъ можно было признать первую половину фразы самостоятельной, не придавая большаго значенія союзу, соединяющему ее съ другою половиною, и допустить изданіе возобновленія запрета только на основаніи признанія его необходимости.

Въ докладѣ о хлѣбной торговлѣ, составленномъ Дюпонъ-де-Немуромъ для представленія Собранію Нотаблей отъ имени Де-Калонна, между прочимъ, говорилось, что пора уже, чтобы власть освятила принципъ свободы хлѣбной торговли и подтвердила его. Онъ находилъ, что вопросъ этотъ уже достаточно созрѣлъ въ умахъ. Дѣйствительно, вопросъ о свободѣ хлѣбной торговли требовалъ новаго подтвержденія, но не въ силу того, что распоряженія противорѣчиваго характера спутали представленія о томъ, что освящено закономъ и что запрещено имъ. Если вопросъ о свободѣ хлѣбной торговли созрѣлъ въ умахъ передовой части общества, то нельзя того же сказать не только о массѣ публики, но даже и относительно мѣстныхъ властей. Тамъ еще крѣпко держались старые порядки и взгляды, поддержанные системой Нэккера. Такой чинъ, какъ фискаль Валансэ (*Valançau* около Буржа), спрашивалъ генераль-прокурора, долженъ ли считаться дѣйствительнымъ эдиктъ, изданный при Тюрго (*Turgaut*¹⁾, и заявлялъ, что если онъ и предоставитъ дѣла ихъ собственному теченію (торговлю хлѣбомъ на рынкѣ), то все-таки будетъ наблюдать, чтобы публика покупала раньше купцовъ¹⁾.

При малѣйшемъ подьемѣ цѣнъ лица, стоявшія у власти, даже и

¹⁾ Письмо епископа при балъжѣ Валансэ отъ 15-го декабря 1784 года. *Bibl. Nation. Mss. Joly de Fleury*. № 1743, f. 161.

выше поставленна, чѣмъ фискаль бальяжа Валансэ, обращали взоры на стѣсненіе торговли, какъ на спасительное средство. Въ 1784 г. была засуха въ средней Франціи (Овернь, бассейнъ верхней Луары, часть Шампани) и на востокъ ¹⁾. Вслѣдствіе этого лѣтомъ этого года въ мѣстахъ, постигнутыхъ засухою, цѣны на хлѣбъ временно поднялись и мѣстами довольно сильно ²⁾. Потомъ, когда виды на урожай поправились, то и цѣны понзились, и, судя по нѣкоторымъ даннымъ, онѣ не были очень высоки; но, тѣмъ не менѣе, этотъ подъемъ цѣнъ вызвалъ безпокойство, охватившее и администрацію ³⁾. Первымъ дѣломъ обращено было вниманіе на то, чтобы, подъ видомъ доставки хлѣба въ Провансъ черезъ Марсель, его не увозили за границу. Монтаранъ снова поднялъ тотъ вопросъ, который онъ поднималъ уже въ 1778 году, что хлѣбъ только для виду провозится черезъ Септемъ въ Эксъ, а на самомъ дѣлѣ снова увозится въ Марсель и оттуда за границу. Для устраненія этого злоупотребленія онъ предлагалъ вовсе прекратить вывозъ хлѣба изъ Прованса въ Марсель. Въ отвѣтъ на это предложеніе интендантъ Прованса де-ла-Туръ снова объяснялъ ему, что провозить фиктивно хлѣбъ въ Эксъ и обратно не выгодно и что вывозить изъ Марсели провансальскій или лангдовскій хлѣбъ за границу нѣтъ расчета, потому что эти хлѣба дороже заграничныхъ.

¹⁾ Письмо де-Калонна къ генералъ-прокурору Жоли-де-Флери отъ 30-го іюня 1784 г. *Ibid.*, № 1742, f. 69.

²⁾ Въ С. Дняе (въ Шампани) цѣны на пшеницу были таковы:

Апрѣль 1784 года	48—45 в. за буассо.
Май " "	40—52 в. "
5-го іюня " "	45—52 в. "
12-го іюня " "	50—56 в. "
19-го іюня " "	56—58 в. "

Ibid., № 1743, f. 64. Выше въ вѣдомостей мѣсячныхъ мѣрчиковъ.

³⁾ Калоннъ пишетъ Жоли-де-Флери, что дороговизна въ Оверни, Блау и др. мѣстахъ дѣйствительно была и была слѣдствіемъ спекуляціи на засуху; но, такъ какъ погода улучшилась и жатва близко, то сами купцы начинаютъ продавать, и надо надѣяться, что дороговизна окажется временною. Цитированное письмо отъ 30-го іюня 1784 г. Въ Согъ (Saugues, Haute Loire) въ началѣ іюня цѣна сильно поднялась, а къ 1-му іюля понизилась до 22—23 л. за сѣтье вслѣдствіе подвоза хлѣба изъ С. Флура (S. Floura). Донесеніе lieutenant général de la prévôté de Saugues отъ 12-го іюня и 1-го іюля 1784 г., *ibid.*, № 1743, f. 89 и 93. Прокуроръ Мо сообщаетъ Жоли-де-Флери отъ 10-го іюня 1784 г., что въ послѣдніе базары цѣна повышалась и дошла до 20 л. 10 в. за сѣтье, и объясняетъ это болѣе строгимъ вниманіемъ рыночныхъ поминъ, *ibid.*, f. 29. Это цѣна невысокая, всего 8 л. за кенталь.

По поводу проекта не выпускать хлѣба изъ Прованса въ Марсель онъ замѣчаетъ: когда цѣлне мѣсяцы иногда дуетъ сѣверно-западный вѣтеръ и не допускаетъ хлѣбовъ ни съ востока (Levant), ни изъ Италіи, что бы дѣлала Марсель, не получая хлѣба ни изъ Прованса, ни изъ другихъ частей королевства? ¹⁾ Это письмо, повидимому, усло-
вилло Монтарана.

Провинціальныя власти безпокоились гораздо болѣе, и тотчасъ по наступленіи дороговизны многія изъ нихъ приступили къ мѣропріятіямъ, освященнымъ стариною, но противорѣчившимъ новому законодательству. Мѣропріятія ихъ были направлены къ тому, чтобы стѣснить купцовъ и понудить ихъ продавать ихъ запасы. Такъ, прокуроръ Монтро (Montegeau, Seine et Marne, недалеко отъ Мулена) жаловался (27-го августа 1784 г.), что дороговизна происходитъ отъ большихъ закупокъ и вывоза, производимаго тремя, четырьмя мѣстными купцами. По его словамъ, „они сначала дѣлали свои закупки ночью, чтобы избѣжать ярости народной. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ. Но на прошломъ и запрошломъ базарахъ ихъ смѣлость превзошла всякую мѣру“. Онъ жалуется на то, что существующее законодательство обрекаетъ полицію на роль пассивнаго зрителя злоупотребленій купцовъ. Изъ того же письма, однако, видно, что полиція и самъ прокуроръ не всегда оставались въ роли пассивнаго зрителя. Прокуроръ сообщаетъ, что двѣ крестьянки торговали на базарѣ хлѣбъ у одного земледѣльца, который просилъ за него 22 l. 10 s. за сетье. Подходить одинъ изъ купцовъ и даетъ ему цѣну гораздо болѣшую, чѣмъ та, которую онъ проситъ. „По жалобѣ этихъ женщинъ,—говоритъ онъ,—я заставилъ земледѣльца черезъ полицейскаго комиссара выдать имъ то количество хлѣба, которое онѣ торговали, и при томъ по той цѣнѣ, которую онъ первоначально просилъ“. Этотъ „актъ справедливости“ сдѣлалъ то, что на слѣдующемъ базарѣ купцы еще до звонка закупили тайно весь хлѣбъ, такъ что послѣ звонка рынокъ открылся лишь для формы, и всѣ лари (sais) тотчасъ же закрылись. „Только нѣкоторымъ родомъ насилія и угрозами прибѣгнуть къ нашей власти удалось булочникамъ отвоевать нужное имъ количество хлѣба“ ²⁾.

¹⁾ Письма Де-ла-Тура Монтарану отъ 30-го октября 1784 г. и отъ 3-го января 1785 г. и письмо его же де-Калонну отъ 15-го декабря 1784 г. Arch. Nat. F¹¹, 224.

²⁾ Письмо прокурора городка Монтро къ генералъ-прокурору Joli de Fleury отъ 27-го августа 1784 г. Bibl. Nat. Mus. Joly de Fleury. № 1743, f. 82. Оказывается, что цѣна хлѣба въ Монтро въ августѣ была вовсе не высока. Изъ за-

Лейтенантъ превотства (*lieutenant de la prevoté*) въ Согъ (*Saugues, Haute Loire*) проситъ у генераль-прокурора позволенія открыть хлѣбные склады купцовъ (12-го іюня 1784 г.). Ему въ этомъ разрѣшеніи было отказано въ виду противорѣчія подобной мѣры съ закономъ 1774 года. Двумя недѣлями позже (1-го іюля 1784 г.) онъ сообщаетъ, что подвозили много хлѣба изъ С. Флуря и что цѣны упали ¹⁾. По всей вѣроятности, этого подвоза не было бы, еслибы ему позволили осуществить свое намѣреніе.

Въ деревнѣ Ременнекуръ (*Remennecourt*), около Варъ-ле-Дюка, мѣстный священникъ Варбонне продалъ часть своего хлѣба: когда онъ хотѣлъ его вывезти, то мѣстный полицейскій чинъ (*lieutenant de la paroisse*) Ломбаръ побудилъ населеніе воспрепятствовать этому, при чемъ часть хлѣба у священника отняли, заплативъ ему за него по своей оцѣнкѣ. Интересно, что прокуроръ бальяжа Варъ-ле-Дюкъ, донося о случившемся генераль-прокурору парижскаго парламента, видитъ въ этомъ фактѣ нарушеніе ордонанса 1670 года, а о постановленіи совѣта 1774 года не говоритъ ни слова. Кромѣ того, онъ пишетъ, что въ виду того, что этотъ случай выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, онъ не принялъ никакихъ мѣръ и проситъ указаній. Генераль-прокуроръ не оказался слишкомъ строгимъ; онъ приказалъ ему расклеить во всѣхъ приходяхъ ордонансъ съ напоминаніемъ о содержаніи деклараціи (не деклараціи, а *lettres patentes*) ноябрю 1774 года и съ угрозой 20 л. штрафа за всякую помѣху свободному движенію хлѣба ²⁾.

Самъ генераль-прокуроръ, хотя и грозилъ незначительнымъ штрафомъ за помѣху движенію хлѣба, но не признавалъ возможнымъ допускать свободу его безъ ограниченій. Прокуроръ бальяжа Блуа, сообщая ему о дороговизнѣ хлѣба (21-го іюня 1784 года 50 л. за мюи), писалъ, что „хотя свобода движенія и вывоза хлѣба очень выгодна, но лишь по столѣку, по сколько они совершаются подѣ над-

---

мѣтн, находящейся въ той же рукописи (f. 34), видно, что 8-го мая (то-есть, до засухи) 1784 г. пшеница продавалась въ Монтро отъ 27 до 30 л., а суржакъ отъ 20—24 л. сѣтье парижской мѣры.

¹⁾ *Ibidem*, ff. 89, 92 и 93. Письмо лейтенанта отъ 12-го іюня и 1-го іюля 1784 г. и замѣтка Жоли-де-Флери отъ 11-го іюля. Въ началѣ іюля хлѣбъ продавался въ Согъ по 22—23 л. сѣтье. — С. Флуръ — мѣстечко въ 73 килом. отъ *Aurillac'a*.

²⁾ *Ibid.*, № 1742, листы 8 и 9. Донесеніе прокурора изъ Варъ-ле-Дюка (27-го іюня 1784 года), отвѣтъ Жоли-де-Флери и протоколъ съ жалобой священника.

зоромъ и бывають останавливаемы съ перваго же момента опасеній за урожай“.

Генераль-прокуроръ отвѣтилъ ему на это, что его замѣчанія очень важны и будутъ приняты во вниманіе, и тотчасъ сообщилъ (24-го іюня 1784 года) генераль-контролеру копію письма прокурора Блуа ¹⁾.

Въ 1785 году засуха постигла бассейнъ нижняго теченія Луары, главнымъ образомъ генералитѣ Пуату и Ларошель. Цѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднялись, но кажется, что опасенія ихъ дальнѣйшаго подъема были гораздо значительнѣе, тѣмъ это оправдалось дѣйствительностью ²⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пуату произошли волненія по поводу дороговизны, направленные противъ булочниковъ и купцовъ. Какъ водится, первыхъ обвиняли, что они повышаютъ цѣны изъ жадности, а вторыхъ въ томъ, что они захватываютъ хлѣбъ, чтобы вызвать его недостатокъ и затѣмъ продавать его по произволу. Иногда эти волненія происходятъ по пустому поводу. Такъ, прокуроръ въ С. Максанъ сообщаетъ о волненіи женщинъ въ этомъ городкѣ по поводу того, что нѣкій Бутенъ купилъ 6 буассо хлѣба (12-го октября 1785 г.) ³⁾.

¹⁾ Ibid., листы 26, 27 и 28. Прокуроръ Блуа подъ вывозомъ разумѣлъ не заграничный вывозъ, а вывозъ изъ провинціи. Если случались интенданты, которые поддерживали свободу торговли и при повышеніи цѣнъ, то они подвергались доносамъ. Въ бумагахъ Жоли-де-Флери находится мемуаръ (*Observations sur ce qui s'est passé dans la généralité de Rouen à l'occasion de la cherté des grains et reflexions qui en résultent*, помѣчено 25-го мая 1784 г.), въ которомъ интендантъ Руана Крозю (*Crosue*) обвиняютъ въ томъ, что онъ останавливалъ вывозъ изъ Нормандіи не въ сентябрѣ 1783 года, а лишь въ декабрѣ, и въ томъ, что онъ не хотѣлъ пускать въ продажу казеннаго хлѣба и настаивалъ, что торговля сама доставитъ хлѣбъ извнѣ. Вывозъ изъ Нормандіи разрѣшенъ былъ передъ тѣмъ вслѣдствіе многочисленныхъ ходатайствъ. Изъ мемуара видно, однако, что интендантъ прибѣгъ таки потому къ продажѣ казеннаго хлѣба, но пустилъ его сразу на цѣлу третью (или на 5 л. на кенталь) дешевле рыночной цѣны и тѣмъ распугалъ всѣхъ торговцевъ. Авторъ мемуара—противникъ вышней торговли хлѣбомъ и допускаетъ внутреннюю лишь съ „большими предосторожностями“.

²⁾ Въ донесеніяхъ своихъ судебно-полицейскіе чины не указываютъ цьеръ, а ограничиваются еразами. Прокуроръ сенешальства Ларошели (*procureur en la sénéchaussée à la Rochelle*) пишетъ (27-го августа 1785 года), что хлѣба осталось всего на мѣсяць, что цѣна его дошла до 3 в. 3 д. за фунтъ (печенаго) и дойдетъ навѣрно до 5 су. Изъ такъ за зиму 1785—1786 г., находящихся въ рукописи *Joly-de-Fleury № 1742*, видно, что цѣна не поднималась выше 3 в. 7 д. за фунтъ. Прокуроръ помнитъ цѣну въ 1 в. 3 д. за фунтъ въ 1763 году. Ibid., листъ 72.

³⁾ Интендантъ Пуату сообщалъ де-Калонну, что безпорядки произошли въ *Jazeneuil, Saucay и S. Sauvant*. Письмо де-Калонна Жоли-де-Флери (23-го сентября 1785 г.). Ibid., листъ 69.

Мѣстные судебнo-полицейскіе чины, встревоженные дороговизной, сейчасъ же обратили вниманіе генераль-прокурора парижскаго парламента на необходимость принятія мѣръ противъ дороговизны. По мѣтвію генераль-лейтенанта полиціи Пуату-де-ла-Вутери (de la Voûte), дороговизна главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что купцы закупаютъ хлѣбъ, и онъ находитъ, что вѣрнѣйшее средство помочь народу заключается въ томъ, чтобы запретить купцамъ, фермерамъ, землевладѣльцамъ и другимъ лицамъ захватывать хлѣбъ, а особенно продавать его на рынкѣ. Онъ жалуется, что существующее законодательство связываетъ руки полиціи, и ходатайствуетъ объ его отиѣнѣ.

Прокуроръ при сенешальствѣ (St. Mahan) С. Маанъ (въ Пуату) приписываетъ дороговизну дѣйствию эдикта, разрѣшающаго хлѣбную торговлю, благодаря которому жители дошли до такой бѣдности, что едва влечатъ свое существованіе. Онъ жалуется далѣе на то, что хотя эдиктъ и говоритъ, что если цѣна достигнетъ 6 л. за кенталь, то торговля прекращается, но это обѣщаніе не исполняется ¹⁾. Откуда онъ взялъ такое постановленіе, не извѣстно; но представленіе о существованіи такого ограниченія торговли существовало въ воображеніи не только его одного: прокуроръ С. Мэксана тоже говоритъ о существующемъ будто бы запрещеніи производить хлѣбную торговлю, когда цѣна хлѣба стоитъ выше 6 л. за кенталь ²⁾.

Всѣ получавшіяся жалобы на дороговизну и недостатокъ хлѣба Жоли-де-Флери передавалъ де-Калонну. Въ генеральномъ контролѣ, повидимому, поддавались вліянію жалобъ на купцовъ и, отстаивая въ принципѣ свободу торговли, на практикѣ допускали ея ограниченія. Отвѣчая на сообщенія Жоли-де-Флери, де-Калоннъ пишетъ (4-го сентября 1785 г.), что, хотя урожаи дѣйствительно плохи, но свобода торговли привлечетъ хлѣбъ въ Ларошель и Пуату; но онъ проситъ генераль-прокурора приказать полиціи слѣдить за соблюденіемъ

¹⁾ Ibid., № 1743, листы 47 и 67. Прокуроръ въ S. Mahan назывался Biard.

²⁾ Ibidem, листъ 83. Прокуроръ разказываетъ, что, когда онъ ѣздилъ въ Ранпур (Ramprou), то онъ „видѣлъ массу бѣдниковъ. Между ними были полониками и фермеры, которые приходили къ священнику просить милостыню. Нашли мущинъ, женщинъ и дѣтей мертвыхъ по дорогамъ и въ домахъ“. Муниципалитетъ С. Мэксана вынудилъ хлѣбъ изъ Лимузена, но не можетъ продать его безъ потери, ибо въ виду надеждъ на хорошій урожай цѣны упали. Буассо продавался по 6 л. 8 в., что составляетъ 12 л. 16 в. за кенталь. Онъ находитъ, что, еслибы можно было заставлять владѣльцевъ хлѣба продавать хлѣбъ, то бѣдствіи не было бы. (Письмо отъ 28-го марта 1786 г. генераль-прокурору).

рыночныхъ регламентовъ, чтобы никто не мѣшалъ доставкѣ хлѣба на рынокъ и чтобы никто не захватывалъ хлѣба, съ цѣлью продавать его потомъ по произволу ¹⁾. Ссылаясь на регламенты, де-Калоннѣ нѣмѣлъ въ виду препятствовать захвату хлѣба подѣ городомъ перекупщиками ²⁾, но, ссылаясь на регламенты вообще и на захватъ хлѣба вообще, безъ достаточнаго опредѣленія, онъ санкціонировалъ всѣ тѣ стѣсненія свободы хлѣбной торговли, къ которымъ полиція была и безъ того слишкомъ склонна.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полиція старалась вліять на гуртовья цѣны хлѣба путемъ таксированія печенаго хлѣба. Вслѣдствіе побужденія со стороны правительства нѣкоторые ларошельскіе купцы взялись (осенью 1785 г.) за доставку хлѣба изъ-за границы. Благодаря тому, что владѣльцы первыхъ прибывшихъ партій хлѣба прокали ихъ съ значительною выгодною, многіе другіе купцы взялись за ввозъ хлѣба и привезли его въ серединѣ зимы въ такомъ значительномъ количествѣ, что цѣны значительно понизились. Въ началѣ осени 1785 года, когда округъ Ларошели и Пуату былъ постигнутъ неурожаемъ, прокуроръ Ларошели писалъ (27-го августа 1785 г.), что хлѣба есть только на мѣсяцъ и на сѣмена, и что цѣна дошла до 3 су 3 д. за фунтъ печенаго хлѣба; онъ предсказывалъ, что она дойдетъ до 5 су ³⁾. Но, благодаря подвозу, самая высокая цѣна печенаго хлѣба доходила до 3 s. 7 d. за фунтъ, то-есть, поднялась противъ августовской цѣны только на 25% ⁴⁾. Когда съ середины зимы цѣны стали понижаться,

¹⁾ Съ своей стороны онъ далъ соответствующее предписаніе маршалу Сегюру, чтобы онъ далъ соответствующее предписаніе полиціи. *Ibid.*, № 1742, листъ 75.

²⁾ Въ Одессѣ и сейчасъ существуетъ классъ людей, которые выходятъ за городъ, сторожатъ привозителей съѣстныхъ припасовъ, чуть не силой сидятъ къ нимъ на возы и затѣмъ продаютъ на рынкѣ ихъ продукты, взимая за это извѣстный процентъ. Ихъ называютъ митропасами. Другіе специалисты занимаются тѣмъ, что караулятъ привозителей хлѣба, ведутъ ихъ къ своимъ магазинамъ, употребляя для этого всякіе обманы и даже силу, и тамъ надуютъ ихъ на весь и мѣръ, а иногда и на цѣнѣ.

³⁾ Письмо интенданта Ларошели Guisau de Reverseaux прокурору балльажа Ларошели отъ 31-го мая 1786 г. Письмо этого послѣдняго интенданту отъ 10-го іюня 1786 г., *ibidem.*, № 1742, листы 92, 98 и 99—101. Письмо прокурора балльажа Ларошели генераль-прокурору Жоли-де-Флери отъ 27-го августа 1785 г., *ibid.*, листъ 72. Прокуроръ Ларошели говоритъ, что онъ помнитъ цѣну въ 1 v. 3 d. за фунтъ печенаго хлѣба въ 1763 г.

⁴⁾ Надо думать, что подъемъ цѣнъ на печеный хлѣбъ сдержанъ былъ отчасти таксою, но послѣдняя стала понижаться лишь во второй половинѣ зимы, когда

то судебна-полицейскія власти стали еще сильнѣе понижать таксу печенаго хлѣба. Купцы стали жаловаться интенданту, говоря, что при такихъ условіяхъ они должны нести убытки, ибо булочники не могутъ у нихъ покупать хлѣба. Интендантъ сдѣлалъ внушеніе полиціи и предложилъ ей не издавать таксы безъ совѣщанія съ купцами (31-го мая 1786 г.). Прокуроръ Ларошели отвѣчалъ на это предложеніе длиннымъ посланіемъ, въ которомъ оправдывалъ пониженіе таксы и говорилъ, что судебныя власти считали себя обязанными „предоставить бѣдному населенію хлѣбъ по цѣнѣ, установившейся на рынкахъ и на складахъ“. Де-Калоннъ съ своей стороны просилъ генераль-прокурора Жоли-де-Флери и президента парижскаго парламента предписать чинамъ полиціи Ларошели не издавать таксы безъ соглашенія съ интендантомъ, такъ какъ черезчуръ большое пониженіе таксы вводитъ купцовъ въ убытки и обезкураживаетъ ихъ тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ лишь въ первый разъ взялись за хлѣбную торговлю по приглашенію самого правительства и выручили изъ бѣды округъ, въ которомъ продовольствія было не болѣе какъ на три мѣсяца (14-го іюня 1786 г.). Это внимательство генераль-контролера осталось безъ результатовъ. Хотя генераль-прокуроръ и президентъ парламента написали прокурору въ Ларошель письма, по они ни къ чему не обязывали послѣдняго.

Булочники Ларошели были счастливы. По ихъ жалобѣ парламентъ издалъ правила для составленія таксы, поставившія цѣну печенаго хлѣба въ опредѣленное отношеніе къ цѣнѣ буассо зерна ¹⁾. Булочники

цѣны хлѣба понизились. Поэтому надо заключить, что умѣренность максимальной цѣвы не была въ значительной зависимости отъ таксы. Вѣдомость о таксахъ хлѣба въ Ларошели въ концѣ 1785 года и до конца мая 1786 года, *ibid.*, листъ 78—91. Въ протоколѣ балляжа 17-го іюня 1786 г. значится, что 13-го іюня въ Маранъ-д'Алигрѣ хлѣбъ проданъ лучшей отъ 225 до 260 l. тонна, второй сортъ по 240 l., а третій отъ 200 до 225 l. (*Ibid.*, листы 105—108). Тонна въ Маранъ была 2155—2250 ф. и заключала въ себя 42 буассо (*Ibid.*, листъ 157). Письмо мѣстнаго сенешала. *Magans d'Aligre* былъ хлѣбнымъ рынкомъ Ларошели. Еще и теперь онъ ведетъ хлѣбную торговлю на 5 милліоновъ франковъ въ годъ. Неглубокой портъ.

¹⁾ Въ этой таблицѣ указано, что при цѣнѣ буассо въ 3 l. 2 s. 10 d., (то-есть, 130 l. за тонну) хлѣбъ 1-го сорта таксировался въ 2 s. за фунтъ; 2-го сорта—1 s. 8 d.; 3-го сорта—1 s. 4 d. Далѣе слѣдуютъ промежуточныя цѣны до 9 l. 4 s. 4 d. за буассо (387 l. за тонну); при послѣдней цѣнѣ первый сортъ долженъ былъ стоить 6 s. 1 d. за фунтъ, 2-й—4 s. 2 d. и 3-й—3 s. 4 d. (*Ibid.*, листъ 133). По этой нормѣ цѣна фунта хлѣба 2-го сорта въ іюнѣ при цѣнѣ въ 240 l. за тонну должна была быть 3 s. 3 d.

торжествовали это постановление, какъ побѣду, и раскленли афишу съ новою таксой. Прокуроръ и судебно-полицейскіе чины горько жаловались на это торжество, высказывали опасенія за сохраненіе спокойствія въ городѣ и указывали, что табелью парламента устраняется совершенно ихъ дѣятельность и мошенничествамъ булочниковъ не бужетъ предѣла (Письмо отъ 19-го сентября 1786 г. генераль-прокурору).

Опасенія ихъ оказались пророческими: 25, 26 и 27-го сентября произошли въ Ларошели волненія противъ булочниковъ по поводу возвышенія цѣны, имѣвшія въ результатѣ изданіе новой таксы на основаніи тарифа 1700 года ¹⁾).

Поведеніе судебно-полицейскихъ властей въ Ларошели представляетъ собой явленіе обыкновенное. Оно совершенно аналогично съ поведеніемъ парижскаго парламента во время *Guêgre des Farines*.

Въ августѣ 1785 года въ Ніорѣ были тоже волненія противъ булочниковъ и вражда между послѣдними и судебно-полицейскими властями, при чемъ послѣдніе взводили на первыхъ почти тѣ же обвиненія, которыя выставлялись ларошельскими властями, и арестовали побитыхъ булочниковъ вмѣсто того, чтобы преслѣдовать буяновъ. Въ

---

¹⁾ Во время этихъ волненій булочные были разграблены и даже деньги украдены, квартира прокурора была осаждена. Во время волненій войска было дозволено въ городѣ, но оно не было употреблено для усмиренія бунтовавшихъ. *Messieurs de la Sénéchaussée et siège presidial de la Rochelle* ограничились изданіемъ аенши, заставляющей собираться подъ страхомъ наказанія согласно ординасамъ. Трое арестованныхъ по указанію булочниковъ были, по словамъ прокурора (Реньо), не виноваты, другихъ 28 арестованныхъ онъ не рѣшился преслѣдовать, потому что изъ нихъ только противъ одного есть два свидѣтеля, а противъ остальныхъ только по одному. Поэтому и эти были освобождены. За то булочники оказали кругомъ виноваты своей „заносчивостью, высокопріемъ, роскошью, великолѣпіемъ и разными выходками (*divers propos*)... тѣмъ, что они крайне нахальны и притязательны и очень нуждаются въ уади“. Особенно обвиняетъ онъ жену булочника Лемандра, который былъ ходатаемъ булочниковъ предъ парламентомъ и выхлопоталъ новый тарифъ. Нѣсколько времени спустя, противъ самого Лемандра составленъ былъ протоколъ за грубость по отношенію къ чиновникамъ, но генераль-прокуроръ велѣлъ оставить его безъ послѣдствій. Донесенія прокурора Реньо генераль-прокурору Жоли-де-Флеры, *ibid.*, № 1742, листы 157, 159, 172 и 174. Можно безъ большой ошибки сказать, что прокуроръ и его коллеги были благодарны волненію, воротившему имъ прежнюю власть въ таксированіи хлѣба; отсюда ихъ снисходительность къ возмущавшимся и строгость къ булочникамъ, не желавшимъ, чтобы суды на ихъ счетъ кормили бѣдныхъ дешевымъ хлѣбомъ. Въпротиву, они ужь очень дешево таксировали хлѣбъ, если таксу въ 3 в. 8 д. булочники торжествовали, какъ побѣду.

генеральномъ контролѣ были того мнѣнія, что во всемъ происшедшемъ сами суды виноваты ¹⁾).

Министерство де-Калонна представляется намъ временемъ оживленія интереса къ земледѣлю и связаннымъ съ нимъ вопросамъ хлѣбной торговли. Сторонники свободы хлѣбной торговли становятся снова господами положенія и стараются освободить внутреннюю и вѣнскую торговлю отъ стѣсненій. Благодаря такому условію, въ общемъ этотъ моментъ былъ благопріятенъ для хлѣбной торговли и представляется толчкомъ къ ея освобожденію; но въ частностяхъ прежнія затрудненія оказывали серьезныя препятствія этому освобожденію. Интенданты и ихъ подчиненные дѣйствовали, понятно, согласно съ направлениемъ своего начальства; но органы судебно-полицейской власти, независимые отъ генералъ-контролера и проникнутые рутинной, ставили препоны свободѣ хлѣбной торговли. Заботы объ обезпеченіи хорошихъ цѣвъ хлѣба съ цѣлью поднятія земледѣлія выразились въ новомъ законѣ, которымъ старались обезпечить вывозъ хлѣба лучше чѣмъ это было сдѣлано прежде.

Новый законъ дѣйствительно былъ редактированъ лучше, чѣмъ прежній, но практическіе результаты его умалились по столько, по скольку вѣнская торговля находится въ зависимости отъ долговѣчности и прочности закона. Авторы его могли объявлять въ самомъ текстѣ закона, что распоряженія его издаются навсегда, но это „навсегда“ повторялось во французскихъ законахъ не разъ, что нисколько не мѣшало этимъ законамъ очень скоро сдѣлаться новыми, прямо имъ противоположными. Тамъ, гдѣ законъ могъ фактически упраздниться министерскими распоряженіями, нельзя было рассчитывать на его прочность. Авторы деклараціи 1787 г. о свободѣ вывоза сами убѣдились, что законъ, созданный ими навсегда, не просуществовалъ и 15 мѣсяцевъ. Поэтому практическіе результаты деклараціи 17-го іюня 1787 г. для измѣненія условій хлѣбной торговли не могли быть велики.

¹⁾ Прокуроръ Ніора Бутери приписываетъ дороговизну скунѣ и предлагаетъ запретить купцамъ, ермерамъ, землевладѣльцамъ и другимъ захватывать хлѣбъ и особенно продавать его въ рынкахъ. Онъ сообщаетъ приговоръ полиціи, наказывающій булочниковъ Жюа и Рене Дюно (Daupiaut) по поводу возмущенія противъ нихъ же, а о возмутившихся имъ слова (24-го августа 1786 г.). Генералъ-контролеръ на сообщенное ему донесеніе прокурора Ніора писалъ Жюан де-Флери, что все возмущеніе могло бы быть предупреждено, еслибы полиція въ виду дѣйствительнаго возвышенія цѣвъ хлѣба разрѣшила поднятіе таксы и не допускала народа до столкновенія съ булочниками (Письмо отъ 4-го сентября 1785 г.), *ibid.*, № 1743. листы 38 и 46.

Второе министерство Нэккера.

20-го августа 1788 года Нэккеръ вторично вступилъ въ домъ генеральнаго контроля на улицѣ *Neuve des Petits Champs* и на этотъ разъ уже въ качествѣ генераль-контролера и съ гораздо большимъ авторитетомъ, чѣмъ прежде. Какъ и въ первое свое министерство, такъ и теперь, онъ тотчасъ же озаботился о прекращеніи вывоза хлѣба. 7-го сентября онъ издалъ постановленіе совѣта по этому поводу. Въ немъ говорится, что въ виду ходатайствъ „многихъ провинцій и главнымъ образомъ внутреннихъ“ вывозъ хлѣба приостанавливается изъ портовъ и таможенъ „впредь до разрѣшенія“. Корабли, начавшіе грузиться, могутъ догрузиться и отпираться, равнымъ образомъ партіи хлѣба, назначенныя къ отправкѣ за границу (сухонутьемъ) и достигшія границы въ моментъ опубликованія этого постановленія, могутъ быть вывезены. Заграничный хлѣбъ, ввезенный въ страну, можетъ быть вывезенъ обратно беспошлинно ¹⁾.

Это нарушеніе только что изданнаго закона не оправдывалось никакими экстренными обстоятельствами. Хотя мы не знаемъ лѣтнихъ и осеннихъ цѣнъ хлѣба въ 1788 году, но средняя цѣна этого года была 24 л. за сетье ²⁾; въ предыдущіе годы она была: въ 1787 г.—22 л. 2 s. 6 d., въ 1786 г.—20 л. 12 s. 6 d., въ 1785 г.—24 л. 17 s. 6 d., а въ 1784 г.—26 л. 10 s.; вообще въ предыдущее десятилѣтіе она колебалась между 19 л. 18 s. 9 d. и 26 л. 10 s., такъ что среднюю цѣну 1788 г. нельзя признать очень высокою. Точно также нельзя сказать, чтобы значительность вывоза хлѣба внушала опасенія. Правда, публика приписывала всегда дороговизну хлѣба вывозу и даже тогда, когда хлѣбъ несомнѣнно не вывозился, но для Нэккера не могли быть тайною свѣдѣнія о ввозѣ и вывозѣ хлѣба, доставляемія въ генеральный контроль таможенными конторами. По цифрамъ, сообщаемымъ Юнгомъ, оказывается, что въ 1787

¹⁾ Arch. Nat. A. D. IX, 40.

²⁾ *Arnoult*, De la balance du commerce..., Paris, 1795. Въ его таблицѣ цѣны до 1764 г. списаны съ таблицъ *Messence's* „*Recherches sur la population des généralités d'Auvergne, de Lyon*“ etc., Paris, 1766, in-4°, а съ 1764 по 1788 г. изъ вѣдомостей мѣрщиковъ и переведены на цѣну денегъ 1788 г., считая по 54 л. за марку серебра. Я перевожу 24 л. на нынѣшнюю монету, считая ливръ по 99 с., согласно таблицамъ де-Фовилля (*de Fauville*, Les Variations de la Livre Tornois ou l'ancien régime).

году вывозъ хлѣба разнаго сорта равенъ былъ 10.674.700 л., а ввозъ 11.476.000 л., то-есть, послѣдній превысилъ вывозъ на 800.000 л.; при этомъ пшеницы ввезено было почти на два милліона ливровъ больше, чѣмъ вывезено. Это было при цѣнѣ 22 л. за сеть. Во время дороговизны 1784 года, при средней цѣнѣ 26 л. за сеть, вывезено было хлѣба на 3,8 милліона, а ввезено на 5,8 милліона ¹⁾). Превышеніе ввоза надъ вывозомъ въ 1787 году, при полной свободѣ послѣдняго, даетъ возможность съ большой вѣроятностью думать, что запретъ, изданный Нэккеромъ, былъ скорѣе плодомъ его антипатіи къ свободѣ хлѣбной торговли, чѣмъ результатомъ дѣйствительнаго положенія дѣла.

Въ изданномъ впоследствии сочиненіи своемъ о собственномъ управленіи Нэккеръ говоритъ, что во время его вступленія въ министерство въ августѣ 1788 года онъ засталъ полную свободу вывоза, и прибавляетъ, что „принципъ предоставленія дѣла продовольствія частной торговлѣ, одинъ изъ догматовъ философіи экономистовъ, которая только что снова воскресла, не былъ бы, конечно, оставленъ добровольно; во всякомъ случаѣ одной предусмотритель-

¹⁾ *Art. Journg, Voyages en France*, изд. 1860. Изъ его таблицъ оказывается, что ввозъ и вывозъ 1787 г. даютъ слѣдующія цифры:

	Ввозъ.	Вывозъ.
Пшеница	8.116.000 л.	6.559.900 л.
Рязь	2.040.000	} 3.165.600
Ячмень	375.000	
Вобовья	945.000	
	11.476.000 л.	10.674.700 л.

Въ 1784 году вывозъ сложился изъ слѣдующихъ цифръ:

Пшеница	2.608.000 л.
Рожь	239.400
Ячмень	321.100
Греча	633.100
Мань	52.700
	3.854.000

Ввозъ 1784 года хлѣба въ зернѣ указанъ въ общей цифрѣ, безъ подробностей, въ 5.651.500 л. Свои цифры Юнгъ взялъ изъ „registres du Bureau général de la balance du commerce“. Полемизируя съ известнымъ агрономомъ Розье (Rozier), который утверждалъ, что вывозъ хлѣба изъ Франціи достигаетъ 78 милліоновъ сѣтъ, Юнгъ говоритъ, что Франціи надо было бы имѣть въ 30 разъ больше кораблей, чтобы произвести такой вывозъ (т. II, pp. 347, 348, 354, 356 и 358).

ности было бы недостаточно, чтобы заставить (экономистовъ) рѣшиться на такую жертву¹⁾.

Далѣе онъ говоритъ, что, „руководимый этими соображеніями и вступая въ министерство тотчасъ послѣ жатвы 1788 года, я успѣшилъ выполнить одну изъ первыхъ обязанностей моего положенія, собравъ изъ всего королевства подробныя свѣдѣнія о новомъ урожаѣ и о запасахъ, оставшихся отъ предыдущаго. Я справился также о нуждѣ въ хлѣбѣ, обнаружившейся во многихъ чужихъ странахъ, а также и о тамошнихъ запасахъ, на которые можно было рассчитывать. Я сейчасъ же сообразилъ, что неотложно необходимо сохранить для Франціи ея собственные ресурсы. Я успѣшилъ приостановить вывозъ хлѣба въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ особенно опасенъ, а 7-го сентября король запретилъ его вообще“¹⁾.

Принимая во вниманіе, что всѣ тѣ справки, о которыхъ Неккеръ говоритъ, невозможно было бы собрать въ 17 дней и теперь, а при состояніи тогдашнихъ орудій статистики и путей сообщеній и недавно, надо признать, что мотивомъ-то была вражда къ философіи экономистовъ, которая снова возродилась. Оказывается, кромѣ того, что общему запрещенію предшествовали частныя, которыя послѣдовали раньше, чѣмъ черезъ 17 дней, то-есть, тогда, когда Неккеръ не успѣлъ бы получить изъ многихъ мѣстъ и отвѣтовъ на свои запросы, еслибы даже первые были посланы на другой же день по полученіи послѣднихъ.

Въ слѣдующемъ году, когда на политическую сцену выступили представители народа, запретъ вывоза хлѣба былъ подтвержденъ декретомъ Національнаго Собранія 29-го августа 1789 года, подтвержденнымъ постановленіемъ совѣта 21-го сентября того же года. Главное содержаніе этого декрета относится къ внутренней хлѣбной торговлѣ, о внѣшней говорится только во второмъ пунктѣ, и при томъ въ мотивахъ о внѣшней торговлѣ ничего не говорится. Но именно этотъ пунктъ исполнялся лучше другихъ, благодаря содѣйствію общества, и даже вопреки намѣреніямъ законодателя. Какъ мы сказали, публика вѣрила, что причина дороговизны вывозъ, и зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы его не было. Артуръ Юнгъ, совершавшій одно изъ своихъ путешествій именно лѣтомъ 1789 года, говоритъ: всюду, гдѣ я ни проѣзжалъ, я справлялся о причинахъ дороговизны. Миѣ говорили, что, хотя урожай не хорошъ, но что онъ мало от-

¹⁾ *Necker, Sur l'administration de M. Necker par lui-même, pp. 284 et 285.*

клопается отъ нормы и что, слѣдовательно, недостатокъ хлѣба произведенъ вывозомъ. Я спрашивалъ, увѣрены ли они, что дѣйствительно вывозъ былъ. Никто не могъ сказать утвердительно; но говорили, что это сдѣлано секретно. Такіе отвѣты, говоритъ Юнгъ, достаточно доказываютъ фантастичность этихъ вывозовъ ¹⁾.

Вслѣдствіе такого отношенія вывозъ не допускался тамъ, гдѣ онъ былъ дозволенъ существующими постановленіями. Вслѣдствіе паденія авторитета правительства лѣтомъ 1789 года послѣднее теряетъ руководящую роль, и вывозъ хлѣба остается въ рукахъ мѣстныхъ властей, избранныхъ обывателей. Эти власти не обращали никакого вниманія на распоряженія генераль-контролера и даже самого Собранія и дѣйствовали по собственному усмотрѣнію, а послѣднее естественно не шло выше господствовавшихъ предразсудковъ.

Жители Вазельскаго епископства, владѣвшіе землями въ Эльзасѣ, имѣли право на основаніи договора 20-го іюня 1780 г. возить къ себѣ продукты своихъ земель, находившихся въ предѣлахъ Франціи. Нэккеръ разрѣшилъ имъ пользоваться своимъ правомъ тѣмъ болѣе, что въ 1790 г., когда было возбуждено ходатайство, хлѣба было много и цѣны были низки. Но муниципалитетъ Гегенгейма (Hegenheim'a) ни за что не хотѣлъ исполнить приказанія министра безъ декрета Національнаго Собранія. До конца 1790 года тянулась переписка по этому вопросу безъ всякаго результата ²⁾.

Венгерскій посланникъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи вывезти хлѣбъ для четырехъ пограничныхъ деревень Люксембурга. Нэккеръ самъ не рѣшился дать просимое разрѣшеніе и передалъ ходатайство Національному Собранію. Послѣднее передало его въ свою очередь на разрѣшеніе мѣстныхъ властей департамента Арденнъ. Эти власти дали просимое разрѣшеніе, но дѣлали вслѣдствіе затрудненія его осу-

¹⁾ Ibid., t. II, p. 336. 2-й пунктъ декрета Національнаго Собранія запрещалъ вывозъ впредь до новаго постановленія Собранія и выраженъ былъ такъ: fait pareillement défences à qui que ce soit d'exporter des grains et des farines à l'étranger jusqu'à ce que par l'Assemblée Nationale et sur le rapport et requisitoire des assemblées provinciales, il en ait été autrement ordonné à peine d'être les contrevenants poursuivis comme criminels de lèse-nation. *Moniteur Universel*, № 48. Procès verbal de la séance du 29 août... Arch. Nat. F¹¹ *2. Письмо Нэккера 26-го іюня 1790 г. Обратный вывозъ иностраннаго хлѣба былъ регулировалъ декретомъ Національнаго Собранія 27 сентября 1789 г. Ibid., письмо Нэккера отъ 26 мая 1790 г.

²⁾ Arch. Nat. F¹¹* 2. Письмо Нэккера отъ 12-го октября 1790 г. и письмо Ламберта, его преемника, отъ 31-го декабря 1790 г.

щественію, такъ что съ мая по сентябрь 1790 года хлѣбъ все-таки не могъ быть вывезенъ, и, вѣроятно, осенью уже миновала надобность въ немъ ¹⁾.

Жители долины Аранъ (въ Пиренеяхъ) обыкновенно продовольствовались въ сосѣднихъ французскихъ общинахъ. Встрѣтивъ затрудненіе въ полученіи оттуда хлѣба, они обратились къ Нэккеру. Тотъ имъ отказалъ, сославшись на декретъ Національнаго Собранія 29-го августа 1789 года, но затѣмъ Національное Собраніе декретомъ 21-го іюля 1790 года разрѣшило жителямъ Арана временно продовольствоваться изъ округа Комменжъ (Comminges). Разрѣшеніе это, однако, ни къ чему не послужило, потому что муниципалитетъ Фось (Fos) отказался публиковать этотъ декретъ ²⁾.

На сколько тревожились одной мыслью о возможности вывоза и на сколько были увѣрены, что сосѣди Франціи спятъ и видятъ, какъ бы вывезти изъ нея хлѣбъ, видно изъ слѣдующаго случая.

Въ комитетъ разслѣдовчій (Comité des recherches) Національнаго Собранія поступилъ лѣтомъ 1790 г. доносъ, что будто въ Германіи составленъ проектъ тотчасъ послѣ жатвы вывезти изъ Фландріи, Пикардіи и Лоррѣни большое количество хлѣба. По поводу этого довеса Нэккеръ издалъ 5-го августа 1790 г. циркуляръ къ департаментамъ Верхняго Рейна, Нижняго Рейна, Мозеля, Арденнъ и Сѣверному, въ которомъ, хотя и признаетъ упомянутый доносъ неправдоподобнымъ, но все-таки предписываетъ зорко слѣдить, чтобы никакого вывоза не было ³⁾.

Большой нужды въ этомъ циркулярѣ не было, потому что провинціальныя власти и такъ усердствовали не по разуму, не только въ запрещеніи вывоза хлѣба за границу, но и перевозки его изъ одной провинціи въ другую. Единственное исключеніе, которое довелось намъ встрѣтить, читая административную переписку того времени, составляетъ департаментъ Мозеля, который разрѣшилъ поданнымъ архіепископа Трирскаго и герцога Нассаускаго вывезти хлѣбъ, собранный на принадлежащихъ имъ земляхъ во Франціи ⁴⁾.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ запрета вывоза хлѣба Нэккеръ оказался въ согласіи съ большинствомъ депутатовъ въ Національномъ

¹⁾ Ibidem, письма Нэккера отъ 5 мая и 18 сентября 1790 г.

²⁾ Ibidem, письма Нэккера отъ 8 и 29 августа 1790 г.

³⁾ Ibidem, циркуляръ 5 августа 1790 г.

⁴⁾ Ibidem, письмо генераль-контролера Ламберта отъ 12 октября 1790 г., въ которомъ онъ одобряетъ рѣшеніе, принятое департаментомъ Мозеля.

Собраніи и съ огромной массой французскаго общества, которое разсматривало вывозъ хлѣба, какъ причину всѣхъ золъ. Кончаясь, старыи порядоки оставляли вопросъ о вывозѣ хлѣба въ томъ же видѣ, въ какомъ застало его начало XVIII вѣка: вывозъ хлѣба можно разрѣшать съ осторожностью въ урожайные годы и обязательно запрещать его, лишь только урожай становится сомнительнымъ. Разница въ томъ, что въ началѣ столѣтія запрещенія и разрѣшенія вывоза давались на основаніи жалобъ на дороговизну или убыточную дешевизну хлѣба, тогда какъ въ концѣ столѣтія къ этому присоединяется принципиальная борьба сторонниковъ и противниковъ запретительной системы. Борьба эта имѣла значеніе, пока власть короля и министровъ пользовалась авторитетомъ; сторонники или противники запретительной системы, получая вліяніе на власть, проводили свои взгляды въ правительственныхъ распоряженіяхъ. Но вотъ, когда правительство пало и когда *все всецѣло* стало въ зависимость отъ общественнаго настроенія, оказалось, что число сторонниковъ свободы вывоза хлѣба *при всякихъ обстоятельствахъ* ничтожно, и вопросъ о вывозѣ хлѣба становится въ то же положеніе, въ которомъ онъ находился при Людовикѣ XIV.

ВВОЗЪ ХЛѢБА.

Нэкеръ полагалъ на основаніи сравненія цѣнъ хлѣба во Франціи и за границею, что обычный ввозъ хлѣба будетъ недостаточенъ для продовольствія населенія, а потому рѣшился усилить его поощрительными мѣрами. Вслѣдствіе этого онъ предложилъ назначить премію на хлѣбъ, ввезенный изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Постановленіемъ совѣта 23-го ноября 1788 года установлена была ввозная премія въ 30 су за кенталь пшеницы и 40 су за кенталь муки. Кромѣ того, суда, привозяція хлѣбъ изъ Сѣверной Америки, освобождались отъ ластоваго сбора. Эти льготы распространялись на хлѣбные грузы, которые придутъ во Францію въ теченіе времени съ 15-го февраля 1789 года по 30-е іюня того же года. Вслѣдъ за тѣмъ вывозныя преміи и освобожденіе отъ ластоваго сбора распространены были и на хлѣбные грузы всякаго происхожденія, не только американскаго ¹⁾. Но эти

¹⁾ Arch. Nat. A. D. XI, 40. Arrêt du Conseil d'État du Roi pour encourager par des primes l'importation en France des blés et des farines venant des

мѣры признаны были недостаточными еще раньше, чѣмъ начался срокъ дѣйствія изданныхъ постановленій. Причина этого заключается, съ одной стороны, въ безпокойствѣ, которому Неккеръ поддавался черезъ мѣру, а восторыхъ въ томъ, что онъ самъ распугалъ хлѣботорговцевъ и населеніе другимъ постановленіемъ совѣта, касавшимся внутренней торговли хлѣбомъ и изданнымъ въ одинъ день съ постановленіемъ о преміяхъ. Въ немъ онъ нарисовалъ такую картину неурожая и такъ рѣшительно возвѣстилъ дороговизну, что, по словамъ Серра, депутата Верхнихъ Альпъ въ конвентѣ, „эта прокламація Неккера была для всѣхъ земледѣльцевъ набатнымъ звономъ“. Съ другой стороны, въ томъ же постановленіи онъ обвинилъ всѣхъ купцовъ въ жадности и въ нечестныхъ спекуляціяхъ и объявилъ о возможномъ возобновленіи нѣкоторыхъ старыхъ регламентовъ. Тотчасъ рынки опустѣли; всѣ прекратили продажу хлѣба ¹⁾. Мы вернемся еще къ этому постановленію совѣта, когда будемъ говорить о внутренней торговлѣ; теперь мы коснулись его, чтобы объяснить, почему недостатокъ хлѣба показался бѣднѣйшимъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и почему такъ скоро потребовались новыя поощренія для ввоза хлѣба.

Постановленіемъ совѣта 11-го января были вновь объявлены и увеличены преміи на ввозимый изъ-за границы хлѣбъ. Таможенные чиновники должны были выдавать привозителямъ свидѣтельства о количествѣ и происхожденіи ввозимаго хлѣба. Форма свидѣтельства и подробности формальностей должны были быть выработаны директорами таможенъ по соглашенію съ мѣстными муниципалитетами. Сообщая эту инструкцію директору таможенъ въ Марсели и тамошнему муниципалитету, Монтаранъ снова вспомнилъ уже два раза поднимавшійся вопросъ о возможности двойнаго провоза хлѣба черезъ Септемскую таможену изъ Марсели и обратно; но на этотъ разъ онъ не рѣшается предписывать мѣры для предупрежденія этого зло-

---

États Unis de l'Amérique, 23 novembre 1788, *Necker*, Sur l'administration de M. Necker, p. 286. Монтаранъ въ письмѣ къ директору таможенъ въ Марсели отъ 18-го марта 1789 г. говоритъ, что преміи учреждены постановленіемъ совѣта 29-го ноября 1788 г. и 11-го января 1789 г. (Arch. Nat. F¹¹ 224); но онъ ошибается числомъ; 11-го же ноября произошло распространеніе пошлины на хлѣба не американскаго происхожденія.

¹⁾ *Biollay*, Paete de Famine, p. 25. Авторъ относитъ приведенныя заявленія къ постановленію совѣта о ввозныхъ преміяхъ,—это ошибка.

употребленія, а предоставляетъ самимъ тамошнямъ принять мѣры противъ обмана ¹⁾).

Купцы, возложившіе надежды на премя, ошиблись въ своихъ расчетахъ и потерпѣли убытки, такъ какъ, не довѣрая частной предпріимчивости, правительство само занялось выпиской хлѣба изъ-за границы черезъ своихъ комиссіонеровъ. Эти закупки стали особенно значительны со второй половины 1789 года. Хлѣбъ получался сначала изъ Англии и Ирландіи, пока вывозъ оттуда не былъ запрещенъ; потомъ онъ вывозился изъ Петербурга, Гамбурга, изъ Ганзейскихъ городовъ, изъ Амстердама, Неаполя, Берберини и изъ Американскихъ Штатовъ. Изъ Америки доставлена была въ Гавръ мука.

Весь хлѣбъ, прибывавшій въ Гавръ, поступалъ въ распоряженіе субделегата Урселя (Ourcel), который былъ уполномоченъ правительствомъ распредѣлять его между мѣстными муниципалитетами и направлять его въ Руанъ и оттуда въ Парижъ. Въ Парижѣ весь хлѣбъ, прибывавшій изъ Руана, поступалъ въ склады, находившіеся въ Военной школѣ, и оттуда уже поступалъ на рынокъ. Въ Бордо тоже былъ уполномоченный правительства по хлѣбной части, нѣкто де-Кассьеръ (de Cassières), который распорядился снабженіемъ юго-запада Франціи. Въ Марсели, повидимому, этимъ дѣломъ завѣдывалъ директоръ Африканской компаніи. Юнгъ говоритъ, что затраты Неккера по продовольственнымъ мѣрамъ 1789—1790 года простирались до 40 милліоновъ ливровъ, и прибавляетъ при этомъ, что въ результатѣ получено было трехдневное пропитаніе страны. Самъ Неккеръ говоритъ, что расходы на пукунку хлѣба, считая фрахтъ и проч., простирались до 70 милліоновъ ливровъ и что приобрѣтено было разнаго хлѣба 3.600.000 кенталей. Главнымъ предметомъ заботы правительства по прежнему, какъ и при Людовикѣ XIV, былъ Парижъ. Въ теченіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ 1789 года въ склады Военной школы поступило изъ Руана 21.615 кенталей рису, 1.451 кенталь пшеницы и 101 кенталь муки ²⁾). Широкая продоволь-

¹⁾ Arch. Nat. F¹¹ 224. Письма Монтирана 18-го марта 1789 г. генеральному откупу, директору таможенъ въ Марсели и марсельскому муниципалитету.

²⁾ Necker, Sur l'administration de M. Necker, p. 290. *Journal, Voyages en France*, t. II, p. 471, Arch. Nat. H., № 2200. Подъ этимъ номеромъ находятся два большихъ тома подъ названіемъ: Entrées et sorties des grains et farines; administration 1789, представляющіе собою приходо-расходныя книги. Къ сожалѣнію, у меня не было времени заняться разборомъ этихъ счетовъ, и я извлекъ только изъ счета хлѣба, прибывавшаго въ Военную Школу (съ 23-го августа 1789 г.

ственные мѣропріятія Нэккера не оправдывались, какъ оказалось впоследствии, дѣйствительною нуждою въ хлѣбѣ. Артуръ Юнгъ говоритъ, что онъ во многихъ провинціяхъ узнавалъ про обычныя цѣны и про цѣны текуція и нашелъ, что послѣднія мало разнятся отъ первыхъ ¹⁾.

Переписка Нэккера въ 1790 году по хлѣбнымъ дѣламъ доказываетъ до очевидности преувеличенность опасеній относительно недостатка хлѣба. Въ этомъ преувеличеніи отчасти виноватъ характеръ самого Нэккера, который, какъ мнѣ кажется, сильно поддавался впечатлѣнію минуты и слишкомъ обобщалъ его: мы уже видѣли это въ 1777 году; но значительную долю вины надо отнести на счетъ мѣстныхъ властей, которыя осаждали Нэккера тревожными письмами на счетъ неурожая и просьбами о помощи. Не имѣя средствъ проверить эти показанія и скорѣе склонный преувеличивать эти опасенія чѣмъ отнестись къ нимъ скептически, онъ подчинялся этимъ впечатлѣніямъ и пускалъ въ ходъ экстренныя мѣры. Такъ, напримѣръ прокуроры Прованса были тревогу и требовали доставки изъ-за границы, по крайней мѣрѣ, 25.000 шаржъ хлѣба. На основаніи этого Нэккеръ приказалъ Африканской компаніи доставить хлѣбъ изъ Туниса и Алжира. Компанія доставила въ Марсель 16—18 тысячъ шаржъ, изъ коихъ 15 тысячъ для Прованса, но за полученіемъ ихъ никто не явился. Компанія пришлось продать этотъ хлѣбъ съ убыткомъ ²⁾. Въ родѣ этого были факты и во многихъ другихъ мѣстахъ Франціи. Повитно, что хлѣба было выписано слишкомъ много, и его пришлось сбывать во что бы то ни стало.

Получивъ въ концѣ іюня 1790 года извѣстіе о томъ, что въ Марсель прибыло судно съ 1860 шаржами пшеницы, Нэккеръ проситъ продать ихъ хотя бы съ убыткомъ, а также и тѣ 7300 шаржъ,

---

но 31-е декабря 1789 г.), слѣдующія цѣны: 4233 мѣшка по 500 е. рису; 1160 мѣшковъ по 125 е. пшеницы; 22 мѣшка по 460 е. муки, которые я перевелъ въ кенталы старые. Предъ банкирскимъ домомъ Гоппе (Норре) въ Амстердамѣ Нэккеръ лично поручился за Францію въ 1 милл. ливровъ. Когда онъ былъ удаленъ въ іюль 1789 г. съ должности, то, пріѣхавъ въ Брюссель, онъ не взялъ назадъ своего ручательства, хотя могъ это сдѣлать.

¹⁾ Онъ полагаетъ, что средняя цѣна въ Шампани 18 л. сѣлье въ 240 е., въ Лотарингіи—17½ л., въ Эльзасѣ—22 л., въ Франшъ-Контѣ—20 л., въ Вургунди—18 л., въ Авиньонѣ и Провансѣ—24 л.; для Парижа, полагаетъ онъ, средняя должна бы быть 19 л., а для всей Франціи 20 л., что онъ находитъ недостаточнымъ для вознагражденія земледѣльца. *Arth. Jung, Voyages, t. II, p. 347.*

²⁾ *Arch. Nat. F¹¹* 2.* Письма Нэккера отъ 26-го іюня, 2-го и 24-го іюля 1790 г.

которыя находятся въ Марсели на счету правительства. Онъ пишетъ, что онъ предпочитаетъ понести убытокъ или продать хлѣбъ въ кредитъ, чѣмъ хранить его дольше ¹⁾. Де-Кассьеру, завѣдывающему продовольствіемъ въ Бордо, онъ предлагаетъ сбить военнымъ поставщикамъ хлѣбъ, оставшійся непроданнымъ. Въ началѣ августа Неккеръ обращается къ морскому министру и проситъ его, по случаю увеличенія продовольствія флота, купить запасы хлѣба, находящіеся въ Гаврѣ, Руанѣ, Вернонѣ и Мантѣ. Въ сентябрѣ онъ получаетъ извѣстіе, что Любекскій корабль „Contente“, шедшій изъ Петербурга съ 1200 четвертями пшеницы (въ 2400 мѣшкахъ), разбился около Кала. Вытащенный и подмоченный хлѣбъ былъ, по его приказанію, проданъ за 7.500 л. ²⁾.

При форсированной продажѣ остатковъ хлѣба, которые оказались излишними, казна потерпѣла большіе убытки. Какъ велики они были, мы не можемъ сказать, но что они были очень значительны, это несомнѣнно. Они были двоякаго рода. Вопервыхъ, правительство потеряло на продажѣ и на порчѣ тѣхъ запасовъ, которые принадлежали ему, а, во вторыхъ, оно потеряло большую часть тѣхъ партій хлѣба, которыя были приобрѣтены за счетъ городовъ и провинцій, при чемъ надо сказать, что многіе города захватывали правительственные транспорты хлѣба, присвоивали ихъ, продавали или раздавали обывателямъ, а денегъ правительству не возвращали.

Изъ переписки видно, что тѣ запасы хлѣба, которые Неккеръ предлагалъ то военнымъ поставщикамъ, то морскому министру, не были проданы еще въ концѣ 1790 года, послѣ его ухода, и часть ихъ попортилась; нѣкоторая часть ихъ была вывезена обратно за границу ³⁾.

Мы говорили выше о хлѣбѣ, который ввезла въ Марсель Африканская компанія, и который она въ значительной части должна была продать съ убыткомъ. Сравнительно съ другими мѣстами Франціи положеніе дѣла для владѣльцевъ хлѣба было выгодно въ Марсели,

¹⁾ Arch. Nat. *ibid.* Письмо Неккера отъ 2-го іюля 1790 г.

²⁾ *Ibidem*, письма отъ 2-го и 31-го іюля, 7-го августа и 1-го октября 1790 г.

³⁾ Въ циркулярѣ къ агентамъ правительства отъ 26-го ноября 1790 г. Монтаранъ пишетъ, что всѣ запасы зерна и муки въ Гаврѣ, Руанѣ и другихъ мѣстахъ должны быть проданы и что часть ихъ попортилась. 18-го декабря 1790 г. онъ посылаетъ главному сборщику таможенного откупа въ Мантѣ (Receveur Général des Fermes) счетъ вывезеннаго обратно изъ Врестани иностраннаго хлѣба. 24-го декабря 1790 г. онъ посылаетъ такіе же счеты въ Марсель и Тулонъ.

потому что, по случаю русско-турецкой войны, подвоза хлѣба изъ Архипелага и Морей почти не было, а провансальскій хлѣбъ всегда былъ дороже африканскаго и восточнаго. Поэтому тамъ запасы хлѣба, какъ казенные, такъ и выписанные за счетъ казны, нашли покупателей, хотя и по убыточной цѣнѣ. Нэккеръ предложилъ компаніи обратиться за возмѣщеніемъ убытковъ къ муниципалитету Марсели и къ муниципалитетамъ другихъ городовъ Прованса, обѣщая съ своей стороны уплатить то, что приходилось на счетъ правительства. Компанія протестовала противъ такого способа расчета; она напомнила Нэккеру его письмо отъ 30-го октября 1789 года, въ которомъ онъ бралъ всю отвѣтственность за ввезенный хлѣбъ на казну. Тогда Нэккеръ отвѣтилъ, что онъ не отказывается отъ отвѣтственности, но только проситъ компанію сначала обратиться къ муниципалитету Марсели и къ управленіямъ департаментовъ, образованныхъ изъ Прованса, которые, вѣроятно, не откажутся платить ¹⁾).

Оказалось, однако, что полученіе денегъ съ муниципалитетовъ Прованса не удалось. 27-го сентября 1790 года Монтаранъ пишетъ Бертрану, директору Африканской компаніи, что ему удалось убѣдить Нэккера оставить надежду на полученіе денегъ съ муниципалитетовъ Прованса. Преемникъ Нэккера сдѣлалъ попытку получить хоть что-нибудь, но тоже безъ успѣха. Съ одной только Марсели причиталось въ казну 255.664 л.; не смотря на многочисленныя требованія, муниципалитетъ не заплатилъ ни гроша ²⁾).

Муниципалитетъ Макона захватилъ 426 мѣшковъ хлѣба, которые ліонскіе купцы Кондасія и сынъ (*Condatia et fils*) препровождали въ Корбей за счетъ правительства. Это было въ іюль 1789 года; въ августѣ 1790 года правительство не могло получить съ него 4.280 л. причитающихся только за доставку этого хлѣба ³⁾). Цѣлый рядъ бумагъ въ перепискѣ Монтарана (1790 г.) свидѣтельствуетъ, что города, получавшіе въ 1789 и въ началѣ 1790 г. хлѣбъ, выписанный правительствомъ изъ-за границы, продавали его, но денегъ правительству не возвратили.

Такимъ образомъ, ввозъ хлѣба во Францію во второе министерство Нэккера совершался при тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ 1777 и 1778

¹⁾ Письма Нэккера отъ 2-го и 24-го іюля 1790 года и письмо къ нему африканской компаніи отъ 14-го іюля 1790 года. Arch. Nat. F¹¹* 2.

²⁾ Письмо Монтарана отъ 27-го сентября 1790 г., письмо де-Длибера отъ 25-го декабря 1790 г. и дальнѣйшія письма. Ibidem.

³⁾ Письмо Монтарана отъ 3-го августа 1790 г. Ibidem.

годахъ, только въ 1789 году размѣры его были болѣе значительны. Сначала, повидимому, остановились на мысли, на которой, по всей вѣроятности, настаивалъ Монтаранъ, поощрять ввозъ назначеніемъ премій. Но, какъ мы знаемъ, Нэkkerъ не довѣрялъ частной предприимчивости, а потому очень скоро онъ самъ берется за ввозъ хлѣба и распредѣленіе его. Когда лѣтомъ 1789 года, въ силу крушенія стараго порядка, центральное правительство лишается своихъ органовъ въ провинціи, Нэkkerъ долженъ былъ поручить въ большинствѣ случаевъ городамъ завѣдываніе сбытомъ хлѣба. Они дѣлали то, что прежде дѣлали интенданты, субделегаты, начальники полиціи и королевскіе комиссіонеры, то-есть, продавали хлѣбъ за счетъ правительства, но только деньги оставляли въ свою пользу. Оттого убытки казны на хлѣбныхъ операціяхъ въ 1789—1790 годахъ были гораздо значительнѣе убытковъ 1777 и 1778 годовъ.

Продовольственныя мѣры Нэккера не ограничивались привлеченіемъ въ страну иностраннаго хлѣба. Онъ оперировалъ также и на счетъ хлѣба внутренняго происхожденія.

Какъ сказано выше, главнымъ предметомъ заботъ правительства было снабженіе Парижа. Мы упоминали о томъ, что предъ отиѣною парижскихъ регламентовъ относительно хлѣбной торговли Тюрго заключилъ контрактъ съ негоціантами Леле, въ силу котораго они должны были имѣть наготовѣ 25.000 мѣшковъ муки. Договоръ этотъ заключенъ былъ въ октябрѣ 1775 года на срокъ съ перваго января 1776 года по конецъ 1781 года. Въ 1777 году Нэkkerъ увеличилъ вознагражденіе, которое они получали за свои услуги, съ 50.000 л. до 62.500 л. Въ 1782 году ихъ контрактъ былъ возобновленъ опять на шесть лѣтъ, при чемъ ихъ вознагражденіе было увеличено до 77.500 л., но они должны были за то содержать наготовѣ не 25 тысячъ, а 31.000 мѣшковъ муки въ распоряженіи правительства. Затѣмъ въ 1784 году на тѣхъ же Леле возложена была обязанность доставлять въ королевскія резиденціи Версаль и С. Жерменъ 3.000 мѣшковъ муки по 4 л. за мѣшокъ, что составляло 12.000 л. Сверхъ того, въ ихъ распоряженіе отданы были королевскія мельницы и амбары въ Корбейѣ, и имъ выплачивалось за наемъ другихъ мельницъ какъ въ Корбейѣ, такъ и въ Эссопѣ (въ 2 километрахъ отъ Корбейя) 7.200 л. въ годъ. Такимъ образомъ, всего они получали къ концу срока втораго контракта (31-го декабря 1787 г.) 96.700 л. 10-го октября 1787 г. контрактъ былъ возобновленъ на срокъ съ 1-го января 1788 г.

на три года или на шесть лѣтъ. Сущность отношеній Леле къ правительству заключалась въ томъ, что они должны были доставлять на парижскій рынокъ 25.000 мѣшковъ муки въ годъ по требованію генераль-лейтенанта полиціи. Эта мука продавалась или за ихъ счетъ по текущей цѣнѣ, или же по цѣнѣ, назначенной полиціей. Кромѣ того, они должны были держать всегда наготовѣ 6.000 л. въ мѣшкахъ для экстренныхъ надобностей, которыя могли бы проявиться на рынкѣ ¹⁾.

Такимъ образомъ, заботы правительства о дешевомъ хлѣбѣ для парижанъ выражаются въ 1787 году въ тѣхъ же мѣрахъ, въ которыхъ онѣ выражались и при Лаверди. Разница въ томъ, что Малиссе могъ, не выходя изъ предѣловъ контракта, вести широкія хлѣбныя операци казеннымъ хлѣбомъ подъ предлогомъ возобновленія запаса зерна и муки, тогда какъ Леле казеннаго хлѣба въ свое распоряженіе не получали, а должны были, въ качествѣ подрядчиковъ, держать въ распоряженіи правительства известное количество муки и продавать его только въ Парижѣ или по вольной цѣнѣ, или по цѣнѣ, указанной генераль-лейтенантомъ полиціи. Но идея, лежавшая въ основѣ мѣропріятій по снабженію Парижа, остается та же. Какъ въ началѣ столѣтія и раньше были убѣждены, что такой огромный городъ, какъ Парижъ, не можетъ быть продовольствуемъ обычными средствами торговли, такъ и Неккеръ говорилъ въ своемъ сочиненіи о хлѣбномъ законодательствѣ, „что огромная столица (*une capitale immense*) составляетъ администрацію постоянно пецись о ней; соединеніе не вдалекѣ отъ государя 600.000 человекъ обязываетъ во многихъ случаяхъ къ такимъ операциамъ, которыхъ нельзя предвидѣть“ ²⁾.

Когда наступили опасенія за урожай 1788 года, Неккеръ не удовольствовался контрактомъ съ Леле для своихъ продовольственныхъ мѣропріятій. Онъ обратился ко многимъ комиссіонерамъ, которые покупали хлѣбъ внутри страны за счетъ правительства и доставляли въ указанныя мѣста для продажи. Начались тѣ же операци, которыя велись при аббатѣ Террѣ, хотя, можетъ быть, и не съ такими злоупотребленіями. Даже лица выступаютъ знакомія. Самыя значительныя операци за счетъ правительства въ 1789 году совершались Ду-

¹⁾ *Biollay, Pacte de Famine*, стр. 228 и 233. Онъ цитируетъ мемуаръ, поданный королю въ 1777 году, который онъ принимаетъ съ большою вѣроятностью Неккеру (*Arch. Nat. K. 908*), и мемуаръ Монгарана для Фурке (*Fourqueux*) въ концѣ 1787 г. (*Arch. Nat. H, 1.414*). Во второмъ контрактѣ, кромѣ Леле, контрагентомъ числится еще Монтессия (*Montessuy*).

²⁾ *Necker, Essai sur la legislation et le commerce des grains.*

меркомъ, который дѣйствовалъ при Террѣ. Но дѣятельность комиссіонеровъ Нэккера была гораздо труднѣе. Какъ только распался авторитетъ администраціи, такъ сейчасъ агенты правительства стали предметомъ проявленій народнаго гнѣва и подозрительности по отношенію ко всѣмъ хлѣботорговцамъ. Самъ Нэккеръ говоритъ, что „негоціанты многихъ городовъ въ моментъ наибольшей дороговизны не только отказывались доставлять заграничный хлѣбъ за собственный счетъ, но они не хотѣли даже быть простыми агентами правительства; между тѣмъ обыкновенно этого положенія сильно добиваются, потому что оно доставляетъ комиссіонный процентъ безъ всякихъ затратъ капитала и безъ всякаго риска. Даже лица, по своему положенію подчиненныя администраціи (агенты), брались за эта операціи лишь изъ послушанія, и многія изъ нихъ подвергали жизнь опасности, исполняя свои обязанности“¹⁾).

„Вотъ чего добился Нэккеръ,—замѣчаетъ по этому поводу Біоллэ,—когда онъ въ постановленіи совѣта 23-го ноября 1788 года возвѣстилъ о жадности спекуляторовъ“ („lorsque par l'arrêt du Conseil du 23 novembre 1788 il avait dénoncé la cupidité des spéculateurs“). Это замѣчаніе справедливо лишь отчасти. Опасность, которой подвергались королевскіе комиссіонеры, усилилась не только отъ того, что

---

¹⁾ „Les négociants des plusieurs villes, au moment de la grande cherté, se refusaient non seulement à faire venir des grains étrangers pour leur compte, mais ils ne voulaient pas même être employés comme de simples agents, sorte de fonctions néanmoins recherchées avec empressement; parce qu'elles procurent un droit de commission sans obliger à aucune avance et sans exposer à aucun risque. Les personnes attachées par leur état à l'administration ne se chargeaient de pareilles commissions que par obéissance et plusieurs en s'acquittant de leurs devoirs ont couru le risque de la vie“ (Sur l'administration de M. Necker par lui-même, p. 288). Преувеличенія тутъ нѣтъ; многіе факты доказываютъ, что въ то время достаточно было хоть чуточку быть подозрѣваемымъ въ скупкѣ (accaparement) хлѣба, чтобы рисковать жизнью. Альереди Мори въ разговорѣ со мною по этому поводу сообщилъ слѣдующій характерный фактъ. Въ день 5-го октября 1789 г. его бабушка сошла съ „Новаго Моста“ (Pont-Neuf) на набережную, неся въ передникѣ два или три хлѣба. Тутъ она наткнулась на кучку людей, которые обратили вниманіе на ея ношу. Развернувъ передникъ и увидя тамъ хлѣбъ, они пришли въ ярость, признали ее за спекулянtricу (accapareuse) хлѣба и потащили къ еяру, чтобы безъ дальнѣйшихъ околичностей повѣсить ее. Никакія клятвы съ ея стороны ни увѣренія въ противномъ не помогли. Къ счастью ея, на набережной появилась другая толпа и чѣмъ-то привлекла вниманіе тѣхъ, которые собирались ее казнить. Воспользовавшись этимъ моментомъ, она успѣла ускользнуть и скрыться въ ворота ближайшаго дома.

подозрительность народа была возбуждена громогласнымъ обвиненіемъ купцовъ въ жадности самимъ правительствомъ, но отъ того, главнымъ образомъ, что правительство лишилось власти и не могло уже теперь защищать ихъ, какъ оно дѣлало это прежде. Благодаря всей хлѣбной политикѣ Франціи, народъ привыкъ смотрѣть на всякаго хлѣботорговца, какъ на своего врага; казенные же комиссіонеры пользовались этимъ нерасположеніемъ вдвое, потому что ихъ подозрѣвали въ вывозъ хлѣба за границу, и операціи ихъ были шире, и бороться съ ними было нельзя. Теперь, когда это нерасположеніе не встрѣчало полицейской сдержки, оно стало чувствительнѣе и сильнѣе.

Національное Собраніе видѣло путаницу въ дѣлахъ, которую производили продовольственныя мѣропріятія Нэккера, и тѣ огромныя потери, которыя были связаны съ ними, и при томъ безъ серьезныхъ результатовъ. Въ продовольственномъ комитетѣ, учрежденномъ при Собраніи, большинство составляли сторонники Тюрго и противники Нэккера. Они не разъ заявляли Нэккеру требованіе о поддержкѣ свободы внутренней торговли. Наконецъ, чтобы предупредить всякое вмешательство правительства въ продовольственныя мѣры, Учредительное Собраніе декретомъ 12 — 19 сентября 1790 года приказало продать немедленно (à bref délai) весь хлѣбъ, находившійся въ казенныхъ магазинахъ ¹⁾. Нэккеру не пришлось окончить ликвидацію своихъ операцій,—это убыточное дѣло осталось въ наслѣдіе его преемникамъ.

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ.

Декретъ Національнаго Собранія, прекратившій продовольственныя мѣропріятія Нэккера, имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, восстановленіе внутренней хлѣбной торговли, которая подверглась большому потрясенію со временъ вторичнаго вступленія Нэккера въ генеральный контроль. Въ положеніи внутренней хлѣбной торговли въ это время мы можемъ отмѣтить два момента. Первый до лѣта 1789 г., когда Нэккеръ распоряжался на всей своей волѣ, и второй, когда съ конца іюня этого года онъ долженъ былъ считаться съ мнѣніемъ Національнаго Собранія и въ то же время съ паденіемъ авторитета правительства, открывшаго путь анархіи. Счеты Нэккера съ Національнымъ Собраніемъ по вопросамъ хлѣбной торговли имѣли скорѣе теоретическое, чѣмъ практическое значеніе, потому что въ это время

.. ¹⁾ *Biollay, Pacte de Famine.* p. 251.

уже ни у него, ни у Національнаго Собранія не было силы для того, чтобы заставить признавать свои воззрѣнія и слушаться приказаній. Крушеніе же стараго порядка и паденіе власти получило несомнѣнно практическое значеніе, такъ какъ на сцену выступили и дѣйствовали безпрепятственно всѣ тѣ предразсудки по отношенію къ хлѣбной торговлѣ, которые существовали давно въ обществѣ и были оживлены послѣдними распоряженіями Нэккера.

Нэккеръ самъ говорилъ: „какъ только я вступилъ въ министерство, я поторопился собрать свѣдѣнія о результатахъ урожая и о нуждахъ въ чужихъ странахъ“. Эти свѣдѣнія, которыя онъ собиралъ и, надо думать, собралъ въ нѣсколько дней, были далеки отъ истины. По поводу ихъ Юнгъ говоритъ: „какая самонадѣянность, какая пустота могутъ заставить человѣка вѣрить, что правда составляетъ удѣлъ такихъ изслѣдованій, что находишься ближе къ цѣли (qu'on est plus près d'une ligne, d'un point) по ихъ окончаніи, чѣмъ когда ихъ не начинали! Вообразите себѣ на минуту интенданта французской провинціи или англійскаго лорда намѣстника,—получающими приказъ о производствѣ такого изслѣдованія, прислушайтесь къ разговору, который ведется по этому поводу за обѣдомъ, поѣзжайте верхомъ вмѣстѣ съ нимъ (лордомъ-намѣстникомъ, такъ какъ интенданту никогда бы и въ голову не пришла такая мысль) поразспросите фермеровъ; замѣтите безсвязность, ложность, небрежность свѣдѣній, которыя онъ получаетъ, и тогда подумайте о простотѣ той системы, которая опирается на такія изслѣдованія“. (Нэккеръ утверждалъ, что его система относительно хлѣбной торговли самая простая и заключается въ томъ, чтобы не имѣть никакой неизмѣнной системы, а дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ ¹⁾).

Мы знаемъ, что Нэккеръ на основаніи такихъ свѣдѣній представилъ себѣ положеніе дѣлъ въ гораздо худшемъ видѣ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ; но самое собраніе этихъ свѣдѣній или только слухи о немъ ухудшили положеніе.

Именно эти разслѣдованія сентября 1788 года,—говоритъ Юнгъ,—произвели все зло. Они проникли во все королевство, распространили всеобщій страхъ, цѣны поднялись; а когда онѣ поднимаются во Франціи, то сейчасъ затѣмъ слѣдуютъ несчастья; буйность черни дѣлаетъ опасною внутреннюю торговлю...“. Какъ обыкновенно бывало, хлѣбовладѣльцы стали опасаться появляться на рынкѣ, чтобы не

¹⁾ *Joung, Voyages en France, t. II, p. 336.*

подвергнуться грабежу черни или не стать жертвой великодушія полиціи. Хлѣбъ сталъ прятаться, рынки пустѣть. Нѣккеръ заявлялъ въ своемъ трактатѣ о хлѣбномъ законодательствѣ, что свобода внутренней торговли не только не полезна во время дороговизны, но даже вредна и требуетъ надзора администраціи. Теперь ему представился случай приложить къ дѣлу свою теорію. 23-го ноября 1788 года онъ издалъ постановленіе совѣта, въ которомъ громко возвѣстилъ о недостаткѣ хлѣба въ выраженіяхъ, способныхъ нагнать страхъ, и объявилъ походъ противъ скупщиковъ и спекулянтовъ. „Освѣдомившись о цѣнахъ на хлѣбъ и о различныхъ обстоятельствахъ, вліяющихъ на дороговизну,—говорилось во введеніи къ этому постановленію,—король съ прискорбіемъ узналъ, что умолотъ не далъ обычнаго количества хлѣба и что земледѣльцы вообще были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Кромѣ того, всѣмъ извѣстно, что губительный градъ опустошилъ поля на большомъ пространствѣ, и многія несчастныя причины повліяли на посредственность урожая въ большей части провинцій королевства. Но его величество освѣдомленъ, что нечего бояться недостачи хлѣба, а что, можетъ быть, не хватаетъ только излишка, необходимаго для того, чтобы удержать цѣны на справедливомъ уровнѣ, который былъ бы желателенъ. Не во власти его величества господствовать надъ законами природы... но онъ запретилъ вывозъ“; сверхъ того, говорилось далѣе, „въ силу своего отеческаго безпокойства и на основаніи обращенныхъ къ нему жалобъ, онъ считаетъ себя обязаннымъ положить предѣлъ нѣкоторымъ спекуляціямъ, которыя бесполезны для землевладѣльцевъ и существенно вредятъ потребителямъ, это—закупки и скупки (ce sont les achats et les assemblages), предпринятія исключительно для того, чтобы воспользоваться возвышеніемъ цѣны, и которыя внушаютъ затѣмъ опасное желаніе возвышенія цѣнъ. Такія спекуляціи приносятъ свои выгоды въ урожайные годы, но онѣ вызываютъ тревогу и могутъ имѣть дурныя (facheuses) послѣдствія въ то время, когда цѣны на продовольствіе уже поднялись. Не желая, однако, разрѣшать какихъ либо розысковъ (inquisitions), которыми легко злоупотреблять, (король) признаетъ себя обязаннымъ возстановить на этотъ годъ (какой?) старинное предписаніе продавать и покупать только на рынкѣ, дабы поставить чиновъ полиціи въ возможность обнаруживать (éclaircir) поведеніе тѣхъ, которые предаются нечестной торговлѣ...“.

Вслѣдствіе этихъ соображеній постановленіемъ совѣта 23-го ноября 1788 года издаются слѣдующія распоряженія:

I. Подъ страхомъ наказаній, налагаемыхъ старыми регламентами, запрещается продавать хлѣбъ въ рынокъ.

II. Запрещается купцамъ и разнымъ лицамъ выходить на встрѣчу хлѣбу, закупать его на задатки и дѣлать иные сдѣлки.

III. Запрещается заниматься торговлей хлѣбомъ чинамъ рыночной полиціи и лицамъ, причастнымъ къ министерству финансовъ. Затѣмъ параграфомъ шестымъ подтверждаются распоряженія старыхъ регламентовъ о распредѣленіи времени базара между купцами и частными лицами. Срогъ этого распоряженія назначенъ былъ годичный ¹⁾; но годъ спустя Нѣккеръ былъ уже не въ силахъ возстановить свободу хлѣбной торговли, хотя бы онъ и хотѣлъ этого.

Этимъ распоряженіемъ Нѣккеръ отмѣнилъ дѣйствіе деклараціи 1763 года и шагнулъ прямо къ регламентамъ добраго стараго времени, которые были подтверждаемы и формулируемы королевскими деклараціями и постановленіями совѣта конца XVII и начала XVIII вѣка ²⁾. Едва ли Нѣккеръ зналъ въ подробности эти старыя регламенты, на которые теперь ссылался, и, вѣроятно, не подозревалъ, что они въ нѣкоторыхъ случаяхъ грозятъ розгами за покупку хлѣба въ рынокъ на задатокъ. Какъ бы то ни было, своими распоряженіями онъ оживилъ эти старыя регламенты, любезныя общественнымъ предразсудкамъ, оживилъ подозрительность противъ хлѣботорговцевъ, обвинивъ послѣднихъ всенародно въ жадности и спекуляціяхъ, вредныхъ для потребителя и бесполезныхъ для землевладѣльца, и нагналъ страхъ на вся и всѣхъ призраккомъ голода и возвѣщеніемъ отеческаго безпокойства правительства о продовольствіи націи. Какъ говорилъ впоследствии членъ конвента Серръ, это постановленіе произвело впечатлѣніе набата: рынки опустѣли, хлѣбъ скрился, купцами и фермерами овладѣла паника. Нечего и говорить, что мѣстныя власти развивали распоряженіе правительства и еще болѣе парализовали хлѣбную торговлю. Цѣны поднялись ³⁾. Результатъ получился обратный тому, котораго хотѣлъ достигнуть Нѣккеръ.

¹⁾ Arch. Nat. A. D. XI, 40.

²⁾ Декларация 1-го іюля 1694 г., ссылаясь на ордонансы: Людовика XI—1462 г., Франсуа I—1539 г., Генриха III—1577 г. и Людовика XIII—1629 г., запрещаетъ покупать хлѣбъ на задатки подѣ страхомъ строгаго наказанія, „установленнаго мудрыми ордонансами“, а именно: конфискаціи хлѣба, денегъ за него данныхъ, 1000 л. штрафа съ каждой стороны и тѣлеснаго наказанія въ случаѣ повторенія. Ордонансъ 21 ноября 1577 г. подробно регулировалъ продажу хлѣба.

³⁾ Въ іюнь 1789 г. Юнгъ говорилъ со многими свѣдущими людьми, и они ему говорили, что цѣны слишкомъ высоки сравнительно со спросомъ, но что

Въ послѣднемъ пунктѣ (VIII) постановленія совѣта 23-го ноября 1788 года Нэкеръ, устами короля, „увѣщаетъ“ фермеровъ и землевладѣльцевъ снабжать въ достаточной степени рынки и тѣмъ восполнить отсутствіе предписаній, которыя король не считаетъ пока своевременнымъ возстановить. Отъ увѣщаній начальства до приказаній обыкновенно очень не далеко. Запрещая продажу въ рынокъ Нэкеръ не могъ не придти къ предписанію снабжать рынокъ. Весною 1789 года онъ пришелъ къ этому.

1-го апрѣля 1789 года онъ писалъ интенданту Бургонн: „Парижскій парламентъ, я полагаю, скоро прикажетъ, чтобы чины полиціи обязывали землевладѣльцевъ, фермеровъ и складчиковъ хлѣба везти таковой на рынки. Парламентамъ Дижона и Франшъ-Конте, по всей вѣроятности, предложено будетъ сдѣлать то же самое“ ¹⁾. На счетъ парижскаго парламента онъ говорилъ не вѣрно. Нэкеръ иногда прибѣгалъ къ такому приему: выдумывалъ несуществующіе приемы, чтобы побудить провинціальныя власти сдѣлать то, что ему хотѣлось. Парижскій парламентъ ограничился только просьбой о видоизмѣненіи деклараціи 1787 года (о вывозѣ); но парламенты Дижона и Безансона издали распоряженія, которыя шли дальше дѣли, предложенной Нэкеромъ; они запретили вывозъ хлѣба изъ предѣловъ ихъ округовъ. Нѣсколько раньше интендантъ Шампани запретилъ вывозъ хлѣба изъ предѣловъ своего генералите ²⁾.

Не достигнувъ своей цѣли у парламентовъ, Нэкеръ издаетъ 23-го апрѣля 1789 года новое постановленіе совѣта. Перечисливъ принятія правительствомъ продовольственныя мѣры и указавъ на то, что оно выхлопотало у другихъ правительствъ разрѣшеніе вывоза хлѣба во Францію, онъ говоритъ: „но спекуляторы, всегда опасные во время дороговизны“, должны быть обезкуражены. Желая идти дальше за преценія продажи въ рынокъ, король приказываетъ:

- I) Что собственники фермеры и купцы могутъ быть принуждаемы судьями и полицейскими чиновниками достаточно снабжать рынки;
- II) Уполномочиваетъ судей и полицію забирать свѣдѣнія, хотя бы

недостатка хлѣба не было бы, если бы Нэкеръ оставилъ въ покоѣ хлѣбную торговлю. Его стѣснительные эдикты, чистые комментаріи къ его книгѣ объ этомъ предметѣ, содѣйствовали поднятію цѣнъ болѣе, чѣмъ все остальное. *Joung, Voyages, t. I, p. 190.*

¹⁾ Arch. Nat. F¹¹, 1174. *Biollay, Pacte de Famine, p. 236.*

²⁾ *Biollay, p. 237.*

даже судебнымъ порядкомъ, о количествѣ хлѣба въ амбарахъ и складахъ ихъ округа ¹⁾).

Такимъ образомъ, Нэкеръ воскресилъ распоряженія, изданныя во время голодовки 1709 года. Административное изслѣдованіе количества хлѣба, находящагося въ частныхъ амбарахъ, съ тѣхъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не практиковалось вовсе, а принудительное снабженіе рынка хотя и практиковалось, но въ видѣ частной мѣры. То, что предпринималось въ началѣ столѣтія, во время голодовки, когда цѣна доходила до 75 л. за сѣтье (32 л. за кенталь), когда мертвые люди валялись по дорогамъ, а живые ѣли весной траву и разные корни,—то же самое Нэкеръ предпринималъ въ концѣ столѣтія, въ годъ, когда неурожай былъ немного хуже обыкновеннаго и когда о голодовкѣ не должно было быть и рѣчи. Распоряженія же джонскаго и безансонскаго парламентовъ и интенданта Шампани шли даже дальше распоряженій, издававшихся во время этой знаменитой голодовки. Тогда при перевозкѣ хлѣба изъ одной провинціи въ другую требовалась подача заявленія интенданту съ показаніемъ вывозимаго количества, но абсолютнаго запрещенія вывоза не допускалось. Правда, мѣстныя власти пытались запрещать циркуляцію хлѣба между провинціями, но не дѣлали этого въ абсолютной формѣ ²⁾).

Дальше этихъ распоряженій Нэкеръ не шелъ, потому что оставалось еще только одно средство для обузданія жадности спекулян-

¹⁾ Arch. Nat. A. D., XI, 40.

²⁾ Декларация 27-го апрѣля 1709 года предписывала визитацію и опись наличнаго хлѣба въ складахъ частныхъ лицъ и общинъ. Декларация 7-го мая того же года учредила комиссаровъ для этого дѣла, предоставивъ имъ право входить въ двери складовъ, описывать въ отсутствіи хозяина, конспектировать въ случаѣ нарушенія ордонансовъ хлѣбъ и продавать его на рынкѣ. Они должны были заставлять снабжать рынки и для этого распределять хлѣбовладельцевъ между рынками, назначая количество хлѣба, которое должно быть доставляемо туда каждымъ изъ нихъ. Декларация 20-го іюня 1709 г. предписываетъ всѣмъ безъ изъятія сдѣлать декларацию количества собраннаго хлѣба черезъ 8 дней послѣ жатвы. Постановленіе совѣта 2-го апрѣля 1709 г. заявляло, что король осведомленъ, „что вслѣдствіе жадности нѣкоторыхъ купцовъ и негоціантовъ перейдена справедливая мѣра помощи, которую одѣи провинціи могли бы оказать другимъ“ (on a excédé la juste mesure de secours que certaines provinces pouvoient fournir à d'autres), и предписываетъ, что всѣ, желающіе купить хлѣбъ для вывоза въ другія провинціи, должны подавать интенданту заявленіе, который опредѣлитъ количество, дозволенное къ погрузкѣ. Arch. Nat. A. D. XI, 38 и коллекц. Нац. Библиот. F., 3444, f. a. 27.

товъ и земледѣльцевъ: это — конфисковать весь наличный хлѣбъ и продавать его за счетъ правительства; но это было фактически невозможно. Къ тому же съ наступленіемъ революціи у него выпала власть изъ рукъ, и онъ лишился прежней возможности руководить условіями хлѣбной торговли.

Съ наступленіемъ революціи къ путаницѣ, вызванной въ положеніи хлѣбной торговли нэккеровскими распоряженіями, противорѣчившими законамъ и возбуждавшими народную подозрительность, присоединяется паденіе центральной власти, открывшее дорогу анархіи. Распоряженія муниципалитетовъ и комитетовъ замѣщаютъ собою распоряженія центрального правительства; разнообразіе и противорѣчіе ихъ сдѣлали путаницу невообразимою. Дальше мы увидимъ, какъ распоряжались хлѣбной торговлей мѣстныя власти.

Другимъ условіемъ, видоизмѣнившимъ съ наступленіемъ революціи дѣятельность генераль-контролера, было появленіе на сценѣ представителей сословій. Неограниченныя никакою программой дѣятельности, они входятъ иногда даже въ детальныя вопросы хлѣбной торговли; Нэккеръ долженъ былъ считаться съ ихъ мнѣніемъ и въ концѣ концовъ преклониться предъ нимъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ представители сословій были расположены къ свободѣ хлѣбной торговли. Относительно вывоза хлѣба большинство держалось взгляда, что его допускать не слѣдуетъ при наличныхъ условіяхъ; но что касается внутренней торговли, взгляды были весьма разнообразны. Не имѣя возможности войти въ разборъ ихъ, скажемъ только, что въ учредительномъ собраніи встрѣчались приверженцы самыхъ отсталыхъ взглядовъ. Всѣхъ перещеголялъ въ этомъ отношеніи Парижъ. Привыкнувъ кормиться дешевымъ хлѣбомъ на счетъ Франціи, третье сословіе столицы требовало въ наказѣ, данномъ депутатамъ, чтобы не только вывозъ былъ строжайше запрещенъ, но чтобы прекращена была свободная циркуляція хлѣба между провинціями, только чтобы ввозъ хлѣба во Францію былъ всегда свободенъ. Наказъ Медона требуетъ, чтобы каждый земледѣлецъ былъ обязанъ доставлять свѣдѣнія о количествѣ собраннаго хлѣба въ снопахъ, въ кадушкахъ (bottes) и въ мѣхъ, а также и о проданномъ количествѣ въ теченіе каждаго мѣсяца. Наказъ Реймса требуетъ строжайшаго преслѣдованія скупщиковъ, „этой язвы государства“, и т. д. Интересно, что Барреръ и другіе будущіе террористы сильнѣе другихъ декламировали противъ скупщиковъ и требовали суровыхъ мѣръ противъ нихъ. Барреръ требовалъ, чтобы хлѣбные спекулянты были объявлены внѣ

закона: „мы найдемъ,—говорилъ онъ,—средства, чтобы напугать монополию и ободрить торговлю“. Онъ требовалъ свободы циркуляціи хлѣба и въ то же время одобрялъ обыски (requisitions), предписанные нѣкоторыми интендантами. Это были понятія о свободѣ хлѣбной торговли Людовика XIV, мѣропріятія котораго якобинцы чуть ли не копировали впоследствии.

Какъ бы тамъ ни было, большинство Учредительнаго Собранія склонялось къ идеямъ Тюрго по отношенію къ внутренней хлѣбной торговлѣ. Интересуясь вопросомъ о продовольствіи, Собраніе учредило (іюнь 1789 года) „продовольственный комитетъ“ (Comité des subsistances). Настроеніе большинства этого комитета обозначилось тѣмъ, что Дюпонъ-де-Немуръ избранъ былъ его докладчикомъ.

Для разъясненія своимъ товарищамъ хлѣбнаго законодательства онъ составилъ и напечаталъ *Analyse historique de la législation des grains depuis 1699, à la quelle on a donné la forme d'un rapport à l'Assemblée Nationale (Paris, 1789)*. Сдѣлавъ очеркъ законодательства о хлѣбной торговлѣ, авторъ въ концѣ излагаетъ идеи, которыя должны лечь въ основу новыхъ законовъ.

Нэкеръ понималъ, что онъ долженъ считаться съ мнѣніями сторонниковъ свободы хлѣбной торговли и почувствовалъ потребность оправдать свою дѣятельность по продовольственной части. Онъ составилъ (*Memoire instructif*) „Объяснительную записку“, которая была издана при *Journal de Paris* въ началѣ іюля мѣсяца. Въ этомъ документѣ онъ снимаетъ съ правительства отвѣтственность за стѣсненіе циркуляціи хлѣба. Онъ ей всегда покровительствовалъ; въ послѣдствіяхъ, предметомъ которыхъ была хлѣбная торговля, виноваты парламенты и мѣстныя власти, которыя были возбуждены народными воплями. На сколько были близки къ правдѣ эти заявленія Нэкера, видно изъ вышеприведенныхъ нами фактовъ. Онъ выставилъ далѣе въ этой „Запискѣ“ широкія продовольственныя мѣры, имъ принятыя. По его словамъ, онъ обезпечилъ за собою за границей 1.404.463 кенталовъ хлѣба, изъ коихъ 800.000 уже прибыло во Францію. Онъ объяснялъ дороговизну тѣмъ, что „въ 1787 году Франція отдалась хлѣбной торговлѣ съ большею энергіей, чѣмъ когда либо, и что поэтому значительное количество хлѣба было вывезено за границу“. Онъ не могъ не указать и на скупщиковъ, какъ на причину дороговизны, хотя и дѣлаетъ это осторожно, чѣмъ прежде въ ноябрьскомъ и апрѣльскомъ постановленіяхъ королевскаго совѣта. „Скупничество есть главная причина, которой народъ (*multitude*) припи-

сываетъ дороговизну¹⁾, —говорить Нэккеръ,— „и въ самомъ дѣлѣ часто можно было жаловаться на жадность спекулянтовъ¹⁾).

Если Нэккеръ своею „Объяснительною запискою“ искалъ оправданія своихъ мѣръ сторонниками Тюрго, то онъ не достигъ своей цѣли; если публикаціей ея онъ старался усилить свою популярность, то это ему, пожалуй, удалось, по крайней мѣрѣ у парижскаго народа, хотя и не надолго; но что его „Объяснительная записка“ могла пугать население Франціи и особенно „жадныхъ“ земледѣльцевъ и хлѣботорговцевъ, это несомнѣнно. Кричать во всеуслышаніе о полномъ недостаткѣ хлѣба и о жадности спекуляторовъ вообще неудобно, а при тогдашнихъ условіяхъ это было просто-таки опасно. Юнгъ говоритъ, что онъ собственными глазами видѣлъ эффектъ, произведенный изданіемъ „Объяснительной записки“: немедленно обозначилось огромное возвышеніе цѣны. На рынкѣ въ Нанжи хлѣбъ продавался отъ 38 до 43 л. за сетье; на слѣдующій день 1-го іюля онъ стоилъ 49 л.; еще день спустя въ Куломбѣ полиція таксировала хлѣбъ въ 4 л. 5 s. и 4 л. 6 s. за 25 ф.; но такъ какъ по этой цѣнѣ фермеры не хотѣли везти на рынокъ, то они продавали у себя на мѣстѣ по 5¹/₂ и даже по 6 л. за 25 ф., то-есть, 75 л. за сетье. Возвышеніе цѣны въ Нанжи было на 11 л. на сетье въ теченіе 14 дней (то-есть, болѣе 25 %), а въ Куломбѣ это вздорожаніе было еще сильнѣе. Замѣтимъ, что эти рынки находятся неподалеку отъ столицы, для которой Нэккеръ сдѣлалъ такіе огромные запасы²⁾).

„Объяснительная записка“ не избавила Нэккера отъ неудовольствія видѣть порицаніе своей системы со стороны Учредительнаго Собранія. Послѣ длинныхъ и запутанныхъ преній оно издало 29-го августа 1789 года постановленіе, которымъ, запрещая вывозъ хлѣба за границу, объявляло свободу внутренней хлѣбной торговли. Пренія о хлѣбной торговлѣ касались трехъ пунктовъ: предложенія объявить оскорбленіемъ націи посягательство на циркуляцію хлѣба, запретить вывозъ его и позволить, и даже предписать, внутреннюю

¹⁾ „Memoire instructif“ напечатанъ въ приложеніи къ номеру отъ 10-го іюля 1789 г. *Journal de Paris*. За невѣдѣніемъ его подъ руками мы его цитируемъ по *Биоллѣ* (Pacte de Famine, p. 249) и по *Юнгу* (Voyages en France, t. II, pp. 335 и 340). По всей вѣроятности, раньше онъ появился въ видѣ оціональнаго изданія, ибо Юнгъ относитъ его публикацію къ концу іюля.

²⁾ *Arth. Jung, Voyages, t. II, pp. 335 и 336.*

циркуляцію хлѣба. Читая протоколы преній, можно замѣтить, что нѣкоторые депутаты (изъ участвовавшихъ въ преніяхъ) не знали существующихъ хлѣбныхъ законовъ, напримѣръ, о каботажѣ. Результатомъ преній было постановленіе слѣдующаго содержанія: „Національное Собраніе, принимая во вниманіе, что государство состоитъ не изъ различныхъ обществъ, чуждыхъ другъ другу, а тѣмъ менѣе непріятельскихъ..., что нельзя было бы сопротивляться движенію хлѣба (изъ мѣстъ, гдѣ онъ дешевле, въ мѣста, гдѣ онъ дороже), не произнося настоящей проскрипціи противъ провинцій, которыя испытываютъ недостатокъ въ немъ, что ничто такъ не противно законамъ королевства, которые вотъ уже 26 лѣтъ постоянно предписывали, чтобы ни въ какомъ случаѣ и никакимъ способомъ не было чинимо препятствій транспортировкѣ хлѣба изъ одной провинціи въ другую и изъ кантона въ кантонъ, что слѣдовательно необходимо обезпечить исполненіе этихъ законовъ и позволить циркуляцію зерна и муки,—единственнаго средства уравнить распредѣленіе и цѣну продовольствія,—подъ охраною (sauve garde) націи и короля, повелѣло и повелѣваетъ:

I. Чтобы существующіе законы, предписывающіе свободную циркуляцію зерна и муки изъ одной провинціи въ другую, изъ города въ городъ, изъ мѣстечка въ мѣстечко и изъ деревни въ деревню, исполнялись по точному смыслу и буквѣ; касируются и уничтожаются всѣ ордонансы, приговоры и постановленія, которые изданы противно этимъ законамъ; запрещается всѣмъ судьямъ и администраторамъ, какого бы то ни было рода, издавать подобныя распоряженія подъ страхомъ преслѣдованія за оскорбленіе націи (lèse nation), запрещается также, кому бы то ни было, посягать прямо или косвенно на сказанную циркуляцію хлѣба подъ страхомъ тѣхъ же наказаній¹⁾.

„Это было,—говоритъ Біолля,—лишь подтвержденіемъ принципа, такъ какъ въ это время законы были безсильны, суды были лишены авторитета, а народъ принималъ своеволие за свободу“²⁾.

По понятнымъ причинамъ Нэккеръ не хотѣлъ обнародовать декрета 29-го августа и добивался его отміны. По всей вѣроятности, по его внушенію комитетъ докладовъ (comité des rapports) Учредительнаго Собранія совѣтовалъ послѣднему въ вопросахъ хлѣбной

¹⁾ *Moniteur Universel*, № 48, отъ 29—31 августа 1789 г. Протоколъ заведенія Національнаго Собранія отъ 29 августа.

²⁾ *Biollay*, P. de F., p. 224. „Les lois étaient sans force, les tribunaux sans autorité et le peuple prenait la licence pour la liberté“.

торговлі положитися на „мудрость министра“ (*sagesse du ministre*), но Собраніе не вняло этому совѣту и постановленіями 15-го и 19-го сентября поручило президенту просить короля обнародовать декретъ ¹⁾. Спротивляться было трудно. Парижскій хлѣбный рынокъ былъ почти пустъ; въ Монитерѣ появились статьи, обвинявшія правительство въ спекуляціяхъ на народный голодъ; впечатлѣніе этихъ статей было тѣмъ значительнѣе, что слухи на этотъ счетъ, какъ мы видѣли, ходили уже давно, а изъ приведеннаго выше показанія Юнга мы видимъ, что въ существованіе секретнаго вывоза всѣ вѣрили.

Результатомъ ходатайства президента Собранія предъ королемъ было изданіе постановленія совѣта 21-го сентября 1789 года, коимъ былъ обнародованъ декретъ Національнаго Собранія. Издавая это постановленіе, Нэккеръ далъ ему совершенно необычную форму, такъ что было явственно, что этотъ документъ исходитъ не отъ короля, а отъ Собранія ²⁾.

Какъ декретъ Собранія 29-го августа, такъ и это постановленіе было лишь подтвержденіемъ принципа; практическаго значенія оно не имѣло. Въ то время, какъ Нэккеръ и Собраніе спорили изъ-за принципа, страна не слушалась ни Нэккера, ни Собранія, и каждый городъ, каждое мѣстечко поступали по собственному усмотрѣнію, призывая на помощь тѣ средства, которыя диктовались привычками, предрасудками и узкими мѣстными интересами, не простиравшимися даже до предѣловъ провинцій, не говоря уже о цѣломъ государствѣ. Интересно то, что въ этой сумятицѣ проявилъ въ массѣ населенія полную жизненность тѣ регламенты и идеи, которые уже потеряли кредитъ въ образованныхъ сферахъ общества и, судя по многимъ распоряженіямъ правительства и послѣдному декрету Собранія, сданы были въ архивъ. Нэккеръ оказывался солидарнымъ съ массой населенія; весьма вѣроятно, что въ силу этой солидарности его распоряженія 23-го ноября 1788 г. и 23-го апрѣля 1789 г. оказали вліяніе на направленіе распоряженій мѣстныхъ властей въ 1789 и 1790 годахъ. Посмотримъ на то, что дѣлалось въ провинціи.

¹⁾ *Biollay*, I. c., p. 245.

²⁾ Въ предисловіи говорилось: „L'Assemblée Nationale convaincue, d'après le rapport qui lui a été faite par le comité des subsistances que la sûreté du peuple, relativement au besoins de première nécessité et la sécurité à cet égard... sont essentiellement attachés, en ce moment à une exécution rigoureuse de son décret du 29 août dernier a décrété et décrète“... (*Ibid.*, въ примѣчаніи).

Начальство въ Нанжи запретило покупать одному и тому же лицу болѣе двухъ буассо хлѣба въ теченіе одного и того же базара въ предупрежденіе скупки. „Я видѣлъ сегодня,—говоритъ Юнгъ,—какъ продается пшеница на базарѣ подѣ эгидой этихъ правилъ. Пикетъ драгунъ стоялъ посреди площади для предупрежденія беспорядковъ. Обыкновенно народъ спорить съ булочниками, говоря, что они запрашиваютъ цѣну выше существующей (*au dessus du cours*); отъ спора онъ доходитъ до кулаковъ, поднимаетъ бунтъ и разбѣгается, захвативъ пшеницу и печеный хлѣбъ и не заплативъ ни гроша. Это самое произошло въ Нанжи и во многихъ другихъ мѣстностяхъ; послѣдствіемъ было то, что булочники и фермеры перестали являться на рынокъ до тѣхъ поръ, пока недостача хлѣба не дошла до крайней степени и цѣна поднялась до невозможности; это увеличило зло и сдѣлало необходимою постановку солдатъ, чтобы обезпечить поставщиковъ рынка“ (*roug voleurs du marché*, 29-го іюня 1789 г.).

Въ Медонѣ полиція распорядилась, чтобы никто не смѣлъ покупать пшеницы безъ того, чтобы не взять равнаго количества ячменя (10-го іюня 1789 г.)¹⁾.

Муниципалитетъ Вурга (*Bourg*) издалъ 30-го іюля 1789 года ордонансъ, которымъ запрещалось мѣстнымъ купцамъ покупать хлѣбъ внѣ рынка и выходить на встрѣчу хлѣбу, запрещалось открывать хлѣбный рынокъ (*grenette*) раньше 11 часовъ и появляться туда купцамъ раньше этого часа; иногороднимъ купцамъ запрещалось совсѣмъ покупать хотя бы и на рынокъ, если у нихъ нѣтъ официальнаго свидѣтельства, что хлѣбъ нуженъ въ томъ мѣстѣ, откуда они явились²⁾.

Комитетъ избирателей въ Маконѣ издалъ 21-го августа 1789 года, безъ всякаго на то права, приказъ, подобный предыдущему, называя его „обезпеченіемъ свободной циркуляціи, единственнаго средства обезпечить изобиліе“³⁾.

Въ Эксѣ милиція арестовала обозъ въ 22 повозки съ хлѣбомъ, шедшій въ Марсель, подѣ предлогомъ, что этотъ хлѣбъ везутъ въ Марсель затѣмъ, чтобы провезти его оттуда обратно и взять вторично премію. Собралась толпа, вытаскала изъ домовъ двухъ купцовъ, хозяевъ этого хлѣба, волокла ихъ по улицамъ и чуть не убила; имъ спасли жизнь тѣмъ, что обоихъ посадили въ тюрьму. Офицеры ми-

¹⁾ *Joung, Voyages*, t. I, стр. 190 и 222.

²⁾ *Philibert le Duc, Histoire de la Révolution dans l'Ain (Bourg en Bresse)* 6. 8°, 1879—1884, t. I, стр. 59—60.

³⁾ *Ibidem*, стр. 98

лиціи объявили хлѣбъ конфискованнымъ въ пользу бѣдныхъ. Д'Андре торжественно освободилъ купцовъ и остановилъ раздачу хлѣба впредь до рѣшенія министра (январь 1790 г. ¹⁾).

Аресты обозовъ хлѣба или же запрещеніе увоза партій его, купленныхъ правительствомъ, стали обычнымъ явленіемъ. Къ этому присоединился еще грабежъ хлѣбныхъ партій, направлявшихся по главнымъ воднымъ путямъ для снабженія большихъ городовъ. Это явленіе стало особенно частымъ послѣ взятія Бастиліи ²⁾.

Муниципалитеты городовъ Орэ (Auray) и Ваннъ (Vannes) въ Бретани арестовали въ 1789 году хлѣбъ, пріобрѣтенный правительствомъ, и въ теченіе цѣлаго года не позволяли тронуть его съ мѣста. Даже когда правительство въ слѣдующемъ году рѣшило употребить его тамъ же, въ Бретани, для солдатъ, то все-же населеніе не позволило перевезти его изъ одного кантона въ другой ³⁾.

Муниципалитетъ Розуа (Rosoy, или, какъ его теперь зовутъ, Rozoy-en-Brîe) арестовалъ партію хлѣба одного купца, везшаго его въ Парижъ. Неккеръ приказалъ муниципалитету немедленно освободить этотъ хлѣбъ (9-го іюня 1790 г.); но это приказаніе не было исполнено. Мѣсяцъ спустя, онъ вторично повторяетъ его, вѣроятно, съ такимъ же успѣхомъ ⁴⁾.

Комитетъ избирателей Оріоля (Orléans) арестовалъ 96 кенталей хлѣба, направлявшагося въ Парижъ (29-го іюля 1789 г.), и, не смотря на всѣ приказанія, въ іюнь 1790 г. еще не возвратилъ его.

Муниципалитетъ Ларошеми взялъ въ свою пользу ¹/₄ груза, направлявшагося въ Пуату.

¹⁾ Arch. Nat. F¹¹ 221. Донсесіе d'André Неккеру отъ 31-го января 1790 г. и письмо St. Priest ему же отъ 3-го февраля 1790 г. D'André или Dandré, вѣроятно, депутатъ Учредительнаго Собранія, впоследствии генераль-директоръ полиціи, уроженецъ Экса.

²⁾ Неккеръ говоритъ: „сependant un autre genre de contrariétés était survenu pendant mon absence (іюль, 1789), le pillage des grains le long de la Seine avait été l'un des effets du relachement de l'ordre public“ (Necker, Sur l'Administration de M. Necker, p. 298).

³⁾ Arch. Nat. F^{11*} 2. Письмо Неккера муниципалитетамъ Орэ и Ванна отъ 17-го мая 1790 г.

⁴⁾ Ibidem, Письма Монтарана муниципалитету Розуа отъ 9-го іюня и 5-го іюля 1790 г. Въ письмахъ не указано, въ какой Розуа (Rosoy) адресуются они: въ Розуа-en-Brîe (около Кулонье) или же въ Розуа-sur-Serte (около Лана, въ департаментѣ Эвъ); но болѣе вѣроятно, что мы имѣемъ дѣло съ первымъ городомъ, который былъ хлѣбнымъ рынкомъ для Парижа.

Муниципалитетъ Жекса жаловался лѣтомъ 1790 года, что изъ округовъ Брессы и Вюже (Vijex) совсѣмъ не выпускаютъ къ нимъ хлѣба; еслибы Женева да муниципалитеты общинъ С. Кло и Оржеле (St. Claud, Orgelet) имъ не помогли, то они пропали бы совсѣмъ. Эти два муниципалитета составляли счастливое исключеніе по отношенію къ хлѣбной торговлѣ. Поэтому Нэккеръ благодарить ихъ за то, что они содѣйствовали снабженію хлѣбомъ Жекса и успокоили населеніе относительно этого вывоза ¹⁾.

Получая со всѣхъ сторонъ жалобы на стѣсненія хлѣбной торговли и циркуляціи хлѣба, Нэккеръ былъ безсиленъ остановить анархію, да кажется и не особенно хлопоталъ объ этомъ. Онъ выражалъ надежду, что организація департаментовъ и ихъ управленія устранить препятствія циркуляціи хлѣба ²⁾. Но эта надежда была напрасна; анархія продолжалась, а новыя департаментскія учрежденія продолжали прежнюю политику и въ свою очередь имѣли мало фактической силы, которую могли бы противопоставить самоуправству населенія. Директорія Перпиньяна, на примѣръ, самостоятельно издаетъ правила для хлѣбнаго каботажа и создаетъ ими очень стѣснительныя формальности для перевозки хлѣба. Нэккеръ ограничивается совѣтомъ отмѣнить эти правила ³⁾.

Суассонцы арестовали хлѣбъ, купленный агентами города Меца, а когда муниципалитету Суассона указали на декретъ Національнаго Собранія о свободной циркуляціи хлѣба, то онъ отвѣтилъ на это, что декретъ Собранія разрѣшаетъ не свободный вывозъ (extraction) хлѣба изъ какого либо города, а лишь свободную циркуляцію его. Обыватели же Суассона (peuple de Soissons) воспрепятствовали только вывозу хлѣба, а транзиту не мѣшали. (Это было 31-го іюля 1790 г.).

Это хитроумное толкованіе закона было доложено комитетомъ разслѣдованій (comité des recherches) Національному Собранію въ засѣданіи 23-го сентября 1790 года. Интересно, что Робеспьеръ защищалъ мѣропріятіе суассонцевъ тѣмъ соображеніемъ, что хлѣбъ, купленный въ ихъ городѣ, могъ быть увезенъ за границу, и совѣтовалъ собранію не предписывать имъ выдать купленный хлѣбъ и не преслѣдовать ихъ за нарушеніе закона, чтобы не отвлечь отъ себя

¹⁾ Arch. Nat. F¹¹* 2. Письма 9-го іюня и 5-го іюля 1790 г. муниципалитету Роуа, 16-го іюня муниципалитетамъ Жекса, С. Кло и Оржеле и Ларошеля, 25-го іюня востановленному комитету Оріоля.

²⁾ Ibidem. Отвѣтъ муниципалитету Жекса отъ 16-го іюня 1790 г.

³⁾ Ibidem. Письмо директоріи Перпиньяна отъ 21-го сентября 1790 г.

сердце суассонскаго народа. Депутатъ Релереръ энергично возсталъ противъ теоріи Робесньера, и Собраніе приняло резолюцію о прѣслѣдованіи виновныхъ въ препятствіяхъ свободному движенію хлѣба ¹⁾.

Большая часть департамента Варъ получала хлѣбъ изъ Лангдока по каналу. Муниципалитетъ Нарбонны перехватывалъ хлѣбные грузы и поставилъ Тулонъ въ такое положеніе, что, по словамъ депутата Андре, этотъ городъ въ началѣ сентября 1790 г. очутился наканунѣ голода ²⁾.

Движеніе хлѣба по Сенѣ было такъ затруднительно, что два люгера (Chasses-marées) должны были постоянно крейсировать между Гавромъ и Руаномъ, чтобы защищать хлѣбные грузы отъ захвата. Такія же затрудненія происходили на Луарѣ. Нантскій муниципалитетъ жаловался осенью 1790 года, что мѣстныя власти по теченію Луары совершенно прекратили движеніе хлѣба. Нантскіе купцы и ихъ агенты подвергались въ Орлеанѣ даже личной опасности. Муниципалитетъ Нанта просить оставить по берегамъ войска для защиты плывущихъ грузовъ. Нэккеръ находитъ эту мѣру не исполнимою; то, что сдѣлано было на Сенѣ, не находили возможнымъ сдѣлать на Луарѣ. Въ первомъ случаѣ заинтересованъ былъ Парижъ, а его боялись, на Луарѣ же интересы Парижа были второстепенными. Нѣсколькими днями позже, однако (27-го октября 1790 г.) мы встрѣчаемъ энергичный циркуляръ генераль-контролера къ директоріямъ департаментовъ Луаре, Луары и Шеры, Эндрю и Луары, Мѣна и Луары, въ которомъ, ссылаясь на тѣ же жалобы Нанта, онъ предписываетъ обезпечить свободу движенія хлѣба и предлагаетъ употребить въ дѣло милицію и войска, если убѣжденія не подѣйствуютъ. Въ этотъ же день онъ пишетъ муниципалитету Орлеана отдѣльно и требуетъ припаять мѣры къ обезпеченію циркуляціи хлѣба ³⁾.

¹⁾ Протоколъ засѣданія Національнаго Собранія отъ 23-го сентября 1790 г. *Moniteur Universel*, № 268.

²⁾ Протоколъ засѣданія Національнаго Собранія отъ 13-го сентября 1790 г., *ibid.*, № 257.

³⁾ Письмо Нэккера отъ 25-го іюня 1790 г. упоминаетъ объ охранѣ на Сенѣ. Письма Монтарана отъ 4-го и 19-го октября и циркуляръ Ламбера отъ 27-го октября 1790 г. *Arch. Nat. F¹¹* 2*. Нэккеръ вышелъ въ отставку въ началѣ сентября. (По Зибелю, 4-го или 10-го сентября 1790 г.). Отвѣтъ муниципалитету Нанта на его ходатайство объ охранѣ Луары писанъ, по всей вѣроятности, Монтараномъ въ духѣ Нэккера. Энергичный тонъ циркуляра 27-го октября 1790 г. могъ быть результатомъ и новыхъ представленій Національнаго Собранія королю о принятіи мѣръ къ тому, чтобы въ Орлеанѣ исполнялись декреты о свободѣ циркуляціи

Препятствія въ циркуляціи хлѣба, конечно, ставили въ затрудненіе главнымъ образомъ большіе города, которые не могли снабжаться мелкими, незамѣтно проходящими партіями хлѣба. Населеніе, возбужденное политическими событіями, волновалось и иногда въ дороговизнѣ и недостаткѣ хлѣба склонно было видѣть проявленіе махинацій „аристократовъ“. Поэтому хлѣбные бунты въ городахъ были въ 1789 году явленіемъ гораздо болѣе частымъ, чѣмъ прежде.

Наиболѣе чувствительны были затрудненія циркуляціи хлѣба для Парижа. Со времени взятія Бастиліи, по словамъ Неккера, начался грабежъ хлѣба вдоль по Сень. „Къ тому же нужда въ хлѣбѣ въ Нормандіи проявилась въ страшныхъ размѣрахъ, и законъ необходимости заставлялъ Руанъ и другіе города, лежащіе вдоль по Сень, арестовывать большую часть грузовъ, предназначавшихся первоначально для снабженія Парижа“¹⁾. Сосредоточеніе нѣкоторыхъ полковъ вокругъ столицы, возбуждая тревогу въ населеніи столицы, усиливало затрудненія въ ея снабженіи. Произошло волненіе 5-го октября, сопровождавшееся экспедиціей парижской толпы и національной гвардіи въ Версаль и закончившееся переселеніемъ короля въ Парижъ.

Намъ кажется, что политическія причины движенія 5-го октября 1789 года играли роль параллельную съ главной причиной экономической. Ни золото герцога Орлеанскаго, ни желаніе Лафайета произвести давленіе на правительство съ цѣлью скорѣйшаго утвержденія деклараціи правъ не могли бы вызвать этого движенія, еслибы не было двухъ фактовъ первостепенной важности: 1) дѣйствительной недостачи хлѣба, особенно чувствительной вслѣдствіе застоя въ дѣлахъ, и 2) убѣжденія парижанъ во всемогуществѣ правительства въ дѣлѣ созданія изобилія или недостачи хлѣба. Иначе и быть не могло въ городѣ, привышемъ кормиться дешевымъ хлѣбомъ, — въ городѣ, въ которомъ правительство издавна взяло на себя заботу о снабженіи населенія хлѣбомъ, и гдѣ цѣною его распоряжался полицеймейстеръ.

Справедливость этого воззрѣнія на движеніе 5-го октября подтверждается сообщеніемъ Національному Собранію, сдѣланнымъ Тарже со словъ другихъ депутатовъ, прибывшихъ изъ Парижа въ Версаль утромъ въ этотъ день и видѣвшихъ начало движенія. По ихъ сло-

---

хлѣба. Эти представленія постановлено было сдѣлать въ засѣданіи 13-го сентября 1790 г. по поводу жалобъ депутата Орлеана Саломона, что виноградари мѣшаютъ движенію хлѣба по Луарѣ и грозятъ городу большими несчастіями. *Moniteur Universel*, 1790, № 257.

¹⁾ *Necker, Sur l'Administration de M. Necker. p. 299.*

ванъ, недостача хлѣба была очень велика и броженіе сильное, и они понимали это броженіе, какъ результатъ пужды. Національное Собраніе, повидимому, раздѣляло это мнѣніе, потому что тотчасъ занялось обсужденіемъ мѣръ обезпеченія продовольствія Парижа и свободной циркуляціи хлѣба и постановило послать депутацію къ королю и просить его поддержать декретъ 29-го августа 1789 г. и принять мѣры къ обезпеченію циркуляціи.

Когда депутація парижанокъ, пришедшихъ въ Версаль, явилась въ Національное Собраніе, то ораторъ этой депутаціи Майяръ (Maillard) объявилъ, что онѣ пришли требовать хлѣба, что аристократы хотятъ морить голодомъ Парижъ и съ этой цѣлью платятъ мельникамъ деньги съ тѣмъ, чтобы они не мололи хлѣба, и требовалъ, чтобы Національное Собраніе занялось обсужденіемъ вопроса о хлѣбѣ¹⁾.

Въ Версали узнали о движеніи парижанъ довольно рано, такъ что на совѣщаніи у короля обсуждался вопросъ о томъ, что дѣлать королю: оставаться ли, или уѣхать? Разказывая объ этомъ, Нэкеръ сообщаетъ о мотивахъ, которые онъ выставилъ противъ отъѣзда короля. Главнымъ мотивомъ было то, что Парижъ, лишенный продовольственныхъ запасовъ, живущій изо дня въ день партіями хлѣба, разсыкаемыми внутри и внѣ королевства, неизбежно подвергся бы всѣмъ ужасамъ голода, еслибы при подобныхъ условіяхъ удаленіе короля и волненія, которыя были бы его результатомъ, подорвали довѣріе различныхъ агентовъ, дѣятельное посредничество которыхъ давало возможность удовлетворять лишь самыя насущныя нужды. Далѣе Нэкеръ говоритъ, что „къ чести короля надо сказать, что это соображеніе произвело на него большое впечатлѣніе“.

Такимъ образомъ депутаты, прибывшіе въ Версаль, видѣвшіе парижскія волненія, свидѣтельствуютъ, что причина ихъ лежитъ въ недостаткѣ хлѣба. Учредительное Собраніе точно также понимаетъ дѣло; на совѣщаніи у короля рѣчь идетъ опять-таки о хлѣбѣ, и соображеніями о продовольствіи Парижа рѣшается вопросъ огромной политической важности: остаться ли королю въ Версали и ждать тутъ парижанъ, или же уѣхать отъ грозившей опасности? Фактъ недостачи хлѣба и затруднительность его доставки въ Парижъ засвидѣтельствованы депутатами, самимъ Нэкеромъ, женщинами, явившимися въ Національное Собраніе, и, наконецъ, подтверждаются всѣми обстоя-

¹⁾ *Montieur Universel*, № 68. Протоколъ засѣданія.

тельствами хлѣбной торговли во Франціи вообще и условіями продовольствія Парижа въ частности.

Возстаніе 5-го октября было явленіемъ, подобнымъ тѣмъ, которыхъ опасались еще въ 1709 году по поводу затруднительности доставки хлѣба въ Парижъ изъ Шампани; о немъ говорили, какъ мы видѣли, и позднѣе, когда заходила рѣчь о продовольствіи Парижа. Тогда, доказывая необходимость продовольствовать Парижъ казенными средствами, указывали на опасность близости отъ королевской резиденціи такого огромнаго скопища людей,—и Парижъ кормили казеннымъ способомъ. Парижанъ приучили думать, что они должны составлять предметъ особыхъ заботъ правительства, что отъ него вполнѣ зависятъ, сыты ли они, или голодны. Что же непонятнаго, что теперь, когда хлѣба стало мало, когда они стали голодать,—они возстали и выдумали идти къ правительству и къ королю требовать хлѣба. То же самое происходило въ другихъ городахъ; только тамъ осаждали не короля, а ближайшее начальство.

Не сомнѣваясь въ добротѣ и благожелательности короля, народъ приписываетъ свои бѣдствія аристократамъ; онъ говоритъ про нихъ, что они нобуждаютъ мельниковъ и булочниковъ не молоть и не печь хлѣба. Въ этихъ разговорахъ мы видимъ знаменіе времени и отголосокъ рѣчей Пале-Рояля. Отъ этихъ разговоровъ до мысли *освободить* короля изъ-подъ вліянія аристократовъ было уже не далеко.

Теперь является другой вопросъ: откуда эта мысль привезти короля въ Парижъ? Разрѣшеніе его кроется уже не въ общемъ настроеніи парижской массы, а въ условіяхъ данной минуты. Тутъ надо принять въ расчетъ и дѣятельность демагоговъ, и золото агентовъ герцога Орлеанскаго, и желанія и вліяніе Лафайета. Исторія указываетъ и доказываетъ существованіе этихъ факторовъ; но какова ихъ роль? Золото ли агентовъ герцога Орлеанскаго, вліяніе ли политическихъ замисловъ Лафайета и Нэккера, сила ли рѣчей палероальскихъ ораторовъ произвели движеніе 5-го октября, или же они воспользовались этимъ движеніемъ и извлекли (не всё, а лишь нѣкоторые) извѣстные политическіе результаты? Изъ вышеизложеннаго ясно, что мы приходимъ къ послѣднему заключенію. Замѣчательно, что не изъ среды возставшихъ произнесено было слово о переселеніи короля въ Парижъ, а вице-президентомъ городской думы Вовилье въ то время, когда возставшіе еще не прибыли въ Версаль. Когда же затѣмъ народъ, провожавшій карету короля изъ Версали въ Парижъ, говорилъ, что онъ везетъ главнаго булочника и главную булочницу, то онъ

былъ въ этомъ совершенно искренень, истолковывая по своему смислу совершавшагося событія. Такимъ образомъ, мы не раздѣляемъ мысли Зибеля, что „источникъ и путеводную нить“ движенія 5-го октября „надо искать только въ совѣтѣ министровъ“ ¹⁾, а, напротивъ, полагаемъ, что главная причина его экономическая и кроется не только въ современныхъ условіяхъ продовольствія Паризжа, но и въ исторіи этихъ условій; затѣмъ слѣдуетъ поставить вліяніе политическаго настроенія эпохи, то-есть, антагонизма между привилегированными и непривилегированными классами; значенію же дѣятельности Лафайета и его партіи мы отводимъ третье мѣсто и полагаемъ его въ томъ, что они дали толкованіе этому движенію и воспользовались его результатами ²⁾.

Извиняясь передъ читателемъ за сдѣланное отступленіе, мы возвращаемся къ нашему разказу о положеніи внутренней хлѣбной торговли. Мы видѣли, что въ концѣ октября 1790 года изданъ энергическій циркуляръ, съ цѣлью подавленія препятствій движенію хлѣба. Этотъ рѣзкій поворотъ наступилъ послѣ того, какъ Нэккеръ покинулъ отель генеральнаго контроля. Циркуляръ принадлежитъ его преемнику Ламберу. Нэккеръ, какъ мы видѣли, не принималъ мѣръ къ прекращенію анархіи. Силы на это у правительства не было,— это правда; но и желанія къ тому тоже не было. По крайней мѣрѣ, мадамъ Сталь говоритъ, что, хотя у министровъ мало было средствъ противъ беспорядка, но они и ихъ не употребляли, лстя себя надеждою, что это несчастное положеніе вещей заставитъ Собраніе предоставить правительству больше власти („encore ne les employaient ils pas, se flattant que ce malheureux état des choses obligerait l'Assemblée à rendre plus de force au gouvernement“) ³⁾.

Собраніе было тоже бессильно помочь бѣдѣ, но оно настаивало, хотя и безуспѣшно, на томъ, чтобы министръ принималъ мѣры къ восстановленію свободы внутренней хлѣбной торговли. Во многихъ декретахъ въ маѣ 1790 г. оно подтвердило свой взглядъ на этотъ вопросъ и 2-го іюня, по докладу Тарже, оно объявило врагами конституціи тѣхъ, кто возбуждаетъ народъ къ посягательству на собственность, тѣхъ, кто препятствуетъ движенію хлѣба, и тѣхъ, кто побуждаетъ народъ требовать регламентаціи цѣны сѣбствныхъ прина-

¹⁾ Зибель, Исторія революціи, т. I, стр. 80.

²⁾ На что указалъ уже Зибель. Ibid., стр. 85.

³⁾ *Considérations sur la Revolution Française. Biollay, P. de F.*, стр. 247.

совъ. Эти взгляды шли въ разрѣзъ со взглядами Нэккера на хлѣбную торговлю, и косвенно онъ быть причисленъ къ врагамъ конституціи.

Въ инструкціяхъ, данныхъ 12-го августа 1790 г., Учредительное Собраніе включило въ число истинъ, которыя административныя учрежденія должны особенно усердно распространять, принципы, которые оно приняло окончательно. „Продовольствіе, — говорило оно, — можетъ быть поддержано лишь свободой внутренняго движенія (хлѣба); препятствія, чинимыя послѣднему, не преминуть, если не совсѣмъ заставитъ его скрыться, то во всякомъ случаѣ вызвать его крайнюю рѣдкость (gareté) и дороговизну“¹⁾. Эти объявленія были осужденіемъ Нэккеровой системы.

Не довольствуясь провозглашеніемъ принципа, Національное Собраніе, еще съ октября 1789 года, требовало отъ министерства, чтобы оно сообщило ему о мѣрахъ, которыя могли бы обезпечить его примѣненіе. Въ отвѣтъ на такія требованія правительство жаловалось обыкновенно на непослушаніе агентовъ, на упадокъ духа судовъ и заявляло, что оно не можетъ принять на себя отвѣтственности за положеніе вещей, въ которомъ „тщетно искали бы мира и субординаціи“. Никакихъ опредѣленныхъ предложеній оно не дѣлало; въ его арсеналѣ таковыхъ не было, потому что Нэккеръ еще до начала анархіи израсходовалъ всѣ мѣры, которыя полагались по его системѣ. Программы у него не было, какъ не было ея и по крупнымъ политическимъ вопросамъ²⁾.

Собраніе оставило безъ разсмотрѣнія мемуаръ, представленный Нэккеромъ, о положеніи продовольственнаго дѣла и предписало ему сообразоваться въ дѣлѣ продовольствія съ принципами Тюрго³⁾. Это было уже слишкомъ много для Нэккера; это для него равнозначительно было самоотреченію. Онъ вышелъ въ отставку (сент. 1790 г.), когда представленный имъ одинъ проектъ налога былъ отвергнутъ Собраніемъ. Побѣдивъ Тюрго въ 1776 году, теперь, 15 лѣтъ спустя, онъ былъ побѣжденъ его идеями. Отставка его прошла незамѣченной. На сколько онъ былъ популяренъ въ началѣ дѣятельности Учредительнаго Собранія, на столько его авторитетъ сталъ ничтоженъ, когда съ нимъ познакомились поближе. Въ публикѣ его популяр-

¹⁾ *Biollay*, p. 246. *Moniteur*, V, p. 656.

²⁾ *Biollay*, p. 247. Онъ говоритъ, что тактика Нэккера была въ томъ, чтобы только винить положеніе вещей, но не предлагать никакихъ опредѣленныхъ мѣръ. Это справедливо, но только отчасти.

³⁾ *Biollay*, *Pacte de Famine*, p. 247.

ность тоже пропала, и не только потому, что она въ сущности была мало основательна, но и потому, что событія опередили его.

Теоретически паденіе Нэккера обозначаетъ торжество сторонниковъ свободы хлѣбной торговли надъ приверженцами регламентаціи и опеки. Исполнительная власть послѣ Нэккера дѣйствуетъ согласно съ направлениемъ первыхъ. Мы видѣли циркуляръ Ламбера по поводу обезпеченія свободы движенія хлѣба по Луарѣ. Въ тотъ же день (14-го октября 1790 г.) онъ издалъ другой циркуляръ директоріямъ всѣхъ департаментовъ, за исключеніемъ Корсики и Парижа, въ которомъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ организованы департаменты, „его величество обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторые изъ нихъ позволили себѣ посягать на свободу внутренней торговли и старались отграничить себя отъ остальнаго государства“. Далѣе разъясняется вредъ стѣсненія движенія хлѣба и необходимость поддержки однихъ провинцій другими. Министръ въ то же время успокоиваетъ мѣстныя власти указаніемъ, что, двигаясь, хлѣбъ не уйдетъ за границу, такъ какъ внѣшняя торговля остановлена. Но онъ не зарекается навсегда отъ разрѣшенія вывоза хлѣба за границу; для регулированія внѣшней торговли,—говоритъ онъ,—нужны данныя объ урожаяхъ и цѣнахъ, а потому онъ проситъ департаменты, по примѣру прежняго времени, доставлять ему эти свѣдѣнія ¹⁾.

Этотъ циркуляръ свидѣтельствуетъ, что новый министръ исполнилъ желаніе Національнаго Собранія и рекомендовалъ мѣстнымъ властямъ тѣ истины, пропаганды которыхъ оно требовало постановленіемъ 12-го августа 1790 года. Но можно съ увѣренностью сказать что и этотъ циркуляръ исполнялся нисколько не лучше, чѣмъ другія распоряженія правительства, если не принимать въ расчетъ того, что лучший урожай 1790 года и пониженіе цѣнъ на хлѣбъ умѣрили вообще ретивость мѣстныхъ властей по части стѣсненій хлѣбной торговли. Какъ бы въ отвѣтъ на провозглашаемыя министромъ истины департаментъ Финистере потребовалъ, чтобы военные и морскіе поставщики не смѣли покупать хлѣбъ ближе 12 лье отъ Бреста. Министръ отвѣтилъ, что такого требованія 50 лѣтъ не бывало; но, вѣдь, многое изъ того, что проявилось въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, не показывало признаковъ жизни чуть не съ начала столѣтія.

Это послѣдній документъ ²⁾, который намъ довелось читать и

¹⁾ Arch. Nat. F^{11*}. 2.

²⁾ Письмо отъ 24-го декабря 1790 г. Arch. Nat. F^{11*} 2.

которымъ оканчивается второй фоліантъ переписки Монтарана по хлѣбной части. Мы здѣсь остановились въ нашей работѣ. Это не значитъ, что дальнѣйшая эпоха не привлекаетъ нашего интереса. Нѣтъ, напротивъ, она имѣетъ большой интересъ; но разъ *надо* остановиться, то надо это сдѣлать на рубежѣ. Съ 1789 года начинается новая эпоха; она будетъ новою и для хлѣбной торговли. Старыя воззрѣнія, привычки и предрасудки воспрянули снова и дали сраженіе воззрѣніямъ новымъ. Сначала, казалось, послѣднія проиграли битву; но на самомъ дѣлѣ это было не такъ: идеи новыя относительно хлѣбной торговли восторжествовали въ революціонную эпоху и проникли въ концѣ концовъ глубже въ общественное сознаніе, не смотря на то, что на сторонѣ опеки были такія личности, какъ Наполеонъ I.

Эта переходная эпоха очень интересна въ разсужденіи хлѣбной торговли, и мы надѣемся, что намъ суждено еще ей заняться впоследствии.

Г. Асманасовъ.

РУКОПИСИ СЪ ВИЗАНТІЙСКИМИ МИНИАТЮРАМИ ВЪ БИБЛІОТЕКАХЪ ВЕНЕЦІИ, МИЛАНА И ФЛОРЕНЦІИ.

Библиотеки св. Марка и монастыря св. Лазаря въ Венеціи обладаютъ множествомъ рукописей съ византійскими миниатюрами; въ первой онѣ имѣются въ греческихъ, а во второй—въ армянскихъ рукописяхъ. Въ настоящей запискѣ мы дадимъ описаніе только нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе интересныхъ и мало извѣстныхъ.

Вліяніе византійскаго искусства въ періодъ вторичнаго процвѣтанія его (IX—XII вв.), какъ извѣстно, было весьма сильно на искусство какъ запада, такъ и востока—того времени; на востокѣ встрѣчаемся съ нимъ въ искусствѣ Россіи, Грузіи, Арменіи. Вліяніе на искусство послѣдней было, однако, еще и раньше, какъ свидѣтельствуемъ о томъ бесѣда о допущеніи образовъ въ церкви—въ рукописи мон. св. Лазаря въ Венеціи, относимой Гарегяномъ къ концу VI вѣка, а Стржиговскимъ къ половинѣ VIII вѣка¹⁾. Въ бесѣдѣ предложенъ рядъ вопросовъ со стороны иконоборцевъ и отвѣтовъ защитниковъ иконъ. „Въ христіанскихъ церквахъ и капеллахъ мучениковъ мы видимъ изображенія св. Григорія, его страданій и добродѣтелей, св. первомученика Стефана, блаженную дѣву Гаяну и Рипсимію вмѣстѣ съ подругами, и побѣдоносныхъ мучениковъ“. Иконоборцы возражаютъ, что этотъ обычай въ древности былъ не извѣстенъ, и это только царь Папъ ввелъ его изъ Греціи. Отвѣтъ: „Каждому ясно, что вы лжете, потому что до сегодняшнаго дня никто въ Арменіи не умѣлъ исполнять изображеній, изображенія (образы) принесены отъ грековъ, отъ которыхъ мы имѣемъ все вообще...“ (Strzygowski, I. с. 77).

Эти мѣста бесѣды ясно свидѣтельствуютъ о художественномъ

---

¹⁾ Byzantinische Denkmäler. I. Das Etschmiadzin-Evangeliar. Wien, 1891, p. 77.

вліяніи Византіи на Арменію. Въ извѣстныхъ армянскихъ рукописяхъ мы встрѣчаемся съ нимъ въ IX вѣкѣ и затѣмъ во множествѣ памятниковъ до XVII вѣка ¹⁾.

Библиотека монастыря св. Лазаря владѣетъ тремя замѣчательными рукописями отъ IX, X, XI вѣка, въ миниатюрахъ которыхъ это вліяніе виѣ всякаго сомнѣнія.

Первая рукопись—Евангеліе, № 1400 (0,34 X, 0,45 т.); самый текстъ содержитъ въ настоящее время лишь двѣ миниатюры—изображеніе св. Луки и Іоанна, остальные миниатюры—ев. Матѳея, Маркъ, каноны и евангельскія событія вырваны изъ текста и переплетены въ особую книгу. Это и дало поводъ Стржиговскому считать текстъ съ двумя миниатюрами и одніѣ миниатюры за двѣ отдѣльныя рукописи и выставятъ первую, какъ образецъ бѣдности армянскаго искусства въ X вѣкѣ ²⁾. Тогда какъ здѣсь ни объ армянскомъ искусствѣ, ни о его бѣдности и рѣчи не можетъ быть.

Въ связи съ вырванными миниатюрами данное евангеліе представляетъ лучшій образецъ византійскихъ миниатюръ эпохи послѣ иконоборства и можетъ быть поставлено лишь на ряду съ Четверо-евангеліемъ Императорской Публичной Библиотеки № 21 и также какъ послѣднее отнесено къ VIII—IX вѣку ³⁾. Каждая миниатюра и здѣсь представляетъ отдѣльную картину въ простой голубой рамкѣ, или въ рамкѣ, украшенной растительнымъ орнаментомъ. Фигуры крупныхъ размѣровъ и также напоминаютъ рукопись Космы Индикоплова (въ Ватиканѣ); одна изъ ея миниатюръ (деисусъ) даже какъ бы сдѣлана по образцу послѣдней рукописи.

Каноны роскошно орнаментированы и писаны какъ миниатюры—

¹⁾ Это вліяніе касалось главнымъ образомъ иконографическихъ образовъ; въ орнаментѣ же должно видѣть и другія вліянія и самостоятельную работу. Рукописи XIV—XV в. представляютъ наибольшій интересъ для исторіи христіанской иконографіи, такъ какъ въ нихъ только главнымъ образомъ и встрѣчаемъ иконографическія изображенія и нѣкоторое самостоятельное развитіе ихъ (См. лучшіе образцы въ Библии мов. Лазаря, Библия 1418 г., № 280 и Еванг. 1428 г., № 942); во множествѣ же остальныхъ памятниковъ первенствующую роль играетъ орнаментъ.

²⁾ См. *Byzantinische Denkmäler*, p. 76—77.

³⁾ *И. П. Кондаковъ*. Исторія византійскаго искусства стр. 131. Рого де Флери, пользовавшійся этой рукописью, относитъ ее, не извѣстно почему, къ 770 году. Почтенный о. Леонъ Аламанъ, благодаря любезности втораго я свободно пользовался рукописями, а также его указаніями на даты, никакой подобной даты не находить въ рукописи.

золотомъ съ красками. Какъ мотивъ орнаментаціи—павлины по сторонамъ сосуда, аисты и др. птицы. Контуры тѣла у фигуръ дѣлаются черной линіей, тѣни на одеждахъ кладутся сильныя и тою же черной краскою.

Евангелисты даны въ обычной характеристикѣ ихъ. *Маркъ*—въ задумчивой позѣ сидитъ и держитъ на колѣняхъ книгу; предъ нимъ столъ съ письменными принадлежностями; волосы его черные, но въ оконечности и завиткахъ красные; красные волосы есть и въ черной бородѣ.

Ев. Матвей—миниатюра сильно попорчена; онъ также представленъ въ задумчивомъ положеніи.

Ев. Лука ¹⁾—средняго возраста, съ коричневыми волосами; лицо и тѣло бронзово-краснаго цвѣта.

Ев. Иоаннъ—съ продолговатой головой, съ взъерзылымъ лбомъ, съ длинными волосами (съ зеленою).

На золотомъ фонѣ, во весь ростъ, почти въ величину листа рукописи, даны изображенія Христа въ центрѣ и по сторонамъ Іоанна Предтечи и Богородицы (деисусъ). Христосъ, одѣтый въ пурпурный хитонъ и голубой гиматій, благословляетъ правою рукою именованно, и въ лѣвой держитъ гиматій; волосы у него черноватые и характеристика ихъ, какъ и бороды, дана вполне византійская.

Вполнѣ византійскій типъ Христа Вседержителя данъ и въ слѣдующей миниатюрѣ, гдѣ онъ представленъ сидящимъ въ медальонѣ съ золотымъ фономъ; въ лѣвой рукѣ Христосъ держитъ Евангеліе, а правой благословляетъ. Въ миниатюрѣ этой удивительна только странная посадка Христа и неестественное положеніе правой руки, что, однако, скорѣе можно объяснить позднѣйшимъ размалевываніемъ миниатюры, тѣмъ армянскимъ происхожденіемъ ея, какъ полагаетъ Стржиговскій.

Кромѣ отдѣльныхъ изображеній евангелистовъ, въ рукописи еще имѣется листъ, на которомъ всѣ евангелисты соединены, представленны каждый въ отдѣльной рамкѣ.

Изъ евангельскихъ событій даны въ миниатюрахъ: 1) Благовѣщеніе, 2) Рождество Христово ²⁾, 3) Срѣтеніе, 4) Крещеніе Христово, 5) Преображеніе.

¹⁾ О ЛОКАС. Всѣ изображенія имѣютъ греческія надписи; это—кромѣ того и армянскую.

²⁾ Переводомъ данъ я облянъ отцу Леону Алишану, которому и приношу за это благодарность.

Срѣтеніе дано въ обычной композиціи; Іосифъ держитъ голубковъ, пророчица Анна со свиткомъ.

Въ Крещеніи—Христосъ стоитъ совершенно нагой въ зеленоватой водѣ, дѣлая правой рукой жестъ неизменословнаго благословенія. На одномъ берегу стоитъ Іоаннъ Предтеча, положившій правую руку на голову Христа, а на другомъ—два ангела съ покрытыми руками.

Композиція Преображенія отличается монументальностью и прекрасно передаетъ торжественность событія. На трехъ возвышеніяхъ горы стоятъ: Христосъ со свиткомъ и благословляющій, Ілія (старецъ) и Моисей. Отъ Христа исходятъ во всѣ стороны лучи и падаютъ на трехъ Апостоловъ, находящихся у подошвы горы. Петръ—прекрасная, типичная фигура, стоитъ, преклонивъ колѣни, обращаясь ко Христу.

Вторая рукопись—евангеліе 902, № 1144—составлявшая даръ царицы земли Ардирунъ, жены Какика монастырю Вараку, близъ Вана.

Оно открывается канонами, украшеніе которыхъ довольно своеобразно и, быть можетъ,—продуктъ мѣстнаго вліянія. Орнаментъ, украшающій арки, состоитъ изъ стебля съ двумя парами листьевъ сверху; цвѣта листьевъ мѣняются: то всѣ голубые, обведенные по концамъ бѣлою краской, то всѣ зеленые; одну вѣтвь отъ другой отдѣляютъ два розовыхъ листа. Въ фронтонахъ изображены крокодилы, птицы, рыбы, инфузоріи, раки. На двухъ фронтонахъ голубая полоса съ бѣлыми линиями на заднемъ фонѣ представляетъ озеро, въ которомъ лодка съ охотящимися людьми; въ одномъ фронтонѣ по сторонамъ сосуда съ цвѣткомъ стоитъ по барсу, положивъ переднюю лапу на сосудъ.

Замѣчательную миниатюру даетъ листъ, слѣдующій за канонами. На немъ представлено во весь листъ—Вознесеніе, въ весьма оригинальной композиціи, повторяющей, очевидно, какой-нибудь древній оригиналъ—византійскій. Внизу группа: Богородица посреди съ воздѣтыми руками; на ней пурпурный хитонъ и мафорій съ золотымъ крестомъ на груди. По обѣимъ сторонамъ ея по шести Апостоловъ, изъ которыхъ два обращаются въ ея сторону, наклонившись,—это, вѣроятно, Петръ и Павелъ; они простираютъ впередъ покрытыя гиматіемъ руки. Типы ихъ не переданы; у нихъ красное лицо, какъ и у всѣхъ старцевъ на этой миниатюрѣ, зеленые волосы, въ которыхъ сѣдина сдѣлана бѣлыми точками. У юныхъ Апостоловъ желтые волосы съ зелеными тѣнями. Волосы сдѣланы небрежно, отдѣльными

штрихами; небрежность выполненіи замѣтна и во всей миниатюрѣ, но въ то же время ширина и свобода рисунка.

Вверху въ голубомъ ореолѣ, усыпанномъ по концамъ золотыми звѣздами и несомомъ двумя ангелами, сидитъ на престолѣ съ золотымъ подножіемъ, одѣтый въ пурпурный хитонъ и гиматій, Иисусъ Христосъ. Правую рукой онъ благословляетъ, а въ лѣвой держитъ золотой свитокъ. Его нимбъ, какъ и Богородицы—золотой; всѣ же Апостолы и ангелы по образцу древнехристіанскихъ изображеній—безъ нимбовъ. По сторонамъ Христа стоятъ по одному ангелу—длинная, стройная фигура, съ курчавыми коричневыми волосами, повязанными бѣлою повязкой; они одѣты въ пышные костюмы—въ бѣлую рубашку, обшитую по низу и по шеѣ золотомъ широкой каймой и въ пурпурный гиматій съ золотымъ табліономъ; на ногахъ красные сапожки. Одною рукой они придерживаются золотого полукруга у ореола, въ которомъ заключенъ Христосъ, а въ другой держатъ длинное тонкое мѣрило; крылья ихъ темнозеленаго цвѣта. Ангелы эти имѣютъ весьма близкое сходство съ ангелами равеннскихъ мозаикъ.

Предъ каждымъ евангеліемъ имѣется изображеніе евангелиста, но они даны въ совершенно необычныхъ типахъ. Два первыхъ представлены сидящими въ задумчивой позѣ; подставкой, на которой лежить евангеліе, служить у одного туловище животного, а у другого—орла. Въмѣсто зданій, изображаемыхъ по сторонамъ, розовый съ пятнами пологъ, прикрывающій голубой фонъ. Лица евангелистовъ краснаго цвѣта. Изображенія заключены въ рамки, украшенные орнаментомъ, подражающимъ драгоценнымъ камнямъ. Краски слишкомъ пестры и нужно полагать, что эти два евангелиста, какъ и два слѣдующихъ стоящихъ—дѣланы по другимъ образцамъ, не византійскимъ, или, быть можетъ, вѣрнѣе сказать, что послѣдніе подъ мѣстными вліяніями сильно измѣнены каллиграфомъ.

Третья рукопись—евангеліе № 887, 1007 года, писанное въ Адрианоуполѣ, въ царствованіе греческаго императора Василія II ¹⁾.

Открывается евангеліе канонами, украшеніе которыхъ, однако, принадлежитъ или позднему времени, или туземному художнику. Грубая колонна съ кружками, размалеванная кое-какъ красками блѣднаго цвѣта, и даже птицы, павлины, но совершенно дѣтской работы. Совершенно другой работы и вполнѣ византійской—слѣдующія изображенія, сдѣланныя въ величину листа рукописи.

¹⁾ Изданы у Флери, *L'évangile*, I, pl. IV, 2, и XI, 3.

1. Четыре евангелиста—по два на листъ; они даны въ обычныхъ типахъ, но стоящими во весь ростъ и держащими евангелія, на которыхъ написано по-гречески начало cadaго ¹⁾). Всѣ они одѣты въ голубой хитонъ и желтый гиматій. Нимбы золотые и обведены краской. Сѣдина у Матвоя и Іоанна сдѣлана голубою краской.

2 Слѣдующая миниатюра представляетъ Богородицу, сидящую на престолѣ съ подножіемъ, украшеннымъ драгоценными камнями, и держащую на лѣвой рукѣ Христа-младенца; она одѣта въ голубой хитонъ и пурпурный мафорій; типъ ея близокъ къ тому, что находимъ въ мозаикѣ св. Марка въ Венеціи, надъ главною западною дверью.

3. Богородицѣ подносятъ Евангеліе изображенный на другомъ листѣ протоспаварій, въ кирасѣ желтаго цвѣта на красномъ длинномъ хитонѣ съ вырѣзками по подолу и полосами желтаго цвѣта. Подъ краснымъ хитономъ голубая рубашка, черезъ правую руку переѣшивается гиматій; на ногахъ желтые сапожки; на головѣ шапочка въ родѣ повязки изъ лентъ.

Соскобленная надъ изображеніемъ надпись возобновлена: Θ ΚΕ-
 Θ   Λ   Τ   Τ
 ΒΟΝΤΟΝ ΣΟΝ ΔΟΥ ΦΩΛΙΣΤΡΑ.

Хотя данная миниатюра сдѣлана и не съ такимъ блескомъ и роскошью, какъ миниатюра въ Псалтыри Марціаны № 17 съ изображеніемъ Императора Василія II Болгаробойцы, однако и она представляетъ интересъ и значеніе наряду съ ней для исторіи византійскаго костюма.

Въ Библіотекѣ св. Марка мы встрѣтили рукопись XI в., содержащую тропари, пѣсни и Псалтырь и украшенную нѣсколькими миниатюрами ²⁾). Миниатюры небольшія, но довольно изящной работы. Композиціи отличаются живостью, ясностью; фигуры даны въ довольно естественныхъ позахъ, движеніяхъ; рисункъ хотя нѣсколько небреженъ, но хорошо очерченъ; также хорошо обрисованы оконечности. Краски самыя свѣтлыя—розовая, голубая, зеленая, красная и золотая, которыми украшается фонъ и нимбы.

Псалтырь открывается тремя выходными листами (л. 50—52). На первомъ изъ нихъ, подъ аркой, поддерживаемой двумя коринтскими колоннами, представлена стоящая Богородица и держащая на ру-

¹⁾ Имя cadaго Апостола также обозначено греческими буквами.

²⁾ Cl. II, cod. CXII, in 8° (Trisagium et troparia, seu potius orationes recitandae in singulis Psalterii Cathismatibus etc.). На стр. 43 интересна молитва Леона деспота. Рукопись не упоминается въ Исторіи виз. иск. Н. П. Кондакова.

кахъ Христа-младенца; на ней темно-голубой хитонъ и темно-красный мафорій и красныя сапожки. Надпись по сторонамъ изображенія: ΜΡ ΘΥ Ι̅ ΚΥΡΙΩΤΙΣΣΑ.

На второмъ листѣ представлена гора, покрытая растительностью; у подошвы ручеекъ, изъ котораго пьютъ воду нѣсколько овецъ. На вершинѣ горы сидитъ юный Давидъ (ὁ Δαβὶδ) въ короткой рубашкѣ съ короткими рукавами зеленого цвѣта, въ сапожкахъ и, держа въ лѣвой рукѣ четырехъ-угольную арфу, перебираетъ по ея струнамъ. Рядомъ съ нимъ, прикасаясь къ его плечу, сидитъ юная женская фигура (πῶεος=πτῶεος) съ длинными волосами, прикрытая гиматіемъ такимъ образомъ, что большая часть ея груди открыта.

На третьемъ листѣ изображенъ пророкъ Давидъ уже сѣдымъ, въ коронѣ, въ длинномъ красномъ хитонѣ и голубомъ гиматіи, застегнутомъ фибулой у шеи, сидящимъ на креслѣ подъ аркой купольнаго храма и пишущимъ на свиткѣ, который онъ держитъ въ рукѣ.

Псалтирь оканчивается апокрифическимъ псалмомъ, и далѣе слѣдуютъ пѣснопѣнія.

Передъ пѣсней Моисея на исходѣ (φθῆ Μουσαῖος ἐν τῇ ἀξόδῳ) на листѣ 318 изображенъ одинъ моментъ изъ перехода евреевъ черезъ Черное море. Представлено бѣлоголубоватое море, по которому плыветъ колесница со стоящимъ на ней Фараономъ; въ водѣ кромѣ того еще видна одна плывущая фигура. На берегу стоитъ Моисей — прекрасная фигура юноши съ жезломъ въ правой рукѣ, касающимся воды, въ голубомъ хитонѣ и блѣдно-розовомъ гиматіи. Фигура его напоминаетъ юнаго Христа въ живописи древне-христіанскихъ катакомбъ и въ скульптурѣ саркофаговъ. Позади его стоитъ группа Израильтянъ—фигуры меньшаго роста, чѣмъ Моисей, и только три видны на переднемъ планѣ, остальные даны въ перспективѣ.

На л. 341 предъ φθῆ τῆς ἀγίας Θεοτόκου Μαρίας ἐν τῇ ἀκοῦσῃ τοῦ ἀγγέλου—внутри квадрата, заключеннаго въ рамку съ цвѣточнымъ орнаментомъ изображено Цѣлованіе Маріи и Елисаветы. Онѣ стоятъ обнявшись между двухъ зданій.

Заставною буквой служатъ двѣ фигуры — ангела благовѣствующаго и Маріи.

Перехожу къ Амвросіанской и Лаврентіанской бібліотекамъ ¹⁾.

¹⁾ Въ своей замѣткѣ я указываю лишь на рукописи, которыя не описаны въ книгѣ прое. *Кондакова*: „Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миниатюрамъ греческихъ рукописей“. Одесса. 1875. Италіанскія бібліотеки со времени выхода въ свѣтъ этой книги пополнились новыми приобретениями византійскихъ рукописей.

Древнѣйшая рукопись, которую мнѣ пришлось встрѣтить въ Амвросіанской Библіотекѣ—это Псалтырь, X—XI вѣка (M. 54, Sup.). Она имѣетъ всего лишь двѣ выходные миниатюры, но прекрасной, изящной работы, полной техническаго умѣнья и сноровки; цвѣтъ нагаго тѣла въ фигурахъ—коричневато-розовый; краски блестящія, свѣтлыя, съ преобладаніемъ голубой и розовой.

Обѣ миниатюры представляютъ Давида, но въ различныхъ типахъ и при различной обстановкѣ. Въ первой онъ изображенъ юношей съ курчавыми волосами, въ длинной голубой рубашкѣ и розовомъ гиматіи, красиво лежащемъ на лѣвомъ плечѣ; сидя на вышинѣ горн, онъ играетъ на четырехугольной арфѣ, а возлѣ него, касаясь его плеча, стоитъ красивая женская фигура также съ курчавыми каштановыми волосами, въ голубой рубашкѣ съ короткими рукавами и розовомъ гиматіи, лежащемъ на лѣвомъ плечѣ. Это, вѣроятно, олицетвореніе мелодіи, или эхо—спутники обычные Давида, когда онъ, какъ здѣсь, паса стада (гора, на которой онъ сидитъ, спускается къ рѣкѣ, у которой пасутся козы) занимается игрою на арфѣ. Въ такой обстановкѣ и въ сопровожденіи такой же фигуры онъ представленъ, наиримѣръ, въ Псалтыри Ватиканской Библіотеки, №№ 139, 381¹⁾ и въ описываемой мною — Марціановской Библіотеки (Cl. II, cod. CXIII), гдѣ женская фигура названа—*πρωτοκ.*

Во второй миниатюрѣ Давидъ уже представленъ старцемъ царемъ; голову его съ сѣдыми волосами (бѣлыя съ зелеными) покрываетъ корона; одѣтъ въ красный хитонъ и голубой гиматій, застегнутый у шеи фибулой; сидя на креслѣ предъ столомъ съ письменными принадлежностями и съ прикрѣпленнымъ къ нему аналогомъ съ папкою, имѣющей видъ дельфина, онъ, нагнувшись, пишетъ на свиткѣ, который держитъ предъ собою. Позади его, какъ бы диктуя ему, стоитъ, касаясь его плеча, женская фигура съ курчавыми каштановыми волосами, въ зеленомъ платьѣ и розовомъ гиматіи, спускающимся съ лѣваго плеча; это, вѣроятно, олицетвореніе вдохновенія. Въ весьма сходномъ типѣ, но безъ сопровожденія олицетворенія представленъ Давидъ въ той же рукописи Марціани, о которой мы упомянули выше.

Обѣ миниатюры заключены въ четырехугольныя рамки съ аркою, поддерживаемою двумя коринтскими колоннами; верхъ рамки украшенъ фонтаномъ, по сторонамъ котораго аисты, павлины; фонъ рамокъ, и колонны, и арки—золотые.

¹⁾ *Кондаковъ*, указ. соч., стр. 117, 164.

Данная рукопись вмѣстѣ съ Марціановской входятъ непосредственно въ ту среду рукописей Псалтыри, которыя появляются во вторичную эпоху процвѣтанія византійскаго искусства ¹⁾.

Къ этому же періоду относится вторая рукопись той же библиотеки—Гомиліи Іоанна Златоуста ²⁾, сочиненія котораго, какъ извѣстно, именно въ эту эпоху (XI—XII вѣка) пользовались особеннымъ почитаніемъ.

Рукопись имѣетъ одну только, но весьма интересную, миниатюру, подобной которой мы не встрѣтили въ описаніи четырехъ извѣстныхъ намъ кодексовъ Гомилій у профессора Кондакова ³⁾.

Миниатюра представляетъ Іоанна Златоуста, сидящаго въ высокомъ креслѣ и пишущаго на длинномъ свиткѣ, который лежитъ на стоящемъ предъ нимъ аналоѣ. На свитокъ исходитъ лучъ отъ благословляющей руки Христа, который изображенъ вверху, въ голубомъ небѣ, по грудь, въ красномъ хитонѣ и голубомъ гиматіѣ. Позади кресла сидящаго Святителя, у зданія съ террасою и растущимъ на немъ деревомъ, стоитъ Апостолъ Павелъ (прекрасная типичная фигура) и смотритъ на свитокъ. Изъ конца этого свитка выходитъ голубая вода и льется въ видѣ ручья, изъ котораго пьютъ пять стоящихъ на колѣняхъ святителей; а выше ихъ, въ отдаленіи, стоитъ группа слушателей изъ святителей, монаховъ. Символъ ученія святителя въ видѣ рѣки, изъ которой пьютъ поучающіеся, очевидно,—отголосокъ древне-христіанской символики ученія Христова въ видѣ источника, изъ котораго пьютъ олени, голубки и т. п. (напр., въ мозаикахъ Равенны).

Пониже аналоя стоитъ на колѣняхъ человекъ средняго роста—восточнаго типа, съ черными волосами и небольшою бородкой—и простираетъ впередъ въ молитвѣ руки; фигура сдѣлана весьма живая и, быть можетъ, портретная.

Типъ самого Святителя: обычная: продолговатое тонкое лицо, съ большимъ лбомъ, небольшими, но живыми глазами, небольшими волосами на головѣ и рѣдкою бородкой.

Три рукописи той же библиотеки—четвероевангелія не представляютъ особеннаго интереса; онѣ всѣ довольно поздняго времени—XIII—XIV вѣка и миниатюры ихъ уже характеризуютъ упадокъ ви-

¹⁾ Кондаковъ, Ист. виз. иск. Опис. Псалтыри Ватиканск., Барберинск. и др., стр. 153—167.

²⁾ А. 172; membr. 4°.

³⁾ Ист. виз. иск., стр. 258—259.

зантійскаго искусства; онѣ относятся къ разряду тѣхъ лицевыхъ евангелій, которыхъ, какъ замѣчаетъ профессоръ Кондаковъ, особенно много въ Италіи. Миниатюры ихъ даютъ лишь изображенія однихъ евангелистовъ и при томъ въ характеристикѣ, весьма далекой отъ лучшихъ образцовъ.

Первая рукопись (J. 61 Supl.) сохранила изображеніе всѣхъ четырехъ евангелистовъ; они давы на голубомъ фонѣ, съ темнокоричневыми нимбами. Матеей—старецъ, въ сѣдинѣ котораго, а равно и въ лицѣ довольно много зеленыхъ тѣней; крошечныя губы и прищуренные глаза, маленькій, искривленный носъ; пишетъ на книгѣ, которая у него на колѣняхъ; на аналоѣ также книга. Позади за нимъ слитная масса зданій въ родѣ тѣхъ, что встрѣчаются такъ часто на русскихъ иконахъ XV—XVI вѣв. Евангелистъ Іоаннъ также представленъ старцемъ, со вздымнымъ лбомъ; одежда на немъ (равно и евангелистъ Маркъ) вся голубая; онъ обернулся въ ту сторону, гдѣ сверху изъ лучей выходитъ благословляющая десница.

Вторая рукопись (B. 62) имѣетъ только изображенія евангелистовъ Марка и Іоанна. Послѣдній представленъ на голубомъ фонѣ, стоящимъ во весь ростъ и держащимъ обѣими руками Евангеліе, въ которое онъ, наклонивъ голову, смотритъ.

Третья рукопись (E. 63 Supl.) также имѣетъ изображенія только двухъ евангелистовъ—Матеея и Луки, но сохранилось лучше лишь одно—Луки.

Въ Лаврентіанской библіотекѣ, мы встрѣтили двѣ рукописи. Первая—Библия (Plut. VI, cod. 36; in 8° maj), содержащая весь новый завѣтъ, за исключеніемъ Апокалипсиса, а затѣмъ Псалтырь съ пѣснями; она была вывезена съ востока Фердинандомъ III, герцогомъ Тосканскимъ и подарена имъ Бандини.

Миниатюры писаны на золотомъ фонѣ свѣтлыми красками, но лица фигуръ отличаются бѣдностью; складки одеждъ неестественно нагромождены зигзагами; рукопись поэтому скорѣе можетъ быть отнесена къ XII вѣку, чѣмъ XI. Она открывається канонами Евсевія, украшенными незатѣйливыми орнаментомъ; поверхъ колоннъ, имѣющихъ видъ простыхъ столбиковъ, лежитъ квадратъ или арка, въ которыхъ заключены цвѣтки; поверхъ арки, въ центрѣ, цвѣтокъ, или сосудъ, по сторонамъ которыхъ стоятъ или павлины, или лисицы, обезьяны и т. п.

Предъ началомъ каждаго Евангелія слѣдуетъ изображеніе евангелиста. Типы евангелистовъ представлены въ обычномъ видѣ, хотя

нелзя не отмѣтить того, что имъ придаѣтъ нѣсколько восточный отпечатокъ. Евангелистъ Матеей — съ довольно продолговатою головою, сѣдymi волосами и съ длинною бородою въ завиткахъ. Евангелистъ Лука — почти юноша съ курчавыми волосами, въ восточныхъ завиткахъ. Евангелистъ Іоаннъ — старецъ съ широкимъ взъывлымъ лбомъ, пепельно сѣдыми волосами; сидя въ креслѣ и нагнувшись, онъ смотритъ въ полуоткрытое евангеліе, которое держитъ предъ собою. По обѣимъ сторонамъ евангелистовъ высокія зданія, имѣющія купола и такимъ образомъ, вѣроятно, представляющія церковь.

Начало каждаго Евангелія сопровождается также продолговатымъ квадратомъ съ растительнымъ орнаментомъ и въ центрѣ, въ медальонѣ, изображеніемъ Христа, предъ Евангеліемъ Марка и Луки — въ историческомъ типѣ, а предъ Евангеліемъ Матеея и Іоанна — въ типѣ Еммануила.

Изображеніе Христа Еммануила весьма рѣдко среди евангельскихъ миниатюръ, а самый типъ его весьма интересенъ для христіанской иконографіи; поэтому скажемъ немного объ немъ.

Христіанское искусство въ своемъ ходѣ развитія отмѣтило въ образѣ Христа, сообразно догматическимъ ученіямъ или религіознымъ направленіямъ времени, множество сторонъ; такъ, мы имѣемъ иконографію Христа, какъ добраго пастыря, какъ Спасителя міра, какъ св. Софіи — Слова Божія и т. д. Каждый изъ этихъ образовъ характеризуемъ художественно особыми чертами; въ образѣ Добраго Пастыря искусство отмѣтило Христа, пекущагося о спасеніи всѣхъ людей, усвоивъ ему фигуру юнаго пастуха, сидящаго среди пасущихся овецъ, или несущаго на плечахъ заблудшую овцу; въ образѣ Спасителя-Христа евангельскаго, искупившаго міръ отъ первороднаго грѣха, усвоивъ ему мужественный идеальный типъ; въ образѣ св. Софіи — второе лицо св. Троицы, принесшее божественное ученіе людямъ, усвоивъ ему фигуру ангела, вѣстника. Что-же выразило искусство въ образѣ Еммануила? Оно выразило въ немъ идею о Христѣ Предвѣчномъ, вѣчно рожденномъ Словѣ Божіемъ, усвоивъ ему юный ангельскій обликъ — символъ вѣчной юности.

Древне-христіанское искусство, какъ извѣстно, преимущественно предпочитало этотъ юный образъ его и мы видимъ, въ живописи катакомбъ, на саркофагахъ, пьесидахъ, диптихахъ и др. памятникахъ Христа въ различныхъ событіяхъ изъ его жизни — крещеніи, совершеніи чудесъ, когда, по Евангелію, онъ перешелъ уже тридцатилѣтній возрастъ, именно въ этомъ юношественномъ образѣ.

Извѣстно, что этотъ образъ Христа смѣняется типомъ историческаго характера, то-есть, въ пожиломъ возрастѣ, съ бородою и длинными волосами, лишь въ IV вѣкѣ, но не окончательно, и въ V—VI столѣтїи онъ встрѣчается наряду съ послѣднимъ. Въ миниатюрахъ сирійскаго евангелія и въ мозаикахъ Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ замѣчается стремленіе къ типу историческому: въ сценахъ земной жизни послѣ Тайной Вечери онъ представляется въ пожиломъ возрастѣ, съ легкою или полною бородкой.

Позже, въ памятникахъ византійскаго искусства, мы не встрѣчаемъ юношественнаго типа Христа въ сценахъ исполненія имъ своей миссии; онъ сохраняется лишь для сценъ, въ которыхъ Христосъ выступаетъ отрокомъ и для того символическаго образа, который извѣстенъ подъ именемъ „Еммануила“ ¹⁾. Названіе это основано на извѣстномъ пророчествѣ Исаи: „се, дѣва во чревѣ приметъ и родить сына и нарекутъ имя ему: *Еммануилъ*, что значить: съ нами Богъ“ (Исаи VII, 14), которое всѣ отцы церкви, вслѣдъ за Евангелистомъ Матеемъ, относятъ именно къ Христу, рожденному отъ Приснодѣвы Маріи.

Уже въ памятникахъ древне-христіанскаго искусства мы замѣчаемъ выдѣленіе этого образа, Еммануила, изъ среды другихъ юношественныхъ образовъ Христа. Такъ, очевидно, съ символическимъ значеніемъ Христа Предвѣчнаго, Слова Божія, равносушаго Богу отцу, создавшаго міръ и ставшаго, сошедши на землю, плотію, онъ данъ на саркофагахъ Алжирскаго музея, Юлія Басса, Латеранскаго музея, гдѣ представленъ красивымъ юношей, съ длинными волосами, спускающимися за плечи, сидящимъ на престолѣ со свиткомъ—ученіемъ, которое онъ принесъ на землю и опираясь ногами на землю, міръ ²⁾, который онъ создалъ, ибо, какъ учитъ апостолъ Павелъ, Христосъ есть „образъ Бога невидимаго, рожденный прежде всякой твари. Ибо имъ создано все, что на небесахъ, и что на землѣ—

¹⁾ Юношественный образъ Христа встрѣчаемъ также въ сценахъ ветхаго завета, гдѣ онъ изображенъ вѣсто Бога Отца, наприимѣръ, въ мозаикахъ собора св. Марка въ Венеціи; подъ византійскимъ вліяніемъ въ этихъ-же сценахъ находимъ юношественный образъ Христа въ памятникахъ западнаго происхожденія, наприимѣръ, въ барельевахъ капителей кафедр Пармскаго собора, работы Антелони (1178 г.), что нынѣ въ музей Пармы.

²⁾ Такъ мы понимаемъ колоссальную человѣческую голову, голову старца, юноши, съ покрывалами надъ ними — въ видѣ небесной сферы, находящаяся на упомянутыхъ памятникахъ. См. рис. у Garrucci, Storia dell'arte cristiana. Prato, 1878; V, 321, 3; 322, 2; 323, 4.

видимое и невидимое⁴ (Посл. къ Колос. I, 15). Съ такимъ же значеніемъ представленъ Христосъ въ мозаикѣ церкви св. Виталія въ Равеннѣ, въ абсидѣ, сидящій на сферѣ, его юношественное лицо идеально красиво, длинныя каштановыя волосы красиво спадаютъ съ головы за плечи; одѣтый въ пурпурный хитонъ и гиматій, онъ держитъ въ лѣвой рукѣ свитокъ, запечатанный семью печатями—подробность, внесенная въ изображеніе, очевидно, подѣ влияніемъ Апокалипсиса (V, I), а правой подаетъ мученическій вѣнецъ св. Виталію; нимбъ, окружающій его голову, какъ и у Христа Вседержителя, раздѣленъ перекрестіемъ—указаніе на предвѣчное опредѣленіе ему искупительной смерти¹).

Чаще всего встрѣчаемся съ изображеніемъ юнаго Христа и именно Еммануила, въ сценѣ — его бесѣдѣ съ книжниками, гдѣ представляется также со свиткомъ, въ кресчатомъ нимбѣ. Эта сцена, какъ извѣстно, съ IX—X вѣка вошла въ иллюстраціи Миней на 1-е сентября, и въ двухъ извѣстныхъ намъ случаяхъ мы находимъ ее съ интересными подробностями. Въ грузинской Миней Сіонскаго собора (въ Тифлисѣ), XI вѣка, юный Христосъ, какъ и въ мозаикѣ церкви св. Виталія, представленъ сидящимъ на сферѣ, а въ святцахъ при евангеліи Ватиканской Библіотеки, № 1156, XII²)—юный Христосъ сидитъ предъ полукруглымъ столомъ, на которомъ лежитъ *книга съ семью печатями*.

Съ отдѣльнымъ образомъ Христа Еммануила встрѣчаемся и въ росписи церквей. Такъ, въ мозаикѣ церкви св. Марка въ Венеціи, X вѣка, на стѣнѣ лѣваго боковаго нефа, онъ изображенъ какъ бы въ голубомъ звѣздномъ небѣ, стоящимъ на подножій, благословляющимъ и держащимъ свитокъ; по сторонамъ его стоятъ пророки, которые предсказывали о его явленіи въ міръ—Осія, Михей, Іеремія.

Яснѣе всего опредѣляетъ особенности образа, его отличительныя черты сравнительно съ образомъ Христа Вседержителя—изображеніе Еммануила въ третьемъ куполѣ того же собора, что въ главной абсидѣ.

Изображеніе въ центральномъ куполѣ Христа вознесшагося сопровождается въ барабанѣ Богородицей — церковью земной, и двѣ-

¹) Ср. интересныя изображенія юнаго Христа, сидящаго также на сферѣ, дающаго вѣнцы Петру и Павлу, благословляющаго вдовицу, которая кладетъ ленту — на покрывшя Евангелія изъ слоновой кости Миланскаго собора. Garrucci, VI, 455.

²) *Кондаковъ*, Исторія визант. искусства, стр. 217.

наддателью апостолами — представителями и основателями ея; а въ парусахъ — четырьмя евангелистами, какъ лицами историческими, написавшими Евангеліе, ученіе и жизнь Христа. Изображеніе же въ куполѣ Христа Еммануила, держащаго въ лѣвой рукѣ свитокъ, перевитый ленточкой, а правой благословляющаго, сопровождается въ барабанѣ также Богородицей Орантой, то-есть, образомъ церкви земной, но вмѣстѣ и Приснодѣвой, родившей Его, Предвѣчное Слово, Еммануила, о которомъ пророчествовали идущіе по сторонамъ ея въ томъ-же барабанѣ пророки: Давидъ, Соломонъ, Малахія, Исаія со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, а правою указывающій вверхъ, на Еммануила, что особенно интересно въ данномъ случаѣ; а въ парусахъ — символами евангелистовъ, на значеніе которыхъ здѣсь ясно указываетъ надпись надъ ними: „De cristo dicta figuris his aperire datur et in his Deus ipse notatur quae os (?) sub obscuris“.

Изображеніе Еммануила вошло, какъ свидѣтельствуешь ерминія, въ обычную роспись храма: „между евангелистами, въ верхней части арокъ, говорится въ ней, напиши: на востокъ нерукотворенный образъ, противъ него святую чашу; направо Иисуса Христа, держащаго Евангеліе и говорящаго: „Азъ есмь лоза виноградная, вы же вѣтви“, налѣво Еммануила, держащаго свитокъ съ слѣдующими словами: „Духъ Господень на мнѣ, Егоже ради помаза мя“¹⁾. Это предписаніе, очевидно, основано на памятникахъ поздняго времени. Какъ мы видѣли, Еммануилъ изображенъ въ церкви св. Марка, въ мозаикѣ XI вѣка,—въ куполѣ; въ мозаикахъ XI вѣка онъ изображенъ былъ дѣйствительно въ верхней части арокъ главнаго купола въ соборѣ св. Софійи Кіевской, но напротивъ него былъ образъ Богородицы; во фрескахъ XII вѣка церкви Спаса въ Переднихъ, близъ Новгорода, въ данныхъ мѣстахъ помѣщены на востокъ и западъ нерукотворенные образы, а на сѣверъ и югъ—Іоакимъ и Анна; — Еммануилъ же въ лункѣ, образуемой алтарнымъ сводомъ и триумфальною аркой; въ мозаикахъ XII вѣка собора Монреале онъ помѣщенъ въ абсидѣ боковаго проѣзда.

Въ миниатюрахъ рукописей находимъ Еммануила, насколько намъ пока извѣстно, впервые въ рукописи Евангелія библ. св. Марка въ Венеціи, XI вѣка, № 540, на выходномъ листѣ, предъ началомъ Евангелій. Онъ представленъ въ голубой мандорлѣ, составленной изъ пяти концентрическихъ круговъ, сидящимъ на радугѣ и держащимъ

¹⁾ *Didron*, Manuel d'Iconographie chrét., p. 424.

въ лѣвой рукѣ длинный открытый свитокъ съ надписью, а правую приподнимающій, какъ бы въ бесѣдѣ, вверхъ; его голову съ каштановыми волосами, спадающими двумя косами за плечи, окружаетъ нимбъ, раздѣленный крестомъ, а по сторонамъ его надпись: IC XC. По четыремъ сторонамъ мандорлы—символы евангелистовъ; а внизу, внѣ ея, пророки Исаія и Іезекиль съ открытыми свитками ¹⁾. На 2-мъ выходномъ листѣ Христосъ уже въ историческомъ типѣ благословляетъ четырехъ апостоловъ, преклонившихся предъ нимъ. Въ миниатюрѣ евангелія XII—XIII вѣка, принадлежавшаго еп. Порфирию, Еммануилъ изображенъ сидящимъ на престолѣ, благословляющимъ, вокругъ его крещатаго нимба идетъ надпись: IC XC ЕМАНУВИЛ ²⁾. Этой надписью вполне подтверждается названіе, усвоенное юношественному образу Христа съ тѣми чертами, о которыхъ мы говорили раньше.

Въ миниатюрѣ армянскаго евангелія XII вѣка, библ. св. Лазаря въ Венеціи (№ 1635) изображеніе Еммануила помѣщено въ верху квадрата, украшающаго папону, со свернутымъ свиткомъ, крещатымъ нимбомъ; и какъ иллюстрація къ ст. 10, гл. IV евангелиста Луки—въ медальонѣ, поддерживаемомъ птицей.

Итакъ, какъ мы видѣли, существуютъ различныя изображенія Еммануила; представляютъ его въ юномъ образѣ, 1) во весь ростъ, съ большими волосами, спадающими за плечи, съ крещатымъ нимбомъ, съ закрытымъ свиткомъ, запечатаннымъ семью печатами, или съ открытымъ, 2) или же по грудь, въ медальонѣ, и обыкновенно съ закрытымъ свиткомъ, съ чертами лица дѣтскаго, или отроческаго.

Послѣднее изображеніе весьма обычно на груди Богородицы Оравты (напримѣръ, въ абсидѣ церкви Спаса въ Нередицахъ и др.) въ образѣ, извѣстномъ у насъ подъ именемъ „Знаменія“ (названіе Новгородскаго происхожденія), въ Византіи—„Влахернской“, по имени Влахернитисса, начертанному на монетахъ Константина Мономаха ³⁾.

¹⁾ Параллельно этому изображенію можно поставить барельефъ на покрывкѣ изъ слоновой кости Парижской Библ., гдѣ оно почти тождественно, за исключеніемъ пророковъ. См. рис. у *Didron*, *Histoire de Dieu*, Paris. 1843, p. 273, fig. 69.

²⁾ *Прохоровъ*. Христ. Древности 1876 г., рис. къ стр. 32. Надписью-же IC XC ЕМАНУВИЛ сопровождается изображеніе ангела во ересѣ абсиды церкви Никрезы на Кавказѣ, въ Кахетин. *Gagarin*, *Le Caucase pittoresque*. Paris. 1847, pl. XLVIII, 1.

³⁾ *Гр. И. И. Толстой*. О монетахъ Константина Мономаха съ изображеніемъ Влахернской Божіей Матери. (*Зап. Изв. Русск. Арх. Общ.*, т. III).

Какъ Предвѣчное Слово, которое будетъ судить на страшномъ судѣ людей и раскроетъ свитокъ, запечатанный семью печатями, Еммануилъ изображается въ композиціи, извѣстной подъ именемъ „деисусъ“; напримѣръ, въ выходной миниатюрѣ евангелія Гелатскаго мон. XII вѣка онъ изображенъ въ медальонѣ, по грудь, со свиткомъ, по сторонамъ его въ молитвенной позѣ Богородица и Іоаннъ Предтеча, а въ двухъ боковыхъ медальонахъ—ангелы, несущіе орудія казни ¹⁾; въ этой-же композиціи, за исключеніемъ ангеловъ, онъ данъ въ барельефахъ X — XI вѣка на сѣверной наружной сторонѣ собора св. Марка въ Венеціи.

Укажемъ, наконецъ, что изображеніе Еммануила встрѣчается въ такъ называемой композиціи „ἡ σύναξις τῶν ἀρχαγγέλων“, каковая напримѣръ, дана въ мозаикѣ XI вѣка; соборъ св. Марка въ Венеціи (въ верхнемъ этажѣ праваго придѣла), гдѣ арх. Михаилъ и Гавриилъ держатъ медальонъ съ изображеніемъ Еммануила—юношескій обычный образъ по грудь какъ существа высшаго всѣхъ ангель, архангель ²⁾.

Изображеніе Еммануила въ описываемой рукописи Лаврентіанской бібліотеки, какъ мы сказали, находится предъ Евангеліемъ Матвеемъ—съ чертами лица дѣтскаго, а предъ Евангеліемъ Іоанна—юношескаго.

Евангелистъ Матвей открываетъ свое Евангеліе родословіемъ Христа отъ Авраама и вслѣдъ за нимъ, сообщивъ о рожденіи Христа, говоритъ: „все сіе произошло, да сбудется реченное Господомъ чрезъ пророка, который говоритъ“... и приводитъ пророчество Ісаии объ Еммануилѣ (Еванг. Матвее I, 22, 23). Такимъ началомъ Евангелія можно объяснить помѣщеніе предъ нимъ изображеніе Еммануила ³⁾.

Евангеліе Іоанна открывается именно словами объ этомъ Предвѣчномъ Христѣ, вѣчномъ рожденномъ Словѣ, принявшемъ плоть и обитавшемъ съ нами, то-есть, Еммануилѣ, и потому изображеніе его предъ началомъ даннаго Евангелія тѣмъ болѣе ясно и понятно.

¹⁾ См. рис. при статьѣ Н. В. Покровскаго въ *Зап. Имп. Русск. Арх. Общ.*, т. VI, табл. I.

²⁾ Въ изображеніи XIV вѣка, сообщаемого *Дидрономъ*, Еммануилу приданы крылья. *Histoire de Dieu*, p. 289, fig. 72.

³⁾ Въ армянской бібліи 1648 г. мон. св. Лазаря въ Венеціи Еммануилъ съ поклоняющимися ему съ кадилами ангелами также изображенъ предъ началомъ Еванг. Матвеея.

Еммануилъ изображенъ въ медальонѣ на золотомъ фонѣ, съ каштановыми волосами, одѣтымъ въ пурпурный хитонъ и свѣтлокоричневый гиматій, съ закрытымъ свиткомъ и благословляя.

Послѣ четырехъ Евангелій въ рукописи слѣдуютъ (съ л. 146) Дѣянія Апостольскія, имѣющія въ началѣ изображение евангелиста Луки, сидящаго въ креслѣ со свиткомъ и бесѣдующаго со стоящимъ предъ нимъ Теофиломъ.

Послание Иакова (л. 178) сопровождается погруднымъ изображеніемъ апостола въ медальонѣ; онъ съ продолговатымъ лицомъ, большими коричневыми волосами на головѣ и длинной бородой; держа свитокъ, благословляетъ именованно.

Послание Иоанна Богослова (л. 187) сопровождается весьма типичнымъ изображеніемъ евангелиста, держащаго обѣими руками книгу и смотрящаго въ нее.

Псалтырь (съ л. 275) открывается изображеніемъ пророка Давида въ видѣ юноши съ каштановыми волосами, спадающими за плечи, въ голубой рубашкѣ, въ красномъ гиматіи, застегнутомъ у шеи фибулой; сидя на вершинѣ горы и держа на колѣняхъ четырехъугольную арфу, онъ играетъ на ней.

Къ псалму 77 (л. 312) изображенъ Моисей, юношественная высокая фигура въ голубомъ хитонѣ, розовомъ гиматіи — держащій въ рукѣ свитокъ и бесѣдующій съ народомъ — группой старцевъ.

Къ псалму противъ Голіаѳа (л. 347) изображенъ въ коричневой рубашкѣ, съ гиматіемъ, закинутымъ за лѣвое плечо, юноша Давидъ, выступающій съ пращемъ противъ Голіаѳа, воина со щитомъ и копьемъ. Въ другомъ изображеніи къ тому-же псалму — Давидъ, схвативъ Голіаѳа за спину, заноситъ мечъ.

Послѣ псалтыри слѣдуютъ девять пѣсней, изъ которыхъ каждая сопровождается миниатюрой, соотвѣтствующей ея содержанію. Къ пѣснѣ 1-й (на исходъ, л. 348) изображенъ юный Моисей съ жезломъ и свиткомъ, шествующій по морю въ сопровожденіи народа. Нижняя часть миниатюры, гдѣ, очевидно, было изображено погибающее въ волнахъ войско Фараона, исчезла.

Къ той-же пѣснѣ (л. 349) — Моисей юный молится предъ небомъ въ сопровожденіи трехъ женскихъ фигуръ.

Къ пѣснѣ 2-й (л. 350) изображенъ юный молящійся Моисей.

Къ пѣснѣ 3-й (л. 351) дана пр. Анна съ развернутымъ свиткомъ, приподнимающая руку къ небу; къ 4-й прор. Аввакумъ, а къ 5-й пр. Исаія — со свитками и тоже обратившіеся къ небу.

Къ пѣснѣ 6-й изображенъ пр. Іона, обращающійся къ небу и выходящій по грудь изъ пасти кита, который изображенъ въ видѣ крылатаго чудовища. Къ пѣснѣ 7-й даны три отрока въ печи—въ обычной композиціи, каковая встрѣчается на древне-христіанскихъ саркофагахъ и во фрескахъ, напримѣръ, Кіево-Софійскаго собора: сзади отроковъ ангелъ въ одеждахъ вѣстника, возложивъ руки на головы двухъ крайнихъ изъ нихъ.

Вторая рукопись Лаврентіанской бібліотеки — четвероевангеліе (Conventi Suppressi-Badia, № 160), в. XII—XIII. Предъ Евангеліемъ два выходныхъ листа, украшенныхъ каждый отдѣльною миниатюрой въ видѣ картины въ рамкѣ.

На первомъ листѣ изображено Сошествіе Св. Духа въ весьма оригинальной композиціи, быть можетъ, копирующей древній оригиналъ. На зеленомъ полѣ, подъ аркой, опирающейся на двѣ колонны, стоятъ восемь апостоловъ съ Петромъ въ центрѣ; молодые апостолы (Тіма, Филиппъ и др.) позади, старые впереди. Съ вершины свода арки исходятъ голубые лучи на головы апостоловъ, подъ которыми сверхъ того обозначены сокращенно ихъ имена. Всѣ апостолы, какъ въ памятникахъ древне-христіанскаго искусства, представлены безъ нимбовъ, въ нѣкоторомъ оживленіи; Петръ, какъ бы благословляющій движеніемъ руки, сильно выдѣляется отъ другихъ. Нельзя не отмѣтить въ общемъ близкаго сходства даннаго перевода сценъ съ изображеніемъ въ миниатюрахъ сирійскаго евангелія, гдѣ, однако, въ центрѣ дана Богородица.

На второмъ листѣ дано изображеніе деисуса — съ Христомъ въ типѣ Вседержителя, сидящимъ на престолѣ, съ Евангеліемъ на лѣвомъ колѣнѣ и благословляющимъ, а по сторонамъ—Богородицей и Іоанномъ Предтечей въ молитвенныхъ позахъ.

Изображеніе деисуса, какъ иллюстрація къ выходному листу въ евангеліи, встрѣчается довольно часто. Оно имѣется, напримѣръ, въ рукописи съ монументальными миниатюрами армянскаго евангелія VIII — IX вѣка въ Библи. мон. св. Лазаря (№ 1400), въ еванг. Гелатскаго монастыря и др.

Предъ началомъ každого Евангелія на особомъ листѣ слѣдуетъ изображеніе евангелиста; типы ихъ представлены не обычно; они сильно отступаютъ отъ лучшихъ образцовъ—съ уродливыми позами, лицами; такъ евангелистъ Маркъ изображенъ съ сильно выдвинутымъ впередъ подбородкомъ въ какъ бы надутыми щеками; лучшая фигура изъ нихъ евангелиста Іоанна—старца (совершенно голубые волосы), сто-

ящаго у горы, съ взорами поднятыми къ небу, откуда исходятъ лучи, и диктующаго Прохору, который сидя пишетъ на свѣтѣ.

Евангеліе заканчивается двумя листами, изъ которыхъ на одномъ изображено снятіе Христа со креста: препоясанный по чреслу, съ закрытыми глазами, на крестѣ, правая его рука въ рукахъ Богородицы, а лѣвую освобождаетъ отъ гвоздей мальчикъ, стоящій на скамьѣ. Слѣва отъ креста въ печалующейся позѣ Іоаннъ; Іосифъ снимаетъ тѣло Христа. По сторонамъ креста — солнце и луна. На другомъ листѣ — явленіе Христа двумъ женамъ, въ соединеніи со сценой — ангела, сидящаго у гроба и спящихъ воиновъ.

Всѣ изображенія даны на золотомъ фонѣ, съ золотыми нимбами (у Прохора алій), писаны мутными красками, лица, испещренныя бѣлыми обліками, выглядываютъ старческими, на одеждахъ уродливья, неестественныя складки, такъ что рукопись можетъ быть отнесена къ XII—XIII вѣку.

Е. Рѣдинъ.

КЪ ВОПРОСУ О БОРЬБѢ ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ-РУСИ ЗА ГАЛИЦКО-ВЛАДИМИРСКОЕ НАСЛѢДІЕ.

Ни одна изъ древне-русскихъ земель не обращаетъ на себя такого вниманія ученыхъ, какъ Галицкая. Голый перечень трудовъ, посвященныхъ этой землѣ, можетъ показаться весьма внушительнымъ. На галицкой исторіи останавливаются съ понятнымъ вниманіемъ и русскіе (со включеніемъ галичанъ) и поляки, не обходятъ ея и иноземцы. Можетъ показаться страннымъ, но несомнѣнно послѣднимъ принадлежитъ въ данномъ случаѣ весьма видная роль: забытые теперь Энгель, Суть, Гоппе положили начало исторической обработкѣ судебъ древняго Галича, а до сихъ поръ еще не вполне усвоенные наукой Рейфенкугель и Ржезабекъ ¹⁾ пролили не мало свѣта на одинъ изъ наиболѣе темныхъ періодовъ его исторіи.

Фактъ этотъ можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ значенія и интересности судебъ Галича. Къ сожалѣнію, нельзя не сказать, что собственно русская наука занимала въ разработкѣ этихъ судебъ далеко не первое мѣсто: не она первая обратила на нихъ вниманіе, не она двигала ихъ научную разработку, ограничиваясь въ теченіе долгаго времени передачей—да и то далеко не всегда полной и точной—результатовъ работъ мѣстныхъ галицкихъ ученыхъ, главнымъ образомъ Д. И. Зубрицкаго и отчасти И. Шараневича и А. Петрушевича.

Во всякомъ случаѣ, если въ прежнее время и отсутствовали силы, то по крайней мѣрѣ было желаніе познакомиться съ галицкой исторіей. Покойный Бодянский перевелъ первый выпускъ изслѣдованія Зубрицкаго немедленно по выходѣ его въ свѣтъ на польскомъ языкѣ,

---

¹⁾ Пора бы намъ подумать объ установленіи правописанія славянскихъ именъ. Въ данной фамиліи чешское *ř* было бы всего правильнѣе передать черезъ *р*: Ръжабекъ; можно, пожалуй: Ржабекъ, но не Режабекъ.

а дальнѣйшіе выпуски переводились уже прямо съ рукописи. Издавая этотъ переводъ, Бодянский отъ имени Общества исторіи и древностей заявилъ, что оно „сочтетъ своей особенной обязанностью тотчасъ сдѣлать всѣмъ доступнымъ окончаніе этого необходимаго произведенія для каждаго, кому дорого и нужно знать дни прошедшіе и лѣта вѣчная своего народа“¹⁾. Дальнѣйшая обработка галицкой исторіи подвигалась въ нашей наукѣ очень медленно. Только въ 1860 году появилась небольшая книжка М. Смирнова, представляющая опытъ изложенія судебъ Червонной или Галицкой Руси до соединенія ея съ Польшей въ 1387 году²⁾, а въ общемъ изложеніи исторіи Руси Галичъ занялъ подобающее мѣсто лишь въ трудахъ К. Н. Бестужева-Рюмина и особенно Д. И. Иловайскаго, лично побывавшаго въ Галичинѣ и ознакомившагося тамъ со всѣми главнѣйшими произведеніями мѣстной исторической литературы. Этотъ фактъ былъ замѣченъ въ наукѣ, и его привѣтствовалъ Н. П. Дашкевичъ. Одновременно, то-есть, въ 80-хъ годахъ замѣтно оживилось у насъ научное движеніе въ области русской и особенно западно-русской исторіи. Появился рядъ новыхъ изслѣдованій, касающихся древнѣйшаго литовско-русскаго періода и исторіи отдѣльныхъ земель и областей западной Руси.

Почти всѣ эти труды носятъ скромное названіе „очерковъ“, „замѣтокъ“, почти всѣ касаются внѣшней исторіи. И это понятно: прежде всего нужно было хоть сколько нибудь расчистить почву, безъ этого по ней невозможно было бы двигаться. Путь, которымъ пошло изученіе западно-русской жизни, былъ такимъ образомъ совершенно правиленъ, но, при видимой оживленности движенія по этому пути, постоянно чувствовалась его непроторенность. Изслѣдователямъ не легко было овладѣвать матеріаломъ, тѣмъ болѣе, что матеріалъ, особенно для галицкой исторіи, очень разбросанъ; довольно трудно было слѣдить и за новыми работами, появляющимися за границей; наконецъ, выводы этихъ работъ иногда просто поражали новизной и потому плохо прививались въ наукѣ, требуя полной перестройки научнаго зданія.

Такъ, напримѣръ, уже Нарушевичъ догадывался, что Болеславъ Тройденевичъ и Юрій II—одно и то же лице, а въ 1858 году въ ко-

¹⁾ Критико-историческая повѣсть, М., 1845, стр. XXI.

²⁾ Не указываю на „Исторію юго-западной Руси отъ ея начала до половинъ XIV вѣка“, М., 1849 г., А. Клеванова, такъ какъ она представляетъ лишь пересказъ лѣтописи.

дексъ Бартошевича была напечатана грамота, документально подтверждающая это тожество; тѣмъ не менѣе и въ „Очеркъ литовскаго княжества“ В. В. Антоповича (1878 года) и даже въ „Очеркъ Волинской земли“ г. Андріяшева (1887 года, то-есть, четыре года спустя послѣ статьи Ржежабка) личность Юрія II продолжала раздвигаться.

Въ 1860 году Авг. Тейнеръ издалъ въ Римѣ первый томъ *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae* (1217—1409 гг.). Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для церковно-религіозной и отчасти даже политической жизни Галича и Волни, а также и другихъ сосѣднихъ областей. Прошло 30 лѣтъ, но мы, по крайней мѣрѣ, не знаемъ ни одного труда въ нашей ученой литературѣ, который бы сколько нибудь постарался исчерпать этотъ источникъ ¹⁾. То же можно сказать и о львовскомъ изданіи *Актовъ земскихъ и гродскихъ* (9-й томъ, которымъ закончились документы, вышелъ въ 1883 году). Наконецъ, сказали мы, новые выводы, если и воспринимались нашей наукой, то какъ-то туго, въ ней какъ будто обнаруживается болезнь этихъ выводовъ, желаніе примирить ихъ со старыми историческими представленіями. Ярче всего это обнаружилось въ нашей наукѣ въ томъ вліяніи, какое оказало на нее изслѣдованіе Ржежабка. Между нашими учеными не нашлось ни одного, кто бы захотѣлъ присвоить нашей наукѣ это блестящее изслѣдованіе посредствомъ перевода на русскій языкъ, какъ это сдѣлалъ Болыинскій съ трудомъ Зубрицкаго. Трудъ Ржежабка не былъ переведенъ, но онъ вызвалъ двѣ критическія обработки. Правда, одна изъ нихъ, г. Линиченка, такъ и не появилась въ свѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, она послужила пособіемъ для другой критической обработки изслѣдованія Ржежабка, сдѣланной г. Лонгиновымъ, которому была сообщена въ корректурѣ. Главнѣйшее, чѣмъ г. Лонгиновъ находитъ нужнымъ восполнить изслѣдованіе Ржежабка о Юріѣ II, заключается въ предположеніи о постепенномъ расширеніи его власти въ Галицко-Владимірской землѣ. Мотивировка этого восполненія такъ интересна, что мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшую выписку. „Призваніе Болеслава Тройденевича

¹⁾ Въ нѣмецкой литературѣ такой трудъ есть: *Reifeakugel, Die Gründung der römisch-katholischen Bisthümer in den Territorien Halicz und Wladimir, Arch. f. österr. Gesch.*, 1875, v. 52. Статья такого безспорнаго знатока западно-русской исторіи, какъ *К. Стадницкій* (O początkach arcybiskupstwa i biskupstw katolickich łacińskiego obrzadku na Rusi Halickiej i Wołyniu, Львовъ, 1882 г.), доказываетъ, что и онъ оказался не способнымъ усвоить новые научные выводы.

русскими на княженіе, — говоритъ г. Лонгиновъ, — могло послѣдовать около 1324 года, при томъ только въ одной Владиміро-Волинской области, тѣмъ болѣе, что, по удостовѣренію Кромера и Длугоша, при первоначальномъ занятіи Руси самъ Любартъ принужденъ былъ считаться съ природными русскими князьями; — что, когда Болеславъ хотѣлъ вступить во Львовъ, то дружина умершаго князя заперла передъ нимъ городскія ворота и согласилась признать его русскимъ княземъ лишь съ условіемъ, чтобы онъ подчинялся народной волѣ (Зиморовичъ), и что единовременное провозглашеніе его княземъ во всѣхъ обширныхъ малорусскихъ областяхъ по естественнымъ причинамъ было немислимо. Во Львовѣ мы встрѣчаемъ Болеслава Тройденовича не ранѣе 1334 года. Не задолго до того онъ и былъ провозглашенъ княземъ галицко-владимірскимъ, при дѣятельномъ, конечно, участіи своего покровителя Владислава Локотка. Словомъ, онъ сдѣлался, по моему мнѣнію, княземъ всей Малой Руси именно около того времени, когда, по убѣжденію Шараневича, Зубрицкаго и многихъ другихъ, онъ былъ первоначально призванъ на русское княженіе послѣ мнимой смерти Юрія II¹⁾.

Не явная ли это боязнь принять новый вполне ясный научный выводъ? Г. Лонгинову хотѣлось бы поставить дѣло такъ, чтобы оно согласовалось съ показаніями и Длугоша, и Кромера, и даже Зиморовича, и чтобы оно было „мыслимо“ согласно старымъ представленіямъ Зубрицкаго и Шараневича. Очень ужъ это трудная и неблагодарная задача!

И привелъ эти примѣры съ цѣлью показать, въ какомъ состояніи находится у насъ въ настоящее время общая постановка и разработка вопросовъ галицкой исторіи. Желалъ я это показать по слѣдующей причинѣ. Въ прошломъ году я принялъ посильное участіе въ этой работѣ и, понятно, заинтересованъ ея ходомъ; желалъ бы и впредь содѣйствовать ей по мѣрѣ моихъ средствъ. Въ своей книгѣ „Ворьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимірское наслѣдіе“ я старался представить опытъ систематической обработки русско-польскихъ отношеній въ XIV вѣкѣ. Скольконибудь полнаго изложенія затронутого мною періода не было, не могло быть, слѣдовательно, въ наукѣ надлежащаго понятія о его характерѣ и значеніи, а между тѣмъ никто не станетъ отрицать громадной важности въ установкѣ русско-польскихъ отношеній именно періода борьбы за Галичъ, пред-

¹⁾ Чтенія въ Общ. Ист. и Др., 1887, II, стр. 11.

ставляющаго отдѣльный, вполне замкнутый историческій эпизодъ, оказавшій рѣшительное вліяніе на дальнѣйшія взаимоотношенія обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Въ какой мѣрѣ моя работа содѣйствовала установленію правильнаго взгляда на этотъ періодъ—судить не мнѣ. Извѣстные мнѣ отзывы о моей книгѣ весьма разошлись въ своихъ окончательныхъ приговорахъ. По однимъ, мои критическіе приемы не правильны, выводы не вѣрны, книга тенденціозна¹⁾; по другимъ—результаты моей работы „крайне незначительны и не соотвѣтствуютъ потраченному на нее труду; я не оправдалъ возложенныхъ на меня надеждъ“²⁾. Наконецъ, по мнѣнію третьихъ, я сдѣлалъ „значительный и важный шагъ впередъ для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ“³⁾.

Характеръ этихъ приговоровъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что исторія Галицкой Руси и, въ частности, затронутого мною періода, еще долгое время будутъ служить богатымъ матеріаломъ для научной разработки, что еще не скоро научная пытливость успокоится на выводахъ сколько нибудь твердыхъ. Выводы эти, конечно, не придуть сами, ихъ надо доискиваться, не смущаясь трудностями и даже неудачами, памятуя правило: „кто три или даже тринадцать разъ не ошибется, тотъ не найдетъ истины“. Настоящая замѣтка и имѣетъ въ виду содѣйствовать въ поискахъ этой истины. Вотъ почему я воспользуюсь какъ замѣчаніями гг. Чучинскаго и Лисевича, такъ и замѣчаніями г. Линниченка, не столько для полемическихъ цѣлей, сколько для разъясненія спорныхъ вопросовъ галицкой исторіи XIV вѣка.

Но прежде всего считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу замѣчанія г. Чучинскаго о „тенденціозности“, конечно, не въ оправданіе себя, а для разъясненія смысла этого термина въ польскомъ отзывѣ о русской книгѣ, имѣющей отношеніе къ нѣкоторымъ не безынтереснымъ для поляковъ вопросамъ. Всѣмъ, конечно,

¹⁾ *Kwartalnik Histor*, 1891 г., I.

²⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1891, май. Это пока только аподиктическое мнѣніе г. Линниченка. Подробный разборъ моего сочиненія онъ обѣщаетъ сдѣлать въ другое время. Тогда мы и побесѣдуемъ о предметѣ, занимающемъ насъ. Теперь я могу выразить свою радость по поводу того, что такой строгій цѣнитель, какъ г. Линниченко, признаетъ за моей работой хоть малую долю значенія, но, признаюсь, крайне удивляюсь, на какомъ основаніи г. Линниченко возлагалъ на меня какія-то особенныя надежды.

³⁾ *C. Лисевичъ, Przewodn. nauk. i liter.*, 1891 г., I и II.

знакомо прекрасное 'изслѣдованіе Н. П. Барсова „Очерки русской исторической географіи“. Оно обратило на себя вниманіе не только всего русскаго ученаго міра, но и международнаго географическаго конгресса въ Парижѣ (въ 1875 г.), и выдержало у насъ два изданія. И вотъ объ этомъ изслѣдованіи солидный польскій журналъ *Ateneum* помѣстилъ, между прочимъ, такой отзывъ: „слишкомъ извѣстно, что литература и псевдоученія изслѣдованія въ извѣстныхъ случаяхъ отдаются на службу практическимъ цѣлямъ политики. Минувшая современная тому примѣры, ограничимся указаніемъ на ученыхъ пруссаковъ, которые по желанію Фридриха II издали сводъ бранденбургскихъ правъ на польское Поморье, подтвердивши ихъ подлинными и поддѣльными документами. Прусскій захватъ основанъ былъ, однако, не на этихъ документахъ, а на томъ, что Фридрихъ называлъ *ultima ratio regum*, то-есть, на силѣ. Проводя аналогію, трудно допустить, чтобы признаніе владѣнія древнихъ владимірскихъ князей по лѣвую сторону Буга основано было на специальныхъ изслѣдованіяхъ, особенно такихъ, которыя изданы въ 1873 г.“ и пр. Очевидно, что по нѣкоторымъ вопросамъ поляки не желали бы серьезно считаться съ русскою наукой. Отзывъ Чучинскаго представляетъ, собственно говоря, лишь варицію отзыва *Ateneum*'а: „Въ заключеніе,—говоритъ г. Чучинскій,—мы желали бы вкратцѣ характеризовать тотъ родъ книгъ, къ которымъ принадлежитъ работа г. Филевича. Какъ разъ недавно Московскій университетъ объявилъ конкурсъ на составленіе учебника русской исторіи съ условіемъ, чтобы въ конкурсной работѣ „было доказано на основаніи историческихъ фактовъ, что сѣверо-западный край никогда не имѣлъ ничего общаго съ Польшей и ея католическимъ господствомъ“. Кто возьметъ въ руки трудъ г. Филевича, не усумнится ни на минуту, что найдутся „объективные“ ученые, которые волюнѣ удовлетворятъ требованіямъ конкурса“. Ну, какъ же не вариція?!

Перехожу къ разсмотрѣнію спорныхъ вопросовъ. Начну со времени Юрія II. Въ изложеніи времени его княженія я волюнѣ принялъ главнѣйшій выводъ Ржежабка, но не согласенъ съ нимъ въ пониманіи политическихъ и отчасти церковныхъ отношеній Галицко-Владимірской земли. Остановлюсь теперь на попросѣ объ отношеніяхъ Юрія къ Любарту, или, точнѣе, на вопросѣ о правахъ Любарта на Волынскую землю. Прежде всего здѣсь заслуживаетъ вниманія извѣстіе такъ называемой Литовской лѣтописи о переходѣ Волынской земли къ Любарту посредствомъ брака его съ дочерью по-

слѣднаго владимірскаго князя. Извѣстіе это считается тенденціознымъ; до сихъ поръ, однако, остается неяснымъ, въ чемъ заключается его тенденціозность. Такъ какъ бракъ Любарта съ дочерью послѣднаго волынскаго Романовича не отвергается, то сомнѣнія могутъ относиться лишь ко времени, когда онъ былъ заключенъ, и къ условіямъ, какими сопровождался. Кажется, обстоятельства эти могутъ быть въ значительной степени уяснены, если принять во вниманіе политическія отношенія Галицко-Владимірскаго княжества и не игнорировать другихъ аналогій и фактовъ, какіе сюда подходят и относятся.

Въ 1325 г. заключенъ былъ союзъ между Локеткомъ и Гедиминомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, именно около этого времени послѣдовало утвержденіе Юрія II на галицко-владимірскомъ столѣ, на что отчасти указываетъ и первая его грамота. Предполагать, что власть Юрія распространилась постепенно (Лонгиновъ), или что сепаратическія стремленія разныхъ областей могли развиваться въ такой степени, что Юрію пришлось чуть не завоевывать отдѣльныя области (Линиченко),—нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній: для такихъ предположеній нѣтъ данныхъ, и въ то же время мы положительно знаемъ, что Галицкая земля до 1322 г. была объединена подъ властью Льва, а послѣ него она объединялась властью татарскихъ наместниковъ ¹⁾. Если въ 1325 г. прекращаются папскіе призывы къ крестовому походу на помощь Локетку противъ невѣрныхъ, если въ этомъ же году происходитъ союзъ Локетка и Гедимины, если, наконецъ, по сообщенію Витодурана, утвержденіе Юрія не обошлось безъ согласія хана, то, очевидно, дипломатическіе переговоры уладили дѣла не только польско-литовско-русскія, но и татарскія. Извѣстіе Витодурана о послѣдовательномъ отравленіи двухъ татарскихъ наместниковъ врядъ ли въ виду этого можетъ быть принимаемо серьезно, ибо такая продѣлка не обошлась бы галичанамъ даромъ. Съ татарами шутки плохи. Всего вѣроятнѣе, это одинъ изъ тѣхъ ненадежныхъ слуховъ, о которыхъ упоминаетъ самъ Витодуранъ. Можно думать, что утвержденіе Юрія II въ Галичѣ произошло со-

¹⁾ Вопросъ о кандидатурѣ Генриха Глоговскаго не ясенъ. Очень можетъ быть, что инициатива этой кандидатуры принадлежала Владиславу Локетку, который хотѣлъ такимъ образомъ устранить притязанія слезскихъ князей на великую Польшу (*Жаро*, II, 226); еще, пожалуй, вѣроятнѣе, что приглашеніе Генриха было дѣломъ нѣмецкихъ поселенцевъ во Львовѣ. Подобные прецеденты бывали въ исторіи сосѣдней Малой Польши. Галицкіе бояре врядъ ли имѣли здѣсь вліяніе.

вершено мирно, путемъ сѣбны ханскаго намѣстника, правившаго въ Галичѣ съ 1322 до конца 1324 г. Такому представленію хода дѣлъ противорѣчить, повидимому, одно обстоятельство—союзъ Юрія съ орденомъ. Если результатомъ дипломатическихъ сношеній Литвы и Польши, отчасти Угрии ¹⁾ было установленіе политическаго союза и улаженіе дѣлъ галицко-татарскихъ, то-есть, посаженіе Юрія на княжескомъ столѣ, то нельзя же допустить, чтобы новый ставленникъ могъ дѣйствовать прямо противъ этого союза. Но дѣло въ томъ, что грамота Юрія 1325 г. вовсе не заключаетъ въ себѣ какихъ бы то ни было обязательствъ по отношенію къ ордену. Она представляетъ лишь извѣщеніе рыцарей о вступленіи на княжескій престолъ („Ворьба Польши и Литвы—Руси“, 43), а потому и не можетъ служить аргументомъ противъ указаннаго выше объясненія политическихъ отношеній, сложившихся въ 1325 г. Нѣсколько иной характеръ имѣетъ грамота 1327 г., представляющая повтореніе грамоты князей Андрея и Льва 1316 г. ²⁾

Быть можетъ, дѣйствительно Юрій задумывалъ освободиться отъ литовской опеки и съ этой цѣлью обратился одновременно къ ордену и въ Римъ. Но тутъ-то и обнаружилась крѣпость указаннаго выше политическаго союза: галицкій князь оказался безсильнымъ измѣнить политическія отношенія, въ какія былъ поставленъ, и очень вѣроятно, что его попытка повела лишь къ большому закрѣпленію этого союза въ 1331 г., опредѣлившему окончательно галицко-владимірскія дѣла. Въ этомъ году, по показанію Длугоша, косвенно подтверждаемому Витодураномъ и Анонимомъ Леобенскимъ, былъ заключенъ бракъ Юрія съ дочерью Гедимина. Ничто не мѣшаетъ принять предположеніе Ржежабка, что въ этомъ же году Любартъ женился на дочери послѣдняго владимірскаго Романовича. Если допустить, что Любартъ по лѣтамъ могъ бы жениться при жизни Ан-

¹⁾ *Tres reges erant hostes ordinis: Lokut, rex Poloniae, Gedymin, Lithwantae paganus et rex Ungariae, Visandz, SS. gr. prus, II, 471.*

²⁾ Вообще не слѣдуетъ преувеличивать значенія этихъ грамотъ. Онѣ—единственные памятники, и потому естественно на нихъ сосредоточено вниманіе. Грамоты эти были обусловлены прежде всего торговыми интересами ордена, доставлявшими извѣстныя выгоды и Руси, отчасти, можетъ быть, не извѣстными намъ родственными отношеніями князей къ Зиггарду Шварцбурггу. Излишнее довѣріе къ этимъ грамотамъ можетъ вести къ невѣрнымъ выводамъ. Такъ Ржежабекъ на основаніи ихъ представилъ невѣрно отношенія Галича къ татарамъ, ср. *Ворьба*, 50 сл. — О родствѣ Гунтера Шварцбургга съ Сомовитомъ Добрянскимъ см. *Фойхтз*, *Cod. d. pr.*, II, № 53, ср. его же, *G. Pr.*, IV, 200.

дран, то можно съ увѣренностью полагать, что заключенію брака мѣшалъ возрастъ невѣсты, дочери Андрея, ибо въ противномъ случаѣ бракъ Любарта тогда же, то-есть, около 1325 г., былъ бы самымъ простымъ улаженіемъ галицко-волинскихъ дѣлъ; къ нему не прибѣгли только въ виду непреодолимаго препятствія, то-есть, возраста заранѣе намѣченной пары, по крайней мѣрѣ, невѣсты. Такимъ образомъ показаніе такъ называемой Литовской лѣтописи ¹⁾ дѣйствительно нѣсколько тенденціозно, если усвоить ему такой смыслъ, что Любарта принялъ къ себѣ въ зятя послѣдній владимірскій Романовичъ Андрей. Но это извѣстіе—*mutatis mutandis*, то-есть, о дочери и о самостоятельной инициативѣ владимірскаго князя,—окажется совершенно вѣрнымъ, если перенести его на время послѣдняго самостоятельнаго владимірскаго князя Юрія II. Мало того, извѣстіе это является весьма важнымъ доказательствомъ справедливости мысли о правахъ Любарта не только на Волинскую, но и на Галицкую землю („Ворьба“, 47).

Въ немъ обращаетъ на себя вниманіе опредѣленіе территорій владѣній Любарта: „а Любарта принялъ володимерскій князь къ дотце во Володимеръ и въ Лудескъ и во всю землю Волинскую“. Это послѣднее прибавленіе весьма характерно: для опредѣленія территорій будущихъ владѣній Любарта лѣтописцу показалось мало Владиміра и Лудка. Смыслъ прибавленія мы поймемъ надлежащимъ образомъ тогда, когда сопоставимъ его, напримѣръ, съ мѣстомъ волинской лѣтописи: „Телебуга же посла ко Заднѣпрѣйскимъ княземъ и ко Волянскимъ: ко Львови и Мстиславу и къ Володимѣру“ (Ип-588), или съ перечнемъ волинскихъ городовъ Воскресенской лѣтописи (VII, 240), гдѣ въ числѣ волинскихъ городовъ названы Львовъ великій, Перемишль, Галичъ, Самборъ. Также точно и извѣстное мѣсто въ житіи митрополита Петра о „Волинской землѣ, преимущей всякимъ обильствомъ и славой“, не можетъ быть относимо только къ Волинской землѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, ибо митрополитъ Петръ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ уроженецъ Жолковскаго округа ²⁾. Сказаннымъ въ значительной степени объясняются запутанныя га-

¹⁾ Было бы желательно вывести изъ употребленія этотъ неточный терминъ. Литовскія лѣтописи намъ не извѣстны, есть западно-русскія: давъ Супрасельскія (Оболенскаго и Давидовича, или, точнѣе, Одинцевича) и Слуцкая (Уваро ва-Попова)

²⁾ О галицко-русскихъ митрополитахъ, Гал. вст. сб., ч. III, пр. 6. — Такое употребленіе названія „Волинская земля“ слѣдуетъ, между прочимъ, имѣть въ виду при объясненіи военныхъ событій 1349 г.

лицко-волинскія отношенія 20-хъ годовъ XIV вѣка. Ихъ нельзя разсматривать отдѣльно отъ тѣхъ знаменательныхъ политическихъ комбинацій, какими запечатлѣны польско-литовскія отношенія при Гедиминѣ и Ловеткѣ. По отношенію къ Польшѣ и Литвѣ эти комбинаціи вполне соотвѣтствуютъ величію представителей обѣихъ державъ, по отношенію къ галицко-волинской Руси онѣ представляютъ неизбѣжное заключеніе естественнаго хода литовско-русскихъ отношеній. Предполагать возможность какихъ нибудь дѣйствій со стороны владимірскаго Андрея въ пользу мазовскаго князя, какъ это дѣлаетъ г. Линиченко, значитъ вводить не только ни на чемъ не основанное предположеніе, но и игнорировать прамыя данныя. Андрей умеръ не отъ старости, — война съ Гедиминомъ застигла его на шестомъ году княженія. Онъ оставилъ малолѣтнюю дочь, о другихъ дѣтяхъ его ничего не знаемъ. Можно думать, что и женатъ онъ былъ не особенно давно. При такихъ обстоятельствахъ очень трудно допустить заблаговременныя распоряженія на случай смерти. Какимъ образомъ всѣ эти данныя ускользнули отъ вниманія г. Линиченка ¹⁾? Это одинъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ, въ какой степени туго воспринимаются нашею наукой новые научные выводы, въ какой степени нѣкоторые наши изслѣдователи склонны суживать горизонтъ своихъ научныхъ наблюденій вмѣсто того, чтобы расширять его. Успѣшному ходу науки это ни въ какомъ отношеніи не можетъ содѣйствовать. Къ указаннымъ соображеніямъ о положеніи Любарта прибавлю еще одно замѣчаніе. Извѣстна фундушевая запись Любарта, „князя луцкаго и володимерскаго“, данная въ

¹⁾ „Извѣстіе литовской лѣтописи о передачѣ послѣднимъ волинскимъ княземъ волинскаго княженія Любарту, женатому на его дочери, отличается, — говоритъ г. Линиченко, — извѣстнаго рода тенденціозностью, хотя бракъ Любарта на дочери Андрея могъ явиться результатомъ перемирія Литвы съ Волынью послѣ военныхъ столкновеній обоихъ государствъ. Характеръ политикъ того времени заставляетъ предполагать, что если не имѣвшій мужскихъ потомковъ Андрей и дѣлалъ какія либо распоряженія на случай своей смерти, то скорѣе въ пользу племянника, сына незначительнаго мазовецкаго князя, чѣмъ въ пользу Любарта, сына могущественнаго Гедимина“, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1891, май, 152. — Мнѣніе о тенденціозности извѣстія высказано, если не ошибаюсь, впервые *Н. П. Дашкевичемъ*, *Замѣтки*, 46, пр. 2, тоже довольно неопредѣленно: „мы считаемъ это извѣстіе тенденціознымъ, если только усвоить ему тотъ смыслъ, какой придаютъ ему“. — Г. *Линиченко* повторилъ мнѣніе о тенденціозности, комментируя его предположеніемъ совершенно произвольнымъ и рѣшительно противорѣчающимъ не только всѣмъ вѣроятіямъ, но и прямымъ даннымъ.

Лудцѣ 8-го декабря 1322 г. соборной церкви Іоанна Богослова въ Лудцѣ на села Рожнице, Теремное, Вущу, Мезочъ и проч. ¹⁾). Дата грамоты допускаетъ возможность предположить, что послѣ смерти Андрея на владимірскомъ столѣ временно возсѣлъ Любарть, или, вѣрнѣе, былъ посаженъ своимъ отцомъ. Обстоятельство это не только не заключаетъ въ себѣ ничего неправдоподобнаго, но, напротивъ, объясняетъ вполне удовлетворительно судьбу владимірскаго княжескаго стола послѣ смерти Андрея. Нѣтъ рѣшительно никакихъ оснований считать вмѣстѣ съ Н. П. Дашкевичемъ указанную грамоту подложной. Она была подтверждена княземъ Александромъ, и сама по себѣ не заключаетъ ничего подозрительнаго. Господство Гедимина въ западно-русскихъ земляхъ, подготовленное предшествовавшимъ ходомъ русско-литовскихъ отношеній, утверждалось быстро и рѣшительно. Безъ всякаго сомнѣнія, и въ Галичѣ не утвердились бы татарскіе намѣстники, еслибы серьезныя обстоятельства не отозвали Гедимина въ другую сторону. Остановка въ могучемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне естественномъ ростѣ Литовско-Русскаго государства была, какъ извѣстно, очень не продолжительна, и въ 1325 году вопросъ былъ улаженъ: Галицко-Волынская земля перешла къ Юрію II, какъ наиболѣе подходящему, по обстоятельствамъ, блистателю Любартова наслѣдія. Косвенное подтвержденіе этого можно видѣть въ указываемой г. Лонгиновымъ грамотѣ, данной Кейстутомъ и Любартомъ торунскимъ купцамъ на проѣздъ черезъ Врестъ, Дрогичинъ и Меньчинъ до Лудца. Въ этой грамотѣ Любарть называетъ себя просто княземъ. Очевидно, это грамота болѣе поздняя, чѣмъ грамота 1322 г.; относится она ко времени, когда вопросъ галицко-волынской былъ улаженъ временно или окончательно, то-есть, послѣ ли 1325, или послѣ 1331 г., этого нельзя сказать, и Любарть состоялъ намѣченнымъ или призваннымъ преемникомъ Юрія II, то-есть, находился въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ и Ольгердъ въ Витебскѣ съ 1318 по 1320 г., въ промежутокъ времени между женитьбой на витебской княжѣ и смертью послѣдняго витебскаго князя. При жизни Юрія Любарть жилъ во владѣніяхъ Кейстута, въ Подляшѣ, пунктъ, дѣйствительно наиболѣе для него подходящимъ. Такъ слѣдуетъ думать на основаніи только что указанной грамоты. Послѣ смерти Юрія Любарть долженъ былъ вступить въ права наслѣдства всей Галицко-Волынской земли;

¹⁾ Арх. ш.-в. Р., ч. I, т. 6, № 1.

„овладовать“ Волинью, какъ думаетъ г. Линниченко, Любарту не было никакой надобности, потому что это владѣніе составляло его законное право, къ мысли объ этомъ давно должно было привыкнуть и населеніе и, между прочимъ, боярство, представителей котораго мы дѣйствительно увидимъ потомъ на сторонѣ Любарта. Только потому, что это законное право Любарта не могло быть, по обстоятельствамъ, осуществлено въ полномъ объемѣ, онъ и добивался его осуществленія всю свою жизнь. Это не „агрессивныя“ стремленія, а совершенно законное желаніе получить свое. Еще одинъ вопросъ, связанный съ личностью Юрія II,—вопросъ о его первоначальномъ вѣроисповѣданіи. Ржежабекъ предполагаетъ двукратную переимѣну Юріемъ вѣроисповѣданія: для полученія русскаго княжескаго стола онъ изъ католицизма перешелъ въ православіе, а потомъ въ 1327 г. вернулся опять къ прежней религіи ¹⁾. Свои разсужденія Ржежабекъ мотивируетъ до такой степени ясно и опредѣленно ²⁾, что, казалось бы, здѣсь и не можетъ быть вопроса, но г. Линниченко кажутся „довольно вѣроятными“ предположенія г. Лонгинова, что Юрій „всосалъ православіе съ молокомъ матери, православной русскаго княжны“, выражаясь точнѣе, что онъ былъ воспитанъ въ православіи съ дѣтства. „Въ доказательство тому онъ (то-есть, г. Лонгиновъ),—говоритъ г. Линниченко,—приводитъ много фактовъ, свидѣтельствующихъ о распространеніи православія при дворѣ мазовецкихъ князей еще въ XIV вѣкѣ“.

Вопросъ, конечно, интересный и важный, а потому мы приведемъ выписку изъ статьи г. Лонгинова. Вотъ какъ мотивируетъ онъ свои предположенія. „Православіе было сильно распространено при дворѣ мазовецкихъ князей еще въ XIV в. Такъ, въ актахъ 1339 г. упоминается настоятель приходской церкви св. Георгія въ Варшавѣ, гдѣ проживалъ тогда Казиміръ Мазовецкій. Въ письмѣ папы Гонорія III отъ 1221 г. на имя острагомскаго архіепископа аббатство Вышегородское названо мѣстомъ *Clorigium monachorum ab antiquo ibidem existentium*. Вышегородъ здѣсь разумѣется, вѣроятно, тотъ самый, который далъ Даниилу Романовичу Болеславъ, сынъ Конрада Мазовецкаго, когда (1240 г.) Даниилъ пришелъ въ Мазовію. Православныхъ церквей не мало насчитывалось въ XIV

¹⁾ Почему г. Линниченко приписываетъ Ржежабку мнѣніе о „троекратной переимѣнѣ Юріемъ религіи (католицизмъ, православіе, католицизмъ)“, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1891, май, 155, — постигнуть трудно.

²⁾ *Часовникъ*, 1883, I, стр. 131—134.

вѣкъ и въ глубинѣ Польши. Нарушевичъ (луцкій епископъ), дорожа историческою правдой, повѣствуетъ, что въ 1292 г. епископомъ краковскимъ состоялъ Прокопій, герба Корганъ, изъ русиновъ. Его называли владыкой. Въ Краковѣ до XV в. богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ. Лешекъ Казиміровичъ былъ похороненъ въ краковской церкви св. Троицы. Послы папскіе предлагали Данилу Романовичу короноваться въ Краковѣ. Въ Сандомірѣ была православная церковь, сожженная татарами, гдѣ въ 1211 г. погребена Аделанда, дочь Казимира Справедливаго, и Елена, дочь князя Всеволода Мстиславича Волзскаго. Въ Краковской области извѣстны шесть древле-православныхъ церквей во имя св. Климента, часть мощей котораго была взята св. Владиміромъ изъ Херсонеса. Церковь честнаго креста на Лисой горѣ, основанная Болеславомъ Храбрымъ, „reg Wladislaum secundum, Poloniae regem (Ягайло), pictura graeca exognata. *Итакъ Георгій Троиценовичъ*,—заключаетъ г. Лонгиновъ,—*крестилъ свою невесту скорѣе по православному обряду*”¹⁾. Легко замѣтить, что изъ десяти аргументовъ²⁾ въ пользу сильнаго распространенія православія при дворѣ мазовскихъ князей въ XIV в. восемь аргументовъ не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу, ибо факты, въ нихъ указываемые, далеки отъ мазовскаго двора. Нѣкоторые изъ этихъ аргументовъ очень характерны, въ сожалѣнію, только вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ думаетъ г. Лонгиновъ. Изъ остающихся двухъ аргументовъ замѣчаніе о Вышеградѣ тоже совсѣмъ не относится къ дѣлу³⁾. Изъ „многихъ фактовъ“ остается такимъ образомъ одинъ: указаніе на приходскую церковь св. Георгія въ Варшавѣ. Хоть бы этотъ единственный фактъ былъ вѣренъ. И то нѣтъ! ⁴⁾.

¹⁾ *Чтенія*, 1887, II, 13—14.

²⁾ Замѣчу кстати, что самъ г. Линиченко считаетъ церковь въ Сандомірѣ латинскою, „Взвѣнн. отношенія“, 6, пр. 2.

³⁾ См. *Röpell*, G. P., 11 Beilage. Zur Bestimmung der Lage von Wyszogrod.

⁴⁾ У Балинскаго и Линичскаго, *Staroz. P.*, изд. 1843, 1, 411, на что и ссылается г. Лонгиновъ, сказано слѣдующее: „Wzrod wałów z jednej strony stał drewniany zamek Książęcy, a za niemi z drugiej poziomu i dawniejszy jezeze od pierwaznych kościołek sw. Jerzego . . . W sławnym procesie z krzyżakami r. 1339 wymieniony już jest proboszu parafii sw. Jerzego, Anna księżna Mazow, i syn jej Bolesław powiększyli kościół i uroczyli sprowadzonych doń kanoników regularnych“ . . . . Вотъ и все. И это аргументъ въ пользу православія! Къ аргументамъ г. Лонгинова г. Линиченко прибавляетъ отъ себя слѣдующіе: „если и позже въ XVI в. русскія княжны, выходя замужъ въ Польшу, оставались пра-

Если претендующій на серьезность изслѣдователь при рѣшеніи важнаго вопроса считаетъ возможнымъ опереться на такой аргументаціи, то остается только руками развести!

Мнѣнія о первоначальной принадлежности Юрія II къ католическому вѣроисповѣданію ни г. Лонгиновъ, ни г. Линниченко не только не опровергли, но даже не поколебали. Что въ предѣлахъ Мазовскаго княжества русскій элементъ былъ силенъ,—это врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію; за сто пятьдесятъ верстъ отъ Варшавы къ востоку начинаются и теперь сплошныя русскія поселенія, а о позднѣйшей колонизаціи русскаго племени въ эту сторону ничего не извѣстно. Но также несомнѣнно, что мазовскій княжескій домъ, подобно другимъ княжескимъ домамъ Польши, былъ преданъ католицизму и находился подъ сильнымъ вліяніемъ католическаго духовенства. Можно даже думать, что именно этимъ вліяніемъ и связями Юрія съ мазовскимъ княжескимъ домомъ главнымъ образомъ и былъ обусловленъ обратный переходъ Юрія II въ католицизмъ.

Такое предположеніе гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ допущеніе вліянія Локетка. Локетокъ былъ дальновидный политикъ и не фанатикъ, и если Ржежабекъ дѣйствительно приписываетъ ему важную роль въ дѣлѣ обратнаго перехода Юрія въ католицизмъ, то это происходитъ отъ невѣрнаго пониманія имъ политическихъ отношеній Галицко-Владимірскаго княжества во второй четверти XIV вѣка. Ржежабекъ

вославными (Елена, дочь Іоанна III, жена короля Александра), то тѣмъ болѣе могли жить въ родной вѣрѣ раньше (подробнѣе въ нашемъ изслѣдованіи „Взаимныя отношенія Руск и Польша“, стр. 42—44). Возможно, что нѣкоторые изъ дѣтей отъ такихъ смѣшанныхъ по вѣрѣ браковъ крестялись въ вѣру матери. Болеславъ, поименованному, былъ младшимъ изъ дѣтей Тройдена и могъ при крещеніи еще принять имя дѣда — Юрій. Дочь Тройдена и Маріи носила имя Евиміи, въ Польшѣ того времени малоупотребительное“, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1891, май, 155. Примѣръ Елены единственный и исключительный. Сколько огорченій причинило Еленѣ ея православіе,—извѣстно; чтобы устоять, нужно было быть дочерью Ивана III. Указанное въ ссылкѣ на „Взаимныя отношенія“ мѣсто оканчивается такимъ выводомъ: „скоро противъ смѣшанныхъ браковъ стали подниматься голоса изъ среды духовенства какъ у насъ, на Русь, такъ и въ Польшѣ, а потому нужно думать, что со второй половины XII стѣка перемѣна религіи при выходѣ замужъ стала уже фактомъ обычнымъ“. Очевидно, г. Линниченко сослался на свою книгу, совершенно забывъ, что въ ней сказано. Наконецъ, врядъ ли Болеславъ былъ младшимъ сыномъ Тройдена. Генеалогія мазовскихъ князей, правда, запутана, но и *Каро* (G. P., II, 289) и *Билескій* (M. P. H., III, 120, пр. 2) считаютъ его старшимъ, что гораздо вѣроятнѣе. Дано ли было Болеславу при крещеніи имя—Юрій, конечно, неизвѣстно.

приписываетъ этому князю слишкомъ самостоятельную роль, какой на самомъ дѣлѣ оно не могло играть. То обстоятельство, что Локетокъ дѣйствительно является посредникомъ между папой и Юріемъ, гораздо правдоподобнѣе объясняется тѣмъ, что въ Римѣ хорошо знали тогдашнія польско-литовскія отношенія, благодаря начавшимся съ 1323 года переговорамъ Гедимина съ куріей. Измѣна Юрія православію должна быть рассматриваема въ кругѣ этихъ фактовъ. Они содѣйствовали столь скорому обнаруженію внутренняго расположенія Юрія къ католицизму, какое онъ долженъ былъ вынести изъ своей мазовской обстановки, и въ значительной степени маскировали его дѣйствительные планы.

Что касается, наконецъ, вопроса о времени прибытія Юрія на Русь, то врядъ ли можно сомнѣваться, что оно произошло лишь по назначеніи его княземъ галицко-владимірскимъ. Предположеніе Ржежабка, что Юрій II былъ воспитанъ при дворѣ своего дяди Юрія I, основывается лишь на томъ, что послѣдній въ грамотѣ 1326 года названъ *carissimus*. Нечего, кажется, и говорить, что это основаніе слишкомъ шатко. У Юрія I были прямыя наследники, и никоимъ образомъ нельзя было тогда предвидѣть возможности вокняженія Юрія II на Руси. Г. Линниченко предполагаетъ, что „назначеніе кормильца князю доказываетъ, что онъ прибылъ на Русь далеко еще не совершеннолѣтнимъ“, но, очевидно, самъ г. Линниченко очень мало вѣрятъ такому предположенію, ибо въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы считать Юрія „княземъ чужимъ, незнакомымъ съ русскими обычаями“, и наконецъ, если ужъ искать доказательствъ первоначальнаго православія Юрія II, то ихъ прежде всего слѣдовало бы усматривать именно въ воспитаніи его при русскомъ княжескомъ дворѣ, чего, однако, г. Линниченко не дѣлаетъ, предпочитая вмѣстѣ съ г. Лонгиновымъ искать этихъ доказательствъ вездѣ, гдѣ угодно, но только не въ указанномъ обстоятельстве.

Перехожу теперь къ фактамъ, послѣдовавшимъ за смертью Юрія II. Рассмотрѣнію этихъ фактовъ и посвящена моя книга. Въ результатѣ этого рассматриванія оказалось, что все время съ 1340 по 1387 годъ представляетъ непрерывную борьбу лишь съ короткими промежутками затишья, необходимыми для отдыха и сбора новыхъ силъ или приобрѣтенія выгодныхъ союзниковъ для дальнѣйшей борьбы. Всего ярче такое положеніе дѣлъ обнаруживается въ военныхъ дѣйствіяхъ, почти не прекращающихся и въ сферѣ церковно-религіозной. На эти двѣ стороны я и обратилъ преимущественное

вниманіе. Изложеніе внутренняго строя могло, по самой задачѣ книги, найдти въ ней мѣсто лишь по столько, по скольку въ этомъ строѣ отразилось то же самое явленіе—борьба ¹⁾). Вѣренъ ли мой взглядъ, правда ли, что время 1340 — 1387 года представляетъ опредѣленный, вполне замкнутый въ себѣ періодъ польско-литовско-русскихъ отношеній,—этого вопроса не коснулся ни одинъ изъ моихъ критиковъ. Только г. Лисевичъ, указавъ на то, что вопросъ о галицкомъ наслѣдіи, составляя одинъ изъ самыхъ темныхъ вопросовъ „польской (?) исторіи, въ настоящее время начинаетъ разясняться, и что въ разясненіи его мнѣ будетъ принадлежать не послѣдняя заслуга“, признаетъ мое разсмотрѣніе военныхъ событій значительнымъ шагомъ впередъ. Даннаго мною обзора церковныхъ дѣлъ г. Лисевичъ пока вовсе не касается, обѣщая въ ближайшемъ будущемъ заняться этими дѣлами подробно. Ваяды другихъ критиковъ я указалъ выше. Повторяю, настоящая замѣтка имѣетъ не полемическія цѣли (полемика въ такихъ случаяхъ ни къ чему не приведетъ), а разясненіе спорныхъ вопросовъ въ затронутой мною области, на основаніи, между прочимъ, и тѣхъ аргументовъ, которые были высказаны критиками. Важно знать, дѣйствительно ли время 1340—1387 года представляетъ періодъ сплошной борьбы между Польшей и Литвой-Русью, дѣйствительно ли вѣрно, что до 1387 года Польша ни разу не могла назвать Галицкую Русь своей землей вполне, или это не вѣрно.

Продолжаю и теперь думать, что вопросъ этотъ имѣетъ немало-важное значеніе въ наукѣ, и что моя книга дастъ на него хоть нѣкоторые отвѣты.

„Сразу, начиная съ введенія книги г. Филевича,—говоритъ г. Лисевичъ,—можно замѣтить, что ея выводы кореннымъ образомъ разнятся отъ извѣстныхъ намъ доселѣ. Вопросъ заключается лишь въ томъ, достаточно ли они обоснованы“. Къ этому вопросу мы теперь и перейдемъ. Самымъ важнымъ въ этомъ случаѣ является отношеніе къ источникамъ. Мое отношеніе къ источникамъ г. Чучинскій называетъ гиперкритическимъ, при чемъ ставитъ мнѣ въ вину непослѣдовательность, заключающуюся въ томъ, что гиперкритикомъ я являюсь лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о положительномъ

¹⁾ Въ виду этого, замѣчаніе г. Линиченка, что въ моей книгѣ время Владислава Опольскаго совершенно обойдено, считаю не совсемъ справедливымъ. См. Борьба, 204—206 и passim.

вліяніи Польши на Русь, „но пусть только,—говорить г. Чучинскій,— покажется гдѣ янбудъ хотя бы даже видимость, изъ которой можно выковать аргументъ въ пользу экстерминаціонной политики поляковъ, г. Филевичъ сейчасъ же становится удивительно легковѣрнымъ“. Къ сожалѣнію, въ обѣихъ ссылкахъ г. Чучинскаго, долженствующихъ подтвердить эту мысль, вкратцѣ, надо думать, опечатки: примѣчаніе 1 къ стр. 94, конечно, не можетъ имѣть сюда никакого отношенія, а на стр. 96 седьмага примѣчанія не имѣется. Къ свѣдѣнію, слѣдовательно, можетъ быть принято лишь указаніе на отношеніе къ извѣстному письму Казимира къ цареградскому патриарху. По этому поводу могу замѣтить, что я нигдѣ не отвергалъ подлинности и официальности этого документа. Я говорю лишь, что „точное согласованіе его показаній съ извѣстными намъ несомнѣнными фактами изъ исторіи русской церкви невозможно, а это обстоятельство въ значительной степени должно подорвать вѣру въ точность приводимаго Казиміромъ перечня галицкихъ митрополитовъ“ (Борьба, 137—143), и пока это точное или хотя бы приблизительное согласованіе будетъ невозможно, письмо Казимира должно имѣть такое же значеніе въ исторической наукѣ, какое, напримѣръ, имѣютъ тоже несомнѣнной подлинности наполеоновскіе бюллетени изъ похода въ Россію.

Иное дѣло—другіе источники, а именно Янъ и Траска, на которыхъ, главнѣйшимъ образомъ, основывалось до сихъ поръ изложеніе событій 1340 года. Повидимому, относительно Траски ни одинъ изъ критиковъ не настаиваетъ на его значеніи. Съ Яномъ дѣло обстоитъ иначе. Г. Лисевичъ совершенно согласенъ со мной во взглядѣ на этотъ источникъ и потому въ своихъ примѣчаніяхъ на мое изложеніе событій 1340 года ограничивается лишь безспорно подлинными документами, то-есть, хорошо извѣстными папскими письмами. Г. Чучинскій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе по поводу моихъ разсужденій о Янѣ. „Указавъ всѣ обстоятельства, убѣждающія, что три первыя главы хроники, въ которой рѣчь идетъ о занятіи Руси, не принадлежатъ перу Яна, г. Филевичъ полагаетъ, что въ силу этого нечего съ ними и считаться. А между тѣмъ, если даже и согласиться, что онѣ не принадлежатъ Яну, то все же большая разница утверждать принадлежность или непринадлежность ихъ Яну и доказать ихъ достовѣрность или недостовѣрность“. Что и говорить, конечно, разница, но такъ ли она въ дѣйствительности велика въ данномъ случаѣ, какъ думаетъ г. Чучинскій. Яну можно вѣрять, потому что онъ

по своему положенію долженъ былъ знать дѣла, а въ своемъ изложеніи обнаружилъ замѣчательное безпристрастіе. Поэтому, если занимающія насъ главы его хроникъ дѣйствительно принадлежатъ ему, онѣ представляютъ источникъ, съ которымъ нужно считаться безусловно; если же онѣ ему не принадлежатъ, или, вѣрнѣе, если по нимъ прошла чужая рука, и при томъ такъ, что теперь мы не можемъ отличить, что въ первыхъ трехъ главахъ принадлежитъ дѣйствительно самому Яну, и что составляетъ позднѣйшій наносъ,—тогда наши главы Яна теряютъ свое безусловное значеніе, отступаютъ въ разрядъ источниковъ второстепенныхъ, которые могутъ быть принимаемы лишь по столько, по сколько болѣе или менѣе согласуются съ показаніями документовъ, не внушающихъ никакого сомнѣнія.

Три первыхъ главы Яна кажутся подозрительными всѣмъ исследователямъ ¹⁾. Одному только г. Линниченку онѣ не внушаютъ никакихъ сомнѣній, но и онъ даже не вполне имъ слѣдуетъ. Такъ, онъ отвергаетъ показаніе Яна о Любартѣ, какъ галицкомъ князѣ, принимаетъ два похода Казимира въ 1340 году, а не одинъ, какъ у Ява ²⁾.

Вотъ тѣ соображенія, какія на мой взглядъ имѣютъ значеніе при оцѣнкѣ источниковъ, относящихся къ 1340 г. Съ 1340 годомъ наука еще не покончила, а потому малѣйшія указанія могутъ быть полезны. Г. Чучинскій оказалъ дѣлу услугу, обративъ вниманіе на совершенно до сихъ поръ неизвѣстныя показанія итальянцевъ ³⁾ и Франциска Пражскаго ⁴⁾. Такъ понемногу расширяется кругъ источниковъ. Г. Лисевичъ провѣрилъ папскій документъ 1341 г. съ подлинникомъ въ

¹⁾ Борьба, 74—78. Къ сказанному тамъ прибавлю еще замѣчаніе *Кубали*: „ziąd dopiero (то-есть, отъ смерти Казимира) чуć paocznego świadka, tak ze kronika zmienia się w ramiętniki“, *Bibl. Warsz.*, 1871, III, 359.

²⁾ Какого мнѣнія г. Линниченко на счетъ числа походовъ Казимира въ 1340 г., понять не могу. Отмѣчая мои соображенія объ одномъ только походѣ, а не двухъ, какъ принимаютъ обыкновенно, г. Линниченко дѣлаетъ выписку изъ моей книги и прибавляетъ такое замѣчаніе: „слишкомъ много уже лиризма по поводу вывода, не заключающаго въ своей сущности ничего новаго“. Дѣло, конечно, не въ новизнѣ, а въ вѣрности или невѣрности соображеній объ одномъ походѣ. Въ текстѣ г. Л. принимается два похода. Если тутъ дѣло въ лиризмѣ, то я охотно согласенъ, что „слишкомъ много лиризма“—не хорошо.

³⁾ *Qualvaivi de la Flamma* и *Joh. de Cornazanis*, оба у *Мураторія*, *Sv. gr. ital.*, XII, 1038 и 742. Прибавлю, что упоминаніе о татарскихъ дѣлахъ находится также въ хроникѣ *Andr. Danduli*, *ibid.*, 419.

⁴⁾ *Fontes rerum austr.* VIII, 564.

Ватиканъ и напечаталъ его въ своемъ отзывѣ о моей книгѣ. Но его замѣчаніе о томъ, что письмо Казимира къ папѣ было не реляціей, а просьбою о духовномъ разрѣшеніи, и потому не могло быть ложнымъ, ибо въ противномъ случаѣ по каноническимъ правиламъ папское разрѣшеніе не имѣло бы силы, что, конечно, было извѣстно въ канцеляріи Казимира, не кажется убѣдительнымъ. Гораздо болѣе правдоподобно предположеніе г. Линниченка, что въ 1340 г. Казимиръ послалъ папѣ извѣщеніе два раза, при чемъ, по ходу обстоятельствъ, они далеко не согласовались одно съ другимъ. Папское письмо 1341 г. въ такомъ случаѣ есть отвѣтъ за одинъ разъ на оба Казимировы письма и потому заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя противорѣчія. Въ виду этого мнѣніе, что лакуна въ занимающемъ насъ папскомъ письмѣ отъ 29-го іюня 1341 г. не что иное, какъ пропускъ имени Detko, пропускъ совершенно обычный въ копіяхъ съ документовъ папской канцеляріи, врядъ ли можетъ быть принято, тѣмъ болѣе, что по свѣркѣ документа съ оригиналомъ пропускъ оказался и тамъ. Пересмотрѣвъ указаные выше источники, относящіеся къ событіямъ 1340 г., и сличивъ ихъ со всѣми другими извѣстными мнѣ данными, прихожу къ заключенію, что мое изложеніе событій этого года не исчерпываетъ и не рѣшаетъ вопроса. Я не могу и теперь предложить какую нибудь гипотезу, которая бы окончательно устранила разныя сомнѣнія. Объясненіе хода событій у гг. Лисевича и Линниченка оставляетъ очень много недоумѣній. Участіе татаръ, отношеніе Казимира къ Угріи, подробности предпріятія Казимира, время похода (то-есть, весной или осенью),—все это пока еще окутано туманомъ. Врядъ ли можно надѣяться, что, напримѣръ, подробности предпріятія Казимира будутъ когда нибудь уяснены, но другія обстоятельства, напримѣръ, угорскія и особенно татарскія, можно надѣяться, уяснятся, благодаря расширенію круга источниковъ, которые до сихъ поръ оставались неизвѣстными. Особеннаго вниманія заслуживаютъ событія татарскія. Отдаленныя извѣстія о 1340-мъ годѣ потому именно такъ многочисленны, что они вызваны грозой татарскаго движенія. Полагать, что такъ громко было предпріятіе Казимира,—очень большое заблужденіе. Проверка всѣхъ относящихся сюда источниковъ и, по крайней мѣрѣ, сведеніе ихъ въ цѣлое представляетъ дѣло насущной необходимости. Было бы очень желательно, еслибы этимъ дѣломъ занялись краковскіе или львовскіе ученые.

О 1340-мъ годѣ я бы рѣшился утверждать теперь только два положенія: 1) Казимиръ предпринялъ всего одинъ походъ на Русь, и

2) походъ этотъ не привелъ ни къ какимъ благопріятнымъ для Казимира результатамъ. Это, однако, вовсе не колеблетъ взгляда на весь періодъ борьбы 1340—1387 г., какъ на періодъ, въ теченіе котораго обладаніе Галичемъ оставалось спорнымъ. Спорность этого обладанія лежитъ вѣдъ всякаго сомнѣнія. Событіе 1340 г. составляетъ, такъ сказать, начальную точку цѣлой линіи событій, продолжающихся до 1387 г. Эта точка не ясна, но вся линія обозначается слишкомъ ярко.

Событія 1340 г. вызываютъ вопросъ о личности Дмитрія Дѣтка. Г. Линниченко пытается нѣсколько разъяснить этотъ вопросъ. Конечно, полнаго уясненія врядъ ли и можно ожидать, но предположенія г. Линниченка могли бы имѣть большее значеніе, еслибы высказаны были менѣе небрежно ¹⁾). Указанія г. Линниченка, повидимому, даютъ возможность тѣснѣе связать Дѣтка съ Галичиной, чѣмъ это было доселѣ. Можетъ быть, дѣйствительно Дѣтко принадлежалъ къ чернышльскому боярству, и въ такомъ случаѣ его связь съ Даниломъ Острожскимъ является новымъ характернымъ указаніемъ на взаимныя отношенія частей Галицко-Волинской земли. Въ пожалованіи Ягайла Огедору Острожскому сохранилось косвенное указаніе на услуги Острожскихъ Лубарту, а союзъ Данила съ Дмитріемъ объясняетъ, въ чемъ заключались эти услуги.

Можетъ быть, названіе Detko означаетъ дядю или дѣда и указываетъ на неизвѣстныя намъ родственныя отношенія Дмитрія къ Юрію. Мнѣніе о княжескомъ происхожденіи Дмитрія высказано было уже Д. И. Иловайскимъ (Исторія Россіи, II, пр. 23). Объ обоихъ этихъ мнѣніяхъ можно сказать столько же за, сколько и противъ, но рѣшительно нельзя согласиться съ предположеніемъ г. Линниченка, что Дмитрій оставался „приверженцемъ Юрія до конца и одна ли участвовалъ въ дворцовомъ переворотѣ, погубившемъ несчастнаго князя, такъ какъ и впослѣдствіи тепло о немъ отзывался, называя его *felicis memoriae*“. Очевидно, основаніе этого мнѣнія столь же шатко, какъ и мнѣніе Ржезавка о воспитаніи Юрія Болеслава при дворѣ Юрія I. Скорѣе можно думать, что Дмитрій былъ главою оппозиціи противъ князя, ибо въ противномъ случаѣ партія княжескихъ противниковъ, погубившихъ князя, не позволила бы ему удержаться, а

¹⁾ Такъ, напримѣръ, на основаніи двухъ актовъ 1385 г., г. Линниченко дѣлаетъ выводъ, что въ этомъ году Дѣтка уже не было въ живыхъ и что онъ умеръ, „не оставивъ потомковъ и вообще наслѣдниковъ“, а нѣсколькими строками ниже предлагаетъ вопросъ: „не былъ ли мужъ боярыни Хоньки, Василько Дядьковичъ, сыномъ Дѣтка“ (тамъ, 166).

тѣмъ болѣе возвысится ¹⁾; что касается грамоты Дмитрія торунскимъ купцамъ, то дата ея опредѣляется предположительно. Фойхтъ и Вѣлевскій относятъ ее къ 1341 г., въ *Monum. Hung.* она отнесена къ 1347 г. Послѣднюю дату принимаетъ г. Линниченко. Жаль, что онъ не указалъ основаній для такого предпочтенія. Дѣло въ томъ, что нѣмцы были очень заботливы въ обезпеченіи своихъ торговыхъ интересовъ и врядъ ли ждали бы до 1347 г. ²⁾. Еслибы, однако, предпочтеніе г. Линниченка могло быть твердо обосновано, то правленіе Дмитрія до 1347 г. было бы очень важнымъ указаніемъ для опредѣленія отношеній Галичины къ Польшѣ за время 1340—1347 г. Между прочимъ, благодаря этому, могло быть устранено недоразумѣніе, причиняемое документомъ 1346 г., по которону поручители Яна короля чешскаго, Карля, маркграфа моравскаго, и Яна, князя хорутанскаго, обязываются Казимиру польскому явиться въ случаѣ надобности въ Галичѣ (*in castro Halicz*) ³⁾ въ теченіе четырнадцати дней. Можно было бы въ такомъ случаѣ не сомнѣваться, что упоминаемый здѣсь Галичъ есть Галичъ угорскій (нынѣ Гачъ, *Gacs*), хотя во всякомъ случаѣ послѣдній пунктъ былъ гораздо болѣе удобенъ для мирныхъ сдѣлокъ, чѣмъ русскій Галичъ. Наконецъ, что Дѣтко и Deshk въ грамотѣ Людовика 1344 г. одно и то же лицо,—это признаетъ и г. Линниченко.

Изъ обстоятельствъ, предшествующихъ 1349 г., заслуживаетъ вниманія упоминаніе о разореніи русскими (*per infidelium Ruthenorum devastationem et incendia*) г. Стинавы. Объ этомъ фактѣ упоминаетъ грамота слезскаго герцога 1348 г. ⁴⁾, и онъ обыкновенно объясняется такимъ образомъ, что здѣсь рѣчь идетъ о галицкихъ русскихъ, находившихся въ войскѣ Казимира въ качествѣ новыхъ подданныхъ его во время похода на Слезію. Это несомнѣнно важное указаніе не слѣдуетъ выдѣлять изъ ряда другихъ фактовъ, которые могутъ устранить недоумѣніе. Къ 1345 г. русскій Санокъ уже принадлежалъ Польшѣ. Когда онъ отошелъ къ ней, — не извѣстно. Если Санокъ отошелъ къ Казимиру раньше 1345 г., то участіе русскихъ саночанъ въ войнѣ Казимира вполне объясняетъ упоминаніе о нихъ въ стинавской грамотѣ

¹⁾ С. Борьба, 68—69, 138—139.

²⁾ Тамъ же, 62, пр. 2.

³⁾ *Dogiel, Cod. d., I, стр. 5.*

⁴⁾ *Teschoppe und Stenzel, Urkundensamml., стр. 560.*

1348 г. ¹⁾. Не такъ легко объяснить упоминаніе папы о мирѣ съ литовцами около 1345 г. Быть можетъ, этимъ миромъ закрѣплялась уступка Польшѣ Санока. Ближайшихъ свѣдѣній нѣтъ ²⁾.

Что касается событій 1349 г., то дѣйствительно всѣ источники направляютъ Казимира въ этомъ году на Волынь. Но единогласное и буквально одинаковое упоминаніе объ этомъ русскихъ лѣтописей ³⁾ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, какой указанъ выше: Волынь—здѣсь часть того цѣлаго, которое къ половинѣ XIV вѣка окончательно объединилось, выраженіемъ чего и было то, что главнымъ стольнымъ городомъ земли (*civitas capitalis*) былъ не Львовъ, а Владимиръ. Это не Волынь въ тѣсномъ смыслѣ слова, а часть ея—земля Львовская. Что это дѣйствительно такъ, доказываютъ военныя дѣйствія 1350 г., сосредоточившіяся около этой земли ⁴⁾. Вотъ почему рѣшительно нельзя принять предположенія г. Линниченка, что Казимиръ въ 1349 г. могъ овладѣть Галицкой Русью безъ борьбы, путемъ мирныхъ переговоровъ съ татарами. Вопервыхъ, переговоровъ съ одними татарами было не достаточно для пріобрѣтенія Галичины, во вторыхъ, въ самыхъ дѣйствіяхъ 1350—1352 гг. мы видимъ татаръ на сторонѣ Литвы. Очевидно, слѣдовательно, переговоры Казимира съ татарами въ 1349 г. ни къ чему не привели. Также точно невѣрно настаиваетъ г. Линниченко на 1351 г., какъ на датѣ перваго извѣстнаго намъ перемирнаго договора между Польшей и Литвой-Русью. Г. Линниченко говоритъ: „договоръ Казимира съ Литвою... долженъ быть отнесенъ къ 1351 г. и составленъ уже послѣ бѣгства Кейстута и возвращенія Людовика въ Венгрію, и при томъ, повидимому, осенью этого года, во всякомъ случаѣ до 1-го октября, такъ какъ срокъ перемирія начинается именно съ этого числа“. Но дѣло вотъ въ чемъ. 12-го сентября 1351 г. умираетъ мазовскій князь Болеславъ Ваньковичъ. Онъ принималъ участіе въ походѣ 1351 г. противъ Литвы-Руси и умеръ во время этого похода, очевидно, по окончаніи военныхъ дѣйствій, на обратномъ пути домой, такъ какъ черезъ нѣсколько дней Казимиръ заключаетъ договоръ съ его преемниками—Сомови-

¹⁾ Замѣчаніе это было высказано мною на диспутѣ, но въ отчетѣ о немъ (*Ист. Обзор.*, 1890, I) объ этомъ почему-то не упомянуто.

²⁾ Папское письмо 18-го октября 1345 г., *Theiner*, M. P., 1, № 628. Въ этомъ письмѣ тоже перерывъ. Очень жаль, что г. Лисевичъ, провѣривъ письмо 1341 г., не обратилъ вниманія на это. Быть можетъ, одно недоразумѣніе было бы устранено.

³⁾ Объ Супрасльскія; *Сое.*, V, 226; *Воскр.*, VII, 214; *Ник.*, X, 221.

⁴⁾ Воряба, 90—91.

томъ и Казиміромъ въ Плоцкѣ ¹⁾). Плоцкія записки, сообщающія точную дату смерти князя, указываютъ и результатъ похода 1351 года. Этотъ результатъ оказался нулевымъ ²⁾).

Подробности, сообщаемыя о 1351 г. въ Дубницкой хроникѣ ³⁾), вполне разъясняютъ, въ чемъ собственно заключалась неудача. Какіе-то переговоры между воюющими сторонами въ 1351 году несомнѣнно были, но по сообщенію Дубницкой хроники, подтверждаемому отчасти указанными записками, они вовсе не касались самаго дѣла, то-есть, улаженія спорныхъ вопросовъ, а предметовъ совершенно постороннихъ: принатіе Кейстутомъ католицизма, учрежденіе въ Литвѣ архіепископствъ, епископствъ и монастырей, помощи противъ ордена и проч.

Возможности осуществленія этихъ условій не могли вѣрить сами договаривающіеся ⁴⁾); но эти формальные переговоры давали Людовику благовидный предлогъ уйти съ поля военныхъ дѣйствій, что онъ и успѣшилъ сдѣлать. Еслибы дѣйствительно въ 1351 г. Казимиру была уступлена Львовская земля, какъ это было по договору 1352 г., то составитель плоцкихъ записокъ, очевидно, близко знакомый съ дѣломъ, не могъ бы считать результатомъ похода 1351 г. одинъ лишь „конфузъ королей“, ибо приобрѣтеніе Львовской земли всего меньше могло располагать къ конфузу. Съ другой стороны, отмѣченныя мною извѣстія нѣмецкихъ хроникъ ⁵⁾ показываютъ, что дѣйствительно серьезныя военныя дѣйствія произошли лишь въ 1352 г. Эти серьезныя дѣйствія и привели къ серьезному миру, который,

¹⁾ Kod. Mas., № 72.

²⁾ Sub anno dui 1351, XII Kalendas Septembris obiit dux Boleslaus Plocensis, filius Wankonis, in expedicione: quia promiserat dux Kyeustut baptizari cum omnibus fratribus suis et Lithuanis Carulo, regi Ungarorum, et Casimiro, regi Poloniae, quod minime adimplevit et fugam tempore noctis inivit, et reges supradicti confus redierunt, (M. P. H., III, 120).

³⁾ Не понимаю, почему г. Лисевичъ упрекаетъ меня въ томъ, что мнѣ остался неизвѣстенъ этотъ источникъ. Напротивъ, я подробно коснулся его въ примѣчаніи, Борьба, 94, пр. 1, и некоторыя подробности внесъ въ изложеніе событий.

⁴⁾ Таково, напр., условіе, чтобы король польскій и угорскій вернули Литвѣ земли, отнятыя рыцарями. Въ какой мѣрѣ могъ быть исполненію этого условія извѣстный благопріятель ордена—Людовикъ, нечего, кажется, объяснять.

⁵⁾ Борьба, 96, пр. 1: 1352 Rex Litoviae cum auxilio Tartarorum innumerabil; per Russiam transiens, animo destruendi Cracoviam. In Martio 1352 Tartari et Ruteni pagani cum multis legionibus contra regem Cracoviae intrant Poloniam. Sa. гг. ргив., II, 737, 742. Обращаю вниманіе на точность сообщенія во второмъ извѣстіи.

хотя и не былъ выполненъ со стороны Литвы-Руси, — такъ сильно онъ нарушалъ ея интересы, — но во всякомъ случаѣ въ своихъ условіяхъ заключалъ не очевидную фиктивность, а реальную дѣйствительность въ видѣ уступки Польшѣ Львовской земли.

Изъ вопросовъ, относящихся къ военнымъ событіямъ борьбы за галицко-владимірское наслѣдіе, осталось разсмотрѣть лишь договоръ 1366 г. Въ своихъ сужденіяхъ объ этомъ договорѣ я исходилъ вотъ изъ какихъ основаній. Борьба за галицко-владимірское наслѣдіе не была личнымъ дѣломъ Любарта, а общимъ дѣломъ представителей Литвы-Руси. Оттого въ ней принимаетъ такое дѣятельное участіе Кейстутъ, оттого она оказываетъ замѣтное вліяніе и на дѣйствіи Ольгерда. Солидарность дѣйствій Гедиминовичей не подлежитъ въ этомъ случаѣ ни малѣйшему сомнѣнію ¹⁾. Договоръ 1352 г. и заключенъ поэтому не отъ имени одного Любарта, а отъ имени главнѣйшихъ литовскихъ князей. Если поэтому мы встрѣчаемъ договоръ, заключенный отъ имени одного лишь Любарта, то такой договоръ, именно въ силу солидарности Гедиминовичей, могъ быть лишь предварительнымъ, требующимъ окончательной санкціи другихъ представителей государства, не менѣе Любарта заинтересованныхъ въ общемъ дѣлѣ. Такую санкцію и могъ бы представлять документъ Нарушевича, дѣйствительно зарегистрированный Кромеромъ ²⁾; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ бы совпадать въ опредѣленіи границъ уступленныхъ Казиміру земель съ предварительнымъ договоромъ между Казиміромъ и Любартомъ. Такого совпаденія нельзя провести вполнѣ. Предлагаю посмотреть на карту генеральнаго штаба, или хотя бы на карту Западной Россіи Гандтке. Однако, возможно допустить, что при окончательномъ договорѣ отъ имени литовскихъ князей граница была опредѣлена и со стороны владѣній Кейстута, то-есть, что этотъ договоръ могъ представлять улаженіе и мазовско-литовскихъ отношеній, являясь дополненіемъ къ договору, заключенному съ Мазовіей въ 1358 г. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ предшествовать частному договору Любарта съ Казиміромъ, какъ предполагаетъ г. Чучинскій и г. Ляниченко, вполнѣ повторяющій его соображенія.

Вотъ главнѣйшія замѣчанія, которыя мнѣ казалось не лишнимъ представить по поводу знаменательнаго польско-русскаго спора. Эти

¹⁾ См. Борьба, 101—102, 113—114.

²⁾ *Kwartaln. Hist.* 1890, III, 513.

соображенія касаются пока лишь одной его части—военныхъ дѣлъ, на которыя обращено было главнѣйшее вниманіе. Было бы очень желательно, еслибы и церковныя галицкія дѣла обратили на себя такое же вниманіе. Они не менѣе важны и не менѣе характерны. Будемъ ждать обѣщаннаго г. Лисевичемъ изслѣдованія о распространеніи католицизма въ Галицкой Руси. Быть можетъ, и русскіе ученые обратятъ на Галичъ большее вниманіе¹⁾. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ вполне заслуживаетъ этого.

И. Филевичъ.

¹⁾ При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ важно будетъ рѣшить вопросъ о папской грамотѣ 1341 года. То, что сказано о ней на стр. 335 и 386, не ясно и возбуждаетъ новыя недоумѣнія. Возвращаясь къ своему предположенію о присутствіи *лакумы* въ текстѣ грамоты. Г. Филевичъ ссылается на *подлинникъ*, сообщенный въ извлеченіи польскимъ ученымъ, и говоритъ, что въ *оригиналѣ* сказанія тотъ же самый пропускъ, какъ и въ изданіи Тейнера, гдѣ онъ отмеченъ четырьмя точками. Но что они разумѣютъ подъ *оригиналомъ*? Тутъ нужно имѣть въ виду три вещи: 1) концентъ или черновой проектъ письма; 2) подлинную, какъ слѣдуетъ переписанную, грамоту, отправленную по назначенію, и 3) копию, внесенную въ регистръ, при чемъ нужно замѣтить, что за австрийское время регистръ сохранился въ двоякомъ видѣ: первоначальномъ современномъ и позднѣе переписанномъ. Подлинникъ грамоты краковскому архіепископу былъ, конечно, отправленъ въ Польшу и не долженъ находиться въ Ватиканскомъ архивѣ. Само собою разумѣется, что въ немъ нельзя предполагать пропуска—ни малаго, ни большаго. Чтò же имѣлъ въ рукахъ Лисевичъ? Тейнеръ издалъ документъ по *оригинальному* регистру, а г. Лисевичъ,—всего вѣроятнѣе, сличалъ его текстъ съ концентомъ, такъ какъ книги концентомъ тоже отчасти сохранились отдѣльно. Нужно имѣть въ виду, что и копія регистра переписывалась не всегда съ подлинниковъ, а также и съ концентомъ. Сокращенія формулъ съ началъ и концъ и обозначеніе въ текстѣ собственныхъ именъ первымъ буквою или же только точками естественны и обычны какъ въ концентахъ, такъ и въ копіяхъ регистра, и могутъ быть одинаковы, а такая лакуна, о какой думаетъ г. Филевичъ, въ концентѣ была бы довольно странною...

Еще одно замѣчаніе. Удивляемся, зачѣмъ г. Филевичъ и всѣ его критики продолжаютъ цитовать Витодурана и монаха Леобенскаго по старымъ изданіямъ, когда существуютъ новыя болѣе исправныя: для I. Винтертурскаго *von Wyss* въ *Archiv für schweizerische Geschichte* (1856 г.) и отдѣльно, для I. Виктринга, который собственно и нуженъ, а не продолжатель его монахъ Леобенскій: *Joannis Victorienais Chronicon Carinthiae* у *Boehmser*, *Fontes rerum Germanicarum*, T. I (1848). О послѣднемъ—полезныя свидѣнія см. *Lorenz*, *Geschichtsquellen*, I², 252, а о первомъ *ibid.* 68 и сл. Ред.

ИЗЪ НЕ ИЗДАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ МИХАИЛА СЕМЕНОВИЧА КУТОРГИ. ¹⁾

О правительственной дѣятельности Аѳинскихъ гражданъ и о
понятіяхъ древнихъ Еллиновъ о службѣ ²⁾.

I.

Различные виды правительствъ древнихъ греческихъ республикъ: димократіи, аристократіи и политіи. — Воззрѣніе на Аѳинскую Политію Платона и Исократы. — Надгробная рѣчь Перикла. — Равноправная община аѳинлянъ при Периклѣ. — Права и обязанности аѳинскихъ гражданъ. — Повинности: литургіи (εἰσφοραὶ) и взносы (λιτοῦργίαι). — Обще-ѳинская идея о законности: εὐνομία. — Графѣ παρανομῶν. — Верховныя права гражданской общины Аѳинъ: власть законодательная, судебная и исполнительная по Аристотелю. — Аристотель — истолкователь аѳинской политіи.

Периклу принадлежитъ слава установленія въ Аѳинской республикѣ политіи, πολιτεία, или верховной гражданской общины, которую Аристотель называетъ доблестною, ἀρίστη πολιτεία, и которая представляетъ собою высшую степень государственнаго развитія древнихъ ѳинскихъ республикъ. Сообразно съ своими политическими понятіями, еллины не отступали отъ стремленія ввести въ республикахъ гражданскую общину и въ теченіе столѣтій вели ожесточенную междоусобную войну, извѣстную подъ именемъ борьбы дима съ аристократіею ³⁾. Достигнувъ же политіи, они остановились, ибо признавали этотъ правительственный видъ вполнѣ соотвѣтствующимъ началамъ равноправнаго гражданства, коими они были проникнуты, и

¹⁾ Продолженіе. См. майскую и июньскую книжки Ж.-М. Н. Пр. за 1891 годъ.

²⁾ Разсужденіе написано въ концѣ 1880 и въ началѣ 1881 года въ усадьбѣ Воркѣ. Раздѣленіе на главы принадлежитъ намъ.

³⁾ О семъ предметѣ см. монографію М. Куторги: Борьба демократіи съ аристократіею въ древнихъ ѳинскихъ республикахъ предъ персидскими войнами. Помѣщено въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1875 г. Т. 120.

чѣмъ водворялось самостоятельное, независимое самоуправленіе общины. Равноправность гражданъ, *ἰσοκοιτία*, учреждая въ республикѣ единую, или единоцѣльную общину, изображаетъ основное, такъ сказать, существенное, свойство греческой политіи и служитъ главнѣйшимъ отличительнымъ признакомъ, отдѣляющимъ политію отъ димократіи.

Подъ словомъ димократія, *δημοκρατία*, что обозначается и самимъ названіемъ, еллины разумѣли державность дима, то-есть, его преобладаніе надъ доблестными, *ἀριστοί*, или вельможами, и подчиненіе ихъ своему господству; подобно тому, какъ слово аристократія, *ἀριστοκρατία*, означало правленіе вельможъ съ устраненіемъ дима. Если, однако, въ еллинскихъ аристократіяхъ верховная власть находилась въ средѣ людей, наслѣдовавшихъ преимуществу по древнимъ правамъ своего рода, то въ димократіяхъ, напротивъ, она поступала въ обширное сословіе димотовъ, которые, превозмогая числомъ, овладѣли большинствомъ вѣча и господствовали въ республикѣ, но представляли собою только большинство численное. Разсматривая эти два вида правительствъ древнихъ греческихъ республикъ, то-есть, аристократію и димократію, Аристотель приходитъ къ заключенію, что „хотя въ каждой изъ нихъ и есть доля справедливости, но вообще онѣ очень погрѣшны“ ¹⁾. Эта погрѣшимость ихъ зависѣла отъ отсутствія равноправности, которая ни въ аристократіяхъ, ни въ димократіяхъ не возможна и никогда въ этого рода еллинскихъ республикахъ не обрѣталась.

Заслуга и величіе Перикла состояли не въ разрушеніи существовавшего до него государственнаго строя, а въ преобразованіи учрежденной въ Афинахъ Алкмеонидомъ Клизееномъ димократіи въ равноправную гражданскую общину, которой, по свидѣтельству Аристотеля, стали придавать имя политіи. „Мы,—говоритъ онъ ²⁾,—называемъ теперь политію, что наши предки именовали димократію“. Въ этой своей политіи Периклъ съ рѣдкою гениальностью согласовалъ, повторимъ выраженіе Аристотеля, равенство по числу съ равенствомъ по достоинству ³⁾, возвысивъ, однако, послѣднее и давъ

¹⁾ *Аристотель*, Политика 8 (5) 1, 3. Ἐχουσι μὲν οὖν τι πάσαι δίκαιον, ἡμαρτημένα δ' ἄπλῶς εἰσι.

²⁾ Кн. 6 (4), гл. 10, § 11: διόπερ αἱ νῦν καλοῦμεν πολιτείας, οἱ πρότερον ἐκάλουν δημοκρατίας.

³⁾ *Аристотель*, 8 (5), 1, 8. διὸ δεῖ τὰ μὲν ἀριθμητικῇ ἰσότητι χρῆσθαι, τὰ δὲ τῇ κατ' ἀξίαν.

первенство уму, знаніямъ, дѣловой опытности, словомъ, даровитости и образованію. „Политія, — пишетъ Аристотель, — есть, вообще говоря, совокупленіе (смѣшеніе) олигархіи съ демократіею“. Но онъ принимаетъ здѣсь слово „олигархія“ въ смыслѣ болѣе возвышенномъ и нравственномъ, чѣмъ строго политическомъ, ибо вслѣдъ за симъ замѣчаетъ, что „богатство сопровождаютъ образованіе и „благородство“, и что по этой причинѣ называютъ аристократовъ *καλοὶ καγαθοὶ* (прекрасными и добрыми) и знатными“¹⁾. Согласно съ симъ нѣсколько далѣе Аристотель²⁾ прибавляетъ, что „свойство аристократіи (разумѣется, позднѣйшей) состоитъ преимущественно въ распредѣленіи правительственныхъ званій по достоинству“. Въ политіи Перикла не было уже преимуществъ, даваемыхъ древностью рода; они подверглись такому сильному потрясенію, что потомки членовъ древней аристократіи принуждены были избѣгать своего прежняго сословнаго названія и приняли имя *καλοὶ καγαθοὶ*, чѣмъ и обозначалось съ того времени ихъ общественное положеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ пало также и преобладаніе димотовъ надъ вельможами, хотя слово демократія еще иногда употреблялось, и имъ пользовался, какъ увидимъ, даже самъ Периклъ, конечно, съ цѣлью не пропустить удобнаго случая польстить безъ вреда большинству своихъ приверженцевъ, ибо при этомъ замѣчаетъ, что она была демократіею только по имени. Такъ понималъ Перикла и Плутархъ, который по этому поводу замѣчаетъ³⁾, что „Θουκιδίδης изображаетъ политію Перикла учрежденіемъ аристократическимъ, бывшимъ по имени демократіею, но въ дѣйствительности управляемымъ первенствующимъ мужемъ“.

Оба выраженія, аристократія и демократія, совершенно утратили тогда свой первоначальный коренной смыслъ господства, заключавшійся въ помѣщеніи къ сословнымъ наименованіямъ, *ἄριστοι* и *δημος*, добавленія этимол. *κράτεια*, державность, указывавшаго на правительственную власть тѣхъ или другихъ гражданъ, слѣдовательно и на преобладаніе того или другаго сословія. По этой причинѣ гра-

¹⁾ *Аристотель*, О государствѣ, кн. 6 (4), гл. 6, § 2: ἔστι γὰρ ἡ πολιτεία ὡς ἄλλως εἰπεῖν μίξις ὀλιγαρχίας καὶ δημοκρατίας... διὰ τὸ μᾶλλον ἀκολουθεῖν παιδείαν καὶ εὐγένειαν τοῖς εἰκωρατέροις... ὅθεν καὶ καλοὺς καγαθοὺς καὶ γνωρίμους τούτους προσαγορεύουσιν.

²⁾ § 4: Δοκεῖ δ' ἀριστοκρατία μὲν εἶναι μάλιστα τὸ τὰς τιμὰς νεμεῖσθαι κατ' ἀρετήν.

³⁾ *Плутархъ*, Периклъ, гл. 9: Ἐπεὶ δὲ Θουκυδίδης μὲν ἀριστοκρατικὴν τινα τὴν τοῦ Περικλέους ὑπογράφει πολιτείαν, λόγῳ μὲν οὖσαν δημοκρατίαν, ἔργῳ δ' ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχήν.

ждане древнихъ греческихъ республикъ могли быть въ предшествовавшую эпоху или ἀριστοκρατοῦμενοι, то-есть, державно правимые доблестными, или δημοκρατοῦμενοι, то-есть, подчиненные диму; въ послѣднемъ убѣждаютъ Продотъ и Фукидидъ, употребляющіе выраженіе δημοκρατεῖσθαι. Въ четвертомъ до Р. X. столѣтіи словамъ: ἀριστοκρατία и καλὸς καὶ αἰδὸς, придавалось вмѣстѣ съ политическимъ также, при томъ преимущественно, и нравственное значеніе, чѣмъ афиняне выражали мысль, что правительственная власть и древность рода были не разлучны съ высокимъ личнымъ достоинствомъ, и что оба требованія взаимно себя подкрѣпляли и поддерживали: эти отѣнки понятій обязаны своимъ происхожденіемъ какъ политіи Перикла, такъ и ученію Сократа.

Платонъ, представляя образецъ надгробнаго слова, пишетъ въ Менексенѣ: ¹⁾ „Политія (гражданская община, по новѣйшему—государство) образуетъ людей: благоустроенная хорошихъ, неустроенная худыхъ; необходимо потому разъяснить, что наши предшественники, равно какъ и сверстники, въ числѣ коихъ павшіе въ битвѣ, воспитывались въ прекрасной политіи, чрезъ которую и стали добрыми гражданами, ибо и тогда (то-есть, при предшественникахъ) и теперь существуетъ та же политія; она аристократія, которою управляемся и наиболѣе съ того времени управлялись. Ее называютъ ныне демократією, другіе иначе, какъ кому угодно, но по истинѣ она аристократія съ именитостью большинства (то-есть, съ участіемъ въ правленіи именитыхъ гражданъ изъ большинства). У насъ всегда цари то наследственные, то по избранію; но верховный властитель республики большинство, вручающее правительство и власть тѣмъ, которые всегда почитались доблестными. Никто не устранился ни по слабости, ни по бѣдности, ни по незнатности родителей, но никто также и за противоположныя свойства не достигъ почестей, какъ въ другихъ республикахъ. У насъ одно правило: признанный мудрымъ или добрымъ властвуетъ и править, и основное начало этой нашей политіи бытіе по равенству, ἡ εἰς ἰσον γένεσις (то-есть, равноправность). Нѣкоторыя республики, состоя изъ разнородныхъ и неравныхъ людей, различны и въ своемъ политическомъ строѣ: оны тиранніи и олигархіи; въ нихъ взаимно признаются—одни подчиненными, δούλοι (то-есть, димоты), другіе повелителями, δεσπόται (то-есть, олигархи). Мы же и наши (сограждане), мы всѣ братья, рожденные одною матерью,

¹⁾ Платонъ, Менексенъ, у Дидота, vol. 1, стр. 565, гл. 8.

мы не почитамъ себя другъ предъ другомъ ни подчиненными, ни повелителями, но наше равнородство по естеству (то-есть, какъ говоритъ Аристотель, что они всѣ свободно рожденные) побуждаетъ насъ искать равноправности по закону, *ισονομία*, и признавать первенствующими умъ и добродѣтель, не предоставляя никому между собою никакихъ преимуществъ¹.

Тѣ же возрѣнія на аѳинскую политію встрѣчаемъ у Исократъ въ его Панаѳинпейской рѣчи, гдѣ онъ въ общихъ чертахъ указываетъ ея главнѣйшія свойства и ея отличіе отъ другихъ греческихъ республикъ. Согласно съ Платономъ, Исократъ выставляетъ высокое значеніе государства въ образованіи и въ нравственности гражданъ, въ чемъ нельзя не видѣть благотворнаго вліянія Сократа, разъяснившего своимъ ученіемъ понятія и вѣрованія, но что сознавалось и прежде, ибо подобную мысль выразилъ еще до Перикла и Сократа Симонидъ Кеосскій, сказавъ, что „республика научаетъ мужа, πόλις ἄνδρα διδάσκει“¹). „Политія,—говоритъ Исократъ²),—есть душа республики владѣющая такою же силою, какъ умъ въ тѣлѣ“. О самой Аѳинской республикѣ Исократъ пишетъ³): „Аѳиняне избрали себѣ политію, которая признана всѣми не только самою общинною и правдивою, но и всѣмъ подобающею и самою пріятною управляемъ ею. Они установили демократію, не безразсудно руководимую и не почитавшую своеволія свободою и произвола все творить блаженствомъ, но демократію, каравшую беззаконіе и пользовавшуюся аристократіею“. Нѣсколько далѣе, въ той же Панаѳинпейской рѣчи, Исократъ⁴) повторяетъ эту мысль, употребляя слѣдующее выраженіе: „демократія, совкупленная съ аристократіею, какая была у насъ, въ Аѳинахъ“.

Мы привели мнѣнія двухъ знаменитыхъ писателей, но жившихъ уже въ четвертомъ столѣтіи, долго спустя послѣ Перикла; послушаемъ самого творца политіи, Перикла, выразившаго свои мысли въ надгробной рѣчи, произнесенной въ открытомъ собраніи гражданъ, надъ павшими воинами. „Мы обладаемъ,—говорилъ Периклъ⁵),—та-

¹) У *Шнейдевина* (*Delectus poesis Graecorum etc. Gotting. 1838. in-8°*), fragm. 53; у *Берка* (*Poetae Lyrici Graeci. Lips. 1853. in 8°*), fr. 67. Этотъ отрывокъ приводится Плутархомъ, въ его разсужденіи: *εἰ πρεσβυτέρῳ πολιτευτέον, το-есть, заниматься ли старѣйшему дѣлами правленія?* Въ собр. *Дидота*, гл. 1, § 14, стр. 784, С.

²) *Панаѳ.*, § 138. (*Did.*, стр. 168, внизу).

³) Тамъ же, §§ 130 и 181 (*Did.*, стр. 167).

⁴) § 153 (*Did.*, стр. 171).

⁵) *Θ.*, II, 37.

кою политією (или общиною), что не завидуемъ законодательствамъ сосѣднихъ республикъ, и скорѣе оказываемся образцемъ кому либо, но не подражателями другихъ. Устроенная не въ пользу немногихъ (то-есть, олигархіи), а въ пользу большинства, наша политія, хотя и называется демократією, но только по имени; въ ней постановлено: предъ закономъ—равенство всѣхъ въ судебныхъ тяжбахъ (то-есть, равноправность); по избранію же въ правительственные достоинства—уваженіе заслугъ каждаго, предпочитая назначать сановниками не по принадлежности лица какому нибудь сословію, а по его гражданской доблести и по способности оказать добро общинѣ, и не устраняя бѣднаго гражданина, который могъ бы быть полезнымъ республикѣ, но коего достоинство не всѣмъ явно. Мы свободно гражданствуемъ въ дѣлахъ общины (то-есть, мы, свободные граждане, завѣдуемъ общинными дѣлами)... мы не знаемъ стѣсненій въ частной жизни, но, изъ боязни совершить противозаконное, поступаемъ внимательно въ дѣлахъ общественныхъ, всегда повинуюсь установленнымъ властямъ и законамъ“.

Если афинская политія нашла у древнихъ еллиновъ столь глубокое сочувствіе, что, по увѣренію самого Перикла, нѣкоторыя республики приняли ее за образецъ для введенія у себя подобнаго же правительственнаго преобразованія, то и рѣчь Перикла послужила примѣромъ и правиломъ надгробнымъ рѣчамъ какъ Платона и Исократъ, такъ и другихъ ораторовъ, произносившихъ похвальныя слова надъ могилами павшихъ воиновъ. Это высокое значеніе придалъ ей Фукидидъ, который, выставивъ преимущественно равноправность всѣхъ гражданъ, обозначилъ главнѣйшее начало политіи и изложилъ оное просто, безъ всякихъ ораторскихъ украшеній, чѣмъ превзошелъ даже своихъ послѣдователей. Платонъ и Исократъ, очевидно, руководились Фукидидомъ и заимствовали у него взглядъ Перикла; они описываютъ политію въ существѣ согласно съ историкомъ, но прибѣгли къ краснорѣчію и окружили свой разказъ цвѣтистымъ убранствомъ и звучными фразами, чѣмъ, однако, не только не разъяснили предмета лучше Фукидида, но явились слабѣе его, и уступаютъ ему въ этомъ дѣлѣ первенство, чего, конечно, не желали и не надѣялись.

Рѣчь Перикла, драгоцѣнная своимъ указаніемъ существеннаго свойства древней политіи, замѣчательна еще въ томъ смыслѣ, что знакомитъ съ мѣстностью, гдѣ впервые водворилась политія, и опредѣляетъ время, въ которое введенъ былъ этотъ новый видъ правительства, служившій какъ бы вѣнчаніемъ государственныхъ по-

становленій еллинскихъ республикъ. Сказавъ, что аеиняне не только не подражатели, но послужили скорѣе образцемъ для еллиновъ, Перикль называетъ Аѣины родиной политіи, откуда уже она распространилась въ нѣкоторыя другія республики, оставшіяся, къ сожалѣнію, неизвѣстными, хотя Аргось, судя по сохранившимся, правда весьма скуднымъ, извѣстіямъ, нѣсколько и напоминаетъ Аѣины. Не забудемъ, что Перикль говорилъ предъ своими согражданами и въ присутствіи прочихъ еллиновъ, которые всегда въ значительномъ числѣ посѣщали Аѣины; онъ могъ, слѣдовательно, утверждать только самое достовѣрное и всѣмъ извѣстное. Перикль не довольствуется обозначеніемъ происхожденія политіи, онъ восхваляетъ и ея устройство; словами: наша политія не завидуетъ законамъ сосѣдей, Перикль желалъ сказать, что гражданская община аеинянъ превосходитъ политическія учрежденія другихъ республикъ. Всѣ присутствовавшіе, однако, понимали и чувствовали, что этимъ успѣхомъ аеиняне обязаны именно самому Периклю, ибо знали, что аеинская политія была его созданіемъ и водворена долговременными, послѣдовательными преобразованіями, исполненными по глубоко обдуманному предначертаніямъ этого государственнаго мужа. Политія такъ глубоко укоренилась въ Аѣинахъ, что устояла противъ крамоль олигарховъ и враждебной ненависти Спарты и превозмогла самыя гибельныя бѣдствія и пораженія.

Но Перикль былъ въ правѣ гордиться своимъ творчествомъ: ему принадлежитъ честь учрежденія правительственнаго строя, не существовавшего до его времени нигдѣ въ древнемъ мірѣ и не извѣстнаго ни въ Египтѣ, ни въ Финикіи, ни въ Кароагенѣ, не говоря уже ни объ Ассиріи, ни о Персіи. Политіи не знали до Перикла и сами еллины: много было въ Греціи демократій, въ томъ числѣ и въ Спартѣ, предъ всѣми, однако, республиками блистали аеиняне своею политіею и чрезъ нее не только приобрѣли первенствующее мѣсто между еллинами, но и возвысились на степень представителей еллинства. Такъ смотрѣли на Аѣины современники и потомки; такъ смотритъ на нихъ и исторія, отмѣтивъ въ своихъ лѣтописяхъ событія Аѣинской республики преимущественнѣе предъ событіями остальной Греціи. Еллинская исторія пятого и четвертаго до Р. Хр. столѣтій въ томъ видѣ, какъ сохранилась до нашего времени, является всего болѣе исторіею аеинскою, и въ ней, даже въ трудахъ позднѣйшихъ историковъ, повѣствуется съ подробностью о внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ Аѣинской республики, между тѣмъ какъ о про-

чнхъ республикахъ упоминается почти только въ той мѣрѣ, въ какой ихъ дѣйствія производили вліяніе на судьбу цѣлой Греціи. Это значеніе аѳинской политіи привлекло древнихъ ученыхъ изыскателей старинны и направило ихъ дѣятельность къ изслѣдованію предшествовавшей исторіи Аттики; тогда, подъ именемъ историковъ Атонды, образовался разрядъ писателей, которые собрали множество данныхъ и передали потомству свѣдѣнія о событіяхъ своего отечества. Подобнаго ряда изслѣдователей не встрѣчается, кромѣ Аѳинъ, ни въ одной изъ еллинскихъ республикъ, не исключая и Спарты.

Государственными постановленіями древнихъ еллинскихъ республикъ признавалось полное равенство всѣхъ гражданъ предъ закономъ, то-есть, равенство судебное; въ Спартѣ подвергались суду, по предписанію ефоровъ, сановники и правители, что испыталъ Павсанія, не смотря ни на славу своей побѣды, ни на царское происхожденіе. Но приводимое Перикломъ равенство аѳинскихъ гражданъ совершенно отличалось отъ этого состоянія и далеко опередило оное, измѣнивъ его въ самомъ основномъ понятіи: оно достигло высшей ступени верховной равноправности. Устроенная Перикломъ политія представляла единую, безусловную и равноправную общину, образуемую небольшимъ, сравнительно съ общимъ населеніемъ Аттики, числомъ людей, которымъ однимъ принадлежало наследственное званіе гражданина, и которые также только одни назывались аѳинянами. Сотни тысячъ рабовъ и весь значительный разрядъ метиковъ не пользовались гражданствомъ, устранены потому отъ участія въ общинѣ и не могли прилагать себѣ почетнаго имени аѳинянь. Метрики не были ни угнетаемы, ни преслѣдуемы, скорѣе даже покровительствуемы; они спокойно занимались своими дѣлами, такъ что многіе изъ нихъ славились богатствами, но, лишеныя самоуправленія, стояли внѣ общины и повиновались ея велѣніямъ.

Составляя самоуправную, независимую республику, аѳинскіе граждане, признанные закономъ политически равными, обладали верховною властью во всей ея совокупности, законодательною, судебною, исполнительною, военною; но обладали ею не каждый гражданинъ въ отдѣльности, а всѣ въ цѣлости, такъ сказать, міромъ: верховная власть сосредоточивалась нераздѣльно въ общинѣ, τὸ κοινόν, аѳинскихъ гражданъ. Она исполнялась, однако, только личнымъ содѣйствіемъ и участіемъ самихъ гражданъ; еллины эпохи Перикла не знали представительнаго правленія и не избирали депутатовъ въ законодательныя собранія своихъ республикъ; аѳинскій гражданинъ зани-

мался самъ лично всѣми общественными дѣлами и обязанъ былъ ими заниматься, не имѣя права ни замѣнить себя другимъ, ни вмѣсто себя кого либо уполномочивать. Аѳинянинъ былъ членомъ законодательнаго вѣча, членомъ суда или иліастомъ, ἡλιαστής, и подавалъ голосъ на выборахъ во всѣ правительственныя званія и должности; онъ совмѣщалъ въ себѣ эти высокія права и являлся сообщникомъ въ исполненіи верховной власти, но только въ свое личное присутствіе.

Эти права, однако, соединялись тѣснѣйшими узами съ обязанностями, ибо у древнихъ еллиновъ оба понятія не раздѣлимы. Владѣя такими правами, аѳинянинъ подлежалъ многочисленнымъ обязанностямъ и повинностямъ: онъ служилъ отечеству и своимъ имуществомъ и своею личностью. По имуществу, онъ исполнялъ литургіи, λειτουργίαι, какъ постоянныя или круговыя, ἐρχόμενος, такъ и чрезвычайныя, чѣмъ была трирархія, τριρραρχία, то-есть, вооруженіе военнаго корабля и (иногда) начальство надъ онымъ. Сверхъ того, въ особенные случаи взимался налогъ по оцѣнкѣ имущества подъ именемъ взноса, εἰσφορά. Личная служба аѳинянина была военною; всѣ граждане вносились въ списки, κατάλογος, и поступали по требованію или въ сухопутное войско, или на военные корабли. Кромѣ обозначеннаго, аѳинянинъ вообще исполнялъ, при томъ всегда лично, все, что оказывалось необходимымъ или полезнымъ республикѣ.

Личное участіе аѳинянина распространялось даже на судебное производство какъ по частнымъ искамъ и тяжбамъ отдѣльныхъ лицъ между собою, такъ и по дѣламъ общественнымъ и по политическимъ обвиненіямъ. На аѳинскаго гражданина налагалась обязанность начинать и вести судебное дѣло не чрезъ посредство другаго довѣреннаго гражданина, а лично самому во всѣхъ случаяхъ и по всѣмъ предметамъ: онъ самъ подавалъ жалобы, самъ обвинялъ, самъ защищался. Это предписаніе закона вытекало изъ общаго начала, на которомъ построено было зданіе аѳинской политіи, и съ нимъ согласовалось. Положивъ личное дѣйствіе гражданина въ основаніе своихъ общинныхъ учреждений и уклонявъ всякаго рода представительство, аѳиняне не могли и думать о нарушеніи гдѣ бы то ни было этого правила, хотя бы только въ пользу одного судопроизводства. У нихъ потому и не существовало ни новѣйшихъ присяжныхъ повѣренныхъ или адвокатовъ, ни назначаемыхъ судомъ защитниковъ: каждый велъ тяжбу самъ лично, прибѣгая для того, что не воспрещалось, къ помощи посвящавшихъ себя изученію за-

коновъ логографовъ, которые нѣсколько соотвѣтствуютъ новѣйшимъ стряпчимъ, *avoués*. Но личное участіе въ судопроизводствѣ почиталось правомъ, принадлежащимъ только гражданину: аттичскій метикъ не могъ являться въ судъ и обязанъ былъ избрать для своихъ тяжбъ аеинянина, который и былъ его представителемъ, *προστάτης* ¹⁾.

Итакъ, выраженія: аеиняне, аеинскіе граждане, аеинская полиція или аеинская гражданская община, суть выраженія равносильныя, обозначающія одно понятіе съ една замѣтными, даже болѣе литературными, чѣмъ политическими отбѣнками. Сомкнутые въ единую общину и представляя собою какъ бы воплощеніе ея верховной власти, аеиняне высоко цѣнили свою политію и не щадили ни жертвъ, ни усилій для ея сохраненія и процвѣтанія. Ихъ повинности казались бы въ новѣйшее время по своей тягости едва возможными, но они добровольно исполняли оныя и вносили часто болѣе, чѣмъ требовалось, ибо знали, что дѣйствуютъ для блага и счастья собственной политіи и, защищая ее, защищаютъ самихъ себя. Аеинскіе граждане были не только свободно рожденные, подобно метикамъ, но верховно свободные, какъ соучастники въ верховной власти общины; имъ потому и прилагалось наименованіе *οἱ ἔντιμοι*, велегражданственные, такъ какъ словомъ *τιμή* выражалась полноправность гражданина, или его гражданственность ²⁾. По этой причинѣ самымъ грознымъ наказаніемъ, коему могъ подвергнуться по суду аеинянинъ за преступленіи, наказаніемъ, сопровождавшимся ужасными послѣдствіями, была *ατιμία*, ἡ ἀτιμία, что значитъ лишеніе правъ гражданина, или лишеніе гражданственности, такъ связать, безгражданствіе. Понятіе, соединяемое самими аеинянами съ званіемъ гражданина, опредѣляется Димосею въ рѣчи противъ Аристократа. „Мы, о мужи аеиняне,—говоритъ ораторъ ³⁾,—пожало-

¹⁾ *Αροκρατίων*, *Προστάτης*. οἱ τῶν μετοίκων Ἀθηναῖοι προεστηχότες προσταταὶ ἐχαιοῦντο. ἀναγκαῖον γὰρ ἦν ἕκαστῳ τῶν μετοίκων πολιτὴν τινὰ Ἀθηναίων νέμειν προστατὴν. ὑπερίδη; ἐν τῷ κατὰ Ἀριστοκράτους. μέμνηται καὶ Μένανδρος ἐν ἀρχῇ τῆς *Περὶ θίας*.

²⁾ Димосею, противъ Аристократа, § 24 (pag. 628): *Θεασαθε δὴ πρὸς Διὸς ὡς ἀπλῶς καὶ δικαίως χρῆσομαι τῷ λόγῳ, ὅς εἰς μὲν ταύτην τίθεμαι τὴν τάξιν αὐτὸν ἐν ἧ πλείστης ἂν τυγχάνοι τιμῆς, ἃ δ' οὐδ' ἡμῖν τοῖς γένοιτο πολίταις ἐστίν, οὐδ' ἐκείνῳ δεῖν οἶομαι γενέσθαι παρὰ τοὺς νόμους.*

³⁾ Тамъ же, § 65 (pag. 641): *Ἡμεῖς, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, Χαρίδημον ἐποιήσαμεθα πολιτὴν. καὶ διὰ τῆς δωρεᾶς ταύτης μετεδώκαμεν αὐτῷ καὶ ἱερῶν καὶ ὁσίων καὶ νομίμων καὶ πάντων ὄσων περ αὐτοῖς μέτεστιν ἡμῖν.*

вали Харидиму званіе гражданина, и этимъ даромъ признали его членомъ и соучастникомъ въ священнодѣйствіяхъ, въ благочиніи, въ законодательствѣ и во всемъ, чѣмъ мы сами обладаемъ¹.

Но свобода гражданина подчинялась какъ въ Аѳонахъ, такъ и во всѣхъ греческихъ республикахъ законности, что еллины обозначали словомъ εὐνομία, или благозаконіе. „Нѣтъ законности тамъ,—говорить Аристотель¹),—гдѣ, хотя законы и хороши, но имъ не повинуются“. Это выраженіе, по свидѣтельству того же автора, принималось въ двойномъ смыслѣ. Онъ пишетъ за симиъ: „подъ благозаконіемъ разумѣется въ одномъ значеніи повиновеніе уложенію законовъ, въ другомъ хорошее уложеніе для повинующихся“²). Мы позволили себѣ употребить древне русское слово благозаконіе³), такъ какъ оно самый точный переводъ греческаго εὐνομία и выражаетъ тѣ же два политическихъ понятія⁴). Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія Аристотель излагаетъ эту мысль еще съ большею ясностью, предъявляя оную не только съ другой стороны, но и выставляя ее въ видѣ законодательнаго правила. „Забогащіяся о благозаконіи,—говоритъ онъ⁵),—внимательно разсматриваютъ политическое добро и зло; почему и ясно,

¹) Арист., о Госуд., кн. 6(4) гл. 6, § 3: Οὐκ ἔστι δ' εὐνομία τὸ εὖ καθεῖναι τοὺς νόμους, μὴ πείθεσθαι δέ.

²) Тамъ же: διὸ μίαν μὲν ὑποληπτέον εἶναι τὸ πείθεσθαι τοῖς καίμοις νόμοις, ἑτέραν δὲ τὸ καλῶς καθεῖναι τοὺς νόμους, οἷς ἐμμένουσιν. Вѣрный смыслъ сихъ словъ Аристотеля и значеніе слова εὐνομία опредѣлены Бюдземъ, коего толкованіе приводится въ изданіи *Didota Thesaurus graecae linguae ab H. Stephano constructus*, подъ симиъ словомъ (vol. 3, pag. 2862): Etenim, si Aristoteli credimus, duplex est εὐνομία una quidem, recta juris constitutio, altera vero, recte constituto juri obtemperatio.

³) Если употребляемъ слово: беззаконіе, которое также переводъ греческаго ἀνομία, то зачѣмъ бы, кажется, отказываться отъ употребленія слова благозаконіе, нисколько не устрояя слова: законность?

⁴) Г. Скорцовъ въ своемъ переводѣ (Политика Аристотеля, Москва, 1865, in—8°), стр. 267, уклонился отъ Аристотеля и придалъ его словамъ особый отгянокъ, не говоря уже, что составилъ не переводъ, а περίφρασις. Онъ пишетъ: „пользоваться хорошимъ законодательствомъ не значить только имѣть хорошіе законы, но и подчиняться имъ, именно, подъ пользованіемъ хорошимъ законамъ, съ одной стороны, должно разумѣть подчиненіе существующимъ законамъ, а съ другой то, что законамъ, которымъ подчиняются, дѣйствительно хороши“. Замѣчу, что слово εὐνομία никогда и нигдѣ не употребляется въ смыслѣ законодательства, а всегда въ значеніи законности.

⁵) Кн. 8, гл. 5, § 11: Περὶ δ' ἀρετῆς καὶ κακίας πολιτικῆς διακοποῦσιν, δοσι φροντίζουσιν εὐνομίας. ἢ καὶ φανερόν, ὅτι δεῖ περὶ ἀρετῆς ἐπιμελεῖς εἶναι τῇ γ' ὡς ἀληθῶς ὀνομαζομένη πόλει; μὴ λόγου χάρτιν.

что республика, называемая симъ именемъ не ради слова, а истинно, обязана пещись о водвореніи у себя гражданской доблести⁴.

Требованіе безусловнаго повиновенія законамъ неразлучно сопровождало аѳинскаго гражданина во всѣхъ его дѣйствіяхъ и невозможно господствовало въ республикѣ. Аристотель разумѣлъ, вѣроятно, Аѳины, написавъ, что есть „видъ демократіи, въ коей всѣ не привлеченные къ отвѣтственности граждане имѣютъ доступъ къ правительственнымъ званіямъ, но только законъ начальствуетъ“¹⁾. Исократъ, восхваляя аѳинскую политію въ приведенномъ нами отрывкѣ его рѣчи, останавливается съ удивленіемъ на законности и видитъ въ ней главнѣйшій источникъ свободы и процвѣтанія. „Аѳиняне,—говорилъ онъ,—установили политію, не почитавшую своеволія свободою и произвола все творить блаженствомъ, но каравшую беззаконіе⁴. Идея законности есть, однако, идея обще-еллинская, не собственно аѳинская; она выработана вѣковыми трудами еллиновъ и есть ихъ полное политическое и умственное достояніе, послужившее образцомъ послѣдовавшимъ поколѣніямъ. Дорожа свободою, еллины установили законность, какъ оружіе противъ вторженія своеволія, ибо знали, что своеволіе всегда является у нихъ предвозвѣстникомъ тиранніи и соединеннаго съ нею порабощенія.

Эту мысль развиваетъ Сократъ въ Политіи Платона, описывая послѣдствія, происходившія въ греческихъ республикахъ отъ нарушенія законности. Упомянувъ о людяхъ, не заботящихся ни о писанныхъ, ни о не писанныхъ законахъ и вообще не признающихъ надъ собою никакого властелина, замѣтивъ потомъ, что изъ такого состоянія и возрождается тиранніа, Сократъ продолжаетъ²⁾: „Тотъ самый недугъ, который своимъ пребываніемъ погубилъ олигархію, ставъ чрезъ своеволіе еще обширнѣе и крѣпче, порабощаетъ и димо-

¹⁾ Кн. 6(4), гл. 4, § 3: Ἐτερον εἶδος δημοκρατίας, τὸ μετέχειν ἅπαντας τοὺς πολίτας, ὅσοι ἀνεκέρηνοι, ἄρχειν δὲ τὸν νόμον.

²⁾ Платонъ, Политія (въ собр. *Диалогъ*), кн. 8, pag. 563, d. Τελευτῶντες γὰρ που οἷσθ' ὅτι οὐδὲ τῶν νόμων φροντίζουσι γεγραμμένων ἢ ἀγράφων, ἵνα δὴ μηδαμῆ μηδεὶς αὐτοῖς ἢ δεσπότης. ε: Ταῦτόν, ἦν δ' ἐγὼ, ὅπερ ἐν τῇ ὀλιγαρχίᾳ νόσημα ἐγγενόμενον ἀπέλεσεν αὐτήν, τοῦτο καὶ ἐν ταύτῃ πλέον τε καὶ ἰσχυρότερον ἐκ τῆς ἐξουσίας ἐγγενόμενον καταδουλοῦται δημοκρατίαν, καὶ τῷ ὄντι τὸ ἄγαν τι ποιεῖν μεγάλην φιλαίεῖς τοῦναντίον μεταβολὴν ἀνταποδιδόναι, ἐν ὧραις τε καὶ ἐν φυτοῖς καὶ ἐν σώμασι, καὶ δὴ καὶ ἐν πολιτείαις οὐχ ἥκιστα. Pag. 564, a: Ἡ γὰρ ἄγαν ἐλευθερία ἔοικεν οὐκ εἰς ἄλλο τι, ἢ εἰς ἄγαν δουλεία μεταβάλλειν καὶ ἰδιώτῃ καὶ πόλει. Βίχότως τοίνυν, εἶπον, οὐκ ἐξ ἄλλης πολιτείας τυραννίς καθίσταται, ἢ ἐκ δημοκρατίας, ἐξ, οἶμαι, τῆς ἀκροτάτης ἐλευθερίας δουλεία πλείστη τε καὶ ἀγριωτάτη.

кратію. Чрезвычайныя дѣйствія влекутъ обыкновенно за собою противоположный, сильный переворотъ ¹⁾, какъ во временахъ года, произрастаніяхъ и тѣлахъ, такъ и не менѣе въ республикахъ. А потому, и въ республикѣ и у частнаго человѣка чрезмѣрная воля превращается не во что либо иное, а только въ чрезмѣрное рабство; говорю слѣдовательно по справедливости, что тиранія устанавливается не изъ какого либо другаго государственнаго строя, а только изъ демократіи, и думаю, что самая крайняя воля сопровождается наибольшимъ и необузданнѣйшимъ рабствомъ ²⁾.

Сократъ указываетъ на демократію, не на политію и, утверждая, что крайняя воля совпадаетъ съ рабствомъ, разумѣетъ также только демократію. Въ аѳинской политіи, напротивъ, бывшей конечнымъ преобразованиемъ демократіи, преобладала полнѣйшая законность при совершенной равноправности гражданъ. Неповиновеніе законамъ и ихъ неисполненіе было въ Аѳинахъ не мыслимо, ибо всякое уклоненіе подвергалось весьма строгому высканію, чѣмъ и была обезпечена свобода гражданина. За нарушеніе же государственныхъ постановленій республики, святотатство и предательство, за враждебныя замыслы противъ дима съ цѣлью ограниченія правъ онаго, что называлось *κατάλοσις τοῦ δήμου*, вообще за стремленіе низвергнуть учрежденную и признанную политію, у Платона въ Законахъ, *κατάλοσις τῆς παρούσης πολιτείας* ³⁾, за такія преступленія опредѣлялась смертная казнь и соединенная съ тѣмъ политическая опала, состоявшая въ лишеніи званія гражданина и описи въ пользу казначейства республики всего имущества осужденнаго. Для большаго водворенія законности принято было въ Аѳинахъ правило, что внесенію въ вѣче новаго закона должно предшествовать предложеніе о прекращеніи силы того закона, которому новое предложеніе противорѣчило. Гражданинъ, представлявшій на разсмотрѣніе вѣча постановленіе, не согласное съ существовавшимъ, не отиѣненнымъ закономъ, навлекалъ на себя обвиненіе и судъ по преступленію, которое аѳиняне называли *γραφὴ παρανόμων*, обвиненіе въ противозаконіи, и которое было изъ числа важнѣйшихъ.

¹⁾ Понятіе, выражаемое Платономъ, обозначается въ новѣйшее время словами: *action* и *réaction*, дѣйствіе и воздѣйствіе.

²⁾ Платонъ, Законы, кн. 9, pag. 864, d: ἦν δὲ ἡμῖν χαίμενα περὶ τε τῶν σουλώντων, οἶμαι, τοὺς θεοὺς καὶ τὰ περὶ προδοτῶν, ἔτι δὲ τῶν τοὺς νόμους διαφθειρόντων ἐπὶ καταλόσει τῆς παρούσης πολιτείας. Тамъ же, pag. 857, a: προδοτῆ καὶ ἱεροσύλῳ καὶ τῷ τοὺς τῆς πόλεως νόμους βίᾳ ἀπόλλυντι.

Гражданская община афинянъ обладала, подобно другимъ республикамъ древней Греціи, всѣми верховными правами независимаго государства и сообразно съ ними дѣйствовала по собственному усмотрѣнію. Дѣла внутреннія и внѣшнія, война и миръ, союзы и заключеніе договоровъ, торговыя сношенія, взиманіе таможенныхъ пошлинъ, чеканка монеты, — словомъ ей принадлежали всѣ виды самостоятельной независимости, и она ими пользовалась и свободно распоряжалась. Въ этомъ, однако, повидимому, не совокупимомъ разнообразіи Аристотель открылъ три главныхъ начала, или три правительственныхъ власти: законодательную, судебную и исполнительную, и такъ вѣрно, хотя подъ другими названіями, изложилъ оныя, что его назначеніе принято безъ перемѣнъ и ограниченія новѣйшими писателями и положено въ основаніе изученія государственнаго права. „Во всѣхъ политіяхъ,—говоритъ Аристотель ¹⁾,—есть три части, и рачительный законодатель обязанъ сообразить, что каждой изъ нихъ подобаешь, ибо изъ хорошаго ихъ распредѣленія необходимо произойдетъ хорошее устройство политіи, и сами политіи отличаются между собою въ особенности различнымъ учрежденіемъ каждой изъ сихъ частей. Первая изъ трехъ частей есть вѣче общины ²⁾; вторая—начальству-

¹⁾ Аристотель, О госуд., кн. 6 (4), гл. 11, § 1: "Ἔστι δὲ τρία μέρη τῶν πολιτικῶν πασῶν, περὶ ὧν δεῖ θεωρεῖν τὸν σκοποῦσθαι νομοθέτην ἕκαστη τὸ συμφέρον. ὧν ἔχοντων καλῶς, ἀνάγκη τὴν πολιτείαν εἶναι καλῶς, καὶ τὰς πολιτείας ἀλλήλων διαφέρειν ἐν τῷ διαφέρειν ἕκαστον τούτων. Ἔστι δὲ τῶν τριῶν τούτων ἐν μὲν τι τὸ βουλευόμενον περὶ τῶν κοινῶν, δεύτερον δὲ τὸ περὶ τὰς ἀρχάς· τοῦτο δ' ἐστὶν, ἃς δεῖ καὶ τίνας εἶναι κυρίας, καὶ ποίας· τιὰ δὲ γίνεσθαι τὴν αἰρεσὶν αὐτῶν· τρίτον δὲ τί τὸ δικάζων. Къ этимъ словамъ Аристотеля Г. Бартакеми-Сентъ-Илеръ замѣчаетъ въ своемъ изданіи: Voilà la théorie des trois pouvoirs législatif, exécutif et judiciaire; Montesquieu (liv. XI, chap. VI) a omis de rappeler qu'elle était due à Aristote.

²⁾ Слово βουλευεῖν значитъ вѣщать, но не въ смыслѣ говоренія, а въ смыслѣ совѣта или совѣщанія; βουλευεσθαι — определять совѣщаніемъ, такъ сказать: окончательно вѣщать; следовательно, выраженіе Аристотеля τὸ βουλευόμενον значитъ вѣче. Слово вѣче одного корня съ словомъ вѣщать (откуда и вѣщій); вѣче было въ Новгородѣ не только совѣщательнымъ, но и законодательнымъ собраніемъ, и потому по тому слову „вѣче“ соотвѣтствуетъ слово τὸ βουλευόμενον. Оно могло бы, кажется, служить переводомъ для англійскаго слова Parliament, которое происходитъ отъ parler, первоначально parler. Весьма замѣчательно, что слово βουλή, совѣтъ или дума, перешло прямо въ русскій языкъ безъ перевода, только въ доріискѣмъ и вольскѣмъ произношеніи и правописаніи ἢ βολά, по-русски воля, что совершенно вѣрно, ибо βουλή означаетъ и совѣтъ и волю. Бутманъ (Ausführliche griechische Sprachlehre, 1830, in-8, томъ 2, стр. 318) пишетъ: Es ist offenbar, dass βουλή in seiner ursprünglichen und einfachen Bedeutung Wille, Rathschluss, eigentlich bloss zu βούλεσθαι, wollen, gehört.

ющіе въ республикѣ сановники, то-есть, правительственныя лица; кругъ ихъ власти и способъ ихъ избранія,—третья часть судебная*.

II

Различіе въ политическомъ устройствѣ греческихъ республикъ отъ новыхъ.— Г. Гротъ и его германскіе послѣдователи. — Преобладаніе личности и отсутствіе представительнаго начала у еллиновъ.—Исполнительная власть.—Кругъ дѣятельности аѳинскаго вѣча.—Риторы.—Отличіе вѣча отъ парламентовъ.— Оі πολιτοβραβείοι и ἀποπολιτοβραβείοι. — Законодательная и правительственная власть аѳинскихъ гражданъ.—Остракизмъ: связь его съ димократією, изложеніе Аристотеля.

Аристотель излагаетъ свои мысли съ такою ясностью и точностью, что, читая его описаніе государственныхъ постановленій греческихъ республикъ, видишь предъ собою живую картину аѳинской политіи, начертанную согласно съ понятіями самихъ аѳинянъ и съ обозначеніемъ способа, коимъ они приводили ее въ исполненіе. Вѣсть съ тѣмъ нельзя не замѣтить и тѣхъ особенностей, которыми политическое устройство греческихъ республикъ отличалось отъ государственнаго строя не только монархій, но и республикъ нашего времени, и которыя тѣмъ замѣчательнѣе, что усматриваются не въ однихъ виѣшнихъ, такъ сказать, случайныхъ признакахъ, но преимущественно въ основныхъ началахъ, подъ руководствомъ коихъ создавалась древняя политія, и отъ коихъ не отступали ни при ея введеніи, ни при послѣдующихъ ея преобразованіяхъ.

Это различіе значительно, и его необходимо имѣть постоянно въ виду при изученіи событій Аѳинской республики и вообще всей Греціи. Оно обязуетъ изслѣдователя разсматривать дѣла древнихъ не по сравненію съ современными представительными учрежденіями, а по воззрѣніямъ и образу мыслей самихъ еллиновъ, не увлекаясь ни предположеніями, ни собственными политическими мнѣніями. Если ученый представляетъ сужденія объ аѳинской политіи, соображаясь съ приѣмами и дѣйствіями въ новѣйшихъ парламентскихъ правительствахъ, то, исключая рѣдкіе случаи, вноситъ въ древній міръ понятія, большею частью, совершенно чуждыя еллинамъ и тѣмъ искажаетъ эллинскую исторію. Этотъ упрекъ падаетъ всею силою на англійскаго писателя Грота и его германскихъ послѣдователей, между коими явились даже такіе идеалисты, которые стали доказывать, будто бы Политика Аристотеля,—не начертаніе государственнаго права эллинскихъ республикъ, чѣмъ она дѣйствительно была по мысли и

по наложенію автора, а философское ученіе о государствѣ, или, какъ они выражаются, философія еллинскаго права.

Говоря о различіи древнихъ еллинскихъ республикъ отъ современныхъ намъ новѣйшихъ, разумѣемъ частью разнообразіе ихъ состава и чрезвычайную неравноправность ихъ народонаселенія, еще же болѣе ихъ государственное устройство и зависящія отъ онаго правительственныя учрежденія. Въ новѣйшее время словомъ „республика“ выражается понятіе полного, ничѣмъ не ограниченнаго, политическаго и судебного равенства, не стѣсняемаго никакими сословными преимуществами и распространеннаго въ одинаковой степени на всѣхъ природныхъ и признанныхъ гражданами жителей государства. Въ древности, напротивъ, въ періодъ еллинской независимости, подобной, соединявшей въ единое цѣлое все населеніе, равноправности никогда не существовало и не было ни попытокъ къ ея водворенію, ни даже мечтательныхъ о ней созерцаній. Еллинскою республикою называлась весьма небольшая община гражданъ, которые одни управляли, судили и издавали законы; одни властвовали надъ громаднымъ числомъ рабовъ, распоряжаясь ими какъ вещью; одни первенствовали надъ метиками, бывшими только свободными, но устраненными отъ гражданства. Хотя между метиками встрѣчались люди съ высокимъ образованіемъ, а метикъ Лисія превзошелъ въ ораторскомъ искусствѣ многихъ гражданъ и приобрѣлъ даже знаменитость, они, однако, не могли выйти изъ своего униженнаго положенія. Рабовъ отпускали часто на волю, и метикамъ даровали иногда званіе гражданина, но только въ видѣ награды и какъ особое отличіе. Въ этомъ убѣжденіи греки жили и померли: о политическомъ равенствѣ всѣхъ жителей они не помышляли и не догадывались, и почитали оно возможнымъ и доступнымъ только гражданамъ.

Еще обширнѣе и существеннѣе оказывается различіе при разсмотрѣніи правительственныхъ учрежденій еллиновъ, ибо они основаны у нихъ на началахъ, противоположныхъ новѣйшимъ. Упомянемъ о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ и наиболѣе замѣчательныхъ.

Въ древнихъ еллинскихъ республикахъ нѣтъ и слѣдовъ представительнаго правленія: оно имъ осталось совершенно неизвѣстнымъ, какъ и вообще всякаго рода представительство, въ чемъ бы то ни было. Греки знали только личное участіе во всѣхъ дѣлахъ, правительственныхъ, военныхъ, судебныхъ; требовали онаго отъ каждаго гражданина, и въ то же время видѣли въ немъ преимущество гражданскаго званія и его отличіе отъ другихъ сословій. Самъ гражда-

нивъ лично былъ вонномъ, самъ велъ свои тяжбы, обвиняя и защищаясь, самъ лично присутствовалъ въ законодательномъ вѣчѣ, гдѣ могъ произносить рѣчи и посредствомъ подачи голоса предъявлялъ свое мнѣніе, но былъ, однако, лишенъ права уступать свой голосъ другому гражданину.

Преобладаніе личности и отсутствіе представительнаго начала вызвали политическое положеніе, составляющее одну изъ главнѣйшихъ особенностей еллинскихъ республикъ: въ нихъ никогда не избирали сановника, котораго можно было бы сравнить съ президентами новѣйшихъ республикъ, или, по крайней мѣрѣ, имъ уподобить. Древніе эсимниты и ессалийскіе таги, ταῦοι, пользовались властью чрезвычайною и не соответствовали современнымъ президентамъ ни званіемъ, ни кругомъ государственной дѣятельности. Представителемъ древней еллинской республики было гражданское вѣче, завѣдывавшее всѣми правительственными дѣлами какъ внутренними, такъ и внѣшними, причисляя къ послѣднимъ самыя сношенія съ греческими и чужеземными государствами. Въ Афинахъ, о коихъ всего болѣе историческихъ свѣдѣній, иностранные послы, по разсмотрѣніи ихъ грамотъ и по предложенію думы, принимались, вводимые и предшествуемые пританами, торжественно въ вѣчѣ, приглашались его именемъ къ обѣду въ пританіи и затѣмъ уже признавались полномочными для переговоровъ ¹⁾. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что подобныя правила соблюдались и въ прочихъ республикахъ Греціи.

Не избирая президента, еллины согласовались съ своими политическими мнѣніями, отъ которыхъ не отступали безъ крайней необходимости не только въ годы мира и спокойствія, но и во время войны и внутреннихъ потрясеній. При полномъ господствѣ личности и при всеобщемъ у нихъ стремленіи къ законности, они требовали отчета въ дѣйствіяхъ у всѣхъ правительственныхъ лицъ, а въ Спартѣ и у самихъ царей, угрожаемыхъ даже карою суда, по обвиненію ефорами. Древніе еллины не знали неотвѣтственнаго сановника, а потому и не могли возвыситься до отвлеченнаго понятія признавать главою и представителемъ республики гражданина, облеченнаго всѣми преимуществами верховенства и окруженнаго почетомъ и блескомъ, но лично неотвѣтственнаго, что принято и весьма заботливо охраняется въ современныхъ намъ республикахъ Европы и Америки.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ приѣмѣ, съ ссылками на источники, въ моемъ разсужденіи: *Le procès de Themistocle*, стр. 18 и 19.

Столь же глубокое различіе усматривается въ устройствѣ исполнительной власти: здѣсь также, какъ и въ другихъ частяхъ правительства, противоположность въ самомъ руководящемъ началѣ. Еллины не совнавали ни значенія, ни необходимости существующаго въ представительныхъ правленіяхъ повѣйшаго времени единого по мысли и убѣжденію министерства, выражающаго извѣстное политическое направленіе и, при довѣрїи и содѣйствїи большинства палаты, обладающаго сосредоточіемъ всей исполнительной власти государства. У еллиновъ не было и не могло быть ни министерствъ въ повѣйшемъ смыслѣ, ни такъ называемой нынѣ политики совѣта министровъ; исполненіе государственныхъ должностей возлагалось вѣчемъ на сановника, къ коему питали уваженіе и кому довѣряли, и его обязывали иногда принять высокое и трудное назначеніе, не спросивъ даже его согласія. Никія не сочувствовалъ походу въ Сицилію и открыто противился оному; его, однако, избрали, вождемъ ¹⁾, и онъ повиновался.

Политика Аѳинской республики опредѣлялась самимъ собраніемъ вѣча и утверждалась большинствомъ голосовъ присутствовавшихъ гражданъ. Ее внушали и проводили дальновидные государственные люди, славившіеся даровитостью и краснорѣчіемъ, и извѣстные потому подъ именемъ раторовъ; но они являлись въ вѣче и предлагали или защищали политическія мѣры не въ званїи сановниковъ, стоявшихъ въ главѣ правительства, ибо часто не занимали никакой значительной должности, а какъ равные съ другими граждане, хотя вслѣдствіе своей гениальности дѣйствительно первенствовали въ республикѣ. Такимъ преобладающимъ челоѡкомъ изображается Периклъ, по поводу коего Фукидидъ ²⁾ замѣчаетъ, что въ его время „Аѳины почитались только по имени демократіею, на дѣлѣ же находились подъ властью или начальствомъ первенствующаго мужа“. Плутархъ ³⁾, раадѣляя мнѣніе Фукидида и повторяя самия его выраженія, прибавляетъ еще, что Периклъ властвовалъ могуществомъ

¹⁾ *Фукидидъ*, кн. 6, гл. 8, § 4: Καὶ ὁ Νικίας ἀκούσας μὲν ἤρμηένος ἀρχεῖν, νομίζων δὲ τὴν πόλιν οὐκ ὀρθῶς βεβουλεύσθαι ἢ πρ.

²⁾ *Фукидидъ*, кн. 2, гл. 65, § 9: ἐγένετό τε λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχῆς.

³⁾ *Плутархъ*, Πολιτικά παραγγέλματα, Πολιτικῆς προεισεσις (наставленія), гл. 5, § 10, pag. 802, C: Διὰ τοῦτο ἢ κατὰ Περικλέα πολιτεία λόγῳ μὲν, ὡς φησι Φουκιδίδης, δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχῆ διὰ τὴν τοῦ λόγου δόξαν.

слова. Фукидиду подражаетъ и Цицеронъ ¹⁾, когда, назвавъ Перикла краснорѣчивѣйшимъ ораторомъ, говорятъ, что „въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ главою вѣча Аѳинской республики“.

Если Периклъ могъ въ теченіе сорока лѣтъ руководить политикою аѳинянъ, то не въ качествѣ первыхъ министровъ новѣйшаго времени, а только какъ членъ вѣча, большинство коего ему сочувствовало, ибо видѣло въ немъ своего представителя, обладавшаго искусствомъ излагать предъ своими, внимавшими ему, согражданами какъ бы собственныя ихъ возрѣнія и мысли. Такимъ путемъ онъ и достигъ того чрезвычайнаго вліянія, какимъ обладалъ въ Аѳинской республикѣ. Этотъ взглядъ принадлежитъ древнимъ и высказанъ Плутархомъ. „Периклъ,—лишетъ біографъ ²⁾,—первенствовалъ сорокъ лѣтъ при Ефіальтахъ, Леократахъ, Миронидахъ, Кимонахъ, Толмидахъ, Фукидидахъ; послѣ же низложенія и изгнанія остракизмомъ Фукидида, правилъ не менѣе пятнадцати лѣтъ, пріобрѣтая, въ сравненіи съ одногодними воеводствами, единосушую власть и державность“. Плутархъ воспроизводитъ здѣсь оцѣнку Фукидида, и его слова служатъ прекраснымъ дополненіемъ и толкованіемъ краткому изреченію историка. Согласно съ ними и свидѣтельство Цицерона ³⁾, который говоритъ, что Периклъ, „возвышаясь знаніями, мудростью, краснорѣчіемъ, управлялъ сорокъ лѣтъ въ Аѳинахъ и общинными, и въ то же время военными дѣлами“.

Но аѳинское вѣче отличалось отъ современныхъ намъ парламентовъ не столько своимъ составомъ, заключаая въ себѣ, не выборныхъ представителей, а всѣхъ гражданъ лично присутствовавшихъ, сколько, и преимущественно, кругомъ дѣятельности, который былъ значительно обширнѣе, обнимая нераздѣльно всѣ отрасли верховной власти. Аѳинское вѣче было въ собственномъ смыслѣ правительствомъ

¹⁾ Цицеронъ, De Oratore, кн. 1, гл. 50, § 216: Quare non, etsi eloquentissimus Athenis Pericles, idemque in ea civitate plurimos annos princeps consilii publici fuit, idcirco ejusdem hominis atque artis utraque facultas existimanda est.

²⁾ Плутархъ, Живзисоп. Перикла, гл. 16, § 3: Καὶ ταῦτα καιρὸς οὐκ ἦν οὐδ' ἀκμὴ καὶ χάρις ἀνθρώπου: ἐφ' ὧρα πολιτείας, ἀλλὰ τεσσαράκοντα μὲν ἔτη πρῶτεύων ἐν Ἐφιάλταις καὶ Λεωκράταις καὶ Μυρωνίδαῖς καὶ Κίμωνι καὶ Τολμίδαις καὶ Θουκυδίδαις, μετὰ δὲ τὴν Θουκυδίδου κατάλυσιν καὶ τὸν ὀστρακισμόν οὐκ ἐλάττω τῶν πεντεκαίδεκα ἐτῶν διηγεκῆ καὶ μίαν οὖσαν ἐν ταῖς ἐνιαυτοῖς στρατηγίαις ἀρχὴν καὶ δυναστείαν κτησάμενος ἐφύλαξεν ἑαυτὸν ἀνάλωτον ὑπὸ γρημάτων.

³⁾ Цицеронъ, De oratore, кн. 3, гл. 84, § 138: Itaque hic doctrina, consilio, eloquentia excellens, quadragiuta annos praefuit Athenis et urbanis eodem tempore et bellicis rebus.

республики: въ немъ обсуждались и постановлялись правительственныя мѣры, изъ него исходили назначенія и распоряженія. Правительствующими лицами были сами граждане, составлявшіе единомыслищее большинство вѣча, которые потому и назывались оі колітаεούμενοι, что значить гражданствующіе, то-есть, правительствующіе; имъ противостояли и противоборствовали, умѣряя ихъ силу ¹⁾, оі антиколітаεούμενοι, или противоправительствующіе, предводимые при Периклѣ Θουкидидомъ ²⁾, сыномъ Мелисіи (Μελισίας), и защищавшіе антиполитію, ἡ ἀντιπολιτεία, то-есть, слѣдовавшіе политикѣ, не согласной съ политикою большинства вѣча.

Драгоценнѣйшія свѣдѣнія объ аѳинскомъ вѣчѣ сообщаетъ Плутархъ въ жизнеописаніи Перикла ³⁾, гдѣ, знакома исторически вѣрно съ постепеннымъ образованіемъ вѣчевыхъ партій, художественно описываетъ ихъ составъ и положеніе, ихъ разнородныя начала и ихъ политическое, такъ сказать, парламентское взаимодѣйствіе. Плутархъ удостовѣряетъ, что правильность и законность въ вѣчевыхъ преніяхъ воплѣ въ дворились при Периклѣ и Θουкидидѣ, и что съ того времени правленіе Аѳинской республики утверждалось на равноправной борьбѣ противоположныхъ мнѣній, для обозначенія чего аѳиняне употребляли выраженіе: τὴν κολιταίαν εἰς ἀντίκαλον καθίστάμεν, то-есть, установить политію во взаимодѣйствіе ⁴⁾. Антиполитεωмены не поддерживали политики, враждебной государственными учрежденіямъ аѳинянь, и не стремились низвергнуть республику; они, напротивъ, равновѣрно заботились о пользѣ и величіи своего отечества, но понимали она иначе, чѣмъ первенствующіе члены большинства собранія, и потому противорѣчили предлагаемымъ ими правительственнымъ мѣрамъ.

Но оба отдѣла аѳинскаго вѣча являются древнѣйшими первообразомъ парламентскихъ партій Англіи и соотвѣтствуютъ повѣйшимъ выраженіямъ: министерское большинство и оппозиція. Въ этомъ смыслѣ ихъ, можетъ быть, позволено сравнить съ вигами и торіями англійскаго парламента; въ существѣ, однако, они глубоко отъ нихъ

¹⁾ Плутархъ, Житіеоп. Перикла, гл. 11, § 1: Οἱδ' ἀριστοκρατικαί... βουλόμενοι δ' ἄμας εἶναι τινα τὸν πρὸς αὐτὸν ἀντιπασσόμενον ἐν τῇ πόλει καὶ τὴν δύναμιν ἀμβλύοντα и пр.

²⁾ Плутархъ, тамъ же, гл. 8, § 5: Ἦν μὲν γὰρ ὁ Θουκυδίδης τῶν καλῶν καγαθῶν ἀνδρῶν καὶ κλειστόν ἀντεπολιτεύσατο τῷ Περικλεῖ χρόνον.

³⁾ Въ 11-й главѣ.

⁴⁾ См. рецензію книги Лютерсопскаго, стр. 22—25.

различны, ибо вѣче, то-есть, сами граждане, были не только законодателями, но и правителями Аѳинской республики. Другими словами, еллинское вѣче представляло совокупленіе двухъ въ наше время раздѣляемыхъ властей: парламента и совѣта министровъ. „Гражданиномъ,—говорить Аристотель ¹⁾,—признается вообще тотъ, кто участвуетъ въ правленіи и самъ подчиняется власти, хотя, по различію законодательства, его положеніе различно; въ политіи же гражданиномъ почитается тотъ, кто обладаетъ способностью и рѣшимостью управлять и управляться, сообразно съ добродѣтельной жизнью“.

Говоря о политическомъ различіи между древнимъ и новымъ міромъ, нельзя не упомянуть объ остракизмѣ, ὁ ὀστρακισμός, учрежденіи непримѣнимомъ въ настоящее время и невозможномъ, но вполне соответствовавшемъ понятію еллиновъ и вызванномъ введеніемъ демократіи, гдѣ оно оставалось въ силѣ до совершеннаго водворенія политіи, когда и прекратилось. Это еллинское воззрѣніе превосходно разъяснено и изложено Аристотелемъ, который видитъ въ остракизмѣ необходимое условіе процвѣтанія демократіи, хотя въ его время остракизмъ давно уже не существовалъ болѣе въ Аѳинахъ. Приведемъ собственныя слова философа.

„Если,—говорить Аристотель ²⁾,—въ республикѣ есть одинъ или нѣсколько гражданъ, которые, хотя по малочисленности и не могли бы составить сами собою общины, но отличаются такою высокою доблестью, что съ нею не сравнима доблесть всѣхъ прочихъ гражданъ, и государственная даровитость конхъ, или даже только одного, превосходить политическое значеніе всѣхъ другихъ, то нельзя ви-

¹⁾ Аристотель, Политика, кн. 3, гл. 7, § 12: Πολίτης δὲ κοινὴ μὲν ὁ μετέχων τοῦ ἀρχεῖν καὶ ἀρχεσθαι ἐστὶ καθ' ἑκάστην δὲ πολιτείαν ἕτερος· πρὸς δὲ τὴν ἀρίστην ὁ δυνάμενος καὶ προσιρούμενος ἀρχεσθαι καὶ ἀρχεῖν πρὸς τὸν βίον τὸν κατ' ἀρετὴν.

²⁾ Аристотель, Политика, кн. 3, гл. 8, § 1: Εἰ δὲ τις ἐστὶν εἰς τοσοῦτον διαφέρων κατ' ἀρετῆς ὑπερβολὴν, ἢ πλείους μὲν ἑνός, μὴ μέντοι δυνατοὶ πλήρωμα παρασέσθαι πόλεως, ὥστε μὴ συμβλητὴν εἶναι τὴν τῶν ἄλλων ἀρετὴν πάντων, μηδὲ τὴν δύναιμι αὐτῶν τὴν πολιτικὴν πρὸς τὴν ἐκείνων, εἰ πλείους, εἰ δ' εἷς, τὴν ἐκείνου μόνον, οὐκέτι θετέον τοῦτους μέρος πόλεως· ἀδικήσονται γὰρ ἀξιούμενοι τῶν ἴσων, ἀνισοι τοσοῦτον κατ' ἀρετὴν ὄντες καὶ τὴν πολιτικὴν δύναμι· ὥσπερ γὰρ θεὸν ἐν ἀνθρώποις εἰκός εἶναι τοιοῦτον. § 2: Ὅθεν δήλον ὅτι καὶ τὴν νομοθεσίαν ἀναγκαῖον εἶναι περὶ τοὺς ἴσους καὶ τῷ γένει καὶ τῇ δυνάμει· κατὰ δὲ τῶν τοιούτων οὐκ ἐστὶ νόμος· αὐτοὶ γὰρ εἰσι νόμος. Καὶ γὰρ γελοῖος ἂν εἴη νομοθετεῖν τις πειρώμενος κατ' αὐτῶν λέγειεν γὰρ ἂν ἴσως, ἅπερ Ἀντισθένης ἔφη τοὺς λέοντας, δημηγορούντων τῶν θαυσιπρόδων καὶ τὸ ἴσον ἀξιούτων πάντας εὔειν.

дѣтъ въ подобныхъ личностяхъ простой части республики (и къ остальнымъ приравнивать). Эти люди, столь не равные другимъ и доблестью и государственною даровитостью, подверглись бы несправедливости, когда бы ихъ признавали съ ними равноправными: они какъ бы богъ между людьми. Отсюда ясно, что законодательство необходимо только для равныхъ по роду и по значенію; для такихъ же людей нѣтъ закона, ибо они сами законъ, и заслужилъ бы смѣхъ предпринявшій подчинить ихъ общимъ законамъ. Они, конечно, отвѣтили бы то же, что въ разказѣ Антисоена сказали львы, когда, въ вѣчѣ мохнатоногихъ, зайцы постановили равенство всѣхъ животныхъ¹.

Опредѣливъ это понятіе, Аристотель приступаетъ къ разсмотрѣнію остракизма и, разбирая его установленіе, разъясняетъ съ разныхъ сторонъ смыслъ и значеніе онаго, даже необходимость его введенія, что находитъ законнымъ и справедливымъ. „По этой самой причинѣ,—продолжаетъ Аристотель¹⁾,—демократическія республики и учреждаютъ у себя остракизмъ, ибо въ нихъ наиболѣе преобладаетъ стремленіе къ водворенію равенства между всѣми. Если замѣчаютъ, что кто либо превозмогаетъ или богатствомъ, или числомъ приверженцевъ, или какою другою политическою силою, то прилагаютъ къ нему остракизмъ (то-есть, подаютъ голоса, написавъ имя на черепкѣ, τὸ βῆρακον) и удаляютъ его на опредѣленное время изъ республики². Оканчивая свое разсужденіе о семъ предметѣ, Аристотель выражаетъ мнѣніе, что „основное начало остракизма, состоящее въ примѣненіи его къ признаваемому всѣми превосходству (одного лица надъ другими согражданами), въ политическомъ смыслѣ справедливо“²⁾.

Не забудемъ, что остракизмъ былъ изобрѣтенъ и существовалъ въ республикахъ демократическихъ, и что его дѣйствіе ограничивалось эпохою господства демократіи, гдѣ при преобладаніи дима не было и не могло быть полнаго политическаго равенства, о коемъ, однако, димоты мечтали, и о чемъ они ревниво заботились. Когда же демократія преобразовалась въ политію, когда наступило время правительнаго нѣчеваго, такъ сказать, парламентскаго обсужденія прави-

¹⁾ Аристотель, тамъ же: Διο καὶ τίθενται τὸν ὀστρακισμόν αἱ δημοκρατούμεναι πόλεις διὰ τὴν τοιαύτην αἰτίαν. αὗται γὰρ δὴ δοκοῦσι διώκειν τὴν ἰσότητά μαλιστα πάντων ὥστε τοὺς δοκοῦντας ὑπερέχειν δυνάμει διὰ πλοῦτον ἢ πολυφιλίαν ἢ τινα ἄλλην πολιτικὴν ἰσχυρὴν ὠστράκιζον, καὶ μεθίστασθαι ἐκ τῆς πόλεως χρόνους ὁρισμένους.

²⁾ Аристотель, тамъ же, § 6: Διὸ κατὰ τὰς ὁμολογουμένας ὑπεροχὰς ἔχει τι δίκαιον πολιτικὸν ὁ λόγος ὁ περὶ τὸν ὀστρακισμόν.

тельствѣнныхъ дѣлъ, и когда дѣйствительно водворилось при Периклѣ политическое равенство между гражданами, остракизмъ оказался излишнимъ, превратился въ орудіе и игру партій и, наконецъ, былъ покинутъ. Это замѣчаніе, вытекающее прямо изъ словъ Аристотеля, служитъ оцѣнкою и опроверженіемъ того взгляда, не привлекашаго, впрочемъ, многихъ послѣдователей, по которому еллинскій остракизмъ уподобляютъ переизвѣнъ и паденію министерствъ въ современной Англіи.

III.

Подданство по понятіямъ древнихъ еллиновъ.—Возвръненіе древнихъ еллиновъ на государственную службу.—Государственная дѣятельность гражданъ еллинскихъ республикъ.—Достоинства (ἀξιώσεις) и низшія общинныя должности (ἑκκλησία).—Ипиреты.—Ἰπηρεσία въ эпоху свободы Греціи и во времена римскаго владчества.—Толкователи Аристотеля: Гифаній, Сигоній, Ветторій, Сепульведа, Ламбинъ и А. Бекъ.—Объясненіе выраженія φησὶν εἶναι τέχνην.—Разборъ взглядовъ Аристотеля и Платона на республику.—Двѣ категорія должности у Аристотеля и Платона.

Различіе въ государственныхъ учрежденіяхъ греческихъ республикъ сопровождалось, какъ и слѣдовало ожидать, различіемъ въ воззрѣніи еллиновъ на государственную дѣятельность самихъ гражданъ: въ этомъ смыслѣ представленія древнихъ глубоко отдѣлялись отъ представленій нашего времени. Съ словомъ „подданный“, соединялось у грековъ понятіе совершенно противоположное новѣйшему смыслу этого выраженія. Нынѣ англичане, германцы, русскіе, къ какому бы словію они ни принадлежали, признаются всѣ вообще подданными своего государства; у грековъ, напротивъ, словомъ подданные, ἑπὶ χροῖ, обозначались не верховно свободные граждане, а только подчиненныя и лишеныя своей самостоятельной независимости нѣкогда вольныя общины, находившіяся потомъ подъ игемоніемъ одной могущественной республики. Члены же республики, πόλις, πολιτεία, правители подданныхъ, назывались гражданами, πολῖται, или ἄνδρες πολῖται, и смотрѣли на это званіе какъ на самое почетное, почему и помѣщали оно всегда при своемъ имени. Фукидидъ начинаетъ свою исторію словами: „Фукидидъ, аеинскій гражданинъ, описалъ войну пелопоннискевъ съ аеинянами“¹⁾.

Другое столь же значительное различіе древняго общества отъ

¹⁾ Φουκιδίδης Ἀθηναῖος ἐξηγήσατο τὸν πόλεμον τῶν Πηλοπονησιακῶν καὶ Ἀθηναίων

новѣйшаго выражается въ наименованіи правительственной дѣятельности еллинскихъ гражданъ. Въ настоящее время во всѣхъ государствахъ Европы и Америки исправленіе должностей, не исключая и первостепенныхъ, почитается государственною службою, и этотъ политическій взглядъ, оставаясь наслѣдіемъ средневѣковыхъ учрежденій и обычаевъ, не измѣнился до сихъ поръ и сохраняется какъ въ монархіяхъ, такъ и въ республикахъ. Иначе смотрѣли на дѣло древніе еллины; они строго отдѣляли званія гражданскія отъ негражданскихъ и, называя первыя званіями гражданскими, αἰ πολιτικαὶ ἐκτελέσειαι, ибо признавали оныя достояніемъ только гражданъ, именуя при томъ высшія должности достоинствами, ἀξιώσεις, употребляли выраженія: служба, ὑπηρεσία и служащій, ὑπηρετής, для обозначенія низшихъ общинныхъ должностей, которыя поручались обыкновенно бѣднымъ людямъ, по ихъ собственному желанію, въ богатыхъ же республикахъ и рабамъ,—тѣмъ и другимъ, однако, всегда за условленную плату; между тѣмъ какъ исполненіе гражданскихъ должностей и званій не соединялось ни съ какимъ опредѣленнымъ жалованьемъ.

Аристотель, изложивъ въ Политикѣ разнообразныя должности гражданъ, упоминаетъ также, хотя весьма кратко, о службѣ и при этомъ пишетъ ¹⁾: „Служебныя же обязанности, и что къ онымъ причисляется, предоставляются рабамъ, если республики обладаютъ богатствами“. Изъ словъ Аристотеля нельзя не заключить, что ограниченіе такъ называемой службы, ὑπηρεσία, низшими общинными обязанностями, коимъ, какъ вѣрно замѣтилъ Гифаній ²⁾, никогда и нигдѣ не прилагалось наименованія начальства, ἀρχή, не составляло особенности одной какой либо республики, или даже нѣсколькихъ, но было общимъ политическимъ учрежденіемъ, принятымъ повсемѣстно у еллиновъ. Писатель удостовѣряетъ, сверхъ того, что службу могли исправлять какъ рабы, такъ и свободные, но нѣтъ сомнѣнія, что послѣдними были только бѣдные граждане, оставлявшіе всякую надежду на возможность достигнуть высшихъ достоинствъ.

О возрѣвнн древнихъ еллиновъ на службу узнаемъ изъ Димосоева, который превосходно изобразилъ униженное положеніе служебныхъ людей въ обществѣ, произнеся только одно слово. Развѣ-

¹⁾ *Аристотель*, Политика, кн. 6 (4), гл. 12, § 3: αἰ δ' ὑπηρετικαὶ (ἐκτελέσειαι) καὶ πρὸς αἷ, ἐν εὐκορίαι, τὰττοιαι δοῦλους.

²⁾ *Oberti Giphani* Commentarii in Politicorum opus Aristotelis. Francofurti. 1608. 8°. О служебныхъ людяхъ онъ пишетъ, pag. 506: Nos ultimos nemo unquam magistratus dixerit.

вая въ концѣ рѣчи противъ Лептина мысль, что будущность скрыта отъ всѣхъ людей, и что маловажные случаи порождаютъ великія событія ¹⁾, ораторъ приводитъ примѣръ сиракузцевъ и говоритъ о водвореніи у нихъ тиранніи Діонисія: „Думали ли сиракузцы, древне-демократическіе, взимавшіе дань съ кароагенианъ, властвовавшіе надъ всѣми своими сосѣдями и побѣдившіе насъ въ морскомъ сраженіи, поднасть подъ тираннію одного писца, который былъ, какъ повѣствуютъ, служебнымъ челоуѣкомъ?“ ²⁾. Такъ помялъ Димосеена и сколіастъ, но онъ ошибся, прибавивъ, что имена: писецъ, γραμματεὺς, и служебный, ὑπηρέτης, были у аенианъ названія отверженныя, то-есть, презрѣнныя ³⁾. Конечно, ширеты не окружались почетомъ, но ихъ службою дорожили для поддержанія благочинія и всегда признавали ее полезною; имъ нельзя придавать поворнаго имени отверженныхъ, ἀπαρρίμμενοι. Димосеенъ клеймитъ симъ словомъ предателей ⁴⁾.

Между тѣмъ, однако, какъ въ республикахъ свободной Греціи наименование ширета прилагалось всегда сообразно съ точнымъ значеніемъ слова службы, ὑπηρέσια, — въ сосѣдней и современной, но деспотической Персіи — это самое имя принималось въ болѣе обшир-

¹⁾ Димосеенъ, противъ Лептина, § 162: Ἄλλ' οἶμαι, τὸ μέλλον ἀδηλον πάσιν ἀνθρώποις, καὶ μικροὶ καιροὶ μεγάλων πραγμάτων αἴτιοι γίνονται.

²⁾ Тамъ же, § 161: οὐδέ γ' ἴσως Συρακῶσιοι, τὸ πάλαι δημοκρατούμενοι καὶ φοροὺς Καρυθονίους πραττόμενοι καὶ πάντων τῶν περὶ αὐτοὺς ἄρχοντες καὶ νευμαχία νευκηχότες ἡμᾶς, ὅφ' ἐνὸς γραμματέως, ὃς ὑπηρέτης ἦν, ὡς φασί, τυραννήσεσθαι. — Все это предложеніе подробно разобрано въ Apparatus criticus et exegeticus ad Demosthenem, ed. Schaefer, tom. 3 (Londini. 1826. 8°), pag. 292 и 293, гдѣ собраны толкованія Рейске, Швангейма, Весселинга, Ф. А. Вольфа и самого издателя. О выраженіи ὡς φασί Шееръ пишетъ: Verto wie wir hören, wie uns berichtet wird, non wie man sagt. Я послѣдовалъ въ своемъ переводѣ Шееру, тѣмъ болѣе, что не признаю справедливымъ мнѣніе тѣхъ издателей Димосеена, которые принимаютъ слова ὡς φασί за позднѣйшую вставку.

³⁾ Scholia in Demosthenem (Oratores Attici, ed. Didot, vol. 2, pag. 680), Противъ Лептина, 506, 16: εἶτα ἐξάρξαι τὴν τῶν Συρακῶσιων ἰσχυρὸν τὸν κεκρατηχότα λίαν ἡλάττωσε, γραμματεῖα καὶ ὑπηρέτην προσεπέπων, ὀνόματα παρ' Ἀθηναίοις ἀπαρρίμμενα. Это толкованіе принадлежитъ Ульпиану, и Петитъ (Leges Atticae, ed. P. Wes-selingius, Lugd. Batav., 1742, fol.), увлеченный имъ, пишетъ, pag. 342: Vile erat hoc munus apud Athenienses; но ego опровергъ Шпангейма (Esechielis Spanheimii, liberi Baronis, Dissertationes de Praestantia et usu Numismatum, edit. 2-da Londini. 1706. 2 vol., fol.), vol. 1, Dissert. Nona, cap. IV, De dignitate Граμματέως, § 8, pag. 704—706.

⁴⁾ О вѣнцѣ, § 48: τί δ' Ἀριστратος ἐν Σικωῶνι, καὶ τί Παρίλαος ἐν Μεγάροις; οὐχ ἀπαρρίμμενοι;

помъ смыслѣ, близко напоминающемъ новѣйшее употребленіе онаго. Иродотъ удостовѣряетъ, что ипиретами назывались въ Персіи не только люди, исправлявшіе простыя служебныя обязанности, но и высшіе государственные сановники, лица, стоявшія во главѣ правительства. Въ описаніе сраженія, происходившаго при городѣ Саламинѣ на Кипрѣ, гдѣ персы побѣдили возставшихъ противъ Дарія греческихъ царей острова, Иродотъ вставилъ разказъ объ отдѣльномъ случаѣ, чѣмъ онъ постоянно и съ искусствомъ разнообразитъ свое повѣствованіе. Описалъ, 'Ονήσιος, саламинскій, коего отрядъ стоялъ противъ самихъ персовъ, бывшихъ подъ предводительствомъ Артивія, 'Αρτίβιος, зналъ, что конь сего военачальника былъ обученъ подниматься на дыбы предъ вооруженнымъ воиномъ и, бросившись на противника, кусать и топтать его, а потому и совѣтовался о средствахъ отразить нападеніе съ своимъ щитоносцемъ, родомъ карійцемъ, опытнымъ въ военныхъ дѣлахъ и весьма отважнымъ ¹⁾. Иродотъ приводитъ ихъ разговоръ, въ коемъ отмѣняетъ слѣдующія слова щитоносца: „Царю и воеводѣ,—говорилъ онъ ²⁾,—подобаешь сразиться съ царемъ и воеводою; намъ же служителямъ (ипиретамъ) съ служителями и съ лошадью³⁾. Здѣсь слово ипиреть поставлено въ смыслѣ служителя.

У того же историка читаемъ слово ипиреть въ значеніи сановника и довѣреннаго лица персидскаго государя. Когда Смердисъ завладѣлъ, съ помощью своего брата Патизифа, Πατιζειθης, престоломъ Персіи, то повсюду отправлены были вѣстники для объявленія войску и всѣмъ подданнымъ, чтобы впредъ повиновались сыну Кира Смердису, а не Камвису ⁴⁾. Вѣстники возглашали о семъ вездѣ, съ ними и посланный въ Египетъ, который, встрѣтя войско Камвиса и самого царя въ сирійскихъ Экватанахъ, выступилъ въ среду вои-

¹⁾ *Иродотъ*, кн. 5, гл. III, § 1: "Ἠλαυνε δὲ ἵππον ὁ Ἀρτίβιος δεδιδαχμένον πρὸς δπλίτην ἵστασθαι ὀρθόν. Πυθόμενος ὦν ταῦτα ὁ Ὀνήσιος, ἦν γὰρ οἱ ὑπασιπιστὴς γένος μὲν Κάρ, τὰ δὲ πολέμια κάρτα δοκιμὸς καὶ ἄλλως λίγματος πλέος, εἶπε πρὸς τοῦτον, „πυθάνομαι τὸν Ἀρτιβίου ἵππον ἱστάμενον ὀρθόν καὶ ποσὶ καὶ στόματι καταργάζεσθαι πρὸς τὸν ἄν προσενεχθῆ.

²⁾ Тамъ же, § 3: Βασιλέα μὲν καὶ στρατηγὸν χρεῶν εἶναι φημι βασιλεῖ τε καὶ στρατηγῷ προσφέρεσθαι. . . . . § 4: ἡμέας δὲ τοὺς ὑπηρέτας ἑτέροισί τε ὑπηρέτησι προσφέρεσθαι καὶ πρὸς ἵππον.

³⁾ *Иродотъ*, кн. 3, гл. 61, § 4: Ποιήσας δὲ τοῦτο κήρυκας τῆ τε ἄλλῃ διέπαμπε καὶ δὴ καὶ ἐς Αἴγυπτον προσρέοντι τῷ στρατῷ ὡς Σμέρδης τοῦ Κύρου ἀκουστέζ εἰς τοῦ λοιποῦ, ἀλλ' οὐ Камβύσεω.

новъ и произнесъ данное ему повелѣніе ¹⁾). Испуганный этимъ извѣстіемъ, персидскій вельможа Прикасепъ, Πρηξάκης, οος, убійца истиннаго Смердиса, убѣждалъ царя Камвиса приказать настигнуть гонца и допросить его, кѣмъ именно онъ посланъ. Получивъ разрѣшеніе Камвиса, Прикасепъ сказалъ приведенному вѣстнику: „Самъ ли ты видѣлъ Смердиса, и онъ ли самъ далъ тебѣ это повелѣніе, или кто изъ его ипиретонъ, служащихъ?“ — Гонецъ отвѣтилъ: „Смердиса, сына Кирова, я не видѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ царь Камвисъ отправился въ походъ противъ Египта; мнѣ приказалъ волхвъ (магъ), котораго Камвисъ поставилъ управителемъ своихъ дворцовъ; онъ приказалъ мнѣ, говоря, что Смердисъ, сынъ Кира, повелѣваетъ сказать вамъ это“ ²⁾). Здѣсь ипиретомъ названъ Патизвоѣ, знатный мидіецъ и братъ похитителя престола.

Въ самой Греціи означенное понятіе о службѣ, ὑπηρεσία, сохранялось въ своей силѣ въ продолженіе всего времени государственной независимости еллинскихъ республикъ. Оно стало измѣняться послѣ покоренія Греціи римлянами и совершенно утратило прежній смыслъ въ эпоху Римской имперіи, принявъ значеніе, соотвѣтствовавшее принятому нѣкогда въ Персіи. Это измѣненіе, свидѣтельствующее о паденіи политической свободы гражданъ и древнаго воззрѣнія на службу, подтверждается подлинными постановленіями небольшихъ позднѣйшихъ общинъ. Граждане городка Афродисіады, Ἀφροδισιάς, ἄδος ³⁾, чувствуютъ сына Адраста, Ган Юлія Потитіана „за всю исполненную имъ литургію и службу“ ⁴⁾). Еще опредѣленнѣе говорится въ другой скрижали той же Афродисіады, гдѣ чи-

¹⁾ Тамъ же, гл. 62, § 1: Οἱ τε δὴ ὡν ἄλλοι κήρυκες προηγόρευον ταῦτα, καὶ δὴ καὶ ὁ ἐπ' Αἴγυπτον ταχθεὶς, εὗρισκε γὰρ Καμβύσέα καὶ τὸν στρατὸν ἰόντα τῆς Σουίης ἐν Ἀγβατάνοισι, προηγόρευε στίς ἐς μέσον τὰ ἐντεταλμένα ἐκ τοῦ Μάγου.

²⁾ Тамъ же, гл. 63, § 1: κότερα τούτος τοι Σμέρδισ φαίνόμενος ἐς ὄψιν ἐνετείλατο ταῦτα, ἢ τὼν τις ἐκείνου ὑπηρετέων;

§ 2: Ὁ δὲ εἶπε, „ἐγὼ Σμέρδιν μὲν τὸν Κύρου, ἐξ ὄτεу βασιλεὺς Καμβύσης ἤλασε ἐς Αἴγυπτον, οὕτω ὁπωπα ὁ δὲ μοι μάγος τὸν Καμβύσης ἐπίτροπον τῶν οἰκίων ἀπέδειξε, οὗτος ταῦτα ἐνετείλατο, φῆς Σμέρδιν τὸν Κύρου εἶναι τὸν ταῦτα ἐπιθέμενον εἶπα, πρὸς ὑμέας.

³⁾ Городъ на границѣ Фригійи съ Каріею, нынѣ, по мнѣнію Госселна, Генра. Aphrodisias parait répondre à Gheira. Gosselin, Géographie de Strabon, trad. du grec en français, tome 4-me, 2-de partie (Paris, 1816, in—4°), стр. 122, примѣч. 5.

⁴⁾ Corpus Inscriptionum Graecarum, ed. A. Boeckhii, № 2786 (vol. 2, pag. 519): Γάϊον Ἰουλίον Ἀδράστου υἱόν, Ποσειτιανόν, ἄνδρα φιλόπατριν, πᾶσαν λειτουργίαν καὶ ὑπηρεσίαν ἐκτελεχέστα.

таемъ: Дума и вѣче почтили Митродора, мужа благочестнаго для общины, ревнителя правды при исполненіи правительственныхъ начальствъ, должностныхъ званій, надзора надъ общественными сооруже́ніями и прочими службами отечеству" ¹⁾. Здѣсь начальство, *ἀρχή*, признается службою, *ὕπηρεσία*, и этотъ взглядъ не былъ мѣстною особенностью афродисіадцевъ, а является весьма распространеннымъ, ибо выраженъ равномерно въ одной изъ крижалей острова Тиноса, ἡ Τήνος. Эта скрижаль начинается заявленіемъ: „Дума и вѣче (почтили съ изъявленіемъ благодарности) Сатира, сына Филина, исполнившаго всякое начальство и всѣ новинности, предводившаго четыре архиеорія и поднесшаго городу бани“; затѣмъ приводятся его многочисленныя денежныя пожертвованія; наконецъ, въ заключеніе дается ему титулъ „облагодѣтельствовавшаго отечество какъ разнообразными службами, такъ и приношеніями“ ²⁾. Приведенныя здѣсь свидѣтельства удостовѣряютъ въ справедливости мнѣнія, что въ римскую эпоху древнее еллинское понятіе о службѣ измѣнилось, и что слово *ὕπηρεσία* принималось тогда въ общемъ смыслѣ государственной службы.

Гифаній, голландскій ученый шестнадцатаго столѣтія ³⁾, соста-

¹⁾ Тамъ же, № 2779 (vol. 2, pag. 516): Ἡ βουλή καὶ ὁ δῆμος ἐτείμησεν καὶ μετῆλλαυόντα Μητροδώρον Μητροδώρου Δημητρίου ζήσαντα κοσμίως, ἔνδρα περὶ τὰ κοινὰ τῆς πόλεως φιλότατον, ἐν τα ἀρχαῖς καὶ ὑποσχέσεσιν καὶ ἐργασιασῶν καὶ ταῖς λοιπαῖς εἰς τὴν πατρίδα ὑπηρεσίαις πρόθυμον γενόμενον.—Слово *ὕπηρεσις* значило первоначально обѣщаніе и обѣтъ, впоследствии принималось, сверхъ того, въ смыслѣ обременности по обѣту, и вообще въ значеніи должности или званія. Лукіанъ, осмѣивая въ своемъ разговорѣ: Рыболовъ или Воскресеніе, Ἄλιος ἢ Ἀναβιούτης, современныхъ философовъ, которые, по его словамъ, подражаютъ только наружному виду истинныхъ мыслителей, что въ состояніи воспроизвести всякій, но противорѣчатъ имъ жизнью и ученіемъ, пишетъ § 31, p. 599: καὶ διαφθεύροντας τὸ δέξιμα τῆς ὑποσχέσεως, то-есть, поорящіе, или уничтожающіе достоинство званія.

²⁾ Тамъ же, № 2336 (pag. 260): Ἡ βουλή καὶ ὁ δῆμος Σάτορον Φαλείνου, κληρώσαντα πᾶσαν ἀρχὴν καὶ λειτουργίαν, καὶ ἀρχιθεωρήσαντα τετράκις, καὶ ἀναθέντα τῇ πόλει βαλανείον . . . . . καὶ ποικίλαις ὑπηρεσίαις τε καὶ ἐπιδόσεσιν, εὐεργετήσαντα τὴν πατρίδα, εὐχαρίστως ἐτείμησεν.

³⁾ *Hubert van Giffen*, или *Obertus Giffanius*, род. 1531 г. въ Бюренѣ, въ герцогствѣ Гельдернѣ, ум. въ Прагѣ, въ Богеміи 26 іюля 1604 г. Послѣ его смерти издано, найденное въ рукописи, его сочиненіе *Commentarii in Politicorum opus Aristotelis*, 1608 года, которымъ я пользуюсь. Есть еще другое, мнѣ неизвестное, изданіе 1637 года, напечатанное въ Гельмштадтѣ, съ предисловіемъ и введеніемъ Германа Ковринга.

ивнѣйшій превосходный толкованіи на Политику Аристотеля, послужившія драгоцѣнною сокровищницею, въ коей новѣйшіе филологи весьма усердно черпаютъ (не рѣдко и не указывая источника, и не называя имени Гизоанія), отлично разъясняютъ выраженіе Аристотеля: служебныя обязанности, αἱ δ' ὑπηρετικαὶ ἐπιμελείαι, и говоритъ, что этимъ словомъ обозначалась служба при управленіи, при судѣ и вообще при высшихъ должностяхъ республики. При обширности требуемыхъ общиною обязанностей, служба была чрезвычайно разнообразна и исполнялась множествомъ людей, коимъ придавались наименованія по роду ихъ занятій. Гифаній называетъ изъ нихъ нѣкоторыхъ, прибавляя, согласно съ Аристотелемъ, что на службу назначались обыкновенно рабы у еллиновъ ¹⁾).

Нельзя не оказать справедливости Гифанію въ ясномъ и отчетливомъ изложеніи мысли Аристотеля, главное значеніе коей заключается въ указаніи симъ философомъ существовавшего въ греческихъ республикахъ строгаго отдѣленія гражданскихъ званій отъ должностей служебныхъ, что и составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ политическихъ воззрѣній древнихъ еллиновъ. Гифаній пишетъ ²⁾, что гражданскія званія именовались вообще начальствомъ, ἀρχὴ magistratus, но что служба или служебныя обязанности никогда таковымъ не признавались: это опредѣленіе принадлежитъ всецѣло сему ученому. Его современники: Сигоній ³⁾, Ветторій ⁴⁾,

¹⁾ Гифаній, Commentarii, pag. 505: Administra denique, ut ita dicam, seu hypiretica, quae magistratibus, aliis majoribus curationibus, deserviunt, ut sunt cornicularii, accensi, scribae, viatores, lectores, carnifices, quae munera servis mandari solent. Гизоаній пишетъ Hypiretica и тѣмъ свидѣтельствуетъ, что въ его время преобладало произношеніе Рейхлина.

²⁾ См. выше.

³⁾ С. Sigonii De republica Atheniensium libri 1111 (Venetiis, 1560). Въ началѣ четвертой книги авторъ приводитъ, pag. 102, обор., только Аристотеля, но не занимается вопросомъ, что разумѣли древніе подъ словомъ служба.

⁴⁾ P. Vettori, или Pet. Victorius, род. 1499 во Флоренціи, ум. 1585 г., издавъ 1556 г. Commentarii in VIII libros Aristot. de optimo statu civitatis. Не имѣя этого изданія, пользуюсь слѣдующими: Aristotelis Politicorum libri octo ex Dion. Lambini et P. Victorii interpretationib. puriss. Graecolatini, Victorii Commentariis perpetuis declarati, Basileae, 1582, fol. На стр. 394 Ветторій пишетъ: Dividit (Aristoteles) igitur ipsas (ἐπιμελείας) in... et in serviles, et quae propriae sunt famulorum et ministrorum. Нѣсколько далѣе онъ прибавляетъ: Serviles tenuesque curas fuisse dicit, quibus civitas proponebat, si abundaret, servos: libenter enim liberabat cives his tenuibus vilibusque muneribus.

Сепулведа ¹⁾, даже Ламбинъ ²⁾, открытый врагъ Гифанія, порицавшій его съ безпримѣрною рѣзкостью, не обратили никакого вниманія на показаніе Аристотеля и прошли мимо, не замѣтивъ важности онаго. Такъ же поступали и послѣдовавшіе за нимъ филологи; только Августъ Бѣкъ, въ своемъ высоко замѣчательномъ и полезномъ трудѣ: Государственное хозяйство аѳинянъ, воспроизводитъ положеніе Гифанія, говоря, что въ Аѳинахъ „безспорно существовало первоначально основное различіе между службою, *ἰκτεροσία* и правительственнымъ мѣстомъ, *ἀρχή*, и что первая соединялась съ платою, послѣднее же завѣдывалось бесплатно“ ³⁾.

Этимъ указаніемъ, однако, знаніе службы, согласно съ понятіемъ, принятымъ о ней въ греческихъ республикахъ, не исчерпано. Гифаній разъяснялъ только упоминаніе Аристотеля и вполнѣ удовлетворялъ ожиданія и требованія читателя; но ни онъ, ни его послѣдователь Августъ Бѣкъ не помышляли о собраніи въ совокупное цѣлое разнообразныхъ свѣдѣній, встрѣчающихся у самихъ древнихъ авторовъ и у ихъ позднѣйшихъ толкователей, и не приступали къ ихъ разбору и изслѣдованію. Даже имя Гифанія забыто, и германскіе ученые приписываютъ его мнѣніе Августу Бѣку. Думаемъ, что изученіе этого предмета не лишено значенія, ибо имъ открывається новая, до сихъ поръ не замѣченная, своеобразная сторона въ зданіи еллинскихъ республикъ, не соответствующая повѣйшимъ учрежденіямъ. Постараемся отвѣтить на этотъ любопытный вопросъ въ возможно краткомъ очеркѣ.

Аристотель, давшій столь положительное показаніе объ общинной службѣ у древнихъ, излагаетъ также и то политическое начало, руководясь коимъ еллины ввели въ своихъ республикахъ служебныя

¹⁾ *Sepulveda*, род. 1491, ум. 1572, замѣчательный испанскій ученый, составившій латинскій переводъ Политики Аристотеля. Въ находящемся у него изданіи: *Aristotelis De republica libri VIII, interprete et enarratore Jo. Genesio Sepulveda Cordubensi, Coloniae Agripinae, 1601, 4° pag., 217: Ministratrices. Quae ad exequendum duntaxat munus aliquod publicum pertinebant*. Не смотря на чрезвычайную краткость толкованія, слова *munus publicum* показываютъ, что Сепулведа понималъ вѣрнѣе Ламбана и Ветторія.

²⁾ Знаменитый французскій филологъ, умершій въ 1572 г., пораженный ужасами Варооломеевской ночи, хотя онъ былъ католикомъ.

³⁾ *Die Staatshaushaltung der Athener von August Böckh, 2 Ausg., Berlin, 1851, vol. 1, pag. 338: Ursprünglich war es unstrittig sogar ein grundsätzlicher Unterschied zwischen Dienst (*ἰκτεροσία*) und Regierungsstelle (*ἀρχή*), dass jener für Lohn, diese ohne Lohn verwaltet wurde.*

обязанности, ὑπηρετικαὶ ἐπιμέλειαι, отдѣльно отъ прочихъ должностей и званій. Разсуждая о домохозяйствѣ, περὶ οἰκονομίας, онъ говоритъ, что республика слагается изъ семействъ (или домовъ), что части домохозяйства соотвѣтствуютъ частямъ, составляющимъ само семейство, и что, наконецъ, полное семейство, или домъ, состоитъ изъ рабовъ и свободныхъ ¹⁾). Аристотель разлагаетъ затѣмъ семейство на составныя части онаго и находитъ въ немъ три двойственныхъ вида. „Первыя и малѣйшія части семейства,—пишетъ онъ ²⁾),—суть: господинъ и рабъ, мужъ и жена, отецъ и дѣти; необходимо разсмотрѣть эти три вида и узнать, въ чемъ каждый изъ нихъ состоитъ и чѣмъ долженствуетъ быть“. „Есть,—прибавляетъ онъ нѣсколько далѣе ³⁾),—еще видъ (четвертый), въ коемъ одни видятъ вообще домохозяйство, другіе важнѣйшую часть онаго, что и необходимо изслѣдовать: говорю о такъ называемой приобрѣтательности (то-есть, приобрѣтенія имущества)“.

Авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію названныхъ имъ частей, и прежде всего занимается установленіемъ понятія о рабствѣ, почему и начинается словами: „Скажемъ сначала о рабѣ и господинѣ“ ⁴⁾). Приведя затѣмъ нѣкоторыя, противоположныя его взгляду на этотъ предметъ, мнѣнія, Аристотель пишетъ ⁵⁾): „Какъ во всѣхъ опредѣ-

¹⁾ Аристотель, Полит., кн. 1, гл. 2, § 1: Ἐπεὶ δὲ φανερόν, ἐξ ὧν μορίων ἡ πόλις συνέστηκεν, ἀνάγκη περὶ οἰκονομίας εἰπεῖν πρότερον· πᾶσα γὰρ πόλις ἐξ οἰκιῶν σύγκειται· οἰκονομία δὲ μέρη, ἐξ ὧν αὐτῆς οἰκία συνίσταται· οἰκία δὲ τέλειος ἐκ δοῦλων καὶ ἐλευθέρων.

²⁾ Тамъ же: Πρῶτα δὲ καὶ ἐλάχιστα μέρη οἰκίας δεσπότης καὶ δοῦλος, καὶ πόσις καὶ ἄλογος, καὶ πατήρ καὶ τέκνα· περὶ τριῶν ἂν τούτων σκεπτέον εἶη, τί ἕκαστον καὶ ποῖον θεῖ εἶναι.

³⁾ Тамъ же, § 2: Ἔστι δὲ τι μέρος, ὃ δοκεῖ τοῖς μὲν εἶναι οἰκονομία, τοῖς δὲ μέγιστον μέρος αὐτοῖς· ὅπως δ' ἔχει, θεωρητέον· λέγω δὲ περὶ τῆς καλουμένης χρηματιστικῆς.

⁴⁾ Тамъ же: Πρῶτον δὲ περὶ δεσπότου καὶ δούλου εἰπωμεν.

⁵⁾ Тамъ же, § 4: Ὡσπερ ταῖς ὀρισμέναις τέχναις ἀναγκαῖον ἂν εἶη ὑπάρχειν τὰ οἰκεῖα ὄργανα, εἰ μέλλει ἀποτελεσθῆσθαι τὸ ἔργον, οὕτω καὶ τῶν οἰκονομικῶν τῶν δ' ὀργάνων τὰ μὲν ἀψυχα, τὰ δ' ἐμψυχα· οἷον τῷ κυβερνήτῃ ὁ μὲν οἶαξ ἀψυχον, ὁ δὲ πρῶρεὺς ἐμψυχον· ὁ γὰρ ὑπὸ κτήτους ἐν ὀργάνου εἶδει ταῖς τέχναις ἐστίν· οὕτω καὶ τὸ κτῆμα ὄργανον πρὸς ζωὴν ἐστίν, καὶ ἡ κτήσις πλῆθος ὀργάνων ἐστίν καὶ ὁ δοῦλος κτῆμά τι ἐμψυχον, καὶ ὡσπερ ὄργανον πρὸ ὀργάνων πᾶς ὁ ὑπὸ κτήτους. § 5: Εἰ γὰρ ἡδύνατο ἕκαστον τῶν ὀργάνων κελευσθῆναι ἢ προαισθανόμενον ἀποτελεῖν τὸ αὐτοῦ ἔργον, ὡσπερ τὰ Δαιδάλου φασὶν ἢ τοῦ τοῦ Ἡφαιστοῦ τρίποδος, οὕς φησὶν ὁ ποιητῆς αὐτομάτους θεῖον ὕεσθαι ἀγῶνας, οὕτως αἱ κερχίδες ἐκέρχισον αὐταί, καὶ τὰ πλῆκτρα ἐκίθαρξεν, οὕδεν ἂν εἶδει οὔτε τοῖς ἀρχιτέκτοσιν ὑπηρετῶν, οὔτε τοῖς δεσπόταις δούλων. Выразеніе: ὀρισμέναις τέχναις, понимается толкователями Аристотелевой Политики различно. Вильгельмъ Моербека Врѣвѣнскій (въ изд. Политики Зуземигемъ, 1872,

ленныхъ искусствахъ необходимы, для достиженіи совершенства въ исполненіи, свойственныя каждому искусству въ отдѣльности орудія, такъ подобныя же орудія требуются и для домохозяйства. Эти орудія двоякаго рода: одни неодушевленные, другія одушевленные. Для кормчаго, напримѣръ, руль орудіе неодушевленное, а рулевой одушевленное, ибо ипиреть (служащій или помогающій) есть въ искусствахъ видъ орудія. Такъ и владѣніе есть орудіе (средство) жизни, а имущество—полнота орудій; рабъ есть одушевленное владѣніе, всякій же ипиреть какъ бы орудіе изъ орудій (то-есть, лучшее или совершеннѣйшее орудіе). Еслибы каждое орудіе, по приказанію ли, или по собственному предчувствію, само могло исполнять свое дѣло, подобно тому какъ разказываютъ о статуяхъ Дѣдала и о треножникахъ Ифеста, которые, по словамъ поэта, сами собою вступали въ сонмъ боговъ; еслибы ткацкіе челноки сами ткали, и смычки сами играли на киеарѣ, то не нуждались бы ни водчіе (или вообще предприниматели) въ ипиретахъ, ни господа въ рабахъ⁴.

Въ этихъ словахъ Аристотеля выражается не личное мнѣніе сего писателя, а общее воззрѣніе еллиновъ, которые почитали республику политическимъ совокупленіемъ семействъ и стремились къ учрежденію у себя общины, видя въ ней правильное и оконченное развитіе семейнаго начала. Это воззрѣніе такъ глубоко у нихъ укоренилось, что Платонъ, затронувъ случайно этотъ предметъ, упоминаетъ о немъ, какъ о неурложной истинѣ, не требующей ни доказательствъ, ни разсмотрѣній. Въ своей Политикѣ онъ влагаетъ въ уста чужеземца вопросъ: „Развѣ есть различіе въ управленіи большого семейства (домохозяйства) и малой республики?“ На что Сократъ младшій отвѣ-

---

pag. 13) переводитъ: *determinatis artibus*; Ветторіи (pag. 24) и Гюевіи (pag. 44): *art. definitis*; Ламбинъ (pag. 24), соединивъ оба толкованія, пишетъ: *artibus definitis ac terminatis*. Въ примѣчаніи (pag. 25) Ветторіи придаетъ этимъ словамъ особый смыслъ, ибо говоритъ: *Quemadmodum, inquit (Aristoteles), artibus absolutis jam ac perfectis (hoc enim arbitror valere, quod inquit ὀρισμέναις, ut distinguat ipsas ab iis, quae inchoatae sunt, ac nondum ita definitae, ut merito vocentur artes). Шлоесеръ (Aristoteles Politik, 3 vol., 8e, Lübek und Leipzig, 1798. См. vol. 1, pag. 18, примѣч. 23), опровергнувъ это толкованіе, переводитъ: *Und wie in den auf gewisse Zwecke beschränkten Künste. Весьма вѣрно передалъ мысль Аристотеля Г. Бартелени-Сентъ-Илеръ, написавъ (vol. 1, pag. 19): comme les autres arts, chacun dans sa sphère. Г. Скворцовъ, напротивъ, удалмси отъ подлинника, принявъ слова Аристотеля въ общемъ, отвлеченномъ значеніи. Онъ переводитъ (стр. 13): какъ для успѣха каждаго дѣла, которое дѣлается съ опредѣленною цѣлью, необходимо должны быть спеціальныя средства.**

часть: „Нѣтъ никакого“¹⁾). Республика слагается изъ семействъ, говоритъ Аристотель, и посвящаетъ потому всю первую книгу своей Политики разсмотрѣнію семейства, начиная только во второй разборъ мнѣній Платона, Ипподама и другихъ политическихъ мыслителей.

Не смотря на громадное разстояніе, отдѣляющее семейство отъ политіи или гражданской общины, есть, однако, черты, присущія имъ обимъ и не изглаженные ни временемъ, ни событіями. Какъ въ семействѣ, такъ и въ политіи признавалась равноправность всѣхъ членовъ, которые вмѣстѣ совѣщались, судили и завѣдывали общими дѣлами; какъ семейство состояло изъ собственной семьи и людей постороннихъ, при томъ такимъ образомъ, что члены семьи распоряжались и управляли, посторонніе же только помогали и трудились, исполняя данныя имъ порученія, такъ равномѣрно и политія состояла изъ гражданъ, образующихъ самоуправимую общину, и негражданъ, принимающихъ на себя, по собственному желанію, исполненіе разныхъ общинныхъ обязанностей. Отсюда произошли два рода должностей, ἐκκλησιασται, гражданскія и не гражданскія, которыя рѣзко отдѣлялись одиѣ отъ другихъ и въ цвѣтущее время эллинскихъ республикъ никогда не смѣшивались. Послѣднія, какъ недостойная гражданъ, должность называлась у грековъ службою, ὑπηρέσια, а сами служебные люди иппретами, ὑπηρέται.

IV.

Платонъ о двойственной категоріи должностей. — Теорія Целлера. — Разборъ „Политика“ Платона. — Опроверженіе взгляда Целлера на политію Платона.

Въ совершенномъ согласіи съ Аристотелемъ упоминаетъ о двойственной категоріи должностей Платонъ и тѣмъ удостовѣряетъ, что въ его время всѣ были убѣждены въ необходимости подобнаго рода управленія. Его свидѣтельство замѣчательно всего болѣе въ томъ смыслѣ, что онъ идетъ въ своемъ изложеніи путемъ, имъ самимъ проложеннымъ и противоположнымъ способу Аристотеля, ибо разсматриваетъ это учрежденіе не со стороны положительнаго закона, какъ поступаетъ Аристотель, а съ философской точки зрѣнія. Платонъ называетъ потому каждую изъ сихъ категорій не собственнымъ ея именемъ, чѣмъ она обозначалась въ дѣйствительной жизни, и что приводитъ Аристотель, а именемъ философскимъ, принятымъ древними

¹⁾ Платонъ, Политика, гл. 2: Τί δέ; μεγάλης σχήμα οἰκίσεως ἢ ἐμικρὰς αὐ πόλεως ὄχος μᾶν τι πρὸς ἀρχὴν διοίετον; ΝΕ. ΣΩ. Οὐδέν.

мыслителями при созерцаніяхъ о мірозданіи и о верховномъ правителѣ міра, и только примѣненнымъ къ политическому устройству. Разумѣемъ употребляемыя Платономъ выраженія: αἰτίαι и συναιτίαι.

Платонъ, опровергая въ Тимѣѣ нѣкоторыя положенія предшествовавшихъ ему философовъ, выражаетъ свою мысль слѣдующимъ выводомъ: „Всѣ эти положенія, — говоритъ онъ ¹⁾, — суть только причины содѣйствующія, службою коихъ пользуется богъ, чтобы исполнить идею возможно совершеннаго добра, но большинство (философовъ) думаютъ, что онѣ не содѣйствующія, а сами причины всего“ ²⁾. Платонъ и Аристотель развиваютъ эти два начала, αἰτία и συναιτία, τὸ αἴτιον и τὸ συναιτίον, и признаютъ оныя однимъ изъ основаній своего ученія. Αἰτία принимается у Аристотеля преимущественно въ смыслѣ первой или первоначальной причины, что весьма точно опредѣлилъ г. Бартеlemi-Сентъ-Илеръ ³⁾, но Платонъ разумѣетъ подъ этимъ выраженіемъ наиболѣе творческую силу, которая повелѣваетъ, и отъ коей зависятъ прочіе дѣятели, исполнители, именуемые имъ вообще συναιτία, почему г. Мартенъ и переводитъ αἰτία, или τὸ αἴτιον, словами: причина верховная ⁴⁾; συναιτία же не есть ни причина второстепенная ⁵⁾, ни причина побочная ⁶⁾, что иногда читаемъ у толкователей; ея обозначалось, напротивъ, только содѣйствіе, вѣрнѣе говоря, исполненіе данныхъ предначертаній.

Г. Целлеръ ⁷⁾ въ своей философіи грековъ отрицаетъ зависимость снѣтѣи, συναιτία, отъ αἰτία, утверждая, будто бы Платонъ называетъ

¹⁾ Платонъ, Тимѣя, pag. 46, ed: Ταῦτ' οὖν πῖντ' ἔστι τῶν συναιτίων, οἷς θεὸς ὑπηρετοῦσι χρῆται τὴν τοῦ ἀρίστου κατὰ τὸ δυνατόν ἰδέαν ἀποτελών δοξάζεται δι' ὑπὸ τῶν πλείστον οὐ συναιτία ἀλλ' αἰτία εἶναι τῶν πάντων.

²⁾ Разъясненіе этого мѣста Платона въ трудѣ г. Мартена: Études sur le Timée de Platon par Henri Martin, Paris, 1841, 2 vol. 8°. См. Note, LIII, vol. 2, pag. 171 sq.

³⁾ Métaphysique d'Aristote, trad. par Barthélemy-Saint-Hilaire (3 vol. 8°, 1879), livre 1, ch. 3, vol. 1, pag. 24: Causes premières.

⁴⁾ Études sur le Timée, vol. 1, pag. 20: la cause suprême.

⁵⁾ Oeuvres de Platon, trad. par V. Cousin, vol. 12, pag. 147: tout cela est du nombre des causes secondaires, dont Dieu se sert pour représenter l'idée du bien.

⁶⁾ H. Martin, тамъ же, vol. 1, pag. 125: tout cela, ce sont des causes accessoires.

⁷⁾ Die Philosophie der Griechen von E. Zeller, 2-ter Theil, 1-te Abth. (2-te Ausg. Tübingen, 1859), pag. 488: Beiderlei Ursachen stehen sich nun freilich keineswegs gleich: die eigentlichen und wesentlichen Gründe der Dinge sind die Endursachen, die physikalischen dagegen sind für bloße Mitursachen, oder genauer für bloße Hilfsmittel der zweckthätigen Vernunft zu halten.

словомъ *συναιτία* вспомогательныя средства дѣйствующаго съ цѣлью разума, въ противоположность слову *αἰτία*, означающему конечную причину, то-есть, собственныя и существенныя причины вещей. Авторъ признаетъ оба начала: *αἰτία* и *συναιτία*, самостоятельными и согласуетъ съ этимъ предположеніемъ свое разсмотрѣніе сего предмета. Его мнѣніе явствуетъ уже изъ переведеннаго имъ слова *συναιτία* выраженіемъ вспомогательныя средства, ибо вспомогательныя средства тогда только способны оказать дѣйствительное вспомошествованіе, если они не лишены самостоятельности. Онъ устраниваетъ при томъ всякое сомнѣніе, прибавляя, что „эти оба начала не безсильны и не орудія разума, ему вполне повинующіися“¹⁾. Но этотъ взглядъ рѣшительно противорѣчитъ ученію Платона, и Целлеръ приписываетъ философу мысль, совершенно ему чуждую. Платонъ весьма ясно говоритъ о сивагіяхъ, ибо пишетъ, что Богъ, верховная причина, *αἰτία*, всего существующаго, пользуется ихъ службою, τῶν συναιτίων, οἷς θεὸς ὑπηρετοῦσι χρεῖται, и тѣмъ опредѣляетъ ихъ подчиненное положеніе.

Эти самыя начала Платонъ вноситъ также въ свое ученіе о государствѣ и, руководясь ими, разсматриваетъ политическій строй эллинскихъ республикъ. Онъ излагаетъ свои мысли въ разговорѣ, называемомъ *Политикъ*, гдѣ пользуется оборотомъ рѣчи, отличающимся отъ рѣчи Аристотеля и требующимъ хотя краткаго указанія, что и постараемся исполнить. Платонъ принимаетъ три главныхъ вида государства: царство, аристократію и димократію; присоединивъ же къ нимъ тираннію и олигархію, которыя признавались у эллиновъ неправильными, онъ считаетъ пять²⁾. Но онъ употребляетъ слово царь, βασιλεὺς, въ особенномъ, только ему принадлежащемъ смыслѣ, ибо соединяетъ съ этимъ словомъ не названіе лица, облеченнаго царскимъ саномъ, а прилагаетъ оному общее значеніе верховной власти, и постоянно слѣдуетъ этому способу во всемъ своемъ *Политикѣ*, гдѣ, разсуждая о правительствѣ, онъ пишетъ царь, хотя разумѣетъ очень часто гражданъ димократіи. „Будемъ разсматривать,—говоритъ онъ³⁾,—политика, царя, господина и даже домостроителя

¹⁾ Тамъ же: Aber doch sind auch sie nicht so machtlos, dass sie ein durchaus gehorsames Werkzeug der Vernunft wären.

²⁾ Тамъ же, гл. 81 (pag. 291, d, e): Ἐταῖς δ' οὐσαι μὲν οὐ πάντε τρόπον τινα γίγνονται, δὲ ἐξ ἑαυτῶν ἀλλὰ πρὸς αὐταῖς ὀνόματα τίττουσαι.

³⁾ Тамъ же, гл. 2 (pag. 258, e): Πότερ' οὖν τὸν πολιτικὸν καὶ βασιλέα καὶ δεσπότην καὶ ἐτ' οἰκονόμον ἠήσομεν ὡς ἐν πάντα ταῦτα προσαγορευόντες, ἢ τοσαύτας τέχνας αὐτὰς εἶναι φῶμεν, ὅσαπερ ὀνόματα ἐρρήθη;

изображающими одно понятие^а. Въ согласіи съ тѣмъ, онъ утверждаетъ, что есть только одна наука о государствѣ, хотя ей и придаютъ разныя наименованія. „Не будемъ спорить,—говорить чужеземецъ¹⁾,—называть ли ее царскою наукою, или политикою, или наукою о государственномъ хозяйствѣ^а. А вскорѣ за тѣмъ онъ прибавляетъ²⁾: „Совокупимъ все въ одно: политика и политику, царствующаго и царскую науку, и признаемъ ихъ едиными^а. Разсуждая поздиѣе о томъ отдѣлѣ умозрительнаго знанія, который онъ называетъ повелѣвательнымъ, μέρος ἐκτακτικόν, и разлагая оный на части, Платонъ говоритъ³⁾, что остается разсмотрѣть ту науку, что повелѣваетъ людямъ и называется царскою и политическою. Еще далѣе въ продолженіи своего труда онъ пишетъ⁴⁾: „согласно съ прежнимъ нашимъ положеніемъ необходимо именовать царственнымъ мужемъ того, кто обладаетъ царскою наукою (не разыскивая), властвовалъ ли онъ, или не властвовалъ^а“.

Перейдемъ къ собственному предмету изученія и прежде всего замѣтимъ, что философъ, идя путемъ діалектики, не высказываетъ своей мысли разомъ, какъ бы мгновенно, но приближается къ ней медленно, постепенно развивая оную и никогда не удаляясь отъ своей цѣли. Почти въ началѣ своего Политика онъ пишетъ⁵⁾: „Но очевидно, что царь можетъ удерживать власть не руками и всѣмъ вообще тѣломъ, а умомъ и силою духа^а, и вскорѣ затѣмъ прибавляетъ⁶⁾: „Зодчій не самъ исполнитель—работчій, а повелѣваетъ рабочими. Онъ приноситъ пользу знаніемъ, не руками; а это знаніе

¹⁾ Тамъ же (pag. 259, c): Οὐκοῦν, ὃ νῦν δὴ ἐσκοπούμεθα, φανερόν ὡς ἐπιστήμη μία περὶ πάντ' ἐστὶ ταῦτα. ταύτην δ' εἴτε βασιλικὴν εἴτε πολιτικὴν εἴτ' οἰκονομικὴν τις ὀνομάζει, μὴδὲν αὐτῶ διαφερώμεθα.

²⁾ Тамъ же, гл. 3 (pag. 259, d): Τὴν ἄρα πολιτικὴν καὶ πολιτικόν καὶ βασιλικὴν καὶ βασιλικόν εἰς ταῦτον ὡς ἐν πάντα ταῦτα ξυνθήσομεν.

³⁾ Гл. 10 (pag. 267, c): τὸ δ' ἀπὸ τούτου τμήμα, ἐπὶ κοίμῃ διποδι μέρος ἀνθρωπονομικόν ἐτι λειψθὲν μόνον, τοῦτ' αὐτό ἐστιν ἤδη τὸ ζητηθέν, ἅμα βασιλικόν ταῦτό κληθὲν καὶ πολιτικόν.

⁴⁾ Тамъ же, гл. 32 (pag. 292, e): δεῖ γὰρ δὴ τὸν γε τὴν βασιλικὴν ἔχοντ' ἐπιστήμην, ἀν τ' ἀρχὴν κἄν μὴ, κατὰ τὸν ἐμπροσθεν λόγον ὅμως βασιλικόν προσαγορεύεσθαι.

⁵⁾ Платонъ, Политика, гл. 3 (pag. 259, c): 'Ἀλλὰ μὴν τότε γε δῆλον, ὡς βασιλεὺς ἅπας χεραὶ καὶ ξύμπαντι τῶ σώματι ἐμίκρ' ἄττ' εἰς τὸ κατέχειν τὴν ἀρχὴν δύναται πρὸς τὴν τῆς ψυχῆς σύνεσιν καὶ βίωμην.

⁶⁾ Тамъ же: Καὶ γὰρ ἀρχιτέκτων γε πᾶς οὐκ αὐτὸς ἐργατικός, ἀλλ' ἐργατῶν ἀρχων... Παρεχόμενός γέ που γνώσιν, ἀλλ' οὐ χειρουργίαν..... Δικαίως δὲ μετέχειν ἀν λέγοιτο τῆς γνωστικῆς ἐπιστήμης. Pag. 260: Τοῦτῳ δέ γε, οἶμαι, προσήκει κρῖναντι μὴ τέλος ἔχειν μὴδ' ἀπῆλλάχθαι, καθάπερ ὁ λογιστὴς ἀπῆλλακτο, προσταττεῖν δ' ἐκάστοις τῶν ἐργατῶν τὸ γε πρόσφορον, ὥς ἀν ἀπεργάσωνται τὸ προσταχθέν.

умозрительное. Но, произиеса свое рѣшеніе, ему слѣдуетъ, думаю, не удалаться, не доведя дѣла до конца, какъ поступаютъ счетчики, но дотогѣ повелѣвать каждому изъ рабочихъ, пока не исполнятъ всѣхъ приказавій¹. Платонъ вникаетъ въ сущность понятія двойственности, всесторонне ее разбираетъ, разлагая на части и даже отгѣнці, отиѣчаетъ ее во многихъ проявленіяхъ жизни, въ ремеслахъ и искусствахъ, и заключаетъ этотъ предварительный отдѣлъ своихъ изслѣдованій опредѣленіемъ искомой истины, какъ бы продолжая говорить объ искусствахъ.

„Разсмотримъ,—говорить чужеземецъ¹),—два искусства, присущія всему, что совершается², и тотчасъ называетъ ихъ: „исполненіе бытія и сама верховная причина онаго (или само творчество)“. Вслѣдъ за снмъ, отвѣчая на вставленный для большаго разъясненія вопросъ Сократа младшаго, онъ присоединяетъ: „Тѣ, что не творятъ самаго дѣла, а производятъ творящимъ орудія, безъ присутствія коихъ не совершилось бы то, что повелѣно каждому изъ искусствъ, тѣ—содѣйствующіе исполнители; тѣ же, что сами творятъ, верховныя причины“. Платонъ здѣсь нѣсколько останавливается съ цѣлью устранить могущія явиться недоразумѣнія и, переходя, наконецъ, къ двойственности въ общинныхъ должностяхъ и званіяхъ, пишетъ²): „Необходимо отдѣлить (или разграничить) между собою (существующія) въ государствѣ (два начала): содѣйствіе (то-есть, исполненіе) и творчество (то-есть, повелѣніе)“. „Какъ мы поступили прежде признавъ содѣйствіемъ все, что доставляетъ орудія для приготовленія ткапей, такъ слѣдуетъ, и даже преимущественнѣе, поступить теперь и призвать равномѣрно содѣйствіемъ (или исполненіемъ) все, что служитъ малымъ или великимъ орудіемъ для (управленія) госу-

¹) Тамъ же, гл. 23 (pag. 281, d): Πρῶτον μὲν τοίνυν δύο τέχνας οὖσας περ πάντα τὰ δρώμενα θεασώμεθα. Σω. Τίνας; Σε. Τὴν μὲν γενέσεως οὖσαν ξυναίτιον, τὴν δ' αὐτὴν αἰτίαν. Σω. Πως; Σε. Ὅσαι μὲν τὸ πρᾶγμα αὐτὸ μὴ δημιουργοῦσι, ταῖς δὲ δημιουργοῦσαις ὄργανα παρασκευάζουσιν, ὧν μὴ παραγενομένων οὐκ ἂν ποτ' ἐργασθεῖη τὸ προστεταγμένον ἐκάστη τῶν τεχνῶν, ταύτας μὲν ξυναίτιους, τὰς δ' αὐτὸ τὸ πρᾶγμα ἀπεργαζομένας αἰτίας.

²) Тамъ же, гл. 27 (p. 287, b, c, d): λοιπαὶ δὲ, φημέν, αἱ κατὰ πόλιν αὐτὴν τῶν τε ξυναίτιων καὶ τῶν αἰτίων, αἱ πρώτας ἀπ' ἀλλήλων διαιρετέον. Ὡσπερ ἐμπροσθεν, ὁπόσαι παρείχοντο ὄργανα περὶ τὴν ὑφαντικὴν, πάσας δὴ που τότε ἐτίθειμεν ὡς συναιτίους. Καὶ νῦν δὴ ταῦτόν μὲν τοῦτο, ἐτι δὲ μᾶλλον ἢ τότε ἡμῖν ποιητέον. Ὅσαι γὰρ σμικρὸν ἢ μέγα τι δημιουργοῦσι κατὰ πόλιν ὄργανον, θετέον ἀπάσας ταύτας ὡς οὖσας συναιτίους. ἄνευ γὰρ τούτων οὐκ ἂν ποτε γένοιτο πόλις οὐδὲ πολιτικὴ.

дарства, ибо безъ нихъ ни государство, ни государственное правленіе не возможны^а.

До сихъ поръ Платонъ заботился объ установленіи начала двойственности и исполнилъ свою задачу съ тою строгою послѣдовательностью, въ которой обнаруживается его неотъемлемое достоинство. Онъ оставляетъ теперь область отвлеченія и приступаетъ къ обсужденію самыхъ политическихъ учрежденій, рассматривая ихъ, однако, съ точки зрѣнія философіи. Въ этомъ отдѣлѣ онъ пользуется уже названіями, бывшими въ дѣйствительномъ употребленіи въ греческихъ республикахъ, и только примѣняетъ ихъ къ своему философскому изложенію. Продолжая свою бесѣду, чужеземецъ говоритъ: „Есть еще разрядъ (въ коемъ встрѣчаемъ) рабовъ и всѣхъ ипиретовъ (людей служебныхъ). Въ нихъ предъявятся, увѣренъ, и такіе, что станутъ оспаривать у царя саму ткань, равно какъ у ткачей оспаривали тѣ, кто прядъ, чесалъ шерсть и прочее, о чемъ мы говорили. Но всѣ названные *συναίτιοι* (содѣйствующіе исполнители), вмѣстѣ съ ихъ упомянутыми теперь дѣйствіями, устранены и отдѣлены отъ царскаго и политическаго (гражданскаго) дѣянія^а. Далѣе читаемъ: „Отсюда видно, что обязанности и стремленія даже самыхъ важнѣйшихъ ипиретовъ (людей служебныхъ) противоположны тѣмъ, что мы въ нихъ подозрѣвали (предполагали)^а“.

Платонъ приступаетъ за симъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ ипиретій, при чемъ подробно говоритъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, и подвергаетъ ихъ весьма внимательному разбору и обсужденію. Не смотря на чрезвычайное разнообразіе сихъ занятій, онъ подводитъ всѣ подъ одно общее понятіе службы, но раздѣляетъ самихъ ипиретовъ на два сословія: на рабовъ и на свободныхъ, не отдавая, однако, послѣднимъ по поводу ихъ происхожденія никакихъ преимуществъ предъ первыми и помѣщая обоихъ въ одинъ разрядъ служебный. Тѣхъ и другихъ онъ совершенно устраняетъ отъ правительства и гражданскихъ званій. „Купленные люди,—говоритъ онъ¹⁾,—и пріобрѣтенные симъ способомъ во владѣніе, конхъ безъ противорѣчія называемъ рабами, ни малѣйше не причастны царской наукѣ. Но и тѣ изъ свободныхъ, которые, присоединясь къ теперь поименованнымъ, сами добровольно вступаютъ въ служебное положеніе... и конхъ (по роду ихъ занятій) называли мѣнялами, купцами, корабельщиками и торговцами, развѣ они могутъ притязать на политическую науку“?

¹⁾ Тамъ же, pag. 289, d, e; 290, a.

Здѣсь указаны авторомъ частныя занятія свободныхъ людей, но вслѣдъ за симъ онъ обращается къ службѣ общественной и приводитъ ипиретовъ, принимавшихъ на себя исполненіе порученій и предписаній начальствующихъ лицъ и правительственной власти. Этотъ разрядъ ипиретовъ можетъ быть названъ общиннымъ, и онъ всего болѣе соотвѣтствуетъ ипиретамъ, упоминаемымъ Аристотелемъ. Послушаемъ самого Платона: „словіе глашатаевъ (вѣстниковъ),—говорить чужеземецъ ¹⁾,—равно какъ тѣ люди, изъ коихъ одни, искусные въ писаніяхъ (то-есть, γραμματικῆς, писцы), оказывали часто дѣйствительныя услуги; другіе, весьма опытные въ исполненіи многихъ служебныхъ обязанностей, ревностно трудились по начальствамъ; что же о нихъ скажемъ? То,—отвѣчаетъ младшій Сократъ,—что ты теперь сказалъ: они ипиреты (служебные люди), но не правители въ республикахъ“. „И показалось бы кому нибудь крайне нелѣпнымъ,—добавляетъ чужеземецъ,—искать ихъ (правителей) въ служебномъ отдѣлѣ“. Платонъ упоминаетъ еще, правда, только словомъ объ ипиретахъ, или служебныхъ людяхъ, жрецовъ и архонта цари, и тѣмъ заключаетъ приложеніе къ Политіи своего назшаго начала, названнаго имъ сопричиною или содѣйствіемъ, συναίτια, не преминувъ, однако, замѣтить, что всѣ предыдущіе уже выдѣлены ²⁾, то-есть, что ипиреты устранены отъ правительства.

Окончивъ первую часть своего разсужденія, Платонъ переходитъ ко второй, къ самой правительственной власти, что вполне соотвѣтствуетъ избранному имъ началу αἰτία, такъ какъ правительство есть верховная причина всего политическаго бытія республики. Этотъ переходъ исполненъ имъ съ большимъ искусствомъ. „Приступимъ ближе,—говоритъ чужеземецъ ³⁾,—къ тѣмъ, кого мы еще не исследовали“, и называетъ жрецовъ, „почитаемыхъ людьми истолкователями божескихъ нелѣпій“. Упомянувъ о высокомъ значеніи жрецовъ у египтянъ, гдѣ сами цари принадлежали къ сему званію, или облекались священнымъ саваномъ жреца, если были изъ другаго сословія, и сравнивъ съ этимъ учрежденіемъ общій еллинскій обычай, по которому великія жертвы приносятся высшими сановниками, онъ продол-

¹⁾ Тамъ же, pag. 290, b.

²⁾ Тамъ же, гл. 30 (pag. 291, a): ἀποχωρισθέντων, τῶν ἑμπροσθεν. См. нѣсколько ниже.

³⁾ Тамъ же, гл. 29 (pag. 290, c): Ἐπεὶ δὲ προσμίζωμεν ἐγγύτερον ἐπὶ τοὺς μῆκος βεβασιωμένους. ἐρμηνεύται γὰρ καὶ νομίζονται παρὰ θεῶν ἀνθρώποις.

жаетъ ¹⁾): „То же соблюдается и у васъ (афинянъ), ибо совершеніе торжественныхъ и наиболѣе отечественныхъ изъ древнихъ жертвоприношеній передано царю, избранному жребіемъ“.

Здѣсь Платонъ начинаетъ вторую часть своего труда, заключающую въ себѣ изложеніе верховной причины, αἰτία, въ ея примѣненіи къ общиннымъ учрежденіямъ еллинскихъ республикъ. Послѣдуемъ за бесѣдующимъ чужеземцемъ. „Необходимо,—говоритъ онъ ²⁾),—разсмотрѣть какъ этихъ избранныхъ жребіемъ царей-жрецовъ, съ ихъ нпретами, такъ и прочій всевѣднкій сонмъ, который сталъ намъ теперь очевиденъ, послѣ того какъ исключены предшествовавшіе“. „Ты, кажется, видишь,—замѣчаетъ младшій Сократъ ³⁾),—нѣчто необыкновенное“. „Да, дѣйствительно ⁴⁾), я недоумѣваю, усмотрѣвъ собраніе, правящее дѣлами республикъ. Но скажи мнѣ: не одно ли изъ гражданскихъ начальствъ есть монархія?“ Этимъ вопросомъ Платонъ открываетъ свое разсужденіе о разныхъ видахъ еллинскихъ правительствъ: монархія, аристократія, демократія; указываетъ ихъ недостатки и достоинства, но всего болѣе заботится объ изображеніи истиннаго правителя, что и составляетъ главную задачу его размышленій.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ содержанія этого отдѣла: оно усматривается изъ всего предыдущаго и само въ себѣ совершенно ясно. Платонъ проводитъ мысль, что правителю предстоитъ находиться внѣ служебной дѣятельности и выше оной, и что это требованіе прилагается не только къ личному правителю, но и къ тому единому, хотя многочисленному, верховному правителю, коимъ въ еллинскихъ республикахъ было гражданское вѣче. „Истинно (то есть, разумно понимаемая) царская наука,—говоритъ онъ ⁵⁾),—не дол-

¹⁾ гл. 30 (pag. 290, e): ἔτι δὲ καὶ τῶν Ἑλλήνων πολλαχοῦ ταῖς μεγίσταις ἀρχαῖς τὰ μέγιστα τῶν περὶ τὰ τοιαῦτα θέματα εἶροι τις ἂν προστατόμενα θῆεν. καὶ δὴ καὶ παρ' ὁμῶν οὐχ τῆδε τὰ σεμνότετα καὶ μάλιστα πατρία τῶν ἀρχαίων θυσίων ἀποδεικνύσθαι.

²⁾ Тамъ же (pag. 291, a): Τούτους τε τοίνον τοὺς κληρωτοὺς βασιλέας ἄμα καὶ εἶρας, καὶ ὑπέρτερας αὐτῶν καὶ τιν' ἕτερον ἀμύκωλον ὄχλον σκοπεῖον, ὃς ἄρτι κατάδηλος νῦν ἡμῶν γέγονεν ἀποχωρισθέντων τῶν ἐμπροσθεν.

³⁾ Тамъ же (pag. 291, b): Λέγοις ἄν· εἰσικας γὰρ ἀποκόν τι καθορᾶν.

⁴⁾ Ναι· ..... ἐξαίφνης ἡμφεργνόνησα κατιδὼν τὸν περὶ τὰ τῶν πόλεων πράγματα χορόν. Гл. 31 (pag. 291, d): Ἄρ' οὐ μοναρχία τῶν πολιτικῶν ἡμῶν ἀρχῶν ἐστὶ μία;

⁵⁾ Тамъ же, гл. 33 (pag. 305, d): τὴν γὰρ ὄντως οὖσαν βασιλικὴν οὐκ αὐτὴν δεῖ πράττειν, ἀλλ' ἀρχεῖν τῶν δυναμένων πράττειν, γινώσκουσαν τὴν ἀρχὴν τε καὶ ὄρμην τῶν μεγίστων ἐν ταῖς πόλεσιν ἐγχαίριας τε περὶ καὶ ἀκαιρίας, τὰς δ' ἄλλας τὰ προσταχθέντα δρᾶν. Срав. выше ссылку на гл. 23, pag. 281, d.

женствуетъ сама дѣйствовать (приводитъ въ исполненіе); она начальствуетъ надъ могущими исполнять (ея предначертанія или повелѣнія); она познаетъ начало и возбужденіе великихъ дѣлъ въ республикѣ, ихъ благовременность и безвременность; прочимъ же знаніямъ подбагаетъ исполнять предопредѣленное¹. Эти слова философа являются прямымъ воспроизведеніемъ установленныхъ имъ двухъ началъ: причины и сопричины, αἰτία и συναίτία, приложеннымъ уже не къ однимъ вопросамъ о мірозданіи, а къ самому государственному строю древнихъ еллинскихъ республикъ.

Платонъ продолжаетъ ¹): „Такъ какъ слѣдовательно пройденныя нами теперь науки ни взаимно одна надъ другою, ни сами надъ собою не начальствуютъ, и каждая совершаетъ особенное, свойственное себѣ, дѣйствіе, то, по свойству сихъ своихъ дѣйствій, онѣ справедливо приняли особенныя для каждой названія“. „Но ту науку, что надъ всѣми ими начальствуетъ, бдитъ надъ законами и завѣдуетъ всѣми дѣлами республики, стройно соткавъ все въ единую ткань, не по всей ли справедливости, опредѣливъ ея силу (свойство) самимъ прозваніемъ (значеніемъ) общины, назвали бы мы наукою гражданскою (правительственною)²? Философъ привелъ здѣсь сравненіе государственныхъ занятій съ тканью, что онъ уже подробно развивалъ прежде и къ чему онъ возвращается вновь почти въ концѣ этого разсужденія. Истинная по естеству политика, — говоритъ онъ ³), — не учредитъ республики изъ добрыхъ и худыхъ людей, „по передастъ оную могущимъ наставлять, направлять, поучать, καθεύειν, и служить, ὑπηρετεῖν, сама распоряжаясь и повелѣвая, подобно тому, какъ ткацкое искусство распоряжается и повелѣваетъ волночесателями и другими подготовителями ткацкихъ потребностей, слѣдя за ними и указывая каждому исполнять тѣ вещи, что признаетъ полезными для собственной ткани“.

Эти извлеченія, переданныя въ возможно близкомъ переводѣ, могутъ, думаемъ, подтвердить вѣрность выраженного нами мнѣнія, что въ вопросѣ объ ипиретахъ Платонъ не противорѣчитъ Аристотелю,

¹) Тамъ же: Διὰ ταῦτ' ἄρα, ἃς μὲν ἄρτι διεηλύθημεν, οὗτ' ἀλλήλων οὐθ' αὐτῶν ἀρχοῦσαι, περὶ δὲ τιν' ἰδίαν αὐτῆς οὐσα ἐκάστη πράξειν, κατὰ τὴν ιδιότητά των πράξεων τοῦνομα δικαίως εἴληφεν ἴδιον. Pag. 305, e: Τὴν δ' ἀπασῶν τε τούτων ἀρχοῦσαν καὶ τῶν νόμων καὶ συμπαύτων τῶν κατὰ πόλιν ἐπιμελουμένην καὶ πάντα ξυνοφαινοῦσαν ὀρθότατα, τοῦ κοινοῦ τῆ κλῆσει περιλαβόντες τὴν δύναμιν αὐτῆς, προσαγορεύοιμεν δικαιοτάτ' ἂν, ὡς εἶοικε, πολιτικὴν.

²) Тамъ же, гл. 46, pag. 308, d.

но согласно съ нимъ отдѣляетъ служебныя должности отъ гражданскихъ званій и признаетъ только послѣднія правительственными. Ихъ обоихъ, Платона и Аристотеля, подкрѣпляетъ самъ учредитель афинской политіи, Периклъ, своимъ достовѣрнымъ и могучимъ словомъ. Въ рѣчи, произнесенной предъ началомъ Пелопоннискіи войны, убѣждая созванныхъ въ вѣче афинянъ отвергнуть требованія спартанцевъ и сравнивая обоюдныя силы двухъ враждебныхъ республикъ, Периклъ говоритъ ¹⁾: „Если даже, завладѣвъ сокровищами Олимпіи или Дельфійскими, они (пелопоннискіи) попытались бы, предлагая высшую плату, переманить къ себѣ изъ нашихъ кораблениковъ ²⁾ иностранцевъ, то этотъ поступокъ ихъ былъ бы опаснымъ тогда только, когда бы мы не могли ему противодѣйствовать, сѣвъ на морскія суда сами съ своими метками. Но теперь и это въ нашей власти; при томъ, что всего важнѣе, кормчими у насъ граждане, прочіе же служебные люди у насъ и многочисленнѣе и искуснѣе, чѣмъ во всей остальной Элладѣ вмѣстѣ“.

Возвратимся къ Аристотелю и къ его извѣстію объ ипиретахъ, конхъ должности могли, по его словамъ, поручаться также и рыбакамъ, если республика обладала достаточными для того средствами; другими словами, что служебныя обязанности исполнялись и свободными и рабами за условленную плату или вознагражденіе. Платонъ дополняетъ, какъ мы видѣли, Аристотеля, говоря объ ипиретахъ, принадлежавшихъ къ сословію людей свободныхъ; Фукидидъ же, въ рѣчи Перикла, называетъ прямо метиковъ, что еще определеннѣе и само по себѣ правдоподобно, такъ какъ изъ числа гражданъ, вѣроятно, поступали на службу только обѣднѣвшіе, или влекомые корыстью. Но въ богатой Афинской республикѣ водворился обычай нанимать для общинной службы рабовъ, и этотъ обычай, распространяясь по мѣрѣ возвышенія самой республики, болѣе и болѣе увеличивался и принималъ, наконецъ, весьма обширные размѣры. Эту сторону служебныхъ обязанностей разъясняютъ преимущественно поддѣлшіе грамматикіи и лексикографы, конхъ свидѣтельства подтверждаются

¹⁾ Фукидидъ, кн. 1, гл. 143, § 1: Ἡ τε καὶ κινήσαντες τῶν Ὀλυμπίαισι ἢ Δελφοῖς χρημάτων μισθῷ μείζονι περιφύτο ἡμῶν ὑπολαβεῖν τοὺς ξένους τῶν ναυτῶν, μὴ ὄντων μὲν ἡμῶν ἀντικάλων, ἐσβάντων αὐτῶν τε καὶ τῶν μετοίκων, δεινὸν ἂν ἦν. νῦν δὲ τὸδε τε ὑπάρχει, καὶ ὑπερ χράτιστον, κυβερνήτας ἔχομεν πολίτας καὶ τὴν ἄλλην ὑπηρεσίαν κλειούς καὶ ἀμείνους ἢ πάσα ἡ ἄλλη Ἑλλάς.

²⁾ Предпочитаю старинное русское слово корабленикъ новѣйшему чужеземному слову—митросъ.

частыми упоминавіями у самихъ древнихъ авторовъ и находятся съ ними въ полнѣйшемъ согласіи, никогда имъ не противорѣча. Изъ всѣхъ, соединенныхъ вмѣстѣ, показаній усматривается, что ипиретскія должности, занимались ли онѣ рабами, или свободными, совершенно отличались отъ званій гражданскихъ и были въ свою очередь чрезвычайно разнообразны, ибо зависѣли отъ многочисленныхъ пуждъ и требованій политической жизни.

Слова: *ὀπηρεσία*, служба, и *ὀπηρετής*, служебный или служащій, не встрѣчаются ни у Омира, ни у Исіода, вообще ни у кого изъ еллинскихъ писателей, предшествовавшихъ персидскому нашествію; ихъ нѣтъ даже ни у Теогида, ни у Пиндара, у коихъ слѣдовало бы, по видимому, ожидать, въ особенности у Теогида, поэта преимущественно политическаго. Оба слова образовались въ пятое столѣтіе до Р. Х. и, вѣроятно, изобрѣтены въ Аѣнахъ, такъ какъ начало ихъ употребленія совпадаетъ съ провозглашеніемъ въ этой республикѣ демократіи: по крайней мѣрѣ, они читаются въ первый разъ у Эскила въ томъ смыслѣ, который имъ тогда приданъ и съ тѣхъ поръ постоянно сохранялся. Своимъ происхожденіемъ они связаны со словами: *ἔραζία*, гребля веслами, и *ἔρετης*, гребецъ ¹⁾, и были только ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ, съ обширнѣйшимъ примѣненіемъ къ обозначенію всѣхъ безъ различія частей общинной службы. Позволяемъ себѣ предположить, что, нуждаясь въ наименованіи учрежденія, которое, съ преобразованиемъ древняго образа правленія въ демократію, нѣкоторымъ образомъ заступило прежнихъ диміурговъ, аѣняне избрали именно названіе ипиретовъ по той причинѣ, что при увеличеніи морскихъ силъ и предпріятій были уже знакомы съ службою на военныхъ судахъ, и что имъ осталось только присвоить слову ипиреты болѣе распространенное, политическое значеніе. Другими словами: названіе одной части службы аѣняне обратили въ цѣлое и воспользовались имъ для названія всей безъ исключенія общинной

¹⁾ *Георгій Курциусъ*, въ Греческой Этимологіи (*Grundzüge der Griechischen Etymologie von Georg Curtius, 3-te Aufl., Leipzig, 1869, in 8°*), стр. 320, § 492: *W. ἐρ ἄμφ' ἡρ-ης* *doppelrudrig*, *ἀλι-ἡρ-ης* *das Meer durchrudern*, *κατευχόντι-ορος* *Funfsig-ruderer*, *ἐρ-ἔ-της*, *ὀπ-ἡρ-ἔ-της* *Ruderer*, *ἐρ-ε-σία* *Rudern*, *Rudermannschaft*, *ἐρ-ἔ-σασ* *rudere*, *ἔρετ-μός* *Ruder*. Mit *ὀπηρετής*: vergleicht man das skt. *ar-a-ti-s* *Diener, Gehülfe*. Diese Bedeutung passt gut zu dem weiteren Gebrauche von *ὀπηρετής*, aber nicht zu dem engeren „Ruderknecht“, den das Wort nebst seinen Ableitungen entschieden hat. *ar-a-ti-s* mag sich daher direkt aus dem Grundbegriff des Gehens, Strebens, *ὀπηρετής* auf griechischem Boden zunächst aus dem des Ruderns entwickelt haben.

службы, соединивъ этимъ способомъ въ одно понятіе многіе отдѣльные ея виды.

Въ открытыхъ Г. Омолемъ ¹⁾ на островѣ Дилосѣ скрижальхъ встрѣчается слово ἐντροσίον, остававшееся до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ. Оно связано, думаемъ, съ словомъ ἐρασία, и изъ него вышло, но приняло значеніе, свидѣтельствующее о весьма обширномъ развѣтвленіи первоначальнаго понятія. По вѣрному толкованію Г. Омоя, имъ обозначался участокъ поземельнаго имущества, отдаваемый въ наемъ за извѣстную плату и приносящій, слѣдовательно, доходъ владѣльцу. Г. Омоль пишетъ: „Ἐντροσία—отдаваемая въ наемъ священныя земли“ ²⁾. Въ самихъ скрижальхъ поименованы входящія въ составъ ἐντροσία: мельницы, сады, смоковницы, пастбища и много другихъ доходныхъ статей сельскаго хозяйства ³⁾. Сообразивъ какъ разнообразіе статей, такъ и производство самаго слова, не уклоняясь при томъ отъ толкованія Г. Омоя, можно, надѣемся, перевести слово ἐντροσία весьма близко къ подлиннику выраженіемъ: служебныя статьи, или, прямо примѣняясь къ русскимъ обычаямъ: оброчныя статьи. Разсматривая доходы храма Аполлона, Г. Омоль раздѣляетъ ихъ на пять категорій: отдача въ наймы домовъ, ἐνοίκια; оброчныя статьи, ἐντροσία; пошлины, τέλη; разные сборы, καὶ τόδα ἄλλα ἀργύριον; и ростъ отъ займовъ, δάνεια, τόκοι ⁴⁾. Смыслъ названій четырехъ статей давно узнавъ и не требуетъ разъясненій, опредѣленіе же значенія слова ἐντροσίον есть заслуга ученаго изслѣдователя священнаго острова Дилоса.

Не смотря, однако, на столь значительное измѣненіе, вѣрнѣе говоря, возвышеніе первоначальнаго понятія, заключавшагося въ словахъ иπиресія и иπиреты, ихъ коренное значеніе удерживалось всегда въ прежней силѣ и тѣмъ указывало источникъ, откуда вышло нововведеніе. Самъ Периклъ въ приведенномъ нами выше отрывкѣ его рѣчи разумѣлъ подъ словомъ ὑπηρεσία морскую службу ⁵⁾, и въ

¹⁾ Th. Homolle, Comptes des Hiéropes du temple d'Apollon Délien. Издано въ Bulletin de Correspondance hellénique, janvier—février—mars, 1882. Ἀθήνηαι. Paris, in-8°. Все сочиненіе занимаетъ стр. 1—167.

²⁾ Стр. 63: Les ἐντροσία sont donc les fermages des terres sacrées.

³⁾ Тамъ же, стр. 63. Скрижаль 1, 145—152, стр. 19.

⁴⁾ Стр. 62: Les revenus se répartissent en cinq titres: Loyers, ἐνοίκια, fermages, ἐντροσία, droits τέλη, recettes diverses, prêts à intérêts, δάνεια, τόκοι.

⁵⁾ Ветманъ, въ Lexicon Thucydideum, переводитъ: remises. Въ Дидотовскомъ изданіи Thesaurus Graecae Linguae, въ словѣ ὑπηρεσία, къ толкованію: Naves

томъ же смыслѣ употребляютъ оное многіе писатели, начиная съ Фукидида до позднѣйшихъ даже римской эпохи. По этой причинѣ и производное τὸ ὑπηρεσιον означало подси́дѣніе ¹⁾, бывшее у каждаго гребца на военномъ кораблѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ Фукидидъ, когда, разказывая о намѣреніи спартавцевъ произвести нападеніе на Пирей, и объ отправленіи ими съ этою цѣлью моряковъ сухимъ путемъ изъ Коринѳа въ Мегары, говорить ²⁾, „что воеводы приказали имъ идти цѣпкомъ и нести каждому на себѣ весло, подси́дѣніе и ремень“.

Но, съ другой стороны, какъ только эти слова приобрѣли свое новое и точно определенное значеніе общинной службы, имъ стали придавать переносный смыслъ, хотя логически выведенный изъ кореннаго значенія. Глаголь ὑπηρετέω значить собственно служить, но уже у Фукидида принимается въ смыслѣ, такъ сказать, службы добровольной и значить: кому либо угождать или содѣйствовать. „Врасида,—пишетъ историкъ ³⁾,—просилъ прислать ему подкрѣпленій, но лакедемоняне не уважили его требованія“. Еще замѣчательнѣе употребленіе сего слова у Димосеена: ораторъ пользуется имъ для выраженія подкупности Эскина. „Служа врагамъ (республики),—говорить онъ ⁴⁾,—Эскинъ клеветалъ на меня“. Схолиастъ, разъясняя здѣсь слово: служба, ὑπηρετῶν, пишетъ ⁵⁾: это значить, бывъ подкупленъ. Но вслѣдъ за симъ Димосеенъ повторяетъ то же обвиненіе, прибавивъ еще для большей силы: „легче и безопаснѣе служить врагамъ по подкупу“ ⁶⁾. Глаголь ὑπηρετεῖν могъ принять такое значеніе потому, что каждый ипиреть получалъ за свою службу определенную

---

administratae eorum quae armatos portant, прибавлено: Fallitur. Naves ipsae nupquam ὑπηρεσίαι dicuntur. Далѣе приведено объясненіе Вудя: Servitia eorum i. e. remiges et quidquid ad ministerium nauticum pertinet.

¹⁾ *Ἰσχυαῖ*: ὑπερέσιον ἢ σανίς τῆς καθέδρας.

²⁾ *Фукидидъ*, кн. 2, гл. 93, § 2: ἐδόκει δὲ λαβόντα τῶν ναυτῶν ἕκαστον τὴν κώπην καὶ τὸ ὑπηρεσιον καὶ τὸν τροπικτῆρα πεζῇ ἰέναι ἐκ Κορίνθου ἐπὶ τὴν πρὸς Ἀθήνας θάλασσαν, и проч.

³⁾ Кн. 4, гл. 108, § 5: ὁ δὲ [Врасидаς] ἐς τὴν Λακεδαιμόνα ἐφίμενος στρατιάν τε προσποπέλλειν ἐκέλευε..... οἱ δὲ Λακεδαιμόνιοι.....οὐχ ὑπηρετήσαν αὐτῷ.

⁴⁾ *Речь о смирнѣ*, § 138, pag. 273: πολλ' ἂν ἐγὼ νῦν ἐτι τούτων ἔχοιμι δεῖξαι, ὦν οὗτος κατ' ἐκείνους τοὺς χρόνους τοῖς μὲν ἐχθροῖς ὑπηρετῶν ἐμοὶ δ' ἐπηρεάζων εὐρέθη.

⁵⁾ Толкованія (Схолиа) *Димосеена*, въ Собраніи *Дидота*, *Oratores Attici*, vol. 2, pag. 599: ὑπηρετῶν—μισθωτὸς ὢν.

⁶⁾ Тамъ же: διόπερ ῥᾶθόν ἐστι καὶ ἀσφαλέστερον αἰεὶ τοῖς ἐχθροῖς ὑπηρετοῦντα μισθαρεῖν.

плату; вслѣдствіе чего и словомъ ὑπηρέσιον называлось, но свидѣтельству словаря патріарха Фотія ¹⁾, „жалованье, даваемое служащимъ, военно-походнымъ людямъ, гребцамъ, рабамъ, исполнявшимъ общинную службу“.

Приводимъ толкованіе патріарха Фотія всего болѣе по той причинѣ, что, сверхъ опредѣленія смысла слова ὑπηρέσιον, въ немъ заключается и историческое данное. Помѣстивъ рабовъ отдѣльно отъ другихъ служащихъ и въ концѣ своего разъясненія, авторъ показываетъ, что ипретами могли быть, и дѣйствительно были, какъ рабы, такъ и свободные: иначе онъ соединилъ бы всѣхъ въ одну категорию, не отчисляя рабовъ отъ прочихъ. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что ипретскія должности занимались первоначально одними свободными, не рабами, и что только впоследствии призваны были для нихъ обязанностей рабы, можетъ быть, частью по недостатку свободныхъ, частью по легкости подвергать рабовъ болѣе строгой отвѣтственности и большимъ, чѣмъ свободныхъ, взысканіямъ. Во всякомъ случаѣ показаніе патріарха Фотія совершенно согласно съ показаніемъ Аристотеля и есть какъ бы воспроизведеніе онаго; вѣстѣ съ тѣмъ, въ ряду многихъ разнообразныхъ доказательствъ, и оно въ свою очередь убѣждаетъ въ глубокомъ изученіи древнихъ политическихъ учрежденій даже въ средневѣковую эпоху Византии.

Не менѣе достовѣрны свѣдѣнія, сообщаемыя о службѣ рабовъ позднѣйшими толкователями или схолиастами, σχολιαστῆς. Говоримъ не о рабахъ, принадлежавшихъ частнымъ людямъ, а только объ общественныхъ, бывшихъ во владѣніи самихъ республикъ и называвшихся потому общинными, δημόσιοι ²⁾. Съ наступленіемъ четвертаго столѣтія ихъ число постоянно увеличивалось; они болѣе и болѣе становились значительными, успѣвали приобрѣтать богатства, расточая ихъ иногда, подобно Питталаку у Эсхива, на постыдныя прихоти ³⁾,—и размно-

¹⁾ *Photii Patriarchae Lexicon*, ed. *Naber* (Lugdunae, 1865, 2 vol., in—8°): ὑπηρέσιον, ὃ δίδομενος μισθὸς τοῖς ὑπηρετοῦσι, τοῖς στρατευομένοις καὶ ἐρέεσοις καὶ δουλοῦσιν. τοῦ ὀνόματος ἀπὸ τοῦ ὑπηρετεῖν κληθέντος. Это толкованіе повторено слово въ слово въ риторскомъ словарѣ, названномъ *Беккеромъ* въ *Anecdota Graeca* (3 vol., Vogel., 1814, 8°), стр. 312.

²⁾ *Аристофаніонъ*: Δημόσιοι, Δημοσθένη; Φιλικκικοῖς. δημοσίους λέγουσι τοὺς τῆς πόλεως δούλους. Αἰσχίνης κατὰ Τιμαρχοῦ Ἄνθρωπον δημοσίον οἰκίτην τῆς πόλεως. *Cicero*: Δημόσιοι· δημοσίους λέγουσι τοὺς τῆς πόλεως δούλους..

³⁾ *Эсхинъ противъ Тимарха*, § 54: Τῶν δὲ ἐκ τῆς διατριβῆς ταύτης ἔστι τις Πιττάλακος, ἄνθρωπος δημοσίος οἰκίτης τῆς πόλεως. Οὗτος εὐπορῶν ἀργυρίου καὶ ἰδὼν τοῦτον ἐν τῇ διατριβῇ ταύτῃ ἀνέλαβεν αὐτὸν (Τιμαρχὸν) καὶ εἶχε παρ' ἑαυτοῦ.

жились, наконецъ, въ такой мѣрѣ, что оба выраженія: ипиреть и общинный рабъ, принимались въ послѣдствіи однозначащими и равносильными ¹⁾. Это нововведеніе чрезвычайно уронило званіе ипиретовъ и унизило вообще всю службу, признававшуюся первоначально не только полезною, но и безукоризненною. Полидевкъ ²⁾, исчисляя разныя, неприличныя гражданину и неблаговидныя занятія, позорящія людей, имъ предающихся, называетъ между послѣдними ипирета и ставитъ его даже въ рядъ съ хозяевами непотребныхъ домовъ и подобными подходящими ремеслами.

Поступая на службу, ни гражданинъ, ни метикъ не выходилъ изъ своего сословія и не лишался тѣхъ общественныхъ правъ, которыя ему принадлежали по рожденію и состоянію: онъ только жертвовалъ своимъ личнымъ достоинствомъ. При измѣнившихся обстоятельствахъ, въ эпоху влутреннихъ волпелій, ипиреть гражданинъ могъ даже высидеться и завладѣть республикою, хотя естественно, что въ спокойное время подобный шагъ былъ не возможенъ и не мыслимъ. Любопытный примѣръ такого чрезвычайнаго событія сохранилъ Димосеенъ въ рѣчи противъ Лептина, возобновляя въ памяти аевнянъ водвореніе тиранніи Діонисія въ Сиракусахъ. Ораторъ предупреждаетъ въ опасности быстрыхъ рѣшеній и, указавъ на недавнее униженіе лакедемонивъ, восклицаетъ ³⁾: „но и сиракузцы, благоденствовавшіе нѣкогда при димократіи, взямавшіе подати съ карагенянь, господствовавшіе надъ всѣми сосѣдями и побѣдившіе насъ въ морской битвѣ, предполагали ли они, что подвергнутся тиранніи одного человѣка, бывшаго, какъ говорятъ, писцомъ ипиретомъ?“

Прекрасный возгласъ Димосеена до того плѣнилъ Діодора Сицилійскаго, что онъ имъ воспользовался и ему подражалъ въ заключеніи своего разказа о возвышеніи Діонисія. „Итакъ,—говоритъ онъ ⁴⁾,—

¹⁾ *Исидій*: ὑπέρητης· δοῦλος. Свидя: ὑπέρητης· δοῦλος.

²⁾ *Полидевкъ*, Именной Перечень, Ὀνομαστικόν, кн. 6, гл. 31, сегм. 123: Βίων ἐπονεϊδίτων ὀνόματα.... κορυβοσκόος, κάπηλος.... κήρυξ, ναύτης, πανδοχεύς, πορθμεύς, μαστροπός, ὑπέρητης.

³⁾ *Димосеенъ*, противъ Лептина, § 161 (pag. 506): οὐδέ γάρ ἄν Λακεδαιμόνιοι ποτ' ἤλιπισαν εἰς τοιαῦτα πράγματα· ἀφίξασθαι, οὐδέ γ' ἴσως Συρακόσιοι, τὸ πάλαι δημοκρατούμενοι καὶ φόρους Καρχηδονίους πραττόμενοι καὶ πάντων τῶν περὶ αὐτοὺς ἄρχοντες καὶ ναυμαχίᾳ νενικηχότες ἡμᾶς, ὅφ' ἐνός γραμματέως, δεῦ ὑπέρητης ἦν, ὡς φασί, τυραννήσεσθαι.

⁴⁾ *Діодоръ*, кн. 13, гл. 96, § 4: Διονόσιος μὲν οὖν ἐκ γραμματέως καὶ τοῦ τυχόντος ἰδικίου τῆς μεγίστης πόλεως τῶν Ἑλληνίδων ἐγενήθη τύραννος· διετήρησε δὲ τὴν

Діонисій изъ писца и случайнаго простаго человѣка сталъ тиранномъ величайшей изъ еллинидскихъ республикъ и соблюлъ свое владѣніе до конца жизни въ теченіе 38-ми лѣтъ¹⁾. Замѣтимъ, что Діодоръ, выражая свое удивленіе, всего болѣе пораженъ не столько униженнымъ положеніемъ, изъ коего вышелъ Діонисій, сколько ослѣпленіемъ сиракусцевъ, необдуманно допустившихъ совершеніе такого дѣла. „Они, — пишетъ историкъ, — желая сохранить свободу, сами же, не помышляя о будущемъ, постановили надъ отечествомъ деспота²⁾“. Конечно, возвеличеніе Діонисія было происшествіемъ чрезвычайнымъ и потому обратило на себя вниманіе многихъ писателей³⁾; оно свидѣтельствуешь, однако, что гражданинъ, принимавшій на себя служебныя обязанности, сохранялъ свои общинныя права и могъ по желанію исполнять оныя. Позднѣйшіе толкователи говорятъ вѣрно, что служба не признавалась первоначально занятіемъ презрѣннымъ, хотя и ошибаются, думая, что она была у сиракусцевъ почетною, и если Ульпіанъ утверждаетъ, что имена: γραμματεὺς, писецъ, и ὑπηρέτης, служащій, были именами отверженными ὀνόματα ἀπερριμένα, то онъ указываетъ

δυναστείαν ἄχρι τῆς τελευταῆς, τυραννίαν εἶτη δύο λεῖποντα τῶν τεσσαράκοντα. Мы перевели выраженіе τῶν Ἑλληνίδωνъ словомъ: еллинидскихъ, не еллинискихъ, какъ обыкновенно принимаютъ, ибо находимъ здѣсь нѣкоторый отгнотъ въ значеніи. Подъ словомъ Ἑλληνίδας πόλεις древніе разумѣли, думаемъ, города, лежавшіе въ собственной Греціи и основанные еллинами, выселившимися изъ своей родной страны. Кеонеемъ называется Трапезунтъ городомъ еллинидскимъ, не еллинискимъ. Походъ Кира, кн. 4, гл. 8, § 22: ἤλθον ἐπὶ θάλατταν εἰς Τραπεζοῦντα, πόλιν Ἑλληνίδα; такъ же кн. 5, гл. 1, § 1, и въ другихъ мѣстахъ. Въ томъ же смыслѣ употребляютъ это выраженіе перкириды у Фукидида, кн. 1, гл. 35, § 1, которые, говоря объ еллинидскихъ республикахъ, не приставшихъ ни къ какому союзу, разумѣютъ именно самихъ себя: Εἰρήται γάρ ἐν αὐταῖς (σπονδαῖς), τῶν Ἑλληνίδων πόλεων ἦτις μηδαμοῦ ξυμμαχεῖ и проч.

¹⁾ Тамъ же, гл. 95, § 2: Οὗτοι μὲν οὖν βεβαίως αἰ βουλόμενοι τὴν ἐλευθερίαν ἔλαθον αὐτοὺς δεσπότην τῆς πατρίδος καθεσταχότες. Алексѣевъ въ своемъ отличномъ переводѣ Діодора передалъ весьма вѣрно мысль историка, написавъ: Италъ, сиракусяне, желая сохранить вольность, по безумію своему сдѣлали надъ отечествомъ влестелюна. (Діодора Сицилійскаго историческая бібліотека переведена съ греческаго на русскій языкъ Иваномъ Алексѣевымъ. 6 частей in-4^о, Сиб., 1774—1775. См. часть 3-я, стр. 388).

²⁾ *Поліэнь*, Военныя хитрости, στρατηγήματα (ed. Pancratius Maassius, Lugd. Batav., 1690, in-8^о), кн. 5, гл. 2, § 2: Διονύσιος Ἐρμοκράτους Συρακουσίου ὑπηρέτου ὄντος καὶ γραμματέων τοῖς στρατηγοῖς и проч. Эллидій, въ Визавіонкѣ патриарха Φοτῖα, CCLXXIX, называетъ отца Діонисіа погонщикомъ ослонъ: διὸ ὀνηλάτου μὲν υἱὸς Διονύσιος ἦν ὁ τῆς Συκελίας ἀρχεὺς εἶτη τεσσαράκοντα δυοῖν ἀποδέοντα.

на эпоху Димосеена и на измѣненіе, произведенное приѣмомъ рабовъ на общинную службу ¹⁾).

Наплывъ рабовъ сопровождался еще другимъ послѣдствіемъ, долженствовавшимъ неминуемо явиться въ большихъ приморскихъ и торговыхъ городахъ, преимущественно въ Аѣнахъ: совершеннымъ измѣненіемъ существовавшаго прежде общественнаго положенія рабовъ и предоставленіемъ имъ многихъ льготъ какъ въ ихъ образѣ жизни, такъ и въ обращеніи съ ними самихъ гражданъ. Въ этомъ удостоверяетъ Ксенофонтъ въ своей Республикѣ аѣнянъ, и хотя онъ одинъ, сколько намъ извѣстно, упоминаетъ о такомъ важномъ преобразованіи обычаевъ и нравственныхъ понятій аѣнянъ и излагаетъ только въ краткомъ очеркѣ, но представляетъ съ тою наглядною ясностію и убѣдительною, которая составляютъ его отличіе. Послушаемъ самаго автора, стараясь передать его описаніе возможно ближе къ подлиннику.

„Своеволие рабовъ и метиковъ,—говоритъ Ксенофонтъ ²⁾),—весьма ве-

¹⁾ Scholia in Oratores Atticos (Orat. Attic., ed. Didot, vol. 2, pag. 660), противъ Лептина, pag. 506. 16: Εἴρηται δὲ ὑπὸ τινῶν ὡς οἱ παρὰ τοῖς Συρακοσίοις γραμματεῖς σεμνοὶ τὲ εἶσι καὶ ἔνδοξοι, καὶ οὐχ ὡς οἱ παρ' Ἀθηναίοις· ὅθεν τὸ ὑπὸ τῆς συνέλευσιν ἵνα εἰς ἔννοιαν τοῦ παρ' αὐτοῖς γραμματέως ἀφίκωνται.

²⁾ Ксенофонтъ, Политія аѣнянъ, гл. 1, § 10: Τῶν δούλων δ' αὐ καὶ τῶν μετοίκων πλείστη ἐστὶν Ἀθήνησιν ἀκολασία, καὶ οὕτε πατρίαι ἐξεστὶν αὐτόθι οὕτε ὑπεκστήσεται σοὶ ὁ δούλος· Οὐ δ' ἔνεχέν ἐστι τοῦτο ἐπιχώριον ἐγὼ φράσω· εἰ νόμος ἦν τὸν δούλον ὑπὸ τοῦ ἐλευθέρου τόπτεσθαι ἢ τὸν μέτοικον ἢ τὸν ἀπελευθέρων, πολλὰς ἂν οἰσθῆαι εἶναι τὸν Ἀθηναῖον δούλον ἐπάταξεν ἂν· ἐσθῆτά τε γὰρ οὐδὲν βελτίω ἔχει ὁ δῆμος αὐτόθι ἢ οἱ δούλοι καὶ οἱ μέτοικοι καὶ τὰ εἶδη οὐδὲν βελτίους εἰσὶν. § 11: Εἰ δὲ τις καὶ τοῦτο θαυμάζει ὅτι· εἴωσι τοὺς δούλους τρυφᾶν αὐτόθι, καὶ μεγαλοπρεπῶς διαιτᾶσθαι ἐνίοις, καὶ τοῦτο γνώμη φανείεν ἂν ποιοῦντες. Ὅπου γὰρ ναυτικὴ δύναμις ἐστὶν ἀπὸ χρημάτων, ἀνάγκη τοῖς ἀνδραπόδοις δουλεύειν, ἵνα λαμβάνων μὲν πράττη τὰς ἀποφοράς, καὶ ἐλευθέρους ἀφίεναι, ὅπου δ' εἰσὶ πλούσιοι οἱ δούλοι, οὐκέτι ἐνταῦθα λυσιστελεῖ τὸν ἐμὸν δούλον σὲ δεδιέναι· ἐν δὲ τῇ Λακεδαιμόνι ὁ ἐμὸς δούλος σὲ δέδοικεν. Ἐν δὲ δεδίη ὁ σὸς δούλος· ἐμὲ, κινδυνεύσεις καὶ τὰ χρήματα διδόναι τὰ ἑαυτοῦ ὥστε μὴ κινδυνεύειν περὶ ἑαυτοῦ. § 12: Διὰ τοῦτο οὖν ἰσηγορίαν καὶ τοῖς δούλοις πρὸς τοὺς ἐλευθέρους ἐποιήσαμεν καὶ τοῖς μετοίκους πρὸς τοὺς αὐτοὺς, διότι δεῖται ἢ πόλις μετοίκων διὰ τε τὸ πλῆθος τῶν τεχνῶν καὶ διὰ τὸ ναυτικόν. Διὰ τοῦτο οὖν καὶ τοῖς μετοίκους εἰκότως τὴν ἰσηγορίαν ἐποιήσαμεν. Одиннадцатый параграфъ, со словъ ὅπου γὰρ до ἀφίεναι, приведенъ мною по чтенію Генриха Этьена и Вельса, съ удержаніемъ принятыхъ ими знаковъ препинанія См. Xenophontis, viri armorum et literarum celeberrimi, quae extant opera. Annotationes Henrici Stephani, multum locupletatae Editio secunda. Anno M. D. LXXXI. Excudebat Henricus Stephanus. Въ принадлежатъ мнѣ экземпляръ латинскаго перевода нѣтъ, а за письмами Ксенофонта слѣдуютъ Henrici Stephani in omnia Xenophontis opera Annotationes съ особен-

лико въ Аѳинахъ, здѣсь нельзя толкнуть раба, и онъ тебѣ не посторонится. Скажу тебѣ, почему это такъ принято. Еслибы законъ допускалъ свободному ударить раба, или метака, или вольноотпущеннаго, часто приходилось бы, опознавшись, толкнуть аѳинянина, ибо гражданинъ не отличается ни отъ раба, ни отъ метака ни лучшею одеждою, ни болѣе пристойнымъ видомъ. Удивляются также, что здѣсь дозволяютъ рабамъ жить въ довольствѣ, а нѣкоторымъ изъ нихъ даже въ роскоши, но этотъ обычай установился разумно. Гдѣ существуетъ зависящая отъ денежныхъ средствъ морская сила, тамъ для полученія взимаемыхъ съ содѣйствіемъ даней необходимо угождать невольникамъ и даже отпускать ихъ на волю. Гдѣ рабы богаты, тамъ не выгодно, чтобы мой рабъ тебя боялся. Правда, въ Лакедэмонѣ мой рабъ тебя побоятся; еслибы, однако, твой рабъ меня боялся, то тебѣ грозить опасность, что изъ страха собственнаго личнаго бѣдствія онъ передастъ мнѣ свое имущество. Посему мы установили равенство въ обращеніи рабовъ съ свободными и метиковъ съ гражданами. А такъ какъ и по множеству ремеслъ, и для морскаго дѣла республика нуждается въ метикахъ, то мы справедливо предоставили метикамъ равенство слова въ разговорѣ съ нами⁴.

нымъ обозначеніемъ страницъ 1—76. Вельсъ не поставилъ своего имени на заглавномъ листѣ изданія; онъ подписался только подъ письмомъ къ декану коллегіи, коему онъ посвятилъ свой трудъ. *Xenophontis opera, quae extant omnia una cum Chronologia Xenophontea A. Dodwelli, et quatuor tabulis geographicis. Oxonii, e theatro Sheldoniano.* Вельсъ издалъ всѣ сочиненія Ксенофонта въ нѣсколькихъ, именно въ шести, выпускахъ, но безъ обозначенія отдельныхъ томовъ и безъ общаго заглавія; только на первомъ листѣ послѣдней части онъ напечаталъ *Xenophontis opera quae extant omnia*. Изданіе продолжалось отъ "Етс: quae до MDCCIII. Оба изданія, Вьема и Вельса, удерживаются до сихъ поръ свое высокое значеніе. Мысль Ксенофонта совершенно ясна, и ея изложеніе не представляетъ тѣхъ чрезвычайныхъ трудностей, которыя находятъ въ немъ нѣкоторые новѣйшіе издатели, рѣшившіеся даже измѣнить переданный въ рукописяхъ подлинникъ, чѣмъ, однако, только затемнили смыслъ рѣчи. Разсуждая о поводахъ, побудившихъ аѳинянъ оказывать снисходительность своимъ рабамъ и дозволить имъ приобретать имущества, Ксенофонтъ пишетъ, что аѳиняне принуждены къ тому своимъ политическимъ положеніемъ, ибо ихъ республика не столько сухопутная, какъ Спарта, сколько морская, владычущая значительнымъ флотомъ. (Это мѣсто Аѳинской политіи подробно разобрано въ другомъ (пока въ рукописи), обширномъ сочиненіи М. С. Куторги: *Общественное положеніе рабовъ и вольноотпущенныхъ въ Аѳинской республикѣ (1881—1884).*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Керченская христианская катакомба 491 года. Изслѣдованіе *Юліана Кулаковскаго*, ординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владимира (Материалы по археологiи Россiи издаваемые Императорскою археологическою комиссіею. № 6) 29 стр. in f. съ 3-мя таблицами въ текстѣ и 4-ми въ приложенiи.

Въ краткомъ предисловіи къ изслѣдованію, составляющему предметъ настоящей замѣтки, Ю. А. Кулаковскій знакомитъ читателя съ обстоятельствами, подавшими поводъ къ открытію памятника, который, безъ сомнѣнія, займетъ весьма видное мѣсто въ ряду источниковъ древне-христіанской археологiи. Весною 1890 года рабочіе, добывавшіе камень на сѣверномъ склонѣ горы Митридата, повывше Татарской слободки, предмѣстья г. Керчи, случайно открыли катакомбу, стѣны которой были украшены фресками ¹⁾. Въ виду возможности находенія другихъ подобныхъ катакомбъ по сосѣдству, Императорская археологическая комиссія поручила г. Кулаковскому произвести изысканія въ прилегающей мѣстности. Эти изысканія, произведенныя въ концѣ іюля и началѣ августа того же года, не привели къ открытію того, чего непосредственно искалъ г. Кулаковскій, но за то вознаградили его открытіемъ памятника, представляющаго „первый и единственный пока примѣръ христіанской погребальной пещеры съ опредѣленной хронологической датой“.

Подробное описаніе этого замѣчательнаго памятника и „историческое освѣщеніе самаго факта его находенія въ Керчи“ раздѣ-

---

¹⁾ Краткое описаніе этой находки было помѣщено въ нѣсколькихъ русскихъ и иностранныхъ газетахъ въ маѣ 1890 г. Более подробное описаніе представилъ *Хр. П. Яцуржисскій* въ *Извѣстіяхъ Таурической ученой архивной комиссіи* № 10, 1890, стр. 111 сл.

лено на 2 главы, изъ которыхъ каждая подраздѣляется на параграфы: первая на 5, вторая на 3. Первая глава, которую можно назвать археологическо-эпиграфическою, содержитъ въ себѣ: а) описаніе мѣста находки и вида пещеры (§ 1), б) подробное изслѣдованіе найденныхъ въ пещерѣ надписей со стороны ихъ содержанія, особенностей языка и палеографіи (§§ 2—4) и в) описаніе нарисованныхъ въ пещерѣ крестовъ. Вторая глава, по преимуществу историческая, содержитъ въ себѣ: сводъ данныхъ о погребеніи въ катакомбахъ и анализъ именъ лицъ, погребенныхъ во вновь открытой пещерѣ (§ 1), историческіе выводы о положеніи Воспора до Юстиніана и при этомъ императорѣ (§ 2), сводъ данныхъ о христіанствѣ на Воспорѣ и перечень извѣстныхъ до сихъ поръ христіанскихъ его памятниковъ (§ 3). Изъ числа 3 печатныхъ таблицъ въ текстѣ первая представляетъ схему распредѣленія надписей въ катакомбѣ, 2 и 3—эпиграфическія копіи и транскрипціи двухъ важнѣйшихъ надписей, а изъ 4-хъ литографированныхъ таблицъ, данныхъ въ приложеніи, первая иллюстрируетъ изложеніе планомъ и двумя разрѣзами катакомбы, а остальные содержатъ facsimile нѣкоторыхъ надписей.

Изъ этого краткаго перечня содержанія изслѣдованія г. Кулаковскаго очевидно, что почтенный изслѣдователь вполне внимательно и всесторонне изучилъ открытый имъ памятникъ и сдѣлалъ все нужное для того, чтобы дать читателю точное и наглядное представленіе о немъ. Надѣемся, что читатель не посѣтуетъ и на насъ, если мы, слѣдуя принятому изслѣдователемъ порядку изложенія, попытаемся дать краткій сводъ результатовъ его изслѣдованія, которое далеко не у всѣхъ будетъ подъ руками.

Катакомба открыта 4-го августа 1890 года на усадьбѣ керченскаго жителя г. Коробки, находящейся на Госпитальной улицѣ, въ 20 саж. вверхъ отъ угла Нагорной улицы, на правой сторонѣ подъема. По своимъ размѣрамъ и устройству она ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ обычнаго въ Керчи типа этого рода сооружений, которыхъ въ равное время съ конца 50-хъ годовъ до начала 80-хъ открыто около двухсотъ. Она выкопана въ глинистомъ материкѣ, такъ что полъ ея приходится на 4 сажени ниже теперешняго уровня улицы. Стѣны обдѣланы небрежно, или, быть можетъ, обдѣлка ихъ не закончена, углы измѣрены не точно, такъ что прямыхъ между ними почти нѣтъ. Вышина и ширина пещеры постепенно увеличиваются по направленію отъ входа: ширина у входа 2 арш. н 5 вершковъ, а въ задней части—3 арш. 6 вершк., вышина у входа 2 арш.

4 верш., въ задней части—2 арш. 8 вершковъ. Въ трехъ стѣнахъ пещеры, во всю длину ихъ, углублены большія четырехугольныя ниши, вышиною около одного аршина, но разной ширины и глубины; потолокъ центральной части пещеры приблизительно на $1\frac{1}{2}$ вершка выше потолка нишъ, такъ что надъ нишами образуются какъ бы карнизы, изъ коихъ одинъ, именно находившійся надъ средней нишей, обвалился. Входъ пробить съ сѣверной стороны не ровно по срединѣ передней стѣны, а нѣсколько ближе къ правому углу (для стоящаго внутри лицомъ ко входу). Онъ былъ закрытъ большимъ четырехугольнымъ камнемъ той породы, которую въ Керчи зовутъ „дикаремъ“. Спускъ къ нему имѣлъ видъ отлогого корридора со ступеньками, этотъ корридоръ остался нескрытымъ, потому что онъ идетъ вдоль всей усадьбы г. Коробки, черезъ весь его дворъ. Катакомба была вскрыта путемъ очищенія колодца, который былъ пробить до глубины входа по отвѣсу при самомъ ея устройствѣ. Она оказалась разоренною въ давнее время, но на стѣнахъ ея хорошо сохранились многочисленныя надписи, которыя и придаютъ вновь открытому памятнику высокую цѣну и значеніе.

Надписи эти написаны (не вырѣзаны) на глинѣ темнокрасной краской. Ихъ рядъ начинается на центральной стѣнѣ лѣвой (для входящаго) ниши и оканчивается надъ входной дверью. Всѣхъ площадей, покрытыхъ надписями, девять; кромѣ того, имѣются однострочныя надписи на трехъ вышеупомянутыхъ карнизахъ. Всѣхъ надписей, по счету г. Кулаковскаго, 13 номеровъ; но это число значительно сократится, если считать за одно: 1) текстъ псалма 90, написанный въ шести отдѣльныхъ мѣстахъ (№№ 3—5 и 7—9 по счету г. Кулаковскаго), и 2) два стиха псалма 26, написанные въ двухъ мѣстахъ (№№ 11 и 12). Такимъ образомъ, число отдѣльныхъ текстовъ сводится къ семи, которые мы и рассмотримъ по порядку.

1) На центральной стѣнѣ лѣвой ниши, вправо отъ изображенія креста съ подвѣшенными къ перекладинѣ буквами А и Ω, написана хронологическая дата: ἐν τῷ ηπψ' ἔτ[ε]τι, то-есть, въ 788 году воспорской эры (мы выстѣ съ почтеннымъ изслѣдователемъ считаемъ несомнѣннымъ, что данъ годъ именно этой эры), соответствующемъ 491 году по Р. Хр. Такимъ образомъ, мы узнаемъ годъ устройства пещеры или погребенія въ ней двухъ христіанъ, имена которыхъ даны въ другой надписи. По мнѣнію г. Кулаковскаго, оба эти предположенія имѣютъ одинаковую вѣроятность, но намъ второе представляется нѣсколько болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ первое. Пещера могла

быть выкопана за нѣсколько (даже за много) лѣтъ до смерти по приказанію христіанина, помнившего о своемъ смертномъ часѣ и могшаго заранѣе позаботиться о мѣстѣ послѣдняго упокоенія (могла быть куплена и готовой): такъ и въ наше время нѣкоторые заранѣе покупаютъ для себя мѣста на кладбищахъ или устраиваютъ склепы; но убранство пещеры надписями, причисляющимися мѣсту христіанскаго упокоенія, вѣроятнѣе относится ко времени смерти владѣльцевъ, какъ исполненіе ихъ послѣдней воли или желанія ихъ родственниковъ. Обращаясь опять къ нашему времени, можно сравнить эти надписи съ надписями на нашихъ надгробныхъ памятникахъ, которыя дѣлаются вѣдь не заживо, а послѣ смерти. Еслибы надписи были сдѣланы заживо, то можно было бы ожидать спеціальнаго упоминанія объ этомъ, часто встрѣчающагося въ надгробныхъ надписяхъ римскихъ и раннихъ христіанскихъ временъ: *ὁ θεὸς αὐτῶ ἐποίησε ζῶν.*

2) На правой стѣнѣ той же ниши вокругъ креста съ нарисованными подъ перекладиной буквами А и Ω написанъ слѣдующій текстъ: *Χαρὰ μεγάλη γέ[ν]ησεν τῷ οἴκῳ τοῦ[τῶ] σήμερον τῶν ἀγίων(ν) πα[ρα]γενομένων, τῶν δικ(αι)ων συναλ(λ)ομένων καὶ τῶν πάντων(ν) ὑμνοῦ(ν)των(ν) Σε· ἐλέ(η)σ(ον).* Текстъ этотъ, очевидно, представляетъ собою молитву, или (по сужденію специалистовъ по литургикѣ, къ которымъ авторъ обращался за помощью) стихирѣ, которой, однако, нѣтъ въ нашихъ требникахъ. Содержа въ себѣ прославленіе христіанской смерти, она легко могла входить въ составъ древне-христіанскаго чина погребенія, но въ послѣдствіи утратиться изъ него. На стр. 12, г. Кулаковскій, обратившись къ содержанію текстовъ, приводитъ нѣсколько аналогій этой стихирѣ и подробно разсматриваетъ ея идею и ритмическое построеніе. Относительно послѣдняго замѣтимъ, что 5-й стихъ по раздѣленію автора представляетъ собою ямбическую диподию, подобно первымъ двумъ, но различается отъ нихъ мѣстами удареній. Исследователь представляетъ и переводъ этой стихирѣ на славянскій языкъ: „Радость велия бысть дому сему днесь, прибывшимъ святымъ, соликующимъ праведнымъ и всѣмъ воспѣвающимъ Тя: помилуй“¹⁾.

3) На всѣхъ трехъ стѣнахъ центральной ниши, украшенныхъ посредніемъ изображеніями крестовъ, и на трехъ стѣнахъ правой

¹⁾ Въмсто „прибывшимъ“ мы предложили бы поставить „пришедшимъ“, такъ какъ глаголь *παράγινεσθαι* по-славянски переводится глаголомъ „приходить“. Вотъ нѣсколько случайно отмѣченныхъ примѣровъ: Мате. 2, 1; 3, 1 и 13; Давніа Ап. 9, 39; 10, 32 и 33; 11, 23; 13, 14 и пр.

лиши, гдѣ изображеніе креста дано только на лѣвой стѣнѣ, написанъ *полный текстъ* псалма 90 („Живый въ помощи Вышняго“...). Помѣщеніе этого псалма въ погребальной пещерѣ почтенный исследователь совершенно справедливо объясняетъ его значеніемъ въ чинѣ погребенія: съ него начинается отпѣваніе. Принимая во вниманіе время, къ которому относится его написаніе въ керченской катакомбѣ, нельзя не признать за нимъ весьма важнаго значенія для проверки существующаго текста псалма. И нужно замѣтить, что за исключеніемъ нѣсколькихъ очевидныхъ погрѣшностей писавшаго (въ одномъ мѣстѣ пропущено καί, въ другомъ—σέ, въ третьемъ—αὐτόν, еще въ одномъ это же мѣстоименіе поставлено въ дательномъ падежѣ вмѣсто винительнаго), текстъ 491 года оказывается совершенно тождественнымъ съ существующимъ за исключеніемъ стиха 2, который читается такъ: Ἐρεῖ τῷ Κυρίῳ, ἀντιλή(μ)πτωρ μου εἰ καὶ καταφυγή μου ὁ Θεός μου, βοηθός μου καὶ ἐλπὶς ἐπ' αὐτόν. Въ существующемъ текстѣ слова βοηθός μου пропущены. Эту прибавку г. Кулаковский весьма склоненъ признать „погрѣшностью“ писавшаго; но намъ кажется, что въ вопросѣ о происхожденіи этой прибавки слѣдовало бы быть болѣе осторожнымъ: прибавка эта такъ хорошо подходитъ къ смыслу стиха, что мы предпочитаемъ считать эти слова входившими въ текстъ псалма, въ одномъ изъ древнихъ списковъ псалтири, нежели явившимися вслѣдствіе lapsus memoriae писавшаго ¹⁾).

4) На правой половинѣ правой стѣны написано: „Трисвятое“, съ весьма интересною особенностью: въ концѣ его вмѣсто словъ ἐλέησον ἡμᾶς, поставлено ἐλέησον τὸν δοῦλόν σου Σαούρα καὶ Φαεισκάрта. Такое окончаніе „Трисвятаго“ въ извѣстныхъ доселѣ христіанскихъ надписяхъ не встрѣчалось; но нельзя не согласиться, что оно прекрасно подходитъ къ мѣсту, гдѣ была написана эта молитва: въ мѣстѣ послѣдняго упокоенія христіанъ естественно молиться о милости Божіей къ усопшимъ, тамъ почивающимъ, а не ко всѣмъ намъ. Имена Σαούρας и Φαεισκάρτας, очевидно, принадлежали лицамъ, погребеннымъ въ катакомбѣ. Такимъ образомъ, въ этой надписи мы

¹⁾ Предположеніе о lapsus memoriae глѣз. менѣе вѣроятно, что въ другихъ псалмахъ нѣтъ тождественныхъ выраженій, съ которыми писавшій могъ бы смѣшать текстъ псалма 90. Наболѣе близко къ нему слѣдующее мѣсто пс. 118, 114—115: „Помощникъ мой и заступникъ мой еси Ты; на словеса твоя уповахъ“. Другія параллельныя мѣста: Пс. 27, 7; 58, 17; 93, 22; 39, 18; 69, 6; 143, 2; Исх. 15, 2. Указаніемъ этихъ мѣстъ мы обязаны любезности о. законоучителя 3-й Казанской гимназіи, священника А. В. Молчанова.

имѣемъ существенное добавленіе въ № 1 (или наоборотъ): одна надпись даетъ намъ имена лицъ, погребенныхъ въ катакомбѣ, другая— время погребенія. Для объясненія постановки единственнаго числа τὸν δούλον σου передъ двумя именами г. Кулаковскій выставляетъ два предположенія оба одинаково вѣроятныя. Что касается до текста „Трисвятаго“, то онъ данъ въ употребительной доселѣ формѣ. Для объясненія факта написанія этой пѣсни въ катакомбѣ изслѣдователь припоминаетъ ея важное значеніе въ чинѣ погребенія.

5) Надъ входной дверью довольно небрежно написаны два послѣдніе стиха псалма 120, также безъ всякихъ вариантовъ сравнительно съ существующимъ текстомъ, если не считать орфографическихъ ошибокъ, пропусковъ буквъ и другихъ слѣдовъ небрежности писавшаго. По справедливому замѣчанію почтеннаго изслѣдователя, помѣщеніе этихъ стиховъ надъ входной дверью „не нуждается въ другомъ объясненіи, кромѣ указанія на самое мѣсто, гдѣ они написаны“. Въ чинѣ погребенія этотъ псаломъ не входитъ.

6) На карнизахъ надъ лѣвой и надъ правой нишами написаны двѣ первыя фразы псалма 26 (Κύριος φωτισμός μου καὶ σωτήρ μου, τίνα φοβήθῃ(ήσομαι); Κ(ύρι)ος ὑπερασπιστὴς τῆς ζωῆς μου, ἀπὸ τίνος δειλιάσω, имѣющія мѣсто въ качествѣ прокимена въ чинѣ крещенія, малаго освященія и освященія храма. Для помѣщенія въ катакомбѣ, замѣтимъ отъ себя, онѣ были выбраны, по всей вѣроятности, какъ прекрасное выраженіе твердаго христіанскаго упованія на милость Божию.

7) Карнизъ подъ центральной нишей почти весь отвалился, такъ что отъ надписи сохранились только крестикъ и одна буква въ началѣ и 6 буквъ въ концѣ, выведенныхъ на половину на потолокъ— вслѣдствіе незначительной вышины карниза. Къ этимъ буквамъ авторъ съ большою вѣроятностью подобралъ начало псалма 101: Κ(ύρι)ε εἰσακούσων τῆς εὐ)χῆς μου.

Давъ копія надписей, сопровождаемыя необходимыми замѣчаніями объ ихъ сохранности и особенностяхъ письма и славянскими переводами, г. Кулаковскій въ отдѣльномъ § предлагаетъ „общія замѣчанія о содержаніи текстовъ“; здѣсь послѣ общихъ указаній на значеніе псалтыри въ церковномъ обиходѣ и свидѣтельство о древнехристіанскомъ чинѣ погребенія подробно рассмотрѣна стихира „Χαρὰ μεγάλη“, и указано значеніе прочихъ текстовъ, написанныхъ въ пещерѣ, въ чинѣ христіанскаго погребенія. Эти указанія уже сообщены нами выше, при каждомъ отдѣльномъ текстѣ. Слѣдующій § посвященъ „палеографическимъ замѣчаніямъ“; въ немъ авторъ под-

робно разсматриваетъ общій характеръ письма, особенности написанія отдѣльныхъ буквъ и всѣ случаи отступленія отъ правильной орфографіи. Общія выводы изъ этого разбора могутъ быть сдѣланы такіе: 1) письмо въ катакомбѣ, такъ сказать, традиціонное, утвердившееся на Воспорѣ съ первыхъ вѣковъ по Р. Хр. и съ тѣхъ поръ безъ сомнѣнія, передававшееся изъ поколѣнія въ поколѣніе въ непрерывной преемственности. Хотя тексты *написаны* на глиняхъ стѣнъ пещеры, но этотъ способъ изображенія буквъ мало отразился на общемъ ихъ характерѣ, который ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ буквъ надписей, *высѣченныхъ* на камнѣ; среди нихъ нѣтъ ни одного начертанія, для котораго нельзя было бы указать аналогіи въ лапидарныхъ воспорскихъ памятникахъ, собранныхъ въ недавно изданномъ мною 2-мъ томѣ „Inscr. orae septentr. Ponti Euxini“.

2) Невозможно, конечно, рѣшить, написаны ли всѣ тексты *на память*, или по спискамъ, бывшимъ предъ глазами писавшаго; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что писавшій не обращалъ вниманія на орфографическую правильность, или, вѣрнѣе сказать, не имѣлъ о ней понятія и писалъ каждое слово такъ, какъ произносилъ. Такимъ образомъ, написаніе текстовъ является весьма любопытнымъ свидѣтельствомъ о способѣ произношенія отдѣльныхъ звуковъ греческаго языка воспорскими греками въ концѣ V вѣка. Особенности написанія съ очевидностью доказываютъ, что произношеніе тогда было уже весьма близко къ современному греческому; такъ, напримеръ, *α* произносилось какъ *ε*, *α*—какъ *ι*, *ο* и *ω* по количеству не различались; единственнымъ и весьма интереснымъ исключеніемъ является *произношеніе η* какъ *ε*, доказываемое написаніями *δημονίου* = *δαμονίου*, *φοβηθήσαι* = *φοβηθήση* и *ἐπιθήσαι* = *ἐπιθήση*, *μεσεμβρινοῦ* вмѣсто *μεσημβρινοῦ* и наоборотъ *νοκτηρινοῦ* вмѣсто *νοκтерίνοῦ* и т. п. ¹⁾

Слѣдующій § посвященъ подробному разсмотрѣнію изображеній креста, которыя въ числѣ 16 являются то въ видѣ самостоятельнаго украшенія, то въ началѣ или въ заключеніи надписей. Изъ особенностей этихъ изображеній отмѣтимъ слѣдующія. Во всѣхъ 8 случаяхъ, гдѣ крестъ имѣетъ значеніе самостоятельнаго украшенія, продольная его полоса значительно длиннѣе поперечной, всѣ четыре конца расширены и обрѣзъ ихъ имѣетъ видъ вогнутой линіи, а въ осталь-

¹⁾ Въ надгробной надписи изъ Партенита, относящейся къ 906 г. и изданной нами въ *Зам. Од. Одщ.*, т. XIV, стр. 58 сл., *η* и *ι* уже постоянно смѣшались, за исключеніемъ слова *πονήσας*, написаннаго чрезъ *ε*.

ныхъ случаяхъ крестъ состоитъ изъ двухъ перпендикулярныхъ одна къ другой полосъ равной толщины. Четыре изъ тѣхъ изображеній, гдѣ крестъ имѣетъ самостоятельное значеніе, имѣютъ еще ту особенность, что подъ горизонтальной полосой креста, по обѣимъ сторонамъ вертикальной, помѣщены буквы А и Ω, имѣвшія, какъ извѣстно, символическое значеніе; буквы эти представлены подвѣшенными къ кресту, А за верхушку, а Ω за средину; такимъ образомъ въ формѣ послѣдней буквы является новый, широко распространенный христіанскій символъ—якорь. Два изъ этихъ крестовъ, кромѣ того, имѣютъ на верхнемъ концѣ съ правой стороны придатокъ, въ которомъ авторъ справедливо видитъ монограмму Христа, и такимъ образомъ являются *сигнесъ монограмматісае*. Тщательно разсматривая всѣ эти особенности изображеній крестовъ, почтенный изслѣдователь указываетъ время возникновенія каждой формы, ея распространенность и сохранившіеся до насъ аналогичные примѣры.

Вторая глава, какъ мы уже замѣтили, является по преимуществу историческою. Она посвящена разъясненію слѣдующихъ двухъ положеній, выставленныхъ авторомъ въ самомъ ея началѣ. „Нашъ памятникъ... является исключительнымъ въ своемъ родѣ свидѣтельствомъ, *вопервыхъ*, о томъ, что на Воспорѣ, послѣ прекращенія царства въ половинѣ IV вѣка, продолжало жить туземное населеніе, хранившее старую культуру, а, *вовторыхъ*—что это населеніе было христіанскимъ“. Для доказательства перваго положенія авторъ прежде всего сопоставляетъ скудные ¹⁾ данныя о времени погребенія въ катакомбахъ, которыхъ, какъ уже замѣчено, въ разное время открыто на Воспорѣ около 200, и изъ этого сопоставленія выводитъ, что этотъ типъ погребенія, вошедши въ употребленіе въ I в. по Р. Хр., продолжался непрерывно до V в. и даже позднѣе и былъ типомъ туземнымъ, такъ какъ устройство погребальныхъ пещеръ требовало, „помимо знакомства съ качествомъ и толщиной слоевъ почвы въ данной мѣстности, выработке довольно сложныхъ техническихъ приспособленій“; „отсюда,—продолжаетъ г. Кулаковскій,—мы вправѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: въ концѣ V в. сидѣло на Воспорѣ то самое населеніе, которое его занимало при воспорскихъ царяхъ, носившихъ династическое имя Тиберіа Юліа“. Этотъ археологическій аргументъ подтверждается вышеуказаннымъ палеографическимъ, также свидѣтель-

¹⁾ Эти данныя сообщаютъ почти исключительно монеты, нрѣдка находимыя въ катакомбахъ.

ствующимъ о непрерывности культурной жизни на Веспорѣ до конца V вѣка. Далѣе авторъ переходитъ къ анализу собственныхъ именъ *Σαράγας* и *Φασιόκάρτας*. Первое изъ нихъ уже встрѣчалось на Веспорѣ, для втораго же нѣтъ даже болѣе или менѣе близкой аналогіи; но оба они, по отзыву нашихъ извѣстныхъ лингвистовъ, профессоровъ В. О. Миллера и О. Е. Корша, приводимому авторомъ, могутъ быть объяснены изъ иранскихъ корней, подобно большинству веспорскихъ и танаидскихъ „варварскихъ“ именъ, и тѣмъ обличаютъ принадлежность погребенныхъ въ катакомбѣ христіанъ къ сарматской національности, которая, стало быть, продолжала существовать на Веспорѣ въ концѣ V вѣка.

Отлагая до конца замѣтки нѣсколько словъ, которыя намъ нужно сказать по поводу разбора имени *Σαράγας*, мы здѣсь позволимъ себѣ замѣчаніе по поводу втораго имени. По объясненію проф. В. О. Миллера, въ имени *Φασιόκάρτας* слѣдуетъ видѣть глагольный корень *бар*, сложенный съ предлогами *φα* и *ισ*, а слѣдующее за корнемъ *τ* есть суффиксъ *part. perf. pass.* „Предложивъ такое объясненіе (продолжаетъ авторъ), проф. Миллеръ указываетъ затѣмъ на одно весьма, по его мнѣнію, существенное затрудненіе, состоящее въ томъ, что иранское имя такого образованія должно было бы идти по склоненію на *ο*, а не на *α*, какъ то, однако, оказывается въ данномъ случаѣ“. Вотъ по поводу этого-то „существеннаго затрудненія“ мы и хотимъ сказать, что, еслибы г. Миллеръ или г. Кулаковскій обратили вниманіе на веспорскія и танаидскія собственные имена, собранныя въ указателяхъ ко 2-му тому нашего „сборника надписей“, то замѣтили бы въ веспорскомъ греческомъ говорѣ довольно явственную склонность къ замѣнѣ склоненія на *ο* въ личныхъ именахъ склоненіемъ на *α*. Такъ, напримѣръ, встрѣчается *Λάδας* и *Λάδος*, *Εὐτόχης* и *Εὐτόχος*, *Ζωρδίνης* и *Ζωρδίνος*, *Κοζοῦς* и *Κοζοῦς*, *Μόσχας* (ср. нарвц. *μόσχος*), *Οὐάρας* (ср. лат. *Vagus*), *Σαράγας* (въ надписи изъ катакомбы) и *Σαράαχος* (въ танаидскихъ надписяхъ № 427 и 447). На основаніи этихъ примѣровъ возможно допустить предположеніе, что и разсматриваемое имя первоначально употреблялось въ формѣ *Φασιόκαρτος*.

Вышеприведенные историческіе выводы даютъ г. Кулаковскому право утверждать, что „прекращеніе династіи веспорскихъ царей въ первой половинѣ IV вѣка было лишь прекращеніемъ царства въ его старыхъ предѣлахъ, но не сопровождалось разрушеніемъ города и искорененіемъ стараго его населенія“, а далѣе, что „городъ Цантикапей пережилъ разрушеніе царства и не подвергался разгрому отъ

гунновъ". Одна недавно найденная надпись съ именемъ царя Диптуна (изданная нами во 2-мъ томѣ сборника подъ № 49) позволяетъ даже „утверждать, что на Воспорѣ былъ восстановленъ тронъ древнихъ царей и возобновлена была фактически, а, быть можетъ, фиктивно, старая династія". Подвергая эту надпись внимательному разсмотрѣнію, авторъ извлекаетъ изъ нея всѣ данныя, какія только можно извлечь для характеристики положенія Воспорскаго царства въ эпоху ея написанія, и, естественно, старается рѣшить вопросъ о времени ея происхожденія, который интересовалъ и насъ при первомъ изданіи документа. Выводъ г. Кулаковскаго, основанный на Прокон. *De b. Pers.* I, 12, не вполне согласенъ съ нашимъ: онъ относитъ надпись ко времени императора Юстина, тогда какъ мы, на основаніи другихъ свидѣтельствъ предполагали, что она относится ко времени Юстиніана. При крайней скудости историческихъ данныхъ о положеніи Воспора за это время трудно рѣшить, на чьей сторонѣ правда; но во всякомъ случаѣ нельзя не быть благодарнымъ г. Кулаковскому за то, что онъ самостоятельно перензслѣдовалъ вопросъ о времени надписи Диптуна и тѣмъ придавъ большую прочность предположенію о томъ, что она относится къ VI вѣку ¹⁾).

Заключительный параграфъ изслѣдованія Ю. А. Кулаковскаго посвященъ изложенію сохранившихся свидѣтельствъ о возникновеніи и первыхъ судьбахъ христіанства на Воспорѣ и перечню дошедшихъ до насъ христіанскихъ воспорскихъ памятниковъ IV—VI вѣковъ. Отдавая полную справедливость тщательности, съ которою собраны эти свидѣтельства и указаны памятники, мы сдѣлаемъ здѣсь только добавленіе къ объясненію памятника, указаннаго подъ № 4 и представленнаго на стр. 30 въ копіи съ рисунка, даннаго первымъ его издателемъ, покойнымъ академикомъ Стефани ²⁾). Это—надгробная плита изъ известковаго камня съ изображеніемъ креста въ формѣ сгих *monogrammatica* и двухстрочною надписью по обѣ стороны креста. Стефани совсѣмъ не разобралъ этой надписи; г. Кулаковский совершенно правильно прочиталъ два первыхъ ея слова *ἐνθα κατὰχίτα* (=κατὰχίτα), а въ дальнѣйшихъ буквахъ предположилъ нма

¹⁾ Позволимъ себѣ маленькое замѣчаніе къ изслѣдованію о времени этой надписи. Почтенный авторъ въ одномъ случаѣ ссылается на известную надпись съ именемъ императора Зинона (С. I. Gr. IV, 8621), безъ всякаго колебанія называя ее Херсонисскою; но принадлежность ея Херсоніеу подлежитъ сильному сомнѣнію. Ср. статью В. Н. Юргевича въ *Зап. Од. Общества* XIV, стр. 779 сл.

²⁾ Отчетъ Имп. арх. комиссіи за 1880 г., стр. 134.

почившаго. Плита эта хранится въ Московскомъ историческомъ музее, гдѣ мы имѣли случай видѣть ее дважды (въ 1883 и 1891 гг.). На ней явственно читается: "Ευθα χατ[ά]κ[α]ιτε ἀβελφῆ. Слѣдуетъ ли послѣднее слово принимать за имя собственное, или нарицательное, рѣшить трудно; кромѣ этихъ словъ, на камнѣ ничего не было вырѣзано. Послѣдняя буква 2-й строки (Η, вмѣсто которой на рисункѣ Стефани даны ΙΕ) ясно видна на камнѣ.

Закончивъ изложеніе содержанія интереснаго изслѣдованія г. Кулаковскаго, мы считаемъ себя вправѣ сказать кстати нѣсколько словъ pro domo postea. Многоуважаемый изслѣдователь отвесилъ съ любезнымъ вниманіемъ къ нашему сборнику воспорскихъ надписей, который еще раньше почтилъ лестною рецензіей на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (май, 1891 г., стр. 171 сл.). Но, говоря о немъ въ изслѣдованіи, авторъ допустилъ двѣ маленькія неточности (или, быть можетъ, корректурные недосмотры), которыя могутъ ввести въ заблужденіе читателя и на которыхъ мы поэтому позволимъ себѣ остановиться. Обѣ онѣ относятся къ надписи Диптуна. На стр. 25, приступивъ къ ея разсмотрѣнію и давъ имя царя въ формѣ Δοικτοῦνος, г. Кулаковскій въ подстрочномъ примѣчаніи говоритъ: „Г. Латышевъ читаетъ это имя Διοικτοῦνης, но на камнѣ ясно разбирается иное начало слова“. Прочитавъ это примѣчаніе, всякій подумаетъ, что г. Кулаковскій первый разобралъ правильно имя, мною прочитанное совершенно ошибочно, такъ какъ между Δοικτοῦνος и Διοικτοῦνης разница большая. Но стоитъ заглянуть на стр. 293 втораго тома сборника, гдѣ напечатана эта надпись, чтобы убѣдиться, что дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ. Поверхность камня сильно сглажена, и нѣкоторыя буквы читаются не вполне явственно, между прочимъ, и въ имени царя. Въ чтеніи его я не былъ вполне увѣренъ и поэтому счелъ за лучшее дать его въ трехъ видахъ, именно какъ самъ прочиталъ по камню и по эстампажу, и какъ оно поставлено въ копіи Э. И. Гросса, полученной изъ Керчи до перевозки камня въ Эрмитажъ ¹⁾, а затѣмъ сказалъ: „*Certo igitur restitui (regis) cognomen nondum potest; veri simillimum mihi videtur fuisse Διοικτοῦνης sive Δοικτοῦνης*“.

Въ данной затѣмъ транскрипціи я поставилъ Διοικτοῦνου съ зна-

¹⁾ Что имя царя не сразу поддавалось разбору, это я могу доказать цѣлымъ рядомъ другихъ копій, полученныхъ мною изъ Керчи раньше, чѣмъ камень доставленъ былъ въ Петербургъ.

комъ вопроса. Изъ сказаннаго очевидно, что я вполне допускалъ возможность формы Δοικτοῦνς, но только не былъ въ ней увѣренъ. Затѣмъ, склонилось ли имя царя по 1-му склоненію (Δοικτοῦνς), или по 2-му (Δοικτοῦνος), какъ предполагаетъ г. Кулаковскій,—рѣшить нельзя, потому что въ надписи оно поставлено въ родительномъ падежѣ съ окончаніемъ—ου, одинаково принадлежащимъ обимъ склоненіямъ.

На стр. 22, разбирая первое изъ написанныхъ въ катакомбѣ собственныхъ именъ, встрѣчающееся и въ надписи Диптуна, авторъ говоритъ, что оно прочтано мною въ формѣ Σααάγου, но что на камнѣ „передъ слогомъ αο въ этомъ имени совершенно ясно читается Σ, а не Є, какъ прочелъ г. Латышевъ. Буква передъ этой Σ достаточно ясна, но, повидимому, есть тоже Σ. Ее слѣдуетъ, вѣроятно, отнести къ сочетанію τα, которое представляетъ конецъ слова (начало его стояло на обломанной части камня)“. Смѣшать Є съ „ясно читающагося“ Σ можно только при крайне невнимательномъ чтеніи. Но на камнѣ буква σ имѣетъ не эту форму (Σ), а С, которую смѣшать съ Є уже гораздо легче; вполне возможно, что на камнѣ черточка, которую я принялъ за среднюю часть буквы Є, не ясна или явилась вслѣдствіе порчи камня; но мое чтеніе Σααάγου имѣетъ за себя 1) аналогію съ танаидскимъ именемъ Σαάαχος (№№ 427 и 447), которое, безъ сомнѣнія, тождественно съ Σαάαχος, такъ какъ перемѣна ι въ ε и κ въ γ наблюдается и въ другихъ воспорскихъ и танаидскихъ именахъ¹⁾; 2) при чтеніи Σααάγου предшествующія ему буквы ТА легко могутъ быть объяснены, какъ окончаніе родительнаго падежа имени собственнаго, которое требуется здѣсь смысломъ и къ которому Σααάγου могло служить отчествомъ, тогда какъ при чтеніи Σαάγου для предшествующихъ буквъ ТАΣ трудно придумать какое нибудь объясненіе, и г. Кулаковскій обошелъ это затрудненіе молчаніемъ²⁾. Что же касается до предложенія г. Кулаковскаго въ № 389 вмѣсто Σαααγάχο[υ?] читать Σαάγας Κο[υ...], то я съ нимъ совершенно согласенъ и даже могу прибавить одинъ аргументъ въ пользу этого чтенія, заключающійся въ томъ, что всѣ другія имена въ этой надписи даны безъ отчествъ; считать буквы ΣΑΥΑΓΑΣΚΟ за одно имя въ родительномъ падежѣ меня побудило

¹⁾ Ср. Μαρχιανός въ Inscr. Ρ. II № 296 и Μαρχιανός въ № 447; Ναύατος въ № 446 и Ναύαχος въ №№ 430, 448, 454.

²⁾ Обѣ поправки г. Кулаковскій предлагаетъ и въ вышеуказанной рецензій на стр. 181.

только то обстоятельство, что между Σ и K нѣтъ промежутка, замѣчающагося между другими именами въ этой надписи. Такимъ образомъ постепенныя измѣненія интересующаго насъ имени можно представить въ слѣдующемъ видѣ: $\Sigma\lambda\acute{o}\alpha\chi\omicron\varsigma$ — $\Sigma\lambda\acute{o}\alpha\gamma\omicron\varsigma$ — $\Sigma\epsilon\lambda\acute{o}\alpha\gamma\omicron\varsigma$ — $\Sigma\lambda\acute{o}\alpha\gamma\omicron\varsigma$ — $\Sigma\lambda\acute{o}\alpha\gamma\alpha\varsigma$. Въ двухъ надписяхъ танаидскихъ мы имѣемъ его въ первой формѣ, въ надписи Диптуна, быть можетъ, въ третьей, а въ № 389 и въ катакомбѣ—въ пятой. Возможно, впрочемъ, что она постоянно склонялась по 1-му склоненію: въ обѣихъ танаидскихъ надписяхъ и въ надписи Диптуна оно находится въ родительномъ падежѣ, и именительный по 2-му склоненію образованъ нами только по аналогіи съ другими именами на— $\chi\omicron\varsigma$.

Въ заключеніе не можемъ не выразить задушевнаго пожеланія, чтобы Ю. А. Кулаковскій, вступивъ во всеоружіи солидной эрудиціи въ рядъ изслѣдователей судебъ греческой культуры на южныхъ окраинахъ нашего отечества, продолжалъ работать въ этой области съ такимъ же усиліемъ и съ такимъ же талантомъ, какимъ запечатлѣвъ первый его трудъ.

В. Латышевъ.

Д. А. Корсаковъ. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка. (Н. А. Бударцевъ и его потомство, — Кн. И. А. Долгорукой, — Княгиня Н. Б. Долгорукая, — Кн. С. Г. Долгорукой, — Кн. В. Л. Долгорукой, — Кн. Д. М. Голицынъ, — А. П. Волынской и его „конфиденты“, — В. Н. Татищевъ, — Странники воцаренія Екатерины II. — Три рецензіи: Царца Прасковья, Екатерина I и Монсы, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ). *Историко-биографическіе очерки.* Казань. 1891. 8°. III + 448 + XX стр. Цѣна 3 рубля.

Событія изъ русской исторіи XVIII вѣка, особенно по смерти Петра Великаго, какъ извѣстно, долгое время оставались недоступны всестороннему изученію. Дворцовые перевороты, соображенія, мало имѣвшія общаго съ благомъ государственнымъ, присутствіе замѣшанныхъ въ эти событія лицъ высокопоставленныхъ—все это дѣлало до поры до времени неудобнымъ и щекотливымъ полное приподнятіе завѣсы, скрывавшей отъ зрителя это сравнительно недавнее еще прошлое. Результаты такого положенія дѣль не замедлили сказаться тотчасъ послѣ того, какъ открылся доступъ къ архивнымъ матеріаламъ XVIII вѣка. На нихъ, если можно такъ выразиться, набросились; запретный плодъ представлялся столь вкуснымъ, что многіе охотно посвящали его изученію свои силы, не замѣчая, какъ иногда работа оказывалась торопливою, одностороннею и даже тенденціозною. Анек-

дотическая сторона дѣла, исторія личностей, біографическія мелочи — вотъ преимущественно чѣмъ поглощалось вниманіе историка. Драматизмъ многихъ событій XVIII вѣка, неожиданныя развязки, быстрыя повышенія и столь же быстрыя паденія, громкія имена, — словомъ, вся эта трескучая *mise en scène* невольно вводила въ заблужденіе, позволяя вѣрить, что въ этихъ-то событіяхъ и объясненіе всей русской исторіи даннаго времени.

Но какъ ураганъ на морѣ вздымаетъ только верхніе слои водной массы, не проникая въ самую толщу, такъ и всѣ эти эффектные явленія придворной жизни прошлаго вѣка не въ силахъ были измѣнить кореннаго направленія, памѣтченнаго прежнею жизнью. Много было говорено объ искаженіяхъ, какимъ подверглись преобразованія Петра I, послѣ его смерти; справедливо указывалось на вредное вліяніе Вироновщины, господство нѣмцевъ при Антѣ Іоанновнѣ, партійныя ссоры русскихъ фамилій; но, быть можетъ, именно эти-то факты въ ту пору, когда, повидимому, судьба Петровской реформы была поставлена на карту, лучше всего и доказываютъ безсиліе современниковъ затормозить великое національное дѣло и глубокое соотвѣтствіе реформы съ потребностями русской жизни. Народъ русскій смелъ съ себя наносить волну случайныхъ теченій и продолжалъ идти по указанному пути, жить *своею* жизнью.

И теперь, когда этотъ ураганъ не только пронесся надъ нашею головою, но и достаточно сталъ извѣстенъ, все настоятельнѣе становится обязанность выдвинуть на первый планъ изученіе *внутреннихъ* явленій русской жизни послѣ Петра Великаго. Правда, въ этомъ отношеніи не мало уже сдѣлано. Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Синода, полное собраніе постановленій по вѣдомству православнаго исповѣданія, описаніе дѣлъ Архива Морскаго министерства, опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ Сенатскомъ архивѣ, протоколы Верховнаго тайнаго совѣта, архивъ Государственнаго Совѣта, указы депутатовъ Екатерининской комиссіи, труды Градовскаго, Дитятина, Знаменскаго, Лонгинова, Пекарскаго, Пыпина, В. Семеновскаго, Сергѣевича, Сухомлинова, Якушкина и др. положили прекрасное начало, но настоящая жатва еще впереди.

Потребность во внимательномъ изученіи юридической, экономической, церковной, бытовой исторіи XVIII вѣка, конечно, нисколько не исключаетъ заслуги тѣхъ лицъ, которыя въ свое время постарались въ изученія „верхнихъ“ и „внѣшнихъ“ теченій этой жизни. Съ нихъ, какъ съ болѣе легкихъ, пожалуй, даже и слѣдовало начать.

И среди историковъ послѣдней категоріи, конечно, одно изъ первыхъ и авторитетныхъ мѣстъ по солидности и научной серьезности занимаетъ профессоръ Казанскаго университета Д. А. Корсаковъ.

Книга, которую онъ недавно выпустилъ въ свѣтъ, составила изъ перепечатки прежнихъ (дополненныхъ и исправленныхъ) статей автора, помѣщенныхъ въ различныхъ періодическихъ журналахъ за послѣдніе 12 лѣтъ. Легко замѣтить, что большинство этихъ работъ, названіе ихъ мы привели выше въ заголовкѣ книги, стоитъ въ тѣсной связи съ докторскою диссертациею г. Корсакова: „Воцареніе императрицы Анны Іоанновны“. Очевидно, работая надъ своею книгою, авторъ одновременно ознакомился и съ матеріаломъ, рисовавшимъ дальнѣйшую судьбу видныхъ участниковъ посаженія Анны Іоанновны на престолъ, что дало ему возможность одновременно изложить въ послѣдовательныхъ очеркахъ результаты частныхъ своихъ изысканій. Разумѣется, и теперь эти работы сохранили свое значеніе, но книга выиграла бы еще болѣе въ своей цѣнѣ, еслибы вмѣсто простой, хотя и исправленной, перепечатки статей о Голицынахъ и Долгорукихъ дана была полная ихъ переработка.

Легко видѣть, что судьба только-что названныхъ фамилій на всемъ протяженіи царствованія Анны Іоанновны тѣсно примыкаетъ къ факту воцаренія императрицы и такимъ образомъ является логическимъ послѣдствіемъ неудачныхъ замысловъ Верховнаго тайнаго совѣта. Разказъ о несправедливостяхъ и преслѣдованіяхъ, какимъ подверглись верховники, въ сущности долженъ бы явиться заключительной главою главнаго труда г. Корсакова. Вотъ почему мы охотнѣе бы увидели въ новой книгѣ казанскаго профессора не рядъ статей о Долгорукихъ и Голицынахъ, а одну большую — сводную изъ прежнихъ — монографію, гдѣ судьба названныхъ лицъ рисовалась бы на фонѣ всей политики тогдашняго царствованія. Тогда и эта политика выступила бы отчетливѣе, тогда можно было бы отбросить и нѣкоторыя довольно мелкія біографическія подробности; теперь же, къ сожалѣнію, онѣ только затемняютъ картину цѣлаго. Тогда, наконецъ, можно было бы избѣгнуть и тѣхъ повтореній, которыя теперь пестрятъ книгу и безъ которыхъ авторъ не могъ обойтись, разъ онъ хотѣлъ, чтобъ каждый очеркъ въ отдѣльности сохранилъ хоть сколько-нибудь цѣлостный видъ.

Но даже и этого ему не вездѣ удалось достигнуть. Такъ, въ біографіи Н. В. Долгорукой пребываніе княгини въ Березовѣ не разказано, а лишь упомянуто всего нѣсколькими строчками (стр. 156),

потому что объ этомъ уже шла рѣчь раньше, въ очеркѣ жизни ея мужа И. А. Долгорукаго. Впрочемъ, авторъ не придаетъ научнаго значенія этой статьѣ и добровольно ставитъ ее въ категорію поучительныхъ произведеній, видя, по справедливости, въ Н. В. Долгорукой „образецъ глубоко и искренно любящей жены и матери и примѣръ жестокаго жизненнаго испытанія“ (стр. 141). „При общезвѣстности“—замѣчаетъ г. Корсаковъ — „печальной жизненной повѣсти княгини Н. В. Долгорукой, невозможно сказать о ней чего либо новаго, но необходимо напоминать почаще о ней“ (стр. 142).

Тотъ черезъ-чуръ дорогой аршинъ, каковымъ, какъ мы замѣчали выше, мѣряютъ личности XVIII вѣка, особенно замѣтенъ въ разбираемомъ сборникѣ на очеркѣ „Н. А. Кудрявцевъ и его потомство“. Генеалогическія подробности разсыпаны въ изобиліи; подчасъ онѣ переходятъ въ сухую номенклатуру и только затемняютъ тѣ интересныя бытовныя черты, ради коихъ собственно и стоило браться за перо, поставивъ ихъ на первый планъ. Вышло же какъ разъ наоборотъ. Такія личности какъ Нефедъ Кудрявцевъ, А. П. Норманскій, А. Д. Татищевъ стоятъ безъ всякой связи между собою, и вообще вся статья производитъ впечатлѣніе чего-то мозаичнаго, лишеннаго общаго центра. Авторъ самъ долженъ былъ сознаться, что избранныя имъ лица „не возвышались надъ общимъ уровнемъ современнаго имъ умственнаго развитія“, что „русскія событія и идеи вѣка“ отражались въ нихъ „неясно и неполно“. Совершенно согласны съ тѣмъ, что „исторія давно уже перестала быть повѣствованіемъ о дѣяніяхъ героевъ и знаменитыхъ мужей“; но, чтобы при *неясности* и *неполнотѣ* отраженія „тѣмъ не менѣе изучать такое отраженіе общихъ событій народной исторіи и возрѣній вѣка въ частной жизни и индивидуальномъ сознаніи отдѣльныхъ личностей“ было бы „и интересно, и крайне важно“ (стр. 87—88),—позволимъ себѣ усомниться. Матеріалъ этотъ, конечно, не слѣдуетъ игнорировать, но и преувеличивать его значеніе тоже не годится. При нинѣшнемъ обиліи документальныхъ данныхъ въ выборѣ „интереснаго“ и „важнаго“ матеріала не можетъ быть затрудненій.

Если мы позволили себѣ обратиться къ автору съ такими требованіями, то единственно потому, что другими своими статьями онъ даетъ право рассчитывать на то, что такую задачу онъ могъ бы выполнить съ полнымъ усѣхомъ. „А. П. Волинскій и его „ковфиденты“—сжатая и прекрасная характеристика печальнаго эпизода

Аннинскаго царствованія. Точно также и юбилейная рѣчь, посвященная первому русскому историку, В. Н. Татищеву, хорошо рисуетъ умственный обликъ этой выдающейся личности. Наконецъ, „Нѣкоторые изъ сторонниковъ воцаренія Екатерины II“ дають не мало любопытныхъ соображеній, которыхъ не обойдетъ историкъ переворота 28-го іюня 1762 года. Совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ, что „до тѣхъ поръ, пока не выяснятся подробности“ жизни главныхъ и второстепенныхъ „пособниковъ“ императрицы, „особенности ихъ характеровъ, — фактъ воцаренія Екатерины II будетъ лишень полнаго историческаго освѣщенія“; и если не всѣ изъ собранныхъ авторомъ данныхъ „могутъ служить основаніемъ для непреложныхъ заключеній и выводовъ, а пригодны лишь для соображеній и предположеній, то иной разъ, когда нѣтъ прямыхъ указаній, и домыслы не безполезны“ (стр. 371—372).

Въ настоящемъ сборникѣ мы нашли не всѣ изъ работъ автора, имѣющихъ полное право подойти подъ рубрику „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка“. Такова большая монографія о Волинскомъ, біографическій очеркъ Шешковскаго, „Разказы о быломъ“.. Позволительно ли поэтому надѣяться, что вслѣдъ за настоящей книгой мы скорѣ увидимъ и ея продолженіе? Нельзя не отмѣтить изящества и даже роскоши въ изданіи разобраннаго нами выпуска. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель именъ.

Въ заключеніе сдѣлаемъ нѣсколько мелкихъ поправокъ. Едва ли, по отношенію къ 1730 году, можно утверждать, будто бы вопросъ, кому быть государемъ на Руси, — не стоялъ на очереди съ 1613 года* (стр. 105). А въ 1682 году? Біографія Н. В. Долгорукой, сочиненія Толмачевой (стр. 164), есть, кажется, и второе изданіе. Изданіе записокъ Долгорукой не только „предпринято“ г. Суворинымъ (стр. 164), но и приведено къ исполненію въ 1889 году. Статья В. И. Рожкова о дѣятельности Татищева на Уральскихъ заводахъ въ царствованіе Петра Великаго, помѣщенная въ №№ 7 и 8 *Горнаго Журнала* за 1884 г., вышла также и отдѣльною книгой (С.-Иб. 1884, 72 стр.). Книга г. Дирина: „Великая княгиня Екатерина Алексѣевна до ея воцаренія“, хотя и „сводъ фактическихъ данныхъ, хорошо разказанный“ (стр. 414), но—почти всецѣло заимствованный у А. Г. Бригнера, какъ это очень убѣдительно доказалъ послѣдній въ своемъ разборѣ этой книги (*Историч. Вѣстникъ*, 1885, № 5). Наконецъ, въ числѣ крупныхъ пособій для царствованія

Екатерины II, вышедшихъ за послѣдніе годы, не упомянута (стр. 414) статья В. А. Вильбасова: „Первыя политическія письма Екатерины II“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887, № 9), вышедшая тогда же отдѣльною книгою (С.-Пб. 1887. 8° VII+110 стр.).

Е. Шмурло.

Книжныя новости.

Опытъ исторіи С.-Петербургской биржи въ связи съ исторіей С.-Петербурга, какъ торговаго порта. Г. А. Немирови, секретаря С.-Петербургскаго биржеваго комитета. С.-Пб.—Трудъ г. Немирова выходитъ небольшими, отъ 80 до 60 страницъ, выпусками. Передъ нами первые десять выпусковъ. Въ настоящее время они представляютъ собой лишь *disiecta membra* труда, задуманнаго г. Немировымъ. Дѣло въ томъ, что авторъ, точно выработавъ программу изданія, издаетъ отдѣльными частями его, не соблюдая строгаго порядка. Это, конечно, не совѣмъ удобно для читателя, но нисколько не уменьшаетъ значенія и важности труда г. Немирова, который строго придерживается существа своего плана. По этому плану, который помѣщается на обложкѣ каждаго выпуска, все сочиненіе раздѣляется на слѣдующія части: I. Вступительные очерки: Побережья Балтійскаго моря въ древнѣйшій періодъ торговыхъ сношеній, Балтійско-индійскій путь въ періодъ арабской торговли, очеркъ исторіи Великаго Новгорода, какъ предѣстника Петербургскаго порта (время Новгородской самостоятельности), Очеркъ торговли восточнаго побережья Балтійскаго моря послѣ изданія Великаго Новгорода, Общій очеркъ развитія С.-Петербургской биржи, какъ особаго общественнаго учрежденія. II. Періодъ первый. Петербургская биржа при Петрѣ Великомъ (1703—1725 гг.). III. Періодъ второй: отъ Петра Великаго до Елизаветы Петровны (1725—1740 гг.). IV. Періодъ третій: царствованіе Елизаветы Петровны (1741—1761 гг.). V. Періодъ четвертый: первая половина царствованія Екатерины II (1762—1781 гг.) до передачи биржевымъ дѣлъ въ вѣдѣніе городского управленія. VI. Періодъ пятый: вторая половина царствованія Екатерины II и царствованіе Павла I (1782—1800). VII. Періодъ шестой: биржа при министрахъ торговли (1800—1810 гг.) и до учрежденія биржеваго комитета 1816 г. VIII. Періодъ седьмой: до изданія устава С.-Петербургской биржи (1816—1832 гг.). IX. Періодъ восьмой: съ 1832 по 1846 г., то-есть, до разрѣшенія С.-Петербургской биржѣ избрать особаго предсѣдателя биржеваго комитета вмѣсто городского головы. X. Періодъ девятый: съ 1846 по 1861 г. XI. Періодъ десятый: съ 1861 по 1876 г., то-есть, до введенія института гласныхъ С.-Петербургской биржи. XII. Новѣйшій періодъ — въ видѣ ежегодныхъ или періодическихъ обзоровъ. Таковъ планъ, составленный г. Немировымъ. До сихъ поръ только первая часть, именно „вступительные очерки“, которымъ посвящены 1-й, 3, 5, 7, 9-й выпуски, можно сказать, закончена. Остальные пять выпусковъ пока еще представляютъ собой отдѣльные, не всегда законченные очерки. Поэтому, въ настоящее время возможно говорить не столько о данныхъ, заключающихся въ трудѣ г. Немирова, сколько объ общемъ его характерѣ, достаточно обнаруженномъ въ

изданныхъ выпускахъ. Авторъ отнесся къ своей задачѣ болѣе, чѣмъ добросовѣстно. Онъ, очевидно, старается охватить предметъ возможно шире, исчерпать весь матеріалъ, который находится въ его распоряженіи, вслѣдствіе чего силомъ и рядомъ выходитъ изъ предѣловъ своей темы. Начать съ того, что свою исторію биржи, напримѣръ, онъ начинаеть съ ледниковаго періода, говорить о поднятій суши, объ озерномъ періодѣ и т. п.; описывая Ижорскій погостъ, г. Немировъ перечисляетъ всѣхъ его обитателей, владѣвшихъ здѣсь помѣстьями, при чемъ старается установить родословныя, указываетъ ихъ неточности, какъ напримѣръ, въ родословной Уваровыхъ (выпускъ IX, стр. 206) и т. д. Вообще авторъ любитъ такого рода отступленія „по пути“. Въ одномъ мѣстѣ онъ и самъ въ этомъ сознается. Старааясь установить точную дату для начала Петергофа, г. Немировъ въ примѣчаніи заявляетъ, что это, собственно говоря, къ его темѣ не относится, „а все-таки любопытно“. Мы, конечно, тоже не видимъ въ этомъ особеннаго недостатка и указали на это лишь съ цѣлью показать, что у г. Немирова можно найдти много любопытныхъ фактовъ, которые, по заглавію книги, трудно было бы въ ней предположить. Къ сожалѣнію, трудъ г. Немирова извѣстенъ очень немногимъ. Объясняется это, главнымъ образомъ, нѣсколькими странными условіями подписки на это изданіе, предпринятое С.-Петербургскимъ биржевымъ купечествомъ. „Подписная цѣна, читаемъ на обложкѣ, на первую серію двадцать пять рублей на слѣдующихъ условіяхъ: при 300 подписчикахъ въ этой серіи будетъ издано—10 выпусковъ, при 400—14, при 500—18, при 600—22, при 700—26, при 800—30“. Такимъ образомъ, внося 25 руб., вы не можете быть увѣрены, что получите вполнѣ законченное, въ 30 выпускахъ, изданіе. Все будетъ зависеть отъ числа подписчиковъ и если ихъ соберется всего 300 человекъ, то 25 рублей придется заплатить за 10 небольшихъ, при томъ не представляющихъ собой ничего цѣльнаго, выпусковъ. Первые выпуски написаны на основаніи печатнаго матеріала и только въ выпускахъ 2-мъ и 10-мъ, заключающихъ въ себѣ описаніе „построенія биржеваго зданія 1724 г.“ и „освященія нынѣшняго биржеваго зданія 1816 г.“ г. Немировъ почти исключительно пользуется рукописями. Къ послѣднему 10-му выпуску приложенъ портретъ Я. Н. Молво, С.-Петербургскаго градскаго головы и перваго, по времени, предсѣдателя биржеваго комитета.

А. Д. Бочаговъ. Наша торговля и промышленность въ старину и нынѣ. Историческіе очерки. Выпускъ I. Торговля предметами потребленія. С.-Пб. стр. II—193, цѣна 1 р.—Авторъ совершенно справедливо замѣтилъ, что въ нашей историко-юридической литературѣ исторія торговли и промышленности древней Руси недостаточно исследована и разъяснена. Дѣйствиительно, новый матеріалъ теперь лишь начинаютъ извлекать изъ архивовъ, старый же давно исчерпанъ, и никому, конечно, не было ни нужды, ни охоты компилировать. Г. Бочаговъ задумалъ исполнить этотъ пробѣлъ настоящими „историческими очерками“, имѣя въ виду „выясненіе нашей промышленности и торговли преимущественно съ бытовой стороны и отчасти съ юридической“. Было бы, однако, ошибкою думать, что г. Бочаговъ правильно рѣшилъ свою задачу. Онъ не далъ въ своей книгѣ ничего новаго, не пользовался не только архивными матеріалами, но даже и напечатанными писцовыми книгами, о существованіи которыхъ онъ врядъ ли подозрѣвалъ. Книга г. Бочагова есть рядъ простыхъ компиляцій (числомъ XX), подъ загла-

вами: „Трактаты на Руса“, „О фряжскихъ и ренскихъ погребахъ“, „Швотрогва и портерныя лавки“, „Веселіе Руси—кабаки“ и др. Глядя на длинный „списокъ матеріаловъ и источниковъ, послужившихъ къ составленію книги“, ожидать можно было много,—именно самостоятельной ученой работы на основаніи печатныхъ источниковъ; получалось же ничто не исполнѣнное. Во-первыхъ, въ книгѣ нѣтъ ссылокъ, во вторыхъ, встрѣчаются факты, находящіеся въ источникахъ, не указанныхъ г. Бочаговымъ. Такъ, напримѣръ, авторъ называетъ въ общихъ чертахъ изданную Алексѣемъ Михайловичемъ (1652 г.) Уставную царскую грамоту о продажѣ пшты на кружечномъ дворѣ въ Угличѣ, но „Акты Арх. Всп.“ (т. IV, стр. 88), гдѣ напечатана грамота, въ „спискѣ“ не указаны. Впрочемъ, можетъ быть, и это изданіе нужно отнести къ тому „множеству другихъ сочиненій, которыя хотя и были просмотрѣны авторомъ, во ускользнули отъ его вниманія въ моментъ составленія данного списка“.

Въ теченіе ноября мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемые графомъ *И. И. Толстымъ* и *Н. И. Кондаковымъ*. Выпускъ IV. С.-Пб.

Южнорусскіе господарскіе замки въ половинѣ XVI вѣка. *М. Грушевскаго*. Кіевъ. 1890.

М. Грушевскій. Волынскій вопросъ 1097 — 1102 г. Оттискъ изъ журнала *Ліска Старина*. Кіевъ.

М. Грушевскій. Очерки исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ.

Культь кавировъ въ древней Греціи. Исслѣдованіе *Н. И. Новосадскаго*. Варшава.

Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Рѣчь, читанная 5-го ноября 1891 года въ торжественномъ годичномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета ординарнымъ профессоромъ *Н. И. Затоскимымъ*. Казань. 1892.

Мемуары, ихъ значеніе и мѣсто въ ряду историческихъ источниковъ. *Н. Че-чулинъ*. С.-Пб.

Н. Н. Фирсовъ. Правительство Московской Россіи и Петръ Великій въ ихъ отношеніяхъ къ торгово-промышленному классу. Казань.

Къ исторіи изученія вопроса объ иностранцахъ въ Россіи. *Дж. Цептасова*. Варшава.

Шереминскій. Образцы архитектурныхъ деталей для употребленія въ техническихъ училищахъ (пятнадцать листовъ образцовъ). С.-Пб. Изданіе Риккера. (Цѣна руководства 1 р. и атласа 6 рублей).

Потемкинъ. Сочиненіе *А. Г. Бриккера*. С.-Пб. Изданіе К. Л. Риккера.

Изданія Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности:

— Аммонія Мниха повесть о уединенныхъ св. Отцахъ въ Синаѣ и Рамѣхъ. Издастъ *И. Помяловскій*.

- Златоустъ. Рукопись XVI вѣка Тверскаго Музея. Сообщилъ *М. Н. Сперанскій*.
- Преподовный Иларіонъ, иже на Моць гѣць, основатель Дороожковой пустыни. Сообщение *В. А. Самарянова*.
- Житіе Киріака Огшельника. Сообщилъ *И. Помяловскій*.
- Всероссийскій патриархъ Іоаннъ. Савеловъ. Сообщение *А. П. Барсукова*.
- Черты нравовъ изъ ружскаго выта въ XVII вѣкѣ. Сообщилъ *А. И. Соколовъ*.
- Герцъ Августа Шлецера. Сообщилъ *А. П. Барсуковъ*.
- Пропозиціи Ѳвдора Салтыкова. Рукопись изъ собранія *П. Н. Тиханова*.
- Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности 1888—1891.

Джемсъ Гоу и Реймакъ. Мнирва. Введеніе къ изученію школьныхъ классиковъ (греческихъ и латинскихъ). Перевелъ *Павелъ Перевосъ*. Рига.

Н. Дружининъ. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. С.-Пб. 1892.

Ученіе о положительныхъ и отрицательныхъ числахъ въ алгебраическомъ анализѣ. Въ помощь учащимся составилъ *В. Р. Горизонтовъ*. Симбирскъ.

Методика начальной ариметики. *Д. Тихомирова*. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1890.

Наставленіе для производства гимнастическихъ упражненій въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Упражненія съ подвижными снарядами. Составилъ *А. Д. Бутовскій*. С.-Пб.

Отчетъ Нижегородской городской Библиотеки за 1890 годъ. Нижній-Новгородъ.

ПЕРВЫЙ СЪѢЗДЪ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ ВЪ 1889—1890 ГГ. ¹⁾.

Состоявшійся въ декабрѣ 1889 года и въ январѣ 1890 года первый съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію, созданный Императорскимъ техническимъ обществомъ, отразился сполна въ появившихся до съѣзда трудахъ организаціоннаго комитета, а затѣмъ въ трудахъ самаго съѣзда.

Работы съѣзда ведутъ свое начало съ того времени, когда для подготовки съѣзда избрана была, 24-го марта 1888 года, организаціонная коммиссія, которая въ видахъ всесторонней и подробной разработки программы съѣзда раздѣлена была на 12 секцій, соответственно главнымъ группамъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію съѣзда. Первою заботою почти всѣхъ секцій было собраніе матеріала для выясненія современнаго положенія разныхъ видовъ учебныхъ заведеній по техническому, ремесленному и вообще профессиональному образованію. Съ этою цѣлью выработаны были особыя программы вопросовъ, которыя и были разосланы во всѣ подлежащія учебныя заведенія. Но при этомъ представилась необходимость составить полный списокъ названныхъ учебныхъ заведеній, такъ какъ они находятся въ разныхъ вѣдомствахъ и такого списка не существовало. Работа эта потребовала не мало труда и времени. Составленный затѣмъ списокъ былъ провѣренъ и дополненъ по разнымъ источникамъ и представляетъ собою самый полный списокъ всѣхъ находящихся въ Россіи учебныхъ заведеній этого рода. Онъ напечатанъ въ приложеніи къ общей организаціи съѣзда.

---

¹⁾ Труды организаціоннаго комитета съѣзда (10 брошюръ). Труды съѣзда (6 томовъ).

Благодаря содѣйствию подлежащихъ вѣдомствъ и въ особенности циркуляру его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, предложившаго попечителямъ учебныхъ округовъ сообщить Императорскому техническому обществу просимыя свѣдѣнія, организаціонному комитету удалось собрать довольно полный матеріалъ о современномъ состояніи упомянутыхъ учебныхъ заведеній, кромѣ, впрочемъ, вышихъ, которыхъ свѣздъ касался лишь отчасти.

Полученныя этимъ путемъ свѣдѣнія были подвергнуты надлежащей разработкѣ въ секціяхъ организаціоннаго комитета и послужили основаніемъ къ составленію цѣлаго ряда обзоровъ настоящаго положенія разнаго рода промышленныхъ училищъ въ Россіи.

Такъ, 1) по секціи о реальныхъ и коммерческихъ училищахъ изданъ подъ редакцію Е. Х. Рихтера краткій историческій очеркъ развитія реальныхъ училищъ въ Россіи, съ приложеніемъ диаграммы и таблицы, а Д. Д. Моревымъ составленъ краткій общій сводъ цифровыхъ данныхъ по коммерческимъ училищамъ; кромѣ того напечатанъ рефератъ Э. К. Ватсона о коммерческихъ училищахъ въ Западной Европѣ.

2) По секціи среднихъ и низшихъ техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній И. А. Аноповъ взялъ на себя разработку свѣдѣній, полученныхъ секціею, пополнивъ ихъ самостоятельно путемъ личной переписки, и напечаталъ обширный трудъ подъ заглавіемъ „опытъ систематическаго обзорѣнія матеріаловъ къ изученію современнаго состоянія средняго и низшаго техническаго и ремесленнаго образованія въ Россіи. Въ заключеніи своего труда И. А. Аноповъ помѣстилъ 15 тезисовъ, которые и были предложены на обсужденіе свѣзда, съ присоединеніемъ къ нимъ вопросовъ, предложенныхъ секціею.

3) По секціи о сельско-хозяйственномъ образованіи были представлены два доклада: И. Д. Соколова „о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ, учрежденныхъ по нормальному положенію“, и Ф. М. Губина „о казенныхъ сельско-хозяйственныхъ школахъ“, — посвященныхъ выясненію современнаго состоянія названныхъ школъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ.

4) По секціи о среднихъ и низшихъ техническихъ училищахъ министерства путей сообщенія была составлена краткая записка о профессиональныхъ школахъ сего министерства и о техническихъ желѣзнодорожныхъ училищахъ, а учебнымъ отдѣломъ этого министерства изданы „историческія свѣдѣнія о состояніи училищъ министерства путей сообщенія до 1888—1889 учебнаго года“.

5) По секціи о мореходныхъ классахъ И. М. Данчинымъ составленъ „историческій очеркъ развитія мореходныхъ классовъ въ Россіи“, а В. Л. Ивановымъ разработаны свѣдѣнія о современномъ состояніи мореходныхъ классовъ въ Россіи.

6) По секціи о женскомъ профессиональномъ образованіи собранныя свѣдѣнія разработаны Н. М. Корольковымъ, при участіи А. С. Надежина и напечатаны въ видѣ особаго приложенія въ Трудахъ IV отдѣленія съѣзда о женскомъ профессиональномъ образованіи подъ заглавіемъ „профессиональныя и спеціальныя женскія школы въ Россіи и преподаваніе руководствія въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ“.

Наконецъ, 7) по секціи о ручномъ трудѣ изданы двѣ брошюры: „ручной трудъ въ учительскихъ семинаріяхъ, институтахъ и школахъ“, В. В. Сабанина, и докладъ о преподаваніи ручнаго труда въ городскихъ и начальныхъ училищахъ, Н. В. Касаткина.

Изъ приведеннаго перечня докладовъ и отдѣльныхъ сочиненій видно, что, благодаря дѣятельности разныхъ секцій организаціоннаго комитета съѣзда, собраны и разработаны свѣдѣнія о современномъ положеніи почти всѣхъ отраслей техническаго и профессиональнаго образованія въ Россіи, и это несомнѣнно составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ литературу этого предмета. Не перечисляя затѣмъ всѣхъ докладовъ, представленныхъ на обсужденіе съѣзда, число которыхъ было болѣе 100, достаточно, для общей характеристики дѣятельности организаціоннаго комитета и возбужденнаго имъ интереса въ обществѣ, указать лишь на число засѣданій секцій и число лицъ, принимавшихъ участіе въ ихъ трудахъ. Всѣхъ засѣданій организаціоннаго комитета съ его секціями было 164, а участіе въ нихъ принимало 236 лицъ.

Относительно дѣятельности самаго съѣзда не излишнимъ будетъ привести нѣкоторыя данныя о его составѣ. Общее число членовъ съѣзда достигло 1076, изъ нихъ 102 представителя отъ разныхъ обществъ, городскихъ и земскихъ учреждений и 884 записавшихся въ члены съѣзда со взносомъ 5 руб. Почти половину составляли жители Петербурга (445), остальные 631 были изъ провинціи; наибольшее число—изъ Москвы (97) и Одессы (41), изъ Кіева (17), изъ Ярославля и Саратова (по 15) и проч. (всего изъ 158 мѣстностей Россіи).

Распредѣляя число членовъ по спеціальностямъ и роду занятій, оказывается, что наибольшее число участниковъ были служащіе въ реальныхъ училищахъ—119, затѣмъ отъ жепскихъ учебныхъ заведе-

ній—55, отъ ремесленныхъ училищъ—49, отъ высшихъ учебныхъ заведеній—47, отъ начальныхъ училищъ—36, отъ техническихъ желѣзнодорожныхъ—35, отъ коммерческихъ училищъ—27, отъ учительскихъ институтовъ и семинарій—25 и директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ—22. Если же раздѣлить число членовъ на двѣ главныя группы: на лицъ, занимающихся педагогическою дѣятельностью, и на лицъ, занимающихся и другими профессіями, то въ первую группу войдутъ 508 человекъ, а во вторую 492 человека. Такимъ образомъ, общее число членовъ раздѣляется почти на двѣ равныя части. Къ крайнему сожалѣнію, число фабрикантовъ и заводчиковъ, принимавшихъ участіе въ сѣздѣ, было не значительно, всего 21 человекъ.

Сѣздъ продолжался, какъ и предполагено, всего 10 дней и въ теченіе этого времени было 72 засѣданія, въ которыхъ доложено 117 докладовъ, и не смотря на это, около 15 докладовъ остались недоложенными, а еще большее число отдѣльных мнѣній были присланы послѣ сѣзда. Значительное для перваго подобнаго сѣзда число записавшихся членовъ и количество представленныхъ докладовъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о сочувствіи, съ которымъ былъ встрѣченъ этотъ сѣздъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія, другихъ правительственныхъ и частныхъ учрежденій и общества. Дозакательствомъ этого сочувствія можетъ служить и довольно значительная сумма пожертвованій, собранныхъ на расходы по сѣзду и выставкѣ. Независимо отъ назначенной съ Высочайшаго разрѣшенія субсидія въ 3 тысячи рублей и полученныхъ отъ министерства народнаго просвѣщенія 2 т. р. и отъ министерства государственныхъ имуществъ 1 т. р., всего 6 т. рублей, поступило пожертвованій частныхъ лицъ и учрежденій, учредительскихъ и членскихъ взносовъ по сѣзду около 20 т. р. (19,695 руб.) и 8¹/₂ т. руб. по выставкѣ. Общій же расходъ по сѣзду и выставкѣ простирается до 38 тысячъ рублей.

Въ январѣ сего года, то-есть, черезъ годъ по закрытіи сѣзда, окончено печатаніе всѣхъ трудовъ сѣзда, изданныхъ подъ редакцію секретаря организационнаго комитета и сѣзда В. И. Срезневскаго. Изданіе это раздѣляется на двѣ части: „Труды организационнаго комитета“ и „Труды сѣзда“. Первая заключаетъ въ себѣ 11 отдѣльныхъ брошюръ, представляющихъ труды какъ по общей организаціи сѣзда и устроенной при немъ выставки, такъ и отдѣльныхъ секцій. „Труды сѣзда“ состоятъ изъ 6 томовъ. Первый (Общая часть) содержитъ отчеты о торжественныхъ и общихъ собраніяхъ

всѣхъ отдѣленій съѣзда и краткіе обзоры работъ каждого изъ нихъ. Пять же остальныхъ томовъ, соотвѣтствуютъ пяти отдѣленіямъ бывшаго съѣзда и заключаютъ въ себѣ доклады, стенографическіе отчеты о преніяхъ и отдѣльныя мнѣнія.

Оцѣнить въ настоящее время результаты съѣзда довольно трудно, потому что они заключаются не въ однихъ только резолюціяхъ и постановленіяхъ съѣзда, а, главнымъ образомъ, въ подъемѣ общественнаго интереса къ дѣлу техническаго и профессиональнаго образованія; въ собраннхъ и разработанныхъ матеріалахъ о современномъ положеніи техническаго и профессиональнаго образованія въ Россіи; въ составленныхъ по случаю съѣзда весьма многихъ обстоятельныхъ и интересныхъ докладахъ относительно нуждъ промышленнаго образованія въ Россіи и въ сдѣланныхъ указаніяхъ на болѣе правильную постановку этого дѣла; наконецъ, въ живомъ общеніи лицъ, непосредственно занимающихся дѣломъ техническаго и профессиональнаго образованія или интересующихся имъ, въ обмѣнѣ между ними мнѣніями и результатами произведенныхъ ими опытовъ и въ сближеніи между собою многихъ дѣятелей, работающихъ разрозненно на одномъ и томъ же поприщѣ промышленнаго образованія въ разныхъ частяхъ обширнаго нашего отечества. Относительно же резолюцій и постановленій съѣзда, необходимо замѣтить, что они вкратцѣ изложены и охарактеризованы въ рѣчахъ предсѣдателей отдѣленій при закрытіи съѣзда, напечатанныхъ въ общей части Трудовъ съѣзда. Кромѣ того, въ этой же части помѣщенъ и краткій обзоръ дѣятельности всѣхъ отдѣленій съѣзда. Въ этомъ обзорѣ приведены всѣ резолюціи и постановленія съѣзда съ краткою ихъ мотивировкою, а также сдѣлано резюме происходившихъ по нимъ преній. Упомянутый обзоръ имѣетъ цѣлью облегчить работу лицамъ, желающимъ ознакомиться съ трудами съѣзда, съ результатами всѣхъ его работъ, съ принятыми имъ резолюціями и вообще со всею его дѣятельностью.

Пользуемся этимъ краткимъ обзоромъ, чтобы дать въ настоящей замѣткѣ болѣе ясное представленіе о сдѣланныхъ на съѣздѣ докладахъ, возбужденныхъ ими преніяхъ и резолюціяхъ съѣзда.

1-е отдѣленіе занималось вопросами *общей педагогики* (куда былъ отнесенъ и вопросъ о рисованіи, разбиравшемся только съ точки зрѣнія общаго образованія), *школьной гигиены, коммерческаго и фабрично-ремесленнаго образованія.*

Наиболѣе *общіе педагогическіе* тезисы были высказаны профессоромъ Лесгафтомъ, сдѣлавшимъ два доклада „объ отношеніи физиче-

скаго образованія къ умственному въ средней школѣ^а и „о физическомъ образованіи въ средней и нижней школѣ“.

По его мнѣнію, цѣль педагога — приучить дѣтей въ младшемъ возрастѣ къ разъединенію своихъ дѣйствій и сравненію ихъ элементарныхъ формъ между собой, въ среднемъ — къ произведенію дѣйствій съ возрастающимъ напряженіемъ и продолжительностью и, наконецъ, въ старшемъ — къ усвоенію пространственныхъ отношеній и распредѣленію своей дѣятельности по времени.

Отголоски этихъ положеній замѣтны и въ другихъ докладахъ. Такъ, напримѣръ, М. Н. Герсмановъ, докладывая о необходимости введенія рисованія въ среднюю школу, характеризовалъ этотъ предметъ какъ развивающій наблюдательность, способность давать себѣ точный отчетъ въ видѣнномъ, память, — все качества необходимыя для умственного и нравственного развитія.

Затѣмъ, въ докладѣ и преніяхъ о преподаваніи естествознанія и новыхъ языковъ вынесена необходимость болѣе живой постановки дѣла: экскурсій, коллектированія, лабораторныхъ занятій для перваго и комбинированія изученія грамматики и извѣстныхъ авторовъ съ изученіемъ устной рѣчи для втораго. Далѣе, какъ профессоръ Лесгафтъ, такъ и другіе ораторы, указывали на ненормальность односторонней постановки современнаго образованія подрастающихъ поколѣній и на недостаточность въ немъ физическаго элемента. Профессоръ Лесгафтъ ставилъ задачей физическаго образованія научить молодого человѣка дѣйствовать сознательно съ наименьшей тратой силъ и матеріала, съ наибольшей простотой и непосредственностью; физическое развитіе должно, такимъ образомъ, задаваться такими же цѣлями, какъ и умственное, идти съ нимъ параллельно и по однимъ методамъ. Затѣмъ онъ представилъ выработанныя имъ при участіи извѣстныхъ педагоговъ С.-Петербурга положенія относительно продолжительности учебныхъ занятій вообще и въ частности классныхъ и внѣклассныхъ, физическихъ и умственныхъ, въ зависимости отъ возраста учащихся.

Близжайшей задачей по отношенію къ физическому развитію собраніе постановило устраненіе изъ школы вредныхъ ему условій.

Затѣмъ говорилось о преподавателяхъ физическаго развитія; были сдѣланы доклады о способахъ преподаванія рисованія и черченія, разобраны вопросы объ улучшеніи служебнаго положенія преподавателей рисованія; объ учрежденіи бюро по рисованію и изданіи печатнаго органа по вопросамъ о преподаваніи графическихъ искусствъ.

Собраніе постановило, согласно съ докладомъ М. Н. Герсевича, ходатайствовать о введеніи рисованія во всѣ среднія учебныя заведенія, мужскія и женскія.

Нельзя въ заключеніе не отмѣтить одного изъ доводовъ г. Герсевича въ пользу обученія рисованію, состоящаго въ томъ, что рисунокъ облегчаетъ сношенія техниковъ разныхъ странъ, устанавливаетъ, такъ сказать, графическую грамотность.

Переходъ отъ общепедагогическихъ вопросовъ къ области школьной гигиены составилъ докладъ Фридрихсберга „объ экзаменахъ, какъ средствѣ контроля знаній“, на основаніи котораго и мнѣніи большинства оппонентовъ собраніе признало, что это контроль не полный, не своевременный, сокращающій учебное время, вредно отражающійся на здоровьѣ учащихся, а иногда ведущій къ не благоприятнымъ въ нравственномъ отношеніи послѣдствіямъ и что необходимо спеціально разработать новыя формы контроля и повторенія курса.

По отдѣлу школьной *шпены*, на основаніи сдѣланныхъ докладовъ, собраніе признало желательнымъ организацию провѣрки зрѣнія учащихся и разработку вопроса о гигиенической и технической борьбѣ съ мѣстными условіями при сооруженіи и перестройкѣ школьныхъ зданій.

Переходя затѣмъ къ вопросамъ фабрично-ремесленного образованія и гигиены, слѣдуетъ отмѣтить докладъ покойнаго профессора И. Е. Андреевскаго объ обезпеченіи здоровья малолѣтнихъ работниковъ и женщинъ на фабрикахъ, безъ котораго фабричныя школы теряютъ всякое значеніе. И. Е. Андреевскій высказался здѣсь за необходимость періодическаго пересмотра списка вредныхъ для здоровья производствъ, осмотра принимаемыхъ женщинъ и дѣтей въ отношеніи заразныхъ болѣзней и водворенія въ промышленныхъ заведеніяхъ гигиеническихъ условій. Ораторы собранія, въ которомъ съездъ выслушалъ этотъ докладъ, настаивали на томъ, чтобы мѣры, указанныя докладчикомъ, были распространены и на заведенія ремесленного и кустарнаго характера и чтобы была устраниена не предусмотрѣнная закономъ непрерывная шестичасовая работа малолѣтнихъ вмѣсто двусмѣнной восьмичасовой.

Докладъ этотъ, вмѣстѣ съ замѣчаніями, постановлено довести до свѣдѣнія правительства.

Затѣмъ гг. Ракѣвъ и Яроцкій, описавъ печальное положеніе ремесленныхъ учениковъ, выяснили необходимость надзора за ними со

стороны попечителей благотворительныхъ обществъ и болѣе точнаго опредѣленія круга дѣятельности попечительства Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, уже имѣющаго въ этомъ отношеніи, по закону, нѣкоторыя права.

Профессоръ Исаевъ обрисовалъ печальное положеніе малолѣтнихъ кустарей, о чемъ также было сдѣлано много замѣчаній въ преніяхъ. Профессоръ Янжулъ, указавъ на то, что злоупотребленіе трудомъ малолѣтнихъ среди кустарей вызывается ихъ бѣдностью, предложилъ нѣкоторыя общія мѣры подъема кустарнаго быта при помощи средствъ экономическихъ, каковы: дешевый кредитъ, содѣйствіе развитію артелей и т. п.

Профессоръ Исаевъ предложилъ въ своемъ докладѣ цѣлый рядъ технико-образовательныхъ мѣръ на пользу кустарей, мѣръ, касающихся не только непосредственно самихъ кустарей и сельскихъ школъ, но и педагогическихъ и высшихъ и среднихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Докладъ этотъ рѣшено было довести, вмѣстѣ съ замѣчаніями, до свѣдѣнія г. министра государственныхъ имуществъ.

Въ докладѣ А. Г. Неболсина „о школьномъ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ“ выяснено, что хотя по закону малолѣтніе рабочіе пользуются правомъ посѣщать школу по 3 часа въ день, но это право часто остается мертвой буквой за отсутствіемъ школъ. Въ виду этого, докладчикъ считаетъ необходимымъ виѣнить въ обязанность фабрикантамъ устраивать школы, смотря по обстоятельствамъ, типа двухкласснаго или однокласснаго сельскаго училища, или уплачивать на ихъ устройство налогъ, при чемъ желательно устройство школъ и для взрослыхъ рабочихъ.

Этотъ докладъ рѣшено довести до свѣдѣнія правительства.

Наконецъ, г. Фесенко сдѣлалъ докладъ о школьныхъ ссудо-сберегательныхъ кассахъ, какъ средствѣ развитія бережливости, при чемъ собраніе I отдѣленія съѣзда признало полезнымъ введеніе ссудо-сберегательныхъ кассъ лишь въ тѣхъ училищахъ, гдѣ ученики получаютъ заработную плату.

По *коммерческому образованію* представлены были доклады о преподаваніи коммерческой ариметики и бухгалтеріи, при чемъ новаторомъ выступилъ г. Езерскій, осуждавшій общепринятую двойную бухгалтерію и предлагавшій сравнительное изученіе всѣхъ системъ. Напротивъ того, г. Прокофьевъ доказывалъ, что ученикамъ слѣдуетъ сообщать преимущественно двойную систему, какъ наиболѣе ясную и уже вполне оцѣненную практикою. Это послѣднее мнѣніе поддер-

живалось всѣми говорившими членами съѣзда, и собраніе постановило резолюцію, въ которой выразило желаніе, чтобы предложенный г. Прокофьевымъ планъ преподаванія коммерческой ариѳметики и бухгалтеріи, а также вопросы, заключающіеся въ докладѣ г. Езерскаго, были рассмотрѣны въ специальной комиссіи и результаты доложены ближайшему съѣзду.

Затѣмъ была указана необходимость научнаго товаровѣдѣнія и установленіе программъ преподаванія въ коммерческихъ училищахъ, какъ общихъ для всѣхъ этихъ училищъ, такъ по нѣкоторымъ предметамъ и частныхъ, сообразно съ мѣстными условіями.

На основаніи доклада проф. Ходскаго и возбужденныхъ имъ преній, признано желательнымъ устройство высшаго коммерческаго института, и докладъ постановлено препроводить въ министерства народнаго просвѣщенія и финансовъ и въ вѣдомство Императрицы Маріи. Но въ отдѣльномъ мнѣніи, представленномъ г. Фишеромъ, къ которому присоединилось нѣсколько лицъ, представлено возраженіе противъ доклада г. Ходскаго, въ которомъ указывалось на то, что высшія коммерческія училища за границею, на которыя ссылался докладчикъ, не выше по своему курсу нашихъ среднихъ коммерческихъ школъ. Въ силу этого, они считали учрежденіе у насъ высшаго коммерческаго училища не соответствующимъ нуждамъ торговаго сословія, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавали желательнымъ учрежденіе при томъ или другомъ изъ существующихъ коммерческихъ училищъ особыхъ педагогическихъ курсовъ для подготовки преподавателей въ коммерческихъ школахъ.

Далѣе, изъ доклада о *высшемъ техническомъ образованіи* выяснена желательность уменьшенія числа предметовъ въ названныхъ учебныхъ заведеніяхъ и правильная постановка изданія техническихъ руководствъ при нихъ, а также развитіе взаимной помощи лицъ, окончившихъ въ нихъ курсъ.

Затѣмъ, на основаніи доклада г. Дубяги объ учрежденіи эмеритальной кассы для преподавателей техническихъ и профессиональныхъ школъ, собраніе постановило ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о принятіи мѣръ къ разработкѣ вопроса объ общей учительской эмеритальной кассѣ.

II-ое Отдѣленіе занималось вопросами объ *учебныхъ заведеніяхъ по строительной части, среднихъ и низшихъ техническихъ и ремесленныхъ училищахъ, а также мореходныхъ классахъ.*

Большинство высказанныхъ мнѣній и рѣчей указываетъ на почти

совершенное отсутствіе у насъ правильной организаціи профессиональнаго образованія. При томъ взгляды на эту организацію и на цѣли названнаго образованія оказываются чрезвычайно разнообразными.

Поэтому, что въ виду обширности Россійскаго государства, постановка дѣла должна быть различна, согласуясь съ мѣстными условіями. На дѣлѣ же мы видимъ разнообразную постановку, но по большей части совершенно не согласную съ мѣстными требованіями жизни. Это ведетъ къ тому, что учившіеся въ школахъ часто не могутъ прилагать на дѣлѣ своихъ знаній, что ведетъ къ не рѣдкимъ осужденіямъ всей системы нашего технического образованія.

При такомъ хаотическомъ состояніи дѣла, лица, руководяція профессиональнымъ образованіемъ крайне затруднены при рѣшеніи различныхъ вопросовъ и сомнѣвій, предъявляемыхъ самой жизнью.

Въ виду вышеизложеннаго сѣздъ призналъ необходимыми однообразными законоположеніями и авторитетными мнѣніями, безъ которыхъ всякое образованіе будетъ крайне шатко.

Помимо изданія положеній о профессиональныхъ школахъ, необходимо учрежденіе особой инспекціи надъ техническими и ремесленными училищами, которая, чрезъ надлежаще избранныхъ инспекторовъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями и вполне компетентныхъ въ дѣлѣ профессиональнаго образованія, правильно организовала бы его и цѣлесообразно руководила бы имъ.

Затѣмъ, не менѣе важнымъ является учрежденіе центрального технического бюро по вопросамъ профессиональнаго образованія, періодическихъ сѣздовъ дѣятелей, близко знакомыхъ съ нимъ, при чемъ постановленія ихъ должны проводиться въ жизнь законодательнымъ или административнымъ путемъ и, наконецъ, изданіе при организаторскомъ и матеріальномъ участіи правительства печатныхъ руководствъ, специально приспособленныхъ для профессиональныхъ училищъ, такъ какъ въ существующей учебной литературѣ такихъ руководствъ не имѣется.

Разсматривая въ частности учебныя заведенія по строительной части, а именно: желѣзнодорожныя и отличающееся обширной системой практическихъ занятій Вышневолоцкое училище кондукторовъ путей сообщенія, сѣздъ нашелъ необходимымъ: 1) скорѣйшее изданіе печатныхъ руководствъ для низшихъ и среднихъ техническихъ школъ, равно какъ и памятно-справочной книжки для низшихъ техникумовъ и введеніе счетной линейки во всѣхъ инженерно-строительныхъ

техническихъ училищахъ, какъ избавляющей отъ массы математическихъ выкладокъ; 2) спеціализацію желѣзнодорожныхъ училищъ, согласно тремъ родамъ службы: пути, тяги и телеграфа; 3) уменьшеніе общеобразовательнаго ценза при допущеніи къ испытаніямъ на званіе техника путей сообщенія, 4) допущеніе техниковъ путей сообщенія къ дѣятельности по всѣмъ вѣдомствамъ и техническимъ учрежденіямъ; 5) установленіе въ законодательномъ порядкѣ положенія о выдачѣ дипломовъ на званіе механика, машиниста и кочегара, въ видахъ общественной безопасности и довѣрія къ лицамъ, исполняющимъ эти должности, и 6) въ тѣхъ же видахъ признано желательнымъ огражденіе техническихъ званій отъ произвольнаго ихъ присвоенія.

Въ области средняго и низшаго техническаго и ремесленнаго образованія были разсмотрѣны отдѣльно образованіе малолѣтнихъ и взрослыхъ рабочихъ, а также отдѣльно образованіе первыхъ въ училищахъ отъ обученія въ мастерскихъ.

При обсужденіи общей организаціи техническихъ и ремесленныхъ училищъ было постановлено: что требованія отъ поступающихъ въ эти школы не должны затруднять массу мѣстнаго населенія (напримѣръ, достаточно требовать окончанія начальной школы); что курсъ обученія долженъ быть, по возможности, не продолжителенъ; что желательно продолженіе въ этихъ училищахъ общаго образованія въ размѣрѣ, зависящемъ отъ выбираемой профессіи, при чемъ необходимо обученіе графическимъ искусствамъ; что классное преподаваніе должно уменьшаться отъ низшихъ классовъ къ высшимъ, а практическія занятія усиливаться въ томъ же порядкѣ.

При обсужденіи системы обученія ремесламъ собраніе ограничилось почти одной обработкой металла и дерева. Лучшимъ методомъ признано въ низшихъ классахъ училищъ систематическое обученіе извѣстному ремеслу по опредѣленной программѣ, а въ высшихъ—исполненіе заказовъ и ремонтныхъ работъ при участіи, для примѣра, наемныхъ рабочихъ. При чемъ предложено не дѣлать мѣстному населенію конкуренціи дешевыми цѣнами и признано возможнымъ выдавать учащимся вознагражденіе за произведенныя ими въ мастерскихъ училища работы.

Затѣмъ высказано желаніе, чтобы ученики знакомились сперва съ общими приѣмами ремесла, а затѣмъ уже избирали себѣ спеціальность сообразно съ характеромъ училища, который долженъ приниматься къ мѣстнымъ потребностямъ. Сверхъ того сдѣланы были за-

мѣчанія о нѣкоторыхъ подробностяхъ преподаванія ремеслъ, при чемъ г. Раевскій высказался за предпочтительное обученіе ручной обработкѣ, какъ имѣющей значеніе для кустарей.

Въ видахъ улучшенія общей организаціи техническихъ и ремесленныхъ училищъ и достиженія ихъ цѣлей, кромѣ мѣръ, упомянутыхъ въ началѣ настоящаго обзора дѣятельности II-го отдѣленія съѣзда, было предложено улучшеніе состава преподавателей, поощреніе фабрикантовъ и другихъ лицъ, содѣйствующихъ успѣшному развитію профессиональныхъ училищъ и практической подготовкѣ окончившихъ въ нихъ курсъ учениковъ. Наконецъ, предоставленіе послѣднимъ права открывать мастерскія помимо цеховаго управленія.

Въ области воспитанія учениковъ признано желательнымъ устройство интернатовъ, дающихъ возможность вліять и на нравственное развитіе ихъ. Но обстановка интернатовъ должна быть такова, чтобы она не отрывала дѣтей отъ среды ихъ семей и будущей профессіи, то-есть, должна приближаться къ быту рабочихъ.

При разборѣ затѣмъ вопроса объ обученіи малолѣтнихъ въ мастерскихъ, было указано, что безотрадное положеніе ремесленныхъ учениковъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ неразвитости и безнравственности той среды, въ которой они вращаются.

Для поднятія умственнаго и нравственнаго уровня этой среды предложено было учрежденіе воскресныхъ и вечернихъ школъ и бесѣдъ для рабочихъ, выдача отъ ремесленныхъ управъ особыхъ книжекъ, для записи мастеромъ различныхъ свѣдѣній о подмастерьяхъ (поведеніе, штрафы и т. п.), учрежденіе особаго ремесленнаго управленія для всесторонняго наблюденія за мастерскими и разбора споровъ мастеровъ и подмастерій и, наконецъ, высказано пожеланіе, чтобы испытаніе на званіе мастера производилось въ особой комиссіи, такъ какъ при теперешнихъ порядкахъ не рѣдки случаи неправильной выдачи дипломовъ.

По вопросу объ отношеніи хозяевъ мастерскихъ къ своимъ ученикамъ II-е отдѣленіе высказалось, какъ и I-е за учрежденіе попечительства. Сверхъ того были сдѣланы еще нѣкоторыя частныя предложенія, на примѣръ о дозволеніи имѣть учениковъ только тѣмъ мастерамъ, которые извѣстны своимъ хорошимъ поведеніемъ. Признано необходимымъ учрежденіе для ремесленныхъ учениковъ воскресныхъ школъ. Затѣмъ высказано было мнѣніе, что профессиональныя школы не даютъ рабочихъ-практиковъ, необходимыхъ для кустарной про-

мышленности, почему ученичество въ мастерскихъ никогда не прекратится и полезно было бы учрежденіе особыхъ учебныхъ мастерскихъ.

II-е отдѣленіе разсматривало еще докладъ А. Г. Неболсина о школьномъ обученіи малолѣтнихъ на фабрикахъ и заводахъ и признало необходимымъ учрежденіе училищъ двухъ типовъ: низшаго, соответствующаго однокласснымъ, и высшаго, соответствующаго двухкласснымъ народнымъ училищамъ.

Въ заключеніе было постановлено о необходимости пересмотра устарѣлаго ремесленного устава.

По вопросу объ образованіи взрослыхъ рабочихъ признано желательнымъ какъ устройство воскресныхъ и вечернихъ школъ для умственного и нравственнаго развитія, такъ и школъ въ родѣ школы десятниковъ Императорскаго русскаго техническаго общества для сообщенія строительнымъ рабочимъ специальныхъ познаній, при чемъ собраніе вошло и въ обсужденіе общей организаціи какъ тѣхъ, такъ и другихъ школъ.

По докладамъ о специальныхъ техническихъ школахъ: химико-техническихъ, электро-техническихъ, мукомольныхъ, прядильно-ткацкихъ — для приготовленія низшихъ техниковъ, собраніе признало крайнюю важность ихъ учрежденія, при чемъ допустило возможность и особой специализаціи химико-техническихъ школъ сообразно мѣстнымъ условіямъ.

Въ разсмотрѣніи мореходнаго образованія собраніе признало необходимымъ: опредѣленіе 3-хъ родовъ плаванія: каботажнаго, дальняго и рѣчно-озернаго; учрежденіе училищъ судоходства 3-хъ типовъ: мореходныхъ классовъ, дающихъ болѣе полное общее и специальное образованіе, училищъ торговаго плаванія и училищъ механико-судо-строительныхъ; учрежденіе специальной инспекціи мореходныхъ училищъ, изданіе учебниковъ для этихъ училищъ и учрежденіе стѣжковъ ихъ преподавателей. Сверхъ того, были разсмотрѣны вопросы о постановкѣ практическихъ занятій въ этихъ училищахъ и объ испытаніяхъ на полученіе различныхъ мореходныхъ званій. Наконецъ, разбирался вопросъ о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ расширенію дѣятельности русскаго торговаго флота.

По нѣкоторымъ изъ постановленныхъ собраніемъ относительно мореходнаго дѣла резолюціямъ рѣшено возбудить передъ правительствомъ ходатайства.

Программу занятій III отдѣленія съезда составляли *распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній въ народѣ* 1) чрезъ общеобразо-

вательныя школы, 2) чрезъ спеціальныя школы, 3) помимо школъ, и *шорнозаводское образованіе*.

По вопросамъ о сельско-хозяйственномъ образованіи было принято во вниманіе, главнымъ образомъ, образованіе крестьянъ.

По докладамъ Энгельгардта, о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній вообще начальной школой, и Мещерскаго, какъ о распространеніи таковыхъ знаній вообще, такъ и въ частности садоводства и огородничества, собраніе послѣ оживленныхъ преній постановило слѣдующія резолюціи:

Участіе начальной народной школы въ этой области полезно. Средствами къ этому являются: приданіе учебникамъ и книгамъ для чтенія сельско-хозяйственнаго характера и предоставленіе учителямъ веденія хозяйства или сада при школь, для чего нужно надѣленіе школъ землей и изученіе учителями сельскаго хозяйства, командировки ихъ на фермы, курсы и т. п.

Желательно также введеніе странствующихъ учителей какъ по сельскому хозяйству вообще, такъ и по садоводству въ частности для сообщенія полезныхъ свѣдѣній взрослому населенію. Затѣмъ былъ рассмотрѣнъ докладъ И. И. Мещерскаго объ организаціи сельско-хозяйственныхъ курсовъ для народныхъ учителей.

По докладамъ о шелководствѣ признано было желательнымъ введеніе шелководства при сельскихъ школахъ, а также поощреніе пчеловодства при нихъ. Затѣмъ является необходимымъ устройство спеціальныхъ шелководственныхъ училищъ въ мѣстахъ, гдѣ шелководство уже развито.

И. И. Филипенко докладывалъ о пользѣ преподаванія агрономіи въ высшихъ и среднихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ въ виду того, что въ будущемъ предложеніе техниковъ имѣеть превысить спросъ на нихъ и въ то же время предстоитъ необходимость цѣлага ряда нижеверпо-агрономическихъ работъ. Собраніе пришло къ резолюціи, что желательно преподаваніе сельскаго хозяйства въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно отраслей его, имѣющихъ связь съ другими преподаваемыми въ этихъ заведеніяхъ науками и, хотя бы и въ краткомъ видѣ, въ реальныхъ училищахъ. Наконецъ, желательно изданіе руководствъ, составленныхъ совмѣстно преподавателями высшихъ, среднихъ и низшихъ школъ.

По вопросу о сельско-хозяйственныхъ низшихъ школахъ выяснилось, что существующія теперь казенныя школы на крестьянское хозяйство вліяютъ только отчасти примѣромъ своихъ фермъ, а что

кончающіе въ нихъ курсъ служатъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ прикащиками, надсмотрщиками и т. п.

Н. С. Соковиннымъ было предложено введеніе въ сельско-хозяйственныя школы обученія ремесламъ и техническимъ сельско-хозяйственнымъ производствамъ, что могло бы быть выгодно какъ помѣщикамъ, такъ, въ зимнее время, и крестьянамъ, а И. Д. Соколовъ предложилъ учрежденіе при этихъ школахъ бюро и комисіонерствъ для крестьянъ. Гг. Русиновъ и Мясоѣдовъ указали на то, что наши образцовыя фермы имѣютъ совершенно другой типъ хозяйства, чѣмъ хозяйства крестьянскія, почему послѣднимъ трудно перенимать съ фермъ полезныя свѣдѣнія. П. А. Мясоѣдовъ рекомендуетъ устройство маленькихъ образцовыхъ фермъ, подходящихъ по своимъ размѣрамъ и условіямъ хозяйства къ крестьянскимъ участкамъ, священникъ А. Кутузовъ сообщилъ о двухъ такихъ фермахъ, уже устроенныхъ обществомъ улучшенія народнаго труда въ Рославльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи.

Е. Д. Максимовъ указалъ въ своемъ докладѣ на необходимость особыхъ сельско-хозяйственныхъ школъ для крестьянскаго хозяйства, въ видѣ сельско-хозяйственныхъ отдѣленій при начальныхъ училищахъ, а г. Мясоѣдовъ представилъ типъ дешевой низшей сельско-хозяйственной школы; кромѣ того, И. Д. Соколовымъ была указана потребность нѣкоторыхъ измѣненій въ организаціи казенныхъ школъ.

Собраніе по всѣмъ этимъ докладамъ и преніямъ выразило желательность развитія школъ какъ типа казенныхъ, по нормальному положенію, такъ и другихъ типовъ сельско-хозяйственной школы. Раннимъ образомъ признаны необходимыми: учрежденіе образцовыхъ школъ для учителей, которыхъ туда можно было бы командировать, устройство періодическихъ учительскихъ съѣздовъ и изученіе хорошихъ хозяйствъ съ цѣлью привлеченія ихъ къ педагогической дѣятельности, а также для указанія ихъ желающимъ совершенствовать свои познанія. Наконецъ, въ виду отсутствія дешевыхъ сельско-хозяйственныхъ школъ, признано желательнымъ открытіе сельско-хозяйственныхъ отдѣленій при сельскихъ училищахъ.

По докладамъ о нѣкоторыхъ специальныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства была признана необходимость школъ для подготовки винодѣловъ, винокуровъ и специалистовъ по молочному хозяйству.

Затѣмъ, по докладамъ о преобразованіи уѣздныхъ прогимназій въ сельско-хозяйственныя техническія и ремесленныя училища, собраніе признало такое преобразованіе желательнымъ, между прочимъ въ ви

дахъ распространенія между крестьянами полезныхъ ихъ хозяйству свѣдѣній чрезъ посредство учителей, писарей и т. п., выходящихъ большею частью изъ среды горожанъ.

Въ заключеніе обзора докладовъ о сельско-хозяйственныхъ школахъ отмѣтимъ мнѣніе профессора Стебута о необходимости открытія такихъ школъ для женщинъ, какъ съ точки зрѣнія заработка, такъ и въ виду того, что эти школы будутъ готовить сознательныхъ помощницъ для хозяйства ихъ мужей, которыя будутъ въ томъ же направленіи воспитывать своихъ дѣтей.

Другаго рода способомъ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній являются выставки и коллекціи. Вопросъ о выставкахъ былъ разобранъ подробно, предложенъ примѣрный планъ организаціи ихъ, указаны различные желательные типы ихъ: постоянный, передвижной и ярмарочный.

Выставка при съѣздѣ сельско-хозяйственныхъ орудій и коллекцій, присланныхъ различными техническими и сельско-хозяйственными школами, указала на многіе недостатки преподаванія постройки сельско-хозяйственныхъ орудій.

Наконецъ, по отдѣлу горнозаводскаго образованія, признана необходимость учрежденія низшихъ горнозаводскихъ училищъ въ районахъ развитія горнаго дѣла.

IV-е отдѣленіе съѣзда занималось вопросами по женскому профессиональному образованію.

Результаты этихъ занятій выразились въ слѣдующемъ:

1) Выяснилось, что основныхъ особенностей, общихъ всѣмъ ремесленно-профессиональнымъ школамъ, до сихъ поръ еще не установилось, и каждая изъ школъ ведется, сообразуясь съ мѣстными требованіями; въ нѣкоторыхъ школахъ не опредѣленъ даже вступительный возрастъ.

2) Признано, что выборъ ремесла слишкомъ однообразенъ: школы ограничиваются обученіемъ разнаго вида женскимъ рукодѣліямъ. Между тѣмъ заработокъ швей становится все незначительнѣе и потому необходимо введеніе въ программу профессиональныхъ школъ обученіе другимъ ремесламъ, при чемъ намѣченъ и выборъ этихъ ремеселъ.

3) Обнаружено, что учебныя и ремесленныя программы для ремесленно-профессиональныхъ школъ недостаточно выработаны.

4) Обращено вниманіе на то, что въ ремесленно-профессиональныхъ школахъ поступаютъ ученицы безъ всякой элементарной ремесленной подготовки, что и доказываетъ неудовлетворительность постановки

обученія общимъ женскимъ рукодѣліямъ (докладъ г. Осокина) въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ, откуда онѣ поступаютъ въ профессиональныя школы, а между тѣмъ въ учебныхъ планахъ общеобразовательныхъ заведеній назначено время на элементарное обученіе рукодѣліямъ.

5) Выяснено, что очень значительное количество ученицъ обучается въ многочисленныхъ школахъ кройки и шитья, гдѣ подъ видомъ обученія рукодѣліямъ часто эксплуатируютъ дѣтскій трудъ для своихъ промышленныхъ цѣлей, а потому признано болѣе желательнымъ замѣнить ихъ правильно устроенными учебными мастерскими.

6) Положеніе ученицъ въ настоящихъ мастерскихъ признано необходимымъ улучшить путемъ установленія законоположеній, ограждающихъ ихъ отъ эксплуатаціи и обеспечивающихъ за ними гигиеническую обстановку, то-есть, признана необходимость за ними контроля.

7) Краткосрочные курсы кройки и шитья признаны не цѣлесообразными, такъ какъ они не могутъ научить мастерству, а тѣмъ болѣе подготовить хорошихъ мастерицъ и учительницъ рукодѣлій.

8) Оказалось, что профессиональныя ремесленныя школы, продолжая общее образованіе, учатъ и ремеслу, и въ этомъ отношеніи имѣютъ преимущество предъ ученичествомъ въ мастерскихъ, гдѣ мастерицы выработываются долготѣннымъ пребываніемъ чрезъ посредство примѣра и подражанія, а не обученія, и при томъ усваиваютъ мастерство не многія учащіяся, а вѣкторыя наиболѣе способныя.

9) Въ профессиональныхъ школахъ оказалось необходимымъ продолжать общее образованіе, при чемъ намѣчены учебные предметы и общій характеръ преподаванія ихъ.

Спеціализація же ремеслъ въ профессиональныхъ школахъ не должна слѣдовать тотчасъ за поступленіемъ въ школу, а найдено необходимымъ пріучить дѣтей сначала къ общимъ женскимъ ремесламъ, необходимымъ въ домашнемъ быту, а потомъ уже переходить къ спеціальнымъ.

10) По матеріаламъ, доставленнымъ съѣздомъ и выставкою при немъ, можно было придти къ заключенію о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ „ремесленно-профессиональная школа“ и какія общія задачи она должна имѣть въ виду, какіе типы школъ болѣе желательны. Выяснилась необходимость намѣтить въ нихъ учебные предметы, при чемъ оказалось, что провинція нуждается въ профессиональныхъ школахъ низшаго типа и въ особенности въ учебныхъ мастерскихъ.

11) Въ виду признанія за рисованіемъ особаго значенія для всякаго ремесла составлены двѣ программы по рисованію для двухъ типовъ школъ.

12) Признано необходимымъ, какъ одно изъ средствъ для развитія вкуса, устраивать музеи по женскимъ ремесламъ и производствамъ.

13) Выяснено, что недостаточная правильность системы обученія руководліямъ и ремесламъ въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ и ремесленно-профессіональныхъ школахъ зависитъ отъ недостатка хорошо подготовленныхъ образованныхъ учительницъ руководліій; поэтому признаны необходимыми курсы для подготовленія учительницъ ремеслъ, и особая коммиссія выработала планъ организаціи и примѣрную программу такихъ курсовъ.

Найдено полезнымъ также устраивать курсы для учительницъ руководліій въ лѣтнее время, на которыхъ знакомятъ учительницъ съ предметами преподаванія и новыми ремеслами.

14) Признана необходимость попечительствъ объ оканчивающихъ курсъ въ женскихъ профессіональныхъ школахъ, при чемъ довольно подробно разработана примѣрная организація самихъ попечительствъ.

Рядомъ съ этимъ признана необходимость при помощи частныхъ обществъ содѣйствовать распространенію и усовершенствованію профессіональнаго образованія женщинъ и ограждать нравственные и матеріальные интересы учащихся и оканчивающихъ курсъ въ профессіональныхъ школахъ.

15) Выяснилась наибѣйшая необходимость расширенія сферы женскаго профессіональнаго труда путемъ учрежденія учебныхъ заведеній, по различнымъ спеціальностямъ, могущимъ обезпечить женщинъ болѣе достаточный заработокъ, при чемъ намѣченъ рядъ подобныхъ спеціальностей, напримѣръ, врачебная, художественная, коммерческая и т. п.

У-е отдѣленіе съѣзда было посвящено разсмотрѣнію вопросовъ о преподаваніи ручнаго труда въ школахъ.

По отдѣлу о значеніи ручнаго труда въ общеобразовательной школѣ было постановлено, что ручной трудъ есть общеобразовательный предметъ, имѣющій весьма важное значеніе для физическаго образованія, такъ какъ развиваетъ дѣтей физически, увеличиваетъ въ нихъ ловкость рукъ, умѣнье браться за дѣло и, такимъ образомъ, подготавливаетъ къ ремесламъ и ко всякому физическому труду, а съ другой стороны развиваетъ въ учащихся энергію и самостоятель-

ность. При особомъ мнѣніи остался профессоръ Лесгафтъ, полагая, что ручной трудъ есть частный случай физическаго образованія, въ которомъ примѣняется только часть общихъ приемовъ, имѣющихъ быть усвоенными при физическомъ образованіи. Полное же физическое образованіе можетъ быть достигнуто только специально приспособленными играми и гимнастикой. Сверхъ того П. Ф. Лесгафтъ указалъ на то, что ручной трудъ обыкновенно преподается чрезвычайно невыгоднымъ для школьнаго развитія имитационнымъ методомъ и, наконецъ, что ручной трудъ, будучи полезенъ и даже необходимъ въ профессиональной школѣ, не умѣстенъ по своему утилитарному характеру въ общеобразовательной, такъ какъ въ ней мы должны создать свой жизненный идеалъ и понять способы приблизиться къ нему; практическія же явленія явятся въ жизни и сами въ достаточномъ количествѣ.

Въ гигиеническомъ отношеніи признано, что ручной трудъ полезенъ, но не можетъ замѣнить гимнастики и движеній на чистомъ воздухѣ.

Наконецъ, было установлено различіе между ручнымъ трудомъ и ремесломъ, разобранъ вопросъ объ образцовой коллекціи подѣлокъ ручнаго труда и о заинтересованіи сельскаго и городскаго населенія дѣломъ обученія ручному труду въ школахъ, введеніемъ въ учебныя коллекціи предметовъ домашняго обихода сельскаго и городскаго, соотвѣтствующихъ привычкамъ данной мѣстности.

По вопросу о педагогическомъ и утилитарномъ значеніи ручнаго труда большинство было за то, что ручной трудъ въ школѣ долженъ, какъ всякій общеобразовательный предметъ, преслѣдовать преимущественно педагогическія цѣли, имѣть въ виду, главнымъ образомъ, работающаго ребенка, иначе, преслѣдуя цѣли утилитарныя, онъ превратится въ ремесло, имѣющее въ виду только изготовляемый предметъ.

По вопросу объ обязательномъ введеніи преподаванія ручнаго труда въ русскія общеобразовательныя школы большинство рѣшило, что въ виду незначительности матеріальныхъ и учебныхъ средствъ нашихъ низшихъ школъ нельзя требовать, чтобы ручной трудъ былъ обязательно введенъ во всѣ низшія общеобразовательныя школы.

Нѣкоторыми членами было подано особое мнѣніе о введеніи, по примѣру Финляндіи и Франціи, ручнаго труда во всѣхъ школахъ, гдѣ только возможно, такъ какъ иначе невозможно серьезное отношеніе къ ручному труду какъ учащихся и учащихся, такъ и общества, и не предвидится разработки методовъ обученія.

Затѣмъ большинство высказалось за то, чтобы ручной трудъ для учениковъ школъ, гдѣ онъ будетъ введенъ, не былъ обязательнъ. такъ какъ, съ одной стороны, въ противномъ случаѣ потребовались-бы непомерныя затраты, съ другой же стороны, слишкомъ различны взгляды въ обществѣ на значеніе ручнаго труда, а между преподавателями—касательно системы его преподаванія.

Другіе же требовали, чтобы ручной трудъ былъ для учениковъ такъ же обязательнъ, какъ и другіе общеобразовательные предметы.

По вопросу объ обученіи ручному труду въ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, собраніе присоединилось къ мнѣнію докладчика, А. Д. Бутовскаго, считающаго ручной трудъ весьма желательною дополнительною отраслью занятій для помянутыхъ заведеній и указавшаго на важное вліяніе ручнаго труда въ области нравственнаго и умственнаго развитія челоука.

По вопросу о томъ, изъ какихъ ремеслъ можно заимствовать занятія по ручному труду, отдѣленіе постановило, въ видѣ общаго положенія, что для ручнаго труда не обязательно ни одно ремесло въ полномъ составѣ. Онъ заимствуетъ изъ cadaго только педагогически-цѣлесообразное.

Разсматривая затѣмъ различныя ремесла, собраніе пришло къ заключенію, что наиболѣе подходящимъ для занятій ручнымъ трудомъ является обработка дерева, преимущественно столярныя работы.

Работы по другимъ ремесламъ, въ виду невыработанности метода преподаванія, могутъ быть введены въ менѣе значительномъ объемѣ, нѣкоторыя же ремесла, по вредности для здоровья, должны быть исключены вовсе изъ программъ занятій ручнымъ трудомъ, на примѣръ, работы портняжныя и сапожныя.

Вопросъ о томъ, подходятъ ли занятія сельско-хозяйственными подѣ понятіе о ручномъ трудѣ, остался нерѣшеннымъ, но признано, что, не смотря на свою полезность и гигиеническое значеніе, они замѣнить занятій ручнымъ трудомъ не могутъ, такъ какъ связаны съ опредѣленнымъ временемъ года и въ нихъ трудно примѣнить принципъ послѣдовательнаго осложненія.

По вопросу о подготовленіи учителей ручнаго труда, собраніе признало желательнымъ обязательное введеніе занятій ручнымъ трудомъ въ учительскіе институты, семинаріи и школы, а также устройство кратковременныхъ (не менѣе, однако, 6-ти недѣль) ежегодныхъ курсовъ ручнаго труда, посѣщая которые нѣсколько разъ, учителя и

учительницы могли бы получить основательную подготовку по этому предмету.

Лучшими учителями ручнаго труда поставлено признавать учителей общеобразовательныхъ предметовъ, прошедшихъ особый курсъ по ручному труду.

Въ заключеніе были разобраны различные вопросы о мѣрахъ къ распространенію и разработкѣ преподаванія ручнаго труда, какъ то: устройство особой субкомиссіи по этому вопросу при постоянной комиссіи по техническому образованію, изданіе журнала, выработка программъ преподаванія и учебниковъ и т. п. Ко всему этому собраніе отнеслось весьма сочувственно и постановило ходатайствовать объ устройствѣ субкомиссіи по ручному труду и объ устройствѣ самостоятельныхъ мастерскихъ ручнаго труда, въ которыхъ могли бы обучаться ученики разныхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

Ограничиваясь въ настоящей статьѣ краткимъ обзоромъ дѣятельности съѣзда, отсылаемъ лицъ, интересующихся вопросами технического образованія, къ самимъ трудамъ съѣзда, въ которыхъ они найдутъ еще много интересныхъ подробностей.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

I.

Отчетъ о присужденіи премій митрополита Макарія въ 1891 году¹⁾.

Согласно Высочайше утвержденному положенію для присужденія Академіею Наукъ премій митрополита Макарія, въ одинъ конкурсъ можетъ быть выдаваемо не болѣе двухъ полныхъ премій (по 1.500 р. каждая) и трехъ не полныхъ (по 1.000 р. каждая). Такъ какъ раздробленіе премій вообще не допускается, а между тѣмъ настоящій конкурсъ оказался особенно многочисленнымъ и изобилуеалъ выдающимися трудами, то на долю комиссіи, назначенной, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ гг. академиковъ Я. К. Грога, К. С. Веселовскаго, В. Гр. Имшенецкаго, Ѳ. Ѳ. Вейльштейна, К. Н. Бестужева-Рюмина, Ѳ. А. Бредихина и П. Ѳ. Дубровина, выпала особенно трудная задача оцѣнить достоинства и значеніе соискательныхъ сочиненій, обнимающихъ всѣ почти области знанія.

Всего на соисканіе представлено 31 сочиненіе, въ томъ числѣ 3 рукописныхъ; по предварительномъ разсмотрѣніи трудовъ, подлежащихъ оцѣнкѣ, комиссія два изъ нихъ положила устранить изъ конкурса, какъ не отвѣчающія условіямъ положенія и правилъ о преміяхъ митрополита Макарія; кромѣ того, два сочиненія, по желанію самихъ авторовъ, были изъяты изъ конкурса. Для оставшихся затѣмъ на состязаніи 27 сочиненій комиссія избрала специальныхъ ре-

---

¹⁾ Читанъ въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го сентября 1891 года непремѣннымъ секретаремъ академикомъ А. А. Штраузомъ.

цензентовъ, частью изъ среды академиковъ, частью же изъ постороннихъ Академіи ученыхъ, и пригласила рецензентовъ отзывы о переданныхъ на ихъ судъ сочиненіяхъ доставить къ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока и полученіи рецензій на всѣ сочиненія, за исключеніемъ одного (которое, поэтому, отложено до слѣдующаго Макаріевскаго конкурса), коммиссія, зрѣло взвѣсивъ сравнительное достоинство прочихъ трудовъ и опираясь, при томъ, на заключенія о нихъ рецензентовъ, положила 2 сочиненія удостоить полныхъ и три сочиненія не полныхъ премій. Наконецъ, одно сочиненіе, представляющее значительный интересъ и вносящее по изслѣдуемому вопросу много новаго, коммиссія признала справедливымъ, пользуясь правомъ, предоставленнымъ ей § 10 правилъ о преміяхъ Макарія, отложить также до слѣдующаго конкурса съ тѣмъ, чтобы авторъ могъ пополнить свой трудъ новыми изслѣдованіями.

Первое увѣнчанное полною премією сочиненіе озаглавлено:

Русская армія въ семилѣтнюю войну. Сочиненіе генераль-маіора *Масловскаго*. Тома I—III. Москва, 1886—1890.

Разсмотрѣніемъ этого сочиненія занялся членъ коммиссіи академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ. Въ рецензій, составленной по этому случаю, нашъ уважаемый товарищъ указываетъ на тотъ фактъ, что до послѣдняго времени свѣдѣнія о русской арміи XVII и первой половины XVIII вѣка черпались преимущественно изъ сказаній иностранцевъ, служившихъ въ русскихъ войскахъ, или же только жившихъ въ Россіи, а благодаря этому являлось совершенно ложное представленіе о развитіи русскаго военнаго искусства и не сказывалась вовсе та струя самобытности, которая чрезъ него проходитъ. Объясняется это тѣмъ, что изучать событія по первоисточникамъ и документамъ, хранящимся въ архивахъ, несравненно труднѣе и копотливѣе, чѣмъ пользоваться печатными свидѣтельствами современниковъ. Подобныя свѣдѣнія, однако же, не проникая въ глубь событій, касаются преимущественно наружной формы строя, его частныхъ, и не даютъ точнаго понятія о томъ внутреннемъ развитіи, которое не только ставило русскую армію въ уровень съ ея современниками, но и было причиною почти постоянныхъ и блестящихъ ея побѣдъ надъ лучшими войсками Европы. Эти успѣхи русскаго оружія ложно приписывались не самостоятельному и самобытному развитію военнаго искусства, а руководству иностранцевъ, находившихся въ русской службѣ, и способности русскаго человѣка заимствовать готовое отъ другихъ.

Въ ближайшее къ намъ время стали появляться отдѣльныя изслѣдованія по части русскаго военнаго искусства, основанныя на прочныхъ источникахъ, но въ большинствѣ они имѣютъ частный характеръ и посвящены отдѣльнымъ специальнымъ военнымъ вопросамъ. Для полнаго уясненія развитія русскаго военнаго искусства въ позднѣйшія царствованія оказывалось необходимымъ детальное изученіе Семилѣтней войны, такъ какъ именно она дала новія формы строя и измѣнила организацію многихъ частей войскъ и тактическую ихъ подготовку.

Семилѣтняя война имѣетъ для исторіи русскаго оружія особенно важное значеніе, во первыхъ потому, что мы боролись съ гениальнымъ королемъ-полководцемъ, а во вторыхъ и потому, что мы дѣйствовали на такихъ театрахъ войны, которые остаются наиболѣе вѣроятными и въ будущихъ нашихъ войнахъ. Генераль-маіоръ Масловскій и поставилъ себѣ цѣлю выяснить обстановку важнѣйшихъ происшествій этой эпохи, по возможности во всѣхъ деталяхъ, дабы имѣть затѣмъ право дѣлать изъ нихъ прочныя и основательныя выводы. Полнота собранныхъ документовъ и тщательное ихъ изученіе, по отзыву почтеннаго рецензента, были причиною того, что, съ выходомъ въ 1886 году 1-го выпуска разсматриваемаго сочиненія, г. Масловскій сразу приобрѣлъ себѣ извѣстность и выдающееся положеніе въ военной литературѣ какъ русской, такъ и иностранной.

Знакомясь съ Семилѣтней войною по описанію генераль-маіора Масловскаго, приходится отказываться отъ многихъ характеристикъ и выводовъ, сложившихся подъ вліяніемъ не вѣрныхъ данныхъ, до сихъ поръ не подвергавшихся исторической критикѣ съ помощью архивныхъ документовъ. Трудъ генераль-маіора Масловскаго, по мнѣнію академика Н. Θ. Дубровина, безспорно заслуживаетъ внимательнаго изученія, и каждый дорожащій честью, славою и судьбою нашей арміи найдетъ въ немъ историческую правду. Подъ скромнымъ названіемъ „Русская армія въ Семилѣтнюю войну“ авторъ даетъ здѣсь не одно, а два капитальныхъ изслѣдованія: 1) детальное описаніе хода событій съ многочисленными планами, приложеніями и критическою оцѣнкою военныхъ дѣйствій и 2) очеркъ, и при томъ единственный, постепеннаго развитія русскаго военнаго искусства отъ Петра I до Екатерины II. На этомъ послѣднемъ поприщѣ генераль-маіоръ Масловскій, по словамъ нашего уважаемаго товарища, можетъ считать себя первымъ изслѣдователемъ, и ему принадлежитъ починъ въ разработкѣ этого важнаго отдѣла, касающагося блестящаго прошлаго русской арміи.

Въ заключеніе своей рецензіи академикъ Дубровинъ замѣчаетъ, что въ исторіи какой бы то ни было эпохи не возможно сказать последнее слово, и рецензентъ, смотрящій на событія съ своей точки зрѣнія, всегда имѣетъ возможность найти недостатки, повторенія и, пожалуй, несоотвѣтствіе планировки самаго сочиненія съ его взглядомъ. Тѣмъ не менѣе, однако же, безпристрастный критикъ скажетъ, что подобные недостатки сочиненія „Русская армія въ Семилѣтнюю войну“ ничтожны по сравненію съ его достоинствами, почему академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ и считаетъ своимъ долгомъ просить Академію удостоить сочиненіе Масловскаго высшей преміи митрополита Макарія.

Второе увѣнчанное *полною* премією сочиненіе имѣетъ предметомъ химическую технологию; это — сочиненіе *Н. И. Тавилдарова*, озаглавленное *Химическая Технология сельско-хозяйственныхъ продуктовъ*, въ двухъ томахъ, съ атласомъ чертежей, и обнимающее производство крахмала, сахара, пива и спирта, то-есть, обработку углеводовъ въ большихъ размѣрахъ.

Спеціальнымъ разборомъ этого сочиненія занимался членъ конференціи академикъ Ѳ. Ѳ. Бейльштейнъ, который о книгѣ профессора Тавилдарова отозвался „какъ не о запискахъ по лекціямъ, не о простой компиляціи и не объ иностранномъ сочиненіи, переработанномъ для русскихъ техниковъ, но какъ о вполне самостоятельномъ трудѣ, который по самостоятельному изученію предмета, по своеобразной системѣ изложенія, обилію литературныхъ и заводскихъ данныхъ, выдѣляется изъ ряда учебниковъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ“. Признавая за недостатокъ довольно большое число опечатокъ въ рассматриваемой книгѣ, академикъ Бейльштейнъ въ заключительныхъ строкахъ своей рецензіи говоритъ: „Принимая во вниманіе бѣдность нашей отечественной литературы по прикладнымъ наукамъ, появленіе столь удачнаго труда, какъ сочиненіе Тавилдарова, безусловно заслуживаетъ поощренія, и оно вполне достойно награжденія премією. Сочиненіе Тавилдарова не служитъ только пособіемъ для студентовъ высшихъ техническихъ школъ, оно есть и вѣрнымъ справочнаю книгою для многочисленныхъ русскихъ заводчиковъ. Производство сахара, спирта и пива составляетъ одну изъ обширнѣйшихъ отраслей народнаго хозяйства; оно тѣсно связано съ земледѣліемъ. Книга Тавилдарова весьма полезна для служащихъ по акцизному вѣдомству, и, наконецъ, она можетъ способствовать къ установленію правильныхъ и точныхъ понятій въ средѣ русскихъ землевладѣльцевъ о техническомъ

значеніи и обработкѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, являясь чрезъ это средствомъ къ поднятію самой сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи вообще*.

Не полная премія присуждена авторамъ слѣдующихъ трудовъ:

1. Сенатору *Н. П. Семенову* за его капитальный трудъ *Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II*. Томъ II. Второй періодъ занятій комиссіей по крестьянскому дѣлу. С.-Пб. 1890.

Почтенный профессоръ университета Св. Владимира Романовичъ-Славятинскій, отозвавшись съ предупредительною готовностью на обращенную къ нему просьбу комиссіи выразить свое мнѣніе объ этомъ обширномъ сочиненіи, въ своей рецензійи окончательное мнѣніе о сочиненіи сенатора Н. П. Семенова сводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Сочиненіе это посвящено любопытнѣйшему моменту въ исторіи освобожденія крестьянъ — моменту выработки редакціонными комиссіями, въ ихъ общихъ присутствіяхъ, Положенія 19-го февраля 1861 года.

2) Оно представляетъ полную жизни и наглядности картину дѣятельности этихъ общихъ присутствій, со всѣми ихъ горячими преніями, со всѣми деталями и характерными чертами.

3) Въ немъ индивидуализируются и отчеканиваются фізіономіи и направленія выдающихся участниковъ великаго дѣла и заключается много матеріала для характеристики такихъ членовъ, какъ графъ Ростовцевъ, гр. Панинъ, Н. А. Милютинъ, кн. Черкасскій, Я. А. Соловьевъ, Ю. О. Самаринъ, Н. Хр. Бунге, Желтухинъ, Татаринцовъ, Позень, гр. Шуваловъ и др.

и 4) Вводи читателя, такъ сказать, въ ту лабораторію, въ которой выработывались отдѣльныя статьи Положенія 19-го февраля 1861 г., оно можетъ служить ключемъ и комментариемъ для выясненія смысла и духа нынѣ дѣйствующихъ законоположеній о крестьянахъ.

Воспроизводя съ фотографической точностью достопамятный актъ выработки Положенія 19-го февраля 1861 г., сочиненіе г. Семенова, по мнѣнію профессора Романовича-Славятинскаго, конечно, займетъ высокое мѣсто въ нашей исторической литературѣ: ученый рецензентъ утверждаетъ, что подобныя монументальныя работы рѣдки и въ болѣе богатыхъ литературахъ иностранныхъ.

2. Профессору *Ал. Льв. Дювернуа* за *Словарь болгарскаго языка*. Москва, 1886—1889 г.

Представленный на соисканіе вдовою автора, трудъ этотъ, по спеціальному его характеру, былъ оцѣненъ съ большою подробностью, по просьбѣ Академіи, бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія княжества Болгарскаго, а нинѣ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета Мар. Ст. Дриновымъ.

Приводимыя профессоромъ Дриновымъ историко-библіографическія справки доказываютъ, что, не смотря на исходившія съ разныхъ сторонъ попытки составить сколько-нибудь полный словарь народнаго болгарскаго языка, цѣль эта оставалась не достигнутой въ теченіе многихъ лѣтъ до вмѣшательства въ это дѣло покойнаго А. Л. Дювернуа, который, безо всякой посторонней матеріальной помощи, въ 1880 г. совершилъ на свой счетъ поѣзду въ Болгарію, на мѣстѣ запаса болгарскими изданіями и усвоилъ себѣ живой болгарскій языкъ. Къ печатанію словаря г. Дювернуа приступилъ въ 1885 году, издавъ 1-й выпускъ, оканчивающійся словомъ „вратига“, на 272 страницѣ. Желаніе выпустить въ свѣтъ начало словаря ко дню тысячелѣтія со времени кончины св. Меодія и было, повидимому, причиною того, что указанный 1-й выпускъ изданъ безъ предисловія и даже безъ объясненія употребляемыхъ въ немъ сокращенныхъ обозначеній источниковъ и т. п. Автору, однако же, не суждено было дожить до выхода копча своего труда въ свѣтъ.

Вдова покойнаго, г. А. Дювернуа, глубоко чтя трудъ своего мужа, выросшій на ея глазахъ, рѣшила, не щадя своихъ средствъ, довести изданіе до конца. Выучившись болгарскому языку, она сама принимала дѣятельное участіе въ работѣ, главное веденіе которой взялъ на себя П. А. Лавровъ. Кромѣ вдовы покойнаго, г. Лаврову помогали въ этомъ дѣлѣ молодые слависты В. Н. Щепкинъ и Б. М. Ляпуновъ. За указаніями относительно словъ, заимствованныхъ изъ турецкаго языка, г. Лавровъ обращался къ профессору Ф. Е. Коршу, при чемъ издателямъ удалось найти себѣ рѣдкаго помощника въ лицѣ молодого болгарскаго писателя Т. Г. Влайкова, пріѣзжавшаго около того времени въ Москву для слушанія лекцій нѣкоторыхъ профессоровъ историко-филологическаго факультета и пользующагося въ новѣйшей болгарской письменности весьма почтенною извѣстностью.

Словарь А. Л. Дювернуа состоитъ изъ 2.622 страницъ въ большую восьмушку, кромѣ прибавленій, занимающихъ въ общей сложности 116 страницъ. Онъ изданъ въ девяти выпускахъ, изъ коихъ 1-й вышелъ въ 1885 году, 9-й же и послѣдній въ 1889 г. По своему характеру и общему плану, разсматриваемый словарь, по отзыву про-

фессора Дринова, подходит къ толковому словарю Даля, который нѣсколько и напоминаетъ способомъ расположенія словъ. Значительно уступая послѣднему въ полнотѣ, словарь Дювернуа превосходитъ его въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, главнымъ образомъ документальностью. Въ словарь Дювернуа, можно сказать, нѣтъ слова, источникъ котораго не былъ бы указанъ, нѣтъ толкованія, не подтвержденнаго примѣрами, взятыми изъ извѣстныхъ изданій, на которыя всякій разъ и указывается. Приложенія, выходящія разновременно при нѣсколькихъ выпускахъ (2, 3, 4, 5 и 9-мѣ), весьма существенны; такъ здѣсь находятъ: 1) большіе списки собственныхъ именъ; 2) около 600 любопытныхъ словъ, не вошедшихъ въ основной текстъ словаря; 3) около 900 „дополнительныхъ сносокъ“, то-есть, діалектическихъ вариантовъ и производныхъ словъ, не указанныхъ на своемъ мѣстѣ въ азбучномъ порядкѣ словаря, и 4) общія указанія, которыми слѣдуетъ руководиться при подсбиваніи словъ въ словарь. Подъ нѣкоторыми рубриками приведены чрезвычайно важныя дополненія и поправки къ первымъ выпускамъ словаря, но, къ сожалѣнію, дополненія эти не всегда соотвѣтствуютъ заглавію рубрики, къ которой отнесены.

Въ заключеніе своей рецензіи профессоръ Дриновъ признаетъ разсмотрѣнный словарь за существенное восполненіе давно и живо дававшего себя чувствовать пробѣла въ пособіяхъ по славянскому языковѣднѣю. Словарь, конечно, не свободенъ отъ недостатковъ, по эти недостатки блѣднѣютъ передъ тѣми достоинствами, которыми отличается громадный трудъ покойнаго московскаго слависта. Тутъ впервые, можно сказать, сдѣлана попытка собрать во едино не только общеупотребительныя, но и областныя реченія болгарскаго языка, на сколько, конечно, они выразились, главнымъ образомъ, въ памятникахъ народнаго творчества, изданныхъ до восьмидесятихъ годовъ нашего вѣка. Покойному Дювернуа принадлежитъ и починъ объясненія значенія словъ болгарскаго языка тѣми средствами, которыя даютъ сами памятники этого языка. И эта важная задача исполнена имъ блистательно. Поражающія своимъ обиліемъ и разнообразіемъ выписки, которыя авторъ съ указанной цѣлью приводитъ въ своемъ словарѣ изъ памятниковъ, записанныхъ въ разныхъ концахъ болгарской племенной области, заключаютъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ какъ вообще для изученія болгарскаго языка со стороны грамматическихъ его особенностей и со стороны бытоваго его содержанія, такъ и для дальнѣйшихъ лексикографическихъ работъ въ этой области.

Весьма удачное объясненіе многихъ темныхъ реченій, цѣнныя ука-

занія на заимствованія изъ чужихъ языковъ, обиліе вещественныхъ толкованій, тонкій анализъ значеній болгарскихъ частицъ, принимающій часто характеръ подробныхъ изслѣдованій по болгарскому синтаксису, придаютъ труду профессора Дювернуа важное научное значеніе и дѣлаютъ его, можно сказать, настольною книгою для всякаго занимающагося славянскою филологіей, въ обширномъ смыслѣ этого слова.

3. *Третье* сочиненіе, увѣщанное *не полною* Макаріевскою премією составляетъ цѣнный вкладъ въ исторію иностранныхъ вѣроисповѣданій одной изъ русскихъ окраинъ.

Начало католической реакціи и упадокъ реформациі въ Польшу представляется продолженіемъ вышедшей въ 1883 году *Исторіи реформациі въ Польшу*, составленной профессоромъ Варшавскаго университета *Любовичемъ*, какъ и новый трудъ, по не изданнымъ источникамъ. Оцѣнка этого труда была для Академіи существенно облегчена профессоромъ Ник. Ив. Карѣвымъ, который ранѣе порученія, даннаго ему отъ Академіи, имѣлъ уже случай отозваться о новомъ трудѣ г. Любовича въ библиографическомъ отдѣлѣ журнала *Русская Мысль* за 1890 г. Матеріалъ для новой книги г. Любовичемъ собирался съ 1879 года въ архивахъ и бібліотекахъ Петербурга, Варшавы, Вильно, Слуцка, Данцига, Фрауэнберга, Кенигсберга, Познани, Берлина, Герпгута, Бреслава, Кракова и Львова; тутъ изслѣдователь нашелъ главные источники для своего труда, для котораго кое-какой матеріалъ, впрочемъ, оказывался и въ прежде извѣстныхъ источникахъ по исторіи реформациі на западѣ (въ извѣстномъ „*Corpus reformatorum*“, къ которому г. Любовичъ главнымъ образомъ обращался, чтобы прослѣдить сношенія польскихъ протестантовъ съ Кальвиномъ и другими реформаціонными богословами и выяснить сторону дѣла, которую какъ-то игнорируютъ другіе историки реформациі въ Польшѣ). Особенно важные и новые факты для книги г. Любовича дали акты протестантскихъ синодовъ, рисующіе внутреннюю жизнь реформированныхъ церквей въ Польшѣ. Цѣлый рядъ страницъ въ сочиненіи г. Любовича, по отзыву ученаго рецензента, обизанъ своимъ происхожденіемъ подобнымъ не изданнымъ источникамъ, отрывки изъ которыхъ приводятся въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, а „приложенія“ къ книгѣ, то-есть, то, что французы называютъ *pièces justificatives*, занимая около тридцати страницъ мелкой печати, состоятъ, главнымъ образомъ, въ выпискахъ изъ синодальныхъ протоколовъ. Что касается до основной точки зрѣнія профессора Любовича, то она, по мнѣнію

профессора Карѣва, вполне вытекаетъ изъ фактовъ, представляемыхъ исторіею польскаго протестантизма. Именно, профессоръ Любовичъ отмѣчаетъ слабость собственно религіознаго элемента въ реформаціонномъ движеніи въ Польшѣ и выдвигаетъ на первый планъ политическія и экономическія причины борьбы шляхты съ духовенствомъ.

Если въ изслѣдованіи авторомъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ у него были предшественники, то въ исторіи католической реакціи г. Любовичъ пролагаетъ пути въ совершенно неизвѣданной области. Дѣло изученія католической реакціи въ Польшѣ, по отзыву рецензента, усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что источниковъ по этому предмету до сихъ поръ издано мало, и, приступая къ своему труду, профессоръ Любовичъ долженъ былъ обращаться по многимъ интересовавшимъ его вопросамъ непосредственно къ архивамъ различныхъ европейскихъ государствъ. Такъ, напримѣръ, чтобы выяснитъ себѣ роль Рима въ исторіи возрожденія католицизма въ Польшѣ, онъ работалъ въ тайномъ Ватиканскомъ архивѣ, въ библіотекахъ: Ватиканской, Боргезе и многихъ другихъ римскихъ, а также въ венеціанскомъ государственномъ архивѣ; чтобы собрать матеріалы относительно реформаціоннаго движенія въ Польшѣ, въ изучаемую эпоху, онъ долженъ былъ пересмотрѣть переписку польскихъ нововѣрцевъ, хранящуюся въ архивахъ Швейцаріи, а въ особенности города Цюриха; затѣмъ, чтобы изучить движеніе, происходившее въ лонѣ польской католической церкви, ему пришлось дѣлать разысканія въ разныхъ русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ архивахъ. Въ виду приведеннаго рецензентъ отказывается перечислять всѣ отдѣльные факты, которые у профессора Любовича являются совершенно новыми или получаютъ новое освѣщеніе на основаніи архивнаго матеріала, и въ заключеніи своей рецензіи признаетъ, что и общія, приведенныя выше соображенія, оказываются вполне достаточными для того, чтобы заявленія его, профессора Карѣва, о всѣхъ правахъ рассмотрѣнной книги на полученіе преміи не казались голословными.

Изъ прочихъ сочиненій, участвовавшихъ въ настоящемъ соисканіи, комиссія признала особенно достойнымъ преміи сочиненіе г. *Тилло*, но, за раздачею бывшихъ въ ея распоряженіи денежныхъ наградъ, комиссія на основаніи § XII правилъ присудила ему *почетный отзывъ*.

Сочиненіе это, посвященное рассмотрѣнію вопроса о распредѣленіи атмосфернаго давленія на пространствѣ Россійской имперіи и Азіатскаго материка на основаніи наблюденій съ 1836 по 1885 г.

(С.-Пб. 1890, съ атласомъ изъ 69 картъ), по просьбѣ комиссіи, было рассмотрѣно профессоромъ Новороссійскаго университета Ал. Нив. Клоссовскимъ, которому южная Россія столь обязана за его дѣятельность по расширенію сѣти метеорологическихъ наблюденій на южной окраинѣ нашего отечества.

Обширный и обстоятельный трудъ генерала Тилло даетъ, по отзыву рецензента, полную картину современнаго состоянія ученія о распредѣленіи давленія на огромномъ пространствѣ Европейской Россіи и Азіатскаго материка. Вопросъ, подвергнутый изслѣдованію, потребовалъ отъ автора цѣлой массы подготовительной работы и длиннаго ряда цифровыхъ данныхъ, и дѣйствительно, книга г. Тилло составлена на основаніи огромнаго наблюдательнаго матеріала, обусловившаго неимоверныя усилія для вычисленій и контроля. Матеріалъ этотъ разработанъ авторомъ крайне разносторонне. Въ сочиненіи г. Тилло не только изученъ самый вопросъ о распредѣленіи средняго давленія атмосферы, но значительное вниманіе удѣлено и изслѣдованію крайнихъ отклоненій. Законы распредѣленія давленія авторъ постепенно связываетъ съ законами распредѣленія температуры, пользуясь извѣстнымъ сочиненіемъ академика Вильда „О температурахъ Россійской имперіи“, и дополняетъ недостающіе элементы цѣлымъ рядомъ самостоятельныхъ вычисленій. Съ цѣлью сдѣлать добытые выводы возможно болѣе наглядными, г. Тилло приложилъ къ книгѣ единственный въ своемъ родѣ, по богатству и разнообразію, атласъ чертежей и построеній, въ которомъ насчитывается 69 отдѣльныхъ картъ на 13 листахъ большаго формата.

Разсмотрѣніе книги генерала Тилло приводитъ профессора Клоссовскаго къ слѣдующимъ выводамъ о ея достоинствахъ:

Въ трудѣ г. Тилло усматривается:

- 1) Точное и обстоятельное изложеніе современнаго состоянія ученія о распредѣленіи давленія на основаніи работъ предшественниковъ г. Тилло.
- 2) Строгий контроль и крайне разносторонняя разработка обширнаго наблюдательнаго матеріала.
- 3) Разработка не только среднихъ, но и крайнихъ величинъ давленія.
- 4) Стремленіе связать изученіе давленія съ изслѣдованіями температуры.
- 5) Попытка опредѣлить перегибы въ годовомъ ходѣ давленія въ связи съ таковыми же точками для температуры.

6) Рѣдкое по богатству и разнообразію картографическое приложеніе въ формѣ атласа.

Что касается наиболѣе существенныхъ новыхъ фактовъ, вносимыхъ г. Тилло въ науку, то, по словамъ рецензента, въ этомъ отношеніи особенное вниманіе на себя обращаютъ:

I. Новыя, наиболѣе соотвѣтствующія дѣйствительному состоянію наблюдательнаго матеріала, карты изобаръ какъ годовыхъ, такъ и мѣсячныхъ.

II. Указаніе тѣхъ путей, по которымъ проходитъ постепенное перемѣщеніе такъ-называемыхъ полугодовыхъ и мѣсячныхъ циклоновъ и антициклоновъ; опредѣленіе центровъ энергій.

III. Изслѣдованіе хода и географическаго распредѣленія крайнихъ отклоненій давленія.

IV. Сопоставленіе, какъ для среднихъ, такъ и для крайнихъ, хода и географическаго распредѣленія давленія и температуры,

и V. Констатировка и практическое примѣненіе факта о равномерномъ распредѣленіи давленія въ іюнѣ и іюлѣ на пространствахъ Россійской имперіи.

Сопоставляя указанныя достоинства книги г. Тилло съ не многочисленными ея недостатками, преимущественно редакціоннаго характера, профессоръ Клоссовскій приходитъ къ тому окончательному заключенію, что работа г. Тилло о распредѣленіи давленія должна быть причислена къ выдающимся, какъ по обширности плана, такъ и по исполненію. Мемуаромъ о распредѣленіи давленія г. Тилло, извѣстный уже ученому міру своими капитальными изслѣдованіями объ орографіи Россіи и земномъ магнетизмѣ, вноситъ новый, весьма цѣнный, вкладъ въ науку.

По присужденіи премій коммиссія положила выразить глубокую признательность отъ имени Академіи постороннимъ ученымъ, существенно способствовавшимъ къ правильному разрѣшенію самой задачи коммиссіи своими рецензіями, нерѣдко требовавшими самостоятельныхъ изысканій въ области предмета разсматривавшихся соискательныхъ сочиненій.

Почтенные ученые, оказавшіе намъ эту не маловажную услугу, суть:

Членъ-корреспондентъ Академіи Илар. Ал. Чистовичъ, членъ консультациіи министерства юстиціи Пав. Андр. Муловъ, профессора военно-медицинской академіи Алекс. Ив. Лебедевъ, Ник. Ив. Быстровъ и Вас. Алекс. Ратимовъ, профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Ник. Ив. Карѣевъ, профессоръ Лѣснаго

института Л. В. Ходскій, профессоръ С.-Петербургской консерватори Сакетти, профессоръ Императорскаго Московскаго университета Ром. Фед. Брандтъ, профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Алекс. Вас. Романовичъ - Славатинскій, профессора Императорскаго Харьковскаго университета Амф. Степ. Лебедевъ, Мар. Ст. Дриновъ, Конст. Алекс. Андреевъ и Вас. Карл. Надлеръ, профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Алекс. Викт. Клоссовскій и профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Ив. Порф. Филевичъ.

II.

Отчетъ о тридцати третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова ¹⁾.

Въ настоящемъ году въ соисканіи наградъ графа Уварова приняли участіе восемь сочиненій, въ томъ числѣ три, отложенныхъ отъ предыдущаго конкурса.

Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій и постановленія о нихъ приговора, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, конференціею Академіи была назначена, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, коммиссія, въ составъ которой вошли г. академики: А. О. Вычковъ, М. И. Сухомлиновъ, В. Г. Васильевскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, А. А. Купикъ, Л. П. Майковъ и П. О. Дубровинъ.

Ознакомившись съ переданными на ея оцѣнку сочиненіями, коммиссія для ближайшаго разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить разборы конкурсныхъ сочиненій къ установленному для сего сроку.

По истеченіи срока коммиссія оказалась вынужденною одно сочиненіе отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, за неполученіемъ рецензій отъ лица, принявшаго на себя его разсмотрѣніе, и затѣмъ, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ конкурсныхъ трудовъ, присудила пятерымъ изъ нихъ малыя преміи, въ 500 р. каждая.

---

¹⁾ Читанъ въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1891 года непремѣннымъ секретаремъ Академіи А. А. Штраухомъ.

I.

Организации прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованій. Исслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго.

По приглашенію Академіи, сочиненіе это рассмотрѣно приватъ-доцентомъ Императорскаго Московскаго университета П. Н. Миллюковымъ въ интересной и обширной рецензій, опирающейся на самостоятельномъ изученіи источниковъ.

Книга А. С. Лаппо-Данилевскаго, по отзыву ученаго рецензента, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ явленій въ русской исторической литературѣ послѣдняго времени и основана на обильномъ и важномъ, доселѣ почти не тронутомъ, матеріалѣ.

Дѣйствительно, исторія русскаго государственнаго хозяйства до настоящаго времени мало еще изучена, а небольшое число работъ, появившихся въ этой области, во первыхъ, преслѣдуютъ преимущественно спеціально-техническія задачи, во вторыхъ, написаны уже лѣтъ тридцать тому назадъ и, третьихъ, основаны на очень скудномъ и исключительно печатномъ матеріалѣ. Конечно, нельзя утверждать, чтобы авторъ разбираемой книги не имѣлъ предшественниковъ: вопросы государственнаго хозяйства на столько выдвигались впередъ самою жизнью XVII вѣка, что съ ними считались всѣ наиболее крупныя работы по исторіи учреждений, ибо эту послѣднюю всего болѣе и интересовались лучшіе изъ нашихъ изслѣдователей послѣдняго тридцатилѣтія; мало того, выдающіеся историки, въ родѣ гг. Чичерина, Градовскаго, подготовили путь къ самой разработкѣ русской финансовой исторіи. Но, по словамъ г. Миллюкова, заслуга, неотъемлемо принадлежащая г. Лаппо-Данилевскому, заключается въ томъ, что вопросы государственнаго хозяйства Московской Руси являются у него центральнымъ предметомъ изученія; въ книгѣ его финансовая исторія Россіи разсматривается въ связи съ *общей* государственною жизнью нашего отечества: эта черта и составляетъ особенность темы г. Лаппо-Данилевскаго по отношенію съ одной стороны къ историкамъ-юристамъ, а съ другой стороны—къ изслѣдованіямъ спеціально-финансоваго характера.

Финансовый строй XVII в. автору рисуется какъ „особо типичная система устойчивыхъ взаимоотношеній“, но, по мнѣнію рецензента, заглавіе книги далеко не совпадаетъ съ ея содержаніемъ: объясняется это тѣмъ, что авторъ отнюдь не ограничился организаціею обложенія,

но представилъ также социальный составъ общества по отношенію къ податнымъ обязанностямъ разныхъ его слоевъ. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что содержимое въ книгѣ не подходитъ и подъ терминъ „прямаго обложенія“; хотя авторъ, повидимому, и пытался ограничить свою задачу изученіемъ такъ-называемыхъ оцѣночныхъ налоговъ, но рамками послѣднихъ особенно не стѣснялся и зачастую касался такихъ финансовыхъ явленій, которыя едва ли могутъ быть подводимы подъ понятіе налоговъ вообще.

Изучая систему „устойчивыхъ взаимоотношеній“ со стороны формальной и ея организацію, г. Лаппо-Данилевскій, по словамъ г. Милюкова, даетъ въ книгѣ „не финансовую исторію XVII вѣка, а именно финансовую систему, — не процессъ, но устройство“; эта попытка сгруппировать матеріалъ въ порядкѣ функціонирования финансового строя, по отзыву рецензента, не вполне удалась автору, прежде всего по невозможности умѣстить въ поставленные имъ себѣ рамки собранный запасъ данныхъ. Такъ, совсѣмъ за порогомъ предначертаннаго плана оказалась глава о податныхъ классахъ, имѣющая какъ бы вступительный характеръ. Вторая глава болѣе отвѣчаетъ плану за однимъ, впрочемъ, исключеніемъ. Въ ней изучается первый моментъ функціонирования: раскладка податей, что въ свою очередь распадается на два момента: подготовительный, именно составленіе переписей и опредѣленіе на основаніи ихъ той податной единицы, которою будетъ измѣряться податная способность субъекта; поэтому здѣсь едва ли у мѣста описаніе составленія отчетовъ и смѣтъ по взиманію налоговъ; этотъ моментъ несравненно удобнѣе было бы рассмотреть какъ заключительный, которымъ завершается финансовый круговоротъ. Въ той же главѣ очерченъ и моментъ *исполнительный*, заключающійся въ мірской раскладкѣ податей въ предѣлахъ окладныхъ единицъ, установленныхъ правительствомъ. Третья глава сочиненія посвящена взиманію податей; здѣсь излагается дѣятельность выборныхъ и правительственныхъ органовъ по взиманію и затѣмъ движеніе податныхъ суммъ изъ областныхъ въ центральныя учрежденія. Отсюда естественный переходъ къ центральнымъ учрежденіямъ, но авторъ вторично впадаетъ въ нарушеніе плана, вводя сюда главу четвертую о личныхъ повинностяхъ и натуральныхъ сборахъ. Въ послѣдней, пятой, главѣ авторъ возвращается къ своей системѣ и останавливается на заключительномъ моментѣ функціонирования, то-есть, на распредѣленіи поступленій по центральнымъ учрежденіямъ.

Изъ приведеннаго перечня содержанія изслѣдованія г. Лаппо-Данилевскаго видно, какъ неудачно выбранъ самый планъ сочиненія: автору пришлось различныя части функционирующаго механизма изображать попутно и при томъ только какъ бы по поводу ихъ функционированія; благодаря этому изображеніе областной финансовой администраціи разбивается между отдѣлами о раскладѣ и о взиманіи. Раздробивъ эту не осуществившуюся, хотя и необходимую, главу по всему сочиненію, авторъ въ концѣ концовъ оказался вынужденнымъ нарушить органическій планъ и ввести въ сочиненіе главу 4-ю, трактующую, какъ мы имѣли случай указать, о личныхъ повинностяхъ и натуральныхъ сборахъ.

За всѣмъ тѣмъ, если архитектоника изслѣдованія г. Лаппо-Данилевскаго и представляется рецензенту далеко не удавшеюся, онъ ни мало не отрицаетъ у автора и большихъ заслугъ.

Къ разработкѣ своей темы А. С. Лаппо-Данилевскій, по отзыву рецензента, приступилъ съ весьма солидною подготовкою. Какъ видно изъ книги, авторъ основательно знакомъ съ современной финансовой теоріей и съ важнѣйшими сочиненіями по финансовой исторіи разныхъ странъ Европы и обнаруживаетъ на каждой страницѣ замѣчательную эрудицію и начитанность въ области русскихъ печатныхъ источниковъ. Въ особенную же заслугу доцентъ Милюковъ ставитъ автору, преимущественное передъ его предшественниками, обширное знакомство съ рукописными источниками, хранящимися въ Московскихъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, министерства юстиціи и въ С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ; только на основаніи этихъ рукописныхъ данныхъ и могли быть разработаны цѣлые отдѣлы и при томъ самыя цѣнные въ разсматриваемой книгѣ.

Такимъ образомъ, авторъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы поставить себя въ наилучшія условія для успѣха предпринятой работы. Если, не смотря на это, результаты работы, по отзыву г. Милюкова, подтверждаемому рядомъ спеціальныхъ доказательствъ, не всегда оказываются безупречными, то причины слѣдуетъ искать не въ обстоятельствахъ работы, а въ самомъ ходѣ ея выполненія.

Указываемые недостатки, впрочемъ, самъ рецензентъ признаетъ второстепенными, такъ какъ они имѣютъ главнымъ образомъ методическое свойство, а въ заключеніе своего обстоятельнаго разбора онъ заявляетъ, что „изслѣдованіе А. С. Лаппо-Данилевскаго, какъ по количеству и новизнѣ собраннаго матеріала, такъ и по цѣнности многихъ выводовъ автора, составляетъ крупный шагъ впередъ въ изуче-

ніи русской финансовой исторіи и можетъ быть признано вполне заслуживающимъ преміи графа Уварова“.

II.

Власть Московскихъ государей. Сочиненіе *М. Дьяконова*.

Въ виду спеціального характера этого сочиненія Академія обращалась съ просьбою о составленіи рецензіи на него къ извѣстному знатоку исторіи русскаго права, директору Ярославскаго юридическаго лицея, профессору С. М. Шпилевскому, который составленнымъ подробнымъ отзывомъ существенно способствовалъ разъясненію значенія книги г. Дьяконова.

Г. Дьяконовъ задачей своего труда поставилъ вопросъ о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти московскихъ государей. Вопросъ этотъ авторъ справедливо считаетъ еще не окончательно выясненнымъ, хотя не можетъ подлежать спору то положеніе, что самая идея самодержавной власти заимствована изъ Византіи.

Для подробнаго выясненія послѣдняго положенія, по мнѣнію г. Дьяконова, необходимо прослѣдить, чрезъ посредство какихъ литературныхъ и юридическихъ памятниковъ русская публицистическая литература успѣла ознакомиться съ византійскими государственными идеями и что изъ нихъ она затѣмъ позаимствовала.

Этой работы авторъ, впрочемъ, далеко не исчерпываетъ, не обладая спеціальною для того подготовкою византиниста, и ставитъ себѣ болѣ скромную задачу „дать этимъ трудомъ только возможность нѣсколько ориентироваться въ данномъ вопросѣ“.

Построеніе плана своего изслѣдованія и раздѣленіе его на главы авторъ основываетъ на положеніи, что подъемъ русскаго политическаго самосознанія, наблюдаемый съ половины XV в. послѣ флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи, долженъ найти себѣ объясненіе въ исторіи церковныхъ и политическихъ отношеній древней Руси къ Византіи. Въ первой главѣ авторъ представляетъ очеркъ этой исторіи на основаніи результатовъ, добытыхъ ученою критикой. Во второй главѣ дѣлается сводъ главнѣйшихъ политическихъ ученій, какія приводились въ древне-русской письменности до половины XV в. Въ этихъ главахъ авторъ задается цѣлью указать, съ одной стороны, почему до паденія Византійской имперіи въ исторіи русской мысли не замѣчается попытокъ къ проведенію самостоятельныхъ политическихъ задачъ или къ выясненію національныхъ политиче-

скихъ цѣлей, а съ другой — объяснить быстроту въ развитіи политическаго русскаго самосознанія съ половины XV вѣка. Третья глава имѣетъ своимъ содержаніемъ политическія слѣдствія для Руси флорентійской унии и паденія Византійской имперіи, — а именно подъемъ русскаго политическаго самосознанія; четвертая глава посвящается теоріи власти московскихъ государей. Наконецъ, послѣднія двѣ главы указываютъ на нѣкоторые примѣненія, слѣданныя московскимъ правительствомъ въ XV и XVI вѣкахъ изъ новыхъ политическихъ учений и являются какъ бы дополненіемъ къ основной темѣ изслѣдованія о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти московскихъ государей.

По словамъ профессора Шпилевскаго, авторъ въ своей задачѣ имѣлъ бы право остановиться на четвертой главѣ; тогда бы и самое изслѣдованіе получило надлежащую цѣльность и законченность; присоединеніе же къ изслѣдованію двухъ дополнительныхъ главъ, которыя лишь указываютъ „нѣкоторыя“, по выраженію автора, примѣненія изъ новыхъ политическихъ учений, придаетъ всей работѣ видъ неоконченности и естественно заставляеть читателя ожидать, что вслѣдъ за указаніемъ измѣненія въ отношеніяхъ московскихъ государей къ ихъ слугамъ, авторомъ будутъ разобраны и отношенія московскихъ государей къ остальному населенію ихъ государства въ XV и XVI вѣкахъ.

По отношенію къ главному вопросу изслѣдованія г. Дьяконова, о возникновеніи и развитіи власти московскихъ государей, замѣчаетъ ученый рецензентъ, нельзя не имѣть въ виду весьма существеннаго факта, упущеннаго авторомъ изъ вниманія: въ развитіи идеи самодержавія могучимъ факторомъ было именно то, что московское государство явилось осуществителемъ исконнаго чаянія русскаго народа — единства русской земли. На это указалъ впервые, по поводу книги г. Дьяконова, нашъ почтенный товарищъ академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ; подобное же говоритъ и И. Е. Забѣлинъ: онъ признаеть, что развитіе московскаго единодержавія въ сущности есть развитіе народнаго единства, что изъ московской завитной мысли и всенародной заповѣди, „жить за одинъ“, послѣдовательно и органически развивались всѣ новыя потребности и новыя задачи народной жизни. Наконецъ, историкъ развитія русской самодержавной власти, профессоръ Романовичъ-Славатинскій, говоритъ, что „усиливать значеніе татарщины для развитія московскаго единодержавія, какъ это дѣлалъ покойный Костомаровъ, такое же историческое заблужденіе, какъ и

придавать чрезмѣрное значеніе вліанію византійскому, по примѣру г. Пыпина. Оба элемента, конечно, имѣли свою долю вліанія, но тѣмъ не менѣе русское государство съ русскимъ самодержцемъ во главѣ — органическое, самопроизвольное созданіе русскаго народа*. Подобныя указанія на то, что могло бы служить важнымъ и полезнымъ дополненіемъ и объясненіемъ главнаго вопроса разбираемаго изслѣдованія г. Дьяконова, весьма, разумѣется, цѣнны, но, по мнѣнію профессора Шпилевскаго, было бы несправедливо умалять достоинства изслѣдованія г. Дьяконова на основаніи отсутствія въ немъ объясненія тѣхъ вопросовъ, которые можно признать важными и стоящими въ близкой связи съ вопросами, составляющими задачу изслѣдованія, но оставленіе которыхъ безъ объясненія не составляетъ существеннаго ущерба для исполненія принятой авторомъ на себя задачи.

Переходя къ оцѣнкѣ того новаго, что внесено авторомъ въ разсматриваемые имъ вопросы, путемъ разбора и повѣрки по первоначальнымъ источникамъ всего высказаннаго въ нашей литературѣ, профессоръ Шпилевскій признаетъ, что авторъ поставилъ для своего изслѣдованія задачу, полезную для отечественной исторіи, и что выполнение этой задачи у г. Дьяконова выразилось въ ученомъ трудѣ, соответствующемъ требованіямъ науки и критики и способствующемъ къ уясненію предмета, на сколько то возможно при наличности имѣющихся источниковъ.

Авторъ, по отзыву почтеннаго рецензента, помимо всѣхъ извѣстныхъ до него источниковъ по данному вопросу, воспользовался и новыми рукописными, а самое отношеніе автора къ источникамъ нельзя не признать вполне добросовѣстнымъ: „авторъ отличается тщательнымъ изученіемъ источниковъ, осторожностью и вѣрностью выводовъ изъ нихъ“.

Находя, что въ лицѣ автора изслѣдованія „Власть московскихъ государей“ наша литература обогащается новымъ талантливымъ и добросовѣстнымъ дѣятелемъ, отъ котораго можно ожидать дальнейшихъ существенныхъ вкладовъ въ науку, профессоръ Шпилевскій признаетъ вполне справедливымъ поощрить молодаго ученаго удостоеніемъ его изслѣдованія награды графа Уварова.

III.

Изъ исторіи Угрии и славянства въ XVII в. Сочиненіе К. Я. Црома.

Разсмотрѣніе этого сочиненія принялъ на себя нашъ почтенный товарищъ, извѣстный византинистъ В. Гр. Васильевскій. Въ пред-

ставленной имъ рецензіи академикъ Васильевскій характеризуетъ значеніе названнаго сочиненія въ слѣдующихъ словахъ: „Авторъ, говоритъ, онъ — одинъ изъ выдающихся славистовъ школы В. И. Ламанскаго, въ настоящее время профессоръ Варшавскаго университета, — давно избралъ исторію Венгріи своею ближайшею спеціальностью, руководясь справедливымъ убѣжденіемъ въ необходимости внимательной разработки ея русскими учеными. Извѣстенъ его большой трудъ, изданный около десяти лѣтъ тому назадъ подъ заглавіемъ *Моравія и Мадьяры* и снискавшій ему почетную и прочную ученую репутацію. Тогда изслѣдованіе было посвящено первоначальной исторіи мадьярскаго племени до водворенія его среди славянскаго населенія въ средне-дунайской равнинѣ, въ старинной Панноніи, въ началѣ X вѣка. Минувъ два съ половиною столѣтія, К. Я. Гротъ обратился теперь къ срединѣ XII вѣка, избравъ задачей своей новой работы изученіе 30-лѣтняго періода, обнимающаго правленіе двухъ королей Арпадова дома: Гейзы II (1141—1161) и Стефана III (1164—1173) съ нѣсколькими годами смутнаго времени въ промежуткѣ. Можетъ показаться, что такой выборъ темы представляетъ нѣкоторое отклоненіе отъ естественной послѣдовательности въ спеціальныхъ занятіяхъ автора исторію Угріи, но напрасно было бы упрекать за это ученаго, который можетъ сослаться на личное предрасположеніе, какъ то г. Гротъ и дѣлаетъ въ предисловіи. Сверхъ того, онъ оправдываетъ свой выборъ выдающимся интересомъ, какой означенная выше эпоха представляетъ не только съ точки зрѣнія внутренняго развитія самой Угріи, но и съ точки зрѣнія византійскихъ, славянскихъ и, въ частности, русскихъ отношеній*.

По мнѣнію рецензента, „вообще слѣдуетъ признать, что сколько бы ни было поводовъ къ несогласію съ авторомъ относительно его общихъ взглядовъ, его добросовѣстность и основательность не подлежатъ сомнѣнію. На фактическую сторону въ его книгѣ вполне можно положиться. Авторъ стремился къ установленію наиболѣе точнаго представленія о всѣхъ подробностяхъ въ ходѣ дѣлъ политическихъ и военныхъ. Такъ какъ въ повѣствованіи источниковъ о походахъ Мануила встрѣчаются любопытныя черты, касающіяся распространенія и географическихъ границъ племенъ русскаго и румынскаго, то К. Я. Гротъ попутно занимается и вопросами исторической географіи. Изслѣдованіе отъ начала до конца основано на всестороннемъ и полнымъ изученіи источниковъ венгерскихъ, византійскихъ, западныхъ, латинскихъ и русскихъ: обзорнѣю ихъ посвящено пространное при-

ложение, гдѣ при томъ перепечатаны недавно отысканныя письма одной Угорской принцессы съ переводомъ ихъ на русскій языкъ".

„Въ слишкомъ отчетливыхъ чертахъ, по словамъ академика Васильевскаго, рисуется историческому чутью автора присутствіе въ угорскомъ государствѣ XII вѣка политической компактной сферы, особой народной славянской партіи, которая опирается на инстинктивные стремленія славянской массы, входящей въ составъ государства, сохраняетъ преданія старой вѣры, то-есть, полученнаго изъ Византіи православія, обнаруживаетъ чуткую оппозицію къ западнойской политикѣ того или другаго короля".

Хотя объ этой партіи и много говорится въ сочиненіи, но академикъ Васильевскій признается, что какъ составъ, такъ и органическія связи этой партіи съ народными массами остались для него не ясными и проблематичными, можетъ быть, вслѣдствіе того, что авторъ въ своемъ введеніи не даетъ картины внутренняго состоянія Угрии въ первой половинѣ XII вѣка. Наконецъ, недостаткомъ не только изложенія, но и метода, по мнѣнію ученаго рецензента, пужно считать у г. Грота „особаго рода ложный прагматизмъ, заключающійся въ стремленіи разъяснить причины и связь явленій не группировкою самыхъ фактовъ, не сдержаннымъ намекомъ въ случаѣ нужды внимательному читателю, а особенными гипотетичными соображеніями о настроеніи, видахъ и побужденіяхъ дѣйствующихъ лицъ, о содержаніи ихъ взаимныхъ разговоровъ даже при встрѣчахъ, только предполагаемыхъ"....

Въ заключеніе рецензентъ, основываясь на общихъ достоинствахъ книги и близкомъ отношеніи ея содержанія къ славянской и русской исторіи, признаетъ справедливымъ присудить профессору К. Я. Гроту малую Уваровскую награду.

IV.

МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ ПО СТАРИННОЙ СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. Сочиненіе профессора *М. Соколова*.

Разборъ этого сочиненія составленъ дѣйствительнымъ членомъ нашей Академіи И. В. Ягичемъ.

Значеніе рассматриваемаго труда нашъ почтенный товарищъ характеризуетъ слѣдующими словами: „Если въ теченіе послѣдняго десятилѣтія обогащенія новыми текстами не появлялись въ Россіи уже столь часто и обильно, какъ прежде, за то научныя изслѣдованія самаго содержанія, попытки осмыслить его и примѣнить къ освѣщенію

памятниковъ народнаго творчества приняли какъ разъ въ это время очень внушительные размѣры. Богатствомъ добытыхъ результатовъ изслѣдованія подобнаго рода представляютъ чуть ли не самую блестящую страницу русской научной дѣятельности за послѣднее время. Едва ли нужно напоминать, что передовымъ здѣсь дѣятелемъ является нашъ достоуважаемый сочленъ А. Н. Веселовскій, сосредоточивающій въ своихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ этому предмету, громадную эрудицію по всѣмъ средневѣковымъ литературамъ востока и запада. Труды его являются для всѣхъ современныхъ изслѣдователей не только у славянъ, но и на западѣ Европы, неисчерпаемымъ источникомъ всесторонняго поученія*.

Къ числу новыхъ сотрудниковъ въ этой области применилъ въ послѣднее время и авторъ вышеназваннаго сочиненія, нынѣшній профессоръ Московскаго университета М. И. Соколовъ. Сочиненіе его, представленное на соисканіе Уваровскихъ наградъ, обращаетъ на себя вниманіе уже тѣмъ, что въ немъ соединяются обѣ стороны вопроса, подлежащаго дальнѣйшей научной разработкѣ. Оно обогащаетъ русскую литературу важными источниками, доказывающими вновь чрезвычайное богатство церковно-славянской литературы въ апокрифическихъ текстахъ. Напечатанные г. Соколовымъ матеріалы бросаютъ, кромѣ того, новый свѣтъ на литературное общеніе и взаимность, существовавшія съ раннихъ временъ между южными славянами (болгарами, сербами) и Россією. Но сочиненіе профессора Соколова не ограничивается этимъ вкладомъ въ науку, хотя онъ, уже самъ по себѣ, достоинъ полнѣйшаго признанія; оно присоединяетъ къ напечатаннымъ текстамъ еще довольно много пояснительныхъ замѣтокъ и остроумныхъ соображеній для критической и литературной оцѣнки напечатанныхъ памятниковъ. Стало быть, рядомъ съ изданіемъ новыхъ текстовъ получается тутъ же научное изслѣдованіе предмета, содержаемаго въ напечатанныхъ памятникахъ*.

Главнымъ матеріаломъ для разбираемаго труда профессору Соколову послужилъ старинный рукописный сборникъ, принадлежащій профессору Великой школы въ Бѣлградѣ Панѣ С. Сречковичу.

Займствованные изъ этого сборника тексты напечатаны у профессора Соколова *in extenso* и, по удостовѣренію академика Ягича, имѣвшаго подлинникъ въ своихъ рукахъ, сдѣлано это строка въ строку, буква въ букву—съ палеографическою аккуратностью, оправдываемою сравнительною древностью рукописи. Что касается историко-литературнаго разбора текстовъ, сосредоточивающагося главнымъ образомъ

около сказанія о крестномъ древѣ по той редакціи, какая присвоивается попу Іереміи, то, по мнѣнію академика Ягича, авторъ здѣсь очутился въ лично для себя не выгодномъ положеніи, такъ какъ большая часть затрогиваемыхъ текстами предметовъ уже разработана предыдущими изслѣдователями и между ними болѣе всего академикомъ А. Н. Веселовскимъ; поэтому г. Соколову оставалось отыскивать такія стороны подлежащихъ обсужденію вопросовъ, какія раньше или совсѣмъ не были затронуты, или не были объяснены достаточно удовлетворительно.

Подробное разсмотрѣніе сочиненія профессора Соколова приводит рецензента къ тому заключенію, „что богатое содержаніе новыхъ текстовъ, подробный анализъ cadaго изъ нихъ, и въ особенности остроумныя соображенія о происхожденіи апокрифическаго сказанія о крестномъ древѣ представляютъ этотъ трудъ въ такомъ видѣ, что онъ безусловно достоинъ награжденія одною изъ премій, находящихся въ распоряженіи Академіи“.

V.

Города Московскаго государства въ XVI в. Сочиненіе *Н. Д. Чечулина*.

Членъ-корреспондентъ академіи, профессоръ Московскаго университета В. О. Ключевскій, принявшій на себя съ предупредительною готовностью трудъ составленія рецензій на изслѣдованіе г. Чечулина, представилъ о немъ отчетъ, въ которомъ, дѣлая оцѣнку названнаго сочиненія, свидѣтельствуетъ, что оно представляетъ двойной интересъ, собственно историческій и методологическій: первый заключается въ предметѣ изслѣдованія, второй въ его матеріалѣ.

По свойству явленій, на которыя обращено особенное вниманіе автора, трудъ его можно назвать изслѣдованіемъ о социально-экономическомъ положеніи городовъ въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка. Основнымъ источникомъ для этого послужили автору *писцовыя книги*. Социально-экономическое положеніе городского населенія, по отзыву почтеннаго рецензента, едва ли не наименѣе изученный вопросъ въ исторіи древне-русскаго города, и потому задача автора сама по себѣ—независимо отъ постановки, какая дана ей въ книгѣ,—можетъ быть признана очень удачною, какъ рассчитанная на восполненіе замѣтнаго пробѣла въ русско-исторической литературѣ. Писцовыя книги, по характеру своему, требуютъ особыхъ приѣмовъ изученія, и отъ удачнаго выбора этихъ приѣмовъ существенно зависитъ самый успѣхъ раз-

рѣшенія тѣхъ вопросовъ, на которые онѣ дадутъ отвѣтъ. Между тѣмъ въ изученіи этого источника еще не установились твердые, общепризнанные и испытанные приемы, хотя и имѣются такіе удачные опыты обработки отдѣльныхъ вопросовъ по названнымъ источникамъ, какъ извѣстные труды гг. Перетятковича и Соколовскаго. Поэтому, говоритъ В. О. Ключевскій, „слѣдя за любопытными данными, извлеченными г. Чечулинымъ изъ этого источника, невольно присматриваешься и къ тому, какъ опъ это сдѣлалъ; его методика не остается безъ вліянія на дальнѣйшую разработку писцовыхъ книгъ. Самъ авторъ такъ ставитъ и такъ разрѣшаетъ свою задачу, что методологическій интересъ его труда выдвигается даже на первый планъ: авторъ подвергаетъ матеріалъ, заключающійся въ писцовыхъ книгахъ, подробному разбору, группируетъ, сопоставляетъ и истолковываетъ данныя и какъ бы заставляетъ читателя присутствовать при этой работѣ; благодаря этимъ же приемамъ его изслѣдованіе о городахъ по писцовымъ книгамъ можно назвать и изслѣдованіемъ о писцовыхъ книгахъ, насколько онѣ касаются городовъ“.

Не касаясь изложенія замѣчаній профессора Ключевскаго объ отдѣльныхъ мѣстахъ книги г. Чечулина, я здѣсь остановлю ваше, милостивые государи, вниманіе лишь на общемъ сужденіи, высказанномъ рецензентомъ о разсмотрѣнной имъ книгѣ. Профессоръ Ключевскій вполне соглашается съ убѣжденіемъ автора въ возможности и полезности изслѣдованія, переработывающаго только данныя писцовыхъ книгъ о городахъ XVI в.; при этомъ однако же необходимо избѣгнуть, сознаваемой, впрочемъ, и самимъ авторомъ, опасности поставить изслѣдованіе въ излишнюю зависимость отъ одного источника. Для г. Чечулина въ частности эта опасность заключалась въ трудности установить отношеніе къ вопросамъ, возбуждаемымъ писцовыми книгами городовъ, но не рѣшаемымъ ихъ указаніями. Чтобы избѣгнуть этого затрудненія, нужно было помощью критическаго изученія источника соразмѣрить постановку задачи со средствами, какія почерпаются изъ него для ея рѣшенія. Но такъ какъ г. Чечулинъ въ своей книгѣ ставитъ себѣ цѣлью разъяснить положеніе городовъ, какъ культурныхъ центровъ, и воспроизводитъ со всею возможною подробностью условія жизни городского жителя, то ему оказывается трудно уже найти такую сторону городской жизни, обойти которую позволяла бы задача, такъ широко и не ясно опредѣленная. Автору приходилось разсмотрѣть жизнь городовъ, во всей полнотѣ ихъ интересовъ и отношеній, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ касаются пис-

цовыя книги, а книги эти далеко не разъясняютъ всего, чего касаются, и не представляютъ достаточно данныхъ для столь сложнаго и многосторонняго изображенія предмета. Такъ, напримѣръ, описывая церкви, древне-русскіе писцы пересчитывали и книги, въ нихъ находившіяся; но точному „опредѣленію тогдашняго уровня умственнаго развитія и знанія“ едва ли много поможетъ то, что въ церквахъ нѣкоторыхъ городовъ г. Чечулинъ этимъ путемъ открылъ по описанію не менѣе 2.000 книгъ (стр. 312). Побуждаемый широкими требованиями задачи, авторъ нерѣдко ставитъ вопросы, для удовлетворительнаго рѣшенія которыхъ не находится однако же достаточно данныхъ ни въ самомъ источникѣ, ни въ распоряженіи автора. Между тѣмъ среди опредѣленной задачи, какія у г. Чечулина встрѣчаются въ предисловіи и введеніи, есть одно, по отзыву рецензента, наиболее соответствующее и свойству его основнаго источника, и самому плану его труда. „Наше изслѣдованіе, пишетъ г. Чечулинъ (стр. 12), есть главнымъ образомъ собраніе, группировка и разборъ данныхъ, представляемыхъ писцовыми книгами“. Въ зависимости отъ этого, нѣкоторые вопросы г. Чечулинъ и обѣщаетъ разобрать весьма подробно, другіе по недостатку свѣдѣній менѣе подробно, а третьихъ, — можно было бы прибавить, и вовсе не касаться, какъ не входящихъ въ составъ задачи, такъ поставленной.

Положительные результаты, которыхъ добился авторъ и которые придаютъ научную цѣну его книгѣ, прямо отвѣчаютъ именно на эту задачу; эти результаты, тѣсно связанные съ планомъ изслѣдованія, рецензентъ характеризуетъ въ слѣдующихъ чертахъ. Авторъ поступилъ очень обдуманно и цѣлесообразно, распредѣливъ свой матеріалъ географически, по мѣстностямъ, а не по разнымъ сторонамъ городского быта. Онъ разбираетъ сначала данныя объ отдѣльныхъ городахъ и только въ послѣдней главѣ даетъ общій разносторонній очеркъ городовъ. Сохранившійся запасъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка далъ автору возможность расположить въ своемъ обзорѣ описываемые ими города полосами по направленію съ сѣверо-запада къ юго-востоку. Авторъ разсматриваетъ сначала новгородскіе пригороды и городъ Торопецъ вмѣстѣ съ Устюжной, потомъ пригороды псковскіе, торгъ и промысловыя заведенія города Пскова, далѣе города, ближайшіе къ Москвѣ, и, наконецъ, города по южной и юго-восточной окраинѣ государства. Неожиданныя сочетанія въ группировкѣ въ родѣ того, что Муромъ оказывается, напримѣръ, въ группѣ городовъ, ближайшихъ къ Москвѣ, а города, какъ Зарайскъ, Тула, Рязань, ближе

лежащія въ Москвѣ, относятся къ крайней группѣ, не вредятъ перспективѣ изслѣдованія. Наблюдая въ каждой полосѣ количество городского населенія, его общественный составъ, численныя отношенія составныхъ частей или классовъ, занятія и повинности городскихъ жителей, землевладѣніе, торговлю, ремесла и промысловыя заведенія въ городахъ, г. Чечулинъ, по отзыву рецензента, не только тщательно выбираетъ изъ своего источника черты, изображающія городъ со всѣхъ этихъ сторонъ, но и слѣдитъ за тѣмъ, какъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ различались между собою города разныхъ полосъ, а равно дѣлаетъ и попытку объяснить происхожденіе этихъ различій. Такъ, помощью подробныхъ, иногда микроскопическихъ наблюденій постепенно обозначились въ изслѣдованіи г. Чечулина мѣстные типы городовъ. Итоги отдѣльныхъ наблюденій надъ социальнымъ составомъ, экономическимъ положеніемъ и мѣстными особенностями городовъ сведены въ заключительной главѣ сочиненія, которая представляетъ общій очеркъ положенія городовъ въ Московскомъ государствѣ XVI в.

Подробное разсмотрѣніе сочиненія г. Чечулина приводитъ профессоръ Ключевскаго къ тому заключенію, что разобранное имъ изслѣдованіе—трудъ добросовѣстный, основанный на внимательномъ изученіи мало тронутаго источника, стоившій усиленной борьбы съ его трудностями и большой черновой работы надъ нимъ, дающій читателю не мало цѣнныхъ, освѣщающихъ предметъ фактовъ и еще больше матеріала для выводовъ, могущихъ усилить это освѣщеніе. „Думаемъ, говоритъ ученый рецензентъ въ заключеніи своего отзыва, что эти качества изслѣдованія, не смотря на нѣкоторое несоотвѣтствіе его задачи средствамъ и на признаки нѣсколько поснѣпшаго его изданія, даютъ достаточное основаніе удостоить книгу г. Чечулина искомой преміи“.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе премій, коммиссія при-
нуждена была ограничиться удостоеніемъ лишь вышеозначенныхъ
пяти сочиненій: гг. Лаппо-Данилевскаго, Дьяконова, Грота, Соколова
и Чечулина, но въ то же время, усматривая не маловажныя достоин-
ства за двумя еще сочиненіями, гг. Каманина и Чистовича, признала
справедливымъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ ей по
пункту I, § 16 Положенія о наградахъ графа Уварова, и присудила
этимъ двумъ сочиненіямъ *почетные отзывы, но недостатку суммъ
для награжденія ихъ денежными преміями.*

1.

Статистическія данныя о евреяхъ въ юго-западномъ краѣ во второй половинѣ
прошлаго вѣка. (1765—1791 г.). *И. Каманина.*

Разсмотрѣніе этого сочиненія, помѣщеннаго во второмъ томѣ пятой части Архива юго-западной Россіи, изданной въ 1890 году, коммиссія поручила академику К. С. Веселовскому.

Въ озаглавленномъ выше трудѣ г. Каманинъ даетъ въ подлинникѣ, на сколько онѣ сохранились, производившіяся при польскомъ правительствѣ переписи еврейскаго населенія юго-западнаго края въ 1765—1791 годахъ, извлеченныя авторомъ изъ актовыхъ книгъ Кіевскаго центрального архива. Эти переписи, занимающія 729 страницъ, съ приложеннымъ къ нимъ весьма полнымъ и подробнымъ указателемъ личныхъ и географическихъ именъ, въ нихъ встрѣчающихся (въ 316 страницъ), составляютъ, по отзыву нашего почтеннаго товарища и рецензента, историческій документъ чрезвычайной важности для изученія быта того края за сто лѣтъ предъ симъ, а въ особенности для разъясненія разныхъ вопросовъ, связанныхъ съ положеніемъ спеціального населенія, до котораго эти переписи относятся. Разсмотрѣнію этихъ вопросовъ и посвящено изслѣдованіе И. М. Каманина, помѣщенное передъ переписями, къ началу перваго тома, и занимающее 239 страницъ. Этотъ самостоятельный и, по своевременности своего появленія, заслуживающій особаго вниманія историческій трудъ, какъ замѣчаетъ академикъ К. С. Веселовскій, вполне соотвѣтствуетъ условіямъ Уваровскаго конкурса.

Изложенію выводовъ изъ собранныхъ статистическихъ матеріаловъ г. Каманинъ предпосылаетъ интересный историческій обзоръ еврейскихъ переписей въ Польскомъ государствѣ и показываетъ, какъ постепенно развивались и совершенствовались приемы и способы статистической регистраціи, при чемъ объясняются причины и условія, вызывавшія потребность въ переписяхъ и обуславливавшія болъшую или меньшую ихъ успѣшность.

Полученныя изъ актовыхъ книгъ статистическія данныя о евреяхъ въ юго-западномъ краѣ за тридцатилѣтіе 1764—1791 г. авторъ подвергаетъ подробному и внимательному разбору и извлекаетъ весьма интересные и поучительные выводы изъ нихъ, что и даетъ ему фактическое основаніе для сужденія ооъ экономическомъ бытѣ евреевъ въ юго-западномъ краѣ и о вліяніи ихъ на христіанское населеніе.

Обращаясь къ вопросу, вытекающему изъ факта представленія труда г. Каманина на соисканіе наградъ графа Уварова, рецензентъ признаетъ изслѣдованіе г. Каманина, какъ трудъ самостоятельный, вносящій въ науку много новыхъ фактовъ, добытыхъ собственными, не легкими архивными разысканіями автора, вполне заслуживающимъ Уваровской награды, такъ какъ трудъ этотъ, составляя существенный вкладъ въ русскую науку, обращаетъ на себя вниманіе, не только по объему своему, но еще болѣе по тому таланту, съ которымъ авторъ, своими разносторонними и учеными комментаріями, сдѣлалъ красно-рѣчивыми сухія статистическія данныя и разъяснилъ ихъ значеніе и пригодность для столь важнаго и современнаго вопроса — каковъ еврейскій.

2.

Второе сочиненіе, удостоенное почетнаго отзыва, принадлежитъ члену-корреспонденту академіи П. А. Чистовичу и, составляя продолженіе многолѣтнихъ его изысканій о судьбахъ здѣшней духовной академіи, носитъ заглавіе:

С.-Петербургская духовная академія за послѣднія 30 лѣтъ. (1858—1888 гг.).

По приглашенію академіи разборъ этого сочиненія составленъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета о. М. И. Горчаковымъ, что и послужило комиссіи основаніемъ для ея приговора объ изслѣдованіи, которымъ г. Чистовичъ вновь обогатилъ нашу церковно-историческую литературу.

Сочиненіе г. Чистовича не снабжено предисловіемъ, гдѣ обыкновенно объясняются цѣль и задача сочиненія, но начинается краткимъ обозначеніемъ плана построенія. Планъ опредѣляется хронологіею и важнѣйшими событіями въ жизни академіи, совершившимися за время, о которомъ говорится въ книгѣ. Въ теченіе этого времени С.-Петербургская духовная академія совершала свою жизнь и дѣятельность подъ дѣйствіемъ трехъ, преемственно смѣнявшихся уставовъ.

Соотвѣтственно тому, что въ теченіе 30 лѣтъ академія жила и дѣйствовала подъ вліяніемъ трехъ уставовъ, и судьба ея въ книгѣ г. Чистовича изображается въ трехъ отдѣлахъ; въ первомъ отдѣлѣ описывается состояніе академіи за время 1858—1869 гг., въ которое она находилась подъ дѣйствіемъ устава 1814 года; во второмъ изображаются ходъ преобразованія академіи по уставу 1869 г. и состояніе ея въ пятнадцатилѣтній періодъ (1869—1884 г.) дѣйствія въ ней

этого устава; въ третьемъ отдѣлѣ, имѣющемъ заглавіе: „Пересмотръ и измѣненіе академическаго устава въ 1884 г.“, сообщаются свѣдѣнія о перемѣнахъ и состояніи академіи за четыре года новѣйшей ея жизни (1884—1888 гг.).

Въ каждомъ изъ трехъ указанныхъ отдѣловъ, по параграфамъ и рубрикамъ, излагаются событія, имѣвшія общее значеніе въ жизни С.-Петербургской духовной академіи за періодъ времени, описываемый авторомъ въ соответственномъ отдѣлѣ, — показываются отличительныя особенности въ ея устройствѣ за то же время, перечисляются перемѣны и особенности въ строѣ ея управленія и учебной части, въ распредѣленіи кафедръ и въ личномъ составѣ преподавателей съ указаніемъ ихъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, — сообщаются свѣдѣнія о студентахъ, а именно: о порядкѣ пріема ихъ въ академію, о ходѣ, порядкѣ и предметахъ ихъ занятій, о производствѣ имъ экзаменовъ, о способахъ ихъ содержанія, приобрѣтеніи ими ученыхъ степеней и о назначеніи ихъ на мѣста. Сверхъ того, въ первомъ отдѣлѣ даются свѣдѣнія о матеріальныхъ средствахъ, которыми академія располагала съ 1869 г. для содержанія преподавателей и студентовъ, о состоявшемъ при академіи цензурномъ комитетѣ и объ академической библиотекѣ; а въ третьемъ — о библиотекѣ, церковно-исторической ея коллекціи и о торжественныхъ, бывшихъ въ академіи собраніяхъ. Въ концѣ книги помѣщенъ „Именный списокъ студентовъ“ двадцати трехъ курсовъ академіи (1853—1888 гг.), съ краткимъ указаніемъ ихъ судьбы въ жизни и печатныхъ трудовъ, ими изданныхъ. Таково содержаніе и построеніе разсматриваемой книги.

Какъ историко-статистическое описаніе, сочиненіе г. Чистовича, по отзыву рецензента, обладаетъ тѣми общими качествами, какія свойственны этого рода литературнымъ произведеніямъ, хорошо составленнымъ: опредѣленностью содержанія, ясностью изложенія, значительною полнотою и повѣствовательнымъ характеромъ собранныхъ объ учрежденіи свѣдѣній и фактовъ, къ нему относящихся, хронологическою послѣдовательностью повѣствованія, обдуманностью въ порядкѣ его расположенія и осмотрительною осторожностью въ передачѣ фактовъ.

Сочиненіе г. Чистовича впервые изображаетъ состояніе С.-Петербургской духовной академіи въ ближайшую къ намъ эпоху (1856—1888 гг.) и, по словамъ о. Горчакова, составлено весьма полно, объективно и ясно, написано съ любовью къ учрежденію, послѣ предварительнаго изученія всей предшествующей его исторіи, и вполне самостоятельно. Трудъ этотъ, несомнѣнно, принесетъ пользу лицамъ,

которыя имѣютъ надобность или желаютъ ознакомиться съ состояніемъ академіи въ послѣднія три десятилѣтія ея существованія; равнымъ образомъ онъ можетъ служить примѣромъ и пособіемъ для составленія историко-статистическихъ описаній и другихъ духовно-учебныхъ заведеній—академій и семинарій за новѣйшее время,—описаній, необходимыхъ или, по крайней мѣрѣ, весьма полезныхъ для выясненія ихъ исторіи и дѣятельности; независимо отъ сего, книга г. Чистовича, заключающая не мало свѣдѣній и указаній о лицахъ; принадлежавшихъ академіи за описываемый періодъ, и объ ихъ печатныхъ трудахъ, является и весьма цѣннымъ библиографическимъ пособіемъ для ознакомленія съ богословскою литературою новѣйшаго времени и со степенью участія въ ней дѣятелей и питомцевъ С.-Петербургской духовной академіи.

Въ виду вышеозначенныхъ не маловажныхъ достоинствъ сочиненія г. Чистовича, почтенный рецензентъ въ заключеніи своей рецензіи полагалъ присудить ему половину Уваровскую премію, сколько въ награду за самый трудъ, представленный на соисканіе преміи, столько же и въ поощреніе автора, посвятившаго свои способности разработкѣ исторіи русскихъ духовно-учебныхъ заведеній, заслуживающей глубокаго уваженія и признательности.

Каждое изъ присужденій Уваровскихъ наградъ даетъ академіи случай удостовѣряться, съ какою предупредительною готовностью выдающіеся ученые, болѣею частью обремененные преподаваніемъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, откликаются на ея призывъ раздѣлить съ нею труды по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій. Такъ и по настоящему конкурсу долгъ справедливости обязываетъ академію выразить искреннюю ея признательность тѣмъ почтеннымъ ученымъ, которые составленіемъ подробныхъ и обстоятельныхъ рецензій облегчили Уваровской комиссіи исполненіе лежавшей на ней обязанности, нерѣдко затрудняемой количествомъ соискательныхъ сочиненій.

Во изъявленіе своей глубокой благодарности за такое, оказанное ей содѣйствіе, комиссія и въ текущемъ году положила назначить установленныя для рецензентовъ золотыя Уваровскія медали: директору Ярославскаго юридическаго лица, заслуженному профессору Серг. Мих. Шпилевскому, профессору Императорскаго Московскаго университета Вас. Ос. Ключевскому, приватъ-доценту того же университета Павлу Николаевичу Милюкову и профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета о. Мих. Пв. Горчакову.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1890 г.

Въ 1890 г. испытанія зрѣлости производились въ 175 учебныхъ заведеніяхъ, а именно: въ 165 правительственныхъ гимназіяхъ, въ 5 церковныхъ училищахъ, пользующихся правами гимназій, и въ 5 гимназіяхъ (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ), содержимыхъ на частныя средства. Сравнительно съ 1889 годомъ, число правительственныхъ гимназій, въ которыхъ производились испытанія зрѣлости, увеличилось однимъ заведеніемъ, а именно: былъ первый выпускъ воспитанниковъ изъ гимназій въ предмѣстьѣ г. Варшавы, Прагѣ, завершившей свое развитіе открытіемъ VIII класса въ 18⁹⁰/₉₀ учебномъ году. Число же гимназій, содержимыхъ на частныя средства, убавилось на одно заведеніе въ г. Дерптѣ, гдѣ была закрыта гимназія Кольмана, въ виду введенія преподаванія по закону 10-го апрѣля 1887 г. на русскомъ языкѣ. Заявили желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости 3223 ученика правительственныхъ гимназій, 54 ученика церковныхъ училищъ, 65 учениковъ частныхъ гимназій и 256 постороннихъ лицъ. Всѣхъ явившихся къ испытаніямъ зрѣлости въ отчетномъ году было 3598 лицъ. Меньше сравнительно съ 1889 г. на 37 лицъ. Это уменьшеніе удадетъ по преимуществу на молодыхъ людей, явившихся къ испытаніямъ зрѣлости со стороны. Въ отчетномъ году число такихъ молодыхъ людей противъ 1889 года убавилось на 90 человекъ. Число же учениковъ правительственныхъ гимназій увеличилось на 54 и церковныхъ училищъ—на 5, а въ гимназіяхъ, содержимыхъ на частныя средства, уменьшилось на 6; послѣднее объясняется закрытіемъ частной гимназій въ Дерптѣ. Распределеніе заявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости въ 1890 г. по учебнымъ округамъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

Учебные округи:	Число учебных заведеній.	Учащихся.	Постороннихъ.
С.-Петербургскій	28	483	22
Московскій	26	500	30
Казанскій	9	160	25
Оренбургскій	6	84	3
Харьковскій	17	278	14
Одесскій	16	250	32
Кіевскій	15	513	16
Виленскій	9	177	6
Варшавскій	20	328	14
Дерптскій	14	296	84
Кавказскій	8	164	5
Западно-Сибирскій	4	55	3
Восточная Сибирь	2	33	1
Туркестанскій край	1	21	1
Всего	175	3342	256

Изъ числа пожелавшихъ подвергнуться испытаніямъ зрѣлости не были допущены къ симъ испытаніямъ 113 учениковъ правительственныхъ гимназій, 4 ученика церковныхъ училищъ и 1 ученикъ частной гимназіи—по малоуспѣшности въ ученіи и 8 учениковъ правительственныхъ гимназій—по нравственной незрѣлости, выразившейся въ болѣе или менѣе важныхъ проступкахъ; изъ числа постороннихъ лицъ 3, какъ обнаружившіе въ представленныхъ ими свидѣтельствахъ, прошеніяхъ или собственныхъ жизнеописаніяхъ несомнѣнные признаки незрѣлости умственной или нравственной; 13-ти ученикамъ гимназій отсрочено испытаніе на годъ по болѣзни, а одному за нарушеніе правилъ объ испытаніяхъ. Всего устранено было въ 1890 году отъ испытаній зрѣлости или добровольно отъ нихъ отказались по болѣзни 143 человека, что составляетъ 3,9% въ отношеніи къ общему числу заявившихъ желаніе держать испытаніе зрѣлости. Кромѣ того, одинъ изъ заявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ и допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости абитуриентовъ Уральской гимназіи не явился на экзаменъ. Наибольшее число устраненныхъ отъ испытаній зрѣлости было въ Варшавскомъ учебномъ округѣ—31; затѣмъ, по числу учениковъ, обнаружившихъ въ отчетномъ году слабые успѣхи въ наукахъ и потому не допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости въ гимназіяхъ, учебные округи должны быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: въ Варшавскомъ — 27; въ

Московскомъ—23; въ Киевскомъ—12; въ Дерптскомъ—11; въ Одесскомъ, Виленскомъ и Харьковскомъ по 7; въ Кавказскомъ—6; въ Казанскомъ—3; въ С.-Петербургскомъ и Оренбургскомъ по 4. Въ гимназіяхъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа, въ Восточной Сибири и Ташкентской гимназіи въ 1890 году не было учениковъ, не допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости по малоуспѣшности въ наукахъ. За исключеніемъ изъ числа заявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости показанныхъ выше 143 человекъ и одного ученика Уральской гимназіи, не явившагося на экзаменъ, въ дѣйствительности подвергались испытаніямъ 3445, въ томъ числѣ:

учениковъ правительственныхъ гимназій	3.079
„ церковныхъ училищъ	50
„ частныхъ гимназій	64
постороннихъ лицъ	252

Изъ нихъ успѣшно выдержали испытанія и удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости:

учениковъ правительственныхъ гимназій	2.903 (94,2%)
„ церковныхъ училищъ	50 (100%)
„ частныхъ гимназій	64 (100%)
постороннихъ лицъ	109 (43,2%)

Всего 3.126 (90,7%)

Не выдержали испытаній учениковъ правительственныхъ гимназій 176 (5,7%) и постороннихъ лицъ 143 (56,7%). Всего 319 человекъ или 9,2%. Въ церковныхъ училищахъ и частныхъ гимназіяхъ всѣ, допущенные къ испытаніямъ, удостоены аттестатовъ зрѣлости.

Результаты испытаній зрѣлости въ отчетномъ году оказались благопріятнѣе 1889 года. Въ томъ году подвергались испытаніямъ 3.460 человекъ, на 15 человекъ болѣе, чѣмъ въ отчетномъ году, и выдержали испытаніе 3.042, на 84 человекъ менѣе. Въ общемъ, въ 1889 году получили аттестаты или свидѣтельства зрѣлости 87,9% изъ числа подвергавшихся испытаніямъ. Въ отчетномъ году это процентное отношеніе выражается 90,7%.—на 2,8% болѣе.

По числу учениковъ, удостоенныхъ аттестата зрѣлости въ 1890 году въ правительственныхъ гимназіяхъ, учебные округа располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: Оренбургскій и Западно-Сибирскій (100%), Харьковскій (98,5%), С.-Петербургскій (97,6%), Одесскій (97,1%), Казанскій (96,1%), Московскій (95,9%), Виленскій (95,2%), Киевскій (93,8%), Варшавскій (92,5%), Кавказскій (89,6%) и

Деритскій (80,9%); кромѣ того, въ двухъ гимназіяхъ Восточной Сибири изъ 33-хъ учениковъ VIII класса, подвергавшихся испытаніямъ, 31 получили аттестаты зрѣлости, или 93,9%; въ единственной же въ Туркестанскомъ краѣ Ташкентской гимназіи всѣ ученики VIII класса выдержали испытаніе успѣшно.

Въ 5-ти училищахъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ и Москвѣ всѣ 50 учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, получили аттестаты. Точно также и въ частныхъ гимназіяхъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ результаты испытаній были очень успѣшны. Всѣ 64 экзаменовавшихся ученика выпускнаго класса удостоены аттестатовъ. Лучшіе результаты испытаній зрѣлости для постороннихъ лицъ въ отчетномъ году были въ учебныхъ округахъ: Одесскомъ 61,2%; Варшавскомъ 57,1%; Харьковскомъ 53,8%; Казанскомъ 52% и С.-Петербургскомъ 50%; если не считать Оренбургскаго и Западно-Сибирскаго, гдѣ получили свидѣтельства зрѣлости 66,6%, по два въ каждомъ изъ 3-хъ экзаменовавшихся. Наименьшее число постороннихъ лицъ, выдержавшихъ испытанія зрѣлости, упадаетъ на гимназіи Виленскаго и Кавказскаго учебныхъ округовъ, гдѣ на 5 экзаменовавшихся выдано только по одному свидѣтельству, или 20%. Въ гимназіяхъ Восточной Сибири и Ташкентской были допущены къ испытаніямъ изъ курса гимназіи по одному лицу, но свидѣтельства зрѣлости по слабой подготовкѣ не получили.

Общее число аттестатовъ и свидѣтельствъ зрѣлости, выдаваемыхъ въ 1890 году, въ среднемъ выводѣ на каждое изъ 175 заведеній, въ которыхъ производились испытанія зрѣлости, опредѣляется цифрою 17,8. Въ Кіевскомъ учебномъ округѣ этотъ средній выводъ выражается цифрою 31,7 на каждую гимназію; въ Московскомъ 17,7; въ Дерптскомъ 18,07. Наименьшее число дипломовъ, удостоверяющихъ знаніе курса гимназіи, было выдано въ отчетномъ году изъ гимназій Оренбургскаго учебнаго округа, именно по 13 въ среднемъ выводѣ для cadaго заведенія.

Въ 1889 году общее число аттестатовъ и свидѣтельствъ зрѣлости приходилось въ среднемъ выводѣ по 17,3 на каждое заведеніе, и наименьшее число этихъ документовъ упало на долю сибирскихъ гимназій, именно: въ Восточной Сибири по 8,5 и Западной по 8 на каждую гимназію. Въ отчетномъ году дипломовъ зрѣлости приходится на каждую изъ гимназій Восточной Сибири по 15,5 и Западной по 14,25.

На основаніи § 68 правилъ объ испытаніяхъ лучшіе ученики гимназій, по примѣру прежнихъ лѣтъ, были награждены золотыми и серебряными медалями, при чемъ при присужденіи этихъ наградъ, по силѣ приведеннаго § правилъ, были приняты во вниманіе не только успѣхи въ наукахъ, но и поведеніе, прилежаніе и любовнательность. Всѣхъ медалей въ отчетномъ году было выдано 284, въ томъ числѣ золотыхъ 139 и серебряныхъ 145, что составляетъ 9,4% въ отношеніи къ общему числу учениковъ гимназій, удостоенныхъ аттестата зрѣлости. Наибольшее число медалей было выдано въ учебныхъ округахъ: Кіевскомъ—53 (24 золотыхъ и 29 серебряныхъ), или 11,3%, С.-Петербургскомъ—50 (29 золотыхъ и 21 серебряныхъ), или 10,4%, Одесскомъ—35 (16 золотыхъ и 19 серебряныхъ), или 14,8%. Въ гимназіяхъ Дерптскаго учебнаго округа не было учениковъ, удостоенныхъ награжденія медалями.

Въ 1889 году общее число медалей, розданныхъ ученикамъ, окончившимъ въ томъ году курсъ въ гимназіяхъ, было то же, что и въ отчетномъ году—284, изъ нихъ 134 золотыхъ и 150 серебряныхъ, что составляло на 2.909 учениковъ, получившихъ въ томъ году аттестаты зрѣлости, 9,7%.

Большинство молодыхъ людей, не выдержавшихъ испытанія зрѣлости, оказались слабыми по успѣхамъ въ языкахъ русскомъ, греческомъ и латинскомъ, а также математикѣ. Изъ 176 учениковъ казенныхъ гимназій, не удостоенныхъ аттестата зрѣлости, получили неудовлетворительныя отмѣтки:

На испытаніяхъ:	письменныхъ	устныхъ.	Всего.
по русскому языку. . .	87	—	87
„ греческому „ . . .	72	27	99
„ латинскому „ . . .	68	23	91
„ математикѣ	78	26	99
„ исторіи	—	35	35
„ Закону Божію . . .	—	4	4
Всего.	300	115	415

Изъ 143 постороннихъ лицъ, оказавшихся исподготовленными къ испытаніямъ зрѣлости, неудовлетворительныя отмѣтки получили:

На испытаніяхъ:	письменныхъ	устныхъ.	Всего.
по русскому языку . .	76	26	102
„ греческому „ . . .	71	12	83

по латинскому языку.	71	18	89
„ математикѣ	80	34	114
„ исторіи	—	36	36
„ физикѣ и математиче- ской географіи.	—	26	26
„ географіи.	—	5	5
по новымъ иностраннымъ языкамъ	—	5	5
„ Закону Божию	—	4	4
„ логикѣ.	—	1	1
Всего	298	167	465

Изъ сравненія приведенныхъ двухъ таблицъ оказывается, что изъ числа 176 учениковъ правительственныхъ гимназій, не выдержавшихъ въ 1890 году испытанія на аттестатъ зрѣлости, на долю каждаго приходится въ среднемъ выводѣ отъ 2-хъ до 3-хъ неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, а на каждаго изъ 143 постороннихъ лицъ, не получившихъ свидѣтельства зрѣлости по недостаточной подготовкѣ, обнаруженной на испытаніяхъ зрѣлости, число такихъ отмѣтокъ было отъ 3-хъ до 4-хъ.

Въ церковныхъ училищахъ и въ гимназіяхъ, содержимыхъ на частныя средства, въ отчетномъ году всѣ ученики, подвергавшіеся испытаніямъ зрѣлости, получили аттестаты.

Изъ 176 учениковъ казенныхъ гимназій, не удостоенныхъ аттестатовъ зрѣлости, 132 пожелаали остаться на второй годъ въ VIII классѣ и 44 оставили заведенія со свидѣтельствами на основаніи § 72 правилъ объ испытаніяхъ.

Общее число учениковъ правительственныхъ гимназій, не выдержавшихъ въ 1890 году испытаній зрѣлости, составляетъ 5,7% по отношенію къ общему числу учениковъ, подвергавшихся этимъ испытаніямъ. Въ 1889 году это процентное отношеніе было больше, а именно 7,1%.

По возрастамъ получившіе въ 1890 году аттестаты или свидѣтельства зрѣлости распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

17-ти лѣтнихъ было.	181 или 5,7%
18 „ „ „	661 „ 21,2%
19 „ „ „	815 „ 26,1%
20 „ „ „	716 „ 22,9%
21-го года и болѣе	753 „ 24,1%

3*

Въ томъ числѣ: изъ 2.908 учениковъ правительственныхъ гимназій, удостоенныхъ въ 1890 году аттестатовъ зрѣлости:

17-тилѣтнихъ было	170 или 5,8%.
18 „ „	621 „ 21,3%.
19 „ „	770 „ 26,5%.
20 „ „	675 „ 23,2%.
21-го года и болѣе	667 „ 22,9%.

Изъ 50 учениковъ церковныхъ училищъ, получившихъ дипломы:

17-тилѣтнихъ было	5 или 10%.
18 „ „	20 „ 40%.
19 „ „	13 „ 26%.
20 „ „	10 „ 20%.
21-го года и болѣе	2 „ 4%.

Изъ 64 учениковъ, успѣшно окончившихъ курсъ въ частныхъ гимназіяхъ:

17-тилѣтнихъ было	4 или 6,2%.
18 „ „	16 „ 25%.
19 „ „	14 „ 21,8%.
20 „ „	17 „ 26,5%.
21-го года и болѣе	13 „ 20,3%.

Изъ 109 постороннихъ лицъ, получившихъ свидѣтельства зрѣлости: □

17-тилѣтнихъ было	2 или 1,8%.
18 „ „	4 „ 3,6%.
19 „ „	18 „ 16,5%.
20 „ „	14 „ 12,8%.
21-го года и болѣе	71 „ 65,1%.

Эти таблицы показываютъ, что въ числѣ абитуриентовъ гимназій въ 1890 г. преобладали, какъ и въ 1889 году, ученики трехъ старшихъ возрастовъ какъ въ общемъ итогѣ всѣхъ удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости, такъ и въ частности окончившихъ курсъ правительственныхъ гимназій. Въ церковныхъ училищахъ большинство учениковъ, удостоенныхъ аттестатовъ, имѣло 18-тилѣтній возрастъ, именно 40%, а въ частныхъ гимназіяхъ—20-тилѣтній, именно 26,5%. Между посторонними лицами, удостоенными свидѣтельства зрѣлости, преобладали молодые люди 21 года и болѣе

и составляли 65,1% общаго числа получившихъ эти свидѣтельства. Въ 1889 г. изъ постороннихъ лицъ къ этому возрасту принадлежало 55,6% общаго числа выдержавшихъ испытаніе изъ полнаго курса гимназій.

Изъ общаго числа выдержавшихъ испытанія зрѣлости въ 1890 году 2.850, или 91,1%, заявили о своемъ желаніи поступить въ университеты и другія соотвѣтствующія имъ по курсу высшія учебныя заведенія; въ томъ числѣ 1.082, или 34,6%,—на медицинскою факультетъ или въ военно-медицинскую академію; 807, или 25,8%,—на юридическій факультетъ; 692, или 22,1%,—на физико-математическій; 180, или 5,7%,—на историко-филологическій факультетъ или въ историко-филологическіе институты; 46, или 1,4%,—на богословскій факультетъ Дерптскаго университета или въ духовныя академіи и 43, или 1,3%,—на факультетъ восточныхъ языковъ (въ томъ числѣ 1 въ Вѣнскій университетъ безъ означенія факультета). Въ высшія спеціальныя учебныя заведенія направились 206 молодыхъ людей, 6,5% общаго числа удостоенныхъ въ 1890 году аттестата или свидѣтельства зрѣлости. Изъ нихъ 74, или 2,3%, намѣревались поступить въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I-го; 44, или 6,4%, выразили желаніе поступить въ технологическіе институты; 30, или 0,9%, пожелали посвятить себя сельско-хозяйственной спеціальности и съ этою цѣлью намѣтили себѣ Лѣсной институтъ и земледѣльческую академію; 21 избрали себѣ Горный институтъ; 19—военныя училища; 13—академію художествъ и консерваторію; 3—институтъ гражданскихъ инженеровъ; 2—техническое училище почтово-телеграфнаго вѣдомства. На поприще практической дѣятельности изъ числа получившихъ въ 1890 году аттестаты и свидѣтельства зрѣлости поступили 70 молодыхъ людей или 2,2%, изъ коихъ два не дали свѣдѣній о родѣ избранныхъ ими занятій. Изъ остальныхъ 68 молодыхъ людей 41 поступили на военную службу; 12—на гражданскую и 15 посвятили себя учебной, сельско-хозяйственной и коммерческой дѣятельности, распредѣляясь поровну по 5 человекъ на каждое поприще.

Распредѣленіе признанныхъ зрѣлыми въ отчетномъ году по занятіямъ, къ которымъ они себя предназначали, немногимъ отличается отъ такого же распредѣленія окончившихъ курсъ гимназій въ 1889 г.

Въ томъ году заявили желаніе поступить въ университеты и равныя имъ учебныя заведенія 91,5%; въ спеціальныя учебныя заведенія 6,1% и на поприще практической дѣятельности 2,3%.

На бывшихъ въ 1890 году испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа присутствовали въ столичныхъ гимназіяхъ чины управленія учебнымъ округомъ, и приглашены были въ качествѣ депутатовъ профессоры и доценты С.-Петербургскаго университета; по Закону же Вожію были сообщены росписанія экзаменовъ Главному Наблюдателю за преподаваніемъ этого предмета, преосвященному епископу Антонію и помощнику его по наблюденію за преподаваніемъ того же предмета, протоіерею церкви при глазной лечебницѣ отцу Леониду Петрову, которыми и были посѣщены нѣкоторыя изъ гимназій во время производства въ нихъ окончательныхъ испытаній по Закону Вожію.

Въ частной гимназіи Поливанова въ Москвѣ на письменныхъ испытаніяхъ присутствовалъ учитель Московской 5-й гимназіи Андциферовъ, на устныхъ—окружный инспекторъ Исаенковъ.

На письменныя испытанія въ другую Московскую частную гимназію Креймана былъ командированъ учитель Московской 1-й гимназіи Марконетъ, на устныхъ—окружный инспекторъ Исаенковъ.

Въ Нижегородской гимназіи и въ Нижегородскомъ дворянскомъ Институтѣ Императора Александра II-го на нѣкоторыхъ испытаніяхъ присутствовалъ помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа дѣйствительный статскій совѣтникъ Садоковъ.

Кромѣ того, письменныя и устныхъ испытанія въ Московскихъ правительственныхъ гимназіяхъ производились въ присутствіи попечителя Московскаго учебнаго округа и его помощника, а также окружнаго инспектора Исаенкова.

На испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ Пермской и Екатеринбургской присутствовалъ попечитель Оренбургскаго учебнаго округа, а въ гимназіи г. Оренбурга экзамены производились подъ наблюденіемъ окружныхъ инспекторовъ: одинъ изъ нихъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Чеховичъ присутствовалъ на испытаніяхъ по математикѣ, а другой коллежскій совѣтникъ Адриановъ—по русскому и древнимъ языкамъ.

Испытанія зрѣлости въ Одесскомъ учебномъ округѣ въ 1890 году происходили въ присутствіи депутатовъ отъ окружнаго управленія въ слѣдующихъ гимназіяхъ: Керченской—окружнаго инспектора Филоматтскаго по греческому языку и математикѣ, Одесской Рипшельевской—ординарныхъ профессоровъ Новороссійскаго университета: Модестова—по древнимъ языкамъ и Преображенскаго—по математикѣ, Одесской 2—ординарныхъ профессоровъ: Фонъ-Штерна по

древнимъ языкамъ и Преображенскаго—по математикѣ и въ Одеской 3 гимназіи—ординарныхъ профессоровъ: Воеводскаго—по древнимъ языкамъ, Преображенскаго—по математикѣ и Успенскаго—по исторіи. Попечитель учебнаго округа лично присутствовалъ на испытаніяхъ зрѣлости въ Елисаветградской гимназіи и гимназіи Императора Александра III-го въ Болградѣ.

Испытанія зрѣлости въ Тифлисскихъ гимназіяхъ произведены были въ присутствіи попечителя Кавказскаго учебнаго округа и окружныхъ инспекторовъ.

Главный инспекторъ училищъ Туркестанскаго края присутствовалъ въ Ташкентской гимназіи на экзаменахъ по всѣмъ предметамъ.

На устномъ испытаніи по Закону Божию присутствовали, по назначенію епархіальнаго начальства, настоятель Ташкентскаго Преображенскаго собора протоіерей Маловъ и благочинный церквей города Ташкента протоіерей Покровскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Темы и задачи, предложенныя на письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости въ 1890 году.

(Одинаковыя для гимназій одного и того же округа).

1. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Почему сочиненія Гоголя относятся къ произведеніямъ поэтическимъ.

Запасная. Элегія Жуковскаго и Пушкина.

2. По латинскому языку.

Основная. Едва римскій военачальникъ расположился лагеремъ, какъ прибѣла къ нему послы отъ союзниковъ съ извѣстіемъ, что отгнавшіи отъ римскаго народа племена осаждаютъ ихъ укрѣпленія и что нѣтъ никакой надежды на сопротивленіе, если римляне не пришлютъ помощи. На это римскій военачальникъ говорилъ, что его, правда, *безпокоитъ*¹ ихъ опасность, но что у него вовсе нѣтъ столько войскъ, чтобы онъ могъ безъ опасности (для себя) уменьшить свои силы. Услышавъ это, послы *поверились*² къ ногамъ его и умоляли не покидать ихъ при столь смутныхъ обстоятельствахъ; ибо куда-де пойдутъ они, отвергнутые римлянами? если-де имъ римлянами будетъ отказано въ помощи, то они противъ воли и по принужденію отпадутъ отъ нихъ и ско-

рѣе погибнуть вмѣстѣ съ прочими, чѣмъ одни. Въ наступившую ³ ночь военачальника мучила двойная забота: какъ не хотѣлъ онъ покинуть союзниковъ, которые выказали себя столь вѣрными римскому народу, такъ не хотѣлъ и уменьшить свое войско, потому что могъ причинить самому себѣ опасность. На слѣдующій день онъ отвѣтилъ посланцу, что хотя онъ опасается уменьшить свои силы, однако *принимаетъ съ расчетъ* ⁴ болѣе ихъ опасность, чѣмъ свою собственную. Затѣмъ онъ приказываетъ *спаржамъ* ⁵ корабли, посланцу же поручаетъ сообщить объ этомъ ихъ соотечественникамъ. Послы отираившись изъ римскаго лагеря не прежде, чѣмъ увидѣли, какъ воины были посажены на корабли.

1. Movere. 2. Provolvi. 3. Insequi. 4. Rationem habere. 5. Expedire.

Занаволя. Когда въ 562 г. отъ основанія Рима новые консулы Л. Сципіонъ и Г. Лелій вступили въ должность, сенатъ постановилъ, чтобы они *зали себѣ по жребію* ¹ провинціи Италію или Грецію, съ тѣмъ условіемъ, что тотъ, кому доставится Греція, получитъ въ дополненіе къ войску прежняго консула три тысячи римской пѣхоты. Оба консула желали получить провинцію Грецію, чтобы прославиться окончаніемъ войны съ Антиокомъ, и Лелій, увѣренный въ своемъ вліяніи на сенатъ, заявилъ, что, если позволить товарищу, онъ *предоставитъ выборъ* ² (усмотрѣнію) сената. Л. Сципіонъ, узнавъ объ этомъ, долго не зналъ, что ему отвѣтить, пока братъ его, знаменитый Сципіонъ Африканскій, не посовѣтовалъ согласиться съ товарищемъ. Тогда Л. Сципіонъ сдѣлалъ то, что предложилъ братъ. Когда въ сенатѣ начали обсуждать это (предложеніе), сенаторы сначала хотѣли отдать Грецію Лелію, и такъ, безъ сомнѣнія, и случилось бы, еслибы Сципіонъ Африканскій не заявилъ, что онъ отправится въ качествѣ легата вмѣстѣ съ братомъ въ Грецію. Это заявленіе прекратило соревнованіе, и Греція была отдана Л. Сципіону, такъ какъ сенаторы желали узнать, что будетъ полезнѣе, побѣжденный ли Ганнибалъ—Антиоку, или побѣдитель Сципіонъ—Римскому войску.

1. Sortiri. 2. Optionem dare.

3. По греческому языку.

Основная. Евменъ одержалъ побѣду надъ Антигономъ, но при этомъ весь его обоз ¹ былъ захваченъ непріателемъ. По окончаніи ² битвы нѣкоторые изъ приближенныхъ Евмена тотчасъ же *оступили съ верховорами* ³ на счетъ обоза, и когда Антигонъ обѣщалъ возвратить его, если получитъ за это (въ свою власть) Евмена, они рѣшили выдать своего полководца непріателю, *бросились* ⁴ на него и связали ему руки. Когда же Антигономъ былъ присланъ Никаноръ для принятія Евмена, то этотъ просилъ (позволенія) *сказать нѣсколько словъ* ⁵. *Водоорилась* тишина, и онъ, ставъ на высокомъ мѣстѣ и протанувъ связанные руки, сказалъ приблизительно слѣдующее. Вы видите, солдаты, какое украшеніе наложено на нашего полководца. Я легче бы перенесъ это, еслибы такъ поступалъ со мною кто либо изъ непріателей. Теперь же вы сдѣлали меня изъ побѣдителя побѣжденнымъ, пѣз полководца—плѣннымъ. Объ одномъ же прошу васъ: если я долженъ умереть, то позвольте мнѣ уме-

реть *отъ вашихъ рукъ* ⁶. Если вамъ стыдно самимъ *наложить* ⁷ по моей просьбѣ на меня руки, то дайте мнѣ мечъ—и одной изъ моихъ рукъ, освобожденной (отъ оковъ), будетъ *достаточно* ⁸ для того, чтобы совершить дѣло.

1. ἡ ἀποσκευή. 2. (выразить посредствомъ глагола). 3. πρᾶξις. 4. προσπίπτω. 5. = получить (τοῦ γὰρ) слово. 6) = черезъ васъ. 7. ἐπιβάλλω. 8. ἀρκεί. (* Сдѣлалась Εὐμένης, Ἀντίγονος, Νικήτωρ.

Западня. Послѣ славной морской битвы при Саламинѣ, въ которой *соединенный* ¹ флотъ грековъ истребилъ войско персовъ, аеянине издали законъ, чтобы ежегодно происходить *бой* ² *пѣтуховъ* ³. А что было причиною этого закона, я расскажу кратко, такъ какъ полагаю, что многіе, пожалуй, не знаютъ о ней. КогдаThemistocles выводилъ противъ варваровъ войско аеяннн, онъ увидѣлъ *дерущихся* ⁴ пѣтуховъ. И такъ, желая примѣромъ *воспламенить мужество* ⁵ солдатъ, онъ сказалъ: солдаты, смотрите на этихъ птицъ, какъ храбро онѣ сражаются ни за отечество, ни за *отеческихъ* ⁶ боговъ, но изъ-за того, чтобы одной не *поддаться* ⁷ другой. Что же слѣдуетъ дѣлать вамъ, которые будете сражаться за женъ и дѣтей и за свободу, которая драгоценнѣе всего! Знайте же, что, если вы явитесь храбрыми мужами и побѣдите персовъ, вы будете первыми изъ всѣхъ грековъ, а если вы будете побѣждены, то будете *подъ игомъ* ⁸ варваровъ и испытаете *самыя ужасныя бѣдствія* ⁹. Послѣ того какъ аеянине отразили персовъ и освободили всю Грецію, они учредили бой пѣтуховъ, желая сохранить память о *поводѣ* ¹⁰, *воспламенившемъ* ¹¹ тогда къ храбрости.

1. κοινός. 2. = состязаніе. 3. ὁ ἀλεξτρούων. 4. = состязавшихся. 5. ἐπιρρώθυμι. 6. πατρίος. 7. εἴχειν. 8. δουλεύειν. 9. = лат. ultima. 10. ἡ ἀφορμή. 11. γίγνεσθαι εἰς τι.

4. По математикѣ:

а) По ариметикѣ.

Основная. Сумма въ 357 рублей раздѣлена на двѣ части пропорціонально числамъ 0,3125 и 0,41 (6); большая изъ этихъ частей затрачена на покупку слитка изъ серебра 75-й пробы, при чемъ золотникъ чистаго серебра цѣнился 34 копейки. Определить вѣсъ купленнаго слитка.

(Лигатура въ золотыхъ или серебряныхъ слиткахъ не имѣетъ цѣнности).

Западня. Найти капиталъ, который, будучи отданъ въ банкъ по 5¹/₂% (простыхъ), обратится чрезъ 22 года въ сумму, содержащую столько рублей, сколько единицъ находится въ наименьшемъ кратномъ числѣ 7429 и 4199.

б) По геометріи.

Основная. Ромбъ, у котораго мѣншая діагональ равна сторонѣ его *a*, вращается около прямой, проходящей чрезъ конецъ большаго діагонали перпендикулярно къ этой послѣдней. Вычислить поверхность и объемъ полученнаго тѣла вращенія.

Западня. Отъ полукруга, коего діаметръ АВ = 2r, отрѣзанъ сегментъ хордою, равною r и параллельною діаметру АВ. Вычислить поверхность и объемъ тѣла, полученнаго отъ обращенія оставшейся части полукруга около діаметра АВ.

в) По алгебрѣ.

Основная. Найти двѣма положительна рѣшенія неопредѣленнаго уравненія $11x + 7y = C$, гдѣ C равно разности корней уравненія

$$16 - 4\sqrt{x} - \frac{x^2 - 5x + 11}{(4 + \sqrt{x})(8 - 3\sqrt{x})} = \frac{88 + 33\sqrt{x}}{4 + \sqrt{x}}$$

Запасная. Найти знаменатели q_n и q_{n+1} подходящихъ дробей $\frac{p_n}{q_n}$ и $\frac{p_{n+1}}{q_{n+1}}$ непрерывной дроби, если числители p_n и p_{n+1} этихъ дробей суть соответственно меньшій и большій корни уравненія $x + \sqrt{10x} + 6 = 9$.

г) По тригонометрїи.

Основная. Вычислить всѣ углы $\triangle ABC$, если въ немъ даны $\tan C = -\frac{187}{14}$ и стороны $a = 778,36$ дюйма и $b = 235,97$ дюйма. Повѣрить рѣшеніе

Запасная. Определить углы треугольника по сторонамъ его $c = 101$ арш., суммѣ двухъ другихъ сторонъ $a + b = 883$ арш. и разности угловъ $A - B = 7^\circ 40' 4''$.

II. ВЪ МОСКОВСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Почему потомство оцѣниваетъ великихъ людей справедливѣе, чѣмъ современники?

Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человекъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣнїи
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье.

Пушкинъ.

Еorum, qui futuri sunt, indicium est verius, obtreccatione et malevolentia liberatum.

Cic. ad Q. fratrem I, 1, 15.

Запасная. Какіе идеалы для вашей общественной жизни можно извлечь изъ комедїи фонъ-Визина?

2. По латинскому языку.

Основная. Въ 512 году отъ основанія Рима Ганнибалъ двинулся къ городу Капуѣ, которую тогда осаждали консулы за то, что она отложилась отъ римлянъ. А такъ какъ онъ *достоверно зналъ*¹, что немногимъ дней тому назадъ, (даже) въ его отсутствїе, *произошла*² удачная для кампанцевъ битва съ римлянами, то онъ нисколько не сомнѣвался, что *магаченіе* его побѣдоноснаго войска (еще) гораздо менѣе будутъ въ состоянїи *выдержать*³ римлянъ. Поэтому Ганнибалъ черезъ три дня послѣ того, какъ пришелъ къ Капуѣ, повелъ въ *сраженїе*⁴ своихъ солдатъ, еще не *окравившихся*⁵ *послѣ*⁶ даннаго перехода. Начался жестокой бой, и римскїе *ряды*⁷ уже не могли выдерживать натиска

пунійцевъ, какъ вдругъ показавшееся вдали войско *внушило* ⁸ равное обѣимъ (сражающимся) *сторонамъ* ⁹ опасеніе, что *подходятъ* ¹⁰ новые враги. Тотчасъ данъ былъ сигналъ къ отступленію, и арміи разошлись съ *одинаковою* ¹¹ почти *удачей* ¹², каждая въ свой лагерь. На слѣдующую почъ консулъ Анній Клавдій, чтобы *отвлечь* ¹³ отъ Капуи пунійцевъ, отступилъ въ область лукановъ. Но вскорѣ Ганнибалу *представился* ¹⁴ другой *случай* ¹⁵ *выиграть дѣло* ¹⁶. Именно, среди римлянъ былъ (нѣкто) *М. Центеній* ¹⁷, центуріонъ, *отличавшійся* ¹⁸ какъ *ростомъ* ¹⁹, такъ и храбростію. Онъ просилъ сенаторовъ дать ему 5,000 воиновъ. Если (говорилъ онъ) онъ *получить* ²⁰ *возможность* ²¹ сравниться съ непріятелемъ, то, *зная по опыту* ²² и (характеръ) врага, и *мстность* ²³, онъ употребитъ противъ Ганнибала тѣ же *приемы* ²⁴ (хитрости), благодаря которымъ былъ столько разъ побѣждаемъ и римскіе полководцы и ихъ арміи. Выбсто 5,000 дано было 8,000 воиновъ. Получивъ ихъ, Центеній прибылъ въ область лукановъ, гдѣ *остановился* ²⁵ Ганнибалъ *послѣ тщетнаго преслѣдованія* ²⁶ имъ ²⁶ Аннія. Лишь только войска *замѣтили* ²⁷ другъ друга въ равнинѣ, карфагенскій вождь напалъ на римлянъ прежде, чѣмъ центуріонъ успѣлъ *придумать* ²⁸ какую либо хитрость. Сражалась боѣе двухъ часовъ, и послѣ смерти Центенія римское войско *было разбито на голову*.

1. Достоверно знать *comperitum habere*. 2. — была. 3. выдерживать чье нападеніе *sustinere aliquem*. 4. сраженіе *acies*. 5. оправляться *refeci*. 6. послѣ ex 7. ряды *acies* въ *ед. ч.* 8. внушать *praebere*. 9. сторона *pars*. 10. подходить *adven- tate*. 11. одинаковый *aequus*. 12. удача посредствомъ *Mars*. 13. отвлекать *avertere*. 14. представляться *offerri*. 15. случай *fortuna*. 16. выигрывать дѣло *rem bene gerere*. 17. *Centenius*. 18. отличавшійся *insignis*. 19. ростъ *magnitudo corporis*. 20. получать *percipere*. 21. возможность *facultas*. 22. *зная по опыту* *peritus*. 23. мстность *regio* во *мн. ч.* 24. приемъ *ars*. 25. останавливаться *subsistere*. 26. — тщетно (*periclitam*) преслѣдовавшій. 27. замѣчать *conspicere*. 28. придумывать *excogitare*.

Запасная. Когда въ 212 году до Р. Х. Ганнибалъ стоялъ лагеремъ около *Тарента* ¹, (а) оба консула были въ *Самніи* ², но, повидямому, намѣревались обложить Капую, кампанцы стали чувствовать голодъ, такъ какъ римскія войска помѣшали имъ сдѣлать посѣвъ. Поэтому они отправили къ Ганнибалу послать съ просьбою *везти* ³ хлѣбъ въ Капую прежде, чѣмъ консулы выведутъ римскіе легіоны въ ихъ область. *Снизойдя* ⁴ на просьбу кампанцевъ, Ганнибалъ приказалъ *Ганнону* ⁵ перейти изъ области *бруттиевъ* ⁶ въ Кампанію и *позаботиться* ⁷ о томъ, чтобы для кампанцевъ былъ сдѣланъ запасъ хлѣба. Ганнонъ, отправившись изъ области бруттиевъ, расположился лагеремъ на *возвышенномъ* ⁸ мѣстѣ, въ 3,000 шаговъ отъ *Беневента* ⁹ и приказалъ *свезти* хлѣбъ изъ ближайшихъ мѣстъ въ лагерь, затѣмъ онъ послалъ извѣстіе въ Капую, въ какой день *быть натотомъ* ¹⁰ *повозкамъ* ¹¹ для принятія хлѣба. Между тѣмъ, какъ это происходило у Капуи, одинъ изъ консуловъ, Фульвій, который тогда находился въ Беневентѣ, узналъ, что Ганнибалъ съ частью войска отправился на *фуражировку* ¹². Поэтому онъ рѣшилъ штурмовать пунійскій лагерь и, когда на разсвѣтѣ подошелъ къ нему, *навелъ* ¹³ на непріятелей такой ужасъ, что еслибы лагерь былъ расположенъ на *ровномъ* ¹⁴ мѣстѣ, то онъ могъ бы

быть взятъ при первомъ нападеніи. Но, такъ какъ лагерь былъ защищенъ вы-
сокою мѣстности и укрѣпленіями, то Фульвій, опасаясь, что штурмъ будетъ
весьма труденъ и опасенъ для войска, созвалъ легатовъ и военныхъ трибу-
новъ и сказалъ, что слѣдуетъ *оставить*¹⁵ *безразсудное*¹⁶ *предпріятіе*¹⁷. Не
безопаснѣ ли сегодня *отвести обратно*¹⁸ войско въ Беневетъ, а потомъ на
слѣдующій день окружить лагерь непріятелей, чтобы ни кампанды не могли
оттуда выйти, ни Ганнонъ *возвратиться*¹⁹ въ лагерь. Сказавъ это, онъ при-
казалъ уже трубить отбой, но такъ какъ солдаты съ *негодованіемъ*²⁰ *отвер-*
*тали*²¹ его *распоряженіе*²² и *требовали*²³ сигнала къ сраженію, то онъ, пере-
мѣнивъ свое намѣреніе, *приступилъ*²⁴ къ штурму лагеря.

1. Tarentum (городъ). 2. Samnium (область). 3. свозить convehere. 4. снисхо-
дить obsequi. 5. Наппо, opis. 6. Brutii. 7. заботиться operam dare. 8. возвышен-
ный editus. 9. Beneventum (городъ). 10. быть наготовѣ praesto esse. 11. повозка
vehiculum. 12. оуражировать frumentari. 13. наводитъ incere. 14. ровный pla-
nus. 15. оставлять abstinere. 16. безразсудный temerarius. 17. предпріятіе inser-
tum. 18. отводить обратно reducere. 19. возвращаться regredi. 20. съ негодова-
ніемъ indignabundus. 21. отвергать aspernari. 22. распоряженіе imperium. 23. тре-
бовать exprosecere. 24. приступать aggredi.

3. На греческому языку.

Основная. Послѣ сраженія при *Маравонъ*¹ смилъ *Кимона*² *Мильтіадъ*,
*задумавъ*³ *воевать съ паросцами*⁴, сталъ требовать у афинянъ 70 кораблей,
войска и денегъ. А такъ какъ онъ *предполагалъ*⁵, что, узнавши, противъ ка-
кой страны онъ *собирается*⁶ предпринять походъ, афиняне не дадутъ ему
войска, то самой страны онъ (имъ) не *назвалъ по имени*⁷, но обѣщалъ *обога-*
*тими*⁸ ихъ, если они поспѣдуютъ за нимъ, куда онъ (ихъ) не поведетъ, а по-
ведетъ-де онъ ихъ въ такую страну, откуда они легко *добудутъ*⁹ весьма много
золота. Получивъ такимъ образомъ войско, Мильтіадъ поплылъ къ острову Па-
росу, *выставляя*¹⁰ (тому) *предлому*¹¹, будто хочетъ отомстить паросцамъ за
то, что они принимали участіе въ *походѣ*¹² персовъ къ Маравону. *Прибывъ*¹³
къ острову, Мильтіадъ, прежде чѣмъ начать осаду, отправилъ пословъ потре-
бовать отъ паросцевъ сто талантовъ подѣ тѣмъ условіемъ, что не будетъ ни
*осаждаютъ*¹⁴ города, ни *опустошаютъ*¹⁵ острова; а если они не дадутъ денегъ,
то онъ-де не прежде *сниметъ*¹⁶ *осаду*¹⁷, какъ городъ будетъ взятъ и *разру-*
*шенъ до основанія*¹⁸. Послы *возвратились*¹⁹ къ кораблямъ и объявили, что па-
росцы *отказываются*²⁰ дать деньги. Мильтіадъ тогда приказалъ осаждаютъ го-
родъ, а паросцы съ такимъ мужествомъ *выдерживали*²¹ *осаду*²², что на афин-
скаго вождя *напалъ страхъ*²³, какъ бы солдаты *изнеможили*²⁴ *подъ бременемъ*²⁵
трудоу не перестали ему повиноваться. Поэтому онъ снялъ осаду и *безъ*
*успѣха*²⁶ возвратился въ Афины.

1. ὁ Μαραθῶν, ὄνος. 2. Κίμων, ὄνος. 3. думаю διανοέομαι. 4. οἱ Πάριοι. 5. пред-
полагаю προσδέχομαι. 6. собираюсь μέλλω. 7. называю по имени ὀνομάζω. 8. обо-
гашаю πλουτίζω. 9. добываю φέρω. Какъ передать *себѣ*? 10. выставляю ἔχω. 11. пред-
ложу πρόφασις. 12. походъ στρατεια. 13. прибываю ἀφικνέομαι. 14. осаждаю πολιορ-
κίω. 15. опустошаю δηρώ. 16. снимаю ἀφίσταμαι. 17. осада πολιορκία. 18. разру-

шаю до основанія хатаσχαπτω. 19. возвращаюсь ἐπιστρέφωμαι. 20. отказываюсь οὐ φημί. 21. выдерживаю ἀνέχομαι. 22. глаголомъ. 23. выпадаетъ страхъ ἐγγίγνεται φόβος. 24. внемлюгаю ἀπαγορεύω. 25. бремя πλῆθος. 26. безъ успѣха-прилагательное ἀπρακτος.

Западня. Когда лакедемоняне услыхали, что Кононъ ¹ на ² деньги персидскаго царя *возобновляетъ* ³ стѣны города Аенны и *содержитъ* ⁴ флотъ, дабы *склонить на сторону* ⁵ аенннн острова и *приморскіе* ⁶ города, они подумали, что если *дадутъ знать* ⁷ объ этомъ царскому военачальнику Терйбазу ⁸, то они *отвлекутъ* его на свою сторону ⁹, или, по крайней мѣрѣ, *побудятъ прекратить* ¹⁰ *содержаніе* ¹¹ флота Конона. И такъ, прежде чѣмъ стѣны были возобновлены, лакедемоняне посылаютъ къ Терйбазу Анталкида ¹² съ *порученіемъ* ¹³ сообщить (тону) обо всемъ, что происходитъ въ Аеннахъ, и постараться заключить съ персидскимъ царемъ миръ на тѣхъ условіяхъ, чтобы онъ *призналъ самостоятельными* ¹⁴ всѣ греческіе острова и города. Узнавъ объ этомъ, аенннне *отправили съ своей стороны* ¹⁵ пословъ къ персидскому военачальнику и *пригласили* ¹⁶ также съ собою ¹⁶ пословъ отъ всѣхъ союзниковъ. Когда всѣ собрались у Терйбаза, Анталкидъ сталъ говорить, что онъ пришелъ просить мира для своего государства, и (при этомъ) обѣщалъ, что лакедемоняне не станутъ *оспаривать* у ¹⁷ царя *власти надъ* ¹⁷ греческими городами въ Малой Азій, если всѣ остальные острова и города сдѣлаются самостоятельными. Эти *предложенія* ¹⁸ весьма понравились Терйбазу, но аенннне и союзники не хотѣли принять ихъ, такъ какъ боялись лишиться нѣкоторыхъ острововъ. Такииъ образомъ этотъ миръ *не состоялся* ¹⁹ и послы ушли домой *безъ успѣха* ²⁰.

1. Κόνων, σνος. 2. на ѣх. 3. возобновляю ἀνορθόω. 4. содержу τρέφω. 5. склоняю на чью сторону εὐτρέφω τινί. 6. = при (παρά) морѣ, 7. даю знать διδίσκω. 8. Τερύβαζος. 9. отвлекаю на сторону ἀφίστημι πρὸς. 10. побуждаю прекратить παύω. 11. глаголомъ. 12. Ἀνταλκίδας. 13. = поручивъ (προσάσσω) ему. 14. признаю самостоятельными ἀφίημι αὐτόνομον. 15. отправляю съ своей стороны ἀντίπεμπω. 16. приглашаю съ собою σὺνκαρᾶχαλέω. 17. оспариваю у кого власть надъ чѣмъ ἀντικαίωμαί τινί τινος. 18. предложенія οἱ λόγοι. 19. = сдѣлался не состоявшимся (ἀτελής). 20. безъ успѣха—прилагательное ἀπρακτος.

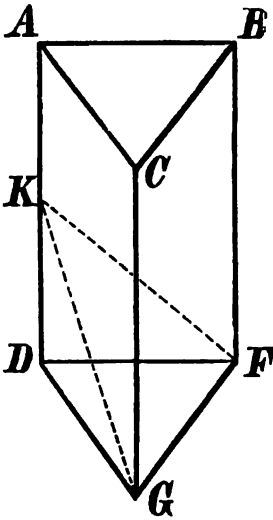
4. Не математикъ.

а) По ариметикѣ.

Основная. Три купца купили въ Англіи партію чая за 2.527½ рубля. За 2 фунта чая заплачено 15 шиллинговъ, при чемъ 3 шилл. = 2 франкамъ, 5 франковъ = 1½ талера, 2 талера = 3½ рубля. Весь чай купцы раздѣлили между собою такъ, что часть перваго относится къ части втораго, какъ 1½ : 3,3 (4), а часть втораго равна половинѣ части третьяго купца. Первый купецъ часть доставагося ему количества чая продалъ за 107 руб. 91 коп., при чемъ получалъ 9% прибыли. Узнать, сколько фунтовъ чая у него осталось.

Западня. Купецъ А продаетъ купцу В 0,41 (6) количества имѣющагося у него чая, при чемъ получаетъ 25% прибыли. Купецъ В платитъ ему векселемъ въ 1,000 рубл., учтенныхъ (комерчески) по 5% за шесть мѣсяцевъ до срока. Сколько стоила купцу А вся партія чая?

б) По геометріи.

Основная. Въ правильной трехгранной призмѣ ABCDFG, коея сторона основанія = a , проведено черезъ ребро FG сѣченіе FKG, наклоненное къ основанію FDG призмы подъ угломъ въ 45° . Найти объемъ и полную поверхность пирамиды DFGK.

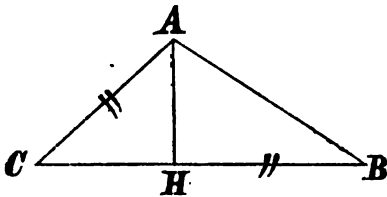
Запасная. Въ шарѣ радіуса r проведены два параллельныхъ сѣченія, изъ коихъ первое сѣченіе отстоитъ отъ центра шара на длину d . Поверхность шароваго пояса, заключеннаго между этими сѣченіями, равна площади круга радіуса b . Найти объемъ конуса, нѣющаго своимъ основаніемъ второе изъ вышеуказанныхъ параллельныхъ сѣченій, а вершину въ центрѣ шара.

в) По алгебрѣ.

Основная. Куплено сукно двухъ сортовъ (число аршинъ перваго сорта заключается между 6 и 10). Аршинъ перваго сорта стоитъ 3 рубл., а втораго 2 рубля. Сколько куплено аршинъ сукна каждаго сорта, если за все сукно заплачено число рублей, равное суммѣ первыхъ семи членовъ арифметической прогрессіи, въ которой сумма 3-го и 6-го членовъ равна большому изъ корней уравненія: $x^2 - 24x + 108 = 0$, а разность 5-го и 2-го членовъ этой прогрессіи равна меньшему корню того же уравненія?

Запасная. Нѣкто, купивъ домъ, уплачиваетъ въ теченіе шести лѣтъ въ концѣ каждаго года по 7.950 рублей. Что стоитъ домъ, если расчетъ производится по сложнымъ 4% ?

г) По тригонометріи.

Основная. Высота AH треугольника ABC отвѣкаетъ на сторонѣ BC отрезокъ BH, равный сторонѣ AC. Уголъ B = $40^\circ, 17'$. Вычислить углы C и A.

Запасная. Площадь правильного семиугольника равна 5634,5 кв. саж. Определить сторону этого семиугольника.

III. ВЪ КАЗАНСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Отличительныя черты древней и новой русской литературы.

2. По латинскому языку.

Какъ велика была несправедливость Митридата Великаго къ римлянамъ, можно узнать отчасти изъ тяжкой и продолжительной войны, которую онъ велъ съ ними, отчасти изъ той рѣчи, которою онъ, намѣреваясь возобновить войну, старался почти слѣдующимъ образомъ ободрить и воспламенить своихъ солдатъ. Онъ бы желалъ, сказалъ онъ, чтобы у него была возможность *обсудить* войну ли, или миръ слѣдуетъ соблюдать съ римлянами, но теперь это уже *не въ его рукахъ*; ибо что напавшимъ слѣдуетъ оказывать сопротивленіе, въ этомъ не сомнѣваются даже и тѣ, у которыхъ нѣтъ никакой надежды на побѣду. По крайней мѣрѣ, противъ разбойника всѣ, если и не въ состояніи (сдѣлать) это для своего спасенія, обнажаютъ, однако, мечъ для отмщенія. Такъ какъ стало бытъ *дѣло* теперь не въ томъ, *оставаться ли въ покоѣ*, или отражать силу силой, то слѣдуетъ обсудить, какимъ образомъ и съ какою надеждой *продолжать* или начать войну. Онъ, по крайней мѣрѣ, имѣетъ твердую надежду на побѣду: если у нихъ есть отвага; а что римляне могутъ быть побѣждены, (это) ему извѣстно не болѣе, чѣмъ самимъ солдатамъ, которые разбили въ Венетіи Манлія Аквилія, въ Каппадокіи Мальтина. Но, если на когонибудь чужіе примѣры производятъ болѣе впечатлѣнія, чѣмъ собственный опытъ, то онъ-де слышалъ, что Пирромъ римляне были побѣждены въ трехъ битвахъ, что галлы предали пламени Римъ, что Ганнибалъ шестнадцать лѣтъ пробылъ въ Италіи побѣдителемъ и что взять самую столицу помѣшали ему не военныя силы римлянъ, а домашняя зависть и *недоброжелательство*.

3. По греческому языку.

Когда пришло извѣстіе, что египтяне отняли отъ персовъ, Артаксерксъ какъ можно скорѣе принялъ всѣ мѣры; онъ назначилъ военачальникомъ *Аксемана*, сына Дарія, передалъ ему большія войска и поручилъ ему поработить Египетъ. Ахеменъ, прибывши въ Египетъ, расположился лагеремъ вождѣ Нила и, когда солдаты *отдохнули* отъ трудовъ пути, сталъ приготовляться къ сраженію. Египтяне стянули (свели) свои войска изъ Ливіи и Египта и дожидались только отъ аеннянъ вспомогательнаго войска. Лишь только аенняне присоединились къ нимъ, они устремились на лагерь персовъ и произошло сильное сраженіе. Сначала персы имѣли перевѣсъ (побѣдили), такъ какъ непріятель по числу войскъ были слабѣе ихъ; затѣмъ, когда аенняне одержали верхъ надъ тѣми врагами, которые были построены *противъ* нихъ, варвары обратились въ бѣгство и, потерявъ большую часть войска, укрылись въ Менфисѣ въ такъ называемую *бѣлую крѣпость*. Аенняне, которые благодаря своей храбрости стали виновниками побѣды, не прекращали преслѣдованія непріятеля и начали осаждать крѣпость.

4. Не математикѣ.

а) По арифметикѣ. 3 плотника получили за работу 25 руб. 65 коп.; одинъ работалъ $5\frac{1}{2}$ дня, другой 0,(714285) того времени, что первый, и еще 1,5 дня, а третій $85\frac{1}{2}\%$ того времени, что второй, и еще $\frac{1}{2}$ дня. Сколько денегъ достанется каждому рабочему?

б) По геометріи. Опредѣлить объемъ усѣченной треугольной пирамиды, у которой нижнее основаніе есть прямоугольный треугольникъ, если высота усѣченной пирамиды равна $1\frac{1}{2}$ дюйма, гипотенуза нижняго основанія 6 дюймовъ, прилежащій къ ней уголъ содержитъ 30° , а меньшая сторона верхняго основанія = 2 дюймамъ.

в) По алгебрѣ. Сумма нечетныхъ членовъ геометрической прогрессіи относится къ суммѣ четныхъ ея членовъ, какъ сумма корней уравненія:

$$2y^2 - 5y + 10 = 0,$$

относится къ произведенію тѣхъ же корней, а произведеніе 4-го члена на 5-й членъ прогрессіи равно 1152. Опредѣлить первый и послѣдній члены прогрессіи, если всѣхъ членовъ 8.

г) По тригонометріи. Наблюдатель, стоящій на берегу рѣки, видитъ высоту дерева на противоположномъ берегу водъ угломъ въ $36^\circ 45' 40''$; отступивъ отъ берега на 23,35 фута, онъ видитъ высоту того же дерева водъ угломъ въ $30^\circ 29' 30''$. Опредѣлить высоту дерева и ширину рѣки.

IV. ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ УЧЕВНОМЪ ОКРУГѢ.

1. Не русскому языку.

Основная. Характеръ комедій Фонвизина въ связи съ литературной дѣятельностью Екатерины II.

Запасная. Борьба русскаго народа за свою политическую независимость.

2. Не латинскому языку.

Основная. Какою осторожностью обладалъ Ганнибалъ, достаточно видно изъ того, какъ онъ поступилъ съ карпетанцами, своими союзниками, когда шелъ войною на Римъ. Послѣ того, какъ войско его приступило къ переходу черезъ Пиренейскія горы, и среди варваровъ распространилась молва о войнѣ съ римлянами, три тысячи карпетанской пѣхоты оставили знамена. Не подлежало сомнѣнію, что они сдѣлали это, боясь не столько войны, сколько труднаго перехода черезъ Альпы. Ганнибалъ колебался, позволить ли имъ уйти, или силою удержать ихъ. Наконецъ, такъ какъ и прочіе союзники имѣли, какъ казалось, то же намѣреніе, что и карпетанцы, онъ распустилъ по домамъ свыше семи тысячъ человекъ, въ которыхъ онъ и самъ замѣтилъ омыщеніе военной службой, чтобы заставить другихъ думать, будто и карпетанцы удались не безъ его вѣдома. Затѣмъ, чтобы замедленіе и бездѣйствіе не возбуждали умовъ, онъ съ остальными войсками переходитъ Пиренейскія горы и разбиваетъ лагерь у города *Илиберра*. Хотя галлы и слышали, что пуниѣцы

идуть войною на Италію, а не на нихъ, однако вслѣдствіе молвы о томъ, будто испанцы за Пиренеями покорены силою, изъ страха быть поработченными, взяли за оружіе и сошлись въ *Русцимонъ*. Ганнибалъ, извѣщенный объ этомъ, боясь больше задержки, чѣмъ войны, послалъ къ царямъ ихъ сказать, что онъ лично желаетъ переговорить съ ними; поэтому или они пусть ближе подойдутъ къ Иллиберу, или самъ онъ подвинется впередъ къ Русцинону: ибо и ихъ онъ съ радостью приметъ въ своемъ лагерѣ, и самъ не медля готовъ прибыть къ нимъ. Онъ-де пришелъ другомъ Галліи, а не врагомъ, и не обнажить меча прежде, чѣмъ придетъ въ Италію. Цари галловъ очень охотно явились къ Ганнибалу и плѣненные подарками въ добромъ мирѣ *пустили* войско въ Италію по своимъ владѣніямъ.

Запаса на я. Когда Кв. Метеллъ въ качествѣ проконсула велъ войну въ Испаніи противъ кельтиберовъ и не могъ взять силою Контребію, главный городъ этого государства, то много и долго *размышляя* самъ съ собою, нашелъ средство (пусть) *довести* до исполненія свой планъ. Онъ съ большою поспѣшностью отправился въ путь, затѣмъ устремился то въ тѣ, то въ другія области; то занималъ одні горы, то вскорѣ затѣмъ переходилъ къ другимъ, между тѣмъ и всѣмъ его приближеннымъ, и самымъ врагамъ была неизвѣстна причина его *нерешительности*. Будучи спрошенъ какимъ-то самымъ преданнымъ ему человѣкомъ, почему онъ слѣдуетъ столь разбросанному и столь неопредѣленному способу веденія войны, Метеллъ отвѣчалъ: „перестань спрашивать объ этомъ: если я замѣчу, что объ этомъ моемъ намѣреніи знаетъ моя собственная рубрика, я тотчасъ прикажу ее сжечь“. Итакъ, къ чему *клонилась* эта скрытность, или какой имѣла исходъ? Послѣ того какъ, благодаря невѣдѣнію, и войско свое онъ привелъ въ замѣшательство, и всю Кельтиберію *ввелъ* въ заблужденіе, направивъ путь въ другую сторону, внезапно *повернулъ* къ Контребіи и, напавъ на нее неожиданно, поразилъ ее. Слѣдовательно, еслибы онъ не заставилъ свой умъ *приблизиться* къ хитростямъ, то ему до глубокой старости пришлось бы вооруженному сидѣть подъ стѣнами Контребіи.

3. По греческому языку.

Основна я. Аеніяне, осаждаемые Лиандромъ съ суши и съ моря, не знали, что имъ дѣлать, такъ какъ у нихъ не было ни кораблей, ни союзниковъ, ни хлѣба. Наконецъ, когда у нихъ весь хлѣбъ *вышелъ* и многіе умирали отъ голода, они послали въ Лакедемонъ пословъ, чтобы заключить съ ними миръ. Въ собраніи спартанскомъ коринціане и еванцы болѣе всѣхъ убѣждали лакедемонянъ не заключать съ аеніянами мира, но *уничтожить* ихъ. Однако лакедемоняне *отказались* поработить греческій городъ, который во время величайшихъ опасностей сдѣлалъ столько добра для Греціи; но они соглашались заключить миръ, если аеніяне *сроятъ* длинныя стѣны и Пирей и отдадутъ всѣ свои корабли, кромѣ двѣнадцати. Когда послы объявили объ этомъ аеніянамъ, то послѣдніе, боясь, чтобы отъ голода не погибло еще болѣе людей, рѣшили принять миръ на этихъ (условіяхъ).

Запаса на я. Римскій сенатъ, рѣшивши продолжать войну съ Пирромъ, царемъ *Эпира*, отправилъ назадъ посла его *Кинелъ* сказать, что Пирръ можетъ

переговариваться съ ними о мирѣ и союзѣ только въ томъ случаѣ, если удалится изъ Италіи, а пока онъ будетъ находиться въ Италіи, римляне не перестанутъ воевать съ нимъ, хотя бы онъ обратилъ въ бѣгство мысли такихъ полководцевъ, какъ *Лелии*. Разказываютъ, что Киней во время пребыванія своего въ Римѣ старался узнать нравы, характеръ и государственное устройство римлянъ и что онъ бесѣдовалъ съ самыми лучшими гражданами. Возвратившись къ Пирру, онъ сказалъ, что сенатъ показался ему собраніемъ многихъ царей, а о народѣ говорилъ, что онъ боится, какъ бы нѣмъ не пришлось сражаться съ какою то *лерианскою идрою*, такъ какъ собрано воиновъ уже *едва больше тѣхъ*, которые сражались прежде.

4. Не математикѣ.

а) *По арифметикѣ.* Основная. Три лица внесли на нѣкоторое торговое предпріятіе капиталы: первое лице на 2 года и 6 мѣсяцевъ сумму, которую выручили, продавъ вексель въ 1800 руб. за 4 мѣсяца до срока съ коммерческимъ учетомъ по 5% годовыхъ, второе лице—на 3 мѣсяца капиталъ, половина котораго, отданная въ ростъ по 6%, приноситъ ежегодно доходу 400 руб., третье лице внесло на 1 мѣсяць сумму, вырученную отъ продажи 1000 десятинъ земли, по 50 руб. за десятину. Все предпріятіе дало 16,310 руб. прибыли. Спрашивается, сколько рублей придется получить каждому изъ участниковъ предпріятія.

Запаса я. Въ общемъ предпріятіи одно лице участвовало капиталомъ въ 6,000 рублей, бывшимъ въ оборотѣ 2 мѣсяца; вкладъ другаго лица, составляющій 0,1(6) долю вклада перваго, былъ въ оборотѣ 6 мѣсяцевъ. Требуется раздѣлить между участниками деньги, вырученныя отъ оборотовъ предпріятія въ видѣ векселя въ 1200 руб., подлежащаго уплатѣ еще черезъ 8 мѣсяцевъ, когда извѣстно, что банкъ при уплатѣ дѣлаетъ учетъ по 6% годовыхъ (коммерческій учетъ).

б) *По алгебрѣ.* Основная. Двумъ артелямъ рабочихъ было уплачено 547 руб. Каждый рабочій первой артели получилъ столько рублей, какъ великъ 4-й членъ арифметической прогрессіи, которой разность = 2,2, а сумма 9-ти первыхъ членовъ = 100,8... Каждый рабочій второй артели получилъ столько рублей, какъ великъ коэффициентъ 4-го члена $(x+a)^4$. Сколько было рабочихъ въ каждой артели?

Запаса я. Торговецъ, купивъ нѣсколько фунтовъ товара за 42 руб. оставилъ себѣ 25 фунтовъ, а остальное количество продалъ съ прибылью по 14 коп. на фунтъ. Сколько было куплено фунтовъ товара, если за проданный товаръ выручено число рублей, равное корню уравненія:

$$710,5y-1 + 0,2 = 2,6457513.$$

в) *По геометріи.* Основная. Радиусъ основанія конуса $r = 21$ дюйма. Объемъ этого конуса равенъ объему такого шара, что радиусъ малаго его круга, сдѣланнаго на разстояніи 9 дюймовъ отъ центра шара, $k = 12$ дюймамъ. Определить боковую поверхность этого конуса.

Запаса я. Сторона правильнаго шестигульника = 10 дюймамъ; требуется определить объемъ тѣла, которое могло бы образоваться при обращеніи этого шестигульника около оси, проходящей чрезъ вершины двухъ про-

тивноположенныхъ угловъ, и какой былъ бы вѣсъ такого тѣла, если бы удѣльный вѣсъ его вещества равнялся 7,8?

г) По тригонометріи. Основная. Черезъ точку А на окружности круга, котораго радіусъ равенъ 30,48 сантиметровъ, проведены касательная и сѣкущая. Уголъ между этими линіями опредѣляется уравненіемъ:

$$\frac{1}{2} \operatorname{tg} x + \frac{1}{2} \operatorname{cotg} x = 1,09975.$$

Опредѣлить разстояніе сѣкущей отъ центра круга?

Запасная. Диагональ равнобочной трапеціи $d = 32$ дюймамъ, а меньшая изъ параллельныхъ сторонъ ея $a = 2,4$ дюйма.

Опредѣнить остальные стороны и площадь трапеціи, если каждый изъ угловъ при большей изъ параллельныхъ сторонъ $x = 75^{\circ}16'24''$.

У. ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

1. На русскомъ языкѣ.

Основная. Характеристика русскаго гѣтописца по гѣтописи Нестора и монологу Пимева въ трагедіи „Борись Годуновъ“.

Запасная. Изобрѣтеніе книгопечатанія и значеніе этого изобрѣтенія

2. На латинскомъ языкѣ.

Основная. Аратъ изъ Сикіона (Cicer. De officiis, lib. II, c. XXIII, 81, 82). По справедливости прославляютъ Арата Сикіонскаго (Aratus Sicyonius) который въ то время, какъ его отечество въ теченіе 50 лѣтъ находилось во власти тиранновъ, отправившись изъ Аргоса въ Сикіонъ (Sicyon), овладѣлъ городомъ посредствомъ тайнаго входа. Изложивши тиранну Никокла (Nicocles), онъ возвратилъ въ отечество (restituo) 600 изгнанниковъ, которые равные были богатѣйшими людьми, и своими приходами освободили государство. Но, встрѣчая (animadverto) большое затрудненіе относительно (in) имущества и (земельныхъ) владѣній, (состоящее въ томъ), что онъ съ своей стороны считалъ несправедливымъ, чтобы терѣли нужду тѣ, которыхъ онъ самъ возвратилъ въ отечество и имуществомъ которыхъ завладѣли другіе, съ другой — считалъ не вполнѣ (nimis) справедливымъ и отнимать владѣнія, (которыми пользовались въ теченіе) 50 лѣтъ, въ особенности потому, что за столь продолжительный періодъ времени много имѣній находилось во владѣніи (teneri) по наследству, вслѣдствіе покупки и въ качествѣ приданаго, — онъ рѣшилъ, что ни у первыхъ отнимать, ни вторыхъ оставлять безъ удометворенія (non satisfacio) не слѣдуетъ. Рѣшивши, что для устройства этого дѣла нужны деньги, онъ отправился въ Александрію. Объяснивши тогдашнему царю Птоломею (Ptolemaeus), что онъ желаетъ освободить отечество, и изложивши ему дѣло, онъ добился того, что этотъ богатый царь далъ ему значительную сумму денегъ. Привезши ихъ въ Сикіонъ, Аратъ избралъ себѣ въ совѣтъ 15 болѣе вліятельныхъ лицъ (principes), вѣстѣ съ которыми разобралъ дѣла какъ тѣхъ, которые владѣли чужими имѣніями, такъ и тѣхъ, которые потеряли свои. При помощи оцѣнки владѣній, однихъ онъ убѣдилъ, получивши деньги, отступить отъ владѣній, а другихъ — признать болѣе выгоднымъ, чтобы имъ вы-

платилъ стоимость (придаточное предложеніе) имѣнія, вмѣсто того (quam), чтобы добиваться его возвращенія (госирепо). Такимъ образомъ, Аратъ устанавливаетъ согласіе между согражданами.

Запасная. Cicero. in Verrem. lib. IV, с. 45. Особенную дерзость и безумство Верресъ обнаружилъ въ оскверненіи тѣхъ священныхъ предметовъ (sacra), къ которымъ не только руками прикасаться (не было позволительно), но которые преступно было даже мысленно (cogitatione) оскорблять. Вотъ что разказываетъ Цицеронъ. Въ Катанѣ (Catina), въ Сициліи, есть святилище Цереры, (пользующеся) у жителей Катанъ (Catinensis) такимъ же уваженіемъ (religio), какъ въ Римѣ, въ другихъ мѣстахъ и почти во всемъ мірѣ. Въ этомъ святилищѣ было весьма древнее изображеніе (signum) Цереры, о которомъ мужичины не знали не только того, что это за изображеніе, но даже и того, что оно существуетъ, ибо доступна мужичинамъ въ это святилище вѣтъ: священныя церемоніи (sacra) обыкновенно совершаются при помощи женщинъ и дѣвицъ. Это изображеніе рабы Верреса ночью тайно похитили изъ этого священнѣйшаго и древнѣйшаго мѣста. На другой день жрицы Цереры и начальницы (antistes) этого каплица доносятъ объ этомъ своимъ магистратамъ. Тогда Верресъ, вслѣдствіе гнусности (atrocitas) дѣянія, побуждаемый къ тому, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ (совершеніи) этого злодѣянія, даетъ одному изъ лицъ, пользовавшихся его гостепримствомъ (япцъ — гостепримствомъ переведено однимъ словомъ) порученіе найти кого нибудь, котораго бы можно было обвинить въ томъ, что онъ это сдѣлалъ, и приказываетъ принять мѣры, чтобы его за это преступленіе осудили. Обвиняютъ одного раба; противъ него выставляютъ (dare) подставныхъ (fingo) свидѣтелей. Дѣло разбираетъ катанскій сенатъ въ полномъ составѣ. Призвавши въ судъ, жрицы по секрету допрашиваютъ въ курии, въ чемъ, по ихъ мнѣнію, дѣло, какиимъ образомъ похищено изображеніе. Тѣ отиѣчаютъ, что въ этомъ мѣстѣ видѣли рабовъ претора. Такимъ образомъ дѣло, которое уже раньше не могло быть темнымъ, благодаря свидѣтельству *, стало вполне очевиднымъ, и недавно осужденный рабъ единогласно оправданъ. * Жрицы.

3. По греческому языку.

Основная. Xenoph. Hellen. lib. VI, с. IV, 19—22. Немедленно послѣ сраженія при Левктрахъ (τὰ Λεύκτρα) еиване отправили въ Аѳины посла, украсивъ его вѣнкомъ: они въ одно и то же время и сообщали о важности своей побѣды и просили помощи, высказывая, что въ настоящее время можно было бы отомстить лакедемонянамъ за все то, что они имъ причинили. Случилось такъ, что аѳинскій сенатъ въ это время засѣдалъ (καθιρηται) въ агрополѣ. Когда сенаторы услышали о происшедшемъ, они, очевидно, были очень огорчены: ни на паръ (τὰ ξῆνα) не пригласили они вѣстанка, ни отиѣта никакого не дали ему относительно помощи. Такъ и ушелъ посолъ изъ Аѳинъ. Тогда еиване немедленно отправили посла къ союзнику своему, ессалийскому (Θεσσαλία) тирану Лсону (Ἰάσων), требуя у него помощи. Онъ немедленно началъ снаряжать (πληρώω) триремы, чтобы оказать помощь на морѣ, а собравши наемное войско и бывшихъ вокругъ него всадниковъ, сухимъ путемъ чрезъ Фокиду (Φωκίς) направился (διακροσούμαι) въ Беотию (Βοιωτία), во мно-

гихъ городахъ появившись (ὄραω) раньше, чѣмъ получено было извѣстіе (ἀγγέλλω) о томъ, что онъ идетъ, показывая этимъ, что часто быстрота (дѣйстви́) лучше силы достигаетъ цѣли (διακράττομαι τὰ θέοντα). Но когда, по прибытіи въ Беотію, египтяне стали говорить, что благовременно было бы напасть на лакедемонявъ, Леонъ отклонилъ ихъ, внушивъ (διδάσκω) имъ, что, послѣ того какъ удалось (γίγνεσθαι) хорошее дѣло, не стоило бы имъ подвергать себя опасности для того, чтобы или достигъ еще большаго, или лишиться и (плодовъ) удавшейся побѣды.

Запаса я. Осада Газы (ἡ Γάζα) (Агг. Alex. Anab., lib. II, с. 26, 27). Когда Александръ Македонскій подошелъ къ городу Газѣ, построенному на высокой насыпи (ὑψήρα) и окруженному крѣпкой стѣной, то въ теченіе перваго дня расположился лагеремъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стѣна казалась ему болѣе всего удобной для приступа (ἐπιράχος), и приказалъ строить (συντήγομαι) (осадныя) машины. Строители машинъ (μηχανοποιεῖς) заявляли мѣнѣе, что трудно взять стѣну силой, вслѣдствіе высоты насыпи. Но Александръ былъ того мнѣнія (δοκέω), что тѣмъ болѣе нужно взять (эту стѣну), чѣмъ труднѣе. Поэтому онъ рѣшилъ устроить вокругъ города валъ (ὑψήρα ὑψυρόναι) для того, чтобы съ него подвозить машины къ стѣнамъ. Валъ дѣлали главнымъ образомъ по южной части городской стѣны, гдѣ городъ, казалось, былъ болѣе доступенъ нападению (ἐπιράχος). Когда насыпь была поднята до соотвѣтственной высоты (συμμέτρως), македоняне поставили на ней свои машины и придвинули ихъ къ стѣнѣ. Въ то время, когда Александръ, украсивши голову вѣнкомъ, налѣзавался по обычаю начать обрядъ жертвоприношенія (κατάρχομαι), одна изъ хищныхъ (σαρκοφάγος) птицъ, пролетая надъ жертвенникомъ, упустила (ἐμβάλλω) на голову Александра камень, который несла въ своихъ когтяхъ. Тогда Александръ спросилъ предсказателя, что означаетъ это предзнаменованіе (οἰωνός). Тотъ отвѣтилъ: „царь, городъ ты возьмешь, по самому тебѣ нужно остерегаться въ этотъ день“. И дѣйствительно, когда арабы начали осажать (ἐπιφέρω) огнемъ машины и проговяты македоняны съ возведеннаго ими вала, Александръ, взявши своихъ оруженосцевъ (ὀπασκιστής), сталъ помогать своимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они болѣе всего были тѣсными (πίεζω), и былъ пораженъ (ударомъ) катапульти сквозь щитъ и панцирь въ плечо. Теперь онъ обрадовался, потому что, по смыслу предсказанія, надѣялся овладѣть и городомъ, и дѣйствительно овладѣлъ имъ.

4. По математикѣ.

в) По арифметикѣ. Основна я. Принимая метръ=1,4 аршина, определить въ метрахъ величину выраженія:

$$[0,003 \text{ влм.} + 250 \text{ стм.} + 0,83 \text{ дкм.}] : 6 + [4,2 \text{ арш.} + 3,6 \text{ метр.} - \frac{1}{2} \text{ метр.}] \cdot 0,0(5)...$$

$$\left[1 \frac{1}{2} \cdot 2 \frac{1}{5} + 0,7 - 0,4 \right] \cdot \left[0,15) \dots + \frac{1}{1 + \frac{1}{3 + \frac{1}{8}}} + \frac{1}{11} - \frac{1}{2} \right] : 540$$

Запаса я. Сумма двухъ чиселъ равна общему наибольшему дѣлителю 735 и 1365. Первое число, сложенное съ тройнымъ вторымъ числомъ, равно $\sqrt{22201}$. Найти оба числа.

б) *По геометріи.* Основная. 1) Четырехугольникъ ABCD превратить въ равновеликій ему параллелограммъ съ основаніемъ AD.

2) Радиусы верхняго и нижняго основаній усѣченного конуса соответственно равны 3 и 7, а высота его равна радиусу верхняго основанія. Требуется вычислить боковую поверхность и объемъ полнаго конуса, принимая $\pi = \frac{22}{7}$.

Запасная. 1) Данный параллелограммъ превратить въ равновеликій ему ромбъ, имѣющій данную высоту.

2) Вычислить поверхность части шара радиуса r , видимой изъ точки, находящейся отъ шара на разстояніи d .

$$r = 15, d = 7.$$

в) *По алгебрѣ.* Основная. Переднее колесо экипажа дѣлаетъ на пространствѣ 120 аршинъ шестью оборотами болѣе, нежели заднее; но ежели бы окружности колесъ увеличить на аршинъ, то, на этомъ же пространствѣ, переднее колесо сдѣлаетъ 4 оборотами болѣе задняго. Найти длину окружностей колесъ.

Запасная. $\sqrt{45}$ обратить въ непрерывную дробь, найти 5-е приближеніе и опредѣлить погрѣшность.

г) *По тригонометріи.* Основная. Вычислить стороны и площадь треугольника, зная его периметръ $2p=38,247$ и углы: $A=62^\circ 38' 26''$, $B=65^\circ 22' 16''$ и $C=51^\circ 59' 18''$.

Запасная. Вычислить сторону c и углы B и C треугольника ABC, когда даны: сторона $a=98,53$, сторона $b=103,38$ и уголъ $A=25^\circ 17' 38''$.

VI. ВЪ ОДЕССКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

„Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньихъ силы напрягая,
Мужала съ гениемъ Петра“.

Пушкинъ.

2. По латинскому языку.

Послѣ того, какъ диктаторъ побѣдилъ войска латинянь, въ Римѣ начался такой разладъ ¹ между патриціями и плебеями ², что, несомнѣнно, государство дошло бы до крайней ³ опасности ⁴, еслибы какое нибудь сосѣднее племя объявило тогда войну римлянамъ. Причиной этого разлада было то, что многихъ изъ плебейской общины патриціи брали въ кабалу ⁵ за долги. Роптали ⁶ (плебеи), что, сражаясь въ отечества ⁷ за свободу, дома они угнетены своими же согражданами: отъ тяжкихъ процентовъ ⁸ долги растутъ со дня на день, отняты у нихъ поля, расхищено ⁹ имущество, не пощажены даже дѣти. Что же остается ¹⁰ несчастнымъ, кромѣ смерти? Зачѣмъ станутъ они долге терпѣть такую несправедливость? Такъ какъ, де, сенатъ не хочетъ придти ¹¹ на помощь ихъ стѣсненному положенію ¹², то они не возьмутся за оружіе, если возникнетъ ¹³ какая нибудь вѣшняя ¹⁴ война; пусть несутъ

военную ¹⁴ службу патриціи, дабы опасностямъ войны подвергались тѣ же, которые получали ¹⁵ прибыль отъ побѣды. Между тѣмъ, какъ эта и подобныя (рѣчи) говорились ¹⁷ въ народныхъ собраніяхъ ¹⁸, нѣкто убѣдилъ плебеевъ выдти изъ Рима и удалиться на священную гору. Тамъ они расположились лагеремъ и отказывались ¹⁹ возвратиться въ городъ, если имъ не будетъ позволено набирать своихъ должностныхъ лицъ, которымъ бы принадлежало право помощи противъ ²⁰ патриціевъ. Такимъ образомъ, въ 260 году отъ основанія Рима были выбраны народные трибуны.

1. discordia, 2. plebs, 3. ultimus, 4. discrimen, 5. necere, 6. tremere, 7. foris
8. usura, 9. direpere, 10. reliquum est, 11. subvenire, 12. res afflictas, 13. existere,
14. externus, 15. militare, 16. frui, 17. agitare, 18. contio, 19. negare,
20. adversus.

3. По греческому языку.

Въ то время, какъ варвары намѣревались вторгнуться въ Аттіку, аенскіе вожди спорили ¹ (между собою), идти ли имъ противъ враговъ (въ открытое поле), или защищаться отъ нихъ, оставаясь въ городѣ. Мильтіадъ, которому тогда случилось быть (однимъ) изъ десяти вождей, обратился ² къ полемарху ³ и ⁴ просилъ его не допускать ⁵, чтобы вся Греція погибла отъ варваровъ: „Отъ тебя теперь зависитъ ⁶, сказалъ онъ, или привести къ рабству ⁷ Грецію, или на вѣчныя времена ⁸ стяжать себѣ безсмертную славу. Ты вѣдь знаешь, что у насъ, вождей, мнѣнія расходятся ⁹, при чемъ одни предлагаютъ ¹⁰ вступить въ бой ¹¹, другіе же не дозволяютъ (этого). И такъ, если мы не вступимъ въ бой, я боюсь, что сильная ¹² смута ¹³ произойдетъ между ¹⁴ гражданами и ¹⁵ на столько потрясетъ ¹⁶ ихъ умы ¹⁷, что они станутъ на сторону персовъ ¹⁸: если же мы храбро сразимся съ врагами прежде, чѣмъ на аенянъ нападеть умнѣе, то я надѣюсь, что, при помощи боговъ, мы побѣдимъ варваровъ. Будь увѣренъ ¹⁹, что если ты присоедишься ²⁰ къ моему мнѣнію, отечество наше будетъ свободно и (будетъ) первымъ государствомъ въ Греціи⁴. Этими словами Мильтіадъ убѣдилъ полемарха, и было рѣшено начать ²¹ сраженіе.

1. διαφέρομαι. 2. ἔρχομαι, 3. πολέμαρχος. 4. вмѣсто сочиненія употребить подчиненіе. 5. εἶναι. 6. εἶναι. 7. καταδουλώω. 8. αἰών. 9. διαίταμαι. 10. приказываютъ,
11. συμβάλλω. 12. == большая. 13. σμῦσις. 14. дат. п. 15. что и 4. 16. διακίω.
17. τὸ φρόνημα. 18. μηδίζειν. 19. хорошо знай. 20. προστίθεμαι. 21. συνάπτω.

4. По математикѣ.

а) *По арифметикѣ.* Сумма, вырученная отъ продажи векселя въ 300 руб., учетнаго по 4% за 6 мѣсяцевъ до срока, раздѣлена была на двѣ части въ отношеніи 1 : 2. На меньшую изъ этихъ частей купленъ былъ спиртъ по 7 руб. за ведро. Сколько ведеръ воды нужно прилить къ этому спирту для того, чтобы ведро смѣси стоило 4 руб. 90 коп.

б) *По геометріи.* „Объемъ шара, имѣющаго въ діаметрѣ 2,4 фута, равенъ объему конуса, имѣющаго діаметръ основанія, равный 1-му футу. Определить отношеніе боковой поверхности конуса къ поверхности шара.

в) По алгебрѣ. Сумма цифръ трехзначнаго числа равна 18; если это число раздѣлимъ на произведеніе крайнихъ цифръ его, то получимъ 54; а если вычтемъ изъ него 693, то получимъ число обращенное. Найти число?

г) По тригонометри. Рѣшить треугольникъ и вычислить его площадь по двумъ угламъ $A = 60^{\circ}18'20''$, $B = 43^{\circ}8'$ и суммѣ двухъ сторонъ $a + b = 60,584$ дюйм.

VII. ВЪ КІЕВСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. „Возвышенную цѣль поэтъ избрать обязанъ“.

Баратынскій.

2. По латинскому языку.

Основная. Цезарю необходимо было *послѣдовать* ¹ *Аполлонію*², чтобы оставить раненыхъ, уплатить войску жалованье и ободрить союзниковъ. Онъ опасался за *Домиція* ³, чтобы Помпей не *захватилъ* его *въ располѣ* ⁴, и потому съ величайшимъ стараніемъ сдѣлалъ въ нему на помощь. Планъ же всего *предпріятія* ⁵ онъ *составилъ* ⁶ въ томъ *предположеніи* ⁷, чтобы, отвлекши Помпея отъ моря и тѣхъ войскъ, которыя онъ собралъ въ *Дуррахіи* ⁸, принудить его сразиться съ собой на равныхъ условіяхъ, если Помпей направится также противъ Домиція; если же Помпей перейдетъ въ Италію, то онъ *имѣлъ съ виду* ⁹, соединившись съ Домиціемъ, направиться чрезъ *Иллирію* ¹⁰ на помощь Италіи; если же Помпей попытается осадить Аполлонію и вытѣснить его (Цезаря) съ *морскою берега* ¹¹, то онъ *намѣревался* ¹² заставить Помпея посредствомъ осады его союзника Сципіона оказать послѣднему помощь. Поэтому Цезарь посредствомъ вѣстниковъ сообщилъ Домицію, какъ онъ намѣренъ поступить, и, оставивъ для защиты въ Аполлоніи четыре когорты и тѣхъ, которые были больны отъ ранъ, двинулся чрезъ *Эпиръ* ¹³. Помпей также, *догадываясь* ¹⁴ о планѣ Цезаря, думалъ, что ему слѣдуетъ послѣдовать къ Сципіону на помощь, если Цезарь направится противъ него; если же Цезарь не захочетъ уйти отъ морскаго берега, такъ какъ онъ ожидалъ (прібытія) легионовъ и конницы изъ Италіи, — чтобы самому напасть со всѣми войсками на Домиція.

1. Adire. 2. Apollonia, ae. 3. Domitius, i. 4. Praeoccupare. 5. Res. 6. Expli-
care. 7. Ratio (plur.). 8. Durraehium, i. 9. = чтобы. 10. Illyricum, i. 11. Ora, ae.
12. = чтобы. 13. Epirus, i. 14. Conjectura judicare.

3. По греческому языку.

Основная. Лакедемоняне, видя, что Спарта вслѣдствіе измѣны Павзанія *потеряла свое значеніе* ¹, а аѳиняне *пользуются хорошей славой* ², потому что ³ ни одинъ гражданинъ у нихъ не былъ осужденъ за измѣну, *старались* ⁴ *набросить подобное же пятно* ⁵ на Аѳины. Такъ какъ въ это время у аѳинянъ *Фемистоклъ пользовался* ⁶ большой славой, то лакедемоняне обвинили его въ измѣнѣ, утверждая, что онъ, сдѣлавшись лучшимъ другомъ Павзанія, *успокоился* ⁷ съ нимъ предать Грецію Ксерксу. Въ то же время они вели перегово-

воры также съ врагами Оемистокла, доказывая, что Панзаний, рѣшивъ предать грековъ, пригласилъ Оемистокла принять участіе въ этомъ замыслѣ ⁸. Оемистоклъ былъ оправданъ въ этомъ обвиненіи, но послѣ нѣкотораго времени яонняне забыли о его заслугахъ и старались *ослабить* ⁹ его силу, одни убоявшись его *превосходства* ¹⁰, а другіе позанидовавъ его славу. Итакъ они *изгнали* ¹¹ его изъ города, *примѣнивъ* ¹² къ нему такъ называемый остракизмъ.

1. ταπεινῶς πρῶττα. 2. εὐδοκμεῖν. 3. διά συν inf. 4. σκεῦεσθαι. 5. περιβάλλειν τινα ταῖς ὁμοίαις διαβολαῖς. 6. ἔχειν. 7. συντίθεσθαι. 8. πρόθεσις, ἤ. 9. ταπεινοῦν¹⁰. 10. ὑπαροχή, ἤ. 11. μεθίσταται. 12. ἐπάγειν τινί τι.

4. По математикѣ.

а) *По ариметикѣ.* Основная. Купецъ купилъ два куска сукна за 1.836 рублей, при чемъ платилъ за аршинъ перваго куска по 6,2 рубля, а за аршинъ втораго—по 4½ рубля. Все это сукно онъ потомъ продалъ и бралъ за каждый аршинъ того и другаго куска по 6 рубл. 30 коп., вслѣдствіе чего получилъ 16½% прибыли. Сколько аршинъ сукна было въ каждомъ кускѣ?

б) *По геометріи.* Основная. Данъ треугольникъ, котораго стороны равны 60, 21 и 45 дюймамъ. Определить поверхность и объемъ тѣла, происшедшаго отъ обращенія этого треугольника около меньшей изъ его сторонъ.

в) *По алгебрѣ.* Основная. Три числа, сумма которыхъ равна 18, составляютъ арифметическую прогрессию. Еслибы первое изъ этихъ чиселъ было 8-ю единицами болѣе, то числа составили бы геометрическую прогрессию. Найти эти числа.

г) *По тригонометріи.* Основная. Определить Sin. и Cosin. острого угла x изъ уравненія $\text{tg}2x=3\text{tg}x$.

VIII. ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Драма и ея отличіе отъ эпоса по изученнымъ образцамъ. Запасная. Главнѣйшіе моменты въ исторіи развитія русской драмы.

2. По латинскому языку.

Основная. Послѣ того какъ въ лагерь Катлины пришло извѣстіе, что заговоръ въ Римѣ открытъ, и что надъ Лентуломъ, Цетегомъ ¹ и прочими совершена смертная казнь, многіе изъ заговорщиковъ, будучи убѣждены, что въ случаѣ плохаго исхода дѣла имъ не будетъ дано никакой пощады, сочли за лучшее покинуть своего вождя и искать спасенія въ бѣгствѣ. Остальныхъ Катлина повелъ въ область Писторійскую ², чтобы оттуда убѣжать съ ними въ Транзальпинскую Галлію, но ему не удалось привести въ исполненіе свой планъ. Римскій полководецъ Кв. Метеллъ Целеръ, который съ тремя легіонами находился въ Писторійской области, узнавъ отъ перебѣжчиковъ, въ какую сторону направляется Катлина, расположился у подножія той горы, гдѣ ему должно было спускаться ³, и тамъ дождался, пока онъ придетъ. Недалеко оттуда находился и проконсулъ Антоній съ большимъ войскомъ. Когда Катли-

лина увидѣлъ, что онъ отовсюду окруженъ горами и войсками непріятельскими, и что нѣтъ никакой надежды ни убѣжать, ни получить помощь, то рѣшилъ какъ можно скорѣе сразиться съ Антоніемъ. Но, прежде чѣмъ вступить въ бой, Катилина, понимая, какъ важно въ критическую минуту поднять духъ солдатъ, произнесъ рѣчь, въ которой убѣждалъ ихъ не падать духомъ и не отчаиваться въ надеждѣ на спасеніе. Пусть помнятъ они, что въ сраженіи опасность болѣе всего угрожаетъ тѣмъ, которые болятся; пусть не забываютъ, что сражаются за свободу отечества, за свою жизнь и за тѣ блага, которыхъ достойны только доблестные (люди). Послѣ этого онъ далъ сигналъ къ битвѣ.

1. Cethegus. 2. Ager Pistoriensis. 3. Выразить сущ. descensus. 4. Esse.

Западня. Когда Ганнибалъ, находясь съ войскомъ у Кануи, замѣтилъ, что болѣе нельзя ни вызвать¹ враговъ на бой, ни пробиться черезъ ихъ лагерь къ Кануѣ, рѣшилъ отступить отъ Кануи и идти на самый Римъ, цѣль² всей войны. Хотя онъ сознавалъ, что удобный моментъ для этого похода былъ имъ упущенъ послѣ побѣды при Каннахъ, все-таки надѣялся и теперь завладѣть хотя частью города, приведи въ смутеніе гражданъ своимъ неожиданнымъ нападеніемъ; а если, думалъ онъ, Римъ будетъ въ критическомъ положеніи³, то тотчасъ или оба полководца останутъ Каную, или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ; войско они раздѣлятъ между собою, и тогда и онъ, и кампанцы съ большимъ успѣхомъ будутъ воевать съ болѣе малочисленнымъ врагомъ. Одно только тревожило его, чтобы не сдались римлянамъ кампанцы тотчасъ послѣ его ухода. Поэтому онъ нанялъ⁴ одного нумидійца постараться проникнуть черезъ лагерь враговъ въ Каную и сообщить горожанамъ, что его удаленіе будетъ для нихъ спасительно, такъ какъ отвлечетъ отъ Кануи часть войска враговъ; поэтому пусть они не падаютъ духомъ и протерпятъ⁵ еще нѣсколько дней осады; послѣ этого онъ сталъ готовиться къ походу.

1. Elieere. 2. Caput. 3. In discrimine esse. 4. Donis pellicere. 5. Tolerare.

3. На греческому языку.

Основная. Каждый, кто читаетъ рѣчи Демосоена противъ Филиппа и внимательно¹ разсматриваетъ тогдашнее положеніе Эллады, легко можетъ понять, что эллины не потеряли бы свободы, еслибы послушались Демосоена и своевременно² привели въ исполненіе всѣ необходимыя мѣры. Прежде чѣмъ Филиппъ началъ обижать эллиновъ, Демосоевъ совѣтовалъ своимъ согражданамъ отказаться отъ ихъ легкомыслія³ и не смотрѣть спокойно, какъ македоняне покоряютъ сосѣдніе города. Онъ уже въ то время боялся, что Филиппъ послѣ побѣды надъ прочими врагами нападетъ когда нибудь и на Аѣны. Когда же сдѣлалось ясно, что Филиппъ только и думаетъ о томъ, чтобы подчинить себѣ всю Элладу, тогда и Демосоевъ разъяснилъ своимъ согражданамъ, что Филиппъ достигъ такого величія⁴ преимущественно вслѣдствіе небрежности аѣнлянъ, что македонская сила сама по себѣ слаба, и что слѣдуетъ немедленно вторгнуться въ страну Филиппа. Но аѣнныне были слишкомъ испорчены⁵, чтобы быть въ состояніи энергично⁶ взяться за дѣло: имъ пришлось бы самимъ выступать въ походъ и вносить большія подати⁷, что имъ было нежелательно⁸. Но если Демосоевъ не могъ помѣшать Филиппу покорить Элладу, все-таки онъ не напрасно⁹ жилъ, такъ какъ онъ всю свою

жизнь только и думать о томъ, чтобы спасти свободу эллиновъ и навести ¹⁰ своихъ согражданъ на (путь) доблести.

1. ἀκριβώς. 2. ἐν καιρῷ. 3. ῥάθυμιεν. 4. τηλικούτον γίνεσθαι. 5. κακός. 6. ἴρρωμένως. 7. εἰσφορά. 8. ἐμοὶ βουλομένῳ ἐστίν. 9. μάτην. 10. προτρέπειν.

Занятная. Безкорыстіе ¹ Энамнионда ² подвергалось ³ однажды испытанію слѣдующимъ образомъ. Диомедонтъ ⁴ изъ Кизика ⁵ обѣщаль Артаксерксу постараться подкупить ⁶ Энамнионда. Съ большою суммою денегъ онъ прибылъ въ Фивы и пятью талантами склонилъ ⁷ на свою сторону ⁷ одного молодаго человека Микноа ⁸, чтобы чрезъ него достигнуть своей цѣли ⁹. Когда Микноа сообщилъ Энамнионду, для чего чужестранецъ прибылъ, послѣдній въ присутствіи Диомедонта сказалъ: „денегъ мнѣ не нужно. Если царь желаетъ того, что полезно еванцамъ, я готовъ сдѣлать это даромъ ¹⁰; въ противномъ случаѣ у него не достанетъ ¹¹ золота и серебра, такъ какъ отечество я не предаю, даже если кто либо предложитъ мнѣ сокровища ¹² вселенной ¹⁴. Я не удивляюсь, чужестранецъ, что ты, считая меня подобнымъ себѣ, соблазнилъ ¹⁴ меня, и прощаю тебѣ въ увѣренности, что ты не сдѣлалъ бы этого, еслибы зналъ меня. Теперь уѣзжай какъ можно скорѣе, чтобы тебѣ не подкупить другихъ, послѣ того какъ ты не могъ подкупить ¹³ меня. Ты же, Микноа, не оставляй ¹⁶ у себя ¹⁶ этихъ денегъ; а если ты не возвратишь ихъ немедленно, я предаю тебя властямъ.“

1. ἐγκράτεια. 2. Ἐπαιτιώνας. 3. δοκιμάζεσθαι. 4. Διομήδων. 5. изъ Кизика—Κοζικηρός. 6. χρήμασι διαφείρειν. 7. ἐπάγεσθαι. 8. Μίχνοος. 9. перевести посредствомъ предложенія. 10. ἀμωβί. 11. — онъ будетъ нуждаться въ достаточномъ количествѣ... 12. χρήματα. 13. οἰχομένῃ. 14. πειράσθαι. 15. опустить. 16. κατήξειν.

4. Не математикъ.

а) По арифметикѣ. Основаня. При печеніи ржаного хлѣба припекъ по вѣсу равенъ 45% вѣса взятой муки. Хлѣбникъ испекъ три хлѣба: вѣсъ перваго относился къ вѣсу втораго какъ $3\frac{1}{2} : 4$, вѣсъ третьяго = $22\frac{1}{2}\%$ вѣса всѣхъ трехъ хлѣбовъ; кромѣ того, извѣстно, что первый хлѣбъ былъ на 0,1 (9) пуда тяжелѣе третьяго. Сколько ржаной муки пошло на приготовленіе трехъ хлѣбовъ?

Занятная. Купецъ имѣлъ 3 куска сукна различнаго достоинства. Число аршинъ въ первомъ кускѣ относится къ числу аршинъ во второмъ, какъ $\frac{3}{4} : 0,8$; число аршинъ во второмъ къ числу аршинъ въ третьемъ какъ $0,16 : 0,08$. Продавъ сперва $\frac{1}{2}$, затѣмъ 0,(12) и $\frac{0,0(45)}{0,1}$ всего сукна, купецъ замѣтилъ, что отъ перваго куска осталось 2 аршина, отъ втораго — 5,5, а отъ третьяго — $1\frac{1}{2}$ аршина. Сколько аршинъ было въ каждомъ кускѣ?

б) По алгебрѣ. Основаня. Два двузначныхъ числа состоятъ изъ одинаковыхъ цифръ. Если первое изъ нихъ написать передъ вторымъ и разделить полученное такимъ образомъ четырехзначное число на второе, то получится въ частномъ 58, а въ остаткѣ 9; если же второе число написать передъ первымъ и разделить полученное число на первое, то получится 176. Какія это числа?

Занятная. Переднее колесо экипажа дѣлаетъ на пространствѣ 120 арш. шесть оборотовъ болѣе, нежели заднее; но еслибы окружности колесъ увеличить на аршинъ, то на томъ же пространствѣ переднее колесо сдѣлало бы 4-мя оборотами болѣе задняго. Найти длину окружностей колесъ.

в) *По геометріи.* Основная. Въ прямой конусъ, радіусъ основанія котораго равенъ r и образующая l , вписанъ шаръ. Вычислить радіусъ r' шара и площадь k круга прикосновенія шара къ конусу; $r = 4$, $l = 14$.

Задача. Около окружности радіуса r описана трапеція ABCD, углы которой B и C прямые и сторона $AD = 2a$. Вращеніемъ около BC трапеція образуетъ усѣченный конусъ. Вычислить параллельныя стороны AB и CD трапеціи и объемъ V усѣченного конуса; $a = 5$, $r = 3$.

г) *По тригонометріи.* О с н о в н а я. Раздѣлить дугу въ 30° на такія двѣ части, чтобы синусъ первой изъ нихъ равнялся удвоенному синусу второй.

З а д а ч а. Высота треугольника $h = 1,5$ арш., а углы, прилежащія къ основанію, соответственно равны $B = 22^\circ 37' 11''$ и $C = 36^\circ 52' 11''$. Вычислить площадь треугольника и радіусъ вписаннаго круга.

IX. ВЪ КАВКАЗСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Личность Петра Великаго по Пушкину.

2. По латинскому языку.

О посыланіи залловъ въ Италію. Въ царствованіе въ Римѣ Тарквинія Приска, въ землѣ кельтовъ, которая составляла третью часть Галліи, царскій престолъ занималъ Амбигатъ. Подъ его управленіемъ населеніе этой части Галліи увеличилось до такой степени, что, какъ казалось, только съ трудомъ можно было съ нимъ справиться. Вслѣдствіе этого, желая избавить государство отъ опаснаго для его спокойствія многолюдства, онъ рѣшился послать искать въ чужихъ краяхъ новыхъ мѣстъ для поселенія своихъ племянниковъ Белловеза и Сеговеза, позволивъ имъ взять съ собою такое, какое сами пожелаютъ, число людей. По жребію Сеговезу пришлось Геркинскія горы (Nepesinus saltus), а Белловезу путь болѣе пріятный—въ Италію. Выступивъ съ большимъ войскомъ, Белловезъ очутился (пришелъ) у подошвы Альпійскихъ горъ. Онъ, казалось, былъ непроходимъ и, если вѣрить сказаніямъ, только одному Геркулесу удалось перейти эти громады (высочайшія горы). Наводи подробныя справки (circumspectare), въ какомъ мѣстѣ перевалить черезъ хребетъ, упирающійся своими вершинами въ небо (coelo jungi), галлы узнали, что массивцы, которые прибыли на корабляхъ изъ Греціи, чтобы искать себѣ новаго отечества, стѣснены туземцами. Галлы находились въ такомъ же точно положеніи, какъ и пришельцы, и поэтому сочли своимъ долгомъ помочь имъ. Затѣмъ, водворивъ (constituere) массивцевъ на новомъ мѣстѣ, галлы благополучно перешли черезъ Альпы, разбили на голову этрусковъ и основали городъ Милавъ (Mediolanum). По ихъ слѣдамъ двинулись другіе галльскіе народы и, переправившись черезъ По (Padus), мало-по-малу завладѣли землями этрусковъ и умбровъ. Наконецъ, они дошли до рѣки Тибра.

3. По греческому языку.

Дарій приглашаетъ къ себѣ, вмѣсто египетскихъ пращей, эллинскаго. Случилось, что Дарій, соскочивъ на охотѣ съ лошади, вывихнулъ себѣ ногу (στροφῆσαι τὸν πόδα). Въ это время египтяне считались первыми въ врачевномъ искусствѣ (ἡ ἱατρικῆ), и онъ прибѣгаулъ къ ихъ помощи; тѣ, однако, вправляя (στροβίλον) ногу, еще хуже ее повредили. Страдая въ теченіе семи дней и семи

ночей, Дарій совершенно лишился сна (*εὐεβαί ἀγρυπνίας*); наконецъ, на восьмой день, когда онъ чувствовалъ себя плохо, кто-то ему посоветовалъ обратиться къ рабу Димокиду (*Διμοκίδης, οὐκ*), эллину по своему происхожденію. Тотчасъ велѣлъ царь его позвать; его привели въ оковахъ (*ἡ πείδη*), одѣтымъ въ рубищахъ (*τὸ ῥάκος*). Царь спросилъ его, знаетъ ли онъ врачебное искусство. Тотъ сперва отрицалъ, боясь, чтобы его не задержали на чужбинѣ навсегда, и онъ такимъ образомъ не былъ лишень надежды возвратиться когда нибудь въ отечество. Но, когда Дарій угрозилъ (*ἀπειλῆν τῷ τι*) наказаніемъ, то онъ взялся за лѣченіе. Итакъ, Димокидъ, пользуясь эллинскими медицинскими средствами (*τὸ ἱαμα*), вскорѣ достигъ того, что къ царю возвратился совѣ (*ἀγαθάνην τινός*), и онъ совершенно выздоровѣлъ. Въ благодарность за это, царь его щедро награждалъ (*χορηαῖν τινα δῶροισ*), и съ тѣхъ поръ сталъ держать при себѣ эллинскихъ врачей.

4. По математикѣ.

а) *По ариметикѣ.* Нѣкто, продавъ за 3311 руб. вексель за 2 мѣсяца 24 дня до срока съ учетомъ по $6\frac{1}{4}\%$, часть этихъ денегъ, равную 0,6(428571) валюты векселя, отдалъ въ банкъ по $4\frac{1}{2}\%$, а остальныя деньги отдалъ въ другой банкъ. Черезъ 3 мѣсяца 10 дней онъ взялъ обратно свои деньги изъ обоихъ банковъ, выѣсть съ выросшими процентами, и оказалось, что образовавшаяся сумма на 2 коп. больше валюты проданнаго векселя. Сколько процентовъ давалъ второй банкъ? (Для желающихъ: какую поправку можно сдѣлать въ одномъ изъ данныхъ задачъ, чтобы образовавшаяся сумма была въ точности равна валютѣ векселя?).

б) *По геометріи.* Треугольникъ, котораго стороны $a=21$, $b=20$, $c=13$, обращается около стороны a . Определить объемъ и поверхность тѣла вращенія. (Для желающихъ: найти отношеніе объемовъ и поверхностей тѣлъ вращенія, которыя получатся, если треугольникъ послѣдовательно будетъ обращаться около сторонъ a , b , c).

в) *По алгебрѣ.* Два круга движутся одновременно своими центрами по сторонамъ прямого угла по направленію къ его вершинѣ. Первоначальное разстояніе центра перваго круга отъ вершины угла 120 ф., втораго круга 69 фут.; радиусъ перваго круга 65 ф., втораго 24 ф.; скорость перваго круга 4 фута, втораго 3 фута въ секунду. Черезъ сколько секундъ произойдетъ вышнее и внутреннее касаніе круговъ? (Для желающихъ: замѣнить числа 120 и 69 буквами a и b , и определить условія возможности касаній).

г) *По тригонометріи.* Въ прямоугольномъ треугольникѣ гипотенуза раздѣлена на три равныя части и точки дѣленія соединены съ вершиною прямого угла. Определить длину соединяющихъ прямыхъ и части, на которыя раздѣлился прямой уголъ. Катеты треугольника $b=35$, $c=12$. (Для желающихъ: можетъ ли одна изъ частей прямого угла быть равна 30° ?).

Х. ВЪ ЗАПАДНО-СИБИРСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Значеніе Кіева, Москвы и Петербурга въ исторіи Россіи.

Запасная. Какъ смотрѣлъ Фанусовъ на государственную службу и на воспитаніе?

2. По латинскому языку.

Основная. Въ 358 году до Рождества Христова римскій консулъ былъ непріятелями окруженъ въ неудобной долинѣ, въ Сициліи. Въ этомъ затруднительномъ положеніи римлянъ спасло отличное мужество военнаго трибуна Кальпурнія. Онъ именно обратился къ консулу и сказалъ: „я *нахожу полезнымъ* ¹⁾, чтобы ты приказалъ 400 солдатамъ идти къ той скалѣ ²⁾, которая возвышается въ среднѣхъ непріятелей, и занять ее. Непріятели, разумѣется, увидя это, поспѣшатъ нашимъ солдатамъ навстрѣчу, и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти 400 будутъ убиты. Но ты между тѣмъ, какъ непріятели будутъ заняты этимъ кровопролитіемъ, будешь имѣть время вывести войско изъ этого мѣста³⁾. Консулъ поблагодарилъ трибуна, и трибуны съ 400 отправляются на смерть, вагонная имъ, въ какое мѣсто и съ какимъ намѣреніемъ онъ ведетъ ихъ, онъ сказалъ: „умрутъ, сослуживцы, и *избавимъ* ⁴⁾ своею смертью окруженные легіоны отъ осады“. Всѣ слѣдуютъ, *воспламененные* ⁵⁾ не надеждою на спасеніе ⁶⁾, но любовью къ славѣ. Непріятели удивляются ихъ смѣлости. Но воль скоро *стало ясно* ⁷⁾, что они *направляются* ⁸⁾ занять ту скалу ⁹⁾, то обращаютъ оружіе противъ нихъ и всѣ тѣ 400 падаютъ. Между тѣмъ, консулъ, пока происходило то сраженіе, *поднимается* ¹⁰⁾ въ мѣста безопасныя и возвышенныя.

1) Conseo. 2) Eripere. 3) Ascendere. 4) Evadere. 5) Apparere. 6) Iter intendere. 7) Rapere. 8) Se subducere.

Запасная. Когда вольски, латины и герники, соединившись, *стали* ¹⁾ сильно опасеніе ²⁾ римлянамъ и сотники донесли объ этомъ Камиллу, разставившему уже войско въ боевой порядокъ, онъ *вскочилъ* ³⁾ на коня и, *размахивая* ⁴⁾ по рядамъ, говорилъ: „откуда эта печаль, воины? откуда несвойственное вамъ *колебаніе* ⁵⁾? Непріятеля, меня или себя вы не знаете? Всѣ мы одни и тѣ же; и такъ какъ мы для веденія настоящей войны *имѣемъ съ собою* ⁶⁾ опять все то же, что брали для веденія прежнихъ, то будемъ также ожидать того же самаго исхода войны! Лишь только вы сойдетесь (съ врагомъ), пусть каждый изъ васъ сдѣлаетъ то, чему научился и къ чему привыкъ. Вы побѣдите, и они побѣгутъ“. Затѣмъ, подавъ знакъ, онъ спрыгнулъ съ коня и, схвативъ за руку ближайшаго знаменосца, потащилъ его противъ непріятеля, крича: „вонъ, *спередъ* ⁷⁾“. Видя, что самъ Камиллъ идетъ противъ непріятеля, не смотря на то, что у него, вслѣдствіе его старости, едва хватало силъ для тѣлесныхъ *напряженій* ⁸⁾, они, поднявъ военный крикъ, всѣ разомъ устремляются впередъ.

1) Commovere animum. 2) Insilire. 3) Interequitare. 4) Cunctatio. 5) —принесимъ. 6) Signum inferre. 7) Minus.

3. По греческому языку.

Основная. Лакедемоняне *Бурисъ* ¹⁾ и *Сперей* ²⁾ добровольно отправились къ царю персидскому Ксерксу, для (полученія того) наказанія, которое Спарта, по иреченію оракула, *должна была* ³⁾ (потерять за то), что лакедемоняне убили вѣстниковъ, посланныхъ къ нимъ царемъ персидскимъ. Пришедши къ Ксерксу, они *предлагали* ⁴⁾ ему казнить ихъ за лакедемонянъ, какимъ ему *удобно* ⁵⁾ образомъ. Когда Ксерксъ, удивившись (такой отвагѣ), *просилъ* ⁶⁾ этихъ мужей и просилъ ихъ остаться у него, то они сказали, „Какъ же мы могли бы жить здѣсь, когда мы покинули отечество и законы

и тѣхъ самыхъ мужей, изъ-за которыхъ мы совершили этотъ далекій путь, чтобы умереть?" Когда затѣмъ полководецъ Гидарнъ *) убѣждалъ ихъ еще настоятельнѣе и говорилъ, что они получаютъ почетъ наравнѣ съ самыми влиятельными друзьями царя, то они отвѣчали: „ты, какъ намъ кажется, не знаешь, сколь великое благо составляетъ свобода, которую никакой благоразумный человѣкъ не согласится промѣнять на все Персидское царство.

1) Βοῦρις. 2) Σπερθίης. 3) ὀφείλειν. 4) καλεῖσθαι. 5) глаголь. 6) ἀπολύειν. 7) Ἰβάρης.

Запаса я. Фракійскіе нравы. Фракійскій народъ, послѣ индійскаго, самый многочисленный изъ всѣхъ народовъ. Еслибы онъ былъ управляемъ однимъ государемъ или былъ единодушенъ (ταυτὰ φρονεῖν), то онъ былъ бы непобѣдимъ (ἀνίκητος) и гораздо сильнѣе всѣхъ народовъ. У каждаго изъ нихъ много женъ. Когда одинъ изъ нихъ умираетъ, то друзья его съ большою заботливостію наводятъ слѣдствіе (ζητήσιν ποικίλθαι), которая изъ женъ наиболѣе была любима мужемъ. И та, которая избирается, прославляется (ἐγκωμιάζουσα) мужчинами и женщинами (и) убивается ближайшимъ ея родственникомъ (οἰκέτιος, superlat.); убитую ее погребаютъ вмѣстѣ съ мужемъ; другія же (его жены) считаютъ это великимъ несчастіемъ (συμφορὰν ποικίλθαι), ибо это для нихъ составляетъ величайшій срамъ. Погребеніе для болѣе состоятельныхъ между ними бываетъ слѣдующее: три дни они выставляютъ мертвого и, заколовъ разнаго рода животныхъ, они пируютъ (εὐχεῖσθαι), поплакавши сначала (προκλαῖω). Послѣ этого они его хоронятъ, сожигая его или погребая (κρύπτω) въ землѣ, и, насыпавъ кучу (земли) (σωρός), они устрояютъ различныя состязанія.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ. Основная. Нѣкто оставилъ наслѣдство въ 8100 руб. тремъ сыновьямъ. Второй сынъ при раздѣлѣ получилъ 75% того, что получилъ первый, третій—0,666... % того, что получилъ второй. Третій сынъ свою полученную часть наслѣдства отдалъ въ банкъ изъ 5%. Спрашивается, какъ великъ будетъ капиталъ третьяго по прошествіи 1 года 3 мѣс. 10 дней, принимая годъ равнымъ 12 мѣсяцамъ, а мѣсяцъ 30 днямъ?

Запаса я. Сплавляютъ 3 фунта серебра 90 пробы, 4 фунта 86¹/₂ пробы и прибавляютъ столько лигатуры (мѣди), что получается серебро 84 пробы. Спрашивается, сколько было взято лигатуры?

б) По геометріи. Основная я. Боковая поверхность конуса равновелика площади сектора круга съ дугою въ 216° и радиусомъ равнымъ 20 дюймамъ. Какъ великъ будетъ радіусъ шара, равновеликаго объему конуса, при чемъ образующая конуса равна радіусу сектора, а окружность основанія конуса—дугѣ сектора? Вычисленіе производить съ точностью до одной десятой.

Запаса я. Диагональ прямоугольнаго параллелепипеда равняется 26, а диагонали сторонъ его равны $8\sqrt{10}$ и $6\sqrt{17}$. Определить объемъ параллелепипеда.

в) По алгебрѣ. Основная я. Капиталъ, отданный на 7 лѣтъ къ росту обращается въ 9239 рублой. Если тотъ же капиталъ отдать на 10 лѣтъ, то онъ обратится въ 10.544 рубля. Определить первоначальный капиталъ и проценты (проценты сложные).

З а п а с н а я. Два работника вмѣстѣ окончиваютъ работу въ 24 часа. Еслибы сначала одинъ исполнилъ половину работы, а потомъ другой остальную половину, то работа была бы окончена въ 50 часовъ. Во сколько часовъ каждый отдѣльно можетъ кончить работу?

г) *По тригонометріи.* О с н о в н а я. Рѣшить $\triangle ABC$, у котораго $\angle A = 105^\circ$, сторона $a = 15,75$ и $c = 4,2203$, при чемъ вычислить и площадь треугольника.

З а п а с н а я. Если раздѣлимъ пополамъ сторону правильного треугольника, вписаннаго, то получится приблизительно сторона правильного семиугольника, вписаннаго въ тотъ же кругъ. Найти разность между центральнымъ угломъ, соответствующимъ приближенной сторонѣ правильного семиугольника, и центральнымъ угломъ, соответствующимъ дѣйствительной сторонѣ правильного семиугольника.

XL. ПО ТУРКЕСТАНСКОМУ КРАЮ (ТАШКЕНТСКАЯ ГИМНАЗІЯ).

1. По русскому языку.

Значеніе Москвы въ исторіи возвышенія Россіи.

2. По латинскому языку.

Послѣ сраженія при Каннахъ восемь тысячъ римлянъ попали въ руки пунійцевъ. Когда Ганнибалъ далъ имъ возможность выкупить себя, они избрали десять человекъ, съ тѣмъ, чтобы они шли въ Римъ къ сенату. Пуиійцы не потребовали отъ нихъ другаго залога ¹⁾ вѣрности, какъ только, чтобы они поклялись, что возвратятся въ лагерь, если не добьются отъ сената, чтобы плѣнные были выкуплены. Когда они вышли изъ лагеря, одинъ изъ нихъ вернулся немного спустя въ лагерь, какъ будто забывъ что-то, и до ночи настигъ своихъ спутниковъ. Онъ думалъ, что этой хитростью онъ освободился отъ клятвы. Когда послы плѣнныхъ были введены въ сенатъ, глава ихъ М. Ювій много говорилъ, почему должно выкупить плѣнныхъ, и ничего не оставилъ для возбужденія состраданія сенаторовъ. Когда онъ окончилъ рѣчь, тотчасъ поднялся жалобный крикъ ²⁾ со стороны толпы мужей и женщинъ, которые стояли у дверей курій; они протягивали руки къ куріи, прося, чтобы имъ были возвращены отцы, дѣти, мужья, братья, родные. Спрошенные по очереди сенаторы рѣшили, что плѣнныхъ не должно выкупать, дабы римскіе солдаты знали, что въ сраженіи должно или побѣдить, или умереть. Когда былъ данъ этотъ печальный отвѣтъ, толпа всякаго рода людей проводила пословъ до воротъ съ большимъ плачемъ. Одинъ изъ пословъ, который, по причинѣ ложнаго ³⁾ возвращенія въ лагерь, считалъ себя свободнымъ отъ клятвы, возвратился домой. Когда это донесено было сенату, всѣ рѣшили, что этотъ обманщикъ долженъ быть схваченъ и отведенъ къ Ганнибалу.

1) Pignus. 2) Clamor flebilis. 3) Fallax.

3. По греческому языку.

Мужество Псамменита. Послѣ взятія Мемфиса Камбизъ посадилъ на позоръ въ предѣлѣхъ египетскаго царя Псамменита, процарствовавшаго шесть мѣсяцевъ, вмѣстѣ съ другими египтянами и подвергъ его мужество такому испытанію. Одѣвъ дочь его въ платье рабыни, онъ послалъ ее за водою вмѣ-

стѣ съ другими знатными дѣвцами, одѣтыми одинаково съ царской дочерью. Когда дѣвцы проходили мимо своихъ отцовъ, всѣ отцы горько плакали при видѣ позора своихъ дѣтей, но Псамменитъ, хотя видѣлъ и понималъ все, опустилъ только глаза въ землю. Послѣ дѣвицы Камбизъ послалъ въ оковахъ Псамменитова сына и 2000 египтявъ одного съ нимъ возраста: ихъ вели (на казнь) въ отищеніе за убитыхъ египтянами митленявъ. Увидѣвъ ихъ и понимавъ, что сына ведутъ на смерть, Псамменитъ сдѣлалъ то же самое, что и при видѣ дочери, тогда какъ другіе египтяне не стыдился плакать. Случилось затѣмъ, что прошелъ мимо него одинъ изъ его друзей, лишившійся всего имущества и ставшій нищимъ. Увидѣвъ его, Псамменитъ заплакалъ. Камбизъ удивился этому (поступку) и послалъ вѣстника спросить у Псамменита: „повелитель Камбизъ спрашиваетъ тебя, почему ты при видѣ позора своей дочери и сына не плакалъ, а почтилъ слезами нищаго, который тебѣ даже не родственникъ“. Псамменитъ отвѣчалъ: „сынъ Кира! мое собственное горе слишкомъ велико, чтобы его оплакивать; несчаствіе же друга, сдѣлавшагося въ старости нищимъ, достойно слезъ“. Камбизу показались эти слова справедливыми: онъ запретилъ убивать сына Псамменита, а самого его велѣлъ привести къ себѣ.

Меменстъ—Μέρμης, ιδος; позоръ—λόρη; предметъ—πρόσθετον; Псамменитъ—Ψαμμήνιτος; подвергать испытанію—πειράσθαι; позоръ—καχέω; опустить глаза—χόπτειν εἰς τὴν γῆν; митленцы—Μιτληναῖοι.

4. По математикѣ.

а) *По ариметикѣ.* Два купца составили компанію для общаго торга и внесли различныя капиталы: капиталъ перваго относится къ капиталу втораго, какъ 17 : 12. По истеченіи $4\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ первый купецъ взялъ 20% изъ своего капитала, а по истеченіи 5 мѣсяцевъ со дня открытія торговли второй прибавилъ къ своему капиталу еще 25% его. Черезъ годъ торговли они получили столько рублей прибыли, сколько могъ бы принести въ 1 годъ 3 мѣсяца капиталъ въ 6000 рублей, отданный по 4,58%. Сколько прибыли получилъ каждый купецъ?

б) *По геометріи.* Сѣченіе прямого круглаго цилиндра плоскостью, проходящею черезъ ось цилиндра, представляетъ прямоугольникъ, у котораго діагональ равна 75 дюйм.; высота прямоугольника относится къ его основанію, какъ 4 : 3. Въ нижнее основаніе цилиндра вписать квадратъ, служащій основаніемъ правильной пирамиды, имѣющей вершину въ центрѣ верхняго основанія. Определить объемъ этой пирамиды.

в) *По алимбріи.* Нѣкто, поступивъ на службу, сберегъ изъ своего жалованья въ первый годъ 315 руб., а въ каждый слѣдующій годъ сберегалъ 35 рублями болѣе, чѣмъ въ предыдущій. Какую сумму сберегетъ онъ въ 15 лѣтъ и по сколько рублей онъ долженъ былъ бы класть ежегодно въ банкъ на $5\frac{1}{2}$ %, чтобы по прошествіи 8 лѣтъ имѣть сумму, равную сбереженной?

г) *По тригонометріи.* По берегу рѣки проведена прямая линія длиною въ 41,2 метра; линіи, проведенныя отъ концовъ ея къ столбу на противоположномъ берегу, образуютъ съ нею углы въ $68^\circ 4' 13''$ и $71^\circ 13' 10''$. Определить ширину рѣки.

№ 1. Вѣдомость о подвергавшихся испытаніи

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили желаніе подвергнуться испытанію.			Не были допущены къ испытанію.						Отсрочено испытаніе.	
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.		Посторонніе на основаніи § 44, пунктъ			Итого (и процентъ отъ отношеніе къ заявившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. 1 § 55 правилъ.
				По малолѣтству.	По нравственнымъ неурядицѣмъ.	а.	б.	в.			
<i>С.-Петербургскій:</i>											
21 правительств. гимназій	391	22	413	4	—	—	—	—	4 (0,9%)	5	—
4 церковныя училища	—	—	46	2	—	—	—	—	2 (4,3%)	—	—
3 частныя гимназій	—	—	46	1	—	—	—	—	1 (2,1%)	—	—
Во всѣхъ 28 учебн. завед.	391	22	505	7	—	—	—	—	7 (1,3%)	5	—
<i>Московскій:</i>											
23 правительств. гимназій ¹⁾	473	30	503	23	1	—	—	1	25 (4,9%)	5	—
1 церковное училище	—	—	8	2	—	—	—	—	2 (25%)	—	—
2 частныя гимназій	—	—	19	—	—	—	—	—	—	—	—
Во всѣхъ 26 учебн. завед.	473	30	530	25	1	—	—	1	27 (5%)	5	—
<i>Казанскій:</i>											
9 правительств. гимназій	160	25	185	5	—	—	—	—	5 (2,7%)	1	—
<i>Оренбургскій:</i>											
6 правительств. гимназій ²⁾	84	3	87	4	1	—	—	—	5 (5,7%)	2	—
<i>Харьковскій:</i>											
17 правительств. гимназій	278	14	292	7	—	—	—	1	8 (2,7%)	—	1
<i>Одесскій:</i>											
16 правительств. гимназій	250	32	282	7	—	—	—	1	8 (2,8%)	—	—
<i>Кіевскій:</i>											
15 правительств. гимназій	513	16	529	12	—	—	—	—	12 (2,2%)	1	—

¹⁾ Въ томъ числѣ гимназическое отдѣленіе при Лазаревскомъ институтѣ и дворянскія желаніе держать испытаніе и допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости абитуриентовъ

и удостоенныхъ аттестата зрѣлости въ 1890 году.

Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Итого (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
387	22	409	378 (97,6%)	11 (50%)	389 (95,1%)	18 ^{11/21}	28	18	46 (12,1%)
—	—	44	—	—	44 (100%)	11	—	—	—
—	—	45	—	—	45 (100%)	15	1	8	4 (8,8%)
387	22	498	378 (97,6%)	11 (50%)	478 (95,9%)	17 ^{1/11}	29	21	50 (10,4%)
444	29	473	426 (95,9%)	10 (34,4%)	436 (92,1%)	18 ^{22/22}	11	20	31 (7,2%)
—	—	6	—	—	6 (100%)	6	1	—	1 (16,6%)
—	—	19	—	—	19 (100%)	9 ^{1/2}	—	—	—
444	29	498	426 (95,9%)	10 (34,4%)	461 (92,5%)	17 ^{19/22}	12	20	32 (6,9%)
154	25	179	148 (96,1%)	13 (52%)	161 (89,9%)	17 ^{9/9}	13	5	18 (12,1%)
76	3	79	76 (100,%)	2 (66,6%)	78 (98,7%)	13	5	7	12 (15,7%)
270	13	283	266 (98,5%)	7 (53,8%)	273 (96,4%)	16 ^{1/17}	19	13	32 (12%)
243	31	274	236 (97,1%)	19 (61,2%)	255 (93%)	15 ^{15/16}	16	19	34 (14,8%)
500	16	516	469 (93,8%)	7 (43,7%)	476 (92,2%)	31 ^{11/16}	24	29	53 (11,3%)

институтъ Императора Александра II въ Нижнемъ Новгородѣ. — *) Одинъ изъ заявившихся въ Рязанской гимназіи не явился на экзаменъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили желание под- вергнуться испытанію.			Не были допущены къ ис- пытанію.						Отсрочено ис- таніе.	
	Гимназисты.	Посторонніе.	В с е г о.	Гимна- зисты.		Посторон- ніе на основаніи § 44, пунк- товъ			Итого (и процент- ное отноше- ніе къ заявившимъ желаніе).	По болѣзни на году.	На основаніи п. 1 § 65 правилъ.
				По малолѣт- ности.	По гражданско- й неграмотн.	а.	б.	в.			
<i>Виленскій:</i>											
9 правительствъ гимназій	177	6	183	7	1	—	—	—	8 (4,3%)	1	—
<i>Варшавскій:</i>											
20 правительствъ гимназій	328	14	342	27	4	—	—	—	31 (9%)	1	—
<i>Дерптскій:</i>											
14 правительствъ гимназій	296	84	380	11	1	—	—	—	12 (3,1%)	6	—
<i>Кавказскій:</i>											
8 правительствъ гимназій	164	5	169	6	—	—	—	—	6 (3,5%)	4	—
<i>Туркестанскій край:</i>											
1 правительствъ гимназій	21	1	22	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Западная Сибирь:</i>											
4 правительствъ гимназій	55	3	58	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Восточная Сибирь:</i>											
2 правительствъ гимназій	33	1	34	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого:											
Въ 165 прав. гимназіяхъ	3223	256	3479	113	8	—	—	—	3124 (3,8%)	13	1
„ 5 церковн. училищахъ	—	—	54	4	—	—	—	—	4 (7,4%)	—	—
„ 5 частн. гимназіяхъ.	—	—	65	1	—	—	—	—	1 (1,5%)	—	—
А всего											
въ 175 учебн. заведеніяхъ.	—	—	3598	118	8	—	—	—	3129 (3,5%)	13	1

Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
Гимназист.	Посторонніе.	Всего.	Гимназист.	Посторонніе	Всего.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Итого (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
168	5	173	160 (95,2%)	1 (20%)	161 (93%)	17%	5	6	11 (6,8%)
296	14	310	274 (92,5%)	8 (57,1%)	282 (90,9%)	14 ¹ / ₁₀	7	11	18 (6,3%)
278	84	362	225 (80,9%)	28 (33,3%)	253 (69,3%)	18 ¹ / ₁₁	—	—	—
154	5	159	138 (89,6%)	1 (20%)	139 (87,4%)	17%	6	11	17 (12,3%)
21	1	22	21 (100%)	—	21 (95,4%)	21	2	—	2 (9,4%)
55	3	58	55 (100%)	2 (66,6%)	57 (98,2%)	14 ¹ / ₅	—	2	2 (3,6%)
33	1	34	31 (93,9%)	—	31 (91,1%)	15 ¹ / ₃	1	1	2 (6,4%)
3079	252	3331	2903 (94,2%)	109 (43,2%)	3012 (90,4%)	18¹/₁₀₃	137	142	279 (9,6%)
—	—	50	—	—	50 (100%)	10	1	—	1 (2%)
—	—	64	—	—	64 (100%)	12 ¹ / ₅	1	3	4 (6,2%)
—	—	3445	—	—	3126 (90,7%)	17¹⁵¹/₁₇₅	139	145	284 (9,4%)

№ 2. Вѣдомость о не выдержавших

УЧЕВНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подверг- нувшихся испытанію.	Общее число не выдер- жавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе попадающихъ къ первымъ.	Число не выдержавших						
				Закоу Божію.	Русск. яз. и словесн.		Латинск. языку.		Гречес- языку	
					Письмен- наго.	Устног.	Письмен- наго.	Устног.	Письмен- наго.	Устног.
<i>С.-Петербургскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	387	9	2,3	—	3	—	3	1	4	—
» церковныхъ училищъ	44	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» частныхъ гимназій	45	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	22	11	50	—	5	1	6	1	8	—
Всего	498	20	4	—	8	1	9	2	12	—
<i>Московскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	444	18	4	—	9	—	9	—	12	1
» церковнаго училища	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» частныхъ гимназій	19	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	29	19	65,5	—	9	2	9	1	11	—
Всего	498	37	7,4	—	18	2	18	1	23	1
<i>Казанскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	154	6	3,9	—	—	—	2	—	1	1
Постороннія лица	25	12	48	—	6	—	4	3	2	1
Всего	179	18	10	—	6	—	6	3	3	2
<i>Оренбургскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	76	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	3	1	33,3	—	—	—	1	—	1	—
Всего	79	1	1,2	—	—	—	1	—	1	—
<i>Харьковскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	270	4	1,5	—	4	—	—	—	1	—
Постороннія лица	13	6	46,1	—	2	—	4	—	4	—
Всего	283	10	3,5	—	6	—	4	—	5	—
<i>Одесскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	243	7	2,8	1	3	—	4	2	3	—
Постороннія лица	31	12	38,7	—	4	—	6	2	8	2
Всего	274	19	6,9	1	7	—	10	4	11	2
<i>Кіевскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	500	31	6,2	1	10	—	13	7	15	10
Постороннія лица	16	9	56,2	—	4	1	4	—	5	—
Всего	516	40	7,7	1	14	1	17	7	20	10

испытанія зрѣлости въ 1889 году.

испытанія по слѣдующимъ предметамъ:								Осталось на другой годъ въ классѣ.	Выбыли со свѣдѣтельностью на основаніи § 72 правилъ.
Математикѣ.		Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ.	Общее число неудовлетворительныхъ отбѣтокъ по всемъ предметамъ.		
Письменнаго.	Устного.								
9	4	—	—	—	—	—	24 на 9	9	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	1	—	—	—	—	—	28 на 11	—	—
15	5	—	—	—	—	—	52 на 20	9	—
3	—	—	3	—	—	—	37 на 18	17	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5	1	2	1	—	—	—	41 на 19	—	—
8	1	2	4	—	—	—	78 на 37	17	1
4	—	—	—	—	—	—	8 на 6	6	—
4	—	—	1	1	—	—	22 на 12	—	—
8	—	—	1	1	—	—	30 на 18	6	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	1	—	—	—	—	—	4 на 1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	4 на 1	—	—
2	—	—	4	—	—	—	11 на 4	3	1
4	—	—	—	—	—	—	14 на 6	—	—
6	—	—	4	—	—	—	25 на 10	3	1
4	1	—	1	—	—	—	19 на 7	3	4
6	1	1	1	—	—	—	31 на 12	—	—
10	2	1	2	—	—	—	50 на 19	3	4
14	12	—	2	—	—	—	84 на 31	21	10
3	2	1	3	—	1	—	24 на 9	—	—
17	14	1	5	—	1	—	108 на 40	21	10

УЧЕВНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подвергнувшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ						
				Закону Божію.	Русск. яз. словесн.		Латинск. языку.		Греческ. языку.	
					Письменнаго.	Устногo.	Письменнаго.	Устногo.	Письменнаго.	Устногo.
Виленскій.										
Ученики правительств. гимназій	168	8	4,7	—	7	—	1	1	2	1
Постороннія лица	5	4	80	—	1	1	3	1	3	1
Всего	173	12	6,9	—	8	1	4	2	5	2
Варшавскій.										
Ученики правительств. гимназій	296	22	7,4	—	17	—	9	1	11	—
Постороннія лица	14	6	42,8	—	3	—	4	—	4	—
Всего	310	28	9	—	20	—	13	1	15	—
Дерптскій.										
Ученики правительств. гимназій	278	53	19	1	27	—	14	9	16	10
Постороннія лица	84	56	66,6	4	37	21	26	10	23	8
Всего	362	109	30,1	5	64	21	40	19	39	18
Кавказскій.										
Ученики правительств. гимназій	154	16	10,4	1	7	—	13	2	7	4
Постороннія лица	5	4	80	—	3	—	2	—	—	—
Всего	159	20	12,6	1	10	—	15	2	7	4
Туркестанскій край.										
Ученики правительств. гимназій	21	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	1	1	100	—	—	—	—	—	—	—
Всего	22	1	4,5	—	—	—	—	—	—	—
Западная Сибирь.										
Ученики правительств. гимназій	55	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	3	1	33,3	—	1	—	1	—	1	—
Всего	58	1	1,7	—	1	—	1	—	1	—
Восточная Сибирь.										
Ученики правительств. гимназій	33	2	6	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	1	1	100	—	1	—	1	—	1	—
Всего	34	3	8,8	—	1	—	1	—	1	—
И Т О Г О:										
Ученики правительств. гимназій	3079	176	5,7	4	87	—	68	23	72	27
» церковныхъ училищъ	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» частныхъ гимназій	64	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	252	143	56,7	4	76	26	71	18	71	12
В С Е Г О	3445	319	9,2	8	163	26	139	41	143	39

Испытанія по слѣдующимъ предметамъ:								Общее число неудовлетворительныхъ отѣтовъ по всѣмъ предметамъ.	Остались на другой годъ въ классѣ.	Выбѣли со свѣдѣтельствомъ на основаніи § 72 правилъ.
Арифметикѣ.	Устного.	Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новинѣ иностранныхъ языковъ.				
5	—	—	1	—	—	—	18 на 8	7	1	
3	1	1	—	—	—	—	15 на 4	—	—	
8	1	1	1	—	—	—	83 на 12	7	1	
6	1	—	—	—	—	—	45 на 22	18	4	
2	—	1	—	—	—	—	14 на 6	—	—	
8	1	1	—	—	—	—	59 на 28	18	4	
13	7	—	20	—	—	—	117 на 53	37	16	
40	25	19	29	5	—	5	252 на 56	—	—	
33	32	19	49	5	—	5	369 на 109	37	16	
12	1	—	3	—	—	—	50 на 16	10	6	
3	1	1	1	—	—	—	11 на 4	—	—	
15	2	1	4	—	—	—	61 на 20	10	6	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1	—	—	—	—	—	—	1 на 1	—	—	
1	—	—	—	—	—	—	1 на 1	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1	1	—	—	—	—	—	5 на 1	—	—	
1	1	—	—	—	—	—	5 на 1	—	—	
1	—	—	1	—	—	—	2 на 2	1	1	
1	—	—	—	—	—	—	4 на 1	—	—	
2	—	—	1	—	—	—	6 на 3	1	1	
73	26	—	35	—	—	—	415 на 176	132	44	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
80	34	26	36	5	1	5	465 на 143	—	—	
53	60	26	71	5	1	5	880 на 319	132	44	

№ 3. Распределение признанныхъ зрѣлыми по возрастамъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>С.-Петербургскій.</i>			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	378	25	—	98	—	83	—	86	—	86	—
» церковн. училищъ.	44	5	—	19	—	9	—	9	—	2	—
» частныхъ гимназій.	45	3	—	12	—	9	—	11	—	10	—
Постороннія лица.	11	—	—	1	—	1	—	1	—	8	—
Всего . .	478	33	6,9	180	27,1	102	21,3	107	22,4	106	22,3
<i>Московскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	426	26	—	100	—	118	—	92	—	90	—
» церковн. училищъ.	6	—	—	1	—	4	—	1	—	—	—
» частныхъ гимназій.	19	1	—	4	—	5	—	6	—	3	—
Постороннія лица .	10	—	—	—	—	1	—	1	—	8	—
Всего . .	461	27	5,8	105	22,8	128	27,8	100	21,7	101	21,9
<i>Казанскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	148	10	—	36	—	59	—	28	—	15	—
Постороннія лица .	13	—	—	—	—	1	—	3	—	9	—
Всего . .	161	10	6,2	36	22,3	60	37,3	31	19,3	24	14,9

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Оренбургскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	76	9	—	19	—	14	—	15	—	19	—
Постороннія лица.	2	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—
Всего.	78	9	11,5	19	24,4	15	19,2	15	19,2	20	26,7
<i>Харьковскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	266	11	—	57	—	80	—	64	—	54	—
Постороннія лица.	7	—	—	—	—	1	—	—	—	6	—
Всего.	273	11	4	57	20,9	81	29,7	64	23,4	60	22
<i>Одесскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	236	19	—	45	—	62	—	50	—	60	—
Постороннія лица.	19	—	—	—	—	5	—	1	—	13	—
Всего.	255	19	7,4	45	17,7	67	26,3	51	20	73	28,6
<i>Кіевскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	469	19	—	91	—	131	—	103	—	125	—
Постороннія лица.	7	—	—	—	—	2	—	1	—	4	—
Всего.	476	19	4	91	19,1	133	28	104	21,8	129	27,1

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Виленскій.</i>			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	160	10	—	37	—	35	—	46	—	32	—
Постороннія лица	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Всего .	161	10	6,2	37	23	35	21,7	46	28,6	33	20,5
<i>Варшавскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	274	8	—	49	—	75	—	77	—	65	—
Постороннія лица	8	—	—	—	—	2	—	1	—	5	—
Всего .	282	8	2,8	49	17,4	77	27,3	78	27,7	70	24,8
<i>Дерптскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	225	22	—	49	—	48	—	58	—	48	—
Постороннія лица	28	2	—	3	—	3	—	6	—	14	—
Всего .	253	24	9,5	52	20,5	51	20,2	64	25,3	62	24,5

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Кавказскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	138	8	—	22	—	30	—	30	—	48	—
Постороннія лица .	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Всего . .	139	8	5,8	22	15,8	30	21,6	30	21,6	49	35,2
<i>Туркестанск. край.</i>											
Ученики правит. гимназій.	21	—	—	1	—	9	—	5	—	6	—
Постороннія лица .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего . .	21	—	—	1	4,8	9	42,8	5	23,8	6	28,6
<i>Западная Сибирь.</i>											
Ученики правит. гимназій.	55	1	—	11	—	20	—	10	—	13	—
Постороннія лица .	2	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—
Всего . .	57	1	1,7	11	19,3	21	36,9	10	17,8	14	24,5
<i>Восточная Сибирь.</i>											
Ученики правит. гимназій.	31	2	—	6	—	6	—	11	—	6	—
Постороннія лица .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего . .	31	2	6,4	6	19,4	6	19,4	11	35,4	6	19,4
ИТОГО:											
Ученики правит. гимназій	2903	170	5,8	621	21,3	770	26,5	675	23,2	667	22,9
» державн. училищъ.	50	5	10	20	40	13	26	10	20	2	4
» частныхъ гимназій.	64	4	6,2	16	25	14	21,8	17	26,5	13	20,3
Постороннихъ . .	109	2	1,8	4	3,6	18	16,5	14	12,8	71	65,1
Всего . .	3126	181	5,7	661	21,2	815	26,1	716	22,9	753	24,1

№ 4. Распределение призванныхъ зрѣльши.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Всего	Россія
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего		
<i>С.-Петербургскій.</i>									
21 правительств. гимназія	4 ¹⁾	24	88	92	119	13	340		
4 церковныя училища	4	4	8	10	8	2	36		
3 частныя гимназіи	—	2	10	16	8	1	37		
Изъ всѣхъ 28 учебн. заведеній	8	30	106	118	135	16	413		
<i>Московскій.</i>									
23 правительств. гимназіи	—	42	96	134	145	6	423		
1 церковное училище	—	—	2	—	2	—	4		—
2 частныя гимназіи	—	4	5	8	2	—	19		—
Изъ всѣхъ 25 учебн. заведеній	—	46	103	142	149	6	446		
<i>Казанскій.</i>									
9 правительств. гимназій	—	6	28	58	57	3	152		
<i>Оренбургскій.</i>									
6 правительств. гимназій	—	2	13	27	25	—	67		
<i>Харьковскій.</i>									
17 правительств. гимназій	1 ¹⁾	21	72	58	105	2	259		
<i>Одесскій.</i>									
16 правительств. гимназій	—	11	73	59	102	1 ²⁾	246		
<i>Кіевскій.</i>									
15 правительств. гимназій	—	31	118	133	149	4	435		—

¹⁾ Въ духовную академію.—²⁾ Въ Вѣднскій университетъ безъ означенія факул

вѣтѣямъ, къ которымъ они себя предназначали.

ающе въ высшія спеціальныя училища:							Поступающе на поприще практической дѣятельности:						
той союзнам.	Горный институтъ.	Технологическій.	Земледѣльч. акад. и Лѣсной институтъ.	Инстит. гражданск. инженер. академію художествъ и консерватор.	Всего.	Въ гос. службу.		Частной дѣятельности.				Всего.	
						Гражданск.	Военн.	Учебной.	Сельско-хозяйств.	Коммерческой.	Мануфактур. и фабрично-заводской.		
8	5	5	3	1	5	38	2	8	1	—	—	—	11
1	—	2	1	—	1	7	—	1	—	—	—	—	1
2	2	1	1	—	—	7	1	—	—	—	—	—	1
21	7	8	5	1	6	52	3	9	1	—	—	—	13
3	—	4	—	—	1	9	—	4	—	—	—	—	4
1	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	1
4	—	4	—	—	1	10	—	5	—	—	—	—	5
—	1	2	2	—	—	6	1	2	—	—	—	—	3
3	3	1	1	—	—	9	2	—	—	—	—	—	2
6	1	2	1	1 ³⁾	—	12	—	2	—	—	—	—	2
1	—	4	1	1 ³⁾	1	9	—	—	—	—	—	—	—
18	3	4	2	1	—	28	1	9	—	1	2	—	13

тета.—³⁾ Въ Техническое училищепочтово-телеграфнаго вѣдомства.

УЧЕБНЫЕ ОБРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Всего.	Военныя
	Богословскій.	Историко-фелологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.		
<i>Виленскій.</i>									
9 правительств. гимназій . . .	3	6	38	33	61	2	143	3	
<i>Варшавскій.</i>									
20 правительств. гимназій. . .	2 ¹⁾	7	56	68	117	1	251	1	
<i>Дерптскій.</i>									
14 правительств. гимназій . . .	30	12	34	47	94	4	221	1	
<i>Кавказскій.</i>									
8 правительств. гимназій. . .	1 ¹⁾	6	31	32	45	3	118	4	
<i>Туркестанскій край.</i>									
1 правительств. гимназія . . .	—	—	7	6	6	—	19	1	
<i>Западная Сибирь.</i>									
4 правительств. гимназій . . .	—	1	9	17	21	1	49	—	
<i>Восточная Сибирь.</i>									
2 правительств. гимназій . . .	1 ¹⁾	1	4	9	16	—	31	—	
Всего въ 175 учебн. заведеніяхъ	46¹⁾	180	692	807	1082	43²⁾	2850	19	
Процентное отношеніе къ общему числу зрѣлыхъ	1,4	5,7	22,1	25,8	34,6	1,3	91,1	0,6	

¹⁾ 9 въ духовную академію.—²⁾ Одинъ въ Вѣнскій университетъ безъ означенія не дали свидѣній.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Поступающіе въ высшія спеціальныя училища:							Поступающіе на поприще практической дѣятельности:							
Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ	Технологическій.	Земледѣльч. академію и Лѣсной институтъ.	Инстит. гражданск. инженер.	Академію художествъ и консерватор.	Всего.	Въ гос. службу.		Частной дѣятельности.					Всего.
							Гражданскую.	Восную.	Учебной.	Сельско-хозяйств.	Коммерческой.	Мануфакт. и желѣзн.-дорожн.		
5	—	3	6	—	—	17	—	1	—	—	—	—	—	1
6	4	6	4	1	1	23	—	3	3	—	—	—	—	8 ⁴⁾
1	1	7	5	—	3	18	4	4	1	4	1	—	—	14
7	—	—	2	—	1	14	—	6	—	—	1	—	—	7
—	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
2	1	2	1	—	—	6	1	—	—	—	1	—	—	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
74	21	44	30	5 ³⁾	13	206	12	41	5	5	5	—	—	70 ⁴⁾
2,3	0,6	1,4	0,9	0,1	0,4	6,5	0,3	1,3	0,1	0,1	0,1	—	—	2,2

зультата.—³⁾ Два въ техническое училище почтово-телеграфнаго вѣдомства.—⁴⁾ Два

VII ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ГИГИЕНИЧЕСКИЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

(Отъ 10-го до 17-го августа (новаго стиля) 1891 г.).

Лондонскому конгрессу предшествовали международные гигиеническіе конгрессы въ Брюсселѣ (1876), Парижѣ (1878), Туринѣ (1880), Женевѣ (1882), Гагѣ (1884) и Вѣнѣ (1887). Будущій конгрессъ имѣеть быть въ Вуда-Пештѣ (1894).

Занятія конгресса раздѣлены были на *два* отдѣла, изъ которыхъ *первый* заключалъ въ себѣ девять секцій по слѣдующимъ отраслямъ: 1) Предупредительная медицина. 2) Бактеріологія. 3) Отношенія между болѣзнями людей и животныхъ. 4) Дѣтство, школы. 5) Отношенія физики и химіи къ гигиенѣ. 6) Архитектурная гигиена. 7) Значеніе для гигиены инженернаго искусства. 8) Гигиена мореходства и военнаго быта. 9) Государственная гигиена.

Второй отдѣлъ состоялъ изъ одной демографіи.

По невозможности читать рефераты и дѣлать научныя сообщенія предъ *всѣмъ* съѣздомъ, какъ извѣстно, прибѣгаютъ къ дѣленію его на болѣе или менѣе значительное число секцій, представляющихъ ту выгоду, что устанавливаются относительно малыя группы спеціальностей, такъ что интересующіеся тою или другою отраслью знанія имѣютъ возможность участвовать въ обсужденіи отдѣльныхъ научныхъ вопросовъ. Отрицательная же сторона этого дробленія заключается въ томъ, что этимъ нарушается общая связь съѣзда: слушатели, участвующіе въ одной секціи, постоянно находятся въ тревожномъ состояніи, боясь пропустить въ то же время болѣе интересные для нихъ вопросы въ другой секціи. Обстоятельство это чрезвычайно важно и отражается на *всѣмъ* строѣ конгресса. Чувство беспокойства отдѣльныхъ членовъ инстинктивно передается всему собранію, въ которомъ уже въ первые дни центробѣжныя силы берутъ верхъ и про-

являются признаки внутренняго разложенія. Лондонскій конгрессъ легко могъ бы устранить это неудобство, допустивъ дѣленіе всѣхъ работъ на меньшее число секцій, такъ какъ нѣкоторыя могли быть совсѣмъ выпущены или же присоединены къ однороднымъ отраслямъ гигиены, что дало бы возможность обсуждать отдѣльные вопросы въ органической связи. Теперь же вопросъ объ алкоголизмѣ, напримѣръ, трактовался одновременно въ трехъ секціяхъ.

На прежнихъ международныхъ гигиеническихъ и медицинскихъ конгрессахъ (возьмемъ для сравненія вѣнскій и берлинскій) большое значеніе имѣли *общія засѣданія*, на которыхъ выдающіеся представители участвовавшихъ въ конгрессѣ *юсударствъ* произносили рѣчи, провозглашая этимъ принципъ интернаціональнаго единенія и общности и затрогивая самые жгучіе вопросы даннаго періода, большею частью по биологіи. Эти рѣчи сразу опредѣляли фізіономію конгресса, рѣзко очертивъ направленіе современной науки. Такъ, напримѣръ, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ въ упомянутыхъ рѣчахъ преобладалъ дарвинизмъ; въ послѣдніе же годы на первомъ планѣ рисуется бактериологія. Стоитъ только вспомнить, съ какимъ живымъ интересомъ приняты были въ Копенгагенѣ (1884), рѣчи Пастера и Вирхова, въ Вѣнѣ (1887) рѣчи Петенкоффера, Бруарделя и другихъ, а въ прошломъ году въ Берлинѣ рѣчи Листера, Коха, Бушара, Акселя Кей и другихъ. Отсутствіе общихъ засѣданій въ Лондонѣ нанесло чувствительный ущербъ престижу всего конгресса и значительно содѣйствовало преждевременному его разложенію. О другихъ крупныхъ недостаткахъ его организаціи упомянемъ ниже.

Торжественное открытіе конгресса послѣдовало 10-го августа (новаго стиля) ровно въ 3 часа въ St. James Hall, гдѣ могло помѣститься не болѣе 2.000 человекъ, такъ что многіе члены, не получившіе заранѣе розданныхъ входныхъ билетовъ, должны были остаться за дверьми. Выборъ этой залы для открытія нельзя не назвать неудачнымъ; въ Лондонѣ могли бы найдти болѣе помѣстительную залу. Въ Берлинѣ (1890) для открытія съѣзда избранъ былъ циркъ Ріенца, въ которомъ помѣщается до 8.000 посѣтителей. Тамъ же происходили общія засѣданія.

При звукахъ англійскаго національнаго гимна взошелъ на эстраду принцъ Уэльскій въ сопровожденіи предсѣдателей отдѣльныхъ комитетовъ. Вся публика, среди которой не мало было дамъ, поднялась съ мѣстъ и громко аплодировала. Принцу, какъ предсѣдателю конгресса, передана была золотая медаль, эмблема конгресса. Сэръ Дугласъ Галь-

тонъ, предсѣдатель организаціоннаго комитета, представилъ отчетъ о дѣятельности послѣдняго. Въ 14-ти государствахъ учреждены были спеціальныя комитеты, задавшіеся цѣлью содѣйствовать успѣху конгресса. Почти всѣ государства Европы имѣли здѣсь своихъ делегатовъ, но также и Америка, Японія, Персія, Египетъ, индійскія колоніи и т. д. Были также выдающіеся представители отъ университетовъ, медицинскихъ обществъ и городскихъ присутственныхъ мѣстъ всего міра. Изъ Индіи явилось на конгрессъ болѣе 70 делегатовъ. Многіе индійскіе принцы сдѣлали крупныя пожертванія. Въ этомъ отношеніи Лондонскій конгрессъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Рѣчь принца Уэльскаго:

„Сэръ Дугласъ Гальтонъ! милостивые государыни и государи! Чрезвычайно радъ, что на мою долю выпало удовольствіе открыть этотъ конгрессъ и сердечно привѣтствовать всѣхъ его участниковъ особенно тѣхъ, которые прибыли изъ дальнихъ странъ. Не разъ я имѣлъ счастье предсѣдательствовать въ многочисленныхъ собраніяхъ, преслѣдовавшихъ благія цѣли; но среди нихъ едва ли найдется одно, которое имѣло бы такое важное значеніе какъ настоящій конгрессъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ не только значительное число присутствующихъ здѣсь членовъ, но и списокъ блестящихъ именъ, входящихъ въ составъ комитета. Въ этомъ спискѣ находятся нѣкоторые члены моего семейства, крупнѣйшіе представители королевства, делегаты университетовъ, предсѣдатели многихъ медицинскихъ обществъ, многіе официальные представители нашихъ колоній, лордъ-мэръ и шерифы Лондона и значительное число ученыхъ, пріобрѣвшихъ здѣсь и за границею вполне заслуженную репутацію въ области *общественнаго здравохраненія* и сродныхъ съ нимъ наукъ“.

„Всѣ эти дѣятели глубоко проникнуты важнымъ значеніемъ этого конгресса, и совершенно справедливо, такъ какъ слѣдуетъ допустить, что онъ окажется благотворнымъ для всѣхъ классовъ общества“.

„При одномъ взглядѣ на нашу программу нельзя не придти въ ужасъ отъ опасностей, со всѣхъ сторонъ угрожающихъ нашей жизни и здоровью. Нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, едва ли устранимы при современномъ состояніи гигиены; за то бѣльшая часть ихъ положительно уступаетъ благоразумнымъ санитарнымъ мѣрамъ. Не позволяя себѣ сужденія о всѣхъ этихъ опасностяхъ, упомяну лишь о тѣхъ вредныхъ вліяніяхъ, которыя обратили особенное мое вниманіе, когда я состоялъ членомъ королевской комиссіи по устройству жи-

лыхъ помѣщеній для рабочихъ. Тогда я имѣлъ случай ознакомиться съ угрожающими нашему здоровью вредоносными дѣятелями, обязанными своимъ происхожденіемъ прежде всего непрерывному приросту нашихъ большихъ торговыхъ и фабричныхъ центровъ со всѣми его спутниками: переполненіемъ городовъ и жилищъ, порчею атмосфернаго воздуха, скопленіемъ отбросовъ, загрязненіемъ почвы и воды и т. д.².

„Борьба съ этими вредоносными факторами могла бы показаться безплодною, но я съ радостью могу заявить, что въ этомъ направленіи сдѣлано уже многое, доказательствомъ чему служить наша статистика, указывающая на прогрессивное уменьшеніе смертности въ большихъ городахъ Англіи, какъ и увеличеніе средней продолжительности жизни всего народонаселенія. Всѣмъ этимъ мы обязаны нашимъ санитарнымъ учрежденіямъ, и мы вправѣ надѣяться, что дальнѣйшія мѣропріятія на этомъ пути увѣчатся не меньшимъ успѣхомъ (продолжительное рукоплесканіе)“.

„Въ отдѣльныхъ секціяхъ конгресса будутъ обсуждаться средства борьбы съ угрожающими нашей жизни и здоровью опасностями, характеръ которыхъ долженъ быть выясненъ, какъ подобаетъ подобному конгрессу, *sine ira et studio*, единственно въ интересахъ здравоохраненія, безъ всякой политической окраски (*bravo*). Предлагаемыя санитарными учрежденіями реформы должны быть признаны всѣми, хотя бы онѣ посягали на интересы отдѣльныхъ лицъ, такъ какъ онѣ имѣютъ въ виду общее благо“.

„Лѣшу себя надежду, что благотворное вліяніе конгресса не ограничится лишь санитарными управленіями: весь народъ, всѣ классы общества должны проникнуться сознаніемъ необходимости улучшить санитарныя условія, въ которыхъ имъ приходится жить. Повторяю, „всѣ классы“ должны участвовать въ общей работѣ. Хотя дознано, что всего болѣе грѣшить противъ гигиены бѣдное народонаселеніе, имѣющее наименѣе возможности сопротивляться внѣшнимъ опасностямъ, тѣмъ не менѣе ни одинъ классъ людей не гарантированъ отъ послѣднихъ. Есть ли хоть одно семейство, въ которомъ тотъ или другой его членъ не сдѣлался бы жертвою тифа, дифтерита или другой болѣзни, причисляемой къ специальной категоріи тѣхъ, которыя могутъ быть предотвращены? Если же дознано, что современная наука обладаетъ средствами къ предупрежденію этихъ болѣзней, то всякій вправѣ спросить: отчего ихъ не предотвращаютъ?“ (продолжительное *bravo*).

„Вопросы, которые предстоятъ обсужденію конгресса и которые имѣютъ интересъ для всякаго, касаются не только уменьшенія смертности и заболѣваемости; они стремятся создать такія отношенія, подъ вліяніемъ которыхъ достигается наибольшая работоспособность чело-вѣка. Тогда только водворится удовлетворительное благосостояніе, когда рабочіе всѣхъ классовъ въ состояніи будутъ проявить столько энергіи, сколько отъ нихъ требуютъ данныя условія. Для этой цѣли необходимы прежде всего здоровье и силы, охрана которыхъ и есть задача общественной гігіены“.

„Не имѣя возможности участвовать въ занятіяхъ конгресса, я тѣмъ не менѣе буду слѣдить за ними съ большимъ интересомъ и всѣми силами споспѣшествовать осуществленію всего того, что конгрессъ признаетъ полезнымъ“ (браво).

Проф. Бруардель, деканъ парижскаго медицинскаго факультета, выразилъ отъ имени французскихъ членовъ конгресса благодарность за патронатъ королевы и предсѣдательство наслѣднаго принца. Онъ упомянулъ годъ коронаціи королевы Викторіи (1837), когда впервые наданъ былъ законъ объ обязательной регистраціи смертныхъ случаевъ. Съ того времени начинаются административныя реформы общественнаго здравоохраненія, такъ что переживаемый теперь гігienesно періодъ времени справедливо можно назвать *эрою Викторіи*. Затѣмъ ораторъ привелъ слова одного изъ великихъ государственныхъ людей Англіи (Дизраэли), сказанныя имъ въ 1875 г. въ парламентѣ по поводу обсужденія билля объ общественномъ здоровіи. Слова эти заслуживаютъ того, чтобы ихъ повторяли во *всѣхъ* парламентахъ *всѣхъ* государствъ. „Общественное здоровіе“, сказалъ Дизраэли, „есть фундаментъ, на которомъ зиждется счастье народа и могущество страны. Первая обязанность государственнаго чело-вѣка—забота объ общественномъ здоровіи“. Съ того времени послѣдовали одна за другою важныя реформы санитарныхъ законовъ Англіи, которые служатъ идеаломъ для другихъ государствъ.

Проф. Бруардель говорилъ затѣмъ о безсмертныхъ заслугахъ Дженнера относительно введенія оспопрививанія, объ изслѣдованіяхъ Водда и Мурчисона, которымъ мы обязаны предохранительными мѣрами противъ тифа, о работахъ Шомопа, касающихся распространенія болѣзней водою для питья, о холерномъ вопросѣ (1866 г.) и т. п.

Во всѣхъ этихъ трудахъ Франція принимала дѣятельное участіе. „Если начало текущаго столѣтія“, сказалъ Бруардель, „украшилось именемъ Дженнера, а конецъ его именемъ Пастера, то человѣчество

можетъ радоваться. Въ этомъ столѣтіи, больше чѣмъ въ предыдущихъ, сдѣлано противъ народныхъ бѣдствій, болѣзней и смерти. „Объ изслѣдованіяхъ Коха въ рѣчи Бруарделя не упомянуто ни словомъ. Не даромъ же инцидентъ съ туберкулиномъ французы окрестили названіемъ: „Медицинскій Седанъ“ или „научный буланжизмъ“.

Проф. Корради изъ Павіи произнесъ рѣчь по-италиански, въ которой подробно изложилъ отношенія средневѣковыхъ италіанскихъ университетовъ къ школамъ древней Англіи, особенно указавъ на *Герсея* и его открытіе законовъ кровообращенія, основу которыхъ онъ почерпнулъ въ анатомической школѣ въ Павіи. Это открытіе одухотворило биологию; но и гигиена явилась тогда наукою. Ораторъ выражаетъ душевную радость по поводу дружеской связи Италіи и Англіи въ области научнаго изслѣдованія и просвѣщенія.

Д-ръ Кёрёзи, директоръ статистическаго комитета въ Буда-Пештѣ, благодарилъ отъ имени австро-венгерскихъ членовъ за то, что королева и наследный принцъ приняли этотъ конгрессъ подъ особое свое покровительство, и указалъ на международный статистическій конгрессъ въ Лондонѣ (1860). Англія, по мнѣнію оратора, настоящая родина статистики, особенно демографіи. Творцами этой науки по справедливости считаются сыны Англіи: Граунтъ, Петти, Мальтусъ, Геллей и др. Настоящему конгрессу суждено состояться на родинѣ своей, въ тѣхъ же залахъ „Royal Society“, гдѣ 230 лѣтъ тому назадъ Граунтъ впервые очертилъ задачи демографіи, также подъ высокимъ покровительствомъ престола.

Д-ръ Ротъ, военно-медицинскій инспекторъ саксонской арміи, говорилъ отъ имени германскаго комитета. Въ области общей гигиены, сказалъ онъ, Англія по справедливости считается руководящимъ центромъ, благодаря значительному числу великихъ ученыхъ, посвящающихъ свои силы этому предмету. Матеріальныя богатства этой страны облегчаютъ осуществленіе грандіозныхъ санитарныхъ мѣропріятій. Одна Англія и въ состояніи дѣлать экспериментальныя изслѣдованія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Всѣ эти стремленія облегчаются здѣсь тѣмъ, что въ характерѣ англичанина лежитъ необыкновенная энергія провести въ жизнь все практическое: разъ оно признано необходимымъ, англичане не останавливаются ни предъ какими препятствіями, особенно финансовыми. Чтеніе книжекъ по гигиенѣ въ Англіи нисколько намъ не поможетъ. Мы должны пріѣхать сюда и лично ознакомиться съ многочисленными учрежденіями на благо человѣчества, чтобы получить

понятіе о томъ, что создадо здѣсь „Self-governement“. Ораторъ упоминаетъ о громаднѣхъ заслугахъ Перкса, поставившаго себѣ задачей жизни: „опрятность и свѣтъ“, и выражаетъ желаніе, чтобы духъ этого великаго гигиениста виталъ надъ занятіями конгресса.

Въ томъ же смыслѣ говорилъ военно-медицинскій инспекторъ германской арміи фонъ-Колеръ, цифрами указавшій на значительное уменьшеніе, въ послѣдніе годы, смертности и заболѣваемости въ германской арміи и воздавшій должную дань признательности правительству императора Вильгельма II, столь много сдѣлавшему для упроченія успѣховъ гигиены.

Сэръ Джемсъ Паджетъ предложилъ затѣмъ собранію выразить благодарность принцу Уэльскому за предсѣдательство и руководительство конгресса. „Стремленіе послѣдняго“, сказалъ маститый хирургъ, „состоитъ въ доставленіи всѣмъ націямъ средствъ къ проведенію въ жизнь принциповъ гигиены. Каждая секція должна помнить, что она существуетъ не для себя одной; она составляетъ только часть цѣлаго и подлежитъ критикѣ со стороны другихъ секцій. Существующая и нынѣ наклонность къ еще большому дробленію медицинской науки есть горькое заблужденіе. Нѣкоторые полагаютъ, что многіе предстоящіе намъ вопросы никогда не будутъ разрѣшены; этотъ взглядъ не выдерживаетъ критики. Такъ, напримѣръ, первыя открытія Пастера не могли заставить думать, что они послужатъ матеріаломъ для двухъ секцій: бактериологической и предупредительной медицины. Можно надѣяться, что многія опасныя болѣзни, столь страшныя въ настоящее время, покажутся нашимъ потомкамъ ничтожными. Въ этомъ отношеніи уже много сдѣлано въ Англіи, благодаря дѣятельности Local Governement Board; впереди однако жъ предстоитъ еще больше работы, и потому желательно, чтобы конгрессъ ходатайствовалъ у своихъ правительствъ объ активномъ содѣйствіи его задачамъ. Ожидаемыя отъ конгресса блага начинанія да послужатъ выраженіемъ глубокой признательности августѣйшему его предсѣдателю“.

На это принцъ Уэльскій сказалъ слѣдующее: „милостивые государины и государи! я долженъ благодарить Васъ за только что заявленное мнѣ сочувствіе, которое для меня тѣмъ дороже, что оно выражено устами моего стараго многоуважаемаго друга сэра Джемса Паджета. Съ большимъ интересомъ мы только что выслушали рѣчи выдающихся иностранныхъ делегатовъ, оставившихъ въ насъ глубокое впечатлѣніе. Мнѣ ничего не остается прибавлять къ тому, что

выражено было въ этихъ рѣчахъ. Многочисленность этого ученаго собранія ругается за успѣхъ его работъ, хотя время его дѣятельности весьма ограничено. Мы вправѣ проникнуться чувствомъ благодарности ко всѣмъ членамъ, прибывшимъ изъ разныхъ частей свѣта для взаимнаго обмѣна мыслей. Какъ бы скептически многіе ни относились къ слову „конгрессъ“, я все-таки убѣжденъ, что онъ принесетъ извѣстную долю пользы не одной нашей странѣ, но всѣмъ государствамъ. И такъ, приступимъ къ дѣлу* (громкое браво).

Приводить рефераты отдѣльныхъ секцій, даже по школьной гигиенѣ, значило бы злоупотреблять терпѣніемъ читателя, который ничего новаго не узнаетъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не упомянуть о двухъ первыхъ секціяхъ, имѣющихъ интересъ и для не-медиковъ и составлявшихъ ядро всего конгресса.

Предсѣдателемъ *первой* секціи былъ сэръ Іосифъ Файреръ, по словамъ котораго въ Англии до сихъ поръ *четвертая часть* всѣхъ смертныхъ случаевъ обусловлена болѣзнями, предотвратить которыя возможно (оспа, тифъ, холера, туберкулезъ). Онъ обращаетъ особенное вниманіе конгресса на злоупотребленіе спиртными напитками, опіемъ и хлораломъ и настаиваетъ на необходимости учрежденія министерства общественнаго здравія. Въ концѣ XVII столѣтія смертность равнялась 80 : 1000; нынѣ она понизилась до 17,85. Тѣмъ не менѣе намъ не слѣдуетъ и теперь забывать, что „Salus populi suprema lex“.

Затѣмъ говорилъ д-ръ Кббингамъ изъ Лондона о мѣрахъ пресѣченія эпидемическихъ болѣзней, распространяющихся изъ одной страны въ другую. Карантинъ онъ не признаетъ, и взглядъ его вполне раздѣлялъ генеральный инспекторъ Лаусонъ, говорившій послѣ него о холерѣ.

На *международныхъ* конгрессахъ, помимо вышеупомянутыхъ неудобствъ, является одинъ моментъ, сильно тормозящій ходъ преній, именно, трудность взаимнаго пониманія. Какъ на прежнихъ конгрессахъ (Туринъ, Берлинъ, Вѣна), такъ и здѣсь крайне незначительное число членовъ могло слѣдить за рефератами на трехъ языкахъ (англійскій, нѣмецкій и французскій) и принимать участіе въ преніяхъ. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ препятствіе это сумѣли устранить деликатнымъ образомъ: въ каждой секціи находились молодые ученые, вполне владѣвшіе, по крайней мѣрѣ, двумя изъ этихъ языковъ и въ переводѣ передававшіе сущность содержанія сообщеній. Ничего подобнаго не было въ Лондонѣ, что значительно затрудняло ходъ преній.

Пальма первенства на Лондонскомъ конгрессѣ принадлежитъ безспорно *второй* секціи — бактериологической, въ которой сообщенъ былъ цѣлый рядъ новѣйшихъ наблюденій и происходили весьма оживленныя пренія, благодаря преимущественно участію нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ. Произошло это отчасти оттого, что бактериологическіе вопросы до сихъ поръ занимаютъ первенствующее мѣсто въ медицинской наукѣ, слѣдовательно, и въ гигиенѣ, отчасти благодаря образцовой организаціи этой секціи. Существенные вопросы отличались тщательнымъ выборомъ и цѣлесообразностью, отчеты читались наиболѣе извѣстными въ Европѣ бактериологами, значительная часть рефератовъ печаталась своевременно и предоставлена была въ распоряженіе членамъ предъ засѣданіями, въ чемъ главная заслуга принадлежитъ предсѣдателю секціи Листеру и его ассистентамъ Гѣнтеру, Руфферу и Шеррингтону. Такъ артистически руководить преніями можетъ только такой гениальный ученый какъ Листеръ, который съ неутомимою выдержкою соединялъ крайнюю любезность и необыкновенную сдержанность. Онъ какъ бы рожденъ для роли предсѣдателя. Листеръ былъ одинъ изъ немногихъ, который воздалъ дань справедливости изслѣдованіямъ Коха, выразившись такъ: „последнее открытіе Коха имѣетъ громадное значеніе для всей патологіи, хотя связанная съ нимъ, слишкомъ сангвиническія надежды терапевтовъ пока не оправдались“. Онъ выразилъ сожалѣніе, что на конгрессѣ отсутствуютъ два представителя современной биологіи: Пастеръ и Кохъ.

Особенный интересъ придавали этой секціи микроскопическіе препараты извѣстнаго русскаго ученаго И. Мечникова, который послѣ краткаго своего реферата (на французскомъ языкѣ) демонстрировалъ свою, надѣлавшую столько шума въ ученомъ мірѣ, теорію о фагоцитахъ. На этихъ препаратахъ ясно можно было прослѣдить процессъ постепеннаго поглощенія туберкулезныхъ палочекъ фагоцитами (исполинскими клѣточками, по выраженію Мечникова „rongeurs“).

Такимъ образомъ внутреннюю организацію второй секціи слѣдуетъ признать вполне образцовой, чего нельзя сказать о другихъ секціяхъ. Отсутствие *общей* организаціи замѣтно было на каждомъ шагѣ. Между тѣмъ все это могло быть гораздо иначе, еслибы распорядители конгресса, какъ сказано выше, послѣдовали примѣру предшествовавшихъ конгрессовъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ.

Въ Вѣнѣ за нѣсколько недѣль, даже мѣсяцевъ до начала конгресса, главные назначенные для отдѣльныхъ секцій рефераты находились въ рукахъ членовъ, такъ что каждый могъ спокойно разо-

браться въ обильномъ научномъ матеріалѣ и заблаговременно приготовить къ публичному его обсужденію. Ничего подобнаго не было въ Лондонѣ.

На Вѣнскомъ гигиеническомъ конгрессѣ устроена была громадная *гигиеническая выставка*, содержавшая массу интересныхъ предметовъ. Въ Лондонѣ, взамѣнъ выставки, членамъ конгресса предоставленъ былъ осмотръ гигиеническаго музея (Parkes Museum). За то бактериологическая выставка отличалась особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ, такъ что можетъ быть названа бактериологическимъ музеемъ, представлявшимъ, впрочемъ, интересъ лишь для меньшинства членовъ.

Разъ пошло на сравненія и сопоставленія, нельзя не упомянуть о томъ, что какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Берлинѣ (1890) существовало прекрасно устроенное *бюро* для приѣма и справокъ, въ которомъ каждый получалъ толковый отвѣтъ, большею частью отъ молодыхъ интеллигентныхъ врачей. Въ Лондонѣ же наемные служители, ничего общаго съ медицинскою наукою не имѣющіе, набранные, какъ говорится, съ бору и сосенки, давали на каждый вопросъ лаконическій отвѣтъ: „I do not know“. Всѣ объявленія о текущихъ дѣлахъ, экскурсіяхъ, приѣмахъ и т. п. печатались *исключительно* на англійскомъ языкѣ, чего не слѣдовало бы дѣлать на международномъ конгрессѣ изъ одного чувства вѣжливости въ отношеніи къ пріѣзжимъ гостямъ, не говоря уже о нецѣлесообразности такого порядка.

Научныя экскурсіи въ окрестности Лондона, представлявшія для гигиенистовъ несомнѣнный интересъ, также оставляли желать многого. Не было краткихъ *описаній*, которыя давали бы посѣтителямъ возможность ознакомиться ранѣе съ обозрѣваемыми предметами въ санитарномъ отношеніи и извлечь изъ осмотра послѣднихъ дѣйствительную пользу. Въ Вѣнѣ, особенно въ Берлинѣ, членамъ конгресса розданы были классическія сочиненія, трактующія о санитарныхъ учрежденіяхъ этихъ городовъ.

Нельзя также похвалить распорядителей конгресса за то, что *официальный дневникъ* (Public Health), въ которомъ печатались сообщенія по всѣмъ секціямъ, раздавался членамъ за особую плату (по 6 пенсовъ, около 50 к. по курсу за номеръ), не смотря на то, что за членскій билетъ взимали фунтъ стерлинговъ (10 руб.). Но всего курьезнѣе вышелъ *торжественный обѣдъ* въ хрустальномъ дворцѣ (по $\frac{1}{2}$ фунта съ персоны), блиставшій полнымъ отсутствіемъ всякой организаціи. Этотъ обѣдъ, на которомъ ожидалось спичи, то-

сты, живая бесѣда и т. п., оказался совсѣмъ не обѣдомъ, а пародіею на обѣдъ, слѣпшою закускою какъ бы для туристовъ на желѣзно-дорожной станціи во время кратковременной остановки поѣзда-молніи. Членамъ конгресса отведена была угловая зала съ накрытыми столами, за которыми надо было чуть-ли не съ бою захватить мѣсто; не было ни представителей, ни даже порядочной прислуги. Весь процессъ кормленія продолжался не болѣе получаса, что едва-ли согласно съ послѣднимъ словомъ гигиены. Впрочемъ, распорядителямъ обѣда не мало досталось за это на другой день во многихъ англійскихъ газетахъ.

Повсюду замѣчаемое отсутствіе 'благоразумной, твердой организаціи давало себя чувствовать особенно въ Лондонѣ, въ этомъ безбрежномъ океанѣ, гдѣ по послѣдней переписи около 6.000.000 жителей, такъ что конгрессъ являлся каплею въ морѣ. Не было мощной руки, которая удерживала бы внутреннюю его связь; не удивительно поэтому, что конгрессъ со дня на день видимо близился къ полному своему разложенію. Эти недостатки не мѣшаютъ имѣть въ виду устроителямъ будущаго международнаго гигиеническаго конгресса въ Буда-Пештѣ (1894), который, вѣроятно, ограничится 3-мя или 4-мя секціями.

За то въ полномъ блескѣ проявилось пресловутое англійское гостепримство со стороны разныхъ учреждений и частныхъ лицъ. Надолго останутся въ памяти членовъ конгресса вечеръ въ Royal College of Surgeons, садовый концертъ африканцевъ у богатѣйшей дамы Англій, Burdett Coutts, вечеръ у лорда-мэра, банкеты у знаменитаго оператора Спенсеръ - Уэльса, вечеръ въ Kensington Museum и т. д. Ежедневныхъ приемовъ и приглашеній было столько, что многими невозможно было воспользоваться. О грандіозныхъ угощеніяхъ и любезности хозяевъ считаемъ излишнимъ распространяться. Роскошь и богатство англійскихъ вельможъ не поддаются никакому описанію.

Закрытіе конгресса послѣдовало 17-го августа (н. с.) въ университетскомъ зданіи подъ предсѣдательствомъ сэра Дугласъ - Гальтона, который заявилъ, что конгрессъ этотъ, превзошедшій числомъ членовъ (3.000) всѣхъ своихъ предшественниковъ, слѣдуетъ считать вполне удавшимся, что занятія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и что мы имѣемъ ожидать отъ людей науки дальнѣйшихъ плодотворныхъ результатовъ въ области общественной гигиены.

А. Гиршгеръ.

НЕКРОЛОГЪ.

I.

Владиміръ Павловичъ Титовъ.

15-го сентября текущаго года скончался въ Харьковѣ по дорогѣ изъ своего рязанскаго помѣстья въ Крымъ членъ государственнаго совѣта и предсѣдатель археографической комиссіи В. П. Титовъ. Покойный былъ послѣднимъ изъ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ знаменательномъ литературномъ движеніи двадцатыхъ годовъ. По своему образованію, которое было довольно широко, какъ у большинства литераторовъ тѣхъ годовъ, онъ до глубокой старости сохранилъ умственные интересы, разспрашивалъ объ всѣхъ литературныхъ новостяхъ, охотно читалъ книги ученаго содержанія и вѣрно опредѣлялъ ихъ значеніе. Необычайное благодушіе, сохраненное имъ до конца жизни, не смотря на тѣ душевныя потрясенія, которыя испыталъ онъ, переживши своихъ дѣтей, привлекало къ нему всѣхъ его знавшихъ. Какъ-то особенно тепло и отрадно чувствовалось въ его присутствіи, что пришлось испытать и мнѣ, когда зиму 1889—1890 гг. я провелъ въ Ялтѣ, гдѣ тогда жилъ и Владиміръ Павловичъ. Къ нему собиралось все, что было интеллигентнаго въ Ялтѣ и ея окрестностяхъ. Дай Богъ каждому, кто доживетъ до его лѣтъ, сохранить такую свѣжесть головы и такое благодушное отношеніе къ людямъ!

Родился онъ въ 1805 году ¹⁾. Дѣтство онъ провелъ, какъ большинство тогдашнихъ дѣятелей, принадлежащихъ почти безъ исключеній къ дворянству, въ деревнѣ. Впечатлѣнія свободной деревенской жизни кладутъ неизгладимую печать на всю жизнь человѣка, и благо тому, кто съ дѣтства запасся этими благими впечатлѣніями. Ничего

---

¹⁾ Заключаю изъ того, что онъ говорилъ мнѣ въ 1889 г., что ему 84 года.

не знаю о домашней обстановкѣ Титовыхъ, но знаю, что ближайшимъ его родственникомъ былъ знаменитый впоследствии министръ юстиціи Д. В. Дашковъ, начавшій свое поприще замѣчательными литературными работами, полагаю, что семья эта принадлежала къ числу интеллигентныхъ. Воспитаніе свое Владиміръ Павловичъ получилъ въ университетскомъ пансіонѣ вмѣстѣ съ Шевыревымъ и княземъ В. О. Одоевскимъ. Заведеніе это, бывшее Россіи Жуковскаго, братьевъ Тургеневыхъ, а впоследствии воспитавшее Лермонтова, братьевъ Милутиныхъ и многихъ другихъ, оставило по себѣ память въ исторіи развитія русскаго общества: воспитанники его отличались всегда любовью къ умственнымъ занятіямъ. Говорятъ, что даже на литературный характеръ Царскосельскаго лиція оказала вліяніе нѣкоторая связь съ университетскимъ пансіономъ. Воспитанники его навсегда сохранили благодарную память о пансіонѣ и его начальствѣ и учителяхъ, которыми были часто профессора университета или, по крайней мѣрѣ, люди, готовящіеся занять кафедры. Кончивъ курсъ, Владиміръ Павловичъ поступилъ на службу въ Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, что тогда считалось самою приличною службою. Здѣсь онъ сблизился съ Веневитиновымъ и Кошелевымъ. Въ эту пору своей жизни Владиміръ Павловичъ много читалъ и усердно изучалъ Шеллинга, ученіе котораго тогда вводили въ сознаніе русскаго общества князь Одоевскій, М. Г. Павловъ, Веланскій. Все поколѣніе молодыхъ московскихъ литераторовъ раздѣляло увлеченіе ученіемъ Шеллинга. Въ это время основалось литературное общество, хотя не официальное, но гласное до того, что самъ московскій генералъ-губернаторъ посѣщалъ его засѣданія. Во главѣ общества сталъ преподаватель пансіона С. Г. Рянчъ, благодушный идеалистъ, переводчикъ италіанскихъ поэтовъ, немного поэзіе бывший редакторъ *Галатеи*. Товарищъ Владиміра Павловича кн. Одоевскій затѣялъ первый въ Россіи серьезный журналъ: *Мнемозину*, для котораго разумѣется не нашлось публики. Карамзинъ вѣрнѣе понялъ ея потребности, начиная *Московскій журналъ* и *Вѣстникъ Европы*. Въ *Мнемозинѣ* Владиміръ Павловичъ принималъ участіе, какъ во многихъ московскихъ и петербургскихъ альманахахъ¹⁾. Въ кружкѣ

¹⁾ Списокъ статей Владиміра Павловича сообщается въ книгѣ *И. П. Колупакова: „Біографія А. И. Кошелева“*. Недавно въ *Новомъ Времени* приписана ему книга „Неправдоподобные разказы“. Считаю эту книгу принадлежащею Владиміру Павловичу, и спрашивалъ его о ней и получилъ отвѣтъ, что книгу писалъ не онъ.

Ранѣе поднялись толки объ основаніи болѣе обширнаго журнала. Приѣздъ Пушкина въ Москву въ 1826 г. далъ толчекъ этой мысли, и съ 1827 г. началъ выходить *Московскій Вѣстникъ*, редакторомъ котораго былъ избранъ Погодинъ. Владиміръ Павловичъ не только принялъ въ этомъ изданіи денежное участіе, но еще давалъ свои статьи разнообразнаго содержанія, частію эстетическаго, а отчасти историческаго содержанія (онъ перевелъ, между прочимъ, отрывки изъ сочиненія Флетчера). Н. П. Барсуковъ въ своемъ важномъ трудѣ: „Жизнь и труды Н. П. Погодина“ сообщаетъ любопытныя письма Владиміра Павловича, въ которыхъ онъ высказывалъ свое недовольство веденіемъ журнала. И. П. Колюпановъ свидѣтельствуетъ, что въ бумагахъ А. И. Кошелева сохранилось много писемъ покойнаго. Быть можетъ, они когда-нибудь увидятъ свѣтъ. Изъ московскаго архива перешелъ покойный на службу въ Петербургъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Своимъ образованіемъ и способностью къ дѣламъ онъ обратилъ бы на себя вниманіе и помимо родства съ Дашковымъ. Въ 1839 году назначенъ онъ былъ генеральнымъ консуломъ въ Дунайскія княжества, что въ то время было важнымъ и отвѣтственнымъ постомъ; отсюда переведенъ въ Константинополь сначала повѣреннымъ въ дѣлахъ, а потомъ чрезвычайнымъ посланникомъ. Изъ Константинополя въ 1850 году перевели его въ Штутгардъ. Не имѣя никакихъ данныхъ о дипломатическомъ поприщѣ Владиміра Павловича, мы не произносимъ о немъ никакого сужденія. Изъ Штутгарда Высочайшее довѣріе Государя Императора призвало Владиміра Павловича къ высокому посту воспитателя Наслѣдника Цесаревича и Великихъ Князей Александра Александровича (нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора), Владиміра Александровича и Алексѣя Александровича. Въ 1858 г. онъ сложилъ съ себя это званіе и снова былъ отправленъ въ Виртембергъ, гдѣ и пробылъ до 1865 г., когда былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и почетнымъ опекуномъ вѣдомства Императрицы Маріи. Въ государственномъ совѣтѣ онъ до 1882 года занималъ предсѣдательское кресло въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. По вѣдомству Императрицы Маріи онъ былъ членомъ совѣта Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ (то-есть, Смольнаго монастыря). Въ 1867 г. избранъ онъ былъ въ члены Археографической комиссіи, а въ 1873 г. Высочайше назначенъ ея предсѣдателемъ. Въ трудахъ комиссіи онъ участвовалъ только сообщеніемъ нѣкоторыхъ документовъ; но какъ предсѣдатель онъ своимъ благодушіемъ, искреннимъ участіемъ въ дѣлахъ,

своевременнымъ ходатайствомъ приносилъ много пользы. Только въ послѣдніе годы, когда болѣзнь заставила его оставить Петербургъ, онъ былъ председателемъ только по имени; но и тогда онъ слѣдилъ за дѣлами комиссіи, читалъ протоколы и состоялъ въ постоянной перепискѣ съ дѣятельными членами. Миръ праху этого добраго, чистаго, хорошаго человѣка, не даромъ прожившаго такъ много лѣтъ.

И. Востужевъ-Рюшинъ.

II.

Архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ).

22-го октября 1891 г. скончался въ Троице-Сергіевой лаврѣ на-мѣстникъ лавры, о. архимандритъ Леонидъ. Ученныя заслуги его на поприщѣ изученія русской и славянской старины и письменности не только даютъ право, но налагаютъ на насъ обязанность отмѣтить главныя черты жизни и характера, а равно и припомнить ученые труды почившаго.

Архимандритъ Леонидъ, въ мѣрѣ Левъ Александровичъ Кавелинъ, происходилъ изъ дворянъ Калужской губерніи и родился въ наслѣдственномъ имѣніи своего отца, деревнѣ Гривѣ, Козельскаго уѣзда, Калужской губерніи, въ 1822 г. Отецъ его, Александръ Александровичъ Кавелинъ, штабъ-ротмистръ Клястицкаго гусарскаго полка (р. въ 1791 г. † въ глубокой старости въ концѣ 1870-хъ годовъ), былъ роднымъ братомъ Дмитрія Александровича Кавелина, отца извѣстнаго ученаго и публициста Константина Дмитриевича Кавелина, которому, такимъ образомъ, архимандритъ Леонидъ приходился двоюроднымъ братомъ. Мать о. Леонида, Марья Михайловна, рожденная Нахимова (р. 1802 † 1860 г.), была двоюродной сестрой знаменитаго героя Синопа и Севастополя, адмирала Павла Степановича Нахимова. Въ 1835 г. Левъ Александровичъ Кавелинъ былъ помѣщенъ родителями въ 1-й Московскій кадетскій корпусъ, гдѣ окончилъ курсъ съ отличіемъ въ 1840 г. и поступилъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Волынской полкъ, въ которомъ служилъ двѣнадцать лѣтъ до 1852 г., и, какъ видно, весьма успѣшно, такъ какъ въ этомъ году имѣлъ уже чинъ капитана гвардіи. Еще въ корпусѣ въ немъ начали ясно обо-

значаться основныя черты того душевнаго настроенія, которое опредѣлило все послѣдующее содержаніе его жизни: религіозность и склонность къ учено-литературнымъ занятіямъ. Объ ученіи въ корпусѣ и службѣ въ гвардіи архимандритъ Леонидъ сохранилъ до конца жизни самыя теплыя и задушевныя воспоминанія, которыя онъ любилъ передавать въ откровенной бесѣдѣ съ близкими ему людьми. Эти воспоминанія особенно ярко предстали передъ нимъ 23—25-го ноября 1878 года, во время празднованія столѣтняго юбилея корпуса, на которомъ онъ лично присутствовалъ и совершалъ литургію въ корпусной церкви. Въ числѣ товарищей по корпусу о. Леонида, одного съ нимъ выпуска, здравствующихъ нынѣ, находятся теперешній военный министръ П. С. Ванновскій и попечители двухъ учебныхъ округовъ: Варшавскаго—А. А. Апухтинъ и Харьковскаго Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ. Въ 1839 г. на ряду съ другими лучшими кадетами 1-го Московскаго корпуса Левъ Кавелинъ присутствовалъ на Бородинскомъ полѣ очевидцемъ устроенныхъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ бородинскихъ маневровъ, и кадетамъ ихъ начальствомъ было предложено описать эти маневры; описаніе Льва Кавелина было признано лучшимъ и напечатано въ томъ же году въ „Журналѣ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній“: то былъ первый печатный трудъ архимандрита Леонида. По выходѣ изъ корпуса онъ сблизился съ двумя литераторами, отличавшимися, какъ и онъ, православно-религіознымъ направленіемъ: С. О. Бурачкомъ, издателемъ журнала „Маякъ“, и А. П. Башуцкимъ, редакторомъ „Иллюстраціи“, и въ ихъ изданіяхъ помѣщалъ Л. А. Кавелинъ свои дальнѣйшіе ученые и литературные опыты.

Въ нѣсколькихъ перстахъ отъ игуменія Александра Александровича Кавелина, въ Козельскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, находится извѣстная по всей Россіи Оптина пустынь, отличающаяся строгостью своего монашескаго устава и подвижничествомъ многихъ старцевъ. Частыя посѣщенія этой пустыни еще въ дѣтствѣ, а затѣмъ временное пребываніе тамъ при посѣщеніи Львомъ Александровичемъ его родителей, еще болѣе развивали въ немъ религіозное благочестивое настроеніе. Особенно сильно вліяли на него бесѣды трехъ лицъ: начальника скита при Оптиной пустыни, іеросхимонаха Макарія, схимника Леонида и извѣстнаго славянофила. И. В. Кирѣевскаго, также козельскаго помѣщика, бывшаго своимъ человекомъ въ Оптиной пустыни и находившагося въ духовномъ общеніи съ скитскими старцами Макаріемъ и Леонидомъ. Въ исходѣ 1852 г., почти наканунѣ Восточной

войны, гвардіи капитанъ Л. А. Кавелинъ вышелъ въ отставку и поступилъ послушникомъ въ Оптиный скитъ подъ строгое начало о. Макарія. Тогда этотъ рѣзкій переходъ изъ гвардіи въ монастырь поразилъ не только однополчанъ Кавелина, но и большинство его родственниковъ и знакомыхъ, изъ которыхъ лишь весьма немногіе понимали должнымъ образомъ это превращеніе, и дѣйствительно религіозностью и благочестіемъ кадета и офицера нельзя еще было объяснить поступленія его въ скитъ. Какая же была ближайшая причина, заставившая Кавелина переменить гвардейскій мундиръ на монашескую власяницу?—это осталось тайной, которую о. архимандритъ унесъ съ собою въ могилу. Онъ не любилъ говорить о ней, а потому мы не вправѣ излагать печатно тѣ объясненія, которыя случалось намъ слышать отъ его родныхъ и сослуживцевъ, быть можетъ, и ошибочныя. Во всякомъ случаѣ, въ личной жизни гвардіи капитана Кавелина произошло, повидимому, нечто весьма серьезное, измѣнившее всю дальнѣйшую его судьбу. 7-го сентября 1857 г. онъ принялъ постриженіе съ именемъ Леонида, въ честь схимника Оптинскаго скита, о которомъ говорено было выше.

Въ скиту Оптиной пустыни бывший гвардеецъ нашелъ, кромѣ монашескаго подвижничества, родную себѣ почву въ книжныхъ занятіяхъ. Этотъ скитъ наполнялся въ 40-хъ и 50-годахъ многими образованными людьми, искавшими въ тихой монашеской обители успокоенія отъ житейскихъ невзгодъ, и они занимались тамъ переводами книгъ аскетическаго содержанія и трудами по исторіи русскаго монашества. Въ этотъ кружокъ естественно вошелъ Леонидъ Кавелинъ, сблизившись особенно съ поступившимъ почти одновременно съ нимъ въ Оптиный скитъ, о. Ювеналіемъ (въ міру Иваномъ Андреевичемъ Половцевымъ), въ настоящее время состоящимъ на мѣстникѣмъ Кіево-Печерской лавры. Вместе съ нимъ Кавелинъ перевелъ и издалъ: 1) Сочиненія Памсія Величковскаго; 2) Вопросы и отвѣты старцевъ Пафнутія и Іоанна и 3) Поученія преподобнаго аввы Дороея, и занялся, кромѣ того, изложеніемъ исторіи Оптиной пустыни и скита при ней. Но не долго привелось и ему, и о. Ювеналію Половцеву оставаться въ скиту.

Въ ноябрѣ 1857 г. оба они были посвящены въ іеромонахи и назначены членами только что организуемой въ то время русскои миссіи въ Іерусалимъ, начальникомъ которой былъ опредѣленъ епископъ мелитопольскій Кириллъ (Булгаковъ). Въ Іерусалимѣ іеромонахъ Леонидъ Кавелинъ пробылъ всего около двухъ лѣтъ. Согласно

его прошенію, онъ былъ уволенъ по болѣзни въ 1859 г. снова въ Оптинскій скитъ, куда и прибылъ въ исходѣ этого года, посѣтивъ по пути Аѳонъ, очаровавшій его своею природою и монастырскимъ устройствомъ. Съ тѣхъ поръ любимую мечтою о. Леонида было уладиться на покой и поселиться въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей, но мечтѣ этой не суждено было осуществиться.

Въ 1860 г. на рукахъ о. Леонида умерли: его руководитель въ монашеской жизни—о. Макарій и его мать, и въ 1864 г. онъ былъ снова призванъ въ покинутый имъ Іерусалимъ, но уже не членомъ, а начальникомъ русской миссіи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Эту должность занималъ онъ не долго и въ 1865 г. былъ назначенъ настоятелемъ русской посольской церкви въ Константинополѣ, гдѣ и оставался четыре года. Съ 1869 по 1877 годъ онъ занималъ должность настоятеля ставропигіального Воскресенскаго монастыря, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, основаннаго патріархомъ Никономъ и извѣстнаго подъ именемъ „Новаго Іерусалима“. Покойный московскій митрополитъ Иннокентій, высоко цѣнившій достоинства архимандрита Леонида, обратилъ на него особое вниманіе въ 1877 году, избравъ его своимъ намѣстникомъ въ Троице-Сергіеву лавру, послѣ кончины архимандрита Антонія († 12-го мая 1877 г.), занимавшаго этотъ важный постъ въ теченіе *сорока шести лѣтъ*. Назначеніе это было весьма почетно, и по важному религиозному и историческому значенію Троицкой лавры, и по роли предмѣстника о. Леонида, пользовавшагося большимъ авторитетомъ въ благочестивыхъ сферахъ московскаго общества и заслужившаго уваженіе и пріязнь московскаго митрополита Филарета. Въ 1888 году архимандритъ Леонидъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени.

Таковы ви́шніе факты жизни о. намѣстника. Но жизнь его опредѣлялась не ими, а его монашествомъ и учено-литературными трудами. Зная его близко въ теченіе двадцати лѣтъ, позволяемъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ чертахъ характера о. Леонида, по нашимъ личнымъ о немъ воспоминаніямъ.

Слогъ архимандрита Леонида былъ очень кратокъ, даже сжатъ, и въ печатныхъ сочиненіяхъ и въ письмахъ: вообще на бумагѣ онъ не любилъ высказываться, писалъ только относящееся къ дѣлу. Въ обществѣ лицъ официальныхъ, а также и мало ему знакомыхъ, онъ былъ не только сдержанъ, но молчаливъ. Не такимъ являлся онъ

въ откровенномъ дружескомъ разговорѣ съ людьми ему близкими. Прирожденныя его веселость и остроуміе вступали въ свои права. Анекдоты, остроты, разные всеобразные афоризмы пестрили его содержательную и всегда назидательную бесѣду. Но въ этихъ разговорахъ о. Леонидъ всегда оставался на высотѣ своего положенія: вы постоянно видѣли передъ собой монаха, ничего суетнаго, пустаго, тѣмъ паче легкомысленнаго, не было ни въ его веселости, ни въ его остротахъ. Въ этихъ откровенныхъ бесѣдахъ выступала наружу и природная его склонность къ поэзіи: онъ любилъ природу, какъ поэтъ, и ничто не доставляло ему большаго наслажденія, какъ красивая, при томъ тихая и уединенная мѣстность. Онъ остался очень доволенъ своимъ пребываніемъ лѣтомъ 1884 г. въ Новоафонскомъ монастырѣ, на Абхазскомъ берегу, близъ Сухума, и съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ прелесть восточнаго Черноморскаго побережья. Любилъ онъ и стихотворенія, въ особенности духовнаго содержанія, а также церковное пѣніе. Принималъ у себя о. Леонидъ необыкновенно радушно и гостепріимно, будучи совершенно русскимъ хлѣбосоломъ-хозяиномъ. Свобода его гостя ничѣмъ не стѣснялась: „милости просимъ, будьте какъ дома“,—обыкновенный привѣтъ, обращаемый къ гостямъ, былъ въ его устахъ не фразою, потому что фразъ онъ вообще не любилъ.

Но такимъ о. Леонидъ являлся лишь „для немногихъ“. Большинство знало его по¹ его официальной фізіономіи, а въ этой фізіономіи, кромѣ указанныхъ выше, находились еще нѣкоторыя, очень характерныя черты. О. Леонидъ былъ врагъ всякой внѣшности, пышности, ненужныхъ церемоній и суетности. Поэтому онъ никогда, на примѣръ, не шествовалъ торжественно черезъ церковь послѣ совершенія имъ богослуженія, а скромно уходилъ въ боковыя двери прямо изъ алтаря; никогда не принималъ онъ у себя случайныхъ посѣтителей и посѣтительницъ, не тратилъ съ ними времени на пустые разговоры, не расточалъ заученныхъ фразъ на благочестивыя темы. Занимая высокіе посты въ церковной іерархіи, онъ считалъ своимъ долгомъ относиться къ своимъ обязанностямъ строго и справедливо; все, что ему слѣдовало *по праву*, онъ отстаивалъ стойко и твердо, ревниво оберегая интересы церкви, монастыря и своихъ собственныхъ прерогативъ. Весьма естественно, что такими чертами своего характера о. Леонидъ создавалъ себѣ много порицателей и даже недоброжелателей, но только люди, близко его знавшіе, хорошо по-

нимали, что лишь глубокое сознание своего долга и серьезное возрѣніе на вещи руководили поступками о. Леонида ¹⁾).

Вообще это былъ цѣльный характеръ, строго относившійся къ своимъ обязанностямъ и до конца твердо сохранившій тѣ вѣрованія и убѣжденія, которыя составляли все содержаніе его жизни.

Еще на школьной скамьѣ, будучи кадетомъ, какъ сказано выше, арх. Леонидъ началъ печататься. Съ тѣхъ поръ, съ 1839 года тянется длинная цѣпь его ученыхъ изслѣдованій, палеографическихъ описаній и обнародованій памятниковъ письменности, сообщеній, замѣтокъ и переводовъ. Редакторъ „Русской Старины“ М. И. Семеновскій насчитываетъ до 700 №№ этихъ учено-литературныхъ трудовъ ²⁾, но намъ не удалось собрать ихъ такое количество, хотя мы имѣемъ очень много его писаній въ отдѣльныхъ оттискахъ. Въ помѣщенномъ ниже списокѣ монографій и сообщеній арх. Леонида, далеко не полною, находится всего лишь до 180 №№. Периодическія изданія, въ которыхъ были помѣщены нѣкоторыя изъ его статей, имѣющіяся у насъ въ отдѣльныхъ оттискахъ, не могли быть опредѣлены; намъ извѣстны лишь, по указанію самого о. архимандрита, года ихъ выхода въ свѣтъ. Не мало, вѣроятно, найдется еще въ разныхъ духовныхъ и историческихъ журналахъ и въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ, и съ подписью, и безъ подписи, и съ инициалами Л. К. (Леонидъ Камелинъ), І. Л. и А. Л. (іеромонахъ и архимандритъ Леонидъ) его статей; въ обширной библиотекѣ о. архимандрита въ его намістническихъ келіяхъ въ Троицкой лаврѣ былъ особый шкафъ, куда онъ складывалъ свои печатные труды. Бывало, начнешь рыться въ этомъ шкафу, и всякій разъ отложишь цѣлую пачку совершенно неизвѣст-

¹⁾ Когда настоящій некрологъ уже переписывался, мы получили письмо отъ одного изъ монаховъ Троицкой лавры, находившагося неотлучно долгое время при о. намістникѣ, который, сообщая подробности о болѣзни и кончинѣ о. Леонида, между прочимъ, такъ характеризуетъ его: „Онъ былъ истинный монахъ, всегда и всюду служилъ живымъ примѣромъ для своихъ подчиненныхъ; къ хорошимъ былъ добрымъ, къ немощнымъ (то-есть, лѣнливымъ и неисполнительнымъ) строгій отецъ, наказывалъ и, когда видѣлъ исправленіе въ виновномъ, прощалъ и забывалъ прошлое... Братія наша вся почти жалѣетъ батюшку. Многіе, очень многіе, не понимали покойнаго батюшку, а онъ былъ именно воплотившій чловѣкъ духовный и богоугодный“..

²⁾ См. „Русск. Стар.“ 1889 г., т. LXII, стр. 499, статья „Путевые очерки, замѣтки и наброски“. Повѣдка по Россіи въ 1888 году, гл. III „Троицкая лавра“. Въ этой статьѣ сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія объ о. Леонидѣ и говорится о его ученыхъ трудахъ.

нихъ его твореній. Онъ любилъ дарить свои сочиненія, но перебереть сначала пачку и нѣкоторыя отложить въ сторону: „нѣтъ, этого не дамъ,—скажетъ,—потому, что у меня самого ихъ по одному только экземпляру“. Мы увѣрены, что почитатели о. Леонида, а равно и столь тщательные библиографы, какъ В. И. Межовъ, Д. Д. Языковъ и Н. П. Барсуковъ, дополнять современемъ нашъ списокъ, но и въ теперешнемъ не полномъ видѣ онъ, всетаки, очень великъ для одного лица и даетъ достаточный матеріалъ для воспроизведеніи учено-литературнаго образа почившаго.

Прежде всего о. Леонидъ является автодидактомъ, какъ очень многіе изъ русскихъ ученыхъ: тѣмъ болѣе заслуги съ его стороны; всѣ его знанія, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, приобрѣтены имъ самимъ вслѣдствіе его врожденныхъ способностей и путемъ упорнаго труда: этихъ знаній не могло ему дать военное учебное заведеніе; но отсутствіе въ молодыхъ годахъ серьезной научной школы не могло не отразиться на послѣдующихъ ученыхъ трудахъ о. Леонида, въ которыхъ нерѣдко чувствуется недостаточность спеціальной предварительной подготовки и общаго историческаго міросозерцанія. О. архимандритъ любилъ самъ себя называть „ветхословцемъ“, и дѣйствительно онъ принадлежалъ именно къ тому типу наблюдателей изслѣдователей прошлаго родной земли, который столь мѣтко охарактеризовалъ Н. П. Барсуковъ терминомъ *русскіе палеологи*, составляющимъ переводъ на греческій языкъ самоназанія о. Леонида. Это ученый одного наслоенія, одной формации съ Сахаровымъ, Кубаревымъ, Строевымъ, Ундольскимъ, Невоструевымъ, Ив. Дм. Бѣляевымъ, Андр. Ник. Поповымъ и другими высокопочтенными воздѣльвателями русской исторической нивы. Для него, какъ и для нихъ, была дорога *старина славяно-русская*, какъ остатокъ роднаго прошлаго, какъ память о невозвратно-быломъ... Они жили этой стариною, радовались ея радостями, печалились ея печалями, страдали ея страданіями и много потрудились для ея сохраненія и объясненія. Любовь къ славяно-русской старинѣ у о. Леонида осложнилась еще, такъ сказать, его монашествомъ. Въ этомъ отношеніи онъ примыкаетъ къ почтенной плеядѣ русскихъ ученыхъ монаховъ „ветхословецъ“: митрополиту Евгенію Болховитинову, епископу Амвросію Орнатскому, архіепископу Филарету Гумилевскому и др. Русское монашество, какъ извѣстно, имѣетъ почтенную *историческую* заслугу передъ Русскою землею, и доселѣ зданія, храмы, съ ихъ иконами и утварью, книгохранилища и ризницы нашихъ монастырей предста-

вляють, такъ сказать, залежи прежней, отошедшей въ область исторіи, русской образованности. А потому весьма естественно, что, будучи *монахомъ по убѣжденію*, о. Леонидъ особенно ревностно изслѣдовалъ исторію русскихъ монастырей и находящіяся въ нихъ остатки старинной русской образованности. Пребываніе на христіанскомъ Востоку расширило поле его историко-религіозныхъ изслѣдованій: онъ не могъ обойти въ нихъ православнаго восточнаго христіанства, единокровнаго и единовѣрнаго намъ міра юго-славянскаго, и отношеній русскихъ людей къ восточнымъ церквамъ іерусалимской и константинопольской, и не мало сдѣлалъ для уясненія этихъ вопросовъ.

Едва о. Леонидъ удался въ Оптиный скитъ, какъ уже началъ ревностно изучать исторію монастырей въ связи съ общими русскими историческими явленіями, сначала Оптиной пустыни, а затѣмъ всего роднаго ему Калужскаго края. Пребываніе на востокъ побуждаетъ его изслѣдовать прошлое Іерусалима, съ которымъ соединено столько самыхъ высокихъ священныхъ воспоминаній для истинно вѣрующаго христіанина, и написать цѣлый рядъ статей по исторіи церкви болгарской и сербской и по исторіи русскаго паломничества въ Іерусалимъ, Константинополь и на Афонъ. При этихъ изслѣдованіяхъ онъ изучаетъ классическій и новый греческій языкъ и языки болгарскій и сербскій. Замѣтимъ здѣсь кстати, что архим. Леонидъ еще въ корпусѣ выучился по-польски въ такой степени, что не только свободно читалъ классическихъ польскихъ писателей, но даже свободно говорилъ на этомъ языкѣ; онъ владелъ также языками французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ. Новый Іерусалимъ сосредоточиваетъ его учебное вниманіе на патріархѣ Никонѣ: онъ издаетъ весьма интересные, не извѣстные до тѣхъ поръ, матеріалы для его біографіи, устраиваетъ въ монастырѣ музей изъ вещей патріарха и реставрируетъ при щедромъ содѣйствіи московскаго потомственнаго почетнаго гражданина П. Г. Цурикова новоіерусалимскій соборный храмъ Гроба Господня, построенный въ XVII вѣкѣ и доконченный въ XVIII вѣкѣ извѣстнымъ придворнымъ архитекторомъ графомъ Растрелли. Въ Троицкой лаврѣ о. Леонидъ обращается къ жизни и подвигамъ ея знаменитаго основателя, св. Сергія Радонежскаго, и къ исторіи его монастыря; приводитъ въ порядокъ богатую ризницу лавры и реставрируетъ совершенно запущенный Успенскій соборъ, воздвигнутый, по его мнѣнію, царемъ Іоанномъ Грознымъ въ память покоренія Казанскаго царства. Лѣтомъ 1884 года о. Леонидъ вѣздилъ пить воды въ Новоафонскій монастырь, находящійся близъ Сухума на живо-

писномъ Абхазскомъ берегу восточнаго Черноморья,—и результатомъ этого леченія явился историческій очеркъ Абхазіи вообще и водворенія въ ней христіанства въ частности. По кончинѣ графа А. С. Уварова (29-го декабря 1884 года) отецъ Леонидъ специально занялся подробнымъ описаніемъ его богатаго рукописнаго собранія въ с. Порѣчьѣ, Можайскаго уѣзда, Московской губерніи, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ докончить этого важнаго труда.

Не смотря на то, что часть богатаго Уваровскаго собранія—рукописи московскаго купца Царскаго, полностью пріобрѣтенныя графомъ А. С. Уваровымъ,—была уже описана П. М. Строевымъ, о Леонидѣ нашелъ и въ этой части очень много не извѣстнаго раньше и поправилъ нѣкоторыя ошибки Строева ¹⁾. Вслѣдствіе этихъ занятій съ 1885 года писанія и сообщенія о Леонидѣ становятся рѣже и не столь обильны, какъ въ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ.

Всѣ печатные труды арх. Леонида могутъ быть подведены подъ слѣдующія семь рубрикъ: 1) Статьи, писанныя до поступленія въ монашество,—историко-литературныя, археологическія и этнографическія очерки, произведенія беллетристическія и стихотворенія; въ нихъ лишь намѣчаются тѣ черты, которыя впослѣдствіи развиваются въ его писаніяхъ, и они любопытны только какъ матеріалъ для исторіи литературной дѣятельности о. Леонида. 2) Книжки и статьи духовно-нравственнаго, преимущественно аскетическаго направленія, важны для изученія его монашескихъ идеаловъ. Но послѣдующія пять рубрикъ (3—7), составляющія большую часть писаній о. архимандрита, имѣютъ научное значеніе. Эти рубрики суть слѣдующія: 3) Самостоятельныя историческія, археологическія и историко-литературныя *ученыя изслѣдованія*. Такихъ работъ въ нашемъ спискѣ двадцать три №№ и они отмѣчены звѣздочкой. Эти труды весьма важны въ научномъ отношеніи, или сообщая новыя, малоизвѣстные факты, или же комбинируя при новомъ научномъ освѣщеніи данныя, извѣстныя прежде. Во многихъ случаяхъ это цѣлыя книжки, отъ слишкомъ до восьмисотъ страницъ (см., напримѣръ, №№ 35, 46, 77, 81, 92, 156 и 161 списка). 4) Описанія рукописныхъ собраній, отдѣльныхъ рукописей и библиографическія и палеографическія раз-

¹⁾ Кромѣ Строевскаго описанія рукописей Царскаго (in-8°, М., 1848), одинъ пергаментный сборникъ изъ этого собранія описанъ О. М. Водяскимъ (in-8°, М., 1848); а въ 1858 году начато самимъ гр. А. С. Уваровымъ описаніе его рукописей, но этого описанія вышло только начало, заключающее въ себя лишь памятки словесности (С.-Пб., 2 т.).

сканія. 5) Изданія неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ напечатанныхъ древней и старинной русской и юго-славянской письменности, съ предисловіями, скромно называемыми ихъ авторомъ „вмѣсто введенія“, но въ сущности составляющими всегда *изслѣдованіе* объ издаваемомъ памятникѣ. 6) Продолженіе изданій начатыхъ другими учеными изслѣдованій и обнаруженіе интересныхъ, но не изданныхъ, сочиненій новѣйшихъ авторовъ. Такъ, напримѣръ, о. Леонидъ доканчиваетъ весьма любопытное изслѣдованіе о Сильвестрѣ, начатое въ 1849 году Д. П. Голохвастовымъ (см. списокъ, № 88), и восстанавливаетъ первоначальный текстъ изданной въ 1853 году съ сокращеніями и измѣненіями, сдѣланными московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, „Исторіи Троицкой лавры“, написанной извѣстнымъ ученымъ, ректоромъ Московской духовной академіи, А. В. Горскимъ, дополняя этотъ трудъ собственными изысканіями по исторіи лавры, составляющими цѣлую 2 часть этой исторіи и которыя онъ скромно называетъ „Приложеніями“ (см. № 125). Въ 1888 году ему попадаетъ въ руки любопытная рукопись „Новгородская исторія“, доводящая исторію Новгорода отъ древнѣйшихъ временъ до 1725 года и составленная въ 1815 году тогдашнимъ новгородскимъ губернаторомъ и малозвѣстнымъ литераторомъ П. И. Сумароковымъ,—и онъ издаетъ эту рукопись, съ своимъ обычнымъ „вмѣсто введенія“ (см. списокъ, № 172). При его же содѣйствіи напечатано въ „Чтеніяхъ въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ“ (1878 года, кн. II и IV, и 1879 года, кн. II) и затѣмъ издано этимъ Обществомъ отдѣльно „Описаніе славянскихъ рукописей бібліотеки Свято-Троицкой Сергіевой лавры“ (томъ до 400 стр. in-8°), составленное еще въ 1854—1857 гг. и просмотрѣнное и дополненное бібліотекаремъ лавры, іеромонахомъ Аврааміемъ. Точно также въ нынѣшнемъ уже году, незадолго до кончины арх. Леонида, появилось въ печати сообщенное имъ „Описаніе рукописей монастырей Волоколамскаго, Новоіерусалимскаго, Саввина-Сторожевскаго и Пафнугіева-Боровскаго, П. М. Строева“, составленное извѣстнымъ археографомъ еще въ 20-хъ годахъ. Это описаніе, съ предисловіемъ Н. П. Барсукова, издало Обществомъ любителей древней письменности. Такое отношеніе къ чужимъ трудамъ—черта весьма почтенная, говорящая сама за себя и къ сожалѣнію, очень рѣдкая между нашими учеными и литераторами. Седьмая рубрика состоитъ изъ краткихъ замѣтокъ и сообщеній археологическихъ, палеографическихъ, генеалогическихъ, историческихъ. Постоянно обложенный старыми и новыми рукописями, архим. Лео-

нидѣ дѣлалъ изъ нихъ различныя выписки и при случаѣ сообщалъ ихъ въ то или другое специальное изданіе. И всѣ эти замѣтки по *русской старинѣ* отличаются *новизною*, представляя что нибудь неизвѣстное, или недостаточно обследованное. Отмѣтимъ здѣсь еще оригинальную черту въ литературномъ характерѣ о. Леониды: онъ никогда не получалъ денежнаго вознагражденія за свои литературныя и ученые труды: „и монахъ и не торгуетъ своимъ ученымъ трудомъ“,—говорилъ онъ не разъ. Доходъ же съ историческихъ описаній монастырей, поступавшихъ въ продажу, онъ предоставлялъ въ пользу этихъ монастырей.

О. Леонидъ очень дорожилъ своими учено-литературными отношеніями: кромѣ лицъ духовныхъ, они обнимали собою группу русскихъ ученыхъ археологовъ и изслѣдователей славянской и русской письменности. На сколько намъ извѣстно, онъ былъ близокъ съ А. Ѳ. Гильфердингомъ, Изм. Ив. Срезневскимъ, П. И. Савваитовымъ, Г. Ѳ. Карповымъ, Анд. Ник. Поповымъ и Н. П. Барсуковымъ, но въ особенности былъ друженъ съ О. М. Водянскимъ и во время его редакторства „Чтеніями въ Моск. общ. ист. и др. рос.“ помѣстилъ въ этомъ изданіи очень много своихъ трудовъ. Въ послѣднее время онъ сблизился съ графомъ А. С. Уваровымъ и съ графомъ С. Д. Шереметевымъ, предсѣдателемъ Общества любителей древней письменности.

Архим. Леонидъ состоялъ почетнымъ членомъ Археологическаго института въ Петербургѣ и Церковно-историческаго музея въ Ростовѣ и дѣйствительнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ: Московскаго — исторіи и древностей россійскихъ, археологическихъ С.-Петербургскаго и Московскаго, общества любителей древней письменности и нѣсколькихъ обществъ юго-славянскихъ.

Списокъ сочиненій архимандрита Леониды и изданныхъ имъ памятниковъ древней и старой славянской и русской письменности и ученыхъ трудовъ текущаго столѣтія (1839—1891 гг.).

1839 г. 1. Впечатлѣніе отъ Бородинскихъ маневровъ 1839 г. Журн. для член. воспитанн. военно-учебн. завед., кн. 9 (сѣнт.).

1843 г. 2. Краткое изложеніе плана древняго города Казани. Малк., т. VIII, Матер., стр. 49.

1844 г. 3. Сношенія Аьгаря. Ibid., т. XIII, стр. 27.

4. Св. Авраамій, болгарскій мученикъ (Болгарія Волжской). Ibid., т. XIII стр. 103.
5. Посѣщеніе Болгарскихъ развалинъ Петромъ I и Екатериной II. Ibid., т. XIV, стр. 126. Въ переработкѣ было доставлено въ 1877 г. IV Археологическому съѣзду въ Казани. (См. „Труды“ этого съѣзда, т. I, стр. XXXIV).
6. Взглядъ на древнюю Польшу съ замѣчаніями о Литвѣ и Россіи (съ польскаго). Ibid., т. XV, стр. 33.
7. Исслѣдованіе народныхъ преданій Малороссіи. Ibid., т. XV, стр. 31.
8. Письмо къ издателю. Ibid., т. XVI, стр. 1.
9. Враждебныя дѣйствія злыхъ духовъ противъ человека.—Ibid., т. XVI, стр. 4.
10. Гаданья Малороссійскаго народа. Ibid., т. XVI, стр. 11.
11. Душа въ чахоткѣ, повѣсть (съ польскаго). Ibid., т. XVII.
- 1845 г. 12. Избавленіе Костромы отъ татарскаго нашествія. Чудо иконы Феодоровскія Божія Матери. Ibid., т. XIX, стр. 33.
13. Отрывокъ изъ дневника закавказскаго офицера: Дербентъ. Ibid., т. XIX, стр. 23.
14. Стихотворенія (4). Ibid., тт. XXI, XXII, XXIV.
15. Предчувствіе, разказъ. Ibid., т. XXII, стр. 23.
16. Жизнь и подвиги схимонаха Феодора (библиографическій отзывъ). Ibid., т. XXIII.
17. Памятникъ Бѣлорусской письменности. Ibid., т. XXIII, стр. 30 и 124.
- 1845—1849 гг. 18. Очеркъ Ораніенбаума (съ рпс. Лагоріо).—Иллюстрація.
19. Стихотвореніе Вилія (изъ Миджевича). Ibid.
20. Нѣсколько статей въ Сѣвси. Ibid.
- 1852—1857 гг. 21. Сочиненія Пансіа Величковскаго.
22. Вопросы и отвѣты старцевъ Пафнутія и Іоанна.
23. Поученія престолюбнаго аввы Дороея. Изд. отдѣльно. Переводы съ церковно-славянскаго, вмѣстѣ съ Юневаліемъ Половцевымъ въ свиту Оптиной пустыни.
24. Историческое описаніе Козельской Введенской Оптиной пустыни. Съ 8-ми портретами. 1-е изд. 1853; 2-е изд. С.-Пб. 1862.
25. Историческое описаніе скита во имя Св. Іоанна Предтечи, находящагося при Козельской Введенской Оптиной пустыни. Съ 2-ми портретами. 1-е изд. 1853 2-е изд. С.-Пб. 1862.
- 1860 г. 26. Послѣдніе дни Оптинскаго старца іеросхимонаха Макарія. Брош. in-8°. Москва, 31 стр.
27. Мѣсто моленія о чашѣ близь Іерусалима (подъ псевдонимомъ). Дух, Бесѣда.
- *28. Голосъ въ зацѣгу списателей петерскаго патерика—св. Симона, еп. владимірскаго и суздальскаго, и прел. Поликарпа, архим. Кіево-Печерской лавры. Чт. Моск. общ. ист. и др. Росс. IV, смѣсь, стр. 116—126.
- 1861 г. 29. Письмо Б. П. Шереметева къ боярину Т. Н. Стрешневу. Ibid., I, смѣсь, 205.
- *30. Село Николо-Гостунское съ его древностями (Тульск. губ., Бѣлевскаго уѣзда). Ibid., IV, смѣсь, стр. 187—198.

81. Обзоръніе Калужскаго Оптинскаго монастыря и бывшихъ въ немъ до начала XVIII вѣка храмовъ. Калужск. Епарх. Вѣдом.

1862 г. 32. Церковный уставъ XVI стол.—Изв. Имп. Русск. археол. Общ., т. V, вып. 3.

33. Послѣдвіе русскіе пустынножители (матеріалы для исторіи русскаго монашества). Домашняя Весѣда.

34. Нѣсколько біографическихъ очерковъ. Ibid.

*35. Церковно-историческое наслѣдованіе о древней области вятичей, входившей съ начала XV и до конца XVIII стол. въ составъ Крутицкой и частью Суздальской епархіи. Чт. Моск. общ. ист. и др. росс., II, изслѣд., I—VIII и 1—126.

36. Собраніе писемъ іеросхимонаха Макарія. Изданіе Козельской Введенской Оптиной пустыни. In-8°. Т. I-й. Письма къ мірскимъ особамъ. М. 1862. Т. II-й, ч. I. Къ монашествующимъ. М. 1863. |

1863 г. 37. Путешествіе въ Іерусалимъ. Калуж. Епарх. Вѣдом.

38. Великій постъ во св. градѣ Іерусалимѣ. Изъ писемъ къ С. О. В(урчак)у. Душенол. Чтеніе, кн. 1—5. Отд. изд. М. 1864. 79 стр.

*39. Церковно-историческое описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи.—Чт. Моск. общ. ист. и др. Росс., I, изсл., I—VIII и 1—170.

1865 г. 40. Обзоръніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книгохранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи. Ibid., IV, смѣсь, стр. 1—115.

41. Митрополитъ Агапангелъ (некрологъ). Страничникъ, № 9, стр. 191—199.

1866 г. 42. Архіепископія первой Юстиніаны Охридская и ея просвѣтительное вліяніе на южныхъ славянъ—болгаръ и сербовъ.—Чт. Моск. общ. ист. и др. росс., IV, мат. слав., 1—75.

1867 г. 43. О славянскихъ переводахъ церковнаго богослужебнаго устава. Ibid., II, изслѣд. стр. 1—10.

44. Кипріянь до восшествія на Московскую митрополію. Ibid., II, изсл., стр. 11—32.

45. Сербская иноческа обитель (лавра Саввы освящ.) въ Палестинѣ. Ibid., III, мат. сл., стр. 42—65.

*46. Хиландаръ и ея отношенія къ церквамъ сербскимъ и русскимъ. Ibid., IV, мат. сл., стр. 1—138.

1868 г. 47. Изображенія св. св. Кирилла и Мефодія въ Аѳонскомъ Дохиарскомъ монастырѣ.—Ibid., I, см. стр. 238—256.

*48. Ханъ Нагай и его вліяніе на Русь и южныхъ славянъ. Ibid., III, изсл., стр. 30—42.

49. Опись города Болхова, Троицкаго Оптина монастыря (по 1779 г.). Ibid., IV, смѣсь, стр. 15—19.

1869 г. 50. Іеромонахъ Константинъ Неаполитанскій (Новгородскій), капеланъ русскаго Императорскаго резидента въ Константинополѣ, убитый турками 26-го декабря 1742 г. и причисленный греческой Константинопольской церковью къ лику святыхъ. Ibid., I, смѣсь, стр. 23—30

51. О соединеніи подъ общимъ управленіемъ Болгарскаго Рылскаго и Русскаго Аѳонскаго монастырей. *Ibid.*, III, изсл., стр. 1—6.

1870 г. 52. Обращеніе Сеньки (Сильвестра) Медвѣдова. *Ibid.*, II, смѣсь, стр. 1—12.

53. Сочиненія блаженнаго Теофилакта Болгарскаго, архіепископа первой Юстиніаны. *Ibid.*, IV, изсл., стр. 6—12.

*54. Обзорніе Цареградскихъ памятниковъ и святыхъ XIV и XV вв. по русскимъ паломникамъ (съ литограф. чертеж. Цареградскаго Седмиколия) *Ibid.*, стр. 21—62.

55. Послѣдній патріархъ Болгарскаго царства, блаженный Евезій, и его сочиненія.—*Ibid.*, IV, изсл., стр. 13—18.

56. Греческія книгохранилища Востока и ихъ рукоисп, осмтрѣнныя однимъ англійскимъ путешественникомъ въ 1868 г. *Ibid.*, IV, смѣсь, стр. 1—32.

57. Память о святомъ великомъ Владимірѣ у южныхъ славянъ.

58. Мѣсяцесловъ Воскресенскаго, Новыя Іерусалимъ именуемаго, монастыря для посѣтителей и богомольцевъ сей св. обители. М. in-8, отд. изд. брош

59. Описаніе соборнаго храма Воскресенія Христова, построеннаго по Іерусалимскому образцу святымъ патріархомъ Никономъ въ Воскресенскомъ, Новыя Іерусалимъ именуемомъ, монастырѣ. М. in-8°, отд. изд. 86 стр.

1871 г. *60. Іерусалимъ, Палестина и Аѳонъ по русскимъ паломникамъ XIV—XVII вв. Сводные тексты оныхъ, съ объяснительными примѣчаніями, основанными на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ. Чт. Моск. общ. ист. и др. Росс., I, мат. отеч., стр. 1—122.

61. Описаніе славяно-русскихъ рукоисей библиотеки Воскресенскаго, Новыя Іерусалимъ именуемаго, монастыря и замѣтки о старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ той же библиотеки. *Ibid.*, I, мат. литер., стр. 1—71-

*62. Управденный Пятницкій Веревдѣвскій монастырь, нынѣ село Пятница-Беревдѣва, и акты, относящіеся къ нему. *Ibid.*, IV, стр. 1—85.

63. Замѣтка о Бессахъ славянахъ. *Ibid.*, IV, стр. 36—38.

64. Воспоминаніе о трехъ русскихъ православныхъ священникахъ. (Изъ пережитаго, но не забытаго прошлаго). Душеполезное Чт., № 1, стр. 1—12.

65. О Московскихъ древностяхъ. Моск. Епарх. Вѣд., 20 стр.

66. Московскій домъ синодальныхъ пѣвчихъ. *Ibid.*, № 15.

67. Церковь Воскресенія Христова, что въ Панѣхъ (къ матеріаламъ для описанія московскихъ церквей). *Ibid.*, № 25, 6 стр.

*68. Объясненіе къ областной картѣ трехъ автокефальныхъ славянскихъ церквей.

69. Изъ исторіи юго-славянскаго монашества XIV ст.

70. Посланіе Аѳанасія, XIV в.

71. Извѣстіе о рожденіи и воспитаніи, и о жизни святѣйшаго Никона, патріарха московскаго и всея Россіи, написанное клирикомъ его *И. Шумеринимъ*. Съ печатнаго изданія 1817 г., слѣч. съ 3 древнѣйшими синсками. М. Отд. вѣд. Воскресенскаго, Новыя Іерусалимъ именуемаго, монастыря, VII—119 стр.

1872 г. 72. Надгробное слово Григорія Цамблака російскому архіепископу Кипріяну.—Чт. Моск. общ. ист. и др. рос., I, стр. 25—32.

73. Репортъ Московскаго Архангельскаго собора протоіерея Петра Алексѣева объ иновѣдѣи и причастіи Пугачева съ товарищи. Ibid., I, стр. 178.

74. Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ. Ibid., II, стр. 1—9.

75. Исслѣдованіе о родѣ Стрѣшневыхъ. Ibid., II, стр. 10—18.

76. Нѣсколько разказовъ о Петрѣ Великомъ изъ записной книжки XVIII ст. Ibid., II, стр. 19—21.

*77. Историческое описаніе Борисовской Тихвинской пустыни, составленное по монастырскимъ письменнымъ памятникамъ и записямъ (съ 4 изображ.). Ibid., II, стр. 99—232 и отдѣльно.

*78. Село Полово и Половщина и ея владѣльцы и Валкъ-Полевы. Ibid., IV, стр. 1—14.

79. Краткое извѣстіе о рожденіи, воспитаніи и житіи свят. Никона, патрiарха московскаго и всея Россіи. Изъ рукописей Воскресенскаго монастыря XVII ст. М. in-8°, брош. отд. изд., 11 стр.

80. Краткое историческое сказаніе о началѣ и устроеніи Воскресенскаго, Новаго Іерусалима именованнаго, монастыря. Съ монастырской рукописи 1750-хъ годовъ печатается въ первый разъ, въ пользу грамотныхъ богомольцевъ тицианомъ настоятеля. Отд. изд. М., in-8°, брош., 39 стр.

1873 г. *81. Паломники-писатели петровскаго и послѣпетровскаго времени, или путники во св. градъ Іерусалимъ, съ объяснительными примѣчаніями. Чт. Моск. общ. ист. и др. росс., III, стр. 1—129.

82. Замѣчаніе объ извѣстномъ съшеходѣ-паломникѣ Вас. Гург. Плакѣ-Альбомѣ, его возвращеніи на родину и мѣстѣ погребенія. Ibid., IV, стр. 227—228.

*83. Московскій Звенигородъ и его уѣздъ въ церковно-археологическомъ отношеніи. Другое заглавіе: Звенигородъ и его соборный храмъ съ фресками. (Съ фотолитогр.) „Древности“, труды Моск. арх. общ., т. VI, in-4°.

84. Память о царницѣ Евдѣкии Теодоровнѣ въ Мещовскомъ уѣздѣ, на ея родинѣ. Русск. Арх., стр. 648—653.

85. Перенесеніе свят. патрiарха Никона съ митрополитомъ Леонасіемъ и грамотоносцемъ Саввою, 1665—1666 гг. Открытъ и объясненъ арх. Леонидъ. Русск. Арх., стр. 1601—1640.

86. Юшковы и Самарины.—Русск. Стар., VII, стр. 415—416.

87. Старый Іерусалимъ и его окрестности. Изъ записокъ ивока-паломника. In-8°. Москва, отд. изд.

1874 г. 88. Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія. Исслѣдованіе начато Д. П. Голохвастовымъ въ 1849 г. и докончено арх. Леонидомъ въ 1873 г. (съ 3 литограф. снимками). Чт. Моск. общ. ист. и др. росс., I, стр. 1—110 и отд. стр.

89. 1687 г., генв. 31. Царская жалованная грамота духовному дьяку Емельяну Украинцову по заключеніи мира съ Польшою. Ibid., I, стр. 1—8.

90. 1708—1720 гг. Петровскія и другія бумаги. Ibid., II, стр. 12—19.

91. Изъясненіе раскола, именованнаго христовщина или хмговщина. Составилъ священникъ Іоаннъ Сергѣевъ, бывшій самовидцемъ всѣхъ таинствъ оваго раскола.—Ibid., III, с. 62—77.

*92. Историческое описаніе ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новаго

Иерусалимъ именуемаго, монастыря, составленное по монастырскимъ актамъ. Съ приложеніемъ портрета патріарха Никона, писаннаго въ 1650 г. — Ibid., 1874 г., III, IV; 1875 г., I, II и III; отд. изд.: Москва, 1876, in-8°, 767 стр.

93. Къ біографіи князя А. Д. Меншикова.—Русск. Ст., IX, стр. 191.

94. Презентальныя деньги 1716 г. Ibid., стд. 191.

*95. Архимандритъ Варлаамъ, духовникъ императрицы Анны Іоанновны; біографическій очеркъ, съ приложеніемъ писемъ Варлаама къ императрицѣ Екатерицѣ I и указовъ къ нему императрицы Анны. Русск. Арх. I, стр. 568—588.

1875 г. 96. Славяно-сербскія книгохранилища на св. Аеоиской горѣ, въ монастыряхъ Хиландарѣ и св. Павлѣ. Чт. Моск. общ. ист. и др. росс., I, с. 1—80.

*97. Описаніе Лихвинскаго Петровскаго Добраго мужскаго монастыря. Ibid., IV, с. 104—169.

98. Одинъ изъ указовъ Петра Великаго противъ пьянства. Русск. Арх., II, стр. 43.

99. Къ столѣтію 1-го Московскаго корпуса. Переписка архимандрита Леониды съ М. Д. Хмидовымъ и А. Н. Корсаковымъ. Ibid., II, стр. 157.

1876 г. 100. Духовникъ великихъ князей и цѣрей московскихъ и всея Россіи. Чт. Моск. общ. ист. и др. росс., I, стр. 216—219.

101. Выписка изъ Вольшаго синодика Гребневскія Божія Матери объ убіенныхъ подъ Конотопомъ. Ibid., I, стр. 221—222.

102. Стефанъ, архіепископъ Суздальскій. Ibid., I, стр. 223—235.

103. Клинская Изосимская пустынь. Ibid., II, стр. 63—116.

104. Царскіе духовники XVIII стол. Ibid., III, стр. 100—104.

105. 1539 г. Правая грамота Клинской Изосиминской пустыни. Ibid., IV, стр. 1—14.

106. Нельгримадія или путешественникъ честнаго іеромонаха Иполита Вишнѣнскаго, постриженца святыхъ страстотерпецъ Борнса и Глѣба катедрн Чернѣговской, во св. градѣ Іерусалимѣ, 1707—1709 гг. Издано и объяснено. Ibid., IV, стр. 16—142.

107. Переписка даяя Петра съ патріархомъ Адрианомъ. Ibid., IV, стр. 238—243.

108. Два стихотворенія А. С. Цурикова: 1) Завѣтъ моимъ дѣтамъ. 2) Дѣдушка Суворовъ (сообщилъ архим. Леонидъ).—Ibid., IV, смѣсь, стр. 259—264.

109. Къ біографіи Симеона Полоцкаго. Др. и Нов. Россія, т. I, стр. 398.

110. Жизнеописаніе Оптинскаго старца Леониды, въ схимѣ Льва. (Безъ имени автора). М., in-8°, 218 стр., отд. изд.

1877 г. 111. Историческія замѣтки о московскихъ монастыряхъ Спаса-старога, нмѣѣ Занкопасскаго, и Николи Чудотворца Старога (нмѣѣ Никольскаго греческаго), въ связи съ лѣтописью московскихъ пожаровъ съ XIV по XVIII в. Чт. Моск. общ. ист. и др. росс., I, стр. 98—109.

112. Письма митрополита Филарета къ Д. П. Голохвастову по случаю изданія „Домостроя“ Сильвестра. Ibid., I, стр. 125—126.

113. Лѣтопись Калужская по 1840 г. Издана и объяснена. Ibid., II, стр. 44—174.

114. Слово отъ притчи о вадящихъ князю на други. Русск. Арх., III, стр. 332.

1878 г. Лѣтопись Боголюбова монастыря съ 1168 по 1770 г., составленная по монастырскимъ актамъ и записямъ игуменомъ Архистархомъ въ 1760—1769 гг.—Чт. Моск. общ. вѣст. и др. росс., I, стр. 1—24.

116. 1615 г., августа 6-го и 15-го. Казань двое: одно на Преображеніе Госнода и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; другое на Успеніе пречистой и преблагословенное Владычицы нашею Богородицы Приснодѣвы Маріи, Леонтія Карповича, архимандрита Виленскаго Вратскаго монастыря. Ibid., I, стр. 1—118.

*117. Махрицкій монастырь. Ibid., III, стр. 1—86.

*118. Историческій очеркъ города Дмитрова въ связи съ исторіею его соборнаго храма и монастырей его области до XVIII стол. (безъ подписи. Чтен. въ общ. любит. дух. просв., кн. 4, 13 стр.

119. Переписка Петра I-го съ патриархомъ Адрианомъ 1697 г. (изъ рукописнаго лѣтописца) Русск. Арх., I, стр. 5—9.

120. Родословная Отрпьевыхъ (по рукописи XVII в. „Ново-Іерусалимскаго“ монастыря). Ibid., I, стр. 487—489.

121. Первая война русскихъ съ турками. Лѣтописное сказаніе объ осадѣ Чигирина въ 1678 г. Ibid., II, стр. 273—275.

122. Чрезвычайное происшествіе въ Цареконстантиновѣ монастырѣ 1753 г. Ibid., II, стр. 278—279.

123. Черта изъ жизнеописанія патриарха Никона. Ibid., II, стр. 473—475.

124. В. Ф. Святловскій и А. П. Хрущовъ (по новоду наступающаго столѣтіяго кбилея 1-го Московскаго кадетскаго корпуса). Ibid., III, стр. 405—408.

125. Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевои лавры, составленное по рукописямъ и печатнымъ источникамъ въ 1841 году А. В. Горскимъ, съ приложеніями архимандрита Леоніда. Изданіе Имп. общ. вѣст. и др. росс. при Моск. уни. (Изъ „Чтеній“ 1878 г., кн. 4, 204 стр. и 1879 г., кн. 2, 117 стр., in-8°. Ч. I. Историческое описаніе. Ч. II. Приложенія (текстъ и 3 листа изображеній). Москва. 1879.

Примчаніе. Приложенія о архим. Леоніда состоятъ въ слѣдующемъ: I. Древніе трошарь и кондакъ преподобному Сергію. II. Преподобный Сергій и его участіе въ государственныхъ дѣлахъ по лѣтописямъ. III. Троицкіе столовые обиходники XV и XVI в. IV. Кормовая книга XVI в., библиотеки Троицкой Сергіевои лавры, № 821, л. 92. V. Объ осадѣ Троицкой лавры по польскимъ источникамъ. VI. О предисловіи къ житію преподобнаго Сергія, писанномъ келаремъ Симономъ Азарьинимъ. VII. Знатные богомольцы въ Сергіевои лаврѣ, съ Востока, послѣ преставленія преподобнаго Сергія до XVIII столѣтія. VIII. Списокъ надгробій Троицкаго Сергіева монастыря, составленный въ половинѣ XVII вѣка. IX. Списокъ замѣчательныхъ лицъ духовнаго званія, погребенныхъ въ Троицкой Сергіевои лаврѣ. X. Списокъ іерарховъ и настоятелей монастырей изъ числа настоятелей, намѣстниковъ, келарей, казначеевъ, экономовъ, ризничихъ и старцевъ Троице-Сергіевои лавры.

1879 г. 126. Греческія сказки объ армянской вѣрѣ, перешедшія въ нашу древнюю русскую письменность. (Изъ рукописи XV в., библиотеки Троице-Сергіевои лавры). Чт. Моск. общ. вѣст. и др. росс., II, стр. 1—4.

127. Внеанскія келіи митрополита московскаго Платона. *Ibid.*, IV, стр. 1—16.

128. Празднованіе столѣтія 1-го Московскаго кадетскаго корпуса (нынѣ 1-й Московской военной гимназіи) 24-го ноября 1878 г. Др. и Нов. Россія, т. I, стр. 167—172.

1880 г. 129. Забѣтка объ одной старопечатной книгѣ (книга о *Виръ*, 1625 г.).—Чт. Моск. общ. ист. и др. рос., I, стр. 1—10.

130. Новыя свѣдѣнія о Троицкомъ спискѣ Несторовой лѣтописи, погибшей въ Московскомъ пожарѣ 1812 г. *Ibid.*, II, стр. 47—50.

131. Монастырскіе столовые обиходники (Волоколамскаго Іосифова и Новоспасскаго монастырей). *Ibid.*, III, стр. 1—113.

132. Славянскія рукописи, хранящіяся въ ризницѣ Свято-Троицкой Сергіевой лавры. *Ibid.*, IV, стр. 1—49.

133. Участіе прелодобнаго отца нашего Сергія въ событіяхъ 1380 г., положившихъ начало освобожденію Россіи отъ татарскаго ига (съ 4 ксилографіями). М., in-8°, брош., отд. изд. Свято-Троиц. Серг. лавры къ 500-лѣтнему юбилею Куликовской битвы.

134. Троицкіе листки. Духовно-нравственное чтеніе для народа. In-8°. Выпускъ первый (60 №№). Изд. Свято-Троиц. Серг. лавры.

1881 г. 135. Жалованная грамота Троице-Сергіеву монастырю отъ удѣльнаго дмитровскаго князя Юрія Ивановича въ 1504 г. Чт. Моск. общ. ист. и др. рос., I, стр. 48—49.

136. Кошіи съ писемъ Петра Великаго 1700—1725 гг. *Ibid.*, IV, стр. 1—28.

137. Надписи Троицкой Сергіевой лавры. Зап. отд. слав.-русск. археол. Отд. изд. С.-Пб., in-8°, 98 стр.

138. Житіе и чудеса св. Николая Мурликійскаго и похвала ему. Исслѣдованіе двухъ памятниковъ древней русской письменности XI в. (107 стр.) Пам. древн. писъм.

139. Историческія сказанія и повѣсти о святыхъ чудотворныхъ иконахъ. Русск. Арх., т. II, стр. 5—6.

1882 г. 140. Чинъ поставленія на царство царя и великаго князя Алексѣя Михайловича (изъ русскаго лѣтописца XVII в. бібліотеки архим. Леониды). Пам. древн. писъм., 39 стр.

141. Библиографическая замѣтка о служебникахъ виленской печати XVI в. съ приложеніемъ палеографическихъ снимковъ). *Ibid.*, 20 стр.

142. Сказаніе о подвигахъ и жизни святаго благовѣрнаго и великаго князя Александра Ярославича Невскаго, по списку XIII в. *Ibid.*, 12 стр.

143. Хожденіе въ Іерусалимъ и Царьградъ чернаго дьякона Троице-Сергіева монастыря Іоны, по прозвищу Маленькаго, 1648—1652 гг. (издаваемое впервые по полному списку). *Ibid.*, IV+27 стр.

144. Сказаніе о св. Аеонской горѣ игумена Русскаго Пантелеймонова монастыря І акима и иныхъ святогорскихъ старцевъ. (Изъ сборника Синодальной бібліотеки конца XVII в.). *Ibid.*, 31 стр.

145. Свѣдѣнія о славянскихъ пергаменныхъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Св.-Тр. Серг. лавры въ бібліотеку Троицкой духовной семинаріи въ 1747 г.—Чт. Моск. общ. ист. и др. рос., II, отд. II, стр. 81—167.

146. Благовѣрная царевна великая княжна Марѳа Алексѣевна, оная сестра Петра Великаго (въ монашествѣ Маргарита). Новонайденныя письма ея, съ предисловіемъ и объясненіями архим. Леоніада. Русск. Арх., т. II, стр. 27—41.

147. Свидѣнія о славянскихъ рукописяхъ, постуившихъ изъ книгохранилища Св.-Тр. Серг. лавры въ бібліотеку Троицкой духовной семинаріи въ 1747 г. (рукописи на бумагѣ). Чт. Моск. общ. ист. и др. рос., 1883 г., IV, отд. II, стр. 1—112; 1884 г., III, отд. II, стр. 113—264; IV, отд. II, стр. 265—294; 1885 г., I, отд. II, стр. 297—375.—Отд. изданіе Ими. общ. ист. и др. рос. при Моск. университетѣ in-8°, въ двухъ выпускахъ, Москва, 1887 г.

1883 г. 148. Евангеліе, напечатанное въ Москвѣ 1564—1568 гг., бібліографическое изслѣдованіе (съ приложеніемъ 8 рисунковъ). Пам. др. писм. 34 стр.

149. Просклятиарій св. мѣстъ св. града Іерусалима, на греческомъ языкѣ написанъ крѣстьяннѣ іеромонахъ Арсеній Каллуда и напечатанъ въ Венеціи въ 1679 г.; съ греческаго на славянскій діалектъ перевелъ чудовскій монахъ Евфимій въ 1686 г. (изъ Синод. рукописи). Ibid., II+62 стр.

150. Разказъ о святогорскихъ монастыряхъ архимандрита Теофана (Сербина) 1663—1666 гг. Ibid., 15 стр.

151. Аѳонская гора и Соловецкій монастырь. Труды чудовскаго іеромонаха Дамаскина (1701—1706 гг.), 102 стр.

152. Вкладная книга Московскаго Новоспасскаго монастыря. Ibid., 32 стр.

153. Родословіе Высочайшей фамиліи Е. И. Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы Всероссійскія. Сочиненіе, приписываемое П. Крѣкшину и написанное не ранѣе 1745 г. (измечено изъ рукои. сборника XVIII в. архимандрита Леоніада). Ibid., 32 стр.

154. Дворъ цесаря Турецкаго. Сочиненіе князя Симона Старовольскаго, вольный переводъ съ сокращ., измѣн. и дополнен., на славяно-русское нарѣчіе съ польскаго печатнаго изданія 1649 г., сдѣланный въ 1678 г., во время приготовленія къ войнѣ съ турками, для царя Θεодора Алексѣевича (съ рукописи Моск. синод. бібліотеки). Ibid., 5+78 стр.

155. О норовой или единороговой кости и ея цѣлебныхъ свойствахъ. (3 официальныхъ акта съ предисловіемъ архим. Леоніада). Русск. Арх., т. II, стр. 230—233.

1884 г. *156. Историческое и археологическое описаніе первокласснаго Успенскаго женскаго монастыря въ городѣ Александровѣ, Владимірской губ. Въ пользу монастыря. (Съ 5-ю фотолитогр. таблицами снимковъ съ зданій монастыря и портретомъ царевны Марѳы Алексѣевны). С.-Пб., in-8°, отд. изд., 160 стр.

1885 г. 157. Житіе преподобнаго и боговснаго отца нашего Сергія Чудотворца и похвальное ему слово, напис. ученикомъ его Епифаніемъ премудрымъ, въ XV в. (печатано по Троицкимъ спискамъ XVI в., съ разнотченіями изъ Синод. списка Макарьевскихъ Четьи-Миней, съ присоединеніемъ стихиръ преподобному Сергію по названію, именуемому „Трезвонъ“, полож. на церковныя ноты въ началѣ XVIII ст. (съ хромофотогр. изображеніемъ препод. Сергія). XXVIII+167+15 стр. Ibid.

*158. Дьяконъ Луговской, по Татищеву писатель XVII в., и его сочиненіе о судѣ надъ патріархомъ Никономъ. Исслѣдованіе. Ibid. 59 стр.

159. За Богомъ молитва не пропадаетъ (истинное проществіе). Русск. Арх., т. I, стр. 638—640.

160. Миѣніе митрополита Филарета по поводу намѣренія археологическаго общества отпривить на Парижскую всемірную выставку 1867 г. церковныя древности изъ монастырскихъ и церковныхъ ризницъ и книгохранилицъ. Сообщилъ архим. Леонидъ. Ibid., т. II, стр. 291—293.

*161. Абхазія и Ново-Аеонскій Симоно-Кананитскій монастырь. Съ планомъ Абхазскаго приморскаго берега, съ 21 рисункомъ (ксилотрафін) памятниковъ христіанства въ Абхазіи и съ планомъ Ново-Аеонскаго монастыря. М., отд. изд., in-8°, 138 стр.

1886 г. 162. Стихиры, положенныя на крѣковыя ноты. Твореніе царя Іоанна, деспота російскаго (по рукописи бібліотеки Тр. Серг. лавры XVII в.). Нам. древн. писъм. V+11+14+27 стр.

163. Посланіе къ неизвѣстному противъ люторовъ. Творенія Царевніи Уродиваго, писателя XVI в. (по рукописи покойнаго графа А. С. Уварова). Ibid. VIII+44 стр.

164. Повѣсть о Царьградѣ (его основаніе и взятіе Турками въ 1453 г.). Нестора-Искандера, XV в. (по рукописи Тр. Серг. лавры начала XVI в.). Ibid. VI+43 стр.

165. Письма А. Н. Попова, И. И. Срезневскаго и А. Θ. Гильфердинга къ архимандриту Леониду (Кавеляну). Сообщены архим. Леонидомъ. Записки Имп. арх. общ. по отд. слав.-русск. археол.

166. Польское показаніе о Дмитріи Самозванцѣ. Русск. Арх., III, стр. 285—286.

1888 г. 167. Двѣ грамоты царя Ивана Васильевича Грознаго въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь, 1580 и 1582 гг. Ibid., т. II, стр. 63.

*168. Откуда родомъ была св. великая княгиня русская Ольга? (Замѣтка по поводу свѣдѣнія изъ лѣтописца бібліотеки гр. А. С. Уварова). Р. Ст., LIX, стр. 215—224.

169. Письмо Н. В. Гоголя къ одному изъ старцевъ Оптиной пустыни. Русск. Арх., т. III, стр. 511.

1889 г. 170. Казанскій митрополитъ Маркеллъ. Ibid. т. III, стр. 304.

1890 г. 171. Два памятника древне-русскаго кievскаго письменности XI—XII вѣковъ: а) слово о перенесеніи мощей преподобнаго Θεодосія Печерскаго, сочиненіе монаха Нестора; в) похвала преподобному Θεодосію Печерскому, неизвѣстнаго (архим. Сераліона). Чт. М. общ. ист. и др. рос., II, отд. II, стр. 1—25.

172. Новгородская исторія, сочиненіе П. И. Сумарокова, бывшаго новгородскаго губернатора (1812—1815 г.), въ 2-хъ частяхъ (съ 2 планами), писанная 1815 г. Исторія Новгорода съ древнихъ временъ до 1725 г. Сообщилъ и объяснилъ архимандритъ Леонидъ. Ibid., II, отд. II, стр. 1—132; III, отд. II, стр. 133—322.

173. Библиографическія размысканія въ области древнѣйшаго періода славянскаго письменности IX—X вѣковъ: памятники сихъ вѣковъ по сохранившимся спискамъ XI—XVII вѣковъ. Ibid., III, отд. III, стр. 1—28.

174. Свѣдѣнія о славянскихъ и русскихъ переводахъ патериковъ различныхъ наименованій и обзоръ редакцій оныхъ. Ibid., IV, отд. III, стр. 1—3.

175. Петръ Андреевичъ Толстой. Русск. Арх., т. I, стр. 569.

1891 г. 176. Рукописи сербскаго лисьма XIII—XVIII вв., находящіяся въ библіотекахъ Московской губерніи. Чт. Моск. общ. ист. и др. рос., II, отд. II, стр. 1—8.

177. Святая Русь, или свѣдѣнія о всѣхъ святыхъ и подвижникахъ благочестія на Руси, до XVIII вѣка, обще и мѣстно чтимыхъ. Справочная книга по русской агиографіи. Отд. изд. графа С. Д. Шереметева, С.-Пб., in-8°, 220 стр. (1 фототипія Кіевскихъ пещеръ и 1 карта).

Д. Корсаковъ.

Казань, 5-го ноября 1891 года.

динять δέχα съ τοὺς δῆμοις не позволяетъ грамматическiй строй фразы; если же въ настоящее время такое толкованiе признается за единственно правильное съ точки зрѣнiя языка, то при этомъ имѣется въ виду только одно старое объясненiе мѣста (о которомъ скажемъ ниже), дѣйствительно неудовлетворительное; возможность иного толкованiя не представлялась, прицѣпить къ чему нибудь эмендацію текста тоже не удавалось ¹⁾; а такъ какъ ученымъ казалось, что и для смысла, выводимаго изъ принятаго толкованiя текста, найдены вѣсскiя подтвержденiя (о чемъ нами сказано выше), то и съ конструкцией, считавшейся прежде сомнительной, освоились. Но τοὺς δῆμοις κατένευε ἐς τὰς φυλάς можетъ значить только „распредѣляя димы по филамъ“, „внесъ димы, какъ составныя части, въ филы“. Определенiе, относящееся къ τοὺς δῆμοις, сопровождается объектъ (δῆμοις) въ то время, какъ онъ подвергается дѣйствию κατένευε; или же, если оно употреблено предикативно и пролептически (какъ полагаетъ Абихтъ ²⁾), оно опредѣляетъ тотъ же предметъ (то-есть, димы, подвергавшiеся распредѣленiю) послѣ окончанiя дѣйствiя: то-есть, δέχα, отнесенное къ τ. δῆμοις, означало бы: или что 10 димовъ Клисеенъ раздѣлялъ по филамъ, или что, распредѣляя димы по филамъ, онъ установилъ ихъ (то-есть, всѣхъ димовъ) десять. Другое дѣло, еслибы сказано было κατένευε τοὺς δῆμοις δέχα ἐς τὴν φυλήν: δέχα ἐς τὴν φυλήν составляло бы какъ бы новое предложенiе; но для такого построенiя не только необходимо измѣненiе множественнаго числа τὰς φυλάς въ единственное, но и перенесенiе δέχα послѣ κατένευε. Такимъ образомъ однимъ предположенiемъ пролепсиса не устраняется затрудненiе. Мѣсто стало бы яснымъ, еслибы δέχα, или вообще греческое числительное, само по себѣ имѣло, какъ думаетъ Штейнъ ³⁾, значенiе дистрибутивное, но въ приводимыхъ имъ примѣрахъ это значенiе является только вслѣдствiе внесенiя въ греческiй языкъ грамматическаго построенiя, получаемаго при переводѣ на нѣмецкiй языкъ (также на русскiй). Во всѣхъ указанныхъ имъ

¹⁾ Относительно предложенныхъ исправленiй см. Stark въ учебникѣ К. Ф. Германа I⁵ § 111 Anm. 12.

²⁾ Въ примѣч. къ разбрасному мѣсту Геродота онъ говоритъ: δέχα ist proleptisch u. als praedicative Apposition zu τ. δῆμοις zu fassen. Er vertheilte die Demeu nâhmlich ebenfalls immer zehn unter die zehn Phylen. Переводъ сталъ смысломъ только благодаря вставкѣ не оправдываемаго греч. текстомъ „immer“ передъ zehn.

³⁾ Въ примѣчнiи Штейна сказано между прочимъ: δέχα ist im distributiven Sinne gemeint, was sonst durch die Praeposit. κατὰ oder ἀνά ausgedrückt wird. См. также его прим. къ I, 50, 2.

примѣрахъ числительное соединяется съ среднимъ родомъ мн. ч. прилаг. πᾶς: πάντα τρισχίλια ἔθνος—I, 50, 2; ἐδωρήσατο πᾶσι δέκα—IV, 88, 3; πάντα δέκα ἔξαιρέθη—IX, 81, 14; τὰ πάντα οἱ μῦρια δώσωιν—III, 74, 11; и дистрибутивное значеніе здѣсь получается только оттого, что, не будучи въ состояніи точно перевести греческое выраженіе на нашъ языкъ (также точно и на нѣмецкій), мы переводимъ неправильно: всего по десяти, по три тысячи (Alles zu zehn или von Allem zehn и т. д.); тогда какъ точнѣе соотвѣтствовалъ бы выраженію подлинника переводъ „все въ количествѣ десяти, трехъ тысячъ и т. д.“: числительное здѣсь (δέκα, и ἑκατόν въ подобномъ же соединеніи у Пиндара fr. 154), по аналогіи съ греческимъ употребленіемъ прилагательныхъ χίλιος, μῦριος, κοῦός, опредѣляетъ предметъ, какъ заключающій въ себѣ такое-то количество, опредѣляетъ, въ какомъ количествѣ предметъ подвергается дѣйствию ¹⁾). Намъ кажется вообще, что, соединяя δέκα съ τ. δῆμος, ученые переводомъ сглаживаютъ трудности конструкціи, единственной въ своемъ родѣ; удовлетворительнаго же объясненія не даетъ никто.

Точно также поступали и въ старину, относя δέκα къ словамъ, стоящимъ на концѣ предложенія, ἕς τὰς φουλάς, перевода, какъ будто въ текстѣ было καὶ τοὺς δῆμους κατὰ μέρος ἕς τὰς δέκα φουλάς ²⁾); хотя такой большой промежутокъ между опредѣленіемъ и существительнымъ опредѣляемымъ даже при множествѣ анаколуменовъ и отступленій, которыя можно найти у Геродота, все-таки былъ бы безъ примѣра. Между тѣмъ, тѣ, которые относили δέκα къ ἕς τ. φουλάς понимали фразу вполне и единственно правильнымъ образомъ: „Клисөөнъ переименовалъ филы и изъ прежде бывшихъ въ меньшемъ числѣ сдѣлалъ больше; сообразно съ этимъ, десять назначилъ онъ и филарховъ вмѣсто четырехъ, на десять филъ распредѣлилъ и дими“. Только на послѣднее предложеніе не слѣдуетъ смотрѣть какъ на точный переводъ даннаго мѣста, а какъ на переложеніе, точное на столько, на сколько это позволяютъ законы нашего языка, чуждые остатковъ еще первобытной гибкости Геродотовой рѣчи. Δέκα не относится и къ τὰς φουλάς, а относится къ глаголу или ко всему предложенію цѣликомъ

¹⁾ Ср. ἑπὶ τρεῖς χίλια, μῦρια, διακοσία, πολλόν ἔθνος и т. п.

²⁾ Въ такомъ видѣ прямо цитируетъ это мѣсто *Schwaignhäuser*, *Lexicon Herodoteum* s. v. κατὰ μέρος (также *Pape Handwörterb.* над. 2). *L. Dindorf* въ Дидотовскомъ изд. Геродота переводитъ: et per decem tribus distribuit demos (sive curias) omnes Atheniensium. Это толкованіе принимаетъ и *Джорджъ Гротъ* IV, p. 176, и оставляетъ *В. Ваксмутъ* *Hellenische Alterthumskunde*. В. I, p. 542, по 2-му изд.

и представляет собою новый, кажется, особнякомъ стоящій, любопытный, на нашъ взглядъ, вполне ясный примѣръ паратактическаго строя рѣчи. Несомнѣнно, что числительныя отъ 5 до 100 — чистыя основы, а не остывшія формы — служатъ собственно для голаго счета, и или ставятся при считаемихъ предметахъ, и тогда кажутся слѣдующими аналогіи прилагательныхъ, или вообще указываютъ только, что такое-то число участвуетъ въ сообщаемомъ фактѣ, дѣйствіи; какъ участвуетъ, на это укажетъ только смыслъ, а въ нашемъ мѣстѣ указываетъ и параллелизмъ построенія. Въ такомъ видѣ являются числительныя какъ въ сопоставленіяхъ двухъ числительныхъ, каковы *ἑνδεκά, δωδεκά*, латинское *tredecim* и т. д.; такъ и во всѣхъ сложеніяхъ, если въ нихъ взглянуть хорошенько, какъ *πένταθλον, τετράπολις, δεκακάλα* (какъ бы разъ, два, три—десять давно); и какъ часто въ сложеніяхъ, такую же роль играетъ въ нашемъ мѣстѣ числительное въ цѣломъ предложеніи. Чтобы скольконибудь въ переводѣ на русскій языкъ намекнуть на смыслъ греческой конструкции, можно бы переводить приблизительно такъ: „десять и тутъ, когда онъ распредѣлилъ димы по филамъ“ или „соблюдая число десять, опредѣлилъ онъ димы въ филы“, или „десять разъ, десятью группами и димы онъ помѣстилъ въ филы“¹⁾.

Итакъ изъ сообщенія Геродота о реформѣ Клисѳона мы узнаемъ только, что филы были переименованы и число ихъ увеличено (до десяти), что сообразно съ этимъ установлено 10 предводителей филъ, и что прежніе димы, составивъ также десять группъ, распредѣлены были по филамъ. Отсюда, очевидно, ничего нельзя вывести о числѣ

¹⁾ Совершенно сходно абсолютно и паратактически для обозначенія неопредѣленнаго числа, замѣшаннаго въ дѣйствіи, употребляется особенно *πολλά* и у Герод. *τὰ πολλά πάντα*: напримѣръ, *Hom. Il. V 798: ἦ μὲν δὴ μάλα πολλά μάχας εἰσήλυθον, Soph. Tr. 1192: πολλά δὲ σταθεῖς ἄνω. Aristoph. Pl. 252: ὦ πολλά δὴ τῷ δεσπότῃ ταυτὸν θύμον φαγόντες; Herodot. II 35: τὰ πολλά πάντα ἐμκαλιν τοῖσι ἄλλοισι ἀνθρώποισι ἐστῆσαντο ἤθεά τε καὶ νόμους* и т. а.; также *δοα*: *Hrd. III 84, ἀρχεται τοσαῦτα δοα αὐτῇ θέλει* и др.; *κηνίκα*, напримѣръ, *Aristoph. Av. 1513: κηνίκα ἄτε ἀπόλετο* и проч. Вообще м. б. многіе случаи употребленія такъ называемаго *Assus. adv.* и *relat.* средн. р. прилагат. и мѣстоп. должны быть отнесены на долю такого паратактическаго построенія рѣчи. [Покуда паратактическое построеніе рѣчи, въ примѣненіи къ мѣсту Геродота V 69, не вполне выяснено, читатели, склонные по главному вопросу согласиться съ авторомъ, предпочтутъ вмѣстѣ съ *K. В. Крюгеромъ ad l.* и *Мадониомъ Advers. I p. 305* въ мѣстѣ Геродота выкинуть словъ *δέκα δέ* какъ повтореніе изъ предыдущаго: *δέκα τε δὴ φυλάρχους ἀντί τεσσέρων ἐποίησε [δέκα δέ] καὶ τοὺς δήμους κατένευε ἐς τὰς φυλάς. Примечаніе ред.*]

димовъ, какъ, впрочемъ, вѣрно замѣтилъ уже и Бурзианъ ¹⁾. Другія данныя, въ которыхъ видѣли указаніе на число димовъ, мы тоже старались отвергнуть, и такимъ образомъ, сколько димовъ было во время Клизеена, мы сказать не въ состояніи ²⁾. Но вопросъ этотъ и не можетъ особенно интересовать, такъ какъ димы не должны считаться подраздѣленіями филъ или триттій. Что димы существовали и до Клизеена, это мы знали и раньше главнымъ образомъ изъ Геродота ³⁾; изменилъ ли Клизеенъ что нибудь въ нихъ, объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній и предполагать не имѣемъ основанія: ни что Клизеенъ основалъ какіе нибудь новые димы, ни что онъ уничтожилъ или соединилъ вмѣстѣ какіе нибудь старые. Димы онъ не ввелъ какъ подраздѣленіе страны и населенія, а дѣла страну и населеніе на 30 частей, изъ которыхъ каждыя три составляли филу, онъ сохранилъ, вѣроятно, неприкосновенными группы, въ которыхъ размѣстилось по Атикѣ ея свободное населеніе, составляя множество въ нѣкоторомъ родѣ самостоятельныхъ, самоуправляющихся общинъ, различныхъ по величинѣ и значенію: городовъ, деревень, селеній, такъ что каждый изъ тридцати участковъ вмѣщалъ нѣсколько такихъ поселеній вмѣстѣ съ ихъ территоріями, димовъ, лежавшихъ въ одной мѣстности и составлявшихъ сплошную территорію триттіи. Сколько димовъ приходилось на каждую триттію, зависѣло отъ того, сколько въ каждой мѣстности было самостоятельныхъ поселеній. Какого основанія при дѣленіи на участки держался аѳинскій реформаторъ, мы не знаемъ: приблизительно ли величины участковъ, количества ли населенія, или важности поселеній; но, вѣроятно же, не количества поселеній, то-есть, димовъ. Намъ кажется, что и основаніе для дѣленія нѣкоторыхъ изъ городовъ на нѣсколько димовъ: Аѳины, Браврона, въ то

¹⁾ Geographie v. Griechenl., I (1862 г.), p. 263, Anm.: Aus Hrdt. V 69 ist nichts für die Festsetzung von 100 Demen durch Kleisthenes zu folgern; auch eine bedeutende Vermehrung d. Anzahl d. Demen durch Kleisthenes (Sauppe) ist unwahrscheinlich; vielmehr war d. Zahl d. Demen offenbar e. gegebene und daher wohl d. Vertheilung unter d. Phylen nicht streng gleichmässig.

²⁾ Точно также должны быть оставлены и всѣ высказанныя предположенія относительно мнимаго большаго увеличенія числа димовъ послѣ Клизеена, между ними и соблазнительная догадка Келера (Mitth. d. D. A. I. X, p. 109), который предполагаетъ одновременное, а не постепенное увеличеніе числа димовъ. Всему этому основаніемъ служить вторичнившееся представленіе о ста димахъ, будто бы созданныхъ Клизееномъ.

³⁾ См. особенно примѣчаніе Штейна къ вышеуказанному мѣсту Геродота (V 69; τοὺς δήμους).

время какъ другіе, какъ Елевсинъ, Эорикъ, внослѣдствіи важный Пирей, оставались нераздѣленными, кроется также въ томъ состояніи, въ которомъ застала реформа Клизеена населенные пункты Аттики. Такъ, на примѣръ, вѣроятно, что димы, внослѣдствіи входившіе въ число городскихъ димовъ, составляли искони особыя поселенія, которыя, расширяясь мало-по-малу, соединились отчасти уже ко времени Клизеена въ одинъ городъ, но сохраняли еще слѣды прежней обособленности; также и въ разныхъ мѣстностяхъ Аттики одни димы представляли мелкія поселенія, и небольшой клочекъ земли дѣлился между нѣсколькими самостоятельными общинами, другой димъ занималъ довольно большую территорію, и, можетъ быть, жители нѣсколькихъ селеній считали себя принадлежащими къ одной общинѣ, какъ, вѣроятно, было въ Елевсинѣ, Эрин, Ахарнахъ.

Такой приблизительно взглядъ на димы получается изъ вновь провѣренныхъ литературныхъ источниковъ. Но, взявшись защищать точность и истинность сообщенія Аристотеля и Пселла о распредѣленіи димовъ по филамъ, мы обязаны привести и какъ бы вещественныя доказательства, попытавшись подыскать подтвержденіе въ фактахъ дѣйствительнаго размѣщенія димовъ по территоріи Аттики. Мнѣніе Германа потому и было оставлено и забыто, что ни онъ, ни кто другой не подыскалъ такого доказательства на почвѣ топографіи Аттики. Правда, желающему удержать всѣ результаты топографическихъ изслѣдованій, которыя признаются въ настоящее время установленными прочно и общеприняты, не покажется возможнымъ размѣстить димы каждой филы въ три сплошныя группы въ трехъ разныхъ областяхъ Аттики по указанію Аристотеля; но мы увидимъ сейчасъ, что нѣкоторые до сихъ поръ допуславшіяся коренныя ошибки легко можно устранить и тѣмъ открыть путь для согласенія данныхъ топографическихъ съ новымъ свѣдѣніемъ, полученнымъ нами изъ древности, согласенія, которое въ свою очередь должно быть плодотворно для вопросовъ по топографіи димовъ.

Итакъ, прежде всего рассмотримъ, можемъ ли мы отнести къ опредѣленнымъ мѣстностямъ Аттики тѣ три части страны, изъ которыхъ каждая при Клизееновскомъ дѣленіи дала по десяти участковъ, по одному на каждую филу. Эти три части по Аристотелю ¹⁾—суть городской округъ (τὰ περὶ τὸ ἄστυ), береговая полоса (ἡ παραλία) и срединная полоса (ἡ με-

¹⁾ А съ ними согласенъ и Пселлъ, l. c., который даетъ только вариантъ вмѣсто τὰ περὶ τὸ ἄστυ—τὸ δὲ παρὰ τὸ ἄστυ συνέστρωτο.

οὐραϊος, какъ поясняетъ Пселль: τὸ μέσον τῆς χώρας). Хотя сами названія и опредѣляютъ, казалось бы, довольно ясно каждую изъ этихъ областей, все-таки на первый взглядъ представляется почти невозможнымъ хотя бы въ общихъ чертахъ намѣтить границы частей дѣленія страны, о которыхъ, кромѣ названія, намъ ничего не сообщаютъ. Но по счастью мы можемъ сдѣлать нѣкоторые полезные выводы изъ сопоставленія этихъ трехъ частей Клизеоповскаго дѣленія съ частями дѣленія, о которомъ упоминается по другому поводу и которое, какъ обыкновенно полагаютъ, глубоко коренилось въ древнѣйшей исторіи Атики и, вѣроятно, основывалось на природныхъ условіяхъ страны. Намъ извѣстно, что въ VII—VI вѣкахъ население Атики дѣлилось на три враждовавшія между собою партіи, имѣвшія территоріальный характеръ и въ борьбѣ за политическое устройство выставившія каждая свои мѣстные идеалы, на партіи педіаковъ, паралиевъ и діакривъ. Плутархъ въ жизнеописаніи Солона, гл. 13 намекаетъ, что это раздѣленіе соответствовало различію въ характерѣ частей Атики, говоря: *δασ ἢ χώρα διαφορὰς εἶχεν, εἰς τσαῦτα μέρη τῆς πόλεως διατάσσης*. А схолиастъ къ Аристофану, „Осм“ 1223, и „Лисистр.“, 58, объясняя встрѣчающіяся у Аристофана обозначенія Παράλιον и Διακρίον, разказываетъ о дѣленіи страны послѣ Солона на три враждовавшія между собою партіи, но разказываетъ и о томъ, какъ одинъ изъ до-историческихъ царей Атики, Пандіонъ, раздѣлилъ страну между своими четырьмя сыновьями, изъ которыхъ тремъ достались области ἢ κατὰ τὸ ἄστυ, Παράλια, Διακρία; четвертому же—тогда еще принадлежавшая къ Атикѣ Мегарида, часть которой составляли и навсегда оставшіеся за Атикой Елевсинъ и Θῆρα¹⁾. Страбонъ (IX, 6, p. 392) опредѣляетъ географическое положеніе этихъ удѣловъ четырехъ сыновей Пандіона стихами Софокла (отр. 872 N.):

ἄμοι μὲν ᾠρίων πατήρ
 ἀκτὰς ἀπελθεῖν τῆσδε γῆς. . . .
 πρεσβεῖα νείμας· εἶτα. . . Λύκω
 τὸν ἀντίπλευρον κῆπον Εὐβοίας νέμει·
 Νίσω δὲ τὴν δμαυλον εἰσαρεῖ χυθόνα
 Σχεῖρωνος ἀκτῆς· τῆς δὲ γῆς τὸ πρὸς νότον

¹⁾ Границу между Аониской областью и Мегаридой составляло τὸ Πύθιον, который, на основаніи Софокла Эд. Ц., 1044 сл. и схолиа на это мѣсто, поименовываетъ въ южномъ проходѣ черезъ Эгалею, теперь Даони: см. схола на Аристоф. Лис., 58, и Страб., I. с.

ὁ σκληρὸς οὗτος καὶ γίγαντας ἐκτρέφων
εἴληχε Πάλλα.

Поэтъ удѣль Эгея называетъ ἀχταὶ τῆσδε γῆς ¹⁾, то-есть, берегъ части Аттики, обозрѣваемой изъ Афинъ; удѣль Лика (Диакрию)—садомъ, противолежащимъ Евбеѣ (ὁ ἀντίπλευρος κῆπος Εὐβοίας), удѣломъ Паланта онъ называетъ южную часть Аттики (τῆς γῆς τὸ πρὸς νότον); а Пису отводитъ землю, прилегающую (какъ бы принадлежащую къ одному двору) къ берегу Скирона, героя, связаннаго съ Мегарой, Елевсиномъ и Саламиномъ (τὴν ἑμαυλον—χθόνα Σχείρωνος ἀχτῆς). Эти опредѣленія, служа какъ бы основаніемъ, къ которому мы можемъ присоединять разныя другія случайныя упоминанія, даютъ намъ возможность достаточно наглядно представить себѣ, что понималось древними подъ раздѣленіемъ Аттики Пандіопомъ; и полагая, что части дѣленія, сохраняя тѣ же имена, остались тѣми же и до Писистрата, когда каждая изъ нихъ (кромѣ остатка Мегариды) выставила въ борьбѣ партій своего вождя, и подняѣ, и что самое дѣленіе предначертано было природою мѣстности, ученые воспользовались этими указаніями и отвели для Диакрии сѣверо-восточную часть Аттики между отрогами Парниоза (Πάρνης) и Пентеликомъ на юго-западѣ и берегомъ Еврипа и Евбейскаго залива на сѣверо-востокѣ и востокѣ на протяженіи отъ Оропа до Браврона: Паралию помѣщаютъ на южную оконечность Аттики къ востоку отъ Имитта (Ἰμιττός) съ двумя склонами къ морю: восточнымъ и югозападнымъ ²⁾; наконецъ, самую важную часть Аттики, такъ-называемую новыми учеными πεδιάς, помѣщаютъ въ предѣлахъ между Эгалеемъ, Парниономъ, Пентеликомъ, Имиттомъ и частью берега Сароническаго залива; область Елевсина и Орія составляетъ особую четвертую часть.

Такое опредѣленіе частей Аттики принято всѣми учеными и считается твердо установленнымъ; географы высказались, что оно соотвѣтствуетъ естественнымъ условіямъ мѣстности ³⁾. Но нужно обратить

¹⁾ Τῆσδε γῆς я отношу къ ἀχτάς, а не къ слѣдующему κρηναῖα, и подразумеваю не всю Аттику, а ту часть ея, которая находится передъ глазами зрителей (въ театрѣ). Во избѣжаніе недоразумѣнія замѣчу еще, что приведенные стихи провозносятся, по свидѣтельству Страбона, Эгеемъ.

²⁾ Только внутренняя холмистая равнина этой части Аттики плохо соотвѣтствуетъ ея названію Паралия; потому Ликъ выдѣляетъ ее въ 5-ю часть Мессорію, *Κυρναῖος* присоединяетъ къ πεδιάς (объ этомъ ниже).

³⁾ См., напримѣръ, *Leake, Die Demeu v. Attika, übers. v. Westermann, 1840*, стр. 6 слл. *Kiepert, Lehrbuch der alten Geographie, 1878*, стр. 281 слл. *Bursian, Geogr. v. Griech., I*, стр. 264. *Lolling* въ *Handb. d. kl. Altertumswissensch., V. III*, стр. 116 и др.

вниманіе на то, что изъ словъ Софокла, легшихъ въ основу этого опредѣленія, мы узнаемъ только береговья границы четырехъ частей, основаніе, которымъ каждая изъ нихъ упиралась въ берегъ моря: какъ эти части сходились внутри страны, намъ неизвѣстно; а затѣмъ границы этихъ частей допускаютъ передвиженія и въ теченіе вѣковъ едва ли оставались тѣми же. Съ другой стороны весьма вѣроятно, что области, которыя Клисеенъ положилъ въ основаніе своего дѣленія каждой филы на три части, должны приблизительно соответствовать тѣмъ областямъ, которыя выставили три соперничающія партіи, приведшія дѣлъ за 50 до реформы къ тиранніи. Видя, что димы одной филы разбросаны въ разныхъ концахъ Аттики, историки усматривали основаніе этого явленія въ желаніи организатора афинской демократіи раздробить населеніе мѣстностей, въ которыхъ успѣли выработаться особые интересы, особые идеалы государственнаго устройства, и, соединяя въ одной политической единицѣ разнородныя стремленія чужихъ между собою общинъ, оградить народную свободу отъ вмѣшательства въ государственную жизнь борьбы мѣстныхъ интересовъ. Тѣмъ проще и естественнѣе такое предположеніе, когда мы теперь узнаемъ, что территория каждой филы составляется какъ разъ изъ трехъ участковъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ Паралию и округъ *παρὰ ἢ περὶ τὸ ἄστυ*, область богатыхъ педіаковъ; но отождествленіе того, что Аристотель и Пселлъ называютъ ἡ μεσόγειος, съ Діакріей встрѣчаетъ затрудненіе 1) въ томъ, что Μεσόγεια и Διακρία называются двѣ древнія филы времени царя Края 1); 2) въ томъ, что до сихъ поръ названіе Μεσόγεια ученые считали принадлежащимъ области, которую иначе называютъ *πεδιάς*; наконецъ, 3) названіе Μεσόγεια, срединная полоса, лежащая внутри страны 2), не соответствуетъ характеру той части Аттики, которую разумѣютъ подъ Діакріей. Но первое препятствіе едва ли серьезное, пока сообщеніе Полидевка о древнѣйшихъ филахъ не приобрѣтетъ болѣе достовѣрности, тѣмъ болѣе, что между 4-мя филами, которыя онъ приписываетъ времени Кекропа, двѣ также имѣютъ тождественныя имена: 'Αχταία и Παραλία. Что касается до втораго препятствія, то оно основано на предположеніи Э. Курціуса, что въ Μεσόγειοι, отъ

1) Poll. VIII, 109; другія двѣ филы называются у него Κραταίς и 'Ατθίς.

2) Исхій в. в. объясняетъ Μεσόγειος—γῆ ἀντι λημένος; такое же значеніе (то-есть, какъ противоположность приморской странѣ) имѣетъ μεσόγειος, μεσόγεια, кажется, нездѣ, гдѣ встрѣчается въ греческой литературѣ.

которыхъ мы имѣемъ надписи III вѣка, нужно видѣть фалу времени Кра-ная, все еще продолжающую существовать въ видѣ религіознаго мѣстнаго союза. Именно, издавая первую надпись месогейцевъ¹⁾, въ которой оба названные по именамъ месогейца принадлежать къ диму Βατῆ, и полагая, что мѣстонахождение этой надписи (нѣсколько къ сѣверу отъ города) совпадаетъ съ мѣстоположеніемъ названнаго дима, онъ заключилъ, что и димъ этотъ, и съ нимъ вся окрестная большая Аѳинская равнина, принадлежали къ древнѣйшей Μεσόγεια, отъ которой нельзя отдѣлять и той части Аттики, что и до сихъ поръ носить названіе Μεσόγεια, внутренней равнины къ востоку отъ Имитта. Такимъ образомъ Μεσόγεια Курціуса обнимаетъ большую часть Аттики по обѣ стороны Имитта и простирается отъ Эгалея до предгорій Лаврія, отъ Сароническаго залива до Парниоа и Пентелика. Мнѣніе Курціуса подтверждено Бурзіаномъ²⁾ съ географической точки зрѣнія и принято, между прочимъ, Штаркомъ въ 5-мъ изданіи учебника греч. госуд. древностей Германа (§ 92, Anm. 11). Впрочемъ, сознавая что ея Месогія слишкомъ велика и вмѣщаетъ слишкомъ разнообразныя части Аттики для того, чтобы сохранить въ теченіе вѣковъ мѣстный характеръ и религіозное единеніе, Курціусъ принимаетъ еще въ предѣлахъ этой Месогіи какъ бы центръ ея, болѣе тѣсный кругъ сосѣднихъ другъ другу селеній, димовъ (въ числѣ ихъ и Βατῆ), который также назывался Μεσόγεια (какъ Ἐπαχρία, по ея мнѣнію, была центромъ Διакρίи), и сопоставляетъ этотъ послѣдній съ такими союзами въ древней Аттикѣ, какъ τετράπολις, τρίπολις, τετράχωρον. Надписи месогейцевъ приводятся всюду рядомъ съ надписями мараонской τετράπολις, какъ доказательство, что древнѣйшіе союзы продолжаютъ существовать въ Аттикѣ въ качествѣ религіозныхъ общинъ. Но намъ кажется, что предполагаемая связь месогейцевъ III-го вѣка съ загадочной донсторической филою не имѣетъ прочнаго основанія и не выдерживаетъ критики; въ настоящее время мы знаемъ въ числѣ месогейцевъ еще одного изъ дима Κυδαθῆναιον и одного ἐκ Κεραμῆων³⁾, но ничто не указываетъ на то, чтобы цѣлые димы принимали участіе въ этомъ религіозномъ обществѣ. Культъ Иракла и Діома, почитавшихся у месогейцевъ, связываетъ скорѣе всего эту корпорацію

¹⁾ E. Curtius, Inscriptiones Atticae nuper repertae, XII, 1843 г., № 1=C. I. A., II, 602.

²⁾ Geogr. v. Griechenl., I. c.

³⁾ C. I. A., II, 603.

съ вошедшими въ составъ города димами Мелитой и Диомеей, и члены ея вербуются, кажется, все изъ окрестныхъ димовъ ¹⁾; но самая корпорація была, вѣроятно, исполнѣ частнаго характера, какъ множество другихъ корпорацій *οἰασотовъ*, *эранистовъ* и под. ²⁾, и ничего общаго ни съ срединной третью Аттики, ни съ древней филой *Μεσογεία* (если таковая существовала) не имѣла ³⁾. Встрѣчается еще названіе τὸ μεσογείον въ одной афинской надписи императорскаго времени ⁴⁾, представляющей перечисленіе земельныхъ участковъ, за которые вносятся плата. Здѣсь въ трехъ мѣстахъ обозначеніе ἐν τῷ μεσογείῳ употребляется, какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ обозначеніе дима, для опредѣленія мѣстоположенія участка; одинъ только разъ употреблены вмѣстѣ оба обозначенія: А II 31: Παλληνῆσι ἐν μεσογείῳ. Трудно изъ этихъ обозначеній понять, что такое это *μεσογείον*, но очевидно, кажется, что димъ Παλληνῆς находился въ этомъ *μεσογείον*.

Такимъ образомъ, встрѣчаясь въ аристотелевскомъ извѣстіи съ обозначеніемъ цѣлой трети Аттики словомъ ἡ μεσογείος, мы никакихъ прочихъ данныхъ для помѣщенія этой части пока не имѣемъ. Что же касается до отождествленія этой части съ Діакріей, то этому серьезнымъ образомъ препятствуетъ только то обстоятельство, что въ составъ Діакріи, какъ ее опредѣляютъ обыкновенно, входитъ и берегъ, который, какъ мы видимъ, къ части страны, носящей названіе *μεσογείος*, принадлежать не можетъ. И въ самомъ дѣлѣ части Аттики, расположенныя здѣсь, то-есть, по всему берегу Евбейскаго залива и Еврипа, на основаніи *Θουкидида* и *Страбона* должны быть отнесены такъ-же, какъ и весь почти остальной берегъ Аттики, къ Паралии. Именно, рассказывая про набѣги пелопоннискцевъ на Аттику во

¹⁾ Димъ Ватῆ, если справедливо его отождествленіе съ нынѣшней мѣстностью къ северу отъ города τὰ Πατῖα (изъ древняго Βατῆσι, см. *Δραγούμης*, *Καθολικός Ἀττικῆς δῆμου* въ *Ἀρχ. Ἐφημ.* 1884 г., стр. 31 сл.), долженъ принадлежать къ одной триттѣ съ *Διόμεια*.

²⁾ *Οἰασῶται* называютъ себя *месогейцы* въ надписи, наданной *Κυμανудисомъ* въ *Ἀθήν.* VIII, 1879 г. в. 2, если только принять возстановленіе надателя во 2-й строцкѣ: τῶι κοινῶι Με[σογείων?], которымъ эта надпись опредѣляется какъ постановленіе *месогейцевъ*.

³⁾ Что же касается до географическаго опредѣленія *Μεσογίη* *Κυρδῖου*, то, кромѣ того, что его *Μεσογίη*—самая доступная съ моря часть Аттики (въ чемъ онъ противорѣчатъ имъ же самимъ приводимому свидѣтельству *Исхія*), дѣя главныя части, объединяемыя имъ въ одну равнину *im den Nymettos hegen*, какъ нельзя рѣзче разделены крутой и пустынной каменной массой *Имита*.

⁴⁾ С. I. А. III 61: А I 24, II 9, II, 31; В II 48.

второй годъ войны, Фукидидъ говорить, что, опустошивъ аэийскую равнину, они проникли въ такъ называемую Πάραλος γῆ (то-есть, Паралию) до Лавріона и сначала опустошили ту ея часть, которой она обращена къ Пелопоннису, а затѣмъ и часть, обращенную къ Евбеѣ и Авдру ¹⁾. Несомнѣнно, что берегъ Аттики, противолежащій Евбеѣ, входилъ по Фукидиду въ составъ той части Аттики, которую онъ называетъ Πάραλος γῆ; а съ другой стороны, что подъ частью, противолежащею Евбеѣ, историкъ не могъ понимать часть восточнаго берега къ югу отъ Браврона, которую еще отводятъ обыкновенно къ Паралии, а подразумѣвалъ, конечно, береговую полосу къ сѣверу отъ Браврона до границы Βιότην ²⁾, ибо для опредѣленія первой онъ беретъ отдаленный островъ Андръ. Также точно и Страбонъ, перечисливъ безъ перерыва побережные димы отъ Сунія до Оропа и противолежащія всему этому берегу острова, тогда только говорятъ: τοὺς δ' ἐν μεσογαίᾳ δῆμος τῆς Ἀττικῆς μακρὸν εἰκαῖν διὰ τὸ κληθεὶς (IX, 22, p. 399). Возможно, что некогда Діакрія не принадлежала береговая полоса съ димами Μαραθῶν, Τριχόρονθος, Ῥαμνοῦς, хотя бы по Софоклу она и составляла часть удѣла Ликова; возможно, что къ тому времени, когда мы находимъ населеніе Аттики раздѣленнымъ на партіи, эта часть отдѣлялась уже отъ Діакрія и соединилась съ сѣвдней Паралией; возможно, наконецъ, что только Клизеенъ считалъ нужнымъ почему нибудь произвести это перемѣщеніе границъ основныхъ частей дѣленія Аттики: во всякомъ случаѣ и теперь ясно, а когда мы приступимъ къ размѣщенію димовъ отдѣльныхъ филъ по тритіямъ, то станетъ несомнѣннымъ, что подъ прибрежной полосой (Паралией) подразумѣвается весь восточный и сѣверо-восточный берегъ Аттики.

Послѣ того какъ мы отняли отъ Діакрія, какъ она обыкновенно понимается, значительную часть (весь сѣверо-восточный, обращенный къ морю склонъ горъ съ прибрежною равниной), того, что остается, слишкомъ мало, чтобы составить цѣлую срединную треть: это горныя долины между отрогами Парниѳа и Пентелика. Но мы имѣемъ возможность не только увеличить срединную полосу (τὴν μεσογαίαν Аристотеля) новыми частями, но выѣсть съ тѣмъ и исправить опредѣленіе, дававшееся

¹⁾ Фукид., II, 55: Οἱ δὲ Πελοποννήσιοι — παρῆλθον ἐς τὴν Πάραλον γῆν καλουμένην μέχρι Λαυρείου. — καὶ πρῶτον μὲν ἔτεμον ταύτην, ἣ πρὸς Πελοπόννησον ὄρεα, εἰκατα δὲ τὴν πρὸς Εὐβοίαν τε καὶ Ἄνδρον τετραμμένην.

²⁾ Во всякомъ случаѣ это тотъ самый берегъ, который Соооклъ называетъ ὁ ἀντιπλευρὸς κῆπος Εὐβοίας, только принадлежитъ онъ теперь къ другой области.

до сихъ поръ Діакріи. При опредѣленіи этой части Аттики до сихъ поръ имѣлось въ виду, конечно, мѣсто Исихія, гдѣ Діакрія опредѣляется какъ страна отъ Парниѳа до Браврона ¹⁾, но опредѣленіе Исихія на нашъ взглядъ понималось превратно. Понимали такъ, что на всемъ этомъ пространствѣ область эта прилегаетъ къ морю; вслѣдствіе этого приходилось низкій берегъ къ сѣверу отъ Браврона до восточныхъ отроговъ Пентелика съ димами 'Αραφήν, 'Αλαί 'Αραφηνίδες, относить также къ горной области. Между тѣмъ эта часть Аттики, то-есть, лежащая къ востоку отъ хребтовъ, прорѣзывающихъ Аттику въ продольномъ направленіи, до моря, самого Парниѳа не касается, а только его сравнительно низкихъ сѣверо и юго-восточныхъ отроговъ: главная масса съ высочайшею вершиною остается совершенно въ сторонѣ отъ этой части. Но отъ самой подошвы Парниѳа до долины Браврона вдоль юго-западнаго склона тѣхъ же продольныхъ хребтовъ тянется возвышенная равнина, представляющая среднюю продольную полосу Аттики. Ограниченная на сѣверѣ Парниѳомъ и въ дальнѣйшемъ своемъ протяженіи имѣя съ сѣверо-востока Пентеликъ и его юго-восточные отроги, эта внутренняя возвышенная равнина Аттики своимъ юго-западнымъ краемъ касается въ трехъ мѣстахъ сѣверныхъ подошвъ отдѣляющихся отъ нея къ Сароническому заливу хребтовъ: Эгалей, Турко-вуни и Имитта, суживается значительно при приближеніи къ Имитту, гдѣ ее наполняютъ западные отроги Пентелика, и, образуя довольно широкую долину между имъ и сѣверною подошвою Имитта, опять расширяется, распространяясь по восточному склону этого послѣдняго до его южныхъ отроговъ, отдѣляющихъ ее отъ юго-западной береговой полосы и образующихъ при соединеніи въ южной части Аттики съ отрогами Пентелика ея юго-восточную границу. Эта-то равнина, проходящая чрезъ средину всей почти Аттики, соотвѣтствуя вполнѣ краткому опредѣленію Діакріи у Исихія, подходитъ наилучшимъ образомъ подъ понятіе срединной трети Аттики (ή μεσόγειος). Къ ней примыкаютъ съ сѣв.-востока горныя части группы развѣтвленій Парниѳа и Пентелика. Въ юго-восточной своей части (къ вост. отъ Имитта) она имѣщаетъ равнину, носившую и до сихъ поръ названіе Μεσόγεια, западная же часть ея до сихъ поръ (въ представленіи ученыхъ) составляла неразрывную часть третьей части Аттики, области педіаковъ, такъ называемой πεδιάς.

¹⁾ Hesych. v. v. Διακρ(ι)εῖς.—ή χώρα Διακρία, ή από Πάρνηθος ἕως Βραυρωνος (εις βαλυλῶνος codex).

Подъ этой послѣдней неизмѣнно понималась вся часть Аттики, лежащая между Эгалеемъ, Парниоомъ, Пентеликомъ, Имиттомъ и Сароническимъ заливомъ. Но въ такихъ границахъ область эта слишкомъ велика для обозначенія τὰ (или ἡ) παρὶ (или παρὰ) τὸ ἄστυ; а названіе τὸ πεδίον, употребляемое часто древними (Геродотомъ также въ примѣненіи къ области олигархической партіи педіаковъ) ¹⁾, можетъ относиться, какъ мы сейчасъ увидимъ, только къ части этой области; потому ученые и предпочитаютъ названіе πεδιάς, которое, впрочемъ, древними прямо въ примѣненіи къ какой либо мѣстности Аттики не употребляется ²⁾. Понимаемая обыкновенно какъ одно нераздѣльное цѣлое, какъ большая средняя равнина Аттики, эта область дѣлится географически на три части. Верхняя равнина, имѣющая направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ, каменистая и обильная ручьями, всюду стекающими съ горъ и сливающимися въ юго-западномъ углу ея въ одну рѣчку Кифисъ (Κηφισός), имѣетъ широкой, но заслоненный горами выходъ на западъ въ равнину Оріасійскую, на востокъ же ея естественное продолженіе составляетъ займитская Месогія, съ которой она и составляетъ, какъ мы сказали, одно цѣлое—равнину средней полосы. Изъ трехъ хребтовъ, отдѣляющихся отъ этой террасы, два крайнихъ, Эгалеи и Имиттъ, совершенно замыкаютъ заключенную между ними площадь съ запада и востока, третій, несравненно болѣе низкій Турко-вуни ³⁾, оканчивающійся на югъ горю Ликавиттомъ (Λικαβηττός) и холмами, на которыхъ расположенъ городъ, раздѣляетъ эту южную часть области, считавшейся до сихъ поръ за πεδιάς, на двѣ части: между Имиттомъ и Турко-вуни, съ одной стороны, и между Турно-вуни и Эгалеемъ, съ другой, спускаются на югъ двѣ долины. Изъ нихъ восточная вся наполнена холмами и представляетъ только узкій проходъ между двухъ хребтовъ; только въ одномъ мѣстѣ у вывѣшняго Амбелокипи она нѣсколько расширяется, образуя плодородный уголокъ. Имиттъ наполняетъ своими отрогами большую площадь, въ области города сходящуюся съ по-

¹⁾ Геродотъ называетъ ихъ (I, 59) οἱ ἐκ τοῦ πεδίου.

²⁾ Leake, впрочемъ, называетъ всю эту часть τὸ πεδίον (р. 6). Названіе πεδιάς выводятъ изъ названія партіи πεδίακοί или πεδίασιοι, которая, однако, также называется и πεδισαί, отъ πεδίου. Πεδιάς встрѣчается только у Стеф. Виз. в. в. πεδίου.—ἔστι δὲ καὶ Πεδιάς φυλὴ τῆς Ἀττικῆς.

³⁾ Древняго имени этого хребта мы хорошенько не знаемъ. Милхгеоверъ (въ ст. Athen въ Denkmäler d. klass. Altertums Баумейстера Bd. I, p. 145, A.) предлагаетъ для него названіе Ἀγχορός, изъ Павс. I, 32, 2.

слѣдящими холмами хребта Турко-вуни, отъ которыхъ отдѣляется ея только узкая долина Илнисса, склоняющаяся на юго-западъ. Вся часть къ вост. и юго-вост. отъ города возвышенна и камениста. На западѣ верхняя равнина спускается между Турко-вуни и Эгалеемъ вдоль по теченію соединеннаго Кифиса. Сходящіяся здѣсь близко одна къ другой плоскія, но голыя и каменистыя сѣверныя подошвы обонхъ хребтовъ образуютъ отчетливую границу верхней равнины ¹⁾ отъ долины нижняго Кифиса, слѣдующей по направленію его теченія на юго-западъ. Быстро расширяясь къ югу, она образуетъ на своемъ днѣ широкую плодородную полосу, орошаемую Кифисомъ и многими ручьями, всю покрытую обильной растительностью; захватываетъ отчасти территорію города, господствующаго надъ всею этою мѣстностью, и къ югу отъ него распространяется вдоль подошвъ крайнихъ отроговъ Имитта почти до самаго берега моря. Эта-то долина нижняго Кифиса и есть древнее τὸ κεδίων; вмѣстѣ съ восточною долиною и областью западныхъ отроговъ Имитта и прилегающимъ берегомъ моря отъ Эгалеа до Имитта она и составила городской округъ при Клеоеновомъ дѣленіи Аттики.

Какъ географически эта долина нижняго Кифиса не составляетъ одного цѣлаго съ верхней равниною, которую мы опредѣлили какъ составную часть срединной полосы, такъ и въ древней литературѣ есть мѣсто, свидѣтельствующее, что во времена Пелопоннесской войны верхняя равнина понималась отдѣльно отъ τὸ κεδίων. Фукидидъ II, 20 слл. разказываетъ, какъ въ первый годъ войны Архидамъ, ворвавшись въ Аттику, опустошивъ безнаказанно Елевсинъ и Θριάсійскую равнину и пройдя затѣмъ между Эгалеемъ и отрогами Парниѳеа, расположился лагеремъ въ области самаго большаго дима Аттики, въ Ахарнахъ, опустошая окрестности, но не рѣшаясь еще въ этотъ первый походъ спуститься въ τὸ κεδίων. Продавъ довольно долго аѳинянь въ Ахарнахъ въ надеждѣ, что они выйдутъ изъ стѣнъ и дадутъ сраженіе, онъ, наконецъ, снялъ лагерь и опустошилъ еще нѣсколько димовъ между Парниѳомъ и Пентеликомъ (или Βριλησσός), а затѣмъ черезъ сѣверную Аттику и Оропскую область ушелъ въ Βιότην. Очевидно, что, если въ этомъ году пелопоннисцы не тронули еще Аѳинской равнины ²⁾, а между тѣмъ опустошали и область

¹⁾ Къ сѣв. отъ нынѣшняго селенія Πύργος, приблизительно по линіи Каматеро-Кукуваоны.

²⁾ Ibid. 23, 1: οἱ δὲ Πελοποννήσιοι—ἀφαντες ἐκ τῶν Ἀχαρνῶν ἐξήρουν τῶν δήμων τινὰς ἄλλους τῶν μεταξὺ Παρνηθός καὶ Βριλησσού ὄρους.

Ахарпъ и нѣкоторые другіе димы верхней равнины ¹⁾,—эти послѣдніе не принадлежали къ афинской равнинѣ, къ тому, что Фукидидъ и вообще Афиняне называли τὸ πεδίον, подъ которой подразумѣвали только долину нижняго Киписа ²⁾. На слѣдующій годъ пелопоннисцы опустошили и само πεδίον, и оттуда, очевидно, подъ самыми почти стѣнами Афинъ прошли на востокъ въ Паралію (II, 55, 1).

Теперь у насъ получаютъ слѣдующія приблизительно границы для трехъ основныхъ частей Клизеопонскаго дѣленія Аттики.

1) *Городской округъ*—τὰ περὶ τὸ ἄστυ—съ городомъ, расположеннымъ почти въ самомъ центрѣ его, простирается отъ горныхъ хребтовъ Эгалей и южной части его, Коробаллосъ (нынѣ Сахарица и Скараманга) на западѣ до Имитта на востокѣ. Юго-западную границу его составляетъ Сароническій заливъ отъ южной оконечности Эгалей или Коридалла ³⁾ приблизительно до мыса Пунта, нѣсколько западнѣе южной оконечности Имитта (такъ какъ юго-зап. уголь этого пространства, между берегомъ и южною частью Имитта, принадлежитъ уже береговой полосѣ—димы Αἰξωνή и Ἀλαὶ Αἰξωνίδες). Сѣверную границу составляетъ приблизительно линія соединяющая сѣверныя подошвы хребтовъ Эгалей, Турко-вуни и Имитта; въ восточной части, впрочемъ, между Турко-вуни и Имиттомъ эта линія нѣсколько выгибается къ югу, оставляя за срединною полосю расширяющуюся часть восточной долины (область деревни Халапдри).

2) *Береговая полоса*—Παραλία—обнимаетъ оба берега Аттики, юго-западный и восточный, на всемъ протяженіи ихъ отъ сухопутной границы Аттики до южной оконечности, за исключеніемъ только выше указанной части берега, принадлежащей городскому округу. Часть же берега къ западу отъ этой послѣдней, съ Фриасійской равниной, Елевсиномъ и сосѣдними долинами на границахъ Мегариды

¹⁾ Фук. II, 20, 1: γνάμψ δὲ τοῖσδε λέγεται τὸν Ἀρχίδαμον—εἰς τὸ πεδίον ἐκείνῃ τῇ ἐξβολῇ οὐ καταβῆναι...

²⁾ Разобранное выше мѣсто Фукидида приводятъ и Leake (р. 34), принимающій тѣмъ не менѣе за τὸ πεδίον всю область отъ моря до Парикса; впрочемъ онъ отдѣляетъ отъ τὸ πεδίον только die Ebene v. Acharnai, забывая остальные димы верхней равнины.

³⁾ Граница между двумя областями съ этой стороны не можетъ быть установлена, такъ какъ димъ Οἶψ, лежавшій въ долинѣ между Эгалеемъ и его южнымъ продолженіемъ (вѣроятно, Коробаллосъ—Страбонъ, IX, 14, р. 395), можетъ быть отнесенъ и къ той и къ другой области (см. ниже).

и Віотіи, также принадлежитъ къ этой же полосѣ ¹⁾. Границу этой полосы во внутрь страны составляютъ на всемъ ея протяженіи болѣе или менѣе высокіе горы и холмы, слѣдующіе въ нѣкоторомъ разстояніи вдоль берега, при чемъ склоны ихъ, обращенные къ морю, и горныя долины, открывающіяся къ нему, составляютъ одно цѣлое съ узкимъ по большей части пространствомъ берега. Въ южной части Аттики обѣ части береговой полосы, восточная и юго-западная, сходятся внутри страны на хребтѣ горъ (къ югу отъ деревни Маркопуло) и дѣлятъ всю южную оконечность между собою.

3) *Срединная полоса*—ἡ μεσογειος (χώρα)—връзывается съ сѣвера, гдѣ занимаетъ горную область вдоль всей почти границы Віотіи, широкимъ клиномъ между обѣими (восточной и юго-западной) частями береговой полосы и городскимъ округомъ, обнимая всю внутреннюю часть Аттики.

Теперь мы могли бы прямо перейти къ распредѣленію по этимъ тремъ частямъ Аттики болѣе или менѣе извѣстныхъ намъ димовъ каждой филы, попытавшись намѣтить тритіи; но на дорогѣ у насъ стоитъ одно мѣсто изъ древней литературы, единственное, называющее часть димовъ въ порядкѣ ихъ расположенія на территоріи Аттики: имъ намъ и придется теперь заняться нѣсколько подробнѣе, ибо при бѣгломъ взглядѣ на это перечисленіе димовъ у Страбона является увѣренность, что димы разныхъ филъ были такъ перемѣшаны между собою, что о группахъ димовъ одной и той же филы, кажется, не можетъ быть и рѣчи. Это мѣсто Страбона и было, вѣроятно, главною причиною того, что до сихъ поръ никто ²⁾ не попытался прослѣдить топографическую связь между димами одной и той же филы.

Страбонъ слѣдуетъ въ описаніи Аттики (IX, 11, p. 395 — 24, p. 400) направленію берега; сначала отъ Мегарской границы до Сунія, затѣмъ отъ Сунія до Оропа и Віотійской границы. Въ этомъ направленіи онъ перечисляетъ различныя мѣстности Аттики: города и димы, мысы, лежащіе около береговъ острова, гавана и т. п. Перечисляя мѣстности, онъ даетъ названія часто подъ рядъ нѣсколькихъ димовъ, но не интересуется особенно тѣмъ, представляло ли то или другое селе-

¹⁾ Эта часть Аттики не можетъ, конечно, принадлежать къ срединной полосѣ, но и городской округъ, какъ мы увидимъ, въ указанныхъ нами предѣлахъ, вмѣщаетъ уже 10 тритій. Подробности будутъ приведены ниже.

²⁾ Кромѣ Миллхгеера (см. ниже); но онъ, выставляя только предположеніе на обсужденіе, не касается подробностей.

ніе отдѣльный димъ, или нѣтъ, или было даже соединеніемъ нѣсколькихъ димовъ (какъ Бравронъ, Аенинъ); очевидно, его интересуютъ отдѣльныя мѣстности въ Атикѣ, а не раздѣленіе территоріи Атики на димы. Но для насъ важно въ данномъ случаѣ, въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ у него димы одинъ за другимъ; мы выписываемъ ихъ здѣсь, присоединяя къ каждому обозначеніе филы цифрою соотвѣтственно мѣсту, занимаемому ею въ официальномъ порядкѣ филъ ¹⁾.

'Ελεοσίς (VIII), τὸ Θριάσιον πεδίον—καὶ δῆμος (VI); далѣе Страбонъ переходитъ въ городской округъ ²⁾; ὁ δῆμος οἱ Κοροβαλλεῖς (VIII), ὁ Πειραιεύς (VIII); слѣдуетъ описаніе Мунихин, затѣмъ самихъ Аенинъ, съ экскурсомъ о достопримѣчательностяхъ разныхъ димовъ, съ краткой исторіей Атики и проч., затѣмъ авторъ возвращается къ Пирею и продолжаетъ: Φαληραῖς δῆμος (IX), Ἀλμυρούσιοι (IV); здѣсь авторъ, не обращая на это опять никакого вниманія, выходитъ изъ городского округа опять въ береговую полосу ³⁾; Αἰξωνεῖς (VII), Ἀλαεῖς οἱ Αἰξωνικοὶ (VII), Ἀναγυράσιοι (I), Θορεῖς (X), Δαμπτρεῖς (I), Αἰγυλιεῖς (X), Αναφλόσιοι (X), Ἀζηγηεῖς (VIII), δῆμος Σούνιον (IV), Θορικός (V), Ποταμὸς δῆμος (IV), Πρασιά (III), Σταειρά (III), Βραυρών (раздѣлялся на нѣсколько димовъ), [Ἀλαὶ Ἀραφῆ]νίδες (II), Μορρινοῦς (III), Προβάλινθος (III), Μαραθῶν (IX), Τρικόρονθος (IX), Ῥαμνοῦς (IX), Ψαφίς (IX).

Оказывается, что димы всѣхъ филъ перемѣшаны; но, если мы исключимъ димы отъ Κοροβαλλεῖς до Ἀλμυρούσιοι, какъ принадлежащія, по нашему мнѣнію, другой группѣ димовъ, чѣмъ всѣ остальные, то окажется, что перемѣшиваются собственно только димы каждый разъ двухъ вѣроятно, сосѣднихъ филъ: I-ой и X-ой, IV-ой и V-ой, II-ой и III-ей исключеніе составляютъ только димы VIII-ой филы, которые встрѣчаются въ двухъ разныхъ мѣстностяхъ той же полосы далеко одинъ отъ другаго; но объ этомъ потомъ. Почти съ увѣренностью можно сказать, что димъ Δαμπτρεῖς лежалъ въ одномъ участкѣ съ димомъ Ἀναγυροῦς и наоборотъ Θορεῖς—вмѣстѣ съ Αἰγυλιεῖς и Ἀναφλόσιοι; Σούνιον—вмѣстѣ съ Ποταμὸς; Πρασιά и Σταειρά—съ Μορρινοῦς и Προβάλινθος. Если же въ перечисленіи эти димы попали среди димовъ чужой

¹⁾ Эрехеида, Эгеида, Пандіонида, Леонтида, Агамантида, Инеида, Кекропида, Иппоэонтида, Эантида, Антиохида.

²⁾ Страбонъ, впрочемъ, объ этомъ ничего не говоритъ и, можетъ быть, самъ того не знаетъ.

³⁾ Доказательство въ томъ, что Ἀλμυροῦς долженъ войти въ составъ треттіи городского округа филы Λεοντις, Αἰξωνή же—прибрежной треттіи филы Κεκροπις и то и другое будетъ очевидно изъ послѣдующаго.

группы, то это очень просто можно объяснить, представивъ себѣ, что перечисляемые димы не лежали въ одинъ рядъ, напримѣръ, по линіи берега: легко понять въ такомъ случаѣ, какъ авторъ, назвавъ два, три дима, лежащіе на берегу (не обращая, конечно, вниманія на административное дѣленіе на триттин), обращался къ димамъ, болѣе отдаленнымъ отъ берега, и называлъ одинъ или другой изъ находящихся позади только что поименованныхъ. Правда, до сихъ поръ безусловно полагалось, что Страбонъ отъ Елевсина до Пирея и отъ Фалира до Оропа перечисляетъ только димы, лежащіе на берегу; и Кастроменосъ¹⁾ высказался рѣшительно противъ попытки отодвинуть какой нибудь изъ димовъ, названныхъ здѣсь Страбономъ, нѣсколько дальше отъ берега. Но, намъ кажется, такое мнѣніе не только ни на чемъ не основано, а даже странно, чтобы Страбонъ, такъ мало вообще сообщающій объ Атикѣ, интересовался, какіе димы (волости) владѣли ея берегомъ. Что димы сами по себѣ мало интересуютъ его, видно и изъ того, что нѣкоторые также лежавшіе на берегу димы онъ опустил²⁾, назвалъ Бравронъ, не говоря ни слова о димахъ, которые составляли его территорію. Онъ просто хочетъ назвать хоть часть населенныхъ пунктовъ описываемой страны и, пользуясь перечисленіемъ по направленію берега только какъ средствомъ, чтобы не сбиться, конечно, не упускаетъ случая назвать нѣкоторые болѣе выдающіеся, хотя бы и нѣсколько отдаленные отъ берега; правда, далѣе береговыхъ горъ во внутрь страны онъ не удаляется, и всѣ перечисленные имъ димы принадлежатъ Паралин³⁾. Удовольствуемся пока тѣмъ, что, освободившись отъ предвзятаго взгляда на значеніе Страбоновскаго перечисленія димовъ, мы вообще имѣемъ возможность устранить затрудненія, которыя на первый взглядъ данное мѣсто Страбона ставятъ предположенію о трехъ комплексахъ димовъ каждой филы; въ частности мы будемъ касаться вопроса объ отношеніи каждаго изъ затрудняющихъ насъ димовъ къ сосѣднимъ тогда, когда насту-

¹⁾ Die Demeu v. Attika (Diss.), 1886, p. 50.

²⁾ Пропущены Страбономъ прибрежные димы какъ Θορακάδα (ср. Plut. v. Thea. 19) и Ζοκστή, составившіе когда-то τετρακμόρον вмѣстѣ съ Фалиромъ и Пиреемъ; Ὀτρονί (Аенней, VII, p. 309), Ἀραφύ (вѣроятно около нынѣшняго мѣстечка Рафина) и м. б. много другихъ, известныхъ намъ только по именамъ.

³⁾ Мильхгоферъ, *Sitzungsberd. d. Pr. Ak.* 1887, IV, p. 42) первый, кажется, поставилъ вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на димы, перечисленные Страбономъ; самъ онъ, однако, не пытался дать рѣшеніе и этого вопроса.

пять очередь помѣщенія даннаго дыма въ его триттіи ¹⁾. Если же намъ удалось вступить на вѣрный путь въ толкованіи Страбоновскаго описанія береговой полосы Аттики, то всѣ димы, называемые имъ въ предѣлахъ, отведенныхъ нами для этой полосы, легко раздѣлятся въ группы по филамъ, какъ разъ по одной группѣ для каждой изъ десяти филъ ²⁾. Исключеніе еще составляетъ фила Ἰκποθωνίς (VIII), два дыма которой, оказывается, лежатъ въ разныхъ мѣстахъ, несомнѣнно принадлежащихъ къ той же береговой полосѣ. Что Елевсинская триттіа принадлежитъ тоже къ области Паралии, очевидно и изъ того, что для другихъ двухъ частей страны мы также уже имѣемъ готовые триттіи: Пирейскую для городского округа ³⁾ и ту, въ которой должна помѣщаться Декелія, для срединной полосы, и изъ того, что сосѣдняя съ Елевсинской Θριάсіѣйская триттіа ⁴⁾ должна быть для филы Οἰνεΐς (VI) триттіей береговой полосы. А въ такомъ случаѣ въ той же Паралии еще одинъ участокъ изъ димовъ, или хотя бы изъ одного дыма, филы Ἰκποθωνίς является лишнимъ. Но не трудно отъ него и избавиться. Только разбираемое мѣсто Страбона помѣщаетъ Азицію въ Паралии (между Ἀνάφλοστος и Σοόνιον, слѣдовательно приблизительно на западномъ берегу самой южной оконечности Аттики, бокъ о бокъ съ димомъ Σοόνιον). Никакого другаго даннаго, которое бы могло подтвердить такое помѣщеніе этого дыма (гораздо чаще встрѣчающагося на надписяхъ римскаго времени), мы не имѣемъ, равно какъ и никакого даннаго, которое бы указывало на

¹⁾ Объ одномъ мѣстѣ будетъ упомянуть уже здѣсь. Нигдѣ намъ предположеніе о томъ, что димы, представляющіе затрудненіе, лежатъ вдали отъ берега, не прогнорировать болѣе или менѣе основательнымъ топографическимъ опредѣленіемъ димовъ; напротивъ, желаніе непременно помѣстить эти димы на берегу моря создавало новыя затрудненія. Такъ Μυρρινόος несомнѣнно лежитъ въ глубинѣ береговой полосы, и потому ученымъ приходится подставлять въ текстѣ Страбона вм. Μυρρινόος;—Μυρρινόουστῆ, имя дыма, мѣстоположеніе котораго неизвѣстно (см. Кастроменосъ, I. с., p. 60 sq.); димъ Ποταρῶς Leake (Demen, p. 61) удачно помѣщаетъ около нын. Кератѣя, внутри южн. оконечности Аттики, но полагаетъ, что Страбонъ назвалъ другую половину этого дыма, Ποταρ. καθότι., которую и помѣщаетъ съ натяжками на берегу моря (ср. Кастроменосъ, I. с., p. 55).

²⁾ Намъ интересуютъ здѣсь, какъ и во всемъ настоящемъ изслѣдованіи, только Клизееновское дѣленіе на 10 филъ; позднѣйшія три филы мы оставляемъ безъ вниманія.

³⁾ Названія обнѣихъ триттіи имѣются на надписи С. I. A. I 517: Δεῦρ' Ἐλευσίνιον [τρ]ιττῶς τελεῖται, Περαιῶν δὲ τριττῶς ἄρεται.

⁴⁾ Названіе Θριάсіων τριττῶς; извѣстно; также изъ надписи: *Mittheil. d. d. a. Inst.*, V, p. 85.

какое нибудь другое мѣсто, гдѣ можно было бы искать этотъ димъ, или которое требовало бы помѣщенія въ этомъ мѣстѣ другаго дима. Вотъ почему ученые до сихъ поръ вполне удовлетворились исправленіемъ рукописнаго ἀζηναίς или ἀξηναίς на Ἀζηναίς, и это чтеніе считалось несомнѣннымъ ¹⁾. Между тѣмъ рукописное чтеніе вполне съ тѣмъ же правомъ можетъ быть исправлено на Ἀτηναίς, и это исправленіе мы предлагаемъ ввести въ текстъ Страбона ²⁾. Относительно дима Ἀτήνη намъ столь же мало было извѣстно до сихъ поръ, гдѣ лежалъ онъ, какъ и относительно Ἀζηναίς. Но Ἀτήνη принадлежитъ къ филѣ Ἀντιοχίς (X) и вполне у мѣста здѣсь, рядомъ съ принадлежащими къ той же филѣ (и триггін) димами Θοραί, Αἰγυλία, Ἀναφλόστος, а также съ несомнѣнно лежащими здѣсь же, въ сторону Лаврійскихъ горъ, димами Ἀμφιτροπή и Βῆσα ³⁾. И Милльхегферъ ⁴⁾ склоненъ относить димъ Ἀτήνη въ эту группу; должно быть, на основаніи того, что при перечисленіи членовъ Антиохиды (притановъ, судей) по димахъ Ἀτηναίς называются на надписяхъ среди другихъ димовъ этой группы. Мы можемъ привести здѣсь два такихъ примѣра: 1) въ спискѣ притановъ Антиохиды, С. I. А., II, 869, середины IV вѣка, изъ трехъ столбцовъ первый занятъ именами Ἀναφλόστιοι, Ἀμφιτροπαιῆς, Βῆσαιῆς, Ἀτηνηῆς; за ними въ началѣ второго слѣдуютъ Αἰγυλιῆς и Θοραιῆς (затѣмъ идутъ Παλληνῆς и т. д.); 2) въ надписи С. I. А. II 944 (извѣстной только по изданію Chandler'a—С. I. G., 172), представляющей, вѣроятно, списокъ діетитовъ по филамъ и димахъ, мы имѣемъ въ 4-омъ столбцѣ, в. 2 Ἀντιοχίδος, в. 3 Ἀλωπεκῆθεν (4 лица), далѣе идутъ: в. 12 Θορα[ι]εῖς ⁵⁾ (2 лица), в. Α[ι]γ[υ]λ[ι]εῖς ⁶⁾ (2 лица), в. 22 Ἀ[τ]ηναίς ⁷⁾ (2 лица), в. 27 Ἀναφλόστιοι (4 лица), в. 36 Βῆσαιεῖς

¹⁾ Примѣчаніе Крамера (Strabonis Geographica graec., commentariis crit. instr. G. Kramer, 1844) въ IX, 21 гласитъ: ἀζηναίς] Ἀζηναίς corr. Tschukius ex conjectura Casauboni certissima.—C. Müller и Dübner (въ Дидотовскомъ изд. Страбона 1853 г.) замѣчаютъ: Azeniensis (codd. Ἀξηναίς).

²⁾ Какъ доказываетъ Крамеръ, I. с., I, Praefat., p. LXXXIV sq., ошибки въ архетипѣ рукописей Страбона объясняются тѣмъ, что онъ списанъ былъ съ уставнаго кодекса, а при уставномъ письмѣ Z или Z легко могли затѣнить первоначальное T.

³⁾ См. Leake, Demen., p. 56 и др.

⁴⁾ Sitsungaber. d. Pr. Ak., p. 13; доказательствъ онъ не приводитъ.

⁵⁾ Koehler, Chandi. ΘΟΡΑΚΕΙΣ, Boeckh—Θόρα[θ]ε[ν].

⁶⁾ Koehler, Chandi. ΑΓΓΥΛΗΘΕΙΣ, откуда Boeckh, Ἀγγυληθε[ν], но димъ Ἀγγυλή больше нигдѣ не встрѣчается; исправленіе Келера вѣдь сомнѣнн.

⁷⁾ Boeckh, Koehl., ΑΖΗΝΕ[Ι]Σ—Chandi.: та же ошибка, какову мы предполагаемъ въ текстѣ Страбона; она не повторяется, на примѣръ, С. I. А. II 1713:

(одинъ); затѣмъ уже Παλληνεῖς и т. д. Указаніе такихъ надписей, какъ сейчасъ приведенныя нами, не можетъ имѣть самостоятельнаго, рѣшающаго значенія въ вопросѣ о положеніи того или другаго дыма среди другихъ димовъ филы, но несомнѣнно важно въ смыслѣ подтвержденія¹⁾, и мы не задумываемся вычеркнуть димъ 'Αζηνεῖς изъ текста Страбона и изъ списка извѣстныхъ намъ димовъ береговой полосы и помѣстить на его мѣсто (вѣроятно, на южной оконечности юго-западнаго берега, на пространствѣ отъ бухты Анавизо до мыса Сунія) димъ 'Αττηνεῖς, увеличивъ еще однимъ димомъ группу имѣющихся уже здѣсь димовъ Антиохиды.

Расчистивъ себѣ дорогу къ соглашенію Страбоновскаго описанія Аттики съ тѣмъ, какъ намъ представляется на основаніи Аристотеля и Псела устанавленное Клисеномъ раздѣленіе Аттики, мы попытаемся теперь показать, какимъ образомъ димы каждой филы (о мѣстоположеніи которыхъ мы что вибудь знаемъ) могутъ быть размѣщены въ три группы соотвѣтственно тремъ нами намѣченными основными частямъ дѣленія страны; установитъ по димамъ, которые уже съ извѣстною степенью вѣроятности, если не съ полною достовѣрностью, относятся къ опредѣленнымъ мѣстностямъ Аттики, основы для всѣхъ тридцати триттій; подчинитъ такимъ образомъ вопросъ о топографіи димовъ правилу о трехъ триттіяхъ каждой филы и о смежности димовъ, принадлежащихъ къ одной триттіи. Приступая къ этой части нашей работы вовсе не съ цѣлью добиться новыхъ результатовъ по топографіи димовъ Аттики, а единственно чтобы посмотрѣть, на сколько полученные уже занимавшимся въ этой области результаты подходятъ къ защищаемому нами взгляду на административное дѣленіе Аттики и подтверждаютъ его,—мы не можемъ входить въ подробное разсмотрѣніе вопроса о точномъ опредѣленіи положенія того или другаго дыма и приводить всякій разъ всѣ основанія для болѣе или менѣе прочно установленныхъ фактовъ, а отсылаемъ читателя за справками къ спеціальнымъ работамъ по этому предмету²⁾. Но несомнѣнныхъ

[ZHNEYE (Pittakis), С. I. А. III 234: AZINEC (I. G. Murat.), и наоборотъ С. I. А., III, 1040: ATINIEYE вѣсто Αζηνεῖς (Fourmont).

¹⁾ Вообще, кажется, въ надписяхъ съ подобными списками (особенно до-риискаго времени) территориальная связь между димами соблюдалась, но не особенно строго: отступленія не рѣдки, а часто замѣтна и полная путаница.

²⁾ Такія болѣе прочныя рѣшенія ниже мы еще отъ старыхъ исследователей: *Leake*, Die Demeu v. Attika. Нѣмецкое изданіе *Westermann'a* 1840 г.,

выводовъ по топографіи димовъ имѣется еще сравнительно мало; ограничиться ими одними нельзя. Много димовъ помѣщаютъ ученые, довольствуясь болѣе или менѣе сомнительными основаніями, на-примѣръ, во многихъ случаяхъ совпаденіемъ или только прибли-зительнымъ сходствомъ названія теперешняго селенія или мѣст-ности съ именемъ древняго дыма ¹⁾). Мы будемъ пользоваться и такими менѣе прочными выводами, на сколько они намъ извѣстны и кажутся заслуживающими вниманія, не обязуясь, однако, пред-ставить полный сводъ всѣхъ высказанныхъ о каждомъ димѣ предположеній ²⁾). Обращая вниманіе только на отдѣльные димы и не предполагая связи между ними, прежніе изслѣдователи были совершенно свободны помѣщать ихъ въ любое не занятое или плохо занятое мѣсто, на основаніи даже самыхъ слабыхъ на-мековъ. Установивъ по возможности на прочныхъ основаніяхъ трит-тіи, мы будемъ имѣть возможность и необходимость по отношенію къ нимъ провѣрить предлагаемыя размѣщенія другихъ димовъ фило и будемъ пополнять наши триттіи тѣми изъ нихъ, топографическое опредѣленіе которыхъ хотя и колеблется, но соотвѣтствуетъ намѣ-ченному остову данной триттіи. Во многихъ случаяхъ намъ при-дется отвергнуть даже, повидимому, удачныя рѣшенія вопроса о триттіяхъ. Можетъ быть, кое-гдѣ окажется, что мы неудачно пред-

Ross, Die Demeu v. Attika u. ihre Vertheilung unter d. Phylen, 1846; изъ новыхъ особенно *A. Milchhoefer* (см. выше стр. 57). Для димовъ городского округа, кромѣ того, *Sauppe*, De demis urbanis, 1846, *C. Wachsmuth*, Die Stadt Athen im Alterthum, B. I, 1874, pp. 347—357, и особенно *Lolling*, Topographie v. Athen (въ Handb. v. *Iw. Müller*, Bd. III), pp. 305—308.

¹⁾ Совпаденіе именъ, намъ кажется, можетъ служить хорошимъ подтвержде-ніемъ, при существованіи другихъ, хотя бы слабыхъ, основаній, или же указа-ніемъ, гдѣ мы можемъ искать данную мѣстность древности; но какъ самостоя-тельное доказательство оно едва ли можетъ имѣть силу уже потому, что обита-тели прежде носившей извѣстное названіе мѣстности могли, переселившись въ другое мѣсто, перевести съ собой старое названіе на новое поселеніе. Еъ тому же, во многихъ случаяхъ сходство названій можетъ быть только случайное, и новое названіе можетъ быть не наследіемъ изъ древнихъ временъ, а новообразованіемъ, не имѣющимъ съ послѣднимъ ничего общаго.

²⁾ Не говоря уже о литературѣ до *Leake's*, такихъ часто весьма слабо об-основанныхъ предположеній много и въ серьезномъ трудѣ самого *Leake's*, а осо-бенно у *Hanriot*, Recherches sur la topographie des demes de l' Attique, 1853, Δ. Σοῦρμελῆ, Ἄττικὰ ἢ περὶ δῆμων Ἀττικῆς. Ἐκδ. 2. 1862; а также и у *G. Kastromenos*, l. c. (послѣдній хотя и старается относиться критически, но часто самъ высказываетъ предположенія, не приводя доводовъ; а главное, не любитъ ссылаться на автора принимаемаго имъ или защищаемаго мнѣнія).

почли одно предположеніе другому: не въ ту триттію помѣстили димъ или не въ ту сторону дали развиваться триттіи. Но границы не только триттіи, но даже димовъ, не могутъ быть опредѣлены хоть скольконибудь точно. Къ тому же, какъ сообщаетъ Аристотель ¹⁾, триттіи были по жребію распределены между филами. Вслѣдствіе этого, конечно, случалось, что у нѣкоторыхъ филъ участки, лежащіе въ двухъ разныхъ полосахъ (а въ исключительныхъ случаяхъ, можетъ быть, и во всѣхъ трехъ) ²⁾, оказывались, смежными. Въ такихъ случаяхъ еще труднѣе достовѣрно опредѣлить, къ которой изъ двухъ сосѣднихъ триттіи принадлежалъ извѣстный димъ ³⁾.

Распредѣляя димы по триттіямъ, мы будемъ въ нашемъ изложеніи держаться не порядка слѣдованія филъ, а территоріальной связи между устанавливаемыми триттіями, сначала городского округа, затѣмъ береговой полосы и, наконецъ, срединной полосы. Для наглядности отмѣчаемъ триттіи цифрою, обозначающею мѣсто соответствующей филы въ официальномъ порядкѣ, съ прибавленіемъ *a*—для триттіи городского округа, *b* — для береговой полосы и *c* — для срединной полосы.

Триттіи городской полосы далеко не всѣ (10) дѣлили между собою область самаго города, какъ предполагалъ Зауппе (*De demis urbanis*, p. 10 sq.), да и городъ, особенно во времени Клизеена, былъ едва ли на столько великъ, чтобы вмѣщать въ себѣ 10 димовъ. Зауппе въ интересахъ своей догадки принужденъ ввести въ черту города вовсе не существующій димъ 'Ερέτρια, или димы, о которыхъ мы, кромѣ названія, ничего не знаемъ (Κολωνός Антиохиды, Βουτάδαи или 'Ετεροβουτάδαи), и пригородные димы, какъ 'Αγρολή. Виламовицъ (*Aus Kydathen*, p. 110 sq.) подтвердилъ этотъ взглядъ и прискалъ для предполагаемой мѣри Клизеена остроумное основаніе: желаніе сосредоточить представителей всѣхъ филъ около святыни государства, общественнаго очага въ пританіи. Доллингъ (I. c., p. 306, Anm. 1), новѣйшій представитель теоріи Зауппе, приближается къ истинѣ, принимая въ числѣ этихъ „городскихъ“ ди-

¹⁾ 'Αθην. пол. 22, p. 55: ἐκλήρωσεν τρεῖς (τρίττους) εἰς τὴν φιλὴν ἐκάστην!

²⁾ Такъ, можетъ быть, у филы Οἰνεῖς (VI).

³⁾ Это и было причиною того, что Милхгесеръ *Sitzungsber.* 1887, p. 52 sq., принималъ для каждой филы большіе округа, вмѣщавшіе большинство димовъ филы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ только принимаетъ двѣ сосѣднихъ группы димовъ (триттіи) за одну: такъ для филъ IX, V, VI; въ другихъ произвольно соединяетъ въ одну кругъ группы двухъ триттіи, лежащихъ по близости одна отъ другой, но, кажется, не соприкасавшихся: такъ для филъ II и III.

мовъ и такіе отдаленные отъ города, какъ Λακκιάδα, Ἀγρολή и Φάληρον ¹⁾); остается только добавить, что большинство ихъ не было отдѣльными димами, которые приписали къ разнымъ филамъ особо отъ другихъ димовъ тѣхъ же филъ, а все только части группъ димовъ, на которыя дѣлился городской округъ.

Двѣ триттіи ограничивались, можетъ быть, частью области города; это:

1) Триттіа IIIa, состоявшая, кажется, изъ одного только дима Κοδαῖη-
ματων, который занималъ, вѣроятно, центръ города вокругъ акрополя; всѣ остальные димы той же филы удобно распредѣляются между двумя другими триттіями, за исключеніемъ никогда не существовавшаго дима Καλισταῖς ²⁾);

2) Триттіа VIIa: димъ Μελίτη къ западу отъ акрополя по восточному склону холмовъ Μοοσαῖον, Πυόξ и, можетъ быть, Νομφαῖον; изъ остальныхъ димовъ этой филы ни одинъ не можетъ быть съ достовѣрностью отнесенъ къ городской триттіи. Но весьма возможно, что область этой триттіи выходила за предѣлы города и простиралась чрезъ Иллы на югъ въ сторону Фалира: тогда здѣсь гдѣ нибудь (между Фалиромъ и Аоннами) мы можемъ помѣстить димъ Σολατή, составлявшій древній союзъ τετραχώμοι вмѣстѣ съ Фалиромъ, Пиреемъ и Θουραῖαδα ³⁾). Иначе можно еще пробовать помѣстить Σολατή въ триттіи береговой полосы (той же филы) около дима Αἰζωνή: тогда

¹⁾ Но такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, совершенно удалется отъ того, что предполагали Заупе и Вилмовицъ, между тѣмъ какъ онъ волилъ признавать мнѣніе и того и другаго.

²⁾ Димъ этотъ встрѣчается всего одинъ разъ, именно въ надписи С. I. A., III, 10 (= С. I. G. 353), при чемъ относительно подлежащей разсмотрѣнію части надписи мы должны полагаться на Ρосоак'а и Фоугмон'а. Здѣсь въ епискѣ притановъ Пандіониды col. II v. 20 Ρосоакъ даетъ ΚΑΛΕΤΕΕΥΣ (Fougm. ΚΑΛ. . . ΕΥΣ), что Бэкъ и Диттенбергеръ по аналогіи съ v. 11 — ΚΥΔΑΘΗΝΑΙΟΙ и v. 17 [ΣΤΕΙΡ]ΙΕΙΣ (Dittenb.) принимаютъ за имя дима. Но называемый въ слѣд. стр. v. 21 Τόχικος вѣроятно то же лицо, которое встрѣчается въ числѣ притановъ въ надписи С. I. A., III, 1056 v. 35 (оба еписка представляютъ нѣсколько общихъ имъ обонимъ именъ), и тамъ онъ отмѣченъ Γ[Τ] (то-есть, Σταῖριός): соответственно этому буквы ΚΥ при имени Тихика въ нашей надписи можно считать въ [ΣΤ] (Dittenb. Κ[Α]); въ ΚΑΛ[ΕΤΕ]ΕΥΣ же вкроеся обозначеніе званія или должности предшестующаго лица (cf. № 1056, v. 37; № 1031 v. 13, 26, № 1121 v. 23; № 1119 v. 11 и проч.) или новое имя, при чемъ къ сохраннымъ буквамъ хорошо подошло бы, напримеръ, ΚΑΛ[Α]ΙΣΤ[Ο]ΣΕΥΣ [ΕΒΙΟΥ] или что нибудь подобное.

³⁾ Poll. IV, 14.

онъ будетъ на берегу моря, но дальше отъ Фалира ¹⁾. Соединенію въ одну треттію димовъ *Μελίτη* и *Ξοκετή* благопріятствуетъ и порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ димы въ спискѣ діэтитовъ С. I. А., II, 994, составленномъ по филамъ и димамъ. Этой надписью мы уже пользовались разъ ²⁾; кажется, что она изъ не многихъ вполне послѣдовательно соблюдающихъ связь димовъ по тремъ группамъ; жаль только, что сохранился списокъ лишь для четырехъ послѣднихъ филъ (изъ 10-ти) и что извѣстна намъ надпись только по изданію *Chandler'a*. Для филы Кекропиды (col. 1) мы имѣемъ здѣсь слѣдующій списокъ: v. 3—*Μελίταις*, v. 8—*Ξοκεταίονες*, v. 21—*[Π]θαίς*, далѣе слѣдуютъ димы срединной полосы: v. 28—*[Φλ]θαίς* (*Böckh*,... *ΔΥΕΙΣ* *Chandl.*). V. 27—*Chandl.* даетъ *K[IKY]NNEIΣ*, при чемъ въ скобкахъ стоитъ дополненіе самого *Chandler'a*, удерживаемое и позднѣйшими издателями, но несомнѣнно ошибочное ³⁾: *Κίχοννα*— димъ филы *Ἰπποθωνίς*; другаго свидѣтельства о томъ, чтобы этотъ димъ принадлежалъ также когда нибудь филѣ *Κεκροπίς*, на сколько намъ извѣстно, не имѣется; очевидно, въ разбираемомъ мѣстѣ первая буква невѣрно прочитана, а все дополненіе вызвано ею; на камнѣ стояло, вѣроятно, или *[AΘMO]NEIΣ* или *[TPINE]MEIΣ* (оба эти дима принадлежать къ одной треттіи съ *Φλόα*, о чемъ см. ниже). V. 42 или 44— выпало еще одно названіе дима, можетъ быть, одно изъ только что нами указанныхъ; v. 47— по весьма правдоподобному восстановленію Бека ⁴⁾, *A[ἰξωνίς]*, димъ третьей, береговой треттіи, къ которой принадлежитъ и слѣдующій далѣе димъ *'Α[λαί]ς* (v. 54). Такимъ образомъ по этой надписи димъ *Ξοκετή* долженъ быть отнесенъ къ одной треттіи съ *Μελίτη*, такъ какъ къ слѣдующей Фліи онъ не можетъ быть отнесенъ, а отъ группы *Αἰξωνή-Ἀλαί* онъ отдѣленъ

¹⁾ Определенія положенія дима *Ξοκετή*, которыя мы находимъ, напримеръ, у *Ляка* (I. c., p. 26 sq.), *Кастромена* (I. c., p. 38 sqq.), не могутъ быть обязательны.

²⁾ При рѣшеніи вопроса объ *'Αζηνία* въ текстѣ *Страбона*, см. стр. 84.

³⁾ Дополненія *Chandler'a* для насъ, конечно, не имѣютъ никакого значенія: очевидно, онъ введенъ былъ въ заблужденіе извѣстнымъ ему уже изъ изданной имъ же надписи С. I. А., III, 1030 v. 36 (=С. I. G. 191) обозначеніемъ *Κίχωννίς*; но въ той надписи этотъ димъ на своемъ мѣстѣ.

⁴⁾ Восстановленіе это основано на томъ, что слѣдуютъ *'Α[λαί]ς* (димъ *'Αλαί Αἰξωνίδας*), и подтверждается тѣмъ, что названный здѣсь подъ рубрикой *A[ἰξωνίς]* v. 52 sq. *Δημοκράτης Εὐφίλῃτος* можетъ быть сынъ или вообще родственникъ встрѣчающагося въ рѣчѣ [Демосе.] пр. Неэры 25, p. 1353 *Εὐφίλῃτος Σίμωνο; Αἰξωνεύς*.

группою димовъ срединной триттіи (если возстановленіе [Φλ]οαῖς и всѣхъ слѣдующихъ именъ димовъ вѣрно)¹⁾.

Изъ остальныхъ димовъ этой филы димы Πίθος, Δαιδαλίδα, Ἐκκεχίδα, Σοκαλητός; не могутъ быть опредѣлены вовсе, такъ что возможно, что какой нибудь изъ нихъ и примыкалъ еще къ диму Μελίτη. Изъ нихъ Πίθος, по той же надписи, принадлежалъ или къ группѣ Μελίτη—Εοκετή или же къ слѣдующей, съ Φλόα. Σοκαλητός Кастроменъ (I. с., p. 99) предполагаетъ въ нынѣшней мѣстности Сеполія къ западу отъ Аоннъ, основываясь, кажется, только на созвучіи, не имѣющемъ этимологическаго основанія; напротивъ, окончаніе -ητός указываетъ на горную мѣстность.

Остальная часть территоріи города раздѣлялась главнымъ образомъ между двумя триттіями: IIa и Va; три другія, повидимому, касались также окраинъ города: Ia, IVa, VIIa; болѣе или менѣе въ сторонѣ лежали: VIa, IXa, Xa. Эти восемь триттій дѣлили между собой и всю область вокругъ города, при чемъ большинство изъ нихъ размѣщались отъ города или его ближайшихъ окрестностей до самыхъ границъ городского округа полосами, расширяющимися въ направленіи къ окраинамъ округа.

3) Триттія IIa: изъ димовъ, принадлежащихъ къ ней, прежде всего опредѣленно извѣстно положеніе дима Διόμια на юго-восточномъ склонѣ Ливавитта, можетъ быть, также и на южной подошвѣ, гдѣ его область входила въ черту города; здѣсь къ Діоміи примыкалъ съ запада связанный съ нею преданіями димъ Κολλυτός, занимавшій, вѣроятно, всю сѣверную часть города (къ сѣверу отъ Κοδαθήναιον)²⁾. Къ востоку или къ юго-востоку отъ Діоміи лежалъ пригородный димъ Ἀρχολή, дѣлившійся на двѣ части: нижнюю и верхнюю, при чемъ первая могла занимать часть долины Илисса около города, вторая во-

¹⁾ Встрѣчается еще димъ Εοκετή въ подобномъ же спискѣ діетитовъ 325—324 года до Р. X., но здѣсь всѣ димы перепутаны и надписи для нашей цѣли не годятся; изъ другихъ подобныхъ надписей, списковъ притановъ Βεπροπαιδ, С. I. A., II, 866 (обломокъ) ничего не даетъ, III, 1035—очевидно, перепутывается всѣ димы, III 1046—тоже слишкомъ маленькій отрывокъ.

²⁾ Мы слѣдуемъ старому опредѣленію мѣстоположенія Коллита, которое защищаетъ и Доллингъ (I. с., 308, Anm. 1), и которое такимъ образомъ получаетъ подтвержденіе. Только изъ Страбона, I, p. 65, по нашему мнѣнію, все-таки слѣдуетъ, что Фратосеенъ, по крайней мѣрѣ, считалъ Κολλυτός и Μελίτη сменными, между тѣмъ они раздѣлены рынкомъ, принадлежащимъ къ деревнѣ Κεραεικός. Но возможно, что къ Μελίτη принадлежалъ и Ареонагъ, и южная граница Коллита доходила до его сѣверо-восточнаго склона.

сточнѣе ея въ сторону Имитта ¹⁾. Въ этой же мѣстности, по направленію отъ города за 'Αρχόλη могъ находиться и димъ 'Εστιαία, помѣщаемый сюда Россомъ (I. с., р. 5) по остроумной догадкѣ, исправляющей въ текстѣ Свида и Арпократіона п. сл. τρικέφαλος безсмысленное παρὰ τὴν 'Εστίαν ὁδὸν въ п. т. ἐς 'Εστιαίαν (или 'Εστιαίανδα) ὁδὸν ²⁾. Наконецъ, къ этой же триттіи можетъ принадлежать и димъ Βατή, если вѣрно отождествленіе его съ нынѣшнимъ предмѣстьемъ Πατίσια, къ сѣверу отъ города, на юго-западной подошвѣ Турко-вуни, слѣдовательно къ сѣверу отъ древняго Κολλοτός ³⁾; и лежащій къ юго-западу отъ Патисіи (къ сѣверо-западу отъ дыма Κολλοτός) Κολωνός ἱππικός. Родина Софокла, есть несомнѣнно димъ Κολωνός филы Эгенды и принадлежить къ той же триттіи ⁴⁾.

Такимъ образомъ для городской триттіи филы Эгенды у насъ получается большая область, спускавшаяся съ западныхъ склоновъ Турко-вуни и Ликавитта къ теченію Кифиса, на югъ доходившая до центра города, огибавшая по южному и юго-восточному склону гору Ликавиттъ и отсюда простиравшаяся черезъ долину Илисса на юго-востокъ по направленію къ Имитту. Въ надписяхъ мы также находимъ подтвержденіе нашему соединенію въ одну триттію димовъ Βατή, Κολωνός, Κολλοτός, Διόρμεια, 'Αρχόλη, 'Εστιαία. Мы не имѣемъ, правда, для филы Эгенды аккуратно, съ соблюденіемъ раздѣленія димовъ по триттіямъ, составленныхъ списковъ должностныхъ лицъ; но и при спутанномъ порядкѣ, очевидно, сохраняя мѣстами связь между двумя или нѣсколькими дымами одной триттіи, наши списки притановъ и одинъ уже указанный выше списокъ діетитовъ по филамъ въ известной мѣрѣ отражаютъ предположенное нами соединеніе названныхъ выше димовъ въ одну группу. Такъ въ С. I. А. II 872, во 2-мъ

¹⁾ Это опредѣленіе основывается на указаніи надписи С. I. А., III, 61, A. Col., II, v. 21 sqq., гдѣ одинъ участокъ отнесенъ къ обоимъ, очевидно, соседнимъ димамъ 'Αρχολῆσι καὶ 'Αρχολῆσι πρὸς τῇ Ὑμηττῷ.

²⁾ Иначе тотъ же пунктъ опредѣляется 'Αρχολῆσιν (ibid.). Это опредѣленіе дыма, основанное только на конъектурѣ, допускающей еще сомнѣнія, не внушало бы такого довѣрія, еслибы не находило нѣкотораго подтвержденія въ надписяхъ (о чемъ см. ниже).

³⁾ См. выше прим. 1 на стр. 74.

⁴⁾ До сихъ поръ нельзя было прочно установить, къ какой изъ трехъ филъ, изъ которыхъ каждая имѣла по диму съ именемъ Κολωνός (II, IV, X), принадлежала родина Софокла. Теперь мнѣніе, высказанное Зауппе (I. с. р. 19) на основаніи Андротіона fragm. 44a, вполне подтверждается, ибо Κολωνός ἱππικός лежитъ далеко отъ участковъ Леонтиды и Антиохиды.

столбцѣ между Ἰκαριῆς и Πλωθαῖς (оба дима принадлежатъ къ срединной триттiн) мы имѣемъ группу изъ 4-хъ выше названныхъ димовъ Ἐστιαεῖς, Βαταῖς, ἐκ Κολωνοῦ, Κολλυταῖς; пританы другихъ 2-хъ помѣщены въ концѣ всего списка Ἀγκολῆθεν, Διομαεῖς, Ἀγκολῆθεν (одинъ разъ, должно быть, изъ Ἀγκόλη ὑπένερθεν, другой—изъ Ἀγκ. καθόπερθεν). Надпись С. I. A., II, 870 известна только по копiи Fourmont'a, и восстановленiя именъ димовъ у Бека и Келера въ большинствѣ случаевъ сомнительны, такъ какъ основаны на не многихъ буквахъ; но между сохранившимися именами димовъ мы опять имѣемъ рядомъ ἐκ Κολωνοῦ и Βατῆς. С. I. A., II, 329 (тоже списокъ притановъ) ставитъ рядомъ, между посторонними димами, ἐκ Κολωνοῦ и Ἐστιαίοθεν; С. I. A., II, 943 (списокъ дѣтитовъ): Διομαεῖς и Ἐστιαεῖς, также С. I. A., III, 1023 (списокъ притановъ) Ἐστιαίοθεν, Διομαεῖς. Но лучше всего согласуется съ нашимъ предположенiемъ о составѣ городской триттiн Ἐгенды порядокъ, въ которомъ перечисляются димы этой филы въ надписи С. I. A., II, 991. Надпись эта, къ сожалѣнiю, плохо сохранившаяся и не цѣлая, заключала въ себѣ единственный въ своемъ родѣ и неизвѣстно для какой цѣли составленный списокъ по филамъ димовъ, вѣроятно, одиннадцати филъ ¹⁾. Вошли въ списокъ почему-то не всѣ димы каждой филы. При перечисленiи димовъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, соблюдался известнiй порядокъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношенiи, что димы разныхъ триттiй не перемежаются ²⁾; внутри же границъ триттiн мѣстная послѣдовательность между димами, кажется, не соблюдалась ³⁾. Часть надписи, касающаяся филы Δίγεις, съ дополненiями Келера представляется въ слѣдующемъ видѣ (col. I v. 16—26):

v. 16. [A]ίγειδ[ος]
 [Κο]λλο[τῶς]
 Ἀγκόλ[η καθόπερ(θεν)]
 [Ἀ]γκόλ[η ὑπένερ(θεν)]
 20. Διόμ[εια]

¹⁾ Надпись относится къ тому времени, когда установлена была филла Птолеманда, но еще не была образована Атталида. Сохранились только части списковъ 6-ти первыхъ филъ.

²⁾ Оставилемъ въ сторонѣ димы Птолеманды.

³⁾ По крайней мѣрѣ, мы не считали себя обязанными при группировкѣ димовъ въ триттiн въ распределенiи первыхъ стараться сохранить порядокъ, указываемый надписью, и соотвѣтствiя не получалось.

[Ἐ]σ[τί]αι[α]
 Βατή
 Ἐρίκα[ια]
 25. Ὀτρώνη
 Γαργητ[τός]

Димъ Ὀτρώνη принадлежитъ уже новой триттіи (по нашему предположенію — береговой), Γαργηττός — третьей (срединой); Ἐρίκα, о мѣстоположеніи которой мы ничего не знаемъ, могла бы примкнуть къ предшествующимъ ей димамъ, но такъ какъ она и въ другихъ надписяхъ встрѣчается рядомъ съ Ὀτρώνη и другими димами береговой группы, то правильнѣе помѣщать ее въ эту послѣднюю. Наши же димы городской триттіи мы имѣемъ всѣ вмѣстѣ и въ началѣ списка: v. 21 можемъ возстановлять [ἐκ Κολωνοῦ]. Правда, прямого доказательства, что всѣ шесть первыхъ димовъ были димами городской триттіи, мы въ этой надписи не имѣемъ, ибо какъ разъ спорные димы Ἐστιαία и Διόματα находятся въ концѣ группы и могутъ быть вмѣстѣ съ слѣдующими отнесены къ Ὀτρώνη; но полагаемъ, что совокупность всѣхъ данныхъ придаетъ прежде высказаннымъ на основаніи слабыхъ доводовъ и принятымъ нами догадкамъ о мѣстоположеніи названныхъ димовъ значительную степень вѣроятности. Изъ остальныхъ димовъ Эгеиды остается неопредѣленнымъ димъ Κοδαντίδα, встрѣчающійся довольно рѣдко: онъ можетъ быть отнесенъ къ городской триттіи, но также и къ любой изъ двухъ другихъ ¹⁾.

4) Триттія Va: сѣверо-западную часть города между димами Κολυτός и Μελίτη составлялъ Κεραμειχός, самый западный изъ димовъ этой триттіи, на южной границѣ котораго у воротъ Δίπολον мы еще имѣемъ на старомъ мѣстѣ пограничный камень. Выйдя за черту города, область этой триттіи спускалась въ долину Кифиса и, перейдя черезъ него, простиралась, вѣроятно, до сѣверо-западной границы городского округа, хребта Эгалея. На сѣверо-востокѣ (а далѣе отъ города, мо-

¹⁾ Изъ перечисляемыхъ Гельцеромъ (у К. Ф. Германа) димовъ Эгеиды, вѣроятно, никогда къ ней не принадлежали ни Ἀγρολή, ни Εὐώνομον. Какъ попалъ одинъ Εὐώνομαός въ списокъ эебовъ Эгеиды въ надписи III вѣка по Р. Хр. (С. I. A., III, 1202, v. 68), трудно сказать, но изъ этого единственнаго случая не слѣдуетъ, что для Эрехеиды принадлежалъ также и Эгеидѣ. Ἀγρολήθεν же въ надписи С. I. A., II, 467 v. 124 (=Φάιστ. I 56 С.) есть несомнѣнно ошибка вмѣсто Ἀγ[χ]ολήθεν.

жетъ быть, на востокѣ) она граничила съ предшествующей триттѣй, и, какъ мы увидимъ изъ положенія слѣдующей триттѣи—VIa, имѣла направленіе болѣе на сѣверо-востокъ отъ города, расширяясь къ окрестностямъ округа. Такъ къ сѣверо-западу отъ города, къ югу отъ дыма Колωνός предшествующей триттѣи, лежала мѣстность 'Ακαδημία, принадлежавшая еще къ тому же дыму Керамику. Въ области этой триттѣи на лѣвомъ берегу Кифиса должны мы помѣщать димъ Εἰρεσίδα, такъ какъ одно изъ своихъ помѣстій Платонъ въ своемъ завѣщаніи (у Диогена Лаэрт., III, 41) опредѣляетъ: „τὸ ἐν Εἰρεσιδῶν χωρίον, — φ̄ γαίτων — πρὸς ἡλίον δουμένον Κηφισός“, а области двухъ другихъ триттѣй Акамантиды, къ которой принадлежитъ димъ Εἰρεσίδα, нагдѣ болѣе Кифиса не касаются, какъ мы увидимъ ниже. Слѣдовательно, и это помѣстье Платона лежало вблизи излюбленной имъ Академіи. Въ этой же триттѣи находилось и другое еще помѣстье Платона и димъ, въ которомъ оно лежало, 'Ιφιστιάδα, ибо по долину Кифиса къ западу отъ хребта Турко-вуни непременно проходила дорога изъ Афинъ въ Кифисію, которая въ томъ же завѣщаніи названа, какъ сѣверная граница этого помѣстья ¹⁾. Димъ Ἐρμος помѣщается обыкновенно за Кифисомъ, около священной дороги въ Елевсинъ, на основаніи Плутарха (Фокіонъ, 22), который опредѣляетъ мѣсто гробницы Пивоники, жены Арисала, ἐν Ἐρμείφ, ἧ βαδίζουσαν ἐξ ἄστεως εἰς Ἐλευσίνα (по Павсанію, I, 37, 5—на священной дорогѣ за Кифисомъ), при чемъ въ ἐν Ἐρμείφ видятъ обозначеніе дыма (обыкновенно Ἐρμος, Ἐρμαιος). Это опредѣленіе мѣстоположенія дыма Ἐρμος подтверждается до нѣкоторой степени найденными въ этихъ мѣстахъ надгробными надписями членовъ этого дыма: двухъ — у пороховаго магазина при теперешней Елевсинской дорогѣ, и одной — вѣскольکو къ сѣверо-

¹⁾ Ibid. τὸ ἐν Ἰφιστιάδων χωρίον, φ̄ γαίτων βορρᾶθεν ἧ ὁδὸς ἧ̄ ἐκ τοῦ Κηφισίας ἱερῶν, νότοθεν τὸ Ἡράκλειον τὸ ἐν Ἰφιστιάδων. Дорога эта изъ Клефисіискаго святилища вела, вѣроятно, въ Афины и проходила на большомъ пространствѣ. До сихъ поръ непременно хотѣли видѣть въ такомъ опредѣленіи границъ Платоновскаго помѣстья близкое соседство его и дыма Ἰφιστιάδα, а также почему-то и дыма Εἰρεσίδα съ Клефисіей, а указаніемъ на Ἡράκλειον ἐν Ἰφιστιάδων руководились, чтобы помѣстить димъ Ифистіады въ вымышленное мѣстечко Ἄραχλι къ юго-западу отъ Клефисіи въ верхней равнинѣ (см. *Leake*, I, с., р. 39 и 74. *Kastron*, р. 86). Но въ этомъ опредѣленіи ничего нѣтъ прочнаго, ибо: 1) мы не знаемъ степени давности и происхожденія названія Ἄραχλι, 2) если его нужно производить отъ древняго Ἡράκλειον, то святилищъ Иракла въ Атикѣ было, вѣроятно, много, кромѣ известныхъ намъ.

западу отсюда у деревни Χαῖδάρι ¹⁾, расположенной уже на восточномъ склонѣ Эгалея. Эта мѣстность вполне можетъ войти еще въ составъ триттіи Керамейской (то-есть, Va) ²⁾, и опредѣленіе положенія дыма Ἐρμος получаетъ новое подтвержденіе. Наконецъ, по сосѣдству съ Ἐρμος, также, вѣроятно, на сѣверо-западной окраинѣ триттіи, можетъ помѣститься и димъ Χολαργός, имя котораго встрѣчается на двухъ надгробныхъ надписяхъ, найденныхъ также въ деревнѣ Χαῖδάρι ³⁾. Такимъ образомъ пространство между рыночною площадью города и восточнымъ склономъ Эгалея приблизительно наполнено пятью дымами Κεραμεῖς (или Κεραμεικός), Βίρεσιδαί, Ἴφιστιάδαί, Ἐρμος, Χολαργός; только на сѣверѣ границы керамейской триттіи въ сторону триттіи Πα не поддаются болѣе точному опредѣленію, точно такъ же, какъ мы не можемъ указать ни дымы, которые владѣли сѣверною частью нижне-кифисской равнины до границы между этой равниной и срединною полосой Аттики, ни къ какой изъ триттіи Πα или Va примыкала эта мѣстность. Можетъ быть, впрочемъ, какойнибудь изъ димовъ, пока не поддающихся опредѣленію, увеличить еще съ этой стороны территорію триттіи керамейцевъ. Такихъ свободныхъ димовъ Эгеиды три: Πῆρος, Κορτεῖδαί (встрѣчается, кажется, только въ надписяхъ римскаго времени) и Κίχοννα ⁴⁾.

Въ надписяхъ мы находимъ опять полное подтвержденіе нашей группѣ изъ пяти димовъ, которые мы отвели для городской триттіи Акамантиды. Два имѣющіеся у насъ списка притановъ (третій С. I. A. II 867 — ничтожный обломокъ) оба съ рѣдкою въ спискахъ этого времени (II вѣка по Р. Хр.) аккуратностью соблюдаютъ связь между дымами, относимыми нами къ одной триттіи. Въ С. I. A. III 1031 послѣ Σφήττιοι и Θορίκιοι имѣемъ Κορτεῖδαί (которые могутъ примыкать и къ предшествующимъ Θορίκιοι и къ слѣдующей за ними группѣ димовъ), Ἐρμειοι, Χολαργεῖς, Ἴνρесиδαί. Въ С. I. A. III 1030 между Σφήττιοι и группой Κεφαλῆθαν—Θορίκιοι помѣщены Χολαργεῖς, Κίχοννεῖς (которые, можетъ быть, не разрываютъ

¹⁾ *Milchhöfer*, *Antikenber.*, №№ 580, 584, 585.—*Mittheil.* XIII.

²⁾ Названіе этой триттіи имѣемъ на пограничномъ камнѣ: С. I. A., I, 502: [Κερ]ραμείων [τρ]ιττός.

³⁾ *Milchhöfer*, *ibid.*, №№ 581, 582.

⁴⁾ Исключаемъ изъ разсмотрѣнія димъ Ῥαχίδαί, упоминаемый только Фотіемъ в. v.—Въ Index VI третьяго тома С. I. A. Диттенбергеръ помѣщаетъ между дымами Акамантиды и Κόθυρος (съ вопросительнымъ знакомъ), димъ Πανδίωνιδы, на основаніи № 1114, v. 67, гдѣ, однако, ΚΥ', читаемое на камнѣ, нужно принимать не за ΚΥΘ(ί,ριος), а за ΚΥΡ(τείδης), какъ и въ предшествующей строкѣ.

здѣсь группу димовъ городской триттіи, а сами приписываютъ къ ней)¹⁾, 'Hρεσίδαи, 'Ερμος; только ἐκ Κεραμῶων (одинъ) отставлено на конецъ списка. Цѣлкомъ встрѣчаемъ нашу группу опять въ томъ же спискѣ димовъ С. I. A. III 991, гдѣ верхняя часть ряда димовъ Агамантиды хорошо сохранилась и заключаетъ слѣдующія имена димовъ (col. III, v. 14 слл. по Келеру):

	[Ἀγαμαν]τίδος
v. 15.	[Κ]ερα[μ]εῖς
	'Ι[φισ]τιάδαи
	Ἐίρεσίδαи
	'Ερμος
	Χολαργεῖς
v. 20.	Ἐἰτέα
	Σφητ[τός]
	Κ . . .
	— — —

Димъ Ἐἰτέα, какъ мы увидимъ ниже, удобнѣе отнести къ одной группѣ съ Σφητός; пять же димовъ городского округа и здѣсь опять выѣстъ являются въ началѣ списка, и при томъ здѣсь въ порядкѣ расположенія ихъ съ востока на западъ.

5) Триттіа VIa: приходилась на югъ отъ предшествующей, вдоль всей ея южной границы, только на востокъ прекращалась нѣсколько раньше, такъ какъ въ область города не выходила: здѣсь, какъ намъ кажется, область подходившей съ юга Пирейской триттіи отрѣзывала ее отъ города. Изъ этой триттіи мы знаемъ хорошо только димъ Λακιάδαи, вѣроятно, ближайшій къ городу, опредѣляемый на основаніи Павсанія I, 37, 1, какъ лежавшій по священной дорогѣ въ Елевсинъ еще на лѣвомъ берегу Кифиса. Димъ этотъ далъ свое имя цѣлой триттіи по вполнѣдствіи, вѣроятно, потерялъ значеніе, такъ какъ встрѣчается въ надписяхъ (кромя надгробныхъ) очень рѣдко. Несомнѣнно, въ эту триттію нужно помѣстить одинъ также изъ мелкихъ димовъ 'Εκκληφισία, для опредѣленія мѣстоположенія котораго единственное дан-

¹⁾ Надгробная надпись жены Кикинейца С. I. A. II 2187, найденная въ Καλύβια τ. Κουβαῖ, пожалуй, указываетъ на береговую триттію для дима Κίχωνος (см. ниже); но мѣсто тамъ занято, и мѣсто, гдѣ найдена надгробная надпись (въ городскихъ кладбищахъ), въ надгробіяхъ женщинъ чаще, чѣмъ въ надгробіяхъ мужчинъ, не совпадаетъ съ мѣстонахожденіемъ названнаго въ нихъ дима: см. Мильхговеръ, Sitzungsber. d. Pr. Ak., 1887, p. 6—8 и прим. къ p. 6.

ное — его названіе, и для присужденія триттіи Лаккіадовъ — то обстоятельство, что черезъ другія двѣ триттіи филы Οἰνεῖς не протекалъ Кифисъ. Занимая долину Кифиса къ югу отъ триттіи Керамейской, триттіа Лаккіадовъ простиралась, конечно, и далѣе на западъ до горъ, отдѣляющихъ Аѣинскую равнину отъ Θριάсійской. Здѣсь въ проходѣ черезъ Эгалею у нынѣшней деревушки Δαφνὶ помѣщенъ довольно прочно димъ Οἶη на основаніи комбинаціи данныхъ, почерпнутыхъ изъ Софокла Эд. Кол., 1044 слл., Павс. I, 37, 7 и Φιλοхора, fr. 75; но такъ какъ мѣстность эта можетъ быть отнесена и къ западной равнинѣ и къ восточной, а прилегающая къ Эгалею часть западной равнины, составлявшая триттію Θριάсійскую ¹⁾, принадлежала слѣдовательно также филѣ Οἰνεῖς, то мы не беремъ рѣшить, въ составъ которой изъ двухъ, вѣроятно, соприкасавшихся здѣсь триттіей входилъ димъ Οἶη. По дорогѣ къ проходу Δαφνὶ лежалъ, можетъ быть, димъ Περφοῖδα, такъ какъ здѣсь найдена надгробная надпись двухъ лицъ изъ этого дима ²⁾. Такимъ образомъ священная дорога изъ Аѣинъ въ Елевсинъ дважды переходила изъ триттіи Va въ триттію VIa, проходя по димамъ Κεραμεῖκος, Λακκιάδα, Ἔρμος и при подъемѣ въ гору входя опять, вѣроятно, въ область триттіи Лаккіадовъ. Какими димами занято было все остальное пространство этой триттіи, мы не знаемъ совершенно, ибо относительно пяти димовъ этой филы изъ тринадцати ³⁾ мы ничего не можемъ сказать: это — Βοοτάδα, Ἰκποταράδα, Κοδωκίδα ⁴⁾, Πτελεάσιοι, Τορμαῖδα.

Нельзя извлечь никакихъ сколько нибудь прочныхъ данныхъ касательно димовъ и триттіей этой филы и изъ надписей. Обѣ надписи С. I. A., II, 944 и 991, которыя до сихъ поръ были и еще будутъ нашими вѣрными спутниками, по крайней мѣрѣ, для части димовъ, одна — послѣднихъ четырехъ, другая первыхъ пяти филъ, покидаютъ насъ совершенно въ изслѣдованіяхъ, касающихся VI-ой филы. Въ числѣ списковъ притавовъ мы имѣемъ для этой филы одинъ полный IV-го вѣка

¹⁾ Θριάσιων τριττός — *Dittenberger*, *Sylloge*, 800.

²⁾ *Milchhöfer*, *Antikenber.* № 583.

³⁾ Изъ списка димовъ этой филы у Гельцера вычеркивается Εἰτάς: два дима съ этимъ именемъ принадлежатъ филамъ V и X, въ филу Οἰνεῖς Εἰτάς попала изъ надписи Φιλίστωρ IV, p. 170 (= С. I. A., III, 1188) col. II, v. 62, гдѣ теперь читающееся на камнѣ ΙΤΕ(αῖος) Даттенбергеръ справедливо исправляетъ на ΠΤΕ(λαῖος).

⁴⁾ Совершенно неудачно *Kastromenos* (I. c., p. 88) пытается опредѣлить мѣстоположеніе этого дима на основаніи Аристоѳ. Θεσμοσ. (не Θεμισκιάουσ), ст. 617: для нашей цѣли это мѣсто не дастъ ровно ничего.

(360—359 г. до Р. Хр.) С. I. A. 868, но на него мы не можемъ положить, такъ какъ находимъ въ первомъ столбцѣ на 2-мъ мѣстѣ в. 6 Φολάσιοι и на 7-мъ в. 18 Λ]ουσιῆς, изъ которыхъ первые несомнѣнно, вторые, по всей вѣроятности, принадлежали вмѣстѣ съ Ахарнами къ срединной триттiи; здѣсь же они отдѣлены отъ Ахарнъ и смѣшаны съ димами городской, можетъ быть, и береговой триттiи, ибо между ними в. 3 — 'Επικηφίσιοι и в. 13 Λ]ακιάδαι. Кажется, что здѣсь слѣдовали другому принципу въ размѣщенiи димовъ: сначала 9 мелкихъ 'Επικηφίσιοι, Φολάσιοι, Πελαάσιοι, 'Γ]πτοτομάδαι, Δ]ακιάδαι, Β]ροτάδαι Δ]ουσιῆς, Περιβοῖδαι, Κοδωκίδαι; затѣмъ два большихъ: Θ]ριάσιοι и Οἰῆθεν, и въ концѣ большой димъ 'Α]χαρνῆς, который одинъ выставилъ въ тотъ годъ 22 притана и впоследствии все больше заслоняетъ остальные дими филы. Остальные списки притановъ, императорскаго времени, С. I. A. III 1037, 1042, 1047, 1049— все обломки, и ничего изъ нихъ извлечь нельзя, такъ же какъ и изъ списка дiститовъ С. I. A. II 943.

Не смотря, однако, на всѣ неблагоприятныя условiя для опредѣленiя димовъ триттiи VIa и ихъ мѣстоположенiя, область триттiи опредѣляется довольно ясно, занимая все пространство между триттiями Va и VIIa; для этой послѣдней мы имѣемъ опять нѣсколько димовъ, которыхъ мѣстоположенiе прочно установлено, и къ нимъ съ нѣкоторою вѣроятностью присоединяются еще два-три. Итакъ:

6) Триттiя VIIa: димъ Περασιός, только уже значительно позже Клеиоена разившiйся въ цѣлый городъ, составлялъ какъ бы центръ ея и далъ ей свое имя ¹⁾. Отсюда область триттiи простиралась на западъ, гдѣ на границѣ съ Θ]риасiйскою триттiей лежалъ димъ Κοροβαλλός по склонамъ горы того же имени, составляющей, вѣроятно, южную часть хребта Эгалея (нынѣ Скарамангá). Между этими двумя димами удобно можно помѣстить еще два дима: Θ]ρακτάδαι, одинъ изъ τετρακταμοι, находившiйся, по Лиду, Россу и др., около теперешняго Κερατζiν и гавани Δρακετζῶνα; и, можетъ быть, 'Εροιάδαι, для котораго Σουρμελής (I. с., р. 142) нашелъ здѣсь же мѣстечко 'Ροιδάν, имя котораго, по его мнѣнiю, есть нѣсколько испорченное древнее 'Εροιάδαι ²⁾. Для опредѣленiя мѣстонахожденiя этого дима мы не

¹⁾ Περα[ι]ῶν τριττός—С. I. A. I, 517.

²⁾ Правда, никакого прочнаго даннаго для утверженiя, что 'Εροιάδαι находилась въ теперешнемъ 'Ροιδάν, мы не имѣемъ; но имѣемъ подтвержденiе этого предположенiя въ томъ, что мѣстность эта принадлежала къ области филы 'Ικ-

можемъ воспользоваться надписями лицъ этого дима, которыя Мильхгеферъ (Sitzungsber. p. 50) отмѣчаетъ найденными въ деревни Χαϊδάρι: tessera iudicis нѣкоего Δημάρχος 'Ερσιάδης (С. I. A. II 903) и надгробная надпись, вѣроятно, его сына.... Δημάρχου 'Ερσιάδης (С. I. A. II 2031 = Кум. 462): вѣроятно, отецъ и сынъ жили и были похоронены внѣ своего дима ¹⁾, ибо до нынѣшняго Χαϊδάρι простирается Пирейская триттія не могла, да и найдены тамъ надгробныя надписи лицъ разныхъ димовъ ²⁾. Надписи съ именемъ этого дима, отмѣченныя у Мильхгефера (ibid.) изъ Χαρβάτι, могутъ быть отнесены ко второму диму съ этимъ именемъ, 'Ερσιάδαи филы Антиохиды, который, какъ мы увидимъ ниже, и по другимъ указаніямъ, вѣроятно, находился вмѣстѣ съ Παλλήνη въ срединной триттія Хс. Ибо димовъ съ этимъ именемъ мы должны предположить два, встрѣчающіеся отъ IV-го до I-го вѣка до Р. Хр. постоянно и даже одновременно въ числѣ димовъ обѣихъ филъ ³⁾. При томъ это не былъ одинъ димъ, раздѣленный между двумя филами, какъ предполагалъ Бекъ (Attisches Seewesen, p. 377), а, по всей вѣроятности, два совершенно отдѣльныхъ дима, лежавшихъ въ различныхъ мѣстностяхъ.

Область Пирейской триттіи простирается и въ другую сторону отъ Пирея, къ сѣверо-востоку, занимая пространство между Пиреемъ и городомъ, на юго-западномъ краю котораго лежали оставшіеся за стѣною Θεμιστοкла димы Κοίλη и Καριάδαи. Оба эти дима помещаются, такъ сказать, спина обь спину съ димомъ Μελίτη на западѣ и юго-западномъ склонѣ холмовъ, по сѣверо-восточному склону которыхъ расположенъ былъ этотъ послѣдній и по гребню которыхъ проходила городская стѣна Θεμιστοкла. Изъ нихъ Κοίλη лежалъ въ ложбинѣ между холмами Μουσειον и Πνός, Καριάδαи (вмѣщавшій въ себѣ

πολιτικῆς (Пирейской триттія), и въ томъ, что въ эту триттію я, пожалуй, въ эту мѣстность мы лучше всего можемъ отнести 'Ερσιάδαи и на основаніи надписи С. I. A. II 944 (о чемъ см. ниже).

¹⁾ Если даже одна или двѣ надгробныя надписи могутъ съ нѣкоторою вѣроятностью указывать на мѣстонахождение дима (см. Мильхгеф. Sitzungsber., p. 49 sq.), то съ другой стороны часто надгр. надписи находятся не на самомъ мѣстѣ дима, а въ окрестностяхъ (см. тамъ же, p. 46 sq.) и во всякомъ случаѣ одна надпись или нѣсколько одного семейства не могутъ имѣть никакого серьезнаго значенія.

²⁾ См. *Mühlh.*, *Antikenbericht.*, 577—582 (Mitth., XIII).

³⁾ Въ С. I. A. I не встрѣчается вовсе; въ С. I. A. III только между димами Антиохиды (см. Index), но въ С. I. A. II напр.: 'Ιπποθωντ.—nn. 944, 991 (V-го вѣка), 870, 871 (I-го вѣка); 'Αντιοχ.—nn. 803, с. 107, 943, 944 (IV-го вѣка).

βάρβρον) болѣе къ сѣверо-западу между Πυός и Νομφεῖον. Для пространства между этой окраиной города (такъ называемымъ у нѣмцевъ Felsenstadt) и Пиреемъ мы имѣемъ еще нѣсколько свободныхъ димовъ этой филы, изъ которыхъ нѣкоторые, можетъ быть, принадлежали также къ разбираемой триттiи. Но къ этой же триттiи мы считаемъ необходимымъ отнести и димъ Οἶον (Κεραμεικόν), которому тогда можетъ быть отведено и опредѣленное мѣсто къ сѣверу отъ Κεραΐδας, на сѣверномъ окончанiи той же группы холмовъ, гдѣ она вдается въ низменную область керамейцевъ (приблизительно между теперешней обсерваторiей и Пирейскимъ вокзаломъ ¹⁾). Мы знаемъ, что было два дима съ именемъ Οἶον, изъ которыхъ и по надписямъ и по лексикографамъ (Арпократионъ s. v. и изъ него Свида) одинъ принадлежалъ филѣ Λεοντίς, другой филѣ Ἴκποθωντίς (изъ этой послѣдней впослѣдствiи перешель къ Ἀτταλῆς ²⁾). Арпократионъ и Свида, кромѣ того, сообщаютъ: ἔστι δὲ τὸ μὲν Κεραμεικόν Οἶον τῆς Λεοντίδος φυλῆς, τὸ δὲ Δεκαλεικόν τῆς Ἴκποθωντίδος, ὡς Διόδωρος. Съ этимъ, казалось бы, совпадаетъ и то обстоятельство, что Δεκαλεία также есть димъ филы Иппоонтиды. О мѣстонахожденiи этихъ двухъ димовъ мы ничего больше не знаемъ, кромѣ того, что изъ названiй ихъ можемъ заключить, то-есть, что одинъ находился по сосѣдству съ Декелiей, другой по сосѣдству съ Керамикомъ. Но при установленiи триттiи Οἶον Δεκαλεικόν, конечно, могло бы вмѣстѣ съ Δεκαλεία войти въ составъ срединной триттiи филы Иппоонтиды (VIII с.), съ Οἶον же Κεραμεικόν, какъ димомъ филы Леонтиды, мы ничего подѣлать не можемъ. Ибо городская триттiа этой филы (IV a) занимаетъ юго-восточную часть городского округа: единственный димъ ея, который мы можемъ съ полною достовѣрностью опредѣлить, — это Ἀλφειός, лежащiй на берегу къ востоку отъ Фалира ³⁾. Чтобы соединить въ одну триттiю съ этимъ димомъ какую нибудь мѣстность по сосѣдству съ Керамикомъ, положенiе котораго строго опредѣленно, мы должны ее искать къ юго-западу отъ послѣдняго, и довести ее узкой полосой съ южной стороны города между Акрополемъ и Пни-

¹⁾ Сюда же помѣщаетъ этотъ димъ *Leake* (l. с. p. 25), но наугадъ.

²⁾ Стефанъ Виз. s. v. называетъ Οἶον только какъ димъ Леонтиды, и этотъ послѣднiй встрѣчается въ надписяхъ гораздо чаще.

³⁾ Ἀλφειός не можетъ еще принадлежать къ береговой триттiи, какъ соединiй съ нимъ Διξωνή и всѣ слѣдующiе, ибо для береговой триттiи филы Λεοντίς мы имѣемъ группу димовъ на южной оконечности Аттики, съ димами Σοῦνιον и Ποταμός. Захватывая димъ Ἀλφειός, городская триттiа простиралась на сѣверъ, можетъ быть, до южныхъ окраинъ города, какъ, напримѣръ, и Парейосал.

ксомъ черезъ Ареопагъ до Керамика, гдѣ нибудь на сѣверной сторонѣ послѣдняго. Но тогда, вопервыхъ, намъ придется отвести подъ какой нибудь димъ этой триттіи часть, по крайней мѣрѣ, западнаго и юго-западнаго склоновъ Акрополя, который несомнѣнно имѣлъ на себѣ только одно поселеніе; вовторыхъ, придется урѣзать часть и триттіи Мелиты, принимая для обѣихъ триттіи VIIa и IVa рядомъ два странно узкихъ и длинныхъ округа; наконецъ, втиснутый до юго-западной границы Керамика, округъ триттіи Леонтиды раздѣлить здѣсь непременно димы *Κολλοτός* и *Μελίτη*, которые, какъ сказано выше, судя по словамъ Эратосѣена у Страбона, мы должны признать сопредѣльными. На основаніи всего этого мы полагаемъ, что димъ *Οἶον Κεραμεικόν*, если только вѣрно это его названіе и толкованіе, нельзя признать за димъ филы Леонтиды. Напротивъ, въ триттію VIIa (филы Иппоонтиды) этотъ димъ прекрасно помѣстился бы; а также и *Οἶον Δεκαλεικόν* безъ затрудненія можетъ быть помѣщенъ, а по указанію надписи *Οἶον* Леонтиды и долженъ быть помѣщенъ между димами срединной триттіи, къ которой мы съ нѣкоторымъ основаніемъ можемъ отнести димы *Παιονίδαί*, *Εὐπορίδαί*, *Κρωπίδαί*, *Πήληκες*, *Ἐχαλή*. Считаая, что рѣшеніе этого вопроса объ обѣихъ димахъ *Οἶον* весьма важно для насъ, такъ какъ здѣсь нашему установленію триттіи встрѣчается препятствіе въ опредѣленно высказанномъ свидѣтельствѣ изъ древности, мы разберемъ здѣсь жетѣ надписи, которыя, по нашему мнѣнію, подтверждаютъ наше распредѣленіе димовъ *Οἶον* между двумя філами вопреки свидѣтельству лексикографа и отнесеніе ихъ въ соответствующія триттіи.

Въ надписи C. I. A., II, 991, col. II, послѣ v. 9: *Λεωντιδο[ς]* мы имѣемъ списокъ димовъ этой филы въ двухъ частяхъ, раздѣленныхъ промежуткомъ въ три строки, теперь совершенно стертая: въ первой v. 10—15, какъ это мы еще постараемся обосновать ниже, но какъ очевидно уже и изъ аналогій рассмотрѣнныхъ нами списковъ филы Эгеиды и Акамантиды, перечисляются димы городской триттіи; во второй части v. 19—25 мы имѣемъ уже димы срединной триттіи:

Παιονίδαί
Ἵβάδ[α]τ
Πήληκες
Κρωπίδαί
Εὐπορίδαί
Κολωνε[ῖς]
Οἶ[ων]

Въ послѣдней строкѣ Россъ читалъ ΛΙΑ, Келеру послѣ ΟΙ тоже казалось Λ; но въ примѣчаніи онъ говоритъ: *vs. 25 pagum inscriptum fuisse, quem Οἶον fere dictum esse novimus, satis certum esse videtur*; и дѣйствительно, другаго имени дима филы Леонтиды, которое бы болѣе подходило въ сохранившихся слѣдахъ буквъ нельзя найти. Итакъ Οἶον здѣсь названъ между димами срединной триттіи, въ которыхъ мы причисляемъ, кромѣ четырехъ другихъ, и Ἐράδαи и Κολωνίαις. Что надпись эта строго соблюдаетъ группировку димовъ по триттіямъ, это мы уже видѣли относительно димовъ Эгеиды и Агамантиды и еще постараемся подтвердить и остатками списка двухъ другихъ интересующихъ насъ филъ Эрехоиды и Пандіониды. Относительно же филы Леонтиды и спеціально дима Οἶον нашъ взглядъ подтверждается спискомъ притановъ IV-го вѣка С. I. A. II 864. Этотъ послѣдній прекрасно и вполне сохранился и сообщаетъ имена притановъ по димамъ въ трехъ столбцахъ (какъ и всѣ списки притановъ до-римскаго времени) въ строго соблюденномъ порядкѣ. Послѣднее явствуетъ изъ того, что выданный Келеромъ въ 1885 году въ *Mitthell. d. d. arch. Inst.*, X, p. 105 слл. обломокъ подобной же надписи въ единственной свсно сохранившейся части, соотвѣтствующей 2-му столбцу надписи 864, соблюдаетъ совершенно тотъ же порядокъ¹⁾. Какой порядокъ могъ быть принятъ въ распредѣленіи притановъ на три группы по тремъ столбцамъ, намъ кажется, очевидно: это соблюденіе дѣленія филы и димовъ ея на триттіи²⁾. Въ надписи № 864, какъ мы сказали, это распредѣленіе, очевидно, соблюдено и въ первомъ столбцѣ перечислены пританы изъ димовъ городской триттіи, какъ мы увидимъ ниже; во второмъ—изъ димовъ береговой триттіи и въ III-мъ—изъ срединной триттіи. Здѣсь перечислены всѣ димы каждой триттіи и димы срединной триттіи суть тѣ же самые, которые названы вмѣстѣ и въ надписи № 991;

¹⁾ N. 864 col. II: Φρεάρριοι (9 лицъ), Σουσίης (4 лица), Δεираδιῶται (2 лица), Ποτάριοι (2 лица); *Mitth.*, X, 105, col. II: имена семи лицъ, можемъ дополнить еще два имени и названіе дима Φρεάρριοι (также Келеръ), далее Σουσίης (4 лица), Ποτάριοι [Δεираδιῶται (2 лица), [Δεираδιῶ]ται (2 лица). Особенно обращаетъ вниманіе то обстоятельство, что въ надписи № 864 Ποτάριοι помѣщены здѣсь отдѣльно отъ другой группы Ποτάριοι въ col. I, и во 2-ой надписи очевидно было также, ибо въ отличіе отъ тѣхъ они и названы въ этой 2-ой надписи Ποτ. Δεираδιῶται.

²⁾ Обозначеніе триттіи въ началѣ столбца имѣемъ въ обломкѣ подобной же надписи Пандіониды С. I. A. II 871, а на случай соблюденія въ подобныхъ надписяхъ распредѣленія по триттіямъ намъ еще придется указывать.

это: v. 3—Πήληκας, v. 8—Υβάσαι, v. 13—ἐξ Οἴου, v. 15—Ἐκαλειῆς, v. 18—Κρωπίσαι, v. 21—Πιονίσαι, v. 28—Ἐὑκρίσαι, v. 33—Αἰθαλίσαι, v. 38—Κολωνῆς. Такимъ образомъ мы и здѣсь имѣемъ Οἶον среди димовъ срединной триттіи. Изъ другихъ списковъ членовъ филы Λεοντίς, перечисляемыхъ по димахъ, мы имѣемъ еще два, въ которыхъ названы ἐξ Οἴου: С. I. A. II 1049—часть огромнаго списка лицъ филы Λεοντίς, начинающагося съ ἐξ Οἴου (v. 3); далѣе слѣдуютъ принадлежащія къ диму, отъ котораго сохранилось только v. 38 1A1: Келеръ восстанавливаетъ [Δεираδιώτ]αι; если же предположить здѣсь, напримѣръ, [Κρωπίδ]αι, то вмѣстѣ со слѣдующими v. 51—Αἰθαλίσαι, v. 69—Ἐὑκρίσαι, составитя непрерывная группа димовъ той же срединной триттіи, за которыми далѣе слѣдуютъ димы триттіи городской: v. 116 Χολλαῖσαι и В v. 1—Λεοκονοεῖς.—Въ списокъ клируховъ С. I. A. II 960: дополнение сохранившагося v. 14 ΟΙΟ въ ἐξ Οἴου, впервыхъ, сомнительно, а вовторыхъ, группировка димовъ по триттіямъ здѣсь, кажется, не соблюдена.

Для филы Ἴπποθωντίς мы располагаемъ очень небольшимъ числомъ надписей, имѣющихъ значеніе для нашей цѣли, и всѣ онѣ дошли до насъ въ ничтожныхъ обломкахъ. Изъ нихъ принадлежащія къ диму Οἴου называются въ надписи С. I. A. II 943, уже нами забракованной. Восстанавливаютъ ἐξ Οἴου и въ надписи № 944, имѣющей, какъ мы уже нѣсколько разъ имѣли случай видѣть, для нашей цѣли огромное значеніе, и восстанавливаютъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ мы его теперь уже не ожидаемъ. Какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, закончимъ разсмотрѣніе матеріала, касающагося триттіи VIIa, разборомъ соотвѣтствующей части этой надписи. Въ столбцѣ второмъ ея мы имѣемъ: v. 2—Ἴπποθωντίδος, v. 3—Παραίαις, v. 6—Ἐροάσαι, v. 9—Κορυθαλλεῖς: всѣ три дима отнесены нами къ городской триттіи, и притомъ названы здѣсь, можетъ быть, въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они лежали одинъ за другимъ въ направленіи съ востока на западъ по берегу моря; далѣе слѣдуютъ три, а можетъ быть и четыре дима береговой (Елевсинской) триттіи; v. 14—Ἐλευσίνιοι, v. 21 Κόπ[ρ]εῖοι, v. 24—Οἰναῖοι, v. 33—Ἐλ[τι]ούσιοι, затѣмъ слѣдуетъ триттія срединная, къ которой несомнѣнно принадлежатъ названные v. 36—Δεχέλεις; за ними названіе еще одного дима должно было находиться въ строкѣ 45 или 47 (если въ копіи Chandler'a не пропущено ни одной строки). Ученые восстанавливаютъ v. 47 [ἐ]ξ Ο[ἴ]ου, гдѣ Чандлеръ даетъ ΕΟΙΝΟΥ. Помѣщеніе на этомъ мѣстѣ Οἴου въ этой надписи значило бы, что Οἴον и Δεχέλεια находились въ одной триттіи, что противорѣчитъ выводу, къ которому мы при-

шли относительно Οἶον Леонтиды. Но по счастію восстановление Бека, принятое и Келеромъ, не такъ прочно, чтобы ради его должно было рухнуть наше построение третій: ΕΟΙΝΟΥ можетъ заключать въ себѣ имя отца одного изъ діэтитовъ ¹⁾, тогда какъ имя дима мы можемъ восстановить нѣсколько выше въ стр. 45, гдѣ Чандлеръ читалъ .. ΦΙΔ .., мы же предлагаемъ [Σ]Φ[ΕΝ]Δ[ΑΔΕΙΣ]—название дима, встрѣчающееся, правда, кажется, всего одинъ разъ въ надписяхъ (С. I. A., III, 1122), но упоминаемое уже Геродотомъ (IX 15) и называемое какъ имя дима Иппоэонтиды Стефаномъ Византійскимъ (s. v.) ²⁾.

Итакъ димы Οἶον мы раздѣлили между двумя филами такимъ образомъ, что Οἶον Καραμαχόν отнесли къ третій VIIIa,—Δεκελεικόν къ третій IVc.; намъ приходится еще по этому поводу раздѣлаться съ Арпократиомъ или Діодоромъ. Вѣроятно, Діодоръ, переигитъ, писавшій περί τῶν δήμων, какъ полагаютъ, въ концѣ IV вѣка до Р. Хр., сообщалъ вѣрно о томъ, къ какой филѣ принадлежалъ какой димъ; и Арпократионъ если черпалъ изъ самого Діодора, хотя онъ и не приводитъ подлинныхъ словъ его, едва ли могъ такъ грубо ошибиться. Но легко себѣ представить, что въ текстѣ лексикона Арпократиона при перепискѣ явилась въ именахъ собственныхъ ошибка, благоприятствуемая сходствомъ написанія ΤΟΜΕΝ[ΔΕ]ΚΕ[ΡΑΔ]ΔΕΙΚΟΝ въ одномъ мѣстѣ и ΤΟΔΕ[ΔΕ]ΚΕ[ΡΑΔ]ΔΕΙΚΟΝ въ другомъ,—ошибка, исправленная потомъ какимъ нибудь ученымъ читателемъ уже безъ надлежащей справки. Свида списалъ уже съ исправленнаго текста.

Итакъ димы Κοίλη, Κεφιάδα, Οἶον (Καραμαχόν), Πειραιεύς, Θυματάδα, Ἐρσιάδα, Κορυδαλλός составляли Пирейскую третію (то-есть, VIIIa); можетъ быть, сюда же должны быть присоединены еще какіе нибудь изъ димовъ Иппоэонтиды, для размѣщенія которыхъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, какъ Ἀζηνιά ³⁾, Ἀραζάντεια, Ἀμορώνη, Ἀναχαία ⁴⁾, Ἀβρίδα, Ἀχερδοῦς.

¹⁾ Чтобы на шаткомъ основаніи Чандлеровой копіи не навязывать греческому языку еще новое имя, мы предлагаемъ какъ болѣе подходящее къ тому, что находимъ у Чандлера, на примѣръ, ΕΥΘΥΝΟΥ.

²⁾ Относительно мѣстонахожденія этого дима вблизи Декелии см. *Leake*, I. c., p. 128.

³⁾ О томъ, что димъ Ἀζηνιά не находился на южной оконечности Аттики, см. выше.

⁴⁾ Δραγούρης (Καθολικός Ἀττικῆς δήμου: Ἀθήναιον X, p. 47 сл.) помѣщаетъ этотъ димъ къ сѣв. отъ Πατίσια, въ сѣверной части нижне-кионесской долины, въ

Но перейдемъ къ слѣдующей триттіи.

Триттія IXa: состояла, кажется, изъ одного только дыма Φάληρον. Димъ этотъ, представлявшій во времена Клизеена главную гавань Аѳинъ, былъ, вѣроятно, сравнительно сильно населенъ въ то время и занималъ значительное пространство какъ по берегу моря къ востоку отъ Пирея, такъ и въ глубь страны. Другіе дымы этой филы ¹⁾ всѣ распределяются въ окрестностяхъ Афідны и Мараэона: впрочемъ, относительно Θορυωίδαи это сомнительно. Димъ Κοχλαεῖς извѣстенъ намъ только изъ Исихіа и, кажется, всего одной надписи С. I. A., III, 1128.

Триттія IVa: изъ димовъ, которые приходится отнести къ этой триттіи, мы можемъ опредѣлить вполнѣ прочно только мѣстонахождение дыма Ἀλφειός, лежавшаго по Страбону къ востоку отъ Фалира, гдѣ и найдены въ Τράχονος и Χαράνι надгробная надпись и tesserae impositum трехъ лицъ, принадлежавшихъ къ этому диму ²⁾. Далѣе, димъ Σχαρβωνίδαи, въ послѣднее время относимый къ Θριάсійскую равнину, Лоллингъ попрежнему помѣщаетъ въ городскую область, и мы слѣдуемъ въ данномъ случаѣ этому ученому, хотя и принимаемъ изъ его доводовъ главнымъ образомъ одинъ: связь, которая установлена между дымами Σχαρβωνίδαи и Μελίτη мѣстомъ о Мирмикѣ и Мелитѣ ³⁾; въ Θριάсійскую равнину димъ филы Леонтиды никомъ образомъ не можетъ попасть. Можно согласиться приблизительно и съ тѣмъ, какое мѣсто отводитъ Лоллингъ подъ димъ Σχαρβωνίδαи: южная часть города отъ Иласса до юго-западной подошвы Акрополя, къ юго-востоку отъ Мелиты. Можетъ быть, димъ этотъ приходился еще южнѣе или

нѣмнѣйшей мѣстности Ἀνάχασι, производя ново-греческое названіе отъ древняго мѣстнаго Ἀνάχασι (С. I. A., III, 61, с. III, v. 80 sq.); другіе доводы его неубѣдительны, а одно сходство именъ не имѣетъ такого значенія, чтобы заставить насъ поинтересоваться этотъ димъ изолированнымъ отъ всѣхъ другихъ димовъ его филы.

¹⁾ Изъ списка димовъ Эантиды у Гельцера должны быть вычерпнуты Εὐφωμίαι и Παχάλη. То обстоятельство, что при имени одного изъ вѣбовъ въ надп. С. I. A., III, 1128, v. 71, названнаго въ группѣ Эантиды (какъ III 1202—Θεσμυ), стоитъ Εὐφω(ομαίος), не можетъ служить доказательствомъ, что хотя бы въ то время димъ этотъ принадлежалъ къ названной филѣ; Παχάλιος, принятое Россомъ безъ всякаго основанія за обозначеніе дыма Аѳинскаго, встрѣчается только на надгробной надписи С. I. A., II, 3258 (Ross, l. c., № 147), отнесеніе же этого предполагаемаго дыма къ филѣ Эантиды основывалось на обломкѣ списка филы Эантиды 'Εφῆρ. 1943, который въ новомъ изданіи С. I. A., II, 1018 никакихъ слѣдовъ бываемаго дыма не заключаетъ.

²⁾ *Mullenhoffers, Sitzungsber.*, 1887, p. 47.

³⁾ Разборъ спорнаго вопроса о Σχαρβωνίδαи см. у Лоллинга, l. c., p. 308 (3).

юго-восточнѣе, но во всякомъ случаѣ въ этихъ двухъ димахъ мы имѣемъ два крайнихъ пункта городской триттіи Леонтиды, которая простиралась такимъ образомъ отъ города въ юго-восточномъ направленіи до моря, подобно тому какъ Пирейская триттіа — въ юго-западномъ: между обѣими оставались на сѣверѣ триттіа VIIа (съ Мелитой), на югѣ триттіа IXа (Фалнръ).

Другіе димы этой триттіи опредѣляются, намъ кажется, вполне точно изъ надписей, къ которымъ мы прибѣгали уже для рѣшенія вопроса объ Οἶον. Надписи С. I. A. II 864 и 991 перечисляютъ эти димы вполне согласно, опять подкрѣпляя значеніе одна другой. С. I. A. II 991, col. II, v. 9—14 мы имѣемъ:

Δεωντίδο[ς]
 Σχαμβωνί[δα]
 Δευχονό[η]
 Ποταμός
 Ποταμός
 Κ]ητός

Въ строкѣ 15 Россу еще видны были слѣды буквъ, которыя онъ принялъ за ΟΔΥΜ, считая однако возможнымъ, что на камнѣ стояло [‘Α]λ[ι]μ[οῦς] — названіе дима, которое тутъ, по нашему мнѣнію, очень кстати. Въ надписи С. I. A. II 864, въ которой, какъ мы замѣтили выше, каждый изъ трехъ столбцевъ, по всей вѣроятности, заключаетъ въ себѣ всѣ димы каждой триттіи, въ первомъ столбцѣ имѣемъ: v. 3 — Κ]ητός, v. 9 — ‘Αλ]ιμ[οῦς], v. 16 — Ποτάμιοι καθύ[περθευ], v. 21 — Π]οτάμιοι ὑ[π]έρ[ε]ν[ε]ρθευ, v. 24 — Σ]χαμβωνίδα, v. 31 — Δ]ευχονοιῆς, v. 38 — Χολ]λητίδα. Димы, перечисленные въ одномъ случаѣ между Σχαμβωνίδα и [‘Α]λ[ι]μ[οῦς], въ другомъ случаѣ въ одномъ столбцѣ съ ними, мы считаемъ принадлежащими къ одной съ ними триттіи. При этомъ насъ не смущаетъ, что между ними мы находимъ и димъ Ποταμός, каковой, какъ мы знаемъ изъ Страбона (IX, 1, 22), находился въ южной оконечности Аттики вблизи дима Θορικός и удобно можетъ быть соединенъ съ димомъ Σοόνιον въ береговую триттію той же филы. Но для этого дима мы имѣемъ въ своемъ мѣстѣ еще разъ рубрику Ποτάμιοι (col. II, v. 35), а въ обломкѣ подобной этой надписи (Mittheil. X, p. 105) точнѣе — Ποτάμιοι Δ]εραδιώται (col. II, v. 13) въ одномъ столбцѣ съ Σοονίης и Δεραδιώται. Келеръ (Mitth. X) всѣ эти три группы Ποτάμιοι считаетъ образовавшимися изъ раздѣленія одного дима на три части, изъ которыхъ третья соединена

была съ частью дима Δειράδες и такимъ образомъ образовала отдѣльный димъ. Но димы, происшедшіе изъ раздѣленія одного дима на нижній и верхній (ὀπέρερθευ и χαθόπερθευ), всегда называются въ надписяхъ рядомъ ¹⁾; дѣленіе же дима на три части, какое предполагаетъ Келеръ для этого сравнительно маленькаго дима, не встрѣчается. Здѣсь въ обѣихъ надписяхъ (С. I. A. II 864 и Mitth. X, p. 105) предполагаемыя части одного дима названы въ разныхъ мѣстахъ ²⁾, очевидно, не случайно и не по недосмотру или небрежности, а потому, что это не были смежныя части одного дима, а два различныхъ, находившихся въ разныхъ мѣстахъ дима, изъ которыхъ первый дѣлился на двѣ части, а второй носилъ въ отличіе отъ перваго названіе (не официальное) по сосѣднему диму. Потаміос названіе мѣстечекъ, весьма распространенное въ Греціи и въ настоящее время, и если въ Атикѣ было по два дима съ именами Αλαί, Εἰτέα, Ἐροιάδα, Οἰνότη, Οἶον, Φηγαία (и еще Φηγοῦς), три Κολωνοί ³⁾, то нѣтъ ничего удивительнаго, что было и два Потаміοί въ разныхъ мѣстахъ Атики; только эти послѣдніе случайно оказались въ одной филѣ, принадлежа къ разнымъ округамъ, что весьма просто объясняется распредѣленіемъ округовъ (trittēi) между филлами жребіемъ, который могъ каждую пару димовъ, носящихъ одинаковое названіе, назначить въ одну и ту же филлу. По срединѣ между Аонинами и Τράχονας протекаетъ около деревни Μπράχων, направляясь изъ холмистой мѣстности къ западу отъ Имитта къ морю, довольно сильный ручей, по теченію котораго и могли помѣщаться оба дима Потаміос χαθόπερθευ и Π. ὀπέρερθευ. Димъ Κηττός также удобно можетъ помѣститься въ этой холмистой мѣстности среди мѣстностей съ названіями Ἰμηττός, Ἀρδηττός, Λοχαβηττός.

¹⁾ Исключеніе составляетъ, кажется, только С. I. A. II 872: v. 24—Ἀγκυλῆθευ, v. 26 — Διομαίης, v. 28 — Ἀγκυλῆθευ.

²⁾ Что и въ надписи Mitth. X p. 105 Потаміοί названы были и въ I-омъ столбцѣ, гдѣ имена димовъ теперь не читаются, слѣдуетъ прямо изъ того, что с. II, v. 13 — они названы еще особымъ именемъ, очевидно, въ отличіе отъ названныхъ раньше.

³⁾ Всѣ эти названія ἀπὸ τῶν τόπων; только значеніе слова Ἐροιάδα не вполне ясно. Существованіе въ Атикѣ другихъ димовъ, которые, нося одно названіе, принадлежали бы въ одно или въ разное время разнымъ филламъ, пока нельзя доказать; въ спискѣ Гельцера такихъ повторяющихся димовъ много, но основанія для предположенія, что это были отдѣльные димы, или димы, раздѣленные между двумя разными филлами или перенесенные изъ одной филлы въ другую (конечно, кромѣ случаевъ, когда создавались новыя филлы),—очень слабыя.

Наконецъ, группа димовъ, которую мы опредѣлили какъ треттiю городскаго округа Леонтиды, сохраняется неразрываемою въ слѣдующихъ надписяхъ, представляющихъ обломки списковъ по димамъ неизвѣстнаго назначенiя: С. I. A., II, 1001 (подрядъ) v. 4 — Κήτιοι, v. 8 — Λεοχονο[ι]αῖς, v. 14 — Χολλεῖδα, v. 20 — Σκαμβωνίδαι; II 1028 (по восстановленiю Келера; надпись известна только по плохой копiи Fourmont'a): v. 7. Ποτάμ[ιοι], v. 10 — [Χολ]λεῖδα[ι], v. 16 — Ἀλιμοῦ[ιοι]; въ надписи II, 943 имѣемъ рядомъ col. II, v. 24: Λεοχονοῖς и v. 26 Χολλεῖδα, отдѣленные отъ Σκαμβωνίδα (col. III, v. 12); а въ спискѣ клируховъ II, 960 группа димовъ Σκαμβωνίδα (v. 4), Λεοχονο[αῖς] (v. 6), Κήτιοι (v. 10) прерывается димомъ срединной треттiи Αἰθαλί[δα] (v. 8).

Треттiя Ia:— ея положенiе опредѣляется положенiемъ двойнаго дима Ἀγρολή (καθόκρθευ и ὑπέκρθευ), который и составлялъ ея главную часть. Этотъ димъ, или, вѣрнѣе, нижнiй изъ этихъ двухъ димовъ лежалъ по недопускающему сомнѣнiя свидѣтельству — Арнокраціонъ п. сл. Ἀρδηττός—за Илиссомъ въ востоку отъ города; еще восточнѣе въ сторону Имитта, вѣроятно, помѣщался и димъ καθόκρθευ Ἀγρολή. Какъ мы видѣли уже изъ надписи С. I. A., III, 61 A col. III, v. 21 слл. димъ Ἀγρολή соприкасался съ димомъ Ἀγχολή треттiи IIa, и такимъ образомъ треттiя Ia получаетъ опредѣленное мѣсто: къ востоку отъ города до Имитта между треттiями IXa на юго-западѣ и IIa на сѣверѣ. Изъ остальныхъ димовъ Эрехоенды, кажется, еще только одинъ Θημακός принадлежалъ къ треттiи городскаго округа. Этотъ же послѣднiй, какъ можно заключать изъ факта, что тамъ нѣкогда столичные жители потѣшались мистерiями (Андокидъ, I, 17), находился, вѣроятно, вблизи города ¹⁾.

Надписей, содержащихъ списки филы Эрехоенды по димамъ, почти не имѣется, и имѣющiяся не даютъ ничего для треттiи городскаго округа: большинство димовъ этой филы приходилось, кажется, на береговую треттiю. Въ надписи № 991, col. I стерлась какъ разъ часть, содержавшая, вѣроятно, димы этой треттiи: v. 7 — [Δάμλ]ρα: — начинается уже рядъ димовъ береговой треттiи.

Треттiя Xa: занимала сѣверо-восточнiй уголъ городскаго округа. Изъ ея димовъ мы знаемъ опять только одинъ димъ Ἀλωπεκή въ

¹⁾ Дальнѣйшіе выводы изъ указаннаго мѣста Андокида для опредѣленiя мѣстонахожденiя дима Θημακός, которые дѣлаетъ *Напгiот* (l. c., p. 69), не имѣютъ основанiя.

нынешней мѣстности 'Αρκελοχῆτοι въ недалекомъ разстояніи къ сѣверо-востоку отъ города, въ расширеніи долины Иласса между Ликавиттомъ и Турко-вуни; отсюда область триттіи могла распространяться на сѣверъ къ выходу долины между Турко-вуни и Имиттомъ, на востокъ по предхолміямъ Имитта и отчасти на западъ по узкой и короткой долинѣ между Турко-вуни и Ликавиттомъ, съ юга она граничитъ съ областью триттіи IIa. Но мы не имѣемъ другихъ димовъ, которые бы могли размѣститься здѣсь; ибо, кромѣ 'Αλωπεκῆ, всѣ димы Антиохиды, сколько нибудь извѣстные намъ изъ до-римскаго времени, отчасти уже со временъ Лика и Росса прочно помѣщены въ мѣстностяхъ, которыя мы отведемъ подъ береговую и срединную триттіи этой филы, отчасти на основаніи соединеннаго ствидѣтельства надписей С. I. A., II, 944 и II, 869 должны быть отнесены туда же. Остаются такимъ образомъ только нѣсколько димовъ, встрѣчающихся, кажется, исключительно въ надписяхъ римскаго времени: 'Εργαδεῖς, Δευχοπόρα (Δευχοπόη), Φορρινῆσιοι¹⁾.

Такимъ образомъ мы заполнили теперь участками, отведенными подъ десять городскихъ триттіей, приблизительно все пространство, опредѣленное нами выше какъ городской округъ—τὰ περὶ τὸ ἄστυ. Только на западѣ мы колебались, отнести ли намъ еще къ этому округу димъ Οἶη, и вслѣдствіе этого граница округа осталась неопредѣленною; и на сѣверо-западѣ намъ не удастся вполне опредѣлить димы

¹⁾ Δευχοπόρα называется Исхией (с. в.), въ надп. С. I. A., III, 1121, v. 11—ΛΕΥΚΟΠ, въ другихъ случаяхъ: III, 1121, v. 80, 1147, v. 84 сл. 1163, v. 105 — ΛΕΥΚ или ΛΕΥΚΟ. Диттенбергеръ во всѣхъ этихъ случаяхъ читаетъ Δευχο(νοῦς), то-же возстановляетъ онъ и въ надп. III, 1034, v. 33, гдѣ, однако, читаемы здѣсь буквы . . . ΛΕΥ. . . могутъ обозначать и многое другое. Мы полагаемъ, что разъ мы имѣемъ для филы Антиохиды особый димъ Δευχοπόρα, нѣтъ надобности переносить въ нее димъ другой филы (Леонтиды)—Δευχοπόη. Исхиейское Δείκων, не встрѣчающееся нигдѣ болѣе, и ΔΕ. . . надписи С. I. A., III, 1138, можетъ быть, получились отъ ошибокъ въ томъ же самомъ названіи дима Δευχοπόρα. Мы видимъ теперь, что ни одинъ изъ трехъ димовъ съ именемъ Κολωνός (Эгенды, Леонтиды и Антиохиды) не можетъ быть помѣщенъ въ средину города и отожествленъ съ Κολωνός ἀγοραῖος, который, по нашему мнѣнію, согласно съ Доллигомъ, р. 306 (3), и нѣкоторыми другими, есть тотъ самый холмъ, гдѣ стоитъ такъ называемый Θῦρσειον: Κολωνός Эгенды долженъ быть помѣщенъ на Κολωνός Ἴκκιος остальные же два дима этого имени не принадлежали къ городской триттіи, а если бы и принадлежали, то городскія триттіи обвѣхъ филъ не доходили до центра города. Потому мы согласны съ мнѣніемъ Ваксмута, что Κολωνός: Ἀγοραῖος не былъ особымъ димомъ (*Wachsm.*, I. с., р. 329).

и даже ту изъ двухъ третій, къ которой принадлежали эти димы, занимавшіе здѣсь область городского округа вплоть до границы съ срединной полосой, наиболее подходящей, по нашему мнѣнію, къ географическимъ условіямъ мѣстности. Въ другихъ случаяхъ пробѣлы являются внутри округа между третіями или въ предѣлахъ третій; но они не настолько важны, чтобы подвергнуть значительному колебанію предложенныя нами приблизительныя границы третій. Для заполненія пробѣловъ придется въ нѣкоторыхъ случаяхъ расширить границы димовъ до соприкосновенія ихъ между собою, въ другихъ случаяхъ можно еще ожидать, что остающіеся въ запасъ нѣкоторые вовсе неопредѣлимые пока димы со временемъ найдутъ здѣсь свои мѣста. Но замѣчательно, что какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы знаемъ для цѣлой третіи всего одинъ димъ, мы почти не имѣемъ и запаса изъ этихъ неопредѣлимыхъ пока топографически димовъ, какъ для тр. Ia, IIIa, IXa, Xa. Вообще замѣчается несоразмѣрность третій, какъ по числу димовъ, такъ и по величинѣ территоріи, занимаемой третіей; кромѣ того, замѣчаемъ въ образованіи третій не стремленіе соединить въ одно димы, лежащіе вокругъ одного центра а связать окраины округа съ центральными димами. Установивъ это какъ фактъ относительно третій городского округа, димы котораго намъ лучше извѣстны и при томъ расположены на болѣе тѣсномъ пространствѣ, мы приступимъ къ изслѣдованію третій другихъ округовъ или полосъ, уже нѣсколько вооруженные и подготовленные.

Р. Леперъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ФОТІЮ.

Патріархъ Фотій, въ своихъ эксцерптахъ изъ 9-й книги сочиненія Арріана „τὰ μετ' Ἀλέξανδρον“, сообщаетъ, что Антипатръ, осенью 321 г., послѣ собранія вождей въ Трипарадисѣ, назначилъ въ число тѣлохранителей Филиппа Арридэя, между прочимъ, Автолика, сына Агаокла: σωματοφύλακας δὲ τοῦ βασιλέως Αὐτόλοχόν τε, τὸν Ἀγαθοκλέους παῖδα... ἀπέφηνε ! *Photii Bibliotheca ex rec. Imm. Bekkeri*, Berlin, 1824, I, p. 72a 14. Ср. *Droysen, Geschichte der Diadochen*², Gotha, 1878, стр. 147). Между тѣмъ, одна оропская надпись (Ἐφημ. ἀρχαιολογική, 1885, σελ. 102, № 3) содержитъ слѣдующее посвященіе царя Лисимаха Амфіараю: Βασιλεὺς Λυσίμαχος Ἀδαΐαν τὴν Αὐτοδίκου τοῦ ἀδελφοῦ γυναῖκα ἀρετῆς ἔνεχεν καὶ εὐνοίας τῆς εἰς αὐτόν Ἀμφιάρῳ. Такъ какъ названный здѣсь царь Лисимахъ Θρακίϊскій былъ также сыномъ Агаокла, братомъ Автодика (Ср. *Droysen*, ук. соч., стр. 147, прим. 1), то въ текстѣ Фотія слѣдуетъ читать Αὐτόδικον вмѣсто Αὐτόλοχον.

С. Ж.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ТИРТЕЯ.

(Переводъ съ греческаго).

Увѣщанія.

1.

Славно вѣдь жизнь потерять, среди воиновъ доблестныхъ павши,
Храброму мужу въ бою изъ-за отчизны своей!
Градъ-же родной и цвѣтушія нивы покинувъ, быть нищимъ—
Это, напротивъ, удѣлъ всѣхъ тяжелѣйшій другихъ.
Съ матерью милой, съ отцомъ старикомъ на чужбинѣ блуждаетъ
Съ малыми дѣтками трусь и съ молодою женой;
Будеть онъ жить ненавистнымъ среди тѣхъ, у кого пріютится,
Тяжкой гонимый нуждой и роковой нищетой;
Родъ онъ позоритъ и видъ свой цвѣтушій стыдомъ покрываетъ,
Бѣды, безчестье летятъ всюду за нимъ по слѣдамъ!
Если же, вправду, ни теплой заботы не встрѣтитъ скиталецъ,
Ни уваженія, стыда, иль состраданья въ нуждѣ, —
Будемъ за родину храбро стоять и, дѣтей защищая,
Ляжемъ костью, не щадя жизни въ отважномъ бою!
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примѣромъ
Бѣгства постыднаго иль трусости жалкой другимъ,
Но сохраняйте въ груди всегда духъ удалой и могучій
И не жалѣйте души, выйдя съ врагами на бой!
Не покидайте старѣйшихъ, у коихъ ужъ слабы колѣна,
И не бѣгите, предавъ старцевъ на жертву врагамъ:
Страшный позоръ вамъ, когда среди воиновъ первыхъ упавшій
Старецъ лежитъ впереди юныхъ лѣтами бойцовъ,
Старецъ съ главою уже убѣленной, съ сѣдой бородою,
Полный отваги еще духъ испуская въ пыли,

Кровью облитые члены руками прикрыть не забывши, —
 Стыдно и страшно глядѣть глазу на этотъ позоръ, —
 Безъ одѣянья на тѣлѣ. А юношѣ все вѣдь пристойно,
 Если онъ доблестный цвѣтъ юности нѣжной хранить:
 Видомъ онъ дивенъ мужамъ, пока живъ, и плѣнителенъ женамъ,
 Если-жъ падеть средь бойцовъ, — чудной сіяетъ красой!
 Пусть же, широко шагнувъ, стоитъ каждый на мѣстѣ, ногами
 Въ землю сильнѣй упершись, губы зубами прижавъ!

2.

Такъ какъ вы всѣ—необорнаго въ битвахъ Иракла потомки,
 Будьте бодры, еще Зевсъ не отвратился отъ насъ!
 Вражескихъ полчищъ огромныхъ не бойтесь, не вѣдайте страха,
 Каждый пусть держитъ свой щитъ прямо межъ первыхъ бойцовъ,
 Жизнь ненавистной считая, а мрачныхъ посланницъ кончины —
 Столько же милыми, сколь милы намъ солнца лучи!
 Вы вѣдь искусны въ ужасныхъ дѣлахъ многословнаго Марса,
 Вѣдома вамъ хорошо ярость тяжелой войны,
 Юноши, часто выдали вы и бѣглецовъ, и гонящихъ,
 Зрѣлищемъ тѣмъ и другимъ вдоволь насытились вы!
 Тѣ вѣдь, которые, крѣпко ставъ другъ подлѣ друга, держатъ
 Въ бой рукопашный вступать между переднихъ бойцовъ,
 Въ меньшемъ числѣ погибаютъ, а сзади стоящихъ спасаютъ,
 Трусовъ же жалкихъ на вѣкъ гибнетъ вся доблесть тотчасъ.
 Нѣтъ никого, кто бы могъ до конца разказать всѣ мученья,
 Что достаются въ удѣлъ трусу, стажавшему стыдъ:
 Трудно вѣдь честному воину сзади ударъ нанести въ спину
 Мужа, бѣгущаго вспять съ поля кровавой войны;
 Стыдъ и позоръ возбуждаетъ мертвецъ, среди праха лежащій,
 Въ спину пронзенный насквозъ сзади копья остриемъ!
 Пусть же, широко шагнувъ, стоитъ каждый на мѣстѣ, ногами
 Въ землю сильнѣй упершись, губы зубами прижавъ,
 Бедра и голени снизу и грудь свою вмѣстѣ съ плечами
 Выпуклыми кругомъ щита, крѣпкаго мѣдью ¹⁾, прикрывъ;
 Правой рукою пусть онъ потрясаетъ могучую пику,
 Грозный колебля султанъ шлема поверкъ головы,
 Пусть среди подвиговъ мощныхъ онъ учится ратному дѣлу

¹⁾ Въ подлинникѣ: широкаго. Этотъ шитетъ не удалось ввести въ раздѣръ.

И со щитомъ не стоитъ внѣ пролетающихъ стрѣлъ,
 Но пусть идетъ въ рукопашную схватку и, длинною пикой
 Или мечомъ нанося раны, врага поразить!
 Ногу съ ногою поставивъ и щитъ о щитъ опирая,
 Грозный султанъ—объ султанъ, шлемъ—объ товарища шлемъ,
 Плотно сомкнувшисьъ грудь съ грудью, пусть борется каждый съ врагами,
 Стиснувъ рукою копье, или меча рукоять.
 Вы же, гимнеты ¹⁾, то тамъ, то здѣсь подъ щиты принадаю,
 Вдругъ осыпайте враговъ градомъ огромныхъ камней,
 Или мечите въ нихъ гладкіе дротики, стоя поближе
 Къ волнамъ тѣмъ, что идутъ во всеоружьѣ на бой!

3.

Я не считаю ни памяти, ни уваженія достойнымъ
 Мужа за ногъ быстроту или за силу въ борьбѣ,
 Хоть бы онъ даже былъ равенъ циклопамъ и ростомъ, и силой,
 Или еракійскій Борей въ бѣгѣ ему уступалъ,
 Хоть бы онъ даже былъ видомъ прелестнѣй красавца Тисеона ²⁾
 Или богатствомъ своимъ Мида съ Киниромъ ³⁾ затмилъ,
 Хоть бы онъ царственнѣй былъ и Танталова сына Пелопя
 Или Адрастовъ языкъ сладкорѣчивый имѣлъ ⁴⁾,
 Хоть бы онъ всякую славу стяжалъ, кромѣ доблестной силы
 (Ибо не выказалъ онъ храбрость свою на войнѣ), —
 Если не будетъ онъ смѣло стоять въ виду свѣчи кровавой
 И устремляться впередъ, въ бой рукопашный съ врагомъ:
 Эта вотъ доблесть, этотъ вотъ подвигъ для юнаго мужа
 Лучше, прекраснѣе всѣхъ прочихъ похвалъ средъ людей!
 Общее благо народу всему и родимому граду
 Мужъ тотъ даетъ, что стоитъ въ битвѣ межъ первыхъ бойцовъ
 Крѣпости полный, о бѣгствѣ-жъ постыдномъ и думать забудеть,
 Жизнь и могучій свой духъ выставивъ смѣло на рискъ,

¹⁾ Легковооруженные.

²⁾ Тисеонъ, сынъ Лаомедонта, по мнѣческому преданію, былъ такъ красивъ, что возбудилъ къ себѣ любовь богини Зари и былъ похищенъ ею.

³⁾ Мидъ (Midas)—известный мнѣческій царь Фригійи, получившій отъ Діониса даръ превращать все въ золото. Киниръ — мнѣческій царь Киликии, славившійся богатствами.

⁴⁾ Мнѣческій герой Адрастъ, подобно Нестору, славился краснорѣчіемъ.

И ободряетъ словами отважными въ строѣ сосѣда:
 Вотъ какой мужъ на войнѣ доблестью славенъ всегда!
 Сразу бѣжать принуждаетъ онъ грозныя вражьи фаланги,
 Вмигъ умиряетъ одинъ бурную сѣчи волну!
 Если онъ жизни лишится, средь воиновъ доблестныхъ павши,
 Городъ, народъ и отца доброю славой покрывъ,
 Многія раны спереди въ грудь получивши сквозь панцырь
 Или сквозь выпуклый щитъ, всюду пробитый копьемъ, —
 Плачутъ по немъ одинаково юные люди и старцы,
 Градъ весь родной удрученъ тяжкою скорбью по немъ,
 Славятся всюду могила его средь народа и дѣти,
 Дѣти дѣтей и весь родъ славой покрыты на вѣкъ.
 И никогда его добрая слава и имя не гибнетъ:
 Въ царствѣ подземномъ живя, будетъ безсмертенъ тотъ мужъ,
 Коего сгубить ужасный Арей среди подвиговъ ратныхъ
 Въ храбромъ бою за дѣтей и за родную страну.
 Если-жъ удастся ему избѣжать усыпляющей смерти
 И, побѣдивши враговъ, ратную славу стяжать, —
 Старцы его уважаютъ и юноши, и наслажденій
 Полную чашу испивъ, въ мрачный Аидъ онъ идетъ;
 Тихо старѣясь, онъ славится между согражданъ; никто не дерзаетъ
 Чести или праву его скольконибудь повредить;
 Всюду въ собраньяхъ общественныхъ юноши, сверстники, старцы
 Всѣ другъ предъ другомъ спѣшатъ мѣсто ему уступить.
 Этой-то именно доблести высшихъ предѣловъ достигнуть
 Всякъ да стремится душой, не избѣгая войны!

Маршевая пѣснь.

Впередъ, о сыны отцовъ-гражданъ
 Мужами прославленной Спарты!
 Щитъ лѣвой рукой выставляйте,
 Копьемъ потрясайте отважно
 И жизни своей не щадите:
 Вѣдь то не въ обычаяхъ Спарты!

В. Л.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ БІОНА СМІРНСКАГО.

(Переводъ съ греческаго).

1 (fr. VI Ahrens).

Пѣсенки если мои хороши, то и тѣми одиѣми
Славенъ я буду, которая прежде внушила мнѣ Муза;
Если-жъ не сладки онѣ, то къ чему мнѣ стараться о большемъ?

2 (fr. VII).

Еслибы намъ даровали двойное время для жизни
Или Кронидъ или Мира превратная, чтобъ проводили
Часть мы въ весельѣ и радостяхъ, часть же труду посвящали,
То, потрудившись, возможно бы было потомъ наслаждаться;
Если же боги для жизни одинъ лишь назначили людямъ
Срокъ, да при томъ же короткій и слишкомъ для дѣлъ тѣхъ
ничтожный,
Кои въ трудахъ непрестанныхъ, несчастные, мы совершаемъ,
Долго-ль мы будемъ къ користи презрѣнной и всякимъ искус-
ствамъ
Душу свою прилагать въ постоянной погонѣ за счастьемъ?
Иль позабыли мы всѣ, что смертными мы родились
И что отъ Мира короткое время въ удѣлъ получили?

3 (fr. VIII).

Музы Эрота, жестокаго бога, ничуть не боятся,
Любятъ его всей душой и за нимъ по пятамъ послѣждаютъ.
Если захочетъ кто либо, ниѣя суровую душу,
Пѣсни слагать, то бѣгутъ отъ того и учить не желаютъ;

Если-жъ кто сладко поеть, всѣмъ сердцемъ предавшись Эроту,
 Быстро всѣ притекають къ такому пѣвцу Піериды.
 Самъ я свидѣтель, что истинно слово то всѣмъ въ этомъ мірѣ:
 Если безсмертнаго пѣть мнѣ много или смертнаго люблю,
 Сразу коснѣеть языкъ и ужъ пѣснь не поется, какъ прежде;
 Если-жъ опять что нибудь про Ликида ли, или Эрота
 Я запою, то изъ устъ моихъ весело пѣсенка льется.

4 (fr. IX).

Ученіе Эрота.

Въ сонномъ видѣннѣ великая мнѣ предстала Киприда,
 Чудной рукою веда малютку Эрота, головкой
 Въ землю поникшаго скромно, и слово такое сказала:
 „Милый пастухъ, возьми ты и пѣть научи мнѣ Эрота!“
 Молвила такъ мнѣ и скрылася. Я, неразумный, пастушьимъ
 Пѣснямъ учить сталъ Эрота, какъ будто желавшаго знать ихъ:
 Панъ какъ свирѣль изобрѣлъ и звонкую флейту Аѳина,
 Какъ черепаху ¹⁾ Гермесъ, Аполлонъ какъ сладилъ кнеару.
 Вотъ я чему обучалъ. Но Эроть, моимъ пѣснямъ не внимля,
 Самъ мнѣ любовныя пѣсенки пѣлъ и училъ меня славить
 Страсти безсмертныхъ и смертныхъ и матери милой дѣянья.
 Слушая ихъ, я забылъ все, чему попытался Эрота
 Выучить, пѣсни-жъ любовныя перенилъ всѣ у малютки.

5 (fr. X).

Къ Весперу.

Весперь, о свѣтъ золотой Афроденіи всѣми любимой,
 Весперь любезный, краса священная ночи лазурной,
 Столько-жъ слабѣйшій Луны, на сколько звѣздочекъ большій,
 Радуйся, другъ, и меня, къ пастушку выходящаго съ пѣсней,
 вмѣсто луны озаряй своимъ свѣтомъ,—она вѣдь сегодня
 Вновь и рано сошла съ небосклона: не красть же я вышелъ
 И не хочу запоздалому путнику строить засаду,
 Но любовью горю, а влюбленному помощь прекрасна.

¹⁾ По мнѣніямъ сказаніямъ, Гермесъ, найдя черепаху, убилъ ее, патнулъ на щитъ ея струны и устроилъ лиру; поэтому слово „черепаха“ (χαλώνη, χελύς) у греческихъ поэтовъ иногда употребляется для обозначенія лиры.

6 (fr. XII).

Птицеловъ и Эрота.

Разъ птицеловъ, еще мальчикъ, въ обильной деревьями рощѣ
 Ловлю птицекъ занявшись, крылатаго видитъ Эрота,
 Смирно на буковой сѣвшаго вѣткѣ; его запримѣтивъ,
 Съ радостью мальчикъ (онъ принялъ Эрота за птицу большую)
 Всѣ свои прутки вяжетъ другъ съ другомъ какъ можно по-
 крѣпче

И обставляетъ Эрота, порхавшаго съ вѣтки на вѣтку.
 Но неудача постигла затѣю; вотъ въ горѣ малютка,
 Бросивъ силки, прибѣжалъ къ старику-земледѣльцу, который
 Птичекъ ловивъ его обучилъ, разказалъ про затѣю
 И указалъ на сѣдѣвшаго близко Эрота; но старецъ
 Съ тихой улыбкой головой покачалъ и отвѣтилъ малюткѣ:
 „Брось ты охоту свою, не лови этой птицы коварной,
 Дальше бѣги: то презлое созданіе! счастливъ ты будешь,
 Если его не поймашь! Когда ты ужъ станешь женщиной,
 Тотъ, кто теперь отъ тебя улетаетъ, по собственной волѣ
 Вдругъ прилетитъ и къ тебѣ на головушку буйную садеть!“

7 (fr. XIII).

Къ Афродитѣ.

Нѣжная Кипра богиня, рожденная Зевсомъ и моремъ,
 Гнѣвомъ такимъ на безсмертныхъ и смертныхъ за что ты
 пылаешь?
 Мало сказалъ я: за что ты самой себѣ столь ненавистна,
 Что породила Эрота, столь страшное зло всему міру,
 Дикаго, съ сердцемъ любви недоступнымъ, съ умомъ злохудож-
 нымъ?
 Иль для чего ты крылатымъ его создала стрѣловержцемъ,
 Чтобъ не смогли мы его избѣгать, столь жестокаго бога?

8 (fr. XVII).

Разговоръ о временахъ года.

Клеодамъ.

Осень, о Мирсонъ, тебѣ, иль зима, иль весна, или лѣто
 Пѣ сердцу больше? Какого ты времени ждешь съ нетерпѣньемъ?

Лѣта-ль, когда мы плоды всѣхъ трудовъ своихъ видимъ?
Осени-ль сладкой, въ которую голодъ намъ, людямъ, не страшенъ?
Или зимы, для работъ неудобной? И въ зимнюю пору
Многіе сладкимъ досугомъ вѣдь тѣшатся, грѣясь у печки.
Или весна тебѣ больше пріятна? Скажи, твое сердце
Что избираетъ? Вѣдь намъ поболтать на досугѣ возможно.

Мирсонъ.

Божьи дѣла, Клеодамъ, намъ смертнымъ судить не пристало:
Всѣ они святы и съ радостью нами должны приниматься.
Но, тебя ради, скажу я, что мнѣ всего больше пріятно.
Лѣта желать не могу я: тогда меня солнышко жарить;
Осени тоже: плоды она вредные намъ производить;
Страшной зимы, приносящей снѣга и морозы, боюсь я;
Чудной весенней порой я желалъ бы весь годъ наслаждаться,
Въ кою ни холодъ, ни солнышко знойное насъ не тревожатъ;
Все прорастаетъ весной, все сладкое зрѣетъ весной,
Ночи тогда всѣ равны у людей, одинаковы зори.

В. Л.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ МОСХА СИРАКУЗСКАГО.

Похищеніе Европы.

(Переводъ съ греческаго. Текстъ: *Vicolicozum Graccorum Theocriti Bionis Moschi reliquiae...* гес. *H. L. Ahrens*. Ed. 2. Lipsiae. 1887).

1. Нѣкогда сонъ ниспослала пріятный Европѣ Киприда,
Ночи когда наступаетъ часть третья, предъ самой зарей,
Сонъ когда меда сладчайшій на вѣжды къ людямъ слетаетъ
И, свобода отъ заботъ, смыкаетъ ихъ нѣжною цѣпью,
5. Сбыччивыхъ сновъ когда быстрые носятся сонмы повсюду.
Въ часъ тотъ уснувшая сладко въ хоромахъ съ высокою кровлей,
Дочь Финнiкiйской земли повелителя, дѣва Европа
Видѣла, какъ за нее двѣ части вселенной боролись,
Азія съ той, что напротивъ лежитъ, подобныя женамъ:
10. Видъ чужестранки нѣла одна, а другая туземкѣ
Видомъ подобна была и за дѣву свою заступалась,
Той говоря, что ее родила и сама воскормила.
Мощной рукою соперница дѣву къ себѣ увлекала,—
Впрочемъ не противъ желанья ея,— утверждая, что рока
15. Волей Европа дана ей отъ Зевса-эгидодержавца.
Въ страхѣ Европа воспріянула съ пышноубранныго ложа
Съ бьющимся сердцемъ: какъ на яву ей предстало видѣнье.
Сидя, молчаніе долго она сохраняла, обвѣхъ
Женѣ предъ очами широко-раскрытыми все еще видя.
20. Долго спустя уже дѣвушка робкое слово сказала:
„Кто изъ небесныхъ боговъ ниспослалъ миѣ такое явленье?
„Что за видѣнье меня пробудило, на пышноубранномъ
„Ложѣ уснувшую сладко въ богатыхъ отцовскихъ чертогахъ?

- „Кто была та чужеземка, что мнѣ въ сновидѣніяхъ явилась?
 25. „Что за любовь въ мое сердце проникла, да какъ благосклонно
 „Та и сама приняла меня и какъ бы дочь созеркала!
 „Но да исполнять мнѣ боги блаженные сонъ сей во благо!“
 Молвивши такъ, она встала и склѣкала милыхъ подружекъ,
 Сверстницъ сердечно любимыхъ, дочерей отцовъ благородныхъ,
 30. Коихъ всегда созывала, когда хороводъ учреждала,
 Иль омывала прелестное тѣло струями рѣчными,
 Иль на прекрасномъ лугу лилеи душисты срывала.
 Всѣ онѣ тотчасъ явились; была у каждой кошница
 Для собиранья цвѣтовъ. Всѣ подружки тутъ двинулись вмѣстѣ
 35. Къ лугу прибрежному, гдѣ завсегда собирались толпою,
 Ровъ красотой наслаждаясь и шумомъ прибоя морскаго.
 Дѣва-жъ Европа сама золотую имѣла кошницу,
 Чудо для взора, великое бога Ифеста созданье;
 Ливіа далъ онъ ее, когда къ Посидону на ложе
 40. Шла она; дщери любезной, красавицѣ Тилефаассѣ,
 Ливіа ту подарила кошницу, а дѣвѣ Европѣ
 Мать ея Тилефаасса преславный даръ уступила.
 Много на ней украшеній блестящихъ искусной рукою
 Создано было: золотая Іо, дочь Инаха, была тамъ
 45. Въ видѣ телицы еще, а не въ образѣ женскомъ: скиталась,
 Двигалась быстро ногами она по соленой пучинѣ
 Моря, подбно плывущей. Изъ стали было то море.
 Окрестъ на брегѣ высокомъ обрывистомъ мужи стояли
 Тѣсною толпою, дивясь на телицу, плывущую въ морѣ.
 50. Былъ тамъ изваянъ и Зевсъ, прикасавшійся тихо руками
 Къ дщери Инаха, которую у семиушнаго Нила
 Изъ круторогой телицы онъ снова содѣлалъ женою.
 Нила струи изъ сребра были вылиты, желтой телица
 Мѣдью покрыта была, а самъ Зевсъ былъ изваянъ изъ золота.
 55. Подъ вѣнцомъ, огибавшимъ искусной работы кошницу,
 Ермій былъ виденъ, вблизи же лежалъ на землѣ распростертый
 Аргосъ, очами всегда неусыпными сразу замѣтный.
 Птаца изъ крови его возникала багровою, окрасомъ
 Крылъ многоцвѣтнымъ сіявшая; выплывши, какъ быстроходный
 60. Нѣкій корабль, обнимала она край кошницы крылами.
 Такъ роскошна была у прекрасной Европы кошница,
 Диво, которому равнаго смертный художникъ не создалъ.

- Вотъ, когда прибыли дѣвы съ Европой къ цвѣтистому лугу,
 Всякими стали онѣ услаждать свое сердце цвѣтами:
65. Та благовоный срывала нарциссъ, а другая фіалку,
 Та гіацинтъ или тминъ; молодые побѣги обильно
 Землю весной утучненнаго луга собой покрывали.
 Тамъ и шафрана подобнаго злату душистыя кудри
 Рвали онѣ, межъ собой соревнуя. Среди ихъ царевна.
70. Ручками равшая пышноцвѣтуція алыя розы,
 Такъ отличалась красою, какъ между Харитъ Афродита.
 Но не надолго судьбой ей дано было тѣшить цвѣтами
 Сердце свое и хравить нерушимымъ дѣвическій поясъ:
 Чуть лишь увидѣлъ Кроноиъ ее, какъ жестокою страстью
75. Къ ней воспылалъ, стрѣлами нежданнами въ сердце сраженный
 Кипра богини, которая можетъ и Зевса осилить.
 Вотъ онѣ, и гнѣва супруги ревнивой избѣгнуть стараясь,
 И обмануть пожелавъ непорочное сердце дѣвицы,
 Образъ скрылъ божіи и, видъ измѣнивши, въ быка превратился;
80. Но не такому подобенъ онъ былъ, какой кормится въ стойлѣ,
 Или, изогнутый плугъ волоча, разсѣкаетъ имъ землю,
 Или какой среди стада пасется, иль, выю подъ игомъ
 Долу склонивши, телѣгу влечетъ, нагруженную тяжко.
 Прочее тѣло его было свѣтлою, рыжею шерстью покрыто,
85. А средь чела блисталъ кружокъ серебрястный, подъ комъ
 Свѣтлыя очи горячею страстью любовной сверкали;
 Равные между собою рога на главѣ поднимались,
 Словно отрѣзки рогатой луны молодой полукруга.
- Вотъ онѣ явился на лугъ и своимъ приближеньемъ нисколько
90. Юныхъ дѣвъ не смутилъ; овладѣло желаніе всѣми
 Ближе идти и погладить быка-красавца, который
 Благоуханьемъ безсмертнымъ своимъ затмевалъ даже луга
 Запахъ пріятный. Онѣ сталъ впереди безпорочной Европы,
 Шейку ея полизалъ и доврчиво ластился къ дѣвѣ.
95. Гладить Европа быка, изобильную пѣну руками
 Съ губъ его мягкихъ стираетъ тихонько и съ лаской цѣлуетъ.
 Нѣжно тутъ быкъ замычалъ: ты сказалъ бы, пожалуй, что сладкій
 Звукъ тебѣ слышится флейты Мигдонской, пріятно поющей.
 Передъ Европой склонилъ онѣ колѣна, ей въ очи, взирая,
100. Шею согнулъ и указывалъ ей на широкую спину.
 Тутъ пышнокосимъ подругамъ промолвила дѣва Европа:

- „Ближе, подружки любезныя, сверстницы! Сядемъ на этомъ
 „Миломъ быкѣ, порѣзвися! Вѣдь онъ всѣхъ насъ, безъ сомнѣнья,
 „На спину пустить къ себѣ. Поглядите, какъ ласково смотритъ,
 105. „Какъ онъ спокоенъ и нѣженъ на видѣ. Совсѣмъ онъ на прочихъ
 „Буйныхъ быковъ не похожъ. Такъ и кажется, что человѣчьимъ
 „Разумомъ онъ одаренъ и лишъ рѣчи ему не хватаетъ“.
 Молвила такъ и къ быку на хребетъ она сѣла съ улыбкой,
 Прочія-жъ медлили. Тѣмчасъ, желанную дѣву похитивъ,
 110. На ноги быкъ поднялся и къ берегу быстро повесся.
 Взадъ обернувшись, Европа звала своихъ милыхъ подружекъ,
 Руки къ нимъ простирая, но тѣ не могли ужъ настичуть.
 Въ морѣ вступивши, впередъ онъ помчался, подобно дельфину
 И по огромнымъ волнамъ ступалъ, чуть касаясь копытомъ.
 115. Въ часъ, когда шествовалъ онъ, пріутихло широкое море,
 Звѣри морскіе рѣзались кругомъ передъ Зевса ногами,
 Весело изъ глубины черезъ волны скакали дельфины,
 Всплыли наверхъ Нирейды изъ бездны шумящей и, сидя
 На спивахъ у чудовищъ морскихъ, чередою всѣ плыли.
 120. Самъ надъ пучиною тяжкошумящей Земли колыбатель,
 Волны равняя трезубцемъ своимъ, по морской велъ дорогѣ
 Брата любезнаго; вокругъ же его собирався Тритоны,
 Тяжкогремящіе бездны широкой морской музыканты,
 Брачныя пѣсни играя на трубахъ изъ раковинъ длинныхъ.
 125. Сидя межъ тѣмъ на спинѣ быка-Зевса, прелестная дѣва
 Ручкой одною держалась за рогъ его длинный, другою
 Складки собирала наряда багрянаго, чтобъ не мочили
 Ихъ, поднимая, моря сѣдаго безбрежныя воды.
 Пеплосъ Европы широкій, вѣтрами надувшись, какъ парусъ
 130. На кораблѣ быстроходномъ, поддерживалъ дѣву въ движеніи.
 Вотъ, какъ она уносила все дальше отъ милой отчизны,
 И не видѣлись ни берегъ шумливый, ни горы кругля,
 Воздухъ одинъ былъ кругомъ, а внизу безпредѣльное море,
 Взоромъ вокругъ все окинувши, слово промолвила дѣва:
 135. „Милый мой быкъ, куда ты несешь меня? Какъ ты по труднымъ
 „Моря путямъ ногами проходишь и водной пучины
 „Вовсе не трусишь? Вѣдь по морю лишъ кораблямъ быстроходнымъ
 „Двигаться можно, быки же морской дороги боятся.
 „Гдѣ для тебя здѣсь питье? Иль какая ѣда тебѣ въ морѣ?
 140. „Ты ужъ не богъ ли? Богомъ лишъ прилично ты совершаешь.

- „Вѣдь ни дельфины, живущіе въ морѣ, не ходять по сушѣ,
 „Ни по морямъ быки бурнымъ; а ты и по сушѣ, и въ морѣ
 „Мчишься безстрашно, и служатъ тебѣ вмѣсто веселъ копыта.
 „Можно подумать, что ты и въ воздушныя снiя выси
 145. „Быстро взовьешься и будешь летать быстрокрылою птицей.
 „О, увя мнѣ несчастной, которая, отчій покинувъ
 „Домъ и на этомъ быкѣ унесшисъ далеко, по чуждымъ
 „Плаваю моря пучинамъ и такъ одиноко скитаюсь.
 „Ты, о владыка моря сѣдаго, Земли колебатель,
 150. „Милостивъ будь мнѣ: тебя вѣдь я, кажется, спереди вижу, —
 „Это движеніе быка направляешь ты, путь указуя.
 „Вѣдь не безъ божеской воли по влажнымъ путямъ я скитаюсь.“
 Молвила слово Европа, и быкъ круторогій отвѣтилъ:
 „Будь спокойна, о дѣва, не бойся морской ты пучины!
 155. „Я не иной кто, какъ Зевсъ, хотъ вблизи и быкомъ представляюсь:
 „Я вѣдь могу кѣмъ угодно являться, кѣмъ самъ пожелаю.
 „Страстью къ тебѣ я подвигнуть великое море ногами
 „Вмѣрять въ видѣ семъ странномъ. А нынѣ Критъ тебя приметъ
 „Островъ, на коемъ я вскормленъ и самъ; здѣсь и брачный чер-
 тогъ твой
 160. „Будеть, и здѣсь отъ меня ты сыновъ родишь знаменитыхъ,
 „Комъ царями, держащими скипетры, будутъ у смертныхъ“.
 Такъ онъ сказалъ, и свершилося все, что сказалъ онъ. Ужъ виденъ
 Критъ былъ; опять здѣсь Кроніонъ свой образъ воспринялъ и дѣвъ
 Помсъ ея разрѣшилъ; ему ложе устроили Орн.
165. Пренная дѣва тотчасъ стала Зевса женой новобрачной.

В. Л.

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-СЕМЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(ноябрь и декабрь 1891 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (27-го сентября 1891 года). О расходѣ на пособія учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ	8
2. (27-го сентября 1891 года). О передачѣ пожертвованнаго почетнымъ инокордемъ Олекминскаго округа С. И. Идельгинимъ капитала въ пользу Якутской женской прогимназій но присвоеніи сему капиталу особаго наименованія	4
3. (5-го октября 1891 года). О переводѣ изъ Оренбургской гимназій въ Уральское реальное училище 12 стипендій, назначенныхъ для дѣтей киргизовъ Уральской области	—
4. (8-го октября 1891 года). Объ учрежденіи общества школьныхъ дачъ для С.-Петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній	27
5. (9-го октября 1891 года). Объ учрежденіи двухъ стипендій при Мозырской мужской прогимназій	—
6. (9-го октября 1891 года). О зачетѣ надзирательницамъ городскихъ женскихъ училищъ юго-западнаго края въ срокъ заслуги на пенсію времени службы до Высочайшаго повелѣнія 20-го августа 1889 г.	28
7. (9-го октября 1891 года). Объ учрежденіи при С.-Петербургскомъ Владимірскомъ городскомъ училищѣ стипендій на проценты съ капитала, пожертвованнаго обществомъ вспоможенія прикащикамъ и сидѣльцамъ въ С.-Петербургѣ	—

8. (14-го октября 1891 года). Обь учрежденіи при женскихъ училищахъ Дерптскаго учебнаго округа должности председателей педагогическихъ совѣтовъ.	28
9. (14-го октября 1891 года). О преобразованіи попечительнаго совѣта Владивостокскаго женскаго училища.	29
10. (21-го октября 1891 года). Обь учрежденіи при Вятскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ двухъ стипендій на проценты съ капитала, пожертвованнаго присяжнымъ повѣреннымъ Н. Кошеченю.	30
11. (28-го октября 1891 года). Обь учрежденіи, въ память избавленія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича отъ угрожавшей Его Высочеству въ Японіи опасности, десяти стипендій въ мужскихъ гимназіяхъ г. Москвы	—

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

(16-го іюля 1891 года № 8)	31
(8-го августа 1891 года № 9).	32
(30-го августа 1891 года № 10)	33

ВЫСОЧАЙШИЯ НАГРАДЫ 33

ПРИКАЗЫ Г. УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

9-го октября 1891 года.	28
---------------------------------	----

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (23-го августа 1891 года). Положеніе о стипендіи имени генерал-адъютанта князя Левана Ивановича Меликова при Тифлисской 1-й мужской гимназіи	5
2. (9-го сентября 1891 года). Положеніе о стипендіи имени протоіерея Іоанна Ильича Сергіева при Кронштадтской мужской гимназіи.	6
3. (24-го сентября 1891 года). Положеніе о стипендіяхъ тайнаго совѣтника Эдуарда Васильевича Лерхе при Боровичскомъ, Крестецкомъ и Устюженскомъ городскихъ училищахъ	7
5. (6-го октября 1891 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о мѣрахъ вспомошествованія наиболѣе нуждающимся учащимъ и учащимся въ начальныхъ училищахъ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая	9
6. (10-го октября 1891 года). Правила о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ три тысячи рублей, пожертвованнаго вдовою коллежскаго секретаря Маргаритою Константиновною Десницкою и заключающагося	

въ трехъ облигаціяхъ третьяго 4%, внутренняго займа за №№ 634.061, 634.061 и 634.071 по 1.000 рублей каждая	11
7. (15-го октября 1891 года). Положеніе о стипендіи при С.-Петербургомъ Владиміромъ городскомъ училищѣ въ память избавленія Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича отъ грозившей опасности въ городѣ Отсу, въ Японіи, 29-го апрѣля 1891 года.	12

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: <i>Г. В. Бяловъ</i> . „Іерусалимъ и Св. Земля. Путешествіе холмскихъ паломниковъ ко гробу Господню. Изданіе 2-е“	18
О книжкѣ: <i>Сергій Мечъ</i> . „Гренландія. Географическій очеркъ страны и разсказъ о путешествіи Ф. Нансена“	—
О книгѣ: „Систематическій сборникъ арифметическихъ примѣровъ и задачъ. Часть III. Дроби. Составилъ <i>Ф. В. Гедѣ</i> “	—
О книгѣ: „Православно-христіанское нравственное богословіе, составленное <i>Александромъ Покуровскимъ</i> “	—
О книгѣ: „Русско-латинскій словарь. Составилъ <i>В. Муссолюсъ</i> “	—
О книгѣ: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Томъ II. <i>В. Мартыновскаго</i> . Изданіе 2-е“	—
О книгѣ: „Исторія русской словесности. Составилъ <i>А. Галазовъ</i> . Изданіе 7-е“	—
О книгѣ: „Русская литература XIX вѣка. Составилъ <i>Евгеній Гаршинъ</i> . Томъ I, выпускъ I“	—
О книгѣ: „Практическій краткій учебникъ латинскаго синтаксиса. Составилъ <i>Ив. Виноградовъ</i> . Часть I и II“	19
О книгѣ: „Этимологія греческаго языка. Составили <i>Николай Операнскій</i> и <i>Владиміръ Аптегровъ</i> “	—
О книгѣ: „И. И. Неплюевъ, вѣрный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургскаго края. Біографическій очеркъ. Составилъ <i>В. Н. Витевскій</i> “	—
О книгѣ: „Филологъ Васильевичъ Рудаковъ, педагогъ-дѣятель въ Восточной и Западной Сибирѣ“	—
(1) книжкѣ: „Грамматическія таблицы нѣмецкаго языка. Часть II. Синтаксисъ. Составилъ <i>Фердинандъ Мей</i> “	—
О книгѣ: „Русская просодія. I. <i>Шарловскаго</i> “	—
О книгѣ: Геометрія и собраніе геометрическихъ задачъ. Составилъ <i>А. Малининъ</i> и <i>Ф. Елоровъ</i> . Изданіе 2-е“	—
О книгѣ: <i>П. Н. Андреевъ</i> . „Геодезія. Составлено согласно программѣ, утвержденной г. министромъ путей сообщенія 4-го апрѣля 1888 года	20
О книгѣ: „Сборникъ арифметическихъ задачъ. Составили <i>А. Арбузовъ</i> , <i>А. Мининъ</i> , <i>В. Мининъ</i> и <i>Д. Назаровъ</i> . Изд. 5-е“	—
О книгѣ: „Начальный учебникъ физики и химіи. Составили <i>А. Л. Корольковъ</i> и <i>П. Т. Матюшенко</i> “	—

О книгахъ: 1) „Греческая грамматика гимназическаго курса. Часть I. Этимологія. Изданіе 7-е“, и 2) „Краткое руководство къ греческому синтаксису. Составилъ 9. Черный. Изданіе 3-е“	20
О книгѣ: „Начальная греческая христоматія. Составилъ 9. Черный. Часть I. Изданіе 2-е“	21
О книгѣ: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Томъ I. Изданіе 4-е. В. Мартиновскаго“	34
О книгѣ: „Первая латинская книга для трехъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Изданіе 2-е. Составилъ М. Каммерлингъ. Часть I, II. Словарь“	—
О книгѣ: „Сборникъ греческихъ и русскихъ примѣровъ для упражненія въ греческой этимологіи. Составилъ по Везиеру М. Григоровскій. Изданіе 2-е“	—
О книгѣ: „Die Kunst in den Athos-Klöstern von Heinrich Brockhaus“	—
О книгѣ: „Рѣчь Цицерона о назначеніи Гвель Помпея полководцемъ. Объяснилъ А. Гофманъ. Изданіе 4-е“	—
О книгѣ: „Грамматика церковно-славянскаго языка новаго періода. Составилъ К. Кузьминъ. Изданіе 2-е“	—
О книгахъ 9. И. Булакови: 1) „Наши художники на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія. Томъ I (А—К). Томъ II (Л—Я.)“, 2) „Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Томъ I“	35
О книгѣ: „Образцы архитектурныхъ деталей. Архитектора М. Шеремискаго“	—
О книгѣ: „Учебникъ по русской грамматикѣ. I. Этимологія.—II. Синтаксисъ. Составилъ Вьлоруссовъ“	—
О таблицахъ XII и XIII для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей, съ объяснительнымъ текстомъ подъ заглавіемъ: Греческій театр. Составилъ и издалъ Степанъ Пьбульскій“	—
О книгѣ: „Генералиссимусъ князь Суворовъ. А Петрушевскаго“	—
О книгѣ: „Теорія Гаусса примененная къ сферическимъ зеркаламъ профессоромъ Ж. Гагарпе“	—
О книгѣ: „Die neue deutsche Sprachunterricht Methode und Lehrbuch von F Mittelsteiner. Изданіе 2-е“	36
О книгѣ: „Kurzgefasste deutsche Grammatik für mittlere Lehranstalten in Russland und zum Privatunterricht. Составилъ А. Троимскій“	—

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: Г. Демуръ. „Концентрическая геометрія. (1-й и 2-й концентры). Составлена примѣнительно къ программѣ городскихъ училищъ по положенію 31-го мая 1872 года“	21
Объ изданныхъ книгопродавцемъ Мартиновымъ сочиненіяхъ П. Р. Фурмана: 1) „Наталья Борисовна Долгорукова. Повѣсть“ и 2) „Петръ“	—

Ждановъ, московскій купецъ. Историческій разказъ изъ событій отечественной войны 1812 года	21
О книгѣ: „Бережь и трудъ. Очерки политической экономіи (по М. Блоку). Н. А. Тизенгаузена. Изданіе 2-е“	—
О книгѣ: „Какъ устривать сады при народныхъ школахъ? Составилъ И. И. Мецкерскій“	—
О книгѣ: „Руководство къ изученію кройки и шитья дамскихъ и дѣтскихъ платьевъ. Составлено Августиною Адольфовною Базаровою“	—
О брошюрахъ составленныхъ К. Дмитриевымъ: 1) „Полевое хозяйство съ посѣвомъ кормовыхъ травъ, картофеля и свеклы“, 2) „Выборъ посѣвныхъ сѣмянъ, обсмѣненіе полей, уборка хлѣбовъ и вымолоть ихъ“, 3) „Обработка земли къ яровымъ посѣвамъ“, 4) „Какъ и чѣмъ удобряютъ землю въ хозяйствѣ съ зерновыми посѣвами, безъ посѣва въ погѣ клевера“, 5) „Удобреніе и обработка пароваго поля“, 6) „Луговые покосы и какъ ихъ улучшить“, 7) „Земледѣльческія орудія, молотилки и вѣялки“ 8) „Тульская денежная зерносушилка“, 9) „Молочный скотъ и уходъ за нимъ“, 10) „Переработка молока въ масло и сыр“	22
Объ издаваемомъ въ С.-Петербургѣ Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ ежемѣсячнаго журнала „Русскій Пчеловод“ ный листокъ“ подъ редакціей С. П. фонъГлазена	—
Объ изданіи А. М. Калмыковой: „Педагогическій календарь на 1891—1892 годъ. Составилъ В. А. Воскресенскій“	—
О книгѣ А. Павлова: „Практическій курсъ краткой грамматики церковно-славянскаго языка новаго періода“	—
О книгѣ: „Сборникъ ариметическихъ задачъ. Составилъ Д. Поповъ“	—
О книгѣ: „Систематическое руководство по ручному труду. Составилъ К. Цируль и Н. Касаткинъ“	—
О книгахъ составленныхъ П. И. Барминиковымъ: „Русская хрестоматія. Часть I, II, III, IV, V и VI“	23
О книгѣ: „Къ столѣтію Козьмодемьянскаго городского училища. Историческая записка объ училищѣ. 1791—1890 г. Составилъ В. Рабинскій“	36
Объ изданныхъ М. Герасимовымъ Календаряхъ для учителей городскихъ, уѣздныхъ и сельскихъ училищъ на 1890—1891 учебный годъ	—
О книгѣ С. Ширкевичъ: „Церковно-славянскій словарь. Изданіе 2-е“	37
Официальныя извѣщенія	23 и 37
Открытіе училищъ	24 и 37

ОТДѢЛЪ НАУБЪ.

Г. Е. Аванасьевъ. Условія хлѣбной торговли во Франціи въ концѣ XVIII вѣка (Нэккеръ и де-Калоннъ)	1 и 247
Н. Н. Оглобинъ. Чго такое „десятина“?	40
М. Н. Бережковъ. Планъ завоеванія Крыма, составленный Юриемъ Крижаничемъ (окончаніе)	65

А. Д. Липовскій. Исторія греко-болгарской борьбы въ X—XI вв.	120
В. М. Изергянъ. „Предъсловіе покаянію“	142
Д. П. Размусенъ. Къ статьѣ „О глагольныхъ временахъ и объ отношеніи ихъ къ видамъ въ русскомъ, вѣмецкомъ и французскомъ языкахъ“	185
Е. Б. Рѣдинъ. Рукописи съ византійскими миниатюрами въ бібліотекахъ Венеціи, Милана и Флоренціи	209
И. П. Филевичъ. Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе	318
М. С. Куторга. Изъ не изданныхъ сочиненій профессора М. С. Куторги (<i>продолженіе</i>)	343

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. В. Оксеновъ. <i>Барсуковъ, И. Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій по его письмамъ, официальнымъ документамъ, разказахъ современниковъ и печатнымъ источникамъ.</i> Москва. 1891.	191
П. В. Везобразовъ. <i>L. Mabillon. Zwei Wiener Handschriften des Johannes Skylitzes.</i> Breslau. 1890.	280
В. В—скій. Наука исторіи русскаго права. Ея вспомогательныя знанія, источники и литература. Составилъ <i>Н. П. Загоскинъ.</i> Казань. 1891.	286
В. В. Латышевъ. Керченская христіанская катакомба 491 года. Исслѣдованіе <i>Юліана Кулаковскаго</i>	393
Е. Ф. Шмурло. <i>Д. А. Корсаковъ. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка.</i>	405
Книжныя новости	241 и 410

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

А. Ф. Соколовъ. Картины, какъ пособіе при преподаваніи географіи	1
Первый сѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ 1889—1890 годахъ	19

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Нео-филологическое общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ за 1890 годъ	1
Императорская Академія Наукъ	31
Наши учебныя заведенія: Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1890 году.	90
А. Ю. Гиршгорнъ. VII интернаціональный гигиеническій и демографическій конгрессъ въ Лондонѣ	112
Л. Д—ръ. Письмо изъ Парижа	21

К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Владиміръ Павловичъ Титовъ (<i>некрологъ</i>)	123
Д. А. Корсаковъ. Архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ) (<i>некрологъ</i>).	126

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Н. Н. Ланге. „Первая аналитика“ Аристотеля	33
Ө. Г. Мищенко. Общность имущества на Липарскихъ островахъ.	36
Р. Х. Леперъ. Къ вопросу о динахъ Аттики	54 и 65
С. Ж. Къ Фотию.	111
В. Л. Изъ стихотвореній Тиртэя.	112
В. Л. Изъ стихотвореній Смирнскаго	116
В. Л. Изъ стихотвореній Мосха Сиракузскаго	120

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Главная Физическая Обсерваторія доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что подписка на издаваемый ею ежедневный „МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЙ БЮЛЛЕТЕНЬ“ на 1892 годъ открыта и принимается въ Комитетъ Правленія Императорской Академіи Наукъ (въ зданіи Академіи, Васил. Остр., противъ Университета, въ С.-Петербургѣ), ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 11 ч. до 3 ч. дня.

Цѣна Бюллетеня на годъ, съ доставкою и пересылкою во всѣ города Имперіи *двѣнадцать* руб. (12 р.) съ пересылкою же за границу *восемнадцать* руб. 50 коп. (18 р. 50 к.).

С.-Петербургскимъ подписчикамъ Бюллетень будетъ доставляться вечеромъ въ самый день выхода.

БИБЛИОГРАФЪ

1892.

ИЗДАНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ

Годъ VIII.

(12 №№ въ годъ).

Учебнымъ Комит. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАТЬ для основн. библиотекъ всѣхъ среднихъ учебннхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ ОДОВРЕНЪ для приобритенія въ фундаментальна библиотекн духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Учебнаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основн. каталогѣ для офицерскихъ библиотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библиографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; исторія, теорія и практика книговѣдѣнія; библиотечное, издательское и книжоторговое дѣло прежде и теперь; хроника книговѣдѣнія. Вопросы и отвѣты.

Отд. 2-й (справочный). Отношеніе кни; гонечатанія: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ; 3) Россія (указатель иностранныхъ сочиненій о Россіи); 4) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 5) библиографическія извѣстія и объявленія.

Съ основанія „Библиографа“ въ немъ принимали участіе:

В. А. Алексѣевъ, Н. Ф. Анненскій, А. Н. Барбашевъ, проф. Н. Н. Барсовъ, Я. Ф. Березинъ-Шираевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Ф. Бодяновскій, С. Н. Брайловскій, С. К. Будичъ, П. В. Быковъ, Е. А. Бѣловъ, Н. Н. Вакуловскій, А. Васильевъ, К. П. Галлеръ, Н. В. Губерги, И. В. Дитровскій, В. Г. Дружининъ, проф. М. А. Дьяконовъ, I. I. Зингровскій, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ф. Козеко, И. А. Козеко, М. А. Кулетскій, проф. А. С. Лаио-Данилевскій, П. Ф. Леонтьевъ, И. А. Липинченко, Н. П. Лихачевъ, X. М. Лопаревъ, акад. Л. Н. Майковъ, А. I. Маловъ, В. И. Мажовъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, А. Е. Молчановъ, И. Я. Морозкинъ, П. Н. Оглоблинъ, проф. С. Ф. Платоновъ, П. И. Позняковъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташницкій, Ф. Л. Радловъ, А. Н. Савельевъ, А. А. Савичъ, А. Ф. Селивановъ, С. М. Серодонинъ, проф. А. И. Соболевскій, С. Л. Стенановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, Н. Ф. Токмаковъ, П. М. Устиновичъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шапкинъ, проф. Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

→ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ←

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за-границу 6 р.

отдѣльно номеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; 3/4 стран.—6 р. 50 к.; 1/2 стран.—4 р. 50 к.
1/4 стран.—2 р. 50 к.; 1/8 стран.—1 р. 50 к.

≡ О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСНА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени»—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гр. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: Спб., Забалканскій (Обуховскій) просп., д. 7, кв. 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полныя комплекты «Библиографа» за прошлое время съ 1886 г. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовую экземпляръ. Также выйдутъ въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1, 2 и 3. Ц. по 60 к. 2) Библиографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 коп. 3) Александръ Николаевичъ Стрѣвъ. I. Библиографическій указатель произведеній Стрѣва. II Библиографическій указатель литературы о Стрѣвѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 р. за вып. 4) Библиографич. списокъ литературныхъ трудовъ Е. Н. Востужева-Рюмина. Сост. П. А. Козеко. Ц. 75 коп.—Книгопродавцамъ обычная уступка. Редакторъ Н. М. Ансовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.
 НА ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ
„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1891 года въ «Русской Школѣ» напечатаны между прочимъ слѣд. статьи: 1) Страничка изъ исторіи воспитанія въ Россіи конца прошлаго вѣка. Изъ воспоминаній А. П. Степанова; 2) Изъ мнѣній школьныхъ воспоминаній А. А. Фета; 3) Забытый міръ (изъ пансіонскихъ воспоминаній), П. В. Засодимскаго; 4) Начальное образованіе и народныя училища въ Зап. Европѣ и въ Россіи въ XIX вѣкѣ. Н. Х. Весселя; 5) Импер. Марія Феодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ институтѣ. М. М. Радомской; 6) О мѣрахъ къ ограниченію распространенія заразныхъ болѣзней въ школахъ. Проф. Н. И. Быстрова; 7) Душа ребенка въ первые годы жизни. Проф. Н. Н. Ланге; 8) Механизмъ пиманія. Его-же; 9) Что такое общее образованіе? Проф. Н. И. Карцева; 10) Педагогическая и философская подготовка учителей среднихъ учебныхъ заведеній. М. М. Деміова; 11) Современныя французскія идеи о воспитаніи. П. Ф. Каптерева; 12) Картинки семейнаго воспитанія. А. И. Молотова; 13) Что такое дѣтская книга и дѣтскій журналъ и чѣмъ они должны быть. К. Н. Модзалевскаго; 14) Дѣти и птицы. Проф. Д. Н. Найгородова; 15) Отношеніе семьи и школы къ вопросу о ренетиторствѣ. М. И. Крыгина; 16) Къ вопросу объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій. Я. Г. Мора; 17) Къ вопросу о переутомленіи учащихся. С. А. Будавскаго; 18) Профессиональная школа и подъемъ отечественной промышленности. М. Л. Песковскаго; 19) Цѣль и средства преподаванія низшей математики. С. И. Шохоръ-Троцяго; 20) Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Проф. П. Ф. Лесгафта; 21) Преподаваніе географіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе и желательная постановка этого предмета въ нашихъ среднетручныхъ заведеніяхъ. А. М. Пуликовскаго; 22) Очерки частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи. Я. В. Абрамова; 23) Народное образованіе въ Московской губерніи. М. П. Бѣлоноснаго; 24) Народное образованіе въ Восточной Сибири. Его-же; 25) Къ вопросу о значеніи и задачахъ русской народной школы. А. М. Тютрюмова; 26) Специальныя практическія задачи русской народной школы. И. А. Фелисова; 27) Какія училища нужны для Петербурга. И. И. Сентъ-Иллера; 28) Къ вопросу о журналѣ для народа и народной школы. А. М. Калмыкова; 29) Къ вопросу о книгѣ въ жизни нашихъ дѣтей и юношества. (Разборъ девяти новыхъ книгъ для дѣтскаго чтенія). Ея-же.

Въ вышедшихъ книжкахъ помѣщены также рецензіи на педагогическія сочиненія брошюры и руководства, дано обзорѣніе нѣсколькихъ педагогическихъ журналовъ, иностранныхъ и русскихъ, за 1890 г., рядъ статей по хроникѣ школьной жизни въ Германіи и въ Россіи, и наконецъ, біографическій указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ съ 1-го ноября 1890 г. по 1-е іюня 1891 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголь Лиговки и Басейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, «Новаго Времени», а также и въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой. Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки—*шесть рублей* въ годъ; съ доставкою *шесть рублей пятьдесятъ копеекъ*; для иногородныхъ съ пересылкою — *семь рублей*. Гр. учителямъ и учителямъ сельскихъ и начальныхъ городскихъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ рубль уступки.

Въ «Русской Школѣ» принимаютъ участіе слѣд. лица: Я. В. Абрамовъ, М. Ф. Анненскій, М. А. Антоновичъ, В. Л. Бернштамъ, Н. И. Билябинъ, С. Н. Буличъ, И. П. Бѣлоноскій, проф. Н. И. Быстровъ, проф. В. Г. Васильевскій, П. И. Вейсбергъ, Н. Х. Вессель, Е. Н. Водозовова, В. А. Воскресенскій, Э. Б. Вуликъ, Е. М. Гаршинъ, В. П. Геннингъ, М. Ю. Гольдштейнъ, Н. Г. Дебольскій, М. И. Деміовъ, П. В. Засодимскій, проф. Д. Н. Найгородовъ, А. М. Калмыкова, П. Ф. Каптеревъ, проф. Н. И. Карцевъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, Я. И. Ковальскій, проф. Ю. А. Кулаковскій, проф. А. Н. Ланге, проф. П. Ф. Лесгафтъ, І. Э. Манделъштамъ, В. В. Михайловъ, К. Н. Модзалевскій, проф. В. И. Модестовъ, П. О. Морозовъ, Л. Е. Оболенскій, проф. Н. А. Осонинъ, А. Н. Острогорскій, В. П. Острогорскій, І. И. Паульсонъ, М. Л. Песковскій, проф. Н. И. Позняковъ, В. И. Роговъ, Д. Д. Семеновъ, В. Д. Сиповскій, К. И. Сентъ-Иллера, В. И. Резневскій, А. Н. Страннолюбскій, проф. А. С. Трачевскій, К. Ю. Циркуль, Вл. А. Шидловскій, проф. В. Д. Шидловскій, С. И. Шохоръ-Троцяго, проф. Эрксманъ и нѣкоторые другіе.

Редакторъ-издатель Я. Г. ГУРЕВИЧЪ.

1-го ДЕКАБРЯ вышла и разслана подписчикамъ XII-я книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Никита Панинъ и Мерсье де Ла-Ривьеръ, 1762—1767 гг. (Оконч.). Очеркъ проф. В. А. Вильбасова.—II. Императрица Екатерина II и доктор Веймардъ въ 1784—1789 гг. Очеркъ проф. А. Г. Брякнера.—III. Записки де-ла Флиза, доктора франц. имп. гвардіи, о походѣ въ Россію въ 1812 г. Переводъ съ франц. рукописи автора.—IV. Записки Федора Пантелеймоновича Печерина, 1737—1816 гг. Сообщ. А. В. Телесницкій.—V. Записки ректора и профессора императорской академіи художествъ В. Ив. Иордана, 1800—1803 гг. Главы XLIX—LIV. (Окончаніе).—VI. Дневникъ академика А. В. Никитенко, 1868 годъ.—VII. Изъ исторіи русско-французской дружбы. Переводъ съ нѣмецкаго.—VIII. Матеріалы, замѣтки и стихотв.: Пѣсня въ честь Александру I-го, 1801 г. — Генер. И. Т. Спизницъ. 1803 г.—Проф. В. С. Печерницъ.—В. И. Даль, его стихотв.—Игуменъ Дамаскинъ.—IX. „Русская Старина“ въ 1891 г.: 1. Обзоръ двѣнадцати книгъ.—2. Сотрудники, 1870—1891 гг.—3. Подписчики „Русской Старины“ въ 1891 г.—X. Библиографическій списокъ.

Приложеніе: I. Портретъ игумена Балаамскаго монастыря Дамаскина. † 1881 г. Гравировальн. на мѣди художникъ О. И. Иорданъ, гелиографурный снимокъ испол. въ Экспедиціи заготовл. госуд. бумагъ.—II. Указатель личныхъ именъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1891 г.

Открыта подписка на 1892 годъ.

Можно получить „Русскую Старину“ 1891 г. (Осталось 50 экз.).

Двадцать второй и третій годы изданія. Цѣна по 9 р. за годъ.

Подписка принимается въ магазинѣ А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, у Полицейскаго моста, (магазинъ бывшій Мелье), д. № 20. Иногородные обращаются въ книжный магазинъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» (Мих. Ив. Семевскаго), въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. № 7, кв. 2.

Тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя возобновятъ въ ДЕКАБРЬ по 24-е число подписку на «Русскую Старину» 1892 г., получать немедленно бесплатно, по ихъ выбору, экземпляръ третьяго ИЛИ четвертаго выпуска «Альбома гравированныхъ портретовъ». На доставку и пересылку Альбома какъ иногородные, такъ и городскіе подписчики имѣютъ прилагать три почтовыхъ марки (21 коп.).

Записки графа Эрнеста Миниха остались лишь въ весьма маломъ количествѣ и ихъ можно получать, съ 1-го декабря, только по цѣнѣ 2 р. 50 к. за экземпляръ.

Нижинный магазинъ М. И. Семевскаго (Сиб., Больш. Подъяческая, № 7) высылаетъ по требованіямъ, и съ наложеннымъ платежомъ, всѣ книги, о продажѣ которыхъ гдѣ-либо было публиковано.

Изд.-ред. Мих. Ив. Семевскій.

Изданя А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе тринадцатое, 1890 г., дополненное новыми статьями и рисунками. Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскія и народныя училища; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ славянскихъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Во второмъ изданіи одобрена Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ ОДНОКЛАССНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ“.

Съ вопросами для пересказа, задачами для письменныхъ работъ, рисунками и нотами для пѣнія двухъ голосовъ слѣд. пьесъ: 1) «Коль славенъ»; 2) «Слава на небѣ»; 3) «Слався, слався»; 4) «Боже, Царя храни». 1890 г.

Цѣна 45 коп.

Одобрена Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ въ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и внѣкласснаго чтенія.

„СОЛНЬШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе четвертое, дополненное, 1891 г. Во второмъ изданіи одобрена Учебнымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и внѣкласснаго чтенія; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Священной памяти въ Вовъ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

«ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ».

Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 35 коп.

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
□
1995**

